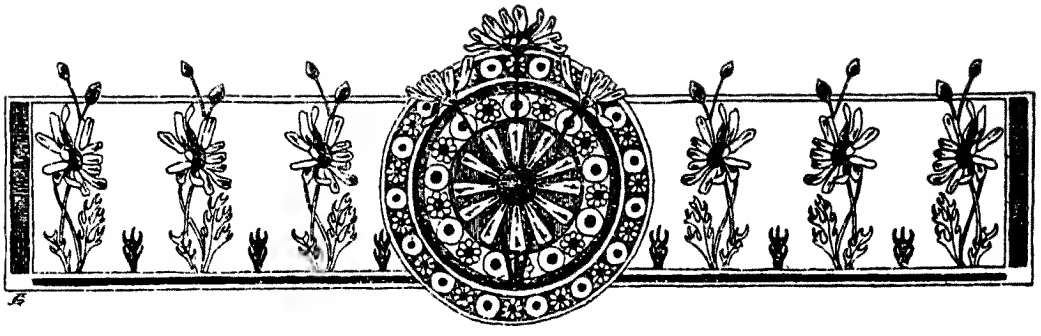
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ

ISBN 978-7218-10-X



День первый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІУСТИНА ФИЛОСОФА

Святый мученикъ Христовъ Іустинъ философъ родился въ Сиріи Палестинской, въ предѣлахъ Самаріи, въ городѣ, называвшемся первоначально *Сихемъ,* а впослѣдствіи[1]) *Неаполисъ Флавія*[2]). Отецъ его, по имени Прискъ, былъ знатный язычникъ; язычникомъ же былъ и самъ Іустинъ, пока не просвѣтился свѣтомъ святой вѣры. Одушевленный любовію къ истинѣ, съ юности имѣлъ онъ прилежаніе къ книжному ученію и благодаря острому уму успѣвалъ въ наукахъ, преподаваемыхъ въ греческихъ языческихъ школахъ. Усвоивъ себѣ искусство краснорѣчія, онъ почувствовалъ стремленіе къ философіи и сначала сдѣлался ученикомъ одного философа—стоика[3]), чтобы узнать, въ чемъ состояло ученіе стоиковъ. Іустинъ горѣлъ желаніемъ получить понятіе о Богѣ, но, пробывъ нѣсколько времени у стоическаго философа, онъ ничего не узналъ отъ него о Богѣ, такъ какъ стоикъ не зналъ Бога и ученіе о

---

1) По завоеваніи Палестины Римлянами (I в. по Р. Хр.).

2) Нынѣшній *Наблусъ*.

3) Основатель стоическаго ученія—Зенонъ (III в. до Р. Хр.); оно было по преимуществу практическимъ и имѣло цѣлью научить господству надъ страстями и равнодушію при всякихъ обстоятельствахъ жизни.

Немъ не считалъ нужнымъ. Тогда Іустинъ оставилъ этого учителя и пошелъ къ другому философу, изъ такъ называемыхъ перипатетиковъ[1]), считавшемуся мудрецомъ. Немного дней прошло, какъ этотъ философъ уже началъ сговариваться съ Іустиномъ о платѣ, не желая учить его даромъ. Видя сребролюбіе своего учителя, Іустинъ почувствовалъ къ нему презрѣніе — какъ къ лихоимцу и рѣшилъ, что этотъ учитель недостоинъ даже называться философомъ, такъ какъ ему неизвѣстно презрѣніе къ мірскому богатству. Отвергнувъ, по указаннымъ причинамъ, стоиковъ и перипатетиковъ, Іустинъ, побуждаемый неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ истинной философіи, приводящей къ познанію Бога, хотѣлъ было избрать своимъ учителемъ одного извѣстнаго философа—пиѳагорейца[2]). Тотъ нашелъ, что Іустину должно прежде всего изучать астрономію, геометрію, ариѳметику, музыку и нѣкоторыя другія науки — какъ необходимыя, по его мнѣнію, въ земной жизни. Но Іустинъ разсудилъ, что для изученія этихъ наукъ придется провести много лѣтъ, тогда какъ для души отъ нихъ не будетъ никакой пользы; не слыша и отъ этого учителя ничего, что удовлетворило бы желаніе его сердца, съ каждымъ днемъ все болѣе распаляющагося любовью божественною, Іустинъ также оставилъ его. Потомъ онъ обратился къ одному изъ платониковъ[3]), ученіе которыхъ въ тѣ времена было въ великой славѣ и уваженіи; платоническій философъ обѣщалъ научить его познанію предметовъ безтѣлесныхъ отъ подобія тѣлесныхъ, высшимъ знаніямъ отъ подобія низшихъ и разумѣнію Бога отъ разумѣнія идей,—ибо предполагаемымъ концомъ этого платоническаго ученія былъ переходъ отъ познанія идей къ разумѣнію Бога. Блаженный Іустинъ охотно склонился на такой путь, надѣясь постигнуть предметъ своихъ стремленій—божественную мудрость, дающую знаніе Бога и исполняющую благодатью Его. При учителѣ платоникѣ пробылъ онъ довольно времени, скоро изучилъ догматы и уставы Платона и достигъ совершенства и славы какъ еллинскій философъ. Но истиннаго христіанскаго Богопознанія достичь этимъ путемъ Іустинъ еще не могъ, ибо греческіе фи-

---

[1]) *Перипатетики* — послѣдователи Аристотеля (IV в. до Р. Хр.); они учили, что всякое познаніе беретъ начало изъ опыта.

[2]) Характеръ ученія Пиѳагора (V в. до Р. Хр.) виденъ изъ наставленій пиѳагорейца Іустину.

[3]) *Платонъ* (IV в. до Р. Хр.) признавалъ врожденными понятія о Богѣ, истинѣ и добрѣ, самостоятельность существованія души и т. п. Его ученіе ближе къ христіанскому, чѣмъ прочія древнія философскія ученія.

лософы, почитая нетлѣннаго Бога подъ тлѣннымъ образомъ людей, птицъ, четвероногихъ и гадовъ, прославляли Его не по достоинству. Все же Іустинъ имѣлъ нѣкоторое духовное утѣшеніе, упражняясь въ богомысліи и поучаясь Богопознанію, насколько могъ постигнуть его умъ, еще не просвѣщенный истиннымъ ученіемъ.

Сѣтый мѵ̑нкъ
ІѴСТІ҃Ѵ

Прогуливаясь однажды за городомъ на уединенномъ мѣстѣ вблизи моря и обсуждая въ умѣ различныя философскія ученія, Іустинъ увидѣлъ какого-то незнакомаго ему почтеннаго старца, убѣленнаго сѣдинами. Когда онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на старца, послѣдній сказалъ:

— Развѣ ты знаешь меня, что такъ внимательно на меня смотришь?

— Не знаю, — отвѣчалъ Іустинъ, — но мнѣ удивительно видѣть тебя въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ я не ожидалъ никого встрѣтить.

— Родные мои,— сказалъ старецъ,— ушли въ ту сторону; ожидая ихъ возвращенія, я вышелъ имъ навстрѣчу, чтобы издалека увидѣть ихъ. А ты здѣсь что̀ дѣлаешь?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Я люблю прогуливаться въ уединеніи, чтобы безпрепятственно размышлять о философіи.

— Какую же пользу пріобрѣтаешь ты отъ философіи? — спросилъ старецъ.

Іустинъ отвѣчалъ:

— Что можно найти полезнѣе философіи? Она—просвѣтительница ума, вождь и наставница всякому разсужденію, руководительница жизни; кто хорошо узнаетъ ее, тотъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ невѣжество и заблужденія другихъ; безъ философскаго ученія и правильнаго употребленія разума не можетъ существовать премудрость. Поэтому дол̀жно каждому человѣку поучаться философіи, дабы знать, что приноситъ пользу и что нѣтъ, чего слѣдуетъ держаться и что отвергать.

— Но приноситъ ли философія счастіе человѣку? — спросилъ старецъ.

Іустинъ отвѣчалъ:

— Конечно, приноситъ.

— Скажи же мнѣ, что такое философія и въ чемъ отъ нея счастіе?

— Философія, — отвѣчалъ Іустинъ, — есть разумѣніе всего существующаго и познаніе истины; въ обладаніи тѣмъ же разумѣніемъ и премудростью состоитъ и приносимое философіей счастіе.

Старецъ спросилъ:

— Если истина познается съ помощью правильнаго философскаго разумѣнія, то что скажешь ты о Богѣ?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Существо, никогда не измѣняющееся, но всегда пребывающее въ одномъ и томъ же состояніи, первопричина всякаго бытія — вотъ какъ мыслю я о Богѣ.

Старцу понравился этотъ отвѣтъ, и онъ продолжалъ вопросы:

— У всего существующаго есть ли одинъ общій разумъ? Вѣдь о свѣдущемъ въ какомъ-либо искусствѣ говорятъ, что онъ это искусство разумѣетъ: землемѣріе ли то, мореплаваніе или врачевство; не то же ли бываетъ и по отношенію къ прочимъ вещамъ божественнымъ и человѣческимъ? Еще скажи мнѣ: есть ли такой разумъ, отъ котораго исходитъ познаніе вещей какъ божественныхъ, такъ и человѣческихъ?

— Поистинѣ есть, — отвѣчалъ Іустинъ.

— Одно и то же ли: разумѣть Бога, или разумѣть музыку, ариѳметику, астрономію, или что-либо подобное?

— Отнюдь нѣтъ; иное дѣло разумѣть Бога, иное — знать какое-либо искусство.

— Ты хорошо отвѣчалъ, — сказалъ старецъ, — нѣкоторыя знанія получаются нами или отъ слуха и ученія, или отъ созерцанія предмета собственными глазами. Если бы, напримѣръ, кто сказалъ тебѣ, что въ Индіи водится такой-то звѣрь, не похожій ни на какихъ другихъ звѣрей, но совершенно, по своимъ разнообразнымъ свойствамъ, отличный отъ нихъ, — не видѣвъ его своими глазами, ты не могъ бы знать о немъ, а не слышавъ сначала самъ разсказа объ этомъ звѣрѣ, не могъ бы разсказать о немъ и другому. Вотъ теперь я и спрашиваю тебя: какъ ваши еллинскіе философы могутъ правильно разумѣть о Богѣ и утверждать о Немъ что-либо

истинное, если никогда не видѣли Его, не слышали и, слѣдовательно, не имѣютъ никакого познанія о Немъ?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Отче! Сила Божества зрится не тѣлесными очами, какъ разсматриваются человѣкомъ какія-либо земныя живыя существа, но однимъ лишь умомъ можно постигать Бога, какъ говоритъ Платонъ, ученію котораго я слѣдую.

Старецъ спросилъ:

— Нѣтъ ли въ умѣ нашемъ нѣкоей силы съ такими свойствами и настолько могущественной, посредствомъ которой мы могли бы скорѣе постигать невидимое, чѣмъ познаемъ тѣлесными чувствами какую-либо вещь?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Воистину есть такая сила; Платонъ называетъ ее окомъ ума, которое, по его ученію, дано человѣку съ тою цѣлью, чтобы, очищенное и просвѣщенное ученіемъ любомудрія, могло оно созерцать самую Божественную Истину — причину всѣхъ вещей, постигаемыхъ умомъ. Истина же эта не имѣетъ опредѣленнаго образа[1]) или какого-либо подобія, или возраста, или чего-либо доступнаго тѣлеснымъ очамъ, но есть Существо выше всѣхъ существъ, непостижимое, неисповѣдимое, соединеніе благости и красоты; самимъ же этимъ Существомъ отъ начала насаждено въ благородныхъ душахъ желаніе познавать Его, — ибо Оно любитъ, когда такія души Его познаютъ и созерцаютъ.

Старцу было пріятно слышать такія слова, но все же онъ не былъ вполнѣ доволенъ этимъ разсужденіемъ Іустина о Богѣ по ученію Платона — какъ несовершеннымъ по отсутствію христіанскаго исповѣданія и, не одобряя Платона, сказалъ:

— Если Платонъ такъ учитъ, какъ ты исповѣдуешь, то почему онъ самъ не позналъ и не постигъ Истины Божіей? Утверждая, что Богъ невидимъ и непостижимъ, онъ видимой твари, небу, звѣздамъ, деревьямъ и камнямъ, обтесаннымъ въ подобіе человѣческое, поклонялся какъ Самому Богу и, обращая въ ложь истину Божію, держался кумирослуженія и училъ тому другихъ. Я не думаю, чтобы Платонъ и прочіе еллинскіе философы обладали правильнымъ разумомъ, могущимъ достигать истиннаго Богопознанія: ѡ҃слѣпѣ́шасѧ помышле́нїи свои́ми, и҆ ѡ҃мрачи́сѧ неразу́мное и҆́хъ

[1]) Не ша́ры носа́щаѧ. *Шара* — краска, цвѣтъ.

сéрдце. Глаго́люще́ся бы́ти мⷭ́дри, ѡ́бѣ́родѣ́ша[1]). Словомъ, скажу такъ: умъ человѣческій, не наставленный Духомъ Святымъ и не просвѣщенный вѣрою, совершенно не въ состояніи познавать и разумѣть Бога.

Такъ и много подобнаго сему говорилъ старецъ о правомъ боговѣдѣніи, истинномъ богопочитаніи и о прочихъ божественныхъ вещахъ, обличая заблужденія еллинскихъ философовъ. Дивясь рѣчамъ старца, Іустинъ спросилъ:

— Гдѣ же и какого учителя можно найти для наставленія въ истинѣ, если въ Платонѣ и прочихъ философахъ нѣтъ истины?

Тогда старецъ началъ повѣствовать ему о святыхъ Пророкахъ, говоря:

— Въ древнѣйшія времена, гораздо ранѣе всѣхъ философовъ, были нѣкіе мужи святые, праведные и угодные Богу; исполненные Духа Святаго, они предсказывали о томъ, что совершается нынѣ, и называются тѣ мужи Пророками. Они одни прежде всѣхъ познали Истину и, возвѣщая ее людямъ, ни передъ кѣмъ не смущались и никого не боялись; никто не могъ убѣдить ихъ въ одномъ словѣ отступить отъ Истины, и суетная слава не могла побѣдить ихъ. Обо всемъ, что они созерцали или слышали отъ Бога въ бывшихъ имъ откровеніяхъ, они говорили просто, истинно и безбоязненно. Писанія ихъ и нынѣ существуютъ; кто читаетъ ихъ съ вѣрою, тому приносятъ они много пользы и просвѣщаютъ умъ къ познанію Истины. Не хитрословіемъ и не какими-либо софистическими[2]) доводами или умозаключеніями подтверждаютъ свои слова эти святые Пророки, но въ простой бесѣдѣ изрекаютъ самую истину, ибо они сами, помимо всѣхъ софистическихъ доводовъ,—вѣрнѣйшіе свидѣтели Истины какъ вѣровавшіе въ единаго Истиннаго Бога, Создателя всего существующаго, и предвозвѣстившіе пришествіе въ міръ Сына Его, Господа Христа. И несомнѣнно, что Пророки заслуживаютъ вѣры, такъ какъ одни предреченія ихъ уже исполнились, а другія нынѣ исполняются. Истину же нѣкоторыхъ изъ своихъ предреченій они утверждали и чудесами, творя дивныя дѣла силою подаваемой имъ свыше Божіей благодати, чего ложные, не Богомъ поставленные, пророки

---

1) Посл. къ Рим., гл. 1, ст. 21—22.

2) *Софисты* отрицали возможность положительнаго знанія вещей и брались за доказательство любой, даже ложной мысли. Отсюда софизмъ—правильный выводъ изъ ложнаго осованія.

никогда не могли творить, а лишь устрашали людей нѣкими бѣсовскими привидѣніями и обманами.

Такъ бесѣдовалъ съ Іустиномъ незнакомый ему блаженный мужъ и наконецъ сказалъ ему:

— Прежде всего молись прилежно Истинному Богу, да откроетъ тебѣ двери свѣта, ибо только тотъ можетъ созерцать и разумѣть божественное, кого Богъ Самъ удостоитъ откровенія; открываетъ же Онъ всякому, кто ищетъ Его молитвою и приближается къ Нему любовью.

Такъ сказавъ, старецъ отошелъ отъ него и сталъ невидимъ; никогда и нигдѣ потомъ Іустинъ уже не могъ найти и увидѣть сего мужа. О своихъ сердечныхъ ощущеніяхъ послѣ ухода старца самъ Іустинъ въ бесѣдѣ съ славнымъ іудеяниномъ Трифономъ повѣдалъ такъ:

— Какой-то огонь разгорѣлся во мнѣ, воспламеняя духъ мой стремленіемъ къ Богу, и возросла во мнѣ любовь къ святымъ Пророкамъ и къ тѣмъ мужамъ, которые суть друзья Христовы. Размышляя о словахъ старца, я позналъ, что возвѣщенная имъ философія—единственно истинная, началъ читать пророческія и апостольскія книги и отъ нихъ сталъ дѣйствительно философомъ, то есть истиннымъ христіаниномъ.

Повѣдавъ это о себѣ впослѣдствіи Трифону, блаженный Іустинъ предалъ одновременно памяти, съ чего началось обращеніе его къ Богу, когда незнакомымъ мужемъ, какъ бы посланнымъ съ Небесъ, онъ былъ наставленъ на правый путь.

Послѣ душеполезной бесѣды съ богодухновеннымъ старцемъ Іустинъ немедленно обратился къ христіанскимъ книгамъ и съ сердечнымъ прилежаніемъ началъ читать Божественныя Писанія. Древнія пророчества сивиллъ[1]) онъ сопоставлялъ съ предсказаніями святыхъ Пророковъ о воплощеніи Христа отъ Пречистой Дѣвы, о Его вольныхъ страданіяхъ, о будущемъ Судѣ и о кончинѣ видимаго міра; усматривая полное согласіе въ тѣхъ и другихъ, дивился и понемногу, подъ внутреннимъ наставленіемъ Святаго Духа, приходилъ къ болѣе совершенному познанію Бога и Сына Божія. День ото дня усиливалось въ душѣ его стремленіе къ благочестію и, склоняясь къ христіанской вѣрѣ, онъ осуждалъ

---

1) *Сивиллы* — предсказательницы будущаго у Грековъ и Римляянъ. Въ приписывавшихся имъ предсказаніяхъ указываются довольно ясно различныя обстоятельства земной жизни Спасителя.

въ себѣ еллинское безуміе. Въ то время немалымъ препятствіемъ для добрыхъ намѣреній души, стремящейся къ христіанскому благочестію, были частыя и лютыя гоненія на христіанъ, а также много безчестныхъ, постыдныхъ, слухомъ невмѣщаемыхъ клеветъ въ порокахъ, ложно возводимыхъ на христіанъ язычниками,—будто бы христіане въ своихъ ночныхъ (молитвенныхъ) собраніяхъ, погасивъ свѣтильники, вмѣстѣ съ тѣмъ угашаютъ и свѣтъ чистоты, взаимно оскверняясь нечистотою, и подобно звѣрямъ ѣдятъ человѣческое мясо. Такими и подобными гнусными нареканіями язычники и іудеи обезславливали неповинныхъ христіанъ передъ всѣми народами. Лжи нечестивыхъ и безумныхъ людей вѣрили какъ бы самой истинѣ; и всѣ невѣрные ненавидѣли христіанъ, людей праведныхъ и святыхъ, гнушались ими, презирали и отвращались отъ нихъ, какъ отъ великихъ беззаконниковъ, повинныхъ тяжкимъ грѣхамъ, и предавали христіанъ на смерть послѣ многихъ и разнообразныхъ мукъ. Эти обстоятельства сначала препятствовали Іустину въ его намѣреніи присоединиться къ христіанамъ; но все-таки онъ не давалъ особой вѣры обвиненіямъ, возводимымъ на христіанъ, зная хорошо, что часто неразумнымъ народнымъ судомъ неповинные осуждаются какъ виновные, чистые обезславливаются какъ развратники и праведные считаются грѣшниками. Видя же, что христіане безбоязненно даютъ отвѣты въ судахъ, мужественно переносятъ муки, всѣ видимыя блага міра сего презираютъ, какъ соръ, добровольно отдаются на мученія за Господа своего и стремятся на смерть, какъ на пиръ,—Іустинъ разсуждалъ въ себѣ:

«Неправда то, что говорятъ о христіанахъ, будто бы они творятъ такія беззаконія: грѣшникъ, погрязшій въ необузданныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ и изъ сластолюбія потребляющій человѣческое мясо, не переноситъ мукъ, не отдаетъ себя добровольно на раны, но избѣгаетъ ихъ; будучи же привлеченъ къ какому-либо суду, старается всячески избавиться и не жалѣетъ средствъ, чтобы откупиться отъ наказанія, дабы потомъ жить безболѣзненно и, пользуясь тѣлеснымъ здоровьемъ, еще болѣе предаваться своимъ похотямъ. Не таковы христіане: добровольно избирая страданія за Христа, въ Котораго вѣруютъ, и, предпочитая смерть жизни, развѣ могутъ они настолько любить грѣхъ?»

Такъ разсуждая, онъ тщательно разузнавалъ о жизни христіанъ и вполнѣ убѣдился, что они пребываютъ въ страхѣ Господнемъ

чисто и непорочно, рачительно соблюдаютъ свое цѣломудріе, постомъ и воздержаніемъ постоянно умерщвляютъ себя, часто молятся и всегда упражняются во всякихъ добрыхъ дѣлахъ. Убѣдившись во всемъ этомъ, Іустинъ весьма полюбилъ христіанъ, отъ всего сердца привязался къ нимъ и принялъ Святое Крещеніе. И сталъ онъ великимъ поборникомъ Христовой вѣры, борцомъ словомъ и писаніемъ противъ Еллиновъ и Іудеевъ, непобѣдимымъ воиномъ Христа, крѣпкимъ и мужественнымъ подвижникомъ.

Стремясь къ спасенію душъ человѣческихъ, онъ обходилъ различныя страны: училъ и проповѣдовалъ о Имени Христовомъ, обращая невѣрныхъ отъ заблужденія ихъ къ Богу. Пришелъ онъ и въ Римъ[1]) какъ философъ—въ философскомъ одѣяніи, вмѣстѣ съ учениками своими. Такъ какъ многіе сходились къ нему для ученія, то онъ образовалъ училище и подъ видомъ внѣшняго любомудрія училъ истинной христіанской философіи. Встрѣтивъ тамъ Маркіона[2]), основателя ереси, онъ съ силою противосталъ ему, опровергъ и написалъ книги противъ ересей его, а также и противъ другихъ еретическихъ ученій. Тамъ же въ Римѣ былъ нѣкій языческій философъ—циникъ[3]) Крискентъ, великій врагъ христіанъ; съ этимъ нечестивымъ философомъ истинный христіанскій философъ святый Іустинъ непрестанно боролся словомъ и писалъ противъ него книги. Этотъ циникъ, самъ живя нечисто и весьма беззаконно, ненавидѣлъ христіанъ за ихъ цѣломудренную жизнь по Богѣ и завидовалъ доброй славѣ Іустина, пользовавшагося за свою боговдохновенную премудрость и чистую, непорочную жизнь почетной извѣстностью у всѣхъ Римлянъ. Въ злобѣ своей циникъ клеветалъ на христіанъ, обвиняя ихъ во многихъ постыдныхъ дѣлахъ, чтобы обезславить Іустина вмѣстѣ съ его единовѣрцами въ глазахъ народа и возбудить къ нимъ отвращеніе. Слыша и видя это, святый Іустинъ говорилъ:

— Я готовъ пострадать за вѣру Христову и претерпѣть смерть отъ невѣрныхъ; и думаю, что она постигнетъ меня чрезъ этого Крискента циника, безумнаго, любящаго гордость больше мудрости, который недостоинъ названія философа, ибо осмѣливается

---

1) *Римъ*—главный городъ Римскаго государства, лежитъ въ средней части Италіи по обѣимъ сторонамъ рѣки Тибра, при впаденіи ея въ море.

2) *Маркіонъ* принадлежалъ къ еретикамъ—гностикамъ и училъ, что видимый міръ сотворенъ не Богомъ, а низшими Его силами; Ветхій Завѣтъ онъ отвергалъ.

3) *Циники* (основатель ученія—Антисѳенъ, IV в. до Р. Хр.) доводили до крайности ученіе о простотѣ въ жизни, отвергая науку, искусство и всю внѣшнюю культуру.

утверждать то, чего достовѣрно не знаетъ, будто христіане—безбожники (не имѣютъ Бога) и дѣлаютъ много нечистаго и беззаконнаго; такъ хулитъ онъ насъ по ненависти и злобѣ и тѣмъ хуже простыхъ людей, ибо послѣдніе не дерзаютъ что-либо говорить о вещахъ, которыхъ не знаютъ.

Царствовалъ тогда въ Римѣ Антонинъ [1]), преемникъ Адріана. Самъ Антонинъ не былъ озлобленъ противъ христіанъ; однако, въ силу указовъ прежнихъ царей, нечестивые идолопоклонники, правившіе народомъ, гнали и убивали христіанъ изъ великой ненависти къ нимъ, а также изъ лихоимства, чтобы грабить имѣнія ихъ; и не столько ради исповѣданія Имени Христова, сколько по ложнымъ клеветническимъ обвиненіямъ во многихъ беззаконіяхъ вѣрныхъ предавали суду, допрашивали во взводимыхъ клеветахъ и казнили различными видами смерти. Въ это время въ Римѣ произошелъ такой случай: нѣкая женщина язычница, жившая нечисто, услышавъ отъ христіанъ слово объ Истинномъ Богѣ и ученіе о цѣломудренной жизни, о воздаяніи праведнымъ и о мукѣ грѣшнымъ, умилилась душою и увѣровала во Христа. Мужа своего, усерднаго идолопоклонника, погрязшаго въ плотской нечистотѣ, она всячески увѣщавала, желая наставить на воздержную жизнь и обратить къ истинной вѣрѣ. Когда же она увидѣла, что совершенно не въ состояніи исправить его, то изыскивала средства расторгнуть супружескій союзъ съ нимъ, чтобы не жить вмѣстѣ и не оскверняться уже болѣе нечистотою. Мужъ, узнавъ, какой христіанинъ научилъ жену его христіанской вѣрѣ, пошелъ къ градоначальнику жаловаться на христіанина, имя котораго было Птоломей. Рабъ Христовъ Птоломей былъ взятъ, долго содержался въ смрадной темницѣ и, преданный суду, былъ приговоренъ градоначальникомъ къ смерти. Во время этого неправеднаго суда стоялъ тамъ нѣкій мужъ, по имени Лукій, и, видя, что блаженный Птоломей осужденъ неповинно, сказалъ несправедливому судіи:

— За какую вину, градоначальникъ, ты предаешь на смерть мужа, неповиннаго смерти? Онъ не прелюбодѣй, не насильникъ, не убійца, не воръ, не хищникъ, въ другомъ какомъ-либо беззаконіи также не обличенъ. Единственная его вина та, что онъ исповѣдалъ себя христіаниномъ.

Грозно взглянувъ на говорившаго, градоначальникъ со злобой спросилъ:

[1]) *Антонинъ Пій* — 138—161 гг.

— И ты не изъ числа ли христіанъ?

Лукій отвѣчалъ:

— Да, я — христіанинъ.

Тогда градоначальникъ и его повелѣлъ предать смерти. Присоединился къ этимъ двумъ христіанамъ и третій, другъ ихъ, во всеуслышаніе исповѣдавшій себя христіаниномъ; и всѣ трое положили души свои за Христа.

Блаженный Іустинъ, узнавъ объ этомъ несправедливомъ убіеніи святыхъ, исполнился скорби, написавъ свитокъ, или *апологію*[1]), доказывающую неповинность христіанъ, вручилъ ее царю, сыновьямъ его и всему сенату, безбоязненно готовый на муки и смерть за Христа. Царь со вниманіемъ прочиталъ этотъ свитокъ, подивился премудрости христіанскаго философа и не только не прогнѣвался на него и не предалъ его смерти, но даже похвалилъ разумъ его. Въ этомъ свиткѣ Іустинъ изобличалъ ложность языческихъ боговъ, ясно изобразилъ всемогущество Христа, доказалъ, что обвиненія, возводимыя на христіанъ, ложны и что жизнь ихъ цѣломудренна и праведна. Умилившись, царь повелѣлъ, чтобы христіанъ за исповѣданіе Имени Христова не мучили и имѣній ихъ не грабили, кромѣ случаевъ преступленій, поистинѣ достойныхъ осужденія и казни[2]). Святый Іустинъ записалъ это царское повелѣніе; отпущенный царемъ, онъ съ его соизволеніемъ отправился въ Азію, гдѣ тогда христіане особенно подвергались гоненію. Въ философской одеждѣ, которую не оставлялъ онъ до кончины своей, Іустинъ пришелъ въ Ефесъ[3]), объявилъ и изъяснилъ всѣмъ повелѣніе царя и послалъ его въ окрестныя страны и города. Настала тишина въ Церкви Христовой, гоненіе на время прекратилось, и вѣрнымъ была ве-

1) Извѣстны двѣ апологіи св. Іустина: первою, написанною не ранѣе 150 г. и заключающею въ себѣ 68 главъ, онъ пытался доставить христіанамъ покровительство императора Антонина; второю (написанною приблизительно въ 162 г.) — расположить Марка Аврелія къ болѣе кроткому обращенію съ христіанами. Въ своихъ апологіяхъ Іустинъ философъ говоритъ «отъ имени несправедливо ненавидимыхъ и гонимыхъ христіанъ».

2) Доблестные мужи, въ пору тяжкихъ гоненій на христіанъ въ II и III вѣкахъ выступавшіе предъ римскимъ правительствомъ и обществомъ въ качествѣ литературныхъ защитниковъ христіанъ и обличителей язычества, въ исторіи Церкви извѣстны подъ именемъ *апологетовъ* — т. е. защитниковъ, а ихъ сочиненія носятъ общее названіе *апологій*. Въ исторіи христіанской Церкви извѣстны слѣдующіе апологеты: на Востокѣ — Аристидъ, Кодратъ, Мелитонъ, еп. Сардійскій, Татіанъ, Аѳиногенъ, Мильтіадъ, св. Ѳеофилъ, еп. Антіохійскій; на Западѣ—Минуцій Феликсъ, Квинтъ Септимій Тертулліанъ, Арнобій, Лактанцій и св. Кипріанъ, еп. Карѳагенскій.

3) *Ефесъ* — главный городъ малоазіатской провинціи Асіи; расположенъ на рѣкѣ Каистрѣ. Въ настоящее время на мѣстѣ древняго г. Ефеса находится бѣдная турецкая деревушка, называемая *Сейся*—Селюкъ.

ликая радость. Пребывая въ Ефесѣ, святый Іустинъ имѣлъ преніе съ премудрымъ раввиномъ іудейскимъ Трифономъ и одержалъ побѣду, ссылаясь на ветхозавѣтное Писаніе; объ этомъ преніи, какъ и о вышеназванной апологіи, есть въ книгѣ Іустина пространное слово[1]). Пробывъ въ Ефесѣ довольно времени, онъ снова возвратился въ Италію и, по примѣру апостоловъ, всюду въ пути проповѣдовалъ Христа, обращалъ путемъ преній къ святой вѣрѣ Іудеевъ и Еллиновъ и утверждалъ въ ней вѣрныхъ. Когда онъ пришелъ въ Римъ, возсталъ на него съ сильнѣйшею ненавистью и бо́льшею злобою вышеназванный еллинскій философъ Крискентъ циникъ; святый Іустинъ часто имѣлъ съ нимъ преніе, всегда его одолѣвалъ и посрамлялъ предъ всѣми. Не будучи въ состояніи противостоять Іустину и не зная, что иное дѣлать, злобный Крискентъ возвелъ на него много ложныхъ обличеній передъ римскимъ судомъ. Святаго взяли и, какъ повиннаго наказанію, мучили въ узахъ и истязали на судѣ; но не нашлось въ немъ никакой вины. Завистникъ же, боясь, чтобы Іустина не отпустили на свободу, тайно приготовилъ смертный ядъ, посредствомъ котораго обманнымъ образомъ и лишилъ жизни непобѣдимаго воина Христова.

Такъ скончался[2]) истинный христіанскій философъ святый Іустинъ, оставивъ по себѣ много писаній, весьма полезныхъ Церкви Христовой и исполненныхъ премудрости Святаго Духа[3]). Представъ Подвигоположнику Христу Господу, онъ принялъ отъ Него вѣнецъ страдальческій и былъ причисленъ къ лику святыхъ мучениковъ, славящихъ Святую Троицу—Отца, и Сына, и Святаго Духа, во вѣки, аминь.

---

1) «Разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ».

2) Въ 165—166 годахъ.

3) Кромѣ помянутыхъ, древнимъ извѣстны были сочиненія св. Іустина: «Замѣчанія о душѣ», а также: «Обличеніе противъ Еллиновъ», «Рѣчь противъ Еллиновъ», содержавшія въ себѣ обличеніе язычества. Святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ сохранена значительная часть ие дошедшаго до насъ сочиненія Іустина «О Воскресеніи». Извѣстный церковный историкъ Евсевій утверждаетъ, что Іустиномъ была написана книга «Пѣвецъ», «Обличеніе всѣхъ бывшихъ ересей» и книга «Противъ Маркіона». Самъ Іустинъ философъ въ первой апологіи упоминаетъ о своемъ сочиненіи противъ ересей. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Іустина философа являлось сочиненіе—діалогъ противъ Іудеевъ подъ заглавіемъ «Разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ».

Кондакъ, гласъ ѳ:

Премудростію божественныхъ твоихъ словесъ, Іустине, церковь Божію всю украсившися, житія твоего свѣтлостію міръ освѣщаетъ: идолія же ради кровей вѣнецъ пріемъ, и со Ангелы предстоя Христу, моли непрестанно о всѣхъ насъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІУСТИНА

и дружины его

Въ то время, когда идолопоклонники по всѣмъ странамъ и городамъ противъ благочестивыхъ и соблюдающихъ благій законъ христіанъ издали нечестивое повелѣніе, чтобы всякій, вѣрующій во Христа, принуждался приносить жертву идоламъ, были взяты святые мученики Іустинъ, Харитонъ и Харита (женщина), Евелпистъ, Ісраксъ, Пеонъ и Валеріанъ, приведены въ Римъ и представлены на судъ градоначальника Рустика. Тотъ сказалъ Іустину:

— Окажи повиновеніе богамъ и царскимъ повелѣніямъ, чтобы не подпасть осужденію.

Святый Іустинъ отвѣчалъ ему:

— Никто и никогда не можетъ быть осужденъ, если повинуется заповѣдямъ Спасителя нашего Іисуса Христа.

— Какого ученія ты держишься? — спросилъ градоначальникъ.

Іустинъ отвѣчалъ:

— Я прилежно изучалъ всякія внѣшнія ученія и достигъ искусства во всякомъ знаніи, но потомъ присоединился къ истинному христіанскому ученію, — хотя бы оно и не одобрялось тѣми, кто заблуждается въ неправомъ мудрованіи.

Тогда сказалъ Рустикъ:

— Такъ ты, окаянный, любишь ученія, противныя нашему мудрованію?

— Да, люблю, — отвѣчалъ святый Іустинъ: — ибо слѣдую справедливому ученію христіанъ. Что это за ученіе? — Правое ученіе, которое мы, христіане, нерушимо соблюдаемъ, таково: знать Единаго Бога — Творца и Создателя всего видимаго и невидимаго и исповѣдовать Господа Іисуса Христа Сына Божія, нѣкогда предвозвѣщеннаго Пророками, Который пріидетъ судить человѣческій родъ. Онъ есть Проповѣдникъ спасенія и Учитель желающихъ утвердиться въ добродѣтели. О безконечномъ Божествѣ Его я, человѣкъ немощный, мѣньшій изъ всѣхъ, не могу говорить съ достаточной силою, но исповѣдую, что это предсказано Пророками: они за много вѣковъ предвозвѣстили сошествіе на землю Того, Кого наименовалъ я Сыномъ Божіимъ.

Градоначальникъ спросилъ:

— Куда сходятся христіане?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Всякій приходитъ туда, куда хочетъ и можетъ. Развѣ ты думаешь, что мы всѣ собираемся въ одно мѣсто? Это дѣло несбыточное: ибо Богъ христіанскій не пребываетъ въ какомъ-либо мѣстѣ, но, будучи невидимымъ, наполняетъ Небо и землю; вездѣ поклоняются Ему вѣрные, и слава Его провозглашается повсюду.

Сказалъ градоначальникъ:

— Все-таки отвѣть намъ, куда вы сходитесь и гдѣ собираешь ты своихъ учениковъ.

Іустинъ отвѣчалъ:

— Я доселѣ находился близъ дома нѣкоего Мартина, при банѣ, называемой Тиміотини, пришелъ же въ городъ Римъ во второй разъ и другого мѣста, кромѣ названнаго, не знаю; всякаго, пожелавшаго прійти ко мнѣ, я присоединялъ къ истинному ученію.

— Итакъ, ты христіанинъ? — спросилъ Рустикъ.

— Да, я — христіанинъ, — отвѣчалъ Іустинъ.

Тогда градоначальникъ обратился къ Харитону:

— И ты не христіанинъ ли?

Отвѣчалъ святый Харитонъ:

— Съ помощью Божіей, и я христіанинъ.

Потомъ спросилъ Рустикъ блаженную жену Хариту, слѣдуетъ ли и она Христовой вѣрѣ; Харита также объявила себя христіанкой, по благодати Божіей. Потомъ Рустикъ спросилъ Евелписта:

— А ты кто?

— Я — царскій рабъ, — отвѣчалъ тотъ: — но, какъ христіанину,

Стый мчнкъ
ÎѢСТÍНЪ

Самъ Христосъ даровалъ мнѣ свободу; Его милосердіемъ и благодатію сталъ я участникомъ той же надежды, какъ и тѣ, которыхъ ты видишь.

Затѣмъ градоначальникъ спросилъ Іеракса, не христіанинъ ли и онъ. Іераксъ ему отвѣчалъ:

— Поистинѣ, и я христіанинъ, ибо почитаю Того же Бога и поклоняюсь Ему.

— Васъ сдѣлалъ христіанами Іустинъ? — спросилъ градоначальникъ.

Іераксъ отвѣчалъ:

— Я и былъ, и буду христіаниномъ.

Бывшій тутъ же святый Пеонъ сказалъ:

— И я — христіанинъ.

— Тебя кто научилъ христіанству?

— Отъ родителей принялъ я это доброе исповѣданіе, — отвѣчалъ Пеонъ.

Потомъ сказалъ Евелпистъ:

— И я отъ родителей моихъ получилъ наставленіе въ христіанствѣ; внимая же словамъ Іустина, еще сильнѣе укрѣпился въ христіанской вѣрѣ.

— Гдѣ же твои родители? — спросилъ градоначальникъ:

— Въ Каппадокіи.

Потомъ градоначальникъ спросилъ Іеракса:

— Въ какой странѣ живутъ твои родители?

Іераксъ ему отвѣчалъ:

— Истинный Отецъ нашъ—Христосъ, а матерь—вѣра въ Него; земные родители мои преставились, я же пришелъ сюда изъ Иконіи фригійской.

Обратился градоначальникъ къ Валеріану, побуждая и его къ отвѣту:

— Ты также христіанинъ и къ богамъ не усердствуешь?

Валеріанъ отвѣчалъ:

— И я христіанинъ, почитаю Единаго Истиннаго Бога и Ему поклоняюсь, вашихъ же боговъ презираю.

Снова градоначальникъ обратился къ Іустину:

— Слушай ты, называющійся краснорѣчивымъ и считающійся послѣдователемъ истиннаго ученія: если начиная съ головы по всему тѣлу покроешься язвами, то думаешь ли чрезъ это войти на Небо?

Іустинъ отвѣчалъ:

— Если я претерплю названное тобою мученіе, то надѣюсь получить такое же воздаяніе отъ Господа моего, какое уготовано сохранившимъ Христово ученіе; ибо я знаю, что всѣхъ, благочестиво поживших и какъ-либо пострадавшихъ за Бога, ожидаетъ до скончанія всего міра сокровенная Божія благодать.

На это градоначальникъ Рустикъ сказалъ:

— Итакъ, ты полагаешь взойти на Небо и получить нѣкоторую награду отъ Бога твоего?

— Не полагаю, — возразилъ Іустинъ, — но знаю достовѣрно и надѣюсь на это безъ сомнѣнія.

Сказалъ Рустикъ:

— Однако приступимъ къ предстоящему намъ дѣлу: соберитесь вмѣстѣ и всѣ вмѣстѣ принесите жертву богамъ.

На это Іустинъ возразилъ:

— Никто, разсуждающій здраво, не захочетъ лишиться благочестія и впасть въ заблужденіе и беззаконіе.

Градоначальникъ Рустикъ сказалъ:

— Если вы не будете повиноваться нашимъ повелѣніямъ, то понесете муки безъ всякаго помилованія.

Іустинъ отвѣчалъ:

— Воистину желаемъ претерпѣть муки за Господа нашего Іисуса Христа и спастись, ибо эти муки исходатайствуютъ намъ спасеніе и дерзновеніе на Страшномъ Судѣ Его, на который по повелѣнію Божію предстанетъ весь міръ.

Такъ же говорили и всѣ прочіе святые мученики, присовокупляя:

— Исполняй скорѣе намѣреніе свое; мы — христіане, идоламъ приносить жертву не будемъ.

Выслушавъ это, градоначальникъ объявилъ приговоръ:

«Не желающіе принести жертву богамъ и покориться царскому повелѣнію да будутъ наказаны жезлами и отведены на смертную казнь чрезъ обезглавленіе, какъ повелѣваютъ римскіе законы».

Такъ святые мученики, славящіе Бога, были выведены на обычное мѣсто казней, приняли раны и, усѣченные сѣкирою, окончили страданія въ спасительномъ исповѣданіи. Потомъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ тайно взяли ихъ честныя тѣла и погребли на достойномъ мѣстѣ, при содѣйствіи благодати Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки вѣковъ, аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АГАПИТА ПЕЧЕРСКАГО,

безмезднаго врача

Когда преподобный отецъ нашъ Антоній Печерскій [1]) былъ прославленъ даромъ исцѣленія, пришелъ къ нему въ пещеру изъ Кіева блаженный Агапитъ, желая получить душевное исцѣленіе чрезъ постриженіе въ иноческій чинъ; удостоившись желаемаго, онъ всѣмъ сердцемъ послѣдовалъ ангелоподобному житію преподобнаго Антонія, руководясь и его наставленіями. Агапитъ былъ очевидцемъ того, какъ этотъ великій мужъ самъ служилъ болящимъ и исцѣлялъ ихъ своею молитвою, причемъ скрывая дарованіе, данное молитвѣ его, вручалъ недужнымъ подъ видомъ лѣкарства травы отъ пищи своей. Видя это, блаженный Агапитъ началъ соревновать святому старцу въ подвигахъ и трудился такъ много лѣтъ; когда расхварывался кто-либо изъ братіи, блаженный оставлялъ келлію свою, въ которой не было ничего, что можно было бы похитить, приходилъ къ болящему брату и служилъ ему: поднималъ его, укладывалъ, выносилъ на своихъ рукахъ и непрестанно молилъ Бога объ исцѣленіи недужнаго; если же болѣзнь иногда и затягивалась, то чрезъ это Господъ желалъ умножить вѣру и усилить молитву раба Своего Агапита. Подра-

[1]) *Преп. Антоній*, родомъ изъ Любеча (въ 40 верстахъ отъ Чернигова), постриженникъ Св. Горы Аѳонской. Придя въ Кіевъ, избралъ мѣстомъ поселенія одну пещеру въ лѣсистой горѣ близъ Днѣпра. Богоугодная, подвижническая жизнь преп. Антонія собрала около него многихъ, желавшихъ, подъ его руководствомъ, проводить иноческую жизнь. Такъ возникъ знаменитый Кіево-Печерскій монастырь. Скончался преп. Антоній 90-лѣтнимъ старцемъ, послѣ 46-лѣтнихъ подвиговъ въ пещерѣ, въ 1073 г. 7 мая. Память его—10 іюля.

жая подвигамъ преподобнаго Антонія, блаженный Агапитъ сподобился быть участникомъ и равной съ нимъ благодати: молитвою своею онъ исцѣлялъ всѣхъ болящихъ, также подавая имъ травы, которыя варилъ въ пищу себѣ, за что, собственно, и былъ прозванъ врачомъ. О немъ распространилась молва въ Кіевѣ, и много болящихъ приходило къ нему, отходя здоровыми.

Въ то время жилъ во Кіевѣ нѣкій врачъ, происхожденіемъ и вѣрою армянинъ, настолько искусный въ своемъ дѣлѣ, что раньше не было равнаго ему. Достаточно было ему взглянуть на болящаго смертнымъ недугомъ, какъ онъ тотчасъ узналъ и объявлялъ день и часъ его кончины, и всегда безошибочно; такого больного онъ уже ни за что не хотѣлъ лечить. Одинъ изъ болящихъ такого рода,— первый бояринъ у великаго князя Всеволода [1]), котораго армянинъ повергъ въ отчаяніе, предсказавъ смерть чрезъ восемь дней,— былъ принесенъ въ Кіево-Печерскій монастырь. Но блаженный Агапитъ, сотворивъ молитву о немъ, далъ ему въ пищу травъ, которыя вкушалъ самъ, и исцѣлилъ его; и немедленно прошла о немъ слава по всей землѣ русской. Армянинъ, уязвленный стрѣлою зависти, началъ укорять блаженнаго и послалъ въ Кіево-Печерскій монастырь одного осужденнаго на смерть, который долженъ былъ принять предъ Агапитомъ ядъ и умереть. Блаженный, видя этого человѣка умирающимъ, далъ ему съ молитвою о немъ той травы, которую вкушалъ самъ, и этимъ избавилъ отъ смерти обреченнаго на смерть. Съ тѣхъ поръ армянинъ особенно вооружился на блаженнаго и подговорилъ своихъ единовѣрцевъ подать самому Агапиту питье съ примѣсью смертельнаго яда; блаженный же принялъ и остался невредимымъ. **вѣсть бо гдь благочестивыѧ ѿ напасти ѝзбавлѧти** [2]), по слову Своему: **аще ѝ что смертно ѝспіютъ, не вредитъ ѝхъ** [3]).

Потомъ разболѣлся въ Черниговѣ князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ [4]). Армянинъ хотя и старательно врачевалъ его, но безуспѣшно, такъ что недугъ все болѣе и болѣе увеличивался. Уже будучи при кончинѣ, князь просилъ тогдашняго игумена Кіево-Печерскаго Іоанна прислать къ нему въ Черниговъ для врачеванія бла-

---

1) *Всеволодъ Ярославичъ* княжилъ первый разъ шесть мѣсяцевъ (1075—1076 гг.) и второй разъ — съ 1078 по 1093 годъ.

2) 2 Соб. посл. Петр., гл. 2, ст. 9.

3) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 18.

4) *Владиміръ Всеволодовичъ* княжилъ затѣмъ въ Кіевѣ съ 1114 по 1125 годъ.

женнаго Агапита. Игуменъ призвалъ его и извѣстилъ о просьбѣ князя, но блаженный Агапитъ, котораго никто еще не видѣлъ выходящимъ изъ воротъ для врачеванія внѣ монастыря, со смиреніемъ сказалъ:

— Если я пойду для этого дѣла къ князю, то и ко всѣмъ долженъ идти. Прошу тебя, отче, не побуждай меня выходить за монастырскія ворота ради славы человѣческой, избѣгать которой обѣщался я предъ Богомъ до послѣдняго издыханія. Если позволишь, лучше я удалюсь въ иную страну и потомъ опять возвращусь сюда, когда минетъ эта нужда.

Посланный князя, убѣдившись, что не будетъ въ состояніи призвать къ своему господину самого блаженнаго Агапита, началъ просить, чтобы онъ далъ хоть травъ для исцѣленія. По убѣжденіямъ игумена блаженный далъ посланному травъ отъ пищи своей; ихъ принесли къ князю, послѣдній вкусилъ и немедленно выздоровѣлъ — по молитвамъ блаженнаго.

Прп҃бный
А҃ГА́ПИТ'Ъ

Тогда князь Владиміръ Мономахъ пришелъ самъ въ Печерскій монастырь, желая видѣть того, чрезъ кого Богъ возвратилъ ему здравіе; онъ никогда не встрѣчался ранѣе съ блаженнымъ и теперь желалъ почтить его, щедро одаривъ. Но Агапитъ, не желая земной славы, скрылся; тогда князь отдалъ игумену принесенное для угодника Божія золото. Но спустя немного времени тотъ же Владиміръ снова послалъ одного изъ своихъ бояръ со многими дарами къ блаженному Агапиту. Посланный нашелъ святаго Агапита въ келліи и положилъ предъ нимъ подарки князя. Блаженный сказалъ ему:

— Чадо, никогда, ни отъ кого и ничего не бралъ я (за исцѣленіе), потому что исцѣлялъ силою не своею, но Христовою; не требую этого и нынѣ.

Бояринъ отвѣчалъ:

— Отче! Пославшій меня знаетъ, что ты ничего не требуешь;

но умоляю тебя: прими это, чтобы утѣшить сына твоего, которому чрезъ тебя Богъ даровалъ здравіе; даръ же отдай, если тебѣ угодно, нищимъ.

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Если ты такъ говоришь, то приму съ радостью. Скажи пославшему тебя, что и прочее, что у него есть,—чужое, и ничего не возьметъ онъ съ собою, когда будетъ разставаться съ жизнью; поэтому пусть и остальное раздастъ онъ нищимъ. Ибо Самъ Господь, Который находится среди обездоленныхъ, избавилъ его отъ смерти, я же самъ по себѣ никакого успѣха не имѣлъ бы; и прошу, чтобы онъ не ослушался этихъ наставленій моихъ, дабы не пострадать болѣе сильно.

Съ такими словами блаженный Агапитъ взялъ принесенное золото и вышелъ съ нимъ изъ келліи — какъ бы для того, чтобы спрятать его; вынесъ и бросилъ, самъ же бѣжалъ и скрылся. Спустя немного времени бояринъ вышелъ, увидѣлъ брошенные предъ воротами дары, поднялъ и отдалъ игумену Іоанну. Возвратившись къ князю, онъ разсказалъ ему все, что видѣлъ у блаженнаго и что слышалъ отъ него. И всѣ уразумѣли, что это—истинный рабъ Божій, ищущій награды отъ одного Бога, а не отъ людей. Князь же, не осмѣливаясь ослушаться святаго, началъ раздавать нищимъ щедрую милостыню.

Послѣ многихъ богоугодныхъ трудовъ и подвиговъ впалъ въ болѣзнь и самъ безмездный врачъ, блаженный старецъ Агапитъ. Узнавъ объ этомъ, вышеупомянутый врачъ армянинъ пришелъ посѣтить его и началъ спорить съ нимъ о врачебномъ искусствѣ, спрашивая, какимъ средствомъ лѣчится недугъ Агапита.

Блаженный отвѣчалъ:

— Тѣмъ, какимъ подаетъ здравіе Самъ Господь, врачъ души и тѣла.

Армянинъ счелъ его совершенно не знающимъ врачеванія и сказалъ сопровождавшимъ его:

— Онъ ничего не знаетъ въ нашемъ искусствѣ.

Потомъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Говорю истину: на третій день онъ умретъ; если измѣнится слово мое, то я измѣню жизнь мою и самъ стану такимъ же монахомъ.

Блаженный съ горячностью сказалъ:

— Такъ вотъ способъ твоего врачеванія: больше говорить о

смерти, чѣмъ о помощи! Если ты искусенъ, дай мнѣ жизнь; если не можешь этого, зачѣмъ унижаешь меня и осуждаешь на смерть въ третій день? Меня же извѣстилъ Господь, что черезъ три мѣсяца отойду я къ Нему.

Снова сказалъ ему армянинъ:

— Вотъ, ты уже весь измѣнился; такіе никогда не выживаютъ дольше трехъ дней.

Святый Агапитъ дѣйствительно былъ въ крайнемъ изнеможеніи, такъ что безъ посторонней помощи не могъ даже двинуться. Между тѣмъ къ блаженному Агапиту, самому сильно болящему, принесли для исцѣленія нѣкоего больного изъ Кіева. Блаженный съ Божіею помощію немедленно всталъ, какъ бы и вовсе не болѣлъ, взялъ обычную свою траву, которую вкушалъ, и показалъ армянину, говоря:

— Вотъ трава, которою я врачую: смотри и разумѣй.

Тотъ, посмотрѣвъ, сказалъ святому:

— Это не изъ нашихъ травъ, но, думаю, изъ Александріи.

Блаженный, осуждая невѣжество его, далъ болящему вкусить травы, помолился и немедленно сотворилъ его здоровымъ. Потомъ онъ сказалъ армянину:

— Сынъ мой, прошу тебя, вкуси этой травы со мною, если хочешь, ибо ничѣмъ инымъ не могу угостить тебя.

— Отче,—отвѣчалъ ему армянинъ:—мы въ этомъ мѣсяцѣ постимся четыре дня, и теперь я держу постъ.

Услышавъ это, блаженный спросилъ его:

— Кто ты и какой вѣры?

Тотъ отвѣчалъ:

— Развѣ ты не слышалъ обо мнѣ, что я армянинъ?

Тогда блаженный сказалъ ему:

— Какъ же ты осмѣлился войти сюда и осквернить мою келлію, да еще держишь меня за грѣшную мою руку? Выдь отъ меня, иновѣрный[1]) и нечестивый.

---

[1]) *Армяне* раздѣляютъ *монофизитскую ересь*, осужденную Четвертымъ Вселенскимъ Соборомъ въ Халкидонѣ (451 г.), и отвергаютъ всѣ послѣдовавшіе за нимъ Вселенскіе Соборы. Сущность монофизитской ереси состоитъ въ ученіи, что Господь Іисусъ Христосъ, рожденный *изъ двухъ* природъ, или естествъ, пребываетъ *не въ двухъ*—ибо человѣческая природа въ Лицѣ Бога—Слова такъ тѣсно соединилась съ Его Божественною природою, что только мысленно можетъ отъ нея отличаться. Въ Древней Руси вообще существовалъ взглядъ на армянъ какъ злыхъ еретиковъ: такъ, митрополитъ Кипріанъ (1376—1406 гг.) въ своихъ каноническихъ отвѣтахъ писалъ игумену Аѳанасію: «Армянская же ересь гнуснѣйше паче всѣхъ ересей; сего ради не достоитъ православному крестьянину (т. е. христіанину) ни едино же общеніе имѣти съ ними».

И тотъ, посрамленный, удалился.

Послѣ того блаженный Агапитъ прожилъ, какъ предрекъ ранѣе, три мѣсяца и, немного поболѣвъ, отошелъ ко Господу. Будучи на землѣ врачомъ безмезднымъ, онъ принялъ великую награду уже на Небѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни. Братія приготовили къ погребенію честно́е тѣло его и съ обычнымъ пѣніемъ положили въ пещерѣ преподобнаго Антонія[1]). По кончинѣ святаго пришелъ армянинъ въ Кіево-Печерскій монастырь и сказалъ игумену:

— Отнынѣ я оставляю армянскую ересь и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа, для Котораго желаю трудиться въ святомъ иноческомъ чинѣ. Блаженный Агапитъ явился мнѣ и сказалъ: «Ты обѣщался принять иноческій образъ; если солжешь, то погубишь и жизнь, и душу». Я вѣрую, что явившійся мнѣ — святъ, и если бы хотѣлъ онъ дольше жить здѣсь, то это даровалъ бы ему Богъ. Я полагалъ, что онъ не переживетъ трехъ дней, а Богъ прибавилъ ему три мѣсяца, а если бы онъ желалъ, то жилъ бы и три года. Но я думаю, что самъ онъ, какъ святый, захотѣлъ оставить насъ, стремясь въ Царство святыхъ, и если преставилъ его Богъ изъ временной жизни въ сей обители, за то даровалъ ему жизнь вѣчную въ обителяхъ Небесныхъ. Поэтому желаю скорѣе исполнить повелѣніе этого святаго мужа.

Игуменъ, выслушавъ армянина, постригъ его въ иноческій образъ и долго наставлялъ врача тѣлесъ, чтобы онъ, послѣдуя блаженному Агапиту, былъ искусенъ во врачеваніи своей души. Армянинъ подвизался богоугодно и, проведя остальную жизнь въ томъ же Кіево-Печерскомъ монастырѣ, здѣсь же принялъ блаженную кончину, предавъ душу свою въ руки врача душъ и тѣлесъ — Господа нашего Іисуса Христа, славимаго съ Безначальнымъ Отцемъ и съ Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) *Преп. Агапитъ* скончался не позднѣе 1095 года; мощи его почиваютъ въ пещерѣ св. Антонія.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ДІОНИСІЯ,

игумена Глушицкаго, новаго чудотворца

Сей преподобный отецъ нашъ Діонисій подвизался сперва вблизи озера, называвшагося Великимъ Кубенскимъ[1]) и находившагося на разстояніи четырнадцати поприщъ[2]) на востокъ отъ города Вологды. Впослѣдствіи онъ оставилъ это мѣсто и въ сопровожденіи инока, по имени Пахомія, сталъ обходить многія мѣста, расположенныя въ окрестностяхъ названнаго озера, ища такого, гдѣ бы въ уединеніи онъ могъ отдаться служенію Богу. Преподобный Діонисій и Пахомій пришли въ селеніе, называвшееся Лучицей[3]), и здѣсь прежде всего построили себѣ келлію, а вскорѣ послѣ сего соорудили и церковь во имя святаго Николая, которую и освятили по благословенію епископа Ростовскаго Григорія. Послѣ сего стали собираться къ нимъ иноки, чтобы жить съ ними и подвизаться для душевнаго спасенія. Устроивъ на указанномъ мѣстѣ монастырь, преподобный Діонисій учредилъ въ немъ общежитіе и, принявъ послѣ сего санъ священника[4]), сталъ въ чистотѣ приносить жертву Господу.

Вскорѣ послѣ сего преподобный поставилъ настоятелемъ устроеннаго имъ монастыря ученика своего, вышеназваннаго Пахомія, и, преподавъ благословеніе мира братіи, самъ удалился изъ

---

1) *Преподобный Діонисій*, въ мірѣ Димитрій, родился въ 1362 году въ окрестностяхъ города Вологды. О его родителяхъ и жизни его до принятія иночества не сохранилось свѣдѣній. Онъ былъ постриженъ Діонисіемъ, игуменомъ Спасокаменной обители, находившейся на Кубенскомъ озерѣ, и въ этой обители подвизался 9 лѣтъ. Кубенское озеро названо Великимъ вѣроятно потому, что изъ всѣхъ озеръ Вологодскаго края оно—самое большое.

2) *Поприще*—мѣра разстоянія въ 690 саженей.

3) Селеніе *Лучица*, называемое иначе *Святая Лука*, находилось на берегу Кубенскаго озера у устьевъ рѣки Кубени. Здѣсь до прихода преподобнаго Діонисія существовалъ пришедшій въ запустѣніе монастырь, и Діонисій его возобновилъ.

4) Преподобный Діонисій былъ рукоположенъ въ іерейскій санъ Ростовскимъ архіепископомъ Григоріемъ и, по мнѣнію преосвященнаго Филарета, еще до окончанія постройки храма на Лучицѣ.

монастыря на разстояніе пятнадцати поприщъ, на рѣку Глушицу, и тамъ остановился на ночлегъ. Въ тонкомъ снѣ онъ услышалъ какъ бы голосъ, раздающійся въ этомъ пустынномъ мѣстѣ и зовущій его. Онъ тотчасъ же пробудился, почувствовалъ великую радость и, сотворивъ молитву, водрузилъ на семъ мѣстѣ крестъ, который принесъ съ собою, а потомъ подъ однимъ деревомъ,—которое и до настоящаго времени растетъ внутри монастыря, имѣетъ черныя ягоды и называется черемухой,—соорудилъ себѣ небольшую келлію. Одинъ человѣкъ, страдавшій зубною болью, съѣлъ съ вѣрою ягоду съ этого дерева и тотчасъ же почувствовалъ себя здоровымъ. Послѣ сего преподобный Діонисій предался на семъ мѣстѣ строгому воздержанію, всенощному бодрствованію, посту и молитвѣ. И спустя немного времени одинъ за другимъ стали приходить къ нему на это мѣсто иноки, такъ что число учениковъ его стало умножаться. Видя это, преподобный построилъ на этомъ мѣстѣ церковь во имя Пресвятой Богородицы, честна́го Ея Покрова[1]), и устроилъ монастырь. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ сего, и число иноковъ увеличилось до того, что помѣщеніе въ церкви оказалось для нихъ малымъ, и они стали просить святаго Діонисія, чтобы онъ построилъ для нихъ другую церковь, бо́льшую этой. Исполняя просьбу братіи, преподобный построилъ новую церковь,[2]) значительно бо́льшую первой, чудно украсилъ ее иконами[3]), снабдилъ книгами и нелѣностно сталъ поучать братію, наставляя ихъ въ томъ, что должно было принести имъ душевную пользу.

Однажды, когда преподобный собрался итти въ церковь къ Богослуженію, на него напало множество бѣсовъ. Скрежеща зубами, они стали его бить, а затѣмъ, поднявши полъ, положили его тамъ и говорили ему:

— Уйди изъ этого мѣста, иначе ты умрешь злою смертію!

Но преподобный молитвою побѣдилъ ихъ слабую силу, и они тотчасъ же исчезли. Между тѣмъ братія, не видя святаго, пришли

---

[1]) Эта церковь построена была въ 1403 году. Кубенскій князь Димитрій, желая оказать помощь преподобному Діонисію, прислалъ для ея построенія своихъ мастеровъ, плотниковъ.

[2]) Эта вторая церковь построена была чрезъ 9 лѣтъ послѣ первой, въ 1412 году.

[3]) Преподобный Діонисій самъ писалъ иконы, такъ какъ былъ искуснымъ художникомъ. До сихъ поръ сохранились иконы, писанныя его рукою. Такъ, въ Прилуцкомъ монастырѣ показывается икона преподобнаго Димитрія, написанная имъ; въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ иконостасѣ собора есть образъ преподобнаго Кирилла—тоже его работы и др.

Прп҃бный
Діони́сій

въ его келлію и, нашедши его придавленнымъ половыми досками, подняли полъ, послѣ чего онъ сказалъ имъ:

— Видите, братія, какую борьбу ведутъ съ нами враги наши, но пусть это не устрашаетъ насъ.

Послѣ сего преподобный Діонисій тайно отъ братіи ушелъ изъ монастыря и пришелъ въ пустынное мѣсто, находившееся въ четырехъ поприщахъ къ югу отъ большой лавры[1]) на берегу той же рѣки Глушицы и называвшееся Сосновцемъ. Здѣсь онъ соорудилъ церковь во имя Іоанна Крестителя[2]), построилъ келліи и переселилъ сюда изъ своего монастыря нѣкоторыхъ изъ братіи. Онъ сказалъ имъ, что здѣсь будетъ погребено тѣло его, и повелѣлъ имъ все необходимое для своего содержанія получать изъ большой лавры. На этомъ послѣднемъ мѣстѣ своихъ подвиговъ еще за семь лѣтъ до своей кончины преподобный самъ выкопалъ для себя могилу, чтобы она каждый день напоминала ему о томъ часѣ, когда въ нее будетъ положено тѣло его. Съ этого времени онъ еще болѣе усилилъ свои богоугодные подвиги въ постѣ, молитвѣ и бодрствованіи и много разъ всю ночь простаивалъ на морозѣ, утруждая этимъ плоть свою. Совершивъ силою Христовою множество чудесъ и причастившись предъ исходомъ души своей Пречистаго Тѣла и Крови, преподобный Діонисій преставился въ вѣчный покой[3]).

---

1) Такъ названъ здѣсь Покровскій монастырь, изъ котораго удалился преподобный.

2) Этотъ храмъ былъ построенъ въ 1420 году.

3) *Преподобный Діонисій* скончался 74 лѣтъ отъ роду въ воскресный день 1-го іюня 1437 года. Московскій Соборъ, бывшій въ 1547 году при митрополитѣ Макаріи, причислилъ его къ лику святыхъ, а въ XVI столѣтіи была построена первая церковь во имя его. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Сосновецкомъ монастырѣ въ храмѣ во имя святыхъ Діонисія и Амфилохія. Въ монастырѣ хранятся двѣ иконы: одна—Покрова, а другая—Знаменія Божіей Матери; обѣ по преданію написаны преподобнымъ Діонисіемъ.

Наружность преподобнаго была такая: роста онъ былъ низкаго и тѣломъ весьма худъ, голову имѣлъ немалую, брови—полукруглыя, лице—продолговатое, щеки—впалыя, глаза—кроткіе, бороду—до груди, густую, волосы—свѣтлорусые и полусѣдые.

Тропа́рь, гла́съ а̃:

Ржѐственною любо́вію ѿ ю̑ности распала́емь дїоню́сїе прп̑бне, всѧ̂ а̃же въ мі́рѣ кра́снаѧ возненави́дѣвъ, хр̑та̀ є̂ди́наго возлюби́лъ є̂сѝ: и̂ сегѡ̀ ра́ди ко вн҃у́треннюю пу́стыню всели́лсѧ є̂сѝ, со свѣ́рьмѝ живы́й, ве́сь хр̑то́ви [1]). ѾонҲдуже и̂ всевѝдящее о̑ко [2]) твоѧ̂ тр҃у́ды ки́дѣвъ, да́ромъ чу́десъ и̂ по преставле́нїи ѡ̑богати́лъ тѧ̀ е̑сть. тѣ́мже копїе́мъ тѧ̀: моли́ непреста́нно ѡ̑ всѣ́хъ на́съ, ч҃тн҃ую па́мять твою̀ при́сно въ пѣ́снехъ почита́ющихъ.

Конда́къ, гла́съ и̂:

Всѐ твоѐ ѹ̑мное жела́нїе къ бг҃у̀ впери́въ, тому̀ невозвра́тно ѡ̑ дш҃ѝ послѣ́довалъ є̂сѝ, въ пу́стыню всели́всѧ, и̂ та́мо ѧ̆гг҃льски пожи́въ, мно́гимъ пу́ть бы́лъ є̂сѝ ко спсе́нїю: сегѡ̀ ра́ди и̂ хр̑то́съ тебѣ̀ просла́ви, и̂ да́ромъ чу́десъ ѡ̑богатѝ. тѣ́мже всѝ копїе́мъ тѧ̀: ра́дуйсѧ, дїоню́сїе прп̑бне, пу́стынный жи́телю.

---

[1]) *Весь Христови*, т. е. всего себя отдалъ Христу, всѣ силы свои посвятилъ исполненію заповѣдей Христовыхъ.

[2]) *Всевидящее око*, т. е. Всевидящій Богъ.

День второй

ЖИТІЕ

ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

НИКИФОРА ИСПОВѢДНИКА,

Патріарха Цареградскаго

Великій поборникъ благочестія святый Никифоръ родился въ Царьградѣ[1]) отъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ родителей Ѳеодора и Евдокіи. Отецъ его сподобился исповѣдническаго вѣнца, потерпѣвъ раны и изгнаніе за почитаніе святыхъ иконъ. Въ царствованіе Копронима[2]) онъ занималъ должность нотарія[3]) по тайнымъ царскимъ дѣламъ, и на него къ злочестивому царю поступилъ доносъ, что онъ благочестиво почитаетъ святыя иконы, поклоняется образу Спасителя, Пречистой Богоматери и всѣхъ

---

1) *Константинополь*, или *Царьградъ*,—столица Византійской, нынѣ Турецкой, имперіи; основана императоромъ Константиномъ Великимъ въ IV в. по Р. Хр. на мѣстѣ прежняго города Византіи.

2) *Константинъ V Копронимъ* царствовалъ съ 741 по 775 годъ.

3) *Нотарій* собственно значитъ скорописецъ. Въ первые вѣка по Р. Хр. такъ назывались императорскіе секретари, скрѣплявшіе акты. При Константинѣ Великомъ была учреждена тайная канцелярія нотаріевъ, которые вели протоколы самыхъ важныхъ государственныхъ совѣщаній. Секретари Константинопольскаго Патріарха также назывались нотаріями.

святыхъ. Царь немедленно призвалъ къ себѣ блаженнаго Ѳеодора, подвергъ его допросу и, убѣдившись въ справедливости доноса, долго принуждалъ его оставить иконопочитаніе; когда же рабъ Христовъ не оказалъ повиновенія царской волѣ, то послѣ жестокихъ побоевъ былъ сосланъ на заточеніе въ городъ Молинъ, брошенъ здѣсь въ ужасную темницу, въ которой и страдалъ за правовѣріе. Спустя нѣсколько времени его снова призвали въ Царьградъ и еще упорнѣе понуждали склониться къ ереси, проповѣдуемой царемъ; но онъ остался какъ адамантъ[1]) твердымъ въ благочестіи, соглашаясь скорѣе принять раны и смерть, чѣмъ нарушить церковные законы и преданія святыхъ отцевъ. По повелѣнію беззаконнаго царя онъ снова былъ подвергнутъ различнымъ жестокимъ мученіямъ и снова же посланъ въ изгнаніе; проведя въ Никеѣ[2]) узникомъ и страдальцемъ шесть лѣтъ, онъ отошелъ ко Господу въ вѣчную свободу блаженной жизни. Супруга его, честна́я Евдокія, была участницей всѣхъ бѣдъ и золъ своего мужа, послѣдовала за нимъ въ изгнаніе, страдала въ узахъ, не разлучаясь съ нимъ ни тѣломъ, ни духомъ. По кончинѣ мужа она возвратилась въ Царьградъ и богоугодно проводила дни свои, какъ подобало христіанской вдовицѣ. Въ теченіе этого времени сынъ ея Никифоръ послѣ изученія наукъ получилъ при царскомъ дворѣ должность отца своего. Затѣмъ блаженная Евдокія сподобилась увидѣть своего сына сначала въ ангельскомъ образѣ, а потомъ и въ святительскомъ санѣ; тогда, возблагодаривъ Бога, она удалилась въ женскій монастырь, постриглась въ иночество и послѣ богоугодныхъ подвиговъ преставилась ко Господу въ маститой старости.

Блаженный Никифоръ, о которомъ наше слово, былъ святою вѣтвью отъ святаго корня: отъ сосцевъ материнскихъ воспитанный въ благочестіи, взращенный въ добронравіи и наставленный на богоугодное житіе, онъ проводилъ лѣта юности цѣломудренно, въ великомъ воздержаніи и былъ исполненъ премудрости внѣшней и внутренней—мірской и духовной: онъ изучилъ въ совершенствѣ не только книги еллинскихъ любителей мудрости, но и

---

1) *Адамантъ* въ переводѣ съ греческ. языка значитъ алмазъ—камень, отличающійся своею твердостію.

2) *Никея*, въ описываемое время значительный городъ Виѳинской приморской области, нынѣ представляетъ собою бѣдное селеніе съ названіемъ Исникъ. Замѣчателенъ въ исторіи христіанской Церкви тѣмъ, что здѣсь былъ Первый (въ 325 г.) Вселенскій Соборъ.

Стый
Никифоръ

божественныя писанія; краснорѣчивый ораторъ, украшенный всякими добродѣтелями, отличавшійся разумомъ и добронравіемъ, онъ былъ любимъ и почитаемъ всѣми. Возмужавъ, Никифоръ въ царствованіе Льва, сына Копронимова[1]), былъ удостоенъ сана царскаго совѣтника и соблюдалъ правовѣріе посреди зловѣрныхъ, поклоняясь святымъ иконамъ и другихъ приводя къ тому же богомудрыми увѣщаніями. Когда же, по смерти Льва, въ царствованіе его сына Константина и матери послѣдняго Ирины[2]) созванъ былъ въ Никеѣ Седьмой Вселенскій Соборъ противъ иконоборной ереси[3]), тогда блаженный Никифоръ, будучи еще міряниномъ, оказалъ существенную помощь засѣдавшимъ на Соборѣ святымъ Отцамъ — какъ человѣкъ мудрый и весьма свѣдущій въ божественномъ писаніи; какъ мужу выдающейся знатности ему было поручено говорить на Соборѣ отъ имени царя. Такимъ образомъ еще до епископства онъ явилъ себя исповѣдникомъ и учителемъ Православія, посрамляя еретиковъ при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, за что и ублажали и благословляли его святые Отцы Собора.

Послѣ этого Собора Никифоръ еще нѣсколько лѣтъ оставался въ мірскомъ почетномъ санѣ царскаго совѣтника. Потомъ, убѣдившись, что трудъ для суетнаго и мятежнаго міра не приноситъ пользы душѣ,—онъ видѣлъ, что во дворцѣ начинаются раздоры между сыномъ и матерью,—Никифоръ, пренебрегая суетной славой, оставилъ высокій санъ, удалился изъ города и поселился на

---

1) *Левъ IV Хазаръ* царствовалъ съ 775 до 780 года.

2) За малолѣтствомъ ея сына, императора Константина (Порфиророднаго), вначалѣ государствомъ управляла Ирина.

3) *Седьмой Вселенскій Соборъ*, бывшій въ Никеѣ въ 787 г., осудилъ иконоборство и возстановилъ иконопочитаніе.

одномъ дальнемъ и безмолвномъ мѣстѣ при Босфорѣ Ѳракійскомъ [1]): тамъ онъ началъ уединенно трудиться для одного Бога, въ молитвахъ и постѣ стремясь къ своему спасенію. По прошествіи нѣкотораго времени онъ построилъ церковь, собралъ иноковъ, образовавъ монастырь; самъ еще не нося иноческаго чина, уже трудился онъ какъ инокъ, испытывая себя, можетъ ли переносить подвигъ иноческой, полной скорбей, жизни. И жилъ онъ такъ много лѣтъ, почти до половины царствованія Никифора [2]).

По отшествіи ко Господу Святѣйшаго Патріарха Цареградскаго Тарасія [3]) блаженный Никифоръ, мірянинъ по внѣшнему виду и совершенный инокъ по жизни, былъ избранъ на патріаршество и въ то время впервые принялъ чинъ иноческій, а затѣмъ сначала былъ рукоположенъ во пресвитера, а потомъ, противъ своего желанія и по убѣжденію царя Никифора, въ самый пресвѣтлый день Святой Пасхи былъ возведенъ на престолъ архіерейскій. И украшалъ онъ святую Церковь учительнымъ словомъ и добродѣтельнымъ житіемъ, исправляя развращенныхъ, утверждая правыхъ и отгоняя еретиковъ, какъ волковъ, отъ словеснаго стада. Въ тѣ годы шла война у Грековъ съ Болгарами, и царь Никифоръ, отправившись на войну, былъ убитъ. Послѣ него царствовалъ сынъ его Ставрикій, но недолго, всего два мѣсяца, потомъ умеръ. Послѣ Ставрикія принялъ царство благочестивый мужъ Михаилъ, прозываемый *Рангавъ*, который ранѣе имѣлъ санъ киропалата [4]). Черезъ два года его изгналъ Левъ Армянинъ [5]), похитившій скипетръ Греческаго царства. Святѣйшій Никифоръ послалъ къ этому хищнику, до вѣнчанія его на царство, епископовъ съ исповѣданіемъ православной вѣры, прося новаго царя подписать своею рукою, по обычаю прежнихъ благочестивыхъ царей, обѣщаніе содержать неизмѣнно догматы Святой Вѣры, изложенные въ томъ исповѣданіи. Лукавый и лицемѣрный царь на словахъ показалъ себя усерднымъ къ благочестію и обѣщался подписать исповѣданіе, но только не ранѣе вѣнчанія:

— Когда, —сказалъ онъ,—будетъ на меня возложенъ вѣнецъ царскій, тогда подпишу.

---

1) *Босфоръ*, или *Константинопольскій проливъ*, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ, названъ *Ѳракійскимъ* въ отличіе отъ многихъ проливовъ, получившихъ то же названіе.

2) *Никифоръ* царствовалъ съ 802 г. по 811 г.

3) Патріархомъ былъ съ 784 г. по 806 г. Память его — 25 февраля.

4) *Михаилъ I* — съ 811 г. по 813 г. *Киропалатъ* — начальникъ дворцовой стражи.

5) *Левъ Армянинъ* царствовалъ съ 813 г. по 820 г.

И повѣрили этой лисицѣ. Вмѣсто исповѣданія благочестивой вѣры льстецъ подписалъ тайно принесенную ему еретиками книгу, повинуясь болѣе подобнымъ себѣ хищнымъ волкамъ, чѣмъ истиннымъ пастырямъ. Потомъ съ великою пышностью и славою царскою вошелъ онъ въ соборную Софійскую церковь; когда же совершался обычный чинъ вѣнчанія царскаго и Святѣйшій Патріархъ возлагалъ вѣнецъ на голову, его недостойную, открылъ Богъ Святѣйшему Патріарху, каковъ будетъ этотъ царь: ибо возлагаемый царскій вѣнецъ превратился въ рукахъ Патріарха какъ бы въ вѣнецъ терновый и остріями болѣзненно кололъ руки архіерея, который позналъ, что это служитъ знаменіемъ предстоящаго вскорѣ гоненія и мучительства отъ того царя, о чемъ съ душевнымъ сокрушеніемъ и извѣстилъ свой клиръ.

На другой день по вѣнчаніи святый Никифоръ снова просилъ царя исполнить обѣщаніе и подписать исповѣданіе православія, слѣдуя примѣру прежнихъ благовѣрныхъ царей, но Левъ уже вступилъ на путь лжи и, оскверняя царскую порфиру, рѣшительно отказался исполнить предложеніе святителя. Прошло нѣсколько времени, и царь началъ явно хулить святыя иконы, вооружившись не противъ враговъ, отовсюду наступавшихъ на Грецію и опустошавшихъ ее, но противъ иконъ Христа, Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ и противъ поклоняющихся имъ. Собравъ къ себѣ въ Царьградъ всѣхъ епископовъ и пресвитеровъ, за разныя вины по правиламъ отлученныхъ отъ служенія у божественнаго алтаря, онъ далъ имъ мѣста въ царскихъ палатахъ, и, питая ихъ, какъ откармливаемыхъ звѣрей, онъ снискивалъ черезъ это расположеніе тѣхъ, **и҃мже бг҃ъ чрѣво**[1]); царь часто бесѣдовалъ съ ними, поучаясь иконоборной ереси, и совѣтовался, какими бы способами возстановить хульный догматъ противъ иконъ, отвергнутый Седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ. Чтобы удобнѣе склонить ихъ къ единомыслію съ собою, онъ обѣщалъ имъ не только возвратить прежнія званія, которыхъ они были лишены, но еще и увеличить имъ почести. Надменные милостью царя, они начали усердно помогать ему, всюду тревожа преслѣдованіями православныхъ. Именемъ царя они собрали изъ всѣхъ мѣстъ безчисленное множество книгъ и сообща разсматривали ихъ; и если находили какую-нибудь книгу еретическую, написанную противъ иконъ, ту

[1]) Посл. къ Филипп., гл. 3, ст. 19.

принимали охотно, какъ честно́е Евангеліе, и хранили у себя. А если встрѣчалась книга, написанная противъ иконоборной ереси, ту они немедленно какъ мерзость бросали въ огонь и сожигали. Потомъ царь повелѣлъ всѣмъ греческимъ епископамъ собраться въ Царьградъ на Соборъ. Епископы отправились каждый изъ своего мѣста и, прибывъ въ городъ, являлись по обычаю къ Святѣйшему Патріарху Никифору. Царь же повелѣлъ немедленно захватывать такихъ епископовъ и ввергать въ темницу; тѣхъ изъ нихъ, которые, подъ страхомъ навлечь на себя его грозный гнѣвъ и преслѣдованія, склонялись къ еретическому единомыслію съ нимъ, онъ освобождалъ отъ узъ и темницъ и удостаивалъ почестей, а непоколебимо пребывавшихъ въ правовѣріи безчестно угналъ узами, мучилъ голодомъ и жаждою. Весьма многіе, подъ вліяніемъ страха, присоединялись къ единомыслію съ царемъ, и еретическое сонмище пріобрѣло значительную силу. Лжеучители начали дерзновенно и невозбранно распространять по всѣмъ церквамъ свои хульныя ученія, склоняя народъ не почитать святыхъ иконъ, истинныхъ же учителей Православія они изгоняли изъ церквей, причиняли имъ зло и даже самого Святѣйшаго Патріарха, богогласную трубу, пытались принудить къ молчанію и возбранить ему входъ въ соборную церковь.

Служитель Божій святый Никифоръ, слыша и видя все, происходившее въ Церкви, непрестанно со слезами молилъ Бога, да сохранитъ Онъ Церковь Свою непорочною и да соблюдетъ стадо Свое невредимымъ отъ еретиковъ. Призывая къ себѣ многихъ правовѣрныхъ, онъ увѣщавалъ ихъ, просилъ и наставлялъ: не соединяться съ еретиками, избѣгать закваски[1]) и ученія ихъ, какъ укушенія ехидны, не устрашаться лютаго того времени и угрозъ мучителя, убивающаго тѣло, а не душу[2]).

«Если, — училъ онъ, — и весь народъ за царемъ уклонится въ ересь, и лишь немногіе останутся вѣрны правой вѣрѣ, то все же оставшіеся пусть не смущаются своей малочисленностью, ибо Господь благоволитъ не множеству: Онъ призираетъ на одного боящагося и трепещущаго словъ Его болѣе, чѣмъ на множество пренебрегающихъ страхомъ Божіимъ, по Своему слову въ Евангеліи: **не бо́йсѧ ма́лое ст҃а́до: ѩ҃кѡ благоизво́ли о҆҆ц҃ъ ва́ш҃ъ да́ти ва́мъ**

[1]) Еванг. отъ: Мате., гл 16, ст. 6; Луки, гл. 12, ст. 1—9.
[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 4—10.

ца́рство[1]). Потомъ Святѣйшій Патріархъ созвалъ къ себѣ извѣстнѣйшихъ архіереевъ: Емиліана Кизическаго, Евѳимія Сардійскаго, Іосифа Ѳессалонитскаго, Евдоксія Амморейскаго, Михаила Синадскаго, Ѳеофилакта Никомидійскаго, Петра Никейскаго и многихъ другихъ святыхъ Отцевъ, въ числѣ которыхъ были Ѳеодоръ Студитъ[2]), Никита, игуменъ мидикійскій, и другіе правовѣрные мужи. Послѣ долгой бесѣды съ ними о почитаніи святыхъ иконъ, веденной на основаніи Божественнаго Писанія и преданія святыхъ Отцевъ, онъ отправился съ вечера въ соборную церковь святой Софіи и началъ всенощное бдѣніе, моля Бога о ниспосланіи мира Церкви и объ избавленіи ея отъ ереси. Царь, узнавъ о томъ, смутился и испугался, какъ бы Патріархъ не поднялъ мятежа противъ него среди народа, во множествѣ собравшагося въ церковь на всенощное бдѣніе: онъ зналъ, что народъ любитъ Патріарха и что всѣ охотно будутъ повиноваться ему даже до готовности умереть за него. И вотъ на разсвѣтѣ царь посылаетъ въ церковь къ Патріарху сказать:

— Зачѣмъ ты смущаешь народъ и строишь ковы противъ царя, который желаетъ общаго мира и единомыслія? Зачѣмъ возбуждаешь на мятежъ безумныхъ людей и кровью междоусобной рати хочешь наполнить царствующій градъ?

Святѣйшій Патріархъ отвѣчалъ посланнымъ царя:

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. **12**, ст. 32.

2) *Преп. Ѳеодоръ Студитъ* еще въ юныхъ лѣтахъ вступилъ на путь иноческой жизни, подвизаясь вначалѣ подъ руководствомъ своего дяди, преподобнаго Платона (память его — 5-го апрѣля), защитника иконопочитанія на VII Вселенскомъ Соборѣ. Впослѣдствіи преп. Ѳеодоръ сдѣлался настоятелемъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ; монастырь этотъ подъ его управленіемъ достигъ небывалой высоты. Преп. Ѳеодора дважды высылали изъ Константинополя за обличеніе императора Константина Багряноролднаго, незаконно разведшагося со своею супругою Маріею и увеличившаго тяжесть своего преступленія назаконнымъ бракомъ съ Ѳеодорою. По возвращеніи въ Студійскій монастырь изъ ссылки, когда вспыхнуло гоненіе на святыя иконы, преп. Ѳеодоръ, не обращая вниманія на угрозы иконоборцевъ, открыто совершалъ съ честными иноками Крестные ходы. Тогда императоръ Левъ Армянинъ послалъ его въ заточеніе, гдѣ онъ содержался въ сырыхъ и душныхъ темницахъ, неоднократно подвергаясь жестокимъ побоямъ. При Михаилѣ Косноязычномъ св. Ѳеодоръ былъ возвращенъ изъ заточенія, но жилъ не долго, изнуренный заключеніемъ. Умеръ 67 лѣтъ въ 826 г., 11 ноября (когда и совершается его память). Въ минуту кончины святаго Ѳеодора преп. Иларіонъ Далматскій видѣлъ сонмъ Ангеловъ, нисходящихъ съ Неба, и слышалъ голосъ: «се, душа Ѳеодора, игумена Студійскаго, въ торжествѣ восходитъ горѣ и ее встрѣчаютъ Небесныя Силы».

Св. Ѳеодоръ оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія въ видѣ Словъ, оглашеній, писемъ, каноновъ, стихиръ, эпиграммъ и жизнеописаній. Наиболѣе полное изданіе сочиненій преп. Ѳеодора на русскомъ языкѣ предпринято редакціей журнала «Христіанское чтеніе» въ качествѣ приложенія къ этому журналу за 1907 и 1908 гг.

— Ни о чемъ подобномъ тому, что̀ вы говорите, мы и не помышляемъ; даже на умъ намъ никогда не приходило то, что̀ о насъ думаетъ пославшій васъ царь. Мы собрались въ домъ Божій не для какого-либо враждебнаго царю совѣта, но на славословіе Божіе, на моленія и мольбы, да умилостивится Богъ и оградитъ миромъ Церковь Свою, царя и весь народъ, да упразднитъ еретическія шатанія, а всѣхъ утвердитъ въ единомысленномъ православіи.

Посланные сказали:

— Нѣтъ, не такъ это, какъ ты говоришь: одно говоришь ты устами, а другое помышляешь въ сердцѣ твоемъ и помышляемое хочешь привести въ исполненіе. А такъ какъ ты явно собираешься возстать противъ царя, то самъ и твои единомысленники при наступленіи дня идите въ царскую палату и тамъ отвѣчайте самому царю на предложенный нами вопросъ, чтобы и царь могъ обстоятельнѣе узнать о вашихъ намѣреніяхъ.

Такъ сказавъ, посланные ушли. Всѣ бывшіе въ церкви, видя и слыша это, поняли, что̀ будетъ потомъ,—какое гоненіе и зло предстоитъ перенести служителю Божію и всей Церкви Христовой, и начали молиться еще усерднѣе, со многими слезами и воздыханіями. По окончаніи всенощнаго бдѣнія святѣйшій Никифоръ вышелъ на средину церкви и поучалъ во всеуслышаніе:

— О соборъ, собранный Духомъ Божіимъ! Кто ожидалъ, что Святая Церковь подвергнется такимъ бѣдамъ, какія теперь мы видимъ? Вмѣсто радости испытываетъ она печаль и отъ тишины переходитъ къ смущенію. Пасущая на доброй пажити словесное стадо терпитъ хищеніе отъ развратившихся, и Матерь, увѣщавающая всѣхъ чадъ своихъ къ единомыслію, раздирается на части! Та Церковь, которую Христосъ пріобрѣлъ честно́ю Своею кровію, которую сохранилъ въ чистотѣ отъ всякаго порока[1]), оградилъ апостолами, пророками, мучениками и святыми всѣхъ чиновъ и показалъ какъ рай украшенный и огражденный стѣнами,—какія бѣды терпитъ она нынѣ отъ людей, которые по внѣшности подобны намъ, а на самомъ дѣлѣ отстоятъ далеко отъ насъ, сдѣлались врагами нашими и до того дошли въ своей злобѣ, что вмѣстѣ съ образомъ наносятъ безчестіе и тому, кто на немъ изображенъ, и вмѣстѣ съ написаннымъ на доскѣ ликомъ Христовымъ отверга-

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 5, ст. 27.

ють и Самого Христа: ибо какъ честь, такъ и безчестіе, творимыя образу, относятся къ тому, кто изображенъ на иконѣ. Нынѣ враги правды уничтожаютъ древнее церковное преданіе о почитаніи святыхъ иконъ и узаконяютъ новое, противоположное прежнему, изобрѣтенное еретиками, и тѣмъ смущаютъ души вѣрныхъ. Братія и чада! Молю васъ, не будемъ боязливы и малодушны, угрозы ихъ да не ужасаютъ сердецъ нашихъ; будемъ ожидать Божіей помощи. Враждующіе противъ насъ и стремящіеся истребить въ Церкви правду подобны плывущимъ противъ быстринъ рѣчныхъ: они, въ концѣ концовъ, окажутся въ глубинѣ отъ изнеможенія, ибо истина неодолима и увѣнчиваетъ почитающихъ ее, побѣждая ратующихъ противъ нея. Кто ея держится, тотъ и безоружный одолѣетъ врага; кто ея лишился, тотъ легко будетъ побѣжденъ, хотя бы и былъ вооруженнымъ на брань воиномъ. Свидѣтели нашихъ словъ тѣ, о которыхъ мы говоримъ: они не имѣютъ никакого познанія Истины, надъ ними смѣются даже отроки, учащіе букварь, ибо они противорѣчатъ сами себѣ въ своихъ суетныхъ мудрствованіяхъ, какъ бы съѣдая, подобно бѣснующимся, свою плоть. Разумѣете ли, что я говорю, братія?

Всѣ, присутствовавшіе въ церкви, воскликнули:

— Знаемъ и убѣждены, святѣйшій отче, что вѣра наша православная есть истинная, и за нее мы всѣ готовы умереть.

Патріархъ сказалъ:

— Подобаетъ намъ, братія, пребывать согласными и единодушными въ исповѣданіи православной вѣры, чтобы наши противники не могли ни одного отъ насъ отторгнуть къ своему злочестію: ибо благодатію Христовою насъ больше, чѣмъ ихъ.

Люди, взывая громкимъ голосомъ, снова давали твердое обѣщаніе стоять за Церковь даже до смерти. Послѣ продолжительной бесѣды съ народомъ въ церкви Святѣйшій Патріархъ при наступленіи дня возложилъ на плечи омофоръ и съ бывшими при немъ епископами, игуменами и со всѣмъ клиромъ отправился въ царскія палаты. За ними также пошло много народа. Когда же Патріархъ съ православными достигъ дворцовыхъ воротъ, то всѣ были удержаны, пропущенъ былъ одинъ только первосвятитель. Обыкновенно греческіе цари принимали благословеніе отъ Патріарха и взаимно цѣловали правую руку въ знакъ духовной любви. Злочестивый же Левъ Армянинъ не оказалъ входившему Патріарху обычнаго почтительнаго привѣтствія, не попросилъ его благосло-

венія, даже не предложилъ ему сѣсть, но, грозно смотря на него, началъ говорить съ гнѣвомъ:

— Что это за расколъ возникъ среди васъ и на царскую честь возстаніе? Безъ нашего вѣдома собираете Соборы, смущаете народъ и побуждаете его къ волненію и мятежу? Собирать безъ нашего соизволенія и совѣта Соборы и распространять въ народѣ, будто мы держимся зловѣрія, а не церковнаго ученія, не есть ли явная вражда и начало раздоровъ? Если бы мы хотѣли искоренить правые, называемые вами древними, уставы, то своевременно было бы насъ хулить, уничижать и обвинять въ злочестивой ереси; теперь же, когда, изъ любви къ правовѣрію, мы желаемъ истребить раздоры и несогласія и всѣхъ привести къ единству вѣры, зачѣмъ вы хулите насъ, враждуете и говорите, будто мы обижаемъ Церковь, между тѣмъ какъ мы печемся о ея мирѣ и тишинѣ? Развѣ ты не знаешь, что много народа въ смятеніи отторгается отъ Церкви ради того, что иконы пишутся и поставляются? Отторгающіеся приносятъ книги и показываютъ въ нихъ слова Божественнаго Писанія, которыми возбраняется дѣлать иконы и почитать ихъ. И если на возбуждаемые ими вопросы не будетъ отвѣтовъ, то что воспрепятствуетъ раздѣленію въ вѣрѣ, которой уже никогда не прійти въ соединеніе? Поэтому ради тѣхъ, кто волнуется умомъ и смущается недоумѣніемъ, подобаетъ вамъ немедленно имѣть преніе съ этими отторгающимися (отъ Церкви) изъ-за иконъ. Наша власть желаетъ и повелѣваетъ, чтобы или вы опровергли и привели ихъ въ ваше мудрованіе, или, побѣжденные въ спорѣ, сами имъ покорились; тогда и мы, увидѣвъ, гдѣ истина, присоединимся къ лучшей сторонѣ и утвердимъ ее нашей царской властью, чтобы, такимъ образомъ, стоять ей непоколебимо.

Святѣйшій Никифоръ отвѣчалъ царю:

— Нѣтъ, молю твое величество, не считай насъ виновными въ расколахъ и мятежахъ. Даже молитвой, какъ оружіемъ противъ царской твоей власти, мы не пользовались, ибо отъ Божественнаго Писанія научились молиться за царя, а не желать ему зла [1]). Также не обращаемъ мы въ еретическое умствованіе и пагубу здравыхъ словъ и ученій вѣры, ибо дерзающихъ дѣлать подобныя дѣла повелѣваетъ учитель правды, святый Іоаннъ Богословъ, не принимать въ домѣ и не привѣтствовать [2]). Достовѣрно извѣстно не

[1]) 1 Посл. къ Тим., гл. 2, ст. 2.

[2]) 2 Соб. послан. Іоанн., ст. 10.

только намъ, но и всякому, кто обладаетъ малѣйшимъ смысломъ, что миръ и тишина—дѣло весьма доброе; и если кто бываетъ виновенъ въ нарушеніи мира, того по справедливости всѣ должны назвать злодѣемъ. Тотъ царь добръ, который умѣетъ обращать брани въ миръ и мятежи въ тишину; ты же съ единомысленниками твоими задумалъ навести брань на Церковь, пребывающую въ мирѣ, и, оставивъ святые законы, по которымъ прославляется крестъ Христовъ и благочестіе озаряетъ свѣтомъ вселенную, предложилъ ввести помраченное ученіе пагубныхъ людей, котораго ни одна изъ Церквей не принимаетъ: ибо ни Іерусалимъ, ни Римъ, ни Александрія, ни Антіохія не отвергаютъ иконъ Христа, Пресвятой Богородицы, апостоловъ и прочихъ угодниковъ Божіихъ, но, напротивъ, благочестиво почитаютъ ихъ по преданію святыхъ Отцевъ. Который изъ Вселенскихъ Соборовъ, утвердившій Духомъ Святымъ догматы православной вѣры, одобрилъ и принялъ иконоборныя мудрованія? И ты, царь, поэтому не возстанавливай отвергнутую ересь и не вводи въ Святую Церковь уже осужденнаго мудрованія. У насъ же съ еретиками пренія не будетъ, ибо какая нужда препираться о томъ, что уже было соборно святыми Отцами опровергнуто, отвергнуто и предано анаѳемѣ?

Царь возразилъ на это Святѣйшему Патріарху:

— Не Моисею ли Богъ сказалъ: **не сотвори себѣ кумі́ра, и всѧ́каго подо́бїѧ, є́лика на небеси́ горѣ́, и є́лика на земли́ ни́зу, и є́лика въ вода́хъ подъ земле́ю: да не поклони́шися и̑мъ, ни послу́жиши и̑мъ** [1]). На какомъ же разумномъ основаніи вы пишете иконы и ту честь, которая подобаетъ Самому Богу, воздаете созданнымъ вами образамъ и иконамъ? Что идолопоклонники дѣлали въ старину, то и вы теперь дѣлаете, пренебрегая Заповѣдью Божіей, данной Моисею, а чрезъ него и всѣмъ людямъ, не только древнимъ ветхозавѣтнымъ, но и намъ, новоблагодатнымъ вѣрнымъ христіанамъ.

Святѣйшій Никифоръ отвѣчалъ:

— Развѣ ты не знаешь, зачѣмъ Израильтянамъ, по исходѣ ихъ изъ Египта, была дана Богомъ заповѣдь не творить кумировъ и всякаго подобія? Затѣмъ, что жизнь въ Египтѣ пріучила Израильтянъ къ нечестію и идолопоклонническому многобожію египтянъ, которые боготворили то нѣкихъ людей, давно уже умершихъ, то птицъ небесныхъ, звѣрей земныхъ, гадовъ, рыбъ и раз-

[1]) Кн. Исх., гл. **20**, ст. 4—5.

ныя чудовища, дѣлали подобія ихъ и поклонялись имъ какъ Истинному Богу. Чтобы искоренить въ Израильтянахъ идолопоклонство, которому они навыкли въ Египтѣ, Богъ далъ имъ заповѣдь о нетвореніи кумировъ, ни всякаго подобія, но не возбранилъ творить честные образы и иконы, которые служатъ не къ уничиженію, но къ умноженію Богопочитанія. Ибо не повелѣніемъ ли Того же Бога Моисей создалъ Скинію и оковалъ со всѣхъ сторонъ золотомъ Ковчегъ Завѣта, въ которомъ хранились скрижали, жезлъ Ааронов̀ъ и манна? [1]) Развѣ не повелѣлъ Богъ сдѣлать золотыхъ Херувимовъ и поставить ихъ надъ Кивотомъ въ Скиніи, и по завѣсамъ Скиніи развѣ не были вытканы подобія лицъ херувимскихъ? И все это развѣ не почиталось Израильтянами какъ честно̀е и божественное, а предъ всѣмъ этимъ развѣ не поклонялись Израильтяне Богу и не приносили жертвы? Когда же они кланялись и приносили жертвы предъ Скиніею, Кивотомъ и Херувимами, то не Скиніи, не Кивоту, не Херувимамъ поклонялись и приносили жертвы, но самому Богу, живущему на Небесахъ; Скинію же и Кивотъ съ тѣмъ, что было въ немъ, и подобія Херувимовъ почитали честно какъ предметы божественные, а не обоготворяемые, какъ и мы нынѣ поступаемъ, поклоняясь святымъ иконамъ, зажигая предъ ними свѣчи и устрояя лампады. Не доскѣ и не краскамъ мы кланяемся, но самому лику Христа — воплощеннаго Бога, изображенному на иконѣ, и не Божество Христово пишемъ на иконѣ,—ибо Оно, какъ невидимое и непостижимое, не изобразимо,—но начертываемъ человѣчество Христово, нѣкогда видѣнное человѣческими очами и осязанное руками, и не называемъ иконы Христовой Богомъ, но изображеніемъ лица Христа Бога. Христу Богу предъ Его святою иконою мы кланяемся какъ Богу, а икону Христову почитаемъ какъ предметъ божественный, но не обожаемъ ея. Подобное до̀лжно сказать и объ иконѣ Пресвятой Богородицы, и о прочихъ святыхъ, въ которыхъ почитается Самый Богъ, дивный во святыхъ Своихъ. Но начавъ о ветхозавѣтномъ, мы еще не кончили. Развѣ не повелѣлъ Богъ Моисею вознести въ пустынѣ мѣднаго змія, чтобы люди, укушенные змѣями, приходили и взирали на него? И не былъ ли тотъ мѣдный змій чудотворнымъ образомъ, чудесно исцѣлявшимъ тѣхъ, которые терпѣли укушенія отъ живыхъ змѣй? Ибо тотъ змій имѣлъ цѣлебную силу не самъ по себѣ, но отъ Того,

[1]) Посл. къ Евр., гл. 9, ст. 4.

Кого прообразовалъ. Прообразовалъ же онъ Христа Спасителя нашего, Которому должно было вознестись на Древо Крестное по слову, сказанному потомъ Самимъ Христомъ въ Евангеліи: **ꙗ҆коже мwѷсе́й вознесѐ sмі́ю въ пⷭ҃стыни, та́кw подоба́етъ вознести́ сѧ҃ сн҃ꙋ҃ челове́ческомꙋ҃**[1]). И что удивительнаго въ томъ, что и нынѣ святыя иконы бываютъ чудотворными, если еще въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ мѣднаго змія творились чудеса? Но какъ этотъ змій творилъ чудеса не самъ по себѣ, но силою Того, Кого прообразовалъ,— такъ и святыя иконы бываютъ чудотворными силою изображеннаго на нихъ лица. Вспомнимъ еще и храмъ Соломона: вмѣнилъ ли Богъ Соломону въ грѣхъ то, что въ созданномъ храмѣ сотворилъ онъ иныхъ, кромѣ сдѣланныхъ Моисеемъ, бо́льшихъ золотыхъ Херувимовъ, и изобразилъ подобія ихъ по стѣнамъ, столпамъ и дверямъ, и сотворилъ *мѣдное море*[2]) на двѣнадцати изваянныхъ волахъ? Не только Богъ не вмѣнилъ этого Соломону въ грѣхъ, но даже показалъ, что это дѣло благоугодно Ему, когда Самъ посѣтилъ тотъ храмъ и все, что въ немъ, ибо написано: **о҆́блакъ и҆спо́лни хра́мъ гд҃ень, и҆ не можа́хꙋ҃ і҆ере́и ста́ти слꙋ҃жи́ти ѿ лица̀ о҆́блака, та́кw и҆спо́лни сла́ва гд҃на хра́мъ**[3]). Итакъ, упомянутая раньше тобою, о царь, заповѣдь Закона Божія о нетвореніи всякихъ подобій, данная Моисею, уничтожаетъ только языческое идолопоклонство, а не наше христіанское благочестіе —почитаніе святыхъ иконъ. Если бы Богъ этою первоначальною Своею заповѣдію такъ же запрещалъ совершенно всякое писаніе и подобія честны́хъ лицъ, какъ запрещалъ онъ изображенія нечестивыя, то противорѣчилъ бы Самъ Себѣ, повелѣвъ потомъ Моисею, какъ было сказано, создать скинію и ея принадлежности, да еще вознести скованнаго изъ мѣди змія. Но такъ говорить не подобаетъ: не противорѣчитъ Богъ Самому Себѣ, и какъ вѣренъ во всѣхъ словахъ Своихъ, такъ святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ. Онъ заповѣдалъ словомъ не творить языческихъ кумировъ; изображать же для церковнаго украшенія и славы Божіей святыя иконы—этому научилъ дѣломъ, Самъ на это наставилъ Моисея, повелѣвъ изобразить подобія херувимскихъ лицъ.

Такъ и многое другое говорили царь и патріархъ о святыхъ иконахъ сначала наединѣ, потомъ были допущены внутрь и стояв-

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. **3**, ст. 14.

[2]) 3 Кн. Цар., гл. **7**, ст. 23 и слѣд.

[3]) 3 Кн. Цар., гл. **8**, ст. 11.

шіе за дверьми епископы и клирики. Вошло и много сенаторовъ; еще царь вызвалъ туда вооруженныхъ воиновъ съ обнаженными мечами — на устрашеніе тѣхъ, кто не хотѣлъ согласиться съ нимъ. Что тамъ было, какія разсужденія и какое величіе души и смѣлость обнаружили безбоязненныя сердца, о томъ написано въ житіи преподобнаго Ѳеодора Студита, 11 ноября, и въ житіи святаго Никиты исповѣдника, въ 3 день апрѣля. Кончилось же все это гнѣвомъ и яростью царя и изгнаніемъ съ безчестіемъ изъ царской палаты Патріарха и всей дружины его. Епископы, бывшіе при святѣйшемъ Никифорѣ, немедленно были посланы на заточеніе въ различныя мѣста, но Патріархъ былъ до времени оставленъ на своемъ мѣстѣ: отчасти потому, что не рѣшались окончательно сдѣлать ему зло, отчасти изъ боязни, какъ бы народъ не поднялъ изъ-за него возстанія и мятежа. Клириковъ же и многихъ изъ монашескаго чина мучили въ темницахъ и узилищахъ ранами и морили голодомъ и жаждой, принуждая къ ереси.

Святѣйшій Патріархъ, видя, что царь вполнѣ отпалъ отъ православія и Церковь весьма смущена, чинъ же духовный подвергается гоненію и страдаетъ, написалъ къ царицѣ, увѣщавая ее подать царю необходимый совѣтъ прекратить такое гоненіе, писалъ также и къ градоначальнику Евтихіану, единомысленному съ царемъ и первому совѣтнику его. Движимый ревностью апостольскою и пророческимъ духомъ онъ къ увѣщаніямъ присоединилъ и слѣдующее строгое слово:

— Если не перестанете совращать съ прямыхъ путей Господнихъ, карающая рука Господня будетъ на васъ скоро.

Однако святый Патріархъ не только не могъ убѣдить упорныхъ, но даже подвигъ ихъ на бо́льшую ярость. Царь послалъ одного патриція, Ѳому, отнять у Патріарха управленіе соборною церковью святой Софіи и не допускать, чтобъ Патріархъ служилъ въ ней и говорилъ поученія къ народу, такъ что Патріархъ въ своемъ домѣ былъ какъ въ заточеніи, никуда не выходя. Отъ печали и отъ многихъ подвиговъ онъ изнемогъ тѣлесно, впалъ въ недугъ и лежалъ на одрѣ болѣзни, ожидая кончины своей; еретическое же сборище не переставало волноваться и желало съ нимъ пренія. Посланъ былъ отъ царя и отъ единомысленниковъ его братъ царицы, именемъ Ѳеофанъ, саномъ спафарій [1]), къ Святѣйшему Па-

[1]) Носитель царскаго меча.

тріарху, чтобы привести его для преній съ ними. Святый отвѣчалъ посланному:

— Пастырь, лишенный овецъ, не выходитъ на рать противъ волковъ, и ищущій себѣ здравія не борется со звѣрьми. Зачѣмъ вы, отнявъ у меня ввѣренныхъ мнѣ Христомъ овецъ, призываете меня на преніе, чтобы я одинъ боролся съ еретиками, какъ съ волками? Если вы этого желаете, то возвратите мнѣ овецъ моихъ, отпустите изъ узъ и темницъ священниковъ и клириковъ, и пусть каждый приметъ свое мѣсто, да будутъ возвращены изъ изгнанія архіереи и да примутъ вновь свои престолы, а находящіеся нынѣ на ихъ мѣстахъ еретичествующіе лжеепископы, неправильно возведенные, да будутъ извержены, и всѣ правовѣрные, гонимые и страждущіе, да получатъ отдыхъ (отъ гоненія) и первоначальную свою свободу: тогда, если будетъ угодно Богу и если я выздоровѣю, мы будемъ готовы соборно обличить принятую гибельную злобу еретичествующихъ. Собору же и бесѣдѣ о вѣрѣ слѣдуетъ быть въ соборной великой Церкви, гдѣ Самъ Христосъ Богъ присутствуетъ въ Пречистыхъ Таинахъ, а не въ царскихъ палатахъ, ибо о церковномъ должно разсуждать въ Церкви, а въ палатахъ— устроять гражданскія дѣла.

Съ такимъ отвѣтомъ Ѳеофанъ возвратился къ пославшимъ его. Тѣ еще болѣе озлобились на святаго и снова отправили къ нему нѣсколькихъ изъ сборища своего, чтобы призвать его уже на судъ. Святый Патріархъ возразилъ имъ:

— Кто меня призываетъ на судъ? Кто-либо изъ Патріарховъ— Римскій, Александрійскій, Антіохійскій или Іерусалимскій? Если же ихъ въ Соборѣ вашемъ нѣтъ, то къ кому мнѣ идти? Или вы меня, Патріарха, призываете? Вы ли, беззаконные, будете судить меня, законнаго пастыря? Не пойду къ явнымъ врагамъ моимъ, которые, какъ лютые звѣри, приготовились растерзать меня безъ вины съ моей стороны. Да и какъ я пойду больной, когда не въ состояніи даже встать съ одра? Развѣ съ одромъ возьмете и понесете меня.

И эти посланные возвратились безъ успѣха. Тогда еретическое сборище, исполненное великой злобы, незаконно лишило сана ни въ чемъ не повиннаго святаго и богоугоднаго мужа, Патріарха Никифора, и предало его анаѳемѣ, само будучи въ высшей степени достойно изверженія и проклятія; они предали анаѳемѣ не только святаго Никифора, но и предшественниковъ его — Святѣйшихъ Патріарховъ правовѣрныхъ и отшедшихъ ко Господу послѣ

блаженной кончины Тарасія и Германа. Этимъ и закончилось лукавое сборище еретическое.

Поздно вечеромъ царь послалъ воиновъ взять Никифора изъ патріаршаго дома и вести его въ заточеніе. Свирѣпые воины подступили къ дому съ оружіемъ и дреколіями, производя шумъ и мятежъ, злословя Святѣйшаго Никифора и прежде бывшихъ Патріарховъ Германа и Тарасія. Услышавъ это, Патріархъ прослезился и благодарилъ Бога, что сподобился такихъ злословій за Православіе. Вышеупомянутый патрицій Ѳома, которому царь ввѣрилъ соборную церковь святой Софіи, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и блюстителемъ патріаршаго дома, повелѣлъ воинамъ прекратить шумъ, крѣпко заперъ входныя двери патріаршаго дома, пошелъ къ царю и сказалъ ему:

— Государь! Нѣтъ нужды во множествѣ воиновъ, иначе народъ, услышавъ шумъ, соберется и сдѣлаетъ какое-либо зло; пошли только двоихъ мужей и съ ними нѣсколько слугъ, чтобы вынесли Патріарха на рукахъ, ибо онъ очень боленъ и не можетъ идти самъ.

Царь такъ и сдѣлалъ—приказалъ воинамъ отойти отъ патріаршаго двора, а черезъ часъ прислалъ двухъ мужей изъ своего дворца; и былъ выведенъ или, скорѣе, вынесенъ Святѣйшій Никифоръ изъ своего дома. Желая помолиться въ своей великой престольной церкви святой Софіи, онъ вошелъ въ нее, поддерживаемый двумя мужами, повелѣлъ зажечь свѣчи и кадить ѳиміамомъ, простерся на землю крестообразно и долго молился, рыдая и орошая землю слезами. Потомъ онъ всталъ съ земли; увидѣвъ нѣкихъ православныхъ, тоже пришедшихъ въ храмъ и плакавшихъ о Патріархѣ, онъ благословилъ ихъ, въ послѣдній разъ простился съ ними со словами:

— Чада, я нашелъ васъ правовѣрными христіанами и оставляю васъ правовѣрными христіанами.

И вышелъ изъ церкви. Воины посадили его на колесницу и въ полночь, когда всѣ спали, отвезли на берегъ моря. Здѣсь положили его въ ладью и перевезли въ Хрисополь[1]), въ нѣкое мѣсто, называемое *Волуе*[2]), гдѣ былъ монастырь. Такъ былъ не-

---

1) ***Хрисополь*** —въ Виѳиніи близъ Византіи, нынѣ Скутари.

2) По греческому оригиналу въ монастырь Добраго—Ἀγαθοῦ, т.е. Христа, но латинскій переписчикъ перевода вмѣсто Boni (Добраго) поставилъ Bovi—вола, отсюда и явилось въ славянскомъ переводѣ—Волуе.

повинно изгнанъ съ престола своего великій угодникъ Божій Святѣйшій Патріархъ Никифоръ послѣ девятилѣтняго управленія Христовой Церковью. Спустя недолгое время онъ былъ отосланъ далѣе на островъ Проконнисъ,[1]) въ монастырь святаго великомученика Ѳеодора. Когда же, направляясь къ этому острову, везли его на кораблѣ мимо страны, гдѣ находился преподобный Ѳеофанъ, игуменъ великаго села, оба святые мужа прозорливыми очами увидѣли и привѣтствовали другъ друга. Преподобный Ѳеофанъ, будучи въ келліи своей, повелѣлъ ученику своему положить въ кадильницу горящіе угли, зажегъ свѣчи, возложилъ на угли ѳиміамъ и поклонился до земли, бесѣдуя какъ бы съ нѣкимъ лицомъ, шедшимъ мимо. Ученикъ спросилъ его:

— Отче! Что ты дѣлаешь? Кому поклонился и съ кѣмъ бесѣдуешь?

Преподобный отвѣчалъ:

— Святѣйшій Патріархъ Никифоръ, неправедно изгнанный за правовѣріе, слѣдуетъ въ заточеніе на кораблѣ мимо этой страны; для того мы зажгли свѣчи и ѳиміамъ, чтобы воздать Патріарху подобающую честь.

Въ то же время Святѣйшій Патріархъ Никифоръ, находясь на кораблѣ, внезапно преклонилъ колѣна, взаимно поклонился святому старцу и, простерши руки въ воздухъ, преподалъ благословеніе. Одинъ изъ бывшихъ съ Святѣйшимъ на кораблѣ спросилъ его:

— Кого благословляешь, Святѣйшій отче, и предъ кѣмъ преклонилъ колѣна?

Патріархъ отвѣчалъ:

— Ѳеофанъ исповѣдникъ, игуменъ великаго села, привѣтствовалъ насъ и почтилъ зажженными свѣчами и ѳиміамомъ, я же съ своей стороны поклонился ему, ибо и онъ въ непродолжительномъ времени пострадаетъ, подобно намъ.

Что вскорѣ и сбылось. Достигнувъ назначеннаго ему мѣста изгнанія, святитель Христовъ Никифоръ провелъ тамъ въ тѣснотѣ и частыхъ болѣзняхъ, терпя скудость въ необходимомъ, тринадцать лѣтъ и перешелъ на вѣчный покой ко Господу. Преставляясь же, радостною душею произнесъ слова Давида: **бл҃гослове́нъ гдⷭ҇ь, и҆́же не дадѐ на́съ въ лови́тву зубо́мъ и҆́хъ. дꙋша́ на́ша а҆́кѡ пти́ца и҆зба́висѧ ѿ сѣ́ти ловя́щихъ: сѣ́ть сокрꙋши́сѧ, и҆ мы**

[1]) *Проконнисъ* — островъ на Мраморномъ морѣ; нынѣ *Мармара*.

йзбáвлени вы́хомъ [1]). Сказавъ это, онъ предалъ душу свою въ руки Господа своего [2]), и рыдали по немъ вѣрные, а еретики радовались. Честно́е тѣло его было погребено въ церкви святаго великомученика Θеодора. Потомъ, когда ересіархи погибли, иконоборное мучительство прекратилось и снова возсіяли тишина и правовѣріе, честны́я мощи святаго Никифора были перенесены 13 марта 846 года въ Царьградъ, въ царствованіе Михаила [3]), сына Θеофила, и матери его Θеодоры [4]), и съ честью положены въ соборной церкви святой Софіи, во славу Христа Бога нашего, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки, аминь [5]).

Кондáкъ, глáсъ д̃:

Побѣ́ды вѣне́цъ съ нб̃сѣ̀, ѳ̃ нїкúфоре прослáвне, ꙗ̃кѡ прїе́мъ ѿ бг̃а, спсáй вѣ́рою почитáющыѧ тѧ̀, ꙗ̃кѡ сщ̃еннонача́льника хр̃то́ва и оу̾чи́теля.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

ІОАННА НОВАГО

Много святыхъ мужей, своею богоугодною, добродѣтельною жизнію давшихъ намъ примѣръ для подражанія; въ числѣ ихъ находится и настоящій угодникъ Божій, не меньшій первыхъ, хотя и послѣдній по времени. Владыка Христосъ почтилъ вѣнцами не только мучениковъ первыхъ вѣковъ, но и нынѣ, въ послѣднія времена, открываетъ дверь (Царствія Своего) тѣмъ, кто сего ищетъ, удостаивая ихъ той же славы и дарованій. Итакъ, начнемъ повѣ-

---

1) Псал. 123, ст. 6—7.

2) Скончался св. Никифоръ 2 іюня 828 г.

3) Съ 855 г. по 867 г.

4) Св. Θеодора—съ 842 г. по 855 г.

5) По своимъ свѣдѣніямъ и дарованіямъ св. Никифоръ былъ выдающимся человѣкомъ времени; онъ оставилъ послѣ себя: *а*) Сочиненія историческія: 1) *Краткую исторію*, гдѣ обозрѣваются событія со времени убійства Маврикія (602 г.) до времени Константина и Ирины (780 г.); 2) *Хронологію*, или лѣтопись царей и патріарховъ до 820 г. *б*) Догматическія: 1) письмо къ папѣ Льву III съ исповѣданіемъ вѣры; 2) споръ съ императоромъ Львомъ Армяниномъ въ защиту св. иконъ; 3) Апологію и 4) четыре апологетики за Православіе противъ иконоборцевъ. *в*) Каноническія: 1) 37 правилъ; 2) Каноническое посланіе съ 16 правилами и 3) 17 краткихъ правилъ.

ствованіе о святомъ Іоаннѣ, доблестномъ воинѣ Христовомъ, исполненномъ благодати Святаго Духа,—кто онъ былъ, откуда родомъ и какъ сподобился лика и вѣнца мученическаго.

Сты́й великомч҃никъ І҃ѡа́ннъ

Родиной этого мужа былъ Трапезонтъ — славный и великій городъ, лежащій въ странахъ восточныхъ, близъ Ассиріи и границы великой Арменіи. Изобилуя всѣмъ необходимымъ, этотъ городъ служитъ удобнымъ пристанищемъ для кораблей, отовсюду приплывающихъ къ нему; жители же его, имѣя пребываніе свое при морѣ, занимаются торговлею и мореплаваніемъ, откуда и пріобрѣтаютъ себѣ средства къ существованію. Такъ точно и блаженный Іоаннъ занимался торговлей, совершая частыя путешествія по морю къ разнымъ городамъ. Однажды пришлось ему съ значительнымъ запасомъ товаровъ войти на корабль иноземнаго мужа, который родомъ былъ фрягъ[1]), вѣрою не восточнаго исповѣданія, нравомъ грубъ, немилостивъ и безчеловѣченъ. Во время плаванія святаго съ тѣмъ мужемъ началъ врагъ діаволъ завидовать непорочной жизни Іоанна: онъ едва переносилъ добродѣтельную жизнь блаженнаго, часто видя его въ молитвѣ и постѣ, благонравнымъ и для всякаго доступнымъ, милосердымъ къ терпѣвшимъ нужду на кораблѣ и къ тѣмъ, кому приходилось болѣть. Рабъ Христовъ утѣшалъ такихъ людей, подавая имъ необходимое отъ своего достатка, простирая имъ щедрую руку съ помощью; съ глазами, полными слезъ, говорилъ онъ въ себѣ:

«Если окажешь милость страждущему брату, будешь и самъ помилованъ; и если утѣшишь скорбящаго, и самъ сподобишься утѣшенія отъ Бога».

[1]) *Фрягами* назывались въ старину на Руси преимущественно генуэзцы, потомъ западные европейцы вообще.

Невидимый врагъ видѣлъ это, завидовалъ и пытался оказать препятствіе святому на пути ко спасенію. Прежде всего онъ умыслилъ отторгнуть его отъ благочестивой вѣры и вооружилъ на него врага видимаго, начальника корабля, державшагося другого исповѣданія вѣры, который началъ досаждать правовѣрному рабу Христову спорами о восточномъ (православномъ) благочестіи. Въ многочисленныхъ словесныхъ преніяхъ о вѣрѣ, которыя были между ними во время морского пути, святый Іоаннъ какъ человѣкъ весьма мудрый и искусный въ книжномъ ученіи всегда одолѣвалъ фряга и обличалъ его неправомысліе; а тотъ гнѣвался на неодолимаго воина Христова, раздражался, досаждалъ ему многими укоризнами и изъ чувства вражды замыслилъ на него зло. Когда возгорѣлась въ немъ такая вражда, корабль присталъ къ берегу у Бѣлграда, близъ Босфора[1]). Тамъ злой корабельщикъ пошелъ къ мѣстному градоначальнику, родомъ и вѣрою Персу[2]), усердному хранителю своихъ отеческихъ преданій, и взвелъ предъ нимъ такую клевету на святаго Іоанна:

— Начальникъ! Со мною на кораблѣ прибылъ сюда мужъ, который желаетъ, отказавшись отъ христіанской вѣры, переданной отцами, приступить къ вашей вѣрѣ и быть общникомъ вашихъ преданій; во время морского пути онъ извѣстилъ меня объ этомъ и многими клятвами подтверждалъ, что не перемѣнитъ своего намѣренія. Если ты позаботишься скорѣе привести его къ единовѣрію съ вами, то тебѣ будетъ великая похвала отъ твоего народа, ибо этотъ мужъ весьма искусенъ въ словѣ и среди знатнѣйшихъ вельможъ города Трапезонта не послѣдній.

Услышавъ это, нечестивый начальникъ исполнился радости; сѣвъ на обычномъ судебномъ мѣстѣ, онъ повелѣлъ съ почетомъ привести къ себѣ блаженнаго Іоанна и сказалъ ему:

— Я много слышалъ о тебѣ, почтенный мужъ, слышалъ, что ты возлюбилъ нашу вѣру и хочешь приступить къ ней. Напа

---

1) По мнѣнію извѣстнаго историка Церкви Е. Е. Голубинскаго указываемый здѣсь Бѣлградъ есть нынѣшній бессарабскій Бѣльцы. Другіе подъ Бѣлградомъ разумѣютъ Аккерманъ.

2) По житію *св. Іоанна,* составленному пресвитеромъ молдовлахійской Церкви (съ 1416 г. южнорусскій митрополитъ † 1419), а также и по службѣ мученикъ пострадалъ отъ огнепоклонниковъ, а по греческому мартирологу — отъ магометанъ. Но изъ исторіи не видимъ, чтобы эти огнепоклонники были Персы или магометане: въ половинѣ XIV вѣка, когда приблизительно скончался великомученикъ Іоаннъ, Аккерманомъ (см. примѣч. 1) владѣли Половцы, у которыхъ, какъ и у Татаръ во время Батыя, могло быть поклоненіе огню.

вѣра имѣетъ предметомъ размышленія честно́е и зажигаетъ любовью къ себѣ сердца тѣхъ, которые разумѣютъ ее; принимающимъ ее съ радостью, она подаетъ благополучную жизнь и долголѣтіе; христіанская же вѣра достойна осмѣянія. Почтенный другъ! Не медли отложить ее далѣе отъ себя и во всеуслышаніе предъ этимъ всенароднымъ собраніемъ похули христіанскіе преданія и законы; потому и сошлись сюда всѣ вмѣстѣ, не исключая женъ и дѣтей, что слышали о твоемъ желаніи исповѣдать нашу свѣтлую и преславную вѣру. Иди же, о чудный мужъ, стань вмѣстѣ съ нами, яснѣйшимъ голосомъ прославь свѣтозарное Солнце, воздай честь звѣздѣ, предшествующей Солнцу, и принеси жертвы небеснымъ свѣтиламъ, озаряющимъ вселенную; тогда ты удостоишься многихъ почестей и великаго сана отъ царя нашего, намъ же будешь искреннимъ братомъ и насладишься жизнью, пріятной всѣмъ людямъ.

Пока правитель со смѣсью злобы и коварства говорилъ эти льстивыя слова, святый Іоаннъ, возведя вверхъ мысленныя очи, призывалъ на помощь Владыку, сказавшаго: когда поведутъ васъ предъ царей и князей ради Имени Моего, не заботьтесь наперед, что говорить или что отвѣчать въ тотъ часъ: ибо дастся вамъ слово, которому не будутъ въ состояніи противиться всѣ противящіеся вамъ [1]). Потомъ, воззрѣвъ на мучителя чувственными очами и протянувъ безбоязненно руку, сказалъ въ отвѣтъ:

— Мнѣ думается, что ты явно лжешь, о начальникъ! Не говорилъ я, что хочу отречься отъ Христа моего; да не будетъ со мною сего, да не попуститъ Господь мой Іисусъ Христосъ когда-либо даже мысли о семъ во мнѣ; это—умышленія врага Истины, твоего отца, сатаны. Войдя въ тебя, какъ въ свой истинный сосудъ, онъ чрезъ тебя бесѣдуетъ со мною, надѣясь привлечь меня къ погибели, и принуждаетъ меня отступить отъ Истиннаго Бога, Создателя какъ иныхъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, такъ и самого этого Солнца, которое ты чтишь какъ Бога, прельщенный властью тьмы, и въ безуміи воздаешь твари ту честь, которую подобаетъ воздавать Самому Богу. Не прельщай же меня склониться ко лжи, а, напротивъ, узнавъ самъ отъ меня таинство Истины, отложи, прошу тебя, лежащую на душѣ твоей мглу нечестія и сподобись быть сыномъ Свѣта, возсіявъ ярче солнца зарею

---

1) Сравн.: Еванг. отъ Марка, гл. 13, ст. 11.

божественнаго Крещенія. И не считай Богомъ Солнце, видимое на небѣ, но знай, что это—свѣтило огненнаго свойства, поставленное Создателемъ для служенія людямъ и сотворенное въ четвертый день. А созданіе развѣ можетъ быть Богомъ?

Сказавъ это, святый Іоаннъ воздѣлъ руки и возвелъ очи къ Небу, и во всеуслышаніе воскликнулъ:

— Да не отрекусь отъ Тебя, Христа Спасителя моего, съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ славимаго Бога! Не поклонюсь Солнцу, не послужу огню, не принесу жертвы звѣздѣ, которую языческое баснословіе называетъ Венерою, одноименно съ блудной страстью!

Такъ говорилъ мученикъ твердымъ голосомъ и съ радостнымъ лицомъ. Распаляемый огнемъ внутренняго гнѣва мучитель часто мѣнялся въ лицѣ и не могъ слишкомъ долго терпѣть словъ мужа, говорящаго противное ему, ибо святый Іоаннъ среди многочисленнаго народа прославлялъ того Христа, Котораго начальникъ хулилъ, исповѣдывалъ Его Истиннымъ Богомъ и до конца уничижалъ и низлагалъ нечестивую вѣру или, вѣрнѣе сказать, обольщеніе правителя. Тогда мучитель повелѣлъ воинамъ сорвать съ мученика одежды, что воины исполнили тотчасъ же скорѣе слова: и стоялъ святый нагимъ — во Христа облеченнымъ. Потомъ повелѣлъ начальникъ положить предъ мученикомъ множество палокъ и сказалъ ему:

— Ты обѣщался не басни повѣствовать, а отречься отъ твоей неполезной вѣры и усердно желалъ присоединиться къ нашей свѣтлой вѣрѣ и украситься нашими законами. Оставь же свое продолжительное злорѣчіе и исполни, что обѣщалъ,—присоединись къ преславной нашей вѣрѣ и поклонись свѣтозарному Солнцу: если же этого не сдѣлаешь, то за нашу выдающуюся своей благостью вѣру не только этими жезлами раздроблю твое тѣло, но и иными лютѣйшими муками, невыносимыми для человѣка, буду тебя мучить и, наконецъ, предамъ тебя горчайшей смерти.

Святый мученикъ сказалъ въ отвѣтъ:

— О мучитель, исполненный всякой скверны! Я не баснословецъ, а рабъ и проповѣдникъ Истиннаго, въ Троицѣ славимаго Бога, въ Котораго научился вѣровать отъ прародителей и родителей моихъ; нынѣ Ему Одному поклоняюсь, Ему приношу жертву хвалы, Его признаю и исповѣдую Создателемъ всего, Его ожидаю какъ Судію живымъ и мертвымъ; Онъ придетъ воздать

каждому по дѣламъ въ то время, когда повелѣніемъ Его померкнетъ это видимое Солнце, поставленное на служеніе людямъ. Поэтому не надѣйся слышать отъ меня что-либо иное,—что сначала сказалъ я, то и нынѣ говорю: доколѣ обладаю умомъ и управляю моимъ разсудкомъ, дотолѣ не буду почитать твари вмѣсто Творца и не поклонюсь созданію вмѣсто Создателя. А затѣмъ не медли, дѣлатель неправды, явно обнаружить скрытый въ тебѣ песій и безчеловѣчный нравъ и освободи себя отъ заботъ объ изобрѣтеніи на меня мукъ,—какимъ угодно способомъ мучительства и смерти посылай меня къ Владыкѣ Богу, къ Которому я самъ стремлюсь. Что хочешь дѣлать, дѣлай скорѣе, чтобы слуху моему не слишкомъ долго оглашаться твоими нечестивыми рѣчами, о которыхъ сказалъ Пророкъ: ꙗ҃дъ а҃спѣдѡвѣ подъ̀ оу҃стна́ми и҃хъ[1]), и—очамъ моимъ не смотрѣть долѣе на твое всескверное лицо. Вотъ обнаженная плоть моя готова къ мучительству твоему. Бей жезлами, сожигай огнемъ, утопи въ водѣ или разсѣки мечомъ и, если у тебя есть иныя, болѣе лютыя, муки, не лѣнись причинить ихъ мнѣ: все готовъ радостно принять ради любви ко Христу моему.

Эти рѣчи мученика воспламенили гнѣвомъ свирѣпаго мучителя; онъ тотчасъ повелѣлъ растянуть блаженнаго на землѣ и немилостиво бить суковатыми палками. Слуги били страстотерпца Христова столь жестоко, что многія части раздробляемой плоти его вмѣстѣ съ палками поднимались въ воздухъ, и все мѣсто, гдѣ мучили святаго, обагрилось кровью. Доблестный же страдалецъ мужественно переносилъ это мученіе и, возводя умныя очи свои на Небо, говорилъ:

— Благодарю Тебя, Владыко Боже, что сподобилъ меня кровью моею очиститься отъ грѣховъ моихъ, въ которые, по немощи человѣческой, впалъ я послѣ Святаго Крещенія.

Сыны погибели, слыша молитву мученика къ Богу, исполнились еще бо́льшей ярости и жестоко били его до тѣхъ поръ, пока не умолкъ его голосъ. При наступленіи вечера правитель повелѣлъ едва дышавшаго мученика связать двумя цѣпями, бросить въ темницу и стеречь до утра для сильнѣйшаго мученія. А такъ какъ мученикъ отъ лютыхъ ранъ не могъ идти самъ, то его повлекли какъ нѣкій трупъ и ввергли въ узилище.

Наутро звѣроподобный мучитель, сѣвши на обычномъ судебномъ мѣстѣ, повелѣлъ привести святаго мученика Іоанна. Стра-

[1]) Псал. **139**, ст. 3.

стотерпецъ Христовъ предсталъ со свѣтлымъ лицемъ и радостною душою. Взглянувъ на мученика и увидѣвъ свѣтлое и обрадованное лице его, нечестивый судья весьма удивился—какъ послѣ столь лютаго мученія обрѣтается въ немъ душа, и онъ веселится, точно не потерпѣлъ никакихъ страданій.

— Видишь ли, Іоаннъ,—сказалъ онъ,—до какого безчестія довело тебя твое непокорство? Едва не лишился ты сладкой и всѣмъ людямъ болѣе всего существующаго любезной жизни. Впрочемъ, если ты окажешь повиновеніе моимъ разумнымъ увѣщаніямъ, то готово тебѣ и здравіе: въ теченіе немногихъ дней будетъ уврачевана твоя израненная плоть, ибо есть у насъ весьма искусные врачи, пришедшіе изъ Индіи и Персіи; если же и далѣе хочешь пребывать въ христіанствѣ, то знай, что еще бо́льшее зло ожидаетъ тебя.

Святый мученикъ отвѣчалъ:

— Объ израненной плоти моей я нимало не забочусь, о судія! Поскольку внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, постольку обновляется внутренній, какъ говоритъ великій Апостолъ Господень[1]). Объ одномъ имѣю я попеченіе: претерпѣть до конца причиняемыя мнѣ отъ тебя муки о укрѣпляющемъ меня Христѣ, Который сказалъ: **претерпѣ́вый до конца́, то́й спасе́нъ бу́детъ**[2]). Если ты изобрѣлъ на меня еще какія-либо муки, причиняй ихъ мнѣ: ибо первыя наложенныя тобою на меня раны вмѣнились мнѣ въ ничто.

Посрамленный этими мудрыми словами святаго безумный мучитель затрясся отъ гнѣва и, испустивъ рыканіе, какъ звѣрь, повелѣлъ снова простереть мученика на землѣ и бить еще болѣе жестоко. И долго слуги безпощадно били страстотерпца, смѣняя другъ друга, такъ что и внутренности мученика были изранены; онъ же, шепча устами, творилъ молитву къ Богу. Когда изнемогли воины, бившіе члены тѣла, облекавшаго адамантовую[3]) душу, и люди всѣхъ возрастовъ, собравшіеся смотрѣть мученія, стали кричать на сквернаго судію, осуждая его немилостивый и суровый нравъ, тогда мучитель повелѣлъ привести дикаго и свирѣпаго коня, крѣпко привязать къ его хвосту ноги мученика, а одному изъ воиновъ, сѣвши на коня, гнать его по городскимъ улицамъ и влачить Христова страдальца, пока конь будетъ въ си-

---

1) 2. Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 16.

2) Еванг. отъ Марка, гл. 13, ст. 13.

3) Греч. ἀδαμάς—*алмазъ*,—камень, отличающійся твердостію.

лахъ бѣжать. Такъ влачили святаго по всему городу, и было горестно благочестивымъ очамъ видѣть это. Когда же всадникъ, влачившій святаго, достигъ жилищъ іудейскихъ и скакалъ по улицамъ ихъ, то тѣлпы Іудеевъ ругались надъ влачимымъ мученикомъ; эти злобные люди, видоизмѣняя лица свои, съ криками бросали въ него кто что имѣлъ въ рукахъ, творя безчинный и нелѣпый смѣхъ. Наконецъ одинъ изъ Іудеевъ вбѣжалъ въ домъ, схватилъ обнаженный мечъ, настигъ влачимаго святаго и отсѣкъ ему честну́ю главу. Такъ доблестный воинъ Іисуса Христа окончилъ свой страдальческій подвигъ, предавъ святую свою душу въ руки Господа своего [1]). Честно́е тѣло его воинъ отвязалъ отъ конскаго хвоста и бросилъ на томъ же мѣстѣ, и лежало оно съ отсѣченною главою безъ погребенія и призора, и никто изъ христіанъ не рѣшался прикоснуться къ нему, боясь ярости нечестивыхъ.

Когда настала ночь, можно было явно видѣть дивное чудо надъ тѣломъ мученика: ярко горѣло множество лампадъ, и три свѣтоносныхъ мужа воспѣвали неизреченныя священныя пѣснопѣнія, и творили кажденіе, и столпъ огненный утверждался надъ тѣломъ святаго: это чудо видѣли многіе. Одинъ Іудей, домъ котораго былъ близъ того мѣста, гдѣ лежало многострадальное тѣло, думалъ, что это священники христіанскіе пришли поднять его и предать обычному погребенію; онъ взялъ лукъ и стрѣлу, приблизился туда и, желая застрѣлить одного изъ видимыхъ тѣхъ (мнимыхъ) священниковъ, положилъ стрѣлу, затѣмъ съ усиліемъ, насколько могъ, натянулъ лукъ. Когда же онъ хотѣлъ пустить стрѣлу, то стрѣла съ тетивою прильнула къ пальцамъ его правой руки, а лукъ къ лѣвой рукѣ, и онъ не могъ ни пустить стрѣлы, ни освободить рукъ отъ лука и стрѣлы; и такъ страдалъ этотъ еврей, змѣиное исчадіе, всю ночь. На разсвѣтѣ стали невидимы чудные мужи, скрылись и столпъ огненный, и лампады; и люди всѣхъ возрастовъ, сходясь на это мѣсто, видѣли окаяннаго стрѣлка пребывающимъ въ томъ же положеніи,—какъ натянулъ онъ лукъ со стрѣлой, такъ и остался связанный невидимою силою Божіею, будто желѣзными оковами. Противъ воли вынужденъ былъ этотъ Іудеянинъ повѣдать подробно какъ о всемъ видѣнномъ имъ надъ тѣломъ мученика, такъ и о возмездіи, полученномъ имъ отъ Бога

[1]) Св. мученикъ скончался, вѣроятно, не позднѣе 1340 г.

за дерзновенную попытку къ злобному дѣлу. Послѣ достаточнаго оглашенія этого чуда руки его разогнулись, и онъ освободился отъ наказанія. Правитель, узнавъ объ этомъ, весьма устрашился и повелѣлъ христіанамъ предать погребенію тѣло мученика: христіане взяли его и съ честью похоронили при своей церкви.

Немного дней спустя фрягъ, который предалъ святаго на мученіе, захотѣлъ украсть честно́е его тѣло и отнести къ себѣ (на родину): онъ уже раскаялся въ злобѣ своей. Однажды ночью, выбравъ удобное время, онъ пришелъ съ товарищами ко гробу мученика, раскопалъ мѣсто, открылъ гробъ и хотѣлъ взять честны́е останки. Но Христовъ воинъ въ это время явился во снѣ пресвитеру той церкви и сказалъ:

— Встань и скорѣе иди къ церкви, ибо хотятъ меня украсть.

Пресвитеръ тотчасъ всталъ, поспѣшно отправился на мѣсто, нашелъ гробъ раскопаннымъ и открытымъ, тѣло же святаго едва не было унесено. Созвавъ благочестивыхъ людей, онъ разсказалъ имъ о происшедшемъ, и всѣ прославили Бога, прославляющаго святыхъ Своихъ; взявъ честны́я мощи святого мученика, внесли ихъ въ церковь и положили въ алтарѣ близъ святаго Престола. Тамъ святыя мощи находились болѣе семидесяти лѣтъ, и бывали надъ ними часто ночью и днемъ различныя чудесныя явленія: иногда показывался нѣкій чудный свѣтъ, иногда — огненный столпъ, иногда—неизреченное благоуханіе исходило отъ гроба, проявлялись и силы цѣлебныя. Слухъ о томъ дошелъ до правившаго въ то время Молдовлахіею и поморіемъ благочестиваго и христолюбиваго великаго воеводы Александра — мужа, украсившаго себя многими добродѣтелями и любившаго мучениковъ; и весьма пожелалъ онъ имѣть у себя пребогатое сокровище—честны́я мощи святаго мученика Христова Іоанна. По совѣту съ священнѣйшимъ архіепископомъ Іосифомъ[1]) онъ послалъ въ Бѣлградъ нѣсколькихъ вельможъ своихъ съ достаточнымъ числомъ войска, и они не замедлили принести оттуда мощи мученика. Навстрѣчу вышелъ великій воевода со всѣми вельможами, священнѣйшій архіепископъ съ духовнымъ чиномъ и весь народъ, радостно привѣтствуя приходъ мученика со свѣчами, кадилами и благовоннымъ мурóмъ. Великій воевода, припадая къ ракѣ святаго, обнималъ многострадальныя мощи его, прикасался очами и устами

[1]) Сдѣланъ митрополитомъ Молдовлахійскимъ въ 1401 г. или 1402 г.

къ честнымъ рукамъ мученика и, проливая радостныя и обильныя слезы, молилъ святаго быть хранителемъ его державы. Съ великою честью положили честныя мощи мученика въ святѣйшей митрополіи, въ стольномъ городѣ молдовлахійскаго государства Сочавѣ[1]). О бывшихъ же тогда и впослѣдствіи исцѣленіяхъ, которыя подавались и подаются отъ мощей мученика одержимымъ различными недугами, оставляемъ,—замѣчаетъ описатель,—говорить самимъ тѣмъ облагодѣтельствованнымъ, да проповѣдуютъ о полученныхъ отъ него благодѣяніяхъ. Здѣсь же достаточно было сообщить, какія мученія претерпѣлъ святый Іоаннъ, какъ посрамилъ нечестиваго градоначальника, какой поднялъ подвигъ и получилъ вѣнецъ отъ руки Подвигоположника Христа. Таково было доброе пріобрѣтеніе святаго Іоанна: мало далъ, но много пріобрѣлъ, оставивъ, какъ бремя, коварному мучителю тѣло свое, устремился не въ Трапезонтъ, а въ вышній Іерусалимъ,—въ мученическій ликъ какъ мученикъ, въ лоно Авраамово, въ селенія святыхъ, въ благія пристанища, въ нетлѣнные чертоги, гдѣ предсталъ Трисвятой и Пребожественнѣйшей Троицѣ, Которой слава, держава, честь, прославленіе и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки, аминь.

Тропа́рь, гла́съ д̃:

Житіѥ на землѝ до́брѣ ѡ҃кормла́ѧ страда́льче, ми́лостынями ѝ ча́стыми мл҃тва́ми ѝ слеза́ми, па́ки же ко страда́нію мѫ́жески оу҃стреми́всѧ, пе́рсское ѡ҃бличи́лъ е҆сѝ нечести́ѥ: тѣ́мже цр҃кве бы́лъ е҆сѝ оу҃тержде́ніе ѝ хр҃тїа́нъ похвало̀, і҃ѡа́нне приснопа́мятне.

Конда́къ, гла́съ д̃:

Морскꙋ́ю пла́вам пꙋчи́нꙋ кꙋплею, ѡ҃ восто́ка тщі́алсѧ е҆сѝ къ сѣ́верꙋ: но бг҃ꙋ призва́вшꙋ тѧ̀, ꙗ҆коже матѳе́й мы́тницꙋ, ты́ же кꙋплю ѡ҃ста́вль, ѝ тома́ послѣ́довалъ е҆сѝ кро́вїю мч҃е́нїѧ, вре́менными и҆скꙋпи́въ непроходи́маѧ, ѝ вѣне́цъ прїѧ́лъ е҆сѝ непобѣди́мый.

---

[1]) Нынѣшняя, какъ нѣкоторые полагаютъ, Журжа—городъ Румыніи, на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Рущука.

День третій

ПАМЯТЬ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ЛУКИЛЛІАНА,
и съ нимъ четырехъ отроковъ:
КЛАВДІЯ, ИПАТІЯ, ПАВЛА и ДІОНИСІЯ,
и СВЯТОЙ ДѢВЫ ПАВЛЫ

Святый мученикъ Лукилліанъ, пострадавшій во времена Римскаго царя Авреліана[1]), сначала пребывалъ въ языческомъ многобожіи и даже былъ идольскій жрецъ, уже достигшій маститой старости, украшенный сѣдиною и почтенный видомъ. Жилъ онъ недалеко отъ Никомидіи[2]), служа въ капищахъ сквернымъ богамъ. Потомъ благодатію Христа Бога нашего, желающаго всѣмъ спастись и никому не погибнуть[3]), убѣдился онъ въ обманѣ бѣсовскомъ и языческомъ заблужденіи, достигъ познанія Истины, увѣровалъ въ Единаго Истиннаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, отвергъ и презрѣлъ идоловъ, и обновилась въ старости,

---

1) *Авреліанъ* царствовалъ съ 270 г. по 275 г.

2) *Никомидія*—городъ малоазійской области Виѳиніи на берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря).

3) Сравн.: 1 Посл. къ Тим., гл. 2, ст. 4.

Стый мчнкъ
ЛУКІЛЛІАНЪ

какъ у орла, юность его[1]). Тогда возродился онъ Святымъ Крещеніемъ и всею мыслью и душею вполнѣ предался любви ко Христу. Выяснялъ онъ и прочимъ язычникамъ суету и пагубу ихъ нечестія, наставлялъ на спасеніе и своимъ ученіемъ приводилъ ко Христу, такъ что для многихъ былъ онъ примѣромъ обращенія къ Богу. Мѣстные Іудеи, видя, что Лукилліанъ перешелъ изъ идолопоклонства въ христіанскую вѣру и что многіе, по примѣру и ученію его, оставляя кумирослуженіе, присоединяются къ христіанамъ и принимаютъ Святое Крещеніе, исполнились гнѣва и ненависти. Люди, богоубійственные и лютые, они изъ зависти оклеветали его и предали суду нечестивыхъ; и былъ представленъ рабъ Христовъ для допроса правителю Никомидіи Силвану. Правитель сильно принуждалъ старца отречься Христа и возвратиться къ идолослуженію, но тотъ отказался повиноваться ему. Тогда правитель исполнился ярости и повелѣлъ предать Лукилліана различнымъ мукамъ: ему сокрушили челюсти, били нещадно палками, повѣсили внизъ головой и потомъ, послѣ долгаго и лютаго мученія, ввергли въ темницу. Тамъ святый Лукилліанъ нашелъ четырехъ отроковъ, заключенныхъ за Христову вѣру: Клавдія, Ипатія, Павла и Діонисія. Радостно бесѣдовалъ онъ съ ними о Христѣ Богѣ и укрѣплялъ ихъ къ подвигу мученическому, чтобы, помня вѣчное воздаяніе на Небесахъ, они не боялись временныхъ мукъ, не устрашались смерти для будущей жизни и не жалѣли цвѣтущей юности своей для Христа, уготовляющаго имъ въ Царствіи Своемъ неувядающее блаженство. Всѣ вмѣстѣ они молились Богу дни и ночи и утѣшали себя надеждою на Христа. По прошествіи довольно многихъ дней святый Лукилліанъ снова былъ

[1]) Сравн.: Псал. **102**, ст. 5.

подверженъ мученіямъ уже вмѣстѣ съ отроками и съ ними былъ брошенъ въ раскаленную печь. Но всемогущій Богъ проявилъ надъ ними чудесную Свою милость, какъ нѣкогда надъ еврейскими отроками, ввергнутыми въ печь вавилонскую[1]): огонь обратился въ холодъ, пламя—въ росу, и обильный дождь, пролившись свыше, окончательно охладилъ всю печь, и вышли святый Лукилліанъ и отроки невредимыми. Язычники, ослѣпленные невѣріемъ и злобою, приписывали это преславное чудо Божіе не Божіей силѣ, но волшебству христіанъ. Тогда неправедный судія осудилъ святыхъ мучениковъ на смерть и отослалъ ихъ въ Византію[2]), чтобы они тамъ приняли казнь. Когда они достигли Византіи, четыре святыхъ отрока—Клавдій, Ипатій, Павелъ и Діонисій—были усѣчены мечомъ, а святый Лукилліанъ повѣшенъ на крестѣ, по всему тѣлу пригвожденный къ нему гвоздями, и такъ предалъ духъ Богу. Онъ былъ распятъ на крестѣ Іудеями, какъ это видно изъ третьей пѣсни посвященнаго ему канона, гдѣ объ этомъ говорится такимъ образомъ: **їѵда предадѣ їѵзбáвителѧ хр҃та дрéвле бг҃оѵбíйцамъ: ты́ же нынѣ беззакóннымъ їѵдéемъ прéданъ бы́лъ е҆сѝ.**

Къ ихъ страдальческому вѣнцу присоединилась и святая дѣва Павла. Рожденная отъ христіанскихъ родителей, она съ юности питала въ сердцѣ горячую любовь ко Христу, соблюдала дѣвство свое безсмертному Жениху и старалась быть достойной Небеснаго чертога. Осиротѣвъ послѣ смерти родителей и обладая достаткомъ, она обходила темницы и, покупая себѣ у стражи золотомъ право входа, посѣщала узниковъ, страдающихъ за Христа. Она служила рабамъ Христовымъ, подавая имъ все необходимое отъ имѣнія своего: томимымъ голодомъ и жаждою приносила пищу и питіе, нагимъ подавала одѣянія, исцѣляла уязвленныя и гніющія струпами тѣла мучениковъ, омывая, отирая, прикладывая врачебные пластыри и обвязывая чистымъ полотномъ. Лобзая ихъ раны, принятыя за Христа, она со слезами просила ихъ молиться о ней Христу Богу, да не лишитъ Онъ ее Своей милости. Эта избранная невѣста Христова приходила и къ святому Лукилліану, заключенному въ Нико-

---

1) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

2) *Византія*—мегарская колонія, основанная въ 658 г. до Р. Хр. на европейской сторонѣ Босфора, занимала господствующее положеніе на узкомъ проливѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ. Въ 330 г. Константинъ Великій, послѣ побѣды надъ Ликиніемъ, перенесъ сюда столицу Римской имперіи, и Византія стала называться Константинополемъ, Новымъ Римомъ.

мидіи съ отроками въ темницѣ, и наслаждалась полезными наставленіями его. Когда мучили святаго и отроковъ, она была свидѣтельницей подвига ихъ, и въ тайнѣ сердца своего прилежно молилась о нихъ Христу, да укрѣпитъ Онъ рабовъ Своихъ и да подастъ имъ мужество и помощь, чтобы претерпѣть имъ муки до конца, ради славы святаго Его Имени. Когда народъ, по окончаніи казней, расходился, она приходила на мѣсто мученій святыхъ, собирала по землѣ пролившуюся кровь ихъ и хранила у себя какъ святыню; когда вели старца и четырехъ отроковъ въ Византію на смерть, она послѣдовала за ними и служила имъ; когда же святые отроки были усѣчены, святая дѣва взяла честныя тѣла ихъ и съ благоговѣніемъ предала погребенію. По кончинѣ святаго Лукилліана и святыхъ отроковъ она возвратилась въ Никомидію и продолжала поступать такъ же. Нечестивые узнали, что она христіанка, взяли и привели на судъ къ тому же правителю Силвану, который, видя, что она остается непокорной послѣ многихъ льстивыхъ и грозныхъ увѣщаній, повелѣлъ долго и немилостиво бить ее по обнаженному тѣлу прутьями и палками; когда же она отъ многихъ ранъ изнемогла тѣломъ, но не духомъ, Ангелъ Господень явился и исцѣлилъ ее; и возвратилось къ мученицѣ тѣлесное здравіе, и она явила себя еще болѣе смѣлой и мужественной въ мукахъ. Потомъ ее жестоко били по устамъ за то, что она досадила мучителю укорительными словами. Затѣмъ ее ввергли въ темницу, а потомъ снова вывели на пытку и бросили въ сильно раскаленную печь. Но она вышла изъ печи безъ вреда, ибо для нея, какъ и для прежнихъ святыхъ мучениковъ, сила Божія уничтожила силу огня, да не коснется невѣсты Христовой жгучее пламя. Послѣ же всего этого мучитель осудилъ ее на смерть чрезъ усѣкновеніе мечомъ и отослалъ въ Византію, чтобы она приняла казнь тамъ же, гдѣ скончался и святый Лукилліанъ съ отроками. Отведенная на то мѣсто, гдѣ Лукилліанъ принялъ за Христа крестную смерть, мученица Христова усердно благодарила Бога, сподобляющаго ее вѣнца мученическаго и общенія со святыми. Помолившись прилежно Господу, она радостно преклонила подъ мечъ свою дѣвическую главу и приняла усѣченіе. Такъ она перешла изъ дольнихъ въ горнія и вошла въ Небесный чертогъ въ радость Господа своего, увѣнчанная отъ прелюбезнѣйшаго Жениха своего Христа, Господа нашего, двойнымъ вѣнцомъ—дѣвства и мученичества.

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ЛУКІАНА

И ДРУЖИНЫ ЕГО

Вспоминать побѣды преславныхъ мучениковъ надъ діаволомъ и слугами его и страдальческія дѣянія подвижниковъ Христовыхъ значитъ возвѣщать славу Христа Бога нашего и проповѣдывать силу Его, явленную въ добрыхъ подвигахъ мучениковъ, страдавшихъ во славу Пресвятаго Его Имени. Христосъ Самъ былъ побѣдителемъ во всемъ, по слову Своему: **дерза́йте, а҆́кѡ а҆́зъ побѣди́хъ мі́ръ**[1]), и сначала Одинъ за всѣхъ боролся съ врагомъ. Святые мученики, послѣ Него страждущіе, будучи членами (Тѣла) Его[2]), восполняютъ, по слову апостольскому, **лише́нїе скорбе́й хр҃то́выхъ во пло́ти** своей[3]); и поскольку они, подвизаясь за Пресвятое Имя Его, умираютъ непобѣжденными, постольку въ нихъ Христосъ является побѣдителемъ, ибо въ нихъ Онъ страдаетъ какъ въ членахъ тѣла Своего, въ нихъ являетъ торжество Свое надъ супостатомъ и, прославляясь, вмѣстѣ съ Собою прославляетъ и Свои члены, за Него страдавшіе, то есть святыхъ мучениковъ, которые настолько ближе всѣхъ къ Нему по славѣ, насколько были подражателями Его въ страданіяхъ. Поэтому подобаетъ и намъ славить и ублажать добрыхъ воиновъ Христовыхъ, ученіями которыхъ и примѣромъ мужественныхъ подвиговъ Церковь Христова сіяетъ по всей вселенной; сами же они подъ алтаремъ, одѣтые въ бѣлыя одежды, собственною ихъ кровью обагренные, Христовою же убѣленные, почиваютъ въ блаженствѣ[4]).

Къ лику мученическому принадлежалъ и святый Лукіанъ; какъ только божественная благодать омыла его банею Крещенія, тогда же можно было въ немъ видѣть, что онъ будетъ великимъ и преславнымъ среди людей. Родители по плоти назвали его Лукіемъ, въ честь великаго проконсула Лукія, отъ котораго онъ велъ родъ

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 16, ст. 33.
2) 1 Посл. къ Кор., гл. 12, ст. 27.
3) Посл. къ Колос., гл. 1, ст. 24.
4) Сравн.: Апок., гл. 6, ст. 9.

свой; потомъ, благодатію Святаго Духа и по обычаю святоотеческому, имя его въ Крещеніи было перемѣнено на лучшее. Наименованный родителями Лукіемъ, то есть *блестящимъ*, съ умноженіемъ въ немъ Божіихъ дарованій пріобрѣлъ онъ совершеннѣйшее имя, нарекшись Лукіаномъ, что значитъ *свѣтлоявленный*. Это было указаніемъ, что въ свѣтѣ новой благодати онъ будетъ свѣтомъ міру [1]) о Господѣ. Родомъ онъ былъ Римлянинъ, благороднаго происхожденія, но еще болѣе облагородился вторичнымъ рожденіемъ христіанскимъ [2]), удостоившись усыновленія вѣчному царю. Былъ онъ искусенъ въ премудрости, наученъ греческому и римскому языку, но совершенную премудрость пріобрѣлъ отъ ученія святого Апостола Петра; ибо къ нему онъ прилѣпился, сдѣлался его ученикомъ и имъ былъ напоенъ небесною премудростью. Навыкъ онъ отъ него также нравамъ и трудамъ апостольскимъ: послѣ страдальческой кончины его онъ посѣтилъ многія мѣста Италіи, разсѣвая сѣмена Слова Божія.

Лукіанъ уже достигъ совершенства въ премудрости Божіей, когда пришелъ въ Римъ [3]) наставляемый Богомъ святый Діонисій Ареопагитъ [4]), желая посѣтить святыхъ узниковъ—Апостоловъ Петра и Павла, но уже не нашелъ ихъ въ живыхъ. Правилъ въ то время престоломъ апостольскимъ папа Климентъ [5]). Дружественно и съ великою честью принялъ онъ Діонисія ради святости его и ради прежней долговременной между ними духовной любви о Христѣ, и Діонисій пробылъ у него немалое время; они утѣшались лицезрѣніемъ другъ друга, наслаждались душеполезными бесѣдами и укрѣпляли другъ друга не только словами, но и примѣрами добродѣтели. Однажды блаженный Климентъ, исполненный Духа Святаго, сказалъ:

— О возлюбленный братъ мой Діонисій! Видишь ли, какъ обильна жатва Господня посѣва въ язычникахъ и какъ мало дѣлателей въ словѣ проповѣди Божіей [6]). А такъ какъ ты вполнѣ

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 3 и слѣд.

3) См. стр. 13, примѣч. 1-е.

4) *Св. Діонисій Ареопагитъ* (членъ ареопага—высшаго правительственнаго мѣста въ Аѳинахъ) обратился къ христіанству подъ вліяніемъ проповѣди Ап. Павла (Дѣян. 17, 34) и имъ же рукоположенъ во епископа Аѳинскаго; затѣмъ въ 90 г. посланъ былъ въ Галлію для проповѣди Евангельской вмѣстѣ съ пресвитеромъ Рустикомъ и діакономъ Елевѳеріемъ. Пострадалъ съ ними въ 96 г. при Домиціанѣ. Память его—3 октября.

5) *Св. Климентъ* занималъ каѳедру съ 91 г. по 100 г. Память его—25 ноября.

6) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 37.

наученъ православной вѣрѣ и достигъ совершенства въ добродѣтеляхъ христіанскаго закона, то,—прошу тебя,—иди въ Западныя страны для Имени Господа нашего Іисуса Христа, какъ добрый воинъ Его ополчись противъ враговъ Господа нашего и побѣждай ихъ силою укрѣпляющаго тебя Бога.

Святый Діонисій отъ всего сердца согласился на это, и тогда блаженный Климентъ началъ ему искать и собирать друзей, помощниковъ и сослужителей, благочестивыхъ и премудрыхъ, сіяющихъ святой жизнью. Между ними избралъ онъ и святаго Лукіана, поставилъ его епископомъ и подружилъ съ святымъ Діонисіемъ, чтобы ему онъ былъ спутникомъ и сподвижникомъ въ проповѣданіи Слова Божія, прочимъ же—отцемъ въ Духѣ Святомъ, учителемъ и наставникомъ. Устроивъ такъ, блаженный Климентъ привѣтливыми словами утверждалъ избранныхъ, говоря:

— Идите, прелюбезные братія, идите, непобѣдимые воины Христовы, и какъ Господь пребывалъ со святыми отцами нашими Апостолами и съ ихъ сподвижниками, такъ да пребудетъ и съ вами, проповѣдниками Его святаго Имени: ибо (многое и) неисчетное число народа изъ язычниковъ будетъ вами пріобрѣтено для Господа и введено въ ограду Его.

Послѣ долгой бесѣды святый Климентъ сердечно простился съ ними, благословилъ и отпустилъ ихъ съ миромъ; они же пошли всѣ вмѣстѣ и проповѣдывали Христа сначала по всей Италіи.

Когда они приближались къ городу Тицину [1]), блаженный Лукіанъ на одномъ мѣстѣ, называемомъ Парма, благовѣствовалъ Слово Божіе народу и отвращалъ его отъ суетнаго идолослуженія. Мѣстные жители, невѣрные и чрезмѣрно усердные идолослужители, не вынося обиды, причиняемой богамъ ихъ, и не внимая благовѣстію Слова Божія, не замедлили схватить святаго Лукіана и, причинивъ ему много оскорбленій, ввергли его одного въ народную темницу. Входя въ нее, блаженный съ великимъ веселіемъ воспѣвалъ: **наста́ви мѧ̀ гдⷭ̀и на пⷭ̃ть твоѝ, и̑ пойдⷭ̃ во и̑стинѣ̀ твое́и̑** [2]). И еще: **соверши́ стⷭ̃пы̀ мо́ѧ во стезя́хъ твои́хъ, да не подви́жⷭ̃тсѧ стⷭ̃пы̀ мо́ѧ** [3]). Такъ, радуясь о Господѣ, святый мужъ пребывалъ въ темницѣ какъ подъ кровомъ крылъ Божіихъ и, въ полной надеждѣ

---

[1]) *Тицинъ*, нынѣшняя *Павія*, древній городъ въ Цизальпинской Галліи, на лѣвомъ берегу Тицина, недалеко отъ его впаденія въ Падъ.

[2]) Псал. **85**, ст. 11.

[3]) Псал. **16**, ст. 5.

Сщенномч҃нкъ
Лукі҃анъ

на защиту Христа, молился Ему такъ: **и҆зведи҆, гд҃и, и҆з темни́цы дш҃ю мою҆, и҆сповѣ́датиса҆ и҃мени твоемѹ҃**[1]); ибо меня ждутъ имѣющіе быть праведниками,—да чрезъ меня къ Тебѣ, Христе, Спаситель міра, обратятся тѣ изъ язычниковъ, которые предопредѣлены къ вѣчной жизни[2]). Такія и подобныя моленія возносилъ святый отъ всего сердца, и молитва его, пройдя небо, была услышана Господомъ: ибо онъ просилъ, чтобы не остаться ему на пути, лишеннымъ сподвижниковъ своихъ, съ которыми онъ желалъ идти на страданія и достигнуть туда, куда былъ посланъ. Не потому объ этомъ молился доблестный Христовъ воинъ, что боялся умереть за Господа своего, но онъ желалъ сначала умножить Господу духовный плодъ, и потомъ, собравъ обильную и благополучную жатву, вмѣстѣ съ друзьями своими воспріять вѣнецъ мученическій и награду за труды свои. И вскорѣ получилъ онъ помощь Божію: нѣкіе христіане, узнавъ объ участи святаго мужа, пришли ночью къ темницѣ, движимые любовью ко Христу, и какимъ только могли способомъ извели Лукіана изъ узъ и доставили ему возможность отправиться вмѣстѣ со святыми друзьями его.

Святая дружина, наставляемая Господомъ, пришла благополучно въ славный городъ Италійской страны Тицинъ, иначе называемый Павія; отдохнувъ тамъ немного отъ трудовъ, они продолжали увеличивать славу Божію, неустанно и обильно въ различныхъ мѣстахъ проповѣдывая слово Христово, такъ что на нихъ можно было видѣть исполненіе словъ пророческихъ: **ко́ль красны҆ но́ги бл҃говѣствю́щихъ ми́ръ, бл҃говѣствю́щихъ бл҃га҆**[3]). Нельзя

1) Сравн.: Псал. **141**, ст. 8.
2) Посл. къ Рим., гл. **8**, ст. 29.
3) Кн. Исх., гл. **52**, ст. 7. Посл. къ Римлян., гл. **10**, ст. 15.

описать, сколько тысячъ народа въ короткое время обратили они ко Христу, возвѣщая всѣмъ слово спасенія; и настолько споспѣшествовала имъ сила Божія, что смотрѣвшіе на нихъ думали, что взираютъ на небесныхъ гражданъ, ибо знаменіями и чудесами сіяли они посреди всѣхъ, просвѣщая души избранныхъ Божіихъ. Потомъ они оставили Италію; достигнувъ морского берега, сѣли на корабль и отправились въ плаваніе, куда Духъ Святый направлялъ ихъ. Радостно пристали они въ гавани города Арелата[1]), высадились и были съ честью и дружественно приняты жителями этого города; здѣсь отдохнули и начали по примѣру святыхъ Апостоловъ избирать себѣ страны для проповѣданія Слова Божія. Чтобы проповѣдію Евангелія Христова распространить и умножить Церковь Божію всюду среди язычниковъ даже до океана Британскаго, святый Маркеллинъ съ небольшимъ числомъ братіи пошелъ въ Испанію, блаженный Сатурнинъ—въ Галлію, а святый Діонисій съ блаженнымъ Лукіаномъ и съ прочими пришли въ предѣлы Парисскія. Отсюда святый Лукіанъ съ пресвитеромъ Максіаномъ и съ діакономъ Юліаномъ удалился на проповѣдь въ Белгію[2]). Весь проникнутый благодатію Святаго Духа, онъ возвѣщалъ тамъ Имя Господне, побѣждалъ силу вражію, насаждалъ Христову Церковь и наставлялъ народъ къ спасенію не меньше примѣромъ добродѣтельной жизни, чѣмъ словомъ. Кромѣ того, дана была ему отъ Бога сила творить чудеса и врачевать всякія болѣзни и недуги въ людяхъ; а надъ бѣсами онъ получилъ такую власть, что тѣ, едва услышавъ его повелѣніе, тотчасъ оставляли мучимыхъ ими людей. Днемъ и ночью непрестанно проповѣдуя о Христѣ, Лукіанъ пребывалъ въ молитвахъ и бдѣніи, въ ежедневномъ постѣ, въ воздержаніи и полномъ умерщвленіи плоти и такъ изнурялъ себя постоянно, пока, по слову апостольскому, **предста́ви себѣ́ же́ртвꙋ жи́вꙋ, свꙗ́тꙋ, бл҃говꙋго́днꙋ бг҃ови**[3]). Обычной его пищей были небольшой кусокъ хлѣба и зелень, питьемъ вода; но сила Божія питала его и благодать Господня укрѣпляла его утружденные члены. Блаженный съ такимъ желаніемъ стремился къ вѣнцу мученическому, что казался уже умершимъ для міра.

---

1) *Арелатъ*, нынѣ *Арль*, въ описываемое время цвѣтущій городъ, расположенный по обѣимъ берегамъ Родана въ Gallia Narbonensis.

2) Самая сѣверная провинція Галліи (Belgica), получившая свое названіе со времени Августа († 14 г. по Р. Хр.).

3) Сравн.: Посл. къ Римлян., гл. **12**, ст. 1.

Такъ носилъ крестъ свой этотъ истинный послѣдователь Господа Христа. Онъ зналъ, что мученіе бываетъ двоякое: одно—тайное, другое—явное; и ранѣе чѣмъ подъять подвигъ явнаго мученичества и увѣнчаться неувядаемымъ вѣнцомъ отъ Господа, изнурялъ себя втайнѣ, хотя всѣмъ было извѣстно воздержаніе его. Умерщвленіемъ плоти онъ былъ изможденъ, терпѣніемъ украшенъ; обладая чуднымъ смиреніемъ, исполненный кротости, онъ достигъ такого совершенства въ добродѣтеляхъ, что, живя во плоти на землѣ, по духу казался уже живущимъ съ Ангелами на Небѣ. Поэтому лицо его всегда видѣли свѣтлымъ и привѣтливымъ, а умъ мирнымъ, и весь образъ сего старца, украшеннаго чудною сѣдиною, являлъ земного Ангела, небеснаго человѣка.

Когда слава о Лукіанѣ распространилась по всей Белгіи, сталъ приходить къ нему народъ, желая принять Крещеніе, и крестился отъ него во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, сокрушая потомъ идоловъ, которыхъ ранѣе почиталъ. Древній же врагъ діаволъ, видя поруганіе отъ тѣхъ, которыхъ Христосъ привлекалъ къ Себѣ чрезъ Своихъ рабовъ, обратилъ всѣ свои хитрости и козни на разореніе святой Божіей Церкви; онъ возбудилъ гнѣвъ и ненависть противъ христіанъ въ Домиціанѣ[1]), который послѣ Нерона, тогда уже погибшаго, воздвигъ второе гоненіе на христіанъ—онъ научилъ его принуждать христіанъ во всей державѣ римскаго царства приносить жертвы изваяннымъ богамъ, твердыхъ же въ вѣрѣ избивать послѣ различныхъ мученій. По всѣмъ городамъ и селеніямъ своего царства Домиціанъ разослалъ нечестивое повелѣніе, чтобы всѣ народоначальники, убѣждая христіанъ поклоняться идоламъ и приносить имъ жертвы, неповинующихся губили различными муками. Гонители Христова Имени были посланы въ Галлію отыскивать воиновъ Христовыхъ и главнымъ образомъ пришедшихъ сюда изъ Рима, слава о которыхъ уже далеко распространилась; они хотѣли вмѣстѣ съ ними истребить и самое Имя Христово. Сюда было послано три гонителя: Латринъ, Арій и Анторъ. Имъ было дано особое повелѣніе—найти святаго раба Божія Лукіана, взять его и представить на судъ кесаря или даже немедленно убить мечомъ, если онъ не захочетъ принести жертву идоламъ. Гонители прошли города и селенія Галліи, но нигдѣ не было того, кого они искали. Потомъ дошла до нихъ вѣсть, что

[1]) *Домиціанъ* царствовалъ съ 81 г. по 96 г.

мужъ Божій Лукіанъ, проповѣдуя Евангеліе вѣчнаго Царствія, просвѣщаетъ белгійскій народъ. Услышавъ это, мучители, распаленные крайнею яростью и гнѣвомъ, быстро направились въ Белгію. О томъ, что приходъ мучителей близокъ, святый Лукіанъ узналъ ранѣе, чѣмъ они дошли, по откровенію ему Святаго Духа. Онъ остался на мѣстѣ, гдѣ поучалъ народъ словамъ жизни, и съ нимъ было великое множество людей, уже обращенныхъ ко Христу его проповѣдью. Въ надеждѣ вѣчной славы и блаженнаго воздаянія, онъ увѣщавалъ ихъ отъ всего сердца, говоря:

— Возлюбленные о Христѣ братія и чада! Господу моему Іисусу Христу благоугодно явить мнѣ плоды моихъ трудовъ и даровать ранѣе обѣщанную награду. О любезнѣйшіе! Пребывайте твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ Христовой. Я уже старъ и утружденъ, радуюсь вѣнцу мученическому, стремясь отойти отъ васъ ко Господу; вы же пребывайте неизмѣнно въ Божіей благодати, которую приняли. Страхъ передъ мучителями да не отвратитъ васъ отъ вѣры Христовой, да не устрашатъ васъ угрозы, да не уловитъ лесть, да не отторгнутъ обѣщанія какихъ-либо почестей и богатствъ, но да насладитесь вѣчной радости въ будущей жизни, гдѣ вамъ уготованы неизглаголанныя награды. Къ нимъ стремлюсь и я въ благой надеждѣ, и ради нихъ не ужасаюсь ярости гонителей.

Сказавъ это, Лукіанъ возвелъ очи на Небо и предъ всѣми благодарилъ Бога, что Онъ сподобляетъ его участи святыхъ мучениковъ и не разлучаетъ съ друзьями. Онъ сказалъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго, подружившій меня съ блаженнымъ Діонисіемъ и сподвижниками кончины его и уравнявшій меня съ ними въ трудахъ; молю Тебя, удостой меня быть вмѣстѣ съ ними и въ Царствіи Небесномъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ города Белловака[1]) не потому, чтобы изъ страха избѣгалъ мученія, но чтобы, по заповѣди Господней, повелѣвающей уклоняться отъ гонителей[2]), подать примѣръ стаду своему. Шествуя съ блаженными сострадальцами своими, пресвитеромъ Максіаномъ и діакономъ Юліаномъ, онъ въ продолженіе всего пути не оставлялъ душеполезной бесѣды и молитвы; наконецъ онъ достигъ вершины горы, на которую шелъ и которая

---

1) Нынѣ *Бовэ*, во Франціи.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

находится близъ рѣки, называемой Θара, текущей съ запада на разстояніи трехъ поприщъ[1]) отъ города. Когда онъ пришелъ туда, то, подобно городу, стоящему на вершинѣ горы, не могъ укрыться[2]); ибо и самая та гора, живописно возвышавшаяся надъ рѣкою, была видима издалека. Тамъ блаженный, ставъ твердо, какъ на открытомъ для зрѣлища мѣстѣ, рѣшилъ ожидать вѣнца мученическаго.

Вышеупомянутые мучители, дошедши до города и не найдя въ немъ святаго Лукіана, начали достовѣрнѣе узнавать, куда ушелъ онъ. Имъ сказали, что онъ учитъ народъ недалеко отъ города; они тотчасъ на борзыхъ коняхъ устремились туда и достигли горы, гдѣ человѣкъ Божій пребывалъ съ народомъ и учениками. Сначала взяли святыхъ служителей Божіихъ Максіана и Юліана, чтобы ихъ муками и смертью устрашить святаго Лукіана и привлечь къ почитанію идоловъ. Взятымъ мученикамъ грозно повелѣвали поклониться идоламъ и старались внушить имъ страхъ, говоря:

— Если не принесете жертвы нашимъ безсмертнымъ богамъ, тотчасъ мы казнимъ васъ мечомъ.

Но твердые въ вѣрѣ мученики безбоязненно отвѣчали:

— Никогда не поклонимся мы идоламъ, ибо они суетны и сотворены руками человѣческими: мы познали Единаго Истиннаго Господа Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, за вѣру въ Котораго готовы умереть.

Слыша это, злочестивые тотчасъ убили ихъ мечомъ на глазахъ святаго Лукіана. Такъ святые приняли обѣщанные имъ отъ Господа вѣнцы и сопричислились къ лику святыхъ мучениковъ. Святый Лукіанъ, радуясь и славя Бога о ихъ подвигѣ, предъ всѣми сказалъ:

— Радуюсь и веселюсь о Тебѣ, Господи Боже мой, что вижу чадъ моихъ упредившихъ меня въ полученіи вѣнца славы Твоей.

Тогда Латринъ, Арій и Анторъ съ яростью и гнѣвомъ единогласно обратили къ блаженному жестокое слово:

— Это ты волшебствомъ прельщаешь народъ не повиноваться повелѣнію могущественнаго кесаря и Римскому Сенату и не приносить благопріятныхъ жертвъ безсмертнымъ богамъ?

Блаженный Лукіанъ отвѣчалъ:

---

[1]) *Поприще* равнялось приблизительно 690 саженъ.

[2]) Сравн.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

— Я не волхвъ, а рабъ Іисуса Христа, наученъ не чародѣйству, а божественной премудрости, силою ея показываю людямъ Божіимъ путь истины и поучаю ихъ, какъ безъ препятствія могутъ они послѣдовать Господу моему Іисусу Христу. Онъ сошелъ съ Небесъ на землю, чтобы кровію Своею искупить созданіе Свое отъ рабства врагу, отвратить отъ поклоненія идоламъ, лучше же сказать—демонамъ, и даровать спасеніе тѣмъ, которые изъ тьмы зловѣрія приводятся въ истинный свѣтъ: и справедливо, чтобы они одному Тому преклоняли выю сердецъ своихъ, Кто благоизволилъ претерпѣть распятіе и смерть за избавленіе всѣхъ.

Мучители возразили:

— Какъ ты исповѣдуешь Богомъ Того, Кого называешь не только умершимъ, но и распятымъ?

Святый Лукіанъ отвѣчалъ имъ:

— Хотя вы по невѣрію своему и недостойны слышать тайны Небеснаго Царя, однако ради множества предстоящихъ здѣсь вѣрныхъ я повѣдаю нѣчто вкратцѣ: Богъ Истинный, Сынъ Бога Истиннаго, отъ вѣчности всегда пребывающій съ Отцемъ, въ концѣ вѣковъ, желая обновить родъ человѣческій, погибавшій вслѣдствіе преступленія Адама, благоизволилъ родиться нетлѣнно и несказанно отъ Пречистой Дѣвы, дабы быть Истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ, въ одномъ лицѣ двоякаго естества Единымъ Христомъ, истиннымъ Сыномъ Божескимъ и Человѣческимъ. И Онъ, будучи безстрастенъ по Божеству и всегда пребывая съ Отцемъ, сталъ не только видимъ, но и подчиненъ, по естеству человѣческому, страданіямъ за насъ: ибо сдѣлался послушливымъ Богу Отцу даже до смерти, смерти же крестной, ради искупленія нашего[1]). Если бы Сынъ Божій не восхотѣлъ быть Сыномъ Человѣческимъ и не облекся бы въ образъ смертнаго, то ни родъ человѣческій не получилъ бы прощенія у Бога, ни смертные не облеклись бы въ безсмертіе.

Эти и многія иныя слова блаженнаго Лукіана исполнили мучителей еще бо́льшей ярости, и они сказали:

— Ты достигъ уже глубокой старости, и пора тебѣ оставить дѣтское празднословіе; потому и дерзаешь ты безъ колебанія идти на смерть, потому и не ужасаешься, что тебя прельщаетъ великая суета и отнимаетъ разсудокъ излишнее многорѣчіе. Истину гово-

[1]) Сравн.: Послан. къ Филипп., гл. 2, ст. 8.

римъ тебѣ: если вскорѣ не покаешься, не оставишь своего безумія и дерзновенія и не принесешь безсмертнымъ богамъ благопріятной жертвы, то немедленно старость твою безъ пощады предадимъ лютымъ мученіямъ.

Потомъ мучители сѣли и начали грозно спрашивать его:

— Скажи намъ скорѣе свое имя и рожденіе.

Воинъ Христовъ отвѣчаль имъ:

— Я былъ названъ родителями моими именемъ Лукія, во Святомъ же Крещеніи, которымъ возродился въ жизнь вѣчную о Христѣ, переименованъ Лукіаномъ. Родомъ я Римлянинъ; это происхожденіе пользуется почетомъ во всемъ мірѣ. Но я не тѣмъ хвалюсь, что я— Римлянинъ, а тѣмъ, что есмь рабъ Господа моего Іисуса Христа, что и вы явно можете видѣть во мнѣ: ибо нѣтъ для меня иной жизни и славы, кромѣ Господа моего Іисуса Христа, и умереть за Него—пріобрѣтеніе[1]).

Тогда мучители сказали:

— Правду мы говорили: ты—волхвъ и соблазнитель тѣхъ, которые тебя слушаютъ, главнымъ же образомъ являешься гордецомъ, ибо не перестаешь говорить безстыдно и даже не щадишь своей преклонной старости. Если же ты Римлянинъ, то зачѣмъ безумно отступилъ отъ почитанія римскихъ боговъ, которымъ поклоняются кесарь со всѣмъ Римскимъ Сенатомъ и весь міръ?

Святый Лукіанъ отвѣчалъ:

— Благодатію Христа, въ Котораго я крестился и Котораго позналъ какъ Истиннаго Бога, отрекся я въ вѣрѣ моей не только діавола и идоловъ, но и всѣхъ дѣлъ его. Моихъ же словъ и проповѣди о Христѣ Господѣ вы не хотите ни слышать, ни держать въ памяти потому, что невѣріе ваше ослѣпило васъ и вашего кесаря вмѣстѣ съ сенатомъ его, отъ которыхъ вы получили такое повелѣніе, чтобы мы, люди, созданіе разумное, приносили жертву діаволамъ и преклоняли выи наши предъ безчувственными идолами, сотвореннымъ руками человѣческими.

Латринъ, Арій и Анторъ, не вынося далѣе безчестія боговъ своихъ и кесарева, возложили на святаго руки свои, связали его и предали воинамъ, и тѣ, растянувъ мученика, долго безъ пощады били его жестокими бичами. Терпя мученія, Христовъ воинъ не побѣждался страданіями и не устрашался угрозъ, но пребывалъ

---

1) Сравн.: Посл. къ Филипп., гл. 1, ст. 21.

твердымъ въ вѣрѣ Христовой и бодростью духа укрѣплялъ изнемогшіе отъ старости и уязвляемые члены. Неизмѣнный и лицомъ и умомъ, онъ не переставалъ громкимъ голосомъ исповѣдывать Имя Христово, говоря:

— Никогда не перестану сердцемъ, вѣрою и устами хвалить Христа, Сына Божія.

Мучители, еще болѣе разъяренные, повелѣли мечомъ лишить жизни святаго мученика; тогда одинъ воинъ извлекъ мечъ, ударилъ въ уготованную уже къ усѣченію святую выю и отсѣкъ пречестную главу. Когда же святое тѣло лежало обезглавленнымъ и еще двигалось, всѣ были свидѣтелями, и сами убійцы, что надъ нимъ возсіялъ съ Неба великій свѣтъ, вмѣстѣ же съ свѣтомъ былъ слышенъ Голосъ свыше:

— Радуйся, благій рабъ Лукіанъ, не устрашившійся пролить за Меня кровь свою. Приди и прими ранѣе обѣщанный тебѣ вѣнецъ, и водворись на Небѣ со святыми: приди и наслѣдуй обитель вѣчной славы, уготованную тебѣ съ Ангелами.

Этотъ Голосъ былъ не ради святаго, который всегда твердо вѣрилъ въ обѣщанное ему Богомъ воздаяніе, но ради вокругъ стоящаго народа, чтобы послѣднему еще болѣе утвердиться въ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, насаждаемой святымъ Лукіаномъ въ теченіе столь продолжительнаго времени. Все это происходило въ день субботній, на вышеупомянутой горѣ, въ трехъ поприщахъ отъ города. Видя это и слыша, люди—какъ вѣровавшіе, такъ и невѣровавшіе—были объяты великимъ страхомъ. Иные бѣжали оттуда, иные удивлялись съ радостью, видя себя освобожденными отъ сѣтей діавольскихъ: впрочемъ, не будучи въ состояніи взирать на блистаніе явленнаго свѣта, немного отступили отъ того мѣста. Тогда святый Лукіанъ, хотя и мертвый тѣломъ, чудесно принялъ отъ Бога силу движенія, поднялся какъ живой съ земли и сталъ на ногахъ; потомъ, взявъ въ руки пречестнѣйшую свою главу, безпрепятственно пошелъ, ведомый благодатію обитавшаго въ немъ Святаго Духа и помощью Ангеловъ, и твердыми шагами, какъ живой плотію, началъ путешествіе, неся свою святую главу, какъ это сдѣлалъ и другъ его, святый Діонисій въ городѣ паризіевъ. Пройдя около трехъ поприщъ и перейдя по водамъ вышеназванной рѣки Ѳары, мужъ Божій достигъ мѣста, выбраннаго имъ себѣ для погребенія, тамъ возлегъ на землю и съ миромъ почилъ о Господѣ.

Благочестивые люди, обращенные ко Христу проповѣдью мученика, пришли и помазали святое тѣло его ароматами, обвили чистымъ полотномъ и погребли со многими почестями, не безъ ангельскаго присутствія: ибо когда честнóе тѣло предавалось погребенію, можно было обонять, кромѣ земныхъ ароматовъ, еще и иное нѣкое дивное и неизреченное благовоніе. Всѣ бывшіе тамъ дивились и спрашивали другъ друга:

— Что это?

Потомъ сказали:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, что сподобилъ насъ обонять такое благоуханіе, какого никогда не обоняли ноздри наши! Слава Тебѣ, Христе Спаситель: ибо такъ усладились мы этимъ благоуханіемъ, что затѣмъ уже, думаемъ, не будемъ лишены никакого блага!

И пока они это говорили, дотолѣ имъ подавалось божественное благоуханіе. Отсюда несомнѣнно познавалось присутствіе святыхъ Ангеловъ, которые отъ начала страданія мученика до самой смерти и погребенія его были при немъ неотступно. Совершивъ честнóе погребеніе, благочестивые погребатели поклонились до земли, съ сокрушеннымъ сердцемъ восклицая:

— Вѣруемъ, Іисусе Христе, что Ты—Истинный Сынъ Божій, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ царствующій на Небесахъ, какъ мы слышали ушами и научились вѣровать сердцемъ отъ святого мученика Твоего Лукіана.

Множество народа, собравшагося на погребеніе изъ окрестныхъ городовъ и селъ, видя это, а послѣдніе по времени изъ пришедшихъ слыша отъ видѣвшихъ, умилились сердцемъ, и въ тотъ же день увѣровало въ Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія душъ около пятисотъ, а прежде ученіемъ святаго Лукіана въ той странѣ было обращено ко Христу до тридцати тысячъ обоего пола и всякаго возраста, которые, оставивъ идоловъ, исповѣдали Бога Отца нерожденнаго и Сына Его Единороднаго вмѣстѣ со Святымъ Духомъ—въ Троицѣ Истиннаго и Единаго Бога. Потомъ нѣкоторые изъ обращенныхъ по усердію создали церковь надъ гробомъ мученика—во славу Божію и въ честь угодника Его, святаго Лукіана. Тѣла святыхъ мучениковъ Максіана и Юліана были погребены на горѣ, гдѣ они были убиты, но потомъ, когда число христіанъ увеличилось, были оттуда перенесены и положены вмѣстѣ съ тѣломъ блаженнаго Лукіана. И многія блага подавались тамъ отъ

Господа нашего Іисуса Христа по ходатайству святыхъ Его мучениковъ. Какъ у нихъ была одна вѣра, одна любовь и одно исповѣданіе въ страданіяхъ, такъ,—вѣруемъ мы,—и въ вѣчномъ блаженствѣ одно имъ сожитіе и наслѣдіе вѣчнаго царства. Благодаримъ Создателя нашего за то, что трое свидѣтелей Его, исповѣдуя Троицу, достигли совершенства мученичествомъ; ихъ мы благоговѣйно почитаемъ, зная, что отъ нихъ подается слѣпымъ—прозрѣніе, хромымъ—хожденіе, отъ бѣсовъ—освобожденіе, и многія исцѣленія отъ различныхъ недуговъ творятся ихъ святыми молитвами, благодатію же Господа нашего Іисуса Христа, Ему же съ Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки, аминь.

Въ тотъ же день **перенесеніе мощей святаго** благовѣрнаго князя **Димитрія царевича** Московскаго и всея Россіи чудотворца изъ Углича въ Москву, въ 1606 году.

День четвертый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

МИТРОФАНА,

Патріарха Константинопольскаго

Святый отецъ нашъ Митрофанъ жилъ во времена Константина Великаго—перваго императора-христіанина[1]). Онъ былъ сынъ римлянина Дометія, происходившаго изъ царскаго рода. Этотъ Дометій, иначе называемый Дометіаномъ, былъ братомъ Прова, нѣкогда занимавшаго престолъ Римскаго императора[2]). Будучи человѣкомъ благоразумнымъ, Дометій скоро созналъ ложь идолопоклонства, отрекся отъ ложныхъ языческихъ боговъ и увѣровалъ въ Истиннаго Бога—Господа нашего Іисуса Христа. А такъ какъ Римъ въ то время былъ исполненъ языческаго нечестія и христіане подвергались въ немъ жестокому преслѣдованію, то Дометій, покинувъ столицу имперіи, прибылъ съ двумя сыновьями своими,

---

1) *Императоръ Константинъ Великій* царствовалъ съ 306 г. по 337 г.

2) *Провъ*, или *Пробъ*, царствовалъ съ 276 г. по 282 г.

Провомъ и Митрофаномъ, въ Византію. Тогда въ Византіи былъ епископомъ богоугодный и святый мужъ Титъ (называемый иначе Тратомъ, или Торатомъ) [1]); при немъ-то и стали проживать Дометій и его сыновья, обучаемые вѣрѣ Христовой и Закону Господню и наставляемые въ добродѣтельной жизни. Видя, что Дометій всѣмъ сердцемъ и всею душею прилѣпился ко Христу и полонъ пламенной ревности потрудиться для Господа,—епископъ сопричислилъ его къ церковному причту, рукоположивши въ пресвитеры. Когда, наставивъ Дометія, Титъ скончался, то Дометій принялъ послѣ него епископскій престолъ [2]), а по кончинѣ блаженнаго епископа Дометія святительскій престолъ принялъ сынъ его Провъ [3]). Послѣ же преставленія Прова на византійскую архіерейскую каѳедру возведенъ былъ сынъ Дометія и братъ Прова—святый Митрофанъ [4]), о которомъ предстоитъ намъ слово.

Въ это время императоръ Константинъ Великій прибылъ во Ѳракійскую область [5]) и остановился въ Византіи. Увидавъ здѣсь святителя Митрофана, императоръ изъ бесѣдъ съ нимъ позналъ, что онъ великій угодникъ Божій, и много дивился добродѣтельной жизни святителя и его премудрости. Горячо полюбивъ его и желая наслаждаться боговдохновенными его рѣчами, онъ взялъ его съ собою въ Римъ.

Вскорѣ послѣ того императоръ Константинъ пожелалъ перенести свою столицу изъ Рима въ Византію. Городъ этотъ ему очень понравился—какъ по своей красотѣ, такъ и по выгодному мѣстоположенію своему. Онъ находится въ юго-восточномъ углу Балканскаго полуострова на берегу Босфора—пролива, соединяющаго Черное море съ Средиземнымъ и Мраморнымъ морями. Прекраснѣйшія дороги съ суши и съ моря вели къ этому городу, и вся окружающая мѣстность изобиловала различными земными плодами. Все это такъ понравилось Константину, что онъ рѣшилъ перенести сюда столицу имперіи. Новую столицу императоръ украсилъ прекраснѣшими зданіями и наименовалъ ее Новымъ Римомъ.

---

1) *Св. Титъ* занималъ византійскій епископскій престолъ съ 242 г. по 272 г.

2) *Дометій* былъ епископомъ Византіи съ 272 г. по 303 г.

3) *Провъ* святительствовалъ съ 303 г. по 315 г.

4) *Св. Митрофанъ*, первый Патріархъ Константинопольскій, занималъ Константинопольскій престолъ съ 315 г. по 325 г.

5) *Ѳракія* находилась въ восточной оконечности Балканскаго полуострова и примыкала къ морямъ Черному и Мраморному. Въ настоящее время—это восточная Румелія, турецкая провинція.

Свтый
Митрофанъ

Но, по имени своего создателя, городъ чаще называли Константинополемъ, то есть городомъ Константина, а какъ резиденція императоровъ, онъ именовался еще Царьградомъ. Перенесши въ Византію столицу имперіи, Константинъ перевелъ сюда также изъ Стараго Рима святителя Митрофана, нарекъ его своимъ отцемъ и исходатайствовалъ ему у собравшихся въ Никеѣ на Первый Вселенскій Соборъ епископовъ [1]) титулъ Патріарха. Митрофанъ былъ, такимъ образомъ, первымъ Патріархомъ Константинопольскимъ.

По причинѣ глубокой старости и тѣлесной немощи самъ Митрофанъ не былъ на Соборѣ въ Никеѣ. Вмѣсто себя онъ послалъ сюда своего хорепископа [2]) Александра—мужа почтеннаго, святаго и престарѣлаго, подъявшаго много трудовъ на пользу церковнаго мира во Θракіи и Иллиріи [3]). Онъ на Соборѣ занималъ мѣсто своего Патріарха Митрофана и противостоялъ Арію.

Послѣ окончанія сего Вселенскаго Собора благочестивый императоръ Константинъ Великій упросилъ всѣхъ святителей, бывшихъ на Соборѣ, отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополь, чтобы навѣстить тамъ больного Патріарха Митрофана, лежавшаго на смертномъ одрѣ. Въ одно изъ воскресеній отцы вмѣстѣ съ царемъ пришли къ Митрофану и долго бесѣдовали съ нимъ. При этомъ императоръ сказалъ святому:

---

1) Соборъ происходилъ въ 325 г. и созванъ былъ для обличенія ереси Арія, учившаго, что Сынъ Божій не единосущенъ, а только подобосущенъ Отцу и есть тварное Существо, стоявшее, однако, выше прочихъ тварей. На этомъ Соборѣ присутствовало 318 епископовъ, съѣхавшихся изъ различныхъ странъ, находившихся въ предѣлахъ Римской имперіи.

2) *Хорепископъ* —сельскій епископъ, бывшій въ подчиненіи у городского.

3) *Иллирія*—провинція, обнимавшая все восточное прибережье Адріатическаго моря съ лежащими за нимъ мѣстностями. Теперь на мѣстѣ этой провинціи—Албанія, Далмація и Боснія.

— Честнѣйшій отче! Я вижу, что ты изнемогъ отъ старости и болѣзни. Итакъ, прошу тебя, скажи намъ, кто достоинъ стать твоимъ преемникомъ?

На эти слова святый Митрофанъ съ радостію во взорѣ отвѣчалъ императору:

— Поистинѣ твоими устами говоритъ нынѣ Святый Духъ. Дѣйствительно, когда я за семь дней до настоящаго времени размышлялъ объ этомъ, Господь открылъ мнѣ, что, по истеченіи десяти дней, я удалюсь изъ этого міра. И когда я окончу жизнь свою, пусть послѣ меня вступитъ на престолъ сослужитель мой Александръ—поистинѣ достойный избранія и дара Духа Святаго. Послѣ же него имѣетъ быть наслѣдникомъ престола Павелъ, состоящій въ настоящее время чтецомъ[1]).

Затѣмъ, взглянувъ на блаженнаго Александра, Патріарха Александрійскаго[2]), онъ сказалъ ему:

— Братъ! И ты оставишь послѣ себя превосходнаго наслѣдника.

И, взявши за руку архидіакона его, Аѳанасія, произнесъ:

— Вотъ доблестный воинъ Христовъ; онъ будетъ наслѣдникомъ послѣ тебя[3]) и не только твердо возстанетъ, вмѣстѣ съ моимъ братомъ Александромъ, противъ аріанскаго нечестія, но и преуспѣетъ въ великихъ подвигахъ, такъ что его, вмѣстѣ съ мужественнымъ Павломъ, ожидаютъ многія страданія.

Такъ святый предсказалъ о будущемъ и, спустя десять дней послѣ откровенія Господня, въ мирѣ скончался въ четвертый день іюня мѣсяца, проживши со дня своего рожденія всего сто семнадцать лѣтъ. Нынѣ же святый пребываетъ въ безконечной жизни, предстоя престолу Великаго Архіерея, прошедшаго небеса,—Христа Спаса нашего; Ему слава во вѣки. Аминь.

---

1) Послѣ св. Митрофана Патріархомъ Константинополя дѣйствительно былъ святый Александръ (съ 325 г. по 340 г.), а послѣ него—св. Павелъ, занимавшій патріаршій престолъ съ нѣкоторыми перерывами съ 341 г. по 350 г.

2) *Св. Александръ* занималъ александрійскій престолъ съ 312 г. по 326 г.

3) Послѣ св. Александра Патріархомъ Александрійскимъ дѣйствительно сталъ святый Аѳанасій, занимавшій александрійскую каѳедру съ 326 г. по 373 г. На его долю выпало много преслѣдованій отъ аріанъ и аріанствующихъ императоровъ. Нѣсколько разъ онъ скрывался изъ города, спасаясь на Западѣ; иногда его изгоняли изъ Александріи аріане. Такую же участь раздѣлилъ съ нимъ и св. Павелъ, Патріархъ Константинопольскій.

Кондáкъ, глáсъ в̃.

Вѣрѹ хр̃тóвѹ ꙗ̃сно ты̀ проповѣ́далъ є̂сѝ, и̂ сію̀ соблюдáлъ, во мнóжество ꙋ̑истиннѹ̀ возрастúлъ є̂сѝ вѣ́рное твоѐ стáдо: тѣ́мже со а̃гг̑лы митрофáне срáдꙋ̀ешисѧ, хр̃тѹ̀ молúсѧ непрестáнно ѡ̃ всѣ́хъ нáсъ.

И̑нъ кондáкъ, глáсъ д̃.

Ѿ младéнства ꙗ̃вúлся є̂сѝ ч̑тенъ сосѹ́дъ, ст̑и́тель бы́къ и̂збрáнъ бг̃ѹ̀, є̂мѹ̀же съ весе́лїемъ вꙁывáлъ є̂сѝ: рáвенъ є̂сѝ хр̃тѐ о̑ц̃ѹ̀ и̂ дх̃ѹ̀.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КОНКОРДІЯ

Въ царствованіе императора Антонина[1]) въ городѣ Римѣ было возбуждено столь жестокое гоненіе противъ христіанъ, что никому,—если онъ не принесетъ жертвы богамъ,—ничего нельзя было ни купить, ни продать. Тогда въ городѣ Римѣ проживалъ нѣкій мужъ по имени Конкордій. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома. Отецъ Конкордія, Гордіанъ, состоялъ въ священномъ санѣ и былъ пресвитеромъ. Имѣя сына Конкордія, Гордіанъ научилъ его разумѣнію Священнаго Писанія и вѣры Христовой. Поэтому епископомъ римскимъ Піемъ, который претерпѣлъ мученія за Христа въ царствованіе императора Марка Аврелія[2]), Конкордій былъ поставленъ въ иподіаконы. Сей блаженный мужъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ день и ночь упражнялся въ постѣ и молитвѣ; сверхъ того они щедрою рукою подавали милостыню убогимъ и всѣмъ нуждающимся. Съ своей стороны они просили у Господа даровать имъ возможность избѣгнуть жестокостей воздвигнутаго на христіанъ гоненія.

1) Римскій императоръ *Антонинъ*, прозванъ язычниками Піемъ, т. е. Благочестивымъ, царствовалъ съ 138 г. по 161 г.

2) *Маркъ Аврелій* занималъ римскій императорскій престолъ съ 161 г. по 180 г.

Однажды блаженный Конкордій сказалъ своему отцу:

— Господинъ мой! Если ты не будешь имѣть ничего противъ моего намѣренія, то дай мнѣ благословеніе отправиться къ святому Евтихію и поселиться съ нимъ на короткое время, пока прекратится свирѣпство врага нашего, императора Антонина.

— Пробудемъ лучше здѣсь, чадо,—сказалъ на эту просьбу Конкордія отецъ,—дабы и намъ получить отъ Господа вѣнцы мученическія.

Блаженный отвѣтилъ:

— Мученическій вѣнецъ я могу получить вездѣ, гдѣ благоволитъ Христосъ Богъ,—посему позволь мнѣ исполнить мое намѣреніе.

Послѣ этихъ словъ отецъ отпустилъ его, и Конкордій удалился къ родственнику своему Евтихію, который тогда находился въ своемъ имѣніи на Саларійской дорогѣ, близъ города Требула[1]).

Принявши Конкордія съ большою радостію, блаженный Евтихій сталъ воздавать благодареніе Богу, и они вмѣстѣ пребывали на томъ мѣстѣ, упражняясь въ постѣ и молитвахъ. Сюда приходили къ нимъ многіе, одержимые различными недугами. Они же, молясь во Имя Господа Іисуса Христа, подавали имъ исцѣленія,—и чрезъ это слава о нихъ распространялась среди народа на далекое разстояніе. Услышалъ о нихъ Тусскій епархъ Торкватъ[2]), который проживалъ тогда въ городѣ Сполетѣ[3]). Призвавъ къ себѣ блаженнаго Конкордія, онъ прежде всего спросилъ святаго объ имени его.

— Я—христіанинъ,—отвѣчалъ Конкордій.

— Я спрашиваю тебя о твоемъ имени,—снова сказалъ епархъ,—а не о Христѣ твоемъ.

— Я уже сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ святый Конкордій,—что я христіанинъ и исповѣдую Христа.

---

1) Именемъ *Требула* назывались 3 городка въ Сабинской землѣ, расположенной въ средней Италіи, на востокъ отъ Рима. Вслѣдствіе того, что въ дальнѣйшемъ говорится о томъ, какъ св. Конкордія призвалъ къ себѣ Тусскій епархъ, обитавшій въ Сполетѣ, въ провинціи Умбріи, нужно думать, что городъ, обозначенный здѣсь подъ именемъ Требула, находился въ сѣверной части Сабинской земли, недалеко отъ Умбріи—провинціи, расположенной къ сѣверо-востоку отъ Рима.

2) *Тусками* Римляне называли жителей Этруріи—провинціи, находящейся на западѣ Средней Италіи, къ сѣверу отъ Рима. Такимъ образомъ, Тусскій епархъ былъ правителемъ Этруріи.

3) *Сполета*, нынѣ *Сполето*, городъ въ Средней Италіи, въ древней Умбріи, на границѣ съ Этруріей. Вѣроятно, Умбрія и Этрурія находились подъ властію одного правителя.

Сѣтый мѣнкъ
КОНКО́РДІЙ

— Принеси жертву безсмертнымъ богамъ,—сказалъ епархъ,—и будешь намъ другомъ: я буду считать тебя вмѣсто отца и попрошу императора Антонина—господина моего, чтобы онъ назначилъ тебя жрецомъ боговъ.

— Пусть твои боги останутся лучше при тебѣ,— сказалъ на это святый Конкордій.

— Послушай меня и принеси безсмертнымъ богамъ жертву,—продолжалъ уговаривать его епархъ.

— Лучше ты меня послушай,—отвѣчалъ святый Конкордій,—и принеси жертву Господу Іисусу Христу, дабы избѣгнуть тебѣ вѣчныхъ мученій. Если ты сего не сдѣлаешь, то получишь наказаніе въ вѣчной жизни и воспримешь мученія въ неугасаемомъ огнѣ.

Тогда епархъ повелѣлъ бить его палками и бросить въ общую темницу.

Ночью къ Конкордію пришелъ блаженный Евтихій со святымъ епископомъ Анѳимомъ. Анѳимъ былъ другомъ Торквата и упросилъ его отпустить къ нему узника на короткое время. И вотъ Конкордій ночью былъ выпущенъ изъ темницы и прожилъ вмѣстѣ съ Анѳимомъ немало времени. При этомъ Анѳимъ посвятилъ Конкордія во іереи, и они, живя вмѣстѣ, упражнялись въ постѣ и молитвахъ.

По прошествіи нѣкотораго времени Торкватъ послалъ за Конкордіемъ и спросилъ его:

— Что ты придумалъ относительно своей жизни?

— Моя Жизнь—Христосъ, Которому я ежедневно приношу жертву хваленія, а ты будешь горѣть въ геенѣ,—сказалъ епарху Конкордій.

Тогда Торкватъ повелѣлъ привязать святаго къ позорному столбу. Но святый съ радостію говорилъ:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе!

— Принеси жертву великому Зевсу[1]),—настаивалъ епархъ.

— Я не стану приносить жертву глухому и нѣмому камню,—отвѣчалъ блаженный Конкордій,—такъ какъ со мною Господь мой Іисусъ Христъ, Которому служитъ душа моя!

Послѣ этого епархъ, разгнѣвавшись, отправилъ Конкордія на заключеніе въ тѣсную темницу, а на руки и на шею его повелѣлъ наложить желѣзо и запретилъ кому-либо входить къ нему, ибо желалъ уморить святаго голодомъ.

Но блаженный Конкордій, заключенный въ темницѣ, не палъ духомъ, но съ веселіемъ началъ приносить благодарность всесильному Богу:

«Слáва въ вы́шнихъ бГ҃у, и́ на земли́ ми́ръ въ человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе»,—воспѣвалъ онъ.

Въ полночь явился ему Ангелъ Господень и сказалъ:

— Не бойся, но мужественно стой въ вѣрѣ, потому что я съ тобою.

По прошествіи трехъ дней епархъ послалъ къ нему ночью двухъ оруженосцевъ своихъ и повелѣлъ имъ:

— Пойдите и сообщите узнику, дабы онъ принесъ жертву нашимъ богамъ или же, въ противномъ случаѣ,—ему будетъ отсѣчена голова.

Оруженосцы пришли къ Конкордію съ идоломъ бога Зевса и спросили его:

— Слышалъ ли ты, что приказалъ епархъ?

— Я не знаю этого,—отвѣчалъ святый.

— Принеси жертву богу Зевсу,—продолжали оруженосцы,—въ противномъ же случаѣ будешь обезглавленъ!

Тогда блаженный Конкордій, благодаря Бога, сказалъ:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе!

И плюнулъ въ лицо Зевса.

Видя это, одинъ изъ воиновъ извлекъ мечъ и отсѣкъ святому голову, и, такимъ образомъ, блаженный Конкордій, исповѣдуя Господа, испустилъ духъ[2]).

Послѣ того пришли въ темницу два клирика и нѣкоторые благочестивые мужи; взявъ тѣло святаго, они положили его недалеко отъ города Сполеты, въ мѣстѣ, орошенномъ обильно текущими

---

1) *Зевсъ*, по-римски *Юпитеръ*, почитался главнымъ божествомъ, отцомъ боговъ и людей; онъ являлся повелителемъ неба и земли, грома и молніи, вѣтровъ и дождей.

2) Это было около 175 года.

источниками. Здѣсь, у гробницы мученика, одержимые демонами и страждущіе отъ различныхъ болѣзней стали получать исцѣленія, по молитвамъ святаго Конкордія, предстоящаго Господу нашему Іисусу Христу, Который со Отцемъ и Духомъ Святымъ царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ФРОНТАСІЯ, СЕВЕРИНА, СЕВЕРІАНА и СИЛАНА

Святый Фронтасій, Северинъ, Северіанъ и Силанъ были отправлены первымъ Петрагорійскимъ епископомъ Фронтономъ[1]) проповѣдовать Слово Божіе. Во время проповѣди ихъ схватилъ игемонъ Сквиридонъ и допрашивалъ:

— Скажите мнѣ: откуда вы и какими именами называетесь? Ибо вы не только не принесли жертвъ богамъ, но отклонили отъ этого многихъ другихъ и разрушили даже храмы боговъ. Скажите же, коею властію вы дѣлаете такъ?

Они отвѣчали ему:

— Зачѣмъ ты допрашиваешь насъ, игемонъ, будучи чуждъ божественной добродѣтели? Ужъ не стремишься ли ты уничтожить правое дѣло? Тогда, прежде чѣмъ приступить къ исполненію намѣренія своего, разсуди: кто сотворилъ твою душу и тѣло? Вѣдь языческіе идолы—издѣліе человѣческихъ рукъ и не могутъ ни себѣ принести пользы, ни инымъ помогать, тѣмъ болѣе творить что-либо.

— Я вижу,—сказалъ Сквиридонъ,—что вы дерзки и многорѣчивы, наученные всякому пустословію отъ вашего Учителя.

— Наши слова исполнены истины, —отвѣчали Северинъ и Северіанъ,—ты же почитаешь идоловъ, которые суть камни, поставленные демонами; они—глухи, нѣмы и пусты.

— Оставьте свои разсужденія,—прервалъ ихъ Сквиридонъ,—и если хотите остаться въ живыхъ, принесите жертву богамъ.

— Наше пріобрѣтеніе заключается въ томъ,—отвѣчалъ Фронтасій,—дабы жить и умереть за Христа!

---

[1]) Петрагорійская епископская каѳедра иначе называлась Периѳескою. Городъ Периѳевъ находился въ южной Галліи.

Послѣ того игемонъ обратился къ Силану, умѣвшему играть на гусляхъ, благозвучныхъ кимвалахъ и лирахъ, и спросилъ его:

— А ты, юноша, почему не приносишь жертву богамъ?

— Я приготовился, — отвѣтилъ святый Силанъ, — принести себя въ жертву Господу моему Іисусу Христу, Который благодатію Крещенія омылъ міръ отъ грѣховной скверны.

— Какимъ образомъ *омылъ*? — спросилъ игемонъ.

Силанъ отвѣчалъ:

— Господь мой Іисусъ Христосъ сказалъ Своимъ ученикамъ: **ше́дше наꙋчи́те всѧ̑ ꙗ̑зы́ки, крести́ще и̑̓хъ во и̑́мѧ о̑̓ц҃а̀ и̑ сн҃а̀ и̑ сⷭ҇та́го дх҃а**[1]. **И̑же вѣ́рꙋ и̑́метъ и̑ крести́тсѧ, спасе́нъ бꙋ́детъ: а̑̀ и̑́же не и̑́метъ вѣ́ры, о̑̓сꙋ́жде́нъ бꙋ́детъ**[2]. Такимъ образомъ и ты, игемонъ, если увѣруешь во Христа и крестишься—будешь спасенъ, если же не увѣруешь—осужденъ будешь.

Разгнѣвавшись, игемонъ приказалъ вывести ихъ на мѣсто казни за городъ и подвергнуть жесточайшимъ мученіямъ. При этомъ, мучители вонзили въ головы мучениковъ желѣзныя гвозди, по подобію терноваго вѣнца Спасителя нашего, и пригвоздили ихъ къ столбу. Въ головѣ каждаго было по девяти гвоздей. Но жестокая ярость мучителей не могла отвратить отъ Христа Его воиновъ. Послѣ того какъ игемонъ не могъ препобѣдить святыхъ означенными мученіями, онъ сдѣлалъ относительно ихъ послѣднее рѣшеніе—повелѣлъ отсѣчь имъ головы. Тогда святые мученики, преклонивъ на землю свои колѣни и препоручивъ Богу свои души, подставили выи палачамъ и воспріяли мученическую кончину за исповѣданіе Имени Христова. Нечестивые воины, усѣкнувши главы мучениковъ, бросили ихъ тѣла для поруганія на землю, оставивъ честные останки безъ погребенія. Но божественная сила совершила при этомъ слѣдующее чудо.

Тѣла святыхъ, при внезапномъ наитіи на нихъ Святаго Духа,— ожили, и каждое, взявши въ руки лежавшую поблизости свою голову, безъ всякой человѣческой помощи встало на свои ноги и такимъ образомъ пришло къ рѣкѣ, называемой Илъ. Вступивъ здѣсь на воды, ожившія тѣла мучениковъ шли по нимъ, какъ бы по сухой землѣ. Перейдя затѣмъ рѣку, на виду у многихъ, въ изумленіи наблюдавшихъ чудо, они взошли на высокій холмъ. Тутъ они дошли до церкви Пречистой Богоматери Дѣвы Маріи, въ которой

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **28**, ст. 19.

[2]) Еванг. отъ Марка, гл. **16**, ст. 16.

молился святый епископъ Фронтонъ. Святые мученики вошли внутрь церкви и, преклонивъ колѣна, сложили свои головы предъ ногами епископа, а тѣлеса свои крестообразно распростерли на землѣ, и они снова стали мертвыми. Тогда святый епископъ Фронтонъ съ пресвитеромъ Аніаномъ и при участіи многочисленнаго народа съ почетомъ и пѣснопѣніями предалъ погребенію Фронтасія, Северина и Силана въ вышеозначенномъ храмѣ. Северіана же, по просьбѣ нѣкоей благоговѣйной женщины, онъ съ почетомъ похоронилъ въ другомъ мѣстѣ, находившемся въ ея владѣніяхъ, неподалеку отъ святыхъ сострадальцевъ его.

Святые мученики пострадали въ царствованіе римскаго императора Клавдія[1]), прославивъ своими дѣлами и твердымъ исповѣданіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки. Аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЗОСИМЫ,

епископа Вавилонскаго

Преподобный Зосима, прозванный Киликсомъ (такъ какъ былъ родомъ изъ Киликіи[2]), отъ юности своей возлюбилъ Бога. Отвергшись міра, онъ пришелъ на Синайскую гору[3]), облекся здѣсь въ иноческій чинъ и началъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ. Однако онъ недолго пробылъ на Синаѣ. Стремясь къ тишинѣ и безмолвію, Зосима еще въ молодыхъ лѣтахъ отошелъ

---

1) Римскій императоръ *Клавдій* царствовалъ съ 41 г. по 54 г.

2) *Киликія*—область Малой Азіи, расположенная въ юго-восточной части ея, на границахъ съ Сиріею и по южному берегу Средиземнаго моря.

3) Гора *Синай* представляетъ собою собственно группу горъ, состоящихъ изъ гранитныхъ скалъ, прорѣзанныхъ и окруженныхъ крутыми и шероховатыми долинами. Лежитъ почти посрединѣ извѣстныхъ рукавовъ Чермнаго (Краснаго) моря, образующихъ собою Синайскій полуостровъ. Она состоитъ изъ трехъ горныхъ хребтовъ. Юго-восточная вершина средняго хребта и была мѣстомъ извѣстнаго Синайскаго законодательства. Съ IV в. по Р. Хр. Синайская гора стала излюбленнымъ мѣстомъ подвижниковъ и была вся усѣяна монастырями.

съ Синайской горы въ пустыни Ливіи[1]) и тамъ поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, называемомъ Аммоніакъ. Здѣсь онъ сталъ жить въ полномъ уединеніи, заботясь объ угожденіи единому Богу. Однажды онъ увидалъ въ пустынѣ той старца, одѣтаго въ колючую власяницу. Приблизившись къ нему, Зосима хотѣлъ поклониться старцу и по обычаю испросить у него благословенія. Но старецъ предупредилъ его, сказавъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, Зосима? Иди отсюда, ибо тебѣ не должно здѣсь оставаться.

Думая, что старецъ знаетъ его издавна, Зосима, поклонившись ему и испросивъ благословеніе, сказалъ:

— Молю тебя, отче, окажи мнѣ благоволеніе! Скажи мнѣ, какъ ты знаешь меня?

Старецъ отвѣтилъ:

— Раньше двухъ дней тому назадъ явился ко мнѣ мужъ, чудный видомъ, и сказалъ мнѣ: вотъ, придетъ къ тебѣ одинъ инокъ съ Синайской горы, по имени Зосима; не давай ему благословеніе на пребываніе въ этой пустынѣ. Я хочу поручить ему церковь Вавилонскую, что въ Египтѣ[2]).

Сказавъ это, пустынникъ отошелъ отъ Зосимы на разстояніе брошеннаго камня и сталъ на молитву, воздѣвъ руки свои къ Богу. Молился онъ около двухъ часовъ; потомъ, окончивъ молитву, старецъ снова подошелъ къ Зосимѣ и, отечески обнявъ его, облобызалъ его въ лице и сказалъ:

— Чадо мое любезное, хорошо, что ты пришелъ сюда. Поистинѣ, тебя привелъ ко мнѣ Богъ, чтобы ты предалъ тѣло мое землѣ, такъ какъ я отхожу къ Господу.

Тогда Зосима спросилъ старца:

— Много ли лѣтъ пребываешь ты, отче, на этомъ мѣстѣ?

И старецъ отвѣтилъ:

— Вотъ уже исполнилось сорокъ пять лѣтъ моего пребыванія здѣсь.

При этихъ словахъ подвижника лице его просіяло, какъ огонь. Обратившись снова къ Зосимѣ, старецъ промолвилъ:

---

1) *Ливія*—провинція въ сѣверной Африке, къ западу отъ Египта. Прилегающая къ Средиземному морю часть Ливіи была обитаема, другая же, уходящая въ глубь материка, представляла пустыню съ нѣсколькими оазисами. Это—самая восточная оконечность извѣстной пустыни Сахары, простирающейся отъ Египта почти до самыхъ береговъ Атлантическаго океана.

2) О *Вавилонѣ Египетскомъ* см. ниже въ самомъ текстѣ житія.

Прп҃бный
Зwсі́ма

— Миръ тебѣ, чадо, помолись о мнѣ!

И послѣ такихъ словъ легъ на землю и тихо отошелъ къ Господу Богу.

Блаженный Зосима, выкопавъ могилу, похоронилъ честно́е тѣло великаго подвижника и, пробывъ на мѣстѣ томъ два дня, возвратился на гору Синай, славя Бога.

Во время вторичнаго пребыванія его на Синаѣ къ нему пришелъ одинъ разбойникъ и умолялъ его такими словами:

— Умилосердись ко мнѣ, авва[1]), сподобь меня иноческаго постриженія, чтобы мнѣ въ безмолвіи сокрушаться о грѣхахъ своихъ. Я сотворилъ много убійствъ, и вотъ теперь раскаялся въ своей преступной и многогрѣшной жизни, и хочу остатокъ дней своихъ провести въ плачѣ и сердечномъ сокрушеніи о безчисленныхъ моихъ злодѣяніяхъ.

Преподобный Зосима, наставивъ этого человѣка, облекъ его въ иноческій чинъ; но по прошествіи нѣкотораго времени, призвавъ къ себѣ раскаявшагося разбойника, сказалъ ему:

— Чадо, повѣрь мнѣ, что тебѣ оставаться здѣсь невозможно. Если узнаетъ кто-нибудь изъ сановниковъ, что ты спасаешься у насъ, то онъ тебя схватитъ. Кромѣ того, тебя можетъ признать кто-нибудь изъ обиженныхъ тобою и донести на тебя. Посему послушай меня, и я отведу тебя въ болѣе отдаленный монастырь.

Инокъ согласился на увѣщаніе преподобнаго, и святый ста-

---

1) *Авва*—сирское слово, значитъ—отецъ. Это наименованіе давалось обыкновенно начальникамъ монастырей, а также и старшей братіи. Новоначальный инокъ, отданный для искуса подъ руководство какому-нибудь опытному старцу, также обращался къ нему съ этимъ словомъ—авва.

рецъ отвелъ его въ киновію аввы Дороѳея[1]), находившуюся близъ Газы[2]). Помѣстивъ его въ этой обители, Зосима воротился на Синайскую гору.

Братъ же тотъ прожилъ въ киновіи аввы Дороѳея девять лѣтъ. Но потомъ, изучивъ Псалтирь и искусившись въ трудахъ иноческихъ, онъ снова возвратился къ преподобному Зосимѣ и сказалъ ему:

— Сотвори милость ко мнѣ, отче,—дай мнѣ назадъ мои мірскія одежды, а иноческія возьми отъ меня.

Преподобный спросилъ его съ печалію:

— Зачѣмъ, чадо?

Тогда инокъ сказалъ ему:

— Въ продолженіе девяти лѣтъ пребывалъ я, отче, какъ ты самъ знаешь, въ киновіи, упражняясь въ постѣ и всякомъ воздержаніи, трудясь съ кротостію, молчаніемъ и страхомъ Божіимъ и повинуясь всѣмъ, въ надеждѣ на безконечное милосердіе Божіе и на прощеніе безчисленныхъ грѣховъ моихъ. И все же, несмотря на постоянные подвиги и труды мои, я всегда вижу предъ собою дитя, которое говоритъ мнѣ: «За что ты убилъ меня?» Это видѣніе я вижу не только во снѣ, но и наяву: и когда стою въ церкви, и когда приступаю къ Божественнымъ Таинамъ, и когда вкушаю что-либо съ братіей на трапезѣ. Ни на одинъ часъ я не знаю покоя: даже когда я иду, и тогда я вижу предъ собою дитя, говорящее мнѣ всегда одно и то же: «За что ты убилъ меня?» Вотъ я и рѣшилъ, отче, идти туда, гдѣ я совер-

---

[1]) *Преп. Дороѳей* жилъ и подвизался въ концѣ VI — началѣ VII вѣка. Прежде чѣмъ удалиться въ пустыню для иноческихъ подвиговъ, онъ въ молодыхъ лѣтахъ много занимался науками. Потомъ, сдѣлавшись инокомъ, онъ съ тою же любовію и неутомимостію предался упражненію въ добродѣтели. Обитель, въ которой онъ подвизался, была основана собственно Серидомъ, жившимъ въ VI в., но авва Дороѳей пользовался среди современнаго монашества такою извѣстностію, что эта обитель часто называлась его именемъ. Обитель эта представляла собою такой видъ общежительнаго монастыря, въ которомъ братія не только столъ, но и одежду и т. п. получаютъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, а съ своей стороны весь свой трудъ и его плоды представляютъ обязательно на общую потребу монастыря. Такія обители и назывались *киновіями* (отъ греч. словъ *кинос*—общій и *віос*—жизнь).

[2]) Городъ *Газа* расположенъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, въ самой южной оконечности Палестины, недалеко отъ Египта; нѣкогда онъ былъ южнымъ предѣломъ Ханаанеевъ. Во время могущества Римлянъ Газа былъ значительный торговый городъ Палестины; это значеніе поддерживалось за нею нѣкоторое время и позднѣе, во времена Византійской имперіи. Но съ теченіемъ времени этотъ цвѣтущій городъ потерялъ все свое значеніе, и теперь только песчаные холмы и жалкіе развалины служатъ свидѣтельствомъ, что здѣсь существовалъ великій городъ.

шилъ свои разбои, чтобы меня схватили и предали суду. Мнѣ необходимо умереть за безразсудное убіеніе того дитяти.

Итакъ, взявши у преподобнаго отца мірскія одежды, инокъ тотъ ушелъ въ міръ. Когда онъ пришелъ въ городъ Діосполь[1]), онъ былъ схваченъ и на другой же день воспріялъ казнь, будучи усѣкнутъ мечомъ. Такъ отошелъ онъ къ Господу Богу, омывъ своею кровію грѣхи свои.

Вскорѣ послѣ этого событія преподобный Зосима, томимый непреодолимымъ желаніемъ жить въ тишинѣ и безмолвіи пустыни, снова задумалъ оставить Синайскую гору. И вотъ, взявши съ собою ученика своего Іоанна, преподобный отправился съ нимъ въ пустыню, носившую названіе Порфиріонъ[2]). Проходя по этой пустыне, они встрѣтили двухъ отшельниковъ: одинъ изъ нихъ былъ родомъ изъ Галатіи[3]) и носилъ имя Павла, а другой происходилъ изъ Мелетинской области[4]) и назывался Ѳеодоромъ, иноческое же постриженіе принялъ въ монастырѣ аввы Евѳимія Великаго[5]). Тотъ и другой подвижники носили одежды изъ кожи буйвола. Преподобный Зосима поселился съ своимъ ученикомъ вблизи тѣхъ пустынниковъ, на разстояніе около двухъ поприщъ[6]), и прожилъ тамъ два года.

Но потомъ ученика преподобнаго Зосимы, Іоанна, ужалила змія: все тѣло его пропиталось зміинымъ ядомъ, кровь хлынула изъ глазъ, ноздрей, ушей и изо всѣхъ кожныхъ отверстій и поръ, и Іоаннъ скончался.

---

1) *Діосполь* — палестинскій городъ, на сѣверной дорогѣ отъ Іерусалима къ Іоппіи (Яффѣ).

2) Разумѣется, по-видимому, пустыня, находившаяся около города *Порфиріона*, что въ Финикіи, близъ Кармильской горы (къ югу отъ Птолемаиды). Пустыня эта и въ особенности Кармильская гора были наполнены иноками.

3) *Галатія*—небольшая гористая, но плодородная, провинція Малой Азіи, лежавшая между Виѳиніей, Понтомъ и Каппадокіей. Названіе получила отъ Галатовъ—воинственныхъ племенъ гальскаго, или кельтическаго, происхожденія.

4) *Мелетина*—область въ сѣверной части Малой Арменіи, недалеко отъ р. Евфрата. При императорѣ Траянѣ (98—117 г.) здѣсь разрослось до размѣровъ значительнаго города селеніе того же имени, что и область.

5) *Преп. Евѳимій Великій* былъ родомъ также изъ Мелетины. Подвизался онъ въ Палестинѣ, гдѣ основалъ двѣ обители: одну—въ предѣлахъ Іерихонскихъ, въ 14 верстахъ отъ Іерусалима на сѣверо-востокъ, а другую—въ 4-хъ верстахъ отъ первой, на горѣ. Онъ собралъ вокругъ себя много славныхъ подвижниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые положили начало многимъ обителямъ. Скончался на 97 году отъ рожденія, въ 473 году. Память его—20 января.

6) *Поприще* — мѣра разстояній; оно равнялось нашимъ 690 саженямъ. Два поприща, такимъ образомъ, составляютъ 1,380 саженей, или $2^{3}/_{4}$ версты.

Блаженный Зосима сильно опечалился и пошелъ къ упомянутымъ выше двумъ пустынникамъ. Тѣ, увидавъ его въ сильной скорби, прежде чѣмъ Зосима что-нибудь сказалъ имъ, предупреждая его, промолвили:

— Что, авва Зосима, умеръ братъ твой?

Зосима, изумившись ихъ прозорливости, возвѣстилъ имъ объ обстоятельствахъ смерти своего ученика, которыя и безъ того были извѣстны старцамъ.

Тогда оба подвижника, возставши, пошли, вмѣстѣ съ Зосимою, къ брату Іоанну. Увидавъ умершаго лежащимъ на землѣ, они сказали:

— Не скорби, авва Зосима,—Богъ поможетъ тебѣ.

И послѣ этихъ словъ громко возгласили, обратившись къ умершему:

— Братъ Іоаннъ, встань, ибо тебя зоветъ твой авва.

Мертвый тотчасъ же ожилъ и всталъ съ земли. Тогда старцы отыскали змію и разорвали ее надвое; потомъ сказали преподобному Зосимѣ:

— Авва, мы не ложно возвѣщаемъ тебѣ волю Божію: иди на Синайскую гору; потому что Богъ хочетъ поручить тебѣ епископство въ Вавилонской церкви, что въ Египтѣ.

Услышавъ это, преподобный Зосима принялъ благословеніе отъ святыхъ пустынниковъ и, взявъ съ собою ученика своего Іоанна, снова возвратился на Синай.

По прошествіи нѣкотораго времени авва Синайской горы [1]) послалъ блаженнаго Зосиму, вмѣстѣ съ двумя другими иноками, изъ-за нуждъ синайскихъ монастырей, въ Александрію[2]). Александрійскій Патріархъ полюбилъ блаженныхъ старцевъ и, удержавъ въ городѣ, рукоположилъ ихъ во епископа: одного—въ Иліополь[3]),

---

[1]) Монастыри Синайской горы находились подъ вѣдѣніемъ одного общаго начальника—аввы Синайской горы.

[2]) *Александрія* была главнымъ городомъ Египта и сѣверо-африканскихъ провинцій. Основана была Александромъ Македонскимъ въ Нижнемъ (Сѣверномъ) Египтѣ, при устьѣ Нила. Послѣ Рима Александрія считалась первымъ городомъ въ мірѣ и служила центромъ торговли, промышленности и, особенно, языческой образованности, а въ первые вѣка христіанства—разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія. Съ V в. епископъ Александріи пользовался титуломъ Патріарха, и ему были подчинены всѣ церкви Египта, Ливіи и Сѣверной Африки. Синайскій полуостровъ, съ его монастырями, также находился въ вѣдѣніи Александрійскаго Патріарха. Въ настоящее время Александрія (по-турецки и арабски *Искандеръ*) принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ при Средиземномъ морѣ, съ населеніемъ до 230 000 жителей.

[3]) *Иліополь*—городъ въ Африкѣ; находится на правомъ берегу Нила, на одномъ изъ его восточныхъ рукавовъ,—на югѣ Нижняго Египта.

другого—въ Леонтополь[1]), а Зосиму—въ Вавилонъ Египетскій. Ибо въ древности было два Вавилона: первый — знаменитѣйшій и древнѣйшій—находился въ Халдейской землѣ[2]), и въ немъ царствовали Навуходоносоръ и всѣ Халдейскіе цари, а другой—менѣе извѣстный и меньшій по объему и количеству жителей—находился въ Египтѣ. Этотъ городъ основали на берегу рѣки Нила переселенцы изъ древняго Вавилона, назвавшіе новое мѣсто поселенія своего по имени своей оставленной родины.

Въ этомъ-то Вавилонѣ Египетскомъ преподобный Зосима, по изволенію Божію и согласно пророчеству пустынниковъ, принялъ престолъ архіерейскій и началъ пасти стадо Христово. Онъ добрѣ управлялъ Святою Церковію, образъ бывая стаду словомъ, дѣйствіемъ и чистотою[3]). Довольно долго пробылъ онъ во главѣ Вавилонской церкви и многихъ наставилъ на путь спасенія. Когда же святый достигъ глубокой старости, то, видя свою тѣлесную немощь и ожидая близкую смерть, оставилъ епископскій престолъ и снова возвратился на гору Синай, мѣсто своего прежняго жительства. Здѣсь, поживъ немного, святый скончался о Господѣ[4]) и въ ликѣ святыхъ іерарховъ предстоитъ теперь предъ Владыкою нашимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ; Ему слава во вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **память святаго священномученика Астія,** епископа Диррахійскаго, въ Македоніи, распятаго на крестѣ въ царствованіе Траяна, въ началѣ II вѣка.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Меѳодія,** игумена **Песношскаго,** въ 1392 году.

---

1) *Леонтополь*—городъ въ Среднемъ Египтѣ.

2) *Халдея* находилась въ Месопотаміи, по рр. Тигру и Евфрату.

3) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. **4**, ст. 12.

4) Скончался въ концѣ VI вѣка.

День пятый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ДОРОѲЕЯ,

епископа Тирскаго

Въ царствованіе нечестиваго Римскаго императора Діоклетіана [1]) епископомъ города Тира [2]) былъ святый Дороѳей. Когда нечестивый царь воздвигъ на христіанъ жестокое гоненіе, Дороѳей оставилъ свою каѳедру и скрывался по неизвѣстнымъ мѣстамъ. Но съ воцареніемъ императора Константина Великаго [3]), когда въ Церкви наступило успокоеніе, святый Дороѳей снова возвратился въ Тиръ на свою каѳедру и благополучно пасъ стадо словесныхъ овецъ, приводя къ Богу многихъ отъ идолопоклонническаго заблужденія. Жизнь Дороѳея продолжалась до времени императора Юліана Отступника [4]). Вступивши на престолъ, Юліанъ первоначально преслѣдовалъ христіанъ неоткрыто, повелѣвая

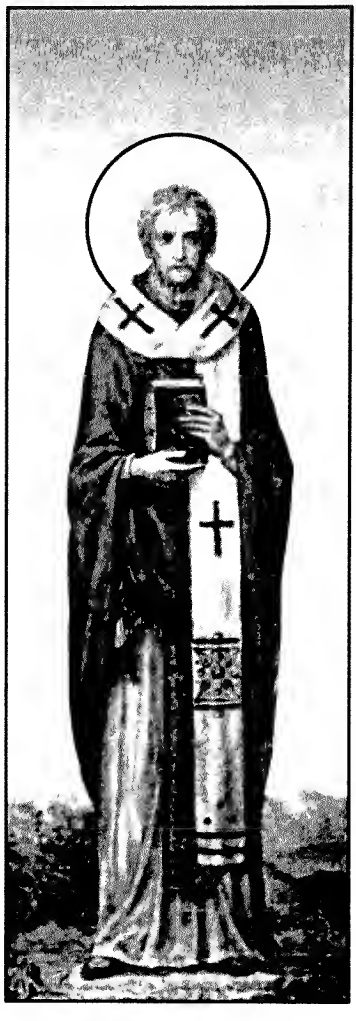
---

1) *Діоклетіанъ* царствовалъ въ Восточной половинѣ Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

2) *Тиръ* находился въ Финикіи и былъ расположенъ на берегу Средиземнаго моря.

3) *Константинъ Великій* царствовалъ съ 306 г. по 337 г.

4) *Юліанъ Отступникъ* былъ императоромъ съ 361 г. по 363 г.



Свщенномч҃нкъ Дорѳе́й

единомышленнымъ съ нимъ областеначальникамъ всячески стѣснять и мучить христіанъ. Тогда святый Дороѳей, видя, что воздвигается на вѣрующихъ новое гоненіе, снова оставилъ каѳедру Тирской церкви, избѣгая, такимъ образомъ, рукъ мучителей; ибо Господь повелѣлъ не отдаваться явнымъ напастямъ со стороны гонителей, но избѣгать ихъ; Онъ сказалъ: **є҆гда́ го́нѧтъ вы҆ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋ́гі҃й**[1]). Итакъ, уйдя изъ Тира, Дороѳей пришелъ въ Малую Азію, но и здѣсь онъ не сокрылся отъ идолослужителей, такъ какъ Богъ призывалъ его къ вѣнцу мученическому. Онъ былъ схваченъ приспѣшниками беззаконнаго царя въ городѣ Удскомъ[2]). Претерпѣвши здѣсь разнообразныя мученія, онъ среди страданій предалъ въ руки Господа блаженную душу свою, имѣя сто семь лѣтъ отъ роду[3]).

Въ совершенствѣ изучивъ какъ свѣтскія, такъ и духовныя науки, святый Дороѳей оставилъ послѣ себя различныя, весьма важныя для христіанъ, сочиненія на греческомъ и латинскомъ языкахъ, такъ какъ онъ былъ весьма свѣдущъ въ томъ и другомъ. Между прочимъ онъ составилъ житія Пророковъ и Апостоловъ, а также другія весьма полезныя сочиненія и повѣствованія[4]). И теперь, будучи самъ записанъ въ книгѣ Живота, онъ водворенъ въ Небесныхъ селеніяхъ съ тѣми святыми, повѣствованія о жизни которыхъ онъ составилъ во время земной жизни своей.

---

[1]) См. Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 23.

[2]) Удскій городъ, или *Удъ*, находился въ малоазійской провинціи Мизіи. На мѣстѣ древняго Уда находится теперь городъ *Варна*.

[3]) Это было около 362 г.

[4]) Съ точностію неизвѣстно, какія именно сочиненія написаны святымъ Дороѳеемъ; полагаютъ, что имъ написанъ «Синопсисъ», или собраніе сказаній о житіи Пророковъ и Апостоловъ; но не всѣ ученые раздѣляютъ это мнѣніе.

Кондакъ, гласъ ё:

Добродѣтельми сіяѧ, и бжественными оученіи паче солнца, и страданіи блженне ѡблиставъ есѝ: и просвѣтилъ есѝ землю дѡродѣе, ѿгнавъ мглу многобожіѧ, и лютыя ереси. сегѡ ради памать твою свѣтлѡ празднуемъ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АНУВІЯ ИСПОВѢДНИКА

и пустынножителя Египетскаго

Преподобный Анувій, имѣвшій великую вѣру и любовь ко Христу Богу, былъ родомъ Египтяниномъ. Во время воздвигнутаго нечестивыми идолопоклонниками гоненія на христіанъ онъ дерзновенно исповѣдалъ Христа предъ язычниками, за что былъ подвергнутъ мученіямъ. Но, по Божію усмотрѣнію, онъ былъ освобожденъ изъ рукъ язычниковъ и отправился въ пустыню; подвизаясь и угождая Богу, онъ скитался въ ней до глубокой старости. Кончина его произошла при такихъ обстоятельствахъ.

По Божію устроенію въ одномъ мѣстѣ на берегу рѣки Нила, орошающаго страну Египетскую, сошлись однажды три пустынника: авва Суръ, Исаія и Павелъ. Разспросивши другъ друга о томъ, кто куда идетъ, они увидали, что всѣ трое имѣли одно и то же намѣреніе; ибо каждый изъ нихъ отправлялся къ аввѣ Анувію. Отъ того мѣста, на которомъ сошлись пустынники, до монастыря Анувія путь былъ трехдневный и лежалъ по водѣ; при этомъ плыть надо было вверхъ, противъ теченія. И вотъ, пустынники сѣли на берегу въ ожиданіи, не покажется ли имъ какой-либо плывущій туда корабль, чтобы они могли сѣсть на него и достигнуть мѣстности, гдѣ проживаетъ преподобный Анувій. А такъ какъ въ теченіе долгаго времени корабля не показывалось, то они впали въ уныніе и сказали сами себѣ:

— Помолимся Господу, дабы Онъ, по Своей милости, исполнилъ желаніе наше и помогъ бы намъ преодолѣть препятствія къ предпринятому путешествію.

Исаія и Павелъ сказали при этомъ аввѣ Суру:

— Въ особенности помолись ты, отче, ибо мы вѣруемъ, что чрезъ тебя Богъ даруетъ намъ просимое.

Суръ повелѣлъ и имъ преклонить съ нимъ колѣна для молитвы, а самъ крестообразно распростерся на землѣ и палъ предъ Господомъ ницъ лицомъ. Когда, по совершеніи молитвы, старцы поднялись съ земли, они замѣтили стоявшую около берега лодку. Обрадованные, они возблагодарили Господа и сѣли въ нее. Двинувшись, лодка поплыла, несомая вѣтромъ и управляемая невидимой силой Божіей, вверхъ противъ теченія. Она плыла столь быстро, что въ теченіе одного часа переплыла такой путь, по которому нужно было бы плыть съ большимъ трудомъ въ теченіе трехъ дней.

Прѣподобный Анувій

Когда лодка пристала къ берегу противъ Анувіевой обители, отцы вышли на берегъ. При этомъ Исаія произнесъ:

— Господи, яви намъ мужа, къ которому мы направляемся, вышедшимъ намъ навстрѣчу и повѣдающимъ каждому изъ насъ его сердечныя тайны!

Тогда отецъ Павелъ сказалъ имъ:

— Господь открылъ мнѣ, что, по прошествіи трехъ дней, Онъ возьметъ къ себѣ отъ міра авву Анувія.

Послѣ этого они пошли отъ берега къ монастырю и, когда немного отошли отъ рѣки, навстрѣчу имъ вышелъ преподобный Анувій и, обратившись къ нимъ съ привѣтствіемъ, сказалъ:

— Благословенъ Господь, Который сподобилъ меня видѣть васъ нынѣ во плоти, подобному тому какъ раньше я видѣлъ васъ въ духѣ.

Радушно проводивъ ихъ въ свою келлію, онъ сталъ разсказывать каждому изъ нихъ добрыя дѣла ихъ, никому, кромѣ одного Бога, неизвѣстныя,—а именно: кто какъ подвизается въ полномъ уединеніи, угождая своему Владыкѣ—Христу Господу, и кто какую имѣетъ благодать отъ Господа.

Послѣ того авва Исаія сказалъ Анувію:

— Такъ какъ и намъ, честный отецъ, Господь открылъ относительно тебя, что по истеченіи трехъ дней Онъ возьметъ тебя отъ сей временной жизни, то умоляемъ тебя, разскажи также и о твоихъ пустынныхъ трудахъ и подвигахъ, которыми ты угодилъ Богу. Не думай, что ты впадешь въ тщеславіе: вѣдь, удаляясь отъ сего міра, ты оставишь потомкамъ образъ своей богоугодной жизни, дабы нашлись подражатели тебѣ.

Тогда старецъ повѣдалъ имъ о себѣ слѣдующее:

— Я не помню, чтобы я сдѣлалъ что-либо великое и славное. Вотъ что только сохранилъ я въ памяти, по благодати Бога моего: съ того времени, когда я исповѣдывалъ предъ мучителями, во время бывшаго на христіанъ гоненія, Имя нашего Спасителя, съ моихъ устъ не сошло ложнаго слова. Ибо, исповѣдовавъ однажды правду, я не захотѣлъ впослѣдствіи вымолвить чего-нибудь ложнаго и, однажды возлюбивъ небесное, я не восхотѣлъ въ остальное время любить что-либо земное. Въ томъ мнѣ споспѣшествовала и милость Божія, ибо Господь даровалъ мнѣ силу никогда не искать никакихъ земныхъ благъ. Святые Ангелы приносили необходимую для меня пищу. А Господь мой ничего не утаилъ отъ меня изъ того, что совершается на землѣ. При этомъ сердце мое всегда было исполнено жажды общенія съ Нимъ. Стремясь всѣми помыслами къ Владыкѣ Христу, Котораго возлюбила душа моя, я, дабы всегда зрѣть Его душевными очами своими и наслаждаться созерцаніемъ Его,—не засыпалъ ни днемъ, ни ночью. Постоянно вижу я также Ангела Божія, присутствующаго при мнѣ и показывающаго всѣхъ міродержителей вѣка сего. Свѣтъ ума моего никогда не угасалъ. Все, чего я просилъ у Господа, я получалъ немедленно. Многократно созерцалъ я предстоящіе предъ Богомъ лики ангельскіе; созерцалъ лики святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, соборы иноковъ и всѣхъ святыхъ, а наипаче тѣхъ, у которыхъ не было иного занятія во время жизни на землѣ, какъ только въ простотѣ сердца и вѣры всегда славить и благословлять Господа. Я видѣлъ также и

сатану и ангеловъ его, преданныхъ огню вѣчному. И снова въ противоположной отъ тѣхъ сторонѣ видѣлъ праведниковъ, наслаждающихся вѣчной радостію.

Это и многое другое сему подобное разсказывалъ въ теченіе трехъ дней преподобный Анувій отцамъ, навѣстившимъ его, разсказывалъ не для тщеславія, но для пользы слушавшихъ. Ибо онъ говорилъ это съ великимъ смиреніемъ, понуждаемый просьбами пришедшихъ. На исходѣ же третьяго дня онъ мирно и радостно предалъ духъ свой Богу,—и какъ только духъ его разстался съ тѣломъ, мгновенно появились сонмы святыхъ Ангеловъ, взяли душу святаго и стали возносить ее на высоту небесную. При этомъ въ воздухѣ слышались сладостнѣйшія ангельскія пѣснопѣнія. Такъ переселился отъ земли въ обители небесныя преподобный Анувій, исповѣдавшій предъ язычниками Имя Христово и претерпѣвшій за то мученія[1]). Нынѣ онъ прославляется предъ небесными Ангелами въ ликѣ исповѣдниковъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

Θ Е О Д О Р А П У С Т Ы Н Н И К А

Преподобный отецъ нашъ Θеодоръ былъ скопцомъ отъ юности своей. Онъ оставилъ міръ, принялъ монашество и удалился въ Іорданскую пустыню. Ревнуя объ угожденіи Богу, онъ много потрудился здѣсь, за что и получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Однажды ему пришлось отправиться въ Константинополь. Придя къ морю, онъ нашелъ готовый къ отплытію корабль и сѣлъ въ него. Во время плаванія случилось, что корабль сбился съ пути и долго блуждалъ, такъ что всѣ, бывшіе на немъ, запасы питья и пищи истощились. Моряки и всѣ плывшіе на кораблѣ были въ недоумѣніи и сильномъ унынiи. Тогда преподобный Θеодоръ, поднявъ руки къ небу, усердно помолился къ Богу, спасающему отъ бѣдъ людей. Потомъ онъ съ молитвою осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ морскую воду и сказалъ матросамъ:

[1]) Кончина *преп. Анувія* послѣдовала въ IV в.

— Благословенъ Богъ! Зачерпните сколько вамъ нужно воды.

Тѣ, почерпнувши, вкусили и нашли, что морская вода превратилась изъ горькой въ прѣсную, наподобіе рѣчной. Послѣ того наполнили свои сосуды прѣсной водой изъ моря и всѣ другіе и, прославивши Бога, до земли поклонились старцу. Но преподобный сказалъ:

— Простите меня, господа мои! Не ради меня случилось сіе чудо Всесильнаго Бога, но ради васъ, скорбѣвшихъ по причинѣ безводія. Ибо Богъ, увидавъ вашу скорбь и печаль смертную, умилосердился надъ вами и премѣнилъ соленую морскую воду въ сладкую рѣчную.

Вскорѣ послѣ этого корабль по молитвамъ святаго старца быстро дошелъ до пристани, къ которой онъ направлялся. Сей преподобный отецъ Ѳеодоръ совершилъ и много другихъ чудесъ, а затѣмъ преставился къ Богу [1]).

ПОВѢСТЬ о КОНЧИНѢ БЛАЖЕННАГО

КОНСТАНТИНА,

митрополита Кіевскаго

Вскорѣ послѣ того какъ великокняжескій престолъ Кіевскій отнятъ былъ отъ блаженнаго Игоря [2]) и захваченъ Изяславомъ Мстиславичемъ [3]), внукомъ Владимира Мономаха [4]), преставился ко Господу Святѣйшій митрополитъ Кіевскій Михаилъ II-ой [5]). Случилось это незадолго до убіенія Игоря. На мѣсто Михаила Великій князь Изяславъ избралъ одного, весьма книжнаго, инока, Климента философа [6]), уже принявшаго схиму. Этого инока Изяславъ

---

1) *Преподобный Ѳеодоръ* подвизался въ VI в.

2) *Игорь Олеговичъ* управлялъ Кіевомъ всего только двѣ недѣли (въ 1146 г.). Онъ причисленъ Церковію къ лику святыхъ.—Память его—5-го іюня.

3) *Изяславъ Мстиславичъ* былъ Великимъ княземъ Кіевскимъ съ 1146 г. по 1149 г.; потомъ вторично съ 1150 г. по 1154 г.

4) *Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ* правилъ Кіевомъ съ 1114 г. по 1125 г.

5) *Митрополитъ Михаилъ II-ой* занималъ Кіевскую каѳедру съ 1131 г. по 1145 г.

6) *Климентъ* управлялъ Кіевской митрополіей съ 1147 г. по 1154 г.

привелъ изъ Смоленска и очень желалъ, чтобы посвященіе его было совершено русскими епископами въ Кіевѣ, такъ какъ за дальностію разстоянія не хотѣлъ посылать его въ Царьградъ, на благословеніе Вселенскому Патріарху (какъ это было прежде въ обычаѣ). Изяславъ созвалъ Соборъ изъ епископовъ русскихъ и приказалъ имъ рукоположить схимонаха Климента въ митрополита Кіевскаго. Однако не всѣ епископы согласились на это, не дерзая рукополагать безъ благословенія Патріарха Константинопольскаго. Но были и такіе епископы, которые, желая угодить князю, посвятили Климента во епископы главою святаго Климента, папы Римскаго, принесенною святымъ Владимиромъ изъ Херсонеса въ Кіевъ. Объ этомъ соборѣ и поставленіи Климента во епископы подробнѣе сказано въ повѣствованіи о житіи святаго Нифонта, подъ 8-мъ числомъ мѣсяца апрѣля (сей блаженный Нифонтъ не соизволялъ этому незаконному рукоположенію).

Послѣ Изяслава Мстиславича престолъ Кіевскій перешелъ къ Георгію Владимировичу [1]), сыну Мономаха. Онъ не пожелалъ имѣть митрополитомъ Кіевскимъ Климента какъ рукоположеннаго незаконно. Въ это именно время, по просьбѣ Великаго князя, и прибылъ изъ Константинополя отъ Святѣйшаго Патріарха вселенскаго въ Кіевъ сей Константинъ митрополитъ [2]), о которомъ и будетъ наше слово. Сей Константинъ властью, данною ему Патріархомъ, отрѣшилъ отъ архіерейства и отъ престола митрополичьяго Климента, а также отрѣшилъ отъ служенія и всѣхъ тѣхъ, кого Климентъ рукоположилъ въ тотъ или другой духовный санъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ Великій князь Кіевскій Георгій Владимировичъ Мономаховичъ скончался. И начались великія несогласія среди князей русскихъ—какъ относительно престола великокняжескаго, такъ и относительно престола митрополичьяго: ибо одни считали пастыремъ Константина, другіе требовали вторичнаго возведенія на престолъ митрополита Климента; въ частности, сынъ умершаго Великаго князя Изяслава Мстиславича, Мстиславъ Изяславичъ [3]), правнукъ Владимира Мономаха, стоялъ не за Константина, а за Климента. Онъ говорилъ такъ:

---

1) *Георгій* (или *Юрій*) *Владимировичъ Долгорукій* занималъ великокняжескій Кіевскій престолъ три раза: въ первый разъ—съ 1149 г. по 1150 г.; во второй—въ к. 1150 г. и въ третій съ 1154 г. по 1157 г.

2) *Митрополитъ Константинъ* управлялъ Кіевскою митрополіею съ 1155 г. по 1158 г.

3) *Мстиславъ Изяславичъ* занималъ Кіевскій престолъ въ 1158 г.; затѣмъ—въ 1168 г.

— Я не желаю, чтобы Константинъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ, потому что отца моего многіе проклинали за Климента.

Вслѣдствіе этого князьямъ русскимъ пришлось отрѣшить отъ престола обоихъ митрополитовъ—и Климента, и Константина. Потомъ князья отправили въ Константинополь къ Святѣйшему Патріарху просьбу о томъ, чтобы онъ прислалъ къ нимъ новаго митрополита. Святѣйшій Патріархъ, желая прекратить смуты и несогласія среди князей русскихъ, послалъ въ Кіевъ новаго митрополита, по имени Ѳеодора. Тогда блаженный Константинъ, видя несогласія среди князей и желая уйти отъ мятежа, оставилъ престолъ еще раньше прибытія въ Кіевъ новаго митрополита. Выйдя изъ Кіева, Константинъ отправился въ Черниговъ. Здѣсь онъ заболѣлъ смертельно. Предчувствуя свою кончину, онъ написалъ грамоту, запечаталъ ее и передалъ Антонію, епископу Черниговскому; при этомъ Константинъ взялъ съ Антонія клятвенное обѣщаніе—послѣ его смерти, сорвавши печать и прочитавши грамоту, исполнить все то, что написано въ ней.

Какъ только преставился блаженный Константинъ митрополитъ[1]), епископъ Антоній, взявъ запечатанную митрополитомъ грамоту, отправился съ нею къ князю Черниговскому Святославу Ольговичу[2]). Распечатавъ здѣсь грамоту, Антоній прочиталъ ее въ присутствіи всѣхъ.

И было написано въ той грамотѣ нѣчто дивное и ужасное, а именно:

«Послѣ моей смерти не предавайте погребенію тѣло мое, но, привязавъ верви къ ногамъ моимъ, извлеките меня изъ города и бросьте на съѣденіе псамъ; я согрѣшилъ; изъ-за меня произошелъ мятежъ; пусть будетъ за это на мнѣ рука Господня; пусть я пострадаю, да отвратитъ Господь несогласія и раздоры отъ народа Своего».

Услышавъ это, всѣ пришли въ страхъ и ужасъ. Князь же сказалъ епископу:

— Поступи такъ, какъ найдешь нужнымъ.

Епископъ, не осмѣливаясь пренебречь приказаніемъ митрополита и не дерзая нарушить свою клятву, исполнилъ все то, что было повелѣно въ грамотѣ: повлекши тѣло умершаго изъ города, онъ бросилъ его въ полѣ. И лежало тѣло митрополита

---

1) Кончина *блаженнаго Константина* послѣдовала въ 1159 г.

2) *Святославъ Ольговичъ* княжилъ съ 1137 г. по 1165 г.

безъ погребенія три дня; всѣ преисполнились великаго страха и ужаса, видя столь дивное происшествіе.

На третій день князь Святославъ Ольговичъ, преисполнившись страха Божія (на него напалъ великій страхъ и ужасъ послѣ того страшнаго происшествія), приказалъ похоронить съ приличными почестями выкинутое тѣло архіерея Божія. И принесли тѣло его въ городъ съ великою честію, и положили его въ церкви святаго Спаса, въ Теремѣ Красномъ, гдѣ былъ похороненъ новый страстотерпецъ—блаженный Игорь, князь Кіевскій, убитый кіевлянами.

Въ тѣ дни, когда честно́е тѣло Константина было выброшено изъ города Чернигова, въ Кіевѣ померкло солнце и поднялась столь великая буря, что даже потрясалась земля, поднялся громъ, заблистала молнія, такъ что всѣ кіевляне пришли въ великій страхъ и уныніе. Въ это время громъ поразилъ однимъ ударомъ восемь человѣкъ—двухъ священниковъ, двухъ діаконовъ и четырехъ мірянъ.

Князь Кіевскій Ростиславъ Мстиславичъ[1]), внукъ Владимира Мономаха, находился въ это время въ Поварахъ у Вышгорода; буря разрушила шатеръ, бывшій близъ него. Преисполнившись страха и вспомнивъ о смерти митрополита (объ ней возвѣстилъ ему черезъ гонца князь Черниговскій), онъ послалъ нарочитаго въ Кіевъ, къ церкви святой Софіи и прочимъ соборамъ съ просьбою совершить Всенощное бдѣніе во всѣхъ церквахъ.

— Это наказаніе,—говорилъ онъ,—Господь послалъ на насъ по причинѣ грѣховъ нашихъ.

Всѣ эти страхи и ужасы были только въ Кіевѣ; въ Черниговѣ же въ эти дни солнце сіяло ярко и не было никакихъ ужасовъ. По ночамъ надъ выброшеннымъ за городъ тѣломъ блаженнаго митрополита Константина являлись три столпа огненные, ярко сіявшіе и доходившіе до неба.

Послѣ того, какъ честно́е тѣло блаженнаго Константина было погребено, наступило въ Кіевѣ полное спокойствіе; всѣ, дивясь происшедшему, славили Бога, Которому возсылается слава и отъ насъ, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

1) *Ростиславъ Мстиславичъ* управлялъ Кіевомъ въ 1154 г. (только одну недѣлю); потомъ вторично—съ 1158 г. по 1167 г.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ:

МАРКІАНА, НИКАНДРА, ИПЕРЕХІЯ, АПОЛЛОНА, ЛЕОНИДА, АРІЯ, ГОРГІЯ, СЕЛИНІЯ, НРИНІЯ и ПАМВОНА

Святые мученики Христовы Маркіанъ и Никандръ съ дружиною своею происходили изъ Египта. За вѣру во Христа они схвачены были по повелѣнію правителя области, и ихъ стали принуждать отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, но они не согласились на это. Тогда ихъ сперва жестоко избили, потомъ обожгли имъ свѣчами ребра и, наконецъ, повѣсивъ, строгали ихъ желѣзными когтями до тѣхъ поръ, пока оторванные куски тѣла не стали падать на землю. Послѣ этого едва живыми ихъ заключили въ темницу, но въ темницѣ явился имъ Ангелъ Господень и исцѣлилъ ихъ. По прошествіи многихъ дней они вышли изъ темницы здоровыми и снова явились на судъ къ правителю области. Видя эти чудеса, многіе изъ язычниковъ обратились къ вѣрѣ въ Истиннаго Бога. На судѣ правителя святые мученики снова были приговорены къ заключенію въ темницу и здѣсь, томимые голодомъ и жаждою, скончались [1]).

Въ тотъ же день **преставленіе святаго благовѣрнаго князя Ѳеодора Ярославича**, брата св. Александра Невскаго; скончался въ Новгородѣ въ 1233 г.

Въ тотъ же день **перенесеніе мощей Великаго князя Игоря Олеговича**, убіеннаго 19 сентября 1147 г.

---

[1]) Годъ кончины святыхъ мучениковъ точно неизвѣстенъ. Преосвященный Филаретъ относитъ годъ ихъ кончины на время царствованія Максима, который въ 305 году получилъ верховную власть надъ Сиріею и Египтомъ и въ своихъ владѣніяхъ жестоко преслѣдовалъ христіанъ. Царствовалъ съ 305 г. до 312 г.

День шестой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ВИССАРІОНА

Великій во отцахъ нашихъ Виссаріонъ былъ рожденъ и воспитанъ въ Египтѣ; съ юности онъ возлюбилъ Бога, и свѣтъ благодати Божіей возсіялъ въ сердцѣ его. Онъ соблюдалъ себя чистымъ отъ всякой грѣховной скверны, стараясь не опорочить той духовной одежды, которую принялъ при Святомъ Крещеніи.

Святый Виссаріонъ предпринялъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ; здѣсь видѣлъ онъ преподобнаго Герасима[1]), проводившаго постническую и пустынную жизнь при рѣкѣ Іорданѣ, которому служилъ левъ. Видѣлъ онъ также и многихъ другихъ подвижниковъ, жившихъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ, впослѣдствіи просіявшихъ своими добродѣтелями; бесѣдуя съ ними, святый Виссаріонъ получалъ много пользы для души своей.

Возвратившись въ отечество, Виссаріонъ пріобрѣлъ себѣ духовнаго отца въ лицѣ Исидора Пелусіотскаго[2]); приходя къ нему часто, онъ научался въ добродѣтели и поощрялся къ строгой жизни; наконецъ, раздавши нищимъ и монастырямъ оставшееся

---

1) Память его празднуется св. Церковію 4-го марта.

2) Память его—4-го февраля.

послѣ родителей все имущество свое, Виссаріонъ отрекся отъ міра и принялъ постриженіе въ иночество.

Удалившись въ одно пустынное мѣсто, Виссаріонъ принялъ на себя обѣтъ безмолвія; изнуряя себя многочисленными трудами и умерщвляя свою плоть постническими подвигами, онъ, будучи во плоти, уподоблялся безплотнымъ. Постъ его былъ безпримѣрнымъ: иногда всю недѣлю онъ ничего не вкушалъ, а иногда оставался безъ пищи и питья въ продолженіе 40 дней. Однажды, ставши на одномъ открытомъ мѣстѣ посреди тернія и воздѣвъ къ Небу руки и очи, обративъ туда же и умъ свой, онъ 40 дней и ночей пробылъ на молитвѣ, стоя неподвижно. Въ продолженіе этихъ сорока дней онъ не двинулся съ мѣста, ничего не вкусилъ, ничего не сказалъ никому, не вздремнулъ, не впалъ въ изнеможеніе отъ естественной слабости, ни о чемъ земномъ не подумалъ умомъ, но весь, подобно безплотнымъ, устремилъ духовныя очи свои къ Богу. За это и сподобился святый отъ Бога великой благодати: ему сообщенъ былъ даръ чудотворенія, такъ что онъ былъ подобенъ древнимъ святымъ Пророкамъ. Такъ, онъ уподобился Моисею[1]): подобно тому какъ Моисей нѣкогда указаннымъ ему отъ Бога деревомъ превратилъ горькую воду въ пустынѣ во вкусную, дабы напоить жаждущаго Израиля[2]), такъ и преподобный Виссаріонъ молитвой и крестнымъ знаменіемъ усладилъ горечь морской воды, дабы напоить изнемогавшаго отъ жажды своего ученика, а именно: когда святый вмѣстѣ съ ученикомъ ходилъ по пустынному морскому берегу, ученикъ утрудился отъ сильнаго зноя и, почувствовавъ большую жажду, сказалъ святому:

— Отецъ, я очень жажду.

Преподобный, сотворивши молитву и осѣнивъ море знаменіемъ крестнымъ, сказалъ:

— Во Имя Господа почерпни и пей.

Ученикъ почерпнулъ изъ моря воды въ маленькій сосудъ, который носилъ съ собою; отвѣдавъ воды, ученикъ нашелъ ее

---

1) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа Еврейскаго и первый священный писатель, жившій за XV вѣковъ до Р. Хр.; родился въ Египтѣ и происходилъ изъ колѣна Левіина. Моисей чудесно вывелъ Евреевъ изъ Египта, избавивъ ихъ отъ тяжкаго египетскаго рабства. На горѣ Синай онъ получилъ 10 заповѣдей и сподобился видѣть славу Божію. Всѣ, полученные имъ отъ Бога, заповѣди и установленія, равно какъ и первоначальную исторію народа Еврейскаго, онъ изложилъ въ первыхъ пяти Книгахъ Библіи (Пятокнижіе Моисеево).—Память св. Пророка Моисея празднуется Церковію 4 сентября.

2) Кн. Исх., гл. 17, ст. 6.

очень вкусной[1]) и прохладной, какъ бы истекшей изъ живаго источника; достаточно напившись и прохладившись, ученикъ взялъ еще воды въ сосудъ на дорогу. Замѣтивъ это, старецъ сказалъ ученику:

— Для чего ты наполнилъ сосудъ водою?

Ученикъ отвѣтилъ:

— Прости меня, отче! Я взялъ воду на дорогу, чтобы снова не томиться жаждою.

Старецъ сказалъ:

— Богъ, присутствующій на этомъ мѣстѣ, присутствуетъ вездѣ и, какъ здѣсь, такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ можетъ дать жаждущему вкусную воду.

Имя того ученика было Дула.

Уподобился преподобный Виссаріонъ и Іисусу Навину[2]): какъ тотъ, когда побѣждая Аморревъ[3]), удержалъ движеніе Солнца[4]), такъ сдѣлалъ и сей угодникъ, а именно: когда онъ шелъ съ ученикомъ къ одному старцу, солнце склонялось къ западу, путь же оставался еще далекій; тогда старецъ обратился къ Богу, молясь такъ:

Прп҃бный
ВИССАРІѠНЪ

«Прошу Тебя, Господи, повели остановиться солнцу до тѣхъ поръ, пока я не приду къ рабу Твоему».

И произошло такъ: не заходило солнце до тѣхъ поръ, пока не пришелъ преподобный къ тому старцу.

---

1) Какъ извѣстно, вода въ моряхъ бываетъ обыкновенно соленою.

2) *Іисусъ Навинъ* — вождь народа Еврейскаго, руководившій имъ послѣ смерти Моисея.

3) *Аморреи* — одно изъ языческихъ племенъ, населявшихъ землю Ханаанскую. Аморреи, по переводу съ еврейскаго значитъ — «жители высокихъ мѣстъ»; имъ противопоставляются Ферезеи — «жители низменностей». Незадолго до исхода Евреевъ изъ Египта Аморреи захватили восточную іорданскую область, очень плодородную. Іисусъ Навинъ сражался съ Аморреями и разбилъ пять Аморрейскихъ царей (Кн. Іисуса Навина, гл. **10**, ст. 5—11).

4) Кн. Іисуса Навина, гл. **10**, ст. 12 и 13.

Былъ подобенъ святый Виссаріонъ и Пророку Божію Иліи[1]). Такъ, во время засухи онъ свелъ съ неба на землю обильный дождь[2]); это самое не однажды и не дважды, а много разъ совершалъ преподобный.

Еще и Елисею Пророку[3]) уподобился святый: какъ тотъ, раздѣливъ воду плащомъ Иліи, перешелъ рѣку Іорданъ[4]), такъ и этотъ превратилъ своей молитвой воду въ сухой путь и ходилъ поверхъ воды: перешелъ большую рѣку Нилъ, какъ посуху, и вездѣ, гдѣ только ему на пути встрѣчались рѣки, переходилъ ихъ, какъ посуху.

Какъ-то однажды, когда преподобный пребывалъ въ скитѣ, приведенъ былъ въ храмъ бѣсноватый человѣкъ; за него совершали молитвы въ церкви, дабы избавился онъ отъ духа нечистаго; но не исходилъ изъ него бѣсъ, ибо онъ былъ весьма лютымъ. И говорили между собой клирики:

— Что намъ дѣлать съ этимъ бѣсноватымъ?

А нѣкоторые говорили:

— Никто не можетъ изгнать бѣса сего, кромѣ отца Виссаріона, но если мы станемъ просить его объ этомъ, то онъ не придетъ въ храмъ; поэтому сдѣлаемъ такъ: на слѣдующій день утромъ онъ придетъ въ храмъ первымъ, но мы придемъ раньше его и на его мѣстѣ посадимъ бѣсноватаго; потомъ скажемъ старцу: разбуди спящаго.

Клирики такъ и сдѣлали.

Когда преподобный вошелъ въ храмъ, то замѣтилъ человѣка, сидѣвшаго на его мѣстѣ. Не желая прогонять его отсюда, онъ сталъ около него. Лишь только начали читать церковное правило, клирики сказали старцу:

— Отче, разбуди спящаго.

Виссаріонъ, подойдя къ человѣку тому, толкнулъ его и сказалъ:

— Встань и иди отсюда.

---

1) *Илія*—знаменитѣйшій Пророкъ израильскій, происходившій изъ города Θесвы Галаадской, жившій и дѣйствовавшій во дни нечестиваго царя Ахава и Іезавели. Илія изъ числа всѣхъ пророковъ отличался особенною ревностью о славѣ Божіей. Исторія его жизни и дѣятельности излагается въ 3-ей и 4-ой Кн. Царствъ (3 Кн. Цар., гл. 17–20 и 4 Кн. Цар., гл. 1—2).—Память его празднуется св. Церковію 20 іюля.

2) 3 Кн. Цар., гл. 18.

3) *Елисей*—Пророкъ израильскій, преемникъ пророческаго дара св. Иліи.—См. житіе его подъ 14 іюня.

4) 4 Кн. Цар., гл. 2, ст. 14—15.

И тотчасъ бѣсъ, прогоняемый словомъ святаго, вышелъ изъ того человѣка; онъ всталъ и началъ благодарить Бога за то, что Онъ избавилъ его отъ бѣснованія; человѣкъ тотъ съ этого времени сталъ совершенно здоровымъ.

Такимъ образомъ клирики побудили святаго сотворить чудо изгнанія бѣса, ибо сей преподобный отецъ не желалъ явно творить чудеса, дабы не быть прославленнымъ людьми; будучи смиреннымъ и считая себя грѣшнымъ, онъ избѣгалъ похвалъ человѣческихъ.

Случилось, что одинъ братъ въ скитѣ впалъ въ нѣкое прегрѣшеніе, почему священникъ повелѣлъ ему выйти изъ храма какъ недостойному быть въ общеніи съ братіей; преподобный Виссаріонъ, вставши, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ согрѣшившимъ, сказавъ:

— И я грѣшенъ.

Таково было смиреніе святаго Виссаріона.

Его ученики сообщаютъ о немъ, что онъ въ продолженіе 40 лѣтъ не ложился на постель, дабы отдохнуть; онъ позволялъ себѣ уснуть лишь на небольшое время, причемъ предавался сну или стоя, или сидя. Преподобный часто увѣщевалъ учениковъ своихъ бодрствовать и всячески остерегаться вражескихъ искушеній. Онъ говорилъ:

— Иноку слѣдуетъ быть какъ бы окомъ, подобно Херувимамъ и Серафимамъ; и если кто живетъ мирно, не имѣя искушеній, таковому еще болѣе нужно бодрствовать и смирять себя предъ Богомъ, дабы какъ-нибудь, возгордившись, не впасть въ какое-либо большее согрѣшеніе; ибо, по причинѣ гордости, многіе впадали въ брань съ діаволомъ; иногда Богъ ради немощи нашей не посылаетъ намъ испытаній, дабы мы не погибли совершенно.

Жизнь сего святаго отца была подобна жизни птицы небесной, ибо никогда онъ ничего земнаго не пріобрѣталъ, не имѣлъ своей келліи или какого-либо пристанища; онъ скитался по пустынѣ, переходя съ мѣста на мѣсто; ходилъ по горамъ и лѣсамъ подобно заблудившемуся путнику; нисколько не заботился онъ о тѣлесныхъ нуждахъ своихъ; не заботился онъ ни о пищѣ, ни объ одеждѣ; на тѣлѣ его было самое бѣдное одѣяніе, едва прикрывавшее наготу его. Несмотря на то, что днемъ его опалялъ солнечный зной, а ночью холодъ, онъ рѣдко когда входилъ подъ

кровлю; онъ ходилъ по горамъ, какъ птица, ища уединенія, возводя свой умъ къ Единому Богу и лишь только на Немъ Одномъ останавливая мысль свою. Слезы постоянно исходили изъ очей его, частые вздохи слышались изъ глубины сердца его, ибо всѣ дни жизни своей онъ проводилъ въ слезахъ, всегда плача и рыдая. Достигши глубокой старости, онъ преставился въ вѣчную жизнь[1]) и перешелъ отъ плача къ вѣчному радованію со всѣми святыми о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ ѳ:

Высшихъ силъ подражавъ пѣвне, образомъ птицъ житіе пожилъ еси, временная въ забытіи положивъ, непрестаннымъ желаніемъ влекомъ къ небеснымъ добротамъ Христа Бога, дондеже того достигъ еси виссаріоне: моли непрестанно о всѣхъ насъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ИЛАРІОНА НОВАГО

Блаженный Иларіонъ былъ сыномъ Петра каппадокіянина[2]), прислуживавшаго при трапезѣ царской, и матери Ѳеодосіи — людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ; въ юности онъ хорошо обученъ былъ Священному Писанію. Когда ему исполнилось 20 лѣтъ, онъ, по евангельскому слову[3]), оставилъ отца и мать, домъ и богатство и сдѣлался монахомъ въ обители Исихіевой близъ Византіи. Потомъ онъ пришелъ въ обитель Далматскую[4]), принялъ здѣсь великій ангельскій образъ и сдѣлался ученикомъ святаго Григорія Декаполита[5]), въ то время жившаго здѣсь; святый Иларіонъ подвизался въ послушаніи, молчаніи и великомъ

---

1) Кончина *преподобнаго Виссаріона* послѣдовала въ к. IV в. или нач. V в.

2) *Каппадокія* — малоазійская область.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 37. Еванг. отъ Луки, гл. **14**, ст. 26.

4) Далматская обитель была основана собственно святымъ Исаакіемъ, подвизавшимся въ IV в. (см. житіе его подъ 30 мая); но названіе свое она получила отъ имени игумена Далмата — преемника Исаакія, управлявшаго обителью въ продолженіе 55 лѣтъ.

5) Память его празднуется св. Церковію 20-го ноября.

смиренiи. Онъ имѣлъ работу въ монастырскомъ саду и трудился въ этомъ послушанiи десять лѣтъ; прочитывая исторію добродѣтельнаго и богоугоднаго житія соименнаго себѣ преподобнаго Иларіона Великаго[1]), онъ, насколько возможно, старался уподобляться сему угоднику Божію постомъ, всенощной молитвой и всѣми прочими иноческими подвигами; посему и названъ онъ былъ Иларіономъ Новымъ. Очистивъ и просвѣтивъ свою душу, какъ солнце, онъ получилъ отъ Бога власть надъ нечистыми духами, такъ что могъ изгонять ихъ.

Прп҃бный
І҃ЛАРІѠНЪ

Игуменъ обители той сдѣлалъ его противъ желанія священникомъ, когда уже святый Григорій Декаполитъ ушелъ отсюда въ другія мѣста. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда игуменъ скончался, преподобный Иларіонъ, узнавъ, что братія хочетъ сдѣлать его игуменомъ, рѣшилъ удалиться отсюда; съ этою цѣлію онъ тайно отъ всѣхъ ночью вышелъ изъ обители и ушелъ въ Византію, въ надеждѣ отыскать здѣсь своего учителя святаго Григорія, но сей послѣдній отплылъ въ Римъ и, возвратившись оттуда, поселился на горѣ Олимпійской[2]). Иларіонъ же пришелъ въ одинъ монастырь въ Византіи; монахи Далматской обители, узнавши о семъ, начали просить Святѣйшаго Патріарха Никифора[3]) поставить имъ игуменомъ Иларіона, хотя бы и противъ его желанія. Патріархъ сообщилъ объ этомъ императору; призвавъ къ себѣ Иларіона, царь и Патріархъ увѣщевали его принять игуменство надъ Далматскимъ монастыремъ. Не смѣя противиться царской и патріаршей волѣ, Иларіонъ принялъ власть игумена и съ усер-

1) Память его празднуется св. Церковію 21-го октября.

2) *Олимпъ* — гора въ малоазійской области Мизіи, на границѣ между Фригіей и Виѳиніей. Здѣсь, между прочимъ, находился монастырь «въ Символахъ», славившійся строгою подвижническою жизнію своихъ насельниковъ.

3) *Никифоръ 1-ый* патріаршествовалъ съ 806 г. по 815 г.

діемъ пасъ ввѣренныхъ ему словесныхъ овецъ въ продолженіе восьми лѣтъ. Потомъ скипетръ Греческаго царства принялъ звѣроподобный мучитель Левъ Армянинъ[1]), который началъ смущать Церковь Христову иконоборческой ересью[2]), принуждая многихъ къ своему еретическому мудрованію; тѣхъ же, кто не повиновался ему, онъ или подвергалъ мученіямъ, или изгонялъ въ далекія страны. По его приказанію преподобный Иларіонъ былъ приведенъ изъ обители къ царю, который принуждалъ его принять еретическое ученіе. Добрый воинъ Христовъ не только не повиновался еретику-императору, но даже дерзновенно обличилъ его, назвалъ безбожникомъ и новымъ преступникомъ и тѣмъ возбудилъ противъ себя лютый гнѣвъ царя. Много ранъ и различныхъ мученій причинилъ блаженному злочестивый царь, а потомъ заключилъ его въ темницу. Чрезъ нѣкоторое время опять, призвавши его къ себѣ, много мучивъ, но ничего не достигши, царь отдалъ его своему единомышленнику патріарху Ѳеодоту[3]), по прозванію Касситеру, который принялъ престолъ послѣ изгнанія за благочестіе Святѣйшаго Никифора. Этотъ лжепатріархъ Ѳеодотъ сдѣлалъ съ преподобнымъ то же, что и царь: заключилъ святаго въ мрачной темницѣ и много дней томилъ его голодомъ и жаждой, приказавши не давать ему ни хлѣба, ни воды. Монахи же, гдѣ игуменствовалъ преподобный, пришли къ царю и молили его:

— Царь, возврати намъ нашего отца; мы за это обѣщаемся повиноваться твоей волѣ.

Царь обрадовался сему обѣщанію и возвратилъ имъ игумена ихъ.

Святый, пришедши въ обитель, прожилъ здѣсь одинъ годъ. Едва успѣвъ немного отдохнуть отъ мученій и голода, святый снова обрекъ себя на мученія, ибо царь, ожидавшій исполненія обѣщанія иноковъ, понялъ, что его обманули[4]), почему послалъ

---

1) *Левъ V-ый Армянинъ* царствовалъ съ 813 г. по 820 г.

2) Основателемъ иконоборческой ереси считается Константинъ, епископъ Николійскій, жившій въ VIII в. Неразумно смѣшивая иконопочитаніе съ идолопоклонствомъ, иконоборцы жестокимъ и настойчивымъ преслѣдованіемъ иконопочитанія хотѣли искоренить его изъ Православной Церкви. Самыми ярыми защитниками этой ереси были императоры: Левъ Исаврянинъ (царствовалъ съ 717 г. по 741 г.) и Константинъ Копронимъ (съ 741 г. по 775 г.). Эта ересь была осуждена на VII-мъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ 787 г. въ г. Никеѣ.

3) *Ѳеодотъ I-ый Касситеръ* патріаршествовалъ съ 815 г. по 821 г.

4) Иноки очевидно дали обѣщаніе слушаться императора вообще во всѣхъ его распоряженіяхъ; противныхъ же вѣрѣ православной распоряженій они, конечно, не могли исполнять.

воиновъ въ обитель и наказалъ монаховъ, а преподобнаго, взявъ, снова заключилъ въ темницу. Потомъ послалъ его въ Фанееву обитель [1]) и тамъ приказалъ заключить святаго въ самой тѣсной темницѣ. Въ этой темницѣ святый томился шесть мѣсяцевъ, принимая всякія непріятности и досажденія отъ жестокаго игумена той обители. Потомъ по царскому повелѣнію онъ снова былъ приведенъ въ Константинополь: здѣсь его снова разными льстивыми увѣщаніями склоняли къ принятію ереси иконоборческой. Но такъ какъ Христовъ страдалецъ не слушалъ еретиковъ, то царь послалъ его въ другую обитель, называемую Кикловѣевой [2]); здѣсь пробылъ онъ два года и 6 мѣсяцевъ, томясь въ тѣсной темницѣ и испытывая разныя мученія. Отсюда святый снова былъ приведенъ къ царю и послѣ сильнаго избіенія заточенъ въ городъ Протильскій [3]).

Злочестивый царь, погубивши многихъ, и самъ погибъ люто: онъ былъ своими же воинами изсѣченъ мечами въ храмѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, поругавъ святую Христову икону, низринулъ ее; такъ зло погубилъ нечестивый свою окаянную душу.

Михаилъ Травлъ [4]), принявшій царство послѣ него, приказалъ освободить отъ узъ и заточенія всѣхъ правовѣрныхъ. Преподобный Иларіонъ вмѣстѣ съ прочими былъ освобожденъ изъ темницы, но онъ не пошелъ въ свою обитель, такъ какъ не прекратилась еще иконоборческая ересь и архіерейскіе престолы занимали еретики лжеучители и лжепастыри, но пребывалъ у одной вѣрной и благочестивой женщины, которая въ своемъ имѣніи дала ему уединенное мѣсто, устроила келлыо съ садомъ и снабжала его всѣмъ потребнымъ.

Въ это время возвратился изъ заточенія и отошелъ къ Господу преподобный Ѳеодоръ Студійскій [5]), также перенесшій за правовѣріе много страданій отъ еретиковъ; его святую душу, возносимую Ангелами къ Небу, видѣлъ преподобный Иларіонъ, какъ о томъ сказано и въ житіи Ѳеодора [6]). Въ тотъ день, когда пре-

---

1) Обитель Фанеева находилась между Византіею и Понтомъ.

2) Мѣстонахожденіе сей обители неизвѣстно.

3) Протильскій городъ или, вѣрнѣе, протильскій лагерь; мѣстонахожденіе его неизвѣстно.

4) *Михаилъ II-ой Травлъ* (*Косноязычный*) царствовалъ съ 820 г. по 829 г.

5) Память его празднуется св. Церковію 11-го ноября.

6) См. пред. прим.

ставился святый Ѳеодоръ Студійскій, блаженный Иларіонъ, ходя по своему саду, занимаясь работою и воспѣвая Псалмы Давидовы, услышалъ вдругъ въ воздухѣ какіе-то чудные голоса и почувствовалъ какое-то дивное благоуханіе; удивившись, онъ остановился, смотря, откуда все это; посмотрѣвши вверхъ, онъ увидѣлъ множество Ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, сіявшихъ свѣтлыми лицами и направлявшихся съ пѣснопѣніями навстрѣчу кому-то. Видя вся это, блаженный Иларіонъ въ большомъ страхѣ палъ на землю и услышалъ голосъ, говорившій:

— Это душа Ѳеодора, игумена Студійскаго монастыря, который до крови пострадалъ за святыя иконы и былъ весьма мужественъ въ страданіяхъ, а теперь умеръ и торжественно восходитъ на Небо, встрѣчаемый Небесными Силами.

Сподобившись такого чуднаго видѣнія, преподобный Иларіонъ исполнился великаго утѣшенія и радости духовной; много дней онъ радовался душею своею, и лицо его отъ радости сіяло, какъ лицо Ангела.

У той женщины пробылъ преподобный свыше семи лѣтъ. Когда же послѣ Михаила Травла вступилъ на царство сынъ его Ѳеофилъ[1]), то онъ собралъ всѣхъ исповѣдниковъ и снова началъ принуждать ихъ, по примѣру прежнихъ злочестивыхъ царей, къ иконоборству, не повиновавшихся же ему жестоко мучилъ. Въ это время былъ взятъ и приведенъ къ царю и преподобный Иларіонъ; принуждаемый къ иконоборству, онъ не покорился царскому повелѣнію и опять обличилъ его какъ злочестиваго законопреступника, попиравшаго истинные догматы вѣры; за это святый получилъ сто семьдесять ударовъ по спинѣ и заточенъ былъ на островъ Афусію[2]). Значительнымъ облегченіемъ для святаго было то, что онъ содержался здѣсь не въ темницѣ и не въ оковахъ, но жилъ въ келліи, хотя весьма тѣсной. Въ этой келліи онъ прожилъ до самой смерти Ѳеофила. Когда же сей нечестивый царь умеръ, царица Ѳеодора собрала всѣхъ исповѣдниковъ въ столичный городъ, возстановила православную вѣру и повелѣла внести въ храмы святыя иконы; тогда былъ отпущенъ на свободу и преподобный Иларіонъ. Онъ снова принялъ игуменство въ своей Далматской обители и прославился чудесами. Проживши здѣсь три года и

---

1) *Ѳеофилъ* царствовалъ съ 829 г. по 842 г.

2) Островъ *Афусія*, или *Офіусса*, находился въ заливѣ Паса-Лиманн, близъ Константинополя.

душеспасительно управивъ своими учениками, онъ отошелъ ко Господу[1]). Его честна́я и святая душа такъ же, какъ и видѣнная имъ душа Θеодора, была отнесена на Небо Ангелами и въ ликѣ святыхъ исповѣдниковъ предстоитъ нынѣ предъ престоломъ славы Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога въ Троицѣ, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ ѳ:

Ѡгра́ды живоно́сныя твоея́ па́жити, па́стырски невреди́мо ста́до соблю́лъ е̑сѝ, и̑ пре́вы́лсѧ е̑сѝ высото́ю дѣ́лъ вели́къ, но́вый і̑ларіѡ́не, по бл҃гоче́стіи мно́зѣ мѫ́ки и̑ скѹ́рби прі́е́мъ. тѣ́мъ во всера́достный живо́тъ вселѝвсѧ го́рнѧгѡ сі̑ѡ́на, моли́ за ны҃ пр҃е̑кне.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЪ

АРХЕЛАИ, ΘЕКЛЫ и СУСАННЫ

Дѣвство, побѣждающее міръ и укрощающее плотскія страсти, не было извѣстно матери всѣхъ — Евѣ, ибо ей было сказано Богомъ: въ болѣ́знехъ роди́ши ча́да, и̑ къ мѫ́жѹ твоемѹ̀ ѡ̑браще́нїе твоѐ[2]). Дѣвство же свободно отъ этого; оно не увядаетъ отъ долгихъ лѣтъ, но всегда цвѣтетъ и украшаетъ жизнь дѣвствующихъ; дѣвственница становится невѣстою Христовою и входитъ въ Небесный чертогъ своего Жениха.

Этимъ честны́мъ и божественнымъ даромъ — чистымъ дѣвствомъ — была украшена блаженная Архелая, которая уневѣстилась Христу и показала себя побѣдительницей міра. Жила она въ одномъ мѣстѣ близъ города Рима, въ небольшомъ и неизвѣстномъ монастырѣ, какой могъ быть въ тѣ тяжелыя для христіанъ идолопоклонническія времена.

Когда нечестивымъ царемъ Діоклетіаномъ[3]) было воздвигнуто въ Римѣ великое гоненіе на христіанъ, святая дѣвица Архелая,

---

1) Кончина преподобнаго Иларіона послѣдовала въ 845 г.

2) Кн. Быт., гл. 3, ст. 16.

3) *Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

спасаясь съ двумя о Христѣ сестрами и сподвижницами своими, Θеклой и Сусанной, отъ преслѣдованія мучителей, оставила Римъ и бѣжала въ Кампанію[1]); всѣ онѣ перемѣнили свои одежды на мужскія, дабы никто не узналъ, что онѣ были дѣвицами; тутъ невдалекѣ отъ города, называвшагося Нола[2]), поселились святыя дѣвственницы въ глухомъ и пустомъ мѣстѣ, дни и ночи проводя въ усердныхъ молитвахъ къ Богу, упражняясь въ разныхъ богоугодныхъ дѣлахъ и врачуя болѣзни страждущихъ, такъ какъ за чистую и святую жизнь онѣ сподобились благодати чудеснаго исцѣленія болѣзней. Лица у нихъ были смиренныя, кроткія и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлыя, ибо онѣ всегда радовались сердцемъ своимъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ; во взорѣ ихъ сіяло цѣломудріе и святость. Одежды на нихъ были волосяныя, простыя и грубыя, и видъ онѣ имѣли—пустынническій и постническій. Волосы на головахъ ихъ были острижены, какъ у мужчинъ, такъ что многіе считали ихъ за мужчинъ, а не за женщинъ. Мало-помалу къ нимъ стали собираться окрестные люди то за исцѣленіемъ, то за духовнымъ наставленіемъ, такъ какъ онѣ, кромѣ дара врачеванія, имѣли и способность богодухновеннаго ученія; онѣ врачевали не только тѣла, но и души человѣческія и многихъ отъ языческаго нечестія обратили къ вѣрѣ Христовой; слава о нихъ распространилась по всей странѣ.

Дошла вѣсть о святыхъ дѣвственницахъ и до начальника кампанійскаго, именемъ Леонтія, ибо для надзора за христіанами воины были расположены во многихъ мѣстахъ; о сихъ святыхъ дѣвицахъ они и сообщили начальнику. Сей послѣдній приказалъ взять ихъ и привести къ нему въ городъ Салерну[3]), гдѣ тогда судили и мучили христіанъ. Святыя дѣвицы были взяты и приведены на допросъ въ Салерну. Поняли онѣ, что Господь Іисусъ Христосъ—ихъ безсмертный и нетлѣнный Женихъ—призываетъ ихъ къ вѣнцу мученичества, дабы пріять ихъ въ Небесный чертогъ Свой, украшенныхъ не только дѣвствомъ, но и страдальческой

1) *Кампанія* находилась въ Древней Италіи и граничила на западѣ — съ Лаціумомъ, на сѣверѣ — съ Самніумомъ, на востокѣ — съ Луканіею и на югѣ — съ Тирренскимъ моремъ. Въ этой итальянской провинціи впервые начали (съ VIII вѣка) отливать колокола, почему они и называются въ церковномъ Уставѣ кампаніами (ранѣе были въ употребленіи била или желѣзныя доски).

2) Городъ *Нола* лежалъ къ югу отъ *Капуи*; существуетъ и въ настоящее время (теперь находится въ итальянской провинціи Казерта) и имѣетъ около 15 000 жителей.

3) Городъ *Салерно* находился у Тирренскаго моря; существуетъ и въ настоящее время.

Стыѧ мчцы:

Ѳрхѵпѳ, ѧѵкѳ и сѡсѵѳнѳ

кровью, какъ бы царской багряницей. Преисполненныя великимъ дерзновеніемъ и надеждою на Бога, онѣ безъ страха явились къ мучителю и свободнымъ голосомъ повѣдали ему всю истину о себѣ,—кто онѣ и откуда: не скрыли онѣ ни своей жизни, ни вѣры христіанской, не скрыли того, что онѣ—дѣвственницы, обрученныя Христу и обѣщавшія Ему сохранять себя въ чистотѣ до самой кончины. Игемонъ Леонтій, взирая на нихъ и видя, что блаженная дѣва Архелая старше прочихъ лѣтами, болѣе дерзновенна въ разговорѣ, замѣтивъ также, что лице ея было особенно благочестнымъ, обратился къ ней и сказалъ:

— Послушай, Архелая! По какому праву ты созываешь къ себѣ всякихъ людей, добрыхъ и злыхъ, и учишь ихъ поклоняться Іисусу Назарянину, Который не могъ спасти Себя Самого, когда Его мучили и тѣмъ болѣе не можетъ оказать помощи никому другому? Какъ ты осмѣливаешься заниматься какими-то волшебными словами и прельщать людей; какъ дерзнула ты, покрываясь мужскими одеждами, показывать себя мужчиной, когда ты на самомъ дѣлѣ скверная и вредная волшебница? Вѣроятно, ты и этихъ двухъ дѣвицъ научила волшебству; если я тебя не погублю сейчасъ, то ты всѣхъ неопытныхъ женщинъ и мужчинъ обольстишь своимъ ложнымъ ученіемъ.

На это святая дѣвица отвѣчала:

— Силу и власть діавола я попираю силой Христовой; людей же я научила благому,—именно тому, чтобъ они познали Единаго Истиннаго Бога, сотворившаго Небо, землю, море и все, что въ нихъ: исцѣленія же всѣмъ болящимъ подаются Именемъ Господа моего Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, посредствомъ меня, Его рабы; я не притворяюсь мужчиной, ибо сейчасъ объявила себя дѣвицей и рабой Христовой; а эти двѣ сестры мои о Господѣ съ юности воспитаны въ вѣрѣ Христовой.

И сказалъ игемонъ:

— Всякій, кто не повинуется царскому приказанію, будетъ преданъ лютой смерти.

Отвѣчала святая:

— Мы имѣемъ Царя — Господа нашего Іисуса Христа, ради Котораго презрѣли міръ и все, что въ немъ; Его приказанію повинуемся и ожидаемъ милосердія отъ Того, Кто обладаетъ Небомъ и землей и всѣмъ прочимъ.

Сказалъ игемонъ:

— Наши боги все содержатъ и всѣмъ владѣютъ; именъ у нихъ много: Кроносъ[1]), Трисмегистъ[2]), Гермесъ[3]), Афродита[4]), Гера[5]), Аѳина[6]), Дій[7]), который выше всѣхъ. Вотъ эти силы Божіи содержатъ и управляютъ всей вселенной.

Отвѣчала дѣва:

— Боги твои—слѣпые, и слѣпые поклоняются имъ и вѣруютъ въ нихъ.

Игемонъ сказалъ:

— Вашъ Богъ одинъ, и Онъ не въ силахъ защитить Себя, ибо и на крестѣ былъ распятъ, и уксусомъ напоенъ былъ, и терновнымъ вѣнцомъ увѣнчанъ, и копьемъ прободенъ.

Отвѣтила на это святая:

— Все это Богъ нашъ потерпѣлъ ради нашего спасенія, дабы всѣ вѣрующіе въ Него не погибли, но имѣли жизнь вѣчную; твои же боги не видятъ, не слышатъ, не говорятъ, и потому ни себѣ, ни другимъ не могутъ помочь.

Послѣ такихъ словъ игемонъ, разгнѣвавшись, приказалъ отдать святую на съѣденіе голоднымъ львамъ, думая, что они сейчасъ же растерзаютъ ее; но звѣри сдѣлались кроткими, какъ овцы, и лежали у ногъ святой. Она же молилась Богу, говоря такъ:

— Господи Боже, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, сохранившій доселѣ тѣло мое чистымъ отъ всякой скверны! Какъ нынѣ Ты укротилъ звѣрей и далъ мнѣ силу побѣдить игемона, болѣе лютаго, чѣмъ звѣри, такъ и всегда будь мнѣ, рабѣ Твоей, непрестаннымъ помощникомъ.

Игемонъ, увидавъ, что святая осталась невредимой отъ звѣрей, исполнился еще большей ярости и приказалъ воинамъ убить звѣрей, а святую мученицу вмѣстѣ съ подругами ея, связавши, заключить въ темницу. Но въ темницѣ святымъ мученицамъ явился Ангелъ Господень, освѣтившій ихъ неописаннымъ свѣтомъ и сказавшій:

---

1) *Кронос*ъ—по греческой миѳологіи младшій сынъ *Урана* и *Геи*, одинъ изъ титановъ. Онъ считался покровителемъ посѣвовъ и жатвъ, почему и изображался съ серпомъ въ рукѣ.

2) Наименованіе *Трисмегиста* усвоялось *Юпитеру*, или *Зевсу*.

3) *Гермесъ* —богъ благополучія.

4) *Афродита*, или *Венера*,—богиня любви и красоты.

5) *Гера* —покровительница браковъ и родовъ.

6) *Аѳина*, или *Минерва*,—богиня мудрости.

7) *Зевсъ*, или *Юпитеръ*,—верховный богъ древне-греческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ и виновникомъ всего существующаго.

— Не бойтесь, дѣвицы Христовы! Молитвы ваши дошли къ Богу, и вамъ уже приготовлены вѣнцы на Небѣ.

Когда стражи увидѣли этотъ необычный свѣтъ въ темницѣ, то въ страхѣ и ужасѣ говорили:

— Дѣйствительно, Богъ, Котораго исповѣдуютъ эти дѣвицы, есть Богъ Истинный.

Утромъ игемонъ сказалъ слугамъ:

— Приведите ко мнѣ ту волшебницу, которая вчера безчестила разными хуленіями меня и боговъ моихъ.

И тотчасъ святая мученица Архелая была представлена на судъ и сказала:

— О игемонъ, не я, а злыя дѣла твои наносятъ тебѣ хулу и безчестіе и готовятъ огонь неугасимый, въ которомъ ты будешь мучиться вѣчно вмѣстѣ съ богами твоими; если же ты хочешь избавиться вѣчныхъ мукъ, то послушай моихъ душеполезныхъ словъ и прими мой добрый совѣтъ: увѣруй въ создавшаго тебя Бога Отца, и въ Единороднаго Сына Его Господа Іисуса Христа, и въ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго; сей—Единъ Богъ, въ Троицѣ прославляемый и на землѣ, и на небѣ!

Начальникъ, принимая слова эти за насмѣшку и безуміе, возразилъ святой, говоря:

— Если ты послушаешь меня и увѣруешь въ боговъ моихъ, то будешь одарена богатствомъ и честью и получишь не послѣднее мѣсто между честными римскими женами; если же ты не послушаешь меня, то я отдамъ тебя на поруганіе блудникамъ, затѣмъ подвергну жестокимъ мученіямъ и наконецъ предамъ тебя лютой смерти; тѣло же твое отдамъ на съѣденіе собакамъ, звѣрямъ и птицамъ.

Отвѣтила святая:

— Я имѣю помощникомъ Господа моего Іисуса Христа, Который есть хранитель какъ души моей, такъ и тѣла. Онъ сохранитъ меня отъ той скверны, какую ты готовишь мнѣ, какъ сохранилъ и прежде меня многихъ пострадавшихъ святыхъ дѣвъ; смерти же я не боюсь, ибо надѣюсь получить жизнь вѣчную у Господа моего, Который сподобитъ меня безконечной радости и причтетъ меня къ святымъ Своимъ Ангеламъ.

Послѣ этого игемонъ повелѣлъ обнажить святую, строгать ея чистое дѣвическое тѣло желѣзными орудіями и бить жестоко, раны же приказалъ поливать приготовленнымъ для этого горячимъ

масломъ и смолой; и было тѣло святой острогано и сожжено до костей. Всѣ, бывшіе тамъ, взирая на страданія святой мученицы, чрезвычайно удивлялись и недоумѣвали, какимъ образомъ столь слабая дѣвица могла перенести такія жестокія муки и остаться живой. Святая же, поднявши очи свои къ Небу и крестообразно воздѣвши руки, сказала:

— Владыко, призри съ Неба, съ высоты Престола Твоего святаго на Твою вѣрную рабу! Угаси горящій огонь росой Своей благодати и дай моему тѣлу отраду въ мученіяхъ, причиняемыхъ мнѣ игемономъ.

Едва святая произнесла эти слова, какъ тотчасъ надъ ея головой возсіялъ свѣтъ, и слышенъ былъ Голосъ, говорившій:

— Не бойся! Я съ тобой.

Игемонъ, видя святую невредимой, отъ ярости скрежеталъ зубами.

Вблизи того мѣста находился большой камень, который едва могли сдвинуть съ мѣста нѣсколько человѣкъ; игемонъ приказалъ поднять его и положить на мученицу, чтобы она была раздавлена камнемъ тѣмъ. Когда слуги приступили къ исполненію приказанія игемона, Ангелъ Господень, невидимо присутствующій со святой дѣвой, быстро отодвинулъ камень въ другую сторону, такъ что онъ раздавилъ слугъ мучителя, святая же осталась живой и хвалила Бога, воспѣвая:

— Благословенъ Ты, Господь Богъ отцевъ нашихъ, спасающій уповающихъ на Тебя!

Народъ, видя это, взывалъ:

— Великъ Богъ христіанскій, Котораго сія дѣвица исповѣдуетъ!

Игемонъ же сказалъ:

— Что теперь дѣлать съ волшебницей этой? Всѣ мученія она преодолѣваетъ; возьмите ее и выведите изъ города; вмѣстѣ съ ней возьмите и тѣхъ двухъ дѣвицъ, которыя слѣдуютъ за ней, и всѣхъ трехъ умертвите мечомъ.

Воины тотчасъ взяли святыхъ мученицъ, связали имъ назадъ руки и повели за городъ.

Когда всѣ дошли до назначеннаго мѣста, воины уже приготовились усѣчь честныя главы святыхъ мученицъ; въ это время они увидали Ангеловъ и испугались; Ангелы же святые, взирая на страданія мученицъ, приготовились взять со славой мученическія

души. Воины, почувствовавши нѣкоторымъ образомъ присутствіе сихъ Ангеловъ, пришли въ ужасъ, затрепетали и какъ бы забыли самихъ себя. Но святая Архелая, совершивши молитву Богу, сказала воинамъ:

— Исполните то, что вамъ приказано.

Воины отвѣтили на это:

— Не смѣемъ, госпожа, ибо страхъ объялъ насъ.

Тогда дѣвы всѣ вмѣстѣ сказали имъ:

— Если не исполните приказанія, то не будете имѣть части съ нами.

Воины, услышавши это, обнажили мечи и отсѣкли имъ головы [1]).

Такъ три святыя преподобномученицы — Архелая, Θекла и Сусанна, чистыя дѣвы,— совершили свой подвигъ, вошли въ чертогъ Небесный и нынѣ съ Ангелами предстоятъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу — Единому, въ Троицѣ славимому, Богу, Которому возсылается слава вѣчно. Аминь.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Паисія Угличскаго,** въ 1504 г.

[1]) Кончина святыхъ мученицъ послѣдовала въ 293 г.

День седьмой

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

МАРКЕЛЛА,

папы Римскаго, и прочихъ съ нимъ

Святый Маркеллъ былъ родомъ Римлянинъ; отца его звали Венедиктомъ. Онъ принялъ престолъ Римской Церкви послѣ святаго мученика Маркеллина и пробылъ на немъ въ правленіе нечестивыхъ Римскихъ императоровъ Діоклетіана[1]), Максиміана Геркула[2]), другаго Максиміана, по прозванію Галерія[3]), и Максенція[4])—въ продолженіе пяти лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Въ тѣ дни въ Римѣ происходили слѣдующія событія. Императоръ Максиміанъ, по прозванію Геркулъ, былъ назначенъ Діоклетіаномъ въ соправители себѣ. Возвратившись въ Римъ изъ африканскихъ провинцій[5]) и желая угодить императору Діоклетіану, замедлившему на Востокѣ, Максиміанъ сталъ строить въ честь его въ Римѣ каменные термы,

---

1) *Императоръ Діоклетіанъ* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

2) *Максиміанъ Геркулъ* управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

3) *Максиміанъ Галерій* управлялъ Востокомъ съ 305 г. по 311 г.

4) *Максенцій* управлялъ Западомъ съ 305 г. по 312 г.

5) Въ вѣдѣніи Максиміана находились Африка, Испанія и Италія.

Свѧщенномч҃нкъ Марке́лінъ

или бани, доставлявшіе язычникамъ мерзкую прохладу[1]). Разыскавъ среди римскихъ полковъ множество воиновъ, вѣровавшихъ во Христа, Максиміанъ лишилъ ихъ воинскаго званія и назначилъ имъ такую же работу, которую далъ нѣкогда фараонъ Израильтянамъ въ Египтѣ[2]), именно: онъ заставлялъ однихъ дѣлать кирпичи, другихъ — известь, третьихъ — копать землю и носить для устройства упомянутыхъ термъ камни. Все это онъ дѣлалъ для устрашенія христіанъ, находившихся въ Римѣ, ибо зналъ, что многіе римляне — не только изъ простого народа, но и изъ числа людей благородныхъ — исповѣдывали вѣру христіанскую, хотя и не открыто.

Въ это время въ Римѣ проживалъ нѣкій богатый и честный христіанинъ по имени Ѳрасонъ. Замѣтивъ, что христіане томились тяжкою работою и изнемогали отъ голода, Ѳрасонъ пожелалъ тайно помогать имъ своими средствами; избравъ для этой цѣли четверыхъ богобоязненныхъ мужей, онъ черезъ ихъ посредство снабжалъ христіанъ пищею, одеждою и всѣмъ необходимымъ. Этихъ мужей звали: Сисиній, Кіріакъ, Смарагдъ и Ларгій.

Когда блаженный папа Маркеллъ узналъ объ этомъ, то весьма возрадовался сердцемъ по поводу доставляемой христіанамъ милостыни; призвавши къ себѣ упомянутыхъ четверыхъ мужей и разузнавъ отъ нихъ все относительно Ѳрасоновой щедрости, Маркеллъ премного благодарилъ послѣдняго, а Сисинія и Кіріака поставилъ во діаконы Римской Церкви.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что термы у древнихъ Римлянъ-язычниковъ были не только банями, но и блудилищемъ.

[2]) Съ цѣлію стѣснить и ослабить Израильтянъ фараонъ Египетскій назначилъ имъ тяжелыя работы. Въ сравнительно короткое время (отъ смерти Іосифа до выхода изъ Египта) Израильтяне выстроили Египтянамъ три города—Пиѳомъ, Раамзесъ и Иліополь (см.: Кн. Исх., гл. 1, ст. 1—14).

Однажды ночью, когда оба сіи діакона несли на своихъ плечахъ посылаемую Ѳрасономъ для святыхъ мучениковъ пищу, они были схвачены нечестивыми язычниками и приведены къ трибуну Экзуперію. Лишь только они были приведены, трибунъ приказалъ заключить ихъ въ общенародную темницу, а на третій день донесъ о нихъ императору Максиміану. Императоръ же приказалъ ихъ назначить на ту же самую работу, которую исполняли прочіе христіане, и, такимъ образомъ, они были присоединены къ тѣмъ, которые носили песокъ для постройки каменнаго зданія.

Среди тѣхъ христіанъ находился нѣкій мужъ, по имени Сатурнинъ; по старости лѣтъ онъ не могъ носить опредѣленнаго ему тяжелаго бремени. Тогда блаженные діаконы Сисиній и Кириакъ начали помогать сему старцу и исполняли не только свою работу, но и работу другихъ; устами же своими они непрестанно славословили и восхваляли Бога. Обо всемъ этомъ стража донесла трибуну, а послѣдній — императору.

Тогда императоръ приказалъ представить къ себѣ Сисинія, и когда послѣдній явился къ нему, то спросилъ его:

— Какое имя твое?

— Я, грѣшный,—отвѣчалъ святый,—именуюсь Сисиніемъ; я рабъ рабовъ Господа нашего Іисуса Христа.

— Что это за пѣснопѣнія, которые вы воспѣваете? — спросилъ Максиміанъ.

— Если бы ты позналъ значеніе воспѣваемыхъ нами пѣснопѣній,—отвѣчалъ святый,—то ты позналъ бы и твоего Создателя.

На это императоръ сказалъ:

— Да кто же нашъ Создатель, какъ не Геркулесъ[1]) непобѣдимый!

Отвѣчалъ святый діаконъ Сисиній:

— Для насъ мерзость—не только именовать его, но и слышать о немъ.

— Избирай для себя одно изъ двухъ,—продолжалъ императоръ: — принеси жертву богу Геркулесу; въ противномъ случаѣ я сожгу на огнѣ плоть твою.

— Я уже давно желаю пострадать за Христа, Бога моего,—

---

[1]) *Геркулесъ*, или *Геракл*ъ, —національный древнегреческій герой. По сказанію греческой миѳологіи, Геркулесъ былъ сыномъ *Зевса* и *Алкмены*, жены тиринѳскаго царя Амфитріона. Геркулесу усвоялась большая физическая сила, почему онъ считался богомъ-покровителемъ гимнастовъ и гладіаторовъ.

отвѣчалъ святый Сисиній,—дабы получить вожделѣнный вѣнецъ мученичества.

Тогда императоръ, разгнѣвавшись, отдалъ его на мученіе областеначальнику Лаодикію.

Послѣдній заключилъ святаго въ Мамертинскую темницу[1]), въ которой мученикъ пробылъ семнадцать дней. По истеченіи же сего срока областеначальникъ велѣлъ снова представить къ себѣ на допросъ святаго діакона Сисинія.

Изъ темницы узникъ прежде всего былъ приведенъ къ начальнику тюрьмы Апроніану. Посмотрѣвъ на него, Апроніанъ замѣтилъ, что лице его сіяло пречуднымъ небеснымъ свѣтомъ; при семъ также онъ услыхалъ и Голосъ, говорившій:

— **Пріидѝте бл҃гословéннїи о҆т҃ца̀ моегѡ̀, наслѣ́дꙋ́йте оу҆гото́ванное ва́мъ ца́рствїе ѿ сложе́нїѧ мі́ра**[2]).

Тогда Апроніанъ въ страхѣ и ужасѣ упалъ къ ногамъ святаго Сисинія и сказалъ:

— Заклинаю тебя Христомъ, Котораго ты исповѣдуешь, немедленно крестить меня и содѣлать меня соучастникомъ вѣнца твоего.

Тотчасъ же была принесена сюда и вода.

Тогда святый діаконъ Сисиній, совершивши оглашеніе[3]) надъ Апроніаномъ, благословилъ воду; затѣмъ велѣлъ войти Апроніану обнаженнымъ въ наполненный водою сосудъ и спросилъ его:

---

1) *Мамертинская темница* находилась въ сѣверной части города Рима. Она предназначалась главнымъ образомъ для государственныхъ преступниковъ, къ числу которыхъ относили и христіанъ. Въ этой темницѣ были заключены, по преданію, святые Апостолы Петръ и Павелъ (память ихъ—29 іюня). Эта темница въ реставрированномъ (возстановленномъ) видѣ сохранилась и до настоящаго времени, причемъ, то отдѣленіе темницы, гдѣ были заключены Апостолы Петръ и Павелъ, какъ священное мѣсто, охраняется католиками съ особеннымъ вниманіемъ.

2) Евангг. отъ Матѳ., гл. **25**, ст. 34.

3) *Оглашеніе*—изустное наставленіе въ истинахъ вѣры православной, преподававшееся въ древней Церкви всѣмъ, желавшимъ приступить къ Таинству Крещенія. Имѣя право входа въ храмъ для слушанія Священнаго Писанія и поученій и даже присутствовать при первой и второй частяхъ Литургіи (проскомидіи и «Литургіи оглашенныхъ»), оглашенные предъ наступленіемъ третьей, самой важной части Литургіи («Литургіи вѣрныхъ») должны были немедленно выходить изъ храма, о чемъ и оповѣщалось діакономъ возгласомъ, и доселѣ сохранившимся въ Православной Церкви при совершеніи Литургіи. Срокъ оглашенія былъ не однаковъ; многіе пребывали оглашаемыми въ продолженіе всей жизни. Въ случаѣ необходимости срокъ оглашенія сокращался до нѣсколькихъ дней или даже нѣсколькихъ часовъ (какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ).—Церковный обрядъ оглашенія и досель совершается въ Православной Церкви; онъ состоитъ въ прочтеніи молитвъ надъ приступающимъ ко Крещенію и произнесеніи заклинанія на діавола; при этомъ приступающій ко Крещенію отрекается сатаны, сочетавается Христу и исповѣдуетъ свою вѣру чтеніемъ Символа вѣры (при крещеніи младенцевъ это дѣлается воспріемниками).

— Вѣруешь ли въ Бога Отца, Всемогущаго, и въ Единороднаго Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, и въ Духа Святаго?

Онъ отвѣчалъ:

— Вѣрую.

— Да просвѣтитъ тебя,—произнесъ святый Сисиній,—Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ.

Затѣмъ святый велѣлъ Апроніану выйти изъ воды.

Послѣ этого Сисиній привелъ новокрещеннаго Апроніана къ святому папѣ Маркеллу. Послѣдній помазалъ новопросвѣщеннаго святымъ мѵромъ и, совершивъ святую Литургію, преподалъ обоимъ — и Сисинію, и Апроніану,—а также и всѣмъ, находившимся тамъ христіанамъ, Пречистое Тѣло и Кровь Господа нашего Іисуса Христа.

Въ полдень того же самаго дня областеначальникъ Лаодикій приказалъ представить къ себѣ на допросъ діакона Сисинія. Съ нимъ пришелъ также и начальникъ тюрьмы, блаженный Апроніанъ,—новопросвѣщенный рабъ Христовъ. Подойдя къ Лаодикію, Апроніанъ громко воззвалъ, обратившись къ нему:

— Для чего діаволъ возставляетъ васъ противъ рабовъ Божіихъ, научая васъ причинять столько страданій неповиннымъ?

Удивившись такимъ словамъ Апроніана, областеначальникъ сказалъ ему:

— Какъ кажется мнѣ, и ты сдѣлался христіаниномъ.

— Горе мнѣ, окаянному,—отвѣчалъ блаженный Апроніанъ,—что я погубилъ дни мои въ нечестіи, до сихъ поръ не зная Бога Истиннаго!

— Дѣйствительно,—воскликнулъ областеначальникъ,—ты погубишь нынѣ дни свои!

Затѣмъ приказалъ отсѣчь ему голову, сказавъ:

— Если сей не погибнетъ, то погибнутъ многіе другіе.

Послѣ сего воины повели святаго Апроніана за городъ. Отойдя отъ города на разстояніе двухъ милліарій [1]), воины усѣкли голову

---

[1]) ***Милліарій*** — римская миля или, точнѣе, римскій милевой камень, потому что въ концѣ каждаго мнлліарія стоялъ въ видѣ знака каменный столбъ. Милліарій равнялся 8 стадіямъ (стадія=88 саженямъ), что составитъ приблизительно $1^1/_2$ нашихъ версты. Милевые камни были разсѣяны по всей Италіи; на нихъ надписывалось обыкновенно имя строителя или императора, при которомъ они строились. Первый милевой камень, отъ котораго вели свое начало всѣ остальные камни и у котораго соединялись всѣ дороги, находился у храма Сатурна. При раскопкахъ въ Римѣ были найдены остатки этого камня.

святаго Апроніана на дорогѣ Саларійской[1]); такъ новопросвѣщенный Апроніанъ воспріялъ вѣнецъ мученическій.

Святаго же діакона Сисинія, а съ нимъ и упомянутаго старца Сатурнина, областеначальникъ приказалъ заключить въ темницу, сказавъ имъ:

— Если вы не принесете жертвъ богамъ, то я погублю васъ, предавъ многоразличнымъ мукамъ.

Во время пребыванія сихъ святыхъ въ темницѣ къ нимъ приходили многіе язычники и безбоязненно крестились у нихъ. По прошествіи сорока дней областеначальникъ Лаодикій узналъ объ этомъ; приказавъ приготовить себѣ мѣсто для судилища въ храмѣ богини Теллюры[2]) и возсѣвъ на немъ, Лаодикій приказалъ привести къ себѣ старца Сатурнина и діакона Сисинія. Христовы узники были приведены къ мучителю босыми въ желѣзныхъ оковахъ.

— Что же,—спросилъ ихъ областеначальникъ,—оставили вы, наконецъ, суетное обольщеніе христіанское? Неужели и теперь вы не согласитесь поклониться богамъ, которымъ поклоняются наши цари?

— Мы, грѣшные,—отвѣчалъ святый діаконъ Сисиній,—поклоняемся Господу нашему Іисусу Христу и никогда не преклонимъ нашихъ головъ предъ діаволомъ и бездушнымъ камнемъ.

Тогда Лаодикій сказалъ:

— Пусть принесутъ сюда мѣдные треножники, на которыхъ возжигается куреніе богамъ.

Немедленно были принесены треножники съ горячими углями. Мучитель началъ принуждать святыхъ воскурить идоламъ ѳиміамъ.

Святый старецъ Сатурнинъ сказалъ мучителю:

— Да обратитъ Господь въ прахъ идоловъ языческихъ.

И тотчасъ мѣдные треножники, растопившись, растеклись, какъ вода.

Два воина изъ числа бывшихъ здѣсь, по имени Папій и Мавръ, увидя это, громогласно воскликнули:

— Поистинѣ Господь Іисусъ Христосъ, Котораго почитаютъ Сисиній и Сатурнинъ,—есть Богъ Истинный.

---

[1]) *Саларія*—одна изъ самыхъ большихъ дорогъ Древняго Рима. Она шла вдоль рѣки Тибра до Куръ, проходила черезъ Лаціумъ, Сабинію и т. д. до Ардіи. Названіе этой дороги объясняется тѣмъ, что Сабиняне провозили по ней соль (sal) съ береговъ моря въ свою страну.

[2]) *Теллюра*, или *Гаія*,—греко-римская богиня земли и плодородія.

Областеначальникъ Лаодикій, пылая гнѣвомъ, приказалъ повѣсить святыхъ мучениковъ, Сатурнина и Сисинія, на позорномъ столбѣ и бить ихъ безъ милосердія веревками и суковатыми палками. Будучи такъ терзаемы, святые взывали, говоря:

— Благодаримъ Тебя, Господи Іисусе Христе, за то, что Ты сподобилъ насъ быть соучастниками пострадавшихъ за Тебя рабовъ Твоихъ.

Тогда воины Папій и Мавръ, видѣвшіе страданія святыхъ, вторично воззвали, обратившись къ областеначальнику:

— Для чего діаволъ возбуждаетъ васъ противъ рабовъ Божіихъ, научая васъ безъ милосердія мучить ихъ, неповинныхъ?

Лаодикій, воспылавъ гнѣвомъ противъ сихъ воиновъ, приказалъ бить ихъ камнями по устамъ; раздробивши святымъ уста, заключилъ ихъ въ темницу. Въ то же время онъ приказалъ своимъ слугамъ опалять свѣчами бока мучениковъ, висѣвшихъ на позорномъ столбѣ. Но они, претерпѣвая столь великія страданія, съ радостнымъ лицемъ благодарили Бога.

Въ тотъ же день мучитель издалъ относительно святыхъ смертный приговоръ. Поэтому они были сняты съ позорнаго столба, выведены за городъ по Нумантійской дорогѣ [1]) и усѣчены мечомъ.

Вышеупомянутый благочестивый мужъ Ѳрасонъ, взявъ тѣла святыхъ мучениковъ, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Іоанномъ похоронилъ ихъ на своей землѣ при Саларійской дорогѣ.

Заключенные же въ темницу воины Папій и Мавръ весьма желали получить Святаго Крещенія; помолившись Господу, они вышли изъ темницы чрезъ открытыя двери, никѣмъ не замѣченные. Придя затѣмъ къ Святѣйшему папѣ Маркеллу, они приняли отъ него Святое Крещеніе. Послѣ Крещенія они снова отдались искавшимъ ихъ воинамъ и были представлены на допросъ къ областеначальнику. Увидавши ихъ, областеначальникъ сказалъ:

— Теперь я узналъ, что вы — христіане.

— Да, мы дѣйствительно христіане, — отвѣчалъ святый Папій.

— Оставьте суетное обольщеніе христіанское, — продолжалъ Лаодикій, — и поклонитесь богамъ, которымъ поклоняются наши цари!

— Пусть поклоняются имъ всѣ, потерявшіе свои души, если они желаютъ погибнуть навѣки, — отвѣчалъ Лаодикію святый Мавръ.

---

1) *Нумантійская дорога* шла изъ Рима по направленію къ городу Нумантіи.

Областеначальникъ же Лаодикій сказалъ на это:

— Если вы не принесете сейчасъ жертвъ безсмертнымъ богамъ нашимъ, то потеряете свои души. Послушайте меня и исполните то, что я говорю, если желаете остаться живыми.

— Приноси имъ жертву,—отвѣтилъ святый Папій,—если хочешь мучиться вѣчно!

Послѣ сего областеначальникъ приказалъ положить святыхъ на землѣ и бить безъ милосердія палками. Они же, будучи жестоко биты, ничего иного не произносили, какъ только слѣдующія слова:

— Господи, Іисусе Христе, помоги рабамъ Твоимъ!

Затѣмъ Лаодикій приказалъ бить святыхъ оловянными прутьями. Въ то время какъ ихъ били въ теченіе долгаго времени такимъ образомъ, они предали души свои въ руки Божіи.

Пресвитеръ Іоаннъ, взявши ночью тѣла святыхъ, похоронилъ ихъ съ честію при гробницѣ пострадавшихъ ранѣе святыхъ мучениковъ — Сисинія и Сатурнина (сдѣлалъ это онъ по повелѣнію святаго папы Маркелла).

Въ то время возвратился въ Римъ императоръ Діоклетіанъ. Областеначальникъ Лаодикій сообщилъ Діоклетіану и Максиміану все относительно святыхъ мучениковъ, сказавъ, какъ онъ безъ милосердія мучилъ ихъ и умертвилъ. Императоры были обрадованы симъ извѣстіемъ и похвалили областеначальника за его усердіе.

Между тѣмъ упомянутый выше святый Кириакъ, поставленный во діаконы Святѣйшимъ папою Маркелломъ, находился въ это время вмѣстѣ со святымъ Сисиніемъ въ темницѣ; здѣсь были заключены Смарагдъ и Ларгій, а также и прочіе узники Христовы. Всѣ они исполняли назначенную имъ тяжелую работу. Ихъ выводили на работы днемъ, на ночь же снова запирали въ темницѣ. Богъ даровалъ блаженному Кириаку благодать исцѣленія недуговъ; многіе приходили къ нему и приносили своихъ больныхъ, которыхъ послѣ молитвы къ Богу святый Кириакъ исцѣлялъ: такъ получали здѣсь зрѣніе слѣпые, дѣлались здоровыми разслабленные, изгонялись изъ людей бѣсы, и по молитвамъ святаго подавалось исцѣленіе болящимъ отъ многоразличныхъ недуговъ.

У императора Діоклетіана была дочь — по имени Артемія. По попущенію Божію она впала въ бѣснованіе и была мучима нечистымъ духомъ. Узнавъ о томъ, Діоклетіанъ весьма опечалился,

такъ что въ тотъ день по причинѣ скорби не вкушалъ пищи. Когда же онъ вошелъ въ комнату своей дочери, бѣсновавшейся въ это время, то бѣсъ воззвалъ устами дѣвицы:

— Я не выйду отсюда, и никто не можетъ изгнать меня, кромѣ діакона Киріака.

Тогда Діоклетіанъ приказалъ отыскать діакона Киріака, и когда онъ былъ найденъ въ темницѣ и приведенъ къ императору вмѣстѣ съ обоими друзьями своими, Смарагдомъ и Ларгіемъ, то императоръ сталъ упрашивать его войти въ комнату дочери его и исцѣлить ее. Святый Киріакъ, войдя въ комнату дочери царской, обратился къ мучившему ее нечистому духу съ такими словами:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ: выйди изъ сей дѣвицы.

Бѣсъ же отвѣчалъ ея устами:

— Если ты желаешь, чтобы я вышелъ изъ нея, то укажи мнѣ другое обиталище, въ которое я могъ бы войти.

— Вотъ тебѣ мое тѣло,—отвѣчалъ святый Киріакъ;—если можешь, войди въ него!

— Въ твое тѣло я не могу войти,—продолжалъ бѣсъ,—ибо оно отовсюду затворено и запечатано.

Тогда святый Киріакъ сказалъ ему:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа Распятаго выйди изъ сей дѣвицы, дабы она была чистымъ сосудомъ для служенія Святому Духу.

Духъ нечистый закричалъ тогда, говоря:

— О Киріакъ! Если ты отсюда изгонишь меня, то я устрою такъ, что ты будешь посланъ въ Персію[1]).

Съ сими словами нечистый духъ вышелъ. Дѣвица же Артемія, освободившись отъ бѣсовскаго мучительства, сказала святому:

— Заклинаю тебя Богомъ, Котораго ты исповѣдуешь: крести меня, ибо я вижу вдалекѣ Господа, Котораго ты проповѣдуешь.

Здѣсь стояла и мать Артеміи — императрица Сирена, которая радовалась сугубою радостью: и по случаю исцѣленія своей дочери, и по причинѣ явленія силы Христовой (ибо она была тайной христіанкой).

---

[1]) Діаволъ устрашаетъ святаго Киріака путешествіемъ въ Персію потому, что въ тѣ времена путешествія вообще были обременительны — вслѣдствіе отсутствія правильныхъ путей сообщенія.

Приготовивъ воду, на другой день крестили дѣвицу Артемію во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, тайно отъ царя Діоклетіана.

Съ того времени святый Кириакъ пріобрѣлъ благоволеніе императора Діоклетіана, который даровалъ ему и его друзьямъ, Смарагду и Лагрію, свободу и подарилъ ему близъ своихъ термъ домъ въ Римѣ, обѣщавъ ему спокойную жизнь.

Между тѣмъ императрица Сирена поучала дочь свою всѣмъ сердцемъ любить Христа и неизмѣнно исполнять Законъ Его.

Спустя немного времени къ Діоклетіану пришло посланіе отъ Персидскаго царя; въ этомъ посланіи Персидскій царь просилъ Діоклетіана отправить къ нему діакона Кириака, ибо дочь его бѣсновалась, причемъ бѣсъ взывалъ ея устами, говоря:

— Никто не можетъ изгнать меня, кромѣ римскаго діакона Кириака.

Тогда императоръ сказалъ своей супругѣ, императрицѣ Сиренѣ, чтобы она позвала къ себѣ Кириака и упросила его отправиться въ Персію къ бѣсновавшейся царевнѣ.

Когда святый Кириакъ былъ призванъ къ императрицѣ и узналъ о посланіи изъ Персіи, то сказалъ:

— Во Имя Господа моего Іисуса Христа я отправлюсь, не колеблясь!

Кириакъ былъ снабженъ императрицею всѣмъ необходимымъ, послѣ чего и отправился въ Персію вмѣстѣ со своими друзьями— Смарагдомъ и Ларгіемъ.

Когда онъ пришелъ въ Персію и былъ приведенъ къ бѣснующейся царевнѣ, то діаволъ воззвалъ ея устами:

— Что, Кириакъ, не заставилъ ли я тебя потрудиться придти сюда, какъ говорилъ объ этомъ тебѣ ранѣе?

— Я пришелъ сюда,—отвѣчалъ Кириакъ,—съ помощію Владыки моего, Господа Іисуса Христа, чтобы выгнать тебя и отсюда. Итакъ, духъ нечистый, повелѣваю тебѣ Именемъ Господа Іисуса Христа: выйди изъ сей дѣвицы и больше не возвращайся въ нее.

— Но вѣдь ты, Кириакъ, усталъ и тебѣ необходимо прежде всего отдохнуть съ дороги,—сказалъ бѣсъ.

— Благодаря помощи все устрояющаго Бога я не чувствую усталости,—отвѣчалъ Кириакъ.

— Но вотъ я,—продолжалъ бѣсъ,—что̀ захотѣлъ, то и сдѣлалъ: обѣщался заставить тебя придти въ Персію, и ты пришелъ.

— Не можешь ты, безсильный и окаянный, сдѣлать то, что

пожелаешь; ты можешь сдѣлать лишь то, что попуститъ тебѣ Создатель нашъ.

Тогда бѣсъ сталъ мучить дѣвицу. Святый же Киріакъ, павъ ницъ на землю, началъ со слезами молиться Богу. Между тѣмъ бѣсъ взывалъ къ святому:

— Если ты изгонишь меня отсюда, то укажи мнѣ вмѣстилище, въ которое я бы могъ войти.

Отвѣчалъ святый:

— О безумный! Нигдѣ въ созданіи Божіемъ ты не найдешь себѣ вмѣстилища, ибо непобѣдимая и всемогущая сила Господа моего Іисуса Христа отовсюду изгонитъ тебя.

Тогда діаволъ немедленно вышелъ изъ отроковицы и, убѣгая, оглашалъ воздухъ воплями, говоря:

— О какъ страшно для меня Имя Того, Кто изгоняетъ меня!

Съ того времени отроковица стала здоровой. Ей было имя Іовія. Она увѣровала во Христа и приняла Святое Крещеніе. Увѣровали во Христа и крестились многіе изъ царскаго дома, всего около четырехъ сотъ человѣкъ. Царь Персидскій предложилъ многія дары святому Киріаку. Но онъ ничего не взялъ, довольствуясь лишь однимъ хлѣбомъ и водой. Пробывши въ Персіи сорокъ пять дней, онъ удалился оттуда, возвращаясь отъ Персидскаго царя къ Римскому императору съ благодарственнымъ письмомъ, которое Діоклетіанъ почтительно принялъ. Императрица Сирена и дочь ея Артемія весьма радовались возвращенію Киріака.

Спустя немного времени послѣ сего Діоклетіанъ отправился изъ Рима на Востокъ, а Максиміанъ Геркулъ — въ Медіоланъ[1]), гдѣ тотъ и другой и оставили свое императорское достоинство. Тогда другой Максиміанъ, по прозванію Галерій, коего Діоклетіанъ усыновилъ себѣ, а потомъ выдалъ за него и дочь свою — старшую сестру Артеміи, Валерію, — пришелъ въ Римъ и сталъ преслѣдовать и убивать христіанъ. Взявъ вмѣстѣ съ прочими святаго діакона Киріака, — ибо онъ гнѣвался на него за Артемію, которую Киріакъ обратилъ въ христіанскую вѣру, — онъ посадилъ его вмѣстѣ съ его друзьями, Смарагдомъ и Ларгіемъ, въ темницу; при этомъ мучитель

1) *Медіоланъ* (нынѣ *Миланъ*) — значительнѣйшій городъ Сѣверной Италіи, въ области Ломбардіи; основанъ въ глубокой древности, за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. Въ исторіи Христіанской Церкви Медіоланъ извѣстенъ какъ мѣсто архипастырской дѣятельности архіепископа Амвросія (съ 374 г. по 397 г.), проявившаго большое усердіе въ борьбѣ съ ересью аріанской (память его празднуется св. Церковію 7 декабря).

приказалъ водить за собою Киріака — обнаженнаго и закованнаго въ желѣзныя вериги — по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, куда бы онъ ни отправлялся. Это онъ дѣлалъ для устрашенія прочихъ христіанъ.

Однажды, когда мучитель шелъ въ какой-то городъ, его встрѣтилъ святый папа Маркеллъ, который громко сказалъ ему:

— Для чего ты убиваешь служителей Божіихъ, молящихся за твое царство!

Тогда мучитель, разгнѣвавшись, приказалъ бить святаго палками безъ милосердія и опредѣлилъ его на должность надсмотрщика надъ животными. И такъ святый папа Маркеллъ приставленъ былъ къ кормленію животныхъ, и сторожа наблюдали за тѣмъ, чтобы онъ нелѣпостно исполнялъ свои обязанности. Святаго же Киріака съ его друзьями императоръ передалъ своему намѣстнику Карпасію со словами:

— Убѣди сихъ волхвовъ, совращающихъ народъ къ христіанству, принести жертвы; заставь ихъ сдѣлать это, хотя бы и мученіями.

Карпасій, взявши святаго и находившихся съ нимъ христіанъ, заключилъ ихъ въ темницу, а затѣмъ, возсѣвши на судилищѣ своемъ въ храмѣ Теллюры [1]), призвалъ къ допросу святыхъ мучениковъ — діакона Киріака, друзей его, Смарагда и Ларгія, и вмѣстѣ съ ними четвертаго узника по имени Крискентіана, также заключеннаго въ темницѣ за исповѣданіе Имени Христова. Карпасій обратился къ христіанамъ съ такими словами:

— Почему вы не слушаете императорскаго приказанія и не приносите жертвъ безсмертнымъ богамъ нашимъ?

Киріакъ и друзья его отвѣчали:

— Мы приносимъ себя самихъ въ жертву живущему во вѣки Богу и Господу нашему Іисусу Христу.

— Твоя старость,—сказалъ Карпасій Киріаку,—убѣлила волоса твои; но вотъ я теперь обращу твою старость въ юность.

Съ сими словами онъ приказалъ растопить смолу и возливать ее на голову святаго. Святый же взывалъ, говоря:

— Слава Тебѣ, Господи, что Ты сподобляешь насъ, рабовъ Твоихъ, войти во врата Небеснаго Царства Твоего!

Крискентіана же мучитель приказалъ повѣсить нагимъ на позорномъ столбѣ, бить веревками и палками, строгать желѣзными когтями и опалять огнемъ. Въ такихъ мученіяхъ святый Крискентіанъ и предалъ духъ свой, все время возсылая благодареніе Богу.

[1]) См. стр. 127-ую, прим. 2-ое.

Потомъ мучитель приказалъ взять тѣло его и бросить безъ погребенія на съѣденіе псамъ, прочихъ же святыхъ мучениковъ онъ снова заключилъ въ темницу. Но упомянутый пресвитеръ Іоаннъ, придя ночью и взявши тайно тѣло мученика, похоронилъ его вмѣстѣ съ прочими мучениками.

По прошествіи четырехъ дней послѣ сего мучитель, призвавъ на допросъ къ себѣ одного Киріака, спросилъ его:

— Для чего ты хочешь низвести въ адъ въ лютыхъ мученіяхъ дни твоей старости? Принеси жертву богамъ и останешься живъ.

— Я,—отвѣчалъ святый,—весьма желаю быть замученнымъ за Христа Бога моего; вашимъ же богамъ пусть приносятъ жертвы тѣ, кто не позналъ Истиннаго Бога, Создателя своего.

Карпасій въ гнѣвѣ приказалъ повѣсить святаго нагимъ на позорномъ столбѣ и мучить его тѣмъ же способомъ, какъ и святаго Крискентія, причиняя побои вервіями и палками, строгая когтями, опаляя огнемъ.

Между тѣмъ Христовъ мученикъ, перенося все сіе доблестно, взывалъ:

— Помилуй меня, грѣшнаго, Господи мой Іисусе Христе! Слава Тебѣ, Сыне Божій!

Карпасій, убѣдившись, что никакими мученіями онъ не принудитъ Киріака принести жертвы, повелѣлъ прекратить мученія; потомъ сообщилъ императору все, что касалось Киріака и остальныхъ мучениковъ. Императоръ же приказалъ предать смерти Киріака и всѣхъ, находившихся вмѣстѣ съ нимъ въ темницѣ.

Въ той самой темницѣ, въ которой пребывалъ святый Киріакъ со своими друзьями, было всего христіанъ двадцать одинъ человѣкъ обоего пола. Выведя ихъ всѣхъ за городъ, язычники обезглавили ихъ вмѣстѣ со святымъ Киріакомъ, Смарагдомъ и Ларгіемъ. Къ этому мѣсту ночью пришелъ пресвитеръ Іоаннъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми христіанами; взявъ тѣла святыхъ мучениковъ, онъ похоронилъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были похоронены тѣла и другихъ мучениковъ.

Въ это самое время была замучена и умерщвлена за исповѣданіе имени Христова и дочь Діоклетіана, блаженная царевна Артемія, пребывавшая въ то время въ Римѣ. Умерщвлена же она была по распоряженію того же нечестиваго мучителя Максиміана. Окаянный не пощадилъ даже своей родственной крови, ибо Арте-

мія была родной сестрой его жены Валеріи, и ему самому, какъ усыновленному Діоклетіаномъ, она приходилась сестрою.

Послѣ убіенія святаго Кириака и прочихъ, находившихся съ нимъ въ темницѣ, христіанъ, вышеупомянутый Карпасій выпросилъ себѣ у императора домъ Кириаковъ, находившійся близъ термъ Діоклетіановыхъ; домъ этотъ былъ подаренъ Діоклетіаномъ Кириаку. Войдя въ этотъ домъ, Карпасій увидалъ въ немъ прекраснѣйшій источникъ, устроенный святымъ Кириакомъ и освященный папою Маркелломъ; въ этомъ источникѣ крестились многіе язычники, обращавшіеся въ христіанство. На поруганіе и оскорбленіе христіанамъ Карпасій обратилъ тотъ домъ въ общественную баню и въ блудилище и часто самъ тамъ омывался, или лучше сказать, загрязнялся, ибо, пируя здѣсь со своими друзьями, онъ и его сообщники оскверняли себя омерзительными плотскими грѣхами.

Однажды онъ приказалъ устроить тамъ для себя пиръ и пришелъ сюда въ обществѣ девятнадцати друзей своихъ ѣсть, пить, мыться и блудодѣйствовать. И вотъ, въ то время какъ они предавались своимъ мерзостямъ, внезапно пали всѣ мертвыми, пораженные невидимою силою Божіею. Всѣ окрестные жители пришли отъ этого въ великій страхъ и заколотили домъ тотъ, ибо никто не рѣшался входить въ него.

Между тѣмъ нечестивый императоръ Максиміанъ Галерій отправился изъ Рима на Востокъ; императорскій престолъ, принадлежавшій въ то время Константину въ Римѣ[1]), предвосхитилъ Максенцій. Въ то же самое время римскіе клирики, собравшись ночью, отправились на тотъ дворъ, въ которомъ былъ приставленъ кормить скотъ святый Маркеллъ, и вывели оттуда архипастыря своего.

Достигнувши хищническимъ образомъ римскаго престола, Максенцій также, какъ и его предшественники, началъ преслѣдовать христіанъ.

Въ это время въ Римѣ жили двѣ женщины изъ благороднаго сенаторскаго рода, по имени Прискилла и Лукина. Онѣ обѣ были вдовами и вѣрными рабынями Господа Іисуса Христа, Которому и служили съ великимъ усердіемъ. Эти двѣ женщины имѣли много имущества, которымъ помогали святымъ во всѣхъ ихъ нуждахъ.

---

[1]) *Императоръ Константинъ* царствовалъ съ 306 г. по 337 г. (см. житіе его подъ 21 мая).

Онѣ устроили въ своихъ имѣніяхъ весьма хорошія гробницы для погребенія тѣлъ святыхъ мучениковъ, ибо безчисленное множество христіанъ было тогда умерщвляемо за исповѣданіе Имени Христова. Прискилла устроила гробницу на разстояніи трехъ поприщъ отъ города при Саларійской дорогѣ, а Лукина—на разстояніи семи поприщъ при дорогѣ Остійской [1]). Тайно по ночамъ онѣ собирали тѣла мучениковъ, бросавшіеся язычниками на съѣденіе псамъ, звѣрямъ и птицамъ, и съ честію погребали ихъ въ своихъ гробницахъ. И вотъ, когда святый Маркеллъ былъ выведенъ своими клириками съ двора, гдѣ онъ кормилъ животныхъ, отправился съ блаженною Лукиною къ тому мѣсту, гдѣ былъ усѣченъ святый мученикъ Кириакъ съ Смарагдомъ и Ларгіемъ; выкопавши изъ земли святыя мощи ихъ и обвивши ихъ чистыми полотнами съ ароматами, они принесли ихъ въ гробницу, принадлежавшую Лукинѣ, и съ честію положили ихъ въ каменныхъ гробахъ.

Въ это время блаженная Лукина пожертвовала въ пользу Церкви Римской многія имѣнія свои; прекрасный же домъ свой, находившійся въ центрѣ города Рима, она пожертвовала вѣрующимъ, дабы они обратили его въ церковь. Папа освятилъ сей домъ по положенному церковному чину и совершалъ въ немъ Литургіи, принося безкровныя жертвы Богу, днемъ и ночью славословя Бога. И такимъ образомъ домъ Лукины сдѣлался домомъ Божіимъ и соборною церковію въ Римѣ.

Это стало извѣстнымъ нечестивому императору. Послѣдній, разгнѣвавшись на Лукину, присудилъ изгнать ее съ безчестіемъ, какъ великую грѣшницу, вонъ изъ города, все же имущество ея велѣлъ отдать на разграбленіе. Онъ дѣлалъ попытки также склонить къ своему нечестію папу Маркелла, но нисколько не успѣлъ въ этомъ. Узнавши же, что святый Маркеллъ его предшественникомъ Максиміаномъ былъ осужденъ на работу ухода за скотомъ, онъ сдѣлалъ то же самое опредѣленіе относительно святаго. Желая обезчестить не только папу, но и Церковь, онъ обратилъ освященный для церкви прекрасный домъ Лукининъ въ скотный дворъ и приказалъ содержать тамъ множество скота. Святому же папѣ Маркеллу онъ опредѣлилъ всѣ дни жизни его до самой смерти, находясь подъ стражею, ходить за скотомъ въ этомъ домѣ.

---

[1]) *Остійская дорога* вела къ Остіи—гавани города Рима, построенной при устьѣ рѣки Тибръ. Остатки этой гавани показываются и теперь; вслѣдствіе наноса берегового песка она удалена отъ берега на разстояніе часа пути.

И такъ сей святѣйшій пастырь и руководитель душъ человѣческихъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ исполнялъ работу ухода за скотомъ; великій слуга Божій, подобно нѣкоему плѣненному рабу, былъ предметомъ поруганія со стороны нечестивыхъ идолослужителей. Онъ постоянно былъ занятъ работою, такъ что совершенно не имѣлъ отдыха и покоя и испытывалъ большой недостатокъ въ самомъ необходимомъ; онъ не имѣлъ ни достаточной пищи, ни одежды, ибо сторожа не позволяли никому приходить къ нему и что-либо приносить для него. Его одежда состояла изъ одной только колючей власяницы на тѣлѣ. По причинѣ такихъ трудовъ, страданій, лишеній въ самомъ необходимомъ, а также по причинѣ зловонія скотскаго, святый Маркеллъ весьма ослабѣлъ тѣломъ, заболѣлъ и предалъ свою страдальческую душу въ руки Божіи[1]). Тотъ же пресвитеръ Іоаннъ, взявши ночью его тѣло, отнесъ его въ гробницу Прискиллину и, призвавъ клириковъ, предалъ его здѣсь честно́му погребенію.

Такъ окончилъ жизнь свою святѣйшій римскій папа Маркеллъ, первоначально предпославъ по пути мученичества многочисленныхъ чадъ своихъ къ Богу, а затѣмъ послѣ нихъ и самъ отправился предстать со святыми іерархами престолу Великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЪ
КИРІАКІИ, КАЛЕРІИ и МАРІИ

Мученицы Христовы Киріакія, Калерія (или Валерія) и Марія происходили изъ города Кесаріи Палестинской[2]). Наставленныя въ христіанской вѣрѣ однимъ христіаниномъ, онѣ отрѣшились отъ мерзкихъ идольскихъ жертвъ, приступили ко Христу и кре-

[1]) Кончина святаго священномученика Маркелла, папы Римскаго, послѣдовала въ 310 г. Онъ управлялъ Римскою Церковію въ продолженіе пяти лѣтъ и шести мѣсяцевъ (съ 304 г. по 310 г.). Прочіе мученики и мученицы, упоминаемые въ житіи святаго папы Маркелла, пострадали нѣсколько ранѣе, въ 305 г. и 306 г.

[2]) *Кесарія Палестинская* находилась на восточномъ берегу Средиземнаго моря. Въ древнія времена Кесарія была резиденціей римскихъ прокураторовъ и центромъ общественно-политической жизни страны.—Въ исторіи христіанской Церкви Кесарія палестинская замѣчательна тѣмъ, что здѣсь впервые былъ открытъ язычникамъ доступъ въ Цер-

стились. Потомъ онѣ поселились въ нѣкоей хижинѣ, пребывая въ молчаніи и моля Бога, дабы разсѣялась лесть идолослуженія, вѣра же Христова возсіяла во всемъ мірѣ и, такимъ образомъ, прекратились бы гоненія на христіанъ. Когда онѣ проживали такимъ образомъ въ пощеніи и молитвахъ, то были оклеветаны предъ правителемъ той страны идолослужителями и принуждаемы были отречься отъ Христа и къ поклоненію идоламъ. Но онѣ не хотѣли ни въ какомъ случаѣ совершить сего. Посему онѣ нещадно были мучимы жестокими истязаніями и въ тѣхъ мученіяхъ предали души свои въ руки Божіи.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

МАРКЕЛЛИНА

Папа Маркеллинъ вступилъ на престолъ въ правленіе Діоклетіана[1]) и Максиміана[2]) послѣ кончины Святѣйшаго папы Кая[3]), во время жесточайшаго гоненія на христіанъ, когда въ теченіе тридцати дней въ Римѣ было истреблено послѣ многоразличныхъ мученій семнадцать тысячъ христіанъ обоего пола. Въ это время схваченъ былъ и приведенъ на допросъ къ Діоклетіану и папа Маркеллинъ. Но, устрашившись жестокихъ мученій, онъ воскурилъ ѳиміамъ на алтарѣ идольскомъ и принесъ жертву Вестѣ и Изидѣ[4]). Желая вознаградить его, императоръ облекъ его въ драгоцѣнную одежду и назвалъ своимъ другомъ.

ковъ Христову Апостоломъ Петромъ, крестившимъ сотника Корнилія (Дѣян., гл. 10). Здѣсь же происходилъ послѣдній судъ надъ Апостоломъ Павломъ (Дѣян., гл. 25—27). Въ Палестинѣ была еще другая Кесарія, въ отличіе отъ настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоковъ Іордана.

1) См. стр. 122-ую, прим. 1-ое.

2) См. стр. 122-ую, прим. 2-ое.

3) *Кай* управлялъ Римскою Церковію съ 283 г. по 296 г.

4) *Веста*, или *Гестія*, —считалась у древнихъ Римлянъ и Грековъ богиней-покровительницей семейнаго очага и жертвеннаго огня. Ей обычно приносилась жертва предъ началомъ всякаго важнаго дѣла, почему у язычниковъ и сложилась поговорка: «начинать съ Вестой». Въ Римѣ въ честь богини Весты былъ выстроенъ храмъ въ роще, на склонѣ Палатинскаго холма. Въ этомъ храмѣ помѣщался жертвенникъ, на которомъ постоянно горѣлъ огонь, поддерживавшійся жрицами богини—весталками. Главный праздникъ въ честь богини Весты отправлялся въ Римѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ.— *Изида* —богиня плодородія. Изида была собственно древнеегипетской богиней, но въ первые вѣка по Р. Хр. культъ ея проникъ въ Грецію и Италію, гдѣ въ честь ея строились многочисленные храмы.

Послѣ сего, вернувшись домой, Маркеллинъ горько заплакалъ и зарыдалъ—какъ нѣкогда Апостолъ Петръ, отрекшійся отъ Христа[1]). Маркеллинъ началъ обличать и укорять самого себя, такъ какъ, хотя многихъ другихъ утвердилъ въ вѣрѣ и побудилъ къ мученическому подвигу, тѣмъ не менѣе самъ отпалъ отъ вѣры самымъ позорнѣйшимъ образомъ. Размышляя о семъ, папа неисказанно скорбѣлъ въ сердцѣ своемъ.

Въ то время въ городѣ Синуессѣ въ Кампаніи[2]) происходилъ Помѣстный церковный Соборъ[3]), на который собрались многіе епископы и пресвитеры, всего числомъ сто восемьдесятъ человѣкъ. На этотъ Соборъ прибылъ и Маркеллинъ. Облекшись во власяное рубище, посыпавъ пепломъ голову, съ сокрушеніемъ сердечнымъ вошелъ онъ на Соборъ къ отцамъ и, ставъ предъ ними какъ обвиняемый, открыто предъ всѣми исповѣдалъ грѣхъ свой. Проливая горькія слезы, онъ испрашивалъ у честныхъ отцевъ суда надъ собою. Отцы же говорили:

— Осуди себя самъ своими устами: изъ твоихъ устъ вышелъ грѣхъ, пусть твоими же устами будетъ произнесено и осужденіе. Мы знаемъ, что и святой Петръ изъ страха отвергся Христа, но, горько оплакавъ грѣхъ свой, снова получилъ благоволеніе у своего Господа.

Тогда Маркеллинъ произнесъ слѣдующій приговоръ надъ самимъ собою:

— Я признаю себя лишеннымъ священнаго сана, котораго я недостоинъ. За это пусть послѣ моей смерти тѣло мое не предается обычному погребенію, но да будетъ брошено оно на съѣденіе псамъ; да будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлится похоронить его.

Возвратившись затѣмъ въ Римъ по окончаніи соборныхъ засѣданій, Маркеллинъ, взявъ драгоцѣнную одежду, которую получилъ отъ Діоклетіана, отправился къ сему послѣднему и, бросивши предъ нимъ одежду, обличилъ его, осудилъ ложныхъ боговъ его, а себя назвалъ тяжкимъ грѣшникомъ, причемъ горько плакалъ. Исполнившись гнѣва, императоръ отдалъ его на мученія, а затѣмъ присудилъ

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 75.

2) *Кампанія*—мѣстность въ Древней Италіи, ограниченная на западѣ—Лаціумомъ, на сѣверѣ—Самніумомъ, на востокѣ—Луканіею, на югѣ—Тирренскимъ моремъ. Въ этой итальянской области впервые начали отливаться (въ VIII в.) колокола, почему они въ церковномъ уставѣ и называются *кампанами*.

3) Соборъ этотъ происходилъ около 300 г.

къ смерти. И вотъ блаженный Маркеллинъ былъ поведенъ вмѣстѣ съ тремя христіанами—Клавдіемъ, Кириномъ и Антониномъ за городъ для обезглавленія. За нимъ слѣдовалъ пресвитеръ Маркеллъ, послѣ него занявшій престолъ папскій. Подозвавши его, мученикъ Христовъ Маркеллинъ увѣщевалъ, чтобы онъ оставался твердымъ въ вѣрѣ. Онъ сказалъ также относительно своего тѣла, чтобы никто не осмѣливался погребать его въ землѣ, но чтобы оно было брошено на съѣденіе псамъ:

— Я недостоинъ,—говорилъ онъ,—человѣческаго погребенія, недостоинъ, чтобы меня взяла земля, такъ какъ я отвергся Господа моего, Творца Неба и земли!

Когда достигли мѣста казни, святый мученикъ Маркеллинъ съ усердіемъ помолился Господу Христу, пріемлющему кающихся грѣшниковъ, и съ готовностію предоставилъ свою выю на отсѣченіе, и умеръ за Христа, Котораго сначала отвергся изъ-за страха мученій [1]). Вмѣстѣ съ нимъ были обезглавлены и упомянутые три мужа — Клавдій, Кирин и Антонинъ, и тѣла ихъ были брошены непогребенными при дорогѣ. Впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней вѣрующіе, взявши ночью тѣла Клавдія, Кирина и Антонина, похоронили ихъ; тѣло же Маркеллина никто не осмѣливался взять и похоронить, такъ какъ онъ далъ заклятіе не предавать тѣло его погребенію; и валялось честно́е тѣло мученика Христова при дорогѣ въ продолженіе тридцати шести дней. По прошествіи же этого времени новопоставленному папѣ Маркеллу явился святый Апостолъ Петръ и сказалъ:

— Почему ты до сего времени не предаешь погребенію тѣло Маркеллиново?

— Я страшусь его клятвы,—отвѣчалъ Маркеллъ,—ибо онъ далъ заклятіе не хоронить тѣла его.

— Развѣ ты не помнишь,—сказалъ Апостолъ,—написаннаго—**смиря́й себѐ вознесе́тся** [2]). Итакъ, пойди и съ честію похорони тѣло его.

Тогда папа Маркеллъ взялъ честны́я мощи мученика и похоронилъ ихъ въ гробницѣ Прискиллы—что при Саларійской дорогѣ [3]).

---

1) Кончина святаго папы Маркеллина послѣдовала около 300 г.

2) Евангг. отъ Луки, гл. 18, ст. 14.

3) Замѣчаніе о Саларійской дорогѣ см. стр. 127-ую, прим. 1-ое.

Такъ скончался священномученикъ папа Маркеллинъ, оставивши образецъ покаянія для многихъ, впадавшихъ въ то время въ подобный грѣхъ (ибо тогда многіе отвергались отъ Христа изъза страха предъ мученіями). Мы же славимъ неизреченное милосердіе Божіе всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **память святаго мученика Ѳеодота Анкирскаго,** усѣченнаго мечомъ въ 303 году (житіе его см. подъ 18-мъ мая).

День восьмой

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕФРЕМА,

Патріарха Антіохійскаго

Святый Ефремъ первоначально былъ военачальникомъ на Востокѣ въ правленіе императоровъ Анастасія [1]) и Іустина [2]). Потомъ онъ былъ поставленъ въ Антіохійскіе патріархи [3]) — какъ человѣкъ благочестивый, проводившій добродѣтельную и богоугодную жизнь, весьма милостивый къ нищимъ, сострадательный ко всѣмъ, находившимся въ бѣдахъ и несчастіяхъ. Избраніе же его въ патріархи произошло по Божію благоволенію и откровенію о томъ одному святому епископу, жившему въ то время, когда городъ Антіохія возстановлялся послѣ разоренія.

Въ то время, по причинѣ умножившихся въ Антіохіи раз-

---

1) *Анастасій I* царствовалъ съ 491 г. по 518 г.

2) *Іустинъ I* правилъ съ 518 г. по 527 г.

3) *Ефремъ* патріаршествовалъ съ 527 г. по 545 г.

личныхъ ересей и еретиковъ — несторіанъ[1]), евтихіанъ[2]) и прочихъ, произносились хуленія на божество Христово и уничижаема была честь Пресвятой Богородицы; поэтому надъ городомъ Антіохіей разразился гнѣвъ Божій. Въ двадцать девятый день мѣсяца мая, въ полдень, въ пятницу, здѣсь началось страшное землетрясеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ огонь охватилъ весь городъ. Землетрясеніе разрушало каменныя зданія и городскія стѣны, а огонь уничтожалъ все остальное; это должно было показать всѣмъ великій гнѣвъ Божій за грѣхи людскіе. Антіохія едва не уподобилась Содому и Гоморрѣ[3]), ибо бо́льшая часть города погибла, а вмѣстѣ съ тѣмъ погибло и безчисленное множество гражданъ, причемъ одни изъ нихъ погибали подъ строеніями, падавшими на нихъ, другіе сожжены были огнемъ; въ числѣ прочихъ скончался подъ обрушившейся колонной Антіохійскій Патріархъ Евфрасій[4]). Тогда среди оставшихся въ живыхъ людей поднялся плачъ и горькое рыданіе; жители же всѣхъ окрестныхъ городовъ и странъ пришли отъ всего происшедшаго въ великій страхъ и ужасъ. Сей божественный гнѣвъ, яростно обрушившійся на Антіохію, прозирали духовными очами нѣкоторые изъ святыхъ Отцовъ, находившихся въ весьма далекомъ отъ города разстояніи (какъ, напримѣръ, преподобный Ѳеодосій Великій[5]), бывшій въ Палестинѣ, преподобный Зосима[6]), бывшій въ Кессаріи Палестинской). Посему они со слезами начали молить Бога не погубить до конца городъ, на который Онъ праведно прогнѣвался.

---

[1]) *Несторіанство* основано Несторіемъ, епископомъ Константинопольскимъ (епископствовалъ съ 428 г. по 431 г.), учившимъ, что Іисусъ Христосъ не есть Истинный Богъ, а лишь человѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божіей и спасающій насъ не Своими искупительными заслугами, а лишь ученіемъ и примѣромъ Своей жизни. Несторіанство осуждено на III Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ Ефесѣ (въ 431 г.). Несмотря на соборное осужденіе несторіанская ересь существовала до VII в. въ Персіи, Индіи и Китаѣ.

[2]) *Евтихіанство* было основано константинопольскимъ архимандритомъ Евтихіемъ, учившимъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ лишь одно естество — Божеское, тогда какъ Православная Церковь всегда признавала и признаетъ въ Іисусѣ Христѣ два естества, несліянныя и нераздѣльныя — Божеское и человѣческое. Евтихіане назывались еще — монофизитами (или «единостественниками»,—отъ греч. μόνος—одинъ и φύσις—естество). Эта ересь была осуждена на IV-мъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ г. Халкидонѣ въ 451 г., но существовала и во времена святаго Ефрема (VI-ой в.), и даже значительно позднѣе.

[3]) *Содомъ* и *Гоморра* — палестинскіе города, лежавшіе въ долинѣ Іорданской и извѣстные своимъ нечестіемъ, за что и были погублены Богомъ (см.: Кн. Быт., гл. 19, ст. 1—28).

[4]) *Евфрасій* патріаршествовалъ съ 523 г. по 527 г.

[5]) Память его празднуется въ 11-й день января мѣсяца.

[6]) См. житіе его ниже подъ симъ же числомъ.

Послѣ сего страшнаго землетрясенія и сильнаго пожара императоромъ Іустиномъ былъ отправленъ въ Антіохію военачальникъ Востока, сей блаженный Ефремъ, съ цѣлію обстроить городъ новыми зданіями. Ефремъ съ усердіемъ исполнялъ данное ему порученіе.

Среди работавшихъ тамъ былъ одинъ, тогда никому неизвѣстный, епископъ, который, сложивши съ себя санъ и званіе епископское, подъ видомъ нищаго строилъ зданіе вмѣстѣ съ прочими работниками.

Однажды военачальникъ Ефремъ имѣлъ о семъ воеводѣ слѣдующее откровеніе. Уставши отъ работы, епископъ легъ уснуть на землѣ; тогда надъ нимъ увидали огненный столпъ, достигавшій до неба. Сіе блаженный Ефремъ наблюдалъ не одинъ, не два раза, но многократно и весьма ужасался по случаю видѣннаго, ибо поистинѣ сіе чудо было страшно и исполнено ужаса.

Между тѣмъ воевода не зналъ, что сей работникъ былъ епископъ, ибо по его внѣшнему виду нельзя было узнать, кто онъ такой. Онъ имѣлъ видъ простого нищаго: голова его была всегда въ пыли, одежда представляла изъ себя рваное рубище, испачканное грязью, тѣло его было истомлено отъ большихъ трудовъ и безмѣрнаго воздержанія. Призвавши къ себѣ этого работника, Ефремъ началъ разспрашивать его наединѣ — кто онъ такой, откуда и какъ зовутъ его. Онъ же отвѣчалъ:

— Я — одинъ изъ бѣднѣйшихъ жителей сего города; такъ какъ я не имѣю необходимаго для жизни пропитанія, то я тружусь за плату, и Богъ питаетъ меня.

Тогда Ефремъ, будучи осѣненъ Богомъ, сказалъ ему:

— Повѣрь мнѣ, что я не отпущу тебя до тѣхъ поръ, пока ты не выскажешь мнѣ всей правды.

Не имѣя больше возможности скрывать себя, епископъ сказалъ военачальнику:

— Дай мнѣ слово предъ Богомъ, что ты никому не разскажешь обо мнѣ, пока я живъ.

Ефремъ клятвенно обѣщалъ ему это. Тогда работникъ сказалъ:

— Я былъ епископомъ, но оставилъ епископство для Бога и пришелъ сюда къ неизвѣстнымъ людямъ; трудясь здѣсь, я пріобрѣтаю своимъ трудомъ сіе скромное пропитаніе; но имени моего и города, въ которомъ я былъ епископомъ, я не скажу тебѣ. Ты же присоедини къ той милости, которую ты оказываешь, еще

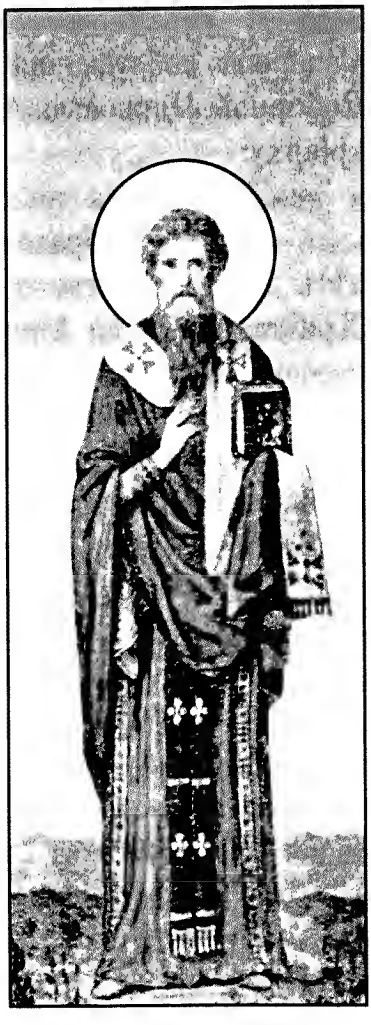
одну милость. На этихъ дняхъ Господь возведетъ тебя на епископскій престолъ сей Антіохійской Церкви—**пасти́ це́рковь гда́ и́ бга́, ю́же стяжа́ кро́вію свое́ю** Христосъ[1]), Истинный Богъ нашъ. Итакъ, раздавай, какъ я сказалъ тебѣ, обильныя милостыни и, противоборствуя еретикамъ, твердо стой за православную вѣру. Такими подвигами ты благоугодишь Богу.

Сказавши это, сей неизвѣстный епископъ удалился отъ Ефрема.

Между тѣмъ блаженный Ефремъ, выслушавши сіе, весьма изумлялся и сказалъ самъ себѣ:

— Сколько имѣетъ Богъ у Себя сокровенныхъ рабовъ, Которыхъ знаетъ лишь Онъ Одинъ!

Епископъ же тотъ болѣе уже не пребывалъ среди работниковъ, а удалился куда-то въ иное мѣсто; онъ не хотѣлъ быть узнаннымъ людьми, ибо избѣгалъ суетной человѣческой славы. Пророчество же его сбылось вскорѣ, ибо по прошествіи немногихъ дней блаженный Ефремъ судьбами Божіими былъ назначенъ патріархомъ великаго города Антіохіи.



Свѧ́тый Є҆фре́мъ

Какова была ревность Святѣйшаго Патріарха Ефрема о благочестіи и вмѣстѣ о святости, сіе очевидно изъ нижеслѣдующаго.

Однажды ему было сообщено о нѣкоемъ столпникѣ, проживавшемъ въ окрестностяхъ Іераполя[2]),—именно Ефрему было сказано, будто тотъ столпникъ входилъ въ общеніе съ еретиками северіанами[3]). Великій архіерей Божій тогда самолично отправился къ

---

[1]) Дѣян., гл. **20**, ст. 28.

[2]) *Іераполь* находился въ малоазійской области Фригіи.

[3]) *Северіане*—еретики, принявшіе въ видоизмѣненномъ видѣ монофизитскую ересь. Северіане, хотя и признавали, подобно еретикамъ монофизитамъ, только одну природу въ Іисусѣ Христѣ—Божескую, но допускали въ ней различіе свойствъ божескихъ и человѣческихъ; такъ, они утверждали, что плоть Христова до воскресенія была, подобно нашей,

нему и упрашивалъ его, и даже слезно умолялъ отстать отъ Северова заблужденія и присоединиться къ общенію со Святой Соборной Церковью Апостольской. Столпникъ на сіе отвѣтилъ Патріарху:

— Я никогда не присоединюсь къ вашей Церкви!

— Какимъ образомъ желаешь ты,—спросилъ Патріархъ,—видѣть доказательство того, что благодатію Господа нашего Іисуса Христа Соборная Апостольская Церковь свободна отъ заблужденія невѣрующихъ?

Желая устрашить Патріарха, столпникъ отвѣтилъ:

— Прикажемъ, господинъ Патріархъ, разжечь большой костеръ и войдемъ на него оба; будетъ правой вѣра того, кто выйдетъ изъ огня цѣлымъ и невредимымъ; ему мы и послѣдуемъ всѣ!

Патріархъ отвѣтилъ столпнику:

— Тебѣ слѣдовало бы послушать меня, какъ отца, и ничего не испытывать свыше силъ нашихъ. Но если ты хочешь испытать вещи, превосходящія силу моего ничтожества, то я, уповая на милосердіе всесильнаго Сына Божія, вѣрю, что для спасенія души твоей Онъ сотворитъ сіе.

Послѣ сего Патріархъ сказалъ предстоящимъ:

— Да будетъ благословенъ Господь! Принесите сюда дрова.

Когда было принесено множество дровъ, Патріархъ приказалъ развести громадный костеръ около столпа, а затѣмъ сказалъ столпнику:

— Сойди съ столпа и согласно словамъ твоимъ пойдемъ оба въ огонь.

Столпникъ изумлялся между тѣмъ горячей вѣрѣ Патріарха и его твердому упованію на Бога и не желалъ сходить со столпа. Тогда Патріархъ сказалъ ему:

— Развѣ не самъ ты рѣшилъ такъ? Развѣ не этимъ именно способомъ захотѣлъ ты испытать Бога? Почему же нынѣ ты не желаешь вступить въ огонь?

Вслѣдъ за тѣмъ Патріархъ, снявши омофоръ и ставши вблизи костра, возвелъ очи свои на Небо и помолился Богу, говоря:

— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, изволивый спасенія нашего ради истинно воплотиться и родиться отъ Пречистой

тлѣнною. Названіе свое эта ересь получила отъ имени Севера, Патріарха Антіохійскаго (съ 512 г. по 518 г.).

Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи! Покажи намъ нынѣ истинную вѣру.

Окончивши молитву, Патріархъ бросилъ свой омофоръ въ средину пламени.

Несмотря на то, что огонь горѣлъ около трехъ часовъ и дрова вполнѣ разгорѣлись, Патріархъ вынулъ изъ огня свой омофоръ цѣлымъ и нисколько не поврежденнымъ.

Удивясь всему происшедшему, столпникъ позналъ, что истинная вѣра есть вѣра Патріарха; посему отрекся отъ своего нечестія, проклявши Севера, обратился къ Святой Соборной Апостольской Церкви и изъ рукъ Святѣйшаго Патріарха Ефрема принялъ Святое Причащеніе Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ и прославилъ Бога.

Сей великій угодникъ Божій совершилъ много и другихъ чудесъ. Послѣ достойнаго управленія паствою онъ преставился къ Богу[1]), Которому онъ послужилъ вѣрою и правдою во всѣ дни своей временной жизни. Онъ вошелъ въ радость Господа своего, и Того, Кого благочестно прославлялъ на землѣ, онъ нынѣ прославляетъ на Небѣ со всѣми святыми. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЗОСИМЫ

Преподобный Зосима былъ родомъ Финикіянинъ и родился въ приморскомъ финикійскомъ селеніи Синдѣ, отстоявшемъ отъ города Тира на разстояніи двадцати стадій. Упражняясь въ подвигахъ монашества, Зосима воздержаніемъ, постомъ и иными

1) Кончина *святаго Ефрема* послѣдовала въ 545 г. Святый Симеонъ Дивногорецъ былъ увѣдомленъ свыше о кончинѣ его; въ моментъ его смерти онъ видѣлъ его душу, возносившуюся Ангелами къ Богу (подробнѣе объ этомъ можно читать въ житіи святаго Симеона Дивногорца—подъ 24-мъ числомъ мѣсяца мая).—Патріархъ Фотій (управлялъ Константинопольскою Церковію съ 857 г. по 867 г.; затѣмъ вторично—съ 877 г. по 886 г.) свидѣтельствуетъ о святомъ Ефремѣ, что хотя онъ и былъ Сирійцемъ по происхожденію и языку, но не безъ искусства владѣлъ и греческимъ языкомъ. Почти всѣ сочиненія святаго Ефрема были написаны въ защиту православнаго ученія о Лицѣ Іисуса Христа и соединеніи въ Немъ двухъ естествъ—Божескаго и человѣческаго,—противъ монофизитовъ.

просіявшими въ немъ добродѣтелями исходатайствовалъ себѣ столь великую благодать у Бога, что не только пребывалъ свободнымъ отъ всякаго смущенія въ своей совѣсти, но и прозиралъ духовными очами своими въ отдаленное будущее какъ настоящее. Его монастырь находился вблизи того селенія Синды, въ которомъ онъ родился.

Однажды случилось ему быть въ Кесаріи Палестинской[1]), гдѣ въ то время епископомъ былъ преподобный Іоаннъ по прозванію Хозевитъ[2]), взятый противъ желанія на епископскую каѳедру за добродѣтельную жизнь изъ обители Хозевитской, находившейся не очень далеко отъ Іерусалима, по дорогѣ, ведущей къ Іерихону[3]). Въ томъ же городѣ Кесаріи проживалъ нѣкій благородный патрицій[4]), по имени Аркесилай,—мужъ благочестивый, украшенный всякими добродѣтелями. У него обиталъ преподобный Зосима, бывъ принятъ съ честію и радостью. Въ тотъ самый моментъ, когда Антіохія рушилась отъ землетрясенія[5]), старецъ сталъ внезапно стенать, тяжко рыдать и испускать изъ глубины сердечной воздыханія; и пролилъ весьма много слезъ. Затѣмъ, попросивъ кадильницу и наполнивъ ее ладаномъ и горящими угольями, онъ окадилъ всѣхъ, находившихся тамъ; послѣ сего онъ распростерся крестообразно на землѣ и сталъ со умиленіемъ молиться Богу.

Тогда Аркесилай спросилъ его:

— По какой причинѣ ты такъ опечалился?

Онъ во всеуслышаніе отвѣтилъ:

— Предъ моимъ слухомъ пронесся шумъ отъ страшнаго разрушенія и паденія Антіохіи; этотъ шумъ звучитъ и сейчасъ въ ушахъ моихъ.

Аркесилай и другіе, находившіеся тамъ, удивляясь и ужасаясь,

---

[1]) См. стр. 137-ую, прим. 2-ое.

[2]) *Іоаннъ Хозевитъ* получилъ такое названіе отъ лавры Хузивской, въ которой онъ подвизался. Эта лавра находилась въ *пустынѣ Хузивѣ*, или *Хозева*, между Іерусалимомъ и Іерихономъ, недалеко отъ низменной долины Іорданской. Хузивская лавра возникла въ V в. Имя перваго ея основателя неизвѣстно. Особенно процвѣтала лавра въ VI, VII и VIII в., когда она особенно славилась строгостію жизни своихъ подвижниковъ. Іоаннъ патріаршествовалъ въ VI в.—Память его празднуется св. Церковію 3-го октября.

[3]) Городъ *Іерихонъ* находился на западномъ берегу рѣки Іордана, въ очень плодородной долинѣ, среди садовъ, изобиловавшихъ пальмами, почему и назывался «городомъ пальмъ». Нынѣ на мѣстѣ древняго Іерихона стоитъ бѣдная деревушка Риха.

[4]) Патриціи были въ Римѣ высшимъ сословіемъ, вродѣ нашего дворянства.

[5]) Имѣется въ виду землетрясеніе, бывшее въ Антіохіи въ 526 г.

записали тотъ часъ, въ который изрекъ сіе преподобный, а затѣмъ вскорѣ ясно узнали, что сказанное старцемъ было истиною; ибо Антіохія пала въ то самое время, когда старецъ, прослезившись, распростерся для молитвы и предвозвѣстилъ о томъ паденіи.

Было совершено преподобнымъ много и другихъ чудесъ; упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Случилось какъ-то вышеупомянутому Аркесилаю придти въ находившуюся въ Синдѣ обитель преподобнаго. Обитель же сія отстояла отъ Кесаріи Палестинской на разстояніи пяти сотъ стадій. Въ это время супруга Аркесилая по неосторожности выколола себѣ глазъ спицею и жестоко страдала. Когда святый епископъ Іоаннъ Хозевитъ узналъ объ этомъ, то съ поспѣшностію отправился къ ней осмотрѣть язву и увидалъ, что рѣсницы выпали у ней и глазъ вышелъ изъ своего мѣста. Тогда онъ приказалъ одному изъ врачей, бывшихъ тамъ, взявши губку, вложить выпавшій глазъ на свое мѣсто и привязать затѣмъ губку платкомъ.

Когда все это происходило, къ Аркесилаю поспѣшнымъ шагомъ отправился посланный, дабы сообщить обо всемъ, случившемся въ его домѣ. Аркесилай въ это время находился въ синдійской обители и бесѣдовалъ съ преподобнымъ Зосимою. Узнавъ о происшедшемъ въ его домѣ, Аркесилай сталъ горько рыдать и рвать свои волосы. Преподобный Зосима спросилъ его о причинѣ плача и, получивъ отвѣтъ, вошелъ во внутреннюю келлію свою, въ которой по своему обыкновенію всегда молился. Затѣмъ вскорѣ вышелъ къ Аркесилаю съ веселымъ и радостнымъ лицомъ и сказалъ:

— Иди къ себѣ домой съ радостію, ибо Хозевитъ, по дарованной ему отъ Бога благодати, исцѣлилъ твою жену; теперь у ней оба глаза совершенно здоровы; болѣзнь не причинила ей никакого вреда, ибо она чудесно исцѣлена Хозевитомъ.

Сіи два чуда совершены были тѣми двумя праведными мужами въ теченіе одного часа. Святый епископъ Іоаннъ исцѣлилъ выколотый глазъ женщины, преподобный же Зосима своими духовными очами издалека прозрѣлъ то исцѣленіе и сообщилъ о немъ Аркесилаю.

Однажды преподобный Зосима отправился въ Кесарію; онъ взялъ съ собою осла, на котораго возложилъ свои вещи. На дорогѣ его встрѣтилъ левъ; схвативши осла, звѣрь побѣжалъ съ нимъ въ пустыню. Святый Зосима пошелъ по слѣдамъ звѣря.

Когда же левъ, съѣвъ осла, насытился, старецъ подошелъ къ нему и, улыбаясь, сказалъ:

— Вотъ что, другъ! Идти мнѣ весьма тяжело, такъ какъ я сильно усталъ по причинѣ своей старости; я не въ силахъ на состарѣвшихся плечахъ своихъ донести ту тяжесть, которая была возложена на моего осла; посему понеси сію тяжесть ты, хотя сіе и противно твоему нраву, если ты хочешь освободить себя отъ Зосимы; потомъ же ты можешь снова стать злымъ и свирѣпымъ согласно твоей природѣ.

Тогда левъ, какъ бы позабывъ свою естественную ярость, сталъ ласкаться къ святому и сдѣлался кроткимъ какъ агнецъ и самою своею ласкою показывалъ знаки послушанія. Святый Зосима, возложивши на него тяжесть, которую несъ оселъ, довелъ его до воротъ Кесаріи; затѣмъ, снявъ здѣсь тяжесть, снова отпустилъ звѣря въ пустыню. Здѣсь, съ одной стороны, обнаружилась всемогущая сила Господня, покоряющая въ послушаніе Своимъ рабамъ свирѣпыхъ звѣрей, а съ другой—очевидно обнаружилось, что добродѣтельному человѣку, исполняющему Заповѣди Господни и отъ всего сердца служащему своему Богу—Творцу, повинуется и служитъ все остальное, даже и неразумныя созданія. И наконецъ, сей случай съ несомнѣнностію доказываетъ всѣмъ святость Зосимы финикійскаго[1]). Да будетъ же за все сіе слава Богу нашему, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

ѲЕОДОРА СТРАТИЛАТА[2])

Святый великомученикъ Ѳеодоръ пострадалъ за Имя Христово при нечестивомъ императорѣ Римскомъ Ликиніи[3]), въ городѣ Гераклеѣ[4]), гдѣ святый былъ воеводою; временемъ его мучени-

[1]) Кончина *святаго Зосимы* послѣдовала въ половинѣ VI в.

[2]) *Стратилатъ* съ греч.—воинъ, воевода; такое наименованіе усвояется св. Ѳеодору за то, что онъ, будучи воеводою земного царя, показалъ себя истиннымъ воиномъ Христовымъ, «предобрымъ воеводой Царя Небеснаго», какъ воспѣваетъ ему св. Церковь въ тропарѣ.

[3]) *Ликиній* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 307 г. по 324 г.—Мученическій подвигъ св. Ѳеодора относится къ 319 г.

[4]) *Гераклея* находилась въ Понтѣ—сѣверной провинціи Малой Азіи.

ческой кончины было восьмое число февраля мѣсяца; нынѣ же празднуется перенесеніе честныхъ мощей его изъ города Гераклеи въ его отечественный городъ Евхаиты [1]) согласно его распоряженію, ибо своему слугѣ Уару, взиравшему на страданія мученика и записывавшему ихъ, святый Ѳеодоръ далъ такое завѣщаніе: «Тѣло мое похорони въ Евхаитахъ, въ имѣніи моихъ родителей».

Всѣ, желающіе получить болѣе подробныя свѣдѣнія о семъ святомъ, могутъ прочитать подробное описаніе страданій его, помѣщенное подъ восьмымъ числомъ февраля мѣсяца. Здѣсь же мы напомнимъ лишь о дивномъ чудѣ, бывшемъ отъ иконы его. Объ этомъ чудѣ свидѣтельствуютъ Анастасій Синаитъ [2]) и Іоаннъ Дамаскинъ [3]). Чудо же было такое.

Въ четырехъ тысячахъ шаговъ отъ Дамаска [4]) находится мѣсто, называемое Карсата; здѣсь находилась церковь, построенная въ честь святаго великомученика Ѳеодора Стратилата. Когда Сарацины завладѣли этимъ мѣстомъ и поселились здѣсь, то многіе изъ нихъ входили въ эту церковь и всячески ее оскверняли; такъ, напримѣръ, загоняли въ церковь свой скотъ, входили въ ту церковь со своими женами и дѣтьми и совершали здѣсь мерзкія грѣховныя плотскія дѣла. На одной изъ стѣнъ той церкви находилось изображеніе святаго великомученика Ѳеодора, нарисованное красками. Однажды, когда собрались въ этой церкви

---

1) Городъ *Евхаиты* находился въ сѣверной части Малой Азіи, недалеко отъ Гераклеи; нынѣ—мѣстечко *Марсиванъ*.

2) *Анастасій Синаитъ*—Патріархъ Антіохійскій; управлялъ патріаршею каѳедрою съ 561 г. по 572 г., потомъ съ 596 г. по 601 г.—См. житіе его подъ 20-мъ числомъ апрѣля мѣсяца.

3) *Іоаннъ Дамаскинъ*—знаменитѣйшій церковный пѣснописецъ и богословъ VIII в.—Написалъ много высокоумилительныхъ церковныхъ пѣснопѣній; ему принадлежатъ каноны на Пасху, на Рождество Христово, на Богоявленіе и множество пѣснопѣній на дни памяти святыхъ. Весьма обширны также его богословскія сочиненія. Важнѣйшее изъ нихъ—«*Источникъ знанія*», состоящій изъ трехъ частей: 1) «Діалектики»; 2) «Книги о ересяхъ» и 3) «Точнаго изложенія православной вѣры». Имъ написано, между прочимъ, «*Три Слова противъ порицающихъ иконы*». Въ одномъ изъ этихъ Словъ (именно—въ третьемъ) св. Іоаннъ Дамаскинъ и повѣствуетъ о нижеизлагаемомъ чудѣ отъ иконы св. великомученика Ѳеодора Стратилата.—См. житіе Іоанна Дамаскина подъ 4-мъ числомъ декабря мѣсяца.

4) *Дамаскъ*—древнѣйшій сирійскій городъ, упоминаемый въ Библіи уже въ исторіи Авраама (Кн. Быт., гл. 14, ст. 15); былъ расположенъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, въ прекрасной и плодородной равнинѣ, находившейся у восточной подошвы Анти-Ливана. Въ исторіи христіанской Церкви Дамаскъ замѣчателенъ какъ мѣсто чуднаго обращенія ко Христу Савла (Дѣян., гл. 9, ст. 1—22). Въ 634-мъ году покоренъ Арабами; съ 1516 г. присоединенъ къ Турецкой имперіи.

многіе Сарацины и разговаривали между собою, одинъ изъ нихъ, взявъ лукъ и стрѣлу, намѣтившись, выстрѣлилъ въ образъ святаго; стрѣла вонзилась въ правое плечо святаго, и тотчасъ отъ образа истекла кровь, какъ отъ живаго человѣка. Увидавъ столь великое чудо, Сарацины весьма изумились, однако не вышли изъ церкви, но продолжали обитать въ ней и совершать здѣсь нечистыя дѣла, по своему обычаю. Всего проживало въ этой церкви двадцать Сарацинъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣлъ жену и дѣтей; всѣ они въ скоромъ же времени послѣ чудеснаго происшествія погибли, будучи внезапно поражены горькою смертію; тѣ же изъ Сарацинъ, которые обитали внѣ церкви, пребыли въ то время здравыми и невредимыми.

Анастасій Синаитъ говоритъ объ этомъ образѣ святаго, что онъ самъ его видѣлъ и что на образѣ былъ знакъ отъ крови, истекшей изъ язвы.

Это чудо сотворилъ Господь нечестивымъ Сарацинамъ для устрашенія, а намъ, вѣрнымъ, для напоминанія того, что мы должны почитать святыя иконы, ибо при нихъ бываетъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ чудесная благодать Бога нашего.

Тропа́рь, гла́съ д̃:

Воинствосло́вїемъ и̑стиннымъ стр҃тотѣ́рпче, нн҃а́гw цр҃ко́ева предо́брый кы́лъ є̑сѝ, део́дwре: ѻр҃ѫ́жїа́ми бо кѣ́ры ѡ̑полчи́лсѧ є̑сѝ мѫ́дренw, и̑ побѣди́лъ є̑сѝ де́монwвъ полкѝ, и̑ побѣдоно́сный ѷ҆ви́лсѧ є̑сѝ страда́лецъ. тѣ́мже тѧ҃ вѣ́рою при́снw оу҆кра́жа́емъ.

Конда́къ, гла́съ ѣ̃:

Ѵ҆жестко́мъ душѝ къ кѣ́рѹ ѡ̑волки́йсѧ, и̑ глаго́лъ бж҃і́й, а҃ки конїѐ въ рѹ́кѹ взе́мъ, врага́ побѣди́лъ є̑сѝ, мч҃нкwвъ превели́й део́дwре: съ ни́ми хр҃та́ бг҃а молѧ́сѧ не преста́й ѡ̑ всѣ́хъ на́съ.

День девятый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

КИРИЛЛА,

архіепископа Александрійскаго

Великій учитель церковный—святый Кириллъ Александрійскій былъ родомъ изъ самой Александріи. Онъ происходилъ отъ благородныхъ родителей—христіанъ и былъ по матери племянникомъ извѣстнаго Ѳеофила, Патріарха Александрійскаго [1]). Воспитаніе Кириллъ получилъ по тому времени очень блестящее: онъ

1) *Ѳеофилъ* занималъ Александрійскую патріаршую каѳедру съ 385 г. по 412 г. Извѣстенъ въ исторіи, главнымъ образомъ, по своей враждѣ къ Іоанну Златоусту. Отличаясь большимъ честолюбіемъ, онъ стремился подчинить своему вліянію Константинопольскаго архіепископа и потому послѣ смерти Нектарія, занимавшаго Византійскую каѳедру съ 381 г. по 397 г., интриговалъ въ пользу того, чтобы на эту каѳедру было избрано преданное ему, Ѳеофилу, лицо. Когда, вопреки планамъ Ѳеофила, былъ избранъ въ епископы столицы св. Іоаннъ Златоустъ, бывшій до этого пресвитеромъ въ Антіохіи, Ѳеофилъ затаилъ противъ него злобу и сдѣлался опорою противной Златоусту партіи. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ сложной интригѣ противъ константинопольскаго святителя, результатомъ которой было низложеніе послѣдняго и двукратное изгнаніе изъ столицы. На Соборѣ въ Дубѣ, составленномъ врагами Златоуста съ цѣлію низложенія его, Ѳеофилъ присутствовалъ въ качествѣ предсѣдателя. Вообще отношенія его къ Златоусту были такого свойства, что ложатся темнымъ пятномъ на его имени. Но въ остальномъ Ѳеофилъ былъ довольно мудрымъ іерархомъ и сдѣлалъ много полезнаго для Александрійской Церкви.

въ совершенствѣ изучилъ всю свѣтскую еллинскую мудрость, а также хорошо изучилъ Божественныя Писанія и христіанское вѣроученіе. Дядя Кирилла, Патріархъ Ѳеофилъ, видя его блестящія способности и цѣломудренный образъ жизни, причислилъ его къ своему клиру, поставивъ молодого Кирилла архидіакономъ. И вотъ святый Кириллъ былъ какъ благоуханный цвѣтокъ, насажденный въ церковномъ вертоградѣ, цвѣтущій возвышенною чистотою и облагоухающій богомудрымъ ученіемъ Христову Церковь.

По смерти Ѳеофила блаженный Кириллъ единогласно былъ избранъ на патріаршій престолъ [1]) и, ставъ патріархомъ, немедленно удалилъ изъ города еретиковъ, называвшихся новаціанами, которые были похожи на фарисеевъ, оправдывавшихъ себя въ глазахъ людей и утверждавшихъ, будто они чисты и праведны и непричастны никакому грѣху. Въ знакъ якобы непорочной своей жизни новаціане носили бѣлыя одежды и учили, что человѣка, впавшаго послѣ Крещенія въ смертный грѣхъ, не слѣдуетъ принимать въ церковное общеніе. Не можетъ быть,—утверждали они,—прощенія смертному грѣху такого человѣка, и только вторичнымъ Крещеніемъ можно омыть грѣхъ его.

Эта ересь произошла отъ Новаціана, который въ правленіе императора Декія [2]) былъ пресвитеромъ въ Римѣ и, послѣ мученической кончины папы Фабіана [3]), стремился къ полученію папскаго престола [4]). Но, несмотря на всѣ происки, ему не удалось достигнуть желаемаго, и на папскій престолъ былъ избранъ блаженный Корнилій [5]). Завидуя Корнилію, Новаціанъ сталъ строить ему ковы и во всемъ противился ему. Въ то время Церковь испытывала жестокое гоненіе со стороны язычниковъ [6]), и многіе изъ вѣрую-

---

[1]) *Св. Кириллъ* занималъ Александрійскую патріаршую каѳедру съ 412 г. по 444 г.

[2]) *Римскій императоръ Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г.

[3]) *Фабіанъ*, епископъ Римскій, занималъ Римскую каѳедру съ 236 г. по 250 г.

[4]) Фабіанъ замученъ былъ въ январѣ 250 г., и каѳедра его оставалась вакантною до іюня слѣдующаго года, такъ какъ жестокости гоненія не позволяли совершить избраніе новаго папы. Декій, будто бы, сказалъ, что онъ скорѣе бы согласился видѣть претендента на императорскій престолъ, чѣмъ новаго епископа въ Римѣ. Въ періодъ этого годичнаго вдовства Римской Церкви Новаціанъ, отличавшійся краснорѣчіемъ и ученостію, а также суровымъ образомъ жизни, пользовался большимъ вліяніемъ и могъ разсчитывать на избраніе въ епископа. Однако разсчеты эти не оправдались.

[5]) Св. Корнилій былъ папою въ Римѣ съ 251 г. по 252 г.

[6]) Это было 7-ое общее гоненіе на христіанъ. Оно направлялось, главнымъ образомъ, противъ епископовъ и духовенства. Среди жертвъ гоненія были Фабіанъ Римскій, Вавила Антіохійскій, Александръ Іерусалимскій; при этомъ въ жизни другихъ святыхъ

щихъ, боясь жестокихъ мученій, малодушно принесли жертвы идоламъ, а затѣмъ, приходя съ покаяніемъ, со слезами исповѣдывали грѣхъ свой. Видя ихъ покаяніе, святый папа Корнилій принималъ ихъ снова въ общеніе со Святою Церковью, подобно тому, какъ Христосъ принялъ горько плакавшаго Петра. Между тѣмъ, пресвитеръ Новаціанъ противился папѣ, утверждая, что недостойно находиться въ оградѣ Церкви Христовой тѣмъ, которые, отрекшись отъ Христа, принесли жертву бѣсамъ [1]). При этомъ онъ произносилъ хуленія на святаго папу, выставляя его сообщникомъ идолопоклонниковъ. Самъ же онъ прервалъ съ нимъ общеніе и, найдя себѣ нѣкоторыхъ единомышленниковъ, сдѣлался вторымъ папою въ Римѣ [2]). Такъ возникъ расколъ Новаціана [3]).

Стый
Кѵріакъ

мужей (какъ Кипріана Карѳагенскаго, Оригена, Григорія чудотворца, Діонисія Александрійскаго) періодъ этотъ ознаменовался ссылками и другими страданіями. Главною цѣлію гоненія было, однако же, не подвергать христіанъ смерти, но принуждать ихъ къ отреченію. Съ этою цѣлію они были подвергаемы пыткамъ, тюремному заключенію и голоду, и при такихъ испытаніяхъ твердость многихъ не выдержала.

[1]) *Новаціанъ* сначала не проявлялъ нетерпимости къ падшимъ. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ авторомъ того письма, въ которомъ римское духовенство признавало, что падшіе могли быть допускаемы въ церковь, если находились въ смертной опасности. Но послѣ избранія Корнилія онъ сдѣлался вождемъ партіи, которая проводила совершенно иное воззрѣніе. Новаціанъ сталъ учить, что хотя покаявшіеся падшіе и могутъ быть допущены къ божественному милосердію и поэтому могутъ быть увѣщаемы къ покаянію, однако же Церковь не имѣетъ власти давать имъ отпущеніе и должна навсегда отлучать ихъ отъ общенія; иначе она теряетъ свой христіанскій характеръ и свои преимущества.

[2]) Посвященіе Новаціана въ епископа было произведено тремя епископами незначительныхъ городовъ, которые призваны были сторонниками его подъ ничтожными предлогами и возложили на него свои руки вечеромъ, послѣ ужина.

[3]) *Новаціанство* находило на Западѣ многихъ послѣдователей, и его начала сдѣлались даже болѣе строгими, чѣмъ были прежде. Приговоръ о пожизненномъ отлученіи отъ общины, первоначально прилагавшійся только къ тѣмъ, кто отрекся отъ вѣры, впослѣдствіи былъ распространенъ и на всѣхъ тѣхъ, которые послѣ Крещенія совершили болѣе или менѣе тяжкіе грѣхи. При этомъ новаціане приняли названіе *καθαροι*, т. е. чистыхъ.

Впослѣдствіи новаціанскій расколъ распространился повсюду, достигъ до Александріи и существовалъ здѣсь до времени святаго Кирилла. Здѣсь новаціане допустили немало противныхъ Православію дѣйствій. Такъ, они вторично совершали Крещеніе надъ совращаемыми въ расколъ, которые раньше были крещены въ каѳолической Церкви, и не дозволяли второбрачія, называя его грѣхомъ прелюбодѣянія. Были у нихъ и другія неразумныя нововведенія.

Святый Кириллъ съ самаго начала своего патріаршества изгналъ этихъ еретиковъ, вмѣстѣ съ епископомъ ихъ Ѳеопемптомъ, изъ Александріи. Затѣмъ онъ вооружился и противъ враговъ рода человѣческаго—нечистыхъ духовъ, которыхъ онъ изгналъ изъ ихъ обиталищъ.

Въ 120 стадіяхъ [1]) отъ Александріи находилось одно селеніе, называвшееся Конопъ [2]). Недалеко отъ него было мѣсто, именуемое Мануоинъ [3]) (раньше то было селеніе). Здѣсь находилось древнее капище, бывшее обиталищемъ демоновъ; мѣсто это внушало всѣмъ ужасъ, и еще Патріархъ Ѳеофилъ хотѣлъ очистить его отъ бѣсовъ и освятить для славословія Божія. Но, отвлекаемый другими заботами, онъ не успѣлъ привести своего намѣренія въ исполненіе. Святый Кириллъ, воспріявъ послѣ Ѳеофила александрійскую каѳедру, рѣшилъ исполнить желаніе своего дяди и предшественника и усердно молился Богу, да подастъ Онъ ему помощь свыше и силу для одолѣнія и изгнанія изъ Мануоина нечистыхъ духовъ. И вотъ, святому мужу явился въ видѣніи Ангелъ Господень, повелѣвая ему перенести въ Мануоинъ честныя мощи мучениковъ Кира и Іоанна [4]), чтобы прогнать оттуда силу бѣсовскую.

Они перекрещивали переходившихъ къ нимъ изъ Церкви, считая общеніе съ нею нечистымъ и ея священнослуженія вслѣдствіе этого недѣйствительными. Нѣкоторые изъ новаціанъ осуждали второбрачіе, ставя его наряду съ прелюбодѣяніемъ. Что же касается до главныхъ истинъ Евангелія, то новаціане были и постоянно оставались православными, и многіе изъ нихъ пострадали даже до смерти за свою вѣру.

1) *Стадія* равняется $87^1/_2$ саженямъ. 120 стадій составляетъ, такимъ образомъ, 21 версту.

2) *Конопъ* расположенъ у устья Нила, называвшагося по имени его *конопійскимъ*. До основанія Александріи Конопъ былъ самымъ значительнымъ городомъ этой мѣстности, но съ возникновеніемъ этой столицы Египта значеніе его стало падать, и со времени введенія христіанства городъ исчезъ,—на его мѣстѣ находилось потомъ незначительное селеніе.

3) Мѣсто это, по извѣстію о переисеніи мощей св. мучениковъ Кира и Іоанна (см. ниже, подъ 28-мъ числомъ), отстояло отъ Конопа на разстояніи двухъ поприщъ, т. е. около двухъ верстъ.

4) *Киръ и Іоаннъ* — безмездные врачи, были замучены въ Конопѣ въ 311 году. Память ихъ—31-го января.

Святый Кириллъ такъ и поступилъ,—принесъ въ Мануѳинъ мощи святыхъ и устроилъ тамъ во имя ихъ церковь. Нечистые духи немедленно были изгнаны оттуда, и мѣсто то стало источникомъ исцѣленій отъ мощей мучениковъ.

Изгнавши, такимъ образомъ, невидимыхъ бѣсовъ изъ предмѣстій Александріи, святый приложилъ всѣ старанія, чтобы самый городъ совершенно очистить отъ бѣсовъ видимыхъ, каковыми были христоненавистные Іудеи. Съ давняго времени они проживали въ томъ городѣ въ безчисленномъ множествѣ. Еще со временъ Александра Великаго и основанія Александріи [1]) здѣсь поселилось немало пришельцевъ изъ Іудеи, которые размножились въ многочисленное племя. Ненавидя Христа и людей, носившихъ Его Имя, они явно и тайно причиняли христіанамъ всяческія озлобленія и непріятности. Зловредны для города были упомянутые выше еретики-новаціане, но несравненно злѣйшими и вреднѣйшими врагами были Іудеи, которые не только возбуждали междоусобія въ городѣ, но устрояли также многочисленныя убійства и кровопролитія. Призвавши къ себѣ начальниковъ іудейскихъ синагогъ [2]),

---

[1]) *Александръ Великій*, царь Македонскій, покорившій своей власти весь культурный Востокъ, жилъ въ концѣ IV в. до Р. Хр. Городъ Александрія, что въ Египтѣ, основанъ имъ для утвержденія греческаго владычества въ 332 г. до Р. Хр. Сдѣлавшись однимъ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ Востока, онъ вскорѣ же послѣ основанія своего сталъ привлекать предпріимчивыхъ переселенцевъ изъ другихъ странъ и, между прочимъ, изъ Палестины—изъ среды тогдашняго іудейскаго населенія ея. Іудеи Александріи составляли довольно значительную колонію, и кварталъ іудейскій былъ очень густо населенъ. Филонъ, іудейскій писатель, живший въ I в. до Р. Хр., говоритъ, что въ его время въ Египетской странѣ, преимущественно въ Александріи, было болѣе милліона Евреевъ. Послѣ взятія Іерусалима Птоломей I поселилъ въ Александрію многочисленную колонію Іудеевъ и далъ имъ равныя права съ Греками. Римляне подтвердили за ними эти права, и Августъ учредилъ особый іудейскій совѣтъ для завѣдыванія еврейскими дѣлами подъ властію императорскаго префекта. Впрочемъ, при Каллигулѣ они лишились большинства своихъ привилегій.

[2]) *Синагога*—мѣсто религіозныхъ собраній Іудеевъ. Это были открытыя зданія, назначаемыя для отправленія общественнаго богослуженія Іудеевъ. По закону, оно должно было совершаться въ скиніи и потомъ храмѣ Іерусалимскомъ. Но во время плѣна вавилонскаго храмъ былъ разрушенъ, и потому явилась потребность въ особыхъ мѣстахъ для собраній. Такъ появились синагоги. Синагоги можно было устроять во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только находилось достаточное число истинныхъ поклонниковъ изъ Іудеевъ. Поэтому уже во времена Іисуса Христа и Апостоловъ онѣ были распространены всюду, гдѣ жили Іудеи. Существовало нѣкоторое сходство между устройствомъ синагогъ и храма. Въ центральномъ помѣщеніи синагоги ставился шкафъ, гдѣ хранились свитки Закона Моисеева, который предлагался для чтенія народу. Среди синагоги возвышался низкій аналой, или каѳедра. Нѣкоторые изъ мѣстъ для сидѣнія были сдѣланы выше прочихъ и назначались для старѣйшинъ, т. е. престарѣлыхъ или вліятельныхъ лицъ въ общинѣ. Старѣйшины составляли совѣтъ, которому принадлежало высшее управленіе синагогою. Предсѣдатель этого совѣта назывался начальникомъ или правителемъ синагоги (Марк.

святитель Божій увѣщевалъ ихъ, дабы они удерживали народъ свой отъ подобныхъ злодѣйствъ. Но іудейскіе старѣйшины не только не вняли увѣщаніямъ святителя, но устремились на еще бо́льшую злобу.

Въ городѣ находилась большая и прекрасная церковь, именовавшаяся Александровской, по имени устроителя ея, епископа Александра[1]). Однажды Іудеи вооружились, какъ на войну, и съ наступленіемъ ночи подняли на улицѣ среди христіанскихъ домовъ шумъ и смятеніе, крича:

— Александровская церковь горитъ.

Услышавъ крикъ, христіане одинъ за другимъ устремились изъ своихъ жилищъ на мнимый пожаръ, съ намѣреніемъ затушить его. И вотъ, безжалостные Іудеи тѣхъ христіанъ, которые выходили изъ воротъ своего дома, немедленно рубили мечами, или поражали копьями, или ножами—словомъ, убивали чѣмъ попало. И было убито въ ту ночь множество христіанъ.

Съ наступленіемъ дня о происшедшемъ побоищѣ узналъ святѣйшій Патріархъ Кириллъ. Оправившись отъ скорби по поводу убіенныхъ, онъ сталъ искать правосудія противъ Іудеевъ. Но епархъ города Орестъ, хотя и былъ христіанинъ по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе, питая вражду противъ святаго, помогалъ Іудеямъ, защищая убійцъ. Тогда святый Кириллъ самъ отправился со множествомъ христіанъ къ іудейскому сборищу и изгналъ изъ города всѣхъ Іудеевъ, разорилъ жилища ихъ и сжегъ ихъ синагогу.

Епархъ, пылая за это гнѣвомъ на святаго, сталъ причинять зло близкимъ родственникамъ святаго, а также и другимъ извѣстнымъ гражданамъ, которые были сторонниками Патріарха. Такъ, онъ подвергъ безпощаднымъ истязаніямъ на площади грамматика[2]) Іеракса, обнаживши его. Между епархомъ и Патріархомъ происходило большое разногласіе. Ибо Святѣйшій Патріархъ защищалъ христіанъ, а епархъ содѣйствовалъ Іудеямъ. Каждый изъ

гл. 5, ст. 22; Дѣян. гл. 13, ст. 15). Начальники синагоги имѣли власть отлучать отъ общины нарушителей Закона и подвергать ихъ бичеванію. Въ синагогахъ разбирались также различныя судебныя дѣла.

1) Разумѣется *святый Александръ*, бывшій епископомъ Александріи съ 312 г. по 326 г., одинъ изъ первыхъ поборниковъ Православія, выступившій противъ нечестивой ереси Арія.

2) *Грамматикъ*—учитель. Этимъ именемъ обозначались не просто учителя грамотности, но люди въ полномъ смыслѣ обладавшіе вѣдѣніемъ всей греческой классической литературы, изучавшіе ее критическимъ путемъ—со стороны построенія фразы и со стороны содержанія.

нихъ писалъ отъ себя императору Θеодосію Младшему[1]) до тѣхъ поръ, пока отъ послѣдняго не вышелъ указъ, запрещавшій Іудеямъ проживать въ городѣ.

Въ то время на улицахъ города часто возникали возмущенія и мятежи, во время которыхъ погибало немало людей, не причастныхъ къ этимъ возмущеніямъ. Въ Александріи проживала одна дѣвица, по имени Ипатія, дочь философа Θеона. Она была женщина вѣрующая и добродѣтельная и, отличаясь христіанской мудростью, проводила дни свои въ чистотѣ и непорочности, соблюдая дѣвство. Съ юности она была научена своимъ отцомъ Θеономъ философіи и настолько преуспѣла въ любомудріи, что превосходила всѣхъ философовъ, жившихъ въ тѣ времена,—какъ сообщаютъ о ней Сисиній, епископъ Птолемаидскій[2]), и Суида, прославлявшіе ее многими хвалами. Она и замужъ не пожелала выдти, отчасти изъ желанія безпрепятственно упражняться въ любомудріи и изученіи книгъ; но въ особенности она хранила свое дѣвство по любви ко Христу. Въ Александрію отовсюду стекались всѣ любители любомудрія, дабы видѣть премудрую дѣву Ипатію и слышать ея разумныя рѣчи, такъ что она была учительницею многихъ. Ее почитали всѣ духовныя и мірскія власти, почиталъ также весь народъ, и многіе прибѣгали къ ней, ища ея мудрыхъ совѣтовъ. Желая примирить епарха съ Патріархомъ, она со смиреніемъ и кротостію приходила къ обоимъ и мудрыми рѣчами склоняла ихъ къ миру. Святѣйшій Патріархъ и самъ изыскивалъ случая примириться съ епархомъ, но тотъ, по своему злонравію, не желалъ даже и слышать о примиреніи. Однажды, когда Ипатія возвращалась откуда-то на колесницѣ къ себѣ домой, ненавидѣвшіе миръ мятежники напали на нее и, вытащивши изъ колесницы, разорвали на ней одежды и избили ее до смерти. Но звѣроподобная ярость ихъ не остановилась на этомъ злодѣяніи, и они въ ослѣпленіи своей злобы стали издѣваться и надъ мертвымъ тѣломъ дѣвицы. Разрубивши его на куски, они сожгли его въ мѣстѣ, называемомъ Кинаронъ[3]).

Когда жители города узнали о происшедшемъ, то всѣ, а въ особенности любители наукъ, сильно сожалѣли Ипатію. Между

---

[1]) *Θеодосій II*, или *Младшій*, царствовалъ на Востокѣ съ 408 г. по 450 г.

[2]) *Птолемаида*, о которой упоминается здѣсь, находилась въ Верхнемъ Египтѣ (Θиваидѣ), на берегу р. Нила.

[3]) *Кинаронъ*—названіе городского квартала, близъ соборной площади.

прочимъ слухъ о происшедшемъ мятежѣ дошелъ до иноковъ Нитрійской горы[1]). Они исполнились скорби и жалости къ неповиннымъ жертвамъ мятежа и, собравшись въ количествѣ до пяти сотъ человѣкъ, пришли изъ пустыни въ городъ, желая защитить Патріарха. Случайно имъ попался гдѣ-то епархъ, ѣхавшій навстрѣчу въ колесницѣ. Увидя правителя, иноки стали кричать ему, укоряя его и называя еллиномъ и идолопоклонникомъ, потому что раньше онъ придерживался еллинской вѣры[2]) и лишь недавно принялъ Крещеніе въ Константинополѣ. Одинъ изъ иноковъ бросилъ въ епарха камнемъ и попалъ ему въ голову. Когда на крикъ окружавшихъ епарха во множествѣ сбѣжался народъ, иноки удалились отъ него; слуги же епарха схватили одного изъ иноковъ, по имени Аммонія. Епархъ, предполагая, что иноки были возбуждены противъ него Патріархомъ, сильно разгнѣвался и предалъ Аммонія жестокимъ пыткамъ и мученіямъ, среди которыхъ онъ и умеръ. Узнавъ объ этомъ, Святѣйшій Патріархъ сильно возскорбѣлъ духомъ и, повелѣвъ взять тѣло мученика, съ почетомъ похоронилъ его.

Между тѣмъ, изгнанные изъ города Іудеи, устроивъ для себя мѣсто зрѣлищъ и игръ, поставили, для поруганія Христа и оскорбленія христіанъ, длинный крестъ и, схвативъ нѣкоего христіанскаго отрока, распяли его распростертымъ на крестѣ. При этомъ они не гвоздями прикрѣпили его ко кресту, но привязали веревками и долго надругались надъ нимъ, смѣясь и плюя на него. Окончивъ насмѣшки, они били его до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ на крестѣ, и такъ мученикъ Христовъ сдѣлался подражателемъ Христовыхъ страданій. Святый Кириллъ, узнавъ объ этомъ новомъ злодѣяніи Іудеевъ, обратился съ письмомъ къ императору, которому онъ сообщалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ случившагося,—и отъ императора, хотя и нескоро, но все же вышло справедливое распоряженіе. По этому распоряженію іудейскіе начальники, стоявшіе во главѣ замыслившихъ указанное злодѣяніе, были казнены, епархъ же уволенъ отъ должности.

---

[1]) ***Нитрійская гора*** находилась къ югу отъ Александріи, на западъ отъ рѣки Нила, близъ Ливійской пустыни. Названіе свое гора получила отъ обилія нитры, или селитры, на озерахъ, примыкавшихъ къ ней. Въ ряду другихъ пустынныхъ мѣстностей Египта Нитрійская гора была излюбленнымъ мѣстомъ обитанія отшельниковъ.

[2]) ***Эллинами*** назывались Греки. Религія ихъ представляла собою яркое выраженіе антропоморфизма, обожествленія человѣческой природы со всѣми ея достоинствами и недостатками, а также обожествленія различныхъ проявленій человѣческаго генія. Боги Грековъ—олицетвореніе различныхъ свойствъ и проявленій тѣлесной и духовной природы человѣка.

Послѣ того святитель Христовъ Кириллъ, побѣдивъ смуту, злобу и вражду враговъ христіанскаго имени, благополучно пасъ ввѣренное ему словесное стадо овецъ Христовыхъ.

Но когда утихли въ Александріи описанныя смуты, во всей поднебесной наступило еще большее волненіе, возбужденное ересью Несторія, и святому Кириллу предстояло совершить новый — болѣе великій подвигъ. Въ церкви Константинопольской послѣ кончины Патріарха Сисинія[1]), который былъ преемникомъ Аттика[2]), на патріаршій престолъ возведенъ былъ Несторій[3]), переведенный изъ Антіохіи[4]), человѣкъ, какъ предполагалось, твердый

---

1) *Святый Сисиній* занималъ епископскій престолъ въ Константинополѣ съ 426 г. по 427 г.

2) *Святый Аттикъ* вступилъ на Константинопольскій престолъ въ 406 г. и занималъ его до 425 г.

3) *Несторій* занималъ Константинопольскую каѳедру съ 428 г. по 431 г. До своего избранія во епископа столицы онъ былъ пресвитеромъ въ Антіохіи (см. объ ней ниже). Онъ отличался аскетическимъ направленіемъ жизни и началъ свою дѣятельность въ Церкви, постригшись въ монахи. Сверхъ того, Несторій имѣлъ склонность къ учености и славился своимъ плавнымъ и звучнымъ ораторствомъ; но въ то же время его обвиняли въ гордости и честолюбіи, говорили, что любовь къ славѣ заставляла его прибѣгать къ показной святости въ его жизни и къ высокопарному слогу въ проповѣди. Какъ бы то ни было, онъ до своего избранія на Константинопольскую каѳедру пользовался хорошею репутаціею. Вдобавокъ къ его личной славѣ особое довѣріе къ его имени внушало въ Константинополѣ то обстоятельство, что онъ вышелъ изъ одной и той же Церкви съ высокочтимымъ Іоанномъ Златоустомъ.—Сдѣлавшись епископомъ столицы, Несторій показалъ себя на первыхъ порахъ ревностнымъ поборникомъ Православія. Проповѣдуя въ соборномъ храмѣ въ день своего вступленія въ санъ, онъ обратился къ императору со словами: «Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, а я въ свою очередь дамъ тебѣ Царство Небесное». Слова эти встрѣчены были громкимъ одобреніемъ; но послѣдующія обстоятельства показали, что Несторій самъ былъ не твердъ въ Православіи и являлся волкомъ въ овечьей шкурѣ.

4) *Антіохія сирійская*—одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Сиріи, столичный ея городъ; лежитъ при р. Оронтѣ, верстахъ въ 10 отъ впаденія ея въ Средиземное море; основанъ за 300 лѣтъ до Р. Хр. Селевкомъ Никаторомъ и названъ такъ по имени Антіоха, отца его. Для христіанской Церкви Антіохія имѣла особенную важность какъ второе послѣ Іерусалима великое средоточіе христіанства и какъ мать христіанскихъ Церквей изъ язычниковъ. Самое имя «христіанъ» впервые дано было послѣдователямъ Господа Іисуса въ Антіохіи; здѣсь же впервые возникли христіанскія миссіи; потому что отсюда именно Апп. Павелъ и Варнава отправились въ свое первое миссіонерское путешествіе и туда же возвратились (Дѣян., гл. 13, ст. 1, 4; гл. 14, ст. 26). Ихъ второе путешествіе началось тамъ же, хотя они уже отправились не вмѣстѣ (Дѣян., гл. 15, гл. 39, 40). Тамъ же закончилось второе путешествіе Ап. Павла и началось третье его путешествіе (Дѣян., гл. 18, ст. 22 и 23). Въ послѣдующее время въ Антіохіи было немало замѣчательныхъ Соборовъ, созываемыхъ по поводу еретическихъ распрей. Церковь Антіохійская издревле пользовалась особыми преимуществами наряду съ Церквами Александрійскою, Іерусалимскою и Римскою. Съ древняго времени при ней образовалась особая богословская школа, отличавшаяся трезвымъ разсудочнымъ направленіемъ, яснымъ изложеніемъ послѣдовательнаго хода развитія Божественнаго Откровенія и введеніемъ для истолкованія Священнаго Писанія историко-грамматическаго метода (т. е. при посредствѣ историческихъ и грам-

въ вѣрѣ и добродѣтельный по жизни, но внутри тайный еретикъ. Онъ разсѣивалъ среди вѣрующихъ сѣмена еретическаго ученія, какъ плевелы среди пшеницы, сначала не самъ лично, но черезъ своихъ единомышленниковъ. Ересь же его заключалась въ хулѣ на Христа Бога и на Пречистую Дѣву Богородицу; ибо онъ, окаянный, утверждалъ, что отъ Дѣвы Маріи родился простой человѣкъ Христосъ, а не Богъ, такъ какъ утроба женщины не могла вмѣстить Бога, а только человѣка. По ученію Несторія, Богъ Слово соединился съ Человѣкомъ Іисусомъ съ самаго момента зачатія лишь благодатію и обитало въ немъ, какъ въ храмѣ. Поэтому Дѣву Марію Несторій называлъ не Богородицею, но Христородицею. Сію ересь Несторія разсѣивали среди народа находившіеся при немъ его приверженцы—епископъ Дороѳей и пресвитеръ Анастасій, взятые имъ съ собой изъ Антіохіи.

Однажды въ какой-то праздникъ Анастасій, говоря въ соборной константинопольской церкви поученіе къ народу, напалъ на употребленіе слова «Ѳеотокосъ»—Богородица въ приложеніи къ Пречистой Дѣвѣ Маріи[1]). Именно, онъ утверждалъ, что Дѣву Марію нельзя называть Богородицею, такъ какъ Она была человѣкомъ, а какимъ образомъ можетъ родиться Богъ отъ плоти человѣческой? Проповѣдь вызвала ропотъ и шумъ въ церкви. На Анастасія посыпались обвиненія въ ереси.

Когда же относительно сего былъ спрошенъ самъ Несторій, то послѣдній сталъ явно обнаруживать свое безуміе и изрыгалъ ядъ своихъ хуленій на Христа Бога и на Пречистую Его Матерь.

— Я не могу,—говорилъ онъ,—называть Богородицею женщину, родившую плотскаго Человѣка, одинаковаго съ собою естества; ибо Она была Матерію скиніи, уготованной Святымъ Духомъ для обитанія Божественнаго Слова. Поэтому справедливѣе назы-

---

матическихъ справокъ). Своимъ происхожденіемъ школа обязана антіохійскому пресвитеру Лукіану и его современнику Дороѳею, жившимъ въ III в. Изъ нея вышли впослѣдствіи Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоръ, епископъ Мопсуетскій, Ѳеодоритъ Кирскій и другіе. Несторій также принадлежалъ къ этой школѣ, но онъ трезво-разсудочныя начала ея довелъ до крайнихъ предѣловъ и, въ стремленіи приблизить тайну воплощенія къ нашему пониманію, впалъ въ ересь.

1) Названіе Пречистой Дѣвы Маріи *Богородицею*, подвергнутое Анастасіемъ и Несторіемъ нападенію, употреблялось въ предшествующемъ вѣкѣ Евсевіемъ Кесарійскимъ, Аѳанасіемъ Великимъ, Григоріемъ Великимъ, Григоріемъ Нисскимъ и другими; оно не означало того, что Пресвятая Дѣва сообщила Божественную природу Спасителю, но утверждало только единеніе Божества и человѣчества въ одномъ лицѣ, «потому что Сынъ Божій принялъ на себя не личность человѣка, но только естество человѣка».

вать ее Христородицею. Этимъ словомъ мы обозначимъ отношеніе Ея къ Тому, въ Комъ обитало Божество.

И вотъ среди народа наступили распри и раздоры: одни противились ереси и не желали имѣть общенія съ Несторіемъ, а другіе наоборотъ соблазнялись еретическимъ мудрованіемъ и принимали ученіе еретиковъ. Ересь эта возмутила не только Константинополь, но и всѣ предѣлы земли, ибо нечестивый Несторій написалъ съ своими единомышленниками въ защиту своего ученія множество сочиненій, которыя онъ разослалъ по окрестнымъ городамъ, отдаленнымъ странамъ и по пустынямъ, среди монашествующихъ[1]). Этимъ онъ произвелъ такой же раздоръ среди христіанъ, какой раньше его возбудилъ разодравшій Христову одежду нечестивый Арій[2]), потому что многіе изъ духовенства и мірянъ пошли по слѣдамъ Несторія, какъ раньше многіе шли по слѣдамъ Арія.

Святый Кириллъ, Патріархъ Александрійскій, узнавъ о еретическомъ ученіи Несторія и объ успѣхахъ его проповѣди, возмутился духомъ и, какъ вѣрный рабъ и храбрый воинъ Христа Бога и Пречистой Матери Божіей, вооружился противъ врага Христова и твердо сталъ за честь Божію и Пресвятой Богородицы. Онъ явился истиннымъ пастыремъ овецъ Христовыхъ, зорко наблюдающимъ за своимъ стадомъ и сражающимся съ волкомъ. Первоначально святый Кириллъ любезно писалъ къ Несторію, увѣщевая послѣдняго отстать отъ своего лжеученія и исповѣданіемъ правой вѣры прекратить ту смуту, какую онъ возбудилъ въ Церкви Христовой[3]). Затѣмъ, видя, что Несторій не исправляется, онъ написалъ къ нему строгое посланіе, изобличая его заблужденіе. Святый Кириллъ писалъ также и къ клиру Константинопольской Церкви и ко двору царскому[4]), убѣждая не

---

[1]) Между прочимъ, списки проповѣдей Несторія обращались среди египетскихъ монаховъ, и многіе изъ нихъ вслѣдствіе этого перестали называть Пресвятую Дѣву Богородицею.

[2]) Александрійскій епископъ Александръ видѣлъ во снѣ явившагося Господа, на Которомъ была разодранная одежда. Когда онъ спросилъ Явившагося:—«Господи, кто разодралъ Твою одежду?»—то услышалъ такой отвѣтъ: «Неистовый и беззаконный Арій». Вскорѣ послѣ этого Арій и выступилъ съ своимъ еретическимъ ученіемъ о Лицѣ Господа Іисуса Христа.

[3]) Съ такимъ увѣщаніемъ Кириллъ обратился къ Несторію въ своемъ пасхальномъ посланіи 430 года.

[4]) Святымъ Кирилломъ были написаны два особыхъ трактата: одинъ—императору Ѳеодосію Младшему, а другой—императрицамъ Пульхеріи и Евдокіи, изъ которыхъ первая была сестрою, а вторая — женою императора.

соблазняться ученіемъ Несторія. Онъ написалъ посланіе къ папѣ Древняго Рима Целестину[1]) и къ прочимъ патріархамъ[2]), сообщая имъ о ереси Несторія и упрашивая ихъ увѣщавать послѣдняго къ покаянію. Сверхъ того, имъ были отправлены письма ко всѣмъ властямъ и епископамъ различныхъ странъ и городовъ, въ которыхъ (письмахъ) онъ предостерегалъ всѣхъ отъ увлеченія ересью Несторія. Такъ какъ ересь эта совратила, между прочимъ, многихъ иноковъ, онъ писалъ и къ нимъ, изъясняя имъ душепагубный вредъ ереси и отклоняя ихъ отъ обольщенія ею. Словомъ, святый Кириллъ не переставалъ вопіять противъ сего волка до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не отогналъ его отъ стада Христова.

Между тѣмъ, Несторій не только не исправлялся отъ Кирилловыхъ посланій, но устремился со своими приверженцами даже и на болѣе худшее. Именно одинъ изъ сторонниковъ его, епископъ Дорофей, въ присутствіи самого Несторія всталъ въ соборѣ на возвышеніе и громко произнесъ:

— Если кто назоветъ Дѣву Марію Богородицею,—да будетъ анаѳема.

И затѣмъ самъ Несторій сталъ подвергать мученіямъ тѣхъ изъ духовенства и иноковъ Константинопольской Церкви, которые сопротивлялись ему и не раздѣляли его ереси. Вмѣстѣ съ этимъ онъ съ яростію ратовалъ и противъ святаго Кирилла, тщеславно и гордо возставая на него и называя его еретикомъ, между тѣмъ какъ онъ самъ былъ таковымъ. Измысливъ затѣмъ много несправедливыхъ и ложныхъ клеветъ противъ святаго и праведнаго, онъ распространялъ ихъ среди народа, хуля и безчестя имя Кирилла. Но александрійскій святитель не обращалъ на эти клеветы никакого вниманія и заботился единственно лишь о спасеніи душъ человѣческихъ.

Несмотря на такую дѣятельность Кирилла, волненія и смуты продолжались, и несторіанская ересь день ото дня возрастала и все болѣе вступала въ силу. Уже многіе изъ епископовъ заразились симъ душепагубнымъ еретическимъ ученіемъ и сдѣлались послѣдователями Несторія. Между прочимъ, ему оказывалъ нѣкоторую поддержку Іоаннъ[3]), Патріархъ Антіохійскій, который, не

---

1) *Целестинъ I* былъ епископомъ въ Римѣ съ 422 г. по 432 г.

2) Т. е. Патріархамъ Антіохійскому и Іерусалимскому.

3) *Іоаннъ I*, Патріархъ Антіохійскій, занималъ Антіохійскую каѳедру съ 423 г. по 440 г.

одобряя того, что было сказано Несторіемъ, все же просилъ Кирилла не придавать его словамъ особаго значенія. Это, однако, не могло потушить разгорѣвшійся пожаръ. Оставалось одно средство, чтобы прекратить смуту,—созвать Вселенскій Соборъ. Созванія Собора въ одинаковой степени желали и противники Несторія, и его сторонники, причемъ каждая сторона надѣялась, что ученіе ея восторжествуетъ. И вотъ Ѳеодосій Младшій, уступая общимъ просьбамъ, рѣшилъ созвать такой Соборъ [1]).

Назначивъ мѣстомъ для Собора малоазійскій городъ Ефесъ [2]), онъ пригласилъ всѣхъ митрополитовъ и епископовъ имперіи собраться сюда къ Пятидесятницѣ 431 года. При этомъ отъ себя онъ послалъ въ Ефесъ комита [3]) Кандидіана—для присутствія на Соборѣ въ качествѣ императорскаго представителя.

Несторій прибылъ въ Ефесъ вскорѣ послѣ Пасхи (апрѣля 19), сопровождаемый 16-ю епископами; предъ самымъ праздникомъ Пятидесятницы явился святый Кириллъ во главѣ пятидесяти египетскихъ епископовъ. Около 40 епископовъ прибыло изъ окрестныхъ малоазійскихъ городовъ [4]). Папа Целестинъ, вслѣдствіе болѣзней и старости, не могъ явиться и отправилъ двухъ епископовъ и пресвитера въ качествѣ представителей себя и «всего Собора западнаго», съ наказомъ руководиться сужденіемъ святаго Кирилла. Всего съѣхалось около 200 епископовъ. Но Іоаннъ Антіохійскій и другіе сирскіе епископы, которые въ большинствѣ держали сторону Несторія, все не являлись. Съѣхавшіеся на Соборъ епископы напрасно прождали ихъ до 21 іюня и, не дождавшись, открыли, наконецъ, свои засѣданія (21 іюня 431 года). Вслѣдствіе достоинствъ своей каѳедры святый Кириллъ принялъ пред-

---

[1]) Указъ о созывѣ Вселенскаго Собора подписанъ былъ не только Ѳеодосіемъ, но и Западнымъ императоромъ Валентіаномъ III, царствовавшимъ съ 423 г. по 455 г.

[2]) *Ефесъ*—главный городъ малоазійской провинціи Иконіи, близъ устья Каистра (нынѣ Кючюкъ-Мендерецъ); служилъ средоточіемъ для всей торговли передней Азіи. Нѣкогда славился знаменитымъ храмомъ Діаны. Въ христіанской исторіи Ефесъ извѣстенъ какъ мѣсто обитанія при концѣ жизни своей Ап. и Ев. Іоанна Богослова. Поэтому Церковь въ Ефесѣ пользовалась большимъ уваженіемъ—какъ шедшая отъ Апостоловъ, и епископы Ефеса получили въ V в. патріаршія права, которыя удержались за ними, впрочемъ, не надолго.

[3]) *Комитъ*—спутникъ. Такъ назывались лица, состоявшія въ свитѣ императоровъ. Въ описываемое время названіе *комитъ* стало почетнымъ титуломъ, который давался высшимъ сановникамъ имперіи.

[4]) Во главѣ этихъ епископовъ былъ Мемнонъ, епископъ Ефесскій, каѳедра котораго пользовалась въ это время патріаршими правами. Впослѣдствіи Ефесскій епископъ, съ титуломъ митрополита области, былъ подчиненъ Константинопольскому Патріарху.

сѣдательство на этомъ Соборѣ, причемъ сопредсѣдателями его были Ювеналій Іерусалимскій [1]) и Мемнонъ Ефесскій. Но нечестивый Несторій оказалъ противодѣйствіе составленному Собору и не являлся на него подъ предлогомъ, что онъ будетъ ждать прибытія Іоанна Антіохійскаго и сирскихъ епископовъ. Отцы Собора трижды приглашали его явиться, но онъ упорно отказывался. Тогда они приступили къ разсмотрѣнію сочиненій Несторія и, по внимательномъ изслѣдованіи, осудили ихъ какъ еретическія. Святый Кириллъ представилъ Собору свои письма къ Несторію и другимъ лицамъ, въ которыхъ онъ изобличалъ нечестивое мудрованіе еретика, а также опредѣленія Помѣстнаго Собора, бывшаго предъ тѣмъ въ Александріи. Отцы Ефесскаго Собора согласились съ ученіемъ святаго мужа, признавъ его православнымъ и богомудрымъ, и одобрили опредѣленіе Помѣстнаго Александрійскаго Собора.

Между тѣмъ, прибылъ въ Ефесъ Іоаннъ Антіохійскій съ сирскими епископами. Узнавъ о ходѣ дѣла, онъ, въ защиту Несторія, составилъ отдѣльный Соборъ, на которомъ принималъ участіе Несторій и всѣ его сторонники. Зараженный ересью Кандидіанъ оказалъ содѣйствіе этому беззаконному Собору, и на немъ святый Кириллъ былъ несправедливо обличенъ въ ереси Аполлинарія [2]), отрицавшей дѣйствительное человѣчество Христа и утверждавшей, будто Христосъ не имѣетъ души, но вмѣсто нея вмѣщаетъ въ себѣ Божество. Возводя на святаго мужа такое обвиненіе, ложно клевеща на него, приверженцы Несторія стремились вооружить противъ него самаго императора. На первыхъ порахъ имъ удалось достигнуть своей цѣли. Императоръ повѣрилъ ихъ клеветамъ и повелѣлъ заключить святаго Кирилла, вмѣстѣ съ блаженнымъ Мемнономъ, епископомъ Ефесскимъ, въ темницу [3]). Но потомъ,

---

[1]) *Ювеналій* занималъ Іерусалимскую каѳедру съ 420 г. по 458 г.

[2]) *Аполлинарій* былъ епископомъ Лаодикійскимъ, въ Сиріи (ум. 390 г.). Сначала онъ былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ Никейскаго Символа; но потомъ, въ борьбѣ съ ересью Арія, впалъ въ противоположную крайность. Исходя изъ того положенія, что совершенный Богъ и совершенный человѣкъ не могутъ соединиться въ одно Лицо и что если бы Христосъ былъ совершеннымъ человѣкомъ, то Онъ не могъ бы оставаться чистымъ отъ грѣховности и совершить искупленіе,—Аполлинарій училъ, что Христосъ имѣлъ только двѣ части человѣческаго существа—тѣло и душу, третью же часть, духъ, заступало въ немъ Божество. Ересь эта была осуждена на Александрійскомъ Соборѣ 362 г.

[3]) Вмѣстѣ съ св. Кирилломъ и Мемнономъ былъ заключенъ подъ стражу, по повелѣнію императора, и Несторій. Поступокъ этотъ показываетъ, что Ѳеодосій думалъ путемъ устраненія главныхъ представителей двухъ враждебныхъ направленій достигнуть примиренія и соглашенія между партіями. Болѣе подробное знакомство съ обстоятельствами дѣла побудило его отмѣнить эту мѣру и дать свободу Кириллу и Мемнону.

подвергнувъ все подробному изслѣдованію и видя, съ одной стороны, невинность праведнаго Кирилла, а съ другой,—явную ложь и злобу его враговъ, Ѳеодосій возстановилъ святаго и доблестнаго святителя и его приверженца Мемнона въ ихъ должностяхъ и ублажалъ похвалами терпѣніе и кротость перваго; еретиковъ же онъ повелѣлъ обуздать.

Такимъ образомъ, святый Кириллъ снова сталъ во главѣ святыхъ отцевъ, собравшихся въ Ефесѣ для разсмотрѣнія мудрованій Несторія. На этомъ Соборѣ установленъ былъ тотъ догматъ вѣры, что воплотившійся отъ Пречистой Дѣвы Маріи Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Истинный Богъ, а родившая Его Пречистая Дѣва Марія есть Истинная Богородица. Когда это состоявшееся опредѣленіе было провозглашено народу, то большая радость была среди всѣхъ вѣрующихъ, и всѣ граждане города Ефеса торжественно восклицали, но не такъ, какъ нѣкогда, когда они говорили: «велика Артемида ефесская»[1]), а совершенно другія слова: «велика Пречистая Дѣва Марія Богородица». Несторій былъ осужденъ какъ еретикъ и богохульникъ и не только былъ лишенъ своего сана, но и отлученъ отъ Церкви Христовой и преданъ вѣчному проклятію. Къ этому соборному опредѣленію присоединился потомъ и Іоаннъ Антіохійскій съ сирскими епископами. Императоръ же сослалъ Несторія въ отдаленнѣйшую страну, которая называлась Оасимъ[2]). Здѣсь, оставаясь нераскаяннымъ, нечестивый Несторій и окончилъ жизнь свою въ тяжкихъ мученіяхъ. Именно у него живаго былъ изъѣденъ червями богохульный языкъ его.

Сколь противно Православію происшедшее отъ еретика Несторія хуленіе Божіей Матери, объ этомъ говоритъ слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ преподобный Іоаннъ въ своемъ сочиненіи «Лугъ духовный»[3]):

---

1) Здѣсь указаніе на извѣстный случай, описанный въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ,—гл. 19, ст. 24—28. Случай происходилъ во времена апостольскія въ томъ же Ефесѣ, гдѣ тогда былъ знаменитый храмъ Артемиды (или Діаны, богини охоты) и гдѣ имя этой богини окружено было особымъ поклоненіемъ. По извѣстію Дѣяній, когда Апп. Павелъ и Варнава пришли въ Ефесъ и проповѣдовали здѣсь о суетности идоловъ,—художники, которые въ выдѣлкѣ моделей храма Діаны находили выгодный промыселъ для себя, подняли народное возмущеніе противъ Апостоловъ, при чемъ толпа кричала: «велика Артемида ефесская!» Впрочемъ, возмущеніе было остановлено блюстителемъ порядка.

2) Съ именемъ *Оасима* извѣстенъ оазисъ ливійской пустыни, расположенный на западѣ отъ Верхняго Египта (Ѳиваиды); онъ назывался также Великимъ Ливійскимъ оазисомъ. Здѣсь съ давняго времени существовала греческая колонія, служившая также мѣстомъ ссылки.

3) *Лугъ духовный* (по греч. *Лимонарь*)—сочиненіе монаха Іоанна Моска († 622 г.);

«Разъ,—пишетъ онъ,—мы пришли къ пресвитеру Коломанской лавры [1]), аввѣ Киріаку, и онъ разсказалъ намъ слѣдующее: «Однажды я увидѣлъ во снѣ, что за дверями моей келліи стоитъ свѣтозарная, прекраснѣйшая Дѣва, одѣтая въ багряницу, и съ нею два свѣтолѣпныхъ мужа. И узналъ я, что это—Владычица наша, Пречистая Дѣва Богородица, а находящіеся съ Ней мужи—святый Іоаннъ Креститель и святый Іоаннъ Богословъ. Тотчасъ же я вышелъ изъ моей келліи и, поклонившись, умолялъ Ее, дабы Она вошла ко мнѣ и благословила мою келлію, но Она не желала. Я въ продолженіе долгаго времени умолялъ Ее, говоря:

— Владычица! Пусть не удалится отъ Тебя уничиженнымъ и посрамленнымъ рабъ Твой.

И много другихъ моленій произнесъ я предъ Нею. Тогда, видя мое прилежное моленіе, Она отвѣтила мнѣ:

— Ты имѣешь въ своей келліи Моего врага,—какъ же можешь высказывать послѣ того пожеланіе, чтобы Я вошла къ тебѣ?

Съ такими словами Она удалилась. Пробудившись отъ сна, я сталъ плакать и скорбѣть, размышляя,—не согрѣшилъ ли я чѣмъ-нибудь предъ Пречистою Дѣвою въ своихъ мысляхъ; ибо другого, кромѣ меня одного, никого не было въ моей келліи. Подробно изслѣдовавъ себя, я не нашелъ ничего, чѣмъ бы я могъ согрѣшить предъ Нею. Видя, что скорбь снѣдаетъ меня, я, дабы хоть немного развлечься среди печали моей, взялъ почитать книгу. То была книга блаженнаго іерусалимскаго пресвитера Исихія [2]), которую я попросилъ у него на время. Прочитавши книгу, я увидѣлъ въ концѣ ея два слова нечестиваго Несторія и, такимъ образомъ, позналъ, какой именно врагъ Пресвятой Владычицы былъ у меня въ келліи. Тогда, вставши, я понесъ книгу къ тому, кто далъ мнѣ ее и сказалъ ему:

оно написано въ началѣ VII в. и содержитъ въ себѣ краткія сказанія о подвижникахъ Палестины, Египта и Сиріи.

[1]) *Лаврами* назывались обители, отличавшіеся большимъ количествомъ иноковъ и своимъ значеніемъ. *Лавра*—съ греческаго—часть города, переулокъ; такъ назывался обнесенный оградой или стѣной рядъ келлій, расположенныхъ вокругъ храма или жилища настоятеля въ видѣ переулковъ города. Иноки въ лаврахъ вели отшельническій образъ жизни и подвизались каждый въ своей келліи, собираясь вмѣстѣ лишь для Богослуженія въ первый и послѣдній день недѣли, а въ остальные дни храня безмолвіе. Такой порядокъ иноческой жизни держали во многихъ лаврахъ и, въ частности, въ упомянутой лаврѣ *Коломановой*. Лавра эта была расположена въ пустыне Іорданской, вблизи Іордана и Мертваго моря.

[2]) Память *преп. Исихія*, пресвитера іерусалимскаго, — въ Субботу Сырную.

— Братъ, возьми твою книгу; я не столько получилъ отъ нея пользы, сколько вреда.

Онъ спросилъ меня, чѣмъ книга его причинила мнѣ вредъ, а не пользу. И я разсказалъ ему о бывшемъ мнѣ видѣніи. Тогда онъ, исполнившись божественной ревности, вырѣзалъ изъ книги два слова Несторія и сжегъ ихъ въ огнѣ со словами:

— Пускай не остается въ моей келліи враговъ Владычицы нашей—Богородицы и Приснодѣвы Маріи.»

Не слѣдуетъ также умолчать и о томъ, какъ святитель Христовъ Кириллъ—этотъ великій угодникъ Божій—при столь великой своей святости тѣмъ не менѣе имѣлъ нѣчто зазорное въ себѣ и противное благочестію, дабы видѣть чудесное его исправленіе. Онъ безъ причины гнѣвался на Іоанна Златоустаго [1]),—святый на святаго. Это не должно насъ удивлять, потому что совершенство свойственно лишь одному Богу; изъ людей же никто не можетъ быть совершеннымъ самъ по себѣ, если только онъ не пріиметъ ѿ исполненіа [2]) Христова; потому-то и святые, какъ люди, причастны человѣческимъ слабостямъ. Такая слабость была и у святаго Кирилла, именно въ его отношеніяхъ къ Іоанну Златоусту: онъ гнѣвался на святаго мужа не только при жизни послѣдняго, но даже и послѣ кончины его и не хотѣлъ поминать его во святыхъ. Такой гнѣвъ Кирилла происходилъ не отъ злобы, но отъ невѣдѣнія. Онъ, съ одной стороны, отъ своего дяди, Патріарха Ѳеофила, съ другой,—отъ другихъ, питавшихъ вражду къ Злато-

---

1) *Св. Іоаннъ Златоустъ*, Патріархъ Константинопольскій, занималъ патріаршій престолъ столицы съ 398 г. по 404 г. Ревностное служеніе его Истинѣ и Церкви Христовой, смѣлыя обличенія всевозможныхъ пороковъ и слабостей тогдашняго общества возбудили противъ св. Іоанна злобу лицъ, которыхъ обличалъ святитель, и они предприняли противъ него цѣлый походъ, возводя на святаго всевозможныя клеветы и стремясь вооружить противъ него императора, императрицу, а также и другихъ лицъ. Результатомъ этихъ интригъ противъ Златоустаго было его низложеніе и двукратная ссылка изъ столицы имперіи. Вторая ссылка была въ особенности жестокой. Святителя отправили въ дикій Пиѳіунтъ, на берегу Чернаго моря, въ Арменіи, но онъ, не доходя до этого города, истощенный трудностію пути и различными притѣсненіями въ дорогѣ, умеръ въ Команахъ, въ провинціи Понтѣ, на сѣверо-востокѣ Малой Азіи. Это было въ 407 году. Кирилъ Александрійскій засталъ послѣдніе годы Златоуста, но лично едва ли могъ знать Златоуста; однако, такъ какъ противъ Златоуста враждовалъ дядя Кирилла, Патріархъ Александрійскій Ѳеофилъ, то естественно, что и онъ имѣлъ пристрастное сужденіе о Златоустѣ, будучи вовлеченъ въ обманъ распространяемыми на святаго клеветами.

2) Ссылка на извѣстное мѣсто Евангелія Іоанна Богослова: и҃ ѿ и҃сполне́нїа ег҃ѡ (І. Христа) мы̀ вс҃ѝ прїа́хомъ бл҃года́ть воз҃ бл҃года́ть (гл. 1, ст. 16), т. е. отъ полноты благодатныхъ даровъ въ Іисусѣ Христѣ мы всѣ въ изобиліи воспріяли въ себя дѣйствіе благодати Божіей.

усту, слышалъ много несправедливыхъ клеветъ противъ сего вселенскаго свѣтильника и по своему незлобію придавалъ вѣру лжи, какъ истинѣ. Ибо написано: **незло҃бивый вѣ҃рꙋ ѥ҃млетъ всѧ҃комꙋ словесѝ**[1]). Константинопольскій Патріархъ Аттикъ, жившій раньше Несторія, въ своихъ посланіяхъ убѣждалъ его вписать имя святаго Іоанна Златоустаго въ церковныя диптихи[2]), то есть—въ книги съ именами святыхъ. Самъ Аттикъ раньше также былъ однимъ изъ враговъ Іоанна Златоустаго, но потомъ, сознавъ невинность сего святаго мужа и вмѣстѣ съ тѣмъ свой грѣхъ противъ него, раскаялся. Вступивши на патріаршій Константинопольскій престолъ послѣ Арсакія, онъ вписалъ въ диптихи и Златоуста и, пока былъ живъ, увѣщевалъ святаго Кирилла письмами, въ которыхъ просилъ его поступить такъ же. Но послѣдній не слушалъ его, не желая ниспровергнуть значеніе бывшаго ранѣе собора противъ Іоанна, который былъ созванъ Ѳеофиломъ[3]).

Точно такъ же и святый Исидоръ Пелусіотъ[4]),—родственникъ Кирилла, мужъ преклонныхъ лѣтъ,—видя негодованія многихъ на святаго Кирилла за то, что онъ исключаетъ Златоуста изъ числа святыхъ, съ дерзновеніемъ писалъ къ нему, увѣщевая разсмотрѣть безпристрастно обстоятельства осужденія Іоанна Златоуста.

«Пристрастіе недальновидно, а ненависть вовсе ничего не видитъ,—такъ писалъ Пелусіотъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ святому Кириллу.—Посему, если желательно тебѣ быть чистымъ отъ того и другого недостатка, не произноси необдуманныхъ приговоровъ, но подвергай дѣянія справедливому суду; потому что

---

1) См. кн. Притчей, гл. 14, 15.

2) *Диптихами* назывались деревянныя, костяныя или металлическія дощечки, связанныя другъ съ другомъ шнурами и служившія у древнихъ Грековъ и Римлянъ памятными книжками. Въ христіанской Церкви диптихи являлись съ древняго времени поминальными книжками, въ которые записывались имена епископовъ, мучениковъ и всѣхъ вообще святыхъ.

3) Разумѣется, по-видимому, Соборъ подъ Дубною, недалеко отъ Халкидона, на которомъ предсѣдательствовалъ Ѳеофилъ и на которомъ св. Іоаннъ Златоустъ былъ осужденъ и низложенъ.

4) *Св. Исидоръ Пелусіотъ*, знаменитый подвижникъ, отличавшійся строгостію своей жизни, подвизался близъ египетскаго города Пелусія. Скончался около 436 года. По своимъ сочиненіямъ онъ былъ однимъ изъ великихъ Отцевъ Церкви. Сочиненія его состоятъ изъ писемъ, бо́льшая часть которыхъ представляетъ собою толкованіе Священнаго Писанія. Впрочемъ, есть много писемъ, написанныхъ съ цѣлію увѣщанія и вразумленія различныхъ современныхъ ему лицъ, а также съ цѣлію примиренія враждующихъ. Число всѣхъ писемъ преп. Исидора простиралось, какъ пишутъ, до 10000, но до насъ дошло около 2090.

и Богъ, Который знаетъ все прежде, нежели придетъ исполненіе, человѣколюбиво благоволилъ снизойти съ Небесъ и видѣть вопль содомскій [1]), научая насъ дѣлать все по точномъ изслѣдованіи. Ибо многіе, бывшіе съ тобою на Соборѣ Ефесскомъ, въ посмѣяніе говорятъ, будто ты удовлетворяешь собственной враждѣ, а не того православно ищешь, что требовалось бы для Іисуса Христа. Ѳеофиловъ онъ племянникъ, говорятъ о тебѣ, и его держится духа. Какъ Ѳеофилъ явно излилъ неистовство свое на богоноснаго и боголюбиваго Іоанна, такъ и этому желательно похвалиться, хотя въ положеніи подсудимаго произошла большая перемѣна, ибо Іоаннъ уже претерпѣлъ изгнаніе и теперь не находится въ живыхъ».

Въ другомъ посланіи святый Исидоръ Пелусіотъ такъ писалъ Кириллу:

«Устрашаютъ меня примѣры изъ Божественнаго Писанія и вынуждаютъ писать, о чемъ должно. Ибо, если я—отецъ, какъ говоришь самъ ты, то боюсь осужденія, какому подпалъ Илій за то, что не уцѣломудрилъ согрѣшавшихъ сыновей [2]); а если, какъ вѣрнѣе знаю, я—сынъ предъ тобою, носящимъ на себе образъ великаго онаго Марка [3]),—то страшитъ меня наказаніе, какому подвергся Іонаѳанъ за то, что не остановилъ отца, искавшаго волшебницы [4]). Ибо поелику могъ остановить, то умеръ на сраженіи прежде согрѣшившаго. Посему, чтобы и мнѣ не быть осужденнымъ, и тебя не осудилъ Богъ, прекрати распри и того мщенія

---

1) См.: Кн. Быт., гл. 18, ст. 20.

2) Разумѣется *первосвященникъ Илій,* жившій во времена Пророка Самуила. Онъ отличался добротою, но его доброта граничила со слабостію. Это въ особенности обнаруживалось въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ—священникамъ Офнинію и Финеесу, которые позволяли себѣ разныя безчинія въ скиніи. Слабохарактерный Илій не обращалъ должнаго вниманія на это, несмотря на неоднократныя вразумленія Божіи. Тогда судъ Божій не замедлилъ открыться надъ домомъ Илія. Наступила война съ Филистимлянами, и когда во время войны вынесенъ былъ въ еврейское войско Ковчегъ Завѣта сыновьями Илія, то случилась катастрофа: сыновья Илія были убиты, Ковчегъ взятъ въ плѣнъ, а Илій, услышавъ о семъ, упалъ съ сидѣнья и умеръ (1 Кн. Цар., гл. 4).

3) Разумѣется Апостолъ и Евангелистъ *Маркъ,* положившій начало христіанству въ Александріи и, по преданію, бывшій ея первымъ епископомъ.

4) *Іонаѳанъ*—сынъ Саула, царя Еврейскаго. Когда Богъ отступился отъ Саула и во время войны съ Филистимлянами не далъ ему откровенія объ исходѣ войны, онъ рѣшился обратиться къ суевѣрію и пошелъ къ волшебницѣ, жившей въ Аэндорѣ, небольшомъ городкѣ въ колѣнѣ Иссахоровомъ. Здѣсь онъ вызывалъ тѣнь Самуила и пытался узнать объ ожидающей его участи. Въ происшедшей затѣмъ битвѣ войска Саула потерпѣли пораженіе, и три старшіе сына его были убиты на его глазахъ; самъ же Саулъ упалъ на свой мечъ и закололся.

за собственное оскорбленіе, какое слѣдовало бы воздать смертнымъ, не переноси въ живую Церковь,—подъ предлогомъ благочестія не производи въ ней вѣчнаго раздора»[1]).

И еще въ иномъ мѣстѣ святый такъ писалъ Кириллу:

«Ты спрашиваешь меня объ обстоятельствахъ изгнанія святаго мужа Іоанна; но я не буду подробно писать о томъ, дабы мнѣ не показаться человѣкомъ, обличающимъ и осуждающимъ другихъ, ибо многочисленныя несправедливости людей ко святому превзошли всякую мѣру. Я въ краткихъ чертахъ припомню тебѣ жестоковыйный нравъ Египта, который вблизи тебя[2]): онъ отрекся отъ Моисея, предался фараону, изъязвилъ ранами смиренныхъ, озлобилъ тружениковъ, устроилъ города и не заплатилъ платы работникамъ[3]). Упражняясь въ такихъ то дѣяніяхъ, онъ произвелъ на свѣтъ беззаконнаго Ѳеофила, почитающаго золото за Бога[4]); съ своими единомышленниками онъ возсталъ на святаго Іоанна—боголюбиваго и проповѣдовавшаго о Богѣ мужа. Несмотря на это, домъ Давидовъ утверждается и умножается, а Сауловъ, какъ ты видишь, изнемогаетъ»[5]).

Таковы-то были писанія святого Исидора Пелусіота къ святому Кириллу. Они возъимѣли на послѣдняго такое дѣйствіе, что онъ, прочитавши ихъ, сталъ сознавать свой грѣхъ. Въ особенности же онъ созналъ его и совершенно раскаялся тогда, когда былъ устрашенъ слѣдующимъ видѣніемъ. Ему представилось, что

---

[1]) Изъ-за Златоуста послѣ его смерти происходили большія разногласія. Въ то время, какъ офиціальные представители Константинопольской и Александрійской Церкви не признавали его святымъ, въ другихъ Церквахъ, напр., Римской и Антіохійской, онъ былъ вписанъ въ диптихи и сопричисленъ къ сонму святыхъ. Но и въ первыхъ двухъ Церквахъ было немало сторонниковъ Златоуста, которые не раздѣляли воззрѣній своихъ офиціальныхъ представителей и считали его святымъ. На этой почвѣ происходили споры и несогласія. Въ Константинополѣ сторонники Іоанна Златоустаго отдѣлились даже отъ Церкви и образовали расколъ іоаннитовъ. Расколъ этотъ былъ здѣсь уничтоженъ только въ 438 году.

[2]) *Александрія*, расположенная на самомъ берегу Средиземнаго моря, и какъ городъ греческаго происхожденія, здѣсь считается какъ бы находящеюся внѣ настоящаго Древняго Египта.

[3]) Здѣсь указаніе на великія притѣсненія, которыя производились во времена египетскихъ фараоновъ надъ рабами—строителями пирамидъ и другихъ египетскихъ сооруженій и, между прочимъ, надъ Евреями. Истощаемые непосильной работой, они плохо кормились и не получали за свой трудъ никакой платы.

[4]) Предшественникъ Кирилла по александрійской каѳедрѣ, дядя его Ѳеофилъ, отличался корыстолюбіемъ, какъ это видно изъ житія св. Іоанна Златоуста (ноябрь, 14 число).

[5]) Выраженіе образное—указывающее на торжество праведнаго Златоуста послѣ его смерти, признаннаго святымъ во многихъ Церквахъ и имѣющаго большое число послѣдователей и почитателей.

онъ находится на нѣкоторомъ, весьма прекрасномъ и исполненномъ неизъяснимаго веселія, мѣстѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ чудесныхъ мужей—Авраама, Исаака и Іакова и другихъ святыхъ—какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ тамъ весьма обширный и свѣтлый храмъ, красоту котораго не въ состояніи изобразить человѣческій языкъ, и слышалъ въ немъ пѣніе сладкозвучныхъ голосовъ. Войдя въ сей храмъ и изумлялсь его красотѣ и великолѣпію, Кириллъ узрѣлъ въ немъ въ сіяніи славы Пречистую Владычицу Богородицу, окруженную множествомъ Ангеловъ. Среди стоявшихъ вокругъ Богоматери находился на почетномъ мѣстѣ и святый Іоаннъ Златоустый, сіявшій, подобно Ангелу Божію, чудеснымъ свѣтомъ и державшій въ рукѣ книгу своихъ сочиненій; множество дивныхъ мужей окружало его, подобно слугамъ. Всѣ они были вооружены, какъ бы приготовившись къ наступленію. И вотъ, когда Кириллъ хотѣлъ припасть къ ногамъ Богородицы, чтобы поклониться Ей, то святый Іоаннъ съ находившимися при немъ оруженосцами немедленно устремились на него, запрещая ему приближаться къ Пречистой Матери Божіей и прогоняя его изъ чудеснаго храма. Кириллъ, видя негодующаго противъ него Іоанна и себя, выгоняемаго изъ храма, пришелъ въ трепетъ. Но вдругъ онъ услыхалъ Пречистую Дѣву Богородицу, обратившуюся къ Іоанну съ ходатайствомъ, чтобы онъ простилъ Кирилла и не изгонялъ его изъ храма, такъ какъ онъ согрѣшилъ передъ нимъ не по злобѣ, а по невѣдѣнію. Но Іоаннъ какъ бы не желалъ простить Кирилла. Тогда Пресвятая Богородица сказала:

— Прости его для Меня, ибо онъ много потрудился для Моей чести —прославилъ Меня среди людей и наименовалъ Богородицею.

Когда Пречистая Богородица изрекала эти слова, Іоаннъ немедленно смиловался и отвѣчалъ Богородицѣ:

— По твоему, Владычица, ходатайству я прощаю его.

Затѣмъ дружелюбно подойдя къ Кириллу, онъ обнялъ и облобызалъ его, и, такимъ образомъ, они примирились другъ съ другомъ въ видѣніи.

Послѣ сего видѣнія святый Кириллъ сталъ часто каяться и осуждать себя за то, что до того времени напрасно держалъ гнѣвъ противъ такого угодника Божія. Потомъ, собравъ всѣхъ египетскихъ епископовъ, онъ совершилъ торжественное празд-

нованіе въ честь святаго Іоанна Златоустаго и записалъ послѣдняго въ церковныхъ книгахъ въ сонмѣ великихъ святыхъ. Такимъ-то образомъ снято было пятно, лежавшее на святомъ мужѣ Кириллѣ, который враждовалъ противъ святаго Іоанна, причемъ вражду между Своими рабами разсѣяла Сама Пречистая Богородица. Съ того времени, пока былъ живъ святый Кириллъ, онъ ублажалъ святаго Іоанна Златоустаго похвальными рѣчами.

Остальное время своей жизни святый Кириллъ прожилъ среди великихъ подвиговъ, заботясь не только о своемъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ и наставляя многихъ на путь праведный. Разсказываютъ о такомъ случаѣ изъ жизни святаго угодника Божія Кирилла. Въ Нижнемъ Египтѣ проживалъ тогда нѣкій старецъ, извѣстный своею святою жизнію. Несмотря на это, онъ, какъ человѣкъ необразованный и простой, придерживался одного неправильнаго мнѣнія: именно по своему невѣжеству старецъ утверждалъ, что Мелхиседекъ есть Сынъ Божій[1]). О такомъ мудрованіи его сообщено было Святѣйшему Кириллу, и послѣдній пригласилъ къ себѣ того старца. Зная, что старецъ творитъ чудеса и такъ угоденъ Богу, что Богъ исполняетъ всякую просьбу его,—и что о Мелхиседекѣ онъ мыслитъ неправильно лишь по своей простотѣ,—Патріархъ употребилъ такую мудрость, чтобы наставить его на путь истинный. Кротко обратившись къ старцу, онъ сказалъ:

— Авва, умоляю тебя помочь мнѣ разрѣшить одно недоумѣніе: съ одной стороны, разсудокъ приводитъ меня къ тому заключенію, что Мелхиседекъ есть Сынъ Божій, а съ другой стороны, что-то говоритъ мнѣ, что это несправедливо и что онъ обыкновенный человѣкъ и архіерей Божій. И вотъ, я нахожусь въ сомнѣніи и недоумѣніи, не зная, къ чему придти. Поэтому я нарочно призвалъ

[1]) *Мелхиседекъ*, царь Салимскій, священникъ Бога Вышняго, упоминается въ книгѣ Бытія, гл. **14**, ст. 18 (ср. Псал. **109**, 3; Посл. къ Евр., **5**, 6, 10; **6**, 20; **7**, 1, 10, 11, 15, 11). Когда Авраамъ возвращался съ побѣды надъ царемъ Еламскимъ и его союзниками, разграбившими Лота, Мелхиседекъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и виномъ и благословилъ Именемъ Бога Всевышняго. Авраамъ такъ высоко и такъ благоговѣйно принялъ это благоеловеніе, что далъ ему десятую часть всей своей добычи. Кто былъ этотъ Мелхиседекъ, остается загадкою. Вѣроятнѣе всего, онъ принадлежалъ къ племени Аморреевъ, жившихъ тогда въ Палестинѣ, ибо у нихъ былъ царемъ и первоевященникомъ. Салимъ, думаютъ, то же, что потомъ Іевусъ, а затѣмъ Іерусалимъ (Псал. **75**, 3). Можно догадываться, что Мелхиседекъ былъ особенный, славный во всей Палестинѣ, служитель Бога Истиннаго. Священное Писаніе скрыло подробности о немъ, давая видѣть въ немъ прообразъ Христа. На прообразовательное значеніе священства Мелхиседека указывалъ еще царь и Пророкъ Давидъ, когда говорилъ о Сынѣ Божіемъ: «Ты—іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову» (Псал. **109**, 4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значеніе Мелхиседека у Апостола Павла въ Посланіи къ Евреямъ (гл. **7**).

тебя, дабы ты помолился относительно сего Богу, прося Его открыть тебѣ о томъ. И что откроетъ тебѣ Богъ, не откажись сообщить мнѣ.

Полагаясь на свою богоугодную жизнь, старецъ смѣло отвѣтилъ святому Кириллу:

— Дозволь мнѣ, владыко, уединиться на три дня, по прошествіи которыхъ я вопрошу о семъ Бога и сообщу тебѣ то, что будетъ мнѣ открыто.

Потомъ, удалившись въ свою келлію и затворившись въ ней на три дня, старецъ молился Богу, дабы Онъ открылъ ему о Мелхиседекѣ. Получивъ просимое, онъ пришелъ къ святому Кириллу и сказалъ:

— Мелхиседекъ — человѣкъ, а не Сынъ Божій. И да будетъ тебѣ, владыко, извѣстно, что сіе дѣйствительно такъ.

Святый Кириллъ весьма обрадовался, что спасъ душу того старца и, поблагодаривъ, отпустилъ его. Старецъ, удалившись, сталъ проповѣдывать всѣмъ, что Мелхиседекъ человѣкъ, а не Сынъ Божій. Такъ мудро наставилъ угодникъ Божій невѣжду на путь истинный.

Пробывши на Александрійскомъ патріаршемъ престолѣ тридцать два года и въ теченіе своей жизни очистивъ Церковь Христову отъ всѣхъ бывшихъ тогда ересей, написавъ много душеполезныхъ сочиненій[1]), святый Кириллъ въ мирѣ почилъ о

---

[1]) Сочиненія св. Кирилла Александрійскаго по содержанію раздѣляются на изъяснительныя, апологетическія (въ защиту христіанства), догматическія и нравоучительныя. Изъ изъяснительныхъ сочиненій Кирилла самое лучшее—толкованіе на Евангеліе Луки, отличающееся при краткости точностью изъясненія словъ Писанія. Замѣчательны также объясненія его на Посланія къ Евреямъ и Коринѳянамъ. Изъ толкованій на Ветхій Завѣтъ слѣдуетъ отмѣтить объясненія на Пѣснь Пѣсней, затѣмъ—на Пророка Исаію и меньшихъ пророковъ. Превосходно сочиненіе св. Кирилла противъ Юліана, составленное въ опроверженіе сочиненія, которое Юліанъ, съ помощію языческихъ философовъ, написалъ въ защиту язычества и противъ христіанства. Большая часть догматическихъ сочиненій Кирилла написаны по дѣлу о Несторіи. Таковы пять книгъ противъ Несторія. Здѣсь александрійскій святитель, не называя Несторія по имени, разбираетъ его ученіе. Относительно обширнаго сочиненія о Святой Троицѣ, извѣстнаго подъ именемъ *Сокровища,* блаж. Фотій (Патріархъ Константинопольскій) говоритъ, что оно отличалось основательностію и клонилось къ ниспроверженію еретическаго ученія Арія и Евномія. Оно превосходитъ всѣ другія ясностію. Два, не очень пространныя догматическія сочиненія о Святой Троицѣ и сочиненіе о воплощеніи составляютъ видъ катехизическаго ученія: эти сочиненія важны по точности изложенія православнаго ученія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь ученіе объ исхожденіи Святаго Духа. Сочиненіе противъ антропоморфизма писано св. Кирилломъ для нѣкоторыхъ египетскихъ иноковъ, которые, по невѣдѣнію, представляли себѣ Бога въ человѣческомъ образѣ. Св. Кириллъ сочинилъ много бесѣдъ. Замѣчательно Слово его объ исходѣ души — какъ по глубинѣ чувствъ сокрушеннаго сердца, такъ и по мыслямъ о

Господѣ[1]). При исходѣ его предстояла Сама Пречистая Матерь Божія, такъ какъ онъ вѣрно потрудился для Нея и доблестно подвизался за честь Ея. Онъ по достоинству сопричисленъ къ святому Златоусту и вмѣстѣ съ нимъ, пламенѣя никогда не отпадающей любовью, предстоитъ какъ Христу Богу, такъ и Пречистой Богоматери, пребывая въ славѣ Ея, близъ Ея Престола и восхваляя Преблагословенную Дѣву съ рожденнымъ Ею Истиннымъ Богомъ въ безконечныя вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ 5:

Звѣздѫ намъ оученїй богословїя источилъ еси праведне, ѡ истѡчниче спсовыхъ, ереси погрѫжающю блженне кѵрилле, и стадо невредимо ѡ треволненїй спсающю. странамъ бо всѣмъ наставниче пребне, якѡ божественнаа павлѡ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

АЛЕКСАНДРА,

игумена Куштскаго

Сей преподобный былъ родомъ изъ города Вологды и принялъ иноческое постриженіе въ Каменномъ монастырѣ[2]) при игуменѣ Діонисіи[3]). Избѣгая славы отъ людей, онъ ушелъ изъ этого монастыря, пришелъ на рѣку, по имени Кушту, находившуюся вблизи Кубенскаго озера, и по благословенію Ростовскаго архіепископа Діонисія[4]) построилъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія. Ярославскіе князья

состояніи душъ, разлученныхъ съ тѣломъ. Оно помѣщено въ славянской Слѣдованной Псалтири и греческомъ Часословѣ какъ весьма назидательное для христіанъ.

1) Кончина *св. Кирилла* совершилась 27 іюня 444 года.

2) *Каменный*, или *Каменскій, монастырь* находился на пустынномъ островѣ Кубенскаго озера въ нынѣшней вологодской губерніи.

3) *Діонисій*, аѳонскій постриженникъ, извѣстенъ тѣмъ, что введъ въ Спасокаменномъ моиастырѣ строгій аѳонскій уставъ и примѣромъ своей жизни многихъ привлекъ въ эту уединенную обитель. Преп. Александръ принялъ отъ него постриженіе.

4) Діонисій изъ игуменовъ Спасокаменнаго монастыря въ санъ Ростовскаго архіепископа былъ возведенъ въ 1418 году.

Димитрій и Симеонъ[1]), узнавъ это о святомъ, пришли въ великую радость и дали ему значительное пособіе на церковныя и монастырскія нужды, а по смерти князя Димитрія супруга его, княгиня Марія, видя подвиги святаго, пожертвовала ему на содержаніе монастыря въ память мужа своего селеніе съ крестьянами. Послѣ этого святый Александръ еще болѣе усилилъ труды свои. Онъ вмѣстѣ съ братіею самъ обрабатывалъ землю и собиралъ много плодовъ.

Преподобный прожилъ отъ рожденія своего 60 лѣтъ, 2 мѣсяца и 2 дня и преставился въ вѣчную жизнь въ 1439 году, въ 9 день мѣсяца іюня[2]). Онъ былъ средняго роста, тѣломъ весьма сухой, голову имѣлъ средней величины, лице—круглое, глаза—кроткіе, бороду—густую и круглую, доходившую до груди, волосы—темно-русые съ просѣдью.

Прп. Александръ

Въ тотъ же день **память святыхъ мученицъ: Θеклы, Маρоы** и **Маріи,** въ Персіи пострадавшихъ въ 346 году.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Кирилла, игумена Бѣлозерскаго,** въ 1427 году.

---

[1]) *Князь Димитрій Васильевичъ* былъ не Ярославскимъ, а Заозерскимъ или Кубенскимъ княземъ, и его резиденціей было мѣстечко, нынѣ село Кубенское Устье, находившееся въ 3-хъ верстахъ отъ обители преподобнаго Александра: Ярославскимъ же княземъ былъ братъ Димитрія, *Симеонъ Васильевичъ*, скончавшійся около 1420 года.

[2]) Почитаніе преподобнаго Александра началось съ XVI вѣка. Мощи его находятся въ Куштекомъ монастырѣ, который въ 1838 году приписанъ къ Спасокаменному монастырю.

День десятый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ВАССІАНА,

епископа Лодійскаго[1])

Описывать нынѣ житія святыхъ, мужественно вооружавшихся, при помощи Божіей, противъ плотскихъ похотѣній и предавать память о нихъ послѣдующимъ поколѣніямъ — полезно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, воспоминая мужественные подвиги святыхъ, мы вѣруемъ, что и святые воспоминаютъ насъ предъ Богомъ; во-вторыхъ, описывая подвиги и мужество святыхъ, мы тѣмъ самымъ побуждаемъ себя и другихъ подражать симъ подвигамъ. Имѣя это въ виду, мы и постараемся вкратцѣ описать жизнь и подвиги святаго Вассіана, епископа Лодійскаго и исповѣдника; при помощи сего угодника Божія мы предложимъ описаніе его подвиговъ, ради которыхъ онъ удостоился быть участникомъ Небеснаго Царствія.

Этотъ святый мужъ съ малыхъ лѣтъ былъ старцемъ,—конечно, не числомъ лѣтъ, но разумомъ и добронравіемъ. Отецъ его Сергій, правитель сиракузской страны[2]), держался еллинскаго нечестія.

---

1) *Лодія*, или *Лавда*, находилась вблизи Медіолана (см. прим. 2-е, на стр. 188-ой).

2) *Сиракузы*—одна изъ первыхъ греческихъ колоній на восточномъ берегу острова Сициліи, основанная за VIII в. до Р. Хр.; впослѣдствіи—самый большой и богатый городъ острова.

Стый
Вассіанъ

Онъ послалъ сына своего въ Римъ для изученія языческой философіи, чтобы тотъ могъ быть преемникомъ власти отца и искуснымъ правителемъ гражданъ. Отъ природы мудрый и разсудительный, Вассіанъ съ прилежаніемъ сталъ изучать философію и преуспѣвалъ въ обученіи. Въ это время онъ услыхалъ объ Имени Христовомъ и о жизни христіанъ[1]) и тогда-же восхотѣлъ всѣмъ сердцемъ перемѣнить еллинскую философію на христіанское душеспасительное любомудріе; посему онъ сталъ размышлять,—кому изъ слугъ своего отца (которымъ онъ былъ порученъ) онъ могъ бы открыть тайну своего сердца.

Господь же, не желая надолго отдалять воина Своего отъ предназначеннаго ему дѣланія, три раза возвѣщалъ въ сонномъ видѣніи одному благочестивому пресвитеру о желаніи и намѣреніи юноши Вассіана сдѣлаться христіаниномъ. Пробудившись отъ сна, пресвитеръ сталъ обходить всѣ училища города Рима, стараясь найти въ нихъ того юношу, котораго указалъ ему Господь въ сонномъ видѣніи. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ пресвитеръ, съ помощію Божіей, нашелъ того, кого искалъ и спросилъ его:—откуда онъ родомъ, кто его родители и почему онъ живетъ въ Римѣ?

Удивился пресвитеръ мудрымъ и разсудительнымъ отвѣтамъ отрока Вассіана, когда тотъ разсказывалъ о себѣ все подробно, и понялъ, что это и есть тотъ юноша, котораго онъ искалъ.

Какъ любящій отецъ, пресвитеръ обнялъ юношу и облобызалъ его; затѣмъ взялъ съ собою въ домъ, гдѣ разсказалъ ему о видѣніи, которое ему было отъ Бога; послѣ сего оба они про-

[1]) Изъ дальнѣйшаго повѣствованія видно, что святый Вассіанъ слыхалъ о христіанахъ еще въ дѣтствѣ (житіе повѣствуетъ, что Вассіанъ, будучи младенцемъ, чертилъ на землѣ знаменіе креста); но въ Римѣ Вассіанъ болѣе обстоятельно познакомился съ христіанствомъ и имѣлъ возможность лично наблюдать самую жизнь христіанъ.

славили Бога. Вслѣдъ затѣмъ Вассіанъ припалъ къ ногамъ пресвитера и умолялъ его, чтобы онъ поскорѣе содѣлалъ его христіаниномъ. Пресвитеръ прежде всего сталъ поучать юношу истинамъ святой вѣры и объяснялъ ему таинства христіанскаго закона. Юноша, слыша сіе ученіе, умилялся и распалялся любовію ко Христу. Затѣмъ пресвитеръ огласилъ его[1]) и научилъ, какъ онъ долженъ держать себя во время Святаго Крещенія. Съ этого времени Вассіанъ сталъ часто приходить къ честно́му пресвитеру съ однимъ своимъ старѣйшимъ рабомъ, который былъ ему вѣренъ во всемъ, поучаясь въ христіанскомъ любомудріи изъ богодухновенныхъ устъ своего духовнаго учителя.

По оглашеніи Вассіанъ началъ проводить суровую жизнь: днемъ постился и молился, ночью же пребывалъ или въ молитвѣ, или за книжнымъ чтеніемъ, предаваясь сну лишь на небольшое время. Изъ предлагаемой ему пищи онъ вкушалъ только третью часть, а остальныя двѣ части раздавалъ нищимъ.

Между тѣмъ, времени прошло довольно много; насталъ, наконецъ, часъ крещенія Вассіана. Вассіанъ съ вѣрнымъ рабомъ своимъ отправился въ домъ пресвитера, гдѣ и было совершено Святое Крещеніе. Когда Вассіанъ, по обычному чину Крещенія, вошелъ во святую купель, онъ увидѣлъ юношу прекраснаго лицемъ, сіявшаго какъ солнце; этотъ юноша прислуживалъ при Крещеніи и держалъ одежду, въ которую долженъ былъ облечься новокрещенный по выходѣ изъ купели. Блаженный Вассіанъ дерзнулъ спросить его:

— Кто ты? Откуда ты?

— Я давно посланъ къ тебѣ,—отвѣчалъ юноша,—чтобы помочь тебѣ выполнить твое святое намѣреніе и отогнать прочь все то, что противно сему намѣренію.

Сказавъ сіе, юноша сталъ невидимъ. По отшествіи юноши комната наполнилась дивнымъ благоуханіемъ, ощущавшимся съ полчаса, такъ что всѣ, бывшіе тамъ, думали, что они находятся не на землѣ, а на Небѣ.

---

1) Обыкновенно всѣ, приступавшіе ко Крещенію, въ древней Церкви подвергались предварительно оглашенію,—т.е. изустному наставленію въ истинахъ вѣры христіанской. *Оглашеннымъ* дозволялось присутствовать лишь при совершеніи первой (проскомидіи) и второй (Литургіи оглашенныхъ) частяхъ Божественной Литургіи; передъ третьею частію (Литургіею вѣрныхъ) оглашенные должны были выходить изъ церкви, о чемъ и оповѣщалось возглашеніемъ діакона: «Ѻглаше́нніи и҃зыди́те». Срокъ оглашенія былъ различенъ: онъ продолжался отъ нѣсколькихъ дней или недѣль до нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ.

Послѣ Святаго Крещенія Вассіанъ сталъ проводить еще болѣе строгую жизнь, умерщвляя свое юное тѣло и порабощая его духу. Приставники и слуги, которымъ правитель Сергій приказалъ беречь Вассіана какъ зѣницу ока, не зная Вассіановой тайны[1]), сильно удивлялись, даже обезпокоивались, видя его необычное воздержаніе; они недоумѣвали, почему онъ принималъ такъ мало пищи и питья, почему онъ проводилъ ночи безъ сна, почему лицо его блѣднѣло, а тѣло его истощалось? Видя все это, они спрашивали съ недоумѣніемъ другъ друга:

— Ради чего такъ изнуряетъ себя господинъ нашъ?

Старѣйшій же рабъ, вѣрный святому Вассіану и знавшій его тайну, говорилъ имъ:

— Не дивитесь сему, такъ какъ философское ученіе можетъ быть постигнуто только такими учениками, которые презрѣли всѣ страсти и довольствуются только тѣмъ, что необходимо для поддержанія жизни. Поэтому знайте, что нашъ господинъ, желая изучить высочайшее любомудріе, и возложилъ на себя таковое воздержаніе и бодрствованіе.

Но слуги не удовольствовались этимъ отвѣтомъ; при этомъ они вспомнили, что Вассіанъ, еще младенцемъ, писалъ иногда на пескѣ знаменіе креста или слагалъ солому наподобіе креста, за что кормилица его часто на него гнѣвалась. Наконецъ, послѣ различныхъ дознаній, слѣдя за тѣмъ, куда Вассіанъ ходитъ, слуги стали догадываться, что господинъ ихъ принялъ христіанскую вѣру и проводитъ жизнь сообразно христіанскому ученію. Отъ этого они пришли въ немалое смущеніе и страхъ, такъ какъ боялись гнѣва отца Вассіанова, Сергія. Окончательно они увѣрились въ томъ, что Вассіанъ христіанинъ, по слѣдующему случаю.

Однажды, послѣ всенощнаго бдѣнія и всенощныхъ трудовъ, блаженный юноша, утомившись, крѣпко заснулъ. Во время сна онъ сталъ произносить слова молитвы, призывая Бога, Единаго въ Троицѣ, и прося направить его на путь къ славѣ, обѣщанной всѣмъ, любящимъ Его. По молитвѣ былъ слышенъ голосъ свыше:

— Радуйся и веселись, вѣрнѣйшій воинъ Христовъ, Вассіанъ! Молитва твоя принята Богомъ, и тебѣ уготовано лучшее мѣсто на Небѣ.

Послѣ сего событія слуги окончательно убѣдились, что Вассіанъ—христіанинъ; поэтому они тайно, одинъ за другимъ, отпра-

[1]) Т. е. не зная того, что онъ былъ христіаниномъ.

вились обратно въ Сиракузы къ старому господину своему, правителю Сергію, съ непріятною для него вѣстью; они возвѣстили правителю, что сынъ его, Вассіанъ, принялъ христіанскую вѣру.

Сергій, будучи идолопоклонникомъ, сильно опечалился по поводу этого и сталъ размышлять, какъ бы отвратить сына своего отъ христіанства: ласками или угрозами.

Такъ мало-помалу отъ Вассіана ушли изъ Рима всѣ слуги; остался при немъ лишь одинъ старый и вѣрный слуга, который тоже былъ христіаниномъ. На мѣсто удалившихся отецъ Вассіана пожелалъ послать новыхъ слугъ, чтобы они, взявъ Вассіана изъ Рима, привели его къ нему.

Въ это время святому Вассіану пришлось войти ночью, въ первое пѣніе пѣтуховъ[1]), въ церковь святаго Евангелиста Іоанна Богослова[2]). Здѣсь, молясь по обычаю, онъ увидѣлъ честна́го мужа, украшеннаго сѣдинами, который сказалъ ему слѣдующее:

— Знай, вѣрный исповѣдникъ Христовъ, что тебѣ необходимо вмѣстѣ съ вѣрнымъ рабомъ твоимъ идти отсюда въ городъ Равенну[3]), ибо отецъ твой, родившій тебя къ жизни плотской, намѣревается воспрепятствовать спасенію твоему душевному; бѣги отсюда, дабы онъ не совратилъ тебя съ праваго пути. Ради этого милосердый Богъ, не оставляющій Своихъ рабовъ, послалъ меня, своего Апостола, возвѣстить тебѣ объ этомъ, чтобы посланные твоимъ отцомъ, нашедши тебя здѣсь, не воспрепятствовали тебѣ убѣжать отсюда.

Святый Іоаннъ Богословъ послѣ сихъ словъ отошелъ отъ Вассіана.

Блаженный Вассіанъ, весьма возвеселившись сердцемъ по поводу апостольскаго явленія, сталъ полагать многіе поклоны съ молитвою къ Богу, прося не оставить его помощію Своею. Послѣ молитвы Вассіанъ возвѣстилъ все видѣнное и слышанное своему слугѣ. На слѣдующее утро они раздали всѣ свои вещи неимущимъ

---

1) Первые христіане, по примѣру древнихъ Евреевъ, дѣлили ночь на четыре части (по 3 часа въ каждой), называвшіяся стражами. Пѣніе пѣтуховъ было въ третью стражу, которое поэтому и называлось пѣтлоглашеніемъ, или куроглашеніемъ.

2) Память *святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова* празднуется 26-го сентября и 8-го мая.

3) *Равенна* находилась въ такъ называемой Циспаданской Галліи, на берегу Адріатическаго моря. Природа и искусство сдѣлали изъ этого города сильную, почти неприступную крѣпость, почему Равенна считалась оплотомъ Италіи. Римскіе императоры, начиная съ Гонорія (395 г.—423 г.), избирали ее своимъ мѣстопребываніемъ.

и, принявъ благословеніе отъ духовнаго отца своего Гордіана, вечеромъ вышли изъ Рима и отправились въ Равенну.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути въ дорогѣ святый Вассіанъ увидѣлъ оленицу съ двумя дѣтенышами, уже обезсиленными и изнемогавшими, преслѣдуемыми охотниками. Охотники почти настигли оленей. Увидѣвъ это, святый сжалился надъ оленицей и надъ ея дѣтенышами и сказалъ ей:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа, повелѣваю тебѣ безъ страха придти ко мнѣ.

Оленица тотчасъ же, какъ бы понявъ слова, сдѣлавшись кроткой, остановилась и безъ боязни подошла къ святому съ своими дѣтенышами. Вассіанъ сталъ гладить ее рукой, какъ бы животное давно къ нему привыкшее; оленица же лизала ноги его.

Когда охотники, гнавшіеся за оленицей, добѣжавъ, увидѣли, что оленица стоитъ предъ путникомъ кроткою и тотъ гладитъ ее рукой, то весьма удивились, недоумѣвая, какъ могла перемѣниться такъ скоро дикость животнаго въ кротость. При этомъ одинъ изъ охотниковъ, злонравный и жестокій, сказалъ своимъ товарищамъ:

— Безумцы! Для чего мы медлимъ и почему не беремъ свою добычу?

Сказавъ это, онъ сталъ отнимать оленицу изъ рукъ святаго.

— Не я, но Богъ Вышній повелѣваетъ тебѣ,—сказалъ охотнику святый Вассіанъ:—не дѣлай никакого зла ни этому дикому животному, ни дѣтенышамъ его.

Охотникъ съ гнѣвомъ и дерзостью осмѣлился оттолкнуть руку угодника Божія; но тотчасъ же за такое дерзостное дѣло напалъ на того жестокаго охотника бѣсъ, который сталъ сильно мучить его. Въ мукахъ онъ упалъ на землю, сталъ кричать страшнымъ воплемъ, испускать пѣну и, оцѣпенѣвая, сдѣлался какъ бы мертвымъ. Ужаснулись тогда и затрепетали отъ страха остальные охотники и, припавъ къ ногамъ святаго, со слезами стали просить прощенія, боясь, какъ бы и ихъ не постигла подобная участь. Вассіанъ повелѣлъ имъ отступить отъ этого мѣста, а самъ простерся крестообразно для молитвы и, обративъ весь умъ свой къ Богу, сталъ молиться, говоря такъ:

— Боже, чудный Создатель всего, Боже милосердый, Спаситель падшаго рода человѣческаго, веселящійся не о погибели мертвыхъ, но о спасеніи живыхъ: прости лежащаго въ несчастіи, по невѣдѣнію согрѣшившаго и прогнѣвавшаго Твою благость!

Въ таковыхъ и имъ подобныхъ умилительныхъ словахъ молился святый. Вставъ отъ молитвы, онъ подошелъ къ человѣку, лежавшему на землѣ, взялъ его за правую руку и сказалъ бывшему въ немъ бѣсу:

— Діаволъ! Тотъ, Кто низвергнулъ тебя съ высоты Небесной въ бездну, повелѣваетъ тебѣ тотчасъ оставить образъ Божій—сего человѣка—и удалиться въ уготованный для тебя тартаръ[1]), гдѣ ты будешь мучиться во вѣки.

Еще святый не успѣлъ докончить сихъ словъ, какъ врагъ рода человѣческаго уже вышелъ изъ человѣка, котораго даже въ малое время измучилъ такъ сильно, что тотъ былъ почти при смерти. Когда же охотникъ сталъ приходить въ себя, то не видѣлъ ничего глазами своими и лежалъ на землѣ неподвижно.

Святый снова сталъ молиться Богу и, по молитвѣ, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ глаза охотника, которые тотчасъ открылись, такъ что охотникъ сталъ видѣть. Затѣмъ Вассіанъ оградилъ всего его крестнымъ знаменіемъ и повелѣлъ ему встать: и всталъ охотникъ здоровымъ, какъ бы не потерпѣвшимъ никакого вреда.

Съ трепетомъ взирали на сіе чудесное происшествіе стоявшіе вдали другіе охотники; потомъ подошли къ святому и поклонились ему. Вмѣстѣ съ ними кланялся и получившій исцѣленіе, который просилъ прощеніе у святаго и усердно благодарилъ своего исцѣлителя. Послѣ этого всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ: охотники—къ себѣ домой, оленица съ дѣтенышами была отпущена на свободу, а самъ святый Вассіанъ съ своимъ рабомъ отправился въ дальнѣйшій путь.

Прибывъ въ городъ Равенну, Вассіанъ отправился къ епископу этого города—Урсу, который былъ ему родственникомъ. Епископъ, увидавъ своего родственника, очень возрадовался и особенно, когда узналъ, что онъ вѣруетъ во Христа и ради любви ко Христу презрѣлъ все и сталъ странствовать. По желанію Вассіана епископъ отвелъ для него спокойное мѣсто внѣ города при церкви святаго священномученика Аполлинарія[2]), перваго епископа города Равенны, рукоположеннаго святымъ верховнымъ Апостоломъ Петромъ[3]) и пострадавшаго въ царствованіе Веспасіана[4])

---

1) Подъ именемъ *тартара* древніе Греки разумѣли темную бездну, находившуюся въ глубинѣ земли.

2) Память *святаго священномученика Аполлинарія* празднуется 23-го іюля.

3) Память *святаго Апостола Петра* (и *Павла*) совершается 29-го іюня.

4) *Императоръ Веспасіанъ* царствовалъ съ 70 г. по 79 г.

за Имя Христово. При этой церкви нашлось очень удобное для Вассіана мѣсто: здѣсь онъ, пребывая въ уединеніи, отвергшись міра и всего мірскаго, могъ усердно работать Богу, подвизаясь въ постѣ и молитвѣ.

Господь скоро прославилъ раба Своего: Онъ даровалъ ему чудесную благодать исцѣлять тѣлесныя болѣзни молитвою и душевные недуги—богодухновенными поученіями. За все сіе онъ отъ всѣхъ окружающихъ пріобрѣлъ уваженіе, любовь и славу.

Въ это время отъ царя Валентиніана[1]) пришло повелѣніе къ правителю города Равенны и ко всѣмъ гражданамъ этого города: предать смерти городского судью по имени Виѳимнія; случилось же это потому, что клеветники оговорили Виѳимнія предъ царемъ въ большихъ преступленіяхъ, будто бы совершенныхъ имъ. Виѳимній былъ связанъ и приведенъ на то мѣсто, гдѣ его должны были обезглавить. Здѣсь онъ вспомнилъ святаго Вассіана и такъ сказалъ про себя:

— Рабъ Божій Вассіанъ! По благодати, дарованной тебѣ Богомъ, будь мнѣ помощникомъ!

Самъ правитель города и множество народа находилось здѣсь, желая видѣть кончину Виѳимнія. И вотъ, Виѳимній уже преклонилъ выю для отсѣченія, а палачъ, держащій обоюдуострый мечъ, поднялъ его, чтобы съ силою ударить по выѣ Виѳимнія. Но въ это мгновеніе произошло неожиданное событіе. Мечъ выпалъ изъ рукъ палача и упалъ вдалекѣ отъ того мѣста. Палачъ снова взялъ мечъ и, схвативъ его крѣпче прежняго руками, поднялъ, чтобы обезглавить Виѳимнія, но какъ только размахнулся, мечъ снова, какъ и прежде, выпалъ изъ его рукъ и упалъ вдали. Палачъ опять съ гнѣвомъ схватилъ мечъ, но снова произошло то же. Всѣ были поражены симъ чудомъ. Правитель города, думая, что палачъ щадитъ осужденнаго изъ-за награды, которую думалъ получить, удалилъ этого палача и приказалъ другому усѣчь Виѳимнія. Но и съ другимъ случилось то же самое: мечъ до трехъ разъ невидимою силою выхватывался изъ рукъ палача и падалъ вдали. Послѣ этого правитель города, удивляясь и страшась происшедшаго, приказалъ отвести осужденнаго съ лобнаго мѣста, тѣмъ болѣе что и народъ требовалъ освобожденія Виѳимнія, ибо сила Божія защищала его отъ смерти.

---

[1]) *Императоръ Валентиніанъ (II-ой)* царствовалъ съ 383 г. по 392 г.

Виѳимнія посадили въ темницу и послали извѣстіе къ царю, что осужденнаго не могли усѣчь два палача. На это извѣстіе немедленно пришло отъ царя милостивое повелѣніе—освободить Виѳимнія отъ смертной казни и простить его вину.

Виѳимній не скрывалъ, но, наоборотъ, говорилъ о своемъ, по Богѣ, заступникѣ—святомъ Вассіанѣ, котораго онъ въ своей молитвѣ призывалъ себѣ на помощь. Освободившись изъ темницы, онъ отправился къ святому и, лобызая его ноги, воздавалъ ему благодареніе; но святый угодникъ Божій повелѣлъ ему благодарить только одного Бога, избавившаго его отъ смерти. Съ этого времени всѣ жители города стали съ большимъ почтеніемъ относиться къ святому, взирая на него какъ на ангела Божія и прибѣгая къ нему за помощію.

Клиръ же и знатные граждане сообща стали просить епископа убѣдить святаго Вассіана принять священническій санъ, такъ какъ тогда богопріятная молитва Вассіана, возносимая имъ при совершеніи безкровной жертвы, будетъ сильнѣе предъ Богомъ. Такимъ образомъ угодникъ Божій, хотя и не по своему желанію, былъ хиротонисованъ въ священническій санъ, въ коемъ онъ провелъ довольно продолжительное время.

Въ это время скончался вѣрный слуга Вассіана, пришедшій съ нимъ изъ Рима. Святый Вассіанъ сталъ совершать безкровную жертву о его упокоеніи. Въ седьмой день по преставленіи слуги во время Литургіи, преподобный, прилежно молясь о упокоеніи души новопреставленнаго, услышалъ голосъ съ Неба, извѣстившій его, что душа почившаго получила милость отъ Бога и причислена къ лику святыхъ. О семъ извѣстіи Вассіанъ сказалъ Виѳимнію, находившемуся въ церкви за Литургіею, и тогда оба они возрадовались духомъ о спасеніи души преставившагося.

Около этого времени въ городѣ Лодіи, въ Лигуріи[1]), умеръ епископъ. Жители этого города наложили на себя трехдневный постъ и усердно молились ко Господу, прося Его послать достойнаго мужа, который бы, возшедши на святительскій престолъ, могъ благоуспѣшно управлять Церковію Христовою.

Во время общаго поста и молитвы одному изъ пресвитеровъ соборной церкви, по-имени Клименту, мужу добродѣтельному

---

[1]) *Лигуріей* въ Италіи называлась область, населенная *Лигурами*,—племенемъ кельтскаго происхожденія. Лигурія граничила съ Галліей.

и честному, уснувшему послѣ церковныхъ трудовъ, въ сонномъ видѣніи явился нѣкій свѣтоносный мужъ и сказалъ:

— Знайте всѣ, что вамъ уготованъ Богомъ во епископы пресвитеръ Вассіанъ, пребывающій въ городѣ Равеннѣ и украшенный дарованіями Божіими.

Пробудившись отъ сна, Климентъ тотчасъ же призвалъ честнѣйшихъ мужей изъ клира церковнаго и мірянъ, которымъ и возвѣстилъ о сказанномъ ему Господомъ въ видѣніи. Тогда избрали знатныхъ мужей и послали ихъ въ Равенну съ просьбою ко святому Вассіану — прибыть къ нимъ въ Лодію и принять святительскій престолъ.

Святому же Вассіану, еще прежде нежели посланные пришли въ Равенну, Богъ въ ночномъ видѣніи открылъ о ихъ пришествіи и повелѣлъ, не отказываясь, идти съ ними.

Поутру лодійскіе посланные пришли къ святому и объявили ему, что имъ было повелѣно. Святый обратился къ посланнымъ съ такими словами:

— Богъ создалъ человѣка безсмертнымъ, дабы онъ всегда повиновался волѣ и указаніямъ своего Творца. Человѣкъ же, преступивъ Божіе повелѣніе, данное ему въ раю, самъ сдѣлалъ себя смертнымъ, точно такъ же и потомковъ своихъ сдѣлалъ смертными. Поэтому не должно человѣку противиться волѣ своего Бога и нарушать Его повелѣнія, но каждому необходимо со всѣмъ усердіемъ стараться выполнять то, что угодно Богу и заповѣдано Имъ. Въ виду этого и я, не изъ желанія почестей, но ради нуждъ единовѣрныхъ своихъ братьевъ, по Божію повелѣнію, не отказываюсь принять налагаемое на меня иго.

Сказавъ это, святый Вассіанъ предложилъ путникамъ отдохнуть послѣ ихъ труднаго пути. Но посланные, обрадовавшись согласію преподобнаго, не думали оставаться и отдыхать, но желали скорѣе представить въ свой городъ неоцѣненное сокровище, стремились скорѣе отправиться обратно въ путь и умоляли святаго идти поскорѣе вмѣстѣ съ ними; посему вечеромъ преподобный и посланные отправились въ путь.

Когда они приближались къ Лодіи, весь народъ съ радостію и веселіемъ вышелъ навстрѣчу своему, Богомъ дарованному, пастырю.

Въ это время находился въ толпѣ одинъ нѣкій человѣкъ, бывшій въ параличѣ, не владѣвшій языкомъ. Вмѣстѣ съ народомъ

этотъ больной, хотя и съ большимъ трудомъ, подошелъ къ святому и облобызалъ святую десницу угодника Божія. Тотчасъ онъ окрѣпъ тѣломъ; языкъ его разрѣшился, и онъ сталъ прославлять величіе Божіе. Народъ усугубилъ свою радость, видя, какого святаго пастыря и чудотворца даровалъ имъ Богъ.

Для посвященія святаго Вассіана въ санъ архіерейскій прибылъ въ Лодію святый епископъ Амвросій[1]) изъ Медіолана[2]) и вышеупомянутый сродникъ святаго Вассіана Урсъ изъ Равенны. Въ первый день января состоялось посвященіе Богомъ избраннаго мужа Вассіана во епископа, что и доставило великую радость и большее торжество всему городу тому.

Святый Вассіанъ, сдѣлавшись епископомъ, сталъ учить паству свою словомъ и дѣломъ, но главнымъ образомъ—примѣромъ своей добродѣтельной жизни. Къ святому Амвросію онъ оказывалъ большую любовь о Святомъ Духѣ, и отъ Амвросія имѣлъ таковую же любовь, которая выражалась въ частыхъ любезныхъ посланіяхъ ихъ отъ одного къ другому.

По прошествіи нѣкотораго времени святитель Христовъ Вассіанъ выстроилъ въ восточномъ предмѣстьи города великолѣпный храмъ во имя Святыхъ Апостоловъ и на освященіе этого храма пригласилъ святаго Амвросія Медіоланскаго и Филакса Команскаго[3]) (Урсъ Равеннійскій въ это время уже почилъ о Господѣ). Въ то время, когда архіереи освящали храмъ, среди народа, собравшагося на освященіе, находилась одна бѣсноватая отроковица, устами которой діаволъ сталъ взывать велегласно:

— Зачѣмъ вы, мужи Божіи, неправедно возстали на меня? Зачѣмъ всѣ трое на одного меня вооружились непобѣдимымъ оружіемъ? Развѣ для васъ мало, что вы отняли у насъ силу вредить кому-либо изъ васъ? Вотъ, вы выгоняете насъ и изъ тѣхъ, надъ которыми мы имѣли власть. Если выгоните меня отсюда, то, взявъ съ собою двухъ или больше (бѣсовъ), отправлюсь въ другое мѣсто, куда вы не придете.

Служители Христовы, услыша діавольскій вопль, преклонили колѣна и стали усерднѣе молиться ко Господу. Во время мо-

---

[1]) См. житіе *святаго Амвросія* подъ 7-мъ декабря.

[2]) *Медіоланъ*—древній городъ Цизальпинской Галліи, или нынѣшней Сѣверной Италіи,—центръ процвѣтанія наукъ и искусствъ; нынѣ—главный цвѣтущій городъ итальянской области Ломбардіи.

[3]) Городъ *Команы* находился въ провинціи Понтѣ, на сѣверо-востокѣ Малой Азіи. Нынѣ на мѣстѣ этого города находится селеніе Гуменекъ.

литвы бѣсъ, не стерпѣвъ ихъ молитвенной силы, повергъ отроковицу на землю и съ страшнымъ воплемъ вышелъ изъ нея. Тогда святители приступили къ отроковицѣ и, поднявъ ее съ земли уже здоровою, отдали ее родителямъ, заповѣдуя имъ воздать благодареніе Господу за освобожденіе ихъ дочери отъ мученія демонскаго.

По освященіи церкви была устроена въ славу Божію трапеза, за которой святители бесѣдовали о томъ, что полезно для Церкви Божіей. Послѣ трапезы и дружеской бесѣды прибывшіе архіереи отправились въ свои мѣста, и святый Вассіанъ съ честію проводилъ каждаго изъ нихъ.

Однажды, во время жатвы, одинъ отрокъ собиралъ снопы среди жнецовъ; его ужалила змія, и онъ умеръ. Родители, неутѣшно рыдая по поводу смерти сына, принесли его для погребенія во вновь построенную блаженнымъ Вассіаномъ церковь въ честь и славу Святыхъ Апостоловъ, гдѣ въ это время случайно находился и самъ архіерей Божій, Вассіанъ. Онъ часто приходилъ въ эту церковь и совершалъ въ ней Богослуженіе. Во время пѣнія обычнаго погребальнаго канона плачъ родителей по отрокѣ сталъ заглушать голосъ пѣвцовъ. Архіерей Божій, сожалѣя плачущихъ, повелѣлъ всѣмъ выдти изъ церкви; потомъ остался одинъ, повергся на землю предъ Богомъ со слезами и умолялъ Его, чтобы Господь повелѣлъ душѣ отрока возвратиться въ тѣло. Во время молитвы святаго тѣло умершаго отрока стало сначала немного, а затѣмъ все болѣе и болѣе двигаться. Святый возсталъ отъ молитвы, взялъ отрока за руку и повелѣлъ ему встать. Отрокъ, какъ бы проснувшись отъ сна, открылъ глаза, началъ звать свою мать и всталъ. Находившіеся внѣ церкви родители и народъ, услыхавъ голосъ отрока, отъ радости не могли оставаться на мѣстѣ, но тотчасъ же открыли церковныя двери и вошли внутрь храма. Увидѣвъ отрока воскреснимъ изъ мертвыхъ, всѣ изумились и ужаснулись и, припавши ко святому, съ радостію лобызали его руки и одежду. Святый же, воздавъ благодареніе Всемогущему Богу и сказавъ народу поученіе, отпустилъ всѣхъ съ миромъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этого смертельно заболѣлъ святитель Христовъ Амвросій. Архіерей Божій Вассіанъ, узнавъ о болѣзни возлюбленнаго своего, о Святомъ Духѣ, отца и друга, поспѣшилъ отправиться въ Медіоланъ навѣстить болящаго. Здѣсь, увидавъ Амвросія на одрѣ болѣзни, онъ остался

прислуживать ему, молиться вмѣстѣ съ нимъ и утѣшать его надеждою на Христа.

Святому Амвросію было такое видѣніе: ему представилось, что онъ видитъ Господа нашего Іисуса Христа, идущаго къ нему со свѣтлымъ ликомъ и любезно ему улыбающагося. Объ этомъ видѣніи святый Амвросій разсказалъ находившемуся около него святому Вассіану. Тогда Вассіанъ, понявъ, что приблизился часъ кончины святаго Амвросія, началъ плакать и вмѣстѣ радоваться. Радовался онъ тому, что святый мужъ отходилъ ко Христу, призывающему его,—плакалъ же потому, что лишался любезнаго своего друга въ этой временной жизни: но онъ имѣлъ твердую о Христѣ надежду свидѣться съ нимъ въ будущей жизни и быть вмѣстѣ съ почившимъ въ ликѣ іерарховъ.

По кончинѣ святаго Амвросія Вассіанъ и всѣ жители Медіолана оплакали святителя и съ честію похоронили святое тѣло его. Послѣ этого Вассіанъ отправился въ свой городъ, гдѣ сталъ возносить предъ Господомъ безкровную жертву съ молитвою о упокоеніи Амвросія, хотя вполнѣ былъ увѣренъ, что душа его упокоена со святыми; ибо молитва и безкровная жертва и о святыхъ не бываютъ безплодны. Если молитва о святомъ не можетъ въ чемъ-либо ему способствовать, то она возвращается въ нѣдро молящагося—принесетъ пользу послѣднему, какъ говоритъ Давидъ: **моли́тва мо҃ въ нѣ́дро мое҃ возврати́тсѧ**[1]).

По прошествіи довольно продолжительнаго времени святому Вассіану снова пришлось отправиться въ Медіоланъ по церковнымъ дѣламъ. Входя въ городъ, онъ увидалъ на площади вѣсовщика, который на вѣсахъ вѣсилъ различные товары. Этотъ вѣсовщикъ былъ неправеденъ, многихъ обманывалъ и этимъ старался доставить себѣ прибытокъ. Святый увидалъ на вѣсахъ бѣса, въ образѣ маленькаго эѳіопа, перетягивавшаго вѣсы, чѣмъ и пользовался неправедный вѣсовщикъ. Святый спросилъ бывшихъ съ нимъ:

— Видите ли вы что-нибудь странное?

Они отвѣтили ему, что ничего особеннаго не видятъ.

Тогда святый помолился о томъ, чтобы и прочимъ для достовѣрнаго свидѣтельства отверзлись очи видѣть то же, что видѣлъ онъ. И, дѣйствительно, отверзлись духовныя очи у пресвитера

---

1) Псал. 34, ст. 13.

Климента и у діакона Елвонія: они увидѣли то же, что видѣлъ архіерей Божій, именно—маленькаго эѳіопа, сидѣвшаго на вѣсахъ и исполнявшаго приказанія вѣсовщика. Они сказали о видѣнномъ святому и подтвердили слова Давида, который говоритъ: **лжи́вы сы́нове человѣ́честіи въ мѣ́рилѣхъ** [1]).

Святый позвалъ вѣсовщика и спросилъ его:

— При помощи какой неправедной мѣры ты увеличиваешь вѣсъ и обманываешь купцовъ?

— Я не дѣлаю никакой неправды,— отвѣчалъ вѣсовщикъ и клятвою подтвердилъ, что вѣсъ его правиленъ.

Тогда святитель показалъ ему на вѣсахъ адскаго эѳіопа и сказалъ:

— Этотъ эѳіопъ тотчасъ же войдетъ въ тебя, сокрушитъ твое тѣло и исторгнетъ изъ тебя душу твою со страшными мученіями.

Неправедный вѣсовщикъ отъ страха задрожалъ и, припавъ къ ногамъ святаго съ покаяніемъ, обѣщался отстать отъ неправды. Святый вразумилъ его отъ Святаго Писанія и повелѣлъ ему все, что онъ нажилъ неправдою, раздать нищимъ. Послѣ этого святый молитвою отогналъ отъ вѣсовъ бѣса и отправился въ свой путь.

Возвратившись обратно въ свой городъ, угодникъ Божій занялся обычными дѣлами богоугожденія и попеченіемъ о паствѣ. Онъ прожилъ въ архіерейскомъ званіи пять лѣтъ и съ миромъ отошелъ ко Господу, Которому вѣрно и истинно работалъ, имѣя отъ роду девяносто лѣтъ [2]). Вѣрные овцы съ честію похоронили своего пастыря въ сооруженной имъ Апостольской церкви и много плакали, лишившись таковаго отца. Скончался же святый въ царствованіе Гонорія [3]) на Западѣ и Ѳеодосія [4]), сына Аркадія,—на Востокѣ. Какъ при жизни, такъ особенно по кончинѣ своей онъ былъ чудотворцемъ: отъ гроба его чудесно подавались исцѣленія болящимъ—по святымъ молитвамъ его и по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому, вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, возсылается честь и слава, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

---

1) Псал. 61, ст. 10.

2) Кончина *святаго Вассіана* послѣдовала ок. 409 г.

3) *Императоръ Гонорій* управлялъ Западомъ съ 395 г. по 423 г.

4) *Императоръ Ѳеодосій (II-ой)* управлялъ Востокомъ съ 408 г. по 450 г.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ѲЕОФАНА

Святый Ѳеофанъ происходилъ отъ языческихъ родителей. Когда онъ достигъ юношескаго возраста, то сочетался бракомъ съ одной дѣвицей, но она въ скоромъ времени умерла. Ѳеофанъ же увѣровалъ во Христа и крестился. Затѣмъ, оставивъ все, заключился въ одной хижинѣ близъ того города и жилъ тамъ довольно продолжительное время, поучая приходящихъ къ нему храненію Заповѣдей Божіихъ и цѣломудренной жизни. Узнавъ объ одной блудницѣ, что она многихъ погубила своею красотою, святый Ѳеофанъ вышелъ изъ затвора и, облекшись въ свѣтлыя одежды, выпросилъ у своего отца девять литръ золота, какъ бы желая взять за себя ту женщину. Придя затѣмъ къ блудницѣ, отдалъ золото и, убѣдивъ ее измѣнить свою жизнь, крестилъ ее. Послѣ сего святый Ѳеофанъ устроилъ около своей хижины другую хижину, гдѣ и затворилъ означенную женщину. И содѣлалъ ту, которая раньше была сосудомъ грѣха,—жилищемъ Святаго Духа, золото же роздалъ нищимъ. Сіи оба угодили Господу и въ одинъ и тотъ же день отошли въ Небесныя обители [1]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ТИМОѲЕЯ,

епископа Прусскаго

Въ городѣ Прусѣ, находящемся на границахъ Виѳиніи, Фригіи и Лидіи [2]), близъ горы Олимпійской [3]), епископомъ былъ святый Тимоѳей, за чистоту своей жизни и святость получившій отъ Бога даръ чудотворенія. Случилось однажды ему

1) Кончина *св. Ѳеофана* послѣдовала во второй половинѣ IV в.

2) *Виѳинія*, *Фригія* и *Лидія*—малоазійскія области.

3) *Гора Олимпъ* находилась въ сѣверо-восточномъ углу Малой Азіи, на границахъ Фригіи, Мизіи и Виѳиніи.

умертвить громаднаго змія, поселившагося въ пещерѣ подъ кипарисовымъ деревомъ и причинявшаго большой вредъ животнымъ и людямъ. Этого змія святый умертвилъ, бросивъ въ его пасть покровъ, которымъ накрывается на божественномъ Престолѣ освященный хлѣбъ (агнецъ). Въ другой разъ онъ исцѣлилъ одного царя, по имени Арита, который страдалъ тяжкою болѣзнію, такъ что уже приближался къ вратамъ смерти. Подобнымъ же образомъ и нѣкую царицу не только возвратилъ отъ жизни къ смерти, но и обратилъ отъ тьмы идолослуженія къ свѣту истинной вѣры. Кромѣ сего, святый Тимоѳей, по дарованной ему отъ Бога благодати, исцѣлялъ различныя болѣзни, совершилъ много и другихъ чудотвореній силою Христовою. Проповѣдію же своею онъ просвѣтилъ всю свою паству и множество невѣрующихъ обратилъ ко Христу. Когда же вступилъ на римскій престолъ императоръ Юліанъ[1]), который отвергся отъ Христа, сталъ поклоняться идоламъ и воздвигъ жестокое гоненіе на Церковь Божію,—то святый Тимоѳей съ особенною ревностію началъ трудиться въ проповѣданіи Слова Божія, укрѣпляя вѣрующихъ и обличая язычниковъ въ ихъ заблужденіяхъ. Услышавъ о святомъ, нечестивый императоръ Юліанъ повелѣлъ взять его и привести къ нему, и потомъ посадилъ его въ темницу. Сюда ко святому стекалось множество народа, которому онъ проповѣдовалъ о Христѣ, Богѣ Истинномъ. Юліану было доложено, что христіанскій епископъ, заключенный въ темницѣ, учитъ своей вѣрѣ приходящихъ къ нему людей. Юліанъ тогда послалъ ему приказаніе—не учить объ Имени Іисуса Христа. Но святый Тимоѳей не послушалъ распоряженія нечестиваго и беззаконнаго царя и безъ боязни продол-

Сщ҃енномч҃никъ Тїмоѳе́й

[1]) *Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 г. по 363 г.

жалъ совершать подобающее ему какъ христіанскому епископу—учить народъ. Когда же императоръ Юліанъ снова узналъ, что святый Тимоѳей безбоязненно продолжаетъ проповѣдовать о Христѣ, разгнѣвался и послалъ палача, чтобы онъ отсѣкъ святому голову въ темницѣ [1]). Послѣ блаженной кончины священномученика вѣрующіе взяли его святое тѣло и съ честію похоронили его. Отъ его гроба подавалось множество чудесныхъ исцѣленій разныхъ болѣзней, во славу Христа Бога нашего [2]).

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АЛЕКСАНДРА и АНТОНИНЫ

Въ одно изъ гоненій на христіанъ, когда множество вѣрующихъ во Христа было умерщвлено послѣ различныхъ мученій, спустя немало времени отъ начала гоненія была схвачена и приведена къ жестокому правителю Фисту одна христіанская дѣвица, по имени Антонина, происходившая изъ города Кродамна [3]). За ея благочестивую и добродѣтельную жизнь Господь сподобилъ ее принять мученическій подвигъ—для посрамленія и побѣды надъ лукавымъ діаволомъ.

Когда сію дѣву Антонину привели къ жестокому правителю Фисту, то онъ началъ ее соблазнять многими лукавыми словами, говоря ей такъ:

— Госпожа Антонина, я хочу тебя, дѣву чистую и цѣломудренную, сдѣлать царицей богини Артемиды [4]), дать тебѣ много подарковъ и почестей и сдѣлать тебя управительницей всего моего имущества.

На это предложеніе Фиста святая Антонина долгое время ничего не отвѣчала, но потомъ сказала:

— Для чего ты обѣщаешь мнѣ суетные дары? Лучше ты самъ, Фистъ, раздѣли со мною мои богатства, чтобы черезъ вѣру

---

1) Кончина *святаго Тимоѳея* послѣдовала во второй половинѣ IV в.

2) Честны́я мощи святаго Тимоѳея находились въ Константинополѣ въ храмѣ его имени, выстроенномъ близъ Меландезійскихъ воротъ (въ 12-ой части Константинополя).

3) Городъ *Кродамна* находился въ малоазійской области Ѳракія.

4) *Артемида*, или *Діана*,—греко-римская богиня свѣта и Луны.

въ Господа моего Іисуса Христа получить сокровища вѣчныхъ благъ.

— Да не будетъ того,— возразилъ Фистъ,—что ты говоришь, да сохранятъ меня отъ сего боги, чтобы мнѣ не увѣровать въ такого Бога, или лучше сказать Человѣка, Который былъ пригвожденъ ко кресту и умеръ на немъ!

Святая Антонина отвѣтила на это Фисту:

— Не утаиваю я того, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту и по смерти положенъ во гробъ, но и то о Немъ возвѣщаю, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день и нынѣ сидитъ одесную Бога Отца Своего, какъ о томъ написано въ нашихъ книгахъ: речѐ гд҃ь гд҃еви моемꙋ: сѣдѝ ѡ̑десноу̀ менѐ, до́ндеже положꙋ врагѝ твоѧ̑ подно́жїе но́гъ твои́хъ [1]).

Стїи мч҃нцы
а҃лєза́ндръ и а҃нтѡни́на

— Ложны всѣ твои пространныя рѣчи,—сказалъ Фистъ.—Почему ты не соглашаешься повиноваться мнѣ и принести жертву нашимъ богамъ, дабы насладиться всѣми благами, какія существуютъ въ мірѣ?

— Не поклонюсь я такимъ бездушнымъ богамъ,—отвѣтила святая дѣва,—ибо они бѣсы, какъ и написано о томъ въ законѣ Господа моего: всѝ бо́зи а҃зы́къ бѣсове: гд҃ь же небеса̀ сотво́рѝ [2]).

— Какъ осмѣливаешься ты, — вскричалъ Фистъ, — называть нашихъ боговъ бѣсами?

— Да,такъ я ихъ называю,—отвѣчала святая Антонина,—по-

1) Псал. 109, ст. 1.
2) Псал. 95, ст. 5.

тому что нѣтъ въ нихъ никакой силы; никакой помощи ты не получишь отъ нихъ — поистинѣ, они не боги, но бѣсы.

Отъ сихъ словъ святой Антонины Фистъ пришелъ въ сильную ярость и повелѣлъ воинамъ сильно бить ее по ланитамъ, дабы она не была такъ дерзновенна. Затѣмъ снова обратился къ ней съ такими словами:

— Клянусь богами, что, если ты не исполнишь царскаго повелѣнія, я, послѣ лютѣйшихъ мученій, прикажу тебя отвести въ непотребный домъ—и тѣмъ присужу тебя къ величайшему посрамленію. Поэтому даю тебѣ сроку три дня, чтобы ты размыслила—совершенно ли ты откажешься исполнить мое приказаніе, или пожелаешь раскаяться и принести жертву богамъ? Вѣдь многіе, раздѣляющіе вашу вѣру, сначала поступали такъ же, какъ и ты, но потомъ перемѣняли свои мысли и поклонялись нашимъ богамъ.

Тогда святая Антонина сказала правителю:

— Дѣлай, что хочешь, нечестивый мучитель!

Послѣ сего святая была отдана подъ стражу четыремъ воинамъ, съ которыми съ радостью въ душѣ и съ веселымъ лицемъ отправилась въ темницу. Правитель же, призвавъ къ себѣ тайно начальника темничной стражи, приказалъ ему: не причинять никакой обиды святой дѣвѣ, но ласковыми словами уговаривать ее отречься отъ христіанской вѣры и принести жертву идоламъ,— потому что, прибавилъ Фистъ, весьма трудно заставить христіанъ отречься отъ ихъ вѣры. Когда же начальникъ темничной стражи посадилъ святую въ темницу, то, придя къ ней, началъ ее убѣждать такими словами:

— Чистая дѣва Антонина, зачѣмъ упорствуешь? Ради чего не желаешь перемѣнить свои мысли?! Принеси жертву нашимъ богамъ, чтобы избавиться тебѣ отъ ожидающихъ тебя мученій.

Но святая ничего ему не отвѣчала, такъ что стражъ темничный весьма удивился и недоумѣвалъ, почему святая дѣва не отвѣчала ему ни слова. А святая Антонина, преклоняя колѣна на землю, день и ночь молилась Господу Богу, оставаясь все время безъ пищи.

По истеченіи трехъ дней пребыванія святой Антонины въ темницѣ внезапно раздался сильный громъ: запоры темничные разрушились, и двери открылись сами собой, внутри же всю темницу освѣтилъ сильный свѣтъ, и съ Неба послышался Голосъ, говорившій такъ:

— Встань, Антонина, и подкрѣпись пищей, вкуси хлѣба и воды, будь мужественна и нисколько не бойся нечестиваго правителя Фиста, потому что Я—съ тобою.

Святая же, окончивъ свои молитвы, произнесла:

— Аминь.

Затѣмъ, вставъ съ колѣнъ, вкусила хлѣба и воды и легла немного уснуть.

При наступленіи слѣдующаго дня правитель сѣлъ на свое судейское мѣсто и сказалъ:

— Приведите ко мнѣ ту дерзкую женщину, да узнаемъ ея мысли.

Воины, исполняя приказаніе правителя, привели къ нему святую. Когда же святую дѣву вели на судъ, она возвела свои глаза къ Небу и молилась:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты исполняешь на мнѣ Твою волю; молю Тебя — не оставь меня даже и до смерти моей.

И вдругъ послышался съ Неба Голосъ, возвѣщавшій:

— Иди въ путь твой безбоязненно, ибо Я — съ тобою!

Когда святую дѣву Антонину привели на то судейское мѣсто, гдѣ возсѣдалъ Фистъ, она разсмѣялась. Фистъ, увидавъ, что она засмѣялась, спросилъ ее:

— Отчего ты разсмѣялась?

Святая отвѣтила ему:

— Я открою тебѣ причину моего смѣха, ибо я вижу, что престолъ, на которомъ ты сидишь, въ скоромъ времени разрушится, и ты погибнешь,—поэтому я и разсмѣялась.

Правитель, увидавъ, что она посмѣивается надъ нимъ, повелѣлъ бить ее бичами. Святая же, возведя свои духовныя очи къ Небу, молилась такъ:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что ты сподобилъ меня, окаянную и грѣшную, раздѣлить жребій святыхъ Твоихъ,— сего же беззаконника и проливающаго невинную кровь низвергни въ скоромъ времени на дно ада, чтобы онъ узналъ безсиліе своихъ ложныхъ боговъ, на которыхъ возлагаетъ всю свою надежду.

Услышавъ такія слова, правитель, жаждавшій человѣческой крови, пришелъ въ еще бо́льшую ярость и сказалъ воинамъ:

— Сія злая и дерзкая женщина не только осмѣливается по-

носить нашихъ боговъ, но и намъ самимъ угрожаетъ; отведите поэтому ее въ непотребный домъ на осквернение.

Воины тогда взяли святую и отвели въ отдѣльный домъ. Святая Антонина, оставшись одна въ отдѣльномъ помѣщеніи, стала усердно молиться Богу. Въ это время Ангелъ Господень явился одному изъ воиновъ правителя, имѣющему двадцать три года отъ рожденія и называвшемуся Александромъ. Явившись къ нему, Ангелъ сказалъ:

— Иди къ правителю и скажи ему, чтобы онъ дозволилъ тебѣ войти къ Антонинѣ. Когда взойдешь къ ней, то одѣнь ее твоимъ плащомъ и пусть она уйдетъ изъ того дома, да не узнаетъ ее злобный правитель.

Доблестный воинъ Христовъ, исполняя повелѣніе Ангела, пришелъ къ правителю и сталъ просить его:

— Позволь мнѣ войти къ Антонинѣ, и если я ее уговорю, тогда освободи ее, а если нѣтъ, то дѣлай съ ней, что пожелаешь.

Правитель согласился исполнить его просьбу и сказалъ ему:

— Дѣлай съ ней все, что тебѣ желательно.

Тогда Александръ взошелъ въ то помѣщеніе, гдѣ находилась святая дѣва, припалъ къ ея ногамъ и такъ началъ ей говорить:

— Раба Господня, дѣва Антонина! Господь послалъ меня къ тебѣ открыть тебѣ то (какъ Онъ мнѣ возвѣстилъ), что дѣвство твое будетъ сохранено.

Святая устрашилась. Но вдругъ комнату освѣтилъ сильный свѣтъ и послышался Голосъ, который говорилъ:

— Не бойся, Антонина! Призвавшій тебя на подвигъ, щедръ и многомилостивъ,—и сего Александра призываетъ къ тому же мученическому подвигу. Одѣнься въ его плащъ, голову же свою наклони, и спрячь лице свое, и такъ выйди отсюда, чтобы правитель въ такомъ видѣ не узналъ тебя. Я же такъ скрою тебя, что онъ тебя не узнаетъ!

Тогда святая Антонина взяла у Александра его плащъ и надѣла на себя, закрыла голову свою и, выйдя вонъ изъ дому, сдѣлала знакъ рукою правителю, какъ бы говоря: поступай, какъ желаешь. Такимъ образомъ святая дѣва Христова, какъ серна избѣгши сѣтей, пошла своимъ путемъ, радуясь своему избавленію. Правитель же, подумавъ, что это Александръ вышелъ изъ дома, послалъ къ Антонинѣ еще четырехъ воиновъ, сказавъ имъ:

— Ступайте къ ней и сдѣлайте съ ней, что вамъ угодно, а надругавшись надъ нею, выведите ее вонъ, да получить она великое безчестіе, и мы всѣ посмѣемся надъ ней.

Воины, исполняя приказаніе правителя, вошли, чтобы осквернить дѣву, но не нашли ея, а увидали только одного Александра. Сильно удивившись, они спросили его:

— Гдѣ же та женщина? Отчего ты одинъ?

Взявъ затѣмъ его, привели къ правителю и сказали:

— Мы въ той комнатѣ нашли только его одного, дѣвицы же нѣтъ тамъ.

Правитель также былъ весьма удивленъ происшедшимъ и сталъ спрашивать Александра:

— Скажи намъ, невѣрный и обманщикъ, какъ ты осмѣлился обмануть насъ? Гдѣ та нечестивая блудница? Ты обезчестилъ ее, а потомъ, одѣвъ своимъ плащомъ, отпустилъ, желая взять ее себѣ въ жены; но этого не будетъ, и ты не избѣгнешь моего гнѣва.

Когда Александръ ничего не отвѣтилъ на это правителю, то онъ долгое время думалъ, а потомъ повелѣлъ повѣсить его для мученій и бить безъ милосердія. Когда же исполняли повелѣніе правителя и били святаго Александра, то правитель снова спросилъ его:

— Гдѣ та нечестивая женщина, къ которой ты входилъ?

Александръ же опять ничего не отвѣтилъ, а только устремлялъ свои глаза къ Небу. И вдругъ послышался съ Неба Голосъ, говорившій правителю:

— Жестокій Фистъ, зачѣмъ ты мучаешь невиннаго человѣка?

Услышавъ сей Голосъ, правитель повелѣлъ перестать мучить святаго и, снявъ мученика съ дерева, отвести въ темницу, а святую дѣву Антонину повелѣлъ повсюду розыскивать.

По прошествіи пяти дней правитель снова велѣлъ привести къ нему на судъ Александра и сталъ спрашивать его:

— Что ты надумалъ? Принесешь жертву богамъ или нѣтъ?

Святый Александръ отвѣчалъ правителю:

— Могу ли я измѣнить свои мысли, о нечестивый и жестокій мучитель!

— А гдѣ та женщина, къ которой ты входилъ? — спросилъ Фистъ.

— Не знаю, гдѣ она находится, — отвѣчалъ Александръ.

Между тѣмъ, когда они такъ разговаривали, святой Антонинѣ дѣвѣ явился Самъ Господь Іисусъ Христосъ и сказалъ:

— Мужайся и иди туда, гдѣ находится несправедливый и жестокій правитель.

Тогда святая пошла и, безбоязненно явившись къ правителю, сказала ему:

— Нечестивый и жестокій Фистъ, кого ты ищешь, не меня ли? Вотъ, я сама являюсь къ тебѣ, чтобы посрамить и уничтожить твою силу.

Увидѣвъ святую, Фистъ пришелъ въ сильную ярость и повелѣлъ воинамъ повѣсить ее, сильно бить и спрашивать:

— Дѣва ты или нѣтъ?

Святая же подъ сильными ударами не испустила ни одного стона. Когда же ее сняли съ дерева, то самъ правитель сталъ ее спрашивать: осталась ли она еще дѣвою, или нѣтъ? Тогда святая мученица отвѣтила правителю:

— О нечестивый и жестокій мучитель! Мы, христіане, совершенно не порабощены вашею нечистою похотію, ибо и меня Господь и Богъ нашъ по Своему милосердію сохранилъ невинною.

Фистъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ:

— Если ты еще дѣва, то подойди и вмѣстѣ съ Александромъ принеси жертву нашимъ богамъ, и останетесь невредимыми.

На это предложеніе правителя святые мученики Христовы Александръ и дѣва Антонина какъ бы одними устами отвѣчали правителю:

— Нѣтъ такихъ мученій, жестокій Фистъ, какими бы вы смогли принудить насъ поклониться вашимъ мерзкимъ богамъ, не имѣющимъ ни разума, ни могущества.

Послѣ такого отвѣта святыхъ мучениковъ правитель повелѣлъ отсѣчь имъ руки. Доблестные и благородные воины Христовы простерли тогда свои руки для отсѣченія и сказали:

— Прежде всего, нечестивый и жестокій мучитель, да будетъ тебѣ извѣстно, что никакими мученіями ты не сможешь побѣдить наши благочестивыя мысли,— поступай съ нами, какъ желаешь!

Воины обнажили свои мечи и отсѣкли руки святыхъ мучениковъ. Они же, какъ бы не чувствуя боли, прославляли Господа и, обратившись затѣмъ къ правителю, сказали ему:

— Жестокій и сквернѣйшій правитель! Мы нисколько не чувствуемъ тѣхъ мученій, какія ты причинилъ намъ; тебя же самого Господь нашъ, рабы Котораго—мы, въ скоромъ времени ввергнетъ въ геенну огненную, гдѣ ты будешь вѣчно мучиться непрестанными мученіями.

Отъ такихъ обличеній святыхъ мучениковъ правитель пришелъ въ сильнѣйшую ярость и приказалъ вырыть глубокую яму, а прежде всего, повѣсивъ святыхъ страдальцевъ, до тѣхъ поръ бить ихъ, пока они не почувствуютъ боли отъ наносимыхъ имъ ударовъ. Въ яму же приказалъ набросать во множествѣ дрова и хворостъ такъ, чтобы она наполнилась доверху, и сжечь въ ней святыхъ мучениковъ. Между тѣмъ они, несмотря на жестокіе побои, не ощущали никакой боли, какъ будто бы не ихъ тѣла подвергались такимъ мученіямъ, но воздавали хвалу Господу Іисусу Христу. Видя сіе, правитель повелѣлъ новыми мученіями терзать ихъ, опаляя ребра ихъ горящими свѣчами. Тогда святые мученики Александръ и Антонина громкимъ голосомъ воззвали къ правителю:

— Нечестивый Фистъ! Мы терпимъ наши страданія ради любви ко Господу нашему Іисусу Христу, твердо вѣруя, что въ будущей жизни, послѣ этой временной, мы получимъ вѣчную награду въ Царствѣ Небесномъ. А тебя Господь и Богъ нашъ вскорѣ предастъ погибели за то, что ты заставляешь такъ сильно страдать невинныхъ рабовъ Его!

Фистъ, слыша слова сіи, въ сильной ярости далъ такое приказаніе своимъ слугамъ:

— Зажгите находящіяся въ ямѣ дрова, чтобы скорѣе бросить въ огонь этихъ людей.

Когда приказаніе правителя было исполнено воинами, тогда жестокій мучитель повелѣлъ имъ облить святыхъ мучениковъ смолою и бросить въ яму, пылающую огнемъ. При этомъ онъ приказалъ положить еще сверху на дрова сухую смолу, чтобы мученики совершенно сгорѣли и даже кости ихъ обратились въ прахъ. По исполненіи казни правитель повелѣлъ засыпать ту яму землею, сказавъ:

— Пусть нельзя будетъ женщинамъ ихъ собрать и костей ихъ, какъ это въ обычаѣ у христіанъ.

По приказанію Фиста святыхъ мучениковъ ввергли въ огонь и засыпали яму ту. Потомъ Фистъ возвратился въ свой домъ, но не могъ вкусить ни пищи, ни питья и сдѣлался нѣмымъ, ибо по-

сланный на него святыми Ангелами злой духъ въ теченіе семи дней мучилъ его. Послѣ же тяжкихъ семидневныхъ бѣсовскихъ мученій правитель извергнулъ свою нечестивую душу. Такъ онъ умеръ, и гоненіе на христіанъ въ тѣхъ мѣстахъ прекратилось. Блаженная же кончина святыхъ мучениковъ Александра и Антонины послѣдовала въ третій день мѣсяца мая[1]), въ субботу, въ девятый часъ дня, во владычество Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается честь и слава вѣчно. Аминь.

[1]) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала 3-го мая 313 г., но повѣствованіе о житіи ихъ предложено подъ 10 іюня потому, что подъ симъ числомъ оно помѣщено въ прологахъ.—Честныя мощи ихъ впослѣдствіи были перенесены въ Константинополь и положены въ монастырѣ Максимовомъ.

День одиннадцатый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЯ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ВАРѲОЛОМЕЯ

Святый Апостолъ Варѳоломей былъ одинъ изъ числа двѣнадцати Апостоловъ Христовыхъ. По принятіи Святаго Духа, сошедшаго на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ[1]), святому Варѳоломею выпалъ жребій вмѣстѣ съ Апостоломъ Филиппомъ идти на проповѣдь Евангелія въ Сирію и въ Малую Азію. Туда они оба и отправились—то проповѣдуя вмѣстѣ, то расходясь отдѣльно по разнымъ городамъ, то вновь сходясь и приводя людей ко спасенію чрезъ вѣру въ Іисуса Христа.

Проповѣдуя Евангеліе въ Малой Азіи, святый Филиппъ на нѣкоторое время отдѣлился отъ святаго Варѳоломея и обращалъ ко Христу дикихъ и непокорныхъ жителей Лидіи и Мизіи[2]). Въ это время святому Варѳоломею, проповѣдовавшему Христа въ сосѣднихъ городахъ, было повелѣніе отъ Господа идти на помощь ко святому Филиппу. Присоединясь къ нему, святый Варѳоломей вмѣстѣ съ нимъ единодушно подвизался въ апостольскихъ трудахъ и подвигахъ. За Филиппомъ слѣдовала еще и сестра его—дѣвица Маріамна, и всѣ вмѣстѣ они стали служить дѣлу спасенія рода

---

1) Дѣян. Апост., гл. 1, ст. 13; гл. 2, ст. 1—4.

2) *Лидія* и *Мизія*—сѣверо-западныя области Малой Азіи.

человѣческаго. Проходя города Лидіи и Мизіи и благовѣствуя Слово Божіе, они претерпѣвали отъ невѣрныхъ многія напасти, біенія и скорби, были заключаемы въ темницы, побиваемы камнями, но, несмотря на всѣ гоненія, благодатію Божіею, оставались живы для предстоящихъ трудовъ по распространенію вѣры Христовой.

Въ одномъ изъ лидійскихъ селеній они встрѣтили возлюбленнаго ученика Христова—святаго Іоанна Богослова, и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ страну Фригійскую. Войдя въ городъ Іераполь[1]), они проповѣдовали тамъ Христа. Сей городъ былъ переполненъ идолами, которымъ поклонялись всѣ его жители; между другими ложными божествами была тамъ одна громадная ехидна[2]), для которой былъ построенъ особый храмъ; туда ей приносили пищу и совершали многочисленныя и разнообразныя жертвоприношенія. Безумцы почитали также и другихъ гадовъ и ехиднъ. Святый Филиппъ, прежде всего, вмѣстѣ съ своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, въ чемъ помогалъ имъ и святый Іоаннъ Богословъ, который былъ въ то время съ ними. Всѣ они вмѣстѣ молитвою, какъ бы копіемъ, побѣдили ту ехидну и силою Христовою умертвили ее. Послѣ сего Іоаннъ Богословъ разлучился съ ними, предоставивъ имъ Іераполь для проповѣданія Слова Божія, а самъ пошелъ въ другіе города, распространяя повсюду святое благовѣствованіе. Святый же Филиппъ съ Варѳоломеемъ и Маріамною оставались въ Іераполѣ, усердно стараясь уничтожить мракъ идолопоклонства, дабы возсіялъ на заблудшихъ свѣтъ познанія истины; надъ этимъ они и трудились день и ночь, уча невѣрныхъ Слову Божію, вразумляя неразумныхъ и направляя заблудшихъ на путь истинный.

Въ томъ городѣ жилъ одинъ человѣкъ, по имени Стахій, бывшій слѣпымъ уже сорокъ лѣтъ. Святые Апостолы силою молитвы просвѣтили его тѣлесныя очи, а проповѣдію Христовою просвѣтили его душевную слѣпоту. Крестивъ Стахія, святые пребывали въ его домѣ. И пронеслась по всему городу молва, что слѣпой Стахій прозрѣлъ. Къ его дому стали собираться толпы народа. Свя-

---

[1]) Городъ *Іераполь* (съ греч. — *священный городъ*)—находился въ малоазійской области Фригіи. Іераполь нѣкогда имѣлъ епископа, присутствовавшаго на I Вселенскомъ Соборѣ въ 325 г. Въ настоящее время здѣсь однѣ развалины, и мѣсто это служитъ пристанищемъ для прокаженныхъ.

[2]) *Ехидна*—ядовитая змѣя, величиною болѣе сажени; уязвленіе ея очень опасно и въ большинствѣ случаевъ оканчивается скорою смертію.

Стый Аплъ Варѳоломей

тые Апостолы поучали всѣхъ, стекавшихся къ нимъ, вѣрѣ во Христа Іисуса. Приносили туда и многихъ больныхъ, и всѣхъ святые Апостолы исцѣляли молитвою и изгоняли бѣсовъ, такъ что большое число людей увѣровало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города, по имени Никанора, была укушена змѣей и лежала больная, при смерти. Услыхавъ о святыхъ Апостолахъ, находившихся въ домѣ Стахія, что они однимъ словомъ исцѣляютъ всякія болѣзни, она, въ отсутствіе своего мужа, повелѣла рабамъ своимъ отнести себя къ нимъ и получила двойное исцѣленіе: тѣлесное—отъ укушенія змѣи и душевное—отъ бѣсовскаго обольщенія, ибо, наученная святыми Апостолами, увѣровала во Христа. Когда градоначальникъ вернулся домой, рабы передали ему, что жена его отъ какихъ-то чужестранцевъ, проживающихъ въ домѣ Стахія, научена вѣровать во Христа. Страшно разгнѣвавшись, Никаноръ повелѣлъ тотчасъ же схватить Апостоловъ, домъ же Стахіевъ сжечь,—что и было исполнено. Собралось множество народа,—и святыхъ Апостоловъ Филиппа, Варѳоломея, а также и святую дѣву Маріамну съ побоями повлекли по городу, поругаясь надъ ними, и, наконецъ, бросили въ темницу. Послѣ сего начальникъ города возсѣлъ на судейское мѣсто судить проповѣдниковъ Христовыхъ; и собрались къ нему всѣ жрецы идольскіе и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святыхъ Апостоловъ и говоря:

— Начальникъ! Отомсти за безчестіе боговъ нашихъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ появились эти чужестранцы, въ нашемъ городѣ запустѣли алтари великихъ боговъ нашихъ, и народъ забываетъ приносить имъ обычныя жертвы; знаменитая наша богиня-ехидна погибла, и весь городъ наполнился беззаконіемъ. Умертви этихъ волхвовъ!

Тогда начальникъ города велѣлъ снять одежду со святаго Филиппа, думая, что въ ней заключаются чары колдовства. Но, снявъ съ него одежду, ничего не нашли. Такъ же поступили и со святымъ Варѳоломеемъ,—и въ его одеждахъ не нашли ничего. Когда же они съ тѣмъ же намѣреніемъ приблизились къ Маріамнѣ, чтобы снять одежду и обнажить ея дѣвическое тѣло, внезапно она въ глазахъ ихъ превратилась въ огненный пламень, и нечестивцы со страхомъ отбѣжали отъ нея. Святые Апостолы осуждены были правителемъ на распятіе.

Первымъ пострадалъ святый Филиппъ. Просверливъ ступни ногъ его и продѣвъ въ нихъ веревки, они распяли его на крестѣ внизъ головою предъ дверями капища ехидны и въ то же время кидали въ него камнями. Затѣмъ они распяли святаго Варѳоломея у стѣны храма. И внезапно сдѣлалось великое землетрясеніе: земля разверзлась и поглотила градоначальника со всѣми жрецами и множествомъ невѣрующихъ. Всѣ, оставшіеся въ живыхъ,—и вѣрующіе и язычники,—пришли въ великій страхъ и съ рыданіями просили святыхъ Апостоловъ сжалиться надъ ними и умолить Единаго Истиннаго Бога своего, чтобы земля не поглотила ихъ такъ же, какъ и тѣхъ. Поспѣшно бросились снимать съ крестовъ распятыхъ Апостоловъ. Святый Варѳоломей былъ повѣшенъ невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять со креста, потому что онъ былъ повѣшенъ высоко, и особенно потому, что на это было особенное произволеніе Божіе, дабы Апостолъ Его чрезъ эти страданія и крестную смерть перешелъ отъ земли на Небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися такимъ образомъ, святый Филиппъ молился Богу за враговъ своихъ, чтобы Господь отпустилъ имъ грѣхи ихъ и просвѣтилъ разумъ ихъ къ познанію Истины. Господь преклонился къ молению его, и тотчасъ повелѣлъ землѣ исторгнуть живыми поглощенныя ею жертвы, за исключеніемъ градоначальника и жрецовъ ехидны. Тогда всѣ громкимъ голосомъ исповѣдали и прославили силу Христову, изъявляя желаніе креститься. Когда хотѣли снять со креста святаго Филиппа, то увидѣли, что онъ уже предалъ Богу святую душу свою, и сняли его мертвымъ. Родная сестра его, святая Маріамна, все время смотрѣвшая на страданія и смерть брата своего Филиппа, съ любовію обнимала и лобызала снятое съ древа тѣло его и радовалась, что Филиппъ сподобился пострадать за Христа[1]). Святый Варѳоломей совершилъ надъ всѣми

1) Память *св. Апостола Филиппа* (изъ 12-ти) празднуется 14-го ноября.

увѣровавшими въ Господа Крещеніе и поставилъ имъ епископомъ Стахія. Новообращенные съ честію похоронили тѣло святаго Апостола Филиппа. На томъ мѣстѣ, гдѣ истекла кровь святаго Апостола, произрасла въ три дня виноградная лоза—въ знаменіе того, что святый Филиппъ за пролитую свою кровь во Имя Христа наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ съ Господомъ своимъ во Царствіи Его.

Послѣ погребенія Апостола Филиппа святый Варѳоломей съ блаженной дѣвой Маріамной пробыли нѣсколько дней въ Іерополѣ, утверждая въ вѣрѣ Христовой вновь основанную церковь, а затѣмъ отправились каждый въ свой путь. Святая Маріамна направилась въ Ликаонію [1]) и здѣсь, среди успѣшнаго благовѣствованія Слова Божія, мирно преставилась ко Господу [2]). А святый Апостолъ Варѳоломей отправился въ Индійскія страны, гдѣ и пробылъ довольно продолжительное время, трудясь въ благовѣстіи Іисуса Христа, проходя по городамъ и селеніямъ и исцѣляя болящихъ Его Именемъ. Просвѣтивъ своею проповѣдію многихъ изъ язычниковъ и устроивъ церкви, онъ перевелъ на ихъ языкъ Евангеліе отъ Матѳея, которое носилъ съ собою, и передалъ имъ. У нихъ же онъ оставилъ Евангеліе, написанное на еврейскомъ языкѣ, которое, по прошествіи ста лѣтъ, и было принесено въ Александрію Пантеномъ, философомъ христіанскимъ [3]). Изъ Индіи святый Варѳоломей отправился въ Великую Арменію [4]). При его появленіи здѣсь идолы, или, лучше сказать, бѣсы, обитавшіе въ идолахъ, умолкли, громко прокричавъ послѣднія слова, что Варѳоломей ихъ мучитъ и скоро изгонитъ. И дѣйствительно, не только изъ идоловъ, но и изъ людей изгонялись нечистые духи при одномъ уже приближеніи Апостола; и ради сего многіе обращались ко Христу.

У царя той страны Полимія была бѣсноватая дочь, устами которой бѣсъ взывалъ:

— Варѳоломей! И отсюда гонишь ты насъ!

---

1) *Ликаонія* —одна изъ серединныхъ областей Малой Азіи, на границѣ съ Фригіей.

2) Память св. Маріамны—17-го февраля.

3) *Пантенъ* (жилъ въ III-мъ вѣкѣ) одинъ изъ знаменитыхъ учителей Александрійской школы, въ которой получили христіанское просвѣщеніе многіе изъ Отцовъ Церкви.

4) *Великая Арменія*—горная страна между рѣкою Курою и верховьями рѣкъ Тигра и Евфрата; она называлась Великою Арменіей въ противоположность Малой Арменіи—области между верховьями рѣкъ Евфрата и Галаса, которая входила въ составъ царства Митридата Понтійскаго, а съ 70-го года по Р. Хр.—въ составъ Римской имперіи.

Царь, услышавъ объ этомъ, приказалъ немедленно найти Варѳоломея; и когда Апостолъ Христовъ пришелъ къ бѣснующейся, бѣсъ тотчасъ бѣжалъ отъ нея, и царевна получила исцѣленіе. Послѣ этого царь, желая отблагодарить святаго, послалъ къ нему верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными дарами. Апостолъ же, исполненный нищеты духовной[1]), ничего изъ присланнаго не оставилъ у себя, отославъ все обратно къ царю со словами:

— Я не эти вещи пріобрѣтаю, а ищу душъ человѣческихъ, и если пріобрѣту ихъ и введу въ Небесныя селенія, то явлюсь великимъ купцомъ предъ Господомъ.

Царь Полимій, умилившись такими словами, увѣровалъ во Христа со всѣмъ своимъ домомъ и принялъ Крещеніе отъ самого святаго Апостола вмѣстѣ съ царицей и исцѣлѣвшей дочерью своей, и со множествомъ вельможъ, и великимъ числомъ людей изъ народа: ибо до десяти городовъ и больше приняли тогда, по примѣру царя, Святое Крещеніе.

При видѣ сего идольскіе жрецы вознегодовали на святаго Апостола, тяжко печалясь о томъ, что боги ихъ уничтожались, идолослуженіе исчезало, и капища ихъ, откуда они получали пропитаніе, приходили въ запустѣніе. Приступивъ къ брату царя—Астіагу, они научили его погубить Варѳоломея и отомстить ему за обиды ихъ боговъ. Тотъ же, улучивъ удобное время, схватилъ святаго Апостола и въ городѣ Альбанѣ[2]) распялъ его на крестѣ головою внизъ. Святый же Апостолъ съ радостію страдалъ за Христа и, вися на крестѣ, не переставалъ возвѣщать Слово Божіе; вѣрующихъ онъ утверждалъ въ вѣрѣ, невѣрующихъ же увѣщевалъ познать Истину и отъ тьмы бѣсовской обратиться къ Свѣту Христову. Сего не могъ слышать мучитель и велѣлъ съ Апостола содрать кожу, святый же, съ великимъ терпѣніемъ перенося эти мученія, не умолкалъ, поучая всѣхъ о Богѣ и вознося славословія Ему. Наконецъ, мучитель повелѣлъ вмѣстѣ съ кожей усѣчь и главу святаго Варѳоломея. Тогда умолкли его богоглаголивыя уста, тѣло же, когда была отнята отъ него голова, осталось висѣть на крестѣ, имѣя ноги, обращенныя кверху, какъ бы показывая тѣмъ шествіе Апостола къ Небу. Такъ скончался Апостолъ

---

1) Срав.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 3.

2) *Альбанъ* (или *Албанополь*, также *Абарнополь*)—городъ на западномъ берегу Каспійскаго моря—нынѣшній Баку.

Христовъ Варѳоломей, послѣ многихъ болѣзней и трудовъ перейдя въ безболѣзненный покой, въ радость Господа своего [1]). Бывшіе при кончинѣ святаго Апостола вѣрующіе, снявъ со креста его тѣло, главу и кожу, положили ихъ въ оловянную раку и предали погребенію въ томъ же городѣ, Альбанѣ, что въ Великой Арменіи. И подавались отъ мощей апостольскихъ чудесныя исцѣленія болящимъ, ради чего многіе изъ невѣрующихъ обращались ко Христовой Церкви.

Спустя довольно продолжительное время жестокіе гонители, овладѣвшіе той страной, помраченные идолобѣсіемъ, слыша отъ другихъ и сами видя чудеса, совершавшіяся отъ мощей святаго, не желая познать Божію силу, взяли тѣ святыя мощи въ оловянной ракѣ и ввергли ихъ въ море. Оловянная же рака, плывя по водѣ подобно легкой ладьѣ, пристала къ острову Липару [2]). Тамошній епископъ Агаѳонъ, узнавъ по откровенію во снѣ о томъ, что къ ихъ острову приплыли святыя мощи, вышелъ съ клиромъ и со всѣмъ народомъ на берегъ моря. Увидавъ мощи святаго Апостола, епископъ и всѣ пришедшіе сильно удивились,—какъ оловянная рака не потонула въ водѣ, но легче лодки проплыла столь далекій морской путь. И всѣ прославили Бога, творящаго столь дивныя и чудныя дѣла Свои. Взявъ раку со святыми мощами, они съ великою радостію перенесли ее съ псалмопѣніями въ свою церковь [3]).

Не подобаетъ умолчать и о слѣдующемъ, находящемся въ житіи преподобнаго Іосифа Пѣснописца [4]), сказаніи о святомъ Апостолѣ Варѳоломеѣ.

Будучи однажды въ Ѳессаліи, преподобный Іосифъ получилъ отъ одного извѣстнаго ему добродѣтельнаго мужа часть мощей

---

[1]) Святый *Апостолъ Варѳоломей* скончался въ 71 г. по Р. Хр.

[2]) *Липара*—одинъ изъ эолійскихъ острововъ между Италіей и Сициліей.

[3]) При императорѣ Анастасіи, около 508 г., мощи св. Апостола Варѳоломея перенесены были изъ Альбана въ городъ Дары (въ Месопотаміи). Когда, въ 574 г., Персы овладѣли этимъ городомъ, то нѣкоторые изъ дарскихъ христіанъ взяли св. мощи Апостола и удалились съ ними къ берегамъ Чернаго моря, гдѣ были застигнуты врагами, которые бросили честныя мощи въ морс; но онѣ не потонули, а приплыли чудесно на островъ Липару. Впослѣдствіи островъ былъ взятъ Арабами, которые разсѣяли мощи Апостола Варѳоломея, но онѣ чудеснымъ образомъ были собраны воедино: св. Варѳоломей явился одному монаху и указалъ мѣсто, гдѣ найти ихъ. Послѣ этого мощи св. Апостола были перенссены въ неаполитанскій городъ Беневентъ (въ IX вѣкѣ), откуда ихъ перенесли (по крайней мѣрѣ, часть св. мощей) въ X столѣтіи въ Римъ.—Перенссеніе мощей св. Апостола на островъ Липару воспоминается Церковію 25 августа.

[4]) *Преподобный Іосифъ Пѣснописецъ* жилъ въ IX вѣкѣ; память его празднуется Церковію 4 апрѣля.

святаго Апостола Варѳоломея. Принеся ее въ свою обитель, находившуюся близъ Константинополя, и построивъ тамъ особую церковь во имя святаго Апостола Варѳоломея, Іосифъ съ честію положилъ въ ней часть святыхъ мощей его. Питая великую любовь и вѣру ко святому Апостолу, онъ часто сподоблялся видѣть его въ сновидѣніяхъ и желалъ посему украсить праздникъ святаго Апостола хвалебными пѣснопѣніями; однако онъ не рѣшался сдѣлать этого, сомнѣваясь, будетъ ли угодно это дѣло святому Апостолу, и усердно молилъ Бога и Апостола Божія открыть ему это и даровать премудрость свыше для созданія достойныхъ святаго Варѳоломея хвалебныхъ стиховъ. Съ постомъ и слезами молился преподобный Іосифъ сорокъ дней, и когда приблизился день памяти Апостола, въ навечеріе празднества увидѣлъ онъ, что въ алтарѣ явился святый Варѳоломей, облаченный въ бѣлыя ризы, и открылъ алтарную завѣсу, призывая его къ себѣ. Когда же преподобный Іосифъ подошелъ ближе, святый Апостолъ взялъ съ Престола святое Евангеліе и положилъ его на грудь Іосифу со словами:

— Да благословитъ тебя Десница всесильнаго Бога и да изольются на языкъ твой воды небесной премудрости: сердце твое да будетъ храмомъ Духа Святаго, и пѣснопѣнія твои да усладятъ вселенную.

Такъ сказалъ святый Апостолъ Варѳоломей и сталъ невидимъ, а преподобный Іосифъ, ощутивъ въ себѣ благодать премудрости, исполнился неизреченной радости и благодаренія. Съ того времени началъ онъ писать церковные гимны и каноны, которыми украсилъ праздникъ не только святаго Апостола Варѳоломея, но и многихъ святыхъ, по преимуществу же почтилъ онъ многими канонами Пречистую Богоматерь и святителя Николая. Обильно украсилъ онъ святую Церковь пѣснопѣніями, за что и получилъ наименованіе *пѣснописца*. За все сіе Христу Спасителю нашему слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Нѣкоторые думаютъ, что Варѳоломей—одно и то же лице съ Наѳанаиломъ, котораго Филиппъ привелъ ко Христу[1]). Именно считаютъ, что имя этого Апостола Христова было Наѳанаилъ, по прозванію же, или лучше сказать—по отцу, онъ назывался Вар-

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 45.

ѳоломей, то есть сынъ Ѳоломеевъ. Ибо слово «*вар*» съ еврейскаго переводится *сынъ*, какъ и въ другомъ мѣстѣ Христосъ Господь сказалъ Апостолу Петру: «блаженъ еси симоне варъ іѡна», то есть, сынъ Іонинъ[1]). И слѣпецъ Іерихонскій назывался Вартимей, то есть сынъ Тимеевъ. Такъ толкуютъ и о Варѳоломеѣ, что онъ по отцу назывался Варѳоломей—сынъ Ѳоломеевъ; ибо Ѳоломей у евреевъ было имя древнее и часто употреблявшееся. Настоящее же имя Варѳоломея, полагаютъ, было Наѳанаилъ. Предполагаютъ же это на такомъ основаніи. Прежде всего, въ Евангеліи нигдѣ не говорится о призваніи къ апостольству Варѳоломея, если только не считать вмѣсто него имя Наѳанаилъ. Затѣмъ, первые три Евангелиста: Матѳей, Маркъ и Лука, повѣствующіе о Варѳоломеѣ, ничего не говорятъ о Наѳанаилѣ, а Евангелистъ Іоаннъ, повѣствующій о Наѳанаилѣ, не говоритъ о Варѳоломеѣ и, говоря о ловленіи рыбъ при явленіи воскресшаго Спасителя, называетъ Наѳанаила въ числѣ лицъ, близкихъ къ Апостоламъ,—именно, онъ говоритъ: «бѣхѫ вкѫпѣ симѡнъ пе҃тръ, и ѳѡмà, и наѳанаилъ, и сыны зеведеѡвы»[2]). Но иные толкователи съ этимъ несогласны и, согласно съ Прологомъ, полагаютъ, что Симонъ Зилотъ—одно лице съ Наѳанаиломъ, а нѣкоторые полагаютъ, что Наѳанаилъ—одинъ изъ числа 70 учениковъ Христовыхъ.

Кондакъ, гласъ д҃:

Явился еси великое солнце вселенней, оученій сіяньми и чюдесъ страшныхъ, свѣтоводя почитающыя тя, варѳоломее гдне аппле.

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 17.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 2.

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ВАРНАВЫ

Святый апостолъ Варнава принадлежитъ къ лику святыхъ семидесяти апостоловъ; первоначальнымъ именемъ его было Іосифъ, но потомъ его стали называть Варнавою, какъ объ этомъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ. Родился онъ на островѣ Кипрѣ [1]) отъ родителей евреевъ, происходившихъ изъ рода левитовъ; изъ сего рода левитовъ происходили и древніе великіе Пророки Божіи—Моисей [2]), Ааронъ [3]) и Самуилъ [4]).

Прародители Варнавы переселились изъ Палестины на островъ Кипръ по причинѣ войнъ, происходившихъ въ Палестинѣ. Родители его были весьма богаты и имѣли свое село вблизи Іерусалима, изобиловавшее садами и разными плодами и украшенное большимъ зданіемъ, такъ какъ здѣсь они имѣли домъ свой. Ибо

---

1) *Островъ Кипръ* находился въ сѣверо-восточномъ углу Средиземнаго моря.

2) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа еврейскаго, первый священный писатель, жившій за XV вѣковъ до Р. Хр. На горѣ Синай онъ получилъ отъ Бога 10 заповѣдей и сподобился видѣть Славу Божію. Всѣ, полученныя отъ Бога, заповѣди и установленія, равно какъ и первоначальную исторію народа еврейскаго, онъ изложилъ въ первыхъ пяти книгахъ Библіи (Пятокнижіе Моисесво).—Память его празднуется св. Церковію 4-го сентября.

3) *Ааронъ*—первый первосвященникъ народа Израильскаго, братъ пророка Моисея (Кн. Исх., гл. 7, ст. 7).

4) Самуилъ—Пророкъ и судія народа Израильскаго, жившій за XI вѣковъ до Р. Хр. Его жизнь и дѣятельность описаны въ 1 Кн. Царствъ.—Память его совершается 20-го августа.

съ того времени, какъ святый Пророкъ Исаія[1]) написалъ: **созижду́тъ до́мы, и̂ са́ми вселя́тся, я̆́ко сѣ́мя бл҃гослове́но е̂́сть бг҃омъ**[2]), евреи, обитавшіе въ далекихъ странахъ, не понимая духовнаго смысла словъ этихъ, старались имѣть свои собственные дома въ Іерусалимѣ; по этой причинѣ и родители Варнавы имѣли свой домъ и свое село около Іерусалима.

Родивши того, о комъ наше слово, назвали его Іосифомъ и воспитывали въ обученіи книжномъ; когда же отрокъ пришелъ въ совершенный возрастъ, то отправили его въ Іерусалимъ къ извѣстнѣйшему въ то время учителю Гамаліилу, дабы онъ научилъ Варнаву болѣе совершенному пониманію еврейскихъ книгъ и всего Закона Божія. Здѣсь Іосифъ имѣлъ въ числѣ сверстниковъ своихъ и Савла, который впослѣдствіи названъ былъ Павломъ; и учились оба они у одного учителя—Гамаліила, преуспѣвая въ разумѣ, пониманіи книгъ и въ добродѣтельной жизни.

Іосифъ ежедневно утромъ и вечеромъ приходилъ въ храмъ Соломоновъ и молился здѣсь съ усердіемъ Богу, проводя дни юности своей въ частыхъ пощеніяхъ и великомъ воздержаніи; желая соблюсти въ чистотѣ свое дѣвство, онъ избѣгалъ знакомства съ безчинными юношами и ни въ какомъ случаѣ не желалъ слышать тѣхъ словъ, которыми умъ юноши могъ бы помрачиться, но, внимательно наблюдая за самимъ собою, постоянно поучался въ Законѣ Господнемъ днемъ и ночью.

Въ то время Господь нашъ Іисусъ Христосъ, спустя тридцать лѣтъ послѣ Своего вочеловѣченія, начавъ открывать Себя міру, пришелъ изъ Галилеи. Здѣсь Онъ училъ въ храмѣ, творилъ многія и преславныя чудеса; всѣ дивились Ему; со всѣхъ сторонъ стекались къ Нему, дабы видѣть Святое Лицо Его и слышать божественныя Слова Его—болѣе сладкія, нежели медъ и сотъ. Видѣлъ Его и юноша Іосифъ и, слушая поученія, исходившія изъ пресвятыхъ устъ Его, умилялся сердцемъ и весьма дивился чудесамъ, которыя Онъ творилъ; увидавъ, какъ Онъ исцѣлилъ разслабленнаго при Овчей купели[3]) словомъ Своимъ, видѣвъ также

---

1) *Исаія*—знаменитый Пророкъ іудейскій, жившій и дѣйствовавшій за VIII в. до Р. Хр. при четырехъ царяхъ Іудейскихъ: Озіи, Іоаѳамѣ, Ахазѣ и Езекіи. Пророчества Исаіи, относящіяся къ Інсусу Христу, настолько ясны и опредѣленны, что Пророка Исаію по справедливостн называютъ «ветхозавѣтнымъ евангелистомъ».—Память его празднуется св. Церковію 9-го мая.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 65, ст. 21 и 23.

3) Еванг. отъ Іоанна, гл. 5, ст. 1—15.

и многія другія дивныя дѣла Христовы, Іосифъ распалился сердечною любовію ко Господу и, приступивъ къ Нему, палъ ницъ къ ногамъ Его; при этомъ Іосифъ просилъ Господа благословить его и принять въ число Своихъ учениковъ. Господь же, прозиравшій въ тайны сердецъ человѣческихъ, увидавъ, что сердце Іосифа горѣло любовію божественною, любезно благословилъ его и не запретилъ ему слѣдовать за Собой. Іосифъ прежде всего поспѣшилъ въ домъ тетки своей, по имени Маріи,—матери Іоанна, названнаго впослѣдствіи Маркомъ, и сказалъ ей:

— Приди и посмотри на Того, Кого весьма хотѣли видѣть отцы наши; ибо нѣкій пророкъ Іисусъ изъ Назарета галилейскаго учитъ въ храмѣ и совершаетъ великія чудеса, такъ что многіе считаютъ Его за всѣми ожидаемаго Мессію.

Лишь только женщина услышала это, какъ тотчасъ же, оставивъ все, съ поспѣшностію направилась къ храму; увидавъ Господа Іисуса Христа, она пала ницъ къ ногамъ Его и съ мольбою сказала:

— Господи! Если я обрѣла благодать предъ Тобою, войди въ домъ рабыни Твоей, дабы вшествіемъ Твоимъ благословить всѣхъ домашнихъ моихъ.

Видя ея вѣру, Господь пришелъ въ домъ къ ней и благословилъ ее и всѣхъ, находившихся въ домѣ ея. Господь былъ принятъ Маріею съ великою честію и со многою радостію, и благоговѣніемъ; съ этого времени Господь всегда заходилъ вмѣстѣ съ учениками Своими въ домъ Маріи, когда приходилъ въ Іерусалимъ.

Когда Господь отправился обратно изъ Іерусалима въ Галилею, то вслѣдъ за Нимъ отправился и Іосифъ вмѣстѣ съ прочими учениками. И когда Господь восхотѣлъ отправить апостоловъ Своихъ на проповѣдь къ погибшымъ овцамъ дому ісраилева [1]), то увидалъ, что ихъ мало, почему и сказалъ: жатва убо многа, дѣлателей же мало [2]); по этой причинѣ Господь явилъ міру и иныхъ семьдесятъ учениковъ, которыхъ послалъ по два предъ лицемъ Своимъ въ каждый городъ и селеніе [3]). Въ числѣ этихъ семидесяти учениковъ Господнихъ былъ однимъ изъ первыхъ и святый Іосифъ, переименованный святыми апостолами Варнавою, то есть сыномъ утѣшенія, такъ какъ своею проповѣдію о пришедшемъ въ

---

1) Еванг. отъ Матѳея, гл. 10, ст. 6.
2) Еванг. отъ Матѳея, гл. 9, ст. 37.
3) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 1.

міръ Мессіи онъ утѣшалъ людей, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ пришествія Мессіи. Подобно тому какъ сыновья Зеведеевы были названы сынами громовыми [1]), такъ какъ должны были прогремѣть по вселенной своею проповѣдію какъ громомъ, такъ и сей святый Іосифъ былъ названъ сыномъ утѣшенія, ибо его апостольскіе труды должны были принести великую радость избраннымъ Божіимъ. И Златоустъ святый, объясняя такъ причину переименованія его, говоритъ [2]):

— Мнѣ кажется, что онъ получилъ свое имя по заслугамъ, ибо для того (чтобы быть сыномъ утѣшенія) онъ былъ вполнѣ способенъ.

Стый апл
Варнава

Послѣ вознесенія Господа на Небо святые Апостолы жили всѣ вмѣстѣ въ Іерусалимѣ, какъ объ этомъ написано и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ: **народу вѣровавшему бѣ сердце и душа едина, и не единъ же что о имѣній своихъ глаголаше своя быти, но бяху имъ вся общя. и елицы господіе селомъ и домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ, и полагаху при ногахъ апостолъ** [3]). Въ то время и святый Іосифъ, названный апостоломъ Варнавою, продалъ вышеупомянутое село, находившееся близъ Іерусалима, доставшееся ему въ наслѣдство отъ родителей; вырученныя деньги онъ принесъ къ ногамъ Апостоловъ, ничего себѣ не оставивъ, ибо онъ желалъ богатѣть въ Бога, въ Котораго дѣйствительно и обогатился, какъ свидѣтельствуется объ этомъ: бѣ (сказано о немъ) **мужъ благъ и исполненъ духа ста и вѣры** [4]).

Варнавѣ часто случалось видѣться съ Савломъ, причемъ онъ

---

1) Еванг. отъ Марка, гл. 3, ст. 17.
2) Бес. 11-я на Кн. Дѣян. Ап.
3) Дѣян., гл. 4, ст. 32, 34—35.
4) Дѣян., гл. 11, ст. 24.

велъ споръ съ нимъ отъ Писанія о Господѣ Іисусѣ Христѣ и прилагалъ всѣ усилія свои, дабы обратить Савла къ святой вѣрѣ, но Савлъ былъ весьма усерднымъ ревнителемъ отеческихъ преданій; поэтому онъ посмѣявался надъ святымъ Варнавою какъ надъ человѣкомъ обольщеннымъ, говорилъ даже хульные слова и на Господа Іисуса Христа, называя Его сыномъ плотника, человѣкомъ простого званія, прсданнымъ позорной смерти. Когда же послѣ убіенія евреями святаго первомученика Стефана Савлъ началъ преслѣдовать церковь, входя въ домы вѣрующихъ, влача мужчинъ и женщинъ и заключая ихъ въ темницы [1]), тогда сей святый Варнава весьма оплакивалъ его и усердно молился къ Богу, воздѣвая свои чистыя руки, да просвѣтитъ Онъ душевныя очи Савла, чтобы онъ позналъ Истину; онъ весьма желалъ имѣть Савла другомъ по вѣрѣ христіанской, подобно тому какъ онъ имѣлъ его другомъ въ Гамаліиловомъ училищѣ.

Слезы и молитвы Варнавы были не напрасны; когда наступило время милосердія Божія, Савлъ обратился ко Христу, будучи призванъ Голосомъ Господнимъ свыше, на пути въ Дамаскъ [2]). И обратился волкъ въ овцу; хулитель Имени Христова началъ прославлять Господа Іисуса Христа; бывшій ранѣе гонителемъ, сдѣлался защитникомъ Церкви; ибо по принятіи Святаго Крещенія Савлъ тотчасъ отправился на собранія іудейскія и началъ проповѣдовать объ Іисусѣ, говоря, что Онъ есть Сынъ Божій, обличая также Іудеевъ, проживавшихъ въ Дамаскѣ. Когда же Савлъ возвратился въ Іерусалимъ, то **покꙋша́шесѧ прилѣпла́тисѧ оу҃ченикꙋ́мъ** (Христовымъ), **и̑ вси̑ боа́хꙋсѧ є҆гѡ̀, не вѣ́рꙋющε, ꙗ҆́кѡ** (онъ) **є҆́сть** (Христовъ) **оу҃ени́къ** [3]). Тогда святый Варнава, встрѣтивъ его, сказалъ:

— Доколѣ, о Савлъ, не перестанешь быть хулителемъ великаго Имени Іисуса Христа и гонителемъ вѣрныхъ рабовъ Его? До какихъ поръ ты будешь противиться страшному таинству, издревлс предвозвѣщенному Пророками, въ настоящее же время сбывшемуся ради спасенія нашего?

Савлъ же, припавъ къ ногамъ его, со слезами отвѣтилъ такъ:

— Прости меня, учитель правды, Варнава! Теперь я понялъ, что все, сказанное тобою мнѣ о Христѣ,—истина; Того, Кого я

---

[1]) Дѣян., гл. 8, ст. 3.

[2]) Исторія обращенія Савла изложена въ 9-ой гл. (ст. 1—19) Кн. Дѣян. Ап.—Городъ Дамаскъ лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, при восточной подошвѣ Анти-Ливана.

[3]) Дѣян., гл. 9, ст. 26.

ранѣе хулилъ, называя сыномъ плотника, Того Самаго исповѣдую нынѣ Сыномъ Божіимъ, Единороднымъ, соприсносущимъ Отцу и собезначальнымъ, **йже сый сїа́нїе сла́вы** (Отчей) **и ѡ҃бразъ ѵ̂постáси ег҃ѡ̀** [1]), въ послѣднія дни сіи **себѐ оу҃ма́лилъ, зра́къ раба̀ прїи́мъ** [2]), ставъ совершеннымъ человѣкомъ, родившись отъ Пресвятой Дѣвы Богородицы Маріи, принявъ вольныя страданія и крестъ; затѣмъ Онъ воскресъ въ третій день, явился вамъ, Своимъ апостоламъ, вознесся на Небо и сѣдитъ по правую сторону Бога Отца; Онъ снова пріидетъ во славѣ Своей судить живыхъ и мертвыхъ и Царствію Его не будетъ конца.

Услыхавъ таковыя слова отъ ранѣе бывшаго хульника и гонителя, святый Варнава удивился; прослезившись отъ радости и обнявъ Савла, онъ сказалъ:

— Кто тебя научилъ, о Савлъ, говорить таковыя богодухновенныя слова? Кто тебя убѣдилъ исповѣдовать Іисуса Назарянина Сыномъ Божіимъ? Откуда ты научился столь совершенному познанію догматовъ божественныхъ?

Тогда Савлъ, со слезами и сердцемъ сокрушеннымъ, отвѣчалъ:

— Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Котораго я, грѣшный, хулилъ и гналъ, Онъ меня научилъ всему этому; ибо Онъ явился мнѣ, какъ извергу, и вотъ еще теперь я слышу Его Божественный Гласъ въ ушахъ своихъ. Когда меня осіялъ чудный свѣтъ свыше и я упалъ на землю отъ страха, то услышалъ Голосъ, говорившій: **са́ѵле, са́ѵле, что̀ мѧ̀ го́ниши?** Я же, въ страхѣ и ужасѣ сказалъ:

— **Кто̀ е̂си́ ты, г҃и?**

Онъ же съ кротостію и благоутробіемъ отвѣчалъ мнѣ:

— **А҆́зъ е̂́смь і҃и̂съ, е̂го́же ты̀ го́ниши.**

Весьма удивившись долготерпѣнію Его и помолившись, я сказалъ:

— **Г҃и, что́ мѧ хо́щеши твори́ти?**

Тогда Онъ научилъ меня всему тому, что я сказалъ тебѣ [3]).

Послѣ этихъ словъ святый Варнава взялъ Савла за руку и привелъ его къ апостоламъ, сказавъ:

— Вотъ, тотъ, кто насъ преслѣдовалъ, теперь нашъ. Тотъ, кто противился намъ, нынѣ съ нами вмѣстѣ мыслитъ о Господѣ на-

---

1) Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 3.

2) Посл. къ Филип., гл. 2, ст. 7.

3) Дѣян., гл. 9, ст. 3—6.

шемъ; тотъ, кто ранѣе былъ нашимъ врагомъ, нынѣ намъ другъ и соработникъ въ винограднѣ Христовомъ. Вотъ, представляю вамъ кроткаго агнца, который ранѣе былъ звѣремъ свирѣпымъ.

При этомъ Савлъ разсказалъ Апостоламъ, какъ онъ на дорогѣ видѣлъ Господа, и что Онъ говорилъ ему; разсказалъ также и о томъ, какъ онъ подвизался въ Дамаскѣ за Имя Христово.

Апостолы, услыхавъ все это, удивились, возрадовались и прославили Бога. И былъ Савлъ вмѣстѣ съ ними; вмѣстѣ съ ними входилъ онъ и выходилъ изъ Іерусалима, подвизаясь за Имя Христово и мужественно обличая Іудеевъ и Еллиновъ. Эти же послѣдніе весьма дивились тому, какимъ образомъ человѣкъ, столь недавно еще преслѣдовавшій всѣхъ, называвшихъ Имя Іисусово, теперь самъ проповѣдывалъ Іисуса; и искали убить его. Догадавшись же объ этомъ намѣреніи невѣрныхъ, братія отвели Савла изъ Іерусалима въ Кесарію [1]) и отпустили его въ Тарсъ [2]), въ отечество его, дабы онъ тамъ проповѣдовалъ Господа Іисуса Христа.

Въ это время въ Антіохіи сирійской, городѣ большомъ и славномъ, начала распространяться святая вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа. Ибо когда былъ убитъ святый первомученикъ Стефанъ, поднялось въ тотъ день великое гоненіе на Церковь Іерусалимскую, такъ что всѣ вѣрующіе разсѣялись по странамъ іудейскимъ и самарійскимъ, кромѣ Апостоловъ; тогда нѣкоторые изъ разсѣявшихся доходили **да́же до финики́и, ки́пра и̂ а̂нтїо́хі́и, глаго́люще** спасенія **сло́во** сначала **і҃уде́ємъ то́кмѡ** [3]); но потомъ и Еллинамъ начали они благовѣствовать Господа Іисуса; **и̂ бѣ̀ рꙋ́ка гд҃ня̀ съ ни́ми: мно́гое же число́ вѣ́рова́вше, ѡ҃врати́шасѧ ко гд҃ꙋ̀** [4]). Объ этомъ услышала Церковь Іерусалимская; поэтому Апостолы послали святаго Варнаву въ Антіохію сирійскую, дабы онъ узналъ подробнѣе о всемъ, происшедшемъ тамъ и утвердилъ бы новообращенныхъ. Онъ же, пришедъ туда и увидавъ благодать Божію, весьма возрадовался и утѣшилъ всѣхъ Словомъ Господнимъ, увѣщевая всѣхъ пребывать при Господѣ неотступно. Въ то время какъ святый Варнава проповѣдовалъ тамъ достаточное время, весьма

---

[1]) Замѣчаніе о *Кесаріи* см. выше, стр. 137-ую, прим. 2-ое.

[2]) *Тарсъ* — большой въ древности городъ, находившійся въ малоазійской области Киликіи. Остатки этого города сохранились и теперь.

[3]) Дѣян., гл. 11, ст. 19.

[4]) Дѣян., гл. 11, ст. 21.

много народу присоединилось ко Господу. Такъ какъ ученики умножались съ каждымъ днемъ, учителей же было немного, такъ что многая жатва не имѣла дѣлателей, то святый Варнава, оставивъ на время Антіохію, отправился въ Тарсъ, желая найти здѣсь друга своего Савла; найдя, онъ привелъ его въ Антіохію; и трудились оба они въ обращеніи душъ человѣческихъ ко Христу Богу, приводя къ вѣрѣ во Христа Іудеевъ и Еллиновъ. Пробыли они въ Антіохіи цѣлый годъ, собираясь въ храмѣ и поучая народъ. Здѣсь впервые ученики ихъ начали называться христіанами.

По прошествіи года Варнава и Савлъ рѣшили возвратиться въ Іерусалимъ для того, чтобы возвѣстить святымъ Апостоламъ о томъ, какъ дѣйствовала въ Антіохіи благодать Божія. При этомъ каждый изъ антіохіянъ, соотвѣтственно состоянію своему, отправилъ вмѣстѣ съ Варнавою и Савломъ все потребное проживавшимъ въ Іудеѣ собратіямъ своимъ, обнищавшимъ и убогимъ, ибо тогда былъ голодъ великій въ Іудеѣ, согласно пророчеству святаго Агава: сей Агавъ былъ также изъ числа семидесяти апостоловъ[1]). Собравши достаточную милостыню, антіохіяне отправили ее къ старцамъ черезъ посредство Варнавы и Савла.

Когда Варнава и Савлъ, называвшійся теперь Павломъ[2]), прибыли въ Іерусалимъ, то они весьма возвеселили Церковь, возвѣстивъ объ умноженіи вѣрующихъ въ Антіохіи и принесши щедрую милостыню отъ нихъ.

Въ это время въ Церкви Іерусалимской внезапно произошло большое смущеніе, ибо **ѝрѡдъ цáрь козложѝ рꙋцѣ ѡслóбити нѣкїѧ, ѩже ѿ цéркви**[3]), и умертвилъ Іакова Зеведеева, брата Іоанна, мечомъ[4]). Замѣтивъ же, что это понравилось Іудеямъ, приказалъ взять Петра и заключилъ его въ темницу, изъ которой Апостолъ Петръ былъ выведенъ святымъ Ангеломъ. Все это время, пока въ Іерусалимѣ не утихло смущеніе, нанесенное Церкви гонителями,

---

1) Голодъ, предсказанный пророкомъ Агавомъ, дѣйствительно былъ въ Палестинѣ въ 44-мъ году, при кесарѣ Клавдіи (Дѣян., гл. **11**, ст. 28). О сильномъ голодѣ, свирѣпствовавшемъ въ то время въ Палестинѣ, свидѣтельствуютъ и многіе свѣтскіе писатели того времени, какъ, напримѣръ, Іосифъ Флавій, Светоній, Тацитъ и др.—Впослѣдствіи, во время пребыванія Ап. Павла въ Кесаріи, онъ предсказалъ ему также заключеніе въ узы (Дѣян., гл. **21**, ст. 10—11).—Память св. пророка Агава совершается св. Церковію 8-го апрѣля.

2) Исторія жизни и дѣятельности св. Апостола Павла изложена въ Кн. Дѣяній Апостольскихъ.—См. также житіе св. Апостола Павла подъ 29-мъ числомъ.

3) Дѣян., гл. **12**, ст. 1.

4) Дѣян., гл. **12**, ст. 2.

Варнава и Савлъ укрывались въ домѣ вышеупомянутой Маріи, тетки Варнавиной, къ которой пришелъ и святый Петръ, послѣ того какъ Ангелъ вывелъ его изъ темницы. Потомъ Варнава и Савлъ, окончивъ свое дѣло въ Іерусалимѣ, снова возвратились въ Антіохію, взявъ съ собою и сына Маріи, по имени Іоанна, названнаго Маркомъ. Послѣ того какъ всѣ они пробыли достаточное время въ Антіохіи, подвизаясь въ постѣ, молитвѣ, въ служеніи Божественной Литургіи и въ проповѣди Слова Божія, благоугодно было Духу Святому послать ихъ на проповѣдь язычникамъ. Духъ святый сказалъ бывшимъ въ Антіохіи пророкамъ и учителямъ: **ѿдѣли́те мн҃ варна́ву и̑ са́ула на дѣ́ло, на не́же призва́хъ и̑̀хъ. тогда̀ пости́вшеся и̑ помоли́вшеся, и̑ возло́жше р҃ки на на́, ѿпр҃сти́ша и̑̀хъ**[1]. Они прежде всего пошли въ Селевкію[2]), отсюда отплыли на Кипръ и остановились въ Саламинѣ[3]). Всюду, гдѣ ни проходили, они возвѣщали Слово Божіе; они имѣли своимъ слугою вышеупомянутаго Іоанна, названнаго потомъ Маркомъ, сына Маріи. Пройдя островъ до Пафа[4]), они встрѣтили нѣкоего волхва лжепророка іудеянина, по имени Еллима, при анѳипатѣ Сергіи, мужѣ весьма разумномъ. Здѣсь они просвѣтили анѳипата святою вѣрою, Еллима же волхва, противившагося имъ, они ослѣпили словомъ. Отъѣхавъ изъ Пафа, они пришли въ Пергію памфилійскую. Слуга же ихъ Іоаннъ, онъ же и Маркъ, увидавъ ихъ великія злостраданія, которыя претерпѣвали они за благовѣстіе Имени Христова (ибо они нисколько не боялись смерти), устрашился ходить съ ними по причинѣ своихъ юныхъ лѣтъ; поэтому, оставивъ ихъ, онъ возвратился въ Іерусалимъ, къ матери своей. Варнава же съ Павломъ, пройдя Пергію, пришли въ Антіохію писидійскую (городъ, отличный отъ великой Антіохіи сирійской). Будучи изгнаны отсюда, они оттрясли прахъ отъ ногъ своихъ и прибыли въ Иконію[5]); но и здѣсь Іудеи и язычники намѣревались побить ихъ камнями; они же, узнавъ объ этомъ, съ поспѣшностію пошли въ города

---

1) Дѣян., гл. 13, ст. 2 и 3.

2) *Селевкія*—приморскій городъ въ Сиріи, на берегу Средиземнаго моря, недалеко отъ устья рѣки Оронта, въ 25 верстахъ отъ Антіохіи. Городъ этотъ былъ основанъ царемъ сирійскимъ, Селевкомъ Никаторомъ, за 300 лѣтъ до Р. Хр.

3) Городъ *Саламинъ* находился на восточной сторонѣ острова Кипра. Развалины его указываютъ вблизи селенія Фамагуста.

4) Городъ *Пафъ* находился на противоположномъ Саламину берегу острова Кипра. Пафъ былъ главнымъ городомъ острова и резиденціей проконсула.

5) *Иконія*—малоазійскій городъ. Нынѣ—*Конія*.

ликаонскія[1]), Листру и Дервію, и въ ихъ окрестности и благовѣствовали здѣсь. Здѣсь они и исцѣлили одного хромого, бывшаго въ недугѣ своемъ отъ времени рожденія своего и никогда не ходившаго; Апостолы поставили его на ноги, такъ что онъ сталъ вполнѣ свободно ходить. Народъ же, принявъ ихъ за боговъ, вознамѣрился принести имъ жертвы; при этомъ народъ называлъ Варнаву Зевсомъ[2]), а Павла—Гермесомъ[3]), и едва святые Апостолы уговорили народъ не приносить имъ жертвъ. Потомъ тотъ же народъ, будучи наученъ Іудеями, поднялъ мятежъ на святыхъ Апостоловъ; побивъ Павла камнями, народъ извлекъ его изъ города, думая, что онъ умеръ; но онъ, поднявшись, вошелъ въ городъ, а на слѣдующее утро онъ и Варнава вышли изъ города и отправились въ Дервію. Достаточно благовѣствивъ этому городу и обративъ здѣсь многихъ ко Христу, святые Апостолы предприняли обратный путь къ Антіохіи сирійской, направляясь черезъ тѣ же города и селенія. Всюду по пути своему они утверждали души учениковъ, увѣщевая ихъ пребывать въ вѣрѣ и поучая ихъ, что многими скорбями надлежитъ входить намъ въ Царство Небесное. Рукоположивъ пресвитеровъ по всѣмъ церквамъ и помолившись съ постомъ, они оставили учениковъ своихъ Господу, въ Котораго тѣ увѣровали. Бывъ въ Пергіи и возвѣстивъ здѣсь Слово Господне, Апостолы отправились отсюда въ Атталію[4]), затѣмъ отплыли въ Антіохію сирійскую, откуда посланы были Духомъ Святымъ проповѣдовать язычникамъ Слово Господне. Придя въ городъ и собравъ всѣхъ вѣрныхъ, они разсказали имъ все, что сотворилъ съ ними Богъ, и сколь многихъ язычниковъ они обратили ко Христу; и пробыли въ Антіохіи немалое время.

Вскорѣ послѣ этого между увѣровавшими Евреями и Еллинами поднялся споръ объ обрѣзаніи, ибо нѣкоторые изъ Іудеевъ говорили, что тѣ, кто не обрѣжется по Закону Моисееву, не могутъ спастись. Увѣровавшіе же изъ Еллиновъ считали обрѣзаніе большою тягостью для себя. Варнава и Павелъ противились Іудеямъ и защищали Еллиновъ отъ обрѣзанія. Но такъ какъ споръ и пререканіе по этому вопросу не прекращались, то для Варнавы и

---

1) *Ликаонія*—малоазійская область.

2) *Зевсъ*, или *Юпитеръ*,—верховный богъ греко-римской религіи.

3) *Гермесъ*, или *Меркурій*,—считался у древнихъ Грековъ и Римлянъ покровителемъ торговли и промышленности.

4) Городъ *Атталія* находился въ малоазійской провинціи Памфиліи, близъ Пергіи, недалеко отъ берега Средиземнаго моря. Нынѣ здѣсь мѣстечко Антали съ 800 жителей.

Павла явилась необходимость отправиться изъ Антіохійской Церкви снова въ Іерусалимъ къ Апостоламъ и старцамъ, дабы спросить ихъ объ обрѣзаніи. Варнавѣ и Павлу, кромѣ того, было необходимо возвѣстить Апостоламъ, что Богъ ѿкрꙁъ ꙗзыкѡмъ двєрь вѣры [1]). Варнава и Павелъ, посланные Церковью (Антіохійскою), проходя по Финикіи и Самаріи, всюду возвѣщали объ обращеніи язычниковъ, чему вѣрующіе весьма радовались.

Когда они прибыли въ Іерусалимъ, то съ любовію были приняты здѣсь святыми Апостолами и старцами; всѣ съ радостію слушали Варнаву и Павла, возвѣстившихъ о всѣхъ дивныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, которыя Богъ сотворилъ рукою ихъ среди язычниковъ. Относительно же обрѣзанія Апостолы, посовѣтовавшись соборнѣ, постановили отмѣнить его навсегда для вѣрующихъ не только изъ числа Еллиновъ, но и Іудеевъ—какъ излишнее при новой благодати. При этомъ Апостолы сочли нужнымъ послать и отъ себя нѣкоторыхъ христіанъ вмѣстѣ съ Варнавою и Павломъ въ Антіохію, къ увѣровавшимъ Еллинамъ; для этой цѣли избрали Іуду, называемаго Варсавою, и Силу—мужей извѣстнѣйшихъ среди братіи и написали такъ:

«Апостолы и пресвитеры и братія находящимся въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ изъ язычниковъ: радоваться. Поелику мы услышали, что нѣкоторые, вышедшіе отъ насъ, смутили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать Законъ, чего мы имъ не поручали; то мы, собравшись, единодушно разсудили, избравъ мужей, послать ихъ къ вамъ съ возлюбленными нашими Варнавою и Павломъ—человѣками, предавшими души свои за Имя Господа нашего Іисуса Христа. Итакъ, мы послали Іуду и Силу, которые изъяснятъ вамъ то же и словесно. Ибо угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвеннаго, и крови, и удавленины, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете. Будьте здравы» [2]).

Съ таковымъ посланіемъ отправились въ путь святые Апостолы Варнава и Павелъ, а вмѣстѣ съ ними и Іуда и Сила, направившись изъ Іерусалима въ Антіохію. Въ это время упомянутый Іоаннъ, называемый Маркомъ, сынъ Маріи, тетки Варнавиной, не

1) Дѣян., гл. 15, ст. 4.

2) Дѣян., гл. 15, ст. 23—29.

осмѣливаясь приблизиться къ святому Павлу, подошелъ къ дядѣ своему, святому Варнавѣ, съ покаяніемъ и слезами, сожалѣя, что отлучился отъ нихъ, когда они проповѣдовали язычникамъ; Іоаннъ началъ просить святаго Варнаву снова взять его съ собою, обѣщая безъ страха идти на всѣ страданія и самую смерть за Господа: Варнава взялъ его, какъ племянника своего. Вмѣстѣ дошли всѣ до Антіохіи. Собравши вѣрныхъ, Апостолы отдали имъ посланіе; прочитавъ его, всѣ весьма возрадовались. Іуда же и Сила словомъ своимъ утѣшили братію и утвердили ихъ о Господѣ. Спустя нѣкоторое время Іуда возвратился въ Іерусалимъ, но Сила продолжалъ оставаться тамъ. Павелъ же и Варнава жили въ Антіохіи, уча и благовѣствуя Слово Господне прочимъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ сего Павелъ сказалъ Варнавѣ:

— Мы должны опять посѣтить братій нашихъ; мы должны пройти по всѣмъ городамъ, въ которыхъ проповѣдовали Имя Господне, дабы видѣть, какъ живутъ братія.

Святый Варнава далъ свое согласіе на это. При этомъ Варнава хотѣлъ взять съ собою Іоанна, называемаго Маркомъ, племянника своего; Павелъ же не хотѣлъ этого, говоря:

— Для чего мы возьмемъ съ собою трусливаго юношу, который ранѣе оставилъ насъ въ Памфиліи, не пожелавъ идти съ нами на дѣло, на которое мы посланы, и, отлучившись отъ насъ, возвратился къ своимъ роднымъ?

Произошла распря между ними, такъ какъ Варнава хотѣлъ взять Іоанна, Павелъ же не хотѣлъ; поэтому они разошлись другъ съ другомъ, намѣреваясь каждый пойти своимъ путемъ.

Все сіе случилось по усмотрѣнію Божію, дабы они, идя врозь, спасли бо́льшее число душъ. Вполнѣ достаточно было проповѣдовать одному великому учителю тамъ, гдѣ намѣревались идти два великихъ учителя; каждый же, проповѣдуя отдѣльно, сдѣлалъ бы сугубое пріобрѣтеніе для Церкви: одинъ — въ одной странѣ, другой — въ другой, обративъ къ вѣрѣ Христовой различные народы. Святый Павелъ, взявъ съ собою святаго Силу, отправился въ Дервію и Листру, а святый Варнава отплылъ въ Кипръ съ племянникомъ своимъ Іоанномъ [1]).

[1]) Дѣян., гл. **15**, ст. 36—41; гл. **16**, ст. 1.—Нѣкоторые предполагаютъ, что святый Апостолъ Варнава, послѣ проповѣди на островѣ Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ, снова присоединился къ св. Апостолу Павлу и раздѣлялъ его проповѣдническіе труды; думаютъ также, что именно Варнава былъ тѣмъ братомъ, посланнымъ Ап. Павломъ вмѣстѣ съ Титомъ къ Коринѳянамъ, который, по словамъ Ап. Павла, прославляется по всѣмъ церквамъ за благовѣствованіе (2 Посл. къ Коринѳ., гл. **8**, ст. 18).

Достигши острова Кипра — своего отечества, святый Варнава предпринялъ немалые труды, ибо обратилъ здѣсь ко Христу много народа. Умноживъ въ Кипрѣ число вѣрующихъ, Варнава отправился въ Римъ и, какъ говорятъ нѣкоторые,—первый проповѣдалъ въ Римѣ Христа. Затѣмъ основавъ и утвердивъ въ городѣ Медіоланѣ[1]) епископскій престолъ, Варнава снова возвратился въ Кипръ. Когда онъ училъ здѣсь о Христѣ, въ городѣ Саламинѣ, пришли сюда нѣкоторые Іудеи изъ Сиріи и начали противиться ему и возмущать народъ, говоря, что все, проповѣдуемое Варнавою, противно Богу и Закону Моисееву; эти Іудеи поносили многими хулами честное имя Варнавино и замыслили умертвить его, возбудивъ противъ него многихъ. Апостолъ же, провидя свою мученическую кончину, созвалъ всѣхъ вѣрныхъ, жившихъ въ городѣ томъ; достаточно поучивъ ихъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ и убѣдивъ быть мужественными въ исповѣданіи Имени Христова, совершилъ Божественную Литургію и причастилъ всѣхъ Христовыхъ Таинъ. Потомъ, взявъ отдѣльно Марка, спутника своего, сказалъ ему:

— Въ этотъ день я окончу жизнь свою, принявъ смерть изъ рукъ невѣрныхъ Іудеевъ, какъ сказалъ мнѣ Господь; ты же, взявъ тѣло мое, которое найдешь внѣ города на западной сторонѣ, похорони его и иди къ другу моему, Апостолу Павлу; возвѣсти ему все то, что ты знаешь о мнѣ.

Святый Варнава имѣлъ съ собою Евангеліе отъ Матѳея, написанное своею собственною рукою; онъ завѣщалъ святому Марку похоронить его вмѣстѣ съ тѣмъ Евангеліемъ. Потомъ, давъ послѣднее цѣлованіе сроднику своему святому Марку, Варнава отправился на сонмище еврейское. Когда онъ началъ говорить здѣсь отъ книгъ пророческихъ о Христѣ, то Іудеи, пришедшіе изъ Сиріи, возстали на него, возмутили и другихъ Евреевъ и, возложивъ на него свои убійственныя руки, вывели его изъ города къ западной сторонѣ и побили здѣсь каменьями; потомъ, разложивши костеръ, бросили на него тѣло святаго апостола для сожженія. Но когда сюда впослѣдствіи тайно отъ всѣхъ пришелъ святый Маркъ вмѣстѣ съ прочими братіями, то онъ нашелъ тѣло святаго апо-

---

1) *Медіоланъ*, или *Миланъ*,—итальянскій городъ, находившійся въ провинціи Ломбардіи. Въ исторіи христіанской Церкви извѣстенъ какъ мѣсто архипастырской дѣятельности святаго Амвросія, знаменитѣйшаго Отца и учителя Западной Церкви, жившаго въ IV в.— Память его совершается св. Церковію 4-го декабря.

стола Варнавы невредимымъ, совершенно не пострадавшимъ отъ огня; взявъ его, онъ похоронилъ его въ одной пещерѣ, отстоявшей на пять стадій отъ города, причемъ, согласно завѣщанію апостола, положилъ на груди его Евангеліе[1]). Потомъ отправился на поиски Апостола Павла; найдя его въ Ефесѣ[2]), разсказалъ ему все о кончинѣ святаго апостола Варнавы; святый Павелъ оплакалъ кончину Варнавы, Марка же удержалъ при себѣ.

Послѣ убіенія святаго Варнавы въ городѣ Саламинѣ поднялось великое гоненіе отъ Евреевъ на вѣрующихъ; поэтому всѣ бѣжали изъ этого города и скрывались, гдѣ могли. Съ этого времени пришло въ забвеніе то мѣсто, гдѣ были положены честныя мощи апостола Варнавы. Спустя много лѣтъ, когда вѣра Христова распространилась по всѣмъ концамъ земли, когда греко-римскимъ царствомъ управляли христіанскіе цари и когда островъ Кипръ просіялъ благочестіемъ и правовѣріемъ, Господу благоугодно было прославить то мѣсто, на которомъ почивали мощи апостола Варнавы. На этомъ мѣстѣ начали происходить многія дивныя чудеса. Такъ, первоначально одинъ недужный, переночевавшій на томъ мѣстѣ, получилъ здравіе. То же самое случилось и съ другимъ больнымъ. Когда же объ этомъ узнали вѣрующіе, то нарочито приходили къ тому мѣсту, проводили здѣсь ночь и получали исцѣленія отъ недуговъ своихъ. Такимъ образомъ мѣсто то сдѣлалось всюду извѣстнымъ; поэтому сюда приносили многихъ немощныхъ и разслабленныхъ; всѣ получали здѣсь полное исцѣленіе отъ недуговъ своихъ и возвращались въ домы свои здоровыми. Приводились сюда также и бѣсноватые, и тотчасъ духи нечистые отбѣгали отъ людей съ громкими воплями. Здѣсь хромые получали хожденіе, слѣпые прозрѣніе, и вообще всякій, кто бы ни былъ одержимъ какимъ недугомъ, получалъ здѣсь исцѣленіе. Жители города Саламина весьма радовались по поводу этого, хотя и не знали, по какой причинѣ на этомъ мѣстѣ творились столь великія чудеса, ибо никто ничего не зналъ о мощахъ апостоловыхъ; поэтому мѣсто то назвали «Мѣстомъ здравія». Но необходимо знать, какимъ образомъ были обрѣтены честныя мощи святаго апостола.

Нѣкій злой еретикъ, Петръ бѣлильникъ, по прозванію Кнафей,

---

1) Кончина *св. апостола Варнавы* послѣдовала ок. 62 г.

2) *Ефесъ* — малоазійскій городъ, лежавшій между *Смирною* и *Милетомъ*, при рѣкѣ Каистрѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Икарское море.

противникъ Четвертаго Вселенскаго Собора святыхъ Отцевъ[1]), происходившаго въ городѣ Халкидонѣ[2]), и защитникъ ереси Евтихіевой[3]), а также и пособникъ зловѣрія Аполлинаріева[4]), въ царствованіе Зенона[5]) хитростію захватилъ престолъ Антіохійскаго патріаршества и приносилъ весьма большой вредъ своимъ неправымъ ученіемъ Церкви Христовой. Но онъ не удовольствовался назначенною ему антіохійскою епархіею, въ которой гналъ и преслѣдовалъ христіанъ, предавая ихъ многимъ мученіямъ; онъ пожелалъ захватить подъ свою власть и островъ Кипръ, издревле свободный, дабы сѣять въ немъ свое лжеученіе и преслѣдовать всѣхъ, кто сталъ бы противиться ему (слѣдуетъ замѣтить, что кипряне, будучи правовѣрными христіанами, отвергали его неправое мудрствованіе о томъ, что на крестѣ пострадало Божество). Но онъ всячески старался привлечь ихъ на свою сторону, говоря такъ:

— Такъ какъ Слово Божіе пришло въ Кипръ изъ Антіохіи, то по этой причинѣ Кипрская Церковь должна подчиняться Патріарху Антіохійскому.

По причинѣ всего этого архіепископъ Кипрскій, по имени Анѳимъ, повергся въ великую печаль, ибо зналъ, что тотъ Петръ, пользуясь у царя милостію, очень легко могъ достигнуть всего, чего бы ни захотѣлъ. И дѣйствительно, въ скоромъ времени пришло приказаніе царское въ Кипръ, повелѣвавшее архіепископу Кипрскому прибыть въ Царьградъ для отвѣта на Соборѣ предъ Патріархомъ антіохіянамъ, требовавшимъ подчиненія острова Кипра епархіи антіохійской.

Архіепископъ не зналъ, какъ ему поступить, ибо и повелѣнія царскаго ослушаться онъ не дерзалъ, и идти въ Царьградъ боялся. Хотя онъ и проводилъ святую жизнь, но не обладалъ

---

1) *Четвертый Вселенскій Соборъ* происходилъ въ 451 г. и былъ созванъ для обличенія ереси архимандрита константинопольскаго Евтихія, утверждавшаго, что въ Іисусѣ Христѣ человѣческое естество было совершенно поглощено Божествомъ, и потому признававшаго въ немъ только одно естество—Божеское.

2) *Халкидонъ*, или *Калхедонъ*,—первоначально мегарская колонія на берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря). При христіанскихъ императорахъ Халкидонъ былъ столицей малоазійской провинціи Виѳиніи.

3) См. выше, прим. 1-ое.

4) *Аполлинарій*, епископъ Лаодикійскій, несправедливо училъ, что Сынъ Божій, воплотившись, принялъ не полное человѣческое естество, но только душу и тѣло человѣческія, умъ же человѣческій у Него замѣняло божество. Ересь эта была осуждена на II-мъ Вселенскомъ Соборѣ, происходившемъ въ г. Константинополѣ въ 381 г.

5) Зенонъ царствовалъ съ 474 г. по 491 г.

даромъ краснорѣчія и боялся, что будетъ побѣжденъ въ спорѣ своими противниками. Посему онъ началъ усердно поститься и молиться, испрашивая со слезами помощи, защищенія и совѣта полезнаго отъ Самого Бога.

Одинъ разъ ночью, когда Анѳимъ задремалъ отъ великаго молитвеннаго труда, предъ нимъ предсталъ нѣкій Божественный мужъ въ свѣтлой священной ризѣ, осіянный небесными лучами. Явившійся сказалъ:

— Для чего ты, архіепископъ, такъ опечалился и возскорбѣлъ? Не бойся, ибо ты нисколько не пострадаешь отъ своихъ противниковъ.

Сказавъ это, явившійся мужъ вдругъ сталъ невидимъ.

Архіепископъ, пробудившись отъ сна, преисполнился ужаса; потомъ распростерся на землѣ крестообразно для молитвы и началъ молиться со многими слезами, говоря такъ:

— Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго! Не оставь Церкви Твоей, но окажи ей помощь славы ради Имени Твоего святаго. Если это видѣніе было отъ Тебя, то устрой такъ, чтобы я видѣлъ его еще разъ, молю Тебя, и третій разъ, дабы я, грѣшный, окончательно удостовѣрился, что Ты, Помощникъ мой, со мною!

Въ слѣдующую ночь архіепископъ имѣлъ то же видѣніе; тотъ же пресвѣтлый мужъ явился ему и сказалъ:

— Я тебѣ уже сказалъ, что ты нисколько не пострадаешь отъ своихъ противниковъ; итакъ, ничего не опасаясь, иди въ Константинополь.

Сказавъ это, явившійся сталъ невидимъ.

Архіепископъ Анѳимъ, снова возблагодаривъ Бога и, никому ничего не сказавъ о видѣнномъ, присоединилъ молитву къ молитвѣ и слезы къ слезамъ, да сподобится онъ сего видѣнія и въ третій разъ и да будетъ открыто ему, кто былъ являвшійся.

Въ третью ночь тотъ же мужъ явился и сказалъ:

— До какихъ поръ ты не будешь вѣровать словамъ моимъ, которыя сбудутся въ ближайшія дни? Иди безъ страха въ царствующій градъ, ибо оттуда возвратишься со славою, не потерпѣвъ нисколько отъ противниковъ своихъ; Самъ Богъ ради меня, раба Своего, будетъ твоимъ защитникомъ.

Тогда архіепископъ дерзнулъ сказать явившемуся:

— Молю тебя, господинъ мой, скажи мнѣ: кто ты, говорящій мнѣ эти слова?

Онъ же отвѣчалъ:

— Я—Варнава, ученикъ Господа нашего Іисуса Христа, котораго Духъ Святый посылалъ вмѣстѣ съ избраннымъ сосудомъ Своимъ—святымъ Апостоломъ Павломъ на проповѣдь Слова Божія язычникамъ. Для того же, чтобы ты удостовѣрился въ истинности словъ моихъ, вотъ тебѣ знаменіе: выйди за городъ къ западной сторонѣ на пять стадій и на томъ мѣстѣ, которое называется «Мѣстомъ здравія» (ибо тамъ ради меня Богъ чудесно подаетъ болящимъ здравіе), раскопай землю подъ деревомъ, произращающимъ рожки. Тамъ ты найдешь пещеру и раку, въ которой положены мощи мои; найдешь также и Евангеліе, написанное моею собственною рукою, которое я переписалъ отъ святаго Евангелиста Апостола Матѳея. И когда твои противники, намѣревающіеся подчинить своей власти эту Церковь, начнутъ говорить, что Антіохія есть престолъ апостольскій, ты возражай имъ и скажи. «И мой городъ—престолъ апостольскій, ибо я имѣю апостола, почивающаго въ городѣ моемъ».

Когда святый Варнава сказалъ это архіепископу, тотчасъ сталъ невидимъ. Архіепископъ же, преисполнившись великой радости и весьма возблагодаривъ Бога, созвалъ клириковъ, начальниковъ города и весь народъ и разсказалъ всѣмъ о бывшемъ ему троекратномъ явленіи и рѣчахъ святаго апостола Варнавы; затѣмъ отправился со псалмопѣніемъ къ тому мѣсту въ преднесеніи Честнаго Креста. Когда дошли до указаннаго мѣста, начали раскапывать землю подъ деревомъ, какъ сказалъ въ видѣніи апостолъ; раскопавъ сверху землю, нашли пещеру, закрытую камнями; снявъ камни, увидѣли раку и ощутили великое и несказанное благоуханіе; открывъ же раку, увидѣли въ ней честны́я мощи святаго апостола Варнавы въ цѣлости и неповрежденности, увидѣли также и Евангеліе, лежавшее на персяхъ его [1]). Всѣ въ великой радости и веселіи воздали Богу славу и съ благоговѣніемъ поклонились честны́мъ мощамъ, прикасаясь имъ съ вѣрою и любовію. Въ это время произошли многія чудеса: всѣ, кто ни былъ одержимъ какимъ недугомъ,—получали здравіе послѣ прикосновенія къ честны́мъ мощамъ. Потомъ архіепископъ Анѳимъ, не осмѣливаясь взять съ того мѣста раку съ мощами апостоловыми, запечаталъ ее оловомъ и приказалъ пребывать при ракѣ чину духовному и

[1]) Честны́я мощи св. апостола Варнавы были обрѣтены между 485 г. и 488 г.

совершать при гробѣ апостольскомъ денно и нощно обычныя псалмопѣнія. Самъ же отправился въ Царьградъ; представъ Собору, онъ отвѣчалъ противникамъ своимъ такъ, какъ наученъ былъ апостоломъ Варнавою. Императоръ Зенонъ весьма возрадовался тому, что во дни его царствованія обрѣтено было столь великое духовное сокровище, и тотчасъ распорядился, чтобы островъ Кипръ не былъ въ подчиненіи у Патріарха, но самостоятельно управлялся бы своимъ архіепископомъ; распорядился также, чтобы архіепископъ Кипрскій поставлялся своими епископами.

Таковая свобода дарована была острову Кипру ради мощей святаго апостола Варнавы; съ этого времени престолъ архіерейства Кипрскаго началъ называться престоломъ апостольскимъ, какъ и прочіе патріаршіе престолы. Блаженный же Анѳимъ, архіепископъ Кипрскій, былъ награжденъ большими почестями отъ царя и отъ всего Духовнаго Собора. Царь попросилъ себѣ Евангеліе, обрѣтенное на груди апостола; принявъ его, онъ украсилъ его золотомъ и драгоцѣнными камнями и положилъ его въ царской палатѣ своей церкви; архіепископу же далъ весьма много золота для построенія прекраснаго храма на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были обрѣтены честныя мощи апостола Варнавы.

Такимъ образомъ архіепископъ возвратился къ себѣ со славою и честію и въ скоромъ же времени выстроилъ великій и красивый храмъ во имя апостола; честныя мощи святаго апостола онъ положилъ во святомъ алтарѣ, на правой сторонѣ, и установилъ праздновать память святаго апостола Варнавы въ одиннадцатый день мѣсяца іюня (въ каковой день были обрѣтены честныя мощи его), во славу Христа, Бога нашего, славимаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ г:

Вѣдень былъ є҆сѝ всеи҆стинный служи́тель, а҆пⷭ҃лwвъ же на҃вилсѧ є҆сѝ седми́десѧтихъ пе́рвый: wѳзари́лъ є҆сѝ и҆ съ па́ломъ про́повѣдь твою́, всѣ́мъ возвѣща́ѧй хⷬ҃та̀ сп҃са: сегѡ̀ ра́ди пѣснопѣ́нїи бж҃е́ственнꙋ́ю па́мать твою́, варна́во, соверша́емъ.

День двѣнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ОНУФРІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Пафнутій [1]), подвизавшійся въ одномъ изъ пустынножительныхъ монастырей египетскихъ, оставилъ намъ повѣствованіе о томъ, какъ онъ обрѣлъ въ пустынѣ преподобнаго Онуфрія Великаго, а также и другихъ пустынниковъ. Свое повѣствованіе онъ начинаетъ такъ:

---

[1]) Съ точностію неизвѣстно,—замѣчаетъ св. Димитрій Ростовскій,—какой именно преподобный Пафнутій обрѣлъ въ пустынѣ преподобнаго Онуфрія, ибо въ Церковныхъ исторіяхъ и въ Патерикахъ встрѣчаемъ нѣсколькихъ святыхъ съ именемъ Пафнутія. Иной былъ Пафнутій—епископъ горіой Θиваиды, одной изъ странъ египетскихъ, пострадавшій во времена нечестиваго императора Римскаго Максиміана (305—311 гг.), причемъ ему былъ выколотъ правый глазъ. Впослѣдствіи онъ, въ царствованіе великаго Константина (306—337 гг.), присутствовалъ на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ, созванномъ въ городѣ Никеѣ (въ 325 г.). Когда святые Отцы хотѣли утвердить какъ законъ то, чтобы священники и діаконы не имѣли женъ, то онъ, ставъ посреди Собора, громогласно изрекъ: «Не возлагайте тяжкаго бремени и ига на служителей Церкви». И противостоялъ сей Пафнутій въ этомъ дѣлѣ всѣмъ святымъ Отцамъ весьма усердно, хотя самъ былъ дѣвственникомъ отъ чрева матери своей. Никто ничего не могъ сказать противъ него, почему и оставленъ былъ этотъ вопросъ на произвольное рѣшеніе каждаго; посему пресвитеры и діаконы Церкви Восточной и до сихъ поръ принимаютъ благословенное супружество. Объ этомъ повѣствуютъ греческіе историки: Сократъ (кн. 1, гл. 8), Созоменъ (кн. 1, гл. 22) и Никифоръ (кн. 8, гл. 19). Память сего Пафнутія въ римскихъ Мѣсяцесловахъ полагается въ 11-ый день мѣсяца сентября; въ русскихъ Мѣсяцесловахъ, равно и въ Прологахъ, о немъ нигдѣ не вспоминается.—Иной былъ Пафнутій мученикъ, также подвизавшійся въ египетскихъ пустыняхъ, пострадавшій въ царствованіе Діоклетіана (284—305 гг.), бывъ распятъ на финиковой пальмѣ. Повѣствованіе о немъ находится въ Прологѣ подъ 25-мъ

«Однажды, когда я пребывалъ въ безмолвіи въ монастырѣ своемъ, пришло ко мнѣ желаніе пойти во внутреннюю пустыню[1]), чтобы видѣть, есть ли тамъ инокъ, болѣе меня работающій Господу? Вставъ, я взялъ съ собою немного хлѣба и воды и отправился въ путь; я вышелъ изъ монастыря своего, никому ничего не сказавъ, и направился въ самую внутреннюю пустыню. Я шелъ четыре дня, не вкушая ни хлѣба, ни воды, и дошелъ до нѣкоторой пещеры, закрытой со всѣхъ сторонъ и имѣвшей только одно небольшое оконце. Я простоялъ у окна въ продолженіе часа, надѣясь, что, по обычаю иноческому, ко мнѣ кто-либо выйдетъ изъ пещеры и выскажетъ мнѣ привѣтствіе о Христѣ; но такъ какъ мнѣ никто ничего не говорилъ и не открывалъ дверей, то я самъ открылъ двери, вошелъ и высказалъ благословеніе. Въ пещерѣ я увидѣлъ нѣкоего старца, сидѣвшаго и какъ бы спящаго. Я снова высказалъ ему благословеніе и прикоснулся къ его плечу, намѣреваясь его разбудить, но тѣло его было какъ прахъ земной; осязавъ его руками, я убѣдился, что онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ. Увидавъ одежду, висѣвшую на стѣнѣ, я прикоснулся къ ней; и была она какъ прахъ въ рукѣ моей. Тогда я снялъ съ себя свою мантію и покрылъ ею тѣло умершаго, затѣмъ, выкопавъ руками своими яму въ песчаной землѣ, похоронилъ тѣло подвижника съ обычнымъ псалмопѣніемъ, молитвою и слезами.

чнсломъ сентября мѣсяца.—Иной былъ Пафнутій изъ Александріи, города египетскаго, отецъ преподобной Евфросиніи, память коей празднуется въ 25-ый день сентября мѣсяца.—Иной былъ Пафнутій, также Египтянинъ, обратившій къ покаянію Таисію блудницу, память коей совершается въ 8-ой день октября мѣсяца.—Иной былъ Пафнутій, ученикъ преподобнаго Макарія Александрійскаго (память его — 19-го января), повѣствующій о томъ, какъ звѣрь гіена принесъ своего слѣпого щенка къ преподобному Макарію для увраченія.—Иной былъ Пафнутій, по прозвищу Кефалъ, упоминаемый въ книгѣ Руфина (историка IV вѣка) «Провѣщаніяхъ отеческихъ» и въ книгѣ Палладія («Лавсаикъ», въ 91-ой гл.), ходившій восемьдесятъ лѣтъ въ одной одеждѣ.—Въ Прологахъ встрѣчаются слова и еще о нѣкоторыхъ Пафнутіяхъ; такъ, подъ 25-мъ днемъ ноября мѣсяца есть слово о Пафнутіи монахѣ, какъ онъ снасъ разбойника, испивъ чашу вина; въ 9-ый день мѣсяца марта есть слово о Пафнутіи монахѣ, молившемъ Бога извѣстить его, кому онъ подобенъ; и получилъ онъ извѣщеніе, что подобенъ старѣйшинѣ селенія; о семъ же Пафнутіи подъ 27-мъ числомъ того же мѣсяца есть слово, что онъ подобенъ свирѣльщику.—Относительно же того Пафнутія, который обрѣлъ преподобнаго Онуфрія, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

1) *Египетъ* былъ обычнымъ мѣстомъ обитанія многихъ подвижниковъ. Обители иноковъ находились какъ въ Нижнемъ, такъ и въ Среднемъ Египтѣ. Особенно славилась въ Египтѣ *пустыня Нитрійская*, находившаяся въ Нижнемъ Египтѣ и лежавшая вглубь страны за рѣкою Ниломъ.—*Внутренняя*, или *скитская*, *пустыня* лежала за нѣсколько сутокъ пути далѣе пустыни общежительныхъ монастырей. Эта была дикая песчаная пустыня, гдѣ только изрѣдка встрѣчались ключи съ водой; сюда не было и проторенной дороги,—путь сюда направляли по теченію звѣздъ.

Потомъ, вкусивъ немного хлѣба и испивъ воды, я подкрѣпилъ свои силы и переночевалъ при могилѣ того старца.

На слѣдующій день утромъ, сотворивъ молитву, я отправился въ дальнѣйшій путь къ внутреннимъ пустынямъ; идя въ теченіе нѣсколькихъ дней, я натолкнулся на другую пещеру. Услыхавъ около нея человѣческіе крики, я подумалъ, что въ той пещерѣ, вѣроятно, живетъ кто-нибудь; я постучалъ въ дверь; но, не получивъ отвѣта, вошелъ внутрь пещеры. Не найдя здѣсь никого, я вышелъ наружу, помышляя про себя, что здѣсь, вѣроятно, живетъ одинъ изъ рабовъ Божіихъ, ушедшій въ это время въ пустыню. Я рѣшилъ ждать на этомъ мѣстѣ того раба Божія, такъ какъ желалъ видѣть его и привѣтствовать о Господѣ; и пробылъ въ ожиданіи весь день, все время воспѣвая Псалмы Давидовы. То мѣсто показалось мнѣ очень красивымъ; здѣсь росла финиковая пальма съ плодами, протекалъ небольшой источникъ воды; я весьма дивился красотѣ мѣста того и желалъ самъ жить на мѣстѣ этомъ, если бы это было для меня возможно.

Когда день началъ уже склоняться къ вечеру, я увидѣлъ стадо буйволовъ, шедшихъ по направленію ко мнѣ; увидалъ также и раба Божія, шедшаго среди животныхъ (то былъ Тимоѳей пустынникъ[1]). Когда стадо приблизилось ко мнѣ, то я увидѣлъ мужа безъ одежды, прикрывавшаго наготу тѣла своего лишь одними волосами. Подойдя къ тому мѣсту, на которомъ я стоялъ, и посмотрѣвъ на меня, человѣкъ тотъ принялъ меня за духа и привидѣніе и сталъ на молитву, ибо многіе нечистые духи искушали его привидѣніями на мѣстѣ томъ, какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ потомъ объ этомъ. Я же сказалъ ему:

— Чего ты устрашился, рабъ Іисуса Христа, Бога нашего? Посмотри на меня и на слѣды отъ ногъ моихъ, и знай, что я такой же человѣкъ, какъ и ты; удостовѣрься осязаніемъ, что я— плоть и кровь.

Посмотрѣвъ на меня и убѣдившись, что я дѣйствительно человѣкъ, онъ утѣшился и, возблагодаривъ Бога, сказалъ:

— Аминь.

Потомъ подошелъ ко мнѣ, облобызалъ меня, ввелъ въ свою пещеру и предложилъ мнѣ для вкушенія финиковыя овощи; подалъ и чистой воды изъ источника, и самъ вкусилъ ради меня; потомъ спросилъ меня, сказавъ:

[1]) Память его въ тотъ же день.

Прп҃бный
Ѻ҃нꙋ҆фрій

— Какимъ образомъ ты пришелъ сюда, братъ?

Я же, раскрывая предъ нимъ свои мысли и намѣренія, отвѣчалъ:

— Желая видѣть рабовъ Христовыхъ, подвизающихся въ сей пустыне, я вышелъ изъ монастыря моего и пришелъ сюда; и Богъ не лишилъ меня исполненія намѣренія моего, ибо сподобилъ меня видѣть твою святость.

Потомъ я спросилъ его, сказавъ:

— Какъ ты, отче, пришелъ сюда? Сколько лѣтъ подвизаешься въ этой пустынѣ? Чѣмъ питаешься и почему ты ходишь нагимъ и ничѣмъ не одѣваешься?

Тогда онъ повѣдалъ мнѣ о себѣ слѣдующее:

— Сначала я жилъ въ одной изъ ѳиваидскихъ киновій[1]), проводя жизнь иноческую и усердно служа Богу. Я занимался тканіемъ. Но во мнѣ явился такой помыслъ: выйди изъ киновіи и живи одинъ, трудись, подвизаясь, дабы воспринять отъ Бога большую мзду, ибо ты можешь отъ плода рукъ своихъ не только самъ питаться, но и нищихъ питать и давать покой странствующимъ братіямъ. Внявъ съ любовію своему помыслу, я ушелъ изъ братства, построилъ себѣ келлію близъ города и упражнялся въ своемъ рукодѣланіи; для меня было всего достаточно, ибо трудами рукъ своихъ я собиралъ все, необходимое для себя; ко мнѣ приходили многіе, требовавшіе издѣлій рукъ моихъ, и приносили все необходимое; я давалъ пріютъ странникамъ, избыточествующее же раздавалъ нищимъ и нуждающимся. Но моему житію позавидовалъ врагъ спасенія нашего, діаволъ, всегда со всѣми воюющій; желая

1) *Киновіями* (отъ греч. κοινός—общій и βίος—жизнь) называются общежительные монастыри, въ которыхъ братія содержатся на счетъ монастыря и взамѣнъ того предлагаютъ свой трудъ на общую пользу монастыря.

погубить всѣ труды мои, онъ внушилъ нѣкоей женщинѣ придти ко мнѣ ради моего рукодѣлія и просить меня приготовить полотно; приготовивъ, я отдалъ его ей. Потомъ она попросила меня приготовить ей еще полотна; и случилась между нами бесѣда, явилось дерзновеніе; зачавъ грѣхъ, мы родили беззаконіе; и пребывалъ я съ нею въ теченіе шести мѣсяцевъ, грѣша все время. Но, наконецъ, я помыслилъ про себя, что нынѣ или завтра меня постигнетъ смерть и я буду мучиться вѣчно. И сказалъ я себѣ:

«Увы мнѣ, душа моя! Лучше тебѣ бѣжать отсюда, дабы спастись отъ грѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ муки вѣчной!»

Поэтому, оставивъ все, я тайно убѣжалъ оттуда и пришелъ въ эту пустыню; дойдя до мѣста сего, я нашелъ сію пещеру, источникъ и финиковую пальму, имѣвшую двѣнадцать вѣтвей; каждый мѣсяцъ одна изъ вѣтвей рождаетъ такое количество плодовъ, котораго вполнѣ хватаетъ для пропитанія моего въ продолженіе тридцати дней. Когда же оканчивается мѣсяцъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плоды на одной вѣтви, тогда созрѣваетъ другая вѣтвь. Такъ, благодатію Божіею, я питаюсь и ничего другого не имѣю въ своей пещерѣ. И одежды мои отъ долгаго времени, прійдя въ ветхость, уничтожились; по истеченіи многихъ лѣтъ (ибо я уже тридцать лѣтъ подвизаюсь въ пустынѣ этой), выросли на мнѣ волосы, какъ ты видишь; они замѣняютъ для меня одежду, прикрывая наготу мою.

Выслушавъ все это отъ подвижника (повѣствуетъ Пафнутій), я спросилъ его, сказавъ:

— Отче! Въ началѣ твоихъ подвиговъ на этомъ мѣстѣ испытывалъ ли ты какія препятствія, или нѣтъ?

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я претерпѣлъ безчисленныя нападенія бѣсовъ. Много разъ они вступали въ борьбу со мной, но не могли одолѣть меня, ибо мнѣ помогала благодать Божія; я противился имъ знаменіемъ крестнымъ и молитвою. Кромѣ вражіихъ нападеній, моимъ подвигамъ препятствовала еще болѣзнь тѣлесная; ибо я весьма страдалъ желудкомъ, такъ что падалъ на землю отъ сильной боли; я не могъ творить стоя своихъ обычныхъ молитвъ, но, лежа въ пещерѣ своей и валяясь по землѣ, съ большими усиліями совершалъ пѣніе и совершенно не имѣлъ силъ выйти изъ пещеры. Я молился Богу Милосердному, чтобы Онъ далъ мнѣ прощеніе грѣховъ моихъ ради болѣзни моей. Однажды, когда я сидѣлъ на землѣ и тяжко

страдалъ желудкомъ, я увидалъ честнàго мужа, стоявшаго предо мною и сказавшаго мнѣ:

— Чѣмъ ты страдаешь?

Я же едва могъ отвѣтить ему:

— Я страдаю, господинъ, желудкомъ.

Онъ сказалъ мнѣ:

— Покажи мнѣ, гдѣ болитъ.

Я показалъ ему. Тогда онъ простеръ руку свою и положилъ свою ладонь на больное мѣсто; я тотчасъ выздоровѣлъ. Онъ же сказалъ мнѣ:

— Вотъ, ты теперь здоровъ, не грѣши же, чтобы тебѣ не было хуже, но работай Господу и Богу твоему отнынѣ и до вѣка.

Съ того времени я не болѣю, по милости Бога, славя и хваля милосердіе Его.

Въ такой бесѣдѣ (говоритъ Пафнутій) я провелъ съ тѣмъ преподобнымъ отцемъ почти всю ночь: утромъ же я всталъ на обычную молитву.

Когда наступилъ день, я началъ усердно просить того преподобнаго отца позволить мнѣ жить или близъ него, или гдѣлибо отдѣльно поблизости отъ него. Онъ же сказалъ мнѣ:

— Ты, братъ, не вынесешь здѣсь демонскихъ напастей.

По этой причинѣ онъ и не позволялъ мнѣ остаться при немъ. Я просилъ его также сказать мнѣ свое имя. И сказалъ онъ:

— Имя мое—Тимоѳей. Поминай меня, братъ возлюбленный, и моли обо мнѣ Христа Бога, да явитъ Онъ мнѣ до конца милосердіе Свое, котораго сподобляетъ меня.

Я,—говоритъ Пафнутій,—припалъ къ ногамъ его, прося его помолиться обо мнѣ. Онъ же сказалъ мнѣ:

— Владыка нашъ Іисусъ Христосъ да благословитъ тебя, да сохранитъ тебя отъ всякаго искушенія вражескаго и да наставитъ тебя на путь правый, дабы ты безпрепятственно достигъ святости.

Благословивъ меня, преподобный Тимоѳей отпустилъ меня съ миромъ. Я взялъ изъ рукъ его себѣ въ путь финиковыя овощи, почерпнулъ воды изъ источника въ свой сосудъ, потомъ, поклонившись святому старцу, ушелъ отъ него, прославляя и благодаря Бога за то, что Онъ сподобилъ меня видѣть таковаго угодника Своего, слышать слова его и воспріять отъ него благословеніе.

На возвратномъ пути оттуда спустя нѣсколько дней я пришелъ въ пустынный монастырь и остановился въ немъ, дабы отдохнуть

и пробыть нѣкоторое время. Со скорбію я помышлялъ въ себѣ:—какова жизнь моя? Каковы подвиги мои? Моя жизнь не могла быть названа даже тѣнью сравнительно съ житіемъ и подвигами сего великаго угодника Божія, котораго я сейчасъ видѣлъ. Я пробылъ немало дней въ таковыхъ размышленіяхъ, желая подражать въ Богоугожденіи тому праведному мужу. По милосердію Божію, подвигшему меня позаботиться о душѣ своей, я не облѣнился снова идти во внутреннюю пустыню непроходимымъ путемъ,—тою дорогою, гдѣ жилъ варварскій народъ, называемый мазиками. Я весьма хотѣлъ узнать, есть ли еще другой такой пустынникъ, служившій Господу? Я весьма хотѣлъ найти его, дабы получить отъ него пользу для души своей.

Отправляясь въ предпринимаемый мною пустынный путь, я взялъ съ собою немного хлѣба и воды, которыхъ хватило на непродолжительное время. Когда же хлѣбъ и вода были мною уничтожены, то я возскорбѣлъ, ибо не имѣлъ пищи; однако я крѣпился и шелъ еще четыре дня и четыре ночи безъ пищи и питія, такъ что весьма изнемогъ тѣломъ; я упалъ на землю и сталъ ожидать смерти. Тогда я увидѣлъ святоподобнаго, прекраснаго и пресвѣтлаго мужа, подошедшаго ко мнѣ; возложивъ свою руку на уста мои, онъ сталъ невидимъ. Тотчасъ я ощутилъ въ себѣ крѣпость силъ, такъ что мнѣ не хотѣлось ни ѣсть, ни пить.

Вставъ, я снова пошелъ во внутреннюю пустыню и прошелъ еще четыре дня и четыре ночи безъ пищи и питія; но вскорѣ опять сталъ изнемогать отъ голода и жажды. Воздѣвъ руки къ Небу, я помолился Господу и снова увидѣлъ того же мужа, который подошелъ ко мнѣ, коснулся рукою своею устъ моихъ и сталъ невидимъ. Отъ сего я получилъ новую силу и отправился въ путь.

На семнадцатый день своего путешествія я подошелъ къ нѣкоей высокой горѣ; утрудившись отъ пути, я сѣлъ у подножія горы, дабы отдохнуть немного. Въ это время я увидѣлъ мужа, приближавшагося ко мнѣ, очень страшнаго на видъ: онъ весь былъ покрытъ волосами, какъ звѣрь, при этомъ волосы его были бѣлы какъ снѣгъ, ибо онъ былъ сѣдымъ отъ старости. Волосы его головы и бороды были очень длинны, доходили даже до земли и покрывали все тѣло его какъ нѣкая одежда; бедра же его были опоясаны листьями пустынныхъ растеній. Когда я увидѣлъ сего мужа, приближавшагося ко мнѣ, то пришелъ въ страхъ и по-

бѣжалъ на скалу, находившуюся на верху горы. Онъ же, дойдя до подножія горы, сѣлъ въ тѣнь, намѣреваясь отдохнуть, ибо весьма утрудился отъ зноя, а также и отъ старости. Посмотрѣвъ на гору, онъ увидѣлъ меня и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Подойди ко мнѣ, человѣкъ Божій! Я такой же человѣкъ, какъ и ты; я живу въ пустынѣ сей, подвизаясь Бога ради.

Я (говоритъ Пафнутій) услыхавъ это, поспѣшилъ къ нему и палъ къ ногамъ его. Онъ же сказалъ мнѣ:

— Поднимись, сынъ мой! Вѣдь и ты—рабъ Божій и другъ святыхъ Его; имя же твое—Пафнутій.

Я всталъ. Тогда онъ приказалъ мнѣ сѣсть, и я сѣлъ съ радостію близъ него. Я началъ его усердно просить сказать мнѣ свое имя и описать мнѣ свою жизнь: какъ онъ подвизается въ пустынѣ и какъ много времени живетъ здѣсь. Уступая моимъ неотступнымъ просьбамъ, онъ началъ свое повѣствованіе о себѣ такъ:

— Имя мое—Онуфрій; я живу въ этой пустынѣ шестьдесятъ лѣтъ, скитаясь по горамъ; я не видалъ ни одного человѣка, нынѣ вижу лишь тебя одного. Раньше я жилъ въ одномъ честно́мъ монастырѣ, называвшемся Эрити[1]) и находившемся близъ города Гермополя, что въ Θиваидской области. Въ монастырѣ томъ проживаетъ сто братій; всѣ они живутъ въ полномъ единодушіи другъ съ другомъ, проводя общую согласную жизнь въ любви о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. У нихъ общая пища и одежда; они проводятъ безмолвную постническую жизнь въ мирѣ, славя милость Господню. Во дни своего дѣтства я какъ новоначальный былъ наставляемъ тамъ святыми отцами усердной вѣрѣ и любви къ Господу, а также поучался и уставамъ иноческаго житія. Я слышалъ, какъ они бесѣдовали о святомъ Пророкѣ Божіемъ Иліи[2]), именно, что онъ, укрѣпляемый Богомъ, жилъ, постясь, въ пустынѣ; слышалъ также и о святомъ Предтечѣ Господнемъ Іоаннѣ[3]), которому не былъ подобенъ никогда ни одинъ человѣкъ[4]), относительно его

---

1) Или *Ерати.*

2) *Илія*—знаменитѣйшій Пророкъ израильскій, происходившій изъ города Θесвы галаадской, жившій и дѣйствовавшій во дни нечестиваго царя Ахава и Іезавели. Изъ числа всѣхъ пророковъ Илія отличался особенною ревностію о славѣ Божіей. Исторія его жизни и дѣятельности излагается въ 3-сй и 4-ой Книгахъ Царствъ (3 Цар., гл. 17—20 и 4 Цар., гл. 1—2).—Память его празднуется св. Церковію 20-го іюля.

3) *Святый Предтеча и Крститель Господень Іоаннъ*—величайшій изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, стоявшій на рубежѣ Завѣтовъ—Ветхаго и Новаго. Память его празднуется св. Церковію 24-го іюня, 29-го августа, 23-го сентября и въ другіе дни.

4) См. Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 11.

жизни въ пустынѣ, до дня явленія своего Израилю. Слышавъ все это, я спросилъ святыхъ отцевъ:

— Что же: значитъ, тѣ, кто подвизаются въ пустынѣ, больше васъ въ очахъ Божіихъ?

Они же отвѣчали мнѣ:

— Да, чадо, они больше насъ; ибо мы видимъ ежедневно другъ друга, совершаемъ соборно церковное пѣніе съ радостію; если захотимъ ѣсть, то имѣемъ уже готовый хлѣбъ, точно такъ же, если захотимъ пить, имѣемъ готовую воду; если случится кому-либо изъ насъ заболѣть, то таковый получаетъ утѣшеніе отъ братіи, ибо мы живемъ сообща, другъ другу помогаемъ и служимъ ради любви Божіей; живущіе же въ пустынѣ лишены всего этого. Если съ кѣмъ-либо изъ пустынножителей случится какая-либо непріятность, кто его утѣшитъ? Въ болѣзни кто ему поможетъ и послужитъ? Если на него нападетъ сила сатанинская, гдѣ онъ найдетъ человѣка, который ободритъ его умъ и преподастъ ему наставленіе, такъ какъ онъ одинъ? Если не будетъ у него пищи, гдѣ онъ достанетъ ее безъ труда; точно такъ же, если и возжаждетъ, то не найдетъ воды поблизости. Тамъ, чадо, несравненно большій трудъ, нежели у насъ, живущихъ сообща; предпринимающіе пустынную жизнь, начинаютъ служить Богу съ бо́льшимъ усердіемъ, налагаютъ на себя болѣе строгій постъ, подвергаютъ себя голоду, жаждѣ, зною полуденному; великодушно претерпѣваютъ холодъ ночной, крѣпко сопротивляются кознямъ, наносимымъ невидимымъ врагомъ, всячески стараются побѣдить его, съ усердіемъ стараются пройти тѣсный и прискорбный путь, ведущій въ Царствіе Небесное. По этой причинѣ Богъ посылаетъ къ нимъ святыхъ Ангеловъ, которые приносятъ имъ пищу, изводятъ воду изъ камня и укрѣпляютъ ихъ настолько, что относительно нихъ сбываются слова Пророка Исаіи [1]), говорящаго: **терпѧщіи гдⷭ҇ и҆змѣнѧ́тъ крѣ́пость, ѡ҆крылѧ́тѣютъ а҆́ки о҆рли́, потекꙋ́тъ и҆ не оу҆трꙋдя́тсѧ** [2]). Если же кто изъ нихъ и не сподобляется лицезрѣнія ангельскаго, то во всякомъ случаѣ не лишается невидимаго присутствія Ангеловъ Божіихъ, которые охраняютъ таковаго

---

[1]) *Исаія*—знаменитѣйшій Пророкъ, жившій и дѣйствовавшій въ царствѣ іудейскомъ во времена царей: Озіи, Іоаѳама, Ахаза и Езекіи. Его пророчества, относящіяся къ Господу Іисусу Христу, настолько ясны и опредѣленны, что Пророка Исаію по справедливости называютъ «ветхозавѣтнымъ евангелистомъ». Его Пророчества составляютъ цѣлую книгу, которая и внесена въ составъ Библіи.—Память его совершается св. Церковію 9-го мая.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 40, ст. 31.

пустынника во всѣхъ путяхъ его, защищаютъ отъ навѣтовъ вражіихъ, способствуютъ таковому въ добрыхъ дѣлахъ его и приносятъ Богу молитвы пустынника. Если съ кѣмъ-либо изъ пустынниковъ случается какая-либо нечаянная напасть вражія, то онъ воздѣваетъ руки свои къ Богу, и тотчасъ ниспосылается ему помощь свыше и отгоняются всѣ напасти ради чистоты его сердечной. Развѣ ты не слыхалъ, чадо, сказаннаго въ Писаніи, что Богъ не оставляетъ безъ вниманія ищущихъ Его, **и҃ не до конца̀ забве́нъ бу҃детъ ни҃щіи҃й, и҃ терпѣ́нїе оу҃бо́гихъ не поги́бнетъ до конца̀** [1]). И еще: **воззва́ша ко гу҃, внегда̀ скорбѣ́ти и҃мъ, и҃ ѿ нужде́ и҃хъ и҃зба́ви а҃** [2]): ибо Господь воздаетъ каждому соотвѣтственно тому труду, который кто принимаетъ на себя. Блаженъ человѣкъ, творящій волю Господню на землѣ и усердно Ему работающій: таковому служатъ Ангелы, хотя бы невидимо; они возвеселяютъ сердце его радостію духовною и укрѣпляютъ того человѣка всякій часъ, пока онъ находится во плоти.

Все это я, смиренный Онуфрій, слышалъ въ своемъ монастырѣ отъ святыхъ отцевъ, и отъ словъ сихъ усладилось сердце мое, ибо слова сіи для меня были пріятнѣе меда, и показалось мнѣ, что я былъ какъ въ другомъ нѣкоемъ мірѣ; ибо во мнѣ явилось непреодолимое желаніе идти въ пустыню. Вставъ ночью и взявъ немного хлѣба, такъ что его едва хватило бы на четыре дня, я вышелъ изъ монастыря, возложивъ всѣ надежды свои на Бога; я пошелъ дорогой, ведущей къ горѣ, намѣреваясь идти отсюда въ пустыню. Лишь только я началъ входить въ пустыню, какъ увидалъ предъ собою ярко сіявшій лучъ свѣта. Весьма испугавшись, я остановился и началъ уже помышлять о возвращеніи въ монастырь. Между тѣмъ, лучъ свѣта приближался ко мнѣ, и я слышалъ изъ него голосъ, говорившій:

— Не бойся! Я—Ангелъ, ходящій съ тобою отъ дней рожденія твоего, ибо я приставленъ къ тебѣ Богомъ, дабы хранить тебя; мнѣ было повелѣніе отъ Господа—вести тебя въ сію пустыню. Будь совершенъ и смиренъ сердцемъ предъ Господомъ, съ радостію служи Ему, я же не отступлю отъ тебя до тѣхъ поръ, пока Создатель не повелитъ мнѣ взять душу твою.

Сказавъ это изъ свѣтлаго луча, Ангелъ пошелъ впереди меня, я же послѣдовалъ за нимъ съ радостью. Пройдя около шести или

[1]) Псал. 9, ст. 19.
[2]) Псал. 106, ст. 6.

семи милліарій [1]), я увидѣлъ довольно просторную пещеру; въ это время лучъ свѣта ангельскаго исчезъ изъ глазъ моихъ. Подойдя къ пещерѣ, я пожелалъ узнать, нѣтъ ли тамъ какого человѣка. Приблизившись къ дверямъ, я, по обычаю иноческому, воззвалъ:

— Благослови!

И увидѣлъ я старца, видомъ честна́го и благообразнаго; на лицѣ и во взглядѣ его сіяли благодать Божія и духовная радость. Увидавъ сего старца, я палъ къ ногамъ его и поклонился ему. Онъ же, поднявъ меня рукою своею, поцѣловалъ и сказалъ:

— Ты ли это, братъ Онуфрій, споспѣшникъ мой о Господѣ? Войди, чадо, въ мое жилище. Богъ да будетъ помощникомъ твоимъ; пребывай въ званіи своемъ, совершая добрыя дѣла въ страхѣ Божіемъ.

Войдя въ пещеру, я сѣлъ и пробылъ съ нимъ немало дней; я старался научиться отъ него его добродѣтелямъ, въ чемъ я и успѣлъ, ибо онъ научилъ меня уставу житія пустынническаго. Когда же старецъ, увидѣвъ, что духъ мой уже былъ просвѣщенъ настолько, что я понималъ, каковы должны быть дѣла, угодныя Господу Іисусу Христу; увидавъ также, что я укрѣпился къ безстрашной борьбѣ съ тайными врагами и страшилищами, которыя имѣетъ пустыня, то сказалъ мнѣ:

— Поднимись, чадо; я поведу тебя въ другую пещеру, находящуюся во внутренней пустынѣ; живи въ ней одинъ и подвизайся о Господѣ; ибо для сего Господь и послалъ тебя сюда,— чтобы ты былъ насельникомъ пустыни внутренней.

Сказавъ такъ, онъ взялъ меня и повелъ въ самую внутреннюю пустыню: шли же мы четыре дня и четыре ночи. Наконецъ, на пятый день нашли небольшую пещеру. Тотъ святый мужъ тогда сказалъ мнѣ:

— Вотъ то самое мѣсто, которое уготовано Богомъ для твоихъ подвиговъ.

И пробылъ старецъ со мною тридцать дней, поучая меня

---

[1]) *Милліарій*—римская миля, или, точнѣе, римскій милевой камень, потому что въ концѣ каждаго милліарія стоялъ въ видѣ знака каменный столбъ. Милліарій равнялся 8-ми стадіямъ (стадія=88 саженямъ), что составитъ приблизительно $1^1/_2$ нашихъ версты. Милевые камни были разсѣяны по всей Италіи; на нихъ надписывалось обыкновенно имя строителя или императора, при которомъ они строились. Первый милевой камень, отъ котораго вели начало всѣ остальные камин и у котораго соединялись всѣ дороги, находился въ Римѣ, у храма Сатурна. При раскопкахъ въ Римѣ были найдены остатки этого камня.

добродѣланію; по прошествіи же тридцати дней, поручивъ меня Богу, пошелъ обратно къ мѣсту своихъ подвиговъ. Съ тѣхъ поръ онъ приходилъ ко мнѣ одинъ разъ въ годъ; онъ навѣщалъ меня ежегодно, до преставленія своего Господу; въ послѣдній годъ онъ преставился ко Господу, бывъ у меня по обычаю своему; я же плакалъ весьма много и похоронилъ тѣло его близъ моего жилища.

Потомъ я, смиренный Пафнутій, спросилъ его:

— Отче честны́й! Многіе ли труды предпринялъ ты въ началѣ твоего прибытія въ пустыню?

Блаженный старецъ отвѣчалъ мнѣ:

— Имѣй мнѣ вѣру, возлюбленный братъ мой, что я предпринялъ столь тяжелые труды, что уже много разъ отчаявался въ жизни своей, считая себя близкимъ къ смерти; ибо я изнемогалъ отъ голода и жажды; съ самаго начала (прибытія въ пустыню) я не имѣлъ ничего изъ пищи и питья, случайно развѣ только я находилъ пустынное зеліе, которое и было мнѣ пищей; жажду же мою прохлаждала только роса небесная; жаръ солнечный жегъ меня днемъ, ночью же я мерзъ отъ холода; тѣло мое покрывалось каплями дождевыми отъ росы небесной. Чего другого я не претерпѣлъ, какихъ трудовъ и подвиговъ не предпринялъ въ этой непроходимой пустынѣ! Пересказать о всѣхъ трудахъ и подвигахъ невозможно да и неудобно оповѣщать то, что человѣкъ долженъ творить наединѣ ради любви Божіей. Благій же Богъ, видя, что я всего себя посвятилъ постническимъ подвигамъ, обрекши себя на голодъ и жажду, приказалъ Ангелу Своему заботиться обо мнѣ и приносить мнѣ ежедневно немного хлѣба и воды для укрѣпленія тѣла моего. Такъ былъ питаемъ я Ангеломъ въ продолженіе тридцати лѣтъ. По истеченіи же тридцати лѣтъ Богъ далъ мнѣ болѣе обильное питаніе, ибо близъ пещеры моей я нашелъ финиковую пальму, имѣвшую двѣнадцать вѣтвей; каждая вѣтвь отдѣльно отъ другихъ приносила плоды свои: одна — въ одинъ мѣсяцъ, другая — въ другой, до тѣхъ поръ, пока не оканчивались всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ. Когда оканчивается одинъ мѣсяцъ, оканчиваются и плоды на одной вѣтви; когда наступаетъ другой мѣсяцъ, начинаютъ вырастать плоды на другой вѣтви. Кромѣ того, по повелѣнію Божію, потекъ близъ меня и источникъ живой воды. И вотъ уже другія тридцать лѣтъ я подвизаюсь съ такимъ богатствомъ, иногда получая хлѣбъ отъ Ангела, иногда же вкушая

финиковые плоды съ кореньями пустынными, которые, по устроенію Божію, кажутся мнѣ болѣе сладкими, нежели медъ; воду же я пью изъ сего источника, благодаря Бога; а болѣе всего я питаюсь и напояюсь въ сладость Словами Божіими, какъ и написано: **не ѡ҃ хлѣ҃бѣ є҆ди́номъ жи́въ бу́детъ человѣ́къ, но ѡ҃ всѣ́комъ глаго́лѣ, и҆сходя́щемъ и҆зо́устъ бж҃іихъ**[1]). Братъ Пафнутій! Если со всѣмъ усердіемъ будешь исполнять волю Божію, то ты получишь отъ Бога все необходимое; ибо во святомъ Евангеліи сказано: «**не пецы́тесѧ, глаго́люще, что҃ ꙗ҃мы, и҆ли́ что҃ пі҃е́мъ, и҆ли́ чи́мъ ѡ҃дѣ́ждемсѧ? всѣ́хъ бо си́хъ ꙗ҃зы́цы и҆щу́тъ: вѣ́сть бо о҆҃цъ ва́шъ нб҃ны́й, ꙗ҃коѡ тре́бу́ете всѣ́хъ си́хъ. И҆щи́те же пре́жде ца́рствіѧ бж҃ія҆ и҆ пра́вды є҆гѡ̀ и҆ сі҃ѧ̀ всѧ̀ приложа́тсѧ ва́мъ**»[2]).

Когда Онуфрій говорилъ все это,—я (повѣствуетъ Пафнутій) весьма дивился чудному житію его. Потомъ снова спросилъ его, сказавъ:

— Отче, какимъ образомъ ты причащаешься Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ въ субботу и въ день воскресный?

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Ко мнѣ приходитъ Ангелъ Господень, который и приноситъ съ собою Пречистыя Таины Христовы и причащаетъ меня. И не ко мнѣ только одному приходитъ Ангелъ съ причастіемъ божественнымъ, но и къ прочимъ подвижникамъ пустыннымъ, живущимъ ради Бога въ пустынѣ и не видящимъ лица человѣческаго; причащая, онъ наполняетъ сердца ихъ неизреченнымъ веселіемъ. Если же кто-либо изъ сихъ пустынниковъ пожелаетъ видѣть человѣка, то Ангелъ беретъ его и поднимаетъ къ Небесамъ, дабы онъ видѣлъ святыхъ и возвеселился; и просвѣщается душа такого пустынника, какъ свѣтъ, и радуется духомъ, сподобившись видѣть блага небесныя; и забываетъ тогда пустынникъ о всѣхъ трудахъ своихъ, предпринятыхъ въ пустынѣ. Когда же подвижникъ возвращается на свое мѣсто, то начинаетъ еще усерднѣе служить Господу, надѣясь получить на Небесахъ то, что онъ сподобился видѣть.

Обо всемъ этомъ бесѣдовалъ со мною Онуфрій (говоритъ Пафнутій) у подножія той горы, гдѣ мы встрѣтились. Я же преисполнился великой радости отъ таковой бесѣды съ преподобнымъ и также забылъ всѣ труды путешествія своего, сопряженные съ голодомъ и жаждою. Укрѣпившись духомъ и тѣломъ, я сказалъ:

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 4.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 31—33.

— Блаженъ человѣкъ, сподобившійся видѣть тебя, святый отче, и слышать прекрасныя и сладчайшія слова твои!

Онъ же сказалъ мнѣ:

— Встанемъ же, братъ, и пойдемъ къ жилищу моему.

И, поднявшись, мы пошли.

Я (говоритъ Пафнутій) не переставалъ дивиться благодати преподобнаго старца; пройдя два или три милліарія, мы подошли къ честно́й пещерѣ святаго. Вблизи пещеры той росла довольно большая финиковая пальма и протекалъ небольшой источникъ живой воды. Остановившись около пещеры, преподобный помолился. Окончивъ молитву, сказалъ:

— Аминь.

Потомъ сѣлъ, предложилъ также и мнѣ сѣсть рядомъ съ собою. И бесѣдовали мы, повѣдая другъ другу о милостяхъ Божіихъ.

Когда день началъ склоняться къ вечеру и солнце обращалось уже на западъ, я увидалъ чистый хлѣбъ, лежавшій между нами, и приготовленную воду. И сказалъ мнѣ тотъ блаженный мужъ:

— Братъ, вкуси хлѣба, лежащаго предъ тобою, и испей воды, дабы укрѣпиться; ибо я вижу, что ты изнемогъ отъ голода и жажды и отъ трудовъ путешествія.

Я отвѣчалъ ему:

— Живъ Господь мой! Я не буду ѣсть и пить одинъ, но только вмѣстѣ съ тобою.

Старецъ же не соглашался вкусить; я долго упрашивалъ его и едва могъ упросить исполнить мою просьбу; простерши руки, мы взяли хлѣбъ, преломили его и вкусили; мы насытились, остался даже излишекъ хлѣба; потомъ мы испили воды и возблагодарили Бога; и пробыли всю ту ночь въ молитвѣ къ Богу.

Когда наступилъ день, я замѣтилъ, что лице преподобнаго послѣ утренняго пѣнія молитвеннаго измѣнилось, и весьма убоялся сего. Онъ же, уразумѣвъ это, сказалъ мнѣ:

— Не бойся, братъ Пафнутій, ибо Богъ, милосердый ко всѣмъ, послалъ тебя ко мнѣ, дабы ты предалъ погребенію тѣло мое; въ сегодняшній день я окончу временную жизнь мою и отойду къ жизни безконечной въ покоѣ вѣчномъ ко Христу моему.

Былъ же тогда двѣнадцатый день мѣсяца іюня; и завѣщалъ преподобный Онуфрій мнѣ, Пафнутію, сказавъ:

— Возлюбленный братъ! Когда возвратишься въ Египетъ, напомни обо мнѣ всѣмъ братіямъ и всѣмъ христіанамъ.

Я же (говоритъ Пафнутій), сказалъ ему:

— Отче! Послѣ твоего исхода я желалъ бы пребывать здѣсь на твоемъ мѣстѣ.

Но преподобный сказалъ мнѣ:

— Чадо! Ты посланъ Богомъ въ пустыню эту не для того, чтобы въ ней подвизаться, но для того, чтобы, видѣвъ рабовъ Божіихъ, возвратиться обратно и повѣдать о добродѣтельной жизни пустынниковъ братіямъ ради душевной пользы ихъ и во славу Христа Бога нашего. Иди же, чадо, въ Египетъ, въ свой монастырь, а также и къ другимъ монастырямъ и повѣдай обо всемъ, что ты видѣлъ и слышалъ въ пустынѣ; повѣдай также и о томъ, что еще увидишь и услышишь; самъ же подвизайся въ добрыхъ дѣлахъ, служа Господу.

Когда преподобный сказалъ это, то я палъ къ ногамъ его со словами:

— Благослови меня, честнѣйшій отче, и помолись обо мнѣ, дабы я снискалъ милость предъ Богомъ; помолись обо мнѣ, чтобы Спаситель мой сподобилъ меня видѣть тебя въ будущемъ вѣкѣ, подобно тому какъ сподобилъ видѣть тебя въ сей жизни.

Преподобный же Онуфрій, поднявъ меня отъ земли, сказалъ мнѣ:

— Чадо Пафнутій! Да не будетъ пренебрежено прошеніе твое Богомъ, но да исполнитъ его Богъ; да благословитъ тебя Богъ и да утвердитъ въ любви Своей и просвѣтитъ умныя очи твои къ Боговидѣнію; да избавитъ тебя отъ всякаго несчастія и сѣтей сопротивника и да продолжитъ начатое тобою доброе дѣло; да сохранятъ тебя Ангелы Его на всѣхъ пути́хъ твои́хъ[1]), да соблюдутъ они тебя отъ враговъ невидимыхъ, такъ что сіи послѣдніе не возмогутъ оклеветать тебя предъ Богомъ въ часъ грознаго испытанія.

Послѣ этого преподобный отецъ преподалъ мнѣ послѣднее цѣлованіе о Господѣ; потомъ началъ молиться ко Господу со слезами и воздыханіемъ сердечнымъ. Преклонивъ колѣна и помолившись довольно продолжительное время, онъ легъ на землю и изрекъ свое послѣднее слово:

— Въ руки Твои, Боже мой, предаю духъ мой!

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, его осіялъ съ Неба див-

---

[1]) Псал. 90, ст. 11.

ный свѣтъ, и при сіяніи сего свѣта преподобный, веселясь лицемъ, испустилъ духъ свой[1]). И тотчасъ былъ слышенъ въ воздухѣ голосъ Ангеловъ, пѣвшихъ и благословлявшихъ Бога; ибо Ангелы святые, взявши душу преподобнаго, возносили ее съ радостію ко Господу.

Я же (повѣствуетъ Пафнутій) началъ плакать и рыдать надъ честны́мъ тѣломъ его, сокрушаясь о томъ, что я такъ неожиданно лишился того, кого такъ недавно обрѣлъ. Потомъ, снявъ съ себя одежду, я отодралъ отъ нея нижнюю подшивку и прикрылъ ею тѣло святаго, въ верхнее же самъ одѣлся снова, дабы возвратиться къ братіи не нагимъ. Я нашелъ большой камень, въ которомъ, по устроенію Божію, было сдѣлано углубленіе наподобіе гроба; въ этотъ камень я и положилъ святое тѣло великаго угодника Божія съ приличнымъ сему случаю псалмопѣніемъ. Затѣмъ, собравъ много мелкихъ камней, прикрылъ ими тѣло святаго.

Послѣ всего я началъ молиться къ Богу, прося Его дозволить мнѣ обитать на томъ мѣстѣ; я хотѣлъ уже войти въ пещеру, но тотчасъ предъ моими глазами пещера разрушилась, финиковая пальма, питавшая святаго, исторглась изъ корня своего и источникъ живой воды высохъ; видѣвъ все это, я понялъ, что Богу не благоугодно было, дабы я жилъ здѣсь.

Намѣреваясь уйти оттуда, я съѣлъ хлѣбъ, оставшійся отъ вчерашняго дня, испилъ также и воду, находившуюся въ сосудѣ; потомъ, поднявъ къ Небу руки свои и возведши очи на Небо, началъ опять молиться. Тогда я увидѣлъ того самаго мужа, котораго прежде видѣлъ, путешествуя по пустынѣ; это былъ тотъ самый мужъ, который, укрѣпивъ меня, шествовалъ впереди меня.

Уходя съ мѣста того, я весьма скорбѣлъ душею, сожалѣя, что не сподобился видѣть въ живыхъ преподобнаго Онуфрія болѣе продолжительное время. Но потомъ я возрадовался душею, поразмысливъ, что я сподобился насладиться его святою бесѣдою и получить благословеніе изъ устъ его; и такъ я шелъ, славя Бога.

Пройдя четыре дня, я подошелъ къ нѣкоей келліи, стоявшей высоко на горѣ и имѣвшей пещеру; войдя въ нее, я никого не нашелъ; посидѣвъ немного, я началъ думать про себя:

«Живетъ ли кто въ сей келліи, къ которой привелъ меня Богъ?»

---

1) Кончина преп. Онуфрія послѣдовала въ IV-мъ вѣкѣ.

Въ то время, какъ я думалъ такъ, вошелъ святый мужъ, убѣленный сѣдинами; видъ его былъ чуденъ и свѣтозаренъ; онъ былъ облеченъ въ одежду, сплетенную изъ вербовыхъ вѣтвей. Увидавъ меня, онъ сказалъ:

— Ты ли это, братъ Пафнутій, предавшій погребенію тѣло преподобнаго Онуфрія?

Я же, понявъ, что ему было откровеніе отъ Бога о мнѣ, палъ къ ногамъ его. Онъ, утѣшая меня, сказалъ:

— Встань, братъ! Богъ сподобилъ тебя быть другомъ святыхъ Его; ибо я знаю, по промышленію Божію, что ты долженъ былъ придти ко мнѣ. Я открою тебѣ, братъ возлюбленный, о себѣ, что я шестьдесятъ лѣтъ пробылъ въ пустынѣ этой и никогда за это время не видалъ человѣка, который бы пришелъ ко мнѣ, кромѣ братіи, обитающей здѣсь со мною.

Въ то время, какъ мы бесѣдовали другъ съ другомъ, вошли три другихъ, подобные святому, старца. И тотчасъ они сказали мнѣ:

— Благослови, братъ! Ты—братъ Пафнутій, нашъ сотрудникъ о Господѣ. Ты предалъ погребенію тѣло святаго Онуфрія. Радуйся, братъ, что сподобился видѣть великую благодать Божію. Господь возвѣстилъ намъ о тебѣ, что ты сегодня придешь къ намъ. Господь повелѣлъ тебѣ пробыть вмѣстѣ съ нами одинъ день. Вотъ, мы уже шестьдесятъ лѣтъ пребываемъ въ пустынѣ сей, живемъ каждый отдѣльно; въ субботу же къ воскресному дню собираемся сюда. Мы не видали человѣка, вотъ только нынѣ видимъ тебя единаго.

Послѣ того какъ мы побесѣдовали о преподобномъ отцѣ Онуфріи и о прочихъ святыхъ, спустя два часа тѣ старцы сказали мнѣ:

— Возьми, братъ, немного хлѣба и подкрѣпи себя, ибо ты пришелъ издалека; подобаетъ намъ возрадоваться съ тобою.

Вставши, мы принесли Богу единодушную молитву и увидали предъ собою пять чистыхъ хлѣбовъ, очень вкусныхъ, мягкихъ, теплыхъ, какъ бы только что испеченныхъ. Потомъ тѣ старцы принесли кое-что изъ плодовъ земныхъ. Сѣвъ вмѣстѣ, мы начали вкушать хлѣбы. И сказали мнѣ старцы:

— Вотъ, мы, какъ сказали тебѣ, пребываемъ въ пустынѣ этой шестьдесятъ лѣтъ, и всегда по повелѣнію Божію приносились намъ только четыре хлѣба; нынѣ же, по случаю твоего прибытія

къ намъ, послался и пятый хлѣбъ. Неизвѣстно намъ, откуда приносятся сіи хлѣбы, но каждый изъ насъ, входя въ пещеру свою, ежедневно находитъ въ ней одинъ хлѣбъ. Когда же мы собираемся сюда наканунѣ воскреснаго дня, то находимъ здѣсь четыре хлѣба—каждому по одному.

По вкушеніи трапезы той мы встали и возблагодарили Господа.

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру; скоро должна была наступить ночь; ставъ съ вечера субботняго на молитву, мы пробыли всю ночь безъ сна, молясь до утра дня воскреснаго.

Когда наступило утро, я началъ усердно просить отцевъ тѣхъ дозволить мнѣ пробыть вмѣстѣ съ ними до смерти моей. Но они сказали мнѣ:

— Нѣтъ воли Божіей на то, чтобы ты пребывалъ въ сей пустынѣ вмѣстѣ съ нами; тебѣ необходимо идти въ Египетъ, дабы ты возвѣстилъ христолюбивымъ братіямъ обо всемъ, что ты видѣлъ, на память о насъ и на пользу слушающимъ.

Когда они это сказали, я усердно началъ просить ихъ открыть мнѣ имена свои. Но они не восхотѣли повѣдать ихъ мнѣ. Я долгое время съ большимъ усердіемъ упрашивалъ ихъ, но нисколько не успѣлъ въ своей просьбѣ. Они сказали мнѣ только:

— Богъ, знающій все, знаетъ и имена наши. Поминай насъ, да сподобимся видѣть другъ друга въ горнихъ селеніяхъ Божіихъ. Всячески старайся, возлюбленный, избѣгать искушеній и соблазновъ мірскихъ, да не будешь побѣжденъ ими; ибо они вовлекли въ погибель многихъ.

Выслушавъ эти слова отъ тѣхъ преподобныхъ отцевъ, я палъ къ ногамъ ихъ и, получивъ благословеніе отъ нихъ, отправился съ миромъ Божіимъ въ путь мой. Тѣ отцы предсказали мнѣ о нѣкоторыхъ событіяхъ, которыя дѣйствительно и случились.

Выйдя оттуда, я шелъ по направленію внутренней пустыни одинъ день; дойдя до нѣкоей пещеры, при которой былъ источникъ живой воды, я сѣлъ для отдыха тамъ и любовался красотою того мѣста; ибо мѣсто то было весьма красиво; кругомъ источника того росли многія садовыя деревья, обремененныя плодами. Немного отдохнувъ, я всталъ и походилъ посреди деревьевъ тѣхъ, удивляясь большому количеству плодовъ тѣхъ и помышляя про себя,—кто же насадилъ здѣсь все это. Были же здѣсь различные плоды деревьевъ, какъ то: финики, цитроны, яблоки большіе и

красные, смоквы, бросквины и виноградныя лозы[1]), увѣшанныя большими гроздами, росло здѣсь много и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Плоды ихъ были вкуснѣе меда; отъ нихъ разливалось великое благоуханіе, источникъ же, протекавшій тамъ, орошалъ всѣ тѣ насажденія. Видя все это, я подумалъ, что это и есть рай Божій.

Въ то время, какъ я дивился великой красотѣ мѣста того, я увидалъ четырехъ благовидныхъ юношей, шедшихъ издалека изъ пустыни ко мнѣ; юноши тѣ были опоясаны овечьими кожами. Подойдя ко мнѣ, они сказали:

— Радуйся, братъ Пафнутій!

Я, павъ лицемъ на землю, поклонился имъ.

Они же, поднявъ меня, сѣли рядомъ со мною и начали бесѣдовать. Лица сихъ юношей сіяли благодатіею Божіею; мнѣ казалось, что это были не люди, а Ангелы, сошедшіе съ Неба. Юноши весьма обрадовались моему приходу и, взявъ древесные плоды, предложили мнѣ вкусить ихъ; и возрадовалось сердце мое по причинѣ ихъ любви. Я пробылъ у нихъ семь дней, питаясь плодами съ тѣхъ деревьевъ. Между прочимъ я спросилъ ихъ, сказавъ:

— Какъ вы попали сюда? Откуда вы?

Они же отвѣчали мнѣ:

— Братъ! Такъ какъ Самъ Богъ послалъ тебя къ намъ, то мы повѣдаемъ тебѣ жизнь нашу. Мы происходимъ изъ города Оксиринха[2]); наши родители были начальниками того города; желая обучить насъ книгамъ, они отдали насъ въ одно училище, гдѣ мы въ скоромъ времени научились простой грамотѣ (чтенію). Когда же мы начали преуспѣвать и въ болѣе совершенномъ обученіи, тогда у насъ всѣхъ явились одни общія и согласныя убѣжденія, ибо Господь споспѣшествовалъ намъ; мы рѣшили изучить высшую духовную премудрость. Съ этого времени, собираясь ежедневно вмѣстѣ, мы побуждали другъ друга на усердіе къ службѣ

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что Египетъ, въ особенности въ мѣстахъ, лежавшихъ неподалеку отъ рѣки Нила, былъ весьма богатъ своимъ растительнымъ міромъ. Тамъ въ изобиліи росли: финиковая пальма, акаціи, тутовыя деревья, хлопчатникъ, сахарный тростникъ, индиго, сикоморы.

2) Городъ *Оксиринхъ* находился въ верхней Ѳиваидѣ. Онъ славился благочестіемъ своихъ жителей; по свидѣтельству историка Руфина (жившаго въ IV-мъ вѣкѣ), онъ заключалъ въ своихъ предѣлахъ до десяти тысячъ дѣвственниковъ и до двадцати тысячъ дѣвственницъ. Нынѣ—селеніе *Бенезехъ*.

Божіей; имѣя благое намѣреніе въ сердцахъ своихъ, мы восхотѣли отыскать гдѣ-нибудь безмолвное уединенное мѣсто и пробыть на немъ нѣсколько дней въ молитвѣ, дабы узнать Божіе намѣреніе относительно насъ. Каждый изъ насъ взялъ немного хлѣба и воды, именно столько, сколько должно было хватить на семь дней; потомъ мы вышли изъ города. Идя нѣсколько дней, мы достигли пустыни; войдя въ пустыню, мы пришли въ ужасъ, ибо увидали передъ собою нѣкоего свѣтлаго мужа, сіявшаго Славою Небесною; взявъ насъ за руки, онъ повелъ насъ, какъ ты видишь, на это мѣсто; потомъ передалъ насъ мужу, уже состарѣвшемуся годами, служившему Господу. И вотъ, мы пребываемъ здѣсь уже шестой годъ. Съ тѣмъ старцемъ мы подвизались одинъ годъ, при этомъ онъ училъ и наставлялъ насъ, какъ надо служить Господу. По прошествіи же года отецъ нашъ преставился ко Господу, и съ того времени мы живемъ здѣсь одни. Вотъ, братъ возлюбленный, мы повѣдали тебѣ,—кто мы такіе и откуда пришли. Въ продолженіе всѣхъ тѣхъ шести лѣтъ мы не вкушали ни хлѣба, ни какой другой пищи, кромѣ плодовъ этихъ садовыхъ деревьевъ; каждый изъ насъ отдѣльно отъ прочихъ пребываетъ въ безмолвіи. Когда наступаетъ суббота, то мы всѣ собираемся на это мѣсто, видимъ другъ друга и утѣшаемся о Господѣ. Пробывъ вмѣстѣ два дня, субботу и воскресенье, снова каждый расходимся на свое мѣсто.

Слыша все это отъ нихъ, я, смиренный (говоритъ Пафнутій), спросилъ ихъ:

— Гдѣ же причащаетесь вы въ субботу и воскресенье Божественныхъ Таинъ Пречистаго Тѣла и Крови Христа, Спасителя нашего?

Они отвѣчали мнѣ:

— Для того мы и собираемся здѣсь каждую субботу и воскресенье, ибо Ангелъ святый, посылаемый Богомъ, приходитъ къ намъ и преподаетъ намъ Святое Причащеніе.

Я же, весьма возрадовавшись, услышавъ сіе, восхотѣлъ дождаться у нихъ субботы, дабы видѣть святаго Ангела и получить изъ его рукъ Божественное Причащеніе. И пробылъ тамъ до субботы. Пробыли и они ради меня на одномъ мѣстѣ, не расходясь каждый въ келліи свои. И проводили мы тѣ дни въ славословіи Божіемъ и въ молитвахъ, вкушая въ пищу плоды садовые и испивая воду изъ источника. Когда наступила суббота, рабы Христовы сказали мнѣ:

— Приготовься, возлюбленный братъ, ибо нынѣ придетъ Ангелъ Божій и принесетъ намъ Божественное Причащеніе. Тотъ, кто сподобится воспріять изъ рукъ его Святое Причащеніе, получаетъ прощеніе всѣмъ грѣхамъ своимъ и становится страшнымъ для демоновъ, такъ что искушеніе сатанинское не можетъ приблизиться къ нему.

Въ то время, какъ они говорили мнѣ это, я обонялъ дивный ароматъ, какъ бы отъ сильнаго кажденія θиміама, и весьма изумился, ибо никогда не обонялъ такого дивнаго аромата. Я спросилъ юношей:

— Откуда исходитъ столь неизреченное благоуханіе?

Они отвѣчали мнѣ:

— Приближается Ангелъ Господень съ Пречистыми Таинами Христовыми.

Тотчасъ вставъ на молитву, мы начали пѣть и славословить Христа Царя, Бога нашего. Внезапно насъ осіялъ свѣтъ съ неба; мы увидѣли Ангела Божія, сходившаго съ высоты, блиставшаго какъ молнія. Я палъ ницъ на землю отъ страха. Юноши же тѣ подняли меня и сказали, чтобы я не боялся. Тогда я увидѣлъ предстоящаго намъ Ангела Божія въ образѣ прекраснаго юноши; красоту его трудно было бы описать; онъ держалъ въ рукѣ своей святый Потиръ (Чашу) съ Божественными Дарами. Тѣ рабы Божіи подходили къ нему по одному и причащались. Послѣ нихъ подошелъ и я, грѣшный и недостойный, съ великимъ трепетомъ и ужасомъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ и съ несказанною радостію, и сподобился причаститься Пречистыхъ Таинъ Христовыхъ изъ рукъ Ангела. Во время Причащенія я слышалъ слова Ангела:

— Да будетъ вамъ пищей нетлѣнной, веселіемъ нескончаемымъ и жизнью вѣчною Тѣло и Кровь Господа Іисуса Христа, Бога нашего.

Мы отвѣчали на это:

— Аминь.

Послѣ Святаго Причащенія мы получили благословеніе отъ того преславнаго Ангела. Потомъ онъ предъ нашими глазами возлетѣлъ къ Небесамъ, мы же, павъ на землю, поклонились Богу, благодаря Его за великую милость къ намъ. Наше сердце было преисполнено великой радости, такъ что мнѣ казалось, что я нахожусь не на землѣ, а на Небѣ; отъ той великой радости я былъ какъ бы въ восторженномъ состояніи. Потомъ тѣ святые

рабы Божіи принесли овощи и предложили ихъ мнѣ, и, сѣвъ, мы вкусили ихъ.

Между тѣмъ суббота окончилась и наступила ночь; мы провели ее безъ сна въ псалмопѣніи и славословіи Бога. Въ воскресенье мы сподобились той же благодати Божіей, что и въ субботу; ибо къ намъ пришелъ тѣмъ же порядкомъ и въ томъ же видѣ Ангелъ Божій и, причастивъ насъ, исполнилъ сердца наши великою радостью. Я же, возъимѣвъ дерзновеніе, началъ просить Ангела Божія дозволить мнѣ обитать до окончанія жизни моей тамъ вмѣстѣ со святыми рабами Божіими. Но онъ сказалъ мнѣ:

— Богу не благоугодно, чтобы ты жилъ здѣсь; Онъ повелѣваетъ тебѣ немедленно идти въ Египетъ и возвѣстить всѣмъ братіямъ о томъ, что ты видѣлъ и слышалъ въ пустынѣ, дабы и прочія братія потщились проводить доброе житіе и угодить Христу Богу. Въ особенности разскажи всѣмъ подробнѣе о святомъ житіи и блаженной кончинѣ преподобнаго Онуфрія, котораго ты похоронилъ въ камнѣ. Передай братіямъ и все то, что слышалъ изъ устъ его. Блаженъ ты, что сподобился видѣть столь дивныя и великія дѣла Божія, являемыя на святыхъ Божіихъ. Уповай на Господа, что Онъ и тебя сопричтетъ въ будущемъ вѣкѣ къ тѣмъ святымъ, которыхъ ты видѣлъ и съ которыми ты бесѣдовалъ. Иди же нынѣ въ путь твой, и миръ Божій да будетъ съ тобою.

Сказавъ это, Ангелъ возлетѣлъ на Небо.

Я же (повѣствуетъ Пафнутій) преисполнился столь великаго страха и вмѣстѣ радости отъ словъ Ангела, что не могъ стоять на ногахъ и упалъ на землю, какъ безпамятный. Святые же рабы Божіи подняли меня и утѣшали; потомъ, предложивъ овощи, вкусили вмѣстѣ со мною и возблагодарили Бога.

Наконецъ, воздавъ привѣтствіе святымъ, я отправился въ путь свой. Юноши же тѣ честные дали мнѣ въ путь овощей и проводили на пять милліарій. Я усердно просилъ ихъ сказать мнѣ имена свои. Они сказали: первый назывался Іоаннъ, второй—Андрей, третій—Ираклавонъ, четвертый—Θеофилъ; и приказали мнѣ сказать свои имена братіямъ для поминовенія ихъ. Я просилъ же поминать и меня въ молитвахъ своихъ. Потомъ еще разъ воздавъ взаимное цѣлованіе другъ другу о Господѣ, мы разошлись; они возвратились на свое мѣсто, я же пошелъ по направленію къ Египту.

Отправляясь въ пустыню, я былъ печаленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радостенъ; скорбѣлъ я потому, что лишился лицезрѣнія и сладкой бесѣды со столь великими угодниками Божіими, которыхъ не былъ бы достоинъ и весь міръ; радовался же, что сподобился благословенія ихъ и созерцанія Ангела, а также и причащенія изъ рукъ ангельскихъ.

Я шелъ въ продолженіе трехъ дней; потомъ подошелъ къ скиту; встрѣтилъ здѣсь двухъ братьевъ, подвизавшихся въ отшельничествѣ. Я пробылъ у нихъ десять дней и повѣдалъ имъ обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ въ пустынѣ. Они слушали меня съ великимъ умиленіемъ и радостію; потомъ сказали:

— Воистину, отче Пафнутій, ты сподобился великой милости Божіей, ибо ты видѣлъ столь великихъ рабовъ Божіихъ.

Тѣ два брата проводили жизнь весьма добродѣтельную и любили Бога отъ всего сердца своего; они записали все, что слышали изъ устъ моихъ. Воздавъ имъ привѣтствіе, я пошелъ въ свой монастырь. Запись же о моемъ повѣствованіи они отправили ко всѣмъ святымъ отцамъ и братіямъ, жившимъ въ скитѣ; всѣ, читая и слушая, получали большую пользу душевную и прославляли Бога, являющаго Свои великія милости на рабахъ Своихъ. Потомъ положили запись о сказанномъ мною въ церкви, дабы всѣ, желавшіе, могли читать ее, ибо она была весьма назидательна и научала богомыслію. Я же, меньшій рабъ Пафнутій, будучи удостоенъ таковой благодати Божіей (которой я отнюдь не достоинъ), и устно и письменно возвѣщаю всѣмъ то, что было повелѣно мнѣ возвѣстить во славу Божію, на память святыхъ Божіихъ и на пользу ищущимъ спасенія души своей. Да будетъ же благодать и миръ Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, молитвами угодившихъ Ему святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ г:

Ѥлнѣемъ дха прстагѡ бгомдре просвѣщсѧ, ѡстависъ єсі ѩже въ житіи молвы, пустыню же достигъ прпбне ѻтче, возвеселилъ єсі йже над всѣми бга и зиждителѧ. сегѡ ради прославлметъ тѧ хр̃тосъ, блжєнне, великій дародатель.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПЕТРА АѲОНСКАГО

Преподобный Петръ былъ родомъ грекъ, званіемъ воинъ и чиномъ воевода. Онъ воспринялъ иночество по слѣдующему случаю.

Однажды Петръ вмѣстѣ съ другими воинами былъ отправленъ въ Сирію[1]) на войну[2]). Греческое войско потерпѣло пораженіе отъ враговъ; Петръ былъ взятъ въ плѣнъ[3]) и вмѣстѣ съ многими другими плѣнниками отведенъ въ Аравію[4]), въ городъ Самару, находящійся около рѣки Евфрата[5]). Тамъ онъ былъ заключенъ въ темницу и закованъ въ тяжелыя желѣзныя оковы. Находясь въ темницѣ и тщательно обсуждая свою прежнюю жизнь, Петръ вспомнилъ, что онъ много разъ помышлялъ отречься отъ міра и принять монашество. Онъ понялъ тогда, что Богъ наказалъ его этимъ тяжелымъ плѣненіемъ за то, что онъ не постарался исполнить своего добраго намѣренія. Раскаяваясь въ своемъ нерадѣніи и горячо оплакивая прежнюю жизнь, Петръ терпѣливо переносилъ страданія, которыя, по его сознанію, онъ вполнѣ заслужилъ.

---

1) *Сирія*—область на восточномъ берегу Средиземнаго моря.

2) Съ арабами.

3) Въ 667 году.

4) *Аравія*—обширный юго-западный полуостровъ Азіи, отдѣляемый отъ азіатскаго материка Персидскимъ заливомъ и связанный съ твердой землею равнинами Сирійско-аравійской пустыни.

5) Величайшая рѣка Азіи, въ соединеніи съ Тигромъ составляющая ея главнѣйшую водную систему.

Пробывъ въ темницѣ долгое время и не надѣясь получить избавленія отъ кого-либо изъ людей, Петръ началъ возсылать усердныя моленія къ Всесильному Богу, могущему Своими, невѣдомыми людямъ, путями освобить его изъ темницы, какъ нѣкогда Онъ извелъ Адама изъ ада[1]) и какъ освободилъ Апостола Петра, заключеннаго въ темницу Иродомъ[2]). Вмѣстѣ съ этимъ Петръ призывалъ на помощь и просилъ многосильныхъ ходатайствъ предъ Богомъ у великаго чудотворца святителя Николая, скораго помощника находящимся въ бѣдахъ: Петръ издавна имѣлъ, по Богѣ, великую вѣру и любовь къ святителю Николаю и часто къ нему обращался за помощію. Къ своей молитвѣ Петръ присоединилъ такое обѣщаніе: если онъ избавится отъ узъ, то уже не возвратится болѣе въ міръ, не пойдетъ даже въ свой домъ, но тотчасъ же отправится туда, куда направитъ его Богъ для выполненія иноческаго подвига. Онъ помышлялъ, если только Богъ освободитъ его отъ узъ, отправиться въ Римъ, чтобы тамъ, при гробѣ святаго верховнаго Апостола Петра, постричься и дать обѣтъ отреченія отъ міра. Молясь объ этомъ, святый Петръ наложилъ на себя постъ: онъ принималъ пищу чрезъ два или три дня, и то понемногу, и, наконецъ, на цѣлую седмицу отказался отъ нея. Когда седмица эта стала приближаться къ концу, святому Петру въ сонномъ видѣніи явился святитель Христовъ Николай и сказалъ:

— Я услышалъ твою молитву, принялъ воздыханіе твоего сердца и просилъ за тебя Благосердаго и Человѣколюбиваго Бога. Но такъ какъ ты самъ былъ не скоръ въ исполненіи Его заповѣдей, то и Онъ не хочетъ скоро освободить тебя отъ узъ, устрояя тебѣ лучшее для спасенія. Однако ты, по увѣренію Милосердаго Господа, обнадежившаго насъ во святомъ Евангеліи словами: **проси́те, и да́стсѧ ва́мъ.... толцы́те, и ѿвéрзетсѧ ва́мъ**[3]), не ослабѣвай возносить молитвы и стучать въ двери Его благоутробія, чтобы Господь, по Своему милосердію, освободилъ тебя отъ узъ и отверзъ для тебя двери темницы. Будь только терпѣливъ въ молитвѣ въ ожиданіи Божіей милости.

Сказавъ это, святый Николай повелѣлъ узнику Петру подкрѣпить свое тѣло пищею и сталъ невидимъ. Вставъ отъ сна

---

1) 1 Соб. посл. Петр., гл. 3. ст. 18—19.

2) Дѣян., гл. 12

3) Еванг. отъ Луки, гл. 11, ст. 9.

и вкусивъ пищи, Петръ снова и еще прилежнѣе сталъ молиться и днемъ и ночью съ благою надеждою на избавленіе, непрестанно призывая помощника своего святителя Николая.

По прошествіи нѣкотораго времени святый Николай снова явился святому Петру во снѣ, въ образѣ какъ бы опечаленнаго мужа, и обратился къ нему съ тихими и кроткими словами:

— Я, братъ, будь увѣренъ, не переставалъ умолять о тебѣ благость Божію, но не знаю, для какихъ судебъ и какихъ усмотрѣній Господь отлагаетъ твое избавленіе. Однако не отчаявайся въ Его милосердіи: Милосердый Владыка имѣетъ обыкновеніе отлагать исполненіе нашихъ просьбъ для нашей же пользы, чтобы кто-либо, скоро получивъ просимое, не пренебрегъ Его благодатію. При этомъ Господь желаетъ молитвъ о тебѣ и другихъ благоугодившихъ Ему. Я назову тебѣ того великаго молитвенника, котораго, если призовешь на помощь, будешь имѣть своимъ ходатаемъ, и я вѣрую, что, если мы вмѣстѣ помолимся о тебѣ, Человѣколюбецъ услышитъ насъ.

Прп҃бный
ПЄ́ТРЪ

— Кто же, святый Владыко,—спросилъ Петръ святителя Николая,—можетъ скорѣе тебя умолить Бога,—твоимъ молитвеннымъ предстательствомъ спасается весь міръ: вѣдь весь родъ христіанскій, прибѣгая къ тебѣ, тобою получаетъ избавленіе отъ своихъ бѣдъ.

— Знаешь ли, Петръ,—спросилъ святый Николай,—праведнаго Симеона, именуемаго Богопріимцемъ, такъ какъ онъ принялъ на свои руки Христа Господа, принесеннаго въ храмъ въ сороковый день по рожденіи?

— Знаю, святитель Божій,—отвѣчалъ Петръ,—того праведнаго мужа, о которомъ есть упоминаніе во святомъ Евангеліи[1]).

1) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 25—36.

— Того оба, я и ты, подвигнемъ на моленіе,—продолжалъ святый Николай,—и тогда все недоконченное хорошо окончится: Симеонъ праведный имѣетъ великую силу и дерзновеніе предъ Богомъ, близъ престола Котораго онъ предстоитъ вмѣстѣ съ Пречистою Владычицею Дѣвою Богородицею и святымъ Предтечею Іоанномъ.

Сказавъ это, святый Николай удалился.

Петръ же, вставъ отъ сна, снова предался усердному моленію и безмѣрному пощенію, призывая на помощь вмѣстѣ со святителемъ Николаемъ и святаго Симеона Богопріимца.

Когда же Преблагій Богъ, умоляемый великими угодниками Своими, пожелалъ избавить отъ узъ страждущаго, тогда, по Божественному изволенію, святитель Христовъ Николай явился въ третій разъ Петру, и не въ сонномъ видѣніи, какъ раньше, но наяву, и не одинъ, но вмѣстѣ со святымъ Симеономъ Богопріимцемъ.

— Дерзай, братъ Петръ,—сказалъ святитель,—и, отложивъ печаль, разскажи о своихъ обѣтахъ общему ходатаю и моему сомолитвеннику и воздай ему, по Богѣ, благодареніе.

Петръ, возведши очи, увидѣлъ святаго Симеона честна́го, окруженнаго сіяніемъ, съ златымъ жезломъ въ рукѣ и одѣтаго въ ветхозавѣтный священническій ефодъ [1]). При видѣ сего дивнаго старца Петръ ужаснулся. Святый же Симеонъ сказалъ ему:

— Ты ли это, который усердно просилъ брата Николая освободить тебя отъ узъ?

Петръ едва могъ отъ ужаса открыть свои уста и отвѣтить святому Симеону:

— Я, угодниче Божій,—который пріобрѣлъ и тебя своимъ ходатаемъ къ Богу.

— Исполнишь ли свой обѣтъ,—сказалъ ему святый Симеонъ,—быть инокомъ и проводить добродѣтельную жизнь?

— Да, Владыко,—отвѣчалъ Петръ,—съ помощіею Божіей исполню.

Святый сказалъ:

— Если обѣщаешься выполнить это, то можешь безпрепят-

1) *Ефодъ*—верхняя одежда первосвященника, состоявшая изъ двухъ кусковъ матеріи, сотканной изъ золота, виссона и шерсти трехъ цвѣтовъ—гіацинтоваго, пурпуроваго и червленнаго; куски матеріи на плечахъ соединялись двумя нарамниками, на которыхъ сіяли, на 12-ти камняхъ, имена колѣнъ израилевыхъ; внизу концы ефода связывались лентами. У священниковъ же ефодъ былъ простой льняной.

ственно выйти отсюда и идти куда пожелаешь: ни одно изъ препятствій не можетъ удержать тебя здѣсь.

Тогда Петръ показалъ святому свои ноги, скованныя желѣзомъ, и лишь только святый Симеонъ коснулся оковъ золотымъ жезломъ,—желѣзо тотчасъ же растаяло, какъ таетъ воскъ въ огнѣ. Послѣ этого Петръ всталъ на ноги и, увидѣвъ темницу открытой, вышелъ и послѣдовалъ за святыми Симеономъ и Николаемъ. Когда они были уже внѣ града, Петръ, обдумавъ свое положеніе, сказалъ:

— Не во снѣ ли происходитъ все то, что я вижу?

Тогда святый Симеонъ, обратясь къ нему, сказалъ:

— Почему ты, явѣ творимую тебѣ милость Божію, признаешь за сонъ? Развѣ ты не хорошо видишь, гдѣ ты и кому слѣдуешь?

Сказавъ сіе, святый Симеонъ поручилъ святому Николаю Петра, который и послѣдовалъ за святителемъ. Когда наступилъ день, святый Николай спросилъ Петра:

— Взялъ ли ты что-либо, чѣмъ тебѣ питаться въ пути?

— Нѣтъ, господинъ, ничего не взялъ,—отвѣчалъ Петръ.

Тогда святый Николай повелѣлъ ему войти въ огородъ, находившійся недалеко отъ того мѣста, и сказалъ:

— Ты тамъ увидишь человѣка, который дастъ тебѣ плодовъ. Возьми сколько хочешь въ дорогу и послѣдуй за мной.

Петръ дѣйствительно встрѣтилъ въ огородѣ человѣка, который снабдилъ его плодами; взявъ ихъ, Петръ снова послѣдовалъ за святымъ Николаемъ, въ сопровожденіи котораго въ непродолжительномъ времени и достигъ греческой земли. Тогда святый Николай сказалъ Петру:

— Вотъ, братъ, ты и въ своей землѣ, и имѣешь свободное время для выполненія своего обѣта. Исполни его вскорѣ, чтобы снова не попасть тебѣ въ самарскую темницу.

Послѣ сихъ словъ святитель Христовъ Николай сталъ невидимъ.

Петръ, принеся хвалу Богу и своимъ ходатаямъ святителю Николаю и святому Симеону, пожелалъ немедленно выполнить свое намѣреніе. Онъ не пошелъ въ свой домъ повидаться со своими родственниками, но отправился въ *Ветхій* Римъ[1]), чтобы **воздáть вышнемý обѣты своѝ**[2]) и исполнить все то, о чемъ гово-

[1]) Такъ назывался Римъ, находящійся на рѣкѣ Тибрѣ въ Италіи, въ отличіе отъ Новаго Рима, т. е. Константинополя (см. стр. 60, примѣч. 2-ое).

[2]) Сравн: Притч., гл. 7, ст. 14.

рили его уста въ дни его печали. Святитель Христовъ Николай, взявъ Петра подъ свое покровительство, нигдѣ не оставлялъ его, и, какъ прежде, когда Петръ шелъ изъ Аравіи въ Грецію, видимо ему сопутствовалъ, такъ и во время его путешествія изъ Греціи въ Италію невидимо пребывалъ съ нимъ. Святитель Христовъ постоянно наблюдалъ за нимъ, ущедрялъ его, какъ отецъ чадолюбивый или какъ милостивый воспитатель, хранитель бодрый и неотступный.

Когда Петръ подходилъ къ Риму, святитель Николай явился папѣ ночью, въ сонномъ видѣніи, держа за руку мужа и, указавъ на него папѣ, разсказалъ по порядку, какъ освободилъ его изъ Самарской темницы, а также упомянулъ и о томъ, что этотъ мужъ далъ обѣщаніе постричься у гроба святаго верховнаго Апостола Петра. Святитель назвалъ и имя этого мужа и повелѣлъ папѣ, чтобы онъ принялъ его и вскорѣ выполнилъ его желаніе. Вставъ отъ сна и размышляя о видѣніи, папа отправился въ церковь святаго верховнаго Апостола Петра совершить Божественную Литургію, желая при этомъ наяву увидать того мужа, котораго видѣлъ во снѣ. Но въ виду того, что день былъ воскресный, въ храмѣ собралось много народа, поэтому папа не могъ найти глазами среди большого собранія того, кого желалъ. Тогда, послѣ долгихъ поисковъ, папа громко воскликнулъ:

— Петръ, пришедшій изъ греческой земли, котораго святитель Николай освободилъ въ Самарѣ изъ темницы,—приди ко мнѣ.

Петръ тотчасъ же вышелъ изъ толпы, подошелъ къ папѣ и, припадши къ ногамъ его, сказалъ:

— Вотъ я, рабъ твой, Владыко.

Петръ высказалъ папѣ свое удивленіе относительно того, что онъ назвалъ его, Петра, по имени, тогда какъ папа не только никогда не зналъ его, но и не видалъ, и самъ Петръ никому о своемъ освобожденіи не разсказывалъ. На это папа сказалъ:

— Не дивись сему, Петръ,—мнѣ разсказалъ все, что касается тебя, великій святитель Николай.

Послѣ этого папа принялъ съ любовію Петра и постригъ его при гробѣ Апостола, какъ онъ обѣщался. По постриженіи папа немалое время держалъ при себѣ Петра, научая и наставляя его на путь спасенія, и затѣмъ, по повелѣнію Божію, отпустилъ изъ Рима съ такими словами:

— Иди, чадо, туда, куда восхощетъ направить тебя Богъ. Милость же Его да будетъ съ тобою, наставляя тебя на путь и сохраняя отъ коварствъ діавольскихъ.

Блаженный Петръ, припавши къ ногамъ папы, сказалъ:

— Спасайся—прощай—честны́й отче, спасайся, ученикъ Христовъ и сообщникъ моего споручника, святаго Николая, и помолись о мнѣ, грѣшномъ.

Принявъ благословеніе отъ папы и простившись со всѣмъ клиромъ, Петръ съ надеждою на заступленіе Божіе вышелъ изъ Рима, желая возвратиться въ греческую землю. Когда же онъ прибылъ на берегъ моря, то увидѣлъ корабль, отправляющійся на Востокъ, вошелъ въ него и отплылъ. Вѣтеръ былъ попутный, и плаваніе было начато благополучно.

Долго они плыли безостановочно, и только недостатокъ въ хлѣбѣ заставилъ корабельщиковъ пристать около одного селенія. Тогда корабельщики отправились въ одинъ изъ домовъ того селенія, чтобы тамъ испечь хлѣбы, и застали хозяина и всѣхъ его домашнихъ больными. Здѣсь они испекли хлѣбы и, пробуя ихъ, сказали одному изъ своихъ:

— Возьми теплый хлѣбъ и отнеси въ корабль кормчему и отцу.

Услыхавъ объ отцѣ, хозяинъ дома спросилъ корабельщиковъ, какой отецъ плыветъ съ ними. Корабельщики сказали ему, что съ ними плыветъ изъ Рима монахъ Петръ.

— Умоляю васъ, господа мои,—обратился тогда хозяинъ къ корабельщикамъ,—упросите отца того придти въ мой домъ помолиться о насъ болящихъ и благословить насъ. Вѣдь вы видите, что мы отъ этой лютой болѣзни почти умираемъ.

Корабельщики отправились и возвѣстили о семъ отцу. Петръ сначала, по смиренію и не желая обнаруживать себя, отказывался идти къ тому человѣку; затѣмъ отправился, убѣждаемый просьбами и побуждаемый человѣколюбіемъ,—ибо зналъ, что смерть дѣйствительно недалеко отъ упомянутаго человѣка. Входя въ двери дома, онъ сказалъ: «ми́ръ до́мꙋ семꙋ̀ и̑ живꙋ́щымъ въ не́мъ»[1]). По слову Петра хозяинъ тотчасъ исцѣлился отъ тяжкаго недуга и, чувствуя себя здоровымъ, быстро всталъ съ одра болѣзни, какъ бы отъ сна, и припалъ со слезами благодарности къ ногамъ преподобнаго, ло-

[1]) Сравн.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 12.

бызая ихъ. Всѣ, видѣвшіе чудесное исцѣленіе, ужаснулись и прославили Бога. Хозяинъ же, получившій исцѣленіе, взялъ преподобнаго за руку и обошелъ съ нимъ всѣ постели, гдѣ лежали болящіе. Преподобный знаменовалъ каждаго изъ больныхъ крестнымъ знаменіемъ, и они исцѣлялись отъ недуга. Послѣ сего святый Петръ съ поспѣшностью возвратился на корабль, гдѣ всѣ находившіеся поклонились ему какъ великому угоднику Божію. Исцѣлѣвшій же вмѣстѣ со всѣми домашними, взявъ хлѣбъ, вино и масло, пришелъ къ кораблю, чтобы поблагодарить преподобнаго за полученное исцѣленіе. Святый похвалилъ его усердіе, но повелѣлъ благодарить не его, а Бога; приношеній же принять не хотѣлъ. Тогда человѣкъ тотъ, припавъ со слезами къ ногамъ преподобнаго, сказалъ:

— Возлюбленный рабъ Христовъ, если сего малаго приношенія не примешь изъ нашихъ рукъ, то не будетъ радости въ нашемъ домѣ.

При этомъ и корабельщики упрашивали преподобнаго, чтобы онъ взялъ дары. И тогда лишь преподобный едва согласился принять ихъ, потомъ, послѣ благословенія, отпустилъ человѣка и пришедшихъ съ нимъ, принесенное же отдалъ корабельщикамъ, самъ ничего не вкусивъ изъ него. Въ дальнѣйшемъ плаваніи пищею преподобному служила онгія хлѣба и то вечеромъ, питьемъ же—малая чаша морской (горькой) воды, которую Господь претворялъ для него въ прѣсную.

Однажды преподобный Петръ задремалъ и въ видѣніи узрѣлъ Пречистую Владычицу, Дѣву Богородицу, сіяющую свѣтлѣе солнца свѣтомъ Небесной Славы, и около Нея—святителя Николая, предстоящаго Ей со страхомъ. Святитель Николай, указывая на Петра, говорилъ Богородицѣ:

— Владычица! Ты изволила освободить раба Твоего отъ тяжкихъ узъ, Ты Сама и укажи ему мѣсто, гдѣ бы онъ окончилъ время своего житія.

— На Аѳонской Горѣ [1]),—отвѣчала Богородица,—будетъ ему покой. Это мѣсто есть Мой жребій, данный мнѣ Сыномъ Моимъ

---

[1]) *Аѳонская Гора* (*Аѳонъ*), по-греч. Ἅγιος ὄρος—*Святая Гора*—узкій гористый полуостровъ, вдающійся въ Архипелагъ (Эгейское море), извѣстенъ какъ центръ иноческой жизни для греческаго Востока. Иноческая жизнь здѣсь появилась въ древнее время, хотя нѣсколько позже, чѣмъ въ Сиріи и Палестинѣ. Для Русской Церкви Аѳонъ имѣлъ ранѣе по XVII-ый вѣкъ большое значеніе. Здѣсь постригся отецъ русскаго монашества преподобный Антоній; отсюда былъ взятъ Студійскій уставъ преп. Ѳеодосіемъ для своего (Кіево-Печерскаго) монастыря, потомъ перешедшій, по словамъ лѣтописца, и въ другіе мо-

и Богомъ, чтобы здѣсь отвергшіеся мірскаго волненія и взявшіе по силѣ духовные подвиги, съ вѣрою и любовію призывая Мое имя, безъ печали проводили эту временную жизнь и ради богоугодныхъ своихъ дѣлъ наслѣдовали жизнь вѣчную. Я очень люблю то мѣсто и желаю умножить чинъ иноковъ, отъ которыхъ не отступитъ никогда милость Сына Моего и Бога, если будутъ соблюдать спасительныя заповѣди. Я распространю иноческія обители на той Горѣ на югъ и на сѣверъ, и иноки будутъ обладать этой Горой отъ моря и до моря, и имя ихъ прославится по всей вселенной,—Я буду защитой тѣхъ, которые станутъ терпѣливо подвизаться въ постѣ на Аѳонской Горѣ.

Такое видѣніе сподобился узрѣть преподобный Петръ. Вставъ отъ сна, онъ воздалъ благодареніе и хвалу Христу Богу, Пречистой Его Богоматери и великому отцу Николаю. Корабль же при попутномъ вѣтрѣ плылъ скоро. Но какъ только приблизились къ краю Горы Аѳонской, корабль сталъ неподвижно, несмотря на то, что вѣтеръ надувалъ паруса и мѣсто было глубоко. Тогда корабельщики съ ужасомъ стали спрашивать другъ друга: «Что это значитъ?» Петръ, видя ихъ недоумѣніе, сказалъ:

— Дѣти, скажите мнѣ, какъ называется это мѣсто?

— Это гора Аѳонъ,—сказали ему корабельщики.

— Думаю, что ради меня,—сказалъ имъ святый,—корабль сталъ неподвижно. Отведите меня на берегъ и оставьте тамъ. Если же не сдѣлаете этого, то не отплывете отсюда.

Корабельщики, не желая противиться волѣ Божіей, со скорбію лишились святаго отца. Они приблизились къ берегу и, выведши святаго изъ корабля, оставили его тамъ, говоря съ плачемъ и рыданіемъ:

— Мы сегодня лишаемся великаго покрова и помощи.

— Богъ человѣколюбивъ,—утѣшалъ ихъ святый,—Онъ находится вездѣ и все исполняетъ, Онъ будетъ вашимъ Спутникомъ и сохранитъ васъ отъ всякаго зла.

Сказавъ это, преподобный далъ корабельщикамъ прощальное о Господѣ привѣтствіе, оградилъ корабль знаменіемъ Честнаго Креста, благословилъ всѣхъ и отпустилъ съ миромъ въ путь. Самъ онъ отправился въ утесистыя мѣста, проходя многія болота, пропасти

настыри; здѣсь въ богатыхъ монастырскихъ библіотекахъ получали наиболѣе широкое по тому времени религіозное образованіе наши иноки, ходившіе на Аѳонъ (напр. преп. Нилъ Сорскій).

и лѣса, пока не нашелъ для своего обитанія одну весьма темную пещеру, гдѣ было множество гадовъ и даже бѣсы. Сколько претерпѣлъ тамъ преподобный напастей отъ бѣсовъ и сколько перенесъ бѣдствій—сказать невозможно. Здѣсь вспомнимъ для назиданія лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Преподобный Петръ, поселясь въ помянутой пещерѣ, день и ночь проводилъ въ молитвѣ, отказываясь совершенно отъ пищи въ теченіе двухъ недѣль. Діаволъ не въ состояніи былъ перенесть такого постническаго терпѣнія: онъ собралъ всѣ свои воинства и, вооруживши ихъ, какъ бы на войну, стрѣлами и луками, мечами и копьями, вошелъ, ярясь, съ страшнымъ и сильнымъ воплемъ въ пещеру, желая изгнать оттуда святаго. Тогда одни изъ бѣсовъ, напрягая луки, устрашали святаго стрѣлами, другіе—копьями; иные, обнажая мечи, намѣревались прободать его ребра, нѣкоторые же бросали большіе каменья съ такою силою, что тряслась земля и пещера могла обвалиться. Преподобный, не надѣясь остаться живымъ, только повторялъ:

— Умру здѣсь, если такъ угодно Богу моему.

Потомъ, возведя очи горѣ и воздѣвши руки, онъ такъ воскликнулъ:

— Пресвятая Богородица, Дѣво Марія, помоги мнѣ, Твоему рабу.

Какъ только услышали бѣсы для себя страшное и ужасное, а для насъ сладкое и любезное Имя Богородицы, тотчасъ съ шумомъ исчезли, а святый, громкимъ голосомъ призывая при этомъ Имя Господа Іисуса Христа—«Господи Іисусе Христе, не оставь меня»—какъ бы бичемъ или пращею прогонялъ убѣгающихъ. Съ тѣхъ поръ козни бѣсовъ до времени прекратились, и святый Петръ, пребывая въ покоѣ, прославлялъ Бога и Пречистую Богородицу. Въ первое время обитанія въ горѣ пищей преподобному служилъ хлѣбъ, который въ небольшомъ количествѣ онъ взялъ съ корабля, а потомъ, когда хлѣбъ вышелъ,—пустынные злаки и плоды дикихъ деревъ, росшихъ на той горѣ. Такъ святый Петръ питался до тѣхъ поръ, пока не сталъ ему приносить съ Неба Ангелъ манну, о чемъ скажемъ впослѣдствіи. Теперь же будемъ разсказывать по порядку.

По прошествіи пятидесяти дней послѣ упомянутаго вражескаго нашествія, діаволъ снова съ многочисленною силою своею, подобно тому какъ и въ первый разъ, вооружился на непобѣдимаго воина

Христова. Для этого діаволъ заставилъ всякаго звѣря и всякаго пресмыкающагося гада, которые находились на той горѣ, придти къ пещерѣ, гдѣ обиталъ преподобный, а вмѣстѣ съ ними прибыли туда же онъ самъ и его други, обратившись тоже въ различныхъ звѣрей и гадовъ. Тогда открылось нѣчто страшное и ужасное: одни изъ звѣрей ползали у ногъ святаго, другіе свистѣли ужаснымъ голосомъ, а нѣкоторые, раскрывши пасти и устремлялись на святаго, какъ бы хотѣли поглотить его живымъ. Преподобный, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвавъ Имя Христа Бога и Пречистой Богоматери, уничтожилъ ихъ силу и далеко отогналъ ихъ отъ себя, торжествуя и веселясь о Богѣ, своемъ Спасителѣ.

Въ частыхъ бореніяхъ съ бѣсами пришлось провести преподобному первый годъ своего пустынническаго житія. Затѣмъ діаволъ сталъ другими способами искушать преподобнаго. Такъ, онъ принялъ видъ одного изъ отроковъ Петра, служившаго ему, когда онъ былъ въ мірѣ воеводой; въ образѣ этого отрока дьяволъ пришелъ къ преподобному и припалъ къ нему, желая поцѣловать святаго, будучи исполненъ мерзости. Затѣмъ, плача, сталъ говорить:

— Мы слышали, господинъ нашъ, какъ ты былъ взятъ на войнѣ, отведенъ въ Самару и тамъ заключенъ въ ужасную темницу и какъ Богъ молитвами святаго отца нашего Николая освободилъ тебя изъ той темницы и привелъ въ греческую землю. Узнавъ это, всѣ мы—твои домашніе, плача и рыдая, всюду тебя искали и, обходя многіе города и селенія, о тебѣ разспрашивали. Не нашедъ и не узнавъ, гдѣ ты находишься, мы вознесли усердныя моленія со слезами къ святому Николаю, чтобы онъ открылъ намъ, гдѣ ты—наше сокровенное сокровище—пребываешь. Святый Николай, скорый всѣмъ помощникъ, не презрѣлъ нашихъ молитвъ, но открылъ намъ все относительно тебя, и мы, рабы твои, возрадовались. Я же, предваряя всѣхъ, поспѣшилъ къ тебѣ, господину моему, и ты, вставъ, возвратись въ свой домъ, чтобы увидали тебя всѣ, желающіе видѣть лицо твое, и прославили о тебѣ Бога, чудесно избавившаго тебя отъ узъ и плѣна. О безмолвіи же не печалься, такъ какъ и тамъ находятся монастыри и удобныя мѣста для безмолвія отшельниковъ, и ты можешь поселиться въ той обители, гдѣ пожелаешь. Къ тому же и самъ ты разсуди по справедливости: что лучше любитъ Богъ изъ двухъ — отшельничество въ пустынѣ, въ ущельяхъ горъ, приносящее пользу только

для самого отшельника, или житіе богоугоднаго и боговдохновеннаго мужа, своимъ ученіемъ многихъ обращающаго къ Богу и наставляющаго на путь спасенія. Поистинѣ — второе лучше, какъ свидѣтельствуетъ Самъ Богъ во Святомъ Писаніи: ѵ҃звод҃и, говоритъ, чєстно́є ѿ недостóйнаго, ꙗ҃кω ѹ҆ста̀ мо҃и бу́детъ[1]). Вѣдь ты знаешь, что въ нашемъ городѣ многіе погрязли въ глубинѣ страстей и требуютъ такого человѣка, который бы былъ въ состояніи призвать ихъ къ покаянію. Тебѣ, господинъ мой, будетъ опредѣлено бо́льшее воздаяніе отъ Бога, если ты, пришедъ, обратишь ихъ къ Богу. При этомъ и насъ, рабовъ твоихъ, всѣмъ сердцемъ любящихъ тебя, зачѣмъ презираешь, удаляясь отъ насъ и скрываясь въ пустынѣ?

Сіе и многое сему подобное говорилъ бѣсъ со слезами, такъ что святый немного смутился и, прослезившись, сказалъ ему:

— Сюда привелъ меня не человѣкъ, не Ангелъ, но Самъ Богъ и Пречистая Богородица, и, если не будетъ отъ нихъ повелѣнія выдти отсюда, я не покину сего мѣста.

Бѣсъ же, услыша Имя Божіе и Богородицы, тотчасъ исчезъ. Удивился святый кознямъ бѣсовскимъ, но, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ и вперивъ умъ свой къ Богу, пребывалъ въ покоѣ.

По прошествіи семи лѣтъ лукавый врагъ снова преобразился въ свѣтлаго Ангела и съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукѣ, ставъ близъ пещеры, воззвалъ:

— Петръ, рабъ Христовъ, приди ко мнѣ, и я возвѣщу тебѣ добрую вѣсть!

— Кто ты, — отвѣчалъ святый, — желающій возвѣстить мнѣ добрую вѣсть?

— Я—Архистратигъ Господень,—отвѣчалъ лукавый прелестникъ,—посланный къ тебѣ. Крѣпись, мужайся, радуйся и веселись, такъ какъ тебѣ уготованъ Богомъ славный престолъ и неувядаемый вѣнецъ. Теперь же оставь это мѣсто и иди въ міръ, чтобы принести пользу многимъ. Вѣдь и источникъ воды, находившійся близъ тебя, высохъ, по повелѣнію Божію, чтобы перемерли отъ безводія всѣ звѣри, страшившіе тебя.

Говоря это, лукавый врагъ послалъ другого бѣса задержать, по Божіему попущенію, теченіе потока. Святый же Петръ по смиренномудрію такъ отвѣчалъ на льстивыя слова діавольскія:

---

[1]) Сравн.: Кн. Прор. Іерем., гл. 15, ст. 19.

— Кто я такой—подобный псу смердящему, чтобы ко мнѣ явился Архистратигъ Господень?

— Не дивись сему, рабъ Господа,—отвѣчалъ бѣсъ.—Въ сіе время ты превзошелъ Моисея, и Илію, и Даніила, и Іова: Моисея и Илію ты превзошелъ пощеніемъ, Даніила—гадами и звѣрями, которымъ ты заградилъ уста, Іова—своимъ терпѣніемъ, посему ты и назовешься Великимъ на Небесахъ. Встань и посмотри—вода уже изсякла, иди въ монастыри, которые находятся въ міру; «Я буду съ тобою и чрезъ тебя спасу многихъ»,—говоритъ Господь Вседержитель.

— Да будетъ тебѣ извѣстно,—отвѣчалъ святый бѣсу,—я не уйду отсюда до тѣхъ поръ, пока не укажетъ мнѣ сего моя Помощница—Пресвятая Богородица и теплый въ бѣдахъ моихъ заступникъ—святитель Николай.

Бѣсъ, услыхавъ имя Богородицы и святителя Николая, тотчасъ исчезъ. Святый же, узнавъ лукавство діавола, а вмѣстѣ съ этимъ и его безсиліе, обратился къ Богу, говоря:

— Господи Іисусе Христе Боже мой! сѣ врáгъ мой рыкáѧ хóдитъ, йскíй меня поглотúти [1]), но Ты Своею державною рукою ограждаешь меня, Твоего раба. Благодарю Тебя, такъ какъ Ты не отступилъ отъ меня; молюсь Тебѣ, Преблагій Владыко, не оставь меня до конца.

По прошествіи того дня ночью, въ сонномъ видѣніи, преподобному Петру явилась скорая помощница христіанъ, человѣколюбивая Владычица, Пресвятая Дѣва Богородица вмѣстѣ со святителемъ Николаемъ и сказала:

— Теперь не бойся козней діавольскихъ, ибо Господь съ тобою. Ангелъ Господень утромъ посѣтитъ тебя и принесетъ тебѣ манну въ пищу, такъ какъ ему чрезъ каждые сорокъ дней въ продолженіе твоей жизни повелѣно Богомъ приносить ее для твоего пропитанія.

Показывая манну святому Петру, Пречистая Богородица сказала:

— Вотъ, сія пища будетъ приноситься на каждые сорокъ дней твоей жизни.

Сказавъ сіе и преподавъ святому Петру миръ, Владычица отошла отъ него. Петръ же, падши ницъ, облобызалъ то мѣсто, гдѣ стояли ноги Богородицы и святаго Николая. Утромъ явился Ангелъ Бо-

---

[1]) Сравн.: 1 Соб. посл. Петр., гл. 5, ст. 8.

жій, какъ возвѣстила Богородица, принесъ Петру небесную пищу и, отдавъ преподобному, отошелъ. Тогда Петръ возблагодарилъ Бога и Пречистую Богоматерь, затѣмъ вкусилъ манны, принесенной ему ангельскими руками, и такъ ею подкрѣпился, что могъ въ теченіе сорока дней пробыть безъ пищи. Послѣ этого, по прошествіи каждыхъ сорока дней, Ангелъ приносилъ преподобному манну, и святый Петръ подкрѣплялся ею на сорокъ дней. Такъ преподобный провелъ въ безмолвіи, пощеніи и молитвѣ 53 года. Въ это время прекратились всѣ козни діавола, которыя въ особенности часто смущали Петра вначалѣ: привидѣнія, мечтанія, страхи были имъ, съ помощію Божіей, отогнаны. Проживъ на горѣ столько лѣтъ, преподобный не видалъ лица человѣческаго, не имѣлъ одежды, чтобы прикрыть наготу своего тѣла, и ничего такого, что потребно человѣческому естеству, только небо было его покровомъ, а земля постелью. Лѣтомъ его опалялъ солнечный зной, зимой онъ мерзъ отъ холода: все это онъ терпѣлъ ради любви Божіей и будущаго воздаянія.

Когда же Господь восхотѣлъ открыть людямъ Своего раба, тогда по Его особому смотрѣнію произошло слѣдующее обстоятельство. Одинъ охотникъ, взявъ свой лукъ и колчанъ, отправился охотиться на гору (Аѳонскую). Пройдя утесистыя мѣста, глубокія долины, пересѣкаемыя высокими и частыми холмами, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ преподобный Петръ проводилъ ангельское житіе. Когда охотникъ приблизился къ этому мѣсту, то увидѣлъ большого оленя, выбѣгшаго изъ лѣса, который, играя, бѣжалъ вдали предъ нимъ. Увидавъ прекраснаго оленя, охотникъ погнался за нимъ и преслѣдовалъ, стараясь застрѣлить его, весь день — до тѣхъ поръ, пока олень, по Божіему усмотрѣнію, не достигнулъ пещеры преподобнаго, надъ которою и сталъ неподвижно. Охотникъ, слѣдя за оленемъ, увидалъ тогда, направо отъ звѣря, нагого мужа съ густой бородой, съ волосами, доходящими до чреслъ, тѣло котораго обросло ими, какъ у звѣрей. Увидѣвъ преподобнаго, охотникъ страшно испугался и бросился бѣжать назадъ. Тогда святый Петръ, замѣтивъ, что охотникъ устремился назадъ, воззвалъ къ нему громкимъ голосомъ, говоря:

— Братъ! Почему ты боишься и бѣжишь отъ меня? Вѣдь и я такой же человѣкъ, подобный тебѣ, а не бѣсовское привидѣніе, какъ ты подумалъ. Возвратись и подойди ко мнѣ, и я разскажу тебѣ все о себѣ, такъ какъ тебя послалъ сюда Господь.

Охотникъ, услыша голосъ, остановился и со страхомъ подошелъ къ звавшему его преподобному отцу. Святый ободрилъ охотника, обнялъ его и облобызалъ о Господѣ, и, сѣдши, началъ бесѣдовать съ нимъ, подробно разсказывая все о себѣ: какъ онъ, будучи воеводою, былъ схваченъ на войнѣ, какъ содержался въ Самарской темницѣ, какъ явленіемъ святаго Николая и святаго Богопріимца Симеона избавился отъ узъ, какъ прибылъ въ Римъ и возвратился оттуда, какъ поселился на сей горѣ и какъ боролся, чѣмъ питался и сколько прожилъ лѣтъ въ уединеніи, однимъ словомъ,—разсказалъ охотнику всю свою жизнь. Удивился охотникъ, слушая разсказъ святаго, ужаснулся и съ умиленіемъ сказалъ:

— Теперь я понялъ, что посѣтилъ меня Господь Своею милостію: Онъ сподобилъ меня узрѣть тайнаго Своего угодника—тебя, отецъ. Отъ сего дня всегда пребуду съ тобой, рабъ Божій.

— Да не будетъ такъ, чадо,—сказалъ ему на это преподобный.—Ты сначала возвратись въ свой домъ и испытай себя: можешь ли ты выполнить постническіе и отшельническіе подвиги? А испытай себя такъ: воздержись отъ мяса, вина, сыра и масла, и прежде всего отъ жены, имущество свое раздай нищимъ, прилежно молись и постись, испытывая себя сокрушенною душею. Такъ проведи годъ и по прошествіи его приди ко мнѣ, и что угодно будетъ Богу, то придется тебѣ исполнить.

Сказавъ сіе, святый далъ охотнику какъ обрученіе молитву и благословеніе. Затѣмъ, отсылая его къ своимъ, сказалъ ему въ напутствіе:

— Чадо! Иди съ миромъ и тайну, повѣданную тебѣ, никому не открывай: сокровище, которое извѣстно многимъ, можетъ быть украдено.

Охотникъ поклонился святому и удалился, прославляя и благодаря Бога, что Онъ сподобилъ видѣть во плоти и бесѣдовать съ таковымъ Своимъ угодникомъ. Пришедши домой, охотникъ выполнилъ все, что сказалъ ему святый.

По прошествіи года охотникъ вмѣстѣ съ двумя иноками и своимъ братомъ отправились на кораблѣ и остановились противъ того мѣста, гдѣ было пребываніе святаго Петра. Вышедши изъ корабля, они прямо пошли въ верхнюю пустыню. По дорогѣ къ мѣсту, гдѣ обиталъ угодникъ, охотникъ, побуждаемый горячею любовію, опередивъ всѣхъ, поспѣшилъ къ пещерѣ. Онъ нашелъ пре-

подобнаго отца лежащимъ мертвымъ на землѣ: руки его были сложены крестообразно на груди, благообразно закрыты очи и остальныя части тѣла честно опрятаны [1]). Увидавъ это, охотникъ ужаснулся и, падъ надъ тѣломъ преподобнаго, сталъ сильно рыдать. Когда спутники охотника пришли и увидѣли такого дивнаго мертвеца и друга своего плачущаго надъ нимъ, спросили:

— Кто этотъ найденный тобой мертвецъ, и почему ты такъ горько о немъ плачешь?

Тогда охотникъ со слезами и рыданіемъ разсказалъ имъ подробно житіе преподобнаго, какъ самъ слышалъ его изъ устъ его въ прошлое лѣто. Повѣсть о чудесныхъ дѣлахъ почившаго отца умилила сердца слушавшихъ: они плакали горькими слезами, жалѣя, что не удостоились увидѣть живымъ столь великаго раба Божія и побесѣдовать съ нимъ. Братъ охотника, одержимый нечистымъ духомъ, какъ только прикоснулся къ мощамъ угодника Божія, тотчасъ получилъ исцѣленіе. Бѣсъ повергъ его на землю съ громкимъ крикомъ:

— О Петръ! Развѣ тебѣ недостаточно, что ты изгналъ меня изъ моего вертепа: а теперь ты выгоняешь меня и изъ настоящаго моего жилища!

Съ этими словами онъ какъ дымъ вышелъ изъ устъ человѣка, который лежалъ точно мертвый. Спустя немного времени тотъ поднялся здравый тѣломъ и душею и сказалъ своему брату:

— Благодарю тебя, братъ мой,—такъ какъ ты привелъ меня сюда на мое же благо.

Затѣмъ, припавъ къ мощамъ преподобнаго, исцѣленный съ радостью и благодарностью лобызалъ ихъ. Послѣ этого, взявши, честныя мощи угодника Божія, они снесли ихъ на извѣстное селеніе, находившееся подъ властью македонскою; слыша о многихъ исцѣленіяхъ, истекающихъ отъ мощей святаго, епископъ города съ причтомъ своимъ взялъ цѣльбоподательныя останки святаго Петра, перенесъ ихъ съ честію въ свою епископію и, вложивъ съ ароматами въ драгоцѣнную раку, предалъ погребенію въ церкви послѣ трехдневныхъ и трехнощныхъ всенародныхъ славословій Пресвятой Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу—Богу всею тварью славимому всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) Св. Петръ скончался около 734 г.

Кондакъ, гласъ ѣ:

Оудали́въ себѣ́ челов҃ѣ́ческагѡ сожи́тельства, въ пеще́рахъ ка́менныхъ и̑ разсѣ́линахъ пожи́лъ є̑сѝ, жела́нїемъ бж҃е́ственнымъ и̑ любо́вїю, пе́тре, гд҃а твоегѡ̀, ѿ негѡ́же вѣ́нецъ прїа́лъ є̑сѝ: молѝ непреста́нно спсти́сѧ на́мъ.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Арсенія Коневскаго,** Новгородскаго чудотворца, въ 1447 году.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Онуфрія Мальскаго** въ 1492 году.

Въ тотъ же день **память преподобныхъ Онуфрія и Авксентія Вологодскихъ,** подвизавшихся въ концѣ XV в. и началѣ XVI в.

Въ тотъ же день **память преподобныхъ Вассіана и Іоны Пертоминскихъ,** утонувшихъ въ Бѣломъ морѣ въ 1561 году.

День тринадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АКИЛИНЫ

Въ палестинскомъ городѣ Вивлосъ [1]), гдѣ христіане появляются со времени святыхъ Апостоловъ, жилъ христіанинъ Евтолмій, честнóе супружество котораго Господь благословилъ рожденіемъ отроковицы, названной Акилиною. Черезъ четыре мѣсяца со дня рожденія малютки мать принесла ее къ епископу Евѳалію, который огласилъ младенца, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ; затѣмъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ онъ окрестилъ отроковицу. На второмъ году Акилина лишилась отца, отошедшаго въ небесныя селенія, и осталась на попеченіи матери; послѣдняя растила свою дочь, внушая ей правила благочестивой, христіанской жизни; семи лѣтъ отроковица уже вполнѣ усвоила эти наставленія. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ Акилина все болѣе и болѣе исполнялась Святаго Духа, украшаясь благодатію Христовою, и настолько прониклась ею, что въ малыхъ и еще несовершенныхъ годахъ своей юности мужественно побѣдила, какъ ничтожную вещь, указы нечестивыхъ царей объ обязательномъ для всѣхъ идолослуженіи. Объ этомъ намъ и предстоитъ теперь слово.

---

[1]) *Вивлосъ*, или *Библосъ*,—городъ, собственно, въ Финикіи.

Когда Акилинѣ, непрестанно призывающей въ молитвахъ Бога, исполнилось десять лѣтъ, шелъ седьмой годъ царствованія Діоклетіана[1]). Въ это время начальство надъ Палестинскою страною принялъ нѣкій Волусіанъ — скорѣе порожденіе діавола, нежели человѣка. Не признавая Истиннаго Бога, Творца всего сущего, Волусіанъ съ ненасытимою злобою началъ гнать благочестивыхъ послѣдователей Христа Спасителя,— и многіе доблестные воины Христовы, мужественно перенесшія страданія, удостоились неувядаемыхъ вѣнцевъ. Въ эти дни блаженная отроковица Акилина, исполненная Боговѣдѣнія, часто обращалась къ своимъ сверстницамъ съ такимъ увѣщаніемъ:

— Какую пользу вамъ приноситъ почитаніе нѣмыхъ и безчувственныхъ идоловъ? Развѣ вы не знаете, что поклоняющіеся имъ съ вѣрою льстятъ себя праздною, пагубною, дьявольскою надеждою?—Эти боги, мертвые и безсильные, могутъ ли оказывать благодѣянія?

Стаа мчнца
Акилина

---

[1]) Въ царствованіе Діоклетіана (284 г.—305 г.) было издано *четыре* указа противъ христіанъ. *Первый* былъ объявленъ въ февралѣ 303 г. Этимъ указомъ предписывалось разрушеніе церквей и сожженіе священныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ христіане лишались гражданскихъ правъ, чести, покровительства законовъ и своихъ должностей; рабы-христіане утрачивали право на свободу, если, получивъ ее по какому-либо случаю, оставались въ христіанствѣ. Вскорѣ былъ изданъ *второй* указъ, которымъ повелѣвалось всѣхъ предстоятелей церквей и другихъ духовныхъ лицъ заключать въ темницы; такимъ образомъ, указъ касается однихъ только духовныхъ лицъ. Послѣднихъ обвинили предъ императоромъ какъ зачинщиковъ возстанія въ Сиріи и Арменіи, къ несчастію для христіанъ начавшагося вслѣдъ за появленіемъ перваго указа. Въ томъ же 303 г. послѣдовалъ *третій* указъ: всѣхъ заключенныхъ на основаніи второго указа велѣно было принуждать къ принесенію жертвъ подъ опасеніемъ пытокъ за сопротивленіе. Наконецъ, въ 304 г. былъ обнародованъ послѣдній, *четвертый* указъ, которымъ объявлялось повсемѣстное гоненіе христіанъ. Изъ-за этого указа болѣе всего пролилось христіанской крови: онъ дѣйствовалъ цѣлыхъ 8 лѣтъ, до 311 г., когда императоръ

— Какого же ты почитаешь Бога? — спросили сверстницы Акилину.

Она отвѣчала:

— Я поклоняюсь и почитаю достойнаго поклоненія Единаго Бога, сотворившаго небо, землю, море и все, что ихъ наполняетъ. Онъ изначала благотворитъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и на Него надѣющимся и, какъ всемогущій, будетъ изливать Свои благодѣянія на призывающихъ Его до скончанія міра.

— Мы слышали, — возразили собесѣдницы Акилинѣ, — что Богъ, о Которомъ ты проповѣдуешь, умеръ на крестѣ, распятый Іудеями.

— Смерть надъ Нимъ,—сказала на это святая,—не имѣетъ власти: Онъ не только Самъ ожилъ, но оживилъ и умершихъ, искупивъ ихъ честно́ю Своею Кровію. Видя, что человѣкъ совратился съ истиннаго пути, Онъ благоволилъ воплотиться, содѣлаться человѣкомъ, дабы, уничтоживши прелесть діавольскую и подавши намъ благодать съ истиною, возвесть и поставить на спасительную стезю павшій человѣческій родъ.

— Но Кто же Тотъ, о Комъ говорятъ, что Онъ распятъ? — продолжали допытываться сверстницы у Акилины.

— Спаситель всѣхъ, возлюбившій человѣческій родъ,—отвѣчала она.—Онъ добровольно претерпѣлъ страданія, чтобы изъ ветхаго человѣка водою и Духомъ [1]) содѣлать новаго; Онъ взошелъ на Крестъ, желая спасти не только живущихъ на землѣ, но и освободить отъ смертныхъ узъ содержащихся во адѣ; Своимъ тридневнымъ воскресеніемъ Онъ возвѣстилъ какъ непреложную истину, что во Второе Его Пришествіе для всѣхъ наступитъ востаніе изъ мертвыхъ.

— Но если,—недоумѣвали вопрошавшія Акилину,—Тотъ, о Комъ ты говоришь, оказалъ міру столь великія благодѣянія, то почему Іудеи, Его единоплеменники, не почитаютъ Его за Бога?

— Этотъ народъ, — объясняла святая отроковица, — всегда уклоняется съ праваго пути; имѣя непокорную въ своемъ ожесточеніи и ослѣпленную злобою душу, онъ обычно отвергаетъ то,

---

Галерій особымъ указомъ объявилъ христіанство «дозволенной религіей». Гоненіе Діоклетіана было послѣднимъ; въ немъ христіанство почти послѣ трехвѣковой борьбы одержало окончательную побѣду надъ язычествомъ.

1) Т. е. водою Крещенія, возрождающаго къ новой жизни и благодатію Святаго Духа укрѣпляющаго въ ней. (Сравн.: Еванг. отъ Іоанна, гл. 3, ст. 5—6).

что истинно и праведно; потому-то Іудеи отвергли и Благодѣявшаго имъ, предавши Пилату для осужденія на крестную смерть.

Часто слышалъ подобныя бесѣды блаженной Акилины со своими сверстницами одинъ изъ рабовъ начальника области, по имени Никодимъ, который, наконецъ, и сообщилъ своему господину, что въ городѣ живетъ отроковица, называющая бѣсами ничтожныхъ, по ея мнѣнію, боговъ и не повинующаяся указамъ царей о почитаніи послѣднихъ, причемъ она, проповѣдуя о какомъ-то распятомъ Богѣ, отвращаетъ нѣкоторыхъ отъ религіи отцовъ. Услышавъ это, начальникъ области послалъ слугъ схватить отроковицу. Взята была на страданія святая мученица Акилина во второй годъ управленія областью Волусіана и на двѣнадцатомъ году отъ ея рожденія. Когда она была приведена на нечестивое судилище, Волусіанъ, взглянувъ на нее, спросилъ:

— Не ты ли противишься царскимъ указамъ, совращая и другихъ не почитать боговъ нашихъ, а поклоняться Распятому Человѣку? Развѣ тебѣ неизвѣстно повелѣніе царей предавать исповѣдающихъ Имя Іисуса всяческимъ мученіямъ, кончая смертной казнью? Поэтому отрекись отъ Распятаго и принеси безсмертнымъ богамъ достойныя ихъ чести жертвы, чтобы мы не были вынуждены предать тебя мученіямъ.

— Если ты, анѳипатъ[1]),—отвѣчала святая Акилина,—осудишь меня на горькія мученія, то черезъ это доставишь мнѣ нетлѣнный вѣнецъ, который я надѣюсь воспріять отъ моего Спасителя, такъ какъ исповѣдую Имя Его, отъ Коего никогда, хотя бы даже въ лютѣйшихъ мукахъ, не отрекусь. Итакъ, не медли,—изобрѣтай для меня какія тебѣ угодно мученія и убѣдишься самымъ дѣломъ, что я, вооруженная вѣрою, не боюсь твоихъ мученій.

Тогда Волусіанъ началъ съ ласкою увѣщавать святую отроковицу:

— Видя твою раннюю юность и красоту, я жалѣю тебя, потому что, если предамъ тебя мученіямъ, неокрѣпшіе члены твои сейчасъ же раздробятся; жестокіе спекулаторы послѣ лютыхъ мученій предадутъ тебя горькой смерти, и ты въ юности своей лишишься жизни, причемъ не поможетъ тебѣ исповѣдуемый тобою Богъ христіанскій.

— Я не прошу у тебя сожалѣнія,—возразила святая Акилина Волусіану:—ты, думая оказать мнѣ милосердіе, еще болѣе вредишь

[1]) Т. е. *областеначальникъ*.

мнѣ, пытаясь отторгнуть меня отъ Истиннаго Бога. Молю тебя, не жалѣй, но отнесись ко мнѣ съ самою безпощадною жестокостью, и тогда изъ моего терпѣнія узнаешь, что надѣющіеся на Христа не бываютъ побѣждены.

Анѳипатъ, убѣдившись, что никакія увѣщанія не могутъ рабу Христову заставить отказаться отъ исповѣданія Іисуса, приказалъ бить ее по лицу со словами:

— Вотъ начало мученій,—сладостно и пріятно ли оно тебѣ?

— Безчеловѣчный мучитель! — воскликнула Акилина.—Такъ какъ ты осмѣлился бить въ лице созданную по образу Божію, то знай, что и Тотъ, Кого образъ я ношу, не проститъ тебѣ этого въ день Своего суда.

— Я полагаю,—сказалъ судья,—что наши великіе боги, держащіе теперь въ рукахъ своихъ спасеніе всего міра, и въ томъ грядущемъ вѣкѣ также будутъ имѣть въ своей власти спасеніе всѣхъ.

Послѣ этихъ словъ онъ приказалъ обнажить отроковицу и, простерши, бить ее двумъ воинамъ, присоединяя къ пыткѣ такія рѣчи:

— Гдѣ теперь Богъ твой, Акилина, о Которомъ ты говорила, что Онъ не окажетъ мнѣ прощенія на Своемъ судѣ? Пусть Онъ придетъ сюда и избавитъ тебя отъ моихъ рукъ.

Затѣмъ Волусіанъ велѣлъ бьющимъ остановиться и сказалъ святой Акилинѣ:

— Послушай меня, желающаго тебѣ добра: оставь свое безуміе и, если хочешь избавиться мукъ, откажись отъ христіанской ереси: изъ рукъ моихъ вышелъ ли избавленнымъ хоть одинъ изъ надѣющихся на Того, Который Самъ не оказалъ Себѣ избавленія, когда Его распинали? Кого, изъ почитающихъ Іисуса, оставили жить на землѣ цари наши?

— Неужели ты думаешь, безжалостный палачъ,—отвѣчала святая Акилина,—что я чувствую причиняемыя мнѣ мученія? Знай же, что Богъ мой подаетъ мнѣ крѣпость и терпѣніе несравненно бо́льшія тѣхъ ухищреній, какія ты изыскиваешь противъ меня по внушенію отца своего діавола.

Волусіанъ, приведенный въ недоумѣніе такимъ мужествомъ блаженной отроковицы, сказалъ ей:

— Я оставлю тебѣ нѣсколько дней на размышленіе, чтобы ты, по здравомъ разсужденіи, поклонилась богамъ и тѣмъ сохра-

нила себѣ жизнь, получивъ въ то же время отъ царей достойную награду.

— На сколько же дней ты даешь мнѣ ослабу? — спросила святая Акилина.

— На сколько ты хочешь, — отвѣчалъ Волусіанъ.

— Такъ я прошу тебя, — сказала мученица, — не оставлять мнѣ даже и часа на подобнаго рода размышленія: съ малыхъ лѣтъ я научена поклоняться только Единому Богу, притекая къ Тому, Который, живя на Небесахъ, милостивымъ окомъ взираетъ на земныхъ чадъ Своихъ.

Видя твердую любовь отроковицы къ Богу, Волусіанъ сказалъ самъ въ себѣ: напрасны увѣщанія и труды мои! И въ раздраженіи онъ приказалъ раскаленными желѣзными прутьями просверлить святой голову черезъ уши. Когда раскаленные прутья проходили чрезъ мозгъ отроковицы, то послѣдній вмѣстѣ съ кровью вытекалъ изъ ноздрей ея. Но и въ такихъ великихъ страданіяхъ мученица молилась Богу, говоря:

— Господи мой, Іисусе Христе! Со дней дѣтства моего руководившій меня, просвѣтившій лучами правды Твоей тайныя мысли моего сердца и утвердившій меня въ брани противъ діавола Твоею могущественною и непобѣдимою силою, — Ты, открывшій вѣрующимъ бездны истинной и великой премудрости, доведи до конца подвигъ мой и сохрани неугасимымъ свѣтильникъ дѣвства моего, чтобы я вмѣстѣ съ мудрыми дѣвами могла войти въ Твой чистый чертогъ и тамъ удостоилась возсылать славу Тебѣ, Совершителю моихъ желаній.

Послѣ этой молитвы святая Акилина отъ невыносимыхъ страданій точно мертвая упала на землю. Анѳипатъ, подумавъ, что она дѣйствительно умерла, приказалъ выбросить ее внѣ города на съѣденіе псамъ; онъ не считалъ достойной обычнаго погребенія мученицу какъ нарушительницу царскихъ повелѣній и хулительницу римскихъ боговъ. И цѣлый день лежала святая Акилина, поверженная при дорогѣ. Въ полуночный часъ блаженной отроковицѣ явился Ангелъ Господень и, коснувшись ея, сказалъ:

— Встань и будь здорова! Иди и обличи Волусіана, ибо какъ самъ онъ, такъ и намѣренія его ничтожны предъ Богомъ.

Тотчасъ же святая Акилина поднялась невредимою и говорила, возсылая хвалу Богу:

— Благодарю Тебя, Творецъ моей жизни, возвращающій мнѣ

здоровье и избавляющій отъ нечестія Своихъ рабовъ; Ты, Господи, превѣченъ и нѣтъ иного, кромѣ Тебя, Бога. Объ одномъ я смиренно молю Тебя: когда я окончу подвигъ страданія моего, увѣнчай меня вѣнцемъ славы Твоея, и, наслаждаясь осуществленіемъ Твоихъ обѣтованій, я воспою Тебя тогда среди лика святыхъ, пострадавшихъ за исповѣданіе Имени Твоего.

Господь свыше отвѣчалъ на молитву смиренной рабы Своей:

— Иди,—исполнится то, о чемъ ты просишь.

Услышавъ это, блаженная отроковица съ чувствомъ неизреченной радости пошла въ городъ. Когда она достигла городскихъ воротъ, послѣднія открылись сами собою; руководимая Ангеломъ Господнимъ святая Акилина достигла дворца Волусіана и, войдя безпрепятственно внутрь его, стала предъ спящимъ анѳипатомъ. Послѣдній, проснувшись, замѣтилъ предстоящую; въ ужасѣ онъ позвалъ своихъ кувикуларіевъ[1]) и спрашивалъ ихъ:

— Кто эта, стоящая предъ моими глазами?

Кувикуларіи, поднявъ свѣтильники, сказали:

— Безъ сомнѣнія, это—Акилина, которую ты послѣ ея смерти отъ мученій повелѣлъ бросить на съѣденіе псамъ.

Еще болѣе ужасался анѳипатъ, слушая кувикуларіевъ; однако повелѣлъ до утра держать отроковицу подъ стражей.

Съ наступленіемъ дня Волусіанъ снова потребовалъ къ себѣ на судъ святую Акилину. Онъ началъ его вопросомъ, обращеннымъ къ отроковицѣ:

— Ты ли это, Акилина?

— Неужели ты, беззаконникъ, имѣя ослѣпленныя очи душевныя отцемъ твоимъ діаволомъ, не видишь теперь и тѣлесными очами?—спросила въ свою очередь блаженная отроковица.—Дѣйствительно, я, предстоящая предъ тобою раба Господня, есть Акилина.

Въ сильномъ недоумѣніи, протирая глаза, анѳипатъ разсуждалъ самъ съ собою:

«Какія же мученія могутъ ей повредить, если она не умерла, несмотря на то, что изъ сгорающей главы ея истекъ мозгъ?»

Подумавъ это, онъ издалъ слѣдующее опредѣленіе объ усѣченіи мечомъ отроковицы:

«Акилину, защитницу безбожной ереси христіанской, хотя и юную лѣтами, но великую волшебницу, не почитающую без-

[1]) Т. е. *постельничихъ*.

смертныхъ боговъ и не повинующуюся царскимъ повелѣніямъ, мы въ продолженіе долгаго времени и старательно увѣщавали, однакоже не могли отвратить ея отъ безумія. Поэтому, послѣ многихъ мученій, нимало не коснувшихся этой волшебницы, опредѣляемъ предать ее смерти внѣ города чрезъ усѣченіе главы».

Послѣ смертнаго приговора святую Акилину повели на мѣсто казни; когда его достигли, блаженная отроковица испросила себѣ время для молитвы. Возведя очи къ Небу, мученица молилась такими словами:

— Всесильный Господи и Боже мой! Благодарю Тебя, приведшаго меня на конецъ моего подвига; славлю Тебя, Боже мой и Творче всѣхъ, что не безплодно я свершила теченіе моего страдальческаго поприща; благословляю Тебя, Создатель всего, что Ты посрамилъ мучителя и меня удостаиваешь нетлѣннаго вѣнца; пріими въ миръ духъ мой,—да оставивъ земное, улучу небесное.

Въ отвѣтъ на молитву блаженной съ Неба послышался Голосъ:

— Пріиди, избранная дѣва, поправшая ярость мучителя и стершая подвигомъ твоимъ діавольское жало, и пріими уготованное тебѣ воздаяніе.

И сейчасъ же, вслѣдъ за Гласомъ, святая мученица Христова почила сномъ смертнымъ, прежде нежели палачъ подъялъ мечъ надъ ея главою. Палачъ, хотя и видѣлъ это, но, не осмѣливаясь нарушить повелѣніе анѳипата, отсѣкъ мечомъ главу уже умершей, причемъ изъ раны вмѣсто крови истекло молоко. Присутствовавшіе при казни христіане взяли мощи мученицы какъ драгоцѣнность ни съ чѣмъ не сравнимую; умастивъ останки цѣнными ароматами и обвивъ новыми пеленами, они съ честью похоронили ихъ въ гробницѣ, въ самомъ городѣ Вивлосъ. И многія исцѣленія изливались на болящихъ отъ гроба святой мученицы Акилины во славу Христа Бога нашего, во вѣки славимаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь [1]).

---

[1]) *Святая мученица Акилина* скончалась въ 293 году 13 іюня. Святыя мощи ея или часть ихъ были перенесены въ Константинополь, и память ея торжественно праздновалась въ храмѣ ея имени. Послѣдній въ 532 году, въ царствованіе Юстиніана, сгорѣлъ, но былъ возстановленъ. Упоминаніе объ этомъ храмѣ встрѣчаемъ въ стишномъ прологѣ XII вѣка.

Кондакъ, гласъ ѣ:

Ѧ҆ѣ́вства твоегѡ̀ добро́тами предѡчи́стивши дш҃ю твою̀, на высотѹ̀ мч҃е́нїемъ востекла̀ є҆сѝ а҆кѵ̀лі́но всечт҃на́м, любо́вїю жениха̀ твоегѡ̀ хр҃та̀ ѹ҆мзви́вшися, є҆мѹ́же со а҆г҃ли предстоѝши весели́щися: съ ни́миже не преста́й моли́ся ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ТРИФИЛЛІЯ,

епископа Левкусійскаго

Уроженецъ Константинополя, святый Трифиллій внѣшнее образованіе получилъ въ Беритѣ[1]), учителемъ же благочестія онъ имѣлъ святаго Спиридона, епископа Тримифунтскаго[2]). Святый Трифиллій Самимъ Господомъ былъ предъизбранъ и предуказанъ во епископа: еще не облеченный этимъ великимъ званіемъ онъ былъ явленъ въ видѣніи царю Констанцію какъ уже архіерей, о чемъ житіе святаго Спиридона сообщаетъ слѣдующее.

По смерти Константина Великаго[3]) власть надъ Греко-римскимъ государствомъ перешла къ его сыновьямъ, причемъ, послѣ раздѣла, старшій изъ нихъ, по имени Констанцій[4]), получилъ въ

---

1) *Беритъ* въ древности былъ финикійской гаванью, затѣмъ перешелъ въ руки Египтянъ, а Антіохомъ III отнятъ у Птоломеевъ; въ 140 году до Р. Хр. его разрушилъ Сиріецъ Діотосъ Трифонъ, но при Римскомъ императорѣ Августѣ городъ былъ снова возстановленъ. Цезарь Клавдій чрезвычайно украсилъ городъ, а императоръ Ѳеодосій II сдѣлалъ его митрополіей. При послѣдующихъ императорахъ Беритъ славился школой риторики, политики, главнымъ образомъ права. Нынѣ Беритъ—*Бейрутъ*, главный городъ турецко-азіатскаго вилайета (генералъ-губернаторства) Сиріи.

2) *Святый Спиридонъ* извѣстенъ въ исторіи христіанской Церкви какъ участникъ I-го Вселенскаго Собора (325 г.), на которомъ простою, но исполненною внутренней силы рѣчью привелъ ко Христу одного искуснаго въ словопреніяхъ языческаго философа. Скончался около 348 г. Мощи его почиваютъ на о. Корфу. Память его —12-го декабря.

3) *Императоръ Константинъ Великій* замѣчателенъ своею дѣятельностью на пользу Церкви Христовой, за которую исторія называетъ его Великимъ, а Церковь — равноапостольнымъ; скончался въ 337 году.

4) *Констанцій*, сынъ Константина Великаго, по смерти отца получилъ въ управленіе Востокъ, Азію и Египетъ; въ 351 г., побѣдивъ убійцу брата своего Констанса—Магнеція, онъ соединилъ подъ своею властію всю Римскую имперію. Онъ разрушалъ языческіе

управленіе Востокъ. Однажды ему пришлось посѣтить Антіохію[1]), и здѣсь онъ неожиданно захворалъ настолько тяжело, что болѣзнь не поддавалась усиліямъ врачей. Тогда, оставивъ надежду на послѣднихъ, больной царь обратился съ молитвою къ Богу, исцѣляющему тѣла и души: онъ усердно просилъ Его объ исцѣленіи, и вотъ, во снѣ видитъ Ангела, который показываетъ ему цѣлый сонмъ святителей, а среди нихъ двухъ, выдѣлявшихся изъ рядовъ прочихъ, какъ бы въ качествѣ ихъ вождей и начальниковъ; при этомъ Ангелъ сказалъ царю, что они только и могутъ дать ему избавленіе отъ болѣзни. Пробудившись и обдумывая видѣніе, царь не узналъ, кто именно были являвшіеся ему епископы: и дѣйствительно, какъ могъ онъ узнать тѣхъ, имена коихъ и мѣста рожденія ему были неизвѣстны? Особенно если принять во вниманіе, что одинъ изъ показанныхъ ему въ епископскомъ санѣ еще не былъ епископомъ и лишь имѣлъ сдѣлаться имъ. Долго недоумѣвалъ царь и, наконецъ, пришелъ къ такому благому рѣшенію: собравъ къ себѣ епископовъ изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ, онъ пытался найти среди нихъ тѣхъ двухъ, которые были показаны

Стый
Трїфѵллїй

храмы или отдавалъ ихъ христіанамъ для обращенія въ церкви; нѣсколько разъ имъ издавался законъ подъ страхомъ смерти запрещавшій языческія богослуженія. Но своимъ сочувствіемъ ереси Арія Констанцій сильно увеличилъ церковные раздоры того времени: онъ преслѣдовалъ православныхъ епископовъ, низводилъ ихъ съ каѳедръ и даже подвергалъ заточенію; при немъ аріане занимали высшіе мѣста въ государствѣ. Констанцій умеръ въ 361 году во время похода противъ своего двоюроднаго брата Юліана, провозглашеннаго императоромъ войсками въ Галліи, куда онъ самъ назначилъ его главнокомандующимъ. Григорій Назіанзинъ сообщаетъ, что предъ смертью Констанцій раскаявался въ своемъ преслѣдованіи православныхъ.

[1]) *Антіохія* — древнѣйшій городъ Сиріи, лежитъ при рѣкѣ Оронтѣ между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лѣтъ до Р. Хр.

ему въ видѣніи, и не находилъ. Тогда царь призвалъ многихъ епископовъ и уже изъ болѣе отдаленныхъ странъ, но и среди нихъ не обрѣтались нужныя ему лица. Послѣ этого онъ разослалъ указъ по всѣмъ областямъ своей имперіи, повелѣвая собраться къ нему населявшимъ ее епископамъ. Такое повелѣніе, или лучше сказать — просьба царя, пришло и въ Кипрскія предѣлы [1]) къ Спиридону Тримифунтскому, которому Богомъ было открыто о всемъ, происшедшемъ съ царемъ. Собравшись, святый Спиридонъ отправился къ царю, взявъ съ собою и ученика своего Трифиллія, съ которымъ онъ былъ явленъ царю въ видѣніи; святый Трифиллій,— какъ уже замѣчено,—еще не былъ епископомъ. Достигши Антіохіи, путники пошли къ царю. Святый Спиридонъ былъ одѣтъ бѣдно, въ рукахъ имѣлъ финиковый жезлъ, а на головѣ — самую простую, почти нищенскую, митру; на груди у него висѣлъ глиняный сосудъ, въ которомъ, по обычаю жителей Іерусалима, онъ носилъ елей отъ Святаго Креста. Поэтому, когда онъ входилъ въ палаты царя, одинъ изъ дворцовыхъ слугъ, принявъ святаго епископа за обычнаго нищаго, не только смѣялся надъ нимъ, не дозволяя идти далѣе, но даже ударилъ его по щекѣ. Будучи незлобивъ, святый Спиридонъ, исполняя повелѣніе Господне, подставилъ ударившему и другую ланиту. Послѣдній, уразумѣвъ, что предъ нимъ стоитъ епископъ, понялъ свое согрѣшеніе и смиренно просилъ прощенія, которое и получилъ. Только что святый Спиридонъ вошелъ къ царю, какъ тотъ узналъ его, припомнивъ бывшее ему видѣніе: вставъ со своего мѣста, царь подошелъ и поклонился рабу Божію и просилъ епископа со слезами, чтобы онъ помолился Господу объ исцѣленіи отъ болѣзни. Угодникъ Божій прикоснулся къ головѣ царя, и послѣдній тотчасъ сталъ здоровъ, радуясь своему исцѣленію, дарованному Господомъ по молитвамъ святаго. Царь оказывалъ святителю великое уваженіе и весь тотъ день провелъ съ нимъ въ веселіи, угощая добраго врача своего. Святый же Трифиллій сильно дивился славѣ царской — красотѣ палатъ, величественному виду сидящаго царя, которому предстоятъ вельможи, пышнымъ одеждамъ слугъ и прочему, богатому и необычайному, обиходу дворцовой жизни. Замѣтивъ это, святый Спиридонъ сказалъ своему ученику:

---

[1]) Островъ *Кипръ* лежитъ въ сѣверо-восточномъ концѣ Средиземнаго моря, близъ береговъ древней Финикіи. Христіанство здѣсь было насаждено святымъ Апостоломъ Павломъ въ его первое благовѣстническое путешествіе.

— Что удивляешься, братъ? Развѣ гордость и слава царская дѣлаетъ царя праведнымъ болѣе прочихъ христіанъ? Развѣ царь не одинаково умираетъ съ послѣднимъ нищимъ и предается, какъ онъ, землѣ? Развѣ онъ не вмѣстѣ со всѣми предстанетъ нелицепріятному и страшному Судіи? Что же ты временное почитаешь какъ вѣчное и ничтожное дѣлаешь предметомъ удивленія въ то время, какъ слѣдуетъ стремиться къ невещественному и вѣчному и любить одну только негиблющую небесную славу.

За симъ, спустя немного времени, святый Трифиллій былъ поставленъ епископомъ города Левкусіи на Кипрскомъ островѣ, но, и будучи епископомъ, онъ не прерывалъ общенія со своимъ отцемъ и учителемъ, святымъ Спиридономъ: святый Трифиллій ради своей душевной пользы часто навѣщалъ его, какъ это видно изъ слѣдующаго. Однажды святый Спиридонъ шелъ изъ Тримифунта въ городъ Кирину; его сопровождалъ при этомъ и святый епископъ Трифиллій. Когда они, проходя горою Пентидактилъ, вышли на мѣсто, называвшееся Паримна,—при красотѣ природы мѣсто это изобиловало садами и виноградниками,—святый Трифиллій, восхищенный окружавшей его природою, захотѣлъ и самъ быть владѣтелемъ какого-либо виноградника въ Паримнѣ; онъ долго обдумывалъ въ душѣ своей, какъ бы осуществить свое желаніе. Не утаилось это отъ прозорливыхъ очей святаго Спиридона; проникая духомъ въ мысли своего ученика, онъ сказалъ:

— Зачѣмъ, Трифиллій, ты непрестанно помышляешь о предметахъ суетныхъ, желая получить поля и виноградники, которые въ дѣйствительности не имѣютъ никакой цѣны и обольщаютъ сердца человѣческія призрачной стоимостью? Мы имѣемъ неотъемлемое достояніе на Небѣ—храмину нерукотворенную; ея и ищи; пока же наслаждайся въ Богомыслiи небесными благами, которыя не переходятъ отъ одного къ другому, но навсегда остаются у того, кто сдѣлается ихъ обладателемъ.

Такого рода наставленія приносили великую пользу душѣ святаго Трифиллія, такъ что впослѣдствіи онъ по жизни своей содѣлался, подобно Апостолу Павлу, избраннымъ сосудомъ Христовымъ, исполненнымъ неисчислимыхъ Божественныхъ дарованій.

Греческіе историки Никифоръ[1]) и Созоменъ[2]) сообщаютъ, кромѣ того, еще слѣдующее какъ о святомъ Трифиллiи, такъ и о

[1]) *Никифоръ Каллистъ* — монахъ Софійскаго монастыря, умеръ около 1350 г.

[2]) *Созоменъ* — историкъ церковный V вѣка.

святомъ Спиридонѣ. Однажды, по нуждамъ церкви, въ Кипрѣ происходило собраніе всѣхъ епископовъ острова; на этомъ собраніи присутствовали святый Спиридонъ и святый Трифиллій — мужъ свѣдущій и книжный, ибо въ юности онъ много времени учился въ Беритѣ: поэтому отцы Собора просили святаго Трифиллія, чтобы онъ произнесъ въ церкви поученіе къ народу. Во время проповѣди ему нужно было привести слова Христовы, обращенныя къ разслабленному и записанныя святымъ Евангелистомъ Маркомъ: **востáни и̑ возмѝ о̑дръ твóй**[1]), причемъ святый Трифиллій измѣнилъ буквальное изреченіе Евангельское, назвалъ одръ ложемъ: «востани и возьми ложе твое». Святый Спиридонъ, не вынося измѣненія словъ Христовыхъ, сказалъ Трифиллію:

— Неужели ты лучше Сказавшаго «одръ», что̀ стыдишься слова Его?

Вслѣдъ за этимъ онъ открыто предъ всѣми покинулъ храмъ. И ничего не было предосудительнаго въ этомъ поступкѣ святаго Спиридона: будучи человѣкомъ некнижнымъ, онъ своимъ обличеніемъ пристыдилъ Трифиллія, гордившагося своимъ краснорѣчіемъ: научилъ его смиренномудрію и кротости.

Святый Трифиллій своею жизнію угодилъ Богу, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ богослужебныя пѣснопѣнія, составленныя въ честь его церковію: въ нихъ утверждается, что святый Трифиллій имѣлъ душу милостивую, чистый помыслъ, незлобивое сердце и правую вѣру, любовь нелицемѣрную, выдающіеся подвиги дѣвства, благодатныхъ и покаянныхъ слезъ и пощенія, удивившаго безплотныхъ,—что, обходя окрестныя страны, онъ ученіемъ Христовымъ, какъ лучами солнца, просвѣщалъ потемненныхъ грѣхами.

Упасши въ любви и правдѣ свою паству, онъ отошелъ отсюда, дабы тамъ, на Небѣ, въ сонмѣ іерарховъ предстоять Христу, Спасителю нашему, Ему же слава во вѣки. Аминь[2]).

---

1) Еванг. отъ Марка, гл. 2, ст. 11.

2) Будучи епископомъ Левкусіи, святый Трифиллій построилъ на средства матери монастырь; скончался глубокимъ старцемъ около 370 года. Въ Дѣяніяхъ Сардикійскаго Помѣстнаго Собора (347 г.) есть его подпись. Блаженный Іеронимъ, отецъ Западной Церкви († 420), говоритъ о святомъ Трифиллію: «Трифиллій, епископъ Кипрскій, краснорѣчивѣйшій въ своемъ вѣкѣ и славнѣйшій при Констанціи. Я читалъ его толкованія на Пѣснь Пѣсней; говорятъ, онъ составилъ и многое другое, что до насъ не дошло». Св. Трифиллій описалъ жизнь своего учителя, св. Спиридона Тримифуитскаго. Въ началѣ XII-го вѣка мощи святаго Трифиллія видѣлъ на о. Кипрѣ нашъ русскій игуменъ Даніилъ, путешествовавшій по Святымъ мѣстамъ.

Кондакъ, гласъ й:

Ізрáдствомъ житїѧ чистотȣ̀ дв҃ства прїéмь трїфȣ́ллїе, первопрестóльникъ показáлсѧ є҆сѝ левкȣсíи, и҆ нáвилсѧ є҆сѝ тѣ́мъ провозвѣстúтель, и҆ бг҃оразȣмїѧ настáвникъ. сегѡ̀ рáди рáдостнѡ взывáемъ тѝ: рáдȣйсѧ, ст҃и́телей ѹ҆крашéнїе.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Андроника Московскаго,** въ 1395 году.

День четырнадцатый

ЖИТІЕ и ЧУДЕСА
СВЯТАГО ПРОРОКА
ЕЛИСЕЯ

Святый Пророкъ Елисей былъ сынъ Сафата изъ колѣна Рувимова [1]). Онъ родился въ городѣ Авелъ-Мехолѣ [2]) и былъ великимъ чудотворцемъ. Самое рожденіе его сопровождалось чудесными явленіями. Въ городѣ Силомѣ, отстоявшемъ далеко отъ Іерусалима, стояла золотая телица, которой совратившіеся въ идолопоклонство Израильтяне поклонялись какъ Богу и приносили жертвы. Въ самый часъ рожденія Елисея эта бездушная телица такъ громко закричала, что ревъ ея былъ слышенъ даже въ Іерусалимѣ. Когда всѣ весьма дивились этому, нѣкій священникъ, исполненный Святаго Духа, сказалъ:

— Великій пророкъ Божій родился нынѣ, и онъ долженъ будетъ разрушить истукановъ и сокрушить сильныхъ!

Когда же Елисей достигъ совершеннаго возраста, проводя жизнь свою, для бо́льшаго угожденія Богу, въ дѣвственной чистотѣ, Богъ призвалъ его на пророческое служеніе. Призваніе это совершилось такъ. Однажды Елисей двѣнадцатью парами воловъ пахалъ

---

1) А по инымъ сказаніямъ онъ происходилъ изъ колѣна Манассіина.

2) 3 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 16.—Городъ Авелъ-Мехола находился недалеко отъ рѣки Іордана.

землю. Святый Пророкъ Илія, находившійся въ то время на горѣ Хоривѣ [1]) въ собесѣдованіи съ Богомъ, получилъ повелѣніе отъ Бога помазать Елисея вмѣсто себя въ пророка. И вотъ, когда Елисей былъ въ полѣ, святый Пророкъ Илія приблизился къ нему, возложилъ на него свою мѝлоть [2]), и, передавъ ему волю Господню, нарекъ его въ пророка, и повелѣлъ ему слѣдовать за собою. Елисей тотчасъ все оставилъ и готовъ былъ со всѣмъ усердіемъ слѣдовать за святымъ Пророкомъ Божіимъ Иліею, и только испросилъ у него позволенія на короткое время отлучиться домой, чтобы проститься съ отцомъ и матерью. Дѝма онъ взялъ ту пару воловъ, на которой самъ пахалъ, закололъ ихъ, а плугъ разсѣкъ на дрова, возложилъ ихъ на огонь и, зажаривъ на немъ мясо, сдѣлалъ угощеніе прилучившимся людямъ и сосѣдямъ; послѣ сего, поцѣловавъ отца и мать, Елисей немедленно послѣдовалъ за Иліею и служилъ ему, поучаясь у него вѣдѣнію таинъ Божіихъ; по благодати Божіей онъ сдѣлался Пророкомъ, не меньшимъ учителя и наставника своего—святаго Иліи. Когда же Богу угодно было взять раба Своего Илію въ вихрѣ на огненной колесницѣ на небо [3]), и переселить его въ рай, то Илія спросилъ у Елисея, какого дара онъ желаетъ отъ Бога, который бы онъ, Илія, исходатайствовалъ ему молитвою своею.

— Проси,—сказалъ онъ,—что̀ сдѣлать тебѣ, прежде чѣмъ я буду взятъ отъ тебя.

Елисей не просилъ себѣ чего-либо земнаго, временнаго, ибо для него, оставившаго все ради Бога и нищаго духомъ, почитавшаго все за ничто, не требовалось ничего на землѣ; онъ не просилъ у Иліи ни здоровья для тѣла, ни долготы дней жизни своей, ибо, въ чаяніи наслѣдія жизни вѣчной, не желалъ продолжительнаго пребыванія въ сей временной жизни, но испросилъ себѣ благодати Духа Святаго, сугубой по сравненію съ почивавшей на святомъ Иліи.

— Пусть будетъ,—сказалъ онъ,—тотъ даръ пророчества и даръ чудотворенія, какой въ тебѣ, вдвое болѣе во мнѣ! Дабы я могъ заблуждшихся людей, уклонившихся въ служеніе Ваалу, словомъ пророческимъ научить, подтверждая наставленія свои

---

[1]) *Хоривъ*—гора въ пустынѣ Аравійской, западная возвышенность того же горнаго хребта, восточную часть котораго составляетъ гора Синай.

[2]) *Мѝлоть*—верхняя одежда, плащъ.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 1—15.

чудотвореніями, и чрезъ сіе обратить ихъ опять къ Единому Истинному Богу.

Илія согласился на просимое Елисеемъ, но подъ условіемъ, сказавъ ему:

— Если увидишь, какъ я буду взятъ отъ тебя, то будетъ тебѣ такъ.

И вотъ, когда они продолжали путь и бесѣдовали, появились огненная колесница и огненные кони, которые раздѣлили ихъ другъ отъ друга, и Илія въ вихрѣ понесся на небо. Елисей смотрѣлъ и взывалъ:

— Отецъ мой, отецъ мой! Колесница Израилева и конница его![1])

Наконецъ, когда Елисей пересталъ уже видѣть огненную колесницу, далеко скрывшуюся отъ него вмѣстѣ съ Иліею въ высотѣ, то началъ плакать по немъ, какъ объ отцѣ, разодравъ одежду свою пополамъ. Но вотъ онъ увидѣлъ спущенную съ высоты Иліею мѝлоть, которая и покрыла его, и онъ принялъ ее какъ знакъ полученнаго сугубаго духа Иліи, и получилъ утѣшеніе въ своей печали о немъ. Онъ хранилъ ее у себя, какъ великое сокровище, или какъ драгоцѣнную царскую порфиру,—и этою мѝлотію сотворилъ такое же чудо, какъ ранѣе Илія. Желая перейти рѣку Іорданъ, онъ мѝлотію ударилъ по водѣ,—вода разступилась, и Елисей перешелъ посуху. Видѣвшіе это чудо ученики пророческіе, жившіе въ Іерихонѣ, убѣдились, что Духъ Иліи почилъ на Елисеѣ, и, придя къ нему, поклонились ему.

Святый же Елисей пришелъ въ Іерихонъ и остановился въ немъ, чтобы пробыть здѣсь нѣкоторое время. Жители города пришли къ нему и сказали:

— Вотъ, мѣстоположеніе города нашего хорошо, какъ и самъ ты видишь; но вода нехороша, а отъ нея и земля безплодна!

Елисей потребовалъ, чтобы принесли ему новый водоносъ и всыпали въ него соли. Когда это исполнили, онъ взялъ водоносъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ были ключи и, высыпавши тамъ соль, сказалъ:

— Такъ говоритъ Господь: «Я сдѣлалъ эту воду здоровою; она не будетъ уже теперь причиною смерти и безплодія».

---

[1]) Цари другихъ народовъ на войнѣ употребляли коней и колесницы. Поэтому Елисей назвалъ великаго Илію колесницею Израилевою и конникомъ, такъ какъ его одного было достаточно для того, чтобы поразить враговъ и даровать побѣду соплеменникамъ (блаж. Ѳеодор., вопр. 8).

Сты́й про́рокъ
є҃лиссе́й

Послѣ сего изъ Іерихона Елисей отправился въ городъ Веѳиль, жители котораго—Израильтяне, отступивъ отъ Бога, поклонялись идоламъ. Когда онъ приближался къ городу, то маленькія дѣти, игравшія здѣсь на дорогѣ, встрѣтивъ его и видя его плѣшивую голову, начали смѣяться надъ нимъ и кричать:

— Ступай, плѣшивый! Ступай, плѣшивый!

Елисей, проходя мимо, осмотрѣлся и видя, что они слѣдуютъ за нимъ, продолжая насмѣхаться и кричать, проклялъ ихъ именемъ Божіимъ. И вотъ, выбѣжали изъ лѣсу двѣ медвѣдицы и растерзали изъ нихъ сорокъ двухъ отроковъ, остальные едва спаслись бѣгствомъ въ городъ. Этою казнію пророкъ Божій по праведному суду наказалъ тѣхъ дѣтей за поруганіе и пресѣкъ имъ жизнь, дабы, придя въ мужественный возрастъ, они не явились болѣе злыми людьми; родители же ихъ были наказаны этимъ за свое идолопоклонство и вмѣстѣ получили горькое поученіе воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ и наставлять ихъ благоговѣйному почитанію слугъ Божіихъ.—Изъ Веѳиля Елисей пошелъ на гору Кармилъ [1]) и оттуда возвратился въ Самарію.

Въ то время у Израильтянъ начиналась война противъ Моавитянъ. Царь Моавитскій, земля котораго изобиловала стадами, обыкновенно присылалъ ежегодно царю Израильскому дань изъ ста тысячъ ягнятъ и ста тысячъ овецъ съ рунами [2]). По смерти же Ахава, царя Израильскаго, Моса, царь Моавитскій, отложился отъ царства Израильскаго и прекратилъ присылъ обычной дани.

---

1) *Кармилъ*—гора въ колѣнѣ Иссахаровомъ; здѣсь часто пребывалъ Пророкъ Илія (3 Кн. Цар., гл. **18**, ст. 19).

2) *Руно́*—шерсть, шкура.

Тогда Іорамъ, сынъ Ахавовъ, царствовавшій надъ Израилемъ въ Самаріи и державшійся нечестія своего отца, собравъ свою военную силу и пригласивъ на помощь Іосафата, благочестиваго царя Іудейскаго изъ Іерусалима, а также подчиненнаго ему царя Эдомскаго, двинулся на Моавитянъ чрезъ пустыню Эдомскую. По усмотрѣнію Божію, въ полкахъ находился и святый Пророкъ Елисей. Семь дней шли три царя со своими полками, и не было воды ни для людей, ни для скота; всѣ изнемогали отъ жажды. Іорамъ, царь Израильскій, сказалъ съ воздыханіемъ:

— Собралъ Господь насъ—трехъ царей, дабы предать въ руки Моавитянъ.

Царь же Іудейскій спросилъ:

— Нѣтъ ли здѣсь при полкахъ кого-либо изъ пророковъ, чрезъ котораго можно было бы вопросить Господа?

Слуга царя Израильскаго сообщилъ, что при полкахъ находится Елисей, сынъ Сафатовъ, который служилъ Пророку Иліи, возливая воду на его руки[1]). Царь же Іосафатъ засвидѣтельствовалъ объ Елисеѣ, сказавъ:

— Въ семъ мужѣ пребываетъ слово Господне.

И вотъ, три царя пришли къ святому Елисею и просили его помолиться о нихъ Господу, дабы Онъ открылъ ему, что̀ ихъ ожидаетъ. Но святый Елисей отвѣтилъ Іораму, царю Израильскому:

— Что общаго у меня съ тобою? Иди къ пророкамъ отца своего Ахава и матери своей Іезавели и тѣхъ спроси, чтобы они сказали тебѣ, что̀ васъ ожидаетъ.

Іорамъ же, царь Израильскій, со смиреніемъ сказалъ ему:

— Неужели Господь собралъ насъ, трехъ царей, чтобы предать въ руки Моавитянъ?

Елисей отвѣчалъ ему:

— Призываю во свидѣтельство Господа силъ, Которому предстою, что, если бы я не почиталъ Іосафата—благочестиваго царя Іудейскаго, то не пожелалъ бы и видѣть тебя—идолопоклонника.

Послѣ этого Елисей потребовалъ, чтобы привели къ нему пѣвца[2]). И вотъ, когда явился пѣвецъ-левитъ, умѣвшій прекрасно

---

1) «Возливалъ воду на руки Иліи», т. е. былъ постояннымъ служителемъ Пророка Иліи и посему является Пророкомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, какъ сказалъ о Елисеѣ царь Іудейскій Іосафатъ (4 Цар., гл. 3, ст. 12), видимо уже слышавшій о немъ.

2) Въ томъ, что Прор. Елисей для приготовленія своего духа къ воспринятію откровенія или для успокоенія духа отъ гнѣва на царя Іорама (4 Цар., гл. 3, ст. 13—14)

пѣть Псалмы Давида, и пѣлъ,—Духъ Господень сошелъ на Елисея, и онъ, пророчествуя, сказалъ:

— Копайте глубокіе рвы, потому что такъ говоритъ Господь: вы не увидите ни дождя, ни вѣтра, а рвы наполнятся водою, которую будете пить вы и скотъ вашъ, да и самихъ Моавитянъ Господь предастъ въ руки ваши, и вы побѣдите ихъ силу, и разорите всѣ ихъ укрѣпленные города, посѣчете всѣ дерева плодоносныя, и всякій водный источникъ запрудите камнемъ и землею, и всю страну моавитскую опустошите.

И сбылись всѣ слова Пророка. Наутро, когда благочестивый Іосафатъ, царь Іерусалимскій, по обычаю своему приносилъ жертву Богу руками священническими, люди увидали воду, текущую по Эдомскому пути, которая достигла сначала мѣста, гдѣ стояли полки Іосафата, и, разливаясь по окрестности, наполняла всѣ рвы и лощины потоковъ по долинѣ, и вся земля пропиталась водою и была влажною. Люди утолили жажду и, подкрѣпившись силами, двинулись на Моавитянъ и нанесли имъ тяжкое пораженіе; всю страну ихъ плѣнили и, по повелѣнію Пророка, предали ее опустошенію, и послѣ сего съ торжествомъ возвратились въ свою страну.

Однажды нѣкая вдова пророческаго ученика съ горестію говорила Елисею:

— Рабъ твой, а мой мужъ, умеръ; ты же его хорошо знаешь какъ человѣка богобоязненнаго. Теперь приходитъ заимодавецъ, которому очень много задолжалъ мой мужъ, и не находитъ у меня, что взять, ибо я совсѣмъ ничего не имѣю; и потому желаетъ взять у меня въ работу себѣ двоихъ моихъ сыновей, оставшихся мнѣ въ утѣшеніе въ моемъ вдовствѣ и дорогихъ мнѣ какъ зеницы очей моихъ.

Такъ горько взывала вдовица та къ Пророку Божію. [По сказаніямъ нѣкоторыхъ, вдовица эта была супругою Пророка Авдія,

---

прибѣгаетъ къ дѣйствію струнной музыки, послѣ чего «была Рука Господня на немъ» (Ср.: 3 Кн. Цар., гл. **18**, ст. 16; Іер., гл. **1**, ст. 9), усматривается, во-первыхъ, извѣстный въ древности обычай—прибѣгать къ музыкѣ (ср.: 1 Кн. Цар., гл. **16**, ст. 16) для отвлеченія духа отъ внѣшняго міра, успокоенія и возбужденія; во-вторыхъ, употребленіе музыки (съ пѣніемъ гимновъ) въ пророческихъ школахъ (1 Кн. Цар., гл. **10**, ст. 5), съ которыми Прор. Елисей стоялъ въ тѣсной связи. По словамъ блаж. Ѳеодорита, «священники», по Моисееву Закону, употребляли трубы, а левиты—гусли, псалтири, кимвалы и другія музыкальныя орудія. Въ употребленіи же у нихъ при семъ было Давидово духовное сладкопѣніе. Одного изъ сихъ пѣвцовъ велѣлъ призвать Пророкъ. И когда пѣвецъ воспѣвалъ, благодать Духа назнаменовала, что̀ дѣлать» (вопр. 12 на 4 Кн. Цар.).

управителя дома Ахавова, который скрылъ отъ меча царицы Іезавели сто пророковъ Божіихъ и содержалъ ихъ на свой счетъ, на что истратилъ все свое имущество, задолжавъ заимодавцамъ [1]). Умирая, онъ предоставилъ жену и дѣтей Промыслу Божію, заповѣдавъ имъ имѣть твердое упованіе на Господа]. Святый Пророкъ Елисей, умилосердившись надъ вдовицей и ея дѣтьми, спросилъ ее:

— Что ты желаешъ, чтобы я сдѣлалъ для тебя? Скажи, что ты имѣешь теперь въ домѣ у себя?

Она отвѣчала:

— Нѣтъ у рабы твоей ничего въ домѣ, кромѣ посудины съ небольшимъ количествомъ елея.

Тогда Елисей сказалъ ей:

— Поди попроси у сосѣдей своихъ, какъ можно больше, порожнихъ сосудовъ и, затворившись въ домѣ съ сыновьями своими, наливай изъ своей посудины масло во всѣ эти сосуды, и они будутъ наполняться.

Вдовица исполнила повелѣніе Пророка Божія. Она собрала у сосѣдей порожніе сосуды, поставила ихъ въ домѣ, затворила за собою двери и наливала елей изъ своей посудины въ выпрошенные сосуды; сыновья ея, помогая матери, подавали сосуды и наливали ихъ, и елей не оскудѣвалъ въ ея сосудѣ, но лился какъ изъ источника. Когда сосуды всѣ были наполнены, женщина сказала сыновьямъ:

— Подставьте еще сосудъ.

Но дѣти сказали, что уже нѣтъ болѣе порожняго сосуда; и елей пересталъ течь изъ сосуда вдовы. Вдовица съ великою радостію поспѣшила къ человѣку Божію и сказала ему объ этомъ чудѣ. Елисей же велѣлъ ей идти и продавать этотъ елей и заплатить долгъ своего мужа, а отъ оставшагося питаться со своими сыновьями.

Случилось святому Пророку Елисею проходить черезъ городъ Сонамъ [2]). Здѣсь одна богатая женщина упросила его къ себѣ ѣсть хлѣбы и со всѣмъ усердіемъ угостила человѣка Божія.

---

[1]) 3 Кн. Цар., гл. **18**, ст. 3 и слѣд. Намѣреніе кредитора продать въ рабство дѣтей вдовы оправдывалось буквою Закона (Кн. Лев., **25**, 39; Кн. Исх., **21**, 2) и жестокою практикою жизни (Еванг. отъ Матѳ., **18**, 25).

[2]) Городъ *Сонамъ*, или *Сунемъ*, находился въ колѣнѣ Иссахаровомъ (I. Нав. **19**, 18) противъ горъ Гелвуя (1 Кн. Цар., **28**, 4), близъ Кармила.

Пророку Елисею очень часто приходилось проходить тѣмъ городомъ при путешествіи отъ Кармила къ Іордану, или въ Галгалы, или въ Іерихонъ и оттуда возвращаться въ Кармилъ; послѣ приглашенія женщины онъ постоянно заходилъ въ домъ ея ѣсть хлѣбъ, потому что она была благочестива и добродѣтельна. Однажды женщина та сказала мужу:

— Я увѣрилась въ томъ, что человѣкъ Божій, который часто проходитъ мимо насъ,—человѣкъ святый. Устроимъ ему небольшую горницу, поставимъ ему тамъ постель, столъ, стулъ и подсвѣчникъ, дабы онъ, заходя съ дороги къ намъ, могъ отдохнуть.

И устроили такъ. И святый Пророкъ каждый разъ останавливался въ этой горницѣ, когда случалось ему быть въ этомъ городѣ. Однажды человѣкъ Божій, отдыхая въ горницѣ, устроенной для него, размышлялъ, чѣмъ бы отблагодарить эту гостепріимную и добродѣтельную женщину. Онъ велѣлъ слугѣ своему Гіезію позвать женщину къ себѣ. Когда она вошла, человѣкъ Божій сказалъ ей:

— Вотъ, ты такъ заботишься о насъ; чѣмъ я могу отблагодарить тебя за это? Нѣтъ ли у тебя какой просьбы до царя, или князя, или военачальника?

Она отвѣчала:

— Нѣтъ у меня никакой просьбы къ нимъ, потому что среди своего народа я живу.

Когда женщина ушла, святый обратился къ Гіезію, спросивъ его совѣта, чѣмъ бы можно было отблагодарить ту женщину за ея благодѣянія. Гіезій отвѣчалъ ему:

— Женщина эта не имѣетъ дѣтей, а мужъ ея старъ, умоли Бога, чтобы Онъ подалъ ей наслѣдника-сына.

Угодникъ Божій поступилъ такъ. Онъ усердно вознесъ горячую молитву о женщинѣ той Богу и, получивъ извѣщеніе отъ Него, велѣлъ вторично призвать ее къ себѣ. Когда она вошла и встала въ дверяхъ, человѣкъ Божій сказалъ ей, что она зачнетъ и родитъ сына. Женщина поклонилась ему и, какъ бы не вѣря отъ радости, съ мольбою просила святаго увѣрить ее въ томъ. Святый убѣдилъ ее, чтобы она твердо вѣрила неложному слову. Женщина дѣйствительно зачала и, по исполненіи времени, родила сына, котораго и вскормила своею грудью. Однажды, когда отрокъ уже возросъ, лѣтомъ въ жатвенное время онъ пошелъ къ отцу своему на поле, гдѣ была жатва. Пробывъ тамъ немного, онъ разболѣлся головною болью и закричалъ:

— Голова болитъ, голова болитъ!

Отецъ велѣлъ слугѣ отнести больного сына домой. Дома больной отрокъ пролежалъ на колѣняхъ у матери только до полудня и умеръ[1]). Мать взяла умершаго, отнесла въ горницу Пророка, положила его на постель и, затворивъ двери, вышла и позвала своего мужа. Ничего не сказавъ ему о смерти сына, она просила у него, чтобы онъ прислалъ ей слугу и осла, такъ какъ она должна идти къ человѣку Божію въ Кармилъ, откуда скоро возвратится. Мужъ спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты пойдешь къ нему? Вѣдь нынѣшній день не новомѣсячіе, ни суббота?

(Въ эти дни къ святому Пророку Елисею, жившему на Кармильской горѣ, собирались люди для славословія Божія и поученія). Жена же отвѣчала, что хотя нынѣ не суббота, ни новомѣсячіе, но она должна идти,—и съ поспѣшностью отправилась къ святому. Когда она приближалась къ Кармильской горѣ, человѣкъ Божій, провидя ея приходъ, сказалъ своему слугѣ Гіезію:

— Это та сонамитянка. Бѣги навстрѣчу ей и спроси: здорова ли ты? здоровъ ли мужъ? здоровъ ли сынъ твой?

Она сказала встрѣтившему ее Гіезію:

— Здоровы.

Но когда она пришла къ святому на гору, то припала къ его ногамъ. Гіезій хотѣлъ было ее отстранить отъ него, но Елисей сказалъ:

— Оставь ее, ибо душа ея нынѣ скорбитъ; Господь же утаилъ отъ меня объ ея печали и не открылъ мнѣ.

Женщина сказала:

— Просила ли я сына у господина моего? Не самъ ли ты, господинъ мой, испросилъ его мнѣ у Бога? Не говорила ли я: не дай мнѣ обмануться? И вотъ сынъ мой нынѣ умеръ.

Человѣкъ Божій умилился надъ ней и, давъ свой посохъ Гіезію, велѣлъ ему скорѣе идти и возложить этотъ посохъ на умершаго отрока. Мать же умершаго отрока не удовольствовалась этимъ и, припавъ къ святому Пророку, говорила ему:

— Живъ Господь, и жива душа твоя, я не отстану отъ тебя.

Тогда святый Елисей всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ нею. Гіезій же, прибывъ ранѣе его, положилъ посохъ на лице отрока, но

[1]) Болѣзнью сына благочестивой женщины видимо былъ солнечный ударъ (Іудиѳ., 8, 2—3; Псал. 120, 6).

отрокъ не обнаруживалъ признаковъ жизни. Тогда онъ возвратился и, встрѣтивъ человѣка Божія, сказалъ ему, что отрокъ не воскресъ. Наконецъ, прибылъ въ городъ самъ святый Пророкъ Елисей и, войдя въ домъ женщины, прошелъ въ горницу. Здѣсь на его постели лежалъ умершій отрокъ. Святый Елисей затворилъ двери и, помолившись Господу, простерся надъ отрокомъ, приникнувъ своими устами къ его устамъ, и своими глазами къ его глазамъ, и положивъ руки свои на его руки, и свои колѣна на его колѣна, и дышалъ на него,—и тѣло отрока стало согрѣваться. Пророкъ всталъ, походилъ по комнатѣ, и опять простерся надъ отрокомъ. Такъ было до семи разъ, послѣ чего отрокъ открылъ глаза. Елисей позвалъ Гіезія и велѣлъ ему призвать мать отрока. Когда она вошла, Елисей сказалъ ей:

— Возьми сына твоего!

Женщина припала къ ногамъ человѣка Божія и, взявъ живаго сына своего, радуясь, воздавала хвалу Богу[1]).

Послѣ сего Пророкъ Божій Елисей пришелъ въ Галгалъ—мѣсто, гдѣ въ древности Израильтяне на пути въ Землю Обѣтованную переходили рѣку Іорданъ. Здѣсь Пророкъ Елисей пробылъ продолжительное время. И вотъ, наступилъ голодъ въ той странѣ. Съ Пророкомъ были и ученики его, проводившіе жизнь въ подражаніе ему въ чистотѣ и нищетѣ, подобно инокамъ новой благодати. Пребываніе человѣка Божія съ учениками было въ особомъ безлюдномъ мѣстѣ. Елисей приказалъ слугѣ своему поставить на огонь большой котелъ и варить похлебку для учениковъ пророческихъ, которыхъ было числомъ сто человѣкъ. Одинъ ученикъ пошелъ въ поле собирать зелень и нашелъ дикій плодъ, на видъ схожій съ виноградомъ, называвшійся колокинхидою, очень горькій, почему называли его также желчью земли. Плодъ этотъ очень вреденъ для здоровья, хотя и употребляется при врачеваніи, но употребленіе его въ большомъ количествѣ причиняетъ смерть. Собиравшій не зналъ всего вреда этого плода, и потому набралъ полную одежду свою, и всыпалъ въ котелъ, чтобы сварить. Когда

---

[1]) Дѣйствія Пророка при воскрешеніи умершаго ребенка очень сходны по существу съ дѣйствіями Прор. Иліи при воскрешеніи сына вдовы Сарептской (3 Кн. Цар., **17**, 19—23). Пророкъ Елисей «собственныя свои орудія чувствъ приложилъ къ орудіямъ чувствъ умершаго, чтобы умершій сталъ причастенъ жизни живаго, очевидно, по дѣйствію духовной благодати, дарующей жизнь» (блаж. Ѳеодор., вопр. 18). Чудо это прообразовало воскресеніе Господа Іисуса Христа. (Повѣствованіе 4 Кн. Цар., **4**, 8—37 читается въ качествѣ пареміи 12-й на вечернѣ въ Великую Субботу).

пища была подана ученикамъ и они стали ѣсть, тогда они тотчасъ почувствовали горечь и заболѣли.

— Смерть въ котлѣ, человѣкъ Божій! — вскричали они въ испугѣ, обратившись къ Елисею; и перестали ѣсть, потому что было невозможно.

Елисей велѣлъ всыпать немного муки въ котелъ (не затѣмъ, чтобы обезвредить пищу, а чтобы скрыть свое чудотвореніе),—и пища сдѣлалась пріятною и безвредною, и ѣвшіе ее насытились и исцѣлились.

Въ это время пришелъ къ святому Пророку Елисею одинъ благочестивый человѣкъ изъ города Ваалъ-Шалиши[1]) и принесъ двадцать ячменныхъ небольшихъ хлѣбцевъ отъ перваго сбора ячменя. Человѣкъ Божій велѣлъ тѣ хлѣбцы раздать присутствующимъ. Но слуга его сказалъ, что этихъ маленькихъ хлѣбцевъ не достанетъ на сто человѣкъ. Елисей отвѣтилъ ему:

— Раздай всѣмъ, пусть ѣдятъ; ибо такъ Господь говоритъ: всѣ они насытятся, и еще останется.

И дѣйствительно, сто человѣкъ насытились и, по слову Господню, сказанному устами Пророка, осталось много кусковъ.

Въ то время заболѣлъ проказою[2]) знаменитый воевода царя Сирійскаго, по имени Нееманъ; онъ славился своею храбростію и военными побѣдами и потому былъ въ большомъ почетѣ у царя. Болѣя продолжительное время, Нееманъ не находилъ врачей, которые бы могли исцѣлить его. Однажды сирійскіе воины привели изъ Израильской страны взятую въ плѣнъ дѣвочку и отдали ее въ услуженіе женѣ Неемана. Дѣвочка та слыхала отъ своихъ родителей о святомъ Пророкѣ Елисеѣ и о великихъ чудесахъ, совершавшихся по его молитвамъ, и сказала о томъ своей госпожѣ, которой служила.

— О, если бы господинъ мой,—говорила та дѣвочка,—побывалъ у Пророка Божія, который въ Самаріи, то онъ снялъ бы съ него проказу его!

---

1) *Ваалъ-Шалиша* (ср.: 1 Кн. Цар., 9, 4)—городъ, по предположенію, въ колѣнѣ Ефремовомъ.

2) *Проказа*—это самая страшная и отвратительная, заразительная болѣзнь; она господствуетъ преимущественно въ странахъ съ жаркимъ климатомъ, особенно въ Египтѣ, Палестинѣ, Сиріи, Аравіи, Индіи и вообще на Востокѣ. При развитіи этой болѣзни кожа дѣлается бѣлой, потомъ пухнетъ, сохнетъ, покрывается струпьями и язвами съ отвратительнымъ запахомъ, далѣе отпадаютъ члены тѣла, и по большей части въ концѣ концовъ пораженные этою болѣзнью умираютъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Эти слова дѣвочки жена Неемана и передала въ точности своему мужу. Нееманъ пошелъ къ царю своему и сталъ просить у него, чтобы онъ отпустилъ его въ землю Израильскую, въ Самарію—къ Пророку Божію для исцѣленія. Царь не только дозволилъ ему идти, но далъ съ нимъ письмо къ царю Израильскому Іораму, сыну Ахавову. Нееманъ, взявъ съ собою дары для человѣка Божія — десять талантовъ серебра, шесть тысячъ золотыхъ монетъ и десять перемѣнъ дорогихъ одеждъ,—прибылъ въ землю Израильскую и подалъ царю Іораму письмо отъ своего царя. Въ письмѣ было написано:

«Изъ моего письма, которое ты получишь, узнай, что я послалъ къ тебѣ слугу моего Неемана, чтобы ты очистилъ его отъ проказы».

Царь Израильскій Іорамъ, прочитавъ письмо царя Сирійскаго, сильно опечалился и, разодравъ на себѣ одежды, сказалъ:

— Развѣ я Богъ, Который одинъ можетъ умерщвлять и оживлять, что онъ прислалъ ко мнѣ прокаженнаго человѣка, чтобы я очистилъ его отъ проказы? Не замѣчаете ли, что это онъ ищетъ предлога, чтобы начать войну противъ меня?

Святый Пророкъ Елисей, узнавъ, что царь очень опечаленъ и разодралъ одежды свои, послалъ сказать ему:

— Что ты печалишься и зачѣмъ разодралъ одежды свои? Пусть Нееманъ тотчасъ придетъ и узнаетъ, что есть Пророкъ Божій въ Израилѣ.

Нееманъ пришелъ съ конями и колесницами и остановился у дверей дома Елисеева. Святый Пророкъ чрезъ посланнаго слугу сказалъ ему:

— Иди окунись семь разъ въ Іорданѣ, и тѣло твое будетъ такимъ, какимъ было ранѣе, и ты очистишься[1]).

Нееманъ почувствовалъ себя обиженнымъ этими словами Пророка и ушелъ, говоря:

— Я ожидалъ, что онъ самъ выйдетъ ко мнѣ и, вставъ надо мною, призоветъ Имя Бога своего, прикоснется рукою своею къ прокаженнымъ мѣстамъ моего тѣла и очиститъ проказу, а онъ повелѣваетъ мнѣ идти къ Іордану. Рѣки Дамасскія —Авана и

---

[1]) Когда Нееманъ прибылъ къ дому Пророка Елисея «онъ, храня Законъ, какъ живущій подъ Закономъ, не согласился видѣть Неемана, какъ прокаженнаго (по Закону Левит. гл. 13—14), а приказалъ ему 7 разъ измыться въ р. Іорданѣ» (блаж. Ѳеодор. вопр. 19).

Фарфаръ[1]) не лучше ли Іордана и всѣхъ водъ израильскихъ? Развѣ я не могъ бы омыться въ нихъ и очиститься?

И пошелъ Нееманъ обратно изъ Самаріи въ сильномъ гнѣвѣ. Но на пути слуги его посовѣтовали ему послушаться повелѣнія Пророка Божія и сказали при этомъ:

— Если бы Пророкъ приказалъ тебѣ сдѣлать что-либо очень трудное, развѣ ты не исполнилъ бы его повелѣнія? А онъ тебѣ сказалъ только: окунись въ Іорданѣ и очистишься; а ты и этого не хочешь исполнить.

Нееманъ послушался совѣта своихъ слугъ, отправился на Іорданъ, сошелъ съ колесницы и семь разъ окунулся въ рѣкѣ, какъ велѣлъ ему человѣкъ Божій, и тотчасъ тѣло его очистилось, и онъ вышелъ изъ рѣки бодрый и здоровый, какъ юноша. И возвратился Нееманъ со всѣми сопровождавшими его къ святому Елисею, и, ставъ передъ нимъ, сказалъ:

— Теперь я знаю, что нѣтъ Бога по всей землѣ, кромѣ Израиля; посему прими отъ раба твоего дары эти, какіе я принесъ тебѣ.

И при этомъ предложилъ человѣку Божію золото, серебро и одежды. Но святый Елисей сказалъ ему:

— Живъ Господь, Которому я служу, я не возьму у тебя ничего.

Нееманъ началъ убѣждать Пророка взять принесенное, но онъ былъ непреклоненъ и не взялъ ничего.

Тогда Нееманъ обратился къ святому съ просьбой, сказавъ:

— Дозволь рабу твоему взять земли[2]), сколько можно увезти на двухъ парахъ муловъ; привезя ее домой, я поставлю жертвенникъ Господу Богу Израилеву, ибо отнынѣ рабъ твой не будетъ приносить жертвы никакимъ богамъ, кромѣ Единаго Истиннаго Бога[3]).

---

1) Сирійскія рѣки *Авана* и *Фарфаръ*, по общему мнѣнію, вытекали изъ горъ Антиливана и орошали Дамаскъ.

2) Просьба Неемана къ Пророку: дать ему извѣстное количество земли изъ страны Израильской объясняется глубокимъ благоговѣніемъ Неемана къ Іеговѣ—самую землю страны Его почитанія Нееманъ считаетъ священной, и беретъ часть земли, освященной благословеніемъ Пророка Іеговы—Елисея.

3) Кромѣ того, Нееманъ Сиріянинъ говорилъ о себѣ Пророку Божію, что онъ, по обязанности слуги царскаго, долженъ сопровождать своего государя въ капище Реммана и тамъ преклоняться вмѣстѣ съ царемъ, который повергается на землю передъ идоломъ, опираясь на его руку; и теперь Нееманъ спрашивалъ у Елисея, проститъ ли ему Господь, что онъ преклоняется въ капищѣ Реммана? Елисей успокоилъ его, и онъ отправился (4 Кн. Цар., 5, 18—19).

Святый Елисей дозволилъ ему взять просимое и отпустилъ его съ миромъ. Когда Нееманъ ушелъ отъ человѣка Божія Елисея, слуга его, Гіезій, началъ размышлять:

«Вотъ, какую великую радость сдѣлалъ Нееману Сиріянину господинъ мой, а онъ не взялъ изъ рукъ его ни одного дара; пойду вслѣдъ за нимъ, догоню и возьму что-либо у него».

И, вставъ, поспѣшилъ вслѣдъ за Нееманомъ. Нееманъ увидавъ, что Гіезій поспѣшно догоняетъ его, сошелъ съ колесницы и пошелъ навстрѣчу къ нему. Когда они сошлись вмѣстѣ, Гіезій, послѣ привѣтствія, сказалъ Нееману:

— Господинъ мой послалъ меня сказать тебѣ, что сейчасъ съ горы Ефремовой пришли къ нему двое учениковъ пророческихъ, и онъ проситъ тебя дать для нихъ талантъ серебра и двѣ перемѣны одеждъ.

Нееманъ сказалъ:

— Возьми два таланта.

И тотчасъ велѣлъ положить серебро въ два мѣшка и далъ Гіезію двоихъ своихъ слугъ отнести посланное, а сверхъ того далъ ему и двѣ одежды. Гіезій, пришедши съ тѣми слугами домой въ вечерній сумракъ, взялъ у нихъ принесенное и, отославъ ихъ обратно, скрылъ взятое въ домѣ, а самъ явился къ господину своему.

Святый Елисей спросилъ у него:

— Откуда ты пришелъ, Гіезій?

Гіезій отвѣчалъ:

— Не ходилъ рабъ твой никуда.

Тогда святый Елисей сказалъ ему:

— Развѣ сердце мое не ходило съ тобою и не видѣло, какъ, сойдя съ колесницы, человѣкъ тотъ шелъ навстрѣчу тебѣ;—и какъ ты принялъ отъ него серебро и одежды; и развѣ я не знаю, что ты намѣренъ на это серебро купить себѣ масличныя деревья и виноградники, овецъ и воловъ, слугъ и служанокъ? За это проказа Нееманова пристанетъ къ тебѣ и къ твоему потомству на вѣки.

И вышелъ Гіезій отъ Елисея, покрытый проказою и бѣлый, какъ снѣгъ.

Однажды ученики пророческіе сказали Елисею:

— Вотъ, жилище, въ которомъ мы живемъ около тебя, тѣсно для насъ; пойдемъ къ Іордану и принесемъ каждый по бревну, и сдѣлаемъ себѣ тамъ жилище.

Святый отпустилъ ихъ. Одинъ изъ учениковъ кротко пригласилъ и его самого пойти вмѣстѣ съ ними, сказавъ ему:

— Пойди, отче, и ты самъ съ рабами твоими.

Человѣкъ Божій всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними. Когда они пришли на Іорданъ и начали рубить бревна, у одного изъ рубившихъ соскочилъ топоръ съ топорища и упалъ въ воду; и онъ вскричалъ: «Ахъ, господинъ мой! Топоръ этотъ я взялъ на подержаніе у друга».

Человѣкъ Божій спросилъ его, гдѣ упалъ топоръ, и, когда тотъ указалъ мѣсто, Елисей отрубилъ кусокъ дерева, бросилъ его въ воду, и топоръ всплылъ на поверхность воды. Святый велѣлъ рубившему взять его, и тотъ, протянувъ руку, взялъ его. Столь великая дана была сила святому мужу, что онъ могъ даже естественную тяжесть желѣза уменьшить такъ, что желѣзная сѣкира плавала сверхъ воды, какъ листъ, упавшій съ дерева.

Святый Пророкъ Елисей провидѣлъ происходящее вдали отъ него съ такою ясностію, что какъ бы все это происходило передъ его очами. Царь Сирійскій, воевавшій съ Израильтянами, много разъ совѣщался съ приближенными своими, какъ устроить засаду для царя Израильскаго, и назначалъ то или другое мѣсто, гдѣ долженъ былъ залечь назначенный для засады отрядъ воиновъ. Но святый Елисей, провидя это, посылалъ предупредить царя Израильскаго, говоря:

— Остерегись проходить симъ мѣстомъ, потому что тамъ залегли Сиріяне.

Царь посылалъ узнать, правда ли это; и, увѣрившись въ томъ, соблюдалъ осторожность и не приближался къ тому мѣсту, а самъ посылалъ своихъ воиновъ, которые внезапно нападали на Сиріянъ и поражали ихъ. Это было нѣсколько разъ. Царь Сирійскій, слыша объ этомъ, пришелъ въ смущеніе и, призвавъ своихъ подчиненныхъ, сказалъ имъ:

— Почему вы не скажете мнѣ, кто открываетъ мои тайны царю Израильскому и предаетъ меня въ его руки?

Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ ему на это:

— Никто, господинъ мой царь, и не отъ насъ это происходитъ! А у Израильтянъ есть Пророкъ Елисей, который пересказываетъ царю Израильскому даже тѣ слова, которыя ты говоришъ въ своей спальной комнатѣ.

Царь сказалъ:

— Узнайте, гдѣ Пророкъ тотъ? Я пошлю воиновъ взять и привести его сюда.

Воины, разузнавши, сказали ему, что Елисей пребываетъ въ Доѳаимѣ[1]). Царь послалъ туда конницу, колесницы и большой отрядъ войска, которые ночью приступили и окружили городъ. Рано утромъ слуга Елисея, выйдя изъ дома, увидалъ сирійскія войска съ конями и колесницами, въ большомъ количествѣ окружившія городъ, и, вбѣжавши къ Елисею, вскричалъ:

— Что намъ дѣлать, господинъ мой?

Святый Елисей отвѣчалъ:

— Не бойся: съ нами больше, чѣмъ съ ними.

И обратился Елисей къ Богу съ молитвою, говоря:

— Господи! Отверзи очи отрока твоего, дабы онъ узрѣлъ силу Твою.

И Богъ отверзъ очи служителя Елисея,—онъ увидѣлъ, что вся гора занята конями и огненными колесницами кругомъ Елисея.

Святый Елисей вышелъ со слугою своимъ изъ города къ Сиріянамъ, а тѣ пошли къ нему. Елисей помолился къ Господу, говоря:

— Порази, Господи, народъ сей слѣпотою.

И Господь поразилъ ихъ слѣпотою, какъ просилъ Елисей. Тогда Елисей сказалъ имъ:

— Это не та дорога и городъ этотъ не тотъ, куда вамъ нужно идти; но идите за мною, и я приведу васъ къ тому человѣку, котораго вы ищете.

И привелъ онъ ихъ въ Самарію. Когда они прибыли въ Самарію, Елисей обратился съ молитвою къ Богу и сказалъ:

— Господи! Отверзи имъ очи, дабы они увидѣли, гдѣ находятся.

И открылъ Господь глаза ихъ, и они увидѣли, что находятся въ Самаріи. Царь Израильскій, узнавъ объ ихъ прибытіи и увидѣвъ ихъ, спросилъ святаго Елисея:

— Не велишь ли, отче, ихъ истребить?

Но святый отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не истребляй, ибо не ты привелъ ихъ сюда и не ты плѣнилъ ихъ своимъ оружіемъ; но сдѣлай имъ угощеніе, чтобы они шли къ государю своему.

Царь сдѣлалъ имъ большое угощеніе, и они ѣли и пили, и

[1]) *Доѳаимъ*—городъ на торговой дорогѣ изъ Галаада въ Египетъ, къ сѣверу отъ Самаріи; здѣсь нѣкогда былъ проданъ Іосифъ (Кн. Быт., **37**, 17, 25).

были отпущены къ царю своему, и послѣ сего прекратили свои нашествія изъ Сиріи на землю Израильскую.

Прошло довольно продолжительное время, и царь Сирійскій Венададъ началъ войну съ Іорамомъ, царемъ Израильскимъ. Онъ собралъ все свое войско и окружилъ Самарію, столичный городъ царей израильскихъ, гдѣ находился тогда и святый Пророкъ Елисей. Начался сильный голодъ въ городѣ, такъ что самые бѣдные жители поѣдали своихъ дѣтей. Однажды къ царю Израильскому, когда онъ ходилъ по городской стѣнѣ, подошла женщина и съ воплемъ говорила ему:

— Помоги мнѣ господинъ, мой царь!

Царь отвѣчалъ ей:

— Если тебѣ не поможетъ Господь, какъ я могу помочь тебѣ? Съ гумна или съ точила дамъ тебѣ пропитаніе? Впрочемъ, скажи, что тебѣ нужно?

Она начала свою жалобу на другую женщину, сказавъ:

— Вотъ, эта женщина сказала мнѣ: давай съѣдимъ сегодня твоего сына, а завтра моего. И мы сварили моего сына и съѣли. На другой день я сказала ей: давай съѣдимъ и твоего сына. Но она его спрятала.

Царь Израильскій, выслушавъ такой ужасный разсказъ женщины, разодралъ одежду свою и страшно разгнѣвался на Пророка Божія Елисея за то, что тотъ своимъ совѣтомъ удерживалъ его не покоряться царю Сирійскому и не сдавать ему городъ, а ожидать помощи Божіей:

— Пусть покараетъ меня Богъ и прибавитъ еще къ моему наказанію, если сегодня голова Елисеева останется на немъ! — сказалъ царь въ гнѣвѣ.

И тотчасъ былъ посланъ исполнитель казни, чтобы отсѣчь голову Пророку. Человѣкъ же Божій находился у себя дома, и у него были старцы израильскіе.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ старцамъ,—что царь Іорамъ, сынъ убійцы Ахава, убившаго неповинно Навуѳея, послалъ исполнителя казни снять съ меня сейчасъ голову? Но вы заприте крѣпко двери и не пускайте его сюда, пока не придетъ сюда господинъ его, ибо слышится топотъ ногъ господина его, потому что онъ спѣшитъ уже вслѣдъ за нимъ.

Еще святый говорилъ эти слова, какъ подошелъ царь и остановилъ исполнителя казни; потому что послѣ злого рѣшенія сво-

его царь раскаялся, и самъ поспѣшилъ вслѣдъ за посланнымъ, чтобы предупредить исполненіе жестокаго приказанія, ибо царь зналъ о святости Пророка Елисея и его неповинности, и о всѣхъ благодѣяніяхъ его для Израильскаго царства и для многихъ людей. Войдя къ Пророку, царь сказалъ:

— Вотъ какое великое бѣдствіе послано на насъ отъ Господа! Чего же мнѣ ждать отъ Него? Отдамъ городъ Сирійскому царю и смирюсь передъ нимъ, чтобы не умереть всѣмъ намъ отъ голода: лучше, подчинившись ему, остаться всѣмъ намъ живыми, чѣмъ, сопротивляясь, погибнуть отъ голода.

Но святый Елисей, обратившись къ царю и ко всѣмъ присутствовавшимъ, сказалъ:

— Слушайте слово Господне! Вотъ что говоритъ Господь: въ этотъ же часъ завтра въ воротахъ Самаріи[1]) будутъ продавать мѣру муки пшеничной за одинъ сикль и двѣ мѣры ячменя за одинъ сикль.

Одинъ изъ сановниковъ, самый приближенный къ царю, на руку котораго царь опирался, сказалъ на это Елисею:

— Если бы даже Господь отверзъ Небеса, и тогда не будетъ того, что ты говоришь.

Святый Елисей отвѣчалъ ему:

— Вотъ, ты самъ увидишь это своими очами, но не вкусишь отъ хлѣба того.

Успокоившись немного, царь ушелъ въ свою палатку. И вотъ ночью, когда святый Елисей молился ко Господу Богу объ освобожденіи города, Богъ наслалъ великое смятеніе на войско сирійское: Сиріянамъ послышался большой шумъ отъ оружія и ржаніе коней, какъ бы отъ большого собравшагося войска, и они порѣшили между собою, что это цари Хеттейскій и Египетскій, нанятые царемъ Израильскимъ, пришли къ нему на помощь со своими войсками.

— Бѣжимъ отсюда, бѣжимъ, — кричали они въ великомъ страхѣ.

И ночью вмѣстѣ съ царемъ своимъ побѣжали обратно, оставивъ на мѣстѣ свои палатки, коней, ословъ и все, что было у нихъ въ станѣ, спасая лишь только свою жизнь. Въ эту же

---

[1]) Пророкъ говоритъ царю и старѣйшинамъ народа о предстоящей необыкновенной дешевизнѣ хлѣба именно «у воротъ Самаріи» — у воротъ, гдѣ на Востокѣ сосредотачивалась вся общественная жизнь, между прочимъ — и торговля.

ночь около городскихъ воротъ сидѣли четверо прокаженныхъ, которые, разсуждая другъ съ другомъ, говорили:

— Зачѣмъ мы здѣсь сидимъ, ожидая смерти? Если въ городъ пойдемъ, то умремъ отъ голода, а оставаясь здѣсь, также умремъ; не пойти ли намъ въ сирійскій станъ, и если пощадятъ насъ, то лучше умереть отъ меча, чѣмъ терпѣть невыносимыя муки отъ голода.

И, согласившись, встали и пошли въ сирійскій станъ, покрытый еще ночнымъ мракомъ. Войдя въ станъ, они не нашли ни одного человѣка и, пройдя до середины стана и никого не видя, много дивились этому. Они вошли въ одну изъ палатокъ, и ѣли, и пили, взяли изъ нея серебро, и золото, и одежды и, отойдя, скрыли. Возвратившись, они вошли въ другую палатку и взяли изъ нея все, что хотѣли и сколько могли унести, и опять скрыли. Послѣ сего они начали совѣщаться, говоря:

— Нехорошо мы дѣлаемъ; настоящій день—день радостной вѣсти, а мы молчимъ: и если останемся здѣсь до разсвѣта, то будемъ повинны въ большомъ грѣхѣ; посему поспѣшимъ къ городу и извѣстимъ царскій дворъ.

Они поспѣшили къ городу и, подойдя къ воротамъ городскимъ, сказали стражамъ:

— Мы ходили въ станъ сирійскій и не видѣли тамъ ни одного человѣка, и не слыхали даже голоса человѣческаго; только кони на привязи и ослы остались тамъ, также и шатры стоятъ на своихъ мѣстахъ, наполненные богатствомъ.

Немедленно обо всемъ извѣстили царя. Царь всталъ ночью, собралъ приближенныхъ и началъ съ ними совѣщаться, и, усумнившись, сказалъ имъ:

— Я открою вамъ коварный замыселъ Сиріянъ, который они задумали противъ насъ. Они узнали, что мы страдаемъ отъ голода; посему, выйдя изъ стана, скрылись гдѣ-либо въ полѣ, намѣреваясь, когда мы выйдемъ, гонимые голодомъ, изъ города, захватить насъ живыми и войти въ нашъ городъ.

Слуги царя посовѣтовали послать кого-либо на развѣдку. Были посланы двое всадниковъ, которые, прибывъ въ станъ сирійскій и никого не найдя въ немъ, поскакали по слѣдамъ Сиріянъ до Іордана. Весь путь былъ устланъ одеждою и оружіемъ, которыя бросали бѣжавшіе въ великомъ страхѣ Сиріяне. Посланные возвратились и обо всемъ извѣстили царя и народъ. Люди броси-

лись изъ города и расхитили весь лагерь сирійскій; и мѣра муки пшеничной и двѣ мѣры ячменя продавались за одинъ сикль, какъ сказано было Господомъ чрезъ Пророка. Вышеупомянутый сановникъ — тотъ, на руку котораго опирался царь, получилъ отъ него приказаніе встать у городскихъ воротъ для наблюденія за порядкомъ. И вотъ, когда онъ хотѣлъ распоряжаться, чтобы народъ не тѣснился въ воротахъ, толпа стиснула его и задавила насмерть, какъ это и было предсказано человѣкомъ Божіимъ Елисеемъ, когда этотъ сановникъ, не вѣря слову Господню, сказанному устами пророческими объ изобиліи хлѣба, противорѣчилъ, сказавъ:

— Если Господь и Небо отверзетъ, то этого не будетъ [1]).

Славенъ былъ сей великій угодникъ Божій и въ другихъ дивныхъ пророческихъ дарованіяхъ и дѣяніяхъ, какъ о томъ пространно повѣствуется въ Книгахъ Царствъ. Онъ предсказалъ семилѣтній голодъ въ землѣ Израильской [2]). Предусмотрѣвъ смерть Венадада — царя Сирійскаго, онъ предсказалъ переходъ царства Сирійскаго въ руки Азаила. Помазавъ Іуя—одного изъ князей израильскихъ—на царство [3]), онъ возбудилъ его истребить богоненавистный идолопоклонническій Ахавовъ домъ. Іуй убилъ двоихъ царей идолопоклонниковъ: Іорама Израильскаго и Охозію Іудейскаго, внука благочестиваго царя Іосафата, который, не подражая дѣду своему, уклонился въ нечестіе. Онъ умертвилъ Іезавель, нечестивую жену Ахавову, мать Іорама, и избилъ всѣхъ жрецовъ и волхвовъ Вааловыхъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ ему споспѣшествовали благословеніе и молитвы святаго Пророка Елисея. По смерти Іуя царствовалъ въ Израилѣ сынъ его Іоахазъ, а ему наслѣдовалъ Іоасъ, внукъ Іуя. Въ царствованіе Іоаса человѣкъ Божій, имѣвшій пребываніе въ Самаріи и будучи уже глубокимъ старцемъ, разболѣлся. Царь Израильскій Іоасъ пришелъ навѣстить его и, плача надъ нимъ, говорилъ:

— Отче, отче, колесница Израилева и кони его!

Елисей сказалъ ему:

— Возьми лукъ и стрѣлы, открой окно къ востоку, гдѣ находится Сирія, и натяни лукъ со стрѣлою.

Царь исполнилъ это. Пророкъ же Божій, положивъ свои руки на руки царя, сказалъ:

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. **6**, ст. 24 и слѣд.

[2]) 4 Кн. Царствъ, гл. 8, ст. 10.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. **9**, ст. 3.

— Пусти стрѣлу къ Сиріи.

И царь пустилъ стрѣлу. Пророкъ сказалъ:

— Стрѣла эта—стрѣла спасенія Господня, и ты побѣдишь Сирію.

И опять велѣлъ царю взять въ руки лукъ и стрѣлы. Царь взялъ. Пророкъ сказалъ ему:

— Ударь стрѣлою по землѣ.

Царь ударилъ три раза и остановился. Человѣкъ Божій разгнѣвался на него, сказавъ:

— Если бы ты ударилъ пять или шесть разъ, то побѣдилъ бы Сирію окончательно, теперь же ты нанесешь ей только три пораженія [1]).

Такъ пророчествуя царю, святый Елисей скончался и былъ погребенъ съ почестями [2]).

Не только при жизни пророкъ Елисей творилъ чудеса, но онъ и по смерти своей явилъ себя чудотворцемъ. Черезъ годъ послѣ его смерти несли хоронить за городъ одного умершаго. Въ это время появилась толпа Моавитянъ, которые производили набѣгъ на землю Израильскую. Несшіе умершаго еще издали увидали непріятелей и бросили его въ близлежащую пещеру. Это была та пещера, въ которой покоился прахъ Пророка Елисея. Лишь только мертвецъ коснулся костей Пророка, какъ тотчасъ ожилъ и, выйдя изъ пещеры, пошелъ въ городъ [3]).

---

[1]) На вопросъ: «Почему Пророкъ Елисей возвѣстилъ будущую побѣду посредствомъ лука и стрѣлы?» (4 Кн. Цар., **13**, 15) блаж. Ѳеодоритъ (вопр. 42) отвѣчаетъ: «Не столько вѣрили словамъ, сколько предреченіямъ посредствомъ дѣлъ». Въ данномъ случаѣ символическое дѣйствіе непосредственно выражало означаемую имъ дѣйствительность войны и побѣды. Положеніе рукъ Елисея на руки царя (гл. **13**, ст. 16) могло указывать на молитвенную помощь Пророка, слѣдовательно, и Іеговы царю Израильскому въ предстоящей борьбѣ съ Сирійцами. Направленіе выстрѣла къ востоку относилось къ Сирійцамъ, занявшимъ восточноіорданскіе города и области Израильскаго царства (4 Кн. Цар., гл. **10**, ст. 33).

[2]) Св. Пророкъ Елисей умеръ въ глубокой старости, около 100 лѣтъ. Онъ выступилъ на пророческое служеніе при Ахавѣ (3 Кн. Цар., **19**, 19)—около 900 года до Р. Хр., а скончался при Іоасѣ, въ тридцатыхъ годахъ IX вѣка. По блаженному Іерониму, могилу Пророка указывали близъ Самаріи (ср. Кн. 4 Цар., **5**, 9; **6**, 32). Св. мощи Пророка Елисея, во времена блаж. Іеронима вмѣстѣ съ мощами св. Прор. Авдія и Іоанна Крестителя въ Севастіи или Самаріи изгоняли демоновъ, во времена Юліана сожжены, но останки отъ огня сохранены вѣрными, часть ихъ перенесена въ Александрію. Въ Константинополѣ св. Пророку посвященъ былъ храмъ, а въ Палестинѣ св. Іоанномъ Дамаскинымъ написанъ Канонъ. Праздникъ въ честь св. Пророка Елисея 14 іюня есть древнѣйшій и общій всѣмъ народамъ Востока и Запада.

[3]) Посмертное чудо Пророка, по блажен. Ѳеодориту, имѣло такой смыслъ: «Пророкъ и по смерти воскресилъ поднесеннаго къ нему мертвеца, чтобы и сіе чудо свидѣтельствовало о пріятой имъ сугубой, противъ учителя, благодати». Кромѣ того, временною

Такъ и по смерти Богъ прославилъ Своего угодника[1]). За все сіе Богу нашему слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[2]).

Тропа́рь, гла́съ д̃:

По плоти а̃гг̃лъ, пр̃ро́кwвъ wснова́нїе, второ́й пр̂те́ча прише́ствїемъ хр̃то́ва, и̂лїа̀ сла́вный, свы́ше посла́вый е̂лїссе́еви бл̃года́ть, недȣ́ги wгона́ти, и̂ прокаже́нныя wчища́ти: тѣ́мже и̂ почита́ющымъ е̂гѡ то́читъ и̂сцѣле́нїя.

Конда́къ, гла́съ е̃:

Пр̃ро́къ бж̃ій и̂зби́лся е̂сѝ, сȣгȣ́бую[3]) бл̃года́ть прїе́мъ, войстинnȣ̀ досто́йнȣю тебѣ̀, е̂лїссе́е бл̃же́нне: и̂лїй бо бы́лъ е̂сѝ совсе́льникъ[4]), съ ни́мъ же хр̃тȣ̀ бг̃ȣ моли́ся непрестáннw wˆ всѣ́хъ на́съ.

цѣлью чуда могло быть воодушевленіе Израиля на борьбу съ врагами, а вѣчною и существенною — засвидѣтельствованіе истины всеобщаго будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ частности, здѣсь доказывается истинность почитанія Православною Церковію мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ. Такъ, сила Божія, которая была на Пророкѣ Елисеѣ при жизни, сообщилась при этомъ чудѣ его мощамъ.

1) Кромѣ множества предсказаній, чудесъ и благодѣяній, оказанныхъ людямъ, Пророкъ Елисей много содѣйствовалъ развитію и возвышенію училищъ пророческихъ (4 Кн. Цар., гл. 2, 3, 5 и др.), и, безъ сомнѣнія, изъ этихъ училищъ большею частію вышли тѣ пророки, коихъ такъ много было во времена царей и которые частію устно, частію письменно поддерживали вѣру и благочестіе въ народѣ.

2) Іисусъ сынъ Сираховъ въ своей похвалѣ Пр. Елисею говоритъ слѣдующее: «Исполненный духа Иліи, Елисей не трепеталъ во дни свои предъ княземъ, и никто не превозмогъ его; ничто не одолѣло его, и по успеніи его пророчествовало тѣло его; какъ въ жизни своей совершалъ онъ чудеса, такъ и по смерти дивны были дѣла его» (48, 12—15). Въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Господь упоминаетъ объ Елисеѣ какъ о великомъ Пророкѣ Божіемъ, давая видѣть въ чудесахъ и исцѣленіяхъ его премудрые пути Промысла Божія. «Много было прокаженныхъ въ Израилѣ при Пророкѣ Елисеѣ,—говорилъ Онъ въ обличеніе невѣрія своихъ соотечественниковъ,—и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Неемана Сиріянина (Евангелие отъ Луки, гл. 4, ст. 23—27).

3) Сȣгȣ́бый—двоякій, вдвое бо́льшій.

4) Совсе́льникъ—сожитель.

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
МЕѲОДІЯ,
Патріарха Константинопольскаго

Уроженецъ Сициліи[1]) святитель Христовъ Меѳодій въ юныхъ лѣтахъ воспринялъ иноческій образъ, преуспѣвая въ добродѣтельной жизни. Въ царствованіе Льва Армянина[2]), иконоборца, онъ занималъ при святѣйшемъ Никифорѣ, Патріархѣ Цареградскомъ[3]), должность апокрисіарія[4]). Патріархъ Никифоръ послалъ святаго Меѳодія къ папѣ въ Римъ[5]) съ однимъ порученіемъ, касающимся церковныхъ дѣлъ; здѣсь, въ Римѣ, онъ намѣренно задержался на довольно продолжительное время, потому что нечестивый Левъ, свергнувъ съ патріаршаго престола святѣйшаго Никифора, возвелъ на него еретика иконоборца Ѳеодота Милиссійскаго, по прозванію Касситера[6]). По кончинѣ царя Льва и лжепатріарха Ѳеодота святый Меѳодій возвратился изъ Ветхаго Рима въ Новый[7]). Въ санѣ пресвитера онъ служилъ Господу въ правдѣ и преподобіи, неустанно борясь съ иконоборческой ересью, особенно усилившейся въ это время: по Львѣ Армянинѣ на царскій престолъ вступилъ, тоже еретикъ-иконоборецъ, Михаилъ Валвосъ, или Травлосъ[8]); Патріархами во дни его были люди неблагочестивые. И великій подвигъ взялъ на себя блаженный Меѳодій, препираясь

---

1) *Сицилія* — одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря; отъ материка отдѣляется Мессинскимъ проливомъ.

2) *Левъ V Армянинъ* правилъ въ 813—820 гг.

3) См. житіе его подъ 2-мъ числомъ настоящаго мѣсяца.

4) *Апокрисіаріями* назывались временные или постоянные представители епископовъ важнѣйшихъ Церквей при особѣ государя, которые завѣдывали всѣми сношеніями своей Церкви и ея предстоятелей съ верховною властію.

5) *Римъ* — главный городъ Римскаго государства, находится въ средней части Италіи и расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тибра, при впаденіи ея въ море.

6) *Ѳеодоръ I Касситеръ* былъ Патріархомъ съ 815 по 821 гг.

7) Т. е. *Царьградъ*, или *Константинополь*.

8) *Михаилъ II Косноязычный* царствовалъ съ 820 по 829 гг.

съ еретиками и постыжая ихъ. За такую дѣятельность нечестивый царь томилъ въ узахъ и темницѣ святаго Меѳодія, какъ сообщаетъ объ этомъ грекъ Зонара[1]). Онъ передаетъ, что Михаилъ Травлосъ въ началѣ царствованія своего показалъ себя милостивымъ правителемъ: многихъ святыхъ отцевъ, заточенныхъ Львомъ Армяниномъ за почитаніе иконъ, онъ освободилъ отъ узъ и заключенія, но затѣмъ, по прошествіи уже довольно значительнаго времени, Михаилъ отмѣнилъ это, внушенное лицемѣріемъ, доброе дѣло и, не скрывая своего злобнаго нечестія, воздвигъ гоненіе на православныхъ. Съ гнѣвомъ онъ ополчился на святаго Меѳодія и на Евѳимія, Сардійскаго епископа,—о многихъ другихъ, много пострадавшихъ отъ него, уже не говоримъ. Евѳимія онъ отправилъ за почитаніе иконъ въ изгнаніе, а святаго Меѳодія заключилъ въ темницѣ въ Акритѣ[2]). Тотъ же Зонара слѣдующимъ образомъ описываетъ нечестіе Михаила Травлоса: онъ подражалъ во всемъ, по его словамъ, царю Копрониму[3]); благоволя Іудеямъ, онъ приказалъ поститься въ субботу; не вѣря воскресенію мертвыхъ, Михаилъ осмѣивалъ надежду на блаженную жизнь за гробомъ; подвергалъ насмѣшкамъ и предсказанія святыхъ Пророковъ; утверждалъ, что бѣсовъ не существуетъ, и не почиталъ за грѣхъ сквер-

Стый
Меѳодій

1) *Зонара Іоаннъ* (Ζωναρᾶς)—византійскій историкъ и канонистъ, современникъ императора *Алексѣя Комнена* (1080—1118 гг.). Первое мѣсто по достоинству среди литературныхъ трудовъ Зонары принадлежитъ его комментарію на полный текстъ церковныхъ правилъ. Другимъ крупнымъ трудомъ Зонары является его «Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν»—хронологическое изложеніе событій всемірной исторіи отъ сотворенія міра до вступленія на престолъ императора Іоанна Комнена (1118 г.). Кромѣ того, отъ Зонары остались письма, житія святыхъ, гимны и т. п.

2) Вѣроятно, близъ Акритскаго мыса.

3) *Константинъ Копронимъ* занималъ престолъ съ 741 по 775 гг.

ныхъ плотскихъ дѣяній; почитая Іуду предателя за святаго, Михаилъ думалъ, что послѣдній будетъ спасенъ. Онъ ненавидѣлъ ученіе книжное и препятствовалъ родителямъ отдавать дѣтей въ (православныя) школы, чтобы, изучивши Священное Писаніе, они не обличили его безумія, но, пребывая невѣждами и безкнижными, слѣдовали его еретическому заблужденію. Такъ говоритъ Зонара. Святый Меѳодій мужественно противился зловѣрному царю какъ пастырь мудрый свѣдущій въ Божественномъ Писаніи, православныхъ догматахъ и преданіяхъ святыхъ отцевъ; за это онъ какъ исповѣдникъ истины переносилъ не только узы и темницы, но даже и раны.

По смерти Михаила Травлоса воцарился сынъ его Ѳеофилъ[1]) — наслѣдникъ не только престола, но и зловѣрія своего отца. Ѳеофилъ многихъ замучилъ за честно́е почитаніе святыхъ иконъ; однако, любя ученіе книжное, онъ обновилъ запустѣвшія было школы Царьграда, приказалъ снова начать въ нихъ занятія. Онъ же освободилъ изъ заточенія и святаго Меѳодія, какъ передаетъ объ этомъ греческій историкъ Михаилъ Гликосъ: небывалымъ,— говоритъ онъ,—и чудеснымъ образомъ извелъ Богъ Меѳодія изъ мрачнаго узилища: Ѳеофилъ изъ любви къ знаніямъ часто проводилъ время за чтеніемъ книгъ; однажды царю попалась въ руки книга, содержаніе которой ему было малопонятно; кто-то изъ приближенныхъ замѣтилъ Ѳеофилу, что Меѳодій, заключенный въ темницѣ въ Акритѣ, извѣстенъ своимъ умѣньемъ изъяснять трудныя для уразумѣнія мѣста въ книгахъ. Тотчасъ же царь послалъ приказъ привести къ нему изъ узилища святаго Меѳодія; увидѣвшись съ нимъ, онъ послѣ бесѣды понялъ, что святый Меѳодій мужъ мудрый, и освободилъ его изъ уваженія къ нему.

Получивъ свободу, святый Меѳодій снова вступилъ въ словесную борьбу съ еретиками, уча воздавать святымъ иконамъ достойныя ихъ честь и поклоненіе; этимъ онъ опять навлекалъ на себя гнѣвъ иконоборцевъ. Дѣятельность святаго Меѳодія на защиту Православія стала извѣстна царю, который сильно гнѣвался на угодника Божія, скрывая свое недовольство до болѣе удобнаго времени. Въ эти дни Греки вели войну съ Сарацинами[2]), и была необходимость самому царю присутствовать при войскѣ. Отправляясь къ полкамъ, царь взялъ съ собою и святаго Меѳодія — частію какъ

[1]) *Ѳеофилъ* правилъ въ 829—842 гг.

[2]) *Сарацины* иначе *Арабы*.

бы ради молитвы, частію для бесѣдъ отъ писанія и рѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ, которые, какъ убѣдился царь, святый Меѳодій искусенъ былъ разъяснять. Въ дѣйствительности же царь взялъ съ собою угодника Божія изъ боязни, какъ бы въ столицѣ, если въ ней останется святый Меѳодій, не возникло народное возмущеніе противъ иконоборцевъ: народъ любилъ преподобнаго—какъ мужа святаго и учительнаго, прекрасно свѣдущаго не только въ области управленія духовнаго, но и гражданскаго; поэтому-то царь и не оставилъ его въ столицѣ на время своего отсутствія, а взялъ съ собою. Но вотъ, по Божію попущенію, Измаильтяне одолѣли Грековъ, уничтоживъ почти все войско царя, такъ что послѣдній едва спасся бѣгствомъ съ малыми остатками отъ своихъ полковъ; тогда нечестивый царь обнаружилъ свой гнѣвъ на святаго Меѳодія, который доселѣ таилъ въ сердцѣ:

— Потому Богъ и даровалъ врагамъ нашимъ побѣду,—говорилъ Ѳеофилъ,—что среди насъ находятся идолопоклонники.

На это святый Меѳодій возразилъ:

— Господь, поругаемый христіанами въ Своей святой иконѣ, прогнѣвался на нихъ и попустилъ врагамъ одержать надъ нами побѣду.

Исполнившись ярости, царь сослалъ святаго Меѳодія послѣ жестокаго бичеванія[1]) въ заточеніе на одинъ островъ; здѣсь онъ приказалъ заключить его вмѣстѣ съ двумя разбойниками въ глубокой гробной пещерѣ, куда не проникалъ и солнечный свѣтъ. Такъ святый Меѳодій явился живымъ мертвецомъ, какъ Іона во чревѣ китовѣ, пребывая въ земныхъ нѣдрахъ и благодаря Бога. Одному рыбаку поручено было доставлять ему пищу и притомъ столь скудную, чтобы только не умереть отъ голода: мучители желали продолжить жизнь угодника Божія, а съ нею—и его страданія въ томъ гробѣ.

Во время этого заключенія святаго Меѳодія царь Ѳеофилъ подвергъ мукамъ за почитаніе честны́хъ иконъ двухъ святыхъ исповѣдниковъ—Ѳеодора и Ѳеофана[2]): на ихъ лицахъ раскаленнымъ

---

[1]) Ѳеофилъ приказалъ бить св. Меѳодія по щекамъ, причемъ челюсть его была разбита до того, что на всю жизнь у св. Меѳодія осталея безобразный шрамъ. Будучи Патріархомъ, св. Меѳодій разрѣзалъ концы клобука и обвязывалъ ими челюсть, чтобы скрыть рубецъ; изъ уваженія къ исповѣднику и всѣ иноки, по его примѣру, начали носить клобукъ съ разрѣзами.

[2]) *Ѳеофанъ* и *Ѳеодоръ*, иноки іеруеалимской лавры св. Саввы, при Львѣ Армянинѣ были заточены за обличеніе ереси иконоборцевъ; при Ѳеофилѣ на ихъ лицахъ была выжжена надпись, говорящая объ ихъ поклоненіи честны́мъ иконамъ; отсюда они и называются *Начертанными*. Память ихъ — 27-го декабря.

желѣзомъ была выжжена надпись, свидѣтельствующая объ ихъ поклоненіи святымъ иконамъ, послѣ чего царь отправилъ мучениковъ въ заточеніе. Путь ихъ лежалъ мимо того острова, гдѣ томился святый Меѳодій, заключенный въ гробной пещерѣ. Случайно встрѣтившись съ рыбакомъ, питающимъ узника, святые исповѣдники разузнали отъ него все подробно объ угодникѣ Божіемъ. Не имѣя возможности увидѣться со святымъ Меѳодіемъ, потому что очень строги были люди, ведшіе ихъ въ заключеніе, Ѳеодоръ и Ѳеофанъ написали къ нему слѣдующее привѣтствіе, доставить которое по назначенію взялся тотъ же рыбакъ:

«Къ живому, какъ мертвому сѣдящему во гробѣ, къ земному, обходящему го́рнія страны и къ носящему узы пишутъ окованные, имѣющіе «лица начертаны».

Прочтя это, присланное съ рыбакомъ, привѣтствіе и узнавъ отъ послѣдняго о подвигахъ святыхъ страстотерпцевъ, святый Меѳодій благодарилъ Бога, даровавшаго имъ такое мужество. Затѣмъ онъ отвѣтилъ имъ въ свою очередь на ихъ привѣтствіе такимъ письмомъ:

«Погребенный прежде смерти и скованный узами привѣтствуетъ тѣхъ узниковъ, изъ которыхъ каждый, имѣя «начертанное лице», вписанъ горѣ въ книгу жизни».

Въ своемъ гробномъ заключеніи святый Меѳодій пробылъ до смерти царя Ѳеофила, и когда (одинъ) гробъ пріялъ мертвеца поистинѣ[1]), тогда (другой) гробъ, подобно киту, изрыгнувшему изъ чрева Іону Пророка, даровалъ міру «живого мертвеца»[2]). Когда смерть закрыла очи Ѳеофила гробною перстью и затворила его нечестивые уста, наложивъ молчаніе на хульный языкъ, тогда славный исповѣдникъ увидѣлъ дневной свѣтъ и снова отверзъ свои уста для проповѣди благочестія. По кончинѣ Ѳеофила воцарился сынъ его, Михаилъ (III-ій), причемъ за его малолѣтствомъ управляла его мать Ѳеодора[3]). Первой заботой правительницы была забота о мирѣ церковномъ, совершенно нарушенномъ иконоборствомъ: отъ дней перваго царя иконоборца Льва Исаврянина[4]) до смерти Ѳеофила прошло сто двадцать лѣтъ; въ теченіе этого времени икона Христова была поругаема христіанами, и разгнѣ-

---

1) Т. е. царя Ѳеофила.

2) Т. е. св. Меѳодія.

3) Съ 842 по 855 гг. *Михаилъ III Пьяный* правилъ съ 855 по 867 гг.

4) *Левъ III Исаврянинъ* царствовалъ съ 716 по 741 гг.

ванный Богъ воздвигалъ за это немалыя бѣдствія на христіанское царство. Въ эти годы Сарацины, овладѣвъ многими христіанскими странами, многихъ жителей ихъ увели, какъ плѣнниковъ, въ свою область. Тогда же Греко-Римское государство раздѣлилось на два царства: между тѣмъ ранѣе царь Новаго Рима, или греческій, обладалъ и Ветхимъ Римомъ, такъ что Востокъ и Западъ объединялись подъ скипетромъ одного царя Греческаго. Но вслѣдствіе развитія иконоборческой ереси, связанной съ лютыми кровавыми мученіями множества исповѣдниковъ благочестія, Западъ отторгся изъ-подъ власти греческихъ царей, поставивъ себѣ своего собственнаго царя. Поэтому Греческій царь вынужденъ былъ управлять одною только Греціею, да и то не всею, потому что Палестина со Святымъ Градомъ Іерусалимомъ, Сирія, Аравія, а также и Египетъ, съ подлежавшими ему областями, взяты были Сарацинами. Все это Богъ попустилъ за грѣхи христіанъ, отпавшихъ отъ благочестія въ ересь и поругавшихъ святыя иконы. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, благочестивая и исполненная боговдохновеннаго разума царица Ѳеодора приложила всѣ старанія къ тому, чтобы, уничтоживъ въ христіанскомъ царствѣ проклятую иконоборческую ересь, утвердить православіе, возвративъ какъ драгоцѣнное украшеніе невѣсты Христовой — Святой Церкви почитаніе честныхъ иконъ. Она повелѣла освободить отъ узъ и заключенія, а также возвратить изъ ссылки всѣхъ исповѣдниковъ благочестія, чтобы они пришли на Соборъ въ Константинополь, который бы возвратилъ съ подобающею честью храмамъ святыя иконы. По этому указу былъ освобожденъ изъ гробнаго затвора и святый Меѳодій. На патріаршемъ же престолѣ, какъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, все еще пребывалъ лжепатріархъ Іоаннъ, по прозванію Анній[1]),—еретикъ и волхвъ, возведенный на престолъ царемъ Ѳеофиломъ. И такъ какъ святые отцы не желали имѣть съ нимъ общенія, то благочестивая царица Ѳеодора помянутаго лжепатріарха, лишивъ престола, изгнала изъ Церкви, какъ дикаго вепря изъ виноградника. По благоволенію Божію на патріаршій престолъ къ неизреченной радости всѣхъ православныхъ былъ возведенъ святый исповѣдникъ Меѳодій.

Это возведеніе святаго Меѳодія, происшедшее болѣе по Божію нежели человѣческому избранію, еще прежде было предсказано

---

[1]) Былъ патріархомъ въ 832—842 гг.

преподобнымъ Іоанникіемъ Великимъ, о чемъ житіе его говоритъ такъ:

Игуменъ Агавронскаго монастыря Евстратій спросилъ нѣкогда преподобнаго Іоанникія[1]):

— Отче, доколѣ же святыя иконы будутъ попираемы (и доколѣ продолжится такое положеніе вещей), при которомъ церкви не возвращаются, гонители возрастаютъ и стадо Христово расхищаютъ дикіе звѣри?

Святый отецъ отвѣчалъ на это:

— Подожди еще немного, братъ, и увидишь проявленіе силы Божіей: церковное управленіе приметъ нѣкто, именемъ Меѳодій; озаренный Божественнымъ Духомъ онъ будетъ руководить Церковію по истинѣ, истребитъ ереси, утвердитъ Церковь православными догматами, создастъ тишину и единомысліе; противящихся же смиритъ десница Вышняго.

Это пророчество преподобнаго Іоанникія сбылось съ очевидностію на святомъ Меѳодіи. По смерти царя Ѳеофила онъ былъ поставленъ Патріархомъ Царьграда — какъ мужъ, достойный столь великаго сана, какъ крѣпкій столпъ правовѣрія и непоколебимое утвержденіе благочестія, какъ украшенный мученичествомъ Христовъ воинъ, отъ Бога предзнаменованный и прозорливымъ мужемъ предуказанный на великое служеніе архіерейское. Святый Меѳодій вмѣстѣ съ благовѣрною царицею Ѳеодорою созвалъ въ Константинополѣ Помѣстный Соборъ, который подтвердилъ догматическія опредѣленія Седьмого Вселенскаго Собора, созваннаго въ царствованіе Константина и Ирины въ Никеѣ на иконоборцевъ[2]). Не принимающихъ же догматовъ этого Вселенскаго Собора Помѣстный Соборъ, собранный при святомъ Меѳодіи, предалъ вторичной анаѳемѣ. Доставивъ радость православнымъ, обративъ церковную смуту въ миръ, бурю и волненіе—въ тишину, отцы Собора съ великимъ торжествомъ въ первую недѣлю Святой Четыредесятницы внесли честныя иконы въ Церковь Господню. И была великая радость не только въ Царьградѣ, но и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Поднебесной, гдѣ находились православные христіане.

Когда повсюду православные христіане совершали духовное торжество, зависть терзала сердца тѣхъ, въ душахъ которыхъ была укоренена иконоборческая ересь: таковы были уже помя-

[1]) Память его — 4 ноября. † 846 г.

[2]) Былъ въ 787 году.

нутый, сверженный съ престола, лжепатріархъ Анній и братъ его Ареаборъ, имѣвшій санъ сенатора и засѣдавшій въ царской палатѣ; таковы были и нѣкоторые другіе изъ числа сановныхъ вельможъ и людей меньшаго чина. Не зная, что дѣлать, они по злобѣ придумывали, какъ бы оклеветать святѣйшаго Меѳодія. За золото еретики наняли одну единомысленную съ ними и знатную женщину,—сынъ ея былъ ипатомъ[1]) въ Смирнѣ,—чтобы она, согласно ихъ наставленію, пошла къ царицѣ и воспитателямъ молодого царя и сообщила имъ, что (будто бы) новопоставленный Патріархъ Меѳодій блудодѣйствовалъ съ нею. Такъ поступили клеветники въ томъ разсчетѣ, что имъ будетъ болѣе удобно хулить какъ ученіе святаго Меѳодія, защищавшаго почитаніе честны́хъ иконъ, такъ—и самыя иконы, если Патріарха удастся обезславить, распустивъ объ немъ въ народѣ дурную молву и тѣмъ опозоривъ его имя. Подученная еретиками женщина, отправившись къ царицѣ и воспитателямъ молодого царя, открыто предъ всѣми оклеветала святаго Меѳодія, принесши жалобу на мужа ни въ чемъ не повиннаго. Чтобы клевета ея была принята за истину, она проливала слезы, какъ бы потерпѣвшая насиліе отъ новопоставленнаго Патріарха. Они удивлялись такому поступку первосвятителя, породившему великій соблазнъ; тотчасъ молва распространилась по всему городу, православныхъ смущая, а нечестивымъ доставляя радость и торжество. Еретики смѣялись надъ православными, говоря:

— Вотъ какого имѣете вы Патріарха! Вотъ за кѣмъ вы слѣдуете!

Когда клевета дошла до самого святѣйшаго Меѳодія, онъ недоумѣвалъ, откуда именно она могла возникнуть. Но имѣя совѣсть чистою, онъ въ душѣ радовался незаслуженному бѣдствію, вмѣстѣ съ тѣмъ Патріархъ и печалился, видя столь великій соблазнъ среди народа и насмѣшки еретиковъ надъ православными. Какъ же поступаетъ сей великій святитель, мужъ неповинный руками и чистый сердцемъ, соблюдшій отъ утробы матерней непорочною чистоту своего тѣла? Желая не столько себя очистить отъ ложнаго обвиненія, сколько—отнять отъ Церкви соблазнъ и заградить лживыя уста еретиковъ, Патріархъ рѣшилъ, жертвуя своимъ стыдомъ, открыть дотолѣ никому не вѣдомый недугъ, ко-

[1]) Консулъ, начальникъ.

торымъ онъ страдалъ и который съ очевидностью обнаруживалъ неспособность первосвятителя къ плотскому грѣховному смѣшенію.Ославъ въ палату цареву, Патріархъ просилъ справедливаго суда, который разслѣдовалъ бы дѣло между нимъ и помянутою женою. Представъ же предъ судомъ, состоявшимъ изъ честныхъ лицъ, Патріархъ, не хотя спорить съ безстыдною женщиною и желая непререкаемымъ образомъ засвидѣтельствовать о своей неповинности и убѣжденный къ тому же наступившей необходимостью отложить природный стыдъ, соблюденіе коего особенно было обязательно для человѣка его сана,—святѣйшій Меѳодій обнажилъ «тайное мѣсто» своего тѣла, объятое болѣзнію, такъ что «плоть рбдная» была какъ бы умерщвленною; и всѣ узнали, насколько ложна была клевета женщины, такъ какъ видѣли, что невозможно столь больному человѣку совершить плотской грѣхъ. И возрадовались православные, что уничтожился соблазнъ въ Церкви и отнялось поношеніе отъ сыновъ благочестія. Еретики же покрылись стыдомъ и заградились нечестивыя уста ихъ; болѣзнь ихъ обратилась на ихъ головы и издѣвательство ихъ принесло посрамленіе и уничтоженіе имъ же самимъ.

Когда же судьи спросили святѣйшаго Меѳодія, какимъ образомъ прилучилась ему болѣзнь, онъ, обнаруживая недугъ свой, открылъ и причину его, о которой доселѣ тоже никому не говорилъ:

— Когда,— сказалъ онъ,—я былъ посланъ Святѣйшимъ Патріархомъ Никифоромъ къ папѣ въ Римъ и тамъ задержался, въ это время по дѣйствію пакостника плоти, ангела сатанина, напало на меня сильное плотское вожделѣніе, соединенное съ возбужденіемъ плотскихъ удовъ; многіе дни и ночи боролся я съ похотною страстью, изнуряя постомъ и бдѣніемъ и умерщвляя себя всякаго рода трудами, и такъ какъ страсть все-таки не оставляла меня и мнѣ казалось, что я уже близокъ къ паденію, со слезами повергся предъ святымъ верховнымъ Апостоломъ Петромъ, вручая себя его помощи и прося у него ослабленія; я молилъ его, чтобы онъ дарованною ему отъ Бога благодатною силою избавилъ меня отъ плотской брани и тѣмъ не попустилъ осквернить моему тѣлу, освященному для чистоты. Когда я въ печали забылся немного сномъ, мнѣ явился святый Апостолъ Петръ и коснулся своею десницею тайныхъ частей моего тѣла; отъ этого прикосновенія я ощутилъ сильную боль,—точно кто огнемъ ожегъ заболѣвшее мѣсто; я сильно застоналъ. Апостолъ же Петръ сказалъ мнѣ:

— Отселѣ ты не будешь болѣе испытывать плотской грѣховной брани.

Я тотчасъ пробудился отъ сна и нашелъ себя съ тѣмъ поврежденіемъ, какое вы уже видѣли.

Этотъ разсказъ святаго Меѳодія умилилъ его судей: они признали его неповиннымъ; женщину же ту они приказали подвергнуть наказанію, чтобы она сказала, кто научилъ ее оклеветать неповиннаго и чистаго архіерея Божія. И тотчасъ явились палачи, чтобы взять ее для мученій; она же, увидѣвши обнаженный мечъ, приготовленный огонь и острыя терновыя жезлы, сильно испугалась и, не доводя дѣло до казни, открыла истину: она назвала по имени всѣхъ, нанимавшихъ и учившихъ ее, сообщила и о большомъ количествѣ золота, полученномъ отъ наустителей, указала и мѣсто, гдѣ оно положено въ ея домѣ. Судьи послали въ домъ женщины заслуживающихъ довѣрія служителей; они отправились и дѣйствительно нашли на мѣстѣ, указанномъ женщиною, золото, которое и принесли судьямъ. Послѣдніе произнесли смертный приговоръ какъ надъ женщиною, такъ и надъ подучившими ее оклеветать святаго Меѳодія. Святѣйшій же Патріархъ, будучи по своему незлобію вѣрнымъ и истиннымъ послѣдователемъ Господа, не только не допустилъ до осуществленія смертнаго приговора, но освободилъ своихъ враговъ и отъ предстоящихъ имъ ранъ. Онъ наложилъ на нихъ одно только наказаніе: чтобы они во всѣ великіе праздники чинно съ возжженными свѣщами проходили отъ Влахернской[1]) церкви Пречистой Богородицы къ соборной церкви святой Софіи и здѣсь при вратахъ храма выслушивали анаѳему. Что и исполнялось. Тогда умолкли хульныя еретическія уста, и ересь иконоборная была совершенно уничтожена въ Царьградѣ благодатію Божіею, молитвою и неусыпнымъ радѣніемъ угодника Божія — Святѣйшаго Патріарха Меѳодія, который изъ причиненной ему незаслуженной напасти вышелъ съ еще бо́льшею славою. Врагамъ его не было дано того, чего проситъ у Бога Давидъ согрѣшающимъ: **испо́лни ли́ца и҃хъ безче́стїя и҃ взыщу́тъ и҃мене твоегѡ̀ гд҃и**[2]). Ослѣпленные злобою съ окаменѣлымъ сердцемъ они къ первымъ своимъ злымъ дѣламъ присоединили новые, не менѣе го́ршія. Вышепомянутый лжепатріархъ Іоаннъ — онъ же и Анній, виновникъ всѣхъ золъ — былъ посланъ на поклонъ въ одинъ мо-

[1]) *Влахерны*—мѣстность въ Царьградѣ.

[2]) Пс. **82**, ст. 17.

настырь; во время своего пребыванія тамъ, видя святыя иконы Христа Спасителя и Пречистой Богородицы и святыхъ Ангеловъ снова обновленныя благочестивыми ревнителями послѣ иконоборческаго разоренія, Анній приказалъ своему діакону тѣмъ святымъ иконамъ выколоть глаза. Діаконъ поступилъ согласно приказанію. Объ этомъ было возвѣщено благовѣрной царицѣ Ѳеодорѣ. Ревнуя по Христѣ, Богѣ, она повелѣла, было, выколоть глаза самому лжепатріарху, но потомъ, склоненная просьбами нѣкоторыхъ сенаторовъ, замѣнила первое наказаніе бичеваніемъ: царица приказала нанести двѣсти ударовъ твердыми бичами лжепатріарху, достойному безчисленныхъ мукъ и многихъ смертей; ибо онъ, во время своей власти многихъ православныхъ замучивъ до смерти и находясь даже въ заточеніи, не переставалъ наносить безчестіе святымъ иконамъ.

Святѣйшій же Патріархъ Меѳодій послѣ всѣхъ церковныхъ смутъ и послѣ многихъ злоключеній, перенесенныхъ имъ за икону Христову, остальное время своей жизни провелъ у кормила церковнаго въ мирѣ и тишинѣ, украшая патріаршій престолъ въ Царьградѣ своимъ ангеловиднымъ лицемъ и ангелоподобнымъ житіемъ, стадо словесныхъ Христовыхъ овецъ руководя къ истинѣ и насыщая на пажити богодухновенныхъ ученій. Подъ его вліяніемъ возрастало почитаніе святыхъ иконъ, въ которыхъ, собственно, чтились изображенныя на нихъ лица; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озаботился и о томъ, чтобы въ Царьградѣ и честны́мъ мощамъ угодниковъ Божіихъ снова по-прежнему воздавалась достойная ихъ честь; во дни владычества иконоборцевъ честны̀я мощи были поругаемы какъ и иконы,—на нихъ плевали, ихъ попирали ногами, влачили съ поруганіемъ по улицамъ, бросали въ болота и навозъ, иногда же уничтожали, предавая ихъ сожженію или потопленію; только тѣ мощи и сохранились нетронутыми, которыхъ рука благочестивыхъ поспѣшила укрыть въ землѣ отъ руки нечестивыхъ. Все это привело къ тому, что въ Царьградѣ исчезъ и самый слухъ о мощахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ; поэтому-то святитель Христовъ Меѳодій и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы снова обогатить Царьградъ честны́ми мощами и научить православныхъ достодолжному ихъ почитанію. Прежде всего онъ торжественно перенесъ съ мѣста первоначальнаго погребенія въ столицу мощи преподобнаго Ѳеодора Студита, пребывшія нетлѣнными и по истеченіи восемнадцати лѣтъ со

дня преставленія его къ Богу. Затѣмъ онъ перенесъ въ Царьградъ честныя мощи Патріарха Никифора, покоившіяся на мѣстѣ его заточенія; объ этомъ перенесеніи Патріархомъ Меѳодіемъ мощей своего господина, у котораго онъ былъ апокрисіаріемъ и который посылалъ его въ Римъ, подробно говорится подъ 13 числомъ мѣсяца марта. Наконецъ, онъ какъ драгоцѣнное сокровище готовилъ Церкви Цареградской въ нетлѣнныя мощи свое многотрудное, многострадальное и освященное чистотою тѣло: онъ уже приблизился къ своей кончинѣ, которую и самъ предвидѣлъ и о которой получилъ предсказаніе отъ преподобнаго Іоанникія. Предсказавъ ему вначалѣ патріаршество, онъ впослѣдствіи предсказалъ ему кончину. Оба они, одаренные отъ Духа Святаго прозорливостью, предвидѣли преставленіе другъ друга, какъ говорится объ этомъ въ житіи преподобнаго Іоанникія. Въ пятый годъ царствованія Михаила святый Патріархъ Меѳодій, провидя приближающееся отшествіе къ Господу преподобнаго Іоанникія, пришелъ къ нему со всѣмъ своимъ клиромъ, прося послѣдняго благословенія и молитвъ. Преподобный Іоанникій, достаточно побесѣдовавъ со святымъ Меѳодіемъ и поучивъ пришедшихъ съ нимъ православной вѣрѣ, предсказалъ Патріарху Меѳодію, что и онъ, по его кончинѣ, не замедлитъ перейти отъ временнаго въ вѣчное житіе; затѣмъ, послѣ молитвы и послѣдняго прощанія, они разстались. Патріархъ возвратился къ себѣ, а преподобный Іоанникій остался въ своей келліи, молясь и приготовляясь къ кончинѣ. На третій день по отбытіи Патріарха преподобный и богоносный отецъ нашъ Іоанникій отошелъ ко Господу (4 ноября); черезъ семь мѣсяцевъ, іюня, 14-го дня почилъ о Господѣ и Святѣйшій Патріархъ Меѳодій[1]). Такъ сбылось пророчество преподобнаго Іоанникія, что Патріархъ не умедлитъ по его кончинѣ и самъ отойти въ вѣчность.

По преставленіи Святѣйшаго Меѳодія поднялись великій плачъ и рыданіе во всей Константинопольской Церкви, лишившейся столь великаго отца и всемірнаго свѣтильника; онъ былъ погребенъ съ честью, подобающею столь высокому по жизни и служенію архіерею.—Святый Меѳодій пасъ Церковь Христову

---

1) Скончался въ 847 году; правилъ Церковію 4 года и 3 мѣсяца съ лишкомъ. Святый Меѳодій составилъ правила для обращающихся къ вѣрѣ, которые приняты Церковію въ руководство; три Чина касательно браковъ, Покаянныя правила и нѣсколько церковныхъ пѣсней; послѣ св. Меѳодія осталось нѣсколько пастырскихъ поученій.

четыре года и три мѣсяца и затѣмъ прешелъ въ жизнь неоскудѣвающую временемъ; причтенный къ лику святыхъ іерарховъ онъ предсталъ Пастыреначальнику и великому Архіерею, Небеса прошедшему, Господу нашему Іисусу Христу, всѣми святыми славимому Богу; Ему же и отъ насъ, грѣшныхъ, да будетъ честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кондакъ, гласъ ѳ:

На земли подвизался єси ꙗкѡ безплотный, и небесá наслѣдовалъ єси медодіе, ꙗкѡ йзмнйвый въ концѣхъ їкѡнъ поклонéніе: въ трудѣхъ бо и болѣзнехъ вáпше пребы́къ, не престáлъ єси дерзновéніемъ ѡбличáя ѿметáющымсѧ їкѡны хр҃тѡвы.

Въ тотъ же день **обретеніе мощей священномученика Владиміра—митрополита** Кіевскаго и Галицкаго (житіе его см.: январь, приложенія).

День пятнадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ПРОРОКА

АМОСА

Святый Пророкъ Амосъ, уроженецъ города Θекуи, находившагося въ землѣ Іудовой недалеко отъ Виѳлеема, происходилъ изъ семьи незнатной и небогатой: дни свои онъ проводилъ, пася стада. Господь же, призирающій не на богатыхъ и сильныхъ, но—на смиренныхъ и нищихъ, взялъ его, какъ Моисея и Давида, отъ пастушескихъ стадъ на пророческое служеніе[1]). Онъ повелѣлъ ему покинуть землю Іудову и идти въ землю Израилеву, чтобы тамъ пророческой проповѣдью склонить къ покаянію людей, развратившихся идолопоклонствомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что (по смерти Соломона[2]) Іеровоамъ[3]) вмѣстѣ съ десятью колѣнами Израильскими отторгся отъ сына Соломонова Ровоама[4]), царствовавшаго въ Іерусалимѣ: изъ отложившихся колѣнъ образовалось особое царство Израильское, первымъ царемъ коего и

---

1) См.: Кн. Исходъ, гл. 3; 1 Кн. Царствъ, гл. 16.

2) † 954 г. до Р. Хр.

3) 953—931 гг. до Р. Хр.

4) 954—937 гг. до Р. Хр.

былъ Іеровоамъ[1]). Отъ дней сего Іеровоама Израильтяне, отпавъ отъ истиннаго Богопочитанія, поклонялись идоламъ. Іеровоамъ, стремясь упрочить свою власть надъ Израильтянами и опасаясь, какъ бы они, ходя на праздники въ Іерусалимъ ко храму, снова не присоединились къ Іудейскому царю, его свергнувъ и убивъ, сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ,—онъ зналъ наклонность своихъ подданныхъ къ идолопоклонству: еще предки ихъ, придя изъ Египта сквозь Чермное море въ пустыню, вылили себѣ изъ золотыхъ серегъ тельца[2]). Сдѣлавъ помянутыхъ золотыхъ тельцовъ, Іеровоамъ одного изъ нихъ поставилъ въ Данѣ, а другого — въ Веѳилѣ, городахъ своей области; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣлъ Израильтянамъ не ходить въ Іерусалимъ, но поклоняться и приносить жертвы золотымъ тельцамъ, отправляя въ честь ихъ торжественныя празднества, при этомъ царь говорилъ народу:

— Вотъ боги твои, Израиль, выведшіе тебя изъ Египта[3]).

Такъ развратилъ Іеровоамъ Израильтянъ. И хотя Господь посылалъ Израильтянамъ Своихъ святыхъ Пророковъ для ихъ обличенія и возвращенія на правый путь, но изъ нихъ лишь немногіе исправлялись и возвращались къ Истинному Богу; нѣкоторые же поклонялись и Истинному Богу, и золотымъ тельцамъ. Въ числѣ этихъ Пророковъ Господь послалъ со страшными пресценіями и раба Своего, святаго Амоса. Сей Пророкъ Божій былъ простъ и неискусенъ въ бесѣдѣ, но не разумомъ: ибо въ немъ дѣйствовалъ и говорилъ его устами Тотъ же Духъ Святый, Который (дѣйствовалъ) и во всѣхъ Пророкахъ. Свое пророческое служеніе святый Амосъ проходилъ во дни царя Іудейскаго Озіи[4]), столицею котораго былъ Іерусалимъ, и—царя Израильскаго Іеровоама, столица коего находилась въ Самаріи; но это не тотъ Іеровоамъ, который, отторгшись отъ скипетра Іудова, сдѣлалъ золотыхъ тельцовъ, а другой, позднѣйшій по годамъ[5]); впрочемъ, онъ, подобно своему, одноименному съ нимъ, предшественнику, былъ идолопоклонникъ, служившій золотымъ тельцамъ. Святый Амосъ и началъ пророчествовать во дни этихъ царей, за два года до страшнаго землетрясенія въ Палестинѣ, причина котораго, по

---

1) 3 Кн. Царствъ, гл. 12.
2) Кн. Исх., гл. 32.
3) 3 Кн. Царствъ, гл. 12, ст. 25—33.
4) 809—758 гг. до Р. Хр.
5) 789—737 гг. до Р. Хр.

Стый прро́къ
а҃мwсъ

сообщеніямъ древнихъ писателей, была слѣдующая: царь Іудейскій Озія, прозванный Азаріею[1]), по гордости своей осмѣлился войти во святилище храма и принести въ жертву ѳиміамъ на алтарѣ кадильномъ по чину священническому; когда же священники противились этому, онъ грозилъ имъ смертью, и въ то самое время началось страшное землетрясеніе въ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ, причемъ не только разрушились многія зданія, но даже и нѣкоторые горы сдвинулись со своихъ мѣстъ[2]), а крыша храма раздалась вверху, и чрезъ образовавшуюся трещину на лице царя упалъ солнечный лучъ, тотчасъ же за этимъ чело царя и весь онъ покрылись проказой. Такъ Господь не потерпѣлъ насилія надъ Своимъ алтаремъ и безчестія, наносимаго Его священникамъ.

Въ своихъ пророческихъ рѣчахъ, подробно изложенныхъ въ книгѣ его имени, святый Амосъ грозилъ страшными бѣдствіями, имѣющими придти отъ Бога не только на Израиля, но и на окрестныя страны, города и народы: Сирію, Филистимлянъ, Тиръ, Идумею, Аммонитянъ и Моавитянъ, особенно же Израильтянъ, ибо они, послѣ познанія Бога, отъ Него отступили. Господь не такъ сильно прогнѣвляется грѣхами невѣдущихъ Его язычниковъ, какъ грѣхами людей, познавшихъ Его и насладившихся Его благодѣяній. И какихъ благодѣяній не оказывалъ Господь неблагодарному израильскому народу?! Освободилъ отъ рабства въ Египтѣ, провелъ чрезъ море, какъ по суху, одождилъ взалкавшимъ въ пустынѣ манну, источилъ жаждавшимъ

[1]) Т. е. прокаженнымъ.

[2]) Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій († — II в. по Р. Хр.) между прочимъ сообщаетъ, что землетрясеніемъ на западѣ отъ храма была отторгнута половина горы, которая, катясь къ востоку на протяженіи 4 стадій, засыпала на своемъ пути царскіе сады.

изъ камня воду, изгналъ предъ ними народы и ввелъ ихъ въ Землю Обѣтованную, изобилующую медомъ и молокомъ. Они же въ честь золотыхъ идоловъ, изваянныхъ въ видѣ тельцовъ, совершали торжественныя празднества, восклицая: «Вотъ боги твои, Израиль!» Эти праздники отправлялись съ особенною пышностію и особенно часто въ Веѳилѣ, на высокой горѣ, гдѣ стоялъ золотой телецъ. Сюда, поэтому, святый Амосъ приходилъ наиболѣе часто и, возвысивъ голосъ къ народу, устрашалъ его грядущими наказаніями Божіими, умолялъ и увѣщевалъ оставить безбожіе, но мало кто слушалъ Пророка. Былъ тогда въ Веѳилѣ жрецъ, служившій помянутому тельцу; видя, что Пророкъ Божій Амосъ хулитъ идола, ругаясь жертвамъ, приносимымъ тельцу, и отвращая людей отъ скверныхъ празднествъ указаніемъ грознаго суда Божія надъ поклонявшимися, жрецъ клеветалъ на него царю Израилеву Іероваму:

— Амосъ, — доносилъ онъ, — производитъ возмущеніе противъ тебя среди дома Израилева; земля не можетъ терпѣть всѣхъ словъ его, ибо такъ говоритъ Амосъ: отъ меча умретъ Іероваамъ, а Израиль непремѣнно отведенъ будетъ плѣннымъ изъ земли своей.

Такимъ доносомъ жрецъ Амасія хотѣлъ возбудить гнѣвъ въ царѣ на Пророка Амоса, но царь мало обращалъ вниманія на слова жреца: хотя и идолопоклонникъ, онъ все же почиталъ Пророка Божія и не хотѣлъ ему досаждать. Жрецъ, убѣдившись, что онъ не можетъ возстановить царя противъ человѣка Божія, самъ началъ съ насиліемъ гнать его: неоднократно онъ билъ святаго Амоса и отгонялъ отъ Веѳиля, запрещая приходить на празднества въ честь золотого тельца и отвращать народъ отъ праздничныхъ жертвъ и веселія: святый же Пророкъ пренебрегалъ запрещеніями жреца и ранами, получаемыми отъ него; онъ снова приходилъ въ Веѳиль и снова обращался къ народу съ пророческимъ учительнымъ и увѣщательнымъ словомъ, и снова жрецъ схватывалъ его и подвергалъ побоямъ. Однажды лукавый жрецъ съ мольбою сказалъ святому Амосу:

— Провидецъ! Пойди и удались въ землю Іудину; тамъ ѣшь хлѣбъ и тамъ пророчествуй, а въ Веѳилѣ больше не пророчествуй, ибо онъ — святыня царя и домъ царскій.

И отвѣчалъ Амосъ, и сказалъ Амасіи:

— Я — не Пророкъ и не сынъ Пророка; я былъ пастухъ и

собиралъ сикоморы [1]). Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ мнѣ: иди, пророчествуй къ народу моему Израилю. Теперь выслушай слово Господне. Ты говоришь: не пророчествуй на Израиля и не произноси словъ на домъ Исааковъ. За это вотъ что говоритъ Господь: когда придутъ Ассиріяне въ землю Израилеву,—плѣнятъ и опустошатъ ее, разорятъ города ея и возьмутъ городъ сей, тогда предъ твоими глазами безстыдные воины осквернятъ блудомъ жену твою, ибо и ты содѣйствовалъ заблужденію Израиля предъ всевидящими очами Божіими и поучалъ людей сихъ совершать нечистыя дѣла въ скверномъ храмѣ золотого тельца, твоего бога; сыновья и дочери твои умрутъ предъ тобою отъ оружія, и самъ ты скончаешься въ землѣ языческой; Израиль же будетъ отведенъ въ плѣнъ изъ земли своей [2]).

Эти слова святаго Амоса возбудили въ жрецѣ сильнѣйшій гнѣвъ, и онъ началъ бить безъ пощады Пророка Божія; наконецъ, сынъ жреца свирѣпый Озія въ ярости ударилъ изо всѣхъ силъ святаго Амоса между бровей тяжелою дубиною и ранилъ смертельно. Но онъ не умеръ тотчасъ: еле живаго его отвезли въ землю Іудову, гдѣ послѣ нѣсколькихъ дней онъ и скончался [3]) на родинѣ, въ городѣ Θекуи; здѣсь же онъ былъ и погребенъ съ отцами своими. Желающій увѣдать пророчества святаго Амоса, можетъ найти ихъ въ его книгѣ; мы же Бога, его вразумившаго, славимъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кондакъ, гласъ д̃:

Очи́стивъ дх҃омъ, пр҃ро́че, тво҃е свѣтозарное се́рдце, сла́вный а҃мо́се, проро́чествїи да́ръ свы́ше прїе́мь, возопи́лъ е҃сѝ велегла́сно во страна́хъ: сѐ бг҃ъ на́шъ, и҃ не приложи́тсѧ и҃нъ къ немꙋ̀.

---

[1]) *Сикоморы*, или *сикоморъ*,—смоковничное дерево, по плодамъ принадлежащее къ смоковничьимъ низшаго сорта.

[2]) Сравн: Кн. прор. Амоса, гл. 7, ст. 12—17.

[3]) Около 783 г. до Р. Хр.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ДУЛЫ

Въ то время, какъ сыны діавола служили ему, и идолопоклонническое волшебство и заблужденіе все болѣе и болѣе усиливались, — въ правленіе Киликіею [1]) игемона Максима, предъ этимъ правителемъ осужденъ былъ нѣкій рабъ Христовъ, по имени Дула [2]),—мужъ той же Киликійской области. Онъ былъ человѣкомъ праведнымъ и богобоящимся и, по всенародному свидѣтельству, старался вести жизнь добродѣтельную и во всемъ соблюдать правду.

Однажды игемону донесено было, что Дула — исповѣдникъ Христовой вѣры, и послѣ того рабъ Христовъ былъ тотчасъ же ввержень въ темницу; при этомъ нотарій [3]) сказалъ игемону:

— Правитель, согласно твоему приказанію, военачальники твои обошли всю Киликійскую страну до самыхъ зефиритскихъ городовъ [4]) и за это время захватили нѣкоего послѣдователя нечестивой христіанской вѣры, и вотъ его-то и представили мы теперь праведному и пресвѣтлому суду твоему.

На это игемонъ сказалъ:

— Когда я буду самъ обходить эти города, то прикажу узниковъ, находящихся теперь въ темницахъ, вести за собою и за это время, по дорогѣ, на нарочно устроенныхъ для того мѣстахъ и буду мучить ихъ.

И вотъ вскорѣ послѣ того онъ отправился въ одинъ изъ городовъ зефиритской страны, называемый Преторіада [5]); здѣсь

---

1) *Киликія*—въ древности юго-восточная область Малой Азіи, получившая, вѣроятно, свое названіе отъ семитическаго племени *Киликовъ* и своимъ плодородіемъ рано привлекавшая греческихъ поселенцевъ.

2) Δοῦλος, по-греч. значитъ *рабъ*.

3) *Нотарій*—чиновникъ, на обязанности котораго, между прочимъ, было слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ въ судахъ; а младшіе нотаріи вели переписку по такимъ дѣламъ.

4) Т. е. до самаго округа киликійскаго приморскаго города Зефиріи.

5) *Преторіада*—собственно одно изъ мѣстечекъ Киликіи, недалеко отъ города Зефиріи.

Стый мчнкъ
Дула

игемонъ, сѣдши на судилищное мѣсто, прежде всего приказалъ представить ему блаженнаго Дулу. Рабъ Христовъ, идя на истязаніе, такъ молился Господу:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, источникъ всякой милости,— Ты нѣкогда сказалъ чрезъ Пророка Своего Давида: **разширѝ оу҃ста̀ твоѧ̀, и҆ и҆спо́лню ѧ̀**[1]); да и въ Евангеліи Своемъ Ты говоришь: **не пецы́тесѧ, ка́кw и҆лѝ что́ возглаго́лете**[2]), — итакъ, пошли Ангела Твоего святаго и дай мнѣ слово, когда я буду говорить, дабы, представъ предъ нечестивѣйшимъ Максимомъ, я могъ обличить его нечестіе. А если мнѣ придется пострадать, я не устрашусь мученій, ибо буду имѣть Тебя предъ очами своими и съ охотою предамъ тѣло свое на истязаніе: вѣдь если я не предамъ тѣла своего на сожженіе, то какихъ благъ могу сподобиться? Какой вѣнецъ воспріиму? И какія тогда я могу показать Тебѣ, Господу моему, язвы, чтобы Ты, видя ихъ, явилъ на мнѣ милость Твою и подалъ прощеніе прегрѣшеніямъ моимъ?

Когда Дула такъ молился, воины совлекли съ него верхнюю одежду и связаннымъ представили игемону.

И сказалъ ему игемонъ Максимъ:

— Скажи мнѣ, какъ ты прозываешься?

Святый отвѣтилъ:

— Я — рабъ Христовъ.

На это игемонъ возразилъ:

— Скажи намъ настоящее твое имя, а не христіанское: это имя тебѣ не можетъ принести никакого оправданія и облегченія.

Тогда блаженный Дула сказалъ:

---

1) Псал. **80**, ст. 11.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 19.

— Развѣ я не ясно называю свое имя предъ тобою? Истинное мое имя—христіанинъ; то же имя мое, которымъ называютъ меня люди, есть Дула,—и я такъ называюсь потому, что поистинѣ есть рабъ Христа.

На это игемонъ произнесъ:

— Ты еще не испыталъ страха предъ судилищемъ и всякихъ мукъ, потому такъ дерзко и говоришь съ нами. Итакъ, скажи намъ: изъ какой ты страны, изъ какого селенія и рода?

Святый отвѣчалъ:

— Родомъ я изъ сей Киликійской области, изъ зефиритскаго города—Преторіады; происхожу изъ знатнаго рода и съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже считаюсь христіаниномъ.

Тогда игемонъ сказалъ:

— Если ты происходишь изъ славнаго рода, то долженъ повиноваться непобѣдимымъ царямъ; и потому иди теперь во храмъ и съ усердіемъ принеси тамъ жертву богамъ, и ты тогда—и отъ насъ будешь вознесенъ, и отъ великихъ царей получишь великую и преславную почесть.

Святый на это отвѣтилъ:

— Ваши почести и вся власть, какою надѣляютъ людей цари, пусть останутся при васъ и при всѣхъ тѣхъ, которые не почитаютъ Истиннаго Бога; отъ меня же да отвратитъ все это Господь Богъ мой, дабы мнѣ обогащаться не въ иномъ чемъ, какъ только въ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа.

Услышавъ эти слова блаженнаго, игемонъ повелѣлъ положить его на землю и бить желѣзными прутьями; при этомъ онъ сказалъ своимъ слугамъ:

— Убѣдите его оставить свое безуміе.

Святый же Дула, страдая отъ ударовъ, такъ взывалъ въ это время къ Господу:

— Благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобилъ меня претерпѣвать все это ради святаго Имени Твоего!

Услышавъ такія слова мученика, Максимъ сталъ укорять святаго Дулу и при этомъ такъ говорилъ ему:

— Какъ можетъ теперь помочь тебѣ Христосъ, когда ты весь изъязвленъ? Или еще этого ты не можешь понять, безумный человѣкъ?

Мученикъ на это отвѣтилъ:

— Не говорилъ ли учитель вѣры нашей, святый Апостолъ

Павелъ, что никто не можетъ увѣнчаться, **а҃ще не законнѡ мѹ́ченъ бѹ́детъ**? [1]).

Тогда игемонъ спросилъ его:

— Значитъ, мучимый сейчасъ,—ты послѣ сподобишься вѣнца?

Святый на это отвѣтилъ:

— Я нынѣ подвизаюсь противъ отца твоего діавола, и если я одержу побѣду надъ сатанинскою ратью, то есть надъ тобою, слугою демона, то воспріиму на Небесахъ нетлѣнный вѣнецъ.

Мучитель на это сказалъ:

— Зачѣмъ ты такъ безумствуешь, вѣря въ Человѣка, пригвожденнаго къ кресту?

На это святый Дула отвѣтилъ:

— Что лучше — вѣровать ли въ каменные и деревянные идолы, которые есть дѣло рукъ человѣческихъ, или въ живаго Богочеловѣка и въ Истиннаго Господа, Который по Своей волѣ за насъ былъ распятъ?

Тогда Максимъ сказалъ:

— О беззаконный! Развѣ ты думаешь, что великій богъ Аполлонъ [2]) есть дѣло рукъ человѣческихъ?

На это святый отвѣтилъ:

— Справедливо ты Аполлона назвалъ такимъ именемъ, ибо оно означаетъ—погубитель [3]): прилагая къ нему сердце свое, ты губишь душу свою, и не только свою, но и тѣхъ, кого заставляешь поклоняться ему; но знай, что пребывающій на Небесахъ Истинный Богъ взыщетъ отъ рукъ твоихъ души тѣхъ людей, которыхъ ты погубилъ, заставляя ихъ покланяться идоламъ. Каковъ же былъ нечестивый Аполлонъ,—объ этомъ я тебѣ сейчасъ разскажу: онъ былъ, какъ и ты теперь, невоздержанъ и объятъ нечистою любовію къ одной женѣ, по имени Дафна [4]); онъ ей давалъ много золота, но обѣщаннаго отъ нея не получилъ. Итакъ, я спрашиваю тебя: скажи мнѣ,—какой же онъ богъ, если, будучи охваченъ плотскою любовію, не могъ достигнуть расположенія у

---

[1]) 2 Посл. къ Тимоѳею, гл. **2**, ст. 5.

[2]) *Аполлонъ*, по греч. миѳологіи, богъ свѣта, и именно—солнечнаго свѣта, со всѣми его благодатными и вредными вліяніями.

[3]) Слово *Аполлонъ* происходитъ отъ греческаго глагола: ἀπόλλυμι, что значитъ: губить, умерщвлять.

[4]) *Дафна*, по греч. миѳологіи, — дочь рѣчного бога Ладона и Геи (земли), одновременно любимая и Аполлономъ, и Левкиппомъ. Послѣдній, переодѣтый дѣвушкой, слѣдовалъ за Дафною въ числѣ ея подругъ, но былъ убитъ Аполлономъ. Тогда мать Дафны, Гея, превратила ее въ лавровое дерево.

той женщины, которую весьма любилъ? Какъ же ты можешь въ чемъ-либо надѣяться на него? Поистинѣ все это, повѣствуемое между вами, достойно смѣха, а многое достойно даже и плача: въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, тому ли Аполлону ты поклоняешься какъ богу, котораго даже мерзкая и исполненная всякой нечистоты блудница вмѣняла за ничто и плевала на лицо его? Видишь ли, сколь достойны плача ваши нечестивыя дѣла!?

Услышавъ это, Максимъ сказалъ слугамъ, избивающимъ мученика:

— Поворотите его на спину и бейте по животу.

Тогда Аоанасій, начальникъ воинской стражи, сказалъ святому:

— Повинись правителю,—вѣдь развѣ ты не чувствуешь, какъ все тѣло твое покрывается ранами?

Святый на это сказалъ:

— Послушайся лучше меня, совѣтникъ діавола и слуга его, и лучше посовѣтуй самъ себѣ и игемону своему,—какъ бы поскорѣй убѣдить блудницу Дафну, чтобы она согласилась жить блудно съ богомъ вашимъ Аполлономъ и исполнить его желаніе, чтобы онъ, разжигаемый любовію и не получая исполненія своего желанія, не погибъ бы жестокою смертію; я же имѣю одного совѣтника—Господа нашего Іисуса Христа.

Тогда мучитель приказалъ принести желѣзную доску и сказалъ слугамъ:

— Раскалите ее посильнѣе на огнѣ и положите сюда этого хулителя нашихъ боговъ.

Блаженный, услышавъ это, сказалъ:

— Находящійся въ геенѣ твой Аполлонъ благодаритъ тебя за то, что ты еще болѣе усиливаешь тотъ геенискій огонь, въ какомъ онъ теперь страдаетъ; онъ воздастъ тебѣ за это тѣмъ, что и ты вмѣстѣ съ нимъ будешь низверженъ во тьму кромѣшную,—тогда и я посмѣюсь надъ тобою, нечестивый благодѣтель Аполлона.

Когда мучившіе блаженнаго, едва совсѣмъ не сжегши его, все-таки ничего не добились и не могли ни льстивымъ совѣтомъ обольстить раба Божьяго, ни муками убѣдить его оставить вѣру во Христа, тогда игемонъ приказалъ воинамъ отвести святаго, уже столь измученнаго, въ отдѣльное темничное помѣщеніе и оставить его тамъ совершенно одного, безъ всякаго ухода за нимъ,—и при этомъ добавилъ:

— Пусть никто изъ нечестивыхъ христіанъ не называетъ его блаженнымъ, ибо беззаконно надругавшись надъ нашими богами, онъ вотъ теперь подвергся великимъ мукамъ.

Но святый Дула пребывалъ въ той темницѣ, непрестанно славословя Бога и молясь,—да дастъ Онъ ему совершить добрый подвигъ мученичества.

По прошествіи пяти дней Максимъ, сѣдши снова на судилищное мѣсто, спросилъ:

— Живъ ли всезлобный послѣдователь нечестиваго христіанскаго мудрованія? Приведите его сюда!

Военачальникъ Аѳанасій на это отвѣтилъ:

— Онъ очень твердъ въ исповѣданіи своего ученія и притомъ такъ бодръ, что какъ будто не имѣетъ ни одной раны на тѣлѣ своемъ.

И при этомъ онъ повелѣлъ ввести мученика.

Игемонъ, увидѣвъ, что все тѣло святаго Дулы невредимо и что лице его сіяетъ, сказалъ воинамъ:

— О окаянные стражи! Не приказывалъ ли я вамъ,—чтобы вы не лѣчили его и не заботились объ немъ?

На это Пигасій, начальникъ нотаріевъ, отвѣтилъ:

— Клянемся величествомъ твоимъ, что, согласно твоему повелѣнію, мы содержали его въ внутреннѣйшей части темницы и что на шеѣ его все время висѣло желѣзное изображеніе Геркулеса[1]), тяжестію въ триста литръ[2]); какимъ же образомъ онъ теперь совершенно здоровъ,—этого никто изъ насъ не знаетъ.

Тогда святый мученикъ сказалъ:

— Безумный игемонъ! Это—Христосъ мой исцѣлилъ меня и далъ моему тѣлу здоровье и крѣпость для перенесенія даже и тѣхъ мукъ, которымъ ты сейчасъ снова подвергнешь меня; и это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы ты позналъ, что Богъ нашъ—есть Врачъ, Который дивнымъ образомъ исцѣляетъ уповающихъ на Него людей,—а также и для того, чтобы я принялъ сугубый вѣнецъ мученичества, а ты бы былъ подверженъ сугубой вѣчной мукѣ; вѣдь если бы ты ради своего Аполлона претерпѣлъ такія мученія,—развѣ тогда этотъ твой богъ могъ бы исцѣлить тебя такъ же, какъ исцѣлилъ меня мой Христосъ?

---

1) *Геркулесъ*, или *Ираклій*, *Гераклій*,—національный греч. герой, считался у древнихъ идеаломъ физической силы и мощи.

2) *Литръ*—равнялся нашимъ 72 золотникамъ. Слѣдовательно, на шеѣ мученика висѣла тяжесть болѣе, чѣмъ въ 5 пудовъ.

На это игемонъ, разъярившись, отвѣтилъ:

— Такъ какъ человѣкъ этотъ не перестаетъ со злобою хулить нашихъ боговъ, то налейте на голову его масла и зажгите его.

Мученикъ на это сказалъ:

— Если ты сожжешь мнѣ мозгъ, то чего этимъ достигнешь? Выдумай лучше иныя муки.

Игемонъ послѣ этого приказалъ вложить въ ноздри мученика множество горчичныхъ сѣмянъ.

Тогда святый Дула произнесъ:

— Смѣюсь и теперь надъ всѣми твоими истязаніями!

Послѣ этого игемонъ приказалъ слугамъ какъ можно сильнѣе бить святаго желѣзными когтями по хребту и при этомъ поливать его язвы крѣпкимъ уксусомъ и растирать острыми черепками.

Когда все это, по приказанію Максима, совершалось, святый страстотерпецъ такъ молился:

«Господи Іисусе Христе! Предстань мнѣ, рабу Твоему; вотъ, **на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы, продолжиша беззаконіе свое**»[1]).

Тогда игемонъ сказалъ ему:

— Хотя нынѣ убѣдись и исповѣдуй нашихъ боговъ!

Святый Дула на это отвѣтилъ:

— Боги твои, а особенно Афродита[2]) и Артемида[3]), да помогутъ тебѣ и злобѣ твоей; если же хочешь, я разскажу тебѣ и про другихъ твоихъ богинь и про все ихъ безстыдство.

Послѣ того игемонъ приказалъ слугамъ:

— Разбейте челюсти его, чтобы онъ не хулилъ боговъ, и, переломивъ голени, оставьте его такъ, дабы онъ не могъ и слова сказать.

На это святый мученикъ сказалъ:

— О пребеззаконнѣйшій игемонъ! За что ты меня бьешь, если я говорю тебѣ истину, что твоя Афродита и прочія богини проводили жизнь свою въ скверныхъ похотяхъ и блудодѣяніяхъ и даже въ спорѣ своемъ о томъ, кто изъ нихъ сладострастнѣе, однажды поставили надъ собой судьею какого-то пастуха Париса[4])?

---

[1]) Псал. **128**, ст. 3.

[2]) *Афродита,* греческое названіе *Венеры* —богини любви. Празднества въ честь ея, такъ назыв. Афродизіи, устраивались во многихъ мѣстахъ Греціи и Малой Азіи.

[3]) *Артемида*—по греч. миѳологіи дочь Зевса и Леты —была богиней свѣта и Луны, почему ей какъ богинѣ свѣта давали въ атрибуты лукъ и стрѣлы, а какъ богинѣ ночи—факелъ.

[4]) По греч. миѳологіи, родители Париса оставили его, еще ребенкомъ, на произволъ

И зачѣмъ ты гнѣваешься, когда тебѣ говорятъ о мерзостнѣйшихъ дѣлахъ скверныхъ богинь твоихъ? Только мой Богъ истиненъ: Онъ восхотѣлъ стать человѣкомъ и былъ распятъ на крестѣ, потомъ былъ погребенъ, черезъ три дня воскресъ и сѣлъ одесную Бога Отца, чтобы послѣ пріити со огнемъ,—дабы потребить всѣхъ твоихъ боговъ!

Услышавъ это, игемонъ сказалъ святому:

— Видишь ли, окаянный, и ты двухъ Боговъ имѣешь!

Блаженный на это отвѣтилъ:

— Не погрѣшай и не заблуждайся, говоря о двухъ Богахъ: Троично есть Божество, нами почитаемое.

Тогда сказалъ игемонъ:

— Итакъ, у васъ, значитъ, три Бога?

Мученикъ на это отвѣтилъ:

— Я исповѣдую и почитаю Троицу: вѣрую во Отца, исповѣдую Сына и поклоняюсь Святому Духу.

Послѣ этого игемонъ сказалъ:

— Повѣдай мнѣ, какъ ты вѣруешь въ одного Бога, а трехъ исповѣдуешь?

На это святый мученикъ отвѣтилъ такъ:

— Хотя ты и плотской человѣкъ и не разумѣешь того, *ꙗ҃же* есть *дх҃а бж҃їа*[1]), однако ради предстоящихъ людей я тебѣ отвѣчу на твой вопросъ. Какъ ты, будучи человѣкомъ, имѣешь слово и дыханіе, такъ и всесильный Богъ Отецъ имѣетъ Свое Слово и всесвятаго Духа Своего; Сей Богъ нашъ въ началѣ создалъ человѣка и почтилъ его Своимъ образомъ, вдохнувъ въ него духъ жизни, и поселилъ его въ раю; но когда сатана, исполняющій нынѣ чрезъ тебя свою волю, принудилъ человѣка къ преступленію заповѣди Божіей, какъ онъ и теперь чрезъ тебя это дѣлаетъ,—и такимъ образомъ отторгъ его отъ исполненія повелѣній Божіихъ,—тогда Богъ, желая возстановить погибшее созданіе рукъ Своихъ и привести его на путь истинный, послалъ на землю Сына Своего, то есть—Слово; итакъ, сіе Слово Божіе вселилось въ Пречистой Дѣвѣ и родилось отъ Нея:—чрезъ Него-то Богъ Отецъ и даровалъ спасеніе міру.

судьбы. Но его воспитали въ своей средѣ пастухи. Однажды къ нему пришли три богини—Афродита, Гера и Аѳина—и просили его разрѣшить ихъ споръ: кто изъ нихъ прекраснѣе. Парисъ нашелъ красивѣйшею изъ нихъ Афродиту.

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **2**, ст. 14.

Послѣ этого игемонъ спросилъ:

— Развѣ какое-либо слово рождаетъ человѣка?

Святый на это отвѣтилъ:

— Не разумѣешь ты тайнъ Божіихъ. Но если бы ты позналъ силу Всесильнаго Бога, то уразумѣлъ бы, что Тотъ, кто отъ персти создалъ человѣка и основалъ на водахъ землю, утвердилъ Небеса и сотворилъ все естество,—что Тотъ-то именно и есть Христосъ. Но такъ какъ естество человѣческое не можетъ зрѣть Божества, то поэтому милосердый Господь, изъ-за Своей любви къ роду человѣческому, сталъ человѣкомъ и принялъ на Себя человѣческое естество, дабы—какъ единымъ первозданнымъ человѣкомъ смерть вошла въ міръ, такъ чрезъ единаго Человѣка Господа нашего Іисуса Христа произошло бы воскресеніе мертвыхъ [1]).

Тогда игемонъ сказалъ:

— Что ты говоришь? Развѣ будетъ воскресеніе мертвыхъ?

На это святый мученикъ отвѣтилъ:

— Да, будетъ; иначе какъ же Богъ станетъ судить міръ, если мертвые не возстанутъ?

Максимъ сказалъ:

— Не хочу, чтобы ты мнѣ говорилъ эти лживыя слова; итакъ, повѣрь: какъ умремъ, такъ мертвыми и будемъ лежать.

— Ты это правду сказалъ,—отвѣтилъ мученикъ,—что вы мертвы, ибо вѣруете въ мертвыхъ идоловъ, и потому никогда не пріидете въ воскресеніе живота, но войдете лишь въ воскресеніе суда и вѣчной муки; но только подобаетъ всѣмъ людямъ предстать предъ судище Христово и дать отвѣтъ о всемъ содѣланномъ [2]).

Тогда мучитель повелѣлъ воинамъ связать мученика желѣзными оковами и держать его заключеннымъ въ темницѣ.

На другой день, рано утромъ, Максимъ снова повелѣлъ раба Божія Дулу представить на судъ, и когда онъ явился, онъ сказалъ ему:

— О нечестивый, какая тебѣ польза хулить нашихъ боговъ?

Блаженный на это ему отвѣтилъ:

— Я великую награду пріемлю отъ Бога моего, когда укоряю вашихъ боговъ; а тебя еще живымъ постигнетъ казнь Божія.

Тогда Максимъ, желая осквернить святаго жертвоприношеніемъ, сказалъ предстоящимъ слугамъ:

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 5, ст. 12.

[2]) 2 Посл. къ Корине., гл. 5, ст. 10.

— Вложите въ ротъ его жертвенное мясо и вино.

Послѣ этого блаженный сказалъ:

— Если ты и весь свой богомерзкій жертвенникъ измоешь и все это вольешь въ уста мои,—то и тогда нимало этимъ не осквернишь раба Божьяго.

На это мучитель воскликнулъ:

— Вотъ, смотри, окаянный человѣкъ, ты уже вкусилъ жертвеннаго отъ нашихъ алтарей!

Святый мученикъ на это отвѣтилъ:

— Все это нисколько не безчеститъ меня, мерзостный и безумный правитель.

Тогда игемонъ приказалъ повѣсить святаго на дерево и строгать его тѣло до внутренностей, челюсти же его вмѣстѣ съ подгортаніемъ оторвать совершенно.

Послѣ этого святый мученикъ сказалъ:

— Безумный, развѣ ты не знаешь, что отецъ твой сатана научилъ тебя сдѣлать это?

Когда тѣло мученика было изъязвлено до костей и челюсти были оторваны, игемонъ приказалъ снова посадить его въ темницу; потомъ, отправляясь въ Тарсъ Киликійскій[1]), Максимъ повелѣлъ вести за собою и узника. Когда они прошли около двадцати поприщъ[2]), святый мученикъ Дула, оградивъ себя знаменіемъ, предалъ Господу свою страдальческую душу, и его повезли уже мертвымъ. Когда же они были на четырнадцать поприщъ отъ Тарса, комментарисій[3]) возвѣстилъ игемону, что Дула, укорявшій безчестно боговъ, уже умеръ и тѣло его теперь везется уже мертвымъ:—что же съ нимъ дѣлать? Игемонъ приказалъ тѣло его бросить въ глубокій ровъ, чтобы оно осталось безъ погребенія. Воины же, взявши тѣло святаго, повергли его въ рѣку, текущую въ Зефиритскую страну. И когда тѣло приплыло къ нѣкоему селенію, отстоящему недалеко отъ города Преторіады, и лежало тамъ на берегу, собаки тамошнихъ пастуховъ почуяли тѣло святаго, и одинъ изъ псовъ, охраняя его, не допускалъ ни одной птицѣ коснуться тѣла мученика; другой же песъ, взявъ въ зубы пастушескую одежду, принесъ ее и покрылъ мощи мученика.

---

1) *Тарсъ*—главный городъ Киликіи, малоазійской области; въ христіанской Церкви особенно извѣстенъ какъ родина св. Апостола Павла (Дѣян., **22**, 3).

2) На наши мѣры поприще равно приблизительно 690 саженямъ.

3) *Комментарисій*—начальникъ надъ тюрьмами.

Увидѣвъ это, пастухи разсказали обо всемъ въ селеніи и городѣ, и тотчасъ же множество вѣрныхъ людей отправилось къ мощамъ святаго мученика и благочестно приняли ихъ, благодаря Бога, не лишившаго ихъ столь драгоцѣннаго сокровища. Взявъ благоговѣйно тѣло святаго мученика, они погребли его съ честію, славя Господа нашего Іисуса Христа, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ДУЛЫ СТРАСТОТЕРПЦА

Блаженный рабъ Божій Дула былъ монахомъ одной изъ киновій[1]) египетской страны. Во взглядѣ его всегда свѣтилось смиреніе и кротость, но по разуму онъ былъ великъ и славенъ. Сей угодникъ Божій, всѣми гонимый и злословимый, всегда радовался и веселился духомъ. Уничижавшихъ его онъ считалъ неповинными и молился за нихъ Богу,—чтобы Господь не поставилъ имъ этого во грѣхъ. Возлагая всю вину на діавола,—что это онъ смущаетъ братію, и съ мужествомъ вооружаясь на него, блаженный Дула терпѣніемъ, молитвою и незлобіемъ побѣждалъ всѣ козни его. Въ такомъ терпѣніи подвижникъ Божій пробылъ двадцать лѣтъ, непоколебимо питая въ сердцѣ своемъ кротость и смиреніе.

Діаволъ же, не зная, чѣмъ бы, наконецъ, озлобить блаженнаго, распространилъ на него такую коварную ложь — причемъ въ этомъ случаѣ онъ напалъ не только на преподобнаго Дулу, но и на всю братію, опечаливъ и смутивъ, такимъ образомъ, всѣхъ безмолвниковъ; —именно: онъ научилъ одного брата, не имѣющаго страха Божія, проникнуть тайно въ церковь и украсть тамъ всѣ церковные сосуды. Сдѣлавъ все это, монахъ тотъ скрылъ украденное и затворился въ келліи своей, какъ бы никуда предъ этимъ не выходя.

---

1) *Киновія*—(происходитъ отъ греч. κοινός—общій и βίος—жизнь) общее названіе всѣхъ общежительныхъ монастырей, т. е.—тѣхъ, гдѣ братія не только столъ, но и все необходимое вообще для жизни получаютъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, а съ своей стороны весь свой трудъ и плату за него представляютъ на общую потребу монастыря.

Когда же настало время утренней службы, параекклисіархъ[1]), войдя въ церковь, чтобы возжечь панникадила, увидѣлъ, что украдены всѣ церковные сосуды; онъ тотчасъ же пошелъ и повѣдалъ объ этомъ аввѣ[2]). Потомъ по обычаю онъ ударилъ въ било[3]), и всѣ братія собрались въ церковь на утреннее пѣніе.

По окончаніи Утрени авва и параекклисіархъ возвѣстили братіи, что сосуды украдены,—и всѣ были сильно этимъ возмущены. Случилось же, что въ то время по болѣзни блаженный Дула не пришелъ на утреннее правило; и сказали нѣкоторые изъ братіи:

— Никто не могъ ихъ украсть, кромѣ брата Дулы, который оттого, должно быть, и не пришелъ въ церковь; если бы не онъ совершилъ эту кражу, то пришелъ бы къ Полунощницѣ раньше всѣхъ, какъ это онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать всегда.

И послали привести его въ храмъ; посланные отправившись нашли его, хотя и больнымъ, но все же стоящимъ на молитвѣ; схвативъ блаженнаго, они силою повлекли его въ церковь. Тогда святый Дула спросилъ ихъ:

— Что это значитъ, братія? И почему вы влечете меня насильно, когда я и добровольно могъ бы пойти къ святымъ отцамъ?

Они же, порицая его хульными и безчестными словами, сказали:

— Недостойный жизни богохульникъ, не достаточно ли тебѣ столько лѣтъ смущать насъ, а теперь ты надругался даже и надъ душами нашими.

Онъ же сказалъ имъ на это:

— Простите меня, братія, если я согрѣшилъ предъ вами.

Потомъ привели его къ аввѣ и ко всему собору отцевъ, состарившихся въ постничествѣ, и сказали:

— Вотъ человѣкъ — съ самаго начала смущающій насъ и нарушающій правила нашего общежитія.

И началъ каждый клеветать на него.

Одинъ говорилъ:

— Я видѣлъ его тайно ядущимъ зелень.

---

[1]) *Параекклисіархъ* — попомарь, зажигающій въ церкви свѣтильники.

[2]) *Авва*—отецъ; такъ на Востокѣ называли настоятелей общежительныхъ монастырей.

[3]) *Било* (отъ слова бить)—деревянная или металлическая доска, въ которую ударяютъ или бьютъ, чтобы звукомъ или стукомъ созывать вѣрующихъ во храмъ на Богослуженіе. У насъ била замѣнены колоколами, но въ Греціи они существуютъ до сихъ поръ, особенно тамъ, гдѣ много Турокъ, которые не допускаютъ употребленія колоколовъ.

А другой:

— Я видѣлъ его крадущимъ хлѣбъ и раздающимъ его внѣ монастыря.

Иной же такъ клеветалъ на него:

— Я видѣлъ его тайно пьющимъ дорогое вино.

Также и прочіе ложно наговаривали на него что-нибудь порочное.

Слыша все это, авва и находившіеся съ нимъ отцы повѣрили клеветамъ и спрашивали неповиннаго Дулу,—правда ли все то, что̀ говорятъ о немъ, и особенно разспрашивали его о покражѣ, именно—гдѣ онъ спряталъ тѣ церковные сосуды, какіе укралъ.

Святый же Дула, оправдываясь, сначала утверждалъ, что онъ въ этомъ ни въ чемъ не повиненъ; а потомъ, увидѣвъ, что ему не вѣрятъ, замолчалъ и только произносилъ:

— Простите меня, отцы святые, я грѣшенъ.

Тогда авва повелѣлъ совлечь съ него монашескія одежды и облечь его въ мірское одѣяніе; и при этомъ сказалъ:

— Такія дѣла не достойны монашескаго чина.

Когда же съ блаженнаго Дулы совлекли иноческое одѣяніе, онъ горько зарыдалъ и, воззрѣвъ на Небо, громко произнесъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, ради Твоего святаго Имени я облекся во образъ сей, но нынѣ по грѣхамъ моимъ онъ совлеченъ съ меня.

Послѣ этого авва приказалъ заключить угодника Божія въ оковы и передать его эконому; эконом же, обнаживъ тѣло его, сталъ сильно бить святаго воловьими жилами, спрашивая его,—вѣрно ли все то, что̀ говорятъ о немъ относительно покражи?

Дула же, хоть и со слезами на глазахъ, но по невинности своей по-прежнему улыбаясь, проговорилъ:

— Простите, согрѣшилъ я.

Тогда экономъ, видя его улыбающимся и произносящимъ такія слова, еще больше разсердился на него: онъ посадилъ его въ темницу и ноги забилъ въ колоды; и написалъ также письмо къ городскому правителю, возвѣщая его о покражѣ и о братѣ Дулѣ,—и тотчасъ же отправилъ ему это письмо.

Городской правитель, прочтя письмо, немедленно послалъ своихъ грубыхъ слугъ, чтобы они привели Дулу какъ вора. И воины, схвативъ раба Божія, посадили его на неосѣдланное животное и,

возложивъ на шею его желѣзныя тяжести, повезли съ позоромъ среди города.

Прп҃бный
дꙋ́ла

Когда блаженнаго Дулу привели на судъ, городской правитель спросилъ его:

— Откуда ты, какъ называешься и почему сталъ монахомъ; какъ укралъ церковные сосуды и куда скрылъ ихъ?

Страстотерпецъ же Христовъ на всѣ эти вопросы правителя ничего иного не отвѣчалъ, какъ только одно:

— Согрѣшилъ, простите.

Тогда правитель, разгнѣвавшись, приказалъ положить святаго обнаженнымъ на землю, а четыремъ своимъ слугамъ повелѣлъ нещадно бить его воловьими жилами.

Въ то время, какъ блаженнаго Дулу долгое время безъ всякаго состраданія такъ били, онъ наконецъ съ улыбающимся лицемъ сказалъ городскому старшинѣ:

— Бей меня, бей,—и ты сдѣлаешь украденное серебро мое болѣе чистымъ.

На это правитель сказалъ ему:

— Безумный, я на тѣлѣ твоемъ и на ребрахъ твоихъ сдѣлаю тебѣ серебро болѣе чистымъ, чѣмъ даже снѣгъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ подсыпать подъ чрево его разожженные угли, а на раны возливать уксусъ, смѣшанный съ солью.

Даже предстоящіе удивлялись такому терпѣнію блаженнаго и говорили ему:

— Скажи, гдѣ скрылъ священные сосуды, и ты будешь освобожденъ.

Мученикъ же Христовъ на это отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ ни серебра, ни пропавшихъ сосудовъ.

Потомъ правитель, освободивъ святаго отъ истязаній, приказалъ отвести его въ темницу.

На другое утро этотъ старѣйшина города послалъ въ лавру [1]), приказывая, чтобы къ нему вмѣстѣ со всѣми монахами пришелъ и ихъ настоятель; и они на другой день, собравшись всѣ вмѣстѣ, пришли къ правителю.

И сказалъ онъ имъ:

— Многимъ, различнымъ и тяжкимъ мученіямъ подвергъ я вашего брата, котораго вы обвиняете въ покражѣ, и ничего худого не нашелъ въ немъ.

Монахи на это сказали ему:

— Господинъ правитель, кромѣ покражи, этотъ нечестивецъ много и другого зла сдѣлалъ, но мы до сихъ поръ, Бога ради, терпѣли его, ожидая, что онъ отвратится отъ своего порока, но онъ впалъ въ еще худшее.

Тогда городской правитель сказалъ имъ:

— Что же мнѣ сдѣлать съ нимъ?

Монахи отвѣчали:

— Сдѣлай съ нимъ, что повелѣваютъ законы.

— Законъ нашъ,—сказалъ имъ на это начальникъ города,—повелѣваетъ святотатцу отсѣкать руки.

Монахи на это проговорили:

— Да постраждетъ онъ по закону и да получитъ наказаніе по дѣламъ своимъ.

Тогда правитель повелѣлъ привести страстотерпца и сталъ предъ всѣми такъ допрашивать его:

— Окаянный и ожесточенный человѣкъ,—началъ онъ,—скажи намъ правду относительно покражи, въ которой ты обвиняешься, и ты освободишься отъ смерти.

На это неповинный Дула отвѣтилъ:

— Хочешь ли, правитель, чтобы я сказалъ на себя то, чего не дѣлалъ? Не хочу лгать на себя, ибо всякая ложь отъ діавола.

И потомъ продолжалъ:

— Въ томъ, о чемъ ты меня нынѣ допрашиваешь, я считаю себя совершенно не виновнымъ.

Тогда правитель, видя, что блаженный не признаетъ себя ни

---

[1]) *Лавра*—собственно часть города, обнесенная стѣною. Но еще съ самаго древняго времени названіе это примѣнялось къ многолюднымъ и важнымъ монастырямъ. Впервые лаврами такіе монастыри стали называться въ Палестинѣ, гдѣ монахи вынуждены были собираться въ возможно большемъ числѣ и огораживать свои жилища стѣнами - изъ опасенія нападеній со стороны разныхъ кочевниковъ и особенно бедуиновъ.

въ чемъ виновнымъ, а монахи требуютъ, чтобы его судили по закону, приказалъ отсѣчь ему руки.

Послѣ того неповиннаго старца Дулу повели на мѣсто, гдѣ казнили осужденныхъ.

Въ это время тотъ монахъ, который былъ на самомъ дѣлѣ виновникомъ кражи и похитителемъ священныхъ сосудовъ, пришелъ въ умиленіе и сказалъ самъ себѣ:

— Какъ бы теперь или послѣ не найдено было все, украденное мною? Да если теперь и утаится это злое дѣло мое, то вѣдь въ день праведнаго Суда Божія оно обличится; тогда что сдѣлаю я, окаянный? Какой отвѣтъ дамъ объ этомъ сугубомъ грѣхѣ,—что и сосуды укралъ, и неповиннаго брата подвергъ мукамъ?

И пошелъ онъ поспѣшно къ настоятелю лавры и сказалъ:

— Авва, пошли поскорѣй въ городъ къ правителю, чтобы не усѣкали руки брату и чтобы онъ не умеръ отъ страданій, ибо священные сосуды нашлись.

И тотчасъ же авва послалъ къ правителю, и страстотерпецъ былъ отпущенъ — еще раньше совершенія казни.

Когда онъ приведенъ былъ въ лавру, явно открылась его невинность, и всѣмъ стало ясно, что покража—дѣло другого монаха; и начали братія припадать къ преподобному Дулѣ, умоляя его:

— Прости, ибо мы согрѣшили предъ тобою.

Онъ же, плача, такъ говорилъ имъ на это:

— Простите меня, отцы и братія; я великое воздаю вамъ благодареніе, что ради маловременныхъ страданій, какія вы мнѣ причинили, я избавлюсь вѣчныхъ мукъ и что по милосердію Божію буду сподобленъ великихъ благъ; да и всегда, слыша вапи неправды и укоризны на себя, я радовался духомъ, надѣясь тѣмъ избавиться великаго позора за свои грѣхи, когда придетъ Господь во славѣ Своей и объявитъ совѣты сердечные; всего же болѣе я нынѣ радуюсь тому, что пострадалъ неповинно: ибо я знаю, какія блага уготовалъ Богъ претерпѣвающимъ ради Него страданія; единственная моя печаль—это о васъ: да не поставится вамъ Господомъ во грѣхъ то, что вы такъ несправедливо поступили со мною, и я теперь молю благоутробнаго Бога только о томъ, чтобы Онъ подалъ вамъ прощеніе.

Послѣ этого преподобный Дула, проживъ еще три дня, отошелъ ко Господу, но никто не зналъ объ его кончинѣ. Братъ,

который былъ поставленъ будить иноковъ на полуночную молитву, подошелъ однажды къ двери келліи преподобнаго, но, толкнувъ ее, не получилъ отвѣта. Толкнувъ же второй и третій разъ и опять не получивъ отвѣта, онъ пошелъ и призвалъ другого брата; принеся съ собою свѣчу, они открыли дверь и, войдя въ келлію, нашли преподобнаго стоящимъ на колѣняхъ: онъ какъ будто творилъ поклоны, но душею отошелъ уже къ Богу, ибо въ молитвѣ и колѣнопреклоненіи предалъ духъ свой Господу.

Не осмѣливаясь прикоснуться къ нему, эти два брата оставили его такъ стоящимъ и, отправившись, возвѣстили отцу лавры, что братъ Дула преставился. По окончаніи утренняго пѣнія пришелъ самъ настоятель и, увидѣвъ блаженнаго мертвымъ, приказалъ опрятать тѣло его и для погребенія принести къ церкви.

Когда честно́е тѣло его было приготовлено къ погребенію и принесено къ церкви, ударили въ било,—дабы всѣ иноки знали о кончинѣ ихъ брата, и собрались всѣ и прикасались къ честно́му тѣлу святаго какъ къ мученическому. Настоятель въ это время послалъ въ сосѣднюю лавру, чтобы авва и того монастыря пришелъ съ своею братіею и всѣ бы со славою погребли неповинно пострадавшаго брата.

Иноки, тѣснясь къ умершему, мѣшали и толкали другъ друга;—поэтому настоятель монастыря вскорѣ велѣлъ внести тѣло блаженнаго во храмъ и запереть двери его, ожидая, пока не придетъ вмѣстѣ со своими иноками авва другого монастыря, и такимъ образомъ соберутся монахи обѣихъ лавръ.

Около девятаго часа, когда авва сосѣдняго монастыря уже пришелъ со своими иноками и такимъ образомъ всѣ собрались,—приказали отпереть храмъ и поставить тѣло среди собора, чтобъ всѣ видѣли его и чтобъ можно было предать тѣло честно́му погребенію съ подобающими пѣснями. Но когда подошли къ тѣлу, то не нашли его: остались одни только одежды и сандаліи[1]),—и всѣ очень удивились и исполнились ужаса. Потомъ настоятели обѣихъ лавръ сказали братіи:

— Видите ли, братія, что могутъ сдѣлать долготерпѣливое страданіе, кротость, незлобіе и смиреніе;—вотъ нынѣ братъ нашъ

[1]) *Сандаліи*—родъ обуви у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Дѣлались онѣ изъ войлока, кожи, пробки и даже дерева и были похожи на наши туфли; но отличительною особенностію ихъ была ременная перетяжка, которая обхватывала ступню поперекъ ножныхъ пальцевъ; къ ней прикрѣплялся ремень, проходившій между большимъ и вторымъ пальцами.

не только душею, но и тѣломъ отошелъ отъ насъ, будучи невидимо, ангельскими руками, перенесенъ въ иное мѣсто, ибо мы оказались недостойными прикасаться къ его святому тѣлу. И сей чести онъ сподобился отъ Господа ради долготерпѣливаго страданія своего, какое онъ переносилъ съ кротостію и незлобіемъ, во смиреніи сердца; мы считали его грѣшникомъ и недостойнымъ жить на землѣ, онъ же оказался святымъ и достойнымъ небесной жизни съ Ангелами; и теперь мы посрамлены, онъ же — прославился, мы нынѣ уничижены, а онъ вѣнчается Христомъ Господомъ. Итакъ, постараемся научиться терпѣнію и смиренію, кротости и незлобію, имѣя предъ собою образъ сего долготерпѣливаго страдальца.

Когда настоятели обѣихъ лавръ говорили это, всѣ иноки горько плакали и здѣсь же постановили ежегодно совершать память святому и преподобному страстотерпцу Дулѣ,—на пользу душамъ своимъ, во славу же Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВИТА, МОДЕСТА и КРИСКЕНТІИ

Въ царствованіе императора Діоклетіана[1]) при игемонѣ Валеріанѣ, преслѣдовавшемъ христіанъ, въ Сициліи проживалъ двѣнадцатилѣтній отрокъ, по имени Витъ, сынъ знатнаго и богатаго гражданина Гиласа. Этотъ Гиласъ придерживался еллинскаго нечестія; сынъ же его, блаженный Витъ, будучи просвѣщенъ свыше чудодѣйственною благодатію Духа Святаго, въ отроческихъ годахъ своихъ позналъ Единаго Истиннаго Бога, сотворившаго Небо и землю; увѣровавъ въ Него, онъ постоянно, днемъ и ночью, молился Ему, облекшись во власяницу. Юный отрокъ сподобился услышать Божественный Гласъ, изрекшій свыше:

— Твоя молитва услышана! Я явлю на тебѣ милость Мою!

Послѣ того чуднаго Гласа отроку была дарована отъ Бога сила творить чудеса. И исцѣлялъ онъ недуги людскія, увѣщевалъ

[1]) *Императоръ Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

невѣрныхъ познать Истиннаго Бога и научалъ всѣхъ пути правому. Ибо Всемогущій Богъ восхотѣлъ совершить Себѣ хвалу устами и дѣлами сего отрока для посрамленія идолопоклонническаго нечестія. Господь даровалъ Виту необычайное разумѣніе и даръ чудотворенія, дабы еще въ отроческихъ лѣтахъ блаженный былъ мужемъ, сильнымъ въ словѣ и дѣлѣ, и дабы черезъ это прославился Богъ, дивный во святыхъ Своихъ.

Когда игемонъ Валеріанъ, вслѣдствіе наговоровъ и клеветъ многихъ язычниковъ, узналъ о семъ святомъ отрокѣ, то, призвавъ отца Вита къ себѣ, сказалъ ему:

— Что это? Я слышу, что сынъ твой поклоняется Тому Самому Богу, Котораго почитаютъ христіане? Но если желаешь видѣть его здравымъ и невредимымъ, то потрудись отвратить его отъ того заблужденія.

Гилась, возвратившись домой, началъ увѣщевать сына своего не оставлять древняго еллинскаго служенія, совершавшагося его богамъ. Блаженный же отрокъ Витъ отвѣчалъ отцу:

— Я не знаю никакого другого Бога, кромѣ Единаго, Сущаго отъ вѣка, Духъ Коего носился надъ водами и отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы [1]). Я служу Тому Богу, Который сотворилъ Небо и землю; Онъ есть—святый Господь Іисусъ Христосъ, Царь Ангеловъ. Сего Бога я исповѣдую и буду исповѣдовать во всѣ дни жизни своей.

Отецъ Вита весьма разгнѣвался на эти слова сына своего и приказалъ бить отрока прутьями; при этомъ онъ говорилъ:

— Кто тебя научилъ говорить такъ? Развѣ тебѣ не извѣстно, что, если объ этомъ узнаетъ игемонъ, то ты погибнешь?

Отрокъ же, принимая побои, отвѣчалъ:

— Научилъ меня этому Христосъ; я—рабъ Его; гнѣва же игемона я нисколько не боюсь.

Тогда Гилась, призвавъ воспитателя своего сына, по имени Модеста, сказалъ ему:

— Смотри, чтобы отрокъ никогда не упоминалъ въ рѣчахъ своихъ о Христѣ.

Но святый Витъ пренебрегъ приказаніе отца и постоянно — какъ въ своемъ сердцѣ, такъ и на устахъ своихъ—носилъ Имя Христово и былъ утѣшенъ отъ Христа Господа ангельскимъ явленіемъ; ибо въ видѣніи ему явился Ангелъ Господень, сказавшій:

---

[1]) Кн. Быт., гл. 1, ст. 2—4.

Сѵ̑ти́и мч̑нцы
Модє́стъ, ві́тъ и Крискє́нтїа

[illegible] Христа Іисуса, [illegible] по имени Моисеа, [illegible]

— Смотри, [illegible] упоминалъ въ рѣчахъ своихъ о Христѣ.

Но святый Павелъ [illegible] пріемлетъ [illegible] отца и постоянно — какъ въ сердцѣ, такъ и на устахъ своихъ — носитъ Имя Христово и бываетъ утѣшенъ отъ Христа Господа ангельскими явленіями, [illegible] ему явился Ангелъ Господень, сказавшій:

---

1 Кн. Втор. гл. 1, ст. 8—9.

— Не бойся, но дерзай объ Имени Іисуса Христа. Я же данъ тебѣ хранителемъ; я буду охранять тебя до самой кончины твоей. Знай о сей милости Божіей, что тебѣ будетъ дано отъ Бога все, что ты ни попросишь у Него.

Святый отрокъ былъ утѣшенъ и обрадованъ этимъ видѣніемъ ангельскимъ и еще съ большею ревностію началъ исповѣдовать и прославлять Имя Господне.

Отецъ же святаго весьма сокрушался объ отрокѣ, такъ какъ онъ былъ его единственнымъ сыномъ; посему отецъ Вита старался льстивыми рѣчами своими привести его къ служенію демонамъ. Святый же Витъ сказалъ отцу:

— Какимъ богамъ ты приказываешь мнѣ поклоняться?

Отецъ отвѣчалъ:

— Развѣ ты не знаешь, сынъ мой, нашихъ боговъ: Зевса[1]), Геркулеса[2]), Юноны[3]), Минервы[4]), Весты[5]), Аполлона[6]) и прочихъ, коимъ поклоняются цари и князи?

Святый отвѣчалъ отцу:

— Тѣ, о которыхъ ты говоришь, суть бездушные идолы, сдѣланные руками человѣческими; они имѣютъ уста, но нѣмы; имѣютъ очи, но слѣпы; имѣютъ руки и ноги, но недвижимы. Я же вѣрую во Единаго Живаго и Всемогущаго Бога, ѡ҃ нѣ́мже мы живе́мъ и̑ дви́жимсѧ[7]); я вѣрую въ Творца и Промыслителя всей твари—Отца, и Сына, и Святаго Духа; я исповѣдую единаго Искупителя и Спасителя рода человѣческаго—Сына Божія, претерпѣвшаго мученія ради грѣховъ нашихъ; кровію Его мы получили спасеніе.

Отецъ со слезами отвѣчалъ отроку:

— О любезное чадо мое! Послушай полезнаго и здраваго совѣта твоего родителя и отвратись отъ той безумной вѣры, согласно которой ты почитаешь понапрасну неизвѣстнаго умершаго человѣка; отвратись,—дабы игемонъ, прогнѣвавшись, не погубилъ тебя и не увеличилъ бы тѣмъ страданія сердца моего.

---

1) *Зевсъ*, или *Дій*,—верховный богъ древнегреческой религіи.

2) *Геркулесъ*, или *Гераклъ*,— національный древнегреческій герой. Геркулесу усвоялась большая физическая сила.

3) *Юнона* считалась у древнихъ Грековъ и Римлянъ богинею-покровительницею семейной жизни.

4) *Минерва*, или *Авина*,—богиня мудрости.

5) *Веста*, или *Гестія*,—богиня-покровительница семейнаго очага и жертвеннаго огня.

6) *Аполлонъ* съ греч.—губитель; у древнихъ Грековъ считался охранителемъ свѣтлыхъ силъ и побѣдителемъ темныхъ.

7) Дѣян. Апост., гл. **17**, ст. 28.

Блаженный Витъ отвѣчалъ:

— О, если бы и ты, отецъ, позналъ,—кто и каковъ Тотъ, Коего ты, уничижая, называешь умершимъ человѣкомъ! О, если бы ты, отецъ, вмѣстѣ со мною поклонился Ему! Ибо Сей есть Христосъ, Сынъ Бога Живаго, Агнецъ Божій, взявшій на Себя грѣхи міра.

Гилась сказалъ:

— Относительно Того Христа, Котораго ты называешь Богомъ, я знаю, что Онъ, по приказанію Пилата, правившаго Іудеей, былъ преданъ побоямъ, приговоренъ къ крестной смерти и распятъ на крестѣ Іудеями и слугами Пилатовыми.

Святый отрокъ отвѣчалъ:

— Да, было дѣйствительно такъ, какъ ты сказалъ, отецъ. Но есть великое, предивное и святое таинство въ этомъ дѣлѣ.

Гилась спросилъ:

— Если разсуждать по истинѣ, то дѣло это справедливѣе было бы назвать не таинствомъ, а казнію?

Блаженный отвѣчалъ:

— Выслушай меня, отецъ, съ кротостію и познай истину: преданіе на смерть и распятіе Господа Іисуса Христа есть—наше спасеніе; и знай, что отъ любви къ Нему меня никто никогда не отторгнетъ никакими мученіями.

Тогда Гилась прекратилъ разговоръ, печалясь въ сердцѣ своемъ о сынѣ.

По благодати Божіей, обитавшей въ отрокѣ, совершались многія чудеса, а именно: слѣпые прозрѣвали, больные исцѣлялись и демоны, изгоняемые изъ людей, исповѣдывали великую святость юнаго отрока.

Все это не могло утаиться отъ игемона Валеріана. Возсѣвъ на своемъ судилищномъ мѣстѣ, онъ въ присутствіи всѣхъ сказалъ отцу Витову:

— Благородный мужъ Гилась! Мнѣ теперь уже стало достовѣрно извѣстнымъ, что сынъ твой со всѣмъ усердіемъ почитаетъ такъ называемаго Христа, распятаго въ Іудеѣ; сему Христу онъ поклоняется, отечественныхъ же боговъ порицаетъ; посему онъ долженъ предстать къ намъ на судъ: приведи же его сюда.

Когда юный отрокъ былъ приведенъ къ тому нечестивому судилищу, то игемонъ сказалъ ему:

— Почему ты не приносишь жертвъ нашимъ безсмертнымъ

богамъ? Развѣ ты не слышалъ о царскихъ повелѣніяхъ—предавать смерти послѣ различныхъ казней всякаго, кто осмѣлился бы почитать Распятаго?

Блаженный отрокъ, преисполнившись Духа Святаго, нисколько не устрашился игемона; изобразивъ на себѣ крестное знаменіе, онъ отвѣчалъ:

— Я не желаю поклоняться бѣсамъ и не буду почитать каменныхъ и деревянныхъ кумировъ, ибо я имѣю Живаго Бога, Которому служитъ душа моя.

Отецъ же святаго, Гилась, обратившись къ своимъ роднымъ и знакомымъ, съ великимъ плачемъ воскликнулъ:

— Рыдайте вмѣстѣ со мною, друзья мои,—прошу васъ, ибо я вижу, что единственный сынъ мой погибаетъ!

Тогда святый Витъ громогласно воззвалъ, возражая отцу своему:

— Я не погибаю, но сподобляюсь быть сопричисленнымъ къ сонму праведниковъ и угодниковъ Божіихъ.

Валеріанъ же сказалъ святому:

— До сихъ поръ я сдерживалъ себя ради твоего благороднаго происхожденія и ради моего расположенія къ отцу твоему; до сихъ поръ я не примѣнялъ къ тебѣ царскихъ приказаній, изданныхъ для законопреступниковъ; но нынѣ, убѣдившись, что ты дошелъ до ожесточенія въ своемъ противленіи, я начну на законномъ основаніи мучить тебя, дабы ты, получивъ наказаніе, оставилъ свое упорство.

Сказавъ такъ, игемонъ приказалъ бить палками блаженнаго отрока.

Святый былъ побиваемъ въ продолженіе долгаго времени. Потомъ мучитель сказалъ святому:

— Послушай меня теперь и принеси жертву богамъ.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Я уже сказалъ тебѣ, игемонъ, что я поклоняюсь Христу, Сыну Божію.

Тогда игемонъ, разгнѣвавшись еще болѣе, приказалъ бить святаго желѣзными палками. Но лишь только слуги игемоновы восхотѣли сдѣлать это, какъ у нихъ засохли руки; точно такъ же и рука игемона, которою онъ указывалъ слугамъ своимъ, внезапно повредилась и сдѣлалась сухою, такъ что онъ отъ боли кричалъ такими словами:

— Горе мнѣ! Я погубилъ руку свою и теперь тяжко страдаю.

Потомъ сказалъ отцу святаго Вита:

— Ты имѣешь не сына, а волхва.

Святый же Витъ громогласно воззвалъ:

— Я не волхвъ, а рабъ Господа моего Іисуса Христа Всемогущаго, Который воскрешалъ мертвыхъ, ходилъ по водамъ какъ посуху, утишалъ море волновавшееся и врачевалъ всякія болѣзни неисцѣльныя, случавшіяся съ людьми; нынѣ Онъ творитъ то же самое всемогущею силою Своею. Я—рабъ Его и потому я стараюсь исполнять заповѣди Его. Тѣ же боги, которымъ ты служишь, какую имѣютъ силу, скажи мнѣ? Пусть они исцѣлятъ руку твою, если могутъ исцѣлить.

Игемонъ сказалъ:

— А ты можешь исцѣлить руку мою?

Отвѣчалъ святый:

— Могу—Именемъ Господа Іисуса Христа.

— Сдѣлай же меня здоровымъ,—сказалъ игемонъ,—чтобы я убѣдился, что ты не волхвъ, а рабъ Бога Истиннаго, какъ ты говоришь.

Тогда святый мученикъ, поднявъ къ Небу очи свои, сказалъ:

— Боже, Отецъ Небесный! Послушай меня, недостойнаго раба Твоего, ради предстоящихъ здѣсь, дабы они увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Твоего, Истиннаго и Всесильнаго Бога, соцарствующаго Тебѣ вмѣстѣ со Святымъ Духомъ. Сдѣлай такъ, чтобы ради Имени Твоего Единороднаго Сына исцѣлѣла рука игемонова.

Едва только святый окончилъ эту молитву, какъ рука Валеріанова исцѣлилась и сдѣлалась здравой, какъ и раньше.

Тогда игемонъ передалъ отрока отцу его и сказалъ:

— Возьми сына своего къ себѣ въ домъ и убѣди его принести жертву богамъ, чтобы онъ не погибъ.

Приведши сына своего въ домъ, Гилась началъ со многою лестію уговаривать его склониться къ своему нечестію: онъ устраивалъ пиры, составлялъ хоры пѣвцовъ; предъ Витомъ играли на стройныхъ музыкальныхъ инстументахъ, звучали кимвалы и гусли; плясали предъ очами святаго красивыя дѣвицы, веселились юноши; воспѣвались мірскія любодѣйственныя пѣсни, говорились многія соблазнительныя слова, дабы черезъ все это уловлено было къ суетѣ сердце юнаго Вита; но душа отрока, твердая какъ адамантъ, пребывала ничѣмъ не поколебленной; ибо онъ имѣлъ

въ сердцѣ своемъ любовь къ Богу, препобѣждавшую всякую мірскую любовь; онъ не обращалъ вниманія ни на что изъ того, что предъ глазами его пѣлось; точно такъ же не смотрѣлъ на то, что дѣлалось предъ глазами его; устремивъ къ Небу очи свои, онъ воздыхалъ изъ глубины сердечной и говорилъ:

— Не презри, Господи, Боже мой, сердце сокрушенное и смиренное!

Потомъ Гилась приказалъ приготовить горницу для сына своего; онъ наполнилъ ее всякими богатствами; полъ онъ устлалъ красивыми коврами; завѣсы были украшены жемчугами, постель и весь чертогъ былъ преисполненъ большимъ благолѣпіемъ; въ эту горницу онъ заключилъ сына своего и велѣлъ прислуживать ему для его прельщенія красивѣйшимъ дѣвицамъ. Цѣломудренный же и святый отрокъ, преклонивъ колѣна, въ такихъ словахъ молился ко Господу:

— Боже Авраамовъ, Боже Исааковъ, Боже Іаковль, Богъ и Отецъ возлюбленнаго Отрока Твоего, Господа Іисуса Христа моего! Призри на меня и помилуй меня, укрѣпи меня силою Твоею, дабы злобный и беззаконный змій не возмогъ осуществить на мнѣ, рабѣ Твоемъ, свое желаніе и дабы язычники не поругались надъ вѣрнымъ рабомъ Твоимъ и не сказали: гдѣ Богъ ихъ.

Въ то время какъ святый молился въ такихъ словахъ, внезапно въ горницѣ возсіялъ несказанный свѣтъ и были видны свѣтоносныя лица, огневидныя, какъ лампады, числомъ двѣнадцать; ощущалось и благоуханіе несказанное, исходившее отъ тѣхъ лицъ; благоуханіе это настолько распространилось въ воздухѣ, что наполнило весь домъ, такъ что отецъ святаго Вита удивлялся и ужасался со всѣми домашними своими и взывалъ:

— Это великое чудо! Откуда исходитъ такое благоуханіе, коего мы никогда не обоняли въ храмахъ боговъ нашихъ?

Потомъ сказалъ:

— Боги пришли въ домъ мой къ сыну моему.

И началъ съ тщаніемъ отыскивать, откуда исходило то благоуханіе. Подойдя къ дверямъ сыновней горницы и войдя внутрь ея, онъ увидѣлъ ангельскія лица, имѣвшія крылья, наподобіе орловъ; при этомъ лица сіи были преисполнены несказанной доброты, свѣтло сіяли и воспѣвали:

— **Сѫ̈ѧ, сѫ̈ѧ, сѫ̈ѧ гдь**[1]).

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 3.

Отъ того сильнаго сіянія Гилась тотчасъ же ослѣпъ, ибо имѣлъ нечистыя очи, недостойныя созерцать свѣтъ ангельскій, сокрываемый на Небесахъ; ибо сей свѣтъ можетъ созерцаться только тѣми, кто имѣетъ чистыя душевныя очи.

Блаженный Витъ, увидавъ, что отецъ его ослѣпъ, проникся естественною къ нему любовію и началъ молиться за него къ Богу, дабы онъ былъ помилованъ. Оканчивая свою молитву, онъ прибавилъ:

— Но пусть, Владыко, совершается не моя воля, а Твоя; пусть будетъ такъ, какъ угодно Тебѣ Самому.

Гилась же по причинѣ сильной боли въ глазахъ во всеуслышаніе взывалъ:

— Горе мнѣ! Я потерялъ свѣтъ для очей моихъ. Я одержимъ тяжкою болѣзнію!

Всѣ домашніе его, рабы и рабыни, видя господина своего весьма страдавшаго очами, плакали, такъ что вопль плача ихъ былъ слышенъ въ сосѣднихъ домахъ; и такимъ образомъ скоро весь городъ узналъ о приключившемся съ Гиласомъ. Вслѣдъ за этимъ къ его дому начали стекаться многіе граждане; сюда пришелъ также съ поспѣшностію игемонъ Валеріанъ. Увидавъ, что Гилась ослѣпъ, опирался на рабовъ своихъ и кричалъ отъ боли, Валеріанъ спросилъ:— по какому случаю онъ ослѣпъ? Онъ же отвѣчалъ:

— Я видѣлъ въ горницѣ сына моего боговъ крилатыхъ; очи ихъ были какъ звѣзды; видъ ликовъ ихъ—какъ молнія; не стерпѣвъ сіянія ихъ, я повредился очами и потерялъ зрѣніе.

Валеріанъ сказалъ:

— Несомнѣнно, что тѣ боги, которыхъ ты видѣлъ,—очень сильны; поэтому тебѣ необходимо помолиться имъ, чтобы они исцѣлили тебя.

Потомъ, взявъ слѣпого Гиласа, Валеріанъ повелъ его въ храмъ Зевса. Гилась молился здѣсь въ такихъ словахъ:

— О Зевсъ, богъ всесильный! Если уврачуешь очи мои, принесу тебѣ безчисленныя жертвы, принесу въ жертву тебѣ тельца съ золотыми рогами; также и тебѣ, о богиня Веста, я приведу чистыхъ дѣвъ, если получу отъ тебя помощь.

Такъ молился Гилась къ суетнымъ богамъ своимъ; но не только не получалъ отъ нихъ исцѣленія, а наоборотъ ощущалъ еще бо́льшую боль. Святый же Витъ, преклонивъ колѣна свои ко Господу, молился въ горницѣ своей объ отцѣ своемъ, говоря такъ:

— Владыко, просвѣтившій слѣпаго Товита[1]), окажи милость отцу моему, если онъ познаетъ Тебя.

Наконецъ Гиласъ былъ отведенъ неисцѣленнымъ рабами своими изъ идольскаго капища въ домъ свой: войдя въ горницу, въ которой святый Витъ приносилъ Богу жертву хвалы, онъ припалъ къ ногамъ Вита и сказалъ:

— Возлюбленный сынъ! Исцѣли меня!

Святый же Витъ сказалъ ему:

— Желаешь ли ты, отецъ, быть здравымъ?

Гиласъ отвѣчалъ:

— Да, весьма желаю.

Святый сказалъ ему:

— Если хочешь получить исцѣленіе, то отрекись отъ Зевса, Геркулеса, Юноны, Минервы, Весты и Аполлона.

Отвѣчалъ Гиласъ:

— Какимъ образомъ я могу отречься отъ нихъ?

Сказалъ святый Витъ:

— Не называй ихъ богами, но демонами; идоловъ, которыхъ ты до сего времени почиталъ, не почитай, но считай ихъ за ничто, какъ вещи бездушныя и безполезныя. И если ты обѣщаешь сдѣлать такъ отъ истиннаго сердца, то очи твои тотчасъ исцѣлятся и просвѣтятся.

Гиласъ сказалъ:

— Я отрекаюсь отъ боговъ и обѣщаю сдѣлать все то, что ты сказалъ мнѣ.

Святый сказалъ:

— Я знаю, что сердце твое ожесточено и слова твои не истинны; но я покажу на тебѣ силу Владыки моего ради предстоящихъ, дабы они увѣровали и прославили Имя Господа моего Іисуса Христа, хотя ты и недостоинъ сего.

Сказавъ такъ, святый возложилъ руку свою на болѣзненныя очи отца своего и помолился къ Богу въ такихъ словахъ:

— Господи Іисусе Христе, просвѣтившій очи слѣпорожденному[2]), побѣдивъ природу, просвѣти и очи отца моего, хотя онъ и недостоинъ сего по своему невѣрію; но сотвори сіе ради славы

---

1) *Товитъ* — благочестивый Израильтянинъ, бывшій со своимъ семействомъ въ плѣну, въ Ниневіи, при царѣ Ассирійскомъ Сеннахеримѣ. Исторію исцѣленія его отъ слѣпоты можно читать въ библейской книгѣ его имени.

2) Евангг. отъ Іоан., гл. 9, ст. 6—7.

Имени Твоего святаго, дабы враги Твои видѣли и постыдились и дабы прославились всѣ, знающіе и любящіе Имя Твое.

Въ то время какъ святый молился такъ, отъ очей ослѣпшаго отпали струпы, какъ чешуя; онъ сталъ здоровымъ и могъ видѣть хорошо глазами своими. Но вскорѣ же вмѣсто того, чтобы познать Истиннаго Бога и воздать Ему благодареніе за полученное отъ Него исцѣленіе, онъ началъ хулить Благодѣтеля своего, такъ говоря сыну:

— Меня исцѣлилъ не твой Богъ, но мои боги, которымъ я служу и которымъ я обѣщалъ принести жертвы.

И прославлялъ своихъ боговъ нечестивыхъ, во всеуслышаніе предъ всѣми говоря:

— Благодарю боговъ моихъ, исцѣлившихъ меня!

Направившись къ ихъ капищамъ, онъ началъ приносить имъ благодарственныя мерзкія жертвы, какъ обѣщался; при этомъ сердце его столь ожесточилось діаволомъ и ослѣпилось злобою, что онъ измѣнилъ естественную любовь къ сыну своему на ненависть, намѣревалсь умертвить сына своего святаго, неповиннаго отрока. Господь же, охраняющій рабовъ Своихъ, послалъ Ангела Своего для сохраненія, ибо Ангелъ Господень въ образѣ прекраснаго и осіяннаго свѣтомъ юноши явился ночью упомянутому Модесту, воспитателю Витову, вѣровавшему въ Христа, бывшему уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и сказалъ ему:

— Возьми отрока и отправься съ нимъ къ морю; на берегу вы найдете небольшую ладью; войдите въ нее, и вы прибудете въ страну, которую я вамъ укажу.

Модестъ сказалъ Ангелу:

— Господи! Я не знаю пути, куда я пойду.

Ангелъ отвѣчалъ:

— Я поведу васъ!

И тотчасъ Модестъ, вставъ, взялъ отрока своего Вита, взялъ также и кормилицу его Крискентію, вѣрную рабу Христову, и отправился съ ними къ морю, слѣдуя за ведшимъ ихъ Ангеломъ.

Когда они пришли къ морскому берегу, то нашли ладью, приготовленную Господомъ. И сказалъ Ангелъ святому Виту, какъ бы искушая его:

— Въ какую страну ты пойдешь?

Святый Витъ отвѣчалъ:

— Куда Господь поведетъ насъ, туда мы пойдемъ съ великимъ усердіемъ.

Ангелъ спросилъ:

— Имѣешь ли ты плату?

Отрокъ отвѣчалъ:

— Тотъ, Которому мы служимъ, воздастъ тебѣ плату.

Потомъ, войдя въ ладью, отплыли отъ Сициліи; проплывъ въ продолженіе небольшого времени, прибыли въ одну изъ итальянскихъ странъ, по имени Луканія, къ мѣсту, называвшемуся Аллекторія. Когда, приплывъ къ берегу, вышли изъ ладьи, тотчасъ Ангелъ Господень, бывшій въ образѣ юноши вмѣстѣ съ ними въ ладьѣ, сталъ невидимъ.

Они же, отправившись въ путь, подошли къ рѣкѣ, называвшейся Силаръ, впадающей въ море изъ страны луканійской; близъ этой рѣки они остановились на отдыхъ подъ нѣкіимъ красивымъ многовѣтвистымъ деревомъ. Мѣсто это весьма понравилось имъ, и они расположились здѣсь для обитанія, пищу же имъ посылалъ Богъ. Подобно тому какъ въ древности по повелѣнію Божію святаго Илію [1]) питалъ въ пустынѣ воронъ [2]), такъ и сихъ святыхъ кормилъ орелъ, ежедневно принося имъ пищу. И начали твориться святымъ Витомъ многія дивныя чудеса, ибо имя его прославилось по всей странѣ той, при помощи Бога, прославляющаго рабовъ Своихъ. Бѣсы, изгоняемые Витомъ изъ людей силою Божіею, кричали:

— Что намъ и тебѣ, Вить? Пришелъ сюда ты прежде времени погубить насъ!

Приходили къ святому люди съ больными своими; и всѣхъ ихъ онъ исцѣлялъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ, наставляя ихъ къ познанію Истиннаго Бога и храненію Заповѣдей Его. И многіе невѣрные обращались ко Христу и принимали Святое Крещеніе.

Въ то время сынъ царя Діоклетіана былъ одержимъ бѣсованіемъ; при этомъ бѣсъ взывалъ устами его, говоря:

— Не уйду отсюда, если не придетъ сюда Витъ луканійскій!

---

1) *Илія*—славнѣйшій изъ ветхозавѣтныхъ Пророковъ, грозный обличитель нечестія и идолопоклонства во времена нечестиваго царя Израильскаго Ахава и его жены Іезавели. За свою ревность о славѣ Имени Божія Илія былъ взятъ живымъ на Небо (4 Кн. Цар., гл. 2, ст. 1—15). Исторія его жизни и дѣятельности изложена въ концѣ 3-ей и нач. 4-ой Кн. Царствъ.—Память его празднуется св. Церковію 20-го іюля.

2) 3 Кн. Цар., гл. 17, ст. 4.

И сказалъ царь:

— Гдѣ мы можемъ найти того человѣка?

Демонъ отвѣчалъ:

— Вы найдете его у рѣки Силара.

Тотчасъ царь послалъ въ Луканію вооруженныхъ воиновъ, приказавъ имъ съ поспѣшностію привести Вита. Воины, придя къ указанному мѣсту, нашли раба Христова, совершавшаго при рѣкѣ молитву къ Богу, и спросили его:

— Ты—Витъ?

Святый отвѣчалъ:

— Да, это я.

Воины сказали:

— Императоръ Діоклетіанъ требуетъ тебя.

Святый Витъ отвѣчалъ:

— Я—малоизвѣстный и незнатный отрокъ: на что я могу быть нужнымъ для императора?

Воины отвѣчали:

— Его сынъ терпитъ мученія отъ демона и по этой причинѣ требуетъ тебя.

Святый Витъ сказалъ:

— Идемъ же во Имя Господне.

И отправился съ воинами въ путь къ Риму; съ нимъ отправился и святый Модестъ; блаженная же Крискентія слѣдовала за ними издалека.

Придя въ Римъ, воины возвѣстили Діоклетіану о прибытіи Вита; Діоклетіанъ приказалъ привести его къ себѣ.

Когда святый предсталъ предъ царя, то сей послѣдній изумился красотѣ отрока: ибо святый Витъ былъ дѣйствительно красивымъ юношей, лице его было какъ бы ангельскимъ, очи—какъ лучи солнечные, ибо онъ преисполненъ былъ благодати Христовой. И сказалъ ему Діоклетіанъ:

— Ты ли Витъ?

Святый же не далъ ему отвѣта.

Тогда императоръ началъ разспрашивать Модеста, намѣреваясь отъ него узнать о святомъ. Но Модестъ, будучи старъ годами, по простотѣ своей не могъ дать надлежащаго отвѣта царю. По этой причинѣ императоръ, поругавъ безчестными словами Модеста, намѣревался прогнать его отъ себя; тогда святый Витъ отверзъ уста свои и сказалъ Діоклетіану:

— Для чего ты съ такою дерзостію спрашиваешь старца, какъ юношу; ты долженъ почтить его хотя бы ради сѣдинъ его!

Императоръ же отвѣчалъ святому Виту:

— Откуда у тебя эта дерзость, по которой ты осмѣливаешься съ гнѣвомъ говорить намъ, уничижая наше достоинство!

Святый отвѣчалъ:

— Мы не имѣемъ гнѣва, ибо приняли духа незлобія отъ Христа, Господа нашего, и являемся подражателями голубиной кротости. Ибо Учитель нашъ былъ благъ по природѣ Своей, властію великъ, нравомъ незлобивъ, смиренъ и кротокъ; посему и ученики Его должны быть кротки и смиренны сердцемъ, а не яростны и гнѣвны, какъ ты называешь насъ.

Въ то время какъ святый говорилъ такъ, внезапно бѣсъ закричалъ устами сына царева, сказавъ:

— О Вить! Для чего ты прежде времени столь жестоко мучаешь меня?

Святый же ничего не отвѣчалъ бѣсу.

И сказалъ Діоклетіанъ святому:

— Можешь ли исцѣлить сына моего?

— Сынъ твой,—отвѣчалъ святый,—можетъ быть здравымъ, но я не могу ему дать здравіе: Христосъ, Сынъ Божій, рабомъ Котораго я являюсь, если пожелаетъ, то легко можетъ избавить его черезъ меня, раба Своего, отъ мученія демонскаго, ибо Онъ всесиленъ.

Тогда Діоклетіанъ началъ упрашивать святаго исцѣлить сына. Подойдя къ бѣсновавшемуся, святый возложилъ руку на голову его и сказалъ:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа, духъ нечистый, выйди изъ созданія Божія!

И тотчасъ бѣсъ вышелъ изъ сына царскаго, но не безъ вреда для находившихся тамъ; ибо, по попущенію Божію, онъ внезапно умертвилъ многихъ невѣрныхъ, которые посмѣивались надъ святымъ Витомъ словомъ или мыслію,—и души ихъ мерзкія, какъ свою добычу, отнесъ во адъ.

Императоръ весьма удивлялся, увидавъ сына своего здравымъ и многихъ изъ числа предстоявшихъ умерщвленными; но вмѣсто того, чтобы познать силу Имени Іисуса Христа и прославить Единаго Истиннаго Бога, онъ помышлялъ въ себѣ, какъ бы склонить Вита къ своему нечестію. Діоклетіана прельщала и красота святаго; онъ началъ съ лестію бесѣдовать съ нимъ, говоря:

— Любезнѣйшій Витъ, послушай меня и принеси вмѣстѣ со мною жертвы богамъ; тогда я дамъ тебѣ полцарства моего; награжу тебя золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными вещами; облеку тебя въ царскую одежду, и ты будешь искреннимъ ближайшимъ другомъ моимъ.

Святый Витъ отвѣчалъ:

— Мнѣ не нужно ни царство твое, ни богатства твои, ибо я имѣю Господа и Бога моего; если я буду вѣрно служить Ему, то Онъ облечетъ меня въ нетлѣнную и пресвѣтлую одежду безсмертія въ Царствѣ Небесномъ.

— Не говори такъ, Витъ,—сказалъ Діоклетіанъ,—но пожалѣй жизнь твою; принеси жертву богамъ, чтобы тебѣ не погибнуть послѣ многоразличныхъ мученій горькою смертію.

Святый отвѣчалъ:

— Я весьма желаю принять тѣ мученія, которыми ты мнѣ угрожаешь; тогда я скорѣе достигну вѣнца, который обѣщалъ Господь избраннымъ Своимъ.

Тогда Діоклетіанъ приказалъ заключить святаго Вита и Модеста въ мрачную и смрадную темницу, на каждаго изъ нихъ приказалъ возложить тяжкія оковы, вѣсомъ по десяти пудовъ, и запечатать дверь и окно его перстнемъ царскимъ, дабы никто не могъ дать имъ хлѣба или воды; ибо мучитель намѣревался погубить ихъ голодомъ и жаждою.

Когда святые были затворены въ темницѣ, внезапно тамъ засіялъ свѣтъ; этотъ свѣтъ видѣли и стражи темничные, приникшіе къ скважинѣ. Святый же Витъ громогласно восклицалъ къ Богу, говоря:

— Боже, приди на помощь намъ и избавь насъ отъ сихъ узъ, какъ Ты избавилъ трехъ отроковъ изъ пещи горящей[1]) и какъ избавилъ Сусанну отъ беззаконныхъ лжесвидѣтелей[2]).

Въ то время какъ святый молился такъ, основаніе темницы потряслось, засіялъ еще большій свѣтъ, и по всему воздуху разлилось несказанное благоуханіе. Господь нашъ Іисусъ Христосъ явился ему и сказалъ:

— Ободрись, Витъ, мужайся и будь твердъ; ибо Я всегда съ тобою.

Сказавъ эти слова, Господь сталъ невидимъ. Тотчасъ оковы

---

1) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

2) Кн. Прор. Дан., гл. 13.

спали со святыхъ узниковъ, Вита и Модеста, и сдѣлались какъ бы прахомъ. Святые же встали и начали пѣть:

— **Бл҃гослове́нъ гд҃ь бг҃ъ їи́левъ, и́же посѣти́, и̑ сотвори̑ и̑збавле́нїе лю́демъ свои́мъ**[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ слышались и ангельскіе гласы, подпѣвавшіе имъ; стражи темничные, видя неизреченный свѣтъ и слыша гласы Ангеловъ, преисполнились страха и ужаса и стали какъ мертвые. Потомъ, придя въ себя, поспѣшили къ царю со страхомъ и возвѣстили ему все, что видѣли и слышали. Царь же, считая все то за волхвованіе христіанъ, призвалъ къ себѣ устроителя общественныхъ зрѣлищъ и приказалъ ему утромъ приготовить мѣсто для зрѣлища, на которомъ хотѣлъ узниковъ предать звѣрямъ на съѣдѣніе. При семъ онъ сказалъ:

— Посмотрю, возможетъ ли Христосъ избавить ихъ отъ рукъ моихъ?

Утромъ слѣдующаго дня святые рабы Христовы были выведены на позорищное мѣсто. Святый Вить укрѣплялъ блаженнаго Модеста, воспитателя своего, говоря такъ:

— Не страшись, отче, будь мужественень, не бойся оружія демонскаго, ибо приближается намъ вѣнецъ нашъ.

Народа же, приготовившагося смотрѣть на то зрѣлище, было пять тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, которыхъ было безъ числа.

И сказалъ Діоклетіанъ святому Виту:

— Вить! Гдѣ ты сейчасъ находишься?

Святый же, ничего не отвѣчая мучителю, возвелъ очи свои на Небо.

Потомъ императоръ снова сказалъ ему:

— Гдѣ нынѣ находишься ты, Вить?

Отвѣчалъ святый:

— Я вижу себя на позорищномъ мѣстѣ; но дѣлай поскорѣе то, что намѣреваешься дѣлать.

Діоклетіанъ сказалъ ему:

— Пожалѣй жизнь свою, Вить, и принеси жертву великимъ богамъ.

Святый отвѣчалъ:

— Да не будетъ тебѣ добра, діаволъ, волкъ хищный, соблазни-

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 68.

тель душъ: я удивляюсь безумію твоему, ибо ты, видя силу Божію, не позналъ Бога и не стыдишься отвращать меня словами твоими отъ Бога моего. Но я уже не одинъ разъ сказалъ тебѣ, что не принесу жертвы богамъ твоимъ — или, лучше, бѣсамъ; однако ты снова безъ стыда предлагаешь мнѣ свои нечестивые совѣты. Говорятъ собакѣ:—иди вонъ,—и, стыдясь, она уходитъ; но ты не знаешь стыда. Я имѣю Христа, Бога моего, Которому служилъ до сихъ поръ и Которому приношу жертву хвалы отъ сердца моего; для меня осталось только одно,—чтобы я весь былъ для Него жертвою живою.

Тогда императоръ, придя въ великую ярость, вмѣсто того чтобы выпустить на мучениковъ звѣрей, приказалъ тотчасъ же приготовить горящую пещь и большой котелъ и велѣлъ растопить въ немъ олово, сѣру и смолу; потомъ приказалъ ввергнуть въ тотъ котелъ кипящій и клокочущій одного Вита, сказавъ:

— Вотъ посмотримъ, поможетъ ли ему Богъ его!

Святый же Витъ, осѣнивъ себя знаменіемъ Креста, вошелъ въ самую середину котла, кипѣвшаго, какъ море. И тотчасъ Ангелъ Господень, представшій святому, отнялъ силу у огня и охладилъ жаръ и кипѣніе котла; и стоялъ святый мученикъ какъ бы посреди купели, воспѣвая пѣснопѣнія Господу и говоря:

— Ты, Боже, избавившій Израильтянъ посредствомъ Моисея и Аарона отъ тяжкаго рабства египетскаго, яви милость Свою и намъ, славы ради Имени святаго Твоего.

Потомъ, посмотрѣвъ на царя, сказалъ:

— Благодарю тебя, Діоклетіанъ, и слугъ твоихъ за то, что вы устроили для меня весьма удобную купель; надлежало бы здѣсь быть и мылу.

Весь же народъ, смотрѣвшій на все происходившее, громогласно восклицалъ:

— Мы никогда не видѣли такого чуда! Воистину истиненъ и великъ Богъ отрока сего!

И вышелъ святый изъ котла, не имѣя никакого поврежденія на тѣлѣ своемъ; наоборотъ, тѣло его, чистое какъ снѣгъ, стало еще бѣлѣе; и воспѣвалъ онъ, говоря:

— Йскуси́лъ мѧ̀ є́си, Господи, какъ золото огнемъ, испыталъ меня и не обрѣ́тесѧ во мнѣ̀ непра́вда[1]).

[1]) Псал. 16, ст. 3.

Потомъ началъ укорять царя въ такихъ словахъ:

— Постыдись, діаволъ, со отцемъ твоимъ сатаною, видя, сколь великую силу являетъ Господь мой на мнѣ, рабѣ Своемъ!

Царь же, преисполнившись еще большей ярости, приказалъ привести страшнаго, большого и лютаго льва, одного рева котораго люди не могли выносить. И сказалъ царь святому:

— Неужели и сего побѣдятъ волшебства твои?

Мученикъ же отвѣчалъ:

— Безумный и несмысленный! Неужели ты не уразумѣлъ силы Христа, пребывающаго со мною, Ангелъ Котораго вскорѣ возьметъ меня изъ твоихъ мучительскихъ рукъ?

Когда левъ направился къ святому, Витъ осѣнилъ себя знаменіемъ Креста; и тотчасъ левъ упалъ къ ногамъ его и началъ лизать его ступни. И сказалъ святый Витъ императору:

— Вотъ, даже звѣрь воздаетъ честь Богу моему, а ты не хочешь познать Творца своего; но если бы хотя сейчасъ ты увѣровалъ въ Него, то получилъ бы спасеніе.

Императоръ отвѣчалъ:

— Вѣруй въ Него ты и родъ твой.

Святый же, улыбнувшись, сказалъ:

— Ты правильно сказалъ, ибо я и весь родъ мой, возрожденный банею Святаго Крещенія, надѣюсь, получитъ вѣнецъ жизни въ Царствѣ Бога нашего.

Въ это время увѣровало во Христа много народа, около тысячи мужей. Царь же сказалъ мученику:

— Почему это, Витъ, ни огонь, ни звѣри не приносятъ тебѣ никакого вреда? Какимъ волшебствомъ ты ихъ укрощаешь и приводишь народъ въ удивленіе, такъ что многіе вѣруютъ твоимъ волхвованіямъ?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Я не укрощаю ни огонь, ни звѣря никакими волхвованіями, но все это дѣлаетъ сила Христа, Бога моего; огонь и звѣрь, какъ созданія Божіи, повинуются воле Создателя своего, а не мнѣ, и почитаютъ Творца своего, тебѣ же причиняютъ великій стыдъ: ибо огонь, будучи бездушною тварью, и звѣрь, будучи безсловеснымъ созданіемъ, знаютъ создавшаго ихъ Бога; ты же, имѣющій разумную душу, не хочешь познать Бога, такъ что оказываешься худшимъ безсловесной и бездушной твари.

Тогда императоръ приказалъ повѣсить на мучилищномъ деревѣ

святыхъ мучениковъ Вита и Модеста, вмѣстѣ съ ними также и святую Крискентію, воспитательницу Витову, которая, придя къ тому мѣсту, исповѣдала себя христіанкою, царя же обличила за его нечестіе и мученія святыхъ; потомъ мучитель приказалъ строгать обнаженныя тѣла святыхъ желѣзными орудіями. При этомъ святый Витъ сказалъ царю:

— Ты показываешь силу твою немощною и достойною смѣха, когда мучаешь женщину.

И мучимы были святые безъ милосердія съ жестокостію, такъ что отъ строганія плоть ихъ отдѣлялась, кости обнажались и видны были ихъ внутренности. И возопилъ святый Витъ Господу:

— Боже, спаси насъ и силою Твоею избави насъ.

И тотчасъ земля потряслась, начались громы и молніи; идольскія капища упали; при этомъ погибли многіе невѣрные изъ числа народа, бывшаго тамъ: одни были задавлены упавшими зданіями, другіе были поражены громомъ и молніею; самъ царь, исполнившись страха, бѣжалъ съ позорищнаго мѣста, ударяя себя по лицу и взывая:

— Горе мнѣ, ибо я побѣжденъ такимъ юнымъ отрокомъ!

Ангелъ же Господень, освободивъ святыхъ мучениковъ отъ мучилищнаго дерева, перенесъ ихъ въ Луканію къ рѣкѣ, называвшейся Силаръ, и посадилъ ихъ тамъ подъ деревомъ, подъ которымъ они прежде остановились, когда пришли изъ Сициліи.

Въ то время, когда святые находились подъ деревомъ тѣмъ, къ нимъ собрались многіе христіане, проживавшіе тамъ. Потомъ святый Витъ помолился къ Богу, сказавъ:

— Господи, Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго! Прими съ миромъ души наши къ Себѣ; тѣхъ же, которые пожелаютъ почтить во славу Твою память страданія нашего,—тѣхъ сохрани отъ всякихъ золъ міра сего и приведи ихъ безпрепятственно въ Небесное Царствіе Твое.

Когда святый молился такъ, былъ слышанъ съ Неба Голосъ, говорившій:

— Услышана молитва Твоя!

Потомъ святый сказалъ, обратившись къ стоявшимъ близъ него христіанамъ:

— Братіе, похороните здѣсь тѣла наши; мы же, послѣ исхода нашего, будемъ молиться за васъ ко Господу, дабы вы получили

все для спасенія своего, что попросите, и дабы Христосъ избавилъ бы васъ отъ вражды демонской.

Послѣ сихъ словъ святые мученики въ одинъ часъ предали одновременно съ радостію души свои въ руки Божіи[1]). Вѣрные же взяли ихъ честныя тѣла, обвили плащаницами съ ароматами и похоронили съ честію на томъ самомъ мѣстѣ (мѣсто же то называется Маріане). Пострадалъ святый Витъ вмѣстѣ со святымъ Модестомъ и Крискентіею въ пятнадцатый день мѣсяца іюня, въ царствованіе въ Римѣ Діоклетіана, среди насъ же, христіанъ, въ царствованіе Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается честь и слава вѣчно. Аминь.

ЖИТІЕ БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

Родина блаженнаго Іеронима—незначительный городокъ Стридонъ, лежавшій на границахъ Далмаціи и Паннониі[2]). Время рожденія этого великаго отца Западной Церкви точно неизвѣстно[3]), какъ неизвѣстно точно и его мірское имя: вѣроятнѣе всего онъ носилъ имя Евсевія, въ честь своего отца. Родители блаженнаго Іеронима принадлежали, какъ можно думать, къ классу богатыхъ отпущенниковъ[4]); они были христіане и своему старшему сыну дали строго христіанское воспитаніе: «Я вскормленъ,—говорилъ впослѣдствіи о себѣ блаженный Іеронимъ,—на каѳолическомъ молокѣ съ самой своей колыбели и былъ тѣмъ болѣе преданъ Церкви, что никогда не былъ еретикомъ». Начальное образованіе Іеро-

1) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала ок. 303 г. Мощи святаго мученика Вита одно время находились въ Парижѣ (въ Сенъ-Дени), потомъ были перенесены въ Корвей, въ Вестфаліи; нынѣ показываются въ Прагѣ.

2) Мѣстоположеніе города трудно опредѣлить болѣе точно, такъ какъ онъ былъ разрушенъ Готами уже во дни блаженнаго Іеронима.

3) Изслѣдователи, занимавшіеся разрѣшеніемъ этого вопроса, указываютъ различныя хронологическія даты рожденія блаженнаго Іеронима: 331 г., 342 г. и 346 г.

4) Т. е. были рабами, а затѣмъ получили свободу. О богатствѣ родителей блаженнаго Іеронима говоритъ то обстоятельство, что онъ былъ въ состояніи совершать большія путешествія по Европѣ и Сиріи, имѣя при себѣ библіотеку избранныхъ писателей; на все это, конечно, требовались значительныя денежныя средства.

нимъ получилъ дома, причемъ учитель его, несмотря на суровость своего характера, сумѣлъ внушить талантливому ученику любовь къ наукѣ. Потомъ для завершенія образованія родители послали блаженнаго Іеронима въ Римъ. По обычаю времени въ курсъ ученія входили логика и, какъ главные предметы, грамматика и риторика; блаженный Іеронимъ, кромѣ того, ознакомился и съ ученіями нѣкоторыхъ философовъ, но особенно много времени удѣлялъ онъ изученію краснорѣчія; онъ посѣщалъ суды, чтобы послушать знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ. Здѣсь же въ Римѣ, въ годы своей юности, Іеронимъ положилъ начало своей библіотекѣ, которая во все время послѣдующей жизни служила ему большимъ утѣшеніемъ.

Пребываніе въ столицѣ міра, среди соблазновъ и искушеній, оставило печальный слѣдъ въ душѣ Іеронима: онъ самъ признавался, что «во время скользкаго странствованія своей юности» велъ въ Римѣ нечистую жизнь,—обстоятельство, стоившее ему потомъ многихъ слезъ и горькихъ сожалѣній. Однако эти уклоненія съ пути благочестія не могли заглушить въ немъ искру Божію, зароненную въ его душу съ ранняго дѣтства. Онъ не разрывалъ молитвеннаго общенія со своими братьями по вѣрѣ; кромѣ того, въ воскресные дни онъ, вмѣстѣ съ Паммахіемъ и другими товарищами, обычно посѣщалъ гробницы мучениковъ, находившіеся въ окрестностяхъ Рима; когда, при этихъ посѣщеніяхъ, Іерониму приходилось спускаться въ темныя катакомбы[1]), ему невольно казалось, что онъ живымъ сходитъ въ могилу.

Здѣсь же въ Римѣ, еще до окончанія образованія, въ Іеронимѣ созрѣло рѣшеніе измѣнить свою жизнь и начать новую—чистую и добрую. Вѣроятно, онъ не замедлилъ закрѣпить свое намѣреніе Крещеніемъ[1]); точно время Крещенія блаженнаго Іеронима не-

---

[1]) *Катакомбы* (catacumbae)—подземные ходы и пещеры, расположенные неправильною сѣтью; извѣстны катакомбы близъ Рима, в Неаполѣ, Сиракузахъ и на островѣ Мальтѣ. Катакомбы въ окрестностяхъ Рима особенно обширны, такъ что если бы была возможность вытянуть ихъ по одной прямой линіи, то длина послѣдней равнялась бы длинѣ итальянскаго полуострова. Катакомбы служили для христіанъ первыхъ вѣковъ тайнымъ мѣстомъ богослужебныхъ собраній и мѣстомъ погребенія умершихъ; предполагаютъ, что для этой цѣли христіане воспользовались старыми заброшенными подземными ходами, образовавшимися при добываніи горшечной глины; христіане лишь продолжили и расширили ихъ.

[2]) Въ то время существовалъ обычай откладывать Крещеніе—въ большинствѣ случаевъ изъ желанія загладить Крещеніемъ грѣхи предыдущей жизни и отчасти изъ опасенія, какъ бы не нарушить обѣтовъ Крещенія въ ранніе годы, когда воля еще не окрѣпла и человѣкъ воспріимчивъ къ грѣховнымъ соблазнамъ.

извѣстно, но съ большой долей приближенія къ истинѣ допустимо предположеніе, что онъ крестился, когда ему было около двадцати лѣтъ, и что Таинство совершилъ надъ нимъ или папа Либерій[1]), или одинъ изъ членовъ его клира. По удаленіи изъ Рима, блаженный Іеронимъ предпринялъ большое путешествіе по Галліи, вмѣстѣ съ Бонозомъ, товарищемъ своимъ по школѣ и молочнымъ братомъ. Во время этого путешествія Іеронимъ, по его собственному выраженію, «на полуварварскихъ берегахъ Рейна впервые почувствовалъ желаніе служить Богу», то есть въ немъ начало пробуждаться стремленіе къ монашеству съ его обѣтами дѣвства и бѣдности.

Блаженный Іеронимъ

Около 372 года блаженный Іеронимъ возвратился въ Стридонъ изъ своего путешествія по Галліи. Родители его уже умерли, и на немъ лежала забота о наслѣдственномъ имѣніи, о сестрѣ и юномъ братѣ Павликіанѣ — послѣдній былъ на двадцать лѣтъ моложе его. Вѣроятно, эти заботы помѣшали Іерониму вполнѣ осуществить его намѣреніе объ удаленіи изъ міра, и онъ лишь отчасти удовлетворялъ свое стремленіе къ монашеству, проживая временами въ Аквилеѣ[2]), гдѣ образовался небольшой полумонашескій кружокъ изъ близкихъ между собою и блаженному Іерониму лицъ. Но кружокъ этотъ неожиданно, по какимъ-то причинамъ, о которыхъ Іеронимъ упоминаетъ глухо, распался. Тогда Іеронимъ отправился на Востокъ, чтобы посѣтить, главнымъ образомъ, Іерусалимъ, а

---

[1]) *Либерій* занималъ каѳедру епископа Римскаго въ 352—356 гг.

[2]) *Аквилея*—въ описываемое время большой и знаменитый городъ Сѣверной Италіи, соединительный пунктъ дорогъ, ведущихъ въ Паннонію, Норикумъ, Истрію, Далмацію.

также отшельниковъ Сиріи и Египта. Въ это путешествіе блаженнаго Іеронима сопровождали его друзья, бывшіе члены аквилейскаго кружка: Иннокентій, Никей, Иліодоръ, Ива и Евагрій; послѣдній, впрочемъ, шелъ съ ними лишь до родной ему Антіохіи. Свое путешествіе они совершали чрезъ Ѳракію, Виѳинію, Понтъ, Галатію, Каппадокію и Киликію. Тягости дальней дороги, соединенныя съ аскетическими подвигами, подорвали силы благочестивыхъ паломниковъ. Когда они достигли Антіохіи, гдѣ нашли радушный пріютъ у Евагрія, то Іеронимъ заболѣлъ, а Иннокентій, къ великой скорби блаженнаго отца, даже умеръ; умеръ и Ила. Печаль усилила болѣзнь Іеронима, продолжавшуюся довольно долгое время, по всей вѣроятности до весны 374 года. Выздоровѣвъ, Іеронимъ началъ заниматься изученіемъ Священнаго Писанія, склонность къ чему пробудилась у него еще ранѣе[1]); съ этой цѣлью онъ слушалъ бесѣды по истолкованію Священнаго Писанія у извѣстнаго Аполлинарія[2]). Не оставлялъ онъ и намѣренія удалиться въ пустыню, куда особенно влекло его по смерти близкихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что Иліодоръ и Никей не хотѣли уже продолжать путешествія. Въ 374 году Іеронимъ рѣшилъ поселиться въ «сирійской Ѳиваидѣ»—пустынѣ Халкидонской (къ Востоку отъ Сиріи).

---

[1]) Вскорѣ послѣ окончанія образованія въ Римѣ имъ было написано толкованіе на кн. Пророка Авдія.

[2]) *Епископъ Лаодикійскій Аполлинарій*, не ограничиваясь отрицаніемъ аріанскихъ положеній въ ученіи о Сынѣ Божіемъ (объ аріанствѣ см. ниже), стремился утвердить положенія имъ противоположныя; это стремленіе и привело его къ ереси. Такъ, въ противоположность особенному ударенію аріанъ, какое они, въ зависимости отъ своего ученія о Сынѣ Божіемъ какъ тварномъ существѣ, дѣлали на признаніи во Христе всецѣло человѣческой природы, Аполлинарій уничтожалъ человѣческую личность въ Господѣ Іисусѣ. Съ психологической точки зрѣнія ему казалось невѣроятнымъ ученіе Никейскаго символа, что во Христѣ соединились совершенное Божество и совершенное человѣчество: онъ разсуждалъ, что двѣ сущности, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ свойствъ, никогда не могутъ соединиться въ одну. Немыслимой представлялась ему идея Богочеловѣчества и со стороны догматической: съ полнымъ человѣчествомъ связанъ грѣхъ; если же мыслить грѣхъ во Христѣ, хотя бы какъ и возможность, то дѣло искупленія для него уже становится невыполнимымъ. Поэтому Аполлинарій, слѣдуя греческому философу Платону въ дѣленіи природы человѣка на тѣло, животную или жизненную душу (ψυχή) и духовную душу, духъ (νοῦς), полагалъ, что Христосъ, воспринявъ при воплощеніи тѣло и душу человѣческую, не воспринялъ отличительной части человѣческаго существа — человѣческаго духа, такъ какъ послѣдній необходимо предполагаетъ свободу, а съ нею и наклонность ко грѣху; духа человѣческаго, по мысли Аполлинарія, во Христѣ замѣнилъ Божественный Логосъ, господствовавшій надъ всѣми злыми влеченіями животной души. Аполлинарій умеръ въ 390 году. Ересь Аполлинарія осуждена Соборомъ Александрійскимъ 362 года. Въ 375 году, когда Аполлинарій, отдѣлившись отъ Церкви, началъ образовывать свою секту, онъ былъ осужденъ Соборомъ въ Римѣ; послѣдиее осужденіе повторено Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ.

Здѣсь онъ пробылъ почти пять лѣтъ, живя, вѣроятно въ какомъ-либо монастырѣ и по временамъ оставляя его для пустыннаго уединенія: одобряя общежитіе и совѣтуя его другимъ, блаженный Іеронимъ, какъ показываетъ его «Жизнь Павла отшельника», питалъ въ то же время особенное уваженіе, граничившее съ благоговѣніемъ, къ тѣмъ подвижникамъ, которые, поселялись поодиночкѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ пустыни, находили себѣ пріютъ въ горныхъ пещерахъ; иногда они по нѣскольку лѣтъ не видѣли человѣческаго лица, и лишь дикіе звѣри да скорпіоны нарушали ихъ уединеніе. Въ сейчасъ названномъ сочиненіи блаженный Іеронимъ упоминаетъ, между прочимъ, о двухъ отшельникахъ, которыхъ самъ видѣлъ въ пустынѣ Халкидонской: одинъ изъ нихъ 30 лѣтъ питался только ячменнымъ хлѣбомъ и пилъ грязную воду; единственной пищей другого служили финики, которые ему ежедневно, въ количествѣ 5 штукъ, бросали на дно стараго водоема, гдѣ онъ жилъ. Умерщвляя плоть свою молитвой, суровыми подвигами поста, лишеній и физическимъ трудомъ, блаженный Іеронимъ въ пустынномъ уединеніи всего себя посвятилъ изученію Священнаго Писанія, пользуясь нужными для этого книгами изъ своей собственной библіотеки и библіотеки жившихъ по сосѣдству въ Антіохіи друзей, главнымъ образомъ—Евагрія. Въ это же время подъ руководствомъ одного обращеннаго Іудея онъ началъ изученіе еврейскаго языка, на которомъ, главнымъ образомъ, написаны книги Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта; послѣднее занятіе для блаженнаго Іеронима служило и смиряющимъ средствомъ: этой цѣли вполнѣ соотвѣтствовали и унизительность изученія алфавита и немузыкальность словъ еврейскаго языка, мало пріятная для блаженнаго Іеронима, образовавшаго свой слогъ на изученіи лучшихъ представителей классической литературы. Къ этому времени жизни блаженнаго Іеронима, вѣроятно, относится слѣдующій замѣчательный сонъ, который онъ описываетъ такимъ образомъ:

«Жалкій человѣкъ,— говоритъ онъ,—я постился какъ разъ предъ тѣмъ, какъ намѣревался читать Цицерона. Послѣ многихъ, продолжавшихся по цѣлымъ ночамъ бдѣній, послѣ слезъ, исторгнутыхъ изъ самаго моего сердца воспоминаніемъ о моихъ прежнихъ грѣхахъ, я обыкновенно брался за Плавта. Если, придя въ себя, я начиналъ читать пророковъ, то ихъ грубая рѣчь коробила меня, и такъ какъ я не видѣлъ свѣта своими слѣпыми глазами,

то думалъ, что это вина не моихъ глазъ, а вина солнца. Когда оный древній змій такимъ образомъ искушалъ меня, около половины поста мое изможденное тѣло было схвачено лихорадкой, сѣмена которой находились во мнѣ, и безъ всякаго облегченія она такъ питалась моими несчастными членами, что едва кожа держалась на моихъ костяхъ. Между тѣмъ уже дѣлались приготовленія къ моему погребенію, и жизненный жаръ моей души едва теплился въ незначительной теплотѣ моей груди, причемъ все тѣло мое холодѣло; и вотъ вдругъ я былъ восхищенъ въ духѣ предъ судилище Божественнаго Судіи, гдѣ былъ такой потокъ свѣта и такой блескъ славы отъ ангельскихъ зрителей, что, простершись на землю, я не смогъ поднять своихъ глазъ. На вопросъ о томъ, кто я такой, я отвѣчалъ, что я—христіанинъ.

— Ты лжешь,—отвѣчалъ Спросившій,—ты цицеронецъ, не христіанинъ; ибо гдѣ твое сокровище, тамъ и сердце твое.

Мгновенно я онѣмѣлъ, и подъ ударами (ибо Онъ повелѣлъ подвергнуть меня бичеванію) я еще болѣе былъ мучимъ огнемъ совѣсти, размышляя объ извѣстномъ стихѣ: «во адѣ кто исповѣдуетъ Тебя?» Но я началъ кричать и подъ удары бича, громко вопя, говорилъ:

— Помилуй меня, Господи, помилуй меня!

Наконецъ, стоявшіе около меня, бросившись на колѣна къ ногамъ Судіи, умоляли Его простить мою юность и дать возможность раскаяться въ моемъ заблужденіи, а впослѣдствіи—подвергнуть меня мукѣ, если когда-либо буду читать книги языческой литературы. Самъ я, который въ этой смертельной нуждѣ готовъ былъ обѣщать даже больше того, началъ клясться и, призывая Его Имя, говорилъ:

— О Господи, если я когда-либо буду читать ихъ, то да буду отвергнутъ Тобою!

Отпущенный послѣ произнесенія этой клятвы, я возвратился въ высшую область воздуха и, къ удивленію всѣхъ, открылъ свои глаза, залитые такимъ потокомъ слезъ, что мой страхъ убѣдилъ даже невѣрующихъ. И дѣйствительно, это было не сновидѣніе и не простой сонъ, которыми часто обманываемся. Это судилище, предъ которымъ я стоялъ, этотъ грозный судъ, котораго я опасался, есть мой свидѣтель; да не буду я опять никогда приведенъ на этотъ судъ. Я признаюсь, что мои плечи посинѣли отъ побоевъ, что, проснувшись, я чувствовалъ самые удары и что отселѣ я

читаю божественныя книги съ бо́льшей ревностью, чѣмъ раньше читалъ человѣческія книги».

Изъ пустыни Халкидской блаженный Іеронимъ поддерживалъ общеніе съ близкими ему лицами путемъ переписки, которой онъ пользовался какъ средствомъ для горячаго призыва къ аскетическимъ подвигамъ. Въ этомъ отношеніи особенную извѣстность получило письмо блаженнаго Іеронима пресвитеру Иліодору; въ слѣдующихъ пламенныхъ словахъ онъ убѣждаетъ своего друга отречься отъ міра: «Долой съ мольбами, прочь съ ласками! Ты пренебрегъ мною, когда я просилъ тебя; быть можетъ, ты послушаешь меня, когда я буду укорять тебя. Изнѣжившійся воинъ! Что ты дѣлаешь въ твоемъ предательскомъ домѣ? Вотъ, звукъ трубный раздается съ Неба! Вотъ, съ облаковъ сходитъ вооруженный Вождь для покоренія міра! Вотъ, обоюдоострый мечъ, исходящій изъ Его устъ, разрушаетъ всѣ препятствія. А ты выходишь ли изъ комнаты на битву, изъ тѣни на солнце? Вотъ, противникъ въ самой твоей груди старается убить Христа... Хотя бы твой маленькій племянникъ повисъ на твою шею, хотя бы съ распущенными волосами и съ разодранными одеждами твоя мать показывала тебѣ тѣ груди, которыми она питала тебя, хотя бы твой отецъ лежалъ на порогѣ—перейди по его тѣлу съ сухими глазами и бѣги подъ знамя Креста! Въ подобномъ дѣлѣ единственная истинная сыновняя любовь состоитъ въ томъ, чтобы быть жестокимъ».

Въ Антіохіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ IV столѣтія явилось одновременно два епископа, Мелетій и Павлинъ. Избранный въ 358 году съ согласія православныхъ и аріанъ[1]), такъ какъ

---

[1]) *Арій*—еретикъ (ум. 336 г.), богохульно утверждавшій, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій—не Богъ, Отцу Единосущный, а Существо сотворенное, а потому невѣчное, хотя и совершеннѣйшее изъ всѣхъ созданныхъ существъ. Эта ересь, извѣстная въ исторіи христіанской Церкви подъ именемъ *аріанской*, была осуждена на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ (325 г.) въ Никеѣ, отцы котораго такъ изложили православное ученіе о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ: «вѣруемъ... во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго (Сына) все произошло, какъ на небѣ, такъ и на землѣ»; самая же ересь отцами Собора была предана проклятію. Но Никейскій символъ не положилъ конца церковной смутѣ, вызванной аріанствомъ: аріанствующіе епископы, присутствовавшіе на Соборѣ въ значительномъ числѣ, скрѣпили соборное вѣроопредѣленіе своими подписями единственно изъ-за страха предъ государственной властью, раздѣлявшей убѣжденія православныхъ членовъ Собора; сумѣвъ же, вскорѣ по окончаніи Собора, привлечь государственную власть на свою сторону, руко-

тѣ и другіе считали его своимъ сторонникомъ, Мелетій въ дѣйствительности оправдалъ надежды православныхъ, заявивъ открыто, что онъ содержитъ то ученіе о Сынѣ Божіемъ, которое изложено отцами Перваго Вселенскаго Собора[1]). Но въ виду того, что Мелетій былъ избранъ не безъ содѣйствія аріанъ, православные ревнители, съ любовію чтившіе память великаго іерарха Антіохійской Церкви Евстаѳія[2]), несправедливо низложеннаго по проискамъ аріанъ, отдѣлились отъ Мелетія во главѣ съ пресвитеромъ Павлиномъ, который въ 362 году былъ возведенъ въ санъ епископа. Положеніе дѣла осложнилось, когда, въ 376 году, въ ту же Антіохію былъ поставленъ еще третій епископъ—аполлинаристъ[3]) Виталій. Раздоры между партіями усиливались еще богословскими спорами, сосредоточенными на вопросѣ о достоинствѣ и равночестности Лицъ Пресвятой Троицы. Въ то время какъ Павлинъ для выраженія ученія о Пресвятой Троицѣ принималъ формулу, выработанную на Западѣ,—въ Пресвятой Троицѣ «одна ѵпостась[4]) въ Трехъ Лицахъ»,—Мелетій, слѣдуя словоупотребленію Востока, признавалъ «одну *усію*[5]) и три ѵпостаси»[6]). Въ сущности, сторонники той и другой формулы разумѣли одно и то же, только выражали тожественную мысль разными словами[7]). Эти распри, вызванныя въ Антіохіи мелетіанскимъ расколомъ и аріанскими волненіями, проникли и въ сосѣднюю съ нею Халкидонскую пустыню, гдѣ подвизался блаженный Іеронимъ. Въ письмѣ къ папѣ Дамасу[8]) онъ въ слѣдующихъ словахъ сѣтуетъ на нарушеніе пустын-

---

водители аріанъ при ея поддержкѣ вступили въ ожесточенную борьбу съ защитниками правой вѣры; въ половинѣ IV вѣка они одержали почти полную внѣшнюю побѣду надъ своими противниками, объединившимися подъ священной хоругвью Никейскаго символа.

1) См. предыдущее примѣчаніе.

2) Память св. Евстаѳія—21 февраля; подъ этимъ числомъ въ Минеяхъ положено ему и житіе.

3) Т. е. раздѣлявшій еретическое заблужденіе Аполлинарія Лаодикійскаго, см. стр. 364-ую, примѣч. 2-ое.

4) Причемъ это слово понималось въ смыслѣ сущности—*усіи*.

5) Т. е. сущность.

6) Т. е. Лица.

7) «Какъ западные такъ и мы,—говоритъ святый Григорій Богословъ (см. объ немъ ниже),—благочестиво объявляемъ, что существуетъ одна сущность и три ѵпостаси; но такъ какъ скудость ихъ языка не даетъ отдѣльнаго выраженія для *усіи* и *ѵпостась*, то они принуждены вводить слово *просопонъ* (лицо), чтобы не казаться признающими трисущность. Можетъ ли быть что-либо болѣе смѣшнымъ или жалкимъ, чѣмъ дѣлать это предметомъ спора?»

8) *Дамасъ* занималъ каѳедру епископа Римскаго въ 366—384 гг.

наго уединенія, вызваннаго указанными причинами: «Неутомимый врагъ послѣдовалъ за мною (и въ пустыню), такъ что теперь я въ уединенной жизни выношу борьбу еще худшую (чѣмъ до поселенія въ пустынѣ). Съ одной стороны, ярится аріанское безумство, поддерживаемое охранителями міра. Съ другой стороны, Церковь (въ Антіохіи), раздѣленная на три партіи [1]), стремится захватить и меня въ себя». Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе усиливались раздоры въ Антіохіи, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось и безпокойство, причиняемое ими блаженному Іерониму. Въ письмѣ пресвитеру Марку, спустя два года послѣ писемъ Дамасу, блаженный отецъ, между прочимъ, говоритъ: «Зачѣмъ они называютъ меня еретикомъ, когда я согласуюсь съ Западомъ и Египтомъ?.. Мнѣ не уступлено ни единаго уголка въ пустынѣ. Меня ежедневно спрашиваютъ о моей вѣрѣ, какъ будто бы я вновь родился безъ вѣры. Я исповѣдую, какъ они желаютъ,—это не нравится имъ; я подписываю—они не вѣрятъ мнѣ. У нихъ одно только желаніе: отдѣлаться отъ меня. Я готовъ уйти». И дѣйствительно, вскорѣ блаженный Іеронимъ удалился изъ пустыни въ Антіохію, вѣроятно, къ другу своему Евагрію. Въ Антіохіи блаженный Іеронимъ присоединился къ общинѣ Павлина; послѣдній и рукоположилъ его во пресвитера. Въ описываемый періодъ пребываніе въ Антіохіи не могло быть пріятнымъ для блаженнаго отца, ищущаго покоя. Поэтому онъ пробылъ здѣсь недолго; привлекаемый славою о Григоріи Назіанзинѣ [2]) какъ церковномъ учителѣ, блаженный Іеронимъ

[1]) Т. е. на сторонниковъ епископовъ Мелетія, Павлина и Виталія.

[2]) *Св. Григорій Богословъ* —великій отецъ Церкви и вселенскій учитель—родился около 329 г. въ Аріанзѣ (мѣстечко къ югу отъ Назіанза, незначительнаго городка Каппалокіи). Въ раннемъ дѣтствѣ св. Григорій видѣлъ сонъ, поразившій его и предуказавшій ему путь послѣдующей жизни: цѣломудріе и чистота въ образѣ прекрасныхъ дѣвъ явились ему, приглашая слѣдовать за собою. Среднее образованіе св. Григорій получилъ въ Кесаріи каппадокійской, гдѣ и встрѣтился впервые съ Василіемъ Великимъ. Послѣ этого, въ цѣляхъ довершенія образованія, онъ предпринялъ путешествіе въ Кесарію палестинскую, Александрію и Аѳины. Время пребыванія въ Аѳинахъ, довольно продолжительное, навсегда оставило въ душѣ св. Григорія лучшія воспоминанія: здѣсь онъ подружился съ Василіемъ Великимъ, причемъ два друга «знали лишь два пути—въ школу и христіанскую церковь»; здѣсь же онъ познакомился съ будущимъ императоромъ Юліаномъ, пріобрѣтшимъ впослѣдствіи печальную извѣстность своимъ отступничествомъ отъ христіанства; Юліанъ произвелъ на св. Григорія отталкивающее впечатлѣніе. Около 357 года съ печалью покинулъ св. Григорій «золотыя Аѳины», чрезъ Коистаитинополь прибылъ на родину, гдѣ и принялъ Крещеніе. Въ 359 г. въ день Рождества Христова Григорій неожиданно для него былъ посвященъ во пресвитера своимъ отцомъ, Григоріемъ старшимъ, еп. Назіанза. Когда отецъ Григорія Богослова по простотѣ подписалъ полуаріанскій символъ и тѣмъ возбудилъ противъ себя православную паству, св. Григорій примирилъ ее съ епископомъ. Между тѣмъ, Василій Великій, уже еп. Кесарійскій, едва не насильно посвятилъ

отправился въ Константинополь, епископомъ котораго въ это время и былъ святый Григорій. Впослѣдствіи блаженный Іеронимъ не разъ вспоминалъ, какъ много онъ обязанъ святому Григорію, руководившему его при занятіяхъ, посвященныхъ изученію Писанія. Здѣсь, въ Константинополѣ, блаженный Іеронимъ встрѣтился съ христіанскимъ богословомъ-философомъ Григоріемъ Нисскимъ, который читалъ ему свое только что написанное сочиненіе противъ еретика Евномія, погрѣшавшаго противъ православнаго ученія о Святой Троицѣ.

Въ концѣ 381 года блаженный Іеронимъ покинулъ гостепріимный Константинополь и отправился въ Римъ, побуждаемый, по его собственному выраженію, «церковной необходимостью»: нужно думать, что блаженнаго Іеронима вызвалъ въ Римъ папа Дамасъ на Соборъ по дѣламъ злополучнаго мелетіанскаго раскола, не прекратившагося въ Антіохійской Церкви и по смерти Мелетія. Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ въ Константинополѣ [1]) на мѣсто Мелетія по его смерти былъ избранъ Флавіанъ; папа же съ западными епископами поддерживалъ Павлина, бывшаго Антіохійскимъ епископомъ и во дни Мелетія. Это разногласіе [2]) между Восточной и Западной Церковію и было причиной созваннаго Дамасомъ Собора. Блаженный Іеронимъ прибылъ въ Римъ съ Павлиномъ и Епифа-

---

своего друга Григорія во епископа для мѣстечка Сасимъ. Но св. Григорій въ санѣ епископа остался при своемъ престарѣломъ отцѣ въ качествѣ его викарія и помощника до самой его смерти, послѣдовавшей въ 373 г. или началѣ 374 г. Вскорѣ скончалась и мать св. Григорія—Нонна; братъ и сестра умерли ранѣе. Тогда св. Григорій удалился въ Селевкію въ монастырь св. Ѳеклы, стремясь къ подвижничеству, отъ котораго ранѣе его отдаляли обязанности по отношенію къ роднымъ. Изъ Селевкіи св. Григорій былъ вызванъ православными въ Константинополь для защиты Православія, гонимаго аріанами. Въ маѣ 381 г., когда, по волѣ императора Ѳеодосія, былъ созванъ Второй Вселенскій Соборъ, св. Григорій, согласно желанію императора и народа, былъ избранъ на праздную каѳедру константинопольскаго епископа; отцы Собора утвердили это избраніе. Вскорѣ скончался предсѣдатель Собора Мелетій Антіохійскій, и его мѣсто, естественно, занялъ вновь избранный епископъ столицы, т. е. св. Григорій. Несогласія между нимъ и отцами Собора, главнымъ образомъ въ взглядѣ на тѣ мѣры, какими слѣдуетъ прекратить мелетіанскій расколъ въ Антіохіи, заставили св. Григорія удалиться на родину, гдѣ онъ проводилъ время въ уединеніи, занимаясь литературными трудами; здѣсь онъ и скончался въ 389 г. Послѣ себя св. Григорій оставилъ значительное число сочиненій: 45 Словъ, 243 письма и собраніе стихотвореній. Слова и нѣкоторыя письма св. Григорія имѣли большое вліяніе на выясненіе православнаго ученія о Пресв. Троицѣ и о Лицѣ Господа Іисуса Христа.

1) Въ 381 году при императорѣ Ѳеодосіи Великомъ.

2) Какъ поставленный западнымъ епископомъ (Люциферомъ, еп. съ острова Сардиніи), Павлинъ всегда находился въ связи съ Западомъ. Поэтому когда на Соборѣ зашла, по смерти Мелетія, рѣчь о его преемникѣ, то отцы Собора избрали не Павлина, поддерживаемаго Западомъ, а пресвитера Антіохійской Церкви Флавіана, ибо,—справедливо говорили они,—«въ дѣлахъ Восточной Церкви долженъ быть господиномъ Востокъ, а не Западъ».

ніемъ[1]), съ которыми онъ встрѣтился въ Константинополѣ, куда они зашли на пути въ Римъ. Въ Римѣ блаженный Іеронимъ тотчасъ же получилъ должность секретаря у папы и Собора. Отцами Собора блаженному Іерониму, между прочимъ, поручено было изложить исповѣданіе вѣры, направленное противъ еретическаго заблужденія Аполлинарія. Вообще положеніе блаженнаго Іеронима при папѣ Дамасѣ, особенно вначалѣ, было очень вліятельнымъ. Папа, занимавшійся изслѣдованіями въ области изученія Священнаго Писанія, пользовался указаніями блаженнаго Іеронима, поощряя и его въ то же время къ тѣмъ же занятіямъ.

Въ первые годы своего пребыванія въ Римѣ блаженный Іеронимъ за его аскетическій образъ жизни, за ученость и краснорѣчіе пользовался всеобщимъ уваженіемъ и широкою извѣстностью; достаточно сказать, что блаженнаго отца открыто называли преемникомъ папы Дамаса по каѳедрѣ Римской Церкви. Но спустя недолгое время блаженный Іеронимъ сталъ предметомъ ожесточенной ненависти. Его настойчивое указаніе, что достиженіе христіанскаго совершенства невозможно безъ полнаго отреченія отъ міра и плоти, отталкивало отъ него не только язычниковъ, но и многихъ христіанъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались нѣкоторые порочные члены тогдашняго общества, чтобы обвинить подвижника въ лицемѣріи, распространяя про него всевозможныя клеветы и обвиненія. Многихъ смущало и то глубокое уваженіе,

---

[1]) *Св. Епифаній*, сынъ бѣднаго еврейскаго земледѣльца въ палестинскомъ Елевѳерополькомъ округѣ, десятилѣтнимъ сиротой былъ усыновленъ замѣнившимъ ему отца еврейскимъ законоучителемъ Трифономъ. По смерти послѣдняго Епифаній, наставленный въ христіанской вѣрѣ и крещенный инокомъ Лукіаномъ, вступилъ на путь иноческой жизни, которую онъ началъ въ Египтѣ. По возвращеніи отсюда основалъ на родинѣ монастырь, пользуясь руководствомъ св. Иларіона Палестинскаго. Здѣсь св. Епифаній велъ борьбу съ аріанами, предпринималъ путешествія на Востокъ для обращенія огнепоклонниковъ-персовъ. По указанію свыше уже шестидесятилѣтнимъ старцемъ онъ былъ избранъ въ епископа города Саламина — митрополіи всего острова Кипра. 36 лѣтъ управлялъ св. Епифаній Церковію, путешествуя въ это время въ Іерусалимъ, Римъ и Константинополь. Скончался на 96 году жизни въ 403 г. Погребенъ въ Кипрѣ 12 мая, когда св. Церковь и совершаетъ ему память. Славный даромъ чудотвореній и пророчества, св. Епифаній славенъ какъ учитель и защитникъ Православія. Отъ него остались сочиненія, изъ коихъ главными являются *Анкоратъ* (Якорь) и *Панарій* (домашняя аптека). «Анкоратъ» излагаетъ ученіе о единосущіи Божественныхъ Лицъ, о воплощеніи Христовомъ, о воскресеніи мертвыхъ, о вѣчной жизни и судѣ съ опроверженіемъ различнаго рода еретическихъ возраженій. Панарій содержитъ исторію и опроверженіе ересей: 20-ти, предшествовавшихъ Рождеству Христову, и 80-ти—временъ христіанскихъ. Для исторіи ересей эти сочиненія святаго Епифанія всегда будутъ имѣть значеніе одного изъ важнѣйшихъ первоисточниковъ.

съ какимъ блаженный Іеронимъ относился къ Оригену[1]). Такая враждебная настроенность, поставлявшая въ вину блаженному Іерониму даже его очевидныя заслуги[2]), особенно усилилась послѣ его письма къ Юліи Евстохіи о сохраненіи дѣвства. Письмо это относится къ 383 году. Въ немъ блаженный Іеронимъ обличаетъ и осмѣиваетъ нравственную распущенность и религіозное лицемѣріе современнаго ему римско-христіанскаго общества и преимущественно духовенства. Письмо вооружило противъ блаженнаго Іеронима буквально всѣхъ римскихъ христіанъ, тѣмъ болѣе что «всѣ язычники, отступники и всѣ, кто съ ненавистью относились къ имени христіанскому, ревностно списывали это письмо, потому

---

[1]) *Оригенъ* — знаменитый учитель Александрійской Церкви, чудо своего вѣка по уму и глубинѣ учености. Многіе замѣчательнѣйшіе изъ Отцевъ Церкви съ глубокимъ уваженіемъ относились къ богословскимъ трудамъ и заслугамъ Оригена; но впослѣдствіи онъ, еще при своей жизни, былъ осужденъ какъ еретикъ на двухъ мѣстныхъ Александрійскихъ Соборахъ и по кончинѣ—на Константинопольскомъ Соборѣ 543 года. Не высказывая своихъ неправославныхъ мнѣній какъ непреложныя истины, Оригенъ, тѣмъ не менѣе, неправо мыслилъ о многихъ истинахъ вѣроученія христіанской Церкви, почему нѣкоторые считали сомнительною твердость его въ главнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ. Развивая неправославное ученіе о предсуществованіи душъ, онъ неправо мыслилъ о Христѣ, полагая, что Богъ создалъ опредѣленное число духовныхъ существъ равнаго достоинства, способныхъ уразумѣвать Божество и уподобляться Ему; одинъ изъ этихъ сотворенныхъ духовъ съ такою пламенною любовью устремился къ Божеству, что неразрывно соединился съ Божественнымъ Словомъ или сталъ Его тварнымъ носителемъ; это, по мнѣнію Оригена, и есть та человѣческая душа, посредствомъ которой Богъ-Слово могъ воплотиться на землѣ, такъ какъ непосредственное воплощеніе Божества, по его *ошибочному* мнѣнію, немыслимо. Держась еретическаго воззрѣнія на воплощеніе Бога-Слова и сотвореніе міра и человѣка, Оригенъ въ неправославномъ смыслѣ понималъ и смерть Христову, представляя ее чѣмъ-то повторяемымъ духовно въ духовномъ мірѣ и имѣющимъ тамъ дѣйствіе на освобожденіе Ангеловъ и приписывая въ дѣлѣ спасенія слишкомъ много дѣйствію обыкновенныхъ силъ, коими одарена наша природа. Неправо мыслилъ Оригенъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія о воскресеніи и будущей жизни, напр. о томъ, что діаволъ можетъ спастись, и въ толкованіи Св. Писанія слишкомъ многое преувеличенно понималъ въ таинственномъ смыслѣ, въ ущербъ историческому смыслу Писанія. Но, во всякомъ случаѣ, заслуги Оригена предъ Церковію болѣе значительны и покрываютъ его заблужденія. Въ своихъ школахъ онъ воспиталъ многихъ замѣчательныхъ Отцовъ и учителей Церкви, изъ коихъ нѣкоторые ему обязаны своимъ обращеніемъ изъ язычества въ христіанскую вѣру, съ которой онъ хотѣлъ согласовать знаніе и философію. Особенно замѣчательны его труды по изученію Св. Писанія—истолкованію, а главное,—по возстановленію и очищенію подлиннаго текста; замѣчательны и сочиненія Оригена, направленныя къ защитѣ христіанства противъ его враговъ и еретиковъ.—Въ гоненіе Декія Оригенъ удостоился славы мужественнаго исповѣдника Христова, скончался семидесятилѣтнимъ старцемъ въ Тирѣ въ 254 году.

[2]) Такъ, напримѣръ, сдѣланный блаженнымъ Іеронимомъ по порученію папы Дамаса необходимый и полезный пересмотръ латинскаго перевода книгъ Св. Писанія возбудилъ ожесточенную вражду, потому что онъ лишалъ христіанъ многихъ привычныхъ и любимыхъ изреченій Св. Писанія, которыя хотя и были ошибочно выражены по сравненію съ подлиннымъ языкомъ св. книгъ, но вслѣдствіе долгаго употребленія сдѣлались дорогими.

что оно обезславливало всѣ классы христіанъ, всѣ степени, всѣ профессіи и всю Церковь, подвергая ихъ постыднѣйшему позору»[1]).

Во время этой бури негодованія, возбужденной помянутымъ письмомъ, блаженный Іеронимъ находилъ нѣкоторый покой въ обществѣ благочестивыхъ друзей, расположенныхъ къ нему и уважавшихъ его. Этотъ небольшой кружокъ составляли: Паммахій, патрицій[2]) и товарищъ блаженнаго Іеронима по школѣ, Океанъ, впослѣдствіи другъ блаженнаго Августина[3]), Марцеллинъ, нотарій[4]) и человѣкъ очень знатный[5]), и—пресвитеръ Домніонъ. Сейчасъ поименованныхъ друзей блаженный Іеронимъ сравниваетъ съ Даніиломъ, Ананіемъ, Азаріемъ и Мисаиломъ[6]). Къ этому обществу принадлежали и слѣдующія благородныя, благочестивыя и образованныя женщины: Меланія, Альбина и ея дочь Марцелла, Лея, Аселла, а также Павла съ ея дочерьми: Блезиллой, Евстохіей, Павлиной, Руфиной; къ послѣдней семьѣ блаженный Іеронимъ былъ особенно расположенъ. Благотворное вліяніе блаженнаго Іеронима на связанныхъ расположеніемъ къ нему благородныхъ и знатныхъ женщинъ Рима было особенно важно ввиду крайняго упадка нравовъ того времени: онъ давалъ примѣръ лучшей христіанской жизни, которая сама за себя свидѣтельствовала; руководство блаженнаго Іеронима кружкомъ преданныхъ ему лицъ заключалось въ томъ, что онъ читалъ и объяснялъ имъ Священное Писаніе, стараясь склонить ихъ къ рѣшимости вести аскетическій образъ жизни, сохраняя дѣвство или вдовство.

Въ 384 году умеръ высокій покровитель блаженнаго Іеронима, папа Дамасъ; его мѣсто занялъ Сириційй—человѣкъ не столь просвѣщенный и неодобрительно относившійся къ дѣятельности блаженнаго Іеронима. Языкъ клеветниковъ уже ничѣмъ болѣе не сдерживался, такъ что блаженный отецъ, мѣсяцевъ черезъ семь послѣ кончины Дамаса и послѣ своего трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, принужденъ былъ оставить послѣдній. Онъ удалился изъ него вмѣстѣ со своимъ юнымъ братомъ Павліаномъ и съ пресвите-

---

[1]) Такъ упрекалъ впослѣдствіи блаженнаго Іеронима за злополучное письмо его бывшій другъ Руфинъ.

[2]) Т. е. человѣкъ благороднаго происхожденія.

[3]) Знаменитый отецъ Западной Церкви († 430 г.).

[4]) Секретарь при дворѣ государя.

[5]) Впослѣдствіи, по желанію императора Гонорія, Марцеллинъ предсѣдательствовалъ на Карѳагенскомъ Соборѣ 410 г., созванномъ для примиренія донатистовъ съ православными.

[6]) См.: Кн. Прор. Даніила, гл. 1.

ромъ Винцетіемъ. Простившись съ друзьями, провожавшими его до пристани, блаженный Іеронимъ съ тоскою въ душѣ взошелъ на корабль, чтобы уже навсегда покинуть «вѣчный городъ». Единственнымъ утѣшеніемъ при этомъ скорбномъ разставаніи блаженному Іерониму служила та мысль, что «если ему и суждено было сносить позоръ ложнаго обвиненія, то онъ познаетъ, что черезъ худую молву и достигается Царство Небесное»... «и предъ судилищемъ Христовымъ обнаружится, какъ каждый жилъ».

Блаженный Іеронимъ покинулъ Римъ съ намѣреніемъ посѣтить Святую землю. На пути туда онъ, между прочимъ, останавливался на островѣ Кипрѣ, гдѣ гостилъ у епископа Саламинскаго святаго Епифанія, и въ Антіохіи, подъ радушнымъ кровомъ епископа Павлина. Здѣсь въ Антіохіи къ блаженному Іерониму присоединились Павла и Евстохія, порвавшія всѣ связи съ роднымъ Римомъ ради благочестія. Изъ Антіохіи паломники во Святую землю—Павла и Евстохія въ сопровожденіи молодыхъ дѣвственницъ и Іеронимъ съ Винцетіемъ, Павліаномъ и немногочисленной группой монаховъ — отправились вмѣстѣ. Они посѣтили башню святаго Пророка Иліи въ Сарептѣ [1]) и лобызали песокъ на томъ мѣстѣ въ Тирѣ, гдѣ преклонялъ колѣна святый Апостолъ Павелъ [2]); въ Кесаріи они осматривали домъ сотника Корнилія [3]) и небольшія комнатки въ домѣ «благовѣстника» Филиппа, гдѣ нѣкогда, во дни святыхъ апостоловъ, жили его четыре дочери-дѣвственницы [4]). Въ Іерусалимѣ паломники съ благоговѣніемъ лобызали Крестъ Христа, Его Гробъ, столпъ бичеванія; они посѣтили и всѣ мѣста Іерусалима, освященныя воспоминаніемъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ. Изъ Іерусалима, миновавъ гробницу Рахили [5]), паломники прибыли въ Виѳлеемъ [6]). Здѣсь на мѣстѣ рожденія Христа Спасителя Павла въ священномъ восторгѣ воскликнула:

---

1) 3 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 9.

2) Дѣян. Апост., гл. 21, ст. 3—5.

3) Дѣян. Апост., гл. 10.

4) Дѣян. Апост., гл. 21, ст. 8—9.

5) Патріархъ Іаковъ похоронилъ любимую жену свою Рахиль на дорогѣ въ Ефраѳу, т.е. Виѳлеемъ, и поставилъ надъ ея гробомъ памятникъ (Кн. Быт., гл. 35, ст. 18—19). Гробница Рахили была хорошо извѣстна и спустя многія столѣтія послѣ (1 Кн. Цар., гл. 10, ст. 2). Мѣстные Іудеи и магометане и доселѣ относятся къ гробницѣ Рахили съ большимъ благоговѣніемъ. Арабы собираются сюда для торжествеиныхъ молитвъ во время бездождія.

6) Виѳлеемъ въ В. З. извѣстенъ какъ родина величайшаго Іудейскаго царя Давида, а въ Новомъ—какъ родина Іисуса Христа. Онъ находится въ двухъ часахъ пути къ югу отъ Іерусалима и лежитъ на двухъ холмахъ, склоны которыхъ изобилуютъ виноградни-

— Достойна ли я, жалкая грѣшница, поцѣловать ясли, въ которыхъ плакалъ Господь, будучи малымъ ребенкомъ? Молиться въ пещерѣ, въ которой Дѣва Марія родила Младенца—Христа? Это родина моего Господа. Здѣсь я буду жить, такъ какъ Спаситель избралъ ее.

Послѣ Виѳлеема паломники, посѣтивъ часовню «Ангела благовѣстника пастухамъ» направились къ Мертвому морю [1]) чрезъ Газу и Хевронъ; затѣмъ, побывавъ на Іорданѣ, черезъ Веѳиль, Силомъ и Назаретъ [2]), они достигли моря Галилейскаго [3]) и горы Ѳавора [4]).

ками, а у подошвы тянутся хорошо обрабатываемыя хлѣбныя поля. Отъ этого плодородія, вѣроятно, происходитъ и самое названіе «Виѳлеемъ», съ еврейскаго—домъ хлѣба. Въ древности онъ назывался Ефраѳа (Мих. гл. **5**, ст. 2) съ еврейскаго—«приносить плоды». Со времени рожденія Христа Спасителя Виѳлеемъ сдѣлался священнымъ мѣстомъ для всѣхъ христіанъ. До занятія Палестины османами (XV в.) Виѳлеемъ не разъ былъ совсѣмъ разрушаемъ, и къ этому времени пришелъ въ полный упадокъ, отъ котораго оправился только въ началѣ XIX столѣтія. Теперь это небольшой городокъ съ населеніемъ изъ Арабовъ—наполовину православныхъ, наполовину католиковъ.—На мѣстѣ пещеры, или вертепа, гдѣ родился Господь Іисусъ Христосъ, находится храмъ; пещера находится подъ его алтаремъ; стѣны и полъ ея обдѣланы мраморомъ. Мѣстомъ рожденія Спасителя почитается углубленіе въ пещерѣ, освѣщаемое пятью серебряными лампадами. Въ полъ вдѣлана серебряная звѣзда съ латинской надписью: Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est—Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Іисусъ Христосъ. Въ шагахъ трехъ отъ этого мѣста находится впадина, признаваемая мѣстопахожденіемъ яслей, въ которые положенъ былъ Христосъ. Къ сѣверо-западу отъ пещеры тянется узкій подземный ходъ, съ преетолами и часовнями, а также пещерой, гдѣ былъ погребенъ блаженный Іероимъ.

[1]) *Мертвое море*—внутреннее Соленое озеро въ юго-восточной части Палестины; полуостровомъ Лисонъ Мертвое море дѣлится на два бассейна; оно лежитъ ниже уровня Средиземнаго моря на 394 *м*. Воды Мертваго моря насыщены солями до такой степени, что рыбы въ нихъ не могутъ жить, а удѣльный вѣсъ воды столь значителенъ, что органическія тѣла, упавшія въ воду, не тонутъ. Земля кругомъ Мертваго моря на значительномъ пространствѣ покрыта солью; по преданію, на мѣстѣ Мертваго моря находилась плодородная долина Сиддимъ, въ которой лежали города Содомъ и Гоморра.

[2]) *Назаретъ* (съ еврейск.—отрасль или огражденное мѣсто)—небольшой городокъ южной Галилеи, настолько малоизвѣстный до пришествія Спасителя, что объ немъ ни разу не упоминается въ Св. Писаніи В. З. По съ наступленіемъ временъ новозавѣтныхъ Назаретъ дѣлается знаменитѣйшимъ мѣстомъ Галилеи, потому что съ нимъ связано много событій изъ жизни Спасителя: Назаретъ былъ родиной Обручника Божіей Матери, праведнаго Іосифа; здѣсь было Благовѣщеніе Пресвятой Богородицѣ; здѣсь, по возвращеніи Святаго семейства изъ Египта, протекло дѣтство и отрочество Спасителя; здѣсь же Господь пребывалъ и по выступленіи на открытое служеніе человѣческому роду, пока не перемѣнилъ Назарета за невѣріе жителей на Капернаумъ. Какъ проведшій большую часть Своей жизни въ Назаретѣ, Іисусъ Христосъ носилъ наименованіе Назорея (Еванг. отъ Мѳ., гл. **2**, ст. 33).

[3]) *Море Галилейское*, или *Геннисаретское озеро*, было однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ проповѣди Господа Іисуса Христа; оно памятно многократными посѣщеніями его Господомъ (см., наприм., Еванг. отъ Мѳ., гл. **4**, ст. 13—17, 23—25; гл. **8**, ст. 23—24; гл. **9**, ст. 1—8; гл. **13**, ст. 1).

[4]) *Гора Ѳаворъ* лежитъ въ Галилеѣ, сѣверной части Палестины; преданіе Церкви издревле признаетъ гору Ѳаворъ горою Преображенія.

Изъ Палестины паломники отправились въ Египетъ[1]), гдѣ цѣлый мѣсяцъ пробыли въ Александріи[2]); здѣсь блаженный Іеронимъ слушалъ знаменитаго по своимъ знаніямъ Св. Писанія учителя александрійской огласительной школы слѣпца Дидима, преемника по каѳедрѣ Оригена[3]). Когда путники прибыли въ Нитрійскую пустыню[4]), ихъ встрѣтилъ епископъ Исидоръ съ «безчисленными толпами монаховъ». Послѣ общенія съ нитрійскими пустынниками паломники осенью 386 года возвратились въ Виѳлеемъ.

Для жительства паломниковъ, рѣшившихъ остаться въ Виѳлеемѣ, Павлой предпринята была постройка монастырей—женскаго и мужскаго; въ послѣднемъ настоятелемъ былъ блаженный Іеронимъ; Павлой затѣмъ построено было еще два женскихъ монастыря. Стройка продолжалась около трехъ лѣтъ; все это время Павла съ дѣвственницами и блаженный Іеронимъ съ монахами прожили въ малоудобныхъ помѣщеніяхъ. Кромѣ монастырей, Павла выстроила странноприимный домъ, гдѣ при посѣщеніяхъ Виѳлеема находили безплатный пріютъ паломники, въ большомъ числѣ стекавшіеся во Святую землю даже изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ христіанскаго міра, какъ Галлія, Британія, Армепія, Понтъ, Еѳіопія и Индія. Странноприимный домъ былъ открытъ для всѣхъ паломниковъ, исключая еретиковъ; «Іосифъ и Марія,—говоритъ блаженный Іеронимъ,—если бы опять пришли въ Виѳлеемъ, вновь не оказались бы безъ мѣста». Широкая и щедрая благотворительность истощила, наконецъ, и богатыя личныя средства Павлы, такъ что блаженный Іеронимъ въ цѣляхъ поддержки монастыря вынужденъ былъ отправить въ Далмацію своего брата Павлиніана съ порученіемъ продать его личное наслѣдство. Самъ блаженный Іеронимъ жилъ въ пещерѣ, находившейся по сосѣдству съ пещерой Рождества Христова. Пищей

---

1) *Египетъ*, одно изъ первыхъ по времени государствъ земного шара, занимаетъ узкую береговую полосу Африки по обѣимъ сторонамъ рѣки Нила.

2) См. стр. 90-ю, примѣч. 2-ое.

3) Блаженный Іеронимъ, разсказывая о событіяхъ, происшедшихъ во дни его дѣтства, передаетъ слѣдующее о Дидимѣ: когда въ Александрію прибылъ знаменитый отшельникъ св. Антоній, вызванный сюда св. Аѳанасіемъ для борьбы съ аріанами, то Дидимъ посѣтилъ великаго подвижника: послѣдній, удивляясь уму и знаніямъ Дидима въ области Св. Писанія, спросилъ его: «Скорбитъ ли онъ о томъ, что онъ слѣпъ?» И когда Дидимъ сознался, что слѣпота для него тяжелое испытаніе, Антоній замѣтилъ: «Странно, что ты скорбишь о потерѣ дара, которымъ обладаютъ мухи и муравьи, и не радуешься обладанію такими познаніями, которыхъ удостанвались только святые и апостолы».

4) ***Нитрійская пустыня*** была излюбленнымъ мѣстомъ жительства иноковъ въ Египтѣ; лежитъ на югъ отъ скитской пустыни.

ему служилъ хлѣбъ со съѣдобными травами, а питьемъ—вода; да и эту скудную пищу блаженный отецъ въ постные дни вкушалъ лишь по закатѣ солнца. Онъ руководилъ иноками своего монастыря, надзирая въ то же время за благочестивыми упражненіями и занятіями Павлы и Евстохіи, причемъ настойчивыя разспросы послѣднихъ о тѣхъ или другихъ малопонятныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія ставили въ большое затрудненіе его самого. Часть трудового дня блаженный Іеронимъ удѣлялъ еще на преподаваніе мальчикамъ. Но главнымъ занятіемъ его, какъ и прежде, было изученіе Св. Писанія и переписка. Сульпицій Северъ[1]), прожившій съ блаженнымъ Іеронимомъ въ его пещерѣ шесть мѣсяцевъ, свидѣтельствуетъ, что блаженный отецъ всегда былъ занятъ чтеніемъ или письмомъ, почти не пользуясь отдыхомъ не только днемъ, но и ночью. Здѣсь, въ пещерѣ, блаженный Іеронимъ собралъ себѣ, не жалѣя средствъ, обширную библіотеку главнымъ образомъ изъ трудовъ Оригена, Дидима, Иринея и Евсевія Кесарійскаго. Въ связи съ главнымъ занятіемъ блаженнаго Іеронима по изученію и истолкованію Священнаго Писанія стоитъ его занятіе еврейскимъ языкомъ, которое онъ продолжалъ и въ Виѳлеемѣ: эти занятія онъ велъ то съ раввиномъ Вараниной, то съ раввиномъ изъ Лидды или Тиверіады, причемъ послѣдній бралъ за свои уроки высокую плату. Блаженнаго Іеронима при изученіи еврейскаго языка воодушевляло, кромѣ стремленія ознакомиться съ подлиннымъ языкомъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, желаніе опровергнуть насмѣшки надъ христіанами Іудеевъ: послѣдніе указывали, что тексты Писанія, на которые ссылаются христіане, имѣютъ будто бы другое значеніе въ подлинникѣ.

Время пребыванія блаженнаго Іеронима въ Виѳлеемѣ было временемъ расцвѣта его литературной дѣятельности. Особенно это нужно сказать про первыя десять лѣтъ. Затѣмъ приступы горячки, страхъ общественныхъ бѣдствій, охватившій весь Востокъ, трепетавшій въ ожиданіи нашествія Гунновъ[2]), нарушили

[1]) *Сульпицій Северъ* († 410 г. или 429 г.), родомъ изъ Аквитаніи, сначала былъ адвокатомъ, а потомъ, по смерти жены, удалился въ 392 г. въ монастырь близъ Безьера; отсюда въ 409 году онъ перешелъ въ Марсель. Извѣстенъ своею близостью къ св. Мартину Турскому, жизнь котораго онъ описалъ подробно, но не совсѣмъ правдоподобно. Кромѣ того, онъ написалъ «Исторію» (Historia) или «Священную Хронологію» (Chronica sacra), гдѣ въ 2 книгахъ излагаются событія съ сотворенія міра, кончая 409 годомъ по Р. Хр.; ему принадлежатъ также два діалога.

[2]) Сохранилось письмо блаженнаго Іеронима отъ 395 года къ Оцеану, гдѣ онъ сообщаетъ, между прочимъ, что весь Востокъ трепеталъ въ ожиданіи нашествія Гунновъ.

мирное пребываніе блаженнаго Іеронима въ Виѳлеемѣ. Но особенно много огорченій доставила ему его полемика, отъ которой онъ не могъ отказаться и здѣсь, въ виѳлеемскомъ удаленіи отъ міра, и которую онъ велъ съ большимъ подъемомъ чувства. Блаженный Іеронимъ или обличалъ лицъ, высказывавшихъ взгляды, несогласные съ ученіемъ Церкви, или защищалъ свои воззрѣнія въ случаѣ нападокъ на нихъ со стороны лицъ, расходившихся съ мнѣніемъ блаженнаго отца по извѣстному церковному вопросу. Такъ, блаженный Іеронимъ выступилъ съ тремя обличительными книгами противъ одного свободомыслящаго инока Іовиніана; онъ указывалъ на слѣдующія заблужденія въ ученіи послѣдняго: 1) что дѣвство, вдовство и бракъ сами по себѣ одинаково безразличны и одинаково пріятны Богу; 2) что истинно возродившіеся въ водахъ Крещенія могутъ быть безгрѣшны, 3) что постъ и соединенное съ благодареніемъ Бога пользованіе пищею имѣютъ одинаковое нравственное достоинство. Въ 399 году блаженный Іеронимъ былъ вовлеченъ въ знаменитый споръ объ Оригенѣ, продолжавшійся около пяти лѣтъ. Во время этого спора, доставившаго чрезвычайныя непріятности блаженному Іерониму, онъ изъ прежняго почитателя знаменитаго Александрійскаго учителя обратился въ горячаго обличителя его заблужденій; споръ этотъ вызвалъ окончательный разрывъ между блаженнымъ Іеронимомъ и Руфиномъ, нѣкогда друзьями. Болѣе успѣшна была, тоже доставившая немало огорченія блаженному Іерониму, переписка его съ блаженнымъ Августиномъ: Іеронимъ убѣдилъ Августина отказаться отъ его ошибочнаго мнѣнія, по которому онъ считалъ ненужнымъ переводъ Священнаго Писанія съ еврейскаго языка ввиду существованія перевода 70 толковниковъ. Съ другой стороны, блаженный Августинъ убѣдилъ блаженнаго Іеронима молчаливо отказаться отъ его толкованія 11—15 ст. 2 главы посланія къ Галатамъ, гдѣ блаженный Іеронимъ представлялъ дѣйствія верховныхъ Апостоловъ въ свѣтѣ неискренности, унижавшей ихъ высокое достоинство и колебавшей авторитетъ Священнаго Писанія.

Блаженный Іеронимъ былъ по преимуществу человѣкъ науки и оставилъ послѣ себя богатое наслѣдіе въ видѣ своихъ литера-

---

Блаженный Іеронимъ вынужденъ былъ въ Іоппіи держать наготовѣ суда для своихъ монаховъ и монахинь, чтобы бѣжать въ случаѣ нападенія Гуновъ на Св. землю: Гуины уже осаждали Антіохію, и ходила молва, что они намѣрены брать штурмомъ Іерусалимъ, ища въ немъ сокровищъ.

турныхъ произведеній. По предмету и характеру своему эти сочиненія могутъ быть раздѣлены на четыре вида: 1) догматико-полемическія, 2) нравственно-аскетическія, 3) труды по истолкованію Священнаго Писанія и 4) труды историческія.

Къ догматико-полемическимъ относятся: «Разговоръ противъ Пелагіанъ»[1]) (написанъ въ концѣ 415 г.), «Книга противъ Гельвидія о приснодѣвствѣ блаженной Маріи» (въ Римѣ, въ 383 г.), «Противъ Іовиніана» (въ Виѳлеемѣ, въ 392 г.) и «Противъ Вигилянція»[2]). Немало произведеній этого рода было вызвано и оригенистическими спорами: «Посланіе къ Ѳеофилу Александрійскому», «Противъ Іерусалимскаго епископа Іоанна»[3]) (398—399 г.). «Двѣ книги апологіи[4]) противъ книгъ Руфина» (402 г.), «Третья книга, или послѣдній отвѣтъ на писанія Руфина» (402 г.). Вынужденное участіе блаженнаго Іеронима въ распряхъ, вызванныхъ расколомъ въ Антіохійской Церкви, было причиной появленія книги: «Споръ православнаго съ люциферіаниномъ» (въ 379 г. въ Антіохіи).—Изъ переводныхъ чисто догматическихъ трудовъ замѣчательны переводы блаженнаго Іеронима: сочиненія Оригена «О началахъ» (399 г.) и сочиненія Дидима «О Святомъ Духѣ».

Нравственно-аскетическая дѣятельность блаженнаго Іеронима нашла свое выраженіе главнымъ образомъ въ его письмахъ; изъ нихъ сохранилось безспорно подлинныхъ 120. Особенно поучительны слѣдующія письма блаженнаго отца: 14-ое къ Иліодору, съ восхваленіемъ отшельнической жизни; 22-ое къ Евстохіи о сохраненіи обѣта дѣвства; 52-ое къ Непоціану о добродѣтеляхъ монашествующихъ въ связи съ изображеніемъ идеала пастырскаго служенія; 58-ое къ Павлину съ наставленіями монаху. Сюда же можно отнести и составленныя блаженнымъ Іеронимомъ описанія жизни подвижниковъ: Павла ѳивейскаго (376 г.), Малха-монаха

1) *Пелагій* (еретикъ V в.) отрицалъ ученіе Церкви о первородномъ грѣхѣ, понимая его лишь въ смыслѣ перваго дурного примѣра, даннаго Адамомъ, а не въ смыслѣ склонности ко грѣху человѣческой природы послѣ грѣхопаденія Адама; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрицалъ и ученіе о благодати какъ особой силѣ, ниспосылаемой Богомъ человѣку; онъ понималъ благодать какъ откровеніе Богомъ всего добраго въ природѣ и въ исторіи, начиная съ факта существованія и кончая откровеніемъ высшей истины черезъ Христа.

2) Послѣдній возставалъ противъ почитанія святыхъ и мучениковъ, противъ превознесенія монашеской жизни, противъ почитанія мощей, противъ чрезмѣрной важности, признаваемой за добрыми дѣлами, постомъ и милостынею. Вообще онъ возставалъ противъ всѣхъ, существовавшихъ въ его время формъ церковнорелигіозной жизни, не различая истинныхъ отъ ложныхъ.

3) Приверженецъ Оригена.

4) *Апологія* — ἀπολογία—защита.

и святаго Иларіона (оба написаны около 379 г.); 103-е письмо къ Евстохіи содержитъ біографію Павлы—виѳлеемской сподвижницы Іеронима.

Но поистинѣ безсмертную заслугу предъ христіанскимъ міромъ блаженный Іеронимъ стяжалъ себѣ трудами, относящимися къ излюбленной имъ области изученія Священнаго Писанія. Труды этого рода блаженнаго Іеронима можно раздѣлить на: 1) исагогическія, 2) филологическія и 3) экзегетическія. Къ исагогическимъ относятся слѣдующія произведенія блаженнаго Іеронима: 1) «Объ еврейскихъ именахъ»— сочиненіе это, составленное подъ вліяніемъ Іосифа Флавія, Филона и Оригена, содержитъ объясненіе въ мистико-аллегорическомъ духѣ различныхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгахъ Священнаго Писанія и расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ 380 г. блаженный Іеронимъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Книга о положеніи и именахъ еврейскихъ мѣстъ», сочиненіе весьма важное для изученія топографіи и археологіи Палестины. «Еврейскіе вопросы на Книгу Бытія»,—другое произведеніе блаженнаго Іеронима разсматриваемаго рода, представляетъ собою критическія замѣчанія на труднѣйшія мѣста Книги Бытія, сдѣланныя на основаніи сравнительнаго изученія текстовъ «италійскаго», еврейскаго и греческаго 70 толковниковъ.—Филологическій характеръ носятъ слѣдующія произведенія, принадлежащія перу блаженнаго Іеронима: исправленіе по существующимъ въ его время редакціямъ перевода LXX, такъ называемаго «италійскаго», латинскаго перевода Библіи, широко распространеннаго въ Латинской Церкви, но заключавшаго массу погрѣшностей. Блаженный Іеронимъ приступилъ къ этой работѣ въ 383 г. по порученію папы Дамаса; прежде всего онъ занялся исправленіемъ Четвероевангелія и остальныхъ книгъ Новаго Завѣта; изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ имъ была исправлена Псалтирь. Псалтирь, по распоряженію папы Дамаса, тотчасъ была введена въ Богослужебную практику и стала называться «Римскимъ Псалтиремъ»[1]). Книги новозавѣтныя, исправленныя блаженнымъ Іеронимомъ, и доселѣ входятъ въ составъ Библіи, употребляемой во всей Западной католической Церкви. Уже во время жизни въ Виѳлеемѣ блаженный Іеронимъ докончилъ исправленіе «италійскаго текста» и для книгъ Ветхаго Завѣта,

[1]) Впрочемъ, она употреблялась только до XVI вѣка.

причемъ эту работу онъ опять началъ съ Псалтири, которую онъ исправилъ по Оригеновымъ гексаплamъ. Манускриптъ послѣднихъ имъ найденъ былъ въ Кесаріи, гдѣ жилъ Оригенъ въ III в.[1]). Эта Псалтирь извѣстна подъ именемъ «Галльской Псалтири», потому что вошла въ употребленіе прежде всего въ Галльской Церкви и потомъ была принята во всей Западной Церкви. Тѣмъ же порядкомъ блаженный Іеронимъ исправилъ и всѣ остальныя книги Ветхаго Завѣта, но этотъ трудъ «по лукавству одного человѣка», какъ говоритъ самъ блаженный отецъ, пропалъ безслѣдно, за исключеніемъ книги Іова.

Будучи знатокомъ еврейскаго, «халдейскаго», латинскаго и греческаго языковъ и имѣя подъ руками такое важное пособіе, какъ гексаплы Оригена, блаженный Іеронимъ предпринялъ самостоятельный латинскій переводъ всѣхъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта съ ихъ оригинальнаго языка; онъ желалъ уничтожить недостатки италійскаго текста. Къ работѣ блаженный Іеронимъ приступилъ около 390 года, а окончилъ ее въ 405 году, когда оказался переведеннымъ весь Ветхій Завѣтъ за исключеніемъ неканоническихъ Книгъ—Варуха, 1 и 2 Маккавейской и Премудрости Іисуса Сына Сирахова. Почти всѣ Книги переведены съ еврейскаго подлинника; только Товитъ и Іудиѳь переведены съ «халдейскаго языка», да нѣкоторыя части Книгъ Есѳири и Даніила съ греческаго. Переводъ блаженнаго Іеронима не чуждъ недостатковъ, потому что велся чрезвычайно поспѣшно: напримѣръ, Книга Товитъ переведена въ одинъ день, Книги Соломоновы въ три дня, но и при своихъ недостаткахъ переводъ блаженнаго Іеронима до сихъ поръ не имѣетъ равныхъ по красотѣ, выразительности и точности изложенія. И неудивительно поэтому, что при Григоріи Великомъ[2]) переводъ вошелъ во всеобщее употребленіе въ Латинской Церкви, а съ XIII в. сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Вульгаты, то есть перевода, распространеннаго среди всего народа.

Экзегетическіе труды блаженнаго Іеронима распадаются на переводныя (переводы гомилій Оригена—14 на Пророка Іеремію,

---

[1]) *Гексаплы* Оригена представляютъ собою списокъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, раздѣленный на шесть столбцовъ (откуда и названіе): въ первомъ столбцѣ помѣщался еврейскій текстъ еврейскими же буквами; во второмъ—тотъ же текстъ въ греческой транскрипціи, въ третьемъ—переводъ Акилы, въ четвертомъ—Симмаха; въ пятомъ—LXX толковниковъ и въ шестомъ—Ѳеодотіона. Переводъ LXX былъ снабженъ замѣтками, указывавшими его различія отъ еврейскаго текста.

[2]) Съ 590 г.—Римскій епископъ.

14 на Іезекіиля, 2 на Пѣснь Пѣсней, 39 на Евангелиста Луку) и его собственныя; къ послѣднимъ относятся: толкованіе на Евангеліе Матѳея (398 г.), на посланія Ап. Павла къ Галатамъ, Ефесянамъ, Титу и Филимону, а также—толкованіе на Апокалипсисъ. Много отдѣльныхъ толкованій разбросано по его письмамъ. Толкованія блаженнаго Іеронима по большей части являются филологическими объясненіями, которыя нерѣдко переходятъ въ бесѣды мистико-аллегорическаго характера; они цѣнны еще и въ томъ отношеніи, что среди объясненій сохранились отрывки изъ утраченныхъ теперь произведеній Оригена, Аполлинарія и Дидима.

Историческіе труды блаженнаго Іеронима исчерпываются слѣдующими: переводомъ «Хроники Евсевія Кесарійскаго» на латинскій языкъ съ ея незначительной переработкой и продолженіемъ до 378 г. и—«Каталогомъ о знаменитыхъ мужахъ». При ограниченности историческаго матеріала, сохраненнаго древностью, первый трудъ имѣетъ немаловажное значеніе. Послѣдній трудъ, составленный главнымъ образомъ на основаніи сочиненій Евсевія Кесарійскаго, даетъ послѣдовательный историческій обзоръ всей христіанской литературы, оканчивая 14 годомъ правленія Ѳеодосія Младшаго. Наряду со свѣдѣніями о сочиненіяхъ помѣщаются и біографіи самихъ писателей; главное вниманіе въ этомъ обзорѣ блаженный Іеронимъ удѣляетъ экзегетическимъ трудамъ, среди которыхъ онъ помѣстилъ и свои собственные.

Блаженному Іерониму пришлось быть современникомъ паденія Рима подъ ударами готскихъ полчищъ Алариха (въ 410 г.). «Вѣчный городъ», въ теченіе многихъ вѣковъ бывшій живымъ олицетвореніемъ государственнаго могущества, явился мѣстомъ «ужаса, смятенія, голода и бѣдственности, пожара и кровопролитія». Его «блистательныя церкви превратились въ пепелъ и мусоръ». Въ эти ужасные дни въ Римѣ погибли близкія блаженному Іерониму лица: Марцеллина и Паммахій. Когда вѣсть о паденіи Рима достигла блаженнаго Іеронима, она произвела на него впечатлѣніе неожиданно разразившагося грома и преисполнила его великой скорбью; послѣдняя нашла свой отголосокъ въ его письмахъ. «Кто бы повѣрилъ тому,—спрашивалъ онъ,—чтобы Римъ, основанный на тріумфахъ надъ всѣмъ міромъ, могъ подвергнуться разрушенію? Чтобы онъ, матерь народовъ, могъ также сдѣлаться ихъ гробницей? Чтобы всѣ страны Востока, Египта, Африки наполнились толпами юношей и дѣвъ прежняго владыки міра? Чтобы священ-

ному городу Виѳлеему пришлось изо дня въ день видѣть, какъ блистательныя лица обоего пола, нѣкогда жившія въ избыткѣ и роскоши, стремились къ его стѣнамъ въ качествѣ нищихъ?» Блаженный Іеронимъ, не будучи въ состояніи помочь имъ, раздѣлялъ постигшее ихъ горе, проливая вмѣстѣ съ ними слезы. Но эти слезы были облегченіемъ по сравненію съ тѣми, какія исторгались изъ его глазъ, когда онъ впервые получилъ вѣсть о взятіи Рима и сопровождавшихъ это міровое событіе ужасахъ: «Мой голосъ,—говоритъ онъ въ письмѣ Принципіи по поводу смерти ея матери Марцеллы,—подавленъ, и рыданія затрудняютъ мнѣ диктовать слова. Взятъ городъ, который самъ нѣкогда взялъ весь міръ; мало того, онъ погибъ отъ голода, прежде чѣмъ палъ отъ меча, и едва нѣсколько человѣкъ найдено было для того, чтобы взять ихъ въ плѣнъ. Ярость голодныхъ переходила въ гнусное людоѣдство; люди отрывали другъ у друга члены, мать не щадила своего грудного ребенка». Въ 411 году престарѣлаго подвижника постигло новое испытаніе: самый Виѳлеемъ трепеталъ отъ ужаса, вызваннаго дикимъ набѣгомъ бедуиновъ-арабовъ, и лишь милость Божія спасла общину блаженнаго Іеронима отъ разоренія. Такъ среди бѣдствій, переживъ всѣхъ своихъ друзей, оканчивалъ въ печальномъ одиночествѣ свои дни блаженный Іеронимъ. Самый внѣшній видъ его свидѣтельствовалъ о перенесенныхъ имъ подвигахъ, лишеніяхъ и утратахъ: уже давно сѣдые волосы обрамляли чело, изборожденное глубокими морщинами; слабые, впалые глаза и блѣдное изможденное лицо носили слѣды многихъ слезъ. Единственный свѣтлый лучъ, скрасившій сумрачную старость блаженнаго Іеронима, было поселеніе въ Виѳлеемѣ младшей Павлы, внуки Павлы, и—Альбины, христіанской жены языческаго жреца, съ дочерью Меланіей. Онѣ, вѣроятно, и закрыли глаза умиравшаго старца. Годъ смерти блаженнаго Іеронима точно неизвѣстенъ. Сохранилось, впрочемъ, свидѣтельство Проспера Аквитинскаго, которое говоритъ, что блаженный Іеронимъ скончался 30 сентября 420 года. Вѣроятно, онъ отошелъ въ вѣчность послѣ довольно продолжительной и тяжкой болѣзни[1]); погребенъ былъ близъ Павлы и Евстохіи въ пещерѣ, сосѣдней къ мѣсту Рождества Христова. Въ 642 году мощи блаженнаго Іеронима были пере-

[1]) Такъ можно догадываться на основаніи того обстоятельства, что за послѣднихъ девять мѣсяцевъ 420 года не существуетъ ни одного письма блаженнаго Іеронима: очевидно, болѣзнь отнимала у него возможность писать.

несены изъ Виѳлеема въ Римъ и положены въ церкви Божіей Матери въ Маджіоре; гдѣ нынѣ онѣ,—неизвѣстно. Сохранилась лишь честна́я рука, которая находится въ Римѣ въ церкви его имени близъ площади Фарнезе.

Въ тотъ же день **память** иже **во святыхъ отца нашего Іоны, митрополита** Московскаго и всея Россіи, чудотворца.

Въ тотъ же день **перенесеніе мощей преподобнаго Ѳеодора Сикеота,**—епископа Анастасіупольскаго (житіе его см. подъ 22 апрѣля).

Въ тотъ же день **память** иже **во святыхъ святителя Михаила, перваго митрополита** Кіевскаго и всея Руси, чудотворца (992 г.) Житіе его см. подъ 30 сентября.

День шестнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ТИХОНА ЧУДОТВОРЦА,

епископа Амаѳунтскаго

Святый Тихонъ родился на островѣ Кипрѣ въ городѣ Амаѳунтѣ [1]) отъ благочестивыхъ родителей—христіанъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ воспитанный своими родителями въ христіанскомъ благочестіи, онъ наученъ былъ ими чтенію священныхъ книгъ, за что былъ принятъ въ клиръ церковный и удостоенъ должности церковнаго чтеца. За чистоту своей жизни онъ былъ поставленъ затѣмъ святымъ Мемноном, епископомъ Амаѳунтскимъ, во діакона. Когда же скончался епископъ Мемнонъ, то, по общему желанію амаѳунтскихъ христіанъ, избранъ былъ на его мѣсто святый Тихонъ и рукоположенъ святымъ Епифаніемъ, архіепископомъ Кипрскимъ [2]).

Въ то время на островѣ Кипрѣ оставалось еще много язычниковъ, державшихся древняго идолопоклонства.

---

1) *Амаѳунтъ*—нынѣ городъ *Лимиссо* на островѣ Кипрѣ.

2) *Святый Епифаній*—архіепископъ острова Кипра,—скончался въ 403 г. отъ Р. Хр.; сей святитель просіялъ силою богомудраго ученія и даромъ чудотвореній и пророчества.—Память его—12 мая.

Святитель Христовъ Тихонъ подъялъ на себя великій трудъ, отвращая жителей Амаѳунта отъ языческихъ заблужденій и приводя ихъ къ познанію Христа-Бога; въ семъ великомъ трудѣ споспѣшествовалъ ему Господь, ибо, исторгнувъ отъ власти діавола великое словесное стадо, святитель привелъ его въ ограду Православной Каѳолической Церкви, обративъ козловъ въ овецъ Христовыхъ. Святый Тихонъ уничтожилъ также вокругъ Амаѳунта идоловъ, а храмы этихъ идоловъ, какъ жилища бѣсовскія, онъ искоренялъ и разорялъ.

Благочестно управивъ ввѣренную ему отъ Господа паству, святый Тихонъ скончался въ глубокой старости. За свои многія чудеса, сотворенныя имъ не только при жизни, но и по смерти, святый Тихонъ названъ Чудотворцемъ.

Изъ многихъ чудесъ святаго Тихона до нашего времени сохранилось сказаніе лишь о двухъ случаяхъ чудодѣйственной его силы[1]). Первое чудо, сотворенное святымъ Тихономъ еще въ отроческомъ возрастѣ, было слѣдующее. Отецъ святаго Тихона, содержавшій семью свою печеніемъ и продажею хлѣбовъ, посылалъ сына продавать хлѣбы. Святый же Тихонъ раздавалъ бѣднякамъ хлѣбъ даромъ. Отецъ его, узнавши объ этомъ, опечалился и, разгнѣвавшись на сына, началъ ругать его за это. Благочестивый же отрокъ сказалъ на это отцу:

— Отчего ты печалишься, отецъ, какъ бы что-нибудь потерявшій? Я далъ хлѣбы взаймы Богу, а въ святыхъ книгахъ сказано: «дающій Богу, сторицею пріиметъ». Если не вѣришь сказанному тамъ, то пойдемъ въ житницу и тамъ ты самъ увидишь, какъ Богъ отдаетъ долгъ заимодавцамъ Своимъ.

Сказавши это, онъ пошелъ съ отцомъ къ житницѣ, и когда они хотѣли открыть дверь, то увидѣли, что то помѣщеніе, которое было пусто, все наполнено чистою пшеницею. Видя такое чудо, отецъ святаго Тихона весьма изумился и, падши на колѣни, поклонился Богу, воздавая Ему благодареніе; съ этого времени онъ пересталъ гнѣваться на сына и не препятствовалъ ему раздавать нищимъ хлѣбъ, сколько онъ желалъ.

Другое чудо, сотворенное святымъ Тихономъ, было слѣдующее:

---

1) Подробныя свѣдѣнія (какъ пишетъ св. Димитрій Ростовскій) о житіи и чудесахъ св. Тихона до насъ не сохранились, ибо по случаю многихъ магометанскихъ нашествій и давности времени какъ многія церкви опустѣли, такъ равно и церковныя записи въ нихъ погибли.

Сѣ́тый
ТИ́ХѠНЪ

Въ одномъ виноградникѣ садовники, обрѣзывая сухія вѣтви у винограда, выбрасывали ихъ вонъ какъ негодныя. Святый же Тихонъ, собравъ эти вѣтви, посадилъ въ своемъ саду. Сажая, онъ молился Господу о томъ, чтобы Онъ далъ виноградным вѣтвямъ слѣдующія четыре свойства: во-первыхъ, чтобы сухіе сучья принялись въ землѣ, пустили корни и росли; во-вторыхъ, чтобы виноградныя вѣтви изобиловали ягодами; въ-третьихъ, чтобы ягоды были сладки и полезны для здоровья; въ-четвертыхъ, чтобы виноградъ его скорѣе всѣхъ поспѣвалъ и созрѣвалъ. Когда наутро святый Тихонъ вышелъ въ садъ, то увидѣлъ, что молитва его была услышана: сухія вѣтви принялись въ землѣ и пустили почки; а когда тѣмъ же лѣтомъ начали расти, то совершенно необычно и неестественно оказались весьма плодородными, и еще въ то время, когда въ другихъ виноградникахъ плоды зрѣли, ягоды въ виноградникахъ святаго Тихона были вполнѣ зрѣлы, пріятны на вкусъ и весьма полезны для здоровья. Этотъ виноградъ не только при жизни святаго Тихона обладалъ такой чудодѣйственной силой, но и по кончинѣ его былъ плодороденъ и каждогодно плоды его поспѣвали ранѣе, чѣмъ въ другихъ виноградникахъ, такъ что 16-го іюня—въ день памяти святаго Тихона—на выжатомъ винѣ изъ этого винограда было совершаемо на Литургіи Таинство Евхаристіи. Уже изъ двухъ сихъ чудесъ можно видѣть, что святый Тихонъ былъ чудотворецъ и великій угодникъ Божій.

Въ службѣ святаго Тихона повѣствуется, кромѣ того, что онъ пророчески предъузналъ и возвѣстилъ другимъ о времени своей кончины [1]).

[1]) Пѣснь **7**, ст. 2 и пѣснь **8**, ст. 1.

За таковую святость сего чудотворца Тихона да будетъ Богу нашему слава, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

Тропа́рь, гла́съ а̃:

Ѝстыннный жи́тель, и̂ въ тѣлесѝ а̃гг҃лъ, и̂ чюдотво́рецъ ꙗ҆ви́лся е̂сѝ, бг҃оно́се о҆́тче на́шъ тю́хоне: посто́мъ, бдѣ́нїемъ, мл҃твою нб҃на дарова́нїа прїи́мъ, и̂сцѣля́еши недю́жныя, и̂ дю́шы вѣ́рою притека́ющихъ тѝ. сла́ва да́вшему тебѣ̀ кр҃по́сть, сла́ва вѣнча́вшему тя̀, сла́ва дѣ́йствующему тобо́ю всѣ́мъ и̂сцѣле́нїя.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Въ по́стничествѣ сп҃е бг҃олюбе́зномъ превы́въ, о҆ц҃ѣ́шителеву си́лу съ высоты̀ прїя́лъ е̂сѝ, и҆́дола низложи́ти пре́лести, лю́ди же спс҃тѝ, де́моны ѿгна́ти, неду́ги и̂сцѣля́ти: сего̀ ра́ди почита́емъ тя̀ ꙗ҆́ко бж҃їа дру́га, тю́хоне бл҃же́нне.

Въ тотъ же день **память священномученика Тигрія** пресвитера и **мученика Евтропія** чтеца, пострадавшихъ въ началѣ V вѣка, въ Константинополѣ.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Тихона Медынскаго** (Калужскаго).

---

[1]) *Святитель Тихонъ* жилъ въ царствованіе Греческаго императора Аркадія (395—408 гг.) и сына его Ѳеодосія.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ТИХОНА,

Луховскаго чудотворца

Преподобный отецъ нашъ Тихонъ былъ родомъ изъ Малой Россіи, изъ Литовскихъ предѣловъ, и служилъ тамъ въ военной службѣ. Не перенося насилій со стороны латинянъ, онъ переселился въ царствующій городъ Москву и сталъ проводить здѣсь благочестивую жизнь. Впослѣдствіи по крайнему смиренію своему онъ раздалъ имущество свое бѣднымъ, принялъ иночество и поселился на рѣкѣ Лухѣ[1]). Здѣсь онъ устроилъ скитъ, собралъ много учениковъ и богоугодно сталъ подвизаться въ постѣ и воздержаніи. По великому смиренію своему онъ не принялъ священническаго сана до самой кончины своей. Узнавъ заранѣе о своемъ отшествіи къ Богу и наставивъ учениковъ своихъ во всемъ, что могло служить къ ихъ душевной пользѣ, преподобный преставился въ вѣчныя обители[2]).

Прп҃бный
ТѢ́ХѠНЪ

Спустя много лѣтъ послѣ кончины преподобнаго были открыты мощи его[3]), и стало совершаться отъ нихъ много исцѣленій. Впослѣдствіи времени, благодаря усердію вѣрующихъ, на мѣстѣ подвиговъ преподобнаго была устроена честна̀я обитель, которая, по благословенію Божію, существуетъ и донынѣ.

1) Рѣка Лухъ, лѣвый притокъ рѣки Клязьмы, протекаетъ чрезъ нынѣшнія Костромскую и Владимірскую губерніи и беретъ начало въ Юрьевскомъ уѣздѣ.

2) Кончина *преподобнаго Тихона* послѣдовала 16 іюня 1503 года.

3) Мощи преподобнаго были обрѣтены нетлѣнными при игуменѣ Константинѣ около 1566 года, и съ этого времени стали праздновать память его.

День семнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
МАНУИЛА, САВЕЛА и ИСМАИЛА

Святые мученики Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ были родными братьями и происходили изъ Персидской страны[1]). Родители ихъ были людьми именитыми, но не единовѣрными: отецъ держался персидскаго невѣрія, а мать была благочестивой христіанкой. Дѣтей своихъ она съ самаго ранняго возраста воспитывала въ христіанскомъ благочестіи,—подобно тому, какъ въ раннемъ дѣтствѣ вскормила ихъ своимъ материнскимъ молокомъ и возрастила въ страхѣ Божіемъ; а блаженный пресвитеръ Евноикъ породилъ сихъ святыхъ братьевъ банею Святаго Крещенія и научилъ ихъ Слову Божію. Когда же они достигли зрѣлаго возраста, то зачислены были въ воинское званіе. Но посвятивъ свои тѣлесныя силы царю Персидскому Аламундарю[2]),—духомъ своимъ они все время работали Царю небесному, Господу нашему Іисусу Христу, стараясь во всемъ угождать Ему своими добрыми дѣлами.

---

[1]) Персидское государство занимало въ то время громадное пространство между Тигромъ, Персидскимъ заливомъ и Каспійскимъ моремъ.

[2]) *Аламундаръ*, какъ царь Персидскій, совсѣмъ неизвѣстенъ въ исторіи; нѣкоторые думаютъ, что это былъ одинъ изъ полководцевъ персидскихъ.

Однажды они посланы были своимъ царемъ къ Греко-Римскому императору Юліану Отступнику[1]) ради заключенія съ нимъ мира. Юліанъ сперва принялъ ихъ съ честію и, всячески оказывая имъ свою милость, все время относился къ нимъ по-дружески; но потомъ, узнавъ, что они христіане, исполнился гнѣва на нихъ и, вопреки обычаямъ и законамъ, общимъ всѣмъ народамъ, предалъ сихъ братьевъ мукамъ за вѣру во Христа и умертвилъ ихъ послѣ самыхъ тяжкихъ истязаній.

Мученическій же подвигъ ихъ былъ таковъ.

Однажды беззаконный императоръ задумалъ отправиться въ Виѳинію, въ мѣстность, называемую Оргія Тригонъ[2]), ибо тамъ скоро наступалъ одинъ изъ богомерзкихъ языческихъ праздниковъ. Когда онъ, переправившись на кораблѣ изъ Царьграда къ Халкидону[3]), прибылъ въ названное нами мѣсто, то началъ тотчасъ же, со всѣмъ множествомъ собравшагося тамъ народа, совершать скверное свое празднованіе, поклоняясь идоламъ и принося бѣсамъ безчисленныя жертвы:—и вотъ, начинались здѣсь непрерывныя пированія съ пѣніемъ, и музыкой, и тимпанными играніями,—и въ честь пагубныхъ языческихъ боговъ за это время совершено было здѣсь много мерзкихъ беззаконій.

Рабы же Христовы Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ, находясь тутъ же, вмѣстѣ съ императоромъ, не хотѣли даже и смотрѣть на это нечестивое празднество; отойдя какъ-то разъ въ сторону отъ ликующихъ и стоя вдали, они рыдали и плакали о прельщеніи и заблужденіи этихъ людей, и молились ко Господу Богу—и о себѣ, дабы имъ не осквернить общеніемъ съ идолопоклонническими жертвами, и о всѣхъ заблуждающихся, чтобы Господь привелъ ихъ къ познанію истины.

«Не оставляй, Господи,—молились они,—людей этихъ пребывать въ столь великой пагубѣ золъ, и не попусти разумному созданію Твоему находиться въ такомъ безуміи;—вѣдь они являются здѣсь болѣе неразумными, чѣмъ даже почитаемые ими камни и деревья: по крайней мѣрѣ деревянные идолы ихъ, какъ тварь безчувственная и неодушевленная, не знаютъ, что̀ предъ ними

---

1) *Юліанъ*, сынъ Констанція, брата Константина Вел., родился въ 331 г. по Р. Хр.; сначала онъ былъ обученъ въ христіанской религіи, но, ставъ кесаремъ въ 355 г., онъ открыто отторгся отъ христіанства, за что и получилъ названіе *Отступника*.

2) Какъ думаютъ, Тригонъ былъ собственно храмъ, посвященный идоламъ, близъ Халкидона.

3) *Халкидонъ*—городъ Виѳиніи, на южномъ концѣ Босфора, противъ Византіи.

дѣлаютъ; эти же люди, почтенные Тобою душею разумною и будучи Твоимъ образомъ и подобіемъ, не видятъ и не понимаютъ, что̀ совершаютъ и кому воздаютъ божеское почтеніе: они во тьмѣ ходятъ, заблуждаются и идутъ въ вѣчную погибель».

Въ то время, какъ святые, находясь вдали, такъ плакали и молились, императоръ, смотря на приносящихъ жертвы и на пирующихъ съ нимъ и не видя при себѣ персидскихъ посланниковъ, приказалъ найти ихъ и позвать къ нему, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ повеселились. Тогда одинъ изъ царскихъ постельничихъ, найдя ихъ отдѣльно стоящими, сталъ звать ихъ къ царскому торжеству: онъ думалъ, что они также принадлежатъ къ идолопоклонническому нечестію. Но рабы Христовы единодушно отвѣтили приглашавшему ихъ царскому постельничему:

— Отойди отъ насъ: мы не отвергнемся той вѣры, въ которой воспитаны отъ юности, и потому не оставимъ Господа нашего и не поклонимся живущимъ въ васъ бѣсамъ; и да не будетъ съ нами того, чтобы мы стали причастными къ этому явному заблужденію: мы не настолько безумны и неразумны, чтобъ, презрѣвъ Живаго Бога, Создателя нашего, стали поклоняться бездушному созданію. Да и не ради того мы предприняли такой большой путь и пришли сюда, чтобы отречься отъ своей вѣры, но чтобы заключить миръ между Персидскимъ и Греко-Римскимъ государствами. И царь твой, равно какъ и единомысленные съ нимъ, хорошо знаютъ, что не отвратятъ и не убѣдятъ насъ перейти къ своему нечестію, если даже и предадутъ насъ огню и мукамъ и лишатъ самой жизни.

Послѣ того постельничій, отойдя отъ святыхъ, передалъ эти слова Юліану, и тотъ сразу же воспылалъ на нихъ гнѣвомъ и яростію; однако онъ рѣшилъ не предавать ихъ сейчасъ же мукамъ, чтобъ не помѣшать своему нечестивому празднеству, но отложилъ это до утра, повелѣвъ только заключить рабовъ Божіихъ въ темницу.

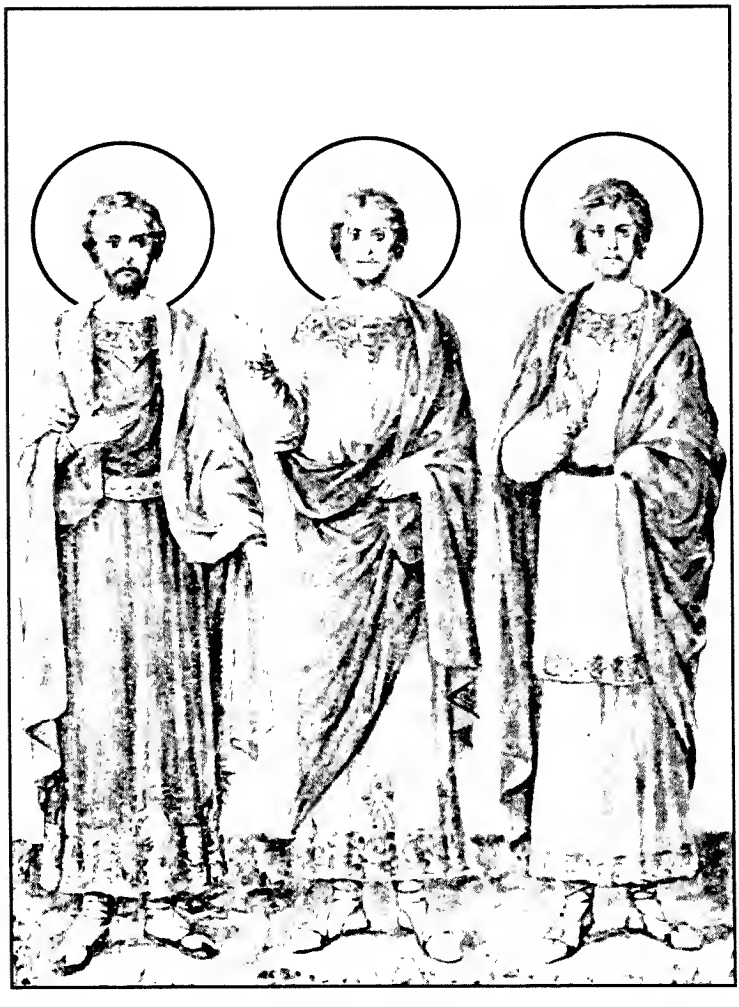
Они же, идя къ темницѣ, такъ воспѣвали Господу:

— **Прїи́дѝте, возра́дуемсѧ гд҃е́ви, воскли́кнемъ бг҃ꙋ̀ спс҃и́телю на́шемꙋ̀: предварѝ́мъ лицѣ̀ е҃гѡ̀ во и҃спов҃ѣ́данїи, и҆ во ѱалмѣ́хъ воскли́кнемъ е҃мꙋ̀**[1]).

И потомъ:

---

[1]) Псал. **94**, ст. 1 и 2.



Свѧтíи мч҃нцы
Жинóвиих, Савóиих и Îсинáиих

— **Кто̀ бг̑ъ вє́лїй, гл̑кω бг̑ъ на́шъ?**[1]) Мы же—люди Его и созданіе рукъ Его и будемъ всегда призывать Его.

На другой день Юліанъ, взойдя на судилищное мѣсто, велѣлъ позвать къ себѣ персидскихъ посланниковъ и началъ имъ такъ говорить:

— Васъ, добрые мужи, царь вашъ прислалъ сюда какъ людей вѣрныхъ себѣ и къ намъ хорошо расположенныхъ, чтобы между обоими царствами возстановить давно ожидаемый всѣми миръ. Но этотъ миръ можетъ быть возстановленъ между нами только при помощи любовнаго согласія и взаимной пріязни. Однако, какое же у васъ можетъ быть согласіе съ нами и гдѣ же ваша любовь къ намъ, если вы не захотѣли вчера вмѣстѣ съ нами совершить празднества и насладиться веселія въ честь тѣхъ же боговъ, какихъ и вы, Персы, чтите[2])? Вѣдь Персы, такъ же, какъ и мы, почитаютъ Солнце, Луну и звѣзды,—всесвѣтлѣйшую огненную силу и прочихъ нашихъ боговъ. Почему же вы отказались почтить ихъ вмѣстѣ съ нами и не захотѣли участвовать въ нашемъ служеніи имъ,—хоть бы ради того, чтобы наши условія относительно заключенія мира были болѣе крѣпкими и прочными? Но если вы презираете и уничижаете нашихъ боговъ и если вы не единомысленны съ нами, то, значитъ, пришли къ намъ не для утвержденія мира, но для нарушенія его и для возобновленія вражды и войны.

На это святые мужи отвѣтили:

— Мы пришли къ тебѣ отъ нашего царя ради заключенія мирныхъ условій, чтобы ваши воины не переступали нашихъ предѣловъ, а наши—вашихъ, дабы намъ не опустошать бы землю другъ друга. И чтобы наши купцы всегда имѣли свободный доступъ въ ваше государство, а ваши—въ нашу землю и чтобы тѣ и другіе безъ всякой бы обиды возвращались къ себѣ домой. Вотъ для условій объ этомъ мы и присланы къ тебѣ, а вовсе не для разсужденія о богахъ. Пусть всякій почитаетъ того бога, какого хочетъ, и такъ именно, какъ ему нравится. Да изъ-за вѣры никогда и не бываетъ войны между царствами; но распри,

---

[1]) Псал. 76, ст. 14.

[2]) По своимъ философско-религіознымъ убѣжденіямъ Юліанъ былъ эклектикъ, т. е.—онъ изъ всѣхъ религіозныхъ ученій выбиралъ себѣ все то, что ему нравилось и было вообще согласно съ его міросозерцаніемъ; онъ вѣровалъ и во единаго верховнаго Бога, но отожествлялъ Его съ Митрой или солнечнымъ богомъ восточнаго культа; а Персы, какъ извѣстно, тоже чтили Солнце какъ свое главное божество.

ссоры и битвы всегда происходятъ изъ-за городовъ, областей и изъ-за ихъ границъ и предѣловъ. Ты же, оставивъ всякіе переговоры о мирѣ, ради которыхъ мы и присланы къ тебѣ, начинаешь говорить о другомъ, объ чемъ намъ съ тобою и не дòлжно говорить. Вѣдь ты говоришь съ нами не о благосостоянiи имперіи своей, не о мирномъ отношеніи къ нашему государству, которое сопредѣльно съ твоимъ, но все время разспрашиваешь о богахъ и толкуешь о вѣрѣ. Если тебѣ ужъ такъ угодно, то знай, что мы, хотя родомъ и Персы, но по вѣрѣ христіане, воспитаны матерью нашею въ благочестіи и наставлены въ истинной вѣрѣ отцомъ нашимъ духовнымъ, пресвитеромъ Евноикомъ. И въ нашемъ отечествѣ ужъ много было такихъ, которые хотѣли отвратить насъ отъ Господа нашего Іисуса Христа къ идолопоклонству, но не успѣли въ этомъ: благодатію нашего Владыки мы остались непоколебимы и тверды въ исповѣданіи своей вѣры; надѣемся и нынѣ на помощь Господню,—что и теперь никто насъ здѣсь не отвратитъ отъ нашей вѣры святой и никто не убѣдитъ перейти къ службѣ бѣсовской, которая поистинѣ есть суетна и преисполнена всякаго обольщенія, заблужденія и лжи.

Тогда мучитель, исполнившись гнѣва, сказалъ имъ:

— Какъ вы, будучи людьми простыми и невѣжественными,—не знающіе даже и нашего языка,—какъ вы осмѣливаетесь такъ нагло и столь безумными рѣчами своими хулить нашу вѣру, которую исповѣдуемъ мы, люди образованные и прошедшіе въ совершенствѣ все книжное любомудріе? Знакомы мы и съ вашимъ ученіемъ. Вѣдь вы знаете, что я изучалъ и ваши христіанскія книги, но увидѣвъ, что въ нихъ одна только ложь и нѣтъ ничего истиннаго, тотчасъ же отвергъ ихъ, чтобы по причинѣ неясности написаннаго въ нихъ не впасть въ какое-либо заблужденіе. И кто изъ тѣхъ людей, которые вѣрятъ вашимъ книгамъ и по нимъ поступаютъ,—кто изъ такихъ показалъ себя когда-либо славнымъ и совершеннымъ и что̀ сдѣлалъ въ своей жизни доблестнаго? Поэтому совѣтую вамъ: оставьте это дѣтское и ложное умствованіе и вѣрьте лучше тому, о чемъ издавна уже учили лучшіе философы. Если же вы не пожелаете принять моего добраго вамъ совѣта, то, и вопреки воле своей, послушаетесь тѣхъ мукъ, которымъ я тотчасъ же васъ предамъ.

На это святые отвѣтили:

— Мы научились отъ Господа нашего—не бояться убивающихъ

щихъ тѣло и не думать, что̀ до̀лжно отвѣчать желающимъ мучить насъ, ибо Самъ Духъ Святый укрѣпитъ насъ въ страданіи и дастъ слово и дерзновеніе для отвѣта. Мы же спросимъ тебя, что̀ видишь ты въ насъ безумнаго,—ты, считающій себя мудрѣйшимъ изъ всѣхъ людей? И кто вообще неразумнѣе,—тотъ ли, кто позналъ Истиннаго Бога и Создателя всяческихъ и благочестно почитаетъ Его, или тотъ, кто, удалившись отъ Бога Живаго, поклоняется бездушной твари, камнямъ и дереву или чему-либо, подобному имъ? Поистинѣ тотъ безуменъ, кто вмѣсто Бога чтитъ мертвую вещь;—разуменъ же тотъ, кто служитъ Богу Живому. Вѣдь вотъ—что прежде всего есть дѣло разума человѣческаго—это познать Творца своего, Подателя всѣхъ даровъ, и вѣровать въ Него, и усердно служить Ему; а не знать Его—Творца и Благодѣтеля своего и работать врагу своему—душепагубному бѣсу,—это есть крайнее неразуміе. И древніе философы вапи, находившіеся въ такомъ зловредномъ заблужденіи, только казались мудрыми, а на самомъ дѣлѣ были самыми неразумными людьми,—по слову святаго Апостола: **глаго́люще́ся бы́ти мѫ́дри, ѡ̑безумѣ́ша**[1]), и омрачилось ихъ неразумное сердце; вотъ имъ-то ты и сталъ подобенъ, если только не хуже: вѣдь тѣ пребывали въ своемъ безуміи, не зная и никогда ранѣе не исповѣдуя истинной вѣры, ты же, просвѣщенный Святымъ Крещеніемъ и воспитанный въ христіанствѣ, отвергся отъ Христа Бога, и теперь всѣми, истинно вѣрующими въ Господа, прозываешься вмѣсто христіанина Еллиномъ, и вмѣсто благочестиваго—нечестивымъ и безбожнымъ.

Сильно раздраженный такими словами мучениковъ, Юліанъ, исполнившись безмѣрной ярости, повелѣлъ тотчасъ же жестоко мучить ихъ. Прежде всего ихъ обнажили и, положивъ на землю, безъ пощады били суровыми ремнями по хребту и животу, а потомъ повѣсили на мучилищномъ мѣстѣ, высоко пригвоздивъ къ дереву ихъ руки и ноги, и желѣзными зубцами строгали все тѣло ихъ. Мученики же Христовы, доблестно перенося эти тяжкія муки, возведъ очи свои къ Небу и молясь Господу, такъ взывали къ Нему:

— О Владыко! Ты, и Самъ нѣкогда пригвожденный невѣрными Іудеями къ древу и изгладившій грѣхи міра страстію на крестѣ

---

1) Посл. къ Римл., гл. 1, ст. 22.

и смертію,—призри на насъ, висящихъ теперь на деревѣ изъязвленными, и такъ какъ естество наше немощно, то пошли намъ помощь Свою свыше и дай намъ облегченіе въ страданіяхъ нашихъ, ибо только въ надеждѣ на Тебя мы дерзнули принять этотъ мученическій подвигъ. Какъ жестоки и ужасны эти муки,—Ты Самъ, Господи, знаешь и видишь, но по любви къ Тебѣ, о Сладчайшій Іисусе, онѣ пріятны намъ!

Когда святые такъ молились, внезапно предсталъ предъ ними Ангелъ Господень; но его видѣли одни только святые мученики, омраченные же глаза нечестивыхъ не были достойны того. Сей Ангелъ, утѣшивъ страждущихъ, даровалъ имъ такую отраду въ ихъ страданіяхъ, что они какъ будто бы уже болѣе не чувствовали боли отъ ранъ своихъ и, казалось,—даже и не переносили никогда всѣхъ этихъ мукъ. Потомъ Юліанъ велѣлъ снять съ дерева святыхъ мучениковъ, и когда ихъ сняли, онъ, какъ бы издѣвался надъ ними, сказалъ имъ:

— Видите, какъ я васъ щажу, не предавая васъ еще бо́льшимъ мукамъ? Надѣюсь, что вы послѣ этого сравнительно небольшого наказанія станете теперь единомысленными съ нами.

Святые же мученики, хорошо понявъ всю лесть его словъ, еще съ бо́льшимъ дерзновеніемъ отвѣтили ему:

— Не думай и не надѣйся, врагъ Христовъ, чтобъ мы измѣнили вѣрѣ въ Господа. Итакъ, продолжай терзать тѣла наши, если хочешь еще болѣе мучить насъ: мы готовы все претерпѣть. Подвергнешь ли ты насъ ранамъ, огню, мечу или чему-либо еще болѣе ужасному—все это сочтемъ для себя скорѣе радостію, нежели мукою: все это мы съ веселіемъ претерпимъ за возлюбившаго насъ Іисуса!

Тогда беззаконный Юліанъ, видя, что Мануилъ, какъ старѣйшій изъ братьевъ, говоритъ больше и смѣлѣе, чѣмъ другіе братья, велѣлъ отвести его въ сторону, а самъ, начавъ бесѣду съ двумя оставшимися—съ Савеломъ и Исмаиломъ, съ лукавствомъ сталъ такъ говорить имъ:

— Вы—дѣти хоть и однихъ родителей, но люди совсѣмъ не одного нрава: старшій вашъ братъ не достоинъ даже и называться вашимъ братомъ, такъ какъ онъ упрямъ, золъ, безстыденъ, много говоритъ и споритъ и, оставаясь непреклоннымъ въ безуміи своемъ, и васъ увлекаетъ за собою и не даетъ вамъ избрать лучшаго для себя; а вы, какъ я вижу, люди нрава добраго, кроткаго

и не сварливаго и вообще—благоразумны. Итакъ, послушайтесь теперь моего добраго совѣта,—оставьте своего брата погибать въ суетномъ его заблужденіи и въ безумномъ сопротивленіи, принесите жертву нашимъ богамъ, и тогда вы получите отъ нихъ великую милость, а отъ насъ—богатые дары и честь.

Святые же, не желая даже и слушать этихъ льстивыхъ словъ, громко начали обличать коварство Юліана и хулить безуміе его.

Тогда Юліанъ, снова возгорѣвшись гнѣвомъ, приказалъ отвести ихъ на мучилищное мѣсто и опалять ребра ихъ горящими свѣчами. Мученики же, доблестно перенося эти муки, все время Господа славили, а мучителя—укоряли. Потомъ Юліанъ вторично велѣлъ привести Мануила и—то ласками, то угрозами—опять сталъ принуждать его поклониться идоламъ. Наконецъ, видя, что онъ, какъ скала, непоколебимъ въ исповѣданіи Христовомъ, началъ мучить его, какъ и братьевъ: онъ велѣлъ въ голову каждаго изъ мучениковъ вбить по желѣзному гвоздю, а за ногти рукъ и ногъ—острыя колья, и потомъ имъ, столь уже изъязвленнымъ, приказалъ мечомъ отсѣчь головы, а тѣла ихъ—сжечь.

И вотъ, святыхъ мучениковъ повели на мѣсто казни—на мѣсто, называемое Константиново, гдѣ предъ изліяніемъ крови своей они въ послѣдній разъ вознесли такую молитву къ Господу:

— Боже праведный, безначальный, все приведшій изъ небытія въ бытіе, въ послѣдняя же лѣта нашего ради спасенія умалившій Себя, пребывавшій съ людьми въ образѣ раба и претерпѣвшій крестъ, чтобы освободить насъ отъ узъ грѣховныхъ и содѣлать насъ наслѣдниками Царствія Своего,—пріими въ мирѣ рабовъ Твоихъ и сопричти насъ къ лику отъ вѣка угодившихъ Тебѣ, ибо мы ради Имени Твоего святаго добровольно пріемлемъ это мечное посѣченіе и отшествіе отъ настоящей жизни,—и обрати къ Себѣ, Всемилосердый Владыко, этотъ порабощенный діаволу народъ, который въ такомъ множествѣ окружаетъ насъ, и пошли ему просвѣщеніе ума и разумъ къ познанію Истины, дабы, познавъ Тебя—Единаго Истиннаго Бога, Тебѣ единому и служить и отъ Тебя получить вѣчное спасеніе.

Въ то время, какъ святые мученики такъ молились,—свыше услышанъ былъ Голосъ:

— Пріидите, дабы получить вѣнецъ славы, такъ какъ вы доблестно совершили подвигъ свой.

Святые мученики усѣчены были въ 17 день мѣсяца іюня.

Но когда нечестивые слуги хотѣли исполнить другое приказаніе своего беззаконнаго царя—сжечь тѣла Христовыхъ страстотерпцевъ,—мгновенно, по повелѣнію Божію, земля потряслась, и мѣсто, на которомъ лежали святые, глубоко осѣлось, и такимъ образомъ образовавшаяся бездна пріяла тѣла мучениковъ и сокрыла ихъ, дабы болѣе не прикасались къ нимъ скверныя руки мучителей и сила огня не превратила бъ ихъ въ пепелъ;—а всѣ слуги отъ страха бѣжали.

Тогда многіе изъ народа, тамъ стоявшаго, видя такое чудо, увѣровали во Христа и, отвергши еллинское заблужденіе, присоединились къ обществу христіанъ.

По прошествіи двухъ дней, въ продолженіе которыхъ христіане непрестанно день и ночь возносили на этомъ мѣстѣ мольбы ко Господу, земля снова разступилась и вознесла наверхъ тѣла святыхъ, и вотъ,—повсюду излилось несказанное благоуханіе.

Тогда вѣрные, исполнившись великой радости, съ любовію взяли тѣла святыхъ и съ честію погребли ихъ на этомъ дивномъ мѣстѣ; послѣ того отъ гроба святыхъ мучениковъ въ изобиліи стали изливаться исцѣленія для всѣхъ недужныхъ.

А нечестивый богоотступникъ Юліанъ вскорѣ же послѣ того погибъ знаменательною и грозною смертію.

По убіеніи персидскихъ посланниковъ, святыхъ мучениковъ Мануила, Савела и Исмаила, онъ отправился со всѣмъ войскомъ своимъ въ Персію[1]). На это прельстили его бѣсы чрезъ своихъ волшебниковъ—лжепророковъ, предсказавшихъ ему побѣду и покореніе Персовъ. Царь же Персидскій, услышавъ объ избіеніи своихъ пословъ, исполнился глубокой печали и великаго гнѣва: узнавъ, что на него идетъ законопреступный Юліанъ, онъ также собралъ все войско и, ставъ на границѣ своего государства, ополчился на гордаго своего врага. И когда оба войска сошлись, началась великая битва. Но Персы скоро превозмогли и побѣдили римское войско, сокрушивъ, такимъ образомъ, всю силу Юліана.

Вотъ при этой-то битвѣ богоотступника Юліана и поразилъ гнѣвъ Божій: нечестивый императоръ пораженъ былъ невидимою рукою и погибъ въ великихъ мукахъ, ставъ подъ конецъ посмѣшищемъ для всѣхъ Персовъ, на которыхъ онъ такъ гордо выступилъ

---

1) Какъ извѣстно, Юліанъ выступилъ въ походъ противъ Персовъ 5 марта 363 года.

съ своею суетною надеждою,—на радость бѣсамъ, въ которыхъ онъ вѣровалъ и на которыхъ такъ надѣялся.

Христіане же, освободившись такимъ образомъ отъ жестокаго гоненія и мученій, прославили Избавителя своего, Христа Бога, Которому и отъ насъ да будетъ честь и слава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь [1]).

Кондакъ, гласъ ѕ:

Вѣрою хр҃тóвою оу҃мóзлени всеблáжéннїи, и҆ сегѡ̀ вѣ́рнѡ и҆спи́вше чáшу, пе́рсскам слу҃же́нїѧ и҆ дéрзость на зе́млю низложи́сте, тр҃цы равночи́сленнїи, мл҃твы творя́ще ѡ҆̀ всѣ́хъ на́съ.

[1]) Торжественное празднованіе памяти сихъ святыхъ весьма древне; спустя 30 лѣтъ послѣ ихъ кончины Ѳеодосій Вел. († 395 г.) построилъ въ честь ихъ въ Константинополѣ церковь, а монахъ Германъ, впослѣдствіи патріархъ († 740 г.), написалъ въ память ихъ Канонъ.

День восемнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ЛЕОНТІЯ, ИПАТІЯ и ѲЕОДУЛА

Въ царствованіе Веспасіана[1]) въ Римѣ жилъ одинъ сенаторъ, по имени Адріанъ,—человѣкъ жестокій, немилостивый и изобрѣтательный на всякое зло. Онъ услыхалъ о христіанахъ, что они, гнушаясь идольскими жертвами, хулятъ почитаемыхъ Римлянами и Греками боговъ, такъ какъ признаютъ только Единаго Истиннаго Бога—Христа, къ вѣрѣ въ Котораго и обращаютъ многихъ; исполнившись ревности по своихъ суетныхъ богахъ, Адріанъ пошелъ къ царю и просилъ его, чтобы онъ далъ ему власть принуждать христіанъ къ идолопоклонству съ правомъ мучить и убивать не хотящихъ поклоняться богамъ. Царь назначилъ Адріана игемономъ[2]) въ Финикійскую страну съ полномочіемъ гнать всѣхъ вѣрующихъ во Христа. Когда Адріанъ, по выходѣ изъ Рима, приближался уже къ Финикіи, ему стало извѣстно, что въ городѣ Триполѣ[3]) находится военачальникъ Леонтій, разоряющій отеческіе законы, а именно: укоряя древнихъ боговъ, онъ училъ не поклоняться и не приносить имъ жертвъ, чѣмъ многихъ, его слушав-

1) Царствовалъ съ 70 г. по 79 г.

2) *Игемонъ*—областной правитель.

3) *Триполь*—приморскій финикійскій городъ съ гаванью; былъ расположенъ при подошвѣ самой высокой точки Ливана.

шихъ, отвращалъ отъ почитанія идоловъ. Адріанъ тотчасъ же послалъ въ Триполь трибуна[1]) Ипатія со спирою[2]) воиновъ, поручивъ ему схватить Леонтія и держать подъ стражею до его прибытія.

Рабъ Христовъ Леонтій былъ родомъ изъ Греціи; высокаго роста, сильный и мужественный, онъ отличался храбростью въ сраженіяхъ, въ которыхъ одержалъ много побѣдъ; поэтому среди воиновъ Леонтій пользовался извѣстностью и уваженіемъ. Къ тому же, отъ природы одаренный разумомъ, обладая развитымъ жизненнымъ опытомъ и книжнымъ ученіемъ, Леонтій былъ мужемъ совѣта и правленія. Зная же, что существуетъ Одинъ только Истинный Богъ—Господь Іисусъ Христосъ, Леонтій всю свою жизнь отдалъ на служеніе Ему, вѣруя не словомъ, только, но и дѣломъ. Милостивый къ нищимъ, онъ питалъ алчущихъ, одѣвалъ нагихъ, давалъ пріютъ страннымъ—словомъ, украшалъ себя всѣми добрыми дѣлами, за что и былъ удостоенъ Господомъ побѣднаго вѣнца.

Когда спира воиновъ приблизилась къ Триполю, трибунъ Ипатій неожиданно и внезапно заболѣлъ горячкой, причину которой объяснялъ своимъ воинамъ слѣдующимъ образомъ:

— Я знаю, по какой причинѣ постигъ меня настоящій недугъ: боги разгнѣвались на меня за то, что, отправляясь въ этотъ путь, я не принесъ имъ достойной ихъ жертвы; вотъ, они и наказываютъ меня болѣзнью.

Видя, что трибуна дѣйствительно постигла тяжелая болѣзнь, воины соболѣзновали ему, печалясь его печалью; прошло три дня, а больной ничего не ѣлъ, такъ какъ недугъ усиливался съ часу на часъ, угрожая смертельнымъ исходомъ. Въ ночь съ третьяго дня на четвертый трибуну явился въ видѣніи Ангелъ Господень и сказалъ:

— Если хочешь быть здоровъ, то вмѣстѣ съ твоими воинами воззови трижды къ Небу: «Боже Леонтія, помоги мнѣ!» Если сдѣлаешь это, сейчасъ же исцѣлишься.

Быстро приподнявшись и открывъ глаза, палимый внутреннимъ жаромъ трибунъ увидалъ святаго Ангела, который стоялъ предъ нимъ въ видѣ прекраснаго юноши, облеченнаго въ бѣлоснѣжную одежду.

— Я,—сказалъ онъ Ангелу,—посланъ съ воинами взять Леонтія

[1]) *Трибунъ*—начальникъ надъ отрядомъ воиновъ въ 1000 человѣкъ.

[2]) *Спира*—рота (Дѣян. 10, 1) или полкъ (Дѣян. 21, 31).

и блюсти его подъ стражей до пришествія игемона Адріана, а ты мнѣ повелѣваешь призвать на помощь Бога Леонтія.

Во время этихъ словъ больного трибуна Ангелъ скрылся отъ очей его; въ ужасѣ трибунъ разбудилъ спавшихъ близъ него друзей и сказалъ имъ:

— Послушайте, что мнѣ видѣлось: лишь только я забылся первымъ сномъ, предо мною предсталъ какой-то свѣтлый юноша и совѣтовалъ мнѣ вмѣстѣ со всѣми вами призвать Бога Леонтія, обѣщая за это выздоровленіе. Юношу, пробудившись, я видѣлъ и очами, послѣ чего онъ вскорѣ исчезъ.

— Не такое это трудное дѣло,—сказали друзья,—мы всѣ исполнимъ его, лишь бы ты былъ здоровъ.

Одинъ изъ друзей трибуна, по имени Ѳеодулъ, особенно сильно удивлялся видѣнію и подробно разспрашивалъ больного, какой именно видомъ былъ явившійся юноша; трибунъ охотно удовлетворилъ его любознательности. И разгоралось сердце Ѳеодула любовію къ невѣдомому для него Богу Леонтія. Когда воины, пробудившись отъ сна, собрались около болящаго трибуна и узнали отъ него о бывшемъ ему видѣніи, то, поднявшись всѣ, безъ исключенія, воскликнули, глядя на Небо, вмѣстѣ со страждущимъ:

— Боже Леонтія, помоги!

Тотчасъ же трибунъ поднялся здравымъ, какъ будто и не болѣлъ; наступилъ часъ обѣда, и трибунъ началъ со своими друзьями ѣсть, пить и веселиться. Чудо же, проявленное надъ трибуномъ, исполнило Ѳеодула еще бо́льшаго удивленія,—онъ сидѣлъ отдѣльно, размышляя въ молчаніи:

— Кто такой Леонтій и кто Богъ Леонтія?

Между тѣмъ друзья приглашали Ѳеодула принять участіе въ пиршественной трапезѣ, но онъ, предпочитая ей голодъ, ничего не желалъ вкусить. Видя же, что воины подъ вліяніемъ вина забыли о приказаніи игемона, Ѳеодулъ сказалъ имъ:

— Вотъ, Адріанъ завтра или послѣзавтра настигнетъ насъ, а мы и не думаемъ отыскивать мужа, взять котораго намъ повелѣно; если хотите, я и трибунъ пойдемъ прежде васъ къ городу и поищемъ того, за кѣмъ посланы.

Убѣдивъ затѣмъ трибуна пойти съ нимъ, Ѳеодулъ и Ипатій оба направились къ городу.

Только что они поднялись на верхъ горы, гдѣ находился Триполь, какъ Леонтій вышелъ имъ навстрѣчу и привѣтствовалъ ихъ такими словами:

— Радуйтесь о Господѣ, братья!

— Радуйся и ты, братъ! — отвѣчали трибунъ и Θеодулъ.

— Кого вы пришли сюда искать? — спросилъ Леонтій.

— Царю Веспасіану, — сказали они,—стало извѣстно, что въ этомъ городѣ живетъ нѣкоторый мужъ, по имени Леонтій, человѣкъ благородный, разумный, добродѣтельный и храбрый воинъ; мѣсто жительства его мы и посланы узнать; вслѣдъ за нами идетъ игемонъ Адріанъ, управленію котораго царь поручилъ всю эту Финикійскую страну; игемонъ самъ желаетъ видѣть Леонтія какъ человѣка любезнаго богамъ, чтобы потомъ съ великою честью послать его къ царю, и весь сенатъ Римскій хочетъ видѣть Леонтія, такъ какъ всѣмъ извѣстно о его мужественной храбрости въ бояхъ, въ искусствѣ управленія, о его благочестіи и многихъ другихъ славныхъ дѣлахъ.

Стый мчнкъ
Леонтій

Услышавъ это, блаженный Леонтій сказалъ:

— Вижу, что вы люди пришлые, и не знаете того, что дѣлается въ этомъ городѣ. Пойдемте ко мнѣ; отдохните отъ пути, а я вамъ покажу Леонтія, котораго вы называете другомъ вашихъ боговъ; въ дѣйствительности же онъ вовсе не другъ почитаемыхъ вами боговъ, но знайте его за христіанина, вѣрующаго въ Господа Іисуса!

Ипатій и Θеодулъ говорили между собою:

— Кто этотъ человѣкъ, называющій Леонтія христіаниномъ? Не родственникъ ли его?

Потомъ они спросили неизвѣстнаго имъ мужа:

— Какъ тебя зовутъ?

— О имени моемъ,—отвѣчалъ тотъ,—такъ пишется въ книгахъ: на а҃спі҃да и҃ васі҃лі҃ска наста҃пиши и҃ попере҃ши льваҀ и҃ смі҃я[1]), ибо

[1]) Псал. 90, ст. 13.

мнѣ дóлжно попрать льва—діавола, невидимаго врага, и змія—игемона, врага видимаго; мнѣ дóлжно побѣдить, какъ аспидовъ и василисковъ, и совѣтниковъ его, ревностныхъ служителей бѣсовъ. И когда я восторжествую надъ всѣмъ полчищемъ льва, тогда само дѣло явитъ мое имя.

Слова эти казались загадочными трибуну и Ѳеодулу; пытаясь объяснить ихъ себѣ, они въ недоумѣніи слѣдовали за удивительнымъ мужемъ въ его домъ. Святый Леонтій угостилъ ихъ, устроивъ для нихъ трапезу. Вкусивъ отъ нея, они сказали хозяину:

— Мы весьма довольны твоимъ угощеніемъ, добрый мужъ! Окажи до конца свое благодѣяніе къ намъ — покажи Леонтія, котораго мы ищемъ. Когда же прибудетъ Адріанъ, мы разскажемъ ему, какъ много ты сдѣлалъ для насъ, и за это онъ удостоитъ тебя великой чести, такъ что ты будешь находиться въ общеніи съ друзьями царя.

— Я—Леонтій, котораго вы ищете,—отвѣчалъ на это святый,—я тотъ воинъ Іисуса Христа, котораго взять Адріанъ послалъ васъ.

Тогда трибунъ и Ѳеодулъ припали къ ногамъ Леонтія, говоря:

— Рабъ Вышняго Бога! Прости намъ грѣхъ нашъ и поспѣши умолить за насъ твоего Бога, чтобы Онъ и насъ избавилъ отъ идольскаго нечестія и лютаго звѣря Адріана, ибо мы хотимъ быть христіанами.

Затѣмъ они передали ему, какъ явился больному Ангелъ и какъ недугъ оставилъ трибуна вслѣдъ за призваніемъ Бога Леонтія.

Видя проявленіе силы Христовой, святый Леонтій исполнился радости; простершись на землѣ крестообразно, онъ началъ такъ молиться Богу со слезами:

«Господи Боже, хотя́й всѣ́мъ человѣ́кωмъ спасти́ся и̂ въ ра́зумъ и̂стины прїити́ [1]), призри на насъ въ часъ сей: Ты содѣлалъ, чтобы за мною послѣдовали тѣ, за коими долженъ былъ слѣдовать я; сохрани и меня, овцу Твою, и ихъ со мною вмѣстѣ просвѣти свѣтомъ Твоего милосердія. Излей на нихъ благодать Твоего Святаго Духа, созижди въ нихъ сердце чистое и, осѣнивъ ихъ Святымъ Твоимъ знаменіемъ, содѣлай ихъ Твоими непобѣдимыми воинами,—вооружи и укрѣпи ихъ на врага—діавола и на слугъ его. Да сотрутъ сіи рабы Твои главу невидимаго змѣя и видимаго злобнаго звѣря Адріана».

---

[1]) Сравн.: 1 Посл. къ Тим., гл. 2, ст. 4.

Послѣ теплой молитвы святаго Леонтія свѣтлый облакъ осѣнилъ трибуна Ипатія и друга его Θеодула и крестилъ ихъ, оросивъ дождемъ, причемъ святый Леонтій призывалъ въ это время надъ крещаемыми имя Пресвятой Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа.

По чудесномъ Крещеніи онъ восхвалилъ Бога, сказавъ:

— Слава Тебѣ, Боже мой! Призирающій на молитву любящихъ Тебя и исполняющій желаніе боящихся Тебя!

Облекши новокрещенныхъ въ бѣлыя одежды, святый Леонтій повелѣлъ носить предъ ними возженныя свѣчи. Въ это время пришли въ городъ и остальные воины, отставшіе въ пути; они разспрашивали о Леонтіи, а также о своемъ трибунѣ и Θеодулѣ. Когда воины нашли ихъ, то чрезвычайно изумлялись и недоумѣвали, увидѣвъ горящія свѣчи и бѣлыя одежды на Ипатіи и Θеодулѣ. Узнавъ же, что послѣдніе обратились въ христіанство и крестились, воины сначала смутились, а потомъ стали негодовать; тогда же вѣсть о Крещеніи Ипатія и Θеодула дошла и до нѣкоторыхъ гражданъ города; послѣдніе подняли мятежъ съ крикомъ:

— Да будутъ преданы сожженію безчестящіе нашихъ боговъ!

Въ городѣ возникли раздоръ и смута: одни защищали Леонтія съ остальными христіанами, а другіе хотѣли ихъ умертвить, но, впрочемъ, ожидали прибытія игемона, не осмѣливаясь самовольно причинить какое-либо зло христіанамъ.

По прошествіи двухъ дней игемонъ Адріанъ приблизился къ городу; вышедшіе навстрѣчу граждане сообщили ему все о Леонтіи и о другихъ, руководимыхъ послѣднимъ, христіанахъ.

— Нѣкоторый мужъ,—разсказывали они,—Леонтій по имени и христіанинъ по вѣрѣ, всѣхъ отвращаетъ отъ боговъ нашихъ своими, ему лишь извѣстными, волшебными хитростями. Онъ прославляетъ въ то же время какого-то человѣка, котораго Іудеи, послѣ заушеній, предали смерти, а Пилатъ, послѣ біенія, распялъ. Наконецъ, этотъ же Леонтій чародѣйствомъ обольстилъ даже царскихъ воиновъ, убѣдивъ ихъ принять галилейскую вѣру; и вотъ уже третій день, какъ онъ держитъ ихъ, предварительно облекши въ бѣлыя одежды, безвыходно въ своемъ домѣ и вмѣстѣ съ ними славитъ своего, нѣкогда распятаго, Христа, оскорбляя безчисленными хуленіями нашихъ боговъ.

Адріанъ тотчасъ же послалъ воиновъ взять Леонтія, трибуна Ипатія и Θеодула, приказавъ заключить ихъ въ темницу и дер-

жать подъ стражей до суда. Затѣмъ, войдя въ городъ, игемонъ посвятилъ день отдыху. Находясь въ темницѣ, святый Леонтій непрестанно поучалъ своихъ союзниковъ въ Христовой вѣрѣ и укрѣплялъ ихъ на предстоящій мученическій подвигъ, указывая на будущее воздаяніе; всю же наступившую ночь они провели въ молитвѣ и псалмопѣніи, славя Бога. Утромъ слѣдующаго дня игемонъ сѣлъ на судилищѣ, когда ему представляли изъ темницы для допроса святыхъ узниковъ.

— Ты ли Леонтій? — обратился игемонъ къ святому Леонтію.

— Я, — отвѣчалъ послѣдній.

— Какого ты,—продолжалъ допросъ игемонъ,—чина и какъ твоимъ волшебнымъ чародѣйствомъ прельстилъ этихъ воиновъ, нѣкогда вѣрныхъ слугъ царя нашего, заставивъ ихъ служить теперь твоему Богу?

— Я,—объяснилъ святый Леонтій,—воинъ Христа моего, я сынъ того Истиннаго Свѣта, **и҃же просвѣща́етъ всѧ́каго человѣ́ка гр҃дѧщаго въ мі́ръ**[1]), и каждый, приходящій къ этому Свѣту, не споткнется[2]). Ипатій и Ѳеодулъ знаютъ теперь, что начало, дѣйствіе и осуществленіе упоминаемаго мною Свѣта есть Самъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ Безначальный, Соприсносущный Отцу, Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ отъ Бога; познавъ Его, они оставили твоихъ боговъ, сдѣланныхъ изъ дерева, камня или костей безсловесныхъ животныхъ; эти бездѣйственные и безсильные боги легко уничтожаются.

Игемонъ, раздосадованный безбоязненною рѣчью святаго Леонтія, приказалъ слугамъ бить его. Онъ же, перенося побои, возвелъ очи свои на Небо, откуда ожидалъ себѣ помощи, и говорилъ при этомъ игемону:

— Безумный мучитель! Ты, думая причинить мнѣ страданія, самъ болѣе того мучишь себя, угрызаясь своимъ сердцемъ.

Послѣ долгихъ побоевъ игемонъ приказалъ снова отвести въ темницу святаго Леонтія; затѣмъ онъ обратился къ Ипатію и Ѳеодулу:

— По какой причинѣ вы отвергли съ дѣтства внушенные вамъ отеческіе обычаи и оставили воинскую награду, опечаливъ царя?

— Мы получили,—отвѣчали святые,—лучшую награду у Царя

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 9.

[2]) Сравн.: Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 9—10.

Небеснаго: Имъ дарованы намъ хлѣбъ сходя́й съ нб҃сѐ[1]) и чаша вина, истекшая изъ ребръ Христовыхъ.

— Такимъ непотребнымъ и безсмысленнымъ рѣчамъ,—сказалъ Адріанъ,—васъ обучилъ нечестивый Леонтій, а я говорю вамъ: исполните волю царя. Развѣ вы не знаете его повелѣнія—удостаивать великой чести и наградъ воиновъ, чтущихъ боговъ, а отвращающихся отъ нихъ—умерщвлять, предавая лютымъ мученіямъ?

— Наше воинское достоинство на Небесахъ,—возразили святые Ипатій и Θеодулъ,—и потому дѣлай съ нами, что хочешь; какъ ревнитель боговъ скверныхъ, ты ополчаешься на насъ, неповинныхъ; но вскорѣ погибнетъ и твоя жизнь — сокращено время дней твоихъ.

Въ ярости Адріанъ приказалъ трибуна, обнаживши, повѣсить на мучилищномъ деревѣ и строгать его тѣло желѣзными когтями. Θеодула же велѣлъ простереть на землѣ и бить безъ милосердія. Святые мужественно переносили всѣ эти муки; помня наставленія святаго Леонтія, они ничего не произносили, кромѣ слѣдующей молитвы: спси́ ны бже, я҆́кѡ ѡ҆́скудѣ прп҃бный[2]). Видя, что святые пребываютъ тверды и непоколебимы въ Христовой вѣрѣ, мучитель осудилъ ихъ на смерть чрезъ усѣченіе мечомъ. Влекомые на смерть, святые Ипатій и Θеодулъ воспѣвали:

— Ты наше прибѣжище, Господи! Въ руки Твои мы предаемъ души наши.

Съ радостью они простерли подъ мечъ свои выи за Христа и, по усѣченіи, отошли къ Господу, чтобы пріять изъ десницы Его уготованный имъ вѣнецъ.

Послѣ этого святый Леонтій снова былъ изведенъ на судилище игемона.

— Пощади, Леонтій,—сказалъ ему игемонъ,—свою жизнь, чтобы тебѣ не испытать тѣхъ тяжкихъ мукъ, какія понесли прельщенные тобою трибунъ и Θеодулъ. Послушайся меня, принеси жертву богамъ и тогда удостоишься великой чести не только отъ меня, но отъ самого царя и Римскаго Сената, ибо царь и вельможи сильно желаютъ тебя видѣть.

— Я не хочу,—отвѣчалъ святый Леонтій,—видѣть лице твоего царя, враждебнаго и мерзостнаго моему Богу. Лучше, если желаешь, будь ты, Адріанъ, другъ моему Христу; и если станешь

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 33.

[2]) Псал. 11, ст. 1.

имъ, то я покажу тебѣ, какія честь, богатство и спасеніе ты получишь въ вѣчной жизни.

Со злобнымъ смѣхомъ Адріанъ спросилъ:

— Ты хочешь, очевидно, чтобы я получилъ такое же спасеніе, какое выпало на долю трибуна и Ѳеодула? Безсмысленная голова! Или ты не знаешь, отъ какой казни они погибли?

— Та казнь,—возразилъ святый,—не казнь, а лучшая жизнь, миръ и радованіе: теперь они радуются, водворившись среди чиновъ ангельскихъ.

— Выслушай внимательно, что я скажу,—предложилъ игемонъ святому Леонтію:—кто изъ людей, не лишенныхъ ума, презрѣлъ это солнечное сіяніе и великихъ боговъ Дія, Аполлона, Нептуна, Венеру и прочихъ затѣмъ лишь, чтобы позорною и мучительною смертью окончить свои дни? Поистинѣ никто, кромѣ очарованныхъ тобою!

— Не слыхалъ ли ты,—спросилъ святый Леонтій игемона,—слова Писанія: **бо҃зи а҃зы҃къ бр҃сове**[1]), **и҃ подо҃бни и҃мъ да бу҃дутъ твора҃щіи а҃̀, и҃ вси҃ наде҃ющіи҃ся на на҃̀**[2]); кто же изъ здравомыслящихъ людей захотѣлъ бы уподобиться нѣмому камню или бездушному веществу, каковы въ дѣйствительности и есть ваши боги, чтобы, принося имъ жертвы, погибнуть безконечною смертью?

Въ сильномъ гнѣвѣ мучитель повелѣлъ четыремъ сильнымъ слугамъ мученика, простертаго на землѣ, бить нещадно, а особому глашатаю при этомъ восклицать:

— Уничижающіе нашихъ боговъ и не повинующіеся повелѣніямъ царей погибнутъ подобною смертью.

Били святаго мученика до тѣхъ поръ, пока бьющіе не изнемогли. Святый же Леонтій говорилъ мучителю:

— Если и все тѣло мое обратишь въ одну рану, все-таки не побѣдишь ума моего, не будешь господиномъ моей души.

Тогда игемонъ велѣлъ повѣсить святаго на мучилищномъ деревѣ и строгать все тѣло его, ребра и голени острыми желѣзными орудіями. Долго строгали святаго мученика; въ тяжкихъ страданіяхъ онъ возвелъ очи свои къ Небу и обратился къ Богу съ такою молитвой:

— Боже мой, Ты моя надежда, спаси меня!

Тогда мучитель сказалъ палачамъ:

---

[1]) Псал. 95, ст. 5.

[2]) Псал. 134, ст. 18.

— Снимите его съ дерева; я знаю, что онъ затѣмъ поднимаетъ глаза къ небу, чтобы умолить боговъ нашихъ дать ему облегченіе.

Услыхавъ это, святый Леонтій громко и гнѣвно воскликнулъ къ игемону:

— Погибни ты съ богами твоими, опасный и скверный мучитель! Я молюсь моему Богу, чтобы Онъ даровалъ мнѣ мужество и силы для перенесенія налагаемыхъ тобою тяжкихъ мученій.

Мучитель повелѣлъ снова повѣсить его, но уже внизъ головою, привязавъ къ шеѣ тяжелый камень. Долгое время находился въ такомъ положеніи святый Леонтій, такъ молившійся вслухъ:

— Господи, Іисусе Христе, укрѣпившій рабовъ Твоихъ Ипатія и Ѳеодула при исповѣданіи Твоего пресвятаго Имени, утверди и меня, смиреннаго и грѣшнаго раба Твоего, дабы я возмогъ перенести настоящія мученія. Не оставь меня, моя Надежда!

— Я знаю, Леонтій, что ты сдѣлаешься другомъ нашихъ боговъ, —сказалъ игемонъ.

— Я—рабъ Вышняго Бога,—возразилъ мученикъ,—а ты—рабъ твоихъ боговъ, съ которыми ты и воины твои погибнете.

Весь день терпѣлъ святый Леонтій такія мученія; когда приблизился вечеръ и солнце уже начало склоняться къ западу, игемонъ приказалъ снять святаго Леонтія съ мучилищнаго дерева и бросить его въ темницу до утра. Всю ночь воспѣвалъ святый Леонтій въ заключеніи: **гдⷭ҃ просвѣщеніе моⷺ и спⷭ҃ителⷭ мой, когѡ оубоюсѧ?** [1]) Ему явился Ангелъ Господень и сказалъ:

— Мужайся, Леонтій! Господь Богъ, Которому ты вѣрно служишь, послалъ меня къ тебѣ, чтобы я пребывалъ неотступно съ тобою.

И радовался святый, и веселился о Господѣ, Богѣ своемъ.

Возсіяло солнце, и снова Адріанъ, сѣвши на судилищѣ, потребовалъ къ себѣ святаго Леонтія.

— Какъ, Леонтій, что надумалъ? — спросилъ онъ.

— Я пришелъ,—отвѣчалъ святый,—къ одному заключенію — не обращать вниманія на твои пустыя рѣчи; много разъ я говорилъ раньше и теперь снова повторю, что никогда не оставлю Бога моего, Творца Неба, земли, моря и всего, что ихъ наполняетъ, Господа Іисуса Христа, Сына Божія, претерпѣвшаго для нашего спасенія крестныя мученія; въ Немъ одномъ я полагаю свою надежду.

— Послушай меня, Леонтій!—увѣщевалъ игемонъ. Принеси

[1]) Псал. 26, ст. 1.

жертву богамъ; клянусь тебѣ моими богами, что въ такомъ случаѣ ты получишь отъ царя и великую честь, и многія богатства.

— Какая честь и какія богатства поднебесной могутъ заставить меня,—спросилъ святый Леонтій,—послушать тебя и отречься отъ Бога моего? Весь міръ недостоинъ Христа Владыки, Котораго я люблю всѣмъ моимъ сердцемъ, изъ любви къ Которому страдаю и готовъ претерпѣть все; твоимъ же богамъ не принесу жертвы.

Окончательно убѣдившись, что невозможно побѣдить непобѣдимаго воина Христова, т. е. склонить его къ языческому нечестію, игемонъ издалъ слѣдующій смертный приговоръ святому Леонтію:

«Леонтія, не только не хотѣвшаго подчиниться велѣнію царя и принести богамъ жертвы, но и хулившаго отеческихъ боговъ, повелѣваемъ, растянувъ на мучилищномъ древѣ въ четыре стороны, бить до тѣхъ поръ, пока отъ мученій не извергнетъ душу свою».

Святаго Леонтія распростерли, привязавъ къ четыремъ коламъ, вбитымъ въ землю, затѣмъ четыре сильныхъ воина долго и жестоко били его, пока въ мученіяхъ онъ не предалъ святую душу свою въ руки Божіи; тѣло же его, брошенное внѣ города, взяли вѣрные и предали честно́му погребенію близъ пристани Трипольской.

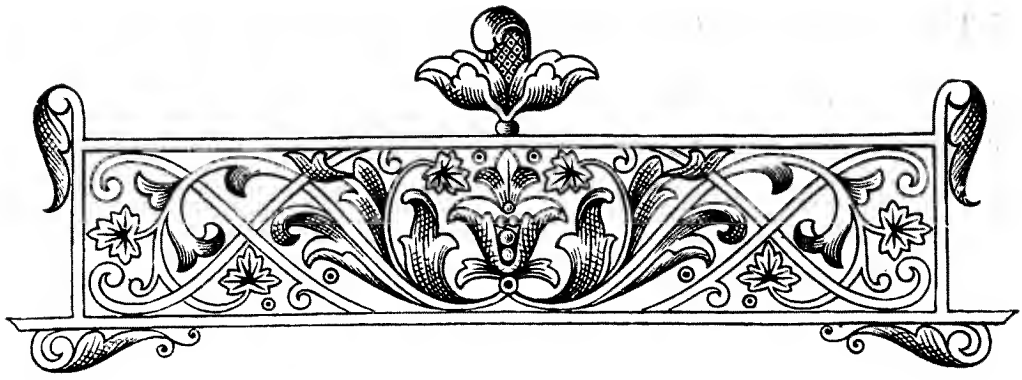
Это страданіе святаго мученика Леонтія описалъ рабъ Христовъ «Куръ нотарій», видѣвшій мученія своими глазами; обо всемъ написалъ онъ на оловянныхъ дощечкахъ, которыя и положилъ при мощахъ мученика въ его гробѣ для послѣдующихъ христіанскихъ поколѣній, дабы всякій, читающій или слушающій, воздѣлъ къ Небу руки свои и воздалъ славу Богу, укрѣпившему на такой подвигъ раба Своего. Совершилъ страданіе свое святый Леонтій 18-го іюня въ царствованіе въ Римѣ Веспасіана, а въ Церкви—Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь[1]).

Кондакъ, гласъ г:

Оучи́телей посрами́лъ є҆сѝ лу҃каваа ковáрства, и҆ є҆ллинѡ́въ ѡ҆бличи́лъ є҆сѝ безбо́жное слу҃же́нїе, возсїа́лъ є҆сѝ бг҃оразу́мїе всѣ́мъ челове́кѡмъ, оу҃че́ньми бл҃гоче́стїа бг҃ому́дре мч҃не. сегѡ̀ ра́ди твою́ па́мять почита́емъ любо́вїю, прему́дре лео́нтїе.

---

1) О *св. мученикѣ Леонтіи* упоминаетъ Константинопольскій Соборъ, бывшій при Патріархѣ Минѣ (536—552 гг.); въ Триполѣ фиикійскомъ ему была посвящена церковь. Въ Константинополѣ память св. Леонтія торжественно праздновалась въ двухъ мѣстахъ—въ храмѣ его имени и близъ Камаридія.



День девятнадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІУДЫ,

брата Господня по плоти

Святый Апостолъ Іуда принадлежитъ къ числу 12-ти учениковъ Господа. Онъ происходилъ изъ племени Давида и Соломона. Святый Іуда родился въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ отъ праведнаго Іосифа, которому потомъ была обручена Пречистая Дѣва Марія. Съ точностью неизвѣстно, кто была мать Іуды. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это была Саломія [1]) — дочь Аггея, сына Варахіина, брата святаго Захаріи, отца святаго Пророка и предтечи Господня Іоанна. Сей Іуда былъ братомъ святаго Апостола Іакова Праведнаго, предстоятеля Іерусалимской Церкви [2]). Святый Апо-

---

[1]) Отъ сей *Саломіи* слѣдуетъ отличать еще старицу Саломію—жительницу Виѳлеема (нареченную бабку Господа); эта Саломія была родственницей Пресв. Дѣвы Маріи и прав. Іосифа; см. о ней въ сказаніи о Рождествѣ Христовѣ — мѣсяцъ декабрь, 25-ое число, и въ житіи св. Іосифа Обручника—26 декабря.

[2]) *Святый Апостолъ Іаковъ*, братъ Господень по плоти, по преданію сопутствовалъ отцу своему Іосифу, Приснодѣвѣ Маріи и Младенцу Іисусу во время бѣгства ихъ въ Египетъ. По вознесеніи Спасителя, онъ былъ поставленъ епископомъ Церкви Іерусалимской; онъ первый составилъ Божественную Литургію. Скончался, будучи сверженъ Іудеями съ крыла церковнаго, въ 61 или 62 году по Р. Хр.; ему приналлежитъ Соборное Посланіе, носящее его имя. Память сего св. Апостола—23 октября.

столь Іуда называется обыкновенно Іудою Іаковлевымъ, то есть братомъ апостола Іакова[1]). Это наименованіе онъ принялъ по смиренію своему, ибо считалъ себя недостойнымъ называться братомъ Господнимъ по плоти, тѣмъ болѣе, что согрѣшилъ предъ Господомъ, во-первыхъ, своимъ маловѣріемъ, а во-вторыхъ, небратолюбіемъ. Что Іуда согрѣшилъ маловѣріемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ святый Іоаннъ Богословъ, говоря: **ни бра́тїа є́гѡ вѣ́роваху̀ въ него́**[2]).

Объясняя это мѣсто Евангелія, святый Ѳеофилактъ[3]) разумѣетъ здѣсь подъ братьями Христовыми дѣтей Іосифа. Именно, онъ говоритъ:

«Поношеніе доставляли Ему—т. е. Христу—и братья, дѣти Іосифа (среди которыхъ былъ и сей Іуда); откуда же у нихъ такое невѣріе къ Нему?—Отъ своей собственной дурной воли и отъ зависти, ибо родственникамъ свойственно завидовать своимъ болѣе, чѣмъ постороннимъ».

Итакъ, отсюда ясно, что Іуда согрѣшилъ предъ Господомъ своимъ маловѣріемъ.

Но Іуда, кромѣ того, оказалъ Христу и небратолюбіе, какъ о томъ пишется въ житіи Іакова, брата Божія. Когда Іосифъ, по возвращеніи изъ Египта, сталъ дѣлить землю свою между своими дѣтьми, рожденными отъ первой жены, то онъ пожелалъ удѣлить часть и Господу Іисусу, рожденному преестественно и нетлѣнно отъ Пречистыя Дѣвы Маріи,—тогда бывшему еще малымъ отрокомъ. Но три сына Іосифовы не захотѣли принять Христа къ себѣ въ

1) Впрочемъ, нѣкоторые отличаютъ отъ Іуды, брата Господня, Іуду Іаковлева (упоминаемаго въ Евангеліи отъ Луки, гл. 6, ст. 16 и въ кн. Дѣян. Апост., гл. 1, ст. 13) и къ сему Апостолу относятъ слѣдующее, сообщаемое въ Евангеліи обстоятельство. Во время послѣдней Своей прощальной бесѣды съ учениками Господь, возвѣстивъ имъ о Своемъ отшествіи къ Богу Отцу, въ утѣшеніе имъ сказалъ: **не ѡ̑ставлю васъ сѷ́ры: пріи́ндꙋ̀ къ ва́мъ. є́щѐ ма́лѡ, и̑ мі́ръ ктомꙋ̀ не ѻ҆́вѷдитъ менѐ, вы́ же ѻ҆́вѷдите мѧ̀... и҆́мѣ́й за́пѡвѣ́ди мо́и̑ и̑ соблюда́и̑ и҆̑хъ, то́й е́́сть люба́й мѧ̀: а̑ люба́й мѧ̀, возлю́бленъ бꙋ́детъ ѻ҆́цѣ́мъ мои́мъ: и̑ а̑́зъ возлюблю̀ є́гѡ̀, и̑ ꙗ҆́влю́сѧ є́мꙋ̀ сама́мъ** (Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 18—21); тогда Іуда сказалъ Господу: **гдⷭ̑, и̑ что̀ бы́сть, ꙗ҆́кѡ на́мъ хо́щеши ꙗ҆́вѷ́тисѧ, а̑ не мі́рови?** (Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 22). Изъ этого вопроса видно, что Апостолъ Іуда еще не разстался съ любимою мыслію Іудеевъ о Мессіи какъ о земномъ царѣ и понималъ обѣщанное явленіе Господа въ смыслѣ видимаго, чувственнаго явленія, во славѣ земного царя и завоевателя. Господь отвѣтомъ Своимъ далъ ему понять, что Онъ—не земной царь и явленіе Его въ Царствѣ Своемъ не есть явленіе видимое, внѣшнее, тѣлесное, но внутреннее, духовное,—таинственное общеніе Его съ вѣрующими (Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 23).

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 7, ст. 5.

3) *Блаженный Ѳеофилактъ*, архіепископъ г. Ахриды въ Болгаріи, извѣстенъ своимъ толкованіемъ на Четвероевангеліе, въ которомъ онъ слѣдуетъ во многомъ св. Іоанну Златоусту. Скончался около 1085 г.

долю какъ рожденнаго отъ другой матери; только четвертый сынъ—святый Іаковъ принялъ Его въ совмѣстное владѣніе частью своею, и оттого названъ потомъ братомъ Божіимъ. Сознавая эти свои прежніе грѣхи—маловѣріе и небратолюбіе — Іуда и не осмѣливался именовать себя братомъ Божіимъ, но только называлъ себя братомъ Іакова, какъ онъ и пишетъ въ своемъ посланіи: **і҃уда і҃ісв хр҃та раб҃ъ, брат҃ъ же і҃аковл҃**[1]).

Сѵ̑тый а҃пл҃ъ і҃уда

Кромѣ названія Іуда Іаковлевъ, Апостолъ Іуда имѣетъ еще и другія названія. Евангелистъ Матѳей называетъ его Левеемъ и Ѳаддеемъ. Названія эти даны Апостолу Іудѣ не безъ причины, а именно: слово «Левей» значитъ: «сердеченъ». По отношенію къ Апостолу Іудѣ это названіе будетъ означать, что онъ—Іуда, послѣ содѣланныхъ имъ по невѣдѣнію прегрѣшеній противъ Христа Бога, когда увѣрился въ томъ, что Іисусъ есть истинный Мессія—Христосъ Богъ, то соединился съ Нимъ всѣмъ сердцемъ своимъ.

Апостолъ Іуда называется еще Ѳаддеемъ, что значитъ: «хваляцій», ибо онъ прославлялъ и исповѣдалъ Христа Бога и возвѣстилъ Евангеліе многимъ народамъ.

О жизни и дѣятельности святаго Апостола Іуды намъ извѣстно очень немногое. Извѣстно лишь, что въ концѣ царствованія Домиціана[2]) два внука Іуды, занимавшіеся обработкою земли собственными руками, были приведены, по навѣтамъ еретиковъ, къ сему императору какъ потомки Давида и родственники Господа; но когда императоръ убѣдился, что никакой политической опасности они для него не представляютъ, они были отпущены на свободу.

[1]) Посл. Ап. Іуды, гл. 1, ст. 1.

[2]) Императоръ римскій *Домиціанъ* царствовалъ съ 81 г. по 96 г.

Апостолъ Іуда, подобно другимъ «братьямъ Господа» по плоти, понесъ многіе благовѣстническіе труды, распространяя Евангеліе Христово. Вскорѣ же послѣ вознесенія Господа Іисуса Христа на Небо Апостолъ Іуда, какъ и всѣ вообще апостолы Христовы, отправился на проповѣдь Евангелія. По свидѣтельству церковнаго историка Никифора[1]), «божественный Іуда, не Искаріотскій, а иной, которому было двоякое наименованіе—Ѳаддей и Леввей, сынъ Іосифа, братъ же Іакова, сброшеннаго съ крыши храма Іерусалимскаго, проповѣдывалъ Евангеліе и распространялъ христіанство сначала въ Іудеѣ, Галилеѣ, Самаріи, Идумеѣ, потомъ въ Аравіи, Сиріи и Месопотаміи, наконецъ пришелъ въ городъ Едессу, принадлежавшій царю Авгарю[2]), гдѣ еще раньше его проповѣдывалъ Евангеліе другой Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти апостоловъ. Здѣсь Апостолъ Іуда докончилъ и исправилъ то, что не было окончено тѣмъ Ѳаддеемъ»[3]).

Есть извѣстіе, что святый Апостолъ Іуда проповѣдывалъ христіанство и въ Персіи, откуда и написалъ на греческомъ языкѣ свое Соборное Посланіе. Побужденіемъ или поводомъ къ написанію сего Посланія послужило то обстоятельство, что въ общество вѣрующихъ вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божію въ случаи къ беззаконію и подъ видомъ свободы христіанской дозволяли себѣ всякія мерзкія дѣла. Это краткое Посланіе заключаетъ въ себѣ много глубокихъ мыслей и назидательнаго ученія. Въ немъ содержится частію ученіе догматическое: о таинствѣ Святой Троицы, о воплощеніи Іисуса Христа, о различіи ангеловъ добрыхъ и злыхъ и о будущемъ Страшномъ Судѣ; частію же ученіе нравственное: увѣщаніе избѣгать нечистоты грѣховной—плотской, хулы, гордости, непослушанія, зависти, ненависти, коварства и лукавства; Апостолъ совѣтуетъ всякому быть постояннымъ въ должности своей, въ вѣрѣ, въ молитвѣ, въ любви, совѣтуетъ заботиться объ обращеніи заблудшихъ, сохранять себя отъ еретиковъ, душевредные нравы которыхъ онъ изобразилъ ясно и объявилъ, что еретики тѣ погибнутъ, подобно жителямъ Содома[4]).

Кромѣ того, въ своемъ Посланіи святый Апостолъ Іуда гово-

---

1) *Никифоръ Каллистъ*—греческій историкъ XIV вѣка, оставившій намъ «Исторію Церкви».

2) Сему Авгарю, по преданію, Іисусъ Христосъ послалъ Свой нерукотворенный образъ. Едесса—городъ въ Месопотаміи.

3) Память сего св. Апостола Ѳаддея—21 августа, а также и 4 января.

4) Посл. Ап. Іуды, ст. 7 и слѣд. (Все посланіе Ап. Іуды состоитъ изъ одной главы).

ритъ, что недостаточно для спасенія быть только обращеннымъ изъ язычества въ христіанство, но должно при вѣрѣ дѣлать добрыя дѣла, приличныя христіанству и достойныя спасенія, и приводитъ въ примѣръ наказанныхъ Богомъ ангеловъ и людей. Ангеловъ Богъ связалъ вѣчными узами во мракѣ и хранитъ ихъ на Страшный Судъ Свой за то, что они не сохранили своего достоинства [1]). Людей же, изведенныхъ изъ Египта, Богъ погубилъ въ пустынѣ за то, что они впали въ развратъ, живя не по Закону Божію [2]). Такъ Апостолъ Іуда краткими словами раскрываетъ намъ въ посланіи своемъ истины великія.

Много различныхъ странъ посѣтилъ святый Апостолъ Іуда, проповѣдуя Евангеліе, обращая къ Христовой вѣрѣ народы и наставляя ихъ на путь спасенія. Въ такихъ трудахъ достигъ онъ странъ Араратскихъ и здѣсь, отвративъ множество людей отъ идолопоклонства, сдѣлалъ ихъ христіанами. Этимъ Апостолъ сильно вооружилъ противъ себя жрецовъ идольскихъ: они схватили его и, послѣ различныхъ мученій, повѣсили на крестѣ и пронзили стрѣлами. Такъ окончилъ подвигъ и жизнь свою святый Апостолъ Іуда и отошелъ ко Христу Богу, дабы принять отъ Него вѣнецъ вѣчнаго воздаянія на Небѣ [3]).

Тропа́рь, гла́съ а̃:

Апо́стола тво́я сро́дника, Го́споди, вѣ́дуще, и мо́литву твёрда, сіе́нно восхваля́емъ, пре́лесть попра́вша, и вѣ́ру соблю́дша: тѣ́мже дне́сь всесла́вную твою́ па́мять пра́зднующе, грѣхо́въ разрѣше́нія мо́литвами твои́ми прі́е́млемъ.

---

[1]) Тамъ же, ст. 6.

[2]) Тамъ же, ст. 5.

[3]) Св. Ап. Іуда скончался около 80 г. по Р. Хр.—По мѣсяцеслову имп. Василія Ап. Іуда былъ въ Месопотаміи въ Едессѣ, гдѣ уврачевалъ Авгаря, а послѣ въ городѣ Аратѣ на крестѣ пронзенъ стрѣлою; по славянскому прологу Ап. Іуда пострадалъ на Арадскомъ островѣ. Есть городъ и островъ Арадъ, но въ Финикіи, а не въ Месопотаміи. По армянскому преданію, Ап. Іуда прибылъ въ Арменію около 60 года и встрѣтился здѣсь съ Апостоломъ Варѳоломеемъ въ г. Арташатѣ на Араксѣ; многихъ онъ просвѣтилъ, и пригвожденъ ко кресту въ 72 г. въ Орміи въ Великой Арменіи,—нынѣ Урмія. Въ такомъ случаѣ Аратъ слѣдуетъ искать около горъ Араратскихъ. (Мѣсяц. арх. Сергія, т. 2-й, зам. подъ 19-мъ іюня).

Кондакъ, гласъ ѣ:

Павлъ избрьсѧ собесѣдникъ а҃пле, съ симъ намъ проповѣдь возвѣсти́лъ є҆сѝ бж҃ественныѧ бл҃годати, тайноглаго́льниче і҃ѡдо бл҃же́нне. сегѡ̀ ра́ди вопїе́мъ тѝ: не преста́й моля́сѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

И҆нъ кондакъ, гласъ ѣ:

Ревердымъ ѹ҆мо́мъ и҆збра́нъ ѹ҆ченикъ ты̀ бы́лсѧ є҆сѝ, и҆ сто́лпъ неѡборимь цр҃кве хр҃то́вы: и҆зы́кѡмъ проповѣ́далъ є҆сѝ сло́во хр҃то́во, вѣ́ровати, глаго́лѧ, во є҆ди́но бж҃ество̀: ѿ негѡ́же прослáвившсѧ, прїѧ́лъ є҆сѝ да́ръ и҆сцѣле́нїй, цѣли́ти недѹ́ги притека́ющымъ къ тебѣ́, а҃пле і҃ѡдо всехва́льне.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАИСІЯ ВЕЛИКАГО

Суетная прелесть міра сего,—тлѣнная и преходящая,—привлекаетъ къ себѣ людей, жаждущихъ ея, и заставляетъ ихъ, ради ничтожной радости земной, погрѣшать въ своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ и прилѣпляться умомъ къ дольнимъ страстямъ, и притомъ настолько, что эти міролюбцы иногда начинаютъ не только презирать обѣщанную имъ небесную жизнь, но и—увы!—отвращаются отъ Самого Творца истинной жизни и болѣе стремятся къ временнымъ и земнымъ благамъ, нежели къ будущимъ, добровольно подготовляя тѣмъ для себя лютую и безконечную смерть; подобно сему и вѣчное на Небесахъ сокровище въ людяхъ, уповающихъ достигнуть его, возбуждаетъ безмѣрное къ себѣ стремленіе и насыщаетъ сердца ихъ какою-то божественною и несказанною сладостію: обѣтованное намъ Небесное Царство заставляетъ таковыхъ людей воспоминать о вѣчномъ блаженствѣ, о воздаяніи за труды и свѣтломъ торжествѣ подвижниковъ; мысль о семъ настолько побуждаетъ ихъ стремиться къ достиженію сего Царства, что они не только начинаютъ презирать все временное и суетное, но даже не щадятъ и жизни своей, желая, ради Христа, по слову евангельскому[1]), положить за Него душу свою, и смерть за Него предпочитаютъ всѣмъ земнымъ радостямъ и удовольствіямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за прекращеніемъ гоненій подвижники благочестія не обрѣтали себѣ мученической смерти, они жаждали

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 39.

претерпѣть ее инымъ образомъ: они принимаютъ на себя продолжительный, но для нихъ необходимый, подвигъ умерщвленія своей плоти, и при этомъ конечно переносятъ постоянныя болѣзни: ежедневно постясь и умерщвляя себя многоразличными подвигами, они борятся съ невидимыми бѣсами и, еще будучи во плоти,—непрестанно понуждаютъ себя противиться этимъ безплотнымъ врагамъ.

Среди такихъ славныхъ и богоугодныхъ людей былъ нѣкій мужъ, о которомъ я[1]) и хочу теперь разсказать, повѣдавъ объ его рожденіи, юношествѣ и чудномъ житіи: имя тому мужу было Паисій. И всякій пусть повѣритъ мнѣ, слыша о немъ нѣчто преславное и вышеестественное, и пусть никто не думаетъ, что я, чести ради, что-либо прибавляю въ повѣствованіи объ этомъ святомъ отцѣ: онъ намного выше всякой человѣческой славы и, будучи восхваляемъ въ вышнихъ селеніяхъ святыми Ангелами, не требуетъ хвалы отъ насъ, дольнихъ и грѣшныхъ. Но я разскажу объ немъ ради пользы слушающихъ и желающихъ возревновать по его добродѣтелямъ. И разскажу то, что видѣлъ и слышалъ своими глазами и ушами.

Итакъ, начну разсказъ о достохвальной и поучительной жизни преподобнаго съ самаго младенчества его.

Сей славный и блаженный мужъ родился и жилъ въ Египтѣ, гдѣ нѣкогда родился и великій во пророкахъ боговидецъ Моисей, который, какъ объ этомъ повѣствуетъ намъ Священное Писаніе, весьма превознесся своею близостію къ Богу и своими великими чудесами. Но не менѣе прославился Египетъ и вторично — жизнію преподобнаго Паисія, который въ немъ родился и обогатилъ его честнымъ своимъ именемъ и многоразличными добродѣтелями.

Родители блаженнаго Паисія были людьми истинно вѣрующими и боящимися Господа. Они непорочно проводили свою жизнь въ исполненіи Заповѣдей Божіихъ и старались всевозможными благими дѣлами угождать одному только Господу.

Они имѣли семь человѣкъ дѣтей и всѣхъ ихъ воспитывали въ добромъ послушаніи, стараясь, чтобы они во всемъ подражали имъ — родителямъ своимъ.

Родители преподобнаго имѣли во всемъ достатокъ и раздавали милостыню всѣмъ нуждавшимся. Ихъ руки всегда были

---

[1]) Т.е.—написатель сего житія Іоаннъ Коловъ; Іоаннъ, прозваиный Коловъ, т. е. малорослый,—подвизался въ Египтѣ. Преставился около 430 года въ пустынной келліи близъ города Кольцума (нынѣ Суэца).—Память его — 9 ноября.

простерты къ воздаянію, и то, что они отдавали нищимъ,—это воздавалось имъ съ избыткомъ отъ божественныхъ даровъ.

Но такъ какъ никто изъ людей не можетъ быть непричастнымъ смерти, то и родитель преподобнаго преставился отъ житія сего, оставивъ честно́й женѣ своей попеченіе о дѣтяхъ; изъ нихъ самымъ меньшимъ по лѣтамъ былъ отрокъ Паисій, и изъ-за него особенно много печали пришлось перенести матери.

Однажды ночью, когда мать отрока уже спала, было ей такое видѣніе: явился Ангелъ Господень и сказалъ:

— Богъ, Отецъ сиротствующихъ, послалъ меня къ тебѣ спросить, зачѣмъ ты такъ печалишься о дѣтяхъ своихъ и постоянно находишься въ столь великой заботѣ о нихъ? Развѣ ты одна объ нихъ печешься, а Богъ и не думаетъ объ нихъ? Итакъ, отнынѣ оставь свою печаль и посвяти Богу Вышнему одного изъ сыновей твоихъ — чрезъ него прославится Пресвятое и Присно-славимое Имя Господне.

Прп҃бный
паи́сій

Мать преподобнаго на это отвѣтила Ангелу:

— Всѣ сыновья мои принадлежатъ Господу, и если который изъ нихъ угоденъ Ему, пусть Онъ возьметъ его къ Себѣ.

Тогда Ангелъ, взявъ Паисія за руку, сказалъ:

— Сей угоденъ Богу.

— Возьми лучше кого-либо изъ старшихъ, — проговорила тогда старица.

Но Ангелъ на это отвѣтилъ ей:

— О добрая женщина! Развѣ ты не знаешь, что сила Божія обыкновенно проявляется въ немощныхъ? Итакъ, сей юнѣйшій избранъ Богомъ, и онъ угодитъ Ему.

Сказавъ это, Ангелъ скрылся.

Мать преподобнаго, пробудившись отъ сна, удивилась такому божественному видѣнію и такъ возблагодарила Господа:

«Да будетъ, Владыка, милость Твоя на насъ и на рабѣ Твоемъ, Паисіи!»

Потомъ, послѣ довольно продолжительной молитвы, она повела сына своего въ церковь, для поставленія его въ клирики. Блаженный же отрокъ Паисій, сподобившись поступленія въ клиръ, сталъ уподобляться мужамъ добродѣтельнымъ и, возрастая лѣтами и разумомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возросталъ и благодатію Божіею: день ото дня сердце его воспламенялось все бо́льшею и бо́льшею любовію къ Богу, и самъ онъ горѣлъ нетерпѣніемъ — какъ бы поскорѣй достигнуть иноческаго постриженія; и вотъ,—когда наступило это время, и онъ могъ удостоиться посвященія и въ иноческомъ чинѣ начать уже болѣе совершенную жизнь,—онъ, какъ агнецъ непорочный, вразумленный благодатію Божіею, отправился въ скитскую пустыню и тамъ, для наставленія духовнаго, пожелалъ поселиться у пастыря словесныхъ овецъ—блаженнаго Памвы[1]); сей отецъ съ любовію и радостію принялъ его и облекъ его во святый иноческій образъ. Блаженный Памва одаренъ былъ даромъ предвѣдѣнія: по откровенію свыше онъ зналъ все, что должно было случиться съ Паисіемъ, и потому смотрѣлъ на него какъ на избранный сосудъ Божіей благодати, которая наставляла его на всякое благое дѣло.

Прежде всего блаженный Паисій ревностно проходилъ послушаніе, безпрекословно повинуясь отцу своему и во всемъ исполняя его волю, и при этомъ все время велъ самый суровый образъ жизни и, какъ по степенямъ, восходилъ въ сердцѣ своемъ все къ бо́льшему совершенству въ добродѣтеляхъ. Преподобный же отецъ нашъ Памва, видя, что онъ предалъ себя всецѣло посту, и желая поощрить его на еще бо́льшій подвигъ, однажды сказалъ ему:

— Чадо Паисій, новоначальному иноку нужно съ осторожностію хранить всѣ чувства отъ преткновенія и соблазновъ, а особенно нужно соблюдать глаза отъ всякаго любопытнаго взгляда; не нужно смотрѣть никому въ лицо, но постоянно устремлять свои очи долу, а умомъ взирать на высоту и внутренними очами созерцать неизреченную благость Божію, славя и воспѣвая Всесильнаго Господа.

---

1) Память его — 16 января.

И вотъ, блаженный Паисій, наставляемый подобными поучительными бесѣдами, возгорѣвшись еще бо́льшею любовію къ Богу, рѣшилъ все сказанное ему исполнить въ точности. И дѣйствительно, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ онъ со тщаніемъ соблюдалъ заповѣдь: не смотрѣть на чужія лица, и съ прилежаніемъ предался чтенію божественныхъ книгъ, непрестанно внимая Слову Божію и наставленіями его всегда, какъ водами, напоя душу свою; и былъ онъ, по слову Давида, какъ нѣкій садъ, насажденный при источникѣ водъ, возрастая, процвѣтая и принося во время свое сладкій плодъ, ибо вожделѣнно ему было сіе псаломское вѣщаніе къ Богу: **ко́ль сладка́ горта́ни моемъ҃ словеса́ тво́и҃, па́че ме́да оу҃стю́мъ мои́мъ**[1]: по апостольскому увѣщанію, непрестанно молясь, постомъ же и бдѣніемъ удручая тѣло свое, онъ порабощалъ его духу и въ глубинѣ сердца своего, какъ нѣкое сокровище, хранилъ всѣ свои добродѣтели.

Преподобный же старецъ Памва, видя его преуспѣвающимъ, радовался такой добродѣтельной жизни его въ Богѣ: отечески наблюдая за нимъ, онъ руководительно велъ его на дальнѣйшіе подвиги; и благочестно наставляя на всякое благоугодное дѣло и познаніе, скоро содѣлалъ его искуснѣйшимъ изъ иноковъ.

Когда настало время отшествія святаго Памвы къ небесному наслѣдію, къ каковому онъ такъ жаждалъ перейти, сей преподобный отецъ, благословивъ блаженнаго Паисія и изрекши про него немало пророческихъ словъ, перешелъ къ вѣчной блаженной жизни, дабы воспринять тамъ давно ожидаемыя имъ неизреченныя блага.

«Я же, смиренный Іоаннъ (говоритъ списатель сего житія), остался съ священнымъ Паисіемъ: во всемъ подобные другъ другу, мы проводили и жизнь вмѣстѣ; живя вдали отъ всѣхъ и исполняя одинъ и тотъ же уставъ и въ молитвахъ, и въ жизни, какъ мы его приняли отъ нашего отца, мы поддерживали другъ друга, заботясь только о спасеніи душъ нашихъ. Но спустя немного времени, блаженный Паисій возжелалъ болѣе высокаго подвига и житія, и потому намъ надлежало разойтись».

Воспламеняясь духомъ все къ болѣе суровому постничеству, онъ не прикасался къ пищѣ въ продолженіе цѣлой недѣли, а въ субботу и въ день воскресный вкушалъ только хлѣбъ съ солью и воду, въ прочіе же дни вмѣсто хлѣба чувственнаго питался хлѣбомъ

[1]) Псал. 118, ст. 103.

духовнымъ; онъ часто читалъ пророческую книгу боговѣщаннаго Іереміи, и много разъ сей святый Пророкъ, являясь ему, пояснялъ непонятныя для него въ пророчествѣ тайны и сокровенными мыслями возбуждалъ его умъ къ достиженію обѣщанныхъ благъ. Но простираясь все впредь — все къ болѣе суровому образу жизни, Паисій оставилъ первоначальный подвигъ своего пощенія и избралъ новый: теперь онъ сталъ поститься въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль и только по прошествіи ихъ вкушалъ, какъ было сказано, немного хлѣба съ солію и воды, сколько это было нужно. И объ этомъ его пощеніи и равноангельномъ житіи никто не зналъ, только одинъ Богъ, вѣдущій всѣ тайны человѣческія, для Котораго и все еще неявленное открыто; къ тому же онъ возжелалъ принять на себя и подвигъ молчанія, дабы наединѣ приносить моленія единому Владыкѣ Христу, приблизиться къ Нему еще болѣе и просвѣщаться Его свѣтомъ.

«Узнавъ объ этомъ его желаніи (продолжаетъ Іоаннъ Коловъ), я съ тяжелою грустью понялъ, что намъ должно разлучиться другъ отъ друга. Но я, желая знать, отъ Бога ли это его намѣреніе или отъ обычнаго человѣческаго своеволія, сказалъ ему:

— Братъ Паисій, вотъ, я вижу, что ты хочешь принять на себя подвигъ безмолвнаго житія; повѣрь мнѣ искренно, что и я имѣю ту же мысль, но я сомнѣваюсь, будучи неувѣренъ,—отъ Бога ли этотъ помыслъ, или нѣтъ; итакъ, помолимся къ Щедрому Богу,—пусть Самъ Господь нашъ по волѣ Своей устроитъ нашу жизнь и пусть откроетъ Онъ намъ: вмѣстѣ ли намъ пребывать, или разлучиться другъ отъ друга.

Паисій на это отвѣтилъ мнѣ:

— Ты хорошо говоришь, возлюбленный; сотворимъ же то, что ты сказалъ.

Итакъ, вставъ на молитву, мы всю ночь съ усердіемъ молились Господу. И Благосердый Господь, не желая презрѣть нашего моленія, послалъ къ намъ съ извѣстіемъ Ангела Своего святаго, который, представъ намъ поутру, сказалъ:

— Господь раздѣляетъ васъ въ жизни вашей; итакъ, ты, Іоаннъ, пребывая здѣсь, будь наставникомъ ко спасенію другихъ людей, ты же, рабъ Христовъ Паисій, перейди отсюда на западную сторону пустыни, ибо Господь сказалъ, что соберется къ тебѣ великій сонмъ иночествующихъ и, по Его повелѣнію, созданъ будетъ тамъ монастырь, и прославится чрезъ тебя Имя Его.

Сказавъ это, Ангелъ отошелъ. Мы же (говоритъ Іоаннъ) съ благодареніемъ поклонились Господу и, по повелѣнію Его, разошлись: я остался на прежнемъ мѣстѣ, блаженный же Паисій отправился далѣе, въ западную часть пустыни; тамъ онъ изсѣкъ въ горѣ пещеру и поселился въ ней, и здѣсь всесовершенною чистотою и многоразличными подвигами такъ приблизился къ Богу, что Самъ Христосъ являлся ему, поучалъ его и наставлялъ къ добродѣтели, — какъ обо всемъ этомъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ».

Однажды, когда Паисій сидѣлъ въ пещерѣ и воспѣвалъ божественныя пѣсни, явился ему Спаситель и сказалъ:

— Миръ тебѣ, Моему возлюбленному угоднику!

Онъ же, объятый страхомъ и трепетомъ, всталъ и сказалъ:

— Христе Человѣколюбче, Спасе, я рабъ Твой, и за что Ты, Владыка, оказываешь мнѣ столь великую милость, что теперь Самъ изволилъ снизойти къ моему недостоинству?

На это Господь ему отвѣтилъ:

— Видишь ли пустыню эту,—какъ она велика и широка? Ради тебя я наполню ее постниками, которые будутъ прославлять Имя Мое.

Тогда избранный угодникъ Божій Паисій, павъ на землю, сказалъ:

— Владыка Господи! Твоей крѣпкой рукѣ все повинуется, и что Ты пожелаешь, то и совершается:—молю же Твою благость,—дай мнѣ уразумѣть, откуда явится все потребное и нужное для тѣхъ, кто въ сей пустынѣ будетъ подвизаться?

Господь на это отвѣтилъ:

— Повѣрь Мнѣ, Говорящему тебѣ истину,—что если Я увижу въ нихъ любовь,—матерь всѣмъ добродѣтелямъ,—и если они будутъ исполнять всѣ заповѣди Мои, то пусть они ни объ чемъ не пекутся: Я самъ буду заботиться о нихъ.

Тогда Паисій снова вопросилъ Господа:

— Еще разъ вопрошу Твою благость: какъ они безпреткновенно перейдутъ вражія сѣти и избѣгнутъ лютыхъ бѣсовскихъ искушеній?

На это Господь отвѣтилъ:

— Если они заповѣди Мои, какъ Я тебѣ сказалъ, будутъ соблюдать съ кротостію, правдою и смиреннымъ сердцемъ, то Я не только содѣлаю ихъ выше всякихъ вражіихъ браней и лукавыхъ коварствъ, но и дамъ въ наслѣдіе Царство Небесное.

Сказавъ это, Спаситель со Славою возшелъ на Небеса.

Святый же Паисій, еще болѣе проникшись въ сердцѣ своемъ страхомъ Божіимъ, непрестанно сталъ размышлять о снисхожденіи къ нему съ Неба Спасителя.

Но отецъ зависти и человѣконенавистникъ—врагъ діаволъ, видя, что Паисій, искусно минуя всѣ коварныя сѣти его, неуязвимъ предъ его кознями и пребываетъ выше всѣхъ его навѣтовъ, еще болѣе воспылалъ на него злобою; но будучи не въ состояніи приблизиться къ нему, ввиду той божественной силы, каковая дана была ему отъ Бога, началъ изобрѣтать другія коварства, дабы уловить наконецъ въ свои сѣти раба Христова. Думая плѣнить его золотою удицею любостяжанія, діаволъ покусился при помощи милостыни уловить угодника Божія въ сѣть сребролюбія, чтобы—послѣ того, какъ онъ отпадетъ отъ нестяжанія—удобнѣе было лютымъ духамъ злобы сдѣлать на него нападеніе.

И вотъ, льстивый врагъ рода человѣческаго отправился къ нѣкоему Египетскому князю — мужу богобоязненному и обладающему большимъ богатствомъ; онъ явился ему въ образѣ Ангела и сказалъ:

— Возлюбленный, вставъ иди въ пустыню; ты тамъ найдешь мужа по имени Паисія,—человѣка совершенно бѣднаго, но весьма украшеннаго добродѣтелями и божественной благодати избраннаго сосуда; встрѣтивъ его, ты одари сего старца, не скупясь, золотомъ, дабы онъ имѣлъ чѣмъ пополнить недостатокъ и прочихъ пустынножителей.

Князь тотъ, не уразумѣвъ бѣсовскаго прельщенія, но думая, что это дѣйствительно Ангелъ, взявъ часть своего золота и серебра и много другаго, что было необходимо для иноковъ, отправился къ святому. Но божественная сила, обитавшая въ Паисіи, открыла ему эти козни діавола, который хотѣлъ подъ видомъ княжеской милостыни плѣнить святаго любостяжаніемъ,— и божественный мужъ Паисій, тотчасъ же вставъ, пошелъ навстрѣчу князю.

Когда святый встрѣтилъ его, князь спросилъ его о пустынножителѣ Паисіи: кто онъ и гдѣ живетъ? Паисій же съ своей стороны спросилъ князя:

— Зачѣмъ ты ищешь Паисія? Какая тебѣ въ немъ надобность?

Князь отвѣтилъ:

— Я пришелъ подѣлиться съ нимъ золотомъ, серебромъ и всѣмъ необходимымъ въ жизни, чтобы онъ раздалъ все это инокамъ.

Тогда святый, отвѣчая князю, сказалъ:

— О христолюбецъ! Познай, что золото и серебро не нужны для желающихъ жить въ сей пустынѣ, и никто изъ поселившихся здѣсь не пожелаетъ взять что-либо изъ твоего имѣнія; итакъ, не скорбя, возвратись домой, Богъ же приметъ твое доброе произволеніе. А если ты хочешь принесенное тобою раздать неимущимъ, то вѣдь по городамъ египетскимъ много есть людей нуждающихся, убогихъ, нищихъ, сиротствующихъ и вдовствующихъ,—заботься объ нихъ,—и ты великое пріимешь отъ Бога воздаяніе!

Князь, повѣривъ словамъ святаго, возвратился и поступилъ такъ, какъ онъ его научилъ: свое имѣніе онъ раздалъ нищимъ, убогимъ и нуждающимся.

Когда же преподобный Паисій входилъ въ свою пещеру, явился ему діаволъ и сказалъ:

— О Паисій! Что мнѣ теперь дѣлать съ тобою, вѣдь ты разстраиваешь всѣ мои хитрые замыслы? Пойду теперь съ бранію лучше на другихъ, къ тебѣ же уже болѣе не возвращусь, ибо я побѣжденъ тобою.

Послѣ этого блаженный мужъ заклялъ нечистаго духа силою Христовою и отогналъ его отъ себя,—и діаволъ со стыдомъ удалился, не смѣя уже болѣе такъ нагло приступать къ святому.

Вскорѣ преподобный отправился во внутреннюю часть пустыни, но, пребывая тамъ тѣломъ, духомъ своимъ онъ вмѣстѣ съ Небесными Силами предстоялъ Владыкѣ всѣхъ; здѣсь, уподобляясь безплотнымъ, онъ предался еще болѣе строгой жизни и за то сподобился стать еще на землѣ созерцателемъ небесныхъ таинъ, ибо Духъ Святый, пребывающій въ немъ, благоволилъ явить ему нескончаемое на Небесахъ торжество праведныхъ.

Однажды, ставъ на молитву, Паисій почувствовалъ, что онъ, какъ будто возлетѣвъ на крыльяхъ, находится уже на Небѣ: прежде всего онъ увидѣлъ прекрасныя райскія селенія, преисполненныя неизреченнаго свѣта и веселія, увидѣлъ также и Церковь первенствующихъ и вѣчно торжествующихъ и, сподобившись здѣсь причаститься невещественной пищи божественныхъ Таинъ,—онъ воспринялъ даръ крайняго воздержанія и постничества. Причащаясь на седмицѣ однажды,—именно въ недѣльный день воскресенія Господня, онъ до другаго недѣльнаго дня оставался совершенно безъ пищи: такъ силою благодати Божіей обогатилось отъ Зиждителя естество его.

«Мнѣ же (говоритъ списатель его житія) пусть всякій повѣритъ изъ вѣрующихъ Божію Слову, ибо Слово Божіе я имѣю вѣрнымъ свидѣтелемъ. Не то ли и оно говоритъ, что все повинуется Божіему велѣнію? А такъ какъ оно истинно, то пусть и передаваемое мною всякій считаетъ за истину.—По причащеніи Божественныхъ Таинствъ Тѣла и Крови Христовыхъ преподобный Паисій иногда оставался безъ тѣлесной пищи семьдесятъ дней; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо божественная благодать имѣетъ неизреченную силу и потому могла поддерживать въ немъ (Паисіи) жизнь лучше, нежели подкрѣпленіе тлѣнною пищею. Ибо по плотскому естеству живущихъ, тѣло, дабы не изнемочь, требуетъ для укрѣпленія своего питанія, а тѣ, которые, наподобіе безплотныхъ, преуспѣли въ вышеестественной жизни,—тѣмъ зиждительная сила въ изобиліи подаетъ сію благодать, которой естество человѣческое и повинуется, и живетъ уже не столько тѣлесною пищею, сколько духовною. Всесильный Создатель Богъ нашъ знаетъ, какъ въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ и даже больше сохранить жизнь на землѣ семи спящимъ отрокамъ [1]) и вѣдь сохраняетъ же Онъ въ небесныхъ селеніяхъ жизнь Иліи до послѣдняго дня.—Но объ этомъ довольно,—будемъ говорить о блаженномъ Паисіи».

Къ сему преподобному отцу стекалось множество не только иноковъ, но и мірянъ, желавшихъ жить при немъ; поселившись вокругъ него, какъ рой пчелиный, всѣ они сильно жаждали насытиться сладостію его духовнаго меда. Онъ же, отъ присносущнаго божественнаго источника почерпая благодать, сладчайшую болѣе всякаго чувственнаго меда и сота, источалъ имъ сіе духовное питіе, исполненное неизглаголанной сладости,—такъ что ежедневно сильно увеличивалось число братій, собиравшихся и умножавшихся около него; всѣ они, отвергши житейскія прелести міра сего, евангельски подъяли на рамо яремъ Христовъ. Изъ числа этихъ братій однихъ преподобный отецъ отдѣлялъ на подвигъ молчанія, дабы они наединѣ бесѣдовали съ Богомъ въ теплой молитвѣ; инымъ же повелѣвалъ служить Господу вмѣстѣ съ другими и единодушно съ братіями пребывать въ послушаніяхъ и нести на

---

1) Чудесное пробужденіе 7 отроковъ совершилось въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго (408—450 гг.),—когда появились еретики, отвергавшіе воскресеніе мертвыхъ. Во время этого-то смущенія въ Церкви и проявилось наглядное свидѣтельство истины будущаго возстанія усопшихъ. Память 7 отроковъ—4 августа.

себѣ общій трудъ; а третьихъ оставлялъ для изученія рукодѣлія, чтобы они не только сами питались отъ трудовъ рукъ своихъ, но и питали бы голодныхъ, нищихъ и съ любовію упокоевали бы прочихъ неимущихъ братій и странниковъ. Главнымъ же завѣтомъ его было слѣдующее: да никто не дѣлаетъ что-либо по своей волѣ, но все по повелѣнію и разсмотрѣнію опытныхъ отцовъ. Таковъ былъ завѣтъ преподобнаго для собиравшихся къ нему братій и таково было ученіе его; что же касается безмолвной жизни самого преподобнаго отца, то объ этомъ передать подробно невозможно, но изъ многаго да будетъ сказано хотя нѣчто малое.

По пропествіи нѣкотораго времени преподобный, видя, что его безмолвная жизнь постоянно нарушается приходящими къ нему братіями, сталъ тяготиться этимъ, ибо самъ онъ желалъ строго соблюдать подвигъ безмолвія; поэтому онъ рѣшилъ оставить ту пещеру, гдѣ прежде жилъ, а вмѣстѣ съ этимъ—и попеченіе о братіи своей. И вотъ, тайно отъ всѣхъ, онъ ушелъ оттуда и отправился въ болѣе отдаленныя мѣста пустыни; здѣсь въ одномъ мѣстѣ онъ нашелъ пещеру, поселился въ ней и три года пребывалъ тамъ. И за это время сильно выросли волосы на головѣ его и были такъ длинны, что, привязывая ихъ съ нѣкоторымъ искусствомъ къ колу, который былъ водруженъ на верху пещеры, онъ могъ, не засыпая ни на минуту, совершать всѣ свои всенощныя моленія; такимъ образомъ какъ ночью, такъ и днемъ онъ не давалъ себѣ покоя, всецѣло предаваясь труду, и только въ немъ имѣлъ покой, ради любви Божіей, которою всегда былъ объятъ. Потому и Господь возлюбилъ его, и преподобный не разъ удостаивался божественнаго явленія и лицезрѣнія Христова, какъ и Самъ Спаситель нашъ во святомъ Евангеліи сказалъ: **люби́й мѧ́, возлю́бленъ бу́детъ ѻ҃ц҃е́мъ мои́мъ: и҆ а҃зъ возлюблю́ є҆го́ и҆ ꙗ҆влю́сѧ є҆мꙋ́ сѧ́мъ**[1]).

Однажды, когда преподобный Паисій воспламененъ былъ особенно горячею любовію къ Богу и весь умъ его богомысленною молитвою былъ углубленъ въ Господѣ,—какъ и прежде, явился ему Спаситель Христосъ; Паисій же, будучи не въ состояніи зрѣть Пресвѣтлой Славы Пресвятаго лица Спасителя, палъ на землю, объятый страхомъ и трепетомъ. Но Человѣколюбивый Владыка простеръ ему руку Свою и (о, неизреченной любви Твоей, Христе Царю, къ угодникамъ Своимъ!), поднявъ Паисія отъ земли, сказалъ ему:

[1]) Евангг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 21.

— Миръ тебѣ, угодникъ Мой; не устрашайся, и да не трепещетъ сердце твое; ибо о твоихъ дѣлахъ весьма услаждается благостыня Моя, и Мнѣ очень благоугоденъ подвигъ твой; веселись же и пріими достойное за это воздаяніе: вотъ, Я даю тебѣ такой даръ: все, чего ты ни попросишь у Отца Моего во Имя Мое,—дастся тебѣ.

Святый же Паисій, видя столь великую благость Господню, воспринявъ нѣкое дерзновеніе, сказалъ:

— Человѣколюбче Христе Боже! Если по неисповѣдимой благостыни Твоей Ты сподобляешь меня, недостойнаго и окаяннаго, такой Твоей благодати, то, молю Тебя смиренно, Самъ настави и научи меня, о комъ и о какихъ нуждахъ мнѣ нужно просить, ибо я вижу всѣ мои согрѣшенія предъ Тобою и о недостаткахъ моихъ всегда молю Твое милосердіе: прости и покрой благоутробіемъ Своимъ множество грѣховъ моихъ, и сподоби меня остальное время моей жизни провести безгрѣшно, дабы, безбоязненно взойдя на стезю спасенія, при Твоей помощи и руководствѣ мнѣ безпреткновенно достигнуть блаженной жизни; ибо кто можетъ безъ Твоей помощи и наставленія совершить что-либо доброе и получить отъ Тебя милость? И какія наши добрыя дѣла, какой трудъ и подвигъ достойны столь превеликой милости Твоей,—если бы даже мы и смерть за Тебя приняли, какъ и подобаетъ намъ полагать души свои за Тебя, Создателя и Искупителя нашего, премилосердо возлюбившаго насъ грѣшныхъ? Ибо если Ты—Богъ Безсмертный — за насъ, смертныхъ людей, проливая Свою пресвятую кровь, претерпѣлъ крестъ, смерть и гробъ, дабы воскресеніемъ Своимъ подать и намъ воскресеніе, то какую смерть должно претерпѣть намъ ради Тебя, Спасителя нашего?

Въ то время, какъ святый Паисій съ великимъ сердечнымъ умиленіемъ говорилъ такъ ко Спасу, Господь благословилъ его и, отступивъ отъ него, возшелъ на Небеса со славою. Паисій же поклонился Владыкѣ своему, хваля и благодаря за Его милостивное къ нему снисхожденіе.

Послѣдующее же наше слово (продолжаетъ списатель сего житія) имѣетъ цѣлію показать великую ревность сего преподобнаго о святой вѣрѣ; ревность эта однажды проявила себя такимъ образомъ.

Въ одномъ изъ селеній египетскихъ проживалъ нѣкій старецъ; по своему житію это былъ человѣкъ весьма добродѣтель-

ный, но въ Священномъ Писаніи онъ былъ совсѣмъ несвѣдущъ,—и вотъ, по невѣдѣнію, онъ впалъ въ такую ересь: про Святую Троицу онъ говорилъ не какъ про Троицу, но какъ про двоицу, т. е.—онъ исповѣдывалъ Отца и Сына, про Духа же Святаго онъ умалчивалъ, говоря, что Онъ не есть Богъ. И вѣруя такъ ложно самъ, онъ и другихъ научалъ этому своему зловѣрію; многіе изъ простого народа слѣдовали его хульному мудрованію и ученію, видя его добродѣтельное житіе по Богѣ. Уготовляющій же для всѣхъ спасеніе Христосъ Богъ, не желая, чтобы труды старца и его постническіе подвиги были тщетны, возвѣстилъ объ немъ блаженному Паисію и указалъ ему то селеніе и мѣсто, гдѣ жилъ сей святый старецъ. Паисій тотчасъ же съ поспѣшностію сталъ собираться въ путь: онъ сдѣлалъ собственноручно множество корзинъ и при этомъ придѣлалъ къ каждой изъ нихъ по три ушка, и пошелъ съ ними къ тому старцу, выдавая себя за странника и продавца рукодѣлія своего; многіе же изъ находившихся при старцѣ иноковъ, державшихся ложнаго его ученія и неправой вѣры, увидѣвъ странника и его корзины и не зная, что это Паисій, стали спрашивать, кто онъ и откуда? Онъ же на это говорилъ, что онъ пришелъ изъ пустыни продавать рукодѣліе свое. Спрашивали его и о корзинахъ, почему онѣ сдѣланы съ тремя ушками? И святый Паисій всегда на это отвѣчалъ имъ:

— Такъ какъ я рабъ Пресвятой Троицы и пламенно проникнутъ любовію къ Ней, то поэтому и корзины свои я устроилъ во образъ Святой Троицы съ тремя ушками, дабы мнѣ не только вѣровать сердцемъ и устами исповѣдывать, но и рукодѣліемъ моимъ, прообразующимъ тройственность Божественныхъ Лицъ, прославлять Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святаго Духа; ибо одно ушко содѣлано во образъ Бога Отца, другое—во образъ Бога Сына, третье—во образъ Бога Духа Святаго; и подобно тому, какъ каждая корзина имѣетъ три ушка, но сама по себѣ—едина, такъ и во Святой Троицѣ три Лица, но единъ Богъ.

Въ то время, какъ святый Паисій въ краткихъ словахъ излагалъ сію тайну о Святой Троицѣ, мужи тѣ, вмѣстѣ съ своимъ постникомъ—учителемъ, устыдились и, приготовившись послушать его, сказали:

— О дивный, скажи намъ объ истинной вѣрѣ еще, пояснѣе, и поучи насъ еще своими бесѣдами: ты и сказаннымъ уже весьма удивилъ насъ.

И божественный Паисій, исполнившись Духа Святаго, какъ опытный наставникъ, началъ благоразсудно и богомудренно изобличать еретическое заблужденіе и его душепагубный вредъ, и ревностно сталъ поучать ихъ святой, православной и душеспасительной вѣрѣ и наставлять на путь истинный. И долго преподобный Паисій бесѣдовалъ съ ними отъ божественнаго Писанія и богодухновенныхъ книгъ, училъ ихъ вѣровать во святую Троицу и благочестно исповѣдывать сію истину и обратилъ старца того и всѣхъ, кто былъ съ нимъ, къ покаянію о прежнемъ ихъ заблужденіи; и такъ просвѣтивъ ихъ, пошелъ обратно въ свою пустыню, воспѣвая благодарственныя къ Господу моленія. Когда же онъ приближался къ пустынѣ, внезапно предъ глазами его возсіялъ великій свѣтъ, и, посмотрѣвъ вокругъ, онъ увидѣлъ всю пустыню ту наполненною ангельскими полчищами; удивившись, онъ недоумѣвалъ, что̀ бы это было, и просилъ у Господа открыть ему, что̀ означало все видѣнное имъ. И тотчасъ же Ангелъ святый, сопутствовавшій ему, сказалъ:

— Все это тебѣ Богъ показалъ, дабы ты зналъ, что и при тебѣ и безъ тебя Ангелы, по повелѣнію Его, хранятъ иноковъ, въ пустынѣ сей обитающихъ, какъ обѣщалъ тебѣ Самъ Владыка.

И Паисій, воздавъ за сіе Богу, Промыслителю всѣхъ, благодареніе, пошелъ далѣе, въ свою келлію.

Послѣдующее же повѣствованіе будетъ предложено о пророческомъ дарованіи святаго Паисія, именно, какою прозорливостію былъ исполненъ сей угодникъ Божій.

Слава о божественномъ и святомъ Паисіи распространялась повсюду, и многіе добродѣтельные люди призывали его, дабы познакомиться съ нимъ и побесѣдовать; такъ и блаженный Пименъ, будучи еще въ то время совсѣмъ юнымъ, возгорѣлъ желаніемъ видѣть святаго Паисія. Онъ отправился къ преподобному Павлу и сталъ умолять его, чтобы онъ пошелъ съ нимъ къ великому Паисію: Павелъ обыкновенно часто посѣщалъ святаго Паисія. Но на эту просьбу онъ сказалъ Пимену:

— Ты еще очень молодъ, и я стыжусь вести тебя къ сему святому мужу; ибо онъ—великій угодникъ Божій и любитъ безмолвіе, и запросто мы не приходимъ къ нему, но съ разсудительностію и то не всегда, а только въ удобное время,—ради пользы душевной.

Пименъ же на это отвѣтилъ ему:

— Но я, отче, придя къ нему съ тобою, встану внѣ келліи, а

ты одинъ войдешь къ святому,—для меня будетъ великимъ утѣшеніемъ и то, если я услышу только его голосъ, бесѣдующій съ тобою; но если я даже и не сподоблюсь слышать его голоса, то все же хоть коснусь келліи его, а когда ты будешь выходить отъ него, прикоснусь еще и къ твоимъ честнымъ ногамъ, вступавшимъ вовнутрь келліи, и возьму персть земли, по которой ступали святыя ноги угодника,—и это для меня будетъ великою радостью.

Блаженный Павелъ, увидѣвъ, что Пименъ говоритъ все это съ великимъ смиреніемъ и благою вѣрою, взялъ его съ собою и пошелъ къ великому Паисію; дойдя до келліи святаго, Павелъ одинъ вошелъ туда, а Пименъ остался внѣ ея.

Принявъ Павла съ любовію, какъ отецъ, святый Паисій спросилъ его и о юномъ Пименѣ, котораго хотя и не видалъ еще тѣлесными очами, но духовными еще издалека узрѣлъ его,—и сказалъ Павлу:

— Гдѣ твой спутникъ—юноша?

Павелъ отвѣчалъ:

— Онъ, отче, остался внѣ келліи, ибо боится и стыдится войти къ тебѣ!

Тогда святый, повелѣвъ Пимену войти, сказалъ:

— Нехорошо возбранять посѣщеніе къ намъ тѣхъ, для которыхъ Спаситель сотворилъ удобнымъ восхожденіе и на Небеса; да и мужамъ Онъ сказалъ въ святомъ Евангеліи: **а҆́ще не ѡ҆брати́тесѧ, и҆ бу҃дете, а҆́кѡ дѣ́ти, не вни́дите въ ца҃рство нб҃ное**[1]).

Сказавъ это, святый Паисій взялъ юношу и, обративъ лицомъ къ себѣ, благословилъ его, а Павлу сказалъ:

— Повѣрь мнѣ, любезный Павелъ, что отрокъ сей спасетъ души многихъ людей и многіе благодаря ему сподобятся райскаго селенія, ибо съ нимъ рука Господня, охраняющая и къ божественному пути его наставляющая.

Сказавъ это, святый Паисій, возложивъ руки свои на главу Пимена, снова благословилъ его и, послѣ довольно продолжительной бесѣды о душевномъ спасеніи, отпустилъ ихъ съ миромъ; самъ же, безмолвствуя, продолжалъ подвизаться въ обычныхъ своихъ постническихъ подвигахъ.

Однако время повѣдать и о преславныхъ чудесахъ преподобнаго Паисія.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 18, ст. 3.

Въ странахъ Сирійскихъ проживалъ одинъ великій постникъ,—человѣкъ, украшенный весьма многими добродѣтелями; однажды, когда сей инокъ стоялъ на молитвѣ, онъ невольно спросилъ самъ себя: кому изъ угодившихъ Богу онъ подобенъ? Лишь только онъ объ этомъ подумалъ, какъ послышался свыше небесный голосъ:

— Иди во страну Египетскую, и ты тамъ найдешь мужа, по имени Паисія, который имѣетъ такое же смиренномудріе и любовь къ Богу, какъ и ты.

Услышавъ это, честны́й старецъ тотчасъ же съ поспѣшностію сталъ собираться въ путь и, не обращая вниманія ни на дальнюю дорогу, ни на тяжкій трудъ, немедленно же пошелъ изъ Сиріи въ Египетъ; дойдя до Нитрійской горы [1]), онъ спросилъ о Паисіи,—гдѣ онъ находится? И такъ какъ имя Паисія всюду уже было извѣстно, то ему тотчасъ же указали мѣсто его жительства; да и Паисію пришествіе старца было не безъизвѣстно, но по благодати Божіей—открыто; и вотъ, возставъ, онъ отправился навстрѣчу къ старцу. Встрѣтившись въ пустынѣ, они любезно другъ друга обняли и облобызались святымъ о Господѣ лобзаніемъ; потомъ, придя въ келлію Паисія и сотворивъ молитву, они сѣли и стали бесѣдовать.

Слово къ святому Паисію первымъ началъ старецъ; онъ говорилъ чрезъ переводчика языкомъ сирскимъ, ибо не умѣлъ говорить по-египетски. Паисій же, будучи египтяниномъ, немало скорбѣлъ о томъ, что не знаетъ сирскаго языка, такъ какъ онъ не хотѣлъ пропустить ни одного полезнаго слова старца. И вотъ, возведъ очи свои на Небо и устремивъ умъ къ Богу, онъ воздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ:

— Сыне, Слове Божій, дай мнѣ, рабу Твоему, уразумѣть силу словъ сего святаго старца!

И лишь только онъ сказалъ это,—о, сколь близка всегда къ намъ помощь Божія!—тотчасъ же сталъ понимать сирскую бесѣду старца и, просвѣщаемый Божественнымъ Духомъ, началъ говорить съ нимъ по-сирски же. И наслаждались они оба богодухновенными бесѣдами безъ толкователя, говоря другъ другу о своихъ подвижническихъ трудахъ, кои имъ были завѣщаны отъ Бога, и—какихъ кто изъ нихъ сподобился Божіихъ дарованій.

Такъ они пребывали вмѣстѣ шесть дней, насыщаясь духовною сладостію и веселясь о Богѣ, Спасѣ своемъ. По окончаніи же душе-

---

[1]) Въ сѣв. части Египта, въ Нильской дельтѣ.

спасительныхъ бесѣдъ ихъ, когда старецъ уже хотѣлъ уходить къ себѣ домой, святый Паисій призвалъ всѣхъ учениковъ своихъ, бывшихъ тогда съ нимъ, и сказалъ имъ:

— О чада возлюбленные, сей преподобный мужъ, будучи совершеннымъ въ добродѣтеляхъ,—преисполненъ благодати Духа Святаго; и такъ, пріидите всѣ, дабы сподобиться его благословенія, и пріимите молитвы его въ защиту вамъ отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ.

Послѣ того, какъ Паисій сказалъ это, всѣ ученики его стали воздавать старцу— Сиріянину подобающее ему поклоненіе и принимать отъ него благословеніе. Потомъ, помолившись Господу о ученикахъ Паисія и воздавъ ему любезное о Христѣ цѣлованіе, а также простившись и со всею братіею, сей старецъ, сопровождаемый Паисіемъ и учениками его, отправился въ свою страну.

Спустя немного времени послѣ отшествія старца къ святому Паисію пришелъ нѣкій, отдѣльно живущій отъ другихъ, братъ; ученики святаго сказали ему:

— О возлюбленный! Былъ здѣсь у насъ, изъ земли Спрійской, одинъ человѣкъ Божій, великій среди отцовъ старецъ; онъ просвѣщенъ и умомъ и сердцемъ и весьма укрѣпилъ насъ своими душеспасительными бесѣдами; онъ только что ушелъ къ себѣ домой, и если хочешь видѣть его, то можешь: ибо онъ не успѣлъ еще далеко уйти и теперь находится гдѣ-нибудь близъ насъ;—и такъ, постарайся настигнуть его, дабы сподобиться отъ него благословенія.

И братъ тотъ рѣшилъ тотчасъ же идти вослѣдъ старца. Но святый Паисій сказалъ ему:

— Не ходи: преподобный старецъ прошелъ уже болѣе восьмидесяти поприщъ пути, ибо его несутъ облака.

Послѣ того, какъ святый сказалъ это, всѣ удивились и прославили Господа, дивнаго во святыхъ Своихъ.

Къ преподобному Паисію пришелъ однажды одинъ братъ, желавшій его видѣть, и засталъ его спящимъ, у главы же его онъ увидѣлъ стоящимъ Ангела-хранителя, на видъ—весьма прекраснаго, и, удивившись, сказалъ: поистинѣ хранитъ Богъ любящихъ Его! братъ не дерзнулъ приступить къ спящему отцу, такъ какъ боялся присутствія Ангела, и, возблагодаривъ Бога, ушелъ, получивъ великую пользу отъ того, что сподобился у преподобнаго видѣть Ангела Божія.

Одинъ изъ учениковъ святаго Паисія, повинуясь его приказанію, отправился въ Египетъ, чтобы продать свое рукодѣліе; на пути

онъ случайно встрѣтилъ нѣкоего Еврея, шедшаго тоже въ Египетъ, и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Дорогою Еврей, увидѣвъ простоту его, началъ изливать сквернымъ своимъ языкомъ ядъ, который имѣлъ въ сердцѣ своемъ отъ душепетлѣннаго змѣя, и сказалъ между прочимъ иноку:

— О возлюбленный! Почему вы такъ вѣрите въ простаго, распятаго Человѣка, когда Онъ вовсе и не былъ ожидаемымъ Мессіей? Другой долженъ придти, но не Онъ.

Послѣ того, какъ Еврей наговорилъ ему много и другихъ лукавыхъ и душевредныхъ словъ, инокъ, по своей умственной слабости и простотѣ сердечной, былъ обольщенъ Евреемъ: онъ внималъ словамъ его какъ истинѣ и даже разъ промолвилъ:

— Можетъ быть, и правда, что ты говоришь.

О прельщеніе и неожиданная напасть! Ибо сей инокъ (увы мнѣ!) тотчасъ же лишился благодати Крещенія, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Когда онъ возвратился въ пустыню и пришелъ къ преподобному Паисію, старецъ для него сталъ какъ бы неприступнымъ: онъ не только не хотѣлъ глядѣть на ученика своего, но всюду отвращался отъ него и не отвѣчалъ ему ни одного слова. И долго такъ отецъ уклонялся отъ ученика своего, а сей послѣдній сильно скорбѣлъ объ этомъ и болѣлъ сердцемъ, не зная за собою никакой вины или прегрѣшенія предъ святымъ Паисіемъ. Наконецъ, улучивъ удобное время, инокъ пришелъ къ преподобному и, припавъ къ ногамъ его, сказалъ:

— Почему, отче, ты отвращаешь отъ меня честно́е лицо свое и презираешь меня, окаяннаго ученика своего? И чего ты прежде никогда не имѣлъ обыкновенія дѣлать,—то нынѣ являешь по отношенію ко мнѣ, отвращаясь отъ меня, какъ бы отъ какого-то мерзкаго человѣка.

Старецъ на это сказалъ ему:

— Кто ты, человѣкъ? Я тебя не знаю.

Инокъ отвѣтилъ:

— Отче, что̀ ты увидалъ во мнѣ страннаго, что не узнаешь меня? Не я ли ученикъ твой? — и при этомъ назвалъ свое имя.

Старецъ же сказалъ ему:

— Этотъ ученикъ мой былъ христіаниномъ и имѣлъ на себѣ благодать Крещенія, а ты не таковъ; но если ты дѣйствительно тотъ ученикъ мой, то поистинѣ благодать Крещенія отъ тебя

отошла и образъ христіанина—отнятъ. Итакъ, скажи, что случилось съ тобой? И повѣдай о приключившемся съ тобою искушеніи, и какой душепагубный ядъ ты принялъ на пути своемъ?

— Прости меня, отче,—сказалъ на это инокъ,—я ничего не дѣлалъ.

Святый же сказалъ:

— Отойди отъ меня подальше вмѣстѣ со всѣми отрекшимися отъ Господа,—я не хочу съ тобою бесѣдовать; ибо если бы ты былъ ученикомъ моимъ, какимъ былъ прежде, то я и видѣлъ бы тебя такимъ, какимъ ты былъ прежде.

Тогда инокъ, воздыхая, сталъ проливать умильныя слезы, говоря:

— Я и есть тотъ твой ученикъ, а не другой кто-нибудь, и не знаю, что я сдѣлалъ дурнаго.

Великій Паисій послѣ этого спросилъ его:

— Съ кѣмъ ты бесѣдовалъ на пути?

— Съ Евреемъ,—отвѣтилъ инокъ,—и ни съ кѣмъ инымъ.

Тогда святый сказалъ ему:

— Что тебѣ говорилъ Еврей и что ты отвѣчалъ ему?

Ученикъ святаго на это сказалъ:

— Еврей ничего мнѣ другого не говорилъ, какъ только сказалъ, что Христосъ, Которому вы кланяетесь, не есть истинный Христосъ, что Спаситель еще только долженъ придти въ міръ; я же на это сказалъ ему:—можетъ быть, и вѣрно то, что ты говоришь.

Тогда старецъ воскликнулъ:

— О окаянный! Что можетъ быть хуже и скверпѣе сего слова, которымъ ты отвергся Христа и Его божественнаго Крещенія? Теперь иди и оплакивай себя, какъ хочешь, ибо нѣтъ тебѣ мѣста со мною, но твое имя написано съ отвергшимися Христа,—съ ними ты и пріимешь судъ и муки.

Послѣ сихъ словъ старца ученикъ его, воздохнувъ и заплакавъ, возвелъ свои очи на Небо и съ мольбою возопилъ къ преподобному:

— Отче, помилуй меня, окаяннаго, и дай миръ душѣ моей! Лишившись по неосторожности божественнаго просвѣщенія и сдѣлавшись для лукавыхъ бѣсовъ веселіемъ и радованіемъ,—я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать; но я прибѣгаю къ Богу и къ твоимъ святымъ молитвамъ,—не презри меня, окаяннаго, и умоли обо мнѣ Владыку Христа,—да возвратитъ Онъ мнѣ снова Свое милосердіе!

Когда онъ такъ молился,—умилостивляя старца болѣе слезами, нежели словами, святый умилился, смотря на него, и сказалъ ему:

— Потерпи, чадо, намъ теперь должно умолять о тебѣ щедроты человѣколюбиваго Бога.

Сказавъ это, преподобный затворился на молитву и сталъ просить Господа, да проститъ Онъ грѣхъ ученику его, который согрѣшилъ предъ Нимъ по неосторожности и безхитростному невниманію. И Господь, никогда не презирающій, но всегда исполняющій молитвы угодника Своего, преклонился на милость и простилъ согрѣшившаго; знаменіемъ же прощенія было слѣдующее видѣніе: преподобный узрѣлъ благодать Духа Святаго, возвратившуюся въ видѣ голубя къ ученику тому и вошедшую въ уста его, и при этомъ увидѣлъ и злаго духа, вышедшаго изъ согрѣшившаго инока въ видѣ темнаго дыма и разлившагося по воздуху.

Увидѣвъ это, преподобный увѣровалъ, что Господь даровалъ прощеніе брату тому и, обратившись къ нему, сказалъ:

— О чадо, воздай вмѣстѣ со мною славу и благодареніе Христу Богу, ибо нечистый хульный духъ вышелъ изъ тебя, вмѣсто же него въ тебя вошелъ Духъ Святый, вернувшій тебѣ благодать Крещенія; итакъ, теперь соблюдай себя, чтобы, по лѣности и неосторожности, снова не впасть во вражія сѣти и, согрѣшивъ, не наслѣдовать огня геенскаго.

Таково было одно изъ чудесъ святаго Паисія; но продолжимъ повѣствованіе и о другихъ его славныхъ дѣяніяхъ.

Однажды пришелъ къ святому Паисію одинъ старецъ, по имени Іоаннъ; онъ много лѣтъ провелъ въ пустынѣ, обучаясь подвигу поста. Сей братъ былъ весьма голоденъ и нуждался въ пищѣ. Преподобный, уразумѣвъ духомъ, что Іоаннъ весьма алченъ, сказалъ ученику своему:

— Поскорѣй приготовь намъ трапезу и принеси пищи, дабы намъ напитаться съ отцомъ Іоанномъ.

Когда трапеза была приготовлена, преподобный Паисій предложилъ Іоанну вкусить отъ нея, проговоривъ:

— По причинѣ продолжительнаго воздержанія, тебѣ теперь потребна пища; итакъ, вкуси и укрѣпись.

Іоаннъ на это сказалъ ему:

— Прости меня, отче; нынѣ пость, и ради многочисленныхъ грѣховъ мнѣ подобаетъ поститься.

Тогда старецъ, удивившись воздержанію Іоанна, тотчасъ же всталъ и, воззрѣвъ на Небо, изъ глубины сердца произнесъ:

— Господи, посѣти раба Твоего Іоанна, паче силы труждающагося ради Твоего Имени!

Въ то время, какъ Паисій молился такъ,—по его заслугамъ, на того, о комъ онъ возносилъ сію молитву, было ниспослано отъ Бога великое и преславное озареніе. И вотъ Іоаннъ, какъ бы находясь въ восторгѣ, увидѣлъ нѣкоего прекраснаго юношу, державшаго въ рукахъ пищу и питіе и подававшаго ихъ ему, дабы онъ укрѣпился послѣ своей алчбы; придя же въ себя, онъ былъ преисполненъ великой сладости, какъ бы совершенно насытившійся пребогатой трапезы, и уже не нуждался въ предлагаемой старцемъ пищѣ и безъ того насыщенный небесною снѣдію, но, воздавъ благодареніе Богу и угоднику Его святому Паисію, отошелъ въ свою пустыню, и еще болѣе усилилъ свой подвигъ поста, постоянно говоря самъ себѣ:

«Весьма сладко я поѣлъ; итакъ, буду поститься съ усердіемъ».

Такъ сей блаженный Іоаннъ, укрѣпляемый молитвами святаго Паисія, преуспѣвалъ въ постничествѣ.

«Когда я по временамъ сидѣлъ у преподобнаго Паисія,—пишетъ блаженный Іоаннъ Коловъ,—приходили къ нему нѣкоторые иноки, желая слышать отъ него полезное для ихъ души слово и при этомъ часто просили его:

— Повѣдай намъ, отче, о нашемъ спасеніи,—какъ мы должны жить для Господа?

Старецъ же на это говорилъ имъ:

— Соблюдайте заповѣди Божіи и сохраняйте отеческія преданія.

И въ другой разъ иноки просили его:

— Скажи намъ, отче, что-нибудь и еще на пользу нашихъ душъ.

Божественный же мужъ, видя прозорливыми очами своими помышленія ихъ, каждому сказалъ то, объ чемъ онъ думалъ, и при этомъ повѣдалъ имъ, какія изъ помышленій ихъ благи, и каковыя—порочны, и отчего эти помыслы пришли къ нимъ на сердце.

Иноки эти, весьма удивляясь прозорливости старца, сказали мнѣ (повѣствуетъ Іоаннъ Коловъ) наединѣ:

— Поистинѣ, отче Іоаннъ, авва Паисій открылъ намъ всѣ тайны сердецъ нашихъ, и то, что одному только Богу было извѣстно, онъ ясно это видѣлъ въ насъ.

Я же на это сказалъ имъ:

— Много разъ и мы по опыту познавали сію его прозорливость; если вы вѣрите мнѣ, то скажу вамъ истину, ибо ничего иного не намѣренъ объ немъ говорить, кромѣ правды: вѣдь мы боимся Истиннаго Судіи, Который говоритъ въ Святомъ Евангеліи: ѿ словесъ своихъ ѡправдишися, и ѿ словесъ своихъ ѡсѹдишися [1]). И еще: всѧко слово праздное, ежє аще рекѹтъ человѣцы, воздадѧтъ ѡ немъ слово въ день сѹдный [2]). Итакъ, неложное и непраздное слово я вамъ говорю,—все, что я часто про себя думалъ и что я тайно дѣлалъ отъ другихъ, отецъ Паисій, встрѣчая меня, когда я къ нему приходилъ,—обо всемъ этомъ говорилъ мнѣ, какъ будто онъ былъ въ келліи вмѣстѣ со мною и видѣлъ все мною совершаемое.

Иноки, услышавъ это отъ меня, подивились и сказали:

— Дивенъ бгъ во стыихъ своихъ [3]).

И послѣ этого ушли, прославляя Господа за ту Его великую благодать, какая была дана рабу Его, святому Паисію.

Скажемъ еще и о томъ, какъ сильны были молитвы преподобнаго и какъ онѣ могли отступившаго отъ Бога великаго грѣшника снова привести къ Богу и обратить его на путь спасенія.

Одинъ братъ, по имени Исаакъ, слѣдуя влеченію своего сердца, рѣшилъ оставить свой пустынническій подвигъ безмолвія и поселился близъ города; и такъ какъ онъ для продажи своего рукодѣлія часто входилъ въ этотъ городъ, то весьма скоро впалъ и въ сѣть пагубную: одна еврейка подошла къ нему что-то купить изъ продаваемаго имъ; онъ же, взглянувъ на лицо ея, замѣтилъ красоту ея и тотчасъ же былъ охваченъ нечистымъ помысломъ къ ней; также и женщина та, видя, что онъ совсѣмъ еще юноша, устремила свой взглядъ на него, и послѣ происшедшей между ними бесѣды они воспламенились другъ къ другу сатанинскою любовію. Такимъ образомъ вскорѣ, при бѣсовскомъ содѣйствіи, инокъ увязнулъ въ сѣти той скверной женщины и, зачавъ болѣзнь, родилъ беззаконіе: оставивъ иночество, онъ женился на ней и—о горе! что еще того хуже,—онъ, окаянный, не только иночество, но и вѣру свою оставилъ по любви къ этой женщинѣ; онъ перешелъ въ іудейскую вѣру и, служа ветхозавѣтному Закону ихъ, жилъ вмѣстѣ съ Евреями, былъ ихъ постояннымъ собесѣдникомъ и хулилъ Христа, Спасителя нашего, какъ и Іудеи хулятъ: Исаакъ во всемъ слѣдовалъ

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 37.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 36.
3) Псал. 67, ст. 36.

волѣ скверной и нечистой жены своей, которая была объята такою злобою ко Христу и такою ненавистію къ Пресвятому Имени Его, что часто, положивъ голову окаяннаго своего мужа себѣ на грудь и открывъ ему ротъ, небольшимъ сучкомъ вырывала зубы его, произнося при этомъ: «да не останется между зубами какая-либо часть христіанскаго причащенія»,—ибо нечестивая жена эта думала, что у христіанъ Божественное Причащеніе долго остается между зубами. И мужъ уступалъ злобѣ ея и поистинѣ сталъ врагомъ Христу, Господу нашему. О безбожіе! Знаю я,—говоритъ списатель,—что всѣ, услышавшіе объ томъ, возболятъ сердцемъ своимъ, но я удивляюсь Божію долготерпѣнію, Его великому человѣколюбію и Его неисчетной божественной благодати, коя не только любитъ праведныхъ, но милосердствуетъ и о грѣшныхъ и тайнымъ посѣщеніемъ касается сердца ихъ, подобно тому какъ солнечный лучъ, проходя чрезъ небольшую скважину въ затворенную отовсюду храмину, всю ее освѣщаетъ. Однако снова перехожу къ прерванному повѣствованію.

Окаянный тотъ инокъ, удалясь отъ иночества и христіанства и ниспадая чрезъ свое пагубное безвѣріе во глубину адову, послѣ довольно продолжительнаго времени, какъ впалъ въ это свое беззаконіе, все-таки началъ понемногу какъ бы приходить въ себя и, при угрызеніи совѣсти, началъ познавать всю свою погибель. Въ это время нѣкоторымъ братіямъ той пустыни, гдѣ прежде сей отпадшій инокъ Исаакъ совершалъ свой постническій подвигъ, понадобилось идти по своимъ надобностямъ въ городъ. По Божію усмотрѣнію, инокамъ тѣмъ пришлось идти мимо того дома, гдѣ онъ, прельщенный, жилъ вмѣстѣ съ своею женою еврейкою; увидѣвъ ихъ мимо идущихъ, онъ тотчасъ же почувствовалъ сердечное сокрушеніе, вспомнивъ прежнюю свою жизнь и честный сонмъ святыхъ братій: выйдя къ нимъ изъ дому, онъ началъ спрашивать ихъ,—откуда и кто они и зачѣмъ пришли сюда. Они на это отвѣтили ему:

— Мы изъ Нитрійской пустыни[1]), ученики великаго Паисія, пришли же сюда по своимъ надобностямъ.

Тогда онъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ имъ все о себѣ и усердно сталъ умолять ихъ, дабы они передали великому старцу его просьбу:

[1]) Начало монашеству въ Нитрійской пустынѣ положено было св. Аммономъ, современникомъ св. Антонія. Въ самой Нитріи св. Аммонъ основалъ монастырь, а Антоній положилъ начало устройству скитовъ. Въ концѣ IV в. тутъ было до 50 монастырей, устроенныхъ по уставу св. Пахомія. Къ югу отъ Нитріи была Скитская пустыня, гдѣ обитало много иноковъ.

да умолитъ онъ Господа о немъ, чтобы его молитвами избавиться ему отъ сѣти вражеской. Иноки, болѣзнуя о немъ въ сердцѣ своемъ, обѣщали передать просьбу его святому старцу, что дѣйствительно и сдѣлали: возвратившись домой, они разсказали обо всемъ этомъ блаженному отцу. Старецъ, выслушавъ ихъ, воздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ:

— Увы мнѣ, возлюбленныя чада, какъ часто мужи изъ-за женщинъ лишаются божественной благодати! Указанія на такихъ мужей мы имѣемъ въ святыхъ книгахъ, написанныхъ древними отцами; ибо для врага, воздвигающаго брань на людей, нѣтъ болѣе твердаго орудія, какъ женщины; пользуясь этимъ оружіемъ, супостатъ легко преодолѣвалъ и великихъ мужей: вспомните великаго Давида и его правнуковъ и внуковъ;—вотъ почему и намъ всегда нужно быть осторожными и всегда молиться Господу, чтобы избавиться отъ такого коварства.

Сказавъ это, старецъ затворился въ своей молитвенной келліи и, ставъ на молитву, такъ сталъ взывать къ Господу:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій и Слове! Не презри дѣла рукъ Твоихъ и не попусти тому иноку до конца быть ввержену во глубину погибели, но милостиво призри съ небеснаго Твоего жилища и не презри приносимыхъ мною Тебѣ молитвъ: пріими моленіе объ отступившемъ отъ Тебя и теперь снова приходящемъ въ раскаяніе: молюсь Твоей благости,—призови его на покаяніе.

Послѣ того, какъ святый довольно долгое время такъ молился и непрестанно умилостивлялъ щедроты Божіи, его мольбами преклонено было милосердіе Божіе; ибо Спаситель не презираетъ молитвъ любящихъ Его. Къ святому старцу явился Самъ Господь и Знающій все спросилъ его:

— О комъ ты вопіешь ко Мнѣ день и ночь? Не объ томъ ли отвергшемся отъ Меня и теперь переходящемъ ко врагамъ—окаянномъ мужѣ, который нѣкогда былъ инокомъ, а теперь сталъ евреемъ? Не объ этомъ ли человѣкѣ ты молишься, угодникъ Мой Паисій?

Старецъ на это отвѣтилъ Господу:

— О немъ я молю Твою благость, Человѣколюбивый Владыко. Взирая на Твои щедроты, призывающія всѣхъ ко спасенію и не хотящія смерти грѣшнаго, но ожидающія его обращенія,—я ради этихъ щедротъ Твоихъ дерзнулъ молить о немъ благоутробіе Твое:

призови, добрый Пастырь, заблуждшее овча, призови снова въ Твою ограду и будь милостивъ къ нему.

На сію молитву Господь сказалъ ему:

— О угодникъ Мой! Благочестіе твое велико: ибо ты, подражая Моей любви, заботишься о спасеніи грѣшныхъ; посему не скорби: просимое дастся тебѣ.

Сказавъ сіе, Господь возшелъ на Небеса. Спустя немного времени злая та женщина евреянка, пораженная Божіимъ гнѣвомъ, умерла. Исаакъ же снова возвратился въ пустыню и, представъ преподобному, припалъ къ честнымъ стопамъ его, плача и исповѣдуя грѣхи свои; своимъ возвращеніемъ и покаяніемъ онъ доставилъ великую радость преподобному и всѣмъ отцамъ той пустыни. Послѣ поученій великаго отца инокъ сей снова принялъ прежнюю вѣру и снова облекся въ ангельскій образъ; и подвизался онъ въ великихъ трудахъ, плача и сокрушаясь о грѣхахъ своихъ; и такъ проживъ всѣ дни свои въ покаяніи, добродѣтельно и богоугодно,—онъ отошелъ ко Господу. И это все грѣшникъ получилъ молитвами преподобнаго Паисія: онъ покаялся и спасся; намъ же, слышащимъ сіи преславныя дѣла, подобаетъ славить и воспѣвать Христа Бога, Который такъ возвеличилъ угодника Своего.

Среди учениковъ преподобнаго Паисія былъ нѣкій старецъ, который имѣлъ совершенно мірскіе обычаи и нравы; и когда иноки, для наставленія, приходили къ преподобному и слушали его богодухновенныя слова,—слушалъ съ ними и старецъ тотъ, но пользы отъ этого онъ никакой не получалъ, ибо не имѣлъ въ себѣ хорошо воздѣланной и влажной почвы, но сердце его было, какъ камень, ожесточено, и потому доброе сѣмя божественныхъ бесѣдъ не могло въ немъ укорениться и прозябнуть: по временамъ онъ даже поносилъ слова святаго; ибо отойдя отъ лица преподобнаго, старецъ тотъ предъ другими братіями иногда позволялъ себѣ и ругаться надъ бесѣдами святаго Паисія, говоря при этомъ одну только растлѣвающую и хульную ложь, какъ и подобаетъ людямъ мірскимъ и нечестивымъ,—и нѣкоторые иноки соблазнялись хуленіями, слышанными отъ него. По прошествіи довольно продолжительнаго времени братія, не желая болѣе слышать развращающихъ словъ его, но и не смѣя сами повѣдать о томъ святому отцу, отправились къ нѣкоему боголюбивому и добродѣтельному подвижнику, жалуясь на того злонравнаго старца; тогда подвижникъ этотъ отправился вмѣстѣ съ ними къ великому Паисію.

Въ то время, когда святый наединѣ упражнялся въ богомысліи, послышался ангельскій голосъ:

— Да извѣстно тебѣ будетъ, отецъ, что старецъ тотъ, который находится вмѣстѣ съ твоими учениками, производитъ соблазны и совращаетъ другихъ братій; итакъ, нужно пресѣчь безчинный его обычай и исправить его при помощи заповѣдей.

На сей голосъ святый Паисій отвѣтилъ:

— Давно бы сдѣлалъ это, если бы зналъ, что могу исправить его. Но такъ какъ діаволъ готовъ погубить его и, являясь, заманиваетъ его своимъ коварствомъ въ сѣть свою, то поэтому я не могу сказать ему что-либо жестокаго, дабы онъ не принялъ слово мое съ горечью и не счелъ его для себя обиднымъ: вѣдь въ этомъ случаѣ онъ можетъ выйти изъ среды братій и изъ пустыни и снова пойти въ міръ; тогда я окажусь виновникомъ его погибели и буду повиненъ предъ Богомъ, такъ какъ не могъ потерпѣть брата, обуреваемаго врагомъ; нужно же молиться о немъ, да исцѣлитъ его Господъ отъ такого недуга.

Сказавъ это, онъ началъ молиться о старцѣ томъ, и тотчасъ же увидѣлъ хульнаго и безстыднаго духа, исходящаго изъ старца. Потомъ съ тѣмъ боголюбивымъ подвижникомъ пришли братія ко отцу, но прежде чѣмъ стали разсказывать о безчинномъ старцѣ, пришелъ и онъ вслѣдъ имъ и, припавъ къ ногамъ святаго отца, сталъ слезами омывать ихъ, каясь и прося прощенія, и обѣщая исправить свою жизнь. Послѣ этого онъ сталъ кроткимъ и послушливымъ: онъ съ радостію слушалъ богодухновенныя бесѣды, исходящія изъ устъ преподобнаго отца и всячески старался исполнить на дѣлѣ то, что воспринималъ изъ его поученій. И вскорѣ онъ многихъ превзошелъ въ добродѣтели, и сталъ опытнымъ отшельникомъ,—и все это при помощи и по молитвамъ святаго Паисія, испросившаго ему у Бога великую милость.

Но объ этомъ довольно; нельзя же обойти молчаніемъ и другія преславныя дѣла святаго Паисія: поэтому оставимъ слово объ этихъ его многочисленныхъ чудесахъ, ибо невозможно подробно описать всѣ эти чудесныя дѣянія; итакъ, сказавъ объ нихъ уже немало, обо всѣхъ остальныхъ умолчимъ.

Однажды въ пустыню къ святому Паисію пришли два юныхъ брата и, по повелѣнію преподобнаго, стали жить вмѣстѣ съ тѣми братіями, которые уже находились въ его монастырѣ; самъ же Паисій вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ жилъ отдѣльно въ пустынѣ, далеко отъ монастыря своего.

Долгое время тѣ два брата несли подвигъ послушанія; наконецъ, придя къ старцу, они стали просить его, чтобы онъ позволилъ жить имъ въ пустынѣ наединѣ, отшельнически. Преподобный, видя ихъ пламенное стремленіе къ подвигу постничества и уразумѣвъ, что они способны къ особенному пустынному безмолвію, исполнилъ ихъ желаніе и благословилъ ихъ переселиться изъ монастыря въ пустынническое отшельничество. И эти два брата, найдя себѣ въ пустынѣ удобное для подвига безмолвія мѣсто, поселились тамъ и богоугодно проводили жизнь, искусно побѣждая всѣ искушенія злыхъ духовъ. Невидимый же врагъ, завидуя всегда всѣмъ добрымъ людямъ и умѣя изобрѣтать для рабовъ Христовыхъ различныя и многообразныя ухищренія, простеръ свое коварство и на сихъ двухъ иноковъ и задумалъ такъ ихъ обольстить: у одного изъ пустынныхъ отшельниковъ, который еще не былъ совершенъ въ иноческомъ нестяжаніи, украдено было его убогое келейное имѣніе. Отшельникъ этотъ, еще будучи малодушнымъ и потому жалѣя украденныя вещи, сталъ искать укравшаго, но не нашелъ его; услышавъ же объ одномъ прозорливомъ старцѣ и надѣясь, что тотъ поможетъ открыть ему и украденное, и укравшаго, онъ отправился къ нему: къ преподобному Паисію онъ не посмѣлъ идти, боясь, какъ бы тотъ не сталъ укорять его въ любостяжаніи.

Придя къ тому прозорливцу, инокъ сталъ просить его, чтобы онъ сказалъ ему, гдѣ находится украденное и кто именно укралъ. Но старецъ, не будучи на самомъ дѣлѣ просвѣщенъ благодатію Божіею въ прозорливствѣ, но провидя все силою бѣсовскою, по наученію злаго бѣса оговорилъ тѣхъ двухъ иноковъ, которые недавно поселились въ пустынѣ:

— Вотъ, эти иноки,—сказалъ прозорливецъ,—совершили покражу; взявъ этихъ безмолвниковъ, не отпускай ихъ, пока они не отдадутъ тебѣ всего.

Услышавъ это, отшельникъ тотчасъ же съ поспѣшностью отправился въ лавру той пустыни; придя къ игумену и выпросивъ у него сильную стражу, онъ пошелъ далѣе и какъ бы нечаянно напалъ на тѣхъ безмолвствующихъ двухъ иноковъ; онъ схватилъ ихъ какъ злодѣевъ и, съ побоями влача ихъ, привелъ въ лавру; здѣсь они съ безчестіемъ заключены были въ темницу. Игуменъ же вмѣстѣ со старцами, повѣривъ тому прозорливцу, осудилъ тѣхъ иноковъ, какъ воровъ, къ лишенію иноческаго чина и сталъ

пытать ихъ побоями объ украденныхъ вещахъ. Преподобный же Паисій, прозорливо узнавъ, по благодати Божіей, обо всемъ совершившемся и жалѣя тѣхъ двухъ братій, которые въ это время неповинно такъ страдали, вставъ, отправился изъ келліи своей въ ту лавру. Объ его приходѣ повсюду тотчасъ же было извѣстно, такъ какъ среди пустынножителей не было имени болѣе славнаго, какъ имя Паисія, который вездѣ прославлялся за свою богоугодную жизнь. Для привѣтствія его собрались и братія изъ окрестныхъ монастырей и отшельническихъ келлій, сошлись къ нему даже и старцы. Пришелъ, между прочимъ, и тотъ старецъ, который, по бѣсовскому обольщенію, выдавалъ себя за прозорливца. И когда всѣ отцы и братія воздавали святому любезное о Христѣ цѣлованіе, великій отецъ нашъ Паисій спросилъ ихъ:

— Куда вы удалили двухъ юныхъ иноковъ — пустынножителей?

Братія молчали. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ, отвѣчая, сказали:

— Отче, они воры, и за дурныя дѣла свои теперь затворены въ темницѣ.

Святый на это сказалъ имъ:

— Кто сказалъ про нихъ, что они воры?

Тогда братія, указывая на прозорливаго старца, отвѣчали:

— Вотъ, этотъ прозорливый отецъ указалъ на нихъ какъ на воровъ.

Тогда великій Паисій вопросилъ того старца:

— Правда ли то, что ты сказалъ про нихъ?

Онъ же отвѣтилъ:

— Сказанное мною—истина: это открыто было мнѣ отъ Бога.

Послѣ этого святый Паисій сказалъ:

— Если бы это твое прозорливство было отъ Бога, а не отъ бѣсовскаго прельщенія, то на твоихъ устахъ не было бы видно діавола.

Слушая это, всѣ были объяты страхомъ: ибо всѣмъ ясно было, что слова, исходящія изъ устъ Паисія, истинны; и всѣ стали укорять обольщеннаго того прозорливца и понуждали его просить прощеніе у преподобнаго; и онъ, объятый стыдомъ, припалъ къ честнымъ ногамъ святаго, произнося:

— Отецъ, прости меня и помолись обо мнѣ, прельщенномъ.

И лишь только святый сотворилъ молитву за него, какъ на глазахъ у всѣхъ изъ устъ прельщеннаго вышелъ тщеславный и

лживый бѣсъ и, превратившись въ большаго дикаго вепря, съ великою яростію устремился на преподобнаго, желая какъ бы растерзать его зубами своими. Но блаженный отецъ, заклявъ нечистаго духа, послалъ его въ пропасть. А старецъ тотъ, который прежде былъ обольщенъ діаволомъ, ощутилъ и даже глазами увидѣлъ исходящую изъ него бѣсовскую силу прельщенія; исполнившись великаго ужаса и трепета, онъ палъ на землю, валяясь у ногъ Паисія, и со слезами молилъ получить отъ него совершенное прощеніе. Также и прочіе братія, которые, предавшись обольщенію, оскорбили неповинныхъ,—всѣ они, припавши къ святому, просили у него прощеніе. И вывели изъ затвора тѣхъ двухъ юныхъ иноковъ, и всѣ, смотря на нихъ, съ умиленіемъ плакали, а обидѣвшіе ихъ просили у нихъ молитвъ. Преподобный же Паисій поучалъ всѣхъ съ осторожностію избѣгать подобныхъ вражескихъ прельщеній и не вѣрить лжепророчеству тѣхъ, которые стараются казаться святыми и прозорливыми. А лаврскому игумену, наединѣ, онъ указалъ, гдѣ положены украденныя вещи, объ укравшихъ же ничего не сказалъ. Потомъ, преподавъ всѣмъ прощеніе и сотворивъ за всѣхъ молитву, онъ возвратился въ свою келлію.

Въ тѣ же времена и въ тѣхъ же египетскихъ пустыняхъ просіялъ въ подвигахъ постничества другой угодникъ Божій, преподобный Павелъ, по молитвамъ котораго Господь тоже проявлялъ великую милость людямъ.

Преподобный Паисій, пожелавъ однажды посѣтить его, отправился къ нему, и сошлись они, какъ два Ангела Божія и какъ два воина Христова, сильно поборающіе невидимыхъ враговъ и другъ другу въ томъ помогающіе. И были они оба, какъ какая-либо твердыня, непреоборимая никакимъ вражіимъ лукавствомъ, и бесѣдовали они другъ съ другомъ словами, исполненными Духа Святаго,—вмѣстѣ наслаждались и сладкимъ плодомъ молчанія; въ старости своей они ежедневно изобрѣтали чисто юношескіе подвиги, начиная каждый разъ какъ бы съизнова подвизаться и какъ бы рѣшивъ вести еще болѣе совершенную жизнь.

Великій Паисій былъ старше лѣтами Павла, блаженный же Павелъ по виду своему былъ сановитъ, но душею добръ; и сказалъ преподобный Паисій:

— Пока мы въ жизни сей, Господь не хочетъ, чтобы тѣло наше ослабло и разлѣнилось, и будетъ стыдъ намъ и срамъ, если во время кончины нашей мы обрящемся въ лѣности.

Когда преподобный Паисій сказалъ это, блаженный Павелъ, выслушавъ, отвѣчалъ:

— О пастыреначальникъ, вотъ я уже слѣдую твоему похвальному и доброму совѣту не допускать себя до лѣности и уповаю на Бога, что святыми твоими молитвами Онъ поможетъ мнѣ провести жизнь согласно твоей волѣ.

Проживъ вмѣстѣ довольно долгое время и наставивъ другъ друга поученіями, преподобный Паисій и блаженный Павелъ, послѣ любезнаго о Господѣ цѣлованія, разлучились тѣломъ, но не духомъ. Преподобный Павелъ остался на прежнемъ мѣстѣ, а святый Паисій возвратился въ свою келлію.

Оба сіи святые отцы были чудотворцами, цѣлителями страстей, опытными руководителями въ дѣлѣ спасенія душъ, о всѣхъ молитвенниками, ходатаями о спасеніи каждаго и наставниками, мужи—сильные дѣломъ и словомъ, служа при этомъ добрымъ примѣромъ для всякаго человѣка, ибо иноческія труды священнаго Павла весьма ублажались, а многочисленные и вышеестественные постническіе подвиги блаженнаго Паисія, совершаемые имъ втайнѣ,—хотя и не всѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ—всѣмъ почти были извѣстны; и извѣстны были именно для того, чтобы можно было слушающихъ объ этихъ подвигахъ побудить къ благодаренію Всесильнаго Бога, а подвизающихся—воспламенить къ еще бо́льшему усердію: вѣдь ни одно человѣческое слово не можетъ достаточно передать всю высоту его духовной жизни; ибо онъ много служилъ Господу втайнѣ и не любилъ, чтобы его добрыя дѣла были извѣстны другимъ,—и это конечно—по его великому смиренію. И когда его кто-либо изъ братій спрашивалъ: какая изъ добродѣтелей есть наивысшая?—онъ отвѣчалъ: «Та, которая совершается втайнѣ и объ которой никто не знаетъ». Также высоко онъ чтилъ и слѣдующую добродѣтель—поступать во всемъ по волѣ другихъ, но не по своей. Во всей своей добродѣтельной жизни преподобный опредѣлялъ—и это свято соблюдалъ—каждому дѣлу подобающее ему время. У него было время молчать, время — говорить, время—уединиться и затвориться въ своей келліи, время—выдти къ братіямъ и бесѣдовать съ ними о душеполезномъ. И такъ, въ безмолвіи, преподобный, путемъ богомысленнаго восхожденія, приближался Богу, въ общеніи же съ братіями искалъ спасенія ближняго; а всего дивнѣе было то, что онъ мудро умѣлъ скрывать добродѣтели свои, дабы жизнь его была извѣстна не всѣмъ, на-

ходящимся въ общеніи съ нимъ. Когда же братія начинали прославлять его за какое-нибудь дѣло, онъ оставлялъ это дѣло и начиналъ совершать другой подвигъ, дабы всѣ скорѣе забыли о первомъ его дѣяніи. «Когда же я,—говоритъ списатель житія преподобнаго Паисія,—спрашивалъ его, зачѣмъ ты такъ поступаешь?—онъ съ радостію отвѣчалъ мнѣ: для того, чтобы прежній подвигъ мой остался неповрежденнымъ; ибо великая бѣда,—добавлялъ онъ при этомъ,—человѣческая похвала, и кто ради нея трудится, тотъ мало получаетъ для себя пользы, и изъ такихъ людей мало кто спасается, такъ какъ суетная слава человѣческая много имъ вредитъ; и истинно было сказано нашимъ Владыкою:

— Да не оувѣсть шюйца твоа, что творитъ десница твоа [1]).

Воспомянувъ эти слова изъ поученія преподобнаго (продолжаетъ Іоаннъ), я прихожу къ концу своего повѣствованія.

Достигнувъ глубокой старости, великій по своей жизни и просвѣщенный добродѣтелями преподобный отецъ нашъ Паисій воспріялъ конецъ здѣшнихъ трудовъ, и Господь призвалъ его къ вѣчному покою и къ небесному блаженству. Тѣло его съ честію было погребено множествомъ иночествующихъ, душа же его возлетѣла къ небесной и безсмертной жизни.

Немного спустя и блаженный Павелъ въ своей отдаленнѣйшей пустынѣ отошелъ отъ здѣшняго житія; перейдя къ жизни нестарѣющейся, онъ вмѣстѣ со святымъ Паисіемъ водворился во свѣтлости святыхъ,—дабы какъ въ иноческихъ подвигахъ они подвизались вмѣстѣ, такъ и блаженныя души ихъ вмѣстѣ бы наслаждались и нескончаемымъ упокоеніемъ. Честныя тѣла ихъ не долго почивали отдѣльно одно отъ другого: по смотрѣнію Божію, скоро и они положены были вмѣстѣ. И вотъ какимъ образомъ это произошло.

Преподобный отецъ нашъ Исидоръ, постившійся въ своей обители, что на горѣ Пелусійской, услышавъ о преставленіи великаго Паисія, сѣлъ на корабль и доѣхалъ до того мѣста, гдѣ погребено было святое тѣло преподобнаго отца; съ честію и благоговѣніемъ взявъ его изъ земли и обвивъ его погребальными пеленами, онъ вложилъ его въ ковчегъ, желая обогатить имъ обитель свою какъ нѣкоторымъ великимъ сокровищемъ, болѣе драгоцѣннымъ всякаго богатства,—и внесши этотъ ковчегъ на корабль свой, отправился

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 3.

въ путь съ великою радостію, воспѣвая и хваля Господа. Когда же онъ плылъ недалеко отъ той пустыни, гдѣ почивало честно́е тѣло преподобнаго Павла, вдругъ корабль, какъ бы задерживаемый какою-то чудесною силою, остановился и повернулся къ той странѣ, гдѣ находилась пустыня святаго Павла. Корабельщики долго трудились, стараясь отплыть съ этого мѣста, но ничего не могли сдѣлать; они пробыли въ такомъ трудѣ два дня и, не зная, какъ имъ тронуться въ путь, были въ большомъ недоумѣніи. Преподобный же Исидоръ, уразумѣвъ, что эта остановка корабля есть дѣйствіе Промысла Божія, повелѣлъ корабельщикамъ, чтобы они оставили корабль плыть, куда онъ хочетъ,—и корабль, водимый невидимою рукою, поплылъ къ тому пустынному берегу, гдѣ находилось тѣло святаго Павла, и остановился на мели.

Въ то время, какъ всѣ бывшіе на кораблѣ скорбѣли объ этомъ и недоумѣвали, на берегъ тотъ изъ пустыни пришелъ нѣкій старецъ, по имени Іеремія; обращаясь къ находившимся на кораблѣ, онъ сказалъ:

— О возлюбленные! Зачѣмъ сверхъ силы вы трудитесь? Развѣ вы не видите, что преподобный Паисій призываетъ любимца своего преподобнаго Павла? Онъ хочетъ вмѣстѣ съ нимъ быть перенесеннымъ въ вашу страну и на одномъ мѣстѣ быть положеннымъ; итакъ, поспѣшите пойти, чтобы взять тѣло его.

Услышавъ это, преподобный Исидоръ и всѣ, бывшіе съ нимъ, исполнились великой радости и, высадившись на берегъ, спросили того честна́го отца Іеремію:

— Гдѣ положено тѣло святаго Павла?

Тогда онъ повелъ ихъ въ далекую пустыню и показалъ гробъ преподобнаго Павла. Взявъ оттуда честны́я мощи его, болѣе драгоцѣнныя золота и всякихъ дорогихъ камней, они понесли ихъ къ мощамъ святаго Паисія, и лишь только вошли на корабль, онъ тотчасъ же самъ двинулся съ своего мѣста и—о чудо!—поплылъ съ великою скоростію по надлежащему ему пути и немедленно же достигъ той пристани, что находилась въ Пелусіи. Тогда преподобный Исидоръ вынесъ на сушу честны́я мощи обоихъ святыхъ отцевъ—и Паисія и Павла, отнесъ ихъ съ пѣніемъ Псалмовъ и духовныхъ пѣсней въ обитель свою и положилъ въ созданной имъ церкви; и творились здѣсь преславныя чудеса: обуреваемые нечистыми духами и одержимые иными какими-либо болѣзнями лишь только прикасались къ честны́мъ ковчегамъ

ихъ, какъ тотчасъ же получали исцѣленіе: нечистые духи прогонялись, и всякій недугъ немедленно врачевался по молитвамъ сихъ великихъ угодниковъ Божіихъ.

Сіе я, Іоаннъ, по прозванію Коловъ, написалъ на пользу читающимъ и слушающимъ — во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа,— Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЗОСИМЫ ВОИНА

Въ то время, какъ римскимъ государствомъ управлялъ императоръ Траянъ[1]), Еллины, какъ извѣстно, еще объяты были идолослуженіемъ и великою духовною слѣпотою,—и потому на Церковь Божію, въ его царствованіе, вскорѣ же воздвигнуто было лютое гоненіе.

Въ эту пору среди Еллиновъ жилъ нѣкій знаменитый мужъ по имени Домитіанъ—игемонъ Антіохіи Писидійской[2]); придя однажды къ царю Траяну, онъ просилъ дать ему власть надъ христіанами, дабы всѣхъ, кто не пожелаетъ принести жертву богамъ, принуждать къ тому тяжкими муками. Получивъ отъ царя такую власть и облекшись въ діавольскую броню, онъ, подобно льву, воспылалъ гнѣвомъ на тѣхъ, кто рѣшался твердо, до конца сохранять свою вѣру во Христа. Проходя какъ-то чрезъ страну Созопольскую, онъ разъ приблизился къ городу, называемому Аполлонія[3]). Въ этомъ городѣ жилъ нѣкій Еллинъ — воинъ по имени Зосима, который все время стремился стать послѣдователемъ Христовой вѣры. Услышавъ о приближеніи игемона и о наступающемъ гоненіи, онъ, снявъ съ себя воинское оружіе, рѣшилъ присоединиться ко Святой Церкви и, научившись вѣрѣ во Христа и принявъ Святое Крещеніе, сталъ стремиться къ хри-

---

1) Царствовалъ съ 89 г. по 117 г.

2) *Писидія*—область на югѣ Малой Азіи, рядомъ съ Киликіей.

3) Во Ѳракіи, у Понта; въ этомъ городѣ, между прочимъ, находился храмъ въ честь Аполлона, съ колоссальной его статуей. Въ Византійскую эпоху онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Содзополисъ. Нынѣ это—незначительное мѣстечко Сидзеболи.

стіанскимъ добродѣтелямъ и упражняться въ чистотѣ и цѣломудріи, въ постѣ и молитвахъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ игемонъ Домитіанъ пришелъ въ тотъ городъ, приступилъ къ нему одинъ изъ идолослужителей и сказалъ:

— Въ этомъ городѣ проживаетъ нѣкій воинъ, по имени Зосима, который презираетъ царя и твою власть; онъ отвергся воинскаго чина, которымъ былъ облеченъ царемъ Траяномъ, и сбросилъ съ себя оружіе свое; онъ называетъ себя христіаниномъ и за ничто считаетъ нашихъ боговъ; гнушается онъ также царскихъ законовъ и презираетъ царскую власть.

Услышавъ это, игемонъ сказалъ:

— Приведите этого Зосиму сюда, на судилище.

Тогда стражи царскіе, по повелѣнію игемона отправившись къ Зосимѣ, схватили его и привели на судъ. Игемонъ, увидѣвъ его, спросилъ:

— Ты Зосима?

Воинъ Христовъ отвѣчалъ:

— Я—Зосима, рабъ Господа моего Іисуса Христа.

Послѣ этого игемонъ сказалъ:

— Прежде всего повѣдай, въ какомъ ты чинѣ, а потомъ скажешь—и чей рабъ.

Святый на это отвѣтилъ:

— По чину я былъ воиномъ вашего царя земнаго, но отвергся вашихъ пагубнѣйшихъ боговъ и сталъ воиномъ Царя Небеснаго—Христа, Истиннаго Бога.

— О пребеззаконный,—сказалъ тогда Домитіанъ,—Имя Христово тебѣ не поможетъ, но принеси лучше жертву богамъ, и тебѣ простится твой грѣхъ противъ царя нашего Траяна, которымъ ты почтенъ воинскимъ чиномъ.

Тогда святый сказалъ:

— Ни за что я не принесу жертвы вашимъ богамъ.

Послѣ этого Домитіанъ приказалъ отвести воина Христова въ темницу.

Наутро святый, связанный по рукамъ назадъ, снова приведенъ былъ на судилище, и игемонъ повелѣлъ повѣсить его на мучилищномъ древѣ. Когда мученикъ былъ повѣшенъ, Домитіанъ сказалъ ему:

— Нечестивый Зосима, принеси жертву богамъ, а то всѣ члены твои сейчасъ подвергнутся жестокимъ мукамъ.

На это святый отвѣчалъ:

— Не только словами, но даже и ранами не убѣдить меня, чтобы я принесъ жертву твоимъ богамъ.

Тогда игемонъ приказалъ жестокимъ своимъ воинамъ нещадно бить святаго мученика. Когда начали мучить святаго Зосиму, онъ сказалъ игемону:

— Напрасно трудятся слуги твои, ибо меня укрѣпляетъ Господь, и я не ощущаю наносимыхъ мнѣ ранъ.

И долго мучили святаго, такъ что и земля обагрилась уже кровію его. Наконецъ, мученикъ велегласно возопилъ ко Господу:

— Господи Боже Всесильный, сѣдящій на Престолѣ славы Своея, создавшій Небо, основавшій землю и собравшій воды во едино мѣсто,—надежда наша и упованіе рабовъ Своихъ, услышь меня, молящагося Тебѣ, и не допусти, чтобы я былъ побѣжденъ угрозами мукъ или самыми муками, дабы всѣ,невѣрующіе Имени Твоему, чрезъ меня познали Тебя, Единаго Истиннаго Бога!

Стый мчнкъ Зwсіма

Когда святый молился, вдругъ послышался Гласъ съ Неба:

— Мужайся, Зосима, ибо Я съ тобою, и ничто тебя не одолѣетъ.

И этотъ Голосъ слышали Домитіанъ и всѣ, бывшіе съ нимъ, и нѣкоторые при этомъ даже воскликнули:

— Великъ этотъ волхвъ!

А другіе говорили:

— Это не волхвъ, но рабъ Христа, Бога его, и поистинѣ великъ Богъ христіанскій, отъ Коего сейчасъ былъ ниспосланъ голосъ сей!

Тогда игемонъ приказалъ четыремъ воинамъ силою растянуть святаго крестообразно на землѣ; страдалецъ же Христовъ, и безъ того уже измученный, возвелъ очи свои къ Небу и сказалъ:

— Господи Боже мой, разумѣвающій помышленія человѣческія, надежда христіанъ, прибѣжище и покой находящихся въ бѣдахъ! Избавь меня отъ пагубнаго коварства бѣсослужителя Домитіана, дабы всѣ предстоящіе познали Тебя, что Ты есть Богъ Живой, сущій прежде всѣхъ вѣковъ, и что Ты существуешь отъ вѣка.

И въ то время многіе изъ предстоявшаго народа, удивляясь такому великому терпѣнію мученика, увѣровали во Христа; игемонъ же, видя все это и боясь, какъ бы всѣ не обратились къ христіанской вѣрѣ, пристыженный, ярясь и даже скрежеща зубами, сталъ размышлять, какою бы лютою смертію погубить раба Христова. Наконецъ онъ повелѣлъ принести мѣдный одръ и разложить подъ нимъ сильный огонь, чтобы надъ нимъ сжечь мученика. Когда этотъ одръ былъ сильно разженъ, онъ приказалъ положить на него нагимъ святаго страстотерпца. И лишь только Зосима, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, взошелъ на одръ, какъ тотчасъ же Господь претворилъ огонь въ росу; ибо чрезъ Ангеловъ Своихъ Онъ снизошелъ на помощь къ мученику. И въ то время, какъ всѣ предстоящіе думали, что мученикъ скончался отъ лютаго огня, Ангелы Господни, подъявъ святаго съ одра, на виду у всѣхъ поставили его около одра живымъ и нисколько не поврежденнымъ пламенемъ. Народъ, видя такое чудо, прославилъ Истиннаго Бога, Который, пославъ святыхъ Ангеловъ Своихъ, избавилъ раба Своего отъ такого огня; и многіе тогда обратились ко Христовой вѣрѣ. Игемонъ же, вставъ съ своего судейскаго мѣста, со стыдомъ отправился домой, а мученика приказалъ взять и держать подъ стражею.

Вскорѣ послѣ этого игемонъ Домитіанъ, отправляясь въ городъ Кононейскій [1]), приказалъ вести за собою связаннымъ и мученика Зосиму, чтобы тамъ въ мученіяхъ умертвить его. Придя въ этотъ городъ и возсѣвъ на судилищное мѣсто, онъ приказалъ обуть мученика въ желѣзныя сандаліи, въ которыхъ были набиты острые гвозди, и привязать его желѣзною цѣпію къ молодымъ необъѣзженнымъ конямъ, чтобы онъ шелъ за ними. Святый же, будучи привязанъ къ тѣмъ конямъ, въ желѣзныхъ съ гвоздями сандаліяхъ такъ быстро бѣжалъ, что, казалось, перегонялъ даже коней: ибо съ нимъ былъ Господь, помогавшій ему. При этомъ святый такъ говорилъ:

---

[1]) Въ Писидіи, на пути въ Персію.

— Господи Боже, дающій ногамъ моимъ быстроту оленя, даруй мнѣ терпѣніе до конца!

Игемонъ, видя такое терпѣніе мученика, повелѣлъ заключить его въ темницу и отнюдь не давать ему ни пищи, ни питія, чтобы онъ погибъ отъ голода и жажды. Черезъ три дня, въ продолженіе которыхъ святый пребывалъ безъ пищи и питія, двое прекрасныхъ юношей вошли въ темницу; изъ нихъ одинъ несъ чистый хлѣбъ, а другой—воду въ сосудѣ; и сказали они святому:

— Прими сей драгоцѣнный даръ, посланный тебѣ отъ Господа Бога твоего.

Мученикъ же Христовъ, взявъ его, ѣлъ и пилъ и, укрѣпившись тѣломъ, такъ воззвалъ ко Господу:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты умилосердился надо мною и не презрѣлъ меня, но насытилъ небеснымъ Твоимъ хлѣбомъ и питіемъ; хвалю и славлю величествіе Твое во вѣки, аминь.

На слѣдующій день игемонъ, снова возсѣвъ на судилищное мѣсто, повелѣлъ привести къ себѣ мученика Христова. Святый предсталъ съ свѣтлымъ лицемъ; умъ же его въ то время былъ всецѣло устремленнымъ ко Господу. Игемонъ удивился, увидѣвъ мученика нисколько не измѣнившимся въ лицѣ послѣ такихъ мукъ, и сказалъ ему:

— О Зосима, такъ какъ ты теперь, по-видимому, пришелъ въ себя, то принеси жертву богамъ, чтобы болѣе не подвергаться ранамъ и не умереть лютою смертію.

На это святый отвѣчалъ:

— Ты, если хочешь, приноси жертву подобнымъ тебѣ бѣсамъ, а я, какъ и прежде говорилъ, служу одному Богу моему.

Послѣ этого разгнѣванный игемонъ повелѣлъ снова повѣсить мученика на древо и при этомъ сказалъ ему:

— Видишь ли, окаянный, сколь многимъ мукамъ подвергаешься ты? Неужели ты все-таки еще не послушаешься меня и не принесешь жертвы богамъ?

Святый на это отвѣтилъ:

— Любящій Бога Живаго ни во что вмѣняетъ эти муки.

И повелѣлъ игемонъ строгать тѣло мученика желѣзными гребнями. Святый же мученикъ, претерпѣвая всѣ эти страданія, громкимъ голосомъ воззвалъ къ Богу:

— Нынѣ особенно я познаю милосердіе Твоего благоутробія, Христе, Творецъ свѣта, такъ какъ Ты укрѣпилъ меня мужественно все претерпѣть и даже словомъ не обнаружить страданій, дабы въ моихъ мукахъ еще болѣе уразумѣли силу Твоего Божества.

Когда святый произнесъ это, правитель приказалъ снять его съ мучилищнаго дерева и снова поставить его предъ собою; когда это было исполнено, онъ сказалъ ему:

— Много мученій ты перенесъ ради Христа своего и все же никакого облегченія не получилъ; итакъ, приступи и принеси хотя теперь жертву богамъ.

Святый на это отвѣтилъ:

— О Домитіанъ, лютѣйшій, безчеловѣчный и исполненный всякаго нечестія мучитель! Убойся небеснаго Бога, оставь свое заблужденіе и не называй идоловъ богами: вѣдь они бѣсы, а не боги.

Тогда игемонъ сказалъ:

— Ты ли, пребеззаконнѣйшій человѣкъ, дерзаешь нашихъ боговъ называть бѣсами — боговъ, которымъ въ извѣстные дни празднуетъ весь міръ?

На это мученикъ сказалъ:

— Тѣ праздничныя ликованія, которыя теперь приносятся твоимъ богамъ, во адѣ пусть будутъ послѣ возданы и тебѣ, и царю твоему, и всѣмъ вѣрующимъ въ нихъ.

Послѣ этого правитель снова приказалъ повѣсить святаго Зосиму на мучилищное дерево и опалять чрево его зажженными свѣчами.

Тогда мученикъ сказалъ правителю:

— Не только чрево мое, но и все тѣло мое сожги, — и все-таки никогда не побѣдишь меня, ибо со мною укрѣпляющій меня Христосъ: я даже желаю быть умерщвленнымъ тобою, такъ какъ вѣдь это слава моя предъ Христомъ, если я умру за Него.

Не зная, что бы еще сдѣлать съ мученикомъ, правитель, наконецъ, осудилъ его на смерть, именно—на усѣченіе главы его сѣкирою. Когда святаго Зосиму вели на мѣсто казни, онъ такъ молился Господу:

— Господи Боже мой! Призри на меня, грѣшнаго, и пріими душу мою съ угодившими Тебѣ отъ вѣка, такъ какъ Ты—слава моя и похвала отнынѣ и во вѣки вѣчные.

Когда мученикъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно казнили, онъ былъ усѣченъ мечомъ, положивъ честнꙋю главу свою за Христа своего. Это произошло 19 іюня, въ городѣ Кононейскомъ, — въ то время, какъ въ Римѣ господствовалъ Траянъ, а надъ нами, христіанами, царствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — Ему же слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

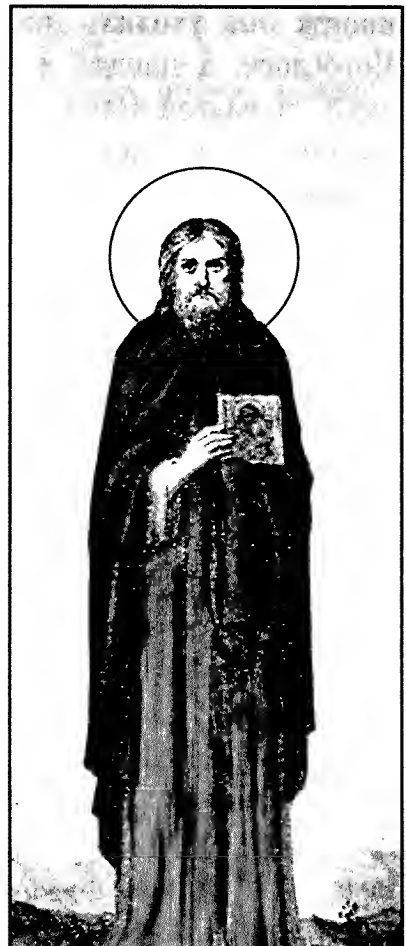
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный отецъ нашъ Іоаннъ, оставивъ міръ, посвятилъ себя монашеской жизни и, желая пребывать въ пустынномъ отшельничествѣ, поселился въ Палестинѣ, недалеко отъ Іерусалима; здѣсь всѣ дни своей жизни онъ проводилъ богоугодно — въ постѣ и молитвахъ.

О его святой жизни въ книгѣ, называемой Лимонарь,[1]) которая, какъ извѣстно, составлена преподобными отцами нашими Іоанномъ и Софроніемъ (послѣ Патріархомъ Іерусалимскимъ), повѣствуется слѣдующее:

«Намъ, Іоанну и Софронію, авва Діонисій — пресвитеръ и сосудохранитель святой церкви, находившейся въ Аскалонѣ[2]), повѣдалъ объ аввѣ Іоаннѣ отшельникѣ, что сей мужъ былъ великъ



Прп҃бный
Іѡа́ннъ

1) *Лимонарь* (отъ греч. слова λειμών — лугъ, пажить) — весьма распространенное агіографическое сочиненіе греческаго инока Іоанна Моска († 622 г.). Передъ смертію Іоаннъ это свое произведеніе передалъ другу своему Софронію, будущему Патріарху, который уже и распространилъ ее въ народѣ. Въ сущности это былъ сборникъ различныхъ повѣствованій о жизни христіанскихъ подвижниковъ.

2) *Аскалонъ* — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Палестины на берегу Средиземнаго моря.

по своей жизни и весьма богоугоденъ. Жилъ онъ въ окрестностяхъ села Сехуста, отстоящаго отъ Іерусалима на двадцать поприщъ; въ пещерѣ своей сей старецъ имѣлъ образъ Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи; изображена Она была имѣющею на рукахъ Своихъ Превѣчнаго Младенца Христа Бога нашего. И нужно сказать, что когда старецъ сей собирался пойти куда: въ даль ли своей пустыни, или въ Іерусалимъ, чтобъ поклониться Честно́му Кресту и Гробу Христову, и вообще когда хотѣлъ посѣтить тѣ или другія святыя Іерусалимскія мѣста; или когда хотѣлъ помолиться на Синайской горѣ, или тѣмъ святымъ мученикамъ, мощи коихъ находились далеко отъ Іерусалима,—ибо старецъ сей любилъ воздавать честь святымъ, такъ что иногда онъ уходилъ даже и въ Ефесъ — ко гробу святаго Іоанна Богослова, а иногда и къ преподобному Ѳеодору въ Евхаиты, и даже къ святой Ѳеклѣ въ Селевкію Исаврійскую,[1])—словомъ, куда бы онъ ни уходилъ на богомолье, онъ всегда ставилъ въ своей келліи предъ этимъ образомъ Пречистой Богородицы кандило[2]) и, по обычаю возжегши его и ставъ на молитву, молилъ Бога, дабы Онъ благословилъ путь его. И при этомъ, взирая на икону Пресвятой Богоматери, онъ всегда такъ умолялъ Ее:

«Пречистая Владычица Богородица, такъ какъ я отхожу въ далекій и продолжительный путь, то Сама Ты назирай за кандиломъ Своимъ и, по моему къ Тебѣ моленію, соблюди его неугасимымъ, пока я не возвращусь; я же, имѣя Твою помощь спутешествующею мнѣ, отхожу въ намѣченный мною путь».

И только послѣ того онъ отправлялся въ путь свой, пребывая въ дорогѣ—когда мѣсяцъ, когда два и три, а иногда и пять и даже шесть; и возвратившись, онъ всегда находилъ кандило полнымъ и горящимъ, какимъ оставилъ его, отходя въ путь, и никогда не находилъ его угасшимъ.

Объ этомъ преподобномъ отцѣ Іоаннѣ въ той же книгѣ Лимонарь пишется еще, что, идя какъ-то по окрестностямъ того села, гдѣ находилась его пещера, онъ встрѣтилъ однажды большого льва. На этомъ мѣстѣ была очень тѣсная дорога: она лежала между двумя терновыми изгородями, которыми земледѣльцы обыкновенно огораживали свои нивы. И настолько былъ тѣсенъ путь

---

1) *Селевкія Исаврійская* — въ Киликіи; построена была Селевкомъ I Никаноромъ, основателемъ монархіи Селевкидовъ.

2) *Кандило* — стеклянная чаша, въ которой зажигали елей и ставили предъ иконами.

тотъ, что, благодаря этой терновной изгороди, едва можно было пройти лишь одному пѣшему человѣку, и то—безъ всякой ноши. И вотъ, когда Іоаннъ и левъ стали приближаться другъ къ другу,—старецъ рѣшилъ не уступать пути льву, да и левъ, по тѣснотѣ мѣста, не могъ сойти съ пути, такъ что имъ нельзя было миновать другъ друга. Тогда левъ, видя, что угодникъ Божій не желаетъ возвратиться назадъ и намѣренъ идти по надлежащему ему пути, сталъ на заднія лапы по лѣвую сторону старца и, расширивъ такимъ образомъ тяжестію своего тѣла изгородь, сдѣлалъ праведному мужу путь свободнымъ, и такимъ образомъ старецъ прошелъ мимо льва, касаясь своею спиною его хребта; послѣ этого и старецъ и левъ отправились своимъ путемъ.

Къ сему аввѣ Іоанну пришелъ однажды нѣкій братъ; не увидѣвъ ничего въ его пещерѣ, онъ сказалъ ему:

— Какъ ты здѣсь пребываешь, авва, не имѣя ничего нужнаго для своихъ потребъ?

Старецъ на это отвѣтилъ:

— Чадо, пещера эта есть купля духовная—она и даетъ, и беретъ: она даетъ рукодѣліе, а береть все потребное.

Сей богоугодный отецъ, проживъ въ своихъ постническихъ подвигахъ и трудахъ довольно долгое время, отошелъ ко Господу и причисленъ былъ къ лику святыхъ, предстоящихъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу—Единому въ Троицѣ Богу нашему, Ему же слава во вѣки, аминь.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Варлаама Шенкурскаго,** въ 1462 г.

День двадцатый

ЖИТІЕ

ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ЛЕВКІЯ ИСПОВѢДНИКА

Во времена языческія, когда римскіе цари-идолопоклонники обладали Востокомъ и Западомъ [1]), жилъ въ Александріи одинъ благородный мужъ, по имени Евдикій; не наученный книжному искусству, онъ былъ мудръ духовнымъ обученіемъ. Украшенный добрыми дѣлами Евдикій проводилъ свою жизнь въ страхѣ Божіемъ и любви; со щедрою милостынею онъ соединялъ подвигъ поста и молитвы. У него былъ единственный сынъ, о которомъ и предстоитъ намъ слово, названный родителями Евтропій, а впослѣдствіи переименованный Богомъ Левкіемъ.

Когда отроку шелъ десятый годъ, мать его, Евфросинія, скончалась. Тогда Евдикій, взявъ сына своего, пошелъ съ нимъ въ монастырь блаженнаго Ермія, находившійся въ Александрійскихъ предѣлахъ и управляемый блаженнымъ игуменомъ Никитою; здѣсь Евдикій самъ постригся, а сына отдалъ на книжное обученіе. Какъ мальчикъ остроумный, все усваивавшій быстро и безъ особенныхъ усилій, Евтропій, съ помощію Божіею, настолько успѣлъ въ книжномъ ученіи, что превзошелъ въ этомъ отношеніи многихъ. Притомъ онъ былъ кротокъ, преисполненъ смиренія и

[1]) Другія извѣстія относятъ рожденіе св. Левкія ко временамъ христіанскихъ грекоримскихъ государей и именно—ко времени Ѳеодосія Великаго (379—395 гг.).

послушанія; всѣмъ, жившимъ въ монастырѣ, онъ служилъ съ усердіемъ, и всѣ любили Евтропія: одни — за его добронравіе и послушаніе, другіе — за его книжную начитанность и знанія, дарованныя ему Духомъ Святымъ. Блаженный игуменъ Никита преставился ко Господу, когда Евтропію было еще только семнадцать лѣтъ; несмотря на это, братія, посовѣтовавшись между собою, просили юношу, еще не постриженнаго въ иночество, быть ихъ игуменомъ. Но онъ упорно отказывался, къ тому же и отецъ его, Евдикій, увѣщавая, запрещалъ ему въ столь юныхъ лѣтахъ возлагать на себя бремя, котораго онъ еще не обыкъ носить; онъ совѣтовалъ Евтропію показывать себя недостойнымъ начальства — какъ юношѣ, нуждающемуся въ руководствѣ. Такъ пробылъ монастырь Ермія безъ игумена семь лѣтъ, потому что братія не желали никому болѣе вручать начальства надъ собою: поэтому, при всемъ нежеланіи блаженнаго Евтропія и несмотря на то, что онъ не былъ постриженъ, братія, руководимые примѣромъ его добродѣтельной жизни, все-таки почитали его среди себя за игумена. Когда же Евтропію исполнилось двадцать пять лѣтъ, братія, собравшись, сказали ему:

— Зачѣмъ ты пренебрегаешь и нашею нуждою, и нашими просьбами,—почему не хочешь быть нашимъ начальникомъ? Вотъ, прошло уже семь лѣтъ, какъ мы, со дня кончины блаженнаго отца нашего Никиты, не имѣемъ игумена, и каждый живетъ по своей волѣ. Смотри не отвѣтить бы тебѣ за гибель нашу, если какой-либо волкъ, войдя въ обитель, расхититъ стадо Божіе; мы же никого другого, какъ только тебя одного, желаемъ имѣть своимъ отцемъ: мы всѣ видимъ твою святую жизнь, знаемъ о твоемъ добронравіи и данной тебѣ отъ Бога премудрости.

На это блаженный Евтропій такъ отвѣчалъ братіи:

— Зачѣмъ, честные отцы и братія, вы неотступно молите меня о томъ, чего я совершенно не въ состояніи исполнить? Я не постриженъ въ иночество и не имѣю никакого церковнаго чина, — какъ же я буду вамъ отцемъ, не имѣя въ то же время власти поучать васъ въ храмѣ Божіемъ? Какъ я могу увѣщавать старѣйшихъ изъ васъ, самъ будучи юнъ?

Тогда они начали понуждать его къ постриженію и пріятію священства, но онъ ни въ коемъ случаѣ не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Правда, въ душѣ Евтропій стремился къ иноческому чину, но опасался принимать его — изъ боязни, что братія тогда

насильно заставятъ его быть игуменомъ; такъ, оставаясь непостриженнымъ, онъ являлъ собою примѣръ истиннаго инока.

Въ это время въ Римѣ царствовалъ язычникъ Коммодъ. Имъ былъ присланъ въ Александрію въ качествѣ епарха[1]) Филиппъ, дочь котораго Евгенія, по обращеніи въ христіанство, проводила, въ мужескомъ образѣ, подвижническую жизнь, окончивши ее мученическою смертью. Филиппъ, хотя вообще и былъ милостивъ къ христіанамъ, однако, въ силу повелѣнія царя, изгналъ изъ города христіанъ, святителей, іереевъ и иноковъ, разрѣшивъ имъ, впрочемъ, свободно селиться въ предградіи, а также строить здѣсь монастыри и церкви. Въ эти дни христіанскимъ епископомъ въ данномъ округѣ былъ святый Еллій, имѣвшій пребываніе въ городѣ Еліополѣ, отстоящемъ отъ Александріи на незначительное разстояніе. Въ пригородѣ Александрійскомъ помянутымъ епископомъ былъ созданъ монастырь, врученный руководству святаго Ѳеодора. Кромѣ монастыря, въ той же мѣстности находилась знаменитая въ округѣ церковь во имя Пречистой Богородицы и Приснодѣвы Маріи; въ праздники Ея сюда стекались христіане не только изъ Александріи, но и изъ окрестныхъ городовъ и странъ. Поэтому, когда приближался праздникъ Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи, многіе отправились къ Ея церкви; и блаженный Евдикій, выйдя изъ монастыря Ермія, точно такъ же пошелъ на праздникъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Евтропіемъ. Случилось же, что въ тотъ же самый день и на то же празднество вышелъ вмѣстѣ съ клиромъ и множествомъ народа изъ Еліополя и святый епископъ Еллій; Евдикій и Евтропій присоединились къ толпѣ, идущей за епископомъ. Епископъ имѣлъ намѣреніе сначала зайти въ созданный имъ монастырь, управляемый игуменомъ Ѳеодоромъ, чтобы здѣсь отдохнуть до наступленія праздника. Когда онъ приближался къ монастырю, на пути съ нимъ встрѣтилась дочь епарха, блаженная Евгенія, шедшая въ мужскомъ образѣ въ сопровожденіи двухъ евнуховъ; увидѣвъ епископа, окруженнаго народомъ, она вмѣшалась въ толпу съ цѣлію разспросить кого-либо о епископѣ и завела бесѣду о немъ съ блаженнымъ Евтропіемъ. Онъ подробно разсказалъ ей все объ архіереѣ Божіемъ, какъ видно изъ житія блаженной Евгеніи[2]), и затѣмъ привелъ ее къ епископу, которому Евтропій былъ извѣстенъ за чистоту жизни и книжный разумъ.

---

[1]) Начальника.

[2]) См. подъ 24 числомъ декабря мѣсяца.

Когда блаженный Евдикій отдыхалъ въ монастырѣ, устроенномъ епископомъ, ему было ночью въ сонномъ видѣніи божественное откровеніе о томъ, что онъ скоро умретъ, а сынъ его будетъ епископомъ, который уничтожитъ идоловъ во Врунтисіополѣ Италійскомъ[1]), просвѣтивъ эту страну Святымъ Крещеніемъ. При этомъ онъ слышалъ обращенный къ нему голосъ:

— Евдикій, Евдикій, вѣрный рабъ Господа! Отнынѣ да будетъ имя тебѣ не Евдикій, а Евдиклій, то есть кроткій утѣшитель; сыну же твоему да будетъ имя не Евтропій, а Левкій, то есть «пріиде на него Духъ Господень».

Пробудившись, Евдиклій сейчасъ же позвалъ сына и разсказалъ ему о видѣніи, открывавшемъ волю Божію:

— Смотри, сынъ мой, вотъ приближается время моего отшествія,—не будь прельщаемъ суетнымъ міромъ; Господъ открылъ мнѣ о тебѣ, что ты удостоишься епископскаго служенія, ибо Господь хочетъ чрезъ тебя очистить отъ идольскихъ капищъ Врунтисіополь; и пусть не будетъ твое имя болѣе Евтропій, но—Левкій; такъ переименовалъ тебя Господь, какъ и меня вмѣсто Евдикія—Евдикліемъ.

Услышавъ это, святый Левкій,—онъ же и Евтропій,—простершись крестообразно на землѣ, поклонился Богу, вознося къ Нему такую благодарственную молитву:

«Благословенъ Ты, Боже отцевъ нашихъ, Авраама, Исаака и Іакова, ибо Ты не оставляешь безъ вниманія надѣющихся на Тебя и не отнимаешь милосердія Твоего отъ нищихъ рабовъ Твоихъ, милуя меня недостойнаго: посему я славлю и величаю Тебя, Господа Неба и земли, ибо Ты—Владыка, возлюбившій человѣка; да будетъ Тебѣ слава въ безконечные вѣки».

Во время этой молитвы святаго съ Неба надъ церковью послышался Голосъ:

— Левкій, Левкій! Свѣтлый душею и чистый сердцемъ, вотъ имя твое написано на Небѣ и память твоя не изгладится изъ книги живота.

Этотъ Голосъ слышали святый епископъ Еллій и нѣкоторые изъ братій, проводившіе ночь безъ сна въ молитвѣ. Но никто не могъ понять, къ кому именно онъ обращенъ.

Съ наступленіемъ утра къ епископу пришли братія Ерміева монастыря и сказали:

[1]) Нынѣ *Бриндизи*.

— Знай, Владыко, что мы болѣе семи лѣтъ пребываемъ безъ игумена, причемъ каждый изъ насъ живетъ такъ, какъ онъ хочетъ. Не разъ просили мы честна́го Евтропія принять начальство надъ нами; онъ вырось въ нашемъ монастырѣ, и жизнь его по святости превосходитъ жизнь каждаго изъ насъ; никто не можетъ сравниться съ нимъ въ трудахъ послушанія; онъ всегда пребываетъ въ постѣ и молитвѣ, чтеніи и писаніи книгъ; словомъ, мы видимъ его подвизающимся во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Поэтому мы и хотѣли имѣть его себѣ отцомъ, чтобы слѣдовать по его стопамъ; онъ же не изъявляетъ на это согласія, пренебрегая нашей просьбой. Молимъ тебя, Владыко, поставь его намъ игуменомъ, хотя бы противъ его воли.

— Я тоже,—отвѣчалъ епископъ,—думалъ о томъ, о чемъ вы сейчасъ говорите; впрочемъ, подождите немного,—я попытаюсь убѣдить его подчиниться нашей волѣ.

Послѣ этого епископъ отправился въ церковь, такъ какъ наступило время Святой Литургіи. Онъ приказалъ архидіакону, ставши на амвонѣ, возглашать къ народу:

— Кто изъ присутствующихъ здѣсь носитъ имя Левкія?

Никто изъ народа не отозвался на этотъ зовъ, потому что не находилось человѣка, носившаго такое имя. Когда архидіаконъ воззвалъ къ народу дважды и трижды, святый Левкій, видя, что въ народѣ нѣтъ иного Левкія, кромѣ него, отозвался, сказавъ:

— Я есмь грѣшный Левкій!

Всѣ удивились, взглянувъ на него, и говорили съ недоумѣніемъ:

— Ты — Евтропій, сынъ Евдикіевъ.

Святый Левкій отвѣчалъ на это:

— Спросите моего отца, онъ вамъ лучше, чѣмъ я, разскажетъ о моемъ имени.

Тогда вывели на средину блаженнаго Евдиклія, честна́го девяностосемилѣтняго старца, и спрашивали его:

— Какое въ дѣйствительности имя твоему сыну?

Онъ же, видя желаніе Божіе, чтобы открылась тайна о немъ и объ его сынѣ, разсказалъ подробно все видѣніе свое; между прочимъ и о томъ, какъ Гласъ Божій дважды, во снѣ и наяву, назвалъ сына его Левкіемъ. Всѣ, слышащіе это, въ радости благодарили Бога и, подходя къ святому Левкію, привѣтствовали его съ великимъ уваженіемъ. Вслѣдъ за этимъ епископъ началъ увѣ-

щавать святаго Левкія принять санъ игумена со священствомъ. Онъ отказывался, а народъ восклицалъ:

— Левкій достоинъ быть не только пресвитеромъ и игуменомъ, но даже епископомъ!

И несмотря на нежеланіе святаго Левкія, онъ былъ хиротонисанъ и поставленъ игуменомъ. За симъ всѣ свѣтло отправили праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы въ Ея церкви.

Вступивъ въ управленіе обителью, святый Левкій усилилъ свои подвиги и творилъ чудеса живущею въ немъ благодатію Святаго Духа. Однажды привели къ нему бѣсноватаго Эѳіоплянина, уже оглашеннаго ко Святому Крещенію. Видя его мученія, святый Левкій сказалъ бѣсу:

— Перестань, духъ діавольскій, мучить человѣка!

Бѣсъ, затрепетавъ, началъ вопить съ рыданіемъ:

— Если я выйду изъ него, то куда пойду? Не имѣю дома лучше этого.

— Нечистый духъ,—повторилъ святый Левкій свое приказаніе,—оставь созданіе Божіе и не осмѣливайся болѣе входить въ него; постыженный и посрамленный выйди изъ того, кого доселѣ человѣконенавистнически мучилъ, связавъ веригами твоей темной силы. Войди же въ тѣхъ людей, которые не вѣруютъ въ Господа нашего Іисуса Христа и не поклоняются Его Животворящему Кресту.

Со страшнымъ крикомъ вышелъ бѣсъ изъ устъ человѣка въ видѣ черной птицы; при этомъ онъ воскликнулъ:

— Что мнѣ и тебѣ, рабъ Божій Левкій,—зачѣмъ выгоняешь меня изъ жилища, которое я избралъ себѣ? Я не хотѣлъ входить въ человѣка съ бѣлымъ лицемъ, обычнаго вида, но вошелъ въ Эѳіопа съ чернымъ, непріятнымъ для глазъ, цвѣтомъ кожи, надѣясь, что изъ такого жилища меня никто не изгонитъ.

Прогнавъ діавола крестнымъ знаменіемъ, святый Левкій поднялъ человѣка съ земли здоровымъ и сподобилъ его потомъ Крещенія. Діаволъ же удалился въ Египетъ, гдѣ принялъ образъ громадныхъ размѣровъ змѣя; онъ ползалъ по улицамъ одного города, съ необычною яростію умерщвляя встрѣчныхъ язычниковъ и Іудеевъ — мужей, женъ и дѣтей; не щадилъ и животныхъ. Святый Левкій, провидя духомъ столь человѣкоубійственную злобу діавола, поспѣшно отправился въ Египетъ; почувствовавъ приближеніе къ городу святаго, діаволъ бросился въ море, оставивъ

послѣ себя множество труповъ, лежащихъ на улицахъ. Войдя въ городъ и видя множество оплакивающихъ съ рыданіемъ своихъ мертвецовъ, святый Левкій вопрошалъ:

— Чѣмъ вызванъ такой плачъ?

Тогда ему сказали, какъ внезапно появился въ городѣ змѣй, многихъ умертвившій, и какъ онъ только что сейчасъ, предъ его приходомъ, бросился въ море, гдѣ и скрылся. Святый Левкій приказалъ принести воды, освятилъ ее и началъ ею окроплять мертвыхъ, говоря къ нимъ:

— Возстаньте во Имя Господа Саваоѳа,—вы держимы не узами смерти, но лишь повреждены дьявольскимъ ядомъ; однако вы не въ состояніи сами избавиться отъ дѣйствія силы змѣиной, которая могущественнѣе васъ по причинѣ вашего нечестія и сердечной слѣпоты. Возстаните же силою Бога моего и воздадите славу Создавшему васъ.

Во время этой рѣчи святый Левкій касался своимъ жезломъ труповъ. И тотчасъ всѣ, точно пробудившись, возстали и, хватаясь за ноги святаго, говорили:

— Богъ, Которому подобаетъ кланяться, есть не иной какъ Тотъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, Коего ты, рабъ Божій и отецъ нашъ, проповѣдуешь.

Всѣ воскресшіе увѣровали во Христа, вмѣстѣ съ ними обратилось въ христіанство еще до трехъ тысячъ мужей; всѣ они крестились съ женами и дѣтьми своими, прославляя Господа нашего Іисуса Христа, сотворившаго столь дивныя чудеса чрезъ святаго Своего Левкія.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ во Христа увѣровалъ со всѣмъ своимъ домомъ епархъ александрійскій Филиппъ, побуждаемый къ тому примѣромъ святой дочери своей Евгеніи; по истеченіи нѣкотораго времени онъ оставилъ начальство, сдѣлавшись христіанскимъ епископомъ. По страдальческой кончинѣ епископа Филиппа преемникомъ ему единогласно избранъ былъ святый Левкій. Между тѣмъ въ Александріи послѣ Филиппа епархомъ былъ сначала Терентій, а потомъ Сатурнинъ. Будучи врагомъ христіанства, послѣдній обдумывалъ со своими совѣтниками-идолопоклонниками, какъ бы поднять въ Александріи гоненіе на христіанъ, убивъ предварительно ихъ епископа, святаго Левкія: Сатурнинъ видѣлъ, что онъ многихъ обращаетъ изъ язычества въ христіанство. И сталъ епархъ изыскивать удобное время для

приведенія въ исполненіе своего злого умысла. Вѣрные же изъ жителей Александріи, узнавъ объ этомъ, совѣщались между собою, какъ бы убить епарха. Тогда святый Левкій, призвавъ къ себѣ всѣхъ христіанъ, убѣждалъ ихъ оставить свой мятежный замыселъ и повѣдалъ имъ о бывшемъ ему отъ Бога явленіи:

— Знайте, возлюбленные, что Господь мой благоволилъ явиться мнѣ въ видѣніи и повелѣлъ поставить вамъ другого епископа, чтобы я могъ идти на Западъ во Врунтисіополь, ибо городъ этотъ нуждается въ христіанскомъ просвѣщеніи.

Услышавъ это, христіане съ рыданіемъ начали припадать къ ногамъ святаго, говоря:

— Отче святый! Не оставляй насъ сиротами,—не разлучайся съ тѣми, коихъ пріобрѣлъ Богу; не покидай насъ до своей кончины.

— Вы всѣ знаете,—возразилъ святый Левкій,—что еще во дни моей юности Господь благоволилъ о мнѣ открыть отцу моему Евдиклію, какъ я, недостойный, воспріиму сей святительскій санъ и какъ пойду въ идолопоклонническій городъ, въ среду народа, не знающаго Бога. Такъ угодно Владыкѣ нашему, чтобы чрезъ меня, недостойнаго раба Его, присоединить тѣхъ людей къ Святой Церкви. Посему именно и повелѣлъ мнѣ Господь поставить вамъ иного отца, я же иду на предуказанное мнѣ дѣло. О епархѣ же Сатурнинѣ знайте, что нечестивый замыселъ его о гоненіи на христіанъ не исполнится, ибо сократились дни жизни его и близка его погибель: по моемъ удаленіи отсюда рушится домъ его, похоронивъ его со всѣми домашними подъ развалинами.

Сказавъ это и утѣшивъ плачущихъ христіанъ, онъ избралъ мужа, достойнаго святительскаго престола; такъ поставленъ былъ вмѣсто святаго Левкія другой епископъ. Взявъ съ собою двухъ своихъ діаконовъ — Евсевія и Діонисія и пять учениковъ, святый Левкій отправился изъ города на корабельную пристань. Всѣ христіане, числомъ пять тысячъ, не считая женъ и дѣтей, съ плачемъ и рыданіемъ провожали своего епископа.

— Зачѣмъ,—восклицали они,—покидаешь насъ, отче, не жалѣя дѣтей своихъ?

Обернувшись назадъ и видя плачущихъ, святый Левкій самъ возмутился духомъ, прослезился и, воздѣвая къ Небу руки, сказалъ:

— Господи Боже мой, Іисусе Христе, если есть Твоя воля,

не разлучай меня отъ сихъ людей Твоихъ, на служеніе которымъ Ты поставилъ меня!

Только что окончилъ онъ эту молитву, какъ съ Неба раздался Голосъ, услышанный всѣми христіанами:

— Левкій! Не пренебрегай повелѣнія Господня, но садись на корабль и отправляйся съ миромъ, куда тебѣ повелѣно.

— Вы слышите,—обратился святый Левкій къ сопровождавшимъ его,—волю Господню, братіе? Итакъ, знайте, что не по своему желанію разстаюсь я съ вами.

Простившись со всѣми, онъ вошелъ въ корабль и отправился въ путь. Въ Александріи же, согласно пророчеству святаго, внезапно разрушился домъ епарха, умертвивъ вмѣстѣ съ послѣднимъ и всѣхъ, находившихся внутри.

Послѣ пятнадцати дней корабль приплылъ въ Адріанополь, не Ѳракійскій, а находящійся въ Древнемъ Египтѣ; здѣсь святый Левкій пробылъ немного времени, принявъ къ себѣ двухъ пресвитеровъ, Леона и Савина. Найдя другой корабль, онъ сѣлъ на него, вручивъ условленную плату, и приплылъ въ Гидрунтъ, гдѣ пересѣлъ на Далматійскій корабль, на которомъ и достигъ Врунтисіопольской области. Выйдя изъ корабля, святый Левкій со своимъ клиромъ направился къ городу. На пути имъ встрѣтился трибунъ[1]) Армалеонъ съ его воинами; одного изъ послѣднихъ святый Левкій и спросилъ:

— Кто начальникъ этого города?

— Развѣ вы не слыхали,—отвѣтилъ воинъ,—о великомъ Антіохѣ, господинѣ этой страны?

— Какую же вѣру исповѣдуетъ господинъ твой Антіохъ? — снова задалъ вопросъ святый Левкій.

Услышавъ такой вопросъ, трибунъ и воины со смѣхомъ сказали:

— Развѣ есть какая другая вѣра и какой другой богъ, кромѣ Солнца и Луны, освѣщающихъ вселенную? Не слышатъ ли уши всѣхъ голосовъ ихъ, гремящихъ въ облакахъ? Что скорѣе молніи, исходящей отъ Солнца? Что свѣтлѣе Луны, предвозвѣщающей своими видоизмѣненіями о наступающихъ перемѣнахъ погоды?

— Бѣдные невѣжды!—сказалъ со вздохомъ святый Левкій.— До васъ еще не достигло божественное просвѣщеніе, и потому вы не знаете, что Солнце и Луна—созданіе Божіе и повинуются

---

[1]) *Трибунъ* —начальникъ отряда воиновъ.

повелѣнію Господа, свершая свое безпрерывное теченіе. И не слѣдуетъ называть ихъ богами: въ нихъ нѣтъ ничего Божественнаго; они даже не могутъ стоять на одномъ мѣстѣ, но постоянно движутся, восходятъ и заходятъ, закрываются то облакомъ, то ночною тьмою и бываютъ то видимы, то сокрыты отъ глазъ. И настолько свѣтъ ихъ отличенъ отъ присносущнаго Свѣта, то есть Бога, почитаемаго нами, насколько созданіе отлично отъ Создателя. Богъ нашъ, создавшій Солнце, Луну, небо и землю со всѣмъ, наполняющимъ ихъ, и есть Свѣтъ истинный, просвѣщающій всѣхъ, въ Него вѣрующихъ. Онъ сотворилъ сіяніе Солнца и Луны, повелѣвъ имъ служить людямъ, населяющимъ поднебесную,—Солнце да свѣтитъ днемъ, а Луна—ночью. И если бы вы познали невидимый Свѣтъ—Бога нашего, то никогда бы не преклонялись предъ видимыми свѣтилами.

— Какой же это свѣтъ,—спросилъ трибунъ Армалеонъ,—о которомъ ты говоришь, что онъ невидимъ нашими очами?

— Христосъ, Сынъ Божій,—пояснилъ святый Левкій,—рожденный Дѣвою Маріею отъ Святаго Духа.

И разсказалъ имъ все о Христѣ: какъ Онъ родился, какъ жилъ среди людей, какъ пострадалъ Своею волею, умеръ, въ третій день воскресъ, вознесся на Небо, сѣлъ одесную Бога Отца и—какъ Онъ придетъ судить весь міръ, чтобы каждому воздать по его дѣламъ. Съ умиленіемъ слушали воины поученіе святаго Левкія; увѣровавъ въ его слова какъ въ истину, они пали предъ нимъ на землю, говоря:

— Молимъ тебя, отче, содѣлай насъ участниками вѣчной жизни!

Онъ послѣ оглашенія крестилъ ихъ; число новообращенныхъ было шестьдесятъ семь мужей. Сопровождаемый ими и клиромъ, святый Левкій вошелъ въ городъ. Такъ положено было начало просвѣщенію Врунтисіополя свѣтомъ Христова ученія.

Князь Антіохъ, узнавъ, что трибунъ Армалеонъ увѣровалъ во Христа вмѣстѣ со своими воинами, призвалъ его къ себѣ и спросилъ:

— Правда ли то, что я слышу о тебѣ, Армалеонъ? Будто ты съ подчиненными тебѣ воинами сдѣлался христіаниномъ?

Армалеонъ молчалъ. Тогда Антіохъ съ гнѣвомъ сказалъ:

— Почему ты не отвѣчаешь мнѣ?

— Развѣ тебѣ,—спросилъ трибунъ,—необходимо нужно гнѣваться на меня за то, что я теперь христіанинъ?

— Я спрашиваю тебя, — возразилъ Антіохъ, — безъ всякаго гнѣва: скажи намъ, кто тебя научилъ христіанской вѣрѣ? Мы всѣ знали тебя за человѣка мудраго въ нашихъ ученіяхъ, который доселѣ отвергалъ христіанство, и теперь удивляемся, какимъ путемъ ты превратился въ христіанина?

— До сихъ поръ,—отвѣчалъ Армилеонъ,—я былъ слѣпъ и блуждалъ въ сѣни смертной, и нынѣ, просвѣщенный благодатіею Божіею, я прозрѣлъ и пребываю въ надеждѣ вѣчной жизни.

— Какая это жизнь вѣчная, о которой ты говоришь? — спросилъ Антіохъ.

— Если хочешь, можешь познать ее,—предложилъ трибунъ.

— Если дѣйствительно ты покажешь намъ ее,—разсуждалъ Антіохъ,—то, конечно, хочу видѣть и разумѣть; впрочемъ, я не думаю, что есть иная жизнь, кромѣ настоящей, и не вѣрю, что существуетъ иной свѣтъ и Богъ, кромѣ Солнца и Луны.

— Солнце и Луна,—сказалъ Армалеонъ,—не боги, но созданіе Божіе, утвержденное Господомъ на небѣ не съ тою цѣлью, чтобы привлекать кого-либо на служеніе себѣ, но затѣмъ, чтобы служить, освѣщая землю, разумному созданію, то есть человѣку, живущему на землѣ.

Съ удивленіемъ выслушалъ Антіохъ эти слова трибуна и спросилъ его:

— Кто тебя научилъ такой мудрости?

— Меня просвѣтилъ, — сказалъ онъ, — одинъ александріецъ, по имени Левкій, недавно сюда пришедшій.

Въ это время святый Левкій находился за городомъ на мѣстѣ зрѣлищъ противъ западныхъ воротъ Врунтисіополя; онъ училъ здѣсь народъ вѣрѣ Христовой, крестя приступающихъ къ Господу Іисусу. Антіохъ послалъ за нимъ, съ честью прося его придти къ нему. Увидѣвъ архіерея Божія, онъ сказалъ ему:

— Если хочешь, чтобы мы увѣровали въ проповѣдуемаго тобою Бога, то умоли Его послать на нашу землю дождь, котораго мы не видимъ вотъ уже два года. Отъ бездождія земля наша изсохла и утратила прежнее плодородіе, почему народъ пребываетъ въ скудости и нуждѣ.

Святый Левкій, созвавъ свой клиръ и всѣхъ новокрещенныхъ христіанъ, сотворилъ общее усердное моленіе къ Господу Богу, и тотчасъ небо покрылось облаками, изъ коихъ полился обильный дождь, напоившій всю землю той страны. Тогда увѣровалъ во

Христа весь городъ во главѣ съ Антіохомъ, такъ что крестилось двадцать семь тысячъ человѣкъ, и всѣ славили Христа, Бога нашего. Построили среди города церковь во имя Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи; другой же храмъ, во имя Іоанна Крестителя, поставили на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крещенъ народъ. Такъ просвѣтился весь Врунтисіополь свѣтомъ святой вѣры.

Уча и утверждая въ вѣрѣ новопросвѣщенныхъ, святый Левкій сильно разболѣлся и по откровенію Божественному узналъ, что болѣзнь его смертельна. Призвавъ къ себѣ Антіоха, онъ завѣщалъ ему предать погребенію его тѣло на томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ къ землѣ ихъ корабль. Затѣмъ, воздѣвъ руки, онъ сотворилъ молитву о своей паствѣ, преподалъ всѣмъ послѣднее благословеніе и прощальный привѣтъ съ пожеланіемъ мира; послѣ чего и преставился ко Господу, оплакиваемый всѣмъ городомъ[1]). Взявъ честное тѣло святаго, Антіохъ перенесъ его съ подобающими почестями на мѣсто, гдѣ святый, прибывъ изъ Александріи, вышелъ на землю изъ корабля. Создавъ здѣсь церковь во имя святаго Левкія, Антіохъ положилъ въ ней честныя мощи угодника Божія. И многія чудеса совершались отъ гроба его во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа—Бога, въ Троицѣ славимаго, Ему же отъ всей твари хвала, благодареніе и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АРИСТОКЛІЯ, ДИМИТРІАНА и АѲАНАСІЯ

Святый мученикъ Аристоклій, родомъ кипрянинъ[2]) изъ города Тамаса, былъ соборнымъ пресвитеромъ. Во дни царя Максиміана[3]), когда надъ христіанами разразилось великое гоненіе, святый Аристоклій удалился въ пустыню, гдѣ и скрывался въ одной горной пещерѣ: здѣсь во время молитвы его однажды облисталъ свѣтъ, превосходившій солнечный, и съ Неба послышался Голосъ, повелѣвавшій ему идти въ Саламинскую митрополію, что на Кипрскомъ островѣ, и тамъ воспріять мученическій подвигъ за исповѣ-

[1]) Нѣкоторыя извѣстія относятъ кончину св. Левкія къ V вѣку.

[2]) *Кипръ*—одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря.

[3]) *Максиміанъ Галерій* правилъ съ 305 г. по 311 г.

данiе имени Христова. Укрѣпленный явленiемъ свѣта и Божественнымъ Гласомъ онъ тотчасъ же, оставивъ боязнь мученiй, пошелъ, куда было повелѣно. По пути, пролегавшемъ въ лѣсу, онъ зашелъ въ храмъ святаго Апостола Варнавы и здѣсь нашелъ дiакона Димитрiана и чтеца Аѳанасiя, которые встрѣтили его съ любовью. Во время бесѣды святый Аристоклiй открылъ имъ о причинѣ своего путешествiя въ городъ Саламинъ, разсказавъ о бывшемъ ему видѣнiи. Димитрiанъ и Аѳанасiй послѣ этого разсказа возымѣли непреодолимое желанiе идти вмѣстѣ съ Аристокiемъ, чтобы умереть за Христа. Когда они достигли города Саламина, то, вставши на возвышенномъ мѣстѣ, на виду у всѣхъ начали громкимъ голосомъ проповѣдывать объ Iисусѣ Христѣ, Его прославляя, а языческихъ боговъ, безчувственныхъ идоловъ, похуляя; язычники тотчасъ же схватили проповѣдниковъ и представили на судъ къ правителю для допроса. Послѣдній, узнавъ, что они христiане, и видя ихъ непоколебимую преданность святой вѣрѣ, повелѣлъ пресвитера Аристоклiя усѣчь мечомъ; святыхъ же Димитрiана и Аѳанасiя послѣ многихъ мукъ онъ предалъ на сожженiе; но послѣ того какъ святые мужи пробыли въ огнѣ живы и невредимы, правитель осудилъ и ихъ на усѣченiе мечомъ. Такъ скончались[1]) страстотерпцы Христовы, украсившись мученическимъ вѣнцемъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

МЕѲОДIЯ,

епископа Патарскаго

Угодникъ Божiй Мееѳодiй, съ юныхъ лѣтъ предавшiй себя на служенiе Господу, явился честнымъ сосудомъ, прiявшимъ Святаго Духа; за это, по избранiю божественному, онъ сподобился епископскаго достоинства, ставъ архипастыремъ словесныхъ овецъ города Патары, въ Ликiйской области[2]). Святый Мееѳодiй руководилъ свое словесное стадо съ богоугоднымъ тщанiемъ, направляя его къ совершенству кроткими поученiями. Во дни

[1]) Около 306 года.
[2]) Въ Малой Азiи.

Стыѧ мч҃ницы:

Аѓ҃істо́ваѓ҃й, Дими́трїанх и Аѳанасїй

Сщенномученикъ Меѳодій

епископства святаго Меѳодія возникла Оригенова ересь[1]), обольщавшая многихъ; видя ея возрастаніе, святый Меѳодій, какъ пастырь выдающійся, точно огнемъ попалялъ ересь своими обличеніями, — ученіемъ, исполненнымъ мудрости и Божественной благодати, онъ истребилъ нависшую надъ вѣрными еретическую мглу. Его богодухновенныя наставленія облистали вселенную подобно молніи, и какъ звукъ разумной трубы по всей землѣ раздался голосъ его поученій. Поэтому невидимый врагъ былъ не въ состояніи выносить той ревности, какою одушевленъ былъ святый Меѳодій въ своихъ великихъ трудахъ, подъемлемыхъ ради благочестія, ради Церкви Христовой; онъ вооружилъ противъ святаго епископа своихъ видимыхъ слугъ — язычниковъ, поклоняющихся идоламъ; по его наущенію язычники вознамѣрились предать мучительной смерти служителя Божія, еще прежде страданій облекшагося въ «живоносное умерщвленіе». Схвативъ святителя Христова, язычники отсѣкли ему мечомъ честну̀ю главу. И прешелъ святый Меѳодій въ лучшую жизнь; какъ жертва живая принесся Богу тотъ, который въ началѣ служилъ Агнцу Божію, а потомъ самъ закланъ былъ какъ агнецъ. Такъ увѣнчался двойнымъ вѣнцемъ добрый подвижникъ благочестія, боровшійся съ ересями и Христа исповѣдавшій предъ язычниками безбоязненно, даже до пролитія крови и мученической кончины, которая послѣдовала въ царство Авреліана[2]). Аминь[3]).

---

1) См. стр. 372-ю, примѣч. 1-е.

2) 270—275 гг. Но болѣе вѣроятно предположеніе, что смерть св. Меѳодія послѣдовала позднѣе — въ 310—312 гг.

3) Отъ св. Меѳодія сохранились письменные труды, относящіеся: 1) къ защищенію св. вѣры противъ язычества, 2) къ изложенію догматовъ вѣры, особенно противъ заблужденій Оригена, 3) къ нравственному ученію и 4) къ объясненію Св. Писанія.

Тропа́рь, гла́съ а̃:

Кро́вь твоя́ мⷭ́дре, та́йнѡ вопіе́тъ ѿ землѝ а̃кѡже а̃велева къ бг̃ꙋ, бг̃омⷭ́дре сщ҃и́телю медо́діе, а̃сно проповѣ́давый бжїе вочлове́ченіе: тѣ́мже и̂ посрами́лъ е̂сѝ ѻ҆ріге́новꙋ ле́сть, и̂ престо́вилсѧ е̂сѝ въ нб̃ный черто́гъ. молѝ хр̃та̀ бг̃а, да спсе́тъ дⷭ́ши на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ д̃:

Мцⷣеннота́йнникъ сщ҃ы́ѧ тр̃цы, и̂ а̃́же па́че ꙋ҆ма̀ повеле́нїй бжє́ственныхъ проповѣ́дникъ, и̂ правосла́вным ꙋ҆тверждє́нїе бы́лъ е̂сѝ, медо́діе, слосла́вныѧ ѡ҆бличи́лъ е̂сѝ смы́слы, правовѣ́рїѧ ра́ди кро́вїю твоє́ю сцⷣенномч҃нкъ а̃́вльсѧ: и̂ хр̃тꙋ со а̃г҃ге́лы предстоѧ̀, молѝ спсти́сѧ на́мъ.

ПРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ИННЫ, ПИННЫ и РИММЫ

Сіи святые мученики происходили изъ сѣверныхъ странъ, изъ земли варварской [1]). Они были учениками Апостола Андрея [2]) и многихъ изъ варваровъ отъ почитанія кумировъ обратили къ вѣрѣ во Христа. За это они были схвачены и представлены правителю варваровъ, который хотѣлъ было обольстить ихъ различными соблазнами и лестными обѣщаніями, но они не склонились на предложенныя имъ почести и за свою твердость въ вѣрѣ во Христа биты были безъ пощады. Такъ какъ въ то время стояла суровая зима и рѣки замерзли настолько, что ихъ можно было переходить по льду, то посрединѣ рѣки поставили и утвердили

---

1) Въ Мѣсяцесловѣ императора Василія сказано, что сіи святые мученики были родомъ изъ Скиѳіи, изъ сѣверныхъ ея предѣловъ (ἀπὸ Σκυθίας ἐκ τοῦ βορείου μέρους), а по мнѣнію проф. Е. Голубинскаго (Исторія Русск. Ц. т. I, первая половина, изд. 2, стр. 31 и прим. 2) они происходили изъ Готѳіи дорійской, занимавшей узкую приморскую полосу зъмли въ нынѣшнемъ Крыму между Балаклавой и Судакомъ.

2) Никоднмъ въ своемъ синаксаріѣ не называетъ сихъ святыхъ мучениковъ учениками Апостола Андрея.

на льду прямыя дерева и привязали къ нимъ святыхъ мучениковъ. Когда подъ тяжестію деревъ ледъ сталъ прогибаться, то вода поднялась до ихъ шей, и они въ такомъ положеніи предали святыя души свои Господу. Нѣкоторые христіане похоронили тогда тѣла ихъ, но потомъ епископъ [1]) вынулъ ихъ изъ могилы и, взявъ на плечи свои, положилъ въ своей церкви. Спустя семь лѣтъ послѣ кончины своей святые мученики явились тому же епископу и повелѣли ему перенести мощи ихъ въ мѣстечко, называемое Аликсъ, въ сухое пристанище [2]).

[1]) Въ славянской редакціи Мѣсяцеслова императора Василія епископъ этотъ названъ Годдою, а имя Годда—готѳское.

[2]) *Аликсъ* есть нынѣшняя Алушта, находящаяся на берегу Чернаго моря въ 42 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Ялты. «Сухое пристанище» означаетъ морскую пристань.

День двадцать первый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІУЛІАНА ТАРСЯНИНА

Святый Іуліанъ, сынъ сенатора-язычника и матери-христіанки, родился въ киликійскомъ[1]) городѣ Аназарвѣ. По смерти мужа мать святаго Іуліана переселилась изъ Аназарва въ киликійскій же городъ Тарсъ[2]). Здѣсь она крестила отрока Іуліана въ христіанскую вѣру и воспитывала его, обучая вмѣстѣ съ книжнымъ ученіемъ истинамъ вѣры и правиламъ благочестія христіанскаго.

Когда Іуліану исполнилось 18 лѣтъ, то поднялось сильное гоненіе на христіанъ, воздвигнутое императоромъ Діоклетіаномъ[3]). Въ числѣ другихъ христіанъ былъ взятъ и святый Іуліанъ и приведенъ на судъ къ игемону Маркіану[4]). Но ни жестокія истязанія, ни угрозы, ни обѣщанія даровъ и почестей не могли склонить благочестиваго юношу къ принесенію языческихъ жертвъ и къ отреченію отъ Христа. Цѣлый годъ водили Іуліана по раз-

---

1) *Киликія* — юго-восточная римская провинція въ Малой Азіи.

2) *Тарсъ* — большой и населенный городъ въ южной части Киликіи, при рѣкѣ Кидиѣ, недалеко отъ него впадающей въ Средиземное море. И въ настоящее время Тарсъ—еще довольно значительный городъ.

3) *Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

4) *Игемонъ* — правитель области.

нымъ городамъ Киликіи, вездѣ подвергая истязаніямъ, но онъ, подобно адаманту [1]), оставался непреклоненъ въ исповѣданіи вѣры въ Іисуса Христа. Когда святаго Іуліана привели въ городъ Эгею [2]), то тамъ нечестивые язычники силою открыли ротъ святому мученику и вкладывали туда идоложертвенное мясо и кровь, желая нечестивыми жертвами осквернить чистаго и святаго раба Христова. Послѣ этого святый Іуліанъ былъ ввергнутъ въ темницу. Сюда къ нему пришла его благочестивая мать, которая всюду сопутствовала Іуліану, умоляя Господа укрѣпить сына ея въ страдальческомъ его подвигѣ. Когда же мучители взяли мать святаго Іуліана и привели ее на судъ, то она просила игемона позволить ей въ продолженіе трехъ дней навѣщать сына своего въ темницѣ, дабы убѣдить его поклониться идоламъ. Игемонъ разрѣшилъ ей невозбранно приходить къ сыну ея въ темницу. Она же, проводя съ нимъ въ темницѣ дни и ночи и съ материнскою любовію бесѣдуя съ нимъ, со слезами увѣщевала его претерпѣть до конца временныя мученія, дабы сподобиться отъ Господа вѣчныхъ благъ въ царствѣ мучениковъ.

Сѣтый мѵ̑нкъ
Іѹліа́нъ

По прошествіи трехъ дней святаго Іуліана вмѣстѣ съ матерью привели на судъ къ игемону. Думая, что мать уже уговорила сына къ принесенію идольскихъ жертвъ, игемонъ сталъ хвалить ее за это увѣщаніе, но та громко и безбоязненно начала исповѣдовать Имя Іисуса Христа и обличать языческое безбожіе. Также и святый Іуліанъ неустрашимо исповѣдовалъ и про-

[1]) *Адамантъ* (алмазъ)—камень, имѣющій такую крѣпость, что чертитъ прочіе камни, самъ не получая отъ того вреда. Это названіе въ церковной литературѣ придается многимъ святымъ, прославившимся твердостью своей вѣры.

[2]) *Эгея*—одинъ изъ приморскихъ городовъ въ Киликіи.

славлялъ Іисуса Христа—Единаго Истиннаго Бога и обличалъ языческое многобожіе. Тогда разгнѣванный игемонъ повелѣлъ мучить обоихъ—и мать, и сына. Матери святаго, послѣ многихъ истязаній, отрубили ступни ногъ, которыми она шествовала за своимъ сыномъ, слѣдуя за нимъ изъ Тарса; святаго же мученика Іуліана положили въ мѣшокъ, наполненный пескомъ и разными ядовитыми гадами, и бросили въ море. Такъ кончилъ свои страданія святый Іуліанъ. Чрезъ нѣсколько времени скончалась въ страданіяхъ и благочестивая мать его,—и оба получили вѣнецъ побѣды отъ Христа Бога.

Тѣло святаго Іуліана было вынесено волнами на берегъ, гдѣ его нашла одна благочестивая вдова изъ Александріи и съ честію предала погребенію. Впослѣдствіи святыя мощи Іуліана перенесены были въ Антіохію[1]). Святый Іоаннъ Златоустъ[2]), когда былъ пресвитеромъ въ Антіохіи, почтилъ память святаго мученика Іуліана похвальнымъ словомъ.

Кондакъ, гласъ ѳ:

Благочестїѧ непобѣдимаго воина, и йстины согласника и ѻбрѧжника, всѝ достойнѡ восхвалимъ Їуліана днесь, и къ немѹ возопїимъ: молѝ хр҃та бг҃а ѡ̀ всѣхъ насъ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ

ІУЛІЯ пресвитера и ІУЛІАНА діакона

Родина святыхъ Іулія и Іуліана была страна Мирмидонія[3]). Оба они были родные братья, и съ младенчества были воспитаны въ христіанскомъ благочестіи, и получили доброе наставленіе въ книжномъ ученіи. Достигши совершеннаго возраста, они стали проводить жизнь въ дѣвственной чистотѣ, служа Богу

---

1) *Антіохія*—древнѣйшій городъ Сиріи, лежитъ при р. Ороитѣ, верстахъ въ 10 отъ впаденія ея въ Средиземное море.

2) *Святый Іоаннъ Златоустъ*—знаменитый отецъ Церкви IV-го — начала V-го вѣка; память его—13 ноября.

3) То есть островъ *Ѳина*.

Прп҃бнїи
їѡа҃нн и їѡа҃нна

постомъ и молитвою, поучаясь день и ночь въ Законѣ Господнемъ. За такое богоугодное житіе они были удостоены церковныхъ степеней: Іулій былъ рукоположенъ во пресвитера, а Іуліанъ—во діакона; и были они въ Церкви Христовой какъ два свѣтильника, сіяя добрыми дѣлами и прославляя ими Отца Небеснаго. Въ то время среди пшеницы святой вѣры еще было много плевелъ идолопоклонническаго заблужденія. Хотя Востокъ и Западъ находились въ то время уже во власти христіанскихъ царей и благочестіе всюду процвѣтало, однако еллинское нечестіе не было еще истреблено до конца, въ особенности по селеніямъ, гдѣ люди въ неразумной слѣпотѣ еще держались древняго идолослуженія. И вотъ, сіи два раба Христова, преисполненные ревностію по Богѣ, прибыли въ Царьградъ къ благочестивому царю Ѳеодосію Младшему[1]) и просили дать имъ его царскую грамоту, дабы имъ безпрепятственно можно было въ греко-римской области уничтожать идоловъ, разорять и сожигать капища и посѣщать рощи и сады, насажденные въ честь идоловъ, и взамѣнъ того созидать храмы Божіи и распространять славу Имени Іисуса Христа. Царь далъ имъ на это разрѣшеніе, подтвержденное грамотою, въ которой было присоединено повелѣніе, чтобы вездѣ по окрестностямъ и городамъ всѣ правители епархіи (областеначальники, князья, различные сановники и градоначальники) повиновались Іулію и Іуліану во всѣхъ дѣлахъ и на строеніе храмовъ Божіихъ доставляли имъ все потребное. Получили они и отъ

[1]) *Императоръ Ѳеодосій Младшій* царствовалъ съ 408 г. по 450 г.

Святѣйшаго Патріарха благословеніе на проповѣдь, и на созиданіе и освященіе церквей. И вотъ, сіи, два святые воина Христова, какъ два апостола, отправились въ страны Греко-Римскаго царства, проповѣдуя язычникамъ Имя Іисуса Христа, и обращали многихъ ко Христу Богу, утверждая ихъ вѣру не только словомъ, но и чудесами: ибо отъ Бога имъ дана была благодать и сила исцѣлять недужныхъ, изгонять бѣсовъ,—и вездѣ разоряли они идольскіе храмы, а идоловъ уничтожали. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ Еллины въ ожесточеніи своемъ оказывали имъ сопротивленіе, и тамъ, показавъ царское повелѣніе правителямъ и градоначальникамъ и получивъ отъ нихъ помощь, святые исполняли свое дѣло. Они созидали множество церквей не только на пособія изъ царской казны, но и отъ щедраго подаянія истинно вѣрующихъ христіанъ: ибо всѣ и повсюду, видавшіе такихъ учителей, просвѣтителей и чудотворцевъ, не жалѣли своего имущества, жертвуя его на святое дѣло. Такимъ образомъ они прошли Востокъ и Западъ и создали до ста церквей. Чудеса же, явленныя ими, безчисленны, такъ что невозможно подробно ихъ передать и развѣ только нѣкоторыя можно воспомянуть.

Однажды при постройкѣ церкви въ Вивлахъ, созидавшейся стараніемъ святыхъ братьевъ, одинъ изъ работниковъ по неосторожности отсѣкъ себѣ желѣзнымъ орудіемъ большой палецъ на лѣвой рукѣ, такъ что вытекло очень много крови, и человѣкъ тотъ упалъ отъ изнеможенія и боли какъ мертвый. Святые, увидавъ это, взяли отсѣченный палецъ, приложили его къ составу, осѣнивъ больное мѣсто крестнымъ знаменіемъ, и палецъ тотчасъ приросъ къ составу своему, и рана закрылась. Святые, поднявъ съ земли человѣка того здоровымъ, подали ему въ руки его желѣзное орудіе, сказавъ при этомъ:

— Крѣпись и трудись во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Въ другое время святые находились въ Медіоланской епархіи[1]) близъ города, называемаго Гавдіаномъ. Здѣсь они, очистивъ отъ идольскихъ капищъ нѣкое селеніе, сами трудились надъ построеніемъ церкви (девяносто девятой по числу построенныхъ ими церквей). Вмѣстѣ съ ними трудилось надъ сей постройкой, помогая имъ, множество вѣрующихъ. Случилось мимо того мѣста проѣзжать какимъ-то людямъ. Увидавъ трудившихся надъ постройкою храма,

---

[1]) *Медіоланъ* — нынѣ *Миланъ* — въ Италіи.

рѣшили сами съ собою, что строители задержатъ ихъ и, хотя бы они не желали, будутъ убѣждать ихъ принять участіе въ работѣ[1]). И такъ какъ имъ сіе мѣсто невозможно было миновать, то они поступили такъ: одного изъ своихъ положили въ повозкѣ, какъ бы мертваго, сдѣлавъ видъ, что везутъ умершаго для погребенія. Лишь только они приблизились къ самому мѣсту постройки церкви, святые братья обратились къ нимъ со словами:

— Дѣти! Помогите намъ въ нашей работѣ.

Они же въ отвѣтъ сказали:

— Мы не можемъ медлить, потому что веземъ мертвеца для погребенія.

— Не лжете ли вы, дѣти? — спросилъ святый Іулій.

— Нѣтъ, отче, — отвѣчали они.

— Такъ пусть же будетъ вамъ по слову вашему, — сказалъ имъ на это святый Іуліанъ.

И люди тѣ отправились своей дорогой. Удалившись немного далѣе, они сказали притворившемуся мертвымъ, чтобы онъ всталъ. Но онъ не вставалъ; тогда они начали сильнѣе толкать его, думая, что онъ спитъ. Однако вскорѣ они убѣдились, что онъ дѣйствительно умеръ. Чудо это сдѣлалось извѣстнымъ всюду, и всѣ были въ страхѣ и ужасѣ, такъ что никто съ того времени не дерзалъ говорить святымъ ложь.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего святый Іулій пресвитеръ сказалъ однажды своему брату, святому Іуліану:

— Оставайся ты, братъ, строить здѣсь эту девяносто девятую церковь, а я пойду поищу другое мѣсто, гдѣ бы можно было создать сотую, дабы по созданіи ста церквей на землѣ, по благодати Божіей, быть намъ переселенными въ Церковь Нерукотворенную, вѣчную на Небесахъ.

Сказавъ сіе, Іулій отправился въ путь. Пройдя разстояніе около двухъ миль, онъ подошелъ къ озеру, называемому Мукоросъ. Озеро то очень велико; на немъ онъ увидалъ большой островъ, очень красивый, на которомъ никто не обиталъ. Смотря издали на тотъ островъ, святый сталъ размышлять, какъ бы ему переправиться на него. А такъ какъ поблизости не было лодки, то онъ всталъ на молитву и, преклонивъ колѣна, помолился, сказавъ:

---

[1]) По обычаю того времени въ построеніи церкви должны были принимать участіе всѣ, случившіеся около мѣста постройки. Проѣзжіе, въ силу этого обычая, не могли бы отказаться помочь строителямъ, если бы были приглашены.

— Господи Боже Всесильный, Іисусе Христе! Твоею всемогущею силою подай мнѣ, чтобы сія мѝлоть[1]) моя, которая на мнѣ, послужила бы мнѣ вмѣсто лодки, дабы, находясь на ней и я, управляемый Твоею десницею, могъ переправиться на тотъ островъ, не погрузившись въ воду.

Помолившись такъ, онъ распростеръ свою мѝлоть на водѣ и, сотворивъ крестное знаменіе, взошелъ на нее,—и мѝлоть, какъ лодка, не погружалась въ воду. Святый же, держа въ рукахъ жезлъ и, какъ весломъ, гребя воду, управлялъ чудесною ладьею изъ милоти и достигъ до того острова. Выйдя на островъ, онъ обошелъ его вокругъ и очень радовался, видя его красоту. Посреди острова святый Іулій увидѣлъ громадный камень, занимавшій большое пространство. На немъ рѣшилъ онъ построить сотую церковь во имя Святыхъ Двѣнадцати Апостоловъ. Но на островѣ томъ водились въ большомъ количествѣ змѣи и всякіе ядовитые гады, почему никто изъ людей не осмѣливался даже приблизиться къ тому острову. Святый, взойдя на тотъ камень, сдѣлалъ изъ небольшого деревца крестъ и водрузилъ его въ небольшую разсѣлину въ камнѣ. Помолившись затѣмъ Богу, онъ созвалъ къ себѣ Именемъ Іисуса Христа всѣхъ змѣй и гадовъ—и собралось ихъ великое множество къ нему. Святый сказалъ имъ:

— Уже довольно пожили вы на мѣстѣ семъ, нынѣ же Именемъ Пресвятой Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа—повелѣваю вамъ уйти съ сего острова и предоставить мѣсто сіе для дома Божія и для рабовъ Христовыхъ, намѣревающихся обитать здѣсь.

Лишь только святый произнесъ это, какъ всѣ змѣи и гады, какъ бы понявъ его слова, тотчасъ повиновались его повелѣнію и, собравшись всѣ вмѣстѣ, удалились къ западной сторонѣ острова; затѣмъ, погрузившись въ озеро, переплыли на другую сторону къ горѣ, называемой Камункинъ, и тамъ поселились, устроивъ гнѣзда, а островъ очистился отъ гадовъ. Святый же, какъ и въ первый разъ переправившись обратно, направился къ христіанскимъ селеніямъ, находившимся въ окрестности, и, получивъ отъ нихъ помощь и все необходимое, возвратился на лодкахъ съ рабочими на островъ; потомъ, заложивъ на камнѣ церковь во имя Святыхъ Дванадесяти Апостоловъ, занялся ея постройкою.

Въ то время братъ его святый Іуліанъ, окончивъ постройку церкви, что около города Гавдіана, задумалъ устроить въ ней

[1]) *Мѝлоть*—верхняя одежда, мантія, плащъ.

гробъ для брата своего Іулія, и началъ строить его. Святый же Іулій, узнавъ объ окончаніи постройки той церкви, пошелъ, чтобы посмотрѣть ее и вмѣстѣ посѣтить своего брата. Когда онъ пришелъ туда, тотъ встрѣтилъ его съ такими словами:

— Вотъ, братъ, съ Божіею помощію и по твоимъ молитвамъ церковная постройка окончена, только строится еще гробъ для тебя, дабы въ немъ по преставленіи твоемъ почивало твое тѣло.

Но святый Іулій, исполненный пророческаго дара, сказалъ на это святому Іуліану:

— Поспѣши скорѣе докончить постройку этого гроба, ибо тебѣ самому придется почить въ немъ.

И сіе сбылось. Когда гробъ былъ устроенъ, святый Іуліанъ діаконъ преставился ко Господу. Святый же Іулій, предавъ съ честію погребенію тѣло брата, возвратился опять на островъ, гдѣ и продолжалъ постройку церкви, посвященной Апостоламъ. Окончивъ построеніе церкви, онъ устроилъ въ ней гробъ для себя, потому что предвидѣлъ приближавшуюся кончину свою, такъ какъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ то время въ Медіоланѣ отъ царя былъ назначенъ епархомъ для управленія всею тою страною одинъ сенаторъ, по имени Авдентій, человѣкъ благороднаго происхожденія, добродѣтельный и благочестивый. Узнавъ о святомъ Іуліанѣ, онъ съ домашними пожелалъ побывать на островѣ Мукоросѣ, чтобы видѣть человѣка Божія Іулія пресвитера и посмотрѣть церковь, устроенную имъ; сѣвъ на корабль, они отправились. Прибывъ на островъ, Авдентій сподобился получить благословеніе отъ святаго и бесѣдовать съ нимъ о духовныхъ предметахъ, а также и осмотрѣлъ церковное зданіе; послѣ сего онъ обратился къ святому съ такими словами:

— Отче! Если ты еще что намѣренъ строить, то скажи мнѣ, и я изъ своего имѣнія буду помогать тебѣ, ибо съ радостію готовъ служить вамъ во всемъ нужномъ.

Святый отвѣтилъ на это:

— Чадо! Строить намъ болѣе ничего не требуется, остается построить только около моего гроба гробъ для тебя, потому что тѣло по твоей кончинѣ будетъ почивать въ сей церкви.

Авдентій отвѣтилъ:

— Пусть твой гробъ, отче, будетъ здѣсь, а я уже устроилъ себѣ гробъ въ Медіоланѣ.

— Повѣрь мнѣ, чадо,—сказалъ ему на это святый Іулій,—что

тѣло твое будетъ погребено около моего тѣла, а не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ.

Побесѣдовавъ довольно со святымъ и получивъ отъ него благословеніе, Авдентій возвратился въ Медіоланъ. Въ непродолжительномъ времени святый Іулій преставился ко Господу и былъ погребенъ въ своемъ гробѣ, отъ котораго по молитвамъ его подавались многія исцѣленія болящимъ. По преставленіи святаго Іулія замѣстителемъ его былъ благочестивый пресвитеръ Илія. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ скончался и Авдентій, медіоланскій епархъ, и былъ положенъ въ своемъ гробѣ, въ Медіоланѣ; но утромъ на другой же день онъ былъ найденъ лежащимъ внѣ своего гроба, не выброшенный кѣмъ-либо изъ него, но какъ бы вынесенный изъ него и бережно положенный. Тѣло его положили обратно въ тотъ же гробъ, но и во второй разъ онъ былъ найденъ лежащимъ внѣ гроба; то же произошло и въ третій разъ. Хотѣли положить его на другомъ мѣстѣ, но нигдѣ не находилось мѣста для его погребенія. Тогда домашніе вспомнили слова святаго Іулія, сказанныя Авдентію, что онъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не будетъ погребенъ, какъ только рядомъ съ тѣломъ его; и отвезли тѣло Авдентія на островъ Мукоросъ. Блаженный Илія съ крестами, кадилами и со свѣчами встрѣтилъ тѣло епарха и съ подобающими почестями предалъ его погребенію при гробѣ преподобнаго Іулія.

Такъ исполнилось пророчество святаго, во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

День двадцать второй

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЕВСЕВІЯ,
епископа Самосатскаго

Святый Евсевій былъ епископомъ города Самосаты[1]), находившагося подъ управленіемъ Антіохійскаго Патріарха. Онъ былъ мужемъ правовѣрнымъ, благочестивымъ, исполненнымъ ревности по Богѣ, постояннымъ и непоколебимымъ въ православномъ исповѣданіи въ то самое время, когда усилившаяся ересь Арія[2]) приносила большой вредъ и сильно смущаемая Церковь Божія колебалась, какъ корабль посреди моря въ бурю.

По смерти святаго великаго царя Константина[3]) въ Восточной половинѣ царства его вступилъ на престолъ сынъ его Констанцій[4]), который, какъ аріанинъ, сталъ во всемъ помогать аріанамъ и преслѣдовать ихъ выгоды. Поэтому въ его царствованіе православнымъ пришлось испытать большое гоненіе и

---

1) *Самосаты*—главный городъ сирійской провинціи Коммагены; былъ расположенъ на западномъ берегу рѣки Евфрата, нынѣ—Самсатъ.

2) *Арій* отрицалъ единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, почиталъ Іисуса Христа твореніемъ и не признавалъ за Нимъ божественнаго совершенства. Ересь Арія подверглась рѣшительному осужденію на Первомъ (325 г.) и Второмъ (381 г.) Вселенскихъ Соборахъ.

3) *Императоръ Константинъ* царствовалъ съ 306 г. по 337 г.

4) *Констанцій II-й* правилъ съ 337 г. по 361 г.

стѣсненіе отъ аріанъ, отъ которыхъ и святый Евсевій перенесъ немалыя страданія за свою ревность по православной вѣрѣ.

Ревность святаго Евсевія о Церкви Христовой стала извѣстна всѣмъ послѣ слѣдующаго событія.

Когда Евдоксій, Патріархъ Антіохійскій, аріанинъ, перешелъ изъ-за богатства на цареградскій престолъ[1]), тогда по этому случаю въ Антіохіи былъ собранъ Соборъ всѣхъ сирскихъ епископовъ для избранія Патріарха на мѣсто Евдоксія. Ввиду того, что не только между народомъ христіанскимъ, но и между епископами было мало православныхъ и многіе аріанствовали, слѣдуя за нечестивымъ царемъ, вѣроученіе вновь избраннаго Патріарха должно было имѣть большое значеніе для Православной Церкви. Объ этомъ и позаботился святый Евсевій, который на Соборѣ занималъ не послѣднее мѣсто между епископами-первосѣдателями. Зная хорошо епископа Севастійскаго, въ Арменіи, Мелетія[2]) какъ правовѣрующаго и твердо держащагося Символа Перваго Вселенскаго Никейскаго Собора, Евсевій всѣмъ совѣтовалъ, чтобы сего епископа избрали на патріаршество. Аріанствующіе, не зная православія Мелетія и думая, что онъ будетъ ихъ единомысленникомъ, охотно послушались совѣта Евсевія. Они составили общій относительно Мелетія приговоръ, подтвердили его своей подписью и отдали на храненіе святому Евсевію. Затѣмъ, когда получили царское согласіе на это избраніе, отъ лица епископовъ къ святому Мелетію было отправлено извѣстіе объ избраніи, и послѣдній былъ приведенъ въ Антіохію, гдѣ его встрѣтили съ великою радостію.

Святый Мелетій въ санѣ Патріарха сталъ учить свою паству прежде всего хорошей и добродѣтельной жизни: этимъ онъ старался сгладить для строптивыхъ сердецъ путь къ правовѣрію. Святый ожидалъ, что, исправивъ злые нравы, исторгнувши терніи и волчцы, онъ съ большимъ успѣхомъ можетъ разсѣять сѣмена Православія среди своей паствы. По прошествіи недолгаго времени народъ захотѣлъ удостовѣриться, какого исповѣданія держится ихъ новый Патріархъ, о чемъ и стали просить Патріарха. По этому случаю святый Мелетій произнесъ въ церкви проповѣдь

---

1) *Евдоксій* патріаршествовалъ въ Антіохіи съ 357 г. по 358 г.; въ Константинополѣ — съ 360 г. по 370 г.

2) Память *святаго Мелетія* совершается 12-го февраля.

къ народу, въ которой восхвалялъ православную вѣру, утвержденную на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Никеѣ, и исповѣдовалъ Сына соприсносущнымъ и соестественнымъ Отцу, не созданнымъ и Творцомъ всей твари. Послѣ такой всенародной проповѣди аріане пришли въ смущеніе и сильно разгнѣвались, а православные возрадовались, видя на апостольскомъ престолѣ такого православнаго архіерея. Съ яростію выгнали аріане Патріарха изъ церкви въ 30-ый день по вступленіи его на патріаршество и стали вездѣ хулить его, называя приверженцемъ еретика Савеллія[1]). Затѣмъ, по ихъ просьбѣ, Мелетій былъ осужденъ царемъ въ заточеніе и ночью изъ Антіохіи былъ отосланъ въ ссылку. На мѣсто его аріане избрали въ Антіохію Евзоя—аріанина.

Сщенномученикъ
Евсевій

Святый Евсевій самосатскій, видя, какое волненіе произвели еретики въ Антіохійской Церкви, видя также и незаслуженное поношеніе, какое оказали аріане новому архіепископу Мелетію, никому ничего не говоря, вышелъ изъ Антіохіи и отправился въ свой городъ. По отшествіи Мелетія, аріане вспомнили, что у Евсевія находится на храненіи подписанный руками епископовъ приговоръ объ избраніи Мелетія. Вспомнивъ это, они пришли въ немалое смущеніе, боясь того, какъ бы Евсевій на Соборѣ не сталъ обличать ихъ этимъ приговоромъ, что они сами своею волею избрали себѣ архіепископа и тотчасъ же изгнали его. Поэтому аріане стали просить царя, находившагося тогда въ Антіохіи, послать къ Евсевію съ просьбою возвратить ввѣренный ему приговоръ. Царь немедленно послалъ за при-

[1]) *Савеллій*, еретикъ III-го вѣка, утверждалъ, искажая православное ученіе о Святой Троицѣ, что Богъ имѣетъ Одно Лице: какъ Отецъ, Онъ присутствуетъ на Небѣ, какъ Сынъ—на землѣ и какъ Духъ Святый—въ твореніяхъ.

говоромъ гонца къ Евсевію. Посланный, прибывъ къ епископу, передалъ ему царское повелѣніе, на что святый Евсевій такъ отвѣчалъ:

— Я не отдамъ общій приговоръ, ввѣренный мнѣ, до тѣхъ поръ, пока всѣ, ввѣрившіе мнѣ этотъ приговоръ, не соберутся вмѣстѣ (на Соборъ).

Посланникъ возвратился ни съ чѣмъ, за что царь сильно разгнѣвался и снова послалъ его, написавъ строгое повелѣніе: если епископъ не пожелаетъ отдать приговоръ, отсѣчь ему правую руку. Послѣднее царь написалъ для устрашенія святаго, дѣлать же это онъ не осмѣлился приказать посланнику. Когда царскій гонецъ догналъ епископа и показалъ ему грозное посланіе, святый Евсевій, прочитавши его, тотчасъ протянулъ двѣ руки на отсѣченіе со словами:

— Не только одну правую руку, но и лѣвую отрубите; все-таки я не отдамъ приговора, обличающаго злобу и беззаконіе аріанъ.

Снова посланный возвратился безъ приговора и разсказалъ обо всемъ царю. Царь, услыхавъ отвѣтъ святаго епископа, очень удивился его безбоязненному мужеству и твердости, за что впослѣдствіи восхвалялъ Евсевія предъ многими.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ умеръ злочестивый царь Констанцій, послѣ котораго сталъ царствовать Юліанъ Отступникъ[1]). Этотъ царь сначала возвратилъ святаго Мелетія изъ заточенія на антіохійскій престолъ, но потомъ снова изгналъ его.

Въ царствованіе Юліана Церковь Христова испытала еще бо́льшее зло, чѣмъ въ царствованіе Констанція. Къ аріанской ереси, смущающей всѣхъ правовѣрныхъ во вселенной, присоединилось гоненіе отъ идолопоклонниковъ. Самъ царь явно отрекся Христа и сталъ открыто приносить жертвы идоламъ. На Церковь Христову и на христіанъ было воздвигнуто гоненіе, которое было направлено, главнымъ образомъ, противъ духовенства. Эти гоненія привели къ тому, что многія православныя церкви (въ это время) остались безъ своихъ служителей, святительскіе престолы—безъ архіереевъ, изъ которыхъ одни были умерщвлены, а другіе разогнаны или аріанами—въ царствованіе Констанція, или идолослужителями—въ царствованіе Юліана. Было до того тяжело,

---

1) *Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 г. по 363 г.

что если бы Господь не прекратилъ жизнь и царствованіе Юліана, то едва ли осталась бы въ цѣлости какая-либо церковь со своими служителями.

Въ такое лютое время святый Евсевій, утаивъ свой санъ святительскій, одѣлся въ воинскія одежды и въ такомъ видѣ сталъ обходить Сирію, Финикію и Палестину, утверждая христіанъ въ православной вѣрѣ. Гдѣ онъ находилъ церковь безъ служителей, тамъ онъ поставлялъ іереевъ и діаконовъ и прочихъ клириковъ и вездѣ поставлялъ епископами только тѣхъ, которые отвергали ересь Арія и мудрствовали православно. Вотъ какую ревность о Христѣ, каковъ трудъ, какое стараніе и попеченіе имѣлъ великій архіерей Божій Евсевій о Христовой Церкви въ это время!

Послѣ позорной смерти Юліана сталъ царствовать благочестивый и христолюбивый царь Іовіанъ[1]), при которомъ святый Мелетій былъ снова возвращенъ на свой престолъ. Въ это время святый Евсевій и прочіе православные архіереи стали съ дерзновеніемъ, не боясь язычниковъ, управлять своею паствою. По совѣту святаго Евсевія, Мелетій собралъ Помѣстный Соборъ въ Антіохіи, на которомъ было 27 епископовъ; между ними первымъ послѣ Мелетія былъ Евсевій. На этомъ Соборѣ былъ Пелагій, епископъ Лаодикійскій, о непорочной и святой жизни котораго разсказываютъ слѣдующее.

Въ юности своей Пелагій былъ убѣжденъ своими родителями вступить въ бракъ, но когда былъ введенъ въ чертогъ, то убѣдилъ свою невѣсту сохранить дѣвство въ чистотѣ. Такъ, подъ видомъ супружества онъ пребывалъ съ женой въ нетлѣнномъ дѣвствѣ, какъ братъ съ сестрой. Кромѣ сего, онъ отличался и многими другими добродѣтелями, ради которыхъ былъ почтенъ отъ Бога и отъ людей святительскимъ саномъ. Пелагій обнаруживалъ большую любовь къ святому Мелетію и святому Евсевію и былъ ихъ единомышленнымъ другомъ и вмѣстѣ съ ними поборникомъ по благочестію. На упомянутомъ выше Помѣстномъ Антіохійскомъ Соборѣ святые отцы повелѣли всѣмъ исповѣдовать и православно содержать единосущіе Сына со Отцемъ, а также и то вѣроученіе, которое было утверждено на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ. Къ этому опредѣленію присоединились аріане и приложили свои подписи, хотя сдѣлали это лицемѣрно, лишь

---

[1]) *Іовіанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 363 г. по 364 г.

на время, изъ угожденія царю православному, а главнымъ образомъ,—боясь православныхъ архіереевъ, святыхъ Мелетія, Евсевія и Пелагія, пользовавшихся отъ царя большимъ уваженіемъ. Благочестивый царь сильно любилъ сихъ столповъ церковныхъ за ихъ правовѣріе и святую жизнь и слушалъ ихъ во всемъ, почему они и были страшны еретикамъ, которые изъ боязни къ нимъ присоединялись къ Церкви.

По смерти недолго царствовавшаго благочестиваго царя Іовіана вступилъ на престолъ Валентъ[1]), и еретики снова возвратились къ своему зловѣрію, какъ псы на свои блевотины[2]), прежде всего совративъ царя въ аріанство чрезъ жену его аріанку Домнику. Православная Церковь снова стала терпѣть притѣсненія, и епископы ея подверглись изгнанію. Святый Мелетій былъ изгнанъ въ Арменію, святый Пелагій—въ Аравію, святый Евсевій былъ осужденъ въ заточеніе во Θракію.

Неправедный приказъ неправеднаго царя относительно изгнанія Евсевія былъ доставленъ въ Самосаты къ вечеру. Святый Евсевій, узнавъ о семъ, призвалъ къ себѣ царскаго посланнаго и сказалъ ему:

— Сегодня молчи и никому не говори о причинѣ твоего прихода, а то узнаетъ народъ и, возревновавъ, можетъ возмутиться и убить тебя; тогда я буду виновникомъ твоей смерти.

Сказавъ это, святый Евсевій совершилъ вечернюю молитву и ночью объявилъ тайну одному изъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Какъ только всѣ заснули, святитель вмѣстѣ съ своимъ слугой вышли изъ архіерейскаго дома; слуга несъ за епископомъ возглавіе и книгу. Когда путники пришли къ рѣкѣ Евфрату, текущей около городскихъ стѣнъ, они сѣли въ лодку, чтобы плыть на ней въ городъ Зевгму. Святитель тотчасъ же приказалъ гребцамъ грести, которые, потрудившись всю ночь, на другой день доставили путниковъ въ городъ Зевгму.

Самосатяне, узнавъ, что святый архіерей оставилъ ихъ, предались великому плачу и рыданіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали разспрашивать, не знаетъ ли кто, куда ушелъ святитель. Одинъ изъ жителей видѣлъ, какъ святитель сѣлъ въ лодку, и слышалъ, что святый повелѣлъ вести себя въ городъ Зевгму, о чемъ онъ и разсказалъ народу. Тотчасъ же многіе изъ жителей сѣли въ

1) *Императоръ Валентъ* правилъ съ 364 г. по 378 г.

2) Сравненіе взято изъ 2-го Посланія Апостола Петра (гл. 2, ст. 22).

лодки, спѣшно поплыли за святителемъ и догнали его въ Зевгмѣ. Ставъ предъ лицомъ святителя, они восплакали великимъ рыданіемъ, стараясь уговорить его, чтобы онъ возвратился въ ихъ городъ. Святитель отказался. Послѣ сего какихъ только они не творили предъ нимъ моленій, какихъ не говорили словъ, припадали къ ногамъ, орошали ихъ слезами, чтобы онъ только возвратился на свой престолъ. Святый Евсевій напомнилъ имъ слѣдующее апостольское слово:

— **Всѧка дꙋша властѣмъ предержа́щымъ да повинꙋетсѧ: нѣсть бо вла́сть а҃ще не ѿ бг҃а: сꙋщыѧ же вла́сти ѿ бг҃а оу҃чинены сꙋть. тѣмже противла́ѧйсѧ вла́сти, бж҃ію повелѣнію противла́етсѧ: противла́ющіисѧ же себѣ грѣхъ прі́емлютъ**[1]).

Приводя сіе апостольское слово, святый говорилъ:

— Мнѣ невозможно быть противникомъ царскаго повелѣнія, да и для васъ небезопасно противиться царской волѣ.

Послѣ сего поняли пришедшіе, что они не въ состояніи убѣдить святаго возвратиться обратно, и тогда стали давать ему въ дорогу одинъ—золото, другой—серебро, одежды, а иные—рабовъ—какъ отходящему въ дальнюю сторону. Изъ предлагаемаго святый Евсевій взялъ очень немногое. При прощаніи святый поучалъ ихъ держаться православной вѣры и апостольскихъ догматовъ, о всѣхъ помолился Богу и, благословивъ всѣхъ, отправился въ предлежащій путь, во Ѳракію, куда былъ осужденъ на изгнаніе.

Когда святый Евсевій находился въ Истрѣ, дошелъ слухъ, что во Ѳракію вторглись Готы и сильно ее опустошаютъ. Поэтому святый не пошелъ далѣе, но остался въ Истрѣ, гдѣ и пробылъ до смерти злочестиваго царя Валента. На мѣсто Евсевія въ Самосаты былъ назначенъ аріанами епископъ аріанинъ Евномій.

Когда Евномій вступалъ въ городъ Самосаты для управленія паствою, никто изъ жителей города—ни богатый, ни нищій, ни художникъ, ни земледѣлецъ, ни мужъ, ни жена, ни старый, ни молодой—не вышелъ къ нему навстрѣчу: весь городъ, будучи правовѣрнымъ, не желалъ почтить еретическаго епископа, ни принять отъ него благословенія, ни даже—видѣть его. Евномій царскою властію принялъ въ управленіе епископію и сталъ совершать службу въ соборной церкви. Народъ не сталъ ходить въ ту церковь, а также и въ домъ архіерейскій, не любя архі-

[1]) Посл. къ Римл., гл. 13, ст. 1—2.

ерея-еретика. Ввиду этого Евномій постоянно находился одинъ, исключая тѣхъ, которые съ нимъ пришли. О немъ разсказываютъ, что хотя онъ былъ и еретикъ вѣрою, однако нравомъ своимъ былъ добръ, кротокъ, тихъ, смиренъ и ко всѣмъ любезенъ. О добронравіи его разсказываютъ слѣдующее.

Однажды онъ вошелъ мыться въ общую баню, и слуги, по обычаю той страны, затворили за нимъ двери, чтобы не вошли другіе туда, гдѣ моется епископъ. Евномій, узнавъ, что многіе стоятъ у дверей, желая мыться, приказалъ слугамъ отворить двери и впустить всѣхъ, желающихъ мыться съ нимъ вмѣстѣ. Вошедшіе въ баню, увидя епископа, сидящаго въ теплой купели, не пожелали сѣсть и стояли предъ нимъ, оказывая ему этимъ почесть. Епископъ предлагалъ войти имъ въ ту же купель, гдѣ онъ находился, но пришедшіе отказались. Понялъ тогда епископъ, что пришедшіе изъ-за него стоятъ и не желаютъ мыться. Этимъ онъ сильно опечалился, вышелъ изъ купели и удалился изъ бани, не желая, чтобы его почитали. Оставшіеся въ банѣ тотчасъ вылили воду изъ купели, какъ оскверненную омовеніемъ еретика, и самую купель хорошо омыли, гнушаясь присутствія въ ней еретика, и уже затѣмъ, согрѣвъ новую воду, устроили себѣ купель. Узнавъ о семъ, Евномій окончательно убѣдился, что не можетъ привлечь къ себѣ народъ самосатскій, оставилъ епископію и удалился изъ города.

По удаленіи Евномія аріане поставили въ Самосаты отъ своего зловѣрія епископа Лукія, явнаго волка и врага Христовыхъ овецъ. Граждане города и сему епископу, какъ и первому (Евномію), не оказывали почести, и онъ жилъ въ общеніи только съ пришедшими съ нимъ, ибо никто изъ православныхъ не ходилъ къ епископу. Овцы же Христовы, хотя и были безъ своего пастыря (Евсевія), однако хорошо помнили его ученіе и непорочно соблюдали святую вѣру. Насколько православные гнушались еретическаго епископа можно видѣть изъ слѣдующаго случая:

Однажды много мальчиковъ на улицѣ (по дѣтскому обычаю) играли въ мячъ, перекидывая его отъ одного къ другому. Въ это время пришлось проѣзжать здѣсь епископу. Случайно мячъ упалъ подъ коней и колесницу епископа. Дѣти, видя это, громко стали кричать: «мячъ осквернился еретичествомъ, мячъ осквернился еретичествомъ...» Услыхавъ крики, епископъ оставилъ одного изъ своихъ слугъ узнать, что дѣлаютъ дѣти и ради чего

они такъ громко кричали. Дѣти развели огонь и чрезъ пламень стали перекидывать мячъ, думая этимъ огнемъ очистить мячъ отъ еретичества. Такъ не только взрослые люди, но и малые дѣти гнушались еретичества епископа, который былъ какъ **мѣрзость запустѣнія** на святомъ мѣстѣ [1]). Узнавъ объ этомъ, Лукій не послѣдовалъ кротости Евномія, но разгнѣвался и многихъ священныхъ лицъ сослалъ въ отдаленныя мѣста. Племянника Евсевія—блаженнаго Антіоха, достойнѣйшаго священника, богоугоднаго и богодухновеннаго, искуснаго въ книжной премудрости, сослалъ въ Арменію; извѣстнѣйшаго среди служителей Господнихъ діакона Еволкія прогналъ въ Оасимскую пустыню. Ввиду сего немалая печаль и скорбь постигли самосатскій городъ.

Послѣ страшной кончины злаго царя Валента сталъ царствовать благовѣрный царь Граціанъ [2]). Онъ тотчасъ же освободилъ всѣхъ архіереевъ и другихъ священныхъ лицъ, изгнанныхъ за православную вѣру, и повелѣлъ возвратить имъ прежніе престолы. Тогда возвратились: святый Мелетій—въ Антіохію, святый Пелагій—въ Лаодикію, святый Евсевій—въ Самосаты. Вмѣстѣ съ Евсевіемъ въ Самосаты возвратились и всѣ, изгнанные аріаниномъ Лукіемъ, а въ числѣ ихъ—священникъ Антіохъ изъ Арменіи и діаконъ Еволкій изъ Оасима. Для православныхъ это было великою радостію, для нечестивыхъ—великимъ стыдомъ. По возвращеніи на прежнее мѣсто Евсевій вмѣстѣ съ прочими епископами и въ особенности заодно со святымъ Мелетіемъ сталъ заботиться о церковномъ благоустроеніи. Прежде всего онъ постарался избрать на архіерейскіе престолы, бывшіе праздными по изверженіи епископовъ-аріанъ, мужей достойныхъ и твердыхъ въ Православіи. Посвящая въ архіерейскій санъ, святый поставилъ слѣдующихъ епископовъ: честна́го Акакія—въ Вирею, добродѣтельнаго Ѳеодота—во Іераполь, одноименнаго себѣ Евсевія—въ Халкиду, Исидора—въ Киръ, въ Едессу же, по преставленіи святаго архіерея Варсы, возвелъ на престолъ исповѣдника Евлогія. Съ богоугоднымъ епископомъ Маріномъ, избраннымъ въ аріанскій городъ Долихины, святый Евсевій пошелъ самъ (въ указанный городъ), гдѣ онъ хотѣлъ очистить церковь отъ ереси и посадить на престолъ вновь избраннаго православнаго архіерея. Когда Евсевій вошелъ въ этотъ городъ, одна женщина—аріанка бросила на него

[1]) Срав.: Кн. Прор. Дан., гл. **9**, ст. 27.

[2]) *Граціанъ* управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 375 г. по 383 г.

съ крыши горшокъ и разсѣкла святому голову. Отъ этой язвы святый Евсевій разболѣлся и преставился ко Господу. Умирая, онъ заклиналъ всѣхъ, съ нимъ бывшихъ, чтобы они изъ мести не сдѣлали какого-либо зла той женщинѣ, которая причинила ему болѣзнь. Въ этомъ случаѣ святый подражалъ своему Владыкѣ, Который молился за распинающихъ Его, говоря: «Ѻ҃че, ѿпⷭ҇ти и҆̀мъ: не вѣ́дятъ бо что̀ творя́тъ»[1]); а также и святому Стефану, молившемуся о побивающихъ его каменьями[2]).

Такъ мученически скончался[3]) великій угодникъ Божій Евсевій отъ аріанской руки, пострадавъ за Сына Божія, Отцу соприсносущнаго и соестественнаго. Святое тѣло его было возвращено въ городъ Самосаты, гдѣ и было честно погребено со слезами и рыданіемъ всего христіанскаго народа. На мѣсто Евсевія былъ возведенъ вышеупомянутый блаженный Антіохъ, сынъ сестры святаго Евсевія. Церковь Самосатская процвѣтала въ Православіи, благочестно славя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же и отъ насъ да будетъ честь, слава, благодареніе и поклоненіе, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ д҃:

Бл҃гоче́стнw бо сⷯ҇и́тельствѣ пожи́въ, и҆̀ мⷭ҇че́нїм пⷭ҇ть проше́дъ, і҆дwльскїѧ оу҆гаси́лъ є҆сѝ же́ртвы, сⷯ҇и́телю є҆все́вїе: но ꙗ̑кw и҆мѣ́й дерзнове́нїе ко хⷬ҇ту̀ бг҃у̀, моли́ спⷭ҇ти́сѧ дⷭ҇ша́мъ на́шымъ.

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 34.

2) Память святаго архидіакона Стефана совершается 27-го декабря.

3) Кончина святаго священномученика Евсевія послѣдовала ок. 380 г.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЗИНОНА и ЗИНЫ

Святый мученикъ Зинонъ происходилъ изъ Филадельфіи аравійской [1]), носившей въ древности названіе Емана. Зина былъ слугою его и горѣлъ желаніемъ принять страданія за вѣру во Христа. При игемонѣ Максиміанѣ, управлявшемъ областію въ царствованіе императора Максиміана, святый Зинонъ [2]) роздалъ все свое имущество бѣднымъ, а рабовъ отпустилъ на свободу. Услышавъ о томъ, какую великую честь игемонъ оказываетъ идоламъ, онъ пришелъ къ нему вмѣстѣ съ своимъ слугою, такъ какъ этого пожелалъ самъ Зина, который не хотѣлъ оставить своего господина и добровольно пошелъ съ нимъ. Святый Зинонъ явился къ игемону и когда увидѣлъ, что тотъ дѣйствительно очень заботится о почитаніи ложныхъ боговъ и самъ усердно предается служенію идоламъ, то обличилъ его. Тогда игемонъ немедленно же повелѣлъ бить святаго ремнями изъ воловьей кожи. Во время этого истязанія Зинонъ, протянувъ руку, ударилъ локтемъ въ стѣну идольскаго храма и этимъ разрушилъ и уничтожилъ его. За это его сперва повѣсили и безъ милосердія стали строгать тѣло его, при чемъ раны натирали уксусомъ и солью, а потомъ четырьмя клиньями забили въ колодку ноги его. На мѣсто мученія святаго Зинона пришелъ слуга его Зина и сталъ умолять своего господина не отталкивать и не покидать его. Узнавъ объ этомъ, игемонъ велѣлъ и Зинѣ забить въ колодку ноги. Когда же оба святые мученика были приведены къ игемону на допросъ и отказались отречься отъ Христа, то ихъ предали жестокому избіенію, причемъ святому Зинону обожгли, кромѣ того, раскаленными желѣзными прутьями грудь и ту часть ея, гдѣ находится сердце.

---

[1]) По объясненію преосвящ. Филарета *Филадельфіею аравійскою* называлась сѣверная часть Псрен, или Заіорданской страны въ Палестинѣ, и носившая названіе *Декаполя*.

[2]) По Мѣсяцеслову императора Василія и греческому синаксарю Зинонъ былъ воиномъ.

Послѣ этого святыхъ повѣсили на дерево, къ ногамъ ихъ привязали тяжелые камни и огнемъ сожгли имъ мышцы, а затѣмъ бросили въ яму съ огнемъ и стали лить на огонь масло, но такъ какъ святые мученики чудеснымъ образомъ остались невредимыми и даже неопаленными огнемъ, то имъ, наконецъ, отсѣкли мечомъ головы[1]). Память ихъ совершается въ церкви святаго Георгія въ Кипариссіи[2]).

Въ тотъ же день **память святаго мученика Галактіона,** потопленнаго въ морѣ, **и Іуліаніи,** вмѣстѣ со своимъ сыномъ Сатурниномъ сожженной.

---

[1]) Святые мученики скончались въ 304 году въ царствованіе Максиміана Геркула, соправителя Діоклетіана съ 286 г. до 305 г.

[2]) *Кипариссій,* или *Кипариссъ,*—мѣстность въ Константинополѣ.

День двадцать третій

ПАМЯТЬ

СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

АГРИПИНЫ

Святая дѣва Агрипина родилась и получила воспитаніе въ Древнемъ Римѣ. Съ малыхъ лѣтъ она отдала себя Богу и была, по Апостолу, хр҃то́во бл҃гоу́хан҃іе во сп҃са́емыхъ [1]). Какъ ароматное яблоко или какъ благоуханный цвѣтокъ, она своимъ цѣломудреннымъ и добродѣтельнымъ житіемъ приносила вѣрнымъ сердцамъ сладость и благоуханіе, чѣмъ и отгоняла смрадъ страстей. Она украсила свою душу дѣвственной чистотой и обручилась со Христомъ, за Котораго въ царствованіе Валеріана [2]) дерзновенно и мужественно, не убоявшись мученій, предала себя многимъ ранамъ изъ-за любви къ своему Жениху Христу. Тѣло ея было избито палками такъ сильно, что были перебиты кости, послѣ чего ее обнажили и заключили въ оковы. Но Ангелъ Господень невидимою рукою разрѣшилъ отъ узъ и подкрѣпилъ ее, и она, поправъ всякое нечестіе, въ мукахъ предала Богу духъ свой [3]). Рабыни Христовы Васса, Павла и Агаѳоника тайно взяли тѣло святой мученицы и вышли съ нимъ изъ Рима. Переходя съ мѣста на мѣсто, совершивъ долгое плаваніе, они приплыли въ сицилій-

---

[1]) 2 Посл. къ Корине., гл. 2, ст. 15.

[2]) *Императоръ Валеріанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 253 г. по 259 г.

[3]) Кончина святой мученицы Агрипины послѣдовала въ серединѣ III-го вѣка.

скую область, гдѣ тайно похоронили святое тѣло. Какъ только Сицилія сподобилась принять честныя мощи святой мученицы, тогда же она избавилась отъ мрачной бѣсовской злобы и стала имѣть защиту отъ агарянъ въ молитвахъ святой Агрипины. Такъ, когда агаряне приступили къ тому городу, гдѣ находилась церковь святой мученицы, и осмѣлились завоевать его, они тогда же были преданы всеконечной погибели.

Отъ честнàго гроба мученицы всѣ больные и прокаженные, приходящіе съ вѣрою, получали исцѣленіе отъ всякихъ недуговъ молитвами святой мученицы, благодатію Христа, Бога нашего. Аминь.

Кондáкъ, глáсъ д̃:

Свѣ́тлыхъ пⷭ́двигъ твои́хъ свѣтоно́сный наста́ дéнь, ко́ньже почита́ющи сѝхъ бж̃е́ственнаѧ цр̃ковь, всѧ̑ созыва́етъ вéселѡ копи́ти тебѣ̀: ра́дꙋйсѧ, дѣ́во и̑ мч̃нце, а̑грꙋпі́но всечⷭ́тна́ѧ.

ПОВѢСТЬ о ПОКАЯНІИ

ѲЕОФИЛА

Незадолго до нашествія Персовъ[1]) на греческія владѣнія во второй киликійской епархіи, въ городѣ Аданѣ[2]), жилъ экономъ святой соборной каѳедральной церкви этого города, по имени Ѳеофилъ. Жилъ онъ добродѣтельно и свято, справедливо и разумно распоряжаясь церковнымъ имуществомъ, праведно и согласно съ волей Божьей управляя дѣлами. Для архіерея онъ былъ окомъ, присматривающимъ за всѣмъ, и правой рукой, исполняющей всѣ дѣла и повелѣнія. Онъ былъ очень любимъ своимъ епископомъ, да и не только епископомъ, но и всѣмъ церковнымъ причтомъ и всѣми жителями города за свои добродѣтели, ибо онъ былъ отцомъ сиротъ, кормильцемъ вдовъ, щедрымъ прибѣжищемъ нищихъ, заступникомъ обижаемыхъ, помощникомъ безпомощныхъ; однимъ сло-

---

1) Въ началѣ VII вѣка при царѣ Хозроѣ.

2) *Адана*—незначительный городъ Киликіи, греческой области въ Малой Азіи.

вомъ, не было человѣка, котораго бы онъ не утѣшилъ въ печали словомъ и дѣломъ. За это всѣ почитали Ѳеофила, какъ отца, любили, какъ благодѣтеля, и превозносили похвалами.

Когда же Божьимъ изволеніемъ преставился отъ временной жизни епископъ Аданы, то всѣ благочестивые жители этого города всякаго чина, отъ большого и до самаго малаго, движимые истинною христіанскою любовью къ Ѳеофилу за его многія благодѣянія и знакомые также съ его чистою и непорочною жизнью, единодушно избрали его себѣ въ епископа. Затѣмъ они послали нѣсколько особенно почитаемыхъ гражданъ къ Киликійскому митрополиту съ письменнымъ извѣщеніемъ объ этомъ. Прочтя письмо, митрополитъ согласился утвердить ихъ избраніе: Ѳеофилъ былъ и ему самому извѣстенъ за человѣка добродѣтельнаго и богоугоднаго, способнаго къ управленію епархіею, искуснаго и опытнаго во всемъ. Онъ тотчасъ же велѣлъ призвать его къ себѣ для поставленія во епископа Аданской Церкви.

Стаа мчнца
аГРѸПІНа

Но Ѳеофилъ, узнавъ о рѣшеніи митрополита, не захотѣлъ отправиться къ нему, упорно отказываясь отъ принятія епископскаго сана. Граждане и весь причтъ долго со слезами просили и умоляли его стать ихъ епископомъ, но безуспѣшно. Тогда они снова отправили къ митрополиту прошеніе, чтобы онъ поставилъ имъ во епископа Ѳеофила, хотя бы и противъ воли послѣдняго.

Призвавъ его, наконецъ, къ себѣ насильно, своимъ властнымъ повелѣніемъ, митрополитъ съ радостью и любовью принялъ его и хотѣлъ тотчасъ же рукоположить во епископа. Но Ѳеофилъ упалъ ницъ къ его ногамъ и со слезами началъ молить не налагать на него такого бремени.

— Я знаю мои грѣхи!—восклицалъ онъ.—Я недостоинъ епископскаго сана.

Послѣ того, какъ онъ долго пролежалъ такимъ образомъ у ногъ митрополита, плача и моля избавить его, святитель далъ ему три дня срока на размышленіе, чтобы, разсмотрѣвъ обстоятельства, онъ согласился принять епископскій санъ и не пренебрегъ моленіемъ столькихъ людей, усердно желавшихъ имѣть его своимъ пастыремъ.

По прошествіи трехъ дней митрополитъ снова призвалъ Ѳеофила и началъ увѣщевать и молить его не отказываться отъ святительскаго сана; при этомъ онъ хвалилъ чистоту его жизни и искусство въ управленіи и называлъ его достойнымъ этого сана. Но Ѳеофилъ опять упалъ къ его ногамъ и, проливая обильныя слезы, продолжалъ восклицать:

— Недостоинъ я святительства!

Видя, что онъ остается непреклоннымъ, упорно отказывается и не поддается ни повелѣніямъ, ни мольбамъ, митрополитъ предоставилъ его, наконецъ, собственной волѣ. Поставивъ во епископа другого, котораго также считалъ достойнымъ, онъ послалъ его въ Адану, поручивъ ему Ѳеофила, чтобы тотъ по-прежнему отправлялъ свою экономскую службу.

Послѣ того, какъ новый епископъ пробылъ нѣкоторое время на своемъ престолѣ, Ѳеофилъ же продолжалъ свою обычную службу,— какіе-то враги, движимые сатанинской завистью, начали наговаривать епископу на экономa, тайно клевеща на него и обвиняя его во многихъ неподобающихъ поступкахъ.

Сначала епископъ не внималъ ихъ клеветамъ и не давалъ имъ вѣры, зная своего экономa за человѣка во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельнаго и безупречнаго. Но такъ какъ тѣ не переставали клеветать изъ зависти, чуть ли не ежедневно взводя на Ѳеофила разныя унизительныя обвиненія, то мало-помалу епископъ началъ склоняться къ ихъ словамъ, выслушивать ихъ клеветы и довѣрять имъ.

Спустя нѣкоторое время онъ отставилъ Ѳеофила отъ экономской службы —такъ, чтобы тотъ болѣе ничѣмъ не управлялъ ни въ архіерейскомъ домѣ, ни въ церковномъ имуществѣ, но чтобы жилъ у себя дома, тихо и безмолвно, отдыхая отъ трудовъ; экономская же служба была поручена другому.

Освободившись отъ попеченій и житейской суеты, Ѳеофилъ началъ пребывать въ служеніи Единому Богу. Но, не терпя вида богоугодной и безпечальной жизни Ѳеофила, ненавистникъ рода

человѣческаго, діаволъ, вооружился противъ него всѣми своими коварствами и началъ смущать его то собственными помыслами, то посредствомъ другихъ людей, тихо нашептывая ему:

«Обезчестилъ тебя епископъ, не помня великихъ трудовъ твоихъ; унизилъ онъ тебя, предпочтя тебѣ худшаго, неискуснаго, недостойнаго; отдалъ онъ тебя на посмѣяніе и поруганіе людямъ».

И сталъ Ѳеофилъ, сначала понемногу, внимать этимъ бѣсовскимъ навѣтамъ и помышленіямъ, а потомъ началъ все больше и больше разсуждать объ этомъ самъ съ собою или съ друзьями и горько сѣтовать. Наконецъ, коварство врага довело его до того, что, забывъ обычное ему упованіе на Бога, онъ началъ изнемогать въ малодушіи и печали и пришелъ въ отчаяніе. Ему казалось, что всѣ надъ нимъ смѣются и насмѣхаются, что уже никто больше не уважаетъ его; онъ сталъ стыдиться выходить изъ дому въ люди. Въ его сердцѣ разгорѣлось неодолимое желаніе прежней власти и управленія церковнымъ имуществомъ; день и ночь думалъ онъ объ этомъ, смущалъ себя помыслами и размышлялъ, какимъ бы способомъ вернуть свое прежнее положеніе, чтобы враги не радовались больше его униженію.

За такое желаніе и другія неугодныя Богу мысли отступила отъ сердца его благодать Божія, безъ которой онъ пришелъ, наконецъ, въ крайнее отчаяніе и началъ искать помощи въ волшебствѣ и въ бѣсахъ. Не захотѣвшій сначала принять епископскаго сана, онъ сталъ теперь стремиться къ гораздо меньшей власти. Такъ попустилъ ему Богъ за то, что онъ воспринялъ въ сердце злыя помышленія и сатанинскій совѣтъ.

Въ томъ городѣ жилъ нѣкій Еврей, сынъ погибели, знаменитый волхвъ, чародѣй и обманщикъ. Онъ былъ настоящимъ служителемъ діавола и многихъ вводилъ въ погибель. Ѳеофилъ ночью отправился къ этому волхву и, придя къ его дому, сталъ стучать въ ворота. Волхвъ вышелъ посмотрѣть, кто стучитъ, и, увидавъ Ѳеофила, пришелъ въ ужасъ. Удивленный (такъ какъ онъ зналъ его), онъ попросилъ его войти въ домъ и, когда Ѳеофилъ вошелъ, спросилъ его:

— По какой причинѣ, господинъ мой, взялъ ты на себя трудъ — ночью прійти ко мнѣ, худому и недостойному?

Ѳеофилъ же въ отвѣтъ бросился къ его ногамъ и, умоляя его, сказалъ:

— Если можешь помочь, то помоги мнѣ и не отвергни меня въ моей великой печали.

Затѣмъ онъ подробно разсказалъ все волхву: какъ опечалилъ его епископъ, отнявъ у него управленіе, какъ отдалъ его на поруганіе людямъ, предпочтя ему худшаго, а его отставивъ отъ службы; онъ обѣщалъ волхву богатую награду, если тотъ ему поможетъ и возвратитъ прежній почетъ. Тогда богоненавистный еврейскій волхвъ отвѣтилъ ему:

— Не сѣтуй объ этомъ, господинъ мой, но радостно и съ благой надеждой возвратись домой; въ слѣдующую же ночь прійди ко мнѣ въ этотъ часъ, и я отведу тебя къ моему повелителю, а тотъ уже во всемъ тебѣ поможетъ.

Услыхавъ отъ волхва этотъ отвѣтъ, окаянный (въ это время) Ѳеофилъ сильно обрадовался и возвратился къ себѣ полный гибельной надежды.

Прошелъ день, и снова наступила ночь. Въ полночь, по повелѣнію волхва, Ѳеофилъ явился къ нему. Волхвъ отвелъ его на ипподромъ — мѣсто, гдѣ происходили конскія состязанія,—и сказалъ ему:

— Если увидишь какое-нибудь видѣніе или услышишь какой-нибудь голосъ, то не пугайся и не осѣняй себя крестнымъ знаменіемъ; крестъ ни въ чемъ не помогаетъ людямъ: это достойный смѣха христіанскій обманъ.

Ѳеофилъ во всемъ согласился съ нимъ и обѣщалъ не ограждаться крестомъ; тогда волхвъ тотчасъ же показалъ ему въ видѣніи множество разныхъ необыкновенныхъ лицъ, украшенныхъ различными свѣтлыми одеждами и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Это были бѣсы; они выкрикивали похвалы своему князю, сатанѣ; князь же тьмы сидѣлъ посреди ихъ въ гордости и призрачной славѣ. Тогда окаянный еврейскій волхвъ взялъ Ѳеофила за руку, ввелъ его въ это гибельное собраніе и приблизился съ нимъ къ князю.

— Зачѣмъ ты привелъ сюда къ намъ этого человѣка? — спросилъ волхва князь тьмы.

— Господинъ мой,—отвѣтилъ богоненавистный Еврей,—я привелъ его къ тебѣ потому, что онъ, сильно оскорбленный своимъ епископомъ, проситъ у тебя помощи.

— Какъ могу я помочь тому, кто рабъ своего Бога? Если онъ на самомъ дѣлѣ хочетъ стать моимъ рабомъ и войти въ число моихъ слугъ, то я такъ помогу ему, что онъ получитъ бо̀льшую власть и честь, чѣмъ какія имѣлъ раньше, и будетъ могущественнѣе самого епископа.

— Слышишь ли, что говоритъ князь? — спросилъ тогда волхвъ Ѳеофила.

— Слышу, — отвѣтилъ тотъ, — и исполню все, что онъ мнѣ прикажетъ.

Сказавъ эти слова, онъ тотчасъ же, павши, поклонился сатанѣ и сталъ цѣловать его ноги.

— Пусть отречется этотъ человѣкъ отъ такъ называемаго Сына Маріи, — сказалъ діаволъ волхву, — пусть отречется также и отъ Нея Самой, такъ какъ я сильно ненавижу ихъ обоихъ. Отреченіе же пусть напишетъ собственноручно и подастъ мнѣ. Послѣ этого пусть онъ проситъ у меня, чего хочетъ, и получитъ просимое.

Выслушавъ это, Ѳеофилъ отвѣтилъ ему:

— Я исполню все, что прикажешь, господинъ мой, только бы получить желаемое.

При этихъ словахъ коварный врагъ рода человѣческаго, діаволъ, простеръ къ нему свои бѣсовскія руки и, обнявъ Ѳеофила, сталъ гладить его по бородѣ и цѣловать, прикладывая къ его устамъ свои нечистыя уста.

— Радуйся, мой искренній и вѣрный другъ, — сказалъ онъ ему.

И окаянный Ѳеофилъ, утверждая свою дружбу съ діаволомъ, отрекся отъ Христа, Спасителя нашего, и отъ Пречистой Богоматери; написавъ свое отреченіе на хартіи [1]), заранѣе приготовленной волхвомъ, и запечатавъ, онъ вручилъ ее князю тьмы. Послѣ этого они дружески обнялись, поцѣловались и разошлись: князь тьмы со своими слугами сталъ невидимъ и удалился въ свое мѣсто, въ адъ; а Ѳеофилъ съ Евреемъ возвратились съ ипподрома, оба радуясь своей погибели.

На слѣдующее утро, по Божью смотрѣнію, какъ кажется, а не по старанію діавола, епископъ, проснувшись, раскаялся, что отставилъ Ѳеофила отъ экономской службы.Ославъ людей, чтобы снова призвать его къ себѣ, въ архіерейскій домъ, онъ съ большими почестями возвелъ его въ прежнюю должность, воздалъ ему двойную честь и вручилъ еще бо́льшую власть надъ церковнымъ имуществомъ и надъ всѣми дѣлами. Сверхъ того, епископъ въ присутствіи причта и гражданъ испросилъ у Ѳеофила прощеніе.

— Прости меня, братъ, — сказалъ онъ, — прости, я согрѣшилъ

1) Когда еще не было извѣстно приготовленіе бумаги, люди писали на особо выдѣланной кожѣ или на листахъ египетскаго тростника, называвшагося папирусомъ. Рукописи на такихъ кожаныхъ или тростниковыхъ листахъ назывались хартіями.

передъ тобою, обезчестивъ твою святыню, когда поставилъ на твое мѣсто человѣка недостойнаго. Теперь я отставляю его, тебя же молю снова принять экономское управленіе.

Съ этого часа Ѳеофилъ началъ жить въ своей прежней чести и власти, почитаемый выше всѣхъ и завѣдуя всѣми экономскими дѣлами. Не только причтъ и граждане воздавали ему великія почести и со страхомъ повиновались, но и самъ епископъ возымѣлъ къ нему уваженіе, а прежніе враги со стыдомъ замолчали и начали смиренно искать его милостей.

Въ это время нечестивый и хитрый волхвъ часто навѣщалъ Ѳеофила.

— Видишь ли, господинъ мой,—говорилъ онъ,—какъ я и мой князь помогли тебѣ по твоему желанію и какъ скоро ты получилъ отъ насъ помощь.

— Воистину получилъ,— отвѣчалъ Ѳеофилъ,—и очень благодарю васъ.

Проживъ недолгое время въ такомъ богоотступничествѣ, Ѳеофилъ началъ какъ бы пробуждаться отъ сна и приходить въ себя, сознавая свою погибель. Создатель и Искупитель нашъ, Христосъ Богъ, не хотящій смерти грѣшныхъ, но милостиво ожидающій ихъ покаянія [1]), вспомянулъ прежнюю добродѣтельную жизнь и труды Ѳеофила, его многочисленныя дѣла милосердія, заботы о нищихъ и вдовицахъ, воспитаніе сиротъ, защиту обижаемыхъ, помощь всѣмъ, требовавшимъ помощи и все множество его благодѣяній. Не презирая Своего созданія по Своей неизреченной благости, Господь явилъ на немъ Свое милосердіе, ибо нѣтъ грѣха, побѣждающаго Его человѣколюбіе: тайнымъ и божественнымъ Своимъ внушеніемъ Онъ вложилъ въ сердце Ѳеофила мысль о покаяніи и обращеніи.

Придя въ чувство, Ѳеофилъ началъ размышлять, какое великое и ужасное совершилъ онъ злодѣяніе, отрекшись отъ Христа Бога и Пречистой Богоматери ради временной и ничтожной человѣческой чести. Онъ началъ страдать въ душѣ, мысленно скорбѣть и каяться, тяжко вздыхая изъ глубины сердечной, ударяя себя въ грудь, горько плача и рыдая.

Тѣмъ временемъ еврейскій волхвъ былъ схваченъ правителемъ той страны, осужденъ законнымъ судомъ на смерть за свои много-

---

1) Ср.: Кн. Пр. Іезек., гл. 18, ст. 21—23.

численныя чародѣйства и злодѣянія и получилъ достойную по дѣламъ своимъ казнь: его сожгли живымъ.

Ѳеофилъ же день и ночь плакалъ и рыдалъ, сокрушаясь сердцемъ, не принимая ни пищи, ни питія и не желая ни съ кѣмъ бесѣдовать. Затворившись наединѣ, онъ сѣтовалъ и скорбѣлъ.

— Горе мнѣ, окаянному! Горе мнѣ, погибшему!—восклицалъ онъ.—Что я сдѣлалъ? Въ какую низвергся погибель? Куда теперь пойду, чтобы получить спасеніе? Къ кому прибѣгну, чтобы получить помилованіе? Ко Христу ли Богу? Но я отрекся отъ Него. Къ Богородицѣ ли? Но я отъ Нея отказался. Я сдѣлался рабомъ діавола и подписью скрѣпилъ свое рабство. Кто можетъ вырвать изъ рукъ его мое рукописаніе? Кто поможетъ мнѣ и избавитъ меня отъ его власти? Какая нужда была мнѣ пойти къ этому скверному и богомерзкому волхву, ввѣриться ему и вмѣстѣ съ нимъ предать себя вѣчному огню? Какую пользу получилъ я отъ этой временной чести? Что такое гордость и благоденствіе этого суетнаго міра? Горе мнѣ! Погибъ я, окаянный! Горе мнѣ! Я заблудился и попалъ въ сѣть, отъ которой не знаю какъ смогу избавиться! Горе мнѣ! Я лишилъ себя вѣчнаго свѣта и пребываю во тьмѣ! Не лучше ли мнѣ было, когда меня отставили отъ экономской службы? Не лучше ли мнѣ было, когда я жилъ безпечально и безмолвно? Зачѣмъ я захотѣлъ погрузить мою бѣдную душу въ геенну ради временнаго и суетнаго людского почитанія и тщетной славы? Самъ я виновникъ своей погибели! Самъ я убилъ себя, самъ я предатель моей окаянной души! Горе мнѣ! Что̀ я потерялъ! Горе мнѣ! Какъ я обманулся! Горе мнѣ! Что теперь дѣлать? Горе мнѣ! Что отвѣчу я Богу въ день Суда, когда все станетъ явнымъ и очевиднымъ, когда праведные будутъ увѣнчаны, я же, окаянный, буду осужденъ вмѣстѣ съ сатаной, которому предался! Кого умолю я тогда помочь мнѣ? Кто̀ тогда помилуетъ меня? Воистину никто! Горе моей окаянной и несчастной душѣ! Какъ отдалась ты адскому плѣну! Какъ ты себя погубила! Какимъ ужаснымъ упала паденіемъ! Въ какія волны погрузила себя! Къ какому теперь прибѣгнешь пристанищу? Или къ какому устремишься прибѣжищу? Горе мнѣ, душа! Горе мнѣ! Какое бѣдствіе стряслось надъ тобой!

Долго рыдая и въ отчаяніи терзая свою душу скорбью и печалью, Ѳеофилъ началъ понемногу отдаваться надеждѣ на Божье милосердіе.

«Я отрекся отъ Господа моего Іисуса Христа, рожденнаго отъ Пречистой Дѣвы Маріи,—говорилъ онъ себѣ,—и не смѣю прибѣгнуть къ Нему. Но, хотя я отрекся также и отъ родившей Его Богоматери, однако обращусь къ Ней, всей душой и всѣмъ сердцемъ припаду къ Ея милосердію. Пойду въ святой храмъ Пречистой Богородицы, паду передъ Ея иконой, пребуду тамъ въ молитвѣ къ Ней, пока не умилостивлю Ее и не сподоблюсь Ея заступленіемъ Божьяго милосердія.»

«Но какими устами начну я молиться къ Ней,—продолжалъ онъ,—отвергшись отъ Нея моими скверными устами? Какъ начну мою исповѣдь? Какимъ сердцемъ, какою совѣстію и какою надеждою подвигну я на молитву мой нечестивый языкъ? Не знаю. Какъ стану просить прощенія моимъ безмѣрнымъ грѣхамъ? Боюсь, какъ бы сошедшій съ неба огонь не попалилъ меня, окаяннаго, или земля, разступившись, не поглотила меня живымъ и не низвергла въ адскую бездну. Но не отчаявайся до конца, душа моя, а воспрянь и постарайся избавиться отъ одержащаго тебя зла, притеки къ Матери Христовой и не посрамишься.»

Въ одномъ уединенномъ мѣстѣ города стояла маленькая церковь во имя Пречистой Богородицы, въ которой служба отправлялась только по праздникамъ. Въ этой-то церкви и захотѣлъ Ѳеофилъ затвориться для молитвы, предварительно освободившись отъ всѣхъ дѣлъ экономскихъ и отложивъ всѣ препятствія и житейскія попеченія. Затворившись въ этой церкви и павши передъ честно́й иконой Пречистой Богоматери, онъ началъ молиться къ Ней, горько плача и рыдая. Никто не зналъ обо всемъ этомъ, кромѣ его вѣрнаго слуги Евтихіана, который и описалъ жизнь Ѳеофила.

Сорокъ дней и сорокъ ночей пробылъ Ѳеофилъ въ церкви, постясь, исповѣдуясь, каясь, день и ночь непрестанно молясь и припадая къ иконѣ Пресвятой Богородицы. По истеченіи же сорока дней, когда онъ въ полночь молился, явилась Преблагословенная Матерь Господа нашего, истинное спасеніе всего міра, прибѣжище рода человѣческаго и наша единственная надежда послѣ Бога.

— О человѣкъ!—сказала Она ему.—Зачѣмъ ты такъ безстыдно докучаешь мнѣ, вопія и моля помочь тебѣ? Вѣдь ты самъ отрекся отъ Сына Моего и отъ Меня! Какъ буду Я молить за тебя Моего Сына и Бога, чтобы Онъ простилъ тебя, раба діавола, от-

давшагося ему своимъ рукописаніемъ? Какими очами воззрю Я на пресвѣтлое чело Господне, когда захочу молиться за тебя? Даже и Я не могу терпѣть безчестія, наносимаго Моему Сыну и Богу. Я могу простить тебѣ, о человѣкъ, въ чемъ ты согрѣшилъ предо Мною, потому что Я весьма люблю родъ христіанскій, особенно же тѣхъ, кто съ правою вѣрой и теплой любовью притекаетъ ко Мнѣ и молится въ храмѣ Моемъ: тѣмъ Я всячески помогаю, принимаю въ Мои объятія и слушаю ихъ молитвы. Но оскорбленій и досадъ, причиняемыхъ вами Моему Сыну, Котораго вы вторично распинаете вашими грѣхами, этого Я не могу ни видѣть, ни слышать. Много нужно вамъ трудовъ, подвиговъ и сердечнаго сокрушенія, чтобы умолить Его милосердіе. Хотя Онъ и очень милосердый, но въ то же время и праведный Судія, и грозный мститель, воздающій каждому по дѣламъ его.

Обрадованный видѣніемъ Богородицы, Ѳеофилъ немного ободрился.

— О Владычица моя Преблагословенная!—воскликнулъ онъ,— Защитница рода человѣческаго, прибѣжище и спасеніе притекающихъ къ Тебѣ! Знаю, воистину знаю, сколь жестоко я согрѣшилъ и прогнѣвалъ Тебя и рожденнаго Тобою Бога. Но вижу много примѣровъ людей, до меня прогнѣвавшихъ Сына Твоего и Бога нашего, которымъ было даровано прощеніе грѣховъ ради ихъ покаянія и исповѣди. Если бы не было покаянія, то какъ бы Сынъ Твой пощадилъ ниневитянъ?[1]) Если бы не было покаянія, то какъ бы Онъ сохранилъ блудницу Раавъ?[2]) Если бы не было покаянія, то какъ бы не только получилъ прощеніе, но и снова воспринялъ даръ пророческій Давидъ, впавшій въ прелюбодѣяніе и убійство[3]) уже послѣ полученія дара? Если бы не было покаянія, то какъ бы послѣ своего великаго паденія не только получилъ прощеніе, но и сподобился высочайшей чести — быть поставленнымъ въ пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ[4])—святый верховный Апостолъ Петръ, столпъ Церкви, принявшій отъ Бога ключи Царствія Небеснаго[5]), когда онъ не однажды и не дважды, но трижды отрекся отъ Господа и затѣмъ началъ горько пла-

---

1) Кн. Прор. Іон., гл. 2—3.
2) Кн. Іис. Нав., гл. 6, ст. 24.
3) 2 Кн. Царствъ, гл. 11.
4) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 15—17.
5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 19.

кать[1]). Если бы не было покаянія, то какъ бы Господь сдѣлалъ Евангелистомъ грабителя—мытаря?[2]) Если бы не было покаянія, то какъ бы святый Павелъ изъ гонителя сталъ избраннымъ сосудомъ Христовымъ?[3]) Если бы не было покаянія, то какъ бы принялъ Господь Закхея[4]), старшину мытарей? Если бы не было покаянія, то какъ бы сталъ снова дорогъ отцу возвратившійся блудный сынъ?[5]) Если бы не было покаянія, то какъ бы получила прощеніе своимъ многимъ грѣхамъ плакавшая у ногъ Христовыхъ блудница?[6]) Если бы не было покаянія, то какъ бы открылся рай разбойнику?[7]) Если бы не было покаянія, то какъ бы велѣлъ Апостолъ принять коринѳскаго грѣшника?[8]) Если бы не было покаянія, то какъ бы могъ не только получить прощеніе своимъ великимъ злодѣяніямъ, но и сподобиться мученическаго вѣнца волхвъ Кипріанъ[9]), весь уподобившійся діаволу, разсѣкавшій утробы беременныхъ женщинъ ради своего волхвованія и затѣмъ обращенный ко Христу праведной Юстиной? Имѣя столько великихъ примѣровъ покаянія и взирая на безмѣрное милосердіе Божіе, покрывшее ихъ, дерзнулъ и я, грѣшный, прибѣгнуть съ покаяніемъ къ Твоему милосердію, всемилостивая Владычица: подай мнѣ руку помощи и испроси у Сына Твоего и Бога нашего прощеніе моимъ тяжкимъ грѣхамъ.

Когда Ѳеофилъ произнесъ эти слова, Пречистая Дѣва Богородица, истинное прибѣжище грѣшныхъ, надежда отчаявающихся и скорая помощь молящихся къ Ней, сказала ему:

— Исповѣдуй, о человѣкъ, что рожденный Мною Сынъ Мой, Котораго ты отрекся, воистину Христосъ Сынъ Бога Живаго, имѣющій придти судить живыхъ и мертвыхъ, и тогда Я умолю Его о тебѣ, и Онъ приметъ твое покаяніе.

— О Преблагословенная Владычица,—отвѣтилъ Ѳеофилъ,—какъ дерзну я, недостойный и окаянный, раскрыть мои скверныя и нечистыя уста, которыми я, ради малой и суетной чести, отрекся отъ Сына Твоего и Бога моего, и отъ святаго Креста Его, защит-

---

1) Еванг. отъ Лук., гл. **22**, ст. 56—62.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. **9**, ст. 9.
3) Дѣян., гл. **9**, ст. 1—20.
4) Еванг. отъ Лук., гл. **19**, ст. 1—10.
5) Еванг. отъ Лук., гл. **15**, ст. 11—32.
6) Еванг. отъ Лук., гл. **7**, ст. 36—50.
7) Еванг. отъ Лук., гл. **23**, ст. 39—43.
8) 1 Посл. къ Кор., гл. **5**; 2 Посл. къ Кор., гл. **2**, ст. 1—8.
9) Память его—2 октября.

ника души моей, и отъ Святаго Крещенія и скрѣпилъ отреченіе отданнымъ діаволу моимъ рукописаніемъ.

— Ты ужъ только исповѣдай,—сказала ему Пречистая Богородица,—и не сомнѣвайся въ его милосердіи; Онъ—человѣколюбивъ и милосердъ и принимаетъ слезы истинно кающихся: для спасенія рода человѣческаго Онъ благоволилъ воплотиться отъ Меня и, будучи Богомъ, сталъ человѣкомъ.

Тогда Ѳеофилъ со страхомъ и со стыдомъ, со смиреніемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ раскрылъ уста и громко произнесъ:

— Вѣрую, исповѣдую и славлю единаго отъ Троицы, Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, прежде вѣкъ нескаванно рожденнаго отъ Отца, въ концѣ же лѣтъ сшедшаго съ небесъ и воплотившагося ради спасенія нашего отъ Духа Святаго и отъ Тебя, Пресвятой Дѣвы Маріи, истинной Богородицы. Совершенный Богъ и совершенный человѣкъ Онъ по Своей волѣ изволилъ пострадать за наши грѣхи и простеръ Свои пречистыя руки на животворящемъ древѣ креста: пастырь добрый, Онъ душу положилъ за Своихъ овецъ, былъ погребенъ и воскресъ, и съ плотью, отъ Тебя, Пречистая Дѣва, принятой, возшелъ на Небеса, и снова со славой пріидетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ. Исповѣдую все это сердцемъ и устами и поклоняюсь Ему, Богу моему. Тебя же молю, Владычица! Не гнушайся мной, сквернымъ, не пренебреги моимъ грѣшнымъ моленіемъ, не оставь меня, окаяннаго, прельщеннаго злобнымъ врагомъ и ввергнутаго въ погибель! Но умоли за меня Рожденнаго Тобою, чтобы Онъ простилъ мнѣ мои великіе грѣхи и избавилъ отъ погибели, дабы и я со всѣми, получившими прощеніе, воспѣлъ и прославилъ безмѣрное милосердіе Рожденнаго Тобою Бога нашего и Твое, Преблагословенная Дѣва!

Принявъ отъ него эти слова какъ бы нѣкоторое удовлетвореніе за грѣхъ, такъ отвѣтила ему Пречистая Богородица, источникъ милосердія, взысканіе погибшихъ, истинная и непрестанная ходатаица за насъ къ Богу и залогъ нашего спасенія:

— Довѣряя твоему покаянію ради крещенія, которымъ ты крестился во Христа, и милосердствуя о тебѣ (ибо Я очень сострадаю всѣмъ страждущимъ), Я приступлю къ Сыну и Богу Моему и помолюсь Ему, чтобы Онъ принялъ твое покаяніе.

Сказавъ это, Пречистая Дѣва стала невидимой, и день уже началъ разсвѣтать.

О, сколь счастлива была для грѣшника эта ночь, въ теченіе которой онъ сподобился такого видѣнія Пречистой Богородицы и немалой бесѣды съ Ней!

Получивъ послѣ этого видѣнія нѣкоторое облегченіе своей печали и приращеніе надежды, Ѳеофилъ пробылъ еще три дня въ плачѣ и молитвѣ предъ иконой Пресвятой Богоматери, взирая на нее, припадая къ ней, ударяясь въ землю головой и чая Богоспасающаго его по молитвамъ Богородицы. По истеченіи же трехъ дней снова явилась ему наша надежда и прибѣжище—Пренепорочная Матерь Господа. На этотъ разъ, съ радостнымъ лицомъ взирая на Ѳеофила своими свѣтлыми очами, Она сказала:

— Человѣкъ Божій! Угодно покаяніе твое милосердому Владыкѣ Богу; принялъ Онъ слезы твои ради Меня и услышалъ твои молитвы. Смотри же теперь и самъ, чтобы отнынѣ сохранить правую вѣру въ Него до дня твоей смерти.

— Воистину сохраню, Владычица моя Преблагословенная,— отвѣтилъ Ѳеофилъ,—и не преступлю Твоего повелѣнія. Послѣ Бога Ты мой покровъ и заступленіе, и на Тебя возлагаю все мое упованіе и надежду. Знаю я, хорошо знаю, Премилостивая Госпожа моя, что нѣтъ у людей другой помощи и другого покрова, кромѣ Тебя; никто изъ уповавшихъ на Тебя не посрамился и никто изъ молившихъ Бога черезъ Твое ходатайство не былъ оставленъ. Потому и я, грѣшный, молю Твою неистощимую благость, врачующую нашу немощь: открой мнѣ, заблудшему и павшему въ глубину золъ, двери твоего милосердія и повели отдать мнѣ въ руки окаянное рукописаніе, которое я, обманутый, далъ сатанѣ: оно сильно смущаетъ мою душу, и я не могу утѣшиться отъ великой скорби, пока это рукописаніе находится у діавола.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ Пречистая Дѣва стала невидимой; Ѳеофилъ же пробылъ еще три дня въ прилежной молитвѣ, какъ и раньше. Затѣмъ онъ заснулъ, утомленный перенесенными трудами, и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ Пречистую Богоматерь, несущую ему хартію съ его рукописаніемъ. Проснувшись отъ радости, онъ не увидѣлъ Пречистой Дѣвы, рукописаніе же свое нашелъ запечатанное и цѣлое, лежащее на груди. Отъ радости и отъ ужаса онъ еще сильнѣе изнемогъ тѣломъ и сдѣлался какъ бы полумертвымъ. Придя впослѣдствіи въ себя, о, сколь великое онъ воздалъ благодареніе милосердому Владыкѣ Христу и милостивой Богоматери, своей Помощницѣ и Заступницѣ!

На слѣдующее утро (а день былъ воскресный) онъ пошелъ въ соборъ, гдѣ архіерей служилъ Литургію. Послѣ чтенія святаго Евангелія онъ приблизился къ епископу, благословлявшему народъ, и съ плачемъ бросился къ его ногамъ, упрашивая, чтобы его выслушали, ибо онъ хотѣлъ во всеуслышаніе принести свое покаяніе. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ все, случившееся съ нимъ: какъ опечалило его устраненіе отъ обязанности экономa, какъ отъ печали онъ отрекся отъ Христа Бога и Пречистой Богоматери и рукописаніемъ отдался сатанѣ; какъ потомъ, постясь, молясь и плача, онъ увидѣлъ Пречистую Богородицу, бесѣдовалъ съ ней, получилъ прощеніе грѣховъ и какъ ему, наконецъ, было возвращено его рукописаніе. Разсказавъ все это громко и подробно въ присутствіи народа и епископа, Ѳеофилъ вручилъ послѣднему запечатанную хартію, данную имъ на себя сатанѣ, и упросилъ его велѣть прочесть ее вслухъ, чтобы всѣ узнали его грѣхъ и прославили Божіе милосердіе, исходатайствованное Богородицей. Распечатавъ хартію, епископъ отдалъ ее діакону, который сталъ на амвонъ и началъ читать ее. И всѣ удивлялись такому ужасному дѣлу.

Такимъ образомъ, весь причтъ и народъ, мужи и жены и малые дѣти—всѣ узнали о томъ, что случилось съ Ѳеофиломъ, какъ онъ палъ, и возсталъ, и получилъ обратно свое рукописаніе. Епископъ же, обратившись къ народу, громко сказалъ:

— Пріидите всѣ вѣрные, прославимъ преблагого Истиннаго Бога, Господа Іисуса Христа! Пріидите благочестивые и любящіе Бога и видите дивные чудеса! Пріидите христолюбцы, и разумѣйте, что не хочетъ смерти грѣшныхъ премилосердый Владыка нашъ, но ожидаетъ ихъ покаянія! Пріидите и видите, правовѣрные, какъ много могутъ сдѣлать сердечное сокрушеніе, вздохи и слезы! Кто не удивится, отцы и братія, великому и неизреченному терпѣнію милостиваго Бога! Кто не изумится Его безмѣрному милосердію и человѣколюбію, являемому въ насъ, грѣшныхъ! Воистину чудо! Пророкъ Моисей послѣ сорокадневнаго поста получилъ отъ Бога скрижали Закона[1]), а братъ нашъ Ѳеофилъ послѣ сорокадневнаго поста получилъ свое рукописаніе, отнятое у сатаны силой Божіей и ходатайствомъ Божіей Матери! Воспоемъ же и мы съ нимъ, дѣти, благодарственную пѣснь Владыкѣ, милосердо принявшему

[1]) Кн. Исх., гл. **24**, ст. 18; Кн. Исх., гл. **31**, ст. 18.

его покаяніе, по предстательству пренепорочной Богородицы, Которая для людей есть мостъ къ Богу, надежда отчаянныхъ, прибѣжище бѣдствующихъ, истинная дверь, стучащимъ въ нее грѣшникамъ отверзающая Свое милосердіе и приносящая наши молитвы къ рожденному онъ Нея Богу нашему. Что мнѣ еще сказать или какую пѣснь воспѣть для прославленія Ея и Ея Сына? Воистину, чудны дѣла Твои, Господи, и никакого слова недостаточно для восхваленія чудесъ Твоихъ! Воистину, **возвели́чишася дѣла́ твоя́, гдⷭ҇и: всѣ́мⷣ премⷣдрости́ю сотвори́лъ е́сиⷯ**[1]). Воистину, теперь прилично повторить евангельское слово: **и҆знеси́те о҆дежⷣ пе́рвую, и҆ ѡ҆блеците́ его́, и҆ дади́те пе́рстень на рⷣку его́ѡ, и҆ сапоги́ на но́зѣ: и҆ приве́дше теле́цъ откорми́нный заколи́те, и҆ ꙗ҆дше весели́мся: ꙗ҆коⷭ сей́ братъ нашъ Ѳеофилъ ме́ртвъ бѣ́ и҆ ѡ҆живе́, и҆ и҆зги́блъ бѣ́, и҆ ѡ҆брѣ́тесяⷯ**[2]).

Пока епископъ такъ говорилъ, Ѳеофилъ лежалъ у ногъ его и плакалъ; протянувъ руку, епископъ поднялъ его съ земли. Ѳеофилъ же, вставъ, сталъ просить его сжечь рукописаніе, но епископъ велѣлъ ему сдѣлать это самому, что Ѳеофилъ и исполнилъ передъ всѣми. Глядя на сожженіе нечестивой хартіи, народъ долго со слезами взывалъ:

— Господи, помилуй!

Велѣвъ народу, наконецъ, умолкнуть, епископъ продолжалъ Божественную службу и, по совершеніи ея, причастилъ Ѳеофила Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. И тотчасъ же лицо Ѳеофила просвѣтилось, какъ солнце. Всѣ, видѣвшіе измѣненіе его лица, прославили преблагого Бога, оправдывающаго и освящающаго кающихся грѣшниковъ.

Послѣ всего этого Ѳеофилъ пошелъ въ ту церковь Пречистой Дѣвы Богородицы, гдѣ онъ постился со слезами покаянія, сподобился Ея святаго видѣнія и получилъ прощеніе своихъ грѣховъ: здѣсь онъ немного почилъ послѣ трудовъ. Узнавъ, по прошествіи трехъ дней, о приближеніи своей кончины, онъ сдѣлалъ завѣщаніе относительно своего имущества, которое все велѣлъ раздать нищимъ. Простившись затѣмъ съ присутствовавшей братіей, онъ предалъ свою праведную душу въ руки Бога и Божіей Матери. Его похоронили подъ святой иконой Пречистой Дѣвы на мѣстѣ, гдѣ онъ принесъ свое покаяніе.

---

1) Пс. **103**, ст. 24.

2) Еванг. отъ Луки, гл. **15**, ст. 22—24.

И прославилось въ немъ милосердіе Христа Бога и Пречистой Богородицы, Которой вмѣстѣ съ Сыномъ Ея да будетъ отъ насъ грѣшныхъ, всегда требующихъ Ея помощи, честь, слава, поклоненіе, благодареніе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

«Я же, смиренный и грѣшный Евтихіанъ (говоритъ написавшій эту повѣсть), воспитанный въ дому блаженнаго Ѳеофила и ходатайствомъ его удостоившійся стать причетникомъ святой каѳолической Церкви,—служа господину моему въ его печали и скорби, и всюду послѣдуя за нимъ, видѣвшій своими очами его покаяніе и своими ушами слышавшій изъ устъ его разсказъ объ этомъ:—истинно и правдиво описалъ все на пользу благочестивыхъ, во славу же Христа Бога нашего, славимаго во вѣки». Аминь.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЛАДИМІРСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНѢ

БОЖІЕЙ МАТЕРИ[1])

Въ 1480 году нечестивый Ахматъ, ханъ Большой Орды, пришелъ съ большою ратью на рѣку Угру, чтобы начать войну съ Великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ[2]). Москвѣ угрожала осада. Тогда Великій князь, вооружившись молитвою и благословеніемъ Геронтія[3]), митрополита Всероссійскаго, и своего духовника, Вассіана, архіепископа Ростовскаго[4]), выступилъ противъ Татаръ къ рѣкѣ Угрѣ; оба святителя усердно умоляли Великаго князя мужественно бороться съ язычниками на защиту православ-

---

[1]) Въ этотъ день (23 іюня) въ Москвѣ совершается торжественный Крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь съ чудотворною иконою Владимірскою. Подобный Крестный ходъ, первый по времени установленія, совершается 26 августа въ память избавленія Россіи отъ нашествія Тамерлана въ 1395 году; устрашенный грознымъ явленіемъ Богоматери, Тамерланъ покинулъ предѣлы Россіи въ тотъ самый день и часъ, когда колѣнопреклоненные москвичи встрѣчали на Кучковомъ полѣ чудотворную икону Богоматери, принесенную изъ Владиміра въ Москву по приказанію Великаго князя Василія Дмитріевича, въ борьбѣ со врагомъ болѣе уповавшаго на силу Божію, чѣмъ на свое оружіе. На мѣстѣ срѣтенія иконы въ память чуднаго заступленія Богоматери и былъ основанъ такъ называемый Срѣтенскій монастырь, куда и совершаются помянутые Крестные ходы.

[2]) Великій князь—съ 1462 г. по 1505 г.

[3]) Занималъ каѳедру московской митрополіи въ 1473 г.—1489 г.

[4]) Съ января 1506 г. архіепископъ Ростовскій, ум. въ 1515 г.

ной вѣры [1]). Продолжительное время войска стояли другъ противъ друга, не приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, предстательствомъ Пресвятыя Богородицы совершилось дивное чудо: страхъ напалъ на Татаръ, и они, боясь другъ друга, бѣжали, никѣмъ не гонимые. Такъ Премилостивый Богъ, по молитвамъ Пресвятой Богородицы, даровалъ къ радости христіанъ необычную побѣду надъ врагами безъ пролитія крови, пощадивъ достояніе Свое—градъ Москву и всю Россію. Когда Великій князь Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Великимъ княземъ Іоанномъ [2]) и со всѣмъ войскомъ возвратился въ Москву, то всѣ люди исполнились чрезвычайной радости, восхваляя за славное избавленіе Бога и Пресвятую Богородицу [3]). Съ этого времени въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ установленъ былъ новый праздникъ—въ честь иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой Владимірской, посему въ настоящій день 23 іюня и совершается Крестный ходъ во славу и благодареніе Спасителю всего міра, Христу, Богу нашему, и Его Пречистой Матери.

Тропа́рь, гла́съ д̈:

Нынѣ́сь свѣ́тлw красѹ́ется сла́внѣйшїй гра́дъ москва́, а҃кw зарю́ со́лнечнѹю воспрїи́мши вл҃це, чѹдотво́рнѹю твою̀ їкẃнѹ, къ не́й же нынѣ́ мы̀ притека́юще, и̂ моля́щеся тебѣ́ взыва́емъ сѝце: ѻ҃ пречѹ́дная вл҃це бц҃е! моли́ся и̂з тебє̀ воплоще́ннома҃ хр҃тѹ бг҃ѹ на́шемѹ, да и̂зба́витъ гра́дъ се́й, и̂ всѧ̀ гра́ды и̂ страны̀ хр҃тїа́нскїѧ невреди́мы ѿ всѣ́хъ навѣ́тъ вра́жїихъ, и̂ спсе́тъ дѹ́шы на́шѧ, а҃кw мл҃рдъ.

---

[1]) Митрополитъ писалъ Великому князю Соборное Посланіе въ лагерь на Угру, возбуждая его къ мужественному стоянію противъ христоненавистнаго врага. Но съ особенною смѣлостью и прямотою увѣщавалъ Велнкаго князя святитель Ростовскій Вассіанъ не заключать мира съ Ахматомъ, какъ то совѣтовали ему «нѣкоторые прелестники», но выйдти мужественно на встрѣчу «безбожному языку агарянскому», ревнуя прародителю Димитрію, «въ лице ставшему противъ разумнаго волка Мамая».

[2]) Великій князь съ 1498 г.; ум. въ 1509 году въ заточеніи.

[3]) «Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія,—говорили объ этомъ чудѣ русскіе лѣтописцы,—нѣтъ, не оружіе, не мудрость человѣческая, но Самъ Господь спасъ нынѣ Россію».

срѣтеніѥ влⷣдⷬрскіѧ іконы бⷢіѧ мⷮри

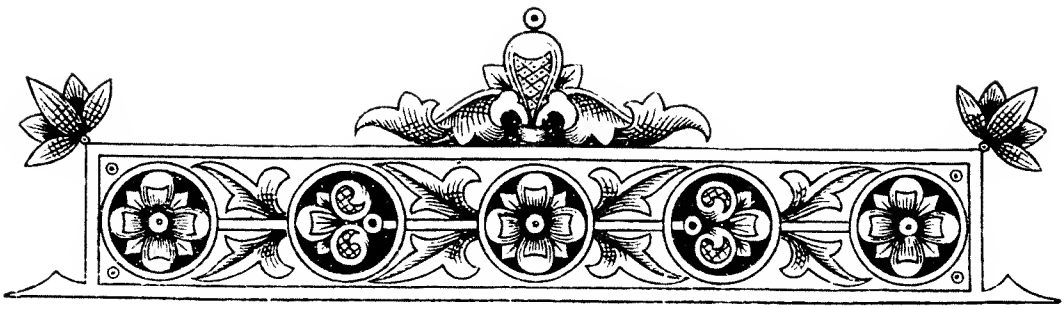
Фиг. 4. Дикая европейская охота.

Кондакъ, гласъ й:

Избранной воеводѣ побѣдительнаѧ, ꙗкѡ ѝзбавльшесѧ ѿ злыихъ пришествїемъ твоегѡ чтнагѡ ѡбраза, вᲂ́чце бце́, свѣтлѡ сотворѧемъ празднество срѣтенїѧ твоегѡ, ѝ обычнѡ зокемъ тѝ: радуйсѧ, невѣсто неневѣстнаѧ.

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ Евстохія, Гаія, Урвана** и прочихъ, пострадавшихъ при Максиміанѣ въ г. Анкирѣ, въ началѣ IV в.

Въ тотъ же день **преставленіе святаго праведнаго Артемія Веркольскаго** (житіе его см. подъ 20 октября).



День двадцать четвертый

СИНАКСАРЬ на РОЖДЕСТВО СВЯТАГО ІОАННА,

Предтечи и Крестителя Господня

Когда Незаходимое Солнце правды—Спаситель нашъ восхотѣлъ возсіять міру и уже преклонилъ Небеса и вселился въ чистѣйшую дѣвическую утробу, въ это самое время должно было совершиться отъ неплодной рожденіе денницы Его—святаго Іоанна Предтечи: ему, какъ провозвѣстнику, надлежало предшествовать явленію Господа, проповѣдуя и говоря: **грядетъ крѣпліи менѣ, во слѣдъ менѣ**[1]).

И вотъ, когда исполнилось святой Елисаветѣ время родить, она родила сына въ старости своей, отъ заматорѣвшей утробы, какъ въ древнѣйшія времена родила Сарра Исаака. Такъ одно чудо предваряетъ другое: прежде чѣмъ Дѣва раждаетъ Христа, заматорѣвшая во дняхъ своихъ раждаетъ Предтечу Христова, чтобы, видѣвшіе сверхъестественное рожденіе отъ состарѣвшей, повѣрили и преестественному рожденію отъ небрачной дѣвицы и сказали себѣ: «Всемогущая Десница Божія, разрѣшившая неплодство старицы, сильна и нетлѣнную Дѣву содѣлать чистою Матерію». Потому-то чудесному рожденію Спасителя міра предше-

1) Еванг. отъ Марка, гл. 1, ст. 7.

ствуетъ чудесное рожденіе Предтечи. Этому надлежало быть для того, чтобы однимъ чудомъ приготовить міръ къ воспринятію другого чуда: увидѣвъ матерь, заматорѣлую во дняхъ своихъ, люди становились болѣе способными къ лицезрѣнію Приснодѣвы, родившей Сына; сдѣлавшись свидѣтелями дивнаго рожденія отъ престарѣлой Елисаветы, они пріуготовлялись къ вѣсти о «странномъ» рожденіи Христа отъ Дѣвы. Ибо въ томъ и другомъ событіи, по волѣ Всемогущаго Бога, Коему повинуется всякое естество, чи҃нъ рожде҃нїѧ препобѣдилъ ѥ҆стества̀ оу҆ста́вы [1]).

Когда Елисавета родила Предтечу Христова, то всѣ ея сродники, сосѣди и знакомые, услышавъ объ этомъ рожденіи, радовались вмѣстѣ съ нею, потому что Господь содѣлалъ ей великую милость—отнялъ у нея «поношеніе безчадства». Такъ исполнились слова благовѣстника Божія Архангела Гавріила, который говорилъ Захаріи: «Жена твоя Елисавета родитъ тебѣ сына, и многіе о рожденіи его возрадуются» [2]). Тогда радовались какъ сродники Захаріи, такъ и тѣ, кто исполненъ былъ пламеннаго ожиданія Мессіи Избавителя. Ибо хотя они и не знали о совершившейся уже тайнѣ воплощенія Сына Божія, однако духъ ихъ, окрыляемый подъ воздѣйствіемъ Духа Святаго,—самимъ событіемъ рожденія Предтечи таинственно подвигнутъ былъ на радость, и они увидѣли въ этомъ событіи какъ бы нѣкоторое увѣреніе въ томъ, что дождутся чаемаго Мессіи.

Въ 8 день по рожденіи Предтечи пришли священники и родственники Захаріи въ домъ его для участія въ обрядѣ обрѣзанія младенца; при этомъ они хотѣли назвать его именемъ отца—Захаріею. Но мать младенца не соглашалась на то; имѣя мужа-пророка и родивши пророка-сына, святая Елисавета была и сама исполнена пророческаго дара и по пророческому предвѣдѣнію настаивала, чтобы ея сына нарекли тѣмъ именемъ, которымъ повелѣлъ наречь его Ангелъ: отъ своего мужа она не могла слышать объ этомъ,—ибо Захарія возвратился изъ храма въ домъ свой, имѣя какъ бы связанный языкъ, и не могъ разсказать своей супругѣ, что онъ видѣлъ Ангела, который благовѣстилъ ему о зачатіи сына и повелѣлъ при этомъ наречь ему имя Іоаннъ. Итакъ, наставляемая Духомъ Святымъ, святая матерь называетъ младенца Іоанномъ—пророчески, какъ она и прежде пророчески познала пришествіе

[1]) Выраженіе взято изъ Богородичнаго догматика.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 13—14.

къ ней Матери Божіей, когда говорила: **ѿкѹ́дꙋ мнѣ сі́е, ꙗ҆́кѡ прі́идетъ мт҃и гд҃а моегѡ̀ ко мнѣ́**[1]).

Тогда священники и родственники стали знаками вопрошать Захарію, какъ бы онъ хотѣлъ назвать младенца. Тотъ испросилъ дощечку и на ней написалъ: «Іоаннъ имя ему»[2]). И тотчасъ же отверзлись уста Захаріи и языкъ его разрѣшился отъ узъ нѣмоты, и онъ сталъ говорить, прославляя Бога. Всѣ дивились столь многимъ чудесамъ, которыхъ свидѣтелями они были,—изумлялись и тому, что состарѣвшаяся родила младенца, и тому, что нѣмотствовавшій отецъ мыслилъ о имени сына одинаково съ матерью, и тому, что нѣмой, по написаніи имени, сталъ говорить и написанное рукой произнесъ языкомъ,—какъ будто имя Іоанна было ключомъ для усть отца, которыя, послѣ написанія Захаріею этого имени, отверзлись для прославленія Бога. Слушая рѣчи Захаріи, всѣ дивились и ужасались еще болѣе, и повѣдали о всемъ видѣнномъ и слышанномъ во всей горней странѣ Іудейской, то есть въ предѣлахъ священнаго города Хеврона[3]), въ которомъ былъ домъ Захаріи.

Городъ этотъ съ его предѣлами, еще во дни Іисуса Навина, отдѣленъ былъ священническому племени Аарона. Отъ Іерусалима онъ отстоялъ на разстояніи 8-ми часовъ пути и былъ расположенъ немного дальше Виѳлеема на возвышенномъ мѣстѣ. «Горнимъ градомъ» онъ назывался изъ-за высокихъ горъ, на которыхъ онъ былъ расположенъ; при этомъ предѣлы его носили названіе «горней страны», какъ о томъ написано въ Евангельскомъ повѣствованіи о путешествіи Пресвятой Богородицы къ ея родственницѣ Елисаветѣ: **востáвши маріáмъ** (изъ Назарета Галилейскаго) **йдѣ въ гѹ́рнюю со тщáнїемъ во грáдъ і҆ꙋдовъ**, т. е. въ Хевронъ, **и҆ вни́де въ дóмъ захáрїинъ и҆ цѣлова́ є҆лїсаве́тъ**[4]).

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 43.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 63.

[3]) *Хевронъ* (называемый теперь у арабовъ *Ель-Халиль*)—городъ, расположенный на югѣ Палестины, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Азіи. Онъ былъ извѣстенъ какъ древній городъ еще во времена Авраама и, по извѣстію Флавія (историкъ іудейскій, жившій въ началѣ христ. эры), около его времени ему считалось уже 2300 лѣтъ. Городъ издавна считался у Евреевъ священнымъ, такъ какъ въ немъ находятся гробницы Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Іакова и Лін. Во дни Константина Великаго надъ погребальною пещерою Авраама была воздвигнута церковь, которая обращена мусульманами въ мечеть. Самый городъ лежитъ на высотѣ на тысячу футовъ выше Іерусалима, въ глубокой и узкой долинѣ, съ обѣихъ сторонъ окруженной горами. Вея долина и склоны горъ заняты садами—масличными, фиговыми, абрикосовыми, гранатовыми и виноградными. Въ настоящее время городъ имѣетъ до 10 000 жителей, которые занимаются здѣсь выдѣлываніемъ стекла, хлѣбопашествомъ, разведеніемъ фруктовыхъ садовъ и винодѣліемъ.

[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 39.

РОЖДЕСТВО СТА́ГѠ ІѠА́ННА ПРТЄ́ЧИ

Такимъ образомъ, здѣсь-то въ Хевронѣ, въ горнемъ градѣ колѣна Іудова, посреди нагорной страны и происходили всѣ тѣ изумительныя и чудесныя событія, о которыхъ было говорено выше. И всѣ, слышавшіе объ этихъ событіяхъ, много дивились и съ недоумѣніемъ думали: «что оубѡ отроча сіе бѫдетъ»[1]).

И рука Господня была съ новорожденнымъ отрокомъ, умножающая въ немъ дѣйствіе благодати Божіей и соблюдающая его отъ меча Ирода. Ибо о чудесномъ рожденіи Іоанна дошелъ слухъ и до Ирода, и онъ много дивился ему, говоря въ себѣ: что отроча сіе бѫдетъ! Когда же родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Виѳлеемѣ іудейскомъ и съ Востока пришли волхвы[2]), и разспрашивали о новорожденномъ Царѣ іудейскомъ, тогда Иродъ,ославъ въ Виѳлеемъ воиновъ, съ повелѣніемъ избить тамъ всѣхъ дѣтей мужскаго пола,—вспомнилъ и о Іоаннѣ, сынѣ Захаріи, о которомъ онъ слышалъ много чудеснаго, и сталъ размышлять: «не онъ ли будущій царь Іудейскій». Поэтому, терзаясь злобою, онъ задумалъ убить и его, и съ этою цѣлію нарочито послалъ убійцъ въ Хевронъ, въ домъ Захаріи. Однако посланные не нашли святаго Іоанна.

Когда начались въ Виѳлеемѣ безбожныя убійства дѣтей, то гласъ и вопль, бывшій въ Виѳлеемѣ, дошелъ и до Хеврона, отстоявшаго отъ города Давидова въ недалекомъ разстояніи; при этомъ здѣсь узнали и о причинѣ бывшаго въ Виѳлеемѣ плача. Святая Елисавета, взявъ отрока Іоанна, тотчасъ же поспѣшно отправилась въ высочайшія горы пустыни (въ это время святый Захарія находился въ Іерусалимѣ, исполняя прилучившуюся чреду служенія своего). Сокрывшись въ горахъ, святая Елисавета со слезами молилась Богу, прося Его защитить ея съ отрокомъ. И когда, съ высоты горъ, она увидѣла приближающихся воиновъ, то возопила, обратившись къ каменной скалѣ:

— Гора Божія! Пріими матерь со чадомъ!

И тотчасъ разступилась гора, приняла Елисавету съ отрокомъ Іоанномъ внутрь и, такимъ образомъ, скрыла ихъ отъ настигавшихъ убійцъ. Такъ воины, не найдя искомаго, возвратились къ пославшему ихъ съ пустыми руками.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 66.

[2]) Подъ именемъ *волхвовъ* въ древности разумѣлись люди мудрые, обладавшіе знаніемъ тайныхъ силъ природы, свѣтилъ небесныхъ и т. п. Волхвы, приходившіе на поклоненіе Христу, по-видимому, были изъ Персіи. Они были астрологи, т. е. служили звѣздамъ и занимались наблюденіемъ за свѣтилами небесными. Очевидно, они были при этомъ люди добродѣтельные, почему и удостоились особенныхъ откровеній Божіихъ.

Тогда Иродъ послалъ въ храмъ къ Захаріи оруженосца своего сказать ему: «Отдай мнѣ сына твоего».

Святый Захарія отвѣтилъ:

— Я служу теперь Господу Богу Израилеву, а гдѣ въ настоящее время сынъ мой,—того не знаю.

Иродъ сильно разгнѣвался и снова послалъ къ Захаріи оруженосца сказать ему, что если онъ не выдастъ сына, то умретъ самъ. И пришли къ нему воины, свирѣпые, какъ звѣри, готовые совершить повелѣніе беззаконнаго царя, и съ яростію говорили священнику Божію:

— Гдѣ ты скрылъ своего сына? Выдай намъ его, ибо царь приказалъ намъ тотчасъ же убить тебя, если ты не выдашь намъ сына своего.

Захарія на это мужественно отвѣтилъ:

— Вы убьете тѣло мое, Господь же приметъ мою душу.

И тотчасъ убійцы, исполняя беззаконное повелѣніе, устремились съ яростію на святаго и убили его между церковію и алтаремъ[1]). Пролитая кровь его, впитавшись, осталась на мраморѣ и сдѣлалась какъ камень, во свидѣтельство преступленія Ирода и его вѣчнаго осужденія.

Между тѣмъ Елисавета, сокрытая Богомъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, пребывала въ разступившейся горѣ. Въ ней, по Божьему повелѣнію, образовалась для нихъ пещера; вблизи нея явился источникъ и выросла финиковая пальма, полная плодовъ. Всякій разъ, какъ наступало время принятія пищи, дерево преклонялось,—когда же они насыщались плодами, снова выпрямлялось.

По прошествіи 40 дней послѣ убіенія Захаріи святая Елисавета преставилась въ упомянутой пещерѣ. Съ того времени святый Іоаннъ питаемъ былъ Ангеломъ до своего совершеннолѣтія, хранимый до дня явленія своего Израильскому народу. Такъ хранила и покрывала рука Божія святаго Іоанна, да предъидетъ онъ предъ Лицемъ Господнимъ, духомъ и силою Иліиною, и уготовитъ путь Ему, Грядущему спасти родъ человѣческій. За все сіе да славится Христосъ, Богъ и Спасъ нашъ, со Отцомъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

---

[1]) Еванг. отъ Мате., гл. 23, ст. 35.

Тропа́рь, гла́съ д̃:

Пр҃роче и̂ пр҃те́че прише́ствїа хр҃то́ва, досто́йнѡ восхвали́ти тѧ̀ недоумѣ́емъ мы̀, любо́вїю чтѹ́ще тѧ̀: непло́дство бо ро́ждшїа и̂ о҃тчее безгла́сїе разрѣ́шисѧ сла́вным҃ъ и̂ чт҃ны́мъ твои́мъ рⷞ҃тво́мъ, и̂ воплоще́нїе сн҃а бж҃їа мі́рови проповѣ́дуетсѧ.

Конда́къ, гла́съ г̃:

Пре́жде непло́ды дне́сь хр҃то́ва пр҃те́чѹ раждае́тъ, и̂ то́й е̃сть и̂спо́лнено́ѥ всѣ́каго пророчества: е̂го́же бо проро́цы проповѣ́даша, на сего̀ во і҃ордан҃ѣ рѹ́кѹ положи́въ, ѩ҆ви́сѧ бж҃їа сло́ва пр҃ро́къ, проповѣ́дникъ, вкѹпѣ̀ и̂ пр҃те́ча.

СЛОВО СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО на РОЖДЕСТВО

СВЯТАГО ПРОРОКА ПРЕДТЕЧИ и КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ

ІОАННА

Благовременен҃ъ день праздника и всеобщей радости, въ который мнѣ̀ пришли на мысль служеніе Гавріила и священство Захаріи, и я думаю объ осужденномъ на нѣмоту за невѣріе. Вы слышали Евангелиста Луку, повѣствовавшаго, какъ праведный Захарія, когда по ѡ҆́бычаю сщ҃е́нничества ключи́сѧ е̂мѹ̀ покади́ти, вошелъ въ храмъ Божій и̂ всѐ мно́жество люде́й бе҃ мл҃твѹ дѣ́ѧ вн҃ѣ, въ го́дъ дмі҃а́ма. И вотъ, Ангелъ Господень явился ему, стоѧ̀ ѡ҆́десн҃ю ѡ҆лтаря̀ кади́льнагѡ: и̂ смѹ́тисѧ заха́рїа ви́дѣвъ, и̂ стра́хъ нападѐ на́нь. Рече́ же е̂мѹ̀ а҃ггл҃ъ: не бо́йсѧ заха́рїе: занѐ оу҃слы́шана бы́сть мл҃тва твоѧ̀, и̂ вотъ жена̀ твоѧ̀ е҆лисаве́ть роди́тъ сы́на тебѣ̀, и̂ нарече́ши и҃мѧ е̂мѹ̀ і҃ѡа́ннъ [1]).

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 9—13.

О странное и таинственное чудо! Справедливо Захарія возразилъ Ангелу. Онъ требовалъ одного утѣшенія и получилъ другое; молился за народъ, и названъ былъ отцомъ сына; искалъ прощенія грѣховъ, и получилъ обѣщаніе разрѣшенія безплодной утробы. Захарія болѣе желалъ исцѣленія душъ согрѣшившихъ, чѣмъ беременности Елисаветы. Справедливо Захарія смутился и устрашился и, какъ только увидѣлъ Ангела, сказалъ въ душѣ своей: страненъ приходъ этого человѣка, странно его обѣщаніе! Кто сей, что̀ смѣло вступаетъ въ священный храмъ? Кто сей, что стоитъ справа алтаря кадильнаго? Кто сей, что блеститъ образомъ чуждаго вида? Кто сей? Я не видѣлъ человѣка съ крыльями, ни птицы въ образѣ человѣка; кто же это, что наполняетъ мою душу страхомъ? Кто сей—свѣтоносецъ по устамъ, говорящій великое, при закрытыхъ устахъ? Кто этотъ—наблюдатель за моею чредою? Кто онъ, что препятствуетъ моему ходатайству? Народъ, внѣ молящійся, ожидаетъ меня съ отвѣтомъ отъ Царя Небеснаго, а этотъ задерживаетъ меня внутри; чрезъ меня они приносили моленія къ Царю, прося прощенія въ грѣхахъ; объ этомъ я молюсь, чтобы исполнить желаніе народа, чтобы показать дѣйствіе своей чреды; итакъ, перестань, кто бы ты ни былъ, устрашающій меня! Если ты—Ангелъ, посланный Богомъ, то содѣйствуй въ моемъ дѣлѣ, сострадай внѣ плачущимъ, сокрушайся съ сокрушающимися. Что за выгода для народа, если у меня будетъ сынъ? Что за польза, если Елисавета станетъ кормить грудью дитя? Что за выгода, если я оставлю наслѣдника? Отойди, устрашитель мой, кто бы ты ни былъ, отойди отъ меня! Мы стары; миновало время зачатія; погасла страсть брака; время охладило жаръ; мы оба мертвы для смѣшенія; юность не цвѣла,—какъ старость произрастить?

Такъ думалъ Захарія. Ангелъ же говоритъ ему, какъ ты сейчасъ слышалъ: **не бо́йся Заха́ріе**, не смущайся помыслами; я—Ангелъ Свѣта, а не тьмы; я—Гавріилъ, одинъ изъ начальниковъ у Царя Небеснаго; исполняю повелѣніе,—не по своей власти приказываю; я посланъ объявить тебѣ, а не сдѣлать надъ тобою насиліе; облеченъ я видомъ, а не въ обнаженномъ существѣ являюсь предъ тобою; Пославшій меня щадитъ твою жизнь; не бойся, я посланъ благовѣстить тебѣ, а не изумлять тебя; ты превзойдешь старость, и сѣдое безчадство, и безплодную утробу; и кто рождаетъ по желанію? Это—даръ Божій, не изобрѣтеніе человѣческое; развѣ ты не слышалъ словъ Господа: Я есмь творецъ че-

ловѣка, и **созидáмый** въ человѣкѣ духъ?[1]) Не вѣришь, Захарія? А какъ былъ созданъ Адамъ, какъ Ева была сотворена, какъ Исаакъ былъ рожденъ? Авраамъ въ послушаніи не ошибся; а ты, іерей, не вѣришь! Неужели безсильно у Бога всякое слово, Захарія? По своей старости ты возражаешь, старецъ,—тѣлесное омертвеніе полагаешь сильнѣе Бога. Если бы ты не видѣлъ примѣра Авраамова, то основательно сомнѣвался бы; ссылаешься на помощь природы и не вѣришь настоящему Божественному обѣщанію, но сомнѣваешься и споришь? О маломъ ты просишь и много получаешь. Ты молишься только объ іудейскомъ народѣ, а я благовѣствую тебѣ о томъ, *кто* всѣ племена приготовитъ къ спасенію.

Захарія, услышавъ это, и, немного отвративъ свой взоръ, въ отвѣтъ говорилъ Ангелу: что ты говоришь, Ангелъ? Родитъ жена моя? Что же—объ этомъ я молился или совершаю кажденіе въ свою чреду ради того, чтобы предъ народомъ вызсказать свою плодородность? Я прошу о прощеніи грѣховъ, и ужели сверхъ этого пожелаю разрѣшенія неплодства? Желаю для народа облегченія, неужели для Елисаветы обремененія? Я призываю израненныя души къ уврачеванію, и неужели, чтобы изсохшіе сосцы стали млекоточными? Что ты говоришь, Ангелъ? Жена моя родитъ? И что за выгода въ этомъ для внѣ молящихся? Ужели, услышавъ, не побьютъ меня камнями, со словами, что я становлюсь главнымъ іереемъ не за нихъ и не для общеполезнаго спасенія, но только за себя, что не благословеніе, а сына я принялъ? Я теперь уже не думаю о дѣторожденіи; отойди! Я этого уже не желаю; о чемъ я молился, того не получилъ; и теперь ты мнѣ объясняешь одно вмѣсто другого; неужели же отъ времени не прекратилась старость? Мы не можемъ ходить безъ посоха, и какъ теперь намъ повелѣваютъ начать свое дѣторожденіе? Старость отвергаетъ природу; это дѣло внѣ вѣры; въ гробъ мы глядимъ, и будемъ нанимать кормилицу? Нѣтъ, я теперь уже нисколько не думаю о дѣторожденіи, я ищу спасенія народа и счастія племени, плѣненія враговъ и благоденствія города, а не дѣтскаго плача, пеленокъ и кормленія; я нисколько не думаю объ этомъ. Какъ я окажусь отцомъ природнаго сына? Старость отталкиваетъ отъ себя вѣру; внѣ природы это дѣло; я иду съ посохомъ, какъ съ конемъ, и ты побуждаешь меня къ брачному дѣлу, когда все тѣло мое стало

[1]) Кн. Пр. Захаріи, гл. 12, ст. 1.

гробомъ? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, скажи мнѣ, великій Гавріилъ? Скажи, чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Вотъ, мои члены трясутся, вотъ, по старости мы оба въ землю смотримъ. Если бы одинъ былъ молодъ, а другой состарѣлся, была бы нѣкоторая надежда на сказанное; теперь тѣло насъ обоихъ дряхло; ничего другого мы не ожидаемъ, кромѣ серпа смерти, какъ зрѣлыя колосья во время жатвы; если ты во всемъ истиненъ, что говоришь, владыка Гавріилъ, то дай напередъ какое бы то ни было знаменіе, вручи мнѣ залогъ обѣщаннаго чуда. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ааронъ не повѣрилъ бы, если бы не расцвѣлъ жезлъ; Моисей не былъ бы удостовѣренъ, если бы его рука не побѣлѣла; Гедеонъ не понялъ бы, если бы не было росы на рунѣ; Езекія не призналъ бы, если бы солнце но отступило назадъ; чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ? Ты дай знаменіе, и я буду радъ, какъ юнопа; дай знаменіе, чтобы Елисавета не посмѣялась легкомысленно, какъ Сарра; чѣмъ убѣдиться въ этомъ, вѣстникъ Архангелъ? Откуда для меня очевидны твои слова ко мнѣ? Если я являюсь вторымъ Авраамомъ, если будетъ и для меня свойственное Аврааму, то войди въ мой домъ, и я омою твои ноги послѣ совершеннаго путешествія, и предложу тебѣ трапезу, исполненную тайны; Елисавета замѣситъ три саты муки, предъизображая Церковь; спрашивай тельца, чтобы тебѣ одарить сыномъ. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, о ты, приносящій намъ на землю прекрасное благовѣстіе свыше? Зачѣмъ, Ангелъ, преднарекаешь мнѣ имя сына и исчисляешь добродѣтели еще не существующаго? Покажи мнѣ то, что свыше природы, чтобы мнѣ повѣрить тому, что противъ природы. Если небо станетъ шатромъ, и я обновлюсь; если море измѣнится, и жена моя Елисавета станетъ матерью; если солнце будетъ задержано, и изсохшіе сосцы источатъ молоко; если луна низвергнется, и изсохшая утроба увлажнится. Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ, **а҃зъ бо є҃смь стáръ, и̑ женà моѧ̀ заматорѣ́вшин во днéхъ своúхъ** [1]).

Ангелъ тогда сказалъ Захаріи: ты требуешь отъ Бога ручательства. Считаешь немощь сильнѣе Владычнаго обѣщанія? Не боишься напередъ разспрашивать приносящаго тебѣ благовѣстіе? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь ты. Развѣ тебя посылаютъ въ Египетъ, чтобы устрашить фараона? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Развѣ ничего сверхъесте-

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 18.

ственнаго Богъ не дѣлаетъ? Ты спрашиваешь послѣдовательности у природы и не видишь изумительнаго дѣла Божества. Скажи мнѣ, Захарія, на чемъ укрѣплены столпы земли? Чѣмъ поддерживается сводъ неба? Гдѣ изобрѣтаются вмѣстилища облаковъ? Гдѣ образуются капли дождя? Гдѣ создаются хлопья снѣга? Кто руководитъ теченіемъ Солнца? Кто полагаетъ предѣлъ умаленіямъ Луны? Кто исчислитъ множество звѣздъ? Море во время бури какъ удерживается пескомъ? Какъ смѣшиваются теплые потоки? Какъ создается мракъ тумана? Какъ образуется человѣкъ во утробѣ? И какъ женскій полъ оказывается слабѣе мужескаго? Чѣмъ мнѣ убѣдиться въ этомъ,—говоришь, Захарія. Ты ищешь послѣдовательности природы, гдѣ дѣло Божіе? Не вѣришь, что можетъ родить безплодная? Что же—если услышишь, что Дѣва сверхъ ожиданія раждаетъ? И можетъ ли быть прежнее невѣріе вѣрою? И за то теперь наказывается невѣріе въ виду безплодности, чтобы ты не усомнился въ чудѣ въ виду Дѣвы: **бꙋ́деши молчѧ́ и не могі́й проглаго́лати**[1]).

О человѣколюбивое наказаніе, производящее скорѣе исправленіе! Ангелъ вразумляетъ поколебавшійся голосъ, обуздываетъ дерзскій языкъ: **бѣ̀ помава́ѧ и҃мъ: и҆ пребыва́ше нѣ́мъ.** Хорошо у Евангелиста записано и это—**пребыва́ше**; молчаніе ожидаетъ раждаемаго голоса, Захарія—Іоанна, старецъ—сына, іерей—пророка. Этимъ Ангелъ говоритъ: такъ какъ ты, какъ невѣрующій, ищешь знаменія отъ Бога, то прими биченосное знаменіе въ собственномъ своемъ тѣлѣ: **бꙋ́деши молчѧ́ и҆ не могі́й проглаго́лати, до негѡ́же днѐ бꙋ́детъ сі́ѧ.** Гдѣ орудіе противорѣчія,—тамъ и мщеніе; гдѣ необдуманная смѣлость,—тамъ и воспитательная вожжа; гдѣ была дерзость,—на томъ и наказаніе. Богъ желалъ, Захарія, чтобы ты сдѣлался проповѣдникомъ такого чуда: раждается начальникъ воинства Царя Небеснаго и предуготовитель освобожденія міра отъ грѣховъ. Такъ какъ ты сдѣлалъ для себя немощъ тѣла сильнѣе Владычняго обѣщанія, то за это **бꙋ́деши молчѧ́ и҆ не могі́й проглаго́лати, до негѡ́же днѐ бꙋ́дꙋтъ сі́ѧ: занѐ не вѣ́ровалъ є҆сѝ словесе́мъ мои́мъ, и҃́же сбꙋ́дꙋтсѧ во вре́мѧ своѐ.** Видишь ли, что безъ вѣры ничто изъ должнаго не совершается.

Только что услышалъ Захарія эти слова, тотчасъ вышелъ изъ храма съ молчаніемъ—наградою за невѣріе. О чудо! Онъ вошелъ

---

[1]) Тамъ же, ст. 20.

для освобожденія другихъ, и самъ вышелъ осужденнымъ; принося богослужебное кажденіе, вынесъ знакъ изгнанія. Народъ ждалъ услышать что-нибудь благое отъ него, а онъ выражалъ знаками: «никто пусть меня не спрашиваетъ; я устрашаюсь Владычняго негодованія». О изумительныя дѣла! Захарія обуздывается, и Елисавета благоденствуетъ; языкъ нѣмотствуетъ, и утроба беременѣетъ; болѣзнь утробы переселяется на языкъ; рѣчь обуздывается, и раждаемое освобождается; Захарія молчитъ, и Іоаннъ играетъ.

Лишь только безплодная увидѣла Дѣву, утренняя звѣзда замѣтила солнце,—и сильно взыгралъ Іоаннъ въ материнской утробѣ, обвиняя медлительность природы: я, говоритъ, проповѣдникъ Владыки, и зачѣмъ связанъ узами, подобно сорабамъ своимъ? Предварю время рожденія, не буду ждать родовъ, чтобы не потерять своего теченія, чтобы Владыка не опередилъ заключеннаго раба, чтобы послѣдовательность природы не сдѣлалась нарушеніемъ порядка; я узналъ Присутствующаго и не переношу молчанія; я узналъ Предпославшаго меня въ путь предъ лицомъ Своимъ, чтобы приготовить путь Его предъ Нимъ; я поколеблю узы природы, потому что спѣшу проповѣдовать. О изумительныя дѣла и чудеса! О чемъ не вѣдали на Небесахъ Ангелы, узналъ Іоаннъ, во утробѣ носимый, и говорилъ матери своей. Для Престоловъ Онъ былъ не замѣтенъ, и, носимаго во утробѣ, приходящій Богъ не опередилъ; отъ Господствъ Онъ скрылъ тайну домостроительства, но открылъ ее носимому во чревѣ; и съ какимъ благовѣстіемъ пришелъ Архангелъ къ Богородицѣ, это внушилъ внутри играющій младенецъ. Пришедшій Освободитель нашего рода, будучи во чревѣ, прибылъ къ своему другу, Іоанну; и видно было, что Создатель привѣтствуетъ созданіе, что Царь пребываетъ въ шатрѣ воина, что Владыка входитъ въ домъ раба. Іоаннъ, увидѣвъ изъ утробы Находящагося во утробѣ, старался превзойти границы природы, говоря: я не знаю ограниченнаго природою Господа, и не буду ждать времени рожденія; мнѣ не нужны для рожденія девять утробныхъ мѣсяцевъ; не нуждаюсь въ этомъ теперешнемъ заключеніи; и почему не выйти изъ узъ, удерживающихъ меня? Я выйду, кратко объявлю значеніе дивнаго дѣла: я—печать Божественнаго пришествія; я—утроба воплотившагося Бога Слова; вострублю, и отцовскій языкъ сдѣлаю краснорѣчивымъ; вострублю, и материнскую омертвѣлую утробу оживлю. Выйду, предтеку съ

проповѣдью, возглашу всѣмъ присутствующимъ: **сѐ а҃гнецъ бжі́й, взе́млѧй** грѣхъ **мі́ра**[1]). Таково играніе Іоанна, или лучше, слова. **Є҆лисаве́ти же и҆спо́лнисѧ вре́мѧ роди́ти є҆́й, и҆ роди́ сы́на. И҆ слы́шаша** родственники ея и сосѣди, **и҆ ра́довахꙋ́сѧ съ не́ю**[2]). Ибо чудомъ было то, что въ старости и съ заматорѣвшею утробою родила Елисавета; это зависѣло не только отъ плотскаго отца, но и отъ Бога Слова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Архангелъ Гавріилъ, сказавшій Захаріи: **вотъ жена̀ твоѧ̀ роди́тъ сы́на тебѣ́: и҆ дх҃а сты́мꙋ и҆спо́лнитсѧ є҆щѐ и҆з҃ чре́ва ма́тере своеѧ̀. И҆ мно́гихъ ѿ сыно́въ и҆зра́илевыхъ ѡ҆брати́тъ ко гдꙋ̀ бг҃ꙋ̀ и҆́хъ: и҆ то́й преди́детъ пред҃ ни́мъ дх҃омъ и҆ си́лою и҆лїино́ю**[3]).

О, рожденіе сына иной, изумительной природы! Оно было изумительно и неестественно, такъ какъ обычно тотъ, кто рождаетъ, при содѣйствіи страсти рождаетъ,—и та, которая рождаетъ, въ болѣзняхъ рождаетъ. Въ чемъ же скорбь Елисаветы, когда присутствуетъ Святый Духъ, а не неопытная воспріемница, когда это дѣло благодати, а не тягость природы? Слушай! Этотъ трудъ былъ ничтожнымъ въ сравненіи съ радостію.—Не послѣ своего рожденія Іоаннъ получилъ благодать, но изъ материнской утробы, одѣвшись освященіемъ, сталъ дивнымъ предводителемъ, какъ сказалъ Ангелъ: **дх҃а сты́мꙋ и҆спо́лнитсѧ и҆з҃ чре́ва ма́тере своеѧ̀, и҆ преди́детъ пред҃ ни́мъ** (т. е. Господомъ) **дх҃омъ и҆ си́лою и҆лїино́ю.** Кто кому будетъ предшествовать? Іоаннъ Владыкѣ Христу; поэтому онъ называется Предтечею, какъ можно слышать изъ словъ самого Іоанна о Спасителѣ: идетъ **за мно́ю мꙋ́жъ, и҆́же предо мно́ю бы́сть**[4]). **За мно́ю**—по времени; **предо мно́ю**—по Престолу.

Почему Гавріилъ сказалъ, что Іоаннъ предшествуетъ Царю Христу въ духѣ и силѣ Иліи Ѳесвитянина? Слушай внимательно! Илія значитъ—Богъ. Такъ какъ Іоаннъ имѣлъ въ самомъ себѣ Бога,—онъ исполнился Духа Святаго еще отъ чрева матери своей, а Богъ есть Духъ,—то о немъ говорилъ Господь чрезъ Пророка за много времени раньше: **сѐ а҃зъ посыла́ю а҃гг҃ла моегѡ̀ пред҃ лице́мъ твои́мъ, и҆́же ꙋ҆гото́витъ пꙋ́ть твоѝ пред҃ тобо́ю**[5]) и многихъ обратитъ отъ заблужденія къ истинѣ; ради этого

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 29.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 57—58.
3) Еванг. Тамъ же, ст. 13, 15—17.
4) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 30.
5) Кн. Пр. Малах., гл. 3, ст. 1. ср. Еванг. отъ Марка, гл. 1, ст. 2.

Іоаннъ предшествуетъ Господу въ духѣ и силѣ Иліи, такъ какъ у Іоанна много было сходства съ Иліею.

Конечно, сынъ раждается, и рѣчь возвращается къ отцу. Захарія, когда его спрашивали, какъ бы онъ желалъ назвать дитя,—**їспро́шь дщи́цѫ, написа́, глаго́лѧ: їѡа́ннъ** есть **и́мѧ** его. Не повѣрившій словамъ Ангела теперь вынужденъ писать о явленіи, проповѣдовать письмомъ; тогда по слуху не принявшій сказаннаго теперь законодательствуетъ рукою, пишетъ о бывшемъ. И, давъ имя ему, получилъ рѣчь: отсюда **чѫдѫ́хѫ всѝ. Ѿверзо́шасѧ оу҃ста́ є҃гѡ̀**, и разрѣшились узы языка его, **и҆ глаго́лаше, благословѧ́ бг҃а**[1]).

О изумительное и странное чудо! Пишется имя сына, и нѣмыя уста отца открываются; Іоанномъ называется, и языкъ называющаго устрояется. Видишь ли, какъ онъ не погрѣшилъ, и мы не погрѣшили, сказавъ приличное объясненіе? Вотъ имя самого праведнаго открываетъ нѣмыя уста, и побуждаетъ неподвижный языкъ. Такъ вопіющій Іоаннъ обнаруживается, что даже самое его имя вызываетъ голосъ: я **гла́съ вопїю́щагѡ въ пⷭ҇тыни: оу҃гото́вайте пⷭ҇ть гд҃не, пра́вы творі́те стезѝ є҃гѡ̀**[2]). О чудо! Слово пребываетъ, и голосъ предвозвѣщаетъ; Владыка идетъ, и рабъ предпосылается. Итакъ, возрадуемся и возвеселимся, что Елисавета родила и Захарія возговорилъ; что неплодная произвела, и старецъ воскликнулъ; что вощатая дощечка была спрошена, и языкъ іерейскій разрѣшился, и голосъ возвратился; что Предтеча явился и весь міръ возрадовался.

Здѣсь слѣдовало бы закончить слово, но Захарія не позволяетъ восклицаніямъ: **бл҃гослове́нъ гд҃ь бг҃ъ и҆зра́илевъ, ꙗ҆́кѡ посѣ́ти, и҆ сотвори́ и҆збавле́нїе лю́демъ свои́мъ**[3]). Изумительныя дѣла! Что говоритъ Захарія? Послѣ своего исцѣленія отъ нѣмоты Захарія первый разъ воскликнулъ: **бл҃гослове́нъ гд҃ь**. Что это значитъ? Захарія былъ мертвымъ, и воскресъ. Онъ не былъ мертвымъ по природѣ, но перенесъ подобіе смерти. Онъ удерживался молчаніемъ, какъ гробомъ, и какъ пеленами, былъ связанъ узами языка; онъ возвратился къ жизни, не дыша священствомъ, и перенесъ оплакиваніе, горесть народа. Когда упраздняется іерей, скорбятъ всѣ, за кого онъ ходатайствовалъ. Послѣ этого образнаго воскресенія

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 1. ст. 63—64.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 3.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 68.

Захарія первый разъ воскликнулъ **бл҃гослове́нъ гд҃ь бг҃ъ їзра́илевъ.** О Захарія! Если бы ты не увидѣлъ духовнаго колоса, не узналъ духовнаго земледѣльца, не получилъ дара, то не благословилъ бы дателя. Но Захарія восхвалилъ Бога пророческою пѣснею, достойною дара. Воскликнемъ и мы: **бл҃гослове́нъ гд҃ь бг҃ъ** христіанскій, **ꙗ҆́кѡ посѣ́тѝ и҆ сотворѝ и҆́збавле́нїе люде́мъ свои́мъ.** Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ тотъ же день память **святыхъ мучениковъ,** семи братій по плоти **Орентія, Фарнакія, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Киріака и Лонгина**—воиновъ, пострадавшихъ при Діоклетіанѣ и Максиміанѣ на берегахъ Чернаго моря.

День двадцать пятый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
ФЕВРОНІИ

Въ царствованіе нечестиваго царя Діоклетіана жилъ въ Римѣ епархъ [1]) Анѳимъ, имѣвшій сына Лисимаха, котораго онъ обручилъ съ прекрасною дѣвицею, дочерію сенатора [2]) Прóсфора. Заболѣвъ смертельно, Анѳимъ призвалъ своего брата Селина и сказалъ ему:

— Братъ мой! Вотъ, я разстаюсь съ жизнію и вручаю тебѣ сына моего: будь ему отцомъ вмѣсто меня, а онъ пусть будетъ тебѣ вмѣсто сына. Когда я умру, поспѣши соединить его бракомъ съ невѣстой его, дочерью Прóсфора.

Выслушавъ брата, Селинъ пообѣщалъ ему сдѣлать все такъ, какъ онъ просилъ его. Анѳимъ же, по прошествіи трехъ дней, скончался. По смерти Анѳима Діоклетіанъ призвалъ къ себѣ Лисимаха и дядю его, Селина и, принявъ ихъ особо, сказалъ Лисимаху:

— Помня любовь ко мнѣ отца твоего, я хотѣлъ бы поставить тебя епархомъ вмѣсто него, но до меня дошелъ слухъ, что ты

---

1) *Епархъ*—градоправитель, областеначальникъ.

2) *Сенаторъ*—членъ сената, т. е. совѣта старѣйшинъ (senex—старецъ); впослѣдствіи названіе сенаторъ стало почетнымъ титуломъ.

питаешь склонность къ вѣрѣ христіанъ. Поэтому я отложилъ свое намѣреніе, пока выяснится, справедливо ли говорятъ о тебѣ. Пока же для испытанія я рѣшилъ послать тебя на Востокъ, чтобы ты искоренилъ тамъ христіанскую вѣру; и когда возвратишься къ намъ, исполнивъ мое порученіе, тогда будешь награжденъ отъ насъ самомъ епарха.

На такую рѣчь царя Лисимахъ ничего не посмѣлъ возразить, такъ какъ былъ очень юнъ, имѣя отъ роду около 20-ти лѣтъ. Но Селинъ, дядя его, упавши къ ногамъ Діоклетіана, сказалъ:

— Умоляю тебя, великій и безсмертный царь, дозволь Лисимаху остаться здѣсь на нѣсколько дней, чтобы вступить въ бракъ съ дочерью Прóсфора,—и когда онъ сочетается бракомъ, то съ нимъ вмѣстѣ пойду и я, и мы вмѣстѣ сдѣлаемъ все такъ, какъ повелитъ намъ твоя божественная власть.

Царь же сказалъ имъ обоимъ:

— Сначала идите, куда я васъ посылаю, и истребите христіанъ, когда же исполните порученное вамъ дѣло, возвращайтесь сюда,— тогда и я отпраздную вмѣстѣ съ вами бракъ Лисимаха.

Услышавъ это, они не посмѣли произнести больше ни слова и покорно повиновались царю,—взявши указъ и войска, отправились на Востокъ.

Лисимахъ взялъ съ собою родственника своего, комита[1]) Прима, который былъ сынъ сестры матери его,—и поручилъ ему начальствованіе надъ войскомъ.

Пріѣхавъ на Востокъ, они остановились въ области Пальмира[2]) и всѣхъ, находившихся тамъ, христіанъ стали предавать различнымъ жестокимъ мученіямъ: однихъ жгли огнемъ, другихъ отдавали на съѣденіе звѣрямъ, а иныхъ посѣкали мечомъ и тѣло ихъ выбрасывали собакамъ. Селинъ, дядя Лисимаха, былъ очень суровъ и безчеловѣченъ. Страхъ объялъ многихъ при видѣ жестокостей Селина. Лисимахъ же былъ очень жалостливъ къ христіанамъ,

---

[1]) *Комитъ* – спутникъ императора или высшей чиновной особы; этимъ именемъ обозначались лица, состоявшія у нихъ въ свитѣ.

[2]) *Пальмира*—нѣкогда городъ Сиріи, лежавшій въ одномъ изъ оазисовъ между Дамаскомъ и р. Евфратомъ. Городъ этотъ былъ основанъ еще Соломономъ. При Навуходоносорѣ онъ былъ разоренъ, но скоро, благодаря своему выгодному положенію между Средиземнымъ моремъ и долиною Евфрата, снова отстроился и сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. При Римлянахъ Пальмира съ своею областію представляла одно время независимое государство, но потомъ она была покорена Римлянами: побѣдителя при этомъ разрушилъ городъ; но при императорѣ Діоклетіанѣ онъ былъ возстановленъ. Во времена Арабовъ городъ былъ снова разрушенъ и превратился въ жалкую деревушку.

такъ какъ мать его была христіанкой, и отъ нея онъ научился познанію Христа. Однажды ночью онъ призвалъ къ себѣ своего родственника, комита Прима, и сказалъ ему:

— Уважаемый Примъ, ты знаешь, что отецъ мой по вѣрѣ былъ Еллинъ[1]) и въ язычествѣ скончался, но мать моя умерла христіанкой и при жизни своей старалась сдѣлать меня христіаниномъ. Но боясь отца и царя, я не могъ сдѣлать этого открыто и далъ матери обѣщаніе, что не погублю ни одного христіанина и буду стараться сдѣлаться другомъ Христовымъ. Теперь же вижу, что христіанъ жестоко мучитъ и убиваетъ дядя мой Селинъ,—и отъ этого сильно страдаетъ душа моя; ибо втайнѣ я хочу щадить христіанъ и тѣхъ изъ нихъ, которые содержатся въ узахъ, отпускать, чтобы они убѣгали и скрывались, гдѣ могли.

Комитъ согласился помочь ему, и они заключили другъ съ другомъ соглашеніе, обязуясь взаимно щадить христіанъ. Какъ только они открывали гдѣ-нибудь церкви или монастыри христіанскія, тотчасъ же посылали туда тайное извѣстіе, предупреждающее о нашествіи мучителей, и давали совѣтъ скрыться. Сверхъ того комитъ повелѣлъ единомышленнымъ съ ними воинамъ не хватать христіанъ на мученія, а схваченныхъ повелѣвалъ отпускать.

Пробывъ въ Пальмирѣ довольно долго, Селинъ, послѣ того какъ замучилъ многихъ христіанъ, захотѣлъ идти въ Сиваполь—городъ, лежащій въ ассирійскихъ предѣлахъ[2]), входившихъ въ составъ подчиненный Риму области. Въ этомъ городѣ находился женскій монастырь, состоявшій изъ 50-ти монахинь, игуменія которыхъ, Вріенна, была ученицей блаженной игуменіи, діакониссы[3]) Платониды, и строго исполняла правила своей наставницы. Уставъ Платониды былъ такой. Въ пятницу ни одна изъ сестеръ не должна была работать, но всѣ собирались въ церковь и съ утра до вечера

---

1) Т. е. исповѣдывалъ греко-римскую языческую религію.

2) *Ассирія* была расположена на востокъ отъ Сиріи, въ верхней, сѣверной части Месопотамской равнины.

3) *Діаконисса*—церковная служнтельница. Служеніе діакониссъ состояло въ слѣдующемъ: онѣ приготовляли женщинъ къ Крещенію, научая, какъ и что должны онѣ отвѣчать на вопросы крещающаго и какъ вести себя послѣ Крещенія, помогали епископу при Крещеніи женщинъ и вмѣсто него дѣлали помазаніе частей тѣла, за исключеніемъ лба; смотрѣли за дверью церковною, въ которую входили женщины въ церковь, разставляли женщинъ по мѣстамъ и наблюдали, чтобы они вели себя благочинно, присутствовали при бесѣдахъ епископовъ и пресвитеровъ съ женщинами, заботились о благотворительности по отношенію къ женщинамъ. Въ первые вѣка діакониссы причислялись къ клиру, а потомъ они поставлялись на свою должность по особому рукоположенію; впослѣдствіи рукоположеніе было запрещено, а затѣмъ прекратилось и самое служеніе діакониссъ.

молились или читали Божественныя книги. Сначала до 3 часовъ утра читала сестрамъ сама діаконисса Платонида, а потомъ она отдавала книгу Врієннѣ, приказывая ей читать до вечера. Точно такъ же дѣлала потомъ и Врієнна, которая, принявъ, послѣ смерти своей наставницы, начальствованіе въ монастырѣ, во всемъ подражала ей.

У игуменіи Врієнны воспитывались и приготовлялись къ иноческой жизни двѣ отроковицы: Прокла и Февронія. Проклѣ было 25 лѣтъ, Февроніи 20. Февронія была племянницей Врієнны, т. е. дочерью ея брата, и блистала такой дивной красотой, что ни одинъ художникъ не могъ бы въ совершенствѣ изобразить цвѣтущаго благолѣпія лица ея. Эта красота очень безпокоила Врієнну, и она много думала, какъ бы сохранить Февронію цѣломудренною, вдали отъ соблазновъ міра. Всѣ сестры монастыря принимали пищу ежедневно только по разу, къ вечеру, и то въ очень маломъ количествѣ; но Врієнна повелѣвала Февроніи поститься до другого дня, чтобы она цѣлый день оставалась безъ пищи и вкушала только къ вечеру другого дня,—она надѣялась, что благодаря такому воздержанію поблекнетъ красота Февроніи. Февронія, желая умертвить плоть свою, прилагала съ своей стороны всѣ силы къ столь великому воздержанію и никогда не ѣла и не пила до сытости, но жаждою и голодомъ, многими трудами и подвигами неуклонно изнуряла плоть свою, воздерживаясь, сверхъ того, и отъ сна. Постель ея состояла изъ одной голой доски безъ всякой подстилки; въ длину она имѣла 3 локтя, а въ ширину 1½ пяди; изнуренная чрезмѣрнымъ постомъ Февронія забывалась сномъ на этой доскѣ или на голой землѣ, и притомъ на самое короткое время. И когда діаволъ сонными видѣніями покушался соблазнить ее, она тотчасъ же вставала, падала на землю, распростершись крестообразно, и молилась Богу съ горькими слезами, чтобы Онъ избавилъ ее отъ діавола; потомъ, взявъ книги Божественнаго Писанія, она прилежно читала ихъ и получала отъ нихъ духовное наслажденіе. Февронія была отъ природы настолько любознательна и остра умомъ, что ея уму много удивлялась сама Врієнна.

По пятницамъ, когда всѣ монахини собирались въ церковь для чтенія Слова Божія, игуменья Врієнна поручала Февроніи читать Священное Писаніе. А такъ какъ вмѣстѣ съ монахинями въ храмъ часто приходили слушать духовныя поученія и мірскія

женщины, то Вріенна приказывала Февроніи читать за завѣсою, чтобы она не видала вида и украшеній этихъ женщинъ, которыхъ она никогда не видала и раньше. И распространилась добрая молва о блаженной Февроніи по всему городу,—повсюду хвалили ея познанія и умъ, ея красоту и добронравіе, ибо она была кротка, смиренна, цѣломудрена и украшалась всякими добродѣтелями.

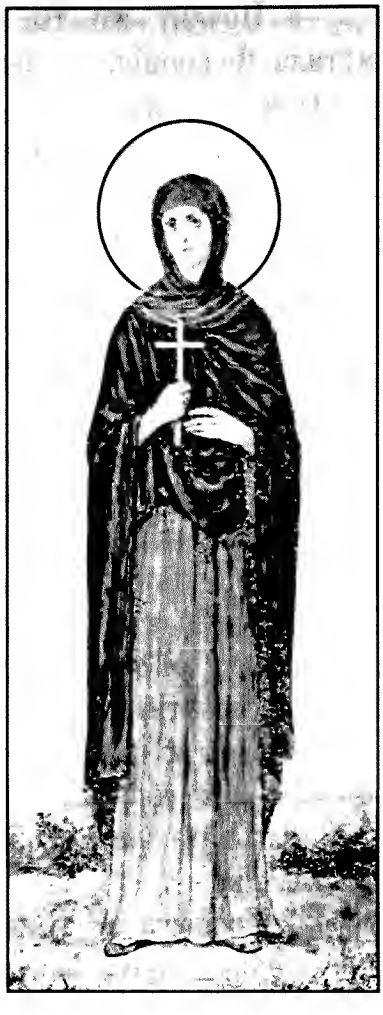
Услышала обо всѣхъ этихъ качествахъ святой дѣвицы одна женщина сенаторскаго рода, именемъ Іерія, и воспылала сильнымъ желаніемъ видѣть Февронію и бесѣдовать съ нею. Эта женщина принадлежала къ еллинской вѣрѣ, была молода лѣтами и уже овдовѣла, проживъ съ мужемъ своимъ всего только 7 мѣсяцевъ; по смерти мужа она проживала въ домѣ своихъ родителей, которые также принадлежали къ еллинскому нечестію. Придя въ монастырь, она чрезъ привратницу извѣстила игуменію Вріенну о своемъ желаніи видѣть Февронію. Когда же Вріенна вышла къ ней, Іерія упала къ ногамъ ея и, обнимая ихъ, молила игуменію:

— Заклинаю тебя Богомъ, сотворившимъ Небо и землю, не гнушайся меня нечестивой, бывшей доселѣ забавой идоловъ и бѣсовъ,—не лиши меня поучительныхъ бесѣдъ съ сестрой вашей Февроніей, чтобы она наставила меня на путь спасенія. Тогда я надѣюсь обрѣсти у Христа—Бога Истиннаго то, что уготовано христіанамъ. Итакъ, избавьте меня отъ суетности вѣка сего и отъ идольскаго нечестія, ибо родители принуждаютъ меня ко второму браку, я же хочу начать новую жизнь, проводя время въ поучительныхъ и душеполезныхъ бесѣдахъ съ Февроніей: довольно мнѣ и прежнихъ лѣтъ, прожитыхъ мною, по невѣдѣнію, въ нечестіи.

Говоря это, Іерія обливала слезами ноги игумени, побуждая ее къ милосердію.

Вріенна же, выслушавъ ее, сказала:

— Господь свидѣтель, госпожа Іерія, что отроковица Февронія еще съ двухъ лѣтъ принята мною на попеченіе, и вотъ теперь уже 18-тый годъ, какъ живетъ она въ монастырѣ безвыходно, не видя до сего времени ни мужчинъ, ни мірскихъ женщинъ, ни ихъ одежды и убранства и ничего мірского. Даже кормилица ея до сихъ поръ не могла ее видѣть, и хотя много разъ умоляла меня повидать ее и побесѣдовать съ нею, но я не допустила этого. Но теперь видя твое усердіе и уразумѣвъ твою любовь къ Богу и надѣясь на твое спасеніе, я сведу тебя къ ней; но только ты перемѣни свои мірскія одежды на иноческія.



Прпбномч҃ница
ФЄVРѠ́НІѦ

Іерія тотчасъ же съ радостію исполнила это условіе, и Вріенна отвела ее къ Февроніи.

Увидѣвъ Іерію въ иноческихъ одеждахъ, Февронія подумала, что это пришла къ нимъ какая-нибудь странствующая инокиня; поэтому она поклонилась ей до земли и, обнявши, поцѣловалась съ нею какъ съ сестрою о Христѣ. Вріенна же повелѣла имъ обѣимъ сѣсть и упражняться въ поучительномъ чтеніи Божественныхъ книгъ. Тогда Февронія, взявъ книги, начала читать Іереи, и та до того умилилась отъ всего прочитаннаго, что всю ночь пробыла безъ сна. Такъ обѣ они, оставаясь безъ сна, и упражнялись въ чтеніи Божественныхъ книгъ, и ни Февронія не устала, читая книги, ни Іерія, слушая чтеніе. При этомъ Іерія пролила столько слезъ, что даже земля омочилась слезами ея; ибо, бывши эллинкой по вѣрѣ, она никогда не слыхала таковыхъ душеполезный наставленій.

Когда настало утро, Іерія едва могла повиноваться игумени, чтобы пойти въ домъ свой. Со слезами простившись съ Февроніей, она отправилась къ родителямъ. Февронія же спросила помощницу игумени Ѳомаиду:

— Молю тебя, госпожа, мать моя, скажи мнѣ, кто была та странствующая инокиня, которая такъ обливалась слезами, точно никогда не слышала Божественныхъ словъ?

— Неужели ты не знаешь, съ кѣмъ бесѣдовала? — сказала ей на это Ѳомаида.

Февронія отвѣтила:

— Какъ же я могу знать странствующую инокиню, которую никогда не видѣла.

Тогда Ѳомаида сказала ей:

— Сестра эта есть никто иная, какъ Іерія, знатная женщина нашего города.

— Почему же ты не сказала мнѣ объ этомъ раньше,—замѣтила Февронія,—я бесѣдовала съ ней какъ съ сестрою.

Ѳомаида сказала:

— Такъ велѣла госпожа наша игуменія.

Послѣ такихъ словъ Февронія замолчала и стала молиться Богу въ глубинѣ души объ Іеріи, чтобы Богъ обратилъ ее на путь истинный и принялъ въ свое избранное стадо.

Іерія же, придя домой, разсказала все, что слышала отъ Февроніи, и начала убѣждать родителей своихъ оставить еллинское заблужденіе и познать Единаго Истиннаго Бога—Іисуса Христа. Тѣ послушались благоразумнаго совѣта дочери, увѣровали во Христа и со всѣмъ домомъ приняли Святое Крещеніе. Такъ подѣйствовали на нихъ молитвы и наставленія святой Февроніи.

Въ скоромъ времени послѣ этого Февронія тяжко заболѣла. Іерія пришла къ ней и ухаживала за ней во время болѣзни. Вдругъ разнеслась вѣсть, что Селинъ и Лисимахъ подходятъ къ городу мучить христіанъ. Тогда всѣ христіане, не исключая священнослужителей и клириковъ, и даже самъ епископъ, оставивши все, бѣжали изъ города, гонимые страхомъ, и скрывались, гдѣ могли.

Услышавъ это, инокини монастыря Врієнны пришли къ ней и сказали:

— Госпожа мать наша, что намъ дѣлать? Вотъ, приближаются къ городу звѣри лютые — нечестивые мучители, и всѣ вѣрные христіане бѣжали, боясь мукъ.

Врієнна со своей стороны спросила ихъ:

— Что же вы думаете и что хотите дѣлать?

Они отвѣчали:

— Повели, о мать наша, и намъ укрыться, чтобы спасти души наши.

На это Врієнна замѣтила:

— Еще борьбы не видѣли, а думаете о бѣгствѣ, не насталъ еще часъ подвига, а вы ужъ хотите быть побѣжденными; нѣтъ, дѣти, молю васъ, не дѣлайте этого; лучше здѣсь останемся, претерпимъ мученія и умремъ за Христа, умершаго за насъ, чтобы намъ жить съ Нимъ во вѣки.

Услышавъ эти слова, сестры умолкли. Но на слѣдующій день одна сестра, по имени Еферія, сказала прочимъ:

— Знаю я, что изъ-за Февроніи не пускаетъ насъ мать игуменія скрыться,—она хочетъ, думаю, изъ-за нея одной погубить

насъ всѣхъ; но пойдемъ къ ней снова, и я за всѣхъ скажу ей, что слѣдуетъ.

Услышавъ это, нѣкоторые инокини согласились съ Еферіей, другіе же стали возражать ей, но, наконецъ, всѣ сговорились и пошли къ игуменіи. Врієнна, уразумѣвъ, зачѣмъ они пришли, спросила Еферію:

— Что хочешь, сестра?

Она же отвѣчала:

— Молимъ тебя, мать наша, позволь намъ убѣжать отъ грозящихъ бѣдъ, ибо и епископъ, и весь клиръ удалились. Вспомни, о мать наша, что есть среди насъ юныя отроковицы, за которыхъ нужно бояться, чтобы они, схваченные нечестивыми воинами, не лишились дѣвства и не потеряли своей награды отъ Бога. Еще же нужно бояться и того, что мы не перенесемъ мученій и, отрекшись Христа, погубимъ души наши. Повели также взять намъ съ собою и сестру нашу, больную Февронію, чтобы скрыть и ее отсюда.

Услышавъ это, Февронія сказала:

— Живъ Христосъ мой, Котораго невѣстой я себя считаю и Которому отдаю душу свою,—не отойду отъ этого мѣста, но здѣсь умру и похоронюсь.

Тогда Врієнна, обращаясь къ Еферіи, сказала:

— Смотри, что ты дѣлаешь, смущая сестеръ; ты видишь,— я неповинна въ томъ, что ты обо мнѣ думаешь.

Потомъ, обратившись къ прочимъ, сказала:

— Пусть каждая изъ васъ рѣшитъ такъ, какъ ей покажется полезнѣе.

Тогда всѣ сестры, боясь предстоящихъ мученій, простились съ игуменіей и Февроніей и, съ плачемъ и рыданіемъ, бія себя въ грудь, удалились изъ монастыря. Прокла же, сверстница и соученица Февроніи, обнявши и цѣлуя ее, плакала и говорила:

— Помолись за меня, госпожа и сестра моя.

Февронія, удерживая ее за руку и не пуская, уговаривала:

— Побойся Бога, сестра моя Прокла, не оставляй насъ. Ты видишь—я больна и скоро умру. Мать наша Врієнна не можетъ похоронить меня одна,—останься же и помоги ей погребсти меня.

Тогда Прокла отвѣтила:

— Хорошо, сестра моя, я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, какъ велишь мнѣ.

Когда же насталъ вечеръ, Прокла не сдержала слова своего и тайно убѣжала изъ монастыря. Съ Февроніею остались только Вріенна и Ѳомаида.

Игуменія Вріенна, видя опустѣвшій монастырь, съ печалію вошла въ церковь, упала на землю и горько зарыдала.

Ѳомаида, успокаивая ее, говорила:

— Перестань, госпожа и мать моя. Ибо Богъ силенъ въ скорби и напасти сотворить и̂ и̂збы́тїе [1]). Онъ поможетъ намъ перенести находа́щїѧ на насъ бѣдствія [2]). Вспомни, развѣ былъ кто, вѣрующій въ Бога, посрамленъ, и пребывающій въ страхѣ Божіемъ оставленъ безъ Его помощи?

Вріенна отвѣтила:

— Да, госпожа моя Ѳомаида, все такъ; но что мнѣ дѣлать съ Февроніей? Куда ее скрыть и сохранить? Какими глазами я буду смотрѣть, когда варвары поведутъ ее, какъ плѣнницу?

Тогда Ѳомаида сказала:

— Воскрешающій мертвыхъ Господь можетъ и Февронію подкрѣпить и сохранить отъ варваровъ невредимой; молю тебя, госпожа и мать моя, перестань огорчаться и плакать; лучше пойдемъ къ больной Февроніи,—утѣшимъ ее и подкрѣпимъ.

Когда они пришли къ Февроніи, Вріенна опять горько зарыдала. Февронія же, посмотрѣвъ на Ѳомаиду, спросила:

— Что означаютъ слезы нашей матери Вріенны?

Обернувшись къ ней, Ѳомаида отвѣчала:

— Изъ-за тебя эти материнскія слезы, такъ какъ ты молода и красива. Вотъ, придутъ къ намъ жестокіе мучители, чтобы причинить намъ великія скорби: насъ, старыхъ женщинъ, они тотчасъ же убьютъ, тебя же, молодую и красивую лицомъ дѣвицу, они сохранятъ, чтобы прельстить соблазнами міра,—и мы боимся, что льстивыми словами и насиліемъ они погубятъ дѣвство твое и лишатъ тебя чертога, уготованнаго твоимъ Небеснымъ Женихомъ.

Тогда Февронія сказала:

— Молю васъ—помолитесь обо мнѣ ко Господу, чтобы Онъ призрѣлъ на смиреніе мое—укрѣпилъ мою немощь и подалъ мнѣ терпѣніе, какъ подаетъ Онъ всѣмъ рабамъ Своимъ, возлюбившимъ Его отъ всего сердца.

На это Ѳомаида отвѣтила:

---

1) 1 Посл. къ Корине., гл. 10. ст. 13.

2) Кн. Сираха, гл. 2, ст. 10.

— Дитя мое, Февронія! Наступаетъ время подвига. Если нечестивые мучители будутъ соблазнять тебя льстивыми словами, золотомъ, серебромъ и многоцѣнными одѣяніями или какими-либо суетными прелестями міра сего,—будь осторожна и внимательна къ себѣ,—не слушайся ихъ увѣщаній, чтобы тебѣ не потерять награды отъ Господа за прежніе труды свои. Смотри, чтобы не сдѣлаться тебѣ посмѣшищемъ діавола и игралищемъ идоловъ. Помни, что нѣтъ ничего славнѣе дѣвства, и велика награда, ожидающая дѣвственницъ. Ибо Женихъ дѣвственницъ безсмертенъ и всѣмъ любящимъ Его подаетъ безсмертіе. Итакъ, госпожа моя, потщись достигнуть того, чему ты посвятила всю жизнь свою. Блюди себя, дочь моя, чтобы тебѣ не лишиться залоговъ твоего блаженства—т. е. благодати Крещенія и иноческаго по́стрига. Ибо страшенъ будетъ Господь, когда сядетъ на Престолѣ славы Своей судить всѣхъ и воздать каждому по дѣламъ его.

Внимая этимъ словамъ, Февронія укрѣплялась духомъ и мужественно готовилась вступить въ доблестную брань съ діаволомъ. Потомъ она сказала Ѳомаидѣ:

— Хорошо сдѣлала ты, госпожа моя, утвердивъ рабу твою въ вѣрѣ и содѣлавъ душу мою готовою къ доблестному подвигу. Да будетъ же тебѣ извѣстно, что если бы я не имѣла желанія умереть за Жениха моего, то бѣжала бы вмѣстѣ съ другими сестрами, чтобы укрыться отъ страшнаго страдальческаго подвига. Но такъ какъ я отъ всего сердца люблю Небеснаго Жениха моего, Которому я обручилась душею и Которому посвятила тѣло мое, то дерзаю пойти къ Нему стезею мученичества, если Онъ удостоитъ меня пострадать и умереть за Имя Его.

Вріенна, выслушавъ такія рѣчи Февроніи, сказала ей:

— Дочь моя, Февронія! Вспомни мои труды и заботы о тебѣ, вспомни, что съ двухъ лѣтъ я приняла тебя на попеченіе изъ рукъ кормилицы твоей и что до настоящаго дня никто изъ мірянъ даже не видалъ лица твоего. До нынѣшняго дня я блюла тебя какъ зѣницу ока. А что теперь мнѣ дѣлать съ тобою и какъ блюсти тебя, я уже не знаю. Блюди себя сама, чтобы не опечалить старости моей, не уничтожить трудовъ, какіе я, духовная мать твоя, приложила къ твоему воспитанію. Поминай страстотерпцевъ, которые прежде тебя мужественно и доблестно страдали за Христа и получили теперь вѣнецъ отъ Него, среди коихъ были не только мужи, но также женщины и дѣти. Вспомни Ливію и

Леониду—этихъ славныхъ сестеръ, которые мужественно положили за Христа души свои. Ибо Ливія и Леонида, одна—будучи усѣчена мечомъ, а другая—ввержена въ огонь, обѣ вмѣстѣ вошли въ чертогъ своего Небеснаго Жениха. Поминай двѣнадцатилѣтнюю отроковицу Евтропію, которая была замучена вмѣстѣ съ матерью. Не всегда ли удивлялась ты послушанію и терпѣнію ея? Ты знаешь, какъ судія, разрѣшивъ ее отъ узъ, хотѣлъ ее устрашить стрѣлами, думая, что она побѣжитъ отъ нихъ. Но вотъ она услышала голосъ матери своей, говорящій ей: «Дитя мое, Евтропія, остановись»,—и отроковица мужественно стала какъ столбъ недвижимый, пока не была вся изранена стрѣлами: тутъ она пала на землю, предавши духъ свой Господу. Отроковица эта была проста и неучена; а ты сама хорошо изучила Божественныя книги и была доброю учительницею многихъ. Итакъ, помысли, сколь мужественно тебѣ подобаетъ стать за Господа твоего.

Это и многое другое говорили они другъ съ другомъ, пока не прошла ночь и не наступилъ день.

Когда возсіяло солнце, въ городѣ поднялось великое смятеніе. Это вошли въ городъ Селинъ и Лисимахъ, воины которыхъ начали уже хватать многихъ христіанъ и бросать ихъ въ темницу. Нѣкоторые Эллины сказали Селину о находившемся въ городѣ женскомъ монастырѣ. Селинъ тотчасъ же послалъ воиновъ взять всѣхъ инокинь. Воины, придя къ монастырю, окружили его со всѣхъ сторонъ и, сѣкирами разрубивши двери, вошли внутрь его, какъ дикіе звѣри. Схвативъ Вріенну, они хотѣли мечомъ убить старицу. Но Февронія, видя опасность, упала къ ногамъ воиновъ и начала громко взывать:

— Заклинаю васъ Богомъ,—убейте сначала меня, чтобы я не видала смерти госпожи моей.

Когда Февронія такъ вопіяла, пришелъ туда комитъ Примъ; онъ съ гнѣвомъ отогналъ воиновъ и спросилъ Вріенну:

— Гдѣ же остальныя инокини, которыя пребывали въ этомъ монастырѣ?

Вріенна сказала:

— Всѣ въ страхѣ бѣжали.

Тогда комитъ сказалъ:

— О, если бы и вы бѣжали вмѣстѣ съ ними! Но и теперь вы свободно можете сдѣлать это и бѣжать, куда хотите,—я оказываю вамъ эту милость.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ монастыря и отвелъ съ собою воиновъ. Когда онъ пришелъ въ преторію къ Лисимаху, тотъ спросилъ его:

— Правда ли говорили намъ, что вблизи тутъ есть христіанскій монастырь.

— Правда, — сказалъ комитъ.

Затѣмъ, отведя Лисимаха въ сторону, наединѣ сказалъ ему:

— Почти всѣ инокини разбѣжались изъ монастыря того, и не нашелъ я тамъ никого, кромѣ двухъ старицъ и одной молодой инокини. При этомъ имѣю повѣдать тебѣ нѣчто дивное, что я видѣлъ въ монастырѣ томъ: видѣлъ я младую черноризицу столь великой красоты, что такихъ красивыхъ женщинъ я никогда не видалъ доселѣ. Богъ свидѣтель, что я истину говорю тебѣ. Увидѣвъ ее, я удивился благолѣпію лица ея, и если бы она не была одѣта въ убогія одежды, я почелъ бы ее достойною стать женою тебѣ, господину моему.

На это Лисимахъ отвѣтилъ:

— Если я не хочу преступать заповѣди моей матери и проливать кровь христіанскую, но желаю всячески щадить христіанъ,—то какъ же я могу быть соблазнителемъ невѣсть Христовыхъ? Никогда я этого не сдѣлаю; но я обращаюсь къ тебѣ, господинъ мой, съ усердною просьбою: изведи старицъ тѣхъ и молодую черноризицу изъ монастыря и сохрани гдѣ-нибудь, чтобы они не попали на мученіе въ руки Селина, дяди моего.

Когда они такъ говорили другъ съ другомъ, одинъ изъ злѣйшихъ воиновъ, бывшій въ монастырѣ, услыхавъ бесѣду ихъ, немедленно отправился къ Селину и разсказалъ ему, что они нашли въ женскомъ монастырѣ весьма красивую дѣвицу и что комитъ совѣтуетъ Лисимаху взять ее себѣ въ жены.

Селинъ, исполнившись ярости, тотчасъ же послалъ воиновъ, чтобы они сторожили найденныхъ тамъ черноризицъ, не давая имъ возможности скрыться. Затѣмъ послалъ нѣкоторыхъ ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ, чтобы они посмотрѣли на ту дѣвицу и узнали имя ея. Тѣ пошли и, возвратившись, сказали Селину, что въ поднебесной, навѣрное, не найдется ни одной женщины, которая могла бы сравняться красотою своею съ видѣнной ими дѣвицей. Послѣ такихъ словъ Селинъ тотчасъ же послалъ глашатая кричать въ городѣ, чтобы наутро слѣдующаго дня всѣ жители, обоего пола и всякаго возраста, собирались смотрѣть на подвигъ юной дѣвицы Февроніи.

Услышавъ это, всѣ люди, жившіе въ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ, собрались на зрѣлище въ большомъ количествѣ, чтобы видѣть подвигъ святой Февроніи. Съ наступленіемъ утра мучитель послалъ въ монастырь наиболѣе свирѣпыхъ воиновъ и повелѣлъ имъ привести оттуда святую дѣву на судилище. Воины, придя въ монастырь, безжалостно схватили Февронію и, оковавъ шею ея цѣпями, повлекли изъ монастыря.

Тогда Вріенна и Ѳомаида, со слезами обнимая свою ученицу, стали горько плакать и молить воиновъ, чтобы они позволили имъ немного побесѣдовать съ Февроніею; воины согласились. И снова Вріенна и Ѳомаида стали умолять воиновъ, чтобы они взяли и ихъ съ собою на тотъ же подвигъ, какой предстоялъ Февроніи; ибо старицы боялись, какъ бы одна она безъ поддержки съ ихъ стороны не устрашилась мукъ.

Но воины сказали:

— Намъ не дано повелѣнія представить васъ на судилище, но только одну Февронію.

И вотъ, Вріенна и Ѳомаида начали утверждать Февронію въ вѣрѣ.

Вріенна такъ говорила ей:

— Вотъ, ты, дочь моя Февронія, идешь нынѣ на страдальческій подвигъ. Знай, что Небесный Женихъ будетъ взирать на твои страданія и Ангельскія Силы уже приготовили для тебя побѣдный вѣнецъ, если ты мужественно постраждешь до конца. Блюди, чтобы тебѣ не убояться мукъ и не сдѣлаться поруганіемъ бѣсовъ. Не жалѣй тѣла твоего, когда начнутъ его раздроблять ранами,—ибо оно, если бы даже и не хотѣли мы, все равно, по прошествіи нѣкотораго времени, вселится въ гробъ и обратится во прахъ. Вотъ, я съ горькимъ рыданіемъ буду ждать о тебѣ благой или печальной вѣсти. Порадѣй же, дочь моя,—я усердно молю тебя объ этомъ,—чтобы мнѣ услышать добрую вѣсть о тебѣ. О, кто бы принесъ мнѣ ту благую вѣсть, что Февронія мученически за Христа пострадала и вступила въ сонмы мучениковъ!

На это блаженная Февронія отвѣтила Вріеннѣ:

— Надѣюсь, мать моя, что какъ доселѣ я не преступала заповѣдей твоихъ, такъ и нынѣ неизмѣнно соблюду наставленіе и повелѣніе твое. И увидятъ люди, и удивятся, и восхвалятъ трудъ Вріенны, говоря: вотъ, поистинѣ насажденіе и ростокъ Вріенны—той великой старицы! Ибо я въ женскомъ тѣлѣ проявлю мужескую

силу духа; вы же молитесь обо мнѣ и не препятствуйте идти на предлежащій подвигъ.

Тогда сказала ей Ѳомаида:

— Живъ Господь, сестра моя Февронія, что и я пойду слѣдомъ за тобою. Одѣнусь въ мірскія одежды и, ставши среди народа, буду смотрѣть на твой подвигъ.

Когда же воины начали торопить Февронію и уже хотѣли повлечь ее за собою, она сказала тѣмъ святымъ старицамъ:

— Молю васъ, матери мои, благословите меня на дорогу и помолитесь обо мнѣ.

И Вріенна, воздѣвъ руки свои къ Небу, начала такъ молиться громкимъ голосомъ:

— Господи Іисусе Христе, нѣкогда явившійся въ образѣ Павловомъ рабѣ Твоей Ѳеклѣ[1]) при страданіяхъ ея, явись и нынѣ смиренной рабѣ Твоей Февроніи въ часъ ея подвига и свыше невидимо укрѣпи ее, чтобы и чрезъ нее прославилось Имя Твое святое.

Такъ помоливщись, Вріенна со слезами обняла Февронію и, облобызавъ ее, отпустила отъ себя. Воины же, взявъ святую дѣву, повели ее къ мучителю Селину.

Немного проводивъ свою любимую духовную дочь, Вріенна съ плачемъ и рыданіемъ возвратилась въ монастырь и, повергшись на землю въ церкви, вопіяла, молясь къ Богу о Февроніи. Ѳомаида же, оставивъ Вріенну въ церкви плачущею, облачилась въ одежды мірскихъ женщинъ и пошла слѣдомъ за Февроніею на позорище. Туда же пошли и тѣ женщины, которыя каждую пятницу приходили въ монастырь послушать книжныя поученія изъ устъ Февроніи,—біюще въ перси свои, они со слезами спѣшили на позорище, пребывая въ сильной печали оттого, что лишаются своей учительницы. Вѣсть о томъ, что Февронія поведена на позорище, дошла также и до Іеріи, и она такъ громко зарыдала, что родители ея и всѣ бывшіе въ домѣ ужаснулись и стали спрашивать:

— Что съ тобою, Іерія?

— Сестру мою Февронію повели на позорище, учительницу мою отослали на муки за Христа, — отвѣчала Іерія среди рыданій.

Родители Іеріи старались успокоить ее, но она еще больше рыдала и говорила имъ:

---

[1]) Память св. первомуч. Ѳеклы совершается 24 сентября.

— Оставьте меня,—я не перестану плакать по сестрѣ моей и учительницѣ Февроніи.

Когда она такъ говорила, родители ея тоже возрыдали, и весь домъ огласился плачемъ о святой Февроніи; Іерія же стала просить родителей, чтобы они отпустили ее идти на позорище, и они не препятствовали ей. Взявъ много рабовъ и рабынь, она съ рыданіемъ пошла на позорище и догнала множество женъ, со слезами спѣшившихъ туда же; среди нихъ была и Ѳомаида, шедшая въ мірскихъ одѣяніяхъ. Узнавъ ее, Іерія пошла вмѣстѣ съ нею, и онѣ обѣ, проливая многія слезы, пришли на назначенное мѣсто. Безчисленное множество народа собралось тамъ, и судьи уже сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Когда все было приготовлено, Селинъ и Лисимахъ повелѣли привести къ нимъ святую Февронію. Святая предстала предъ ними, имѣя руки связанными назади, а шею окованною цѣпями; видя это, почти всѣ тамъ присутствовавшіе залились слезами и предались горькому плачу и рыданіямъ. Мучитель Селинъ, подавъ знакъ къ молчанію, сказалъ Лисимаху:

— Подвергни эту женщину допросу и выслушай ее отвѣты.

И началъ Лисимахъ допрашивать Февронію. Сначала онъ спросилъ ее:

— Скажи намъ, какого ты званія—раба ли ты, или свободная?

— Да, я раба, — отвѣтила Февронія.

— Чья же?

— Христова,— смѣло исповѣдала святая дѣва.

Снова спросилъ ее Лисимахъ:

— Какое имя ты носишь?

И Февронія отвѣтила:

— Нарицаюсь я смиренной христіанкой.

Лисимахъ опять спросилъ:

— Мы хотимъ знать *имя* твое?

— Я уже сказала тебѣ, что я —христіанка,—отвѣтила Февронія,—но если ты хочешь знать то имя, какое дано мнѣ было при рожденіи,—то я отвѣчу тебѣ: мать назвала меня Февроніей.

Тогда мучитель Селинъ повелѣлъ Лисимаху прекратить допросъ и самъ обратился съ рѣчью къ святой дѣвѣ.

— Призываю боговъ въ свидѣтели, Февронія, что я не хотѣлъ снизойти до бесѣды съ тобою; но такъ какъ кротость твоя и красота лица твоего побѣдили мой гнѣвъ на тебя,—то я спрошу

тебя уже не какъ осужденную, но какъ дочь мою. Слушай же, дочь моя, пусть боги будутъ свидѣтелями, что я истину говорю тебѣ. Ты видишь сидящаго со мною племянника моего Лисимаха; я и отецъ его Анѳимъ, теперь уже умершій, намѣтили ему въ жены дѣвицу благородную, обладающую многими богатствами, дочь сенатора Прóсфора, и уже обручили его съ нею. Теперь, если ты исповѣдуешь свою вину предъ богами, то мы уничтожимъ брачный договоръ съ дочерью Прóсфора и установимъ новый—съ тобою. И станешь ты женою Лисимаха и, какъ жена, будешь возсѣдать по правую руку его, какъ теперь возсѣдаю я. Ты видишь, что онъ красивъ, какъ и ты. Послушай же моего совѣта, какъ отца твоего; въ награду за то я сдѣлаю тебя знатной и богатой, и ты никогда не узнаешь нищеты. Я не имѣю ни жены ни дѣтей,—и все, что у меня есть, дарю тебѣ,—дѣлаю тебя госпожею всѣхъ имѣній моихъ. Все это я дамъ въ приданое за тобою господину моему Лисимаху и буду вамъ вмѣсто отца. Тогда, видя сколь великой чести сподобилась ты, прославятъ и ублажатъ тебя всѣ женщины,—порадуется о тебѣ и доблестный царь нашъ и съ своей стороны тоже наградитъ васъ многимъ, ибо онъ обѣщался поставить Лисимаха епархомъ Рима. Вотъ, ты слышала все, что я сказалъ тебѣ. Скажи же мнѣ, что ты не отвращаешься отъ боговъ нашихъ, этимъ ты доставишь великую радость душѣ моей. Если же не послушаешь моего увѣщанія, то не проживешь, клянусь богами, и трехъ часовъ. Итакъ, выбирай себѣ, что хочешь, и скажи намъ.

На это святая Февронія такъ отвѣчала Селину:

— Судія! Я имѣю на небѣ чертогъ нерукотворенный, въ которомъ совершается бракъ вовѣки нерасторжимый, приданое же мое—все Небесное Царство. Имѣя Жениха Безсмертнаго, я не хочу соединиться со смертнымъ и тлѣннымъ человѣкомъ. А о томъ, что ты мнѣ обѣщаешь, я и слушать не хочу. Нѣтъ, не трудись, судія! Ни ласкательствами и соблазнами ты ничего не достигнешь, ни угрозами меня не устрашишь.

Услышавъ такой отвѣтъ, Селинъ сильно разъярился и повелѣлъ воинамъ растерзать на ней одежды, затѣмъ—опоясать ее худымъ и короткимъ рубищемъ и поставить почти нагою на позоръ предъ всѣми; онъ надѣялся, что святая дѣва, видя себя въ такомъ безчестіи, устыдится своего позора и раскается въ своемъ упорствѣ. Воины тотчасъ исполнили приказаніе Селина и поставили мученицу почти совершенно нагою предъ всѣми.

Тогда сказалъ ей Селинъ:

— Что теперь скажешь мнѣ, Февронія? Ты видишь, какое безчестіе сдѣлалось твоимъ удѣломъ, между тѣмъ какъ ты могла бы пользоваться великими благами.

На это Февронія сказала мучителю:

— Знай, судья, что если ты совлечешь съ меня не только тѣ одежды, но даже и это рубище, и оставишь меня совершенно нагою, то я ни во что вмѣню позоръ сей. Ибо Одинъ есть Создатель мужа и жены; ради Него я готова не только претерпѣть стыдъ наготы, но желаю даже быть усѣченною мечомъ и сожженною огнемъ. О, если бы сподобилъ меня пострадать за Себя Тотъ, Кто добровольно претерпѣлъ за меня безчисленныя страданія!

— О безстыдная и всякаго безчестія достойная!—воскликнулъ Селинъ.—Я вижу, что ты гордишься красотою своею и потому не вмѣняешь себѣ въ стыдъ безчестіе наготы, ибо ты надѣешься прославиться своею красотою, стоя обнаженною среди народа.

Святая отвѣтила ему:

— Христосъ свидѣтель, что до нынѣшняго дня я не видала даже лица мужчины, равно какъ и моего лица никто изъ мірскихъ людей не видѣлъ. Неужели теперь, находясь въ твоей власти, я буду безстыдна? Нѣтъ, безстыденъ ты самъ, обнажая предъ всѣми дѣвическое тѣло. Но скажи мнѣ, безумный судія: если борецъ выйдетъ на олимпійскія состязанія [1]), то не нагимъ ли онъ борется, пока не побѣдитъ противника своего? Точно такъ же и я, выйдя сюда на борьбу съ сопротивнымъ и ожидая для тѣла моего ранъ и огня, какъ могу претерпѣть ихъ, оставаясь въ одеждѣ? Развѣ не нагое тѣло воспринимаетъ раны? И вотъ, я выхожу нагою, чтобы, презирая муки, побѣдить сатану—отца твоего.

Тогда Селинъ сказалъ слугамъ:

— Такъ какъ эта женщина сама ищетъ мукъ и говоритъ, что она не боится огня и ранъ,—то разложите ее на землѣ, зажгите огонь подъ нею, и пусть четыре воина бьютъ ее палками по хребту.

Тотчасъ воины начали мучить святую, какъ имъ было приказано. Долго били святую, такъ что кровь ручьями текла изъ тѣла ея. А чтобы разжженный подъ нею огонь не угасалъ, мучители возливали на него масло, дабы пламень становился больше

---

[1]) Разумѣются состязанія въ борьбѣ и бѣгѣ, происходившія чрезъ каждые 4-ре года въ Олимпіи—городѣ, находившемся на югѣ Греціи. Состязанія эти имѣли характеръ греческихъ національныхъ торжествъ.

и сильнѣе опалялъ мученицу. Когда такъ мучили святую, многіе изъ среды народа стали кричать Селину:

— Пощади, пощади юную дѣвицу, милостивый судія!

Но тотъ, не слушая моленій, повелѣлъ истязать святую дѣву сильнѣе; потомъ, немного укротившись отъ гнѣва, приказалъ прекратить мученія. Воины оставили Февронію и, считая ее уже мертвою, повергли внѣ костра.

Ѳомаида, видя столь тяжкія муки Февроніи, изнемогла духомъ и тѣломъ и пала на землю къ ногамъ Іеріи. При видѣ этого Іерія громко возопіяла:

— Горе, горе мнѣ, сестра моя Февронія! Горе мнѣ, учительница моя! Я уже больше не услышу ученія твоего. И не только тебя я лишусь, но и Ѳомаиды; ибо и та, въ печали о тебѣ, умираетъ.

Эти слова Іеріи услышала Февронія, лежавшая на землѣ, и стала умолять близстоящихъ, чтобы они полили воды на лицо изнемогшей Ѳомаиды. Тѣ исполнили эту просьбу, и Ѳомаида пришла въ себя и стала на ноги.

Увидѣвъ, что Февронія еще жива, Селинъ обратился къ ней съ такими насмѣшливыми словами:

— Что скажешь, Февронія? Какъ сладокъ показался тебѣ твой первый страдальческій подвигъ?

— Ты видишь,—отвѣчала Февронія,—что я, несмотря на твои старанія, осталась непобѣдимою, потому что презираю всѣ муки.

Тогда Селинъ приказалъ слугамъ:

— Повѣсьте ее на деревѣ и желѣзными гребнями строгайте бока ея, раны же опаляйте огнемъ такъ, чтобы и кости ея были обожжены.

Мучители тотчасъ стали исполнять это приказаніе.

Среди такихъ страданій Февронія возвела очи свои на Небо и такъ стала молиться ко Господу:

— Пріиди, Господи, на помощь ко мнѣ и не презри въ сей часъ рабы Твоей.

И послѣ этихъ словъ она умолкла.

Когда тѣло ея безжалостно строгали и жгли огнемъ, многіе изъ собравшихся на позорище не могли смотрѣть на столь ужасныя муки и отошли оттуда; другіе же стали кричать судьѣ, чтобы онъ пощадилъ юную и ни въ чемъ не повинную дѣвицу. Тогда Селинъ повелѣлъ прислужникамъ прекратить мученія. Затѣмъ онъ сталъ предлагать Февроніи, висящей на деревѣ, нѣко-

торые вопросы, но она молчала. Снова распалившись яростію, мучитель повелѣлъ снять ее съ дерева и привязать къ колу, водруженному на землѣ,—затѣмъ сказалъ:

— Такъ какъ эта скверная женщина не хочетъ отвѣчать мнѣ, то отрѣжьте языкъ ея и бросьте въ огонь.

Услышавъ это, святая мученица тотчасъ же простерла изъ устъ языкъ и дала знакъ воину, чтобы онъ исполнилъ приказаніе. Но лишь только воинъ коснулся языка, чтобы отрѣзать его, стоявшій здѣсь народъ громко сталъ кричать, заклиная судію именемъ боговъ своихъ и умоляя его, чтобы онъ отмѣнилъ свое приказаніе. Снисходя къ просьбамъ народа, Селинъ далъ приказъ не рѣзать языкъ, а вмѣсто того велѣлъ вырывать зубы. Тотчасъ же одинъ изъ мучителей взялъ желѣзное орудіе и началъ вырывать зубы мученицы одинъ за другимъ. Когда онъ вырвалъ 17 зубовъ, Селинъ велѣлъ прекратить это мученіе. Между тѣмъ изъ устъ святой текли цѣлые потоки крови, и отъ жестокихъ страданій она совершенно изнемогла тѣломъ. Призвали врача, который остановилъ теченіе крови.

Потомъ Селинъ снова началъ вопрошать святую, обратившись къ ней съ такими словами:

— Хотя бы теперь, Февронія, подчинилась ты требованію суда и исповѣдала бы вѣру въ боговъ.

Святая отвѣтила:

— Анаѳема[1]) тебѣ, проклятый и въ беззаконіяхъ состарившійся слуга діавола! Долго ли ты будешь препятствовать мнѣ на пути моемъ, заграждая мнѣ входъ къ Жениху моему Христу? Поторопись скорѣе освободить меня отъ сего бреннаго тѣла моего, такъ какъ Женихъ мой уже ждетъ меня.

На это Селинъ сказалъ Февроніи:

— Вотъ, я велю совершенно истерзать тѣло твое, предавъ его мечу и огню. Ибо я вижу, что ты безстыдно гордишься юностію твоею. Но отъ этого тебѣ не будетъ никакой пользы; твоя гордость принесетъ тебѣ еще большее зло и тягчайшія муки.

Святая мученица, истомленная чрезмѣрными мученіями, не могла больше ничего говорить, но молчаніе ея еще болѣе распалило ярость мучителя: жестокій Селинъ велѣлъ отрѣзать у Февроніи ея дѣвическіе сосцы. Народъ кричалъ, умоляя судью, чтобы онъ

---

[1]) *Анаѳема*—значитъ отлученіе. Это есть преданіе отлученнаго на судъ Божій.

пощадилъ дѣвицу и отмѣнилъ свое приказаніе. Но Селинъ, разгнѣвавшись на мучащаго прислужника, сказалъ ему:

— Зачѣмъ медлишь, прескверный противникъ боговъ нашихъ? Зачѣмъ не исполняешь повелѣннаго тебѣ?

Тогда прислужникъ, взявъ бритву, началъ рѣзать у святой мученицы правый сосецъ. Она же, возведши очи на Небо, громкимъ голосомъ молилась къ Богу, говоря:

— Господи Боже мой, воззри на мученія, мною претерпѣваемыя, и пріими въ руцѣ Твои душу мою.

Сказавъ это, она умолкла и больше уже ничего не говорила.

Когда отрѣзали оба сосца и повергли ихъ на землю, Селинъ повелѣлъ принести огонь и опалять имъ язвы, образовавшіяся на мѣстѣ отрѣзанныхъ сосцовъ. Точно такъ же онъ повелѣлъ жечь утробу мученицы, такъ что истлѣли всѣ внутренности ея. При этомъ многіе изъ народа, не будучи въ состояніи смотрѣть на такое мучительство, отходили отъ позорища и громко проклинали Діоклетіана и его боговъ.

Въ это время Ѳомаида и Іерія послали рабыню въ монастырь, чтобы она возвѣстила Врієннѣ о всемъ происшедшемъ. Услышавъ разсказъ посланной, Врієнна исполнилась духовной радости и веселія и со слезами начала такъ взывать къ Богу:

— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, пріиди на помощь къ рабѣ Твоей Февроніи!

Затѣмъ, павши на землю, она съ плачемъ и рыданіемъ говорила:

— Гдѣ ты теперь, Февронія? Гдѣ ты, кроткая дочь моя? Гдѣ ты, раба Христова? Гдѣ ты, украшеніе иноческаго чина?

Наконецъ, поднявшись съ земли и воздѣвъ руки къ Небу, воскликнула:

— Господи! Призри на смиренную рабу Твою и помоги ей въ ея подвигѣ! Сподоби мнѣ видѣть ее скончавшеюся мученицей и вчиненной въ ликѣ святыхъ мучениковъ.

Въ это время на позорищѣ происходило слѣдующее: мучитель Селинъ повелѣлъ отвязать Февронію отъ кола, къ которому она была привязана; святую отвязали, и она, будучи не въ силахъ стоять на ногахъ, тотчасъ же пала на землю. При видѣ этого комитъ Примъ тихо сказалъ Лисимаху:

— За что эта юная отроковица терпитъ столь жестокія мученія? Не пора ли прекратить истязанія?

Лисимахъ на это отвѣтилъ:

— Подожди, братъ, ибо ея страданія для многихъ, смотрящихъ на нее, послужатъ на пользу. И я думаю, что эти страданія и для меня будутъ во спасеніе. Я много слышалъ отъ матери моей, которая говорила, какъ мученики своимъ мужествомъ обращали многихъ на путь спасенія. Пусть же и эта дѣвица до конца претерпитъ свой мученическій подвигъ, чтобы спасти меня и другихъ многихъ.

Въ это время Іерія, увидѣвъ Февронію, упавшую на землю, громогласно воскликнула, обращаясь къ Селину:

— О безчеловѣчный мучитель! Не довольно ли было для твоей жестокости и первыхъ мученій, которымъ ты подвергъ неповинную сію отроковицу? Развѣ ты не помнишь матери своей, которая также имѣла женскую плоть? Развѣ ты самъ не питался сосцами, подобными тѣмъ, которые ты повелѣлъ отрѣзать? Неужели ты для того былъ вскормленъ женскими сосцами, чтобы проявлять столь лютую жестокость надъ женщинами? Я удивляюсь, какъ это ничто не можетъ укротить твоего жестокаго и безчеловѣчнаго нрава. Но знай: какъ ты не пощадилъ сей дѣвицы, такъ не пощадитъ и тебя Царь Небесный.

Такъ восклицала Іерія. Селинъ, услышавъ рѣчь ея, снова исполнился ярости и повелѣлъ воинамъ схватить Іерію изъ толпы, намѣреваясь немедленно подвергнуть ее мученіямъ. Услышавъ повелѣніе, Іерія съ радостію сама пошла навстрѣчу воинамъ, пролагая путь себѣ среди толпившагося народа; при этомъ она повторяла:

— Господи Боже рабы Твоей Февроніи! Пріими съ нею и меня—смиренную рабу Твою.

Но прежде чѣмъ она дошла до судилища, друзья Селина стали совѣтовать ему, чтобы онъ не подвергалъ Іерію мученію предъ всѣмъ народомъ — ввиду ея благороднаго происхожденія.

— Мы боимся,—говорили они,—какъ бы все множество собравшагося народа, увидѣвъ ея страданія, не пожелало пострадать вмѣстѣ съ нею, и тогда придется имѣть дѣло со всѣмъ городомъ.

Селинъ послушался ихъ совѣта и не повелѣлъ подвергать Іерію истязаніямъ, а только гнѣвно воскликнулъ, обратившись къ ней:

— Слушай, Іерія! Клянусь богами, что ты своими дерзкими и безстыдными рѣчами навлекаешь на Февронію еще большія мученія.

Сказавъ это, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ, чтобы святой Февроніи отсѣкли обѣ руки. Оруженосецъ, подложивъ дерево подъ

правую руку мученицы, ударилъ по ней сѣкирою и отсѣкъ ее; такимъ же образомъ онъ отсѣкъ и лѣвую руку Февроніи. Не удовлетворившись этимъ, жестокій мучитель повелѣлъ отсѣчь мученицѣ правую ногу. Подложивъ дерево подъ ноги святой и взявъ сѣкиру въ руки, оруженосецъ съ великою силою ударилъ сѣкирою повыше колѣна, но не смогъ отсѣчь ноги мученицы,—тогда онъ ударилъ вторично, но также безуспѣшно. Въ народѣ, при видѣ этого, начался вопль и смятеніе, и всѣ негодовали на жестокость мучителя. Оруженосецъ же ударилъ по ногѣ въ третій разъ, и только тогда едва отсѣкъ ногу. Февронія отъ столь лютыхъ мученій затрепетала всѣмъ тѣломъ и, хотя уже находилась на порогѣ смерти, однако, насколько была въ силахъ, простирала и другую ногу, кладя ее на дерево, чтобы отсѣкли и ее. Увидѣвъ это, Селинъ сказалъ:

— Смотрите, сколь великую силу имѣетъ эта безстыдная женщина.

Потомъ, обратившись къ оруженосцу, въ сильномъ гнѣвѣ произнесъ:

— Отсѣки ей и другую ногу.

Тотъ немедленно исполнилъ это повелѣніе.

Тогда Лисимахъ, возставъ съ своего сѣдалища, сказалъ Селину:

— Неужели ты еще хочешь мучить эту бѣдную отроковицу? Пойдемъ отсюда, ибо наступилъ часъ обѣда.

Но нечестивый Селинъ отвѣтилъ:

— Клянусь богами, что я не оставлю ее живою, но буду здѣсь, пока она не умретъ.

Но душа мученицы не выходила изъ тѣла ея въ продолженіе многихъ часовъ; тогда Селинъ спросилъ оруженосцевъ:

— Неужели все еще жива эта безстыдная женщина?

— Да, жива еще,—отвѣчали ему,—душа еще пребываетъ въ ней.

Тогда Селинъ повелѣлъ отсѣчь мученицѣ святую главу ея.

Воинъ, взявъ въ одну руку мечъ, другою схватилъ волосы на головѣ мученицы и заклалъ ее въ выю, какъ закалаютъ овецъ, а затѣмъ отсѣкъ голову. Тотчасъ же послѣ этого Селинъ всталъ и пошелъ обѣдать; съ нимъ шелъ и Лисимахъ, проливая слезы.

Послѣ мученической кончины святой Февроніи вѣрные, находившіеся среди народа, хотѣли унести честныя мощи ея. Но Лисимахъ приставилъ къ нимъ воиновъ съ приказаніемъ стеречь

ихъ, чтобы ни одинъ членъ тѣла мученицы не былъ похищенъ. А самъ, не желая отъ великой печали и скорби вкушать, вмѣстѣ съ Селиномъ, пищи, затворился въ спальной комнатѣ и горько рыдалъ тамъ о убіеніи Февроніи.

Селинъ, увидѣвъ сѣтованіе Лисимаха, опечалился и также не пожелалъ принять пищи, но, вставъ, началъ ходить по покоямъ дворца, испытывая крайнее смущеніе. Когда же онъ случайно поднялъ глаза вверхъ, на высоту небесную, на него внезапно напалъ великій страхъ и ужасъ, и онъ сдѣлался нѣмъ. Потомъ, громкимъ голосомъ воскликнувъ и зарычавъ, подобно волу, онъ ударился головою о мраморную колонну, находившуюся въ томъ покоѣ, и, разбивъ себѣ голову, палъ на полъ мертвымъ. Среди слугъ и воиновъ Селина поднялся вопль и произошло смятеніе. На ихъ крики пришелъ изъ своей спальной комнаты Лисимахъ и, увидѣвъ дядю своего лежащимъ на землѣ и мертвымъ, удивился и исполнился ужаса. Придя въ себя, онъ повелѣлъ прекратить вопли и сталъ спрашивать:

— Какъ произошло это?

Предстоящіе разсказали ему, что видѣли.

Покивая въ удивленіи головою, Лисимахъ промолвилъ:

— Великъ Богъ христіанскій! Онъ поистинѣ достоинъ почитанія, ибо отомстилъ за кровь неповинную!

Сказавъ это, онъ повелѣлъ трупъ Селина вынести изъ города и похоронить по эллинскому обычаю. Затѣмъ Лисимахъ призвалъ къ себѣ комита Прима и сказалъ ему:

— Заклинаю тебя Богомъ христіанскимъ,—не преступи заповѣди моей, которую я даю тебѣ. Постарайся скорѣе уготовать для тѣла Февроніи ковчегъ изъ деревьевъ негніющихъ и разошли вѣстниковъ, сзывая христіанъ на погребеніе святой мученицы: пусть они собираются безбоязненно, такъ какъ Селинъ уже умеръ. Вотъ, ты знаешь, возлюбленный Примъ, мое желаніе. Возьми же отрядъ воиновъ и, собравъ всѣ отсѣченные члены тѣла Февроніи, отнеси ихъ въ монастырь; при этомъ наблюдай, чтобы ни одна часть тѣла святой не потерялась и не пропала. А чтобы псы не лизали землю, на которую пролилась кровь мученицы,—для этого прикажи счистить ее, затѣмъ собрать и отнести, вмѣстѣ съ мощами, въ монастырь.

Комитъ тотчасъ же призвалъ воиновъ и, согласно желанію Лисимаха, повелѣлъ имъ нести тѣло мученицы въ монастырь; а

самъ, собравъ отсѣченныя части тѣла ея: главу, руки, ноги, сосцы и зубы—и завернувъ въ свою хламиду, пошелъ вслѣдъ за ними, сопровождаемый множествомъ народа. Придя въ монастырь, комитъ никого не допустилъ внутрь его, кромѣ Ѳомаиды и Іеріи.

Игуменія монастыря, честна́я старица Вріенна, увидавъ бездыханное и изуродованное тѣло Февроніи и отсѣченные уды ея, отъ великой скорби и жалости изнемогла тѣломъ и пала на землю какъ мертвая. Комитъ же, поставивъ къ монастырю стражу воинскую, возвратился къ Лисимаху.

Только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ пришла въ себя Вріенна. И, возставши отъ земли, она припала къ тѣлу мученицы, и, обнимая его, вопіяла:

— Увы мнѣ, дочь моя Февронія, нынѣ ты взята уже отъ очей матери твоей. Кто нынѣ будетъ читать сестрамъ Божественныя писанія? Чьи руки разогнутъ книги, которыя ты держала?

Въ это время всѣ инокини, которые ушли вмѣстѣ съ Еѳеріей, возвратились въ монастырь и со слезами поклонились до самой земли тѣлу святой мученицы Февроніи.

Горько плакала при мощахъ святой мученицы и блаженная Іерія, которая взывала:

— Поклонюсь святымъ ногамъ, поправшимъ главу змія, облобызаю святыя язвы, которыя проливаютъ моей душѣ благодатные токи исцѣленія, увѣнчаю похвальнымъ вѣнцомъ главу той, которая величіемъ своего подвига увѣнчала весь женскій родъ.

И плакали всѣ сестры надъ мощами мученицы. Потомъ, омывши ихъ, онѣ положили на той доскѣ, на которой святая почивала при жизни, когда отдавалась кратковременному отдыху;—помѣстивъ на этой доскѣ тѣло мученицы, онѣ приложили всѣ отсѣченные члены къ язвамъ на свое мѣсто и съ псалмопѣніемъ понесли честны́я мощи въ церковь.

При наступленіи вечера Вріенна повелѣла открыть монастырскія ворота, чтобы всѣ желающіе могли войти въ церковь и, увидѣвъ мученицу, прославили Бога, давшаго ей столь великое мужество и терпѣніе въ страданіяхъ. И пришло множество народа. Пришелъ туда также и Лисимахъ съ комитомъ Примомъ; ибо онъ сказалъ комиту:

— Я отрекаюсь отъ всѣхъ отцовскихъ обычаевъ и идолослуженія, и всѣ мои богатства оставляю, и пойду соединюсь со Христомъ.

На это комитъ отвѣтилъ ему:

— И я, вмѣстѣ съ тобою, сдѣлаю то же самое. Пусть погибнетъ Діоклетіанъ и его царствованіе,—не буду больше служить ему, но, все оставивъ, послужу Христу.

Такъ они оба, согласившись другъ съ другомъ, оставили преторскій дворецъ [1]) и пришли въ монастырь къ мощамъ святой Февроніи.

Еще пришелъ туда и епископъ того города съ священниками и клиромъ, и множествомъ иноковъ,—и совершили они Всенощное славословіе Богу со слезами и радостію духовною.

Когда же наступилъ день, принесли прекрасно устроенный ковчегъ для тѣла мученицы и вложили въ него сіе честно́е тѣло съ благоговѣніемъ; потомъ приложили къ нему каждый отсѣченный членъ, зубы же положили на персяхъ мученицы. Послѣ этого намастили мощи мѵромъ и ароматами и погребли ихъ въ церкви, славя и благодаря Господа. И подавались отъ гроба святой исцѣленія болящимъ, такъ что множество Эллиновъ увѣровали во Христа и крестились. Приняли также Святое Крещеніе и Лисимахъ съ Примомъ. При этомъ они сложили съ себя санъ свой и не пожелали возвратиться къ злочестивому Діоклетіану, но, отвергшись міра, отправились къ архимандриту Маркеллу и приняли иночество; богоугодно поживъ въ трудахъ и подвигахъ постническихъ, оба они въ мирѣ окончили жизнь свою и перешли ко Христу.

Точно такъ же боярыня Іерія, отдавши монастырю Вріенны всѣ имѣнія свои, приступила къ послѣдней съ такою просьбою.

— Молю тебя, мать моя,—говорила она,—прими меня къ себѣ въ качествѣ дочери, вмѣсто святой Февроніи, и я послужу тебѣ, оказывая во всемъ повиновеніе, какъ служила тебѣ Февронія.

Сказавъ это, она сняла съ себя всѣ драгоцѣнныя женскія одежды и отдала ихъ на украшеніе церкви; сама же, отрекшись міра, сдѣлалась инокиней.

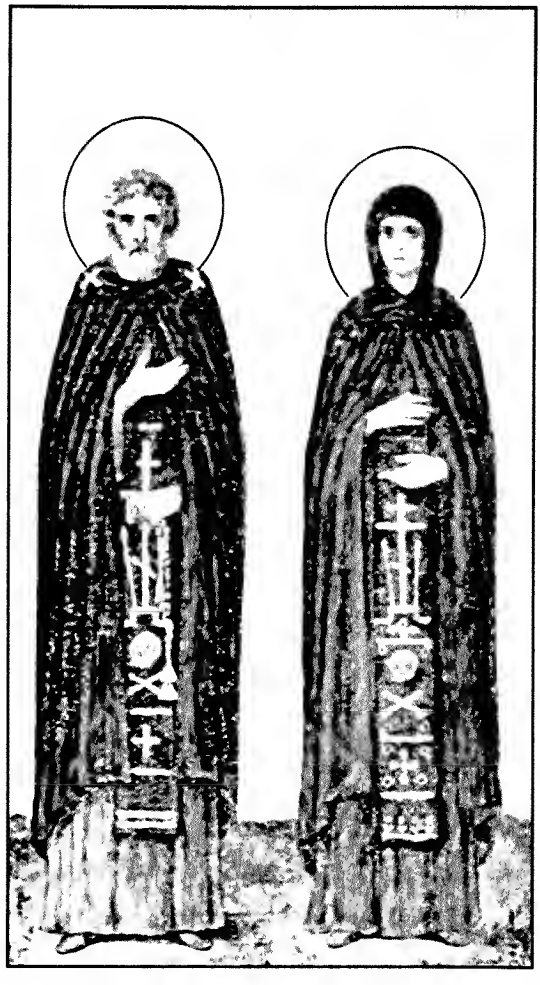
Празднество въ честь святой мученицы Февроніи совершалось въ монастырѣ игумени Вріенны послѣ мученической кончины ея ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ въ 25-й день, въ который святая и совершила доблестный подвигъ свой за Христа. И въ день праздника каждый годъ совершалось знаменательное чудо: во время всенощного пѣнія среди поющихъ сестеръ являлась въ храмѣ святая мученица и занимала свое прежнее мѣсто. Когда это слу-

[1]) *Преторскій дворецъ* — дворецъ префекта, начальника провинціи.

чилось впервые, всѣ инокини, узрѣвъ среди себя святую, устрашились, а Вріенна громко воскликнула:

— Вотъ, пришла къ намъ дочь моя, Февронія!

При этомъ она съ радостію устремилась къ ней, намѣреваясь обнять ее материнскимъ объятіемъ. Но святая тотчасъ же сдѣлалась невидима. Съ того времени никто уже не дерзалъ прикоснуться къ являвшейся или сказать ей хотя бы слово; но съ трепетомъ и удивленіемъ каждый разъ смотрѣли на нее, и отъ видѣнія святой ощущали въ себѣ великую радость и умилялись въ сердцѣ своемъ, невольно проливая слезы. Въ продолженіе трехъ часовъ стояла святая среди поющихъ, зримая всѣми, а затѣмъ снова становилась невидимою.



Благовѣрнїи кнзь и кнгнѧ
петръ и февронїѧ

Епископъ того города сильно благоговѣлъ предъ именемъ святой Февроніи: онъ основалъ во имя мученицы церковь, которую строилъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ. Окончивъ строеніе церкви и украсивъ ее, онъ, въ день памяти святой Февроніи, собралъ окрестныхъ епископовъ для освященія церкви и хотѣлъ перенести въ нее честныя мощи мученицы. По совершеніи всенощнаго пѣнія епископы со всѣмъ соборомъ священнослужителей пришли въ монастырь и, помолившись, открыли гробъ святой и увидѣли ея честныя мощи, сіяющія неземною красотою, подобно лучу солнечному. При этомъ всѣ инокини плакали и рыдали, скорбя, что столь многоцѣнное сокровище отъ нихъ берется. Когда же руки епископа коснулись ковчега, чтобы взять его, тотчасъ же раздался въ воздухѣ ударъ грома, столь сильный, что всѣ пали отъ страха на землю. По прошествіи одного часа епископъ

снова дерзнулъ коснуться ковчега; но вдругъ сдѣлалось такое землетрясеніе, что весь городъ поколебался. Тогда всѣ уразумѣли, что святая мученица не хочетъ, чтобы ея мощи взяли съ мѣста погребенія ихъ. Епископъ исполнился великой скорби и уже не дерзалъ болѣе коснуться ковчега, но сталъ просить Вріенну:

— Послушай меня, сестра моя,—ты знаешь, съ какимъ усердіемъ воздвигъ я, во славу и честь преподобномученицы, храмъ, на что потребовалось цѣлыхъ шесть лѣтъ. И вотъ, святая мученица не соизволила послушать молитвъ моихъ и не хочетъ перейти въ созданный въ честь нея храмъ. Посему я умоляю тебя: возьми своими руками хотя одинъ изъ отсѣченныхъ членовъ тѣла ея и дай намъ, чтобы не остался безъ награды трудъ мой.

Вріенна простерла руку свою и дотронулась до одной руки святой, намѣреваясь подать ее епископу,—но рука игуменіи была удержана невидимою силою и сдѣлалась какъ бы мертвою. Тогда Вріенна, проливая слезы, начала говорить, обратившись къ святой какъ къ живой:

— Молю тебя, дочь моя, святая мученица Февронія, не прогнѣвайся на меня, матерь твою,—вспомни труды мои для тебя и не уничижи старости моей.

Когда она сказала это, рука ея получила свободу.

Послѣ этого Вріенна снова сказала мученицѣ со слезами:

— Подай намъ благословеніе свое, госпожа наша, и снизойди на нашу просьбу къ тебѣ.

Сказавъ это, она снова простерла руку, взяла одинъ зубъ мученицы, лежавшій на персяхъ, дала епископу и тотчасъ же затворила ковчегъ.

Епископъ съ радостію принялъ зубъ тотъ, вложилъ его въ золотой сосудъ и, съ другими епископами, клиромъ своимъ и со всѣмъ народомъ, возвратился къ новосозданному храму, неся полученный даръ съ псалмопѣніемъ, въ сопровожденіи свѣщей и кадилъ, при всеобщемъ народномъ ликованіи. Внеся этотъ даръ въ самый храмъ, епископы освятили его. Въ тотъ день въ новоосвященномъ храмѣ немало было исцѣленій болящихъ: молитвами святой мученицы хромые получали крѣпость ногъ и ходили, слѣпые прозрѣвали, бѣсноватые освобождались отъ бѣсовъ; всякій, кто какимъ-либо недугомъ одержимъ былъ, едва прикасался устами къ той малой части, взятой отъ мощей мученицы, и лобызалъ ее, тотчасъ же получалъ исцѣленіе и отходилъ здравымъ въ домъ свой, радуясь и благословляя Бога.

По освященіи новаго храма во имя святой Февроніи преподобная игуменія Вріенна прожила еще два года и, приблизившись къ блаженной кончинѣ своей, поставила вмѣсто себя игуменіею Ѳомаиду, послѣ чего и преставилась ко Господу.

«Я же,—говоритъ списательница житія сего, игуменія Ѳомаида,—по преставленіи матери нашей Вріенны написала житіе и страданія святой мученицы Февроніи, какъ я видѣла очами своими; а относительно Лисимаха написала то, что слышала изъ устъ его самого. Все это я написала для пользы читающихъ и слушающихъ прочитываемое, во славу Христа Бога нашего, со Отцомъ и Святымъ Духомъ славимаго, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Аминь.

Кондакъ, гласъ 5:

Женише мой сладчайшій Христе, взываше Февронія, не трудно ми тещи во слѣдъ тебе: ибо сладость любве твоея, душу мою надежду впери: и красота мати твоея, сердце мое услади, испити чашу страданій по тебѣ: да достойну ма въ чертозѣ съ мудрыми дѣвами ликовствовати ю тебѣ сопричтеши. тѣмже прпбнам стрототерпице, почитающе подвиги трудовъ твоихъ, молимъ тя: моли не затворитися и намъ чертога двереме.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ БЛАГОВѢРНЫХЪ

князя ПЕТРА и княгини ФЕВРОНІИ,

въ иночествѣ ДАВИДА и ЕВФРОСИНІИ,

Муромскихъ чудотворцевъ

Сей благочестивый князь Петръ[1]) происходилъ изъ благочестиваго и святаго рода[2]), воспитанъ былъ въ православной

---

[1]) *Святый Петръ — Давидъ*, князь Муромскій, былъ вторымъ сыномъ Муромскаго князя Юрія Владиміровича. Онъ сталъ княжить въ Муромѣ послѣ старшаго брата своего Владиміра Юрьевича, вступивъ въ управленіе княжествомъ 18 декабря 1203 года.

[2]) Родоначальникъ Муромскихъ князей князь Константинъ Святославичъ причисленъ къ лику святыхъ; память его празднуется 21 мая.

вѣрѣ и цѣломудріи въ городѣ Муромѣ[1]) и правилъ княжествомъ своимъ, во всемъ соблюдая строгую справедливость. Когда наступило время, онъ сочетался бракомъ съ благовѣрною княгинею Февроніею, которая также происходила изъ благочестиваго рода[2]) и тщательно была наставлена въ благочестіи. Будучи, такимъ образомъ, оба святыми и праведными людьми, блаженные Петръ и Февронія любили чистоту и цѣломудріе и всегда были милостивыми, справедливыми и кроткими. Они избавляли отъ власти обижающихъ тѣхъ, кто подвергался обидамъ, достойно чтили лицъ иноческаго и священническаго званія, подавая имъ матеріальныя пособія, съ великимъ милосердіемъ относились къ бѣднымъ и усердно упражнялись въ постѣ и воздержаніи. Желая по слову Господа унаслѣдовать *землю* кроткихъ[3]) и снискать себѣ вѣчное блаженство праведниковъ, они, кромѣ того, и во всемъ прочемъ весьма много угодили Христу своими добрыми дѣлами. Достигши затѣмъ маститой старости, блаженный Петръ впалъ въ тѣлесный недугъ и принялъ постриженіе, причемъ въ иночествѣ ему дано было имя Давида. Послѣ сего, немного поболѣвъ, онъ съ твердою вѣрою преставился къ Богу въ Царство Небесное. Точно такъ же и святая княгиня Февронія, исполняя искреннее свое желаніе, постриглась въ иночество, получивъ въ иноческомъ званіи имя Евфросиніи, и, подобно супругу своему, съ непоколебимою вѣрою и чистою совѣстію преставилась, предавши душу свою въ руцѣ Божіи[4]). Такимъ образомъ оба святые супруга унаслѣдовали *землю* кроткихъ, которой съ юныхъ лѣтъ такъ желали. Послѣ кончины блаженнаго князя Петра вельможи и бояре оплакивали его какъ отца, горожане—какъ заступника своего и защитника, бѣдные, вдовы и неимущіе пропитанія—какъ своего кормителя и помощника. Честныя тѣла святыхъ князя и княгини съ торжествомъ

---

[1]) *Муромъ* въ древности былъ центромъ сѣверной Ростово-Суздальской области, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи.

[2]) Есть преданіе, что святая княгиня Февронія по происхожденію своему была простою поселянкою, дочерью «древолазца бортника» изъ деревни Ласковой, Рязанской губерніи.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 5.

[4]) *Святые князь Петръ* и *княгиня Февронія* скончались въ одинъ день, 25 іюня 1228 года, а по мнѣнію преосвященнаго Филарета кончина ихъ падаетъ на 25 апрѣля того же года, причемъ 25 день апрѣля признается имъ за день ихъ кончины, а 25 іюня—за день открытія мощей. Прославленіе ихъ началось въ началѣ XVI вѣка, а на Моековскомъ Соборѣ 1547 года положено было мѣстно праздновать память ихъ. Впослѣдствіи (вѣроятно съ 1552 года) это празднованіе стало повсемѣстнымъ.

проводили всѣ жители города и похоронили ихъ въ одномъ гробѣ въ городѣ Муромѣ. Святые и до сего дня чрезъ честныя мощи свои совершаютъ во славу Божію чудеса тѣмъ, кто съ вѣрою обращается къ нимъ [1]).

Тропарь, гласъ й:

Якw бгочестивагw корене пречтнaм отрасль былъ есй, добрѣ во бгочестїи поживъ, блженне петре: такw и съ супрyжницею твоею премyдрою февронїею, въ мірѣ бгy оyгодивше, и прbдныхъ житїю сподобистесa: съ нимиже молитесa гдеви, сохранити безъ кредa отечество ваше, да васъ непрестaнw почитaемъ.

Кондакъ, гласъ й:

Ижа сегw княженїе, и славy временнy помышлaвъ, сегw рaди бгочестнw въ мірѣ пожилъ есй петре, кyпнw и съ супрyжницею твоею премyдрою февронїею, милостынею и мaтками бгy оyгодивше. тѣмже и по смерти неразлyчнw во гробѣ лежaще, йсцѣленїе невидимw подавaете: и нынѣ хрту молитесa сохранити грaдъ же и людй, йже васъ слaвящихъ.

---

[1]) «Блаженный Давидъ и Евфросинія, — говоритъ преосвященный Филаретъ, — въ жизни своей были образцомъ христіанскаго супружества, готовые на всѣ лишенія для Евангельской Заповѣди о нерушимомъ союзѣ. И нынѣ они молитвами своими низводятъ небесное благословеніе на вступающихъ въ бракъ. Такъ показываютъ многіе опыты загробной жизни ихъ».

День двадцать шестой

ЯВЛЕНІЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

нарицаемой Тихвинской

Въ лѣто отъ сотворенія міра 6891, а отъ воплощенія Бога Слова въ 1382, въ царствованіе Великаго князя Димитрія Іоанновича,[1]) при Святѣйшемъ Митрополитѣ всея Руси Пименѣ[2]) и при новгородскомъ архіепископѣ Алексіи, явилась на Руси Пречестна́я икона Пресвятой Богородицы съ изображеніемъ начертаннаго на лѣвой рукѣ Ея Младенца—Предвѣчнаго Господа нашего Іисуса Христа. Явленіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ предѣлахъ Великаго Новгорода, въ небольшомъ разстояніи отъ Варяжскаго моря,[3]) на водахъ великаго озера Нево[4]) рыбаки ловили рыбу. И во время ловли осіялъ ихъ вдругъ свѣтозарный лучъ съ неба... Взглянувъ вверхъ, они увидѣли дивное чудо: по воздуху надъ водами шла, носимая невидимыми руками, икона Пречистой Дѣвы Богородицы, сіяющая подобно солнцу. Рыбаки, увидѣвъ столь чудесное явленіе, сначала припли въ ужасъ, а потомъ исполнились радости. Оставивъ свое дѣло, они вперили очи въ

---

1) *Димитрій III Іоанновичъ* — княжилъ на Москвѣ съ титуломъ Великаго киязя съ 1363 г. по 1389 г.

2) *Пименъ* управлялъ Русскою митрополіею съ 1382 г. по 1389 г. съ перерывомъ (между 1385 и 1388 гг.).

3) *Варяжскимъ моремъ* иазывалось тогда *Балтійское*. Названіе *Варяжское* заимствовано было отъ древнихъ Варяговъ, иаселявшихъ берега нынѣшней Швеціи.

4) *Озеро Нево* — нынѣ *Ладожское*.

зримое ими предивное чудо, желая увидѣть, куда идетъ и гдѣ остановится святая икона. Но Богъ не соизволилъ исполнить это желаніе ихъ,—и святая икона скоро скрылась отъ очей ихъ и стала невидима.

Послѣ того икона Пресвятой Богородицы явилась въ тѣхъ же новгородскихъ предѣлахъ, въ селеніи Вымоченицѣ, на рѣкѣ Ояти,[1]) за сто поприщъ[2]) отъ Тихвина[3]). Здѣсь она предстала предъ мѣстными обитателями стоящею въ воздухѣ и сіяющею неизреченнымъ свѣтомъ. Увидѣвъ такое необычайное явленіе, обитатели селенія того собрались всѣ вмѣстѣ и, ужасаясь, дивились зримому ими чуду; потомъ они начали усердно молиться ко Пречистой Богородицѣ. Тогда чудесная икона Владычицы Небесной спустилась съ воздушныхъ высотъ къ людямъ на землю. Съ великою радостію приняли икону Царицы Небесной обитатели Вымоченицы и тутъ же съ усердіемъ создали въ честь ея часовню, въ которой и помѣстили ниспосланный имъ образъ; впослѣдствіи на мѣстѣ этой часовни созданъ былъ храмъ въ память славнаго рождества Пресвятой Богородицы. Здѣсь, въ селѣ Вымоченицѣ, икона пребывала нѣкоторое время, подавая многимъ больнымъ, съ вѣрою притекающимъ къ ней, исцѣленія.

Но по прошествіи немногаго времени она была взята оттуда невидимою рукою и, несомая по воздуху, явилась въ мѣстечкѣ Кожела, близъ рѣки, называемой Паши[4]), за двадцать поприщъ отъ Тихвина,—явилась совершенно такъ же, какъ и въ упомянутомъ выше селеніи. Увидѣвъ ее, сіяющую чудеснымъ свѣтомъ, насельники мѣстечка того стеклись всѣ, исполненные удивленія и ужаса, и усердно молились ко Пречистой, чтобы Она даровала имъ милость и ниспослала имъ Свою икону. И моленіе ихъ было исполнено. Икона спустилась съ высоты на землю, и мѣстные жители въ свою очередь создали въ честь ея часовню, на мѣстѣ которой впослѣдствіи была построена церковь въ память Покрова Пресвятыя Богородицы.

---

[1]) *Оять* - лѣвый южный притокъ р. Свири, выходящей изъ Онежскаго озера и впадающей въ Ладожское съ восточной стороны его.

[2]) *Поприще* — мѣра разстоянія. Въ Древией Руси поприще равиялось почти 656 инынѣшнимъ саженямъ.

[3]) *Тихвинъ* — городъ Новгородской губерніи.

[4]) *Паша* — рѣка, впадающая въ Ладожское озеро при устьѣ рѣки Свири. Она протекаетъ по С.-Петербургской и Новгородской губерніямъ въ серединѣ между рѣками Оятью и Тихвинскою.

Но и на этомъ мѣстѣ не соизволила Пречистая долго пребывать своей иконѣ: по прошествіи нѣкотораго времени она снова была взята оттуда невидимо и посѣтила благодатнымъ явленіемъ своимъ еще нѣсколько мѣстъ. На всѣхъ этихъ мѣстахъ, ознаменованныхъ и освященныхъ присутствіемъ чудотворнаго образа, усердіемъ вѣрующихъ созданы были сначала часовни, а впослѣдствіи храмы Божіи.

Такъ чудесно переходила съ мѣста на мѣсто святая икона, какъ легкое облако носимая по воздуху, пока не остановилась окончательно близъ города Тихвина на рѣкѣ Тихвинкѣ[1]).

Это послѣднее явленіе совершилось совершенно такимъ же образомъ, какъ и первыя. Честна́я икона, подобно облаку, неслась по воздуху и потомъ стала, пребывая чудесно на воздухѣ. Таково-то было чудесное и преестественное шествіе иконы Богоматери! Множество народа, изъ города Тихвина и окрестныхъ селеній, привлекаемаго великимъ тѣмъ чудомъ, стеклось къ мѣсту явленія; вмѣстѣ съ ними пришли также и священники съ крестами и иконами. Долго молились они предъ чудесною иконою, воспѣвая Псалмы и священныя пѣснопѣнія; потомъ вмѣстѣ съ народомъ они стали взывать:

— Приди къ намъ, Царица, приди къ намъ, Владычица, призри на насъ, недостойныхъ рабовъ твоихъ, ниспосли намъ щедроты человѣколюбія Твоего, посѣти насъ свыше и просвѣти помраченныхъ грѣхами свѣтозарнымъ Твоимъ пришествіемъ.

Когда они такъ усердно молились и проливали многія слезы, святая икона спустилась съ неба на ихъ руки, и съ благоговѣніемъ и радостію была принята ими. Усердно облобызавъ икону и сотворивши предъ нею многія моленія, жители окрестныхъ селеній тутъ же начали рубить деревья для часовни. Въ тотъ же день они сложили три вѣнца для сруба часовни и поставили ихъ вокругъ иконы. Когда же наступила ночь, собравшійся народъ разошелся по домамъ своимъ, оставивъ около чудотворной иконы нѣсколько человѣкъ, чтобы они всю ночь неусыпно пребывали въ молитвѣ.

Оставленные, дѣйствительно, всю ночь молились, но къ утру, утомившись отъ ночного бдѣнія, задремали. И когда они спали, совершилось предивное чудо. Чудотворная икона, вмѣстѣ съ основаніемъ часовни, перенеслась, какъ бы по мановенію Божію, съ

1) *Тихвинка* — притокъ р. Сясь, впадающей въ Ладожское озеро съ юго-восточной стороны.

Їкѡ́на бж҃їа мт҃ри тѵ́хвинскаѧ

Анна Алексеевна Лобкова.

Но и за этими мыслями не сокрылась Лобкова долго пребывать своей тенью: по прошествіи нѣкотораго времени она опять была видна [illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]

своего мѣста на другое. Вмѣстѣ съ нею перенеслись на другое мѣсто и всѣ бревна, приготовленныя для построенія часовни; и не только бревна, но даже и щепки—всѣ, до самой маленькой, перенесены были невидимою рукою,—такъ, что никто изъ стрегущихъ не видѣлъ этого и не слышалъ. Когда же пробудились они, то не нашли на прежнемъ мѣстѣ ни образа Пречистой Богородицы, ни основанія часовни, ни деревьевъ для нея,—и исполнились великой печали и ужаса.

Наутро окрестные жители снова собрались для поклоненія Пречестной иконѣ Богородицы и для созданія въ честь нея часовни. Но не найдя ничего на мѣстѣ томъ, гдѣ они оставили образъ и начали созидать часовню,—пришли въ ужасъ и стали спрашивать проведшихъ ночь около иконы:

— Что это значитъ?

Тѣ разсказали, какъ они всю ночь пробыли въ молитвѣ, какъ къ утру ненадолго заснули и какъ, пробудившись, не нашли ни иконы, ни деревьевъ, ни даже щепъ, взятыхъ невѣдомо куда. Тогда всѣ исполнились великой печали, скорбя о томъ, что они лишились такого многоцѣннаго богатства духовнаго. Съ плачемъ и рыданіемъ простирая моленія къ Богу, они начали такъ взывать:

— О Владыко Человѣколюбче! Ниспосли намъ снова божественный даръ Твой, который человѣколюбно и преславно послалъ Россійской странѣ; не скрой отъ насъ безцѣннаго сокровища сего, коимъ мы надѣемся обогатить душевную нищету нашу. О Владычице, Матерь Милосердная! Куда отошла Ты отъ насъ, недостойныхъ чадъ Твоихъ? Вчера Своимъ пришествіемъ къ намъ Ты исполнила сердца наши многою радостію, а нынѣ отшествіемъ Своимъ повергла насъ въ печаль неисходную, предала насъ слезамъ и рыданіямъ. Но явись намъ снова, свѣте нашъ, и претвори печаль нашу въ радость.

Совершивъ такую молитву, они разошлись въ разныя стороны по горѣ той и по всей окрестной дубравѣ, взглядывая то на воздухъ, то на землю и стараясь отыскать икону. И усердные поиски ихъ не остались тщетными. Скоро они узрѣли чудесный свѣтъ, исходившій съ востока, съ другой стороны рѣки Тихвинки, изъ болотистой лѣсной пустыни, отстоявшей отъ горы почти въ двухъ стадіяхъ разстоянія. Увидѣвъ свѣтъ, народъ тотчасъ же устремился по направленію къ нему и обрѣлъ тамъ икону Пресвятыя Богородицы вмѣстѣ съ основаніемъ часовни и со всѣми бревнами и

щепами отъ нихъ. Срубъ, сооруженный на горѣ, оставался совершенно цѣлъ, какъ былъ поставленъ ранѣе, святая же икона находилась въ срубѣ у восточной стороны его, вися на воздухѣ, такъ какъ не была прикрѣплена къ стѣнѣ. Видя это, обрѣтшіе икону припали къ ней, проливая слезы отъ радости и прославляя Бога и Его Пречистую Матерь.

— Слава Тебѣ, Христе Боже,—восклицали они,—слава Тебѣ, Пречистая Матерь Божія, что Ты не оставила насъ, рабовъ Твоихъ! Молимъ Тебя,—до конца не оставляй насъ, но всегда пребуди съ нами, спасая и соблюдая словесное стадо Сына Твоего.

Помолившись, весь народъ докончилъ сооруженіе часовни, а потомъ, избравши достойнѣйшихъ мужей, послалъ ихъ въ великій Новгородъ къ преосвященному архіепископу Алексію и къ градоправителю Новгорода съ вѣстію о преславномъ явленіи иконы, которая, несомая Ангелами по воздуху, невѣдомо откуда пришла къ нимъ.

Услышавъ разсказъ о бывшемъ въ Тихвинѣ великомъ чудѣ, архіепископъ и градоправитель удивились и, исполнившись духовной радости, прославили Бога и Пречистую Матерь Его. Немедленно они извѣстили о чудесномъ событіи Великаго князя Московскаго Димитрія Іоанновича, исполнивъ и его духовной радости. Затѣмъ Преосвященный Алексій хиротонисалъ для Тихвина нѣсколькихъ пресвитеровъ и діаконовъ и отослалъ ихъ вмѣстѣ съ пришедшими къ нему мужами,—давъ имъ антиминсъ и благословеніе свое на созданіе и освященіе церкви на р. Тихвинкѣ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Они, пришедши къ Тихвинкѣ и совершивъ моленія предъ чудотворною иконою, съ усердіемъ приступили къ построенію церкви. Приближался праздникъ Успенія Пречистой Дѣвы Маріи, когда они окончили постройку храма. Намѣреваясь совершить въ этотъ праздникъ освященіе храма, они послали въ окрестныя селенія, поприщъ за двадцать и болѣе, пономаря—возвѣстить христіанамъ о днѣ освященія церкви и предупредить ихъ, чтобы они постомъ и молитвою приготовляли себя къ предстоящему торжеству.

Пономарь тотъ, по имени Георгій, былъ мужъ праведной жизни, благоговѣйный и благоугодный. Когда онъ въ день предпразднества Успенія возвращался назадъ къ церкви и находился уже за три поприща пути отъ нея, въ лѣсной пустынѣ,—онъ ощутилъ необы-

чайное благоуханіе, какъ бы отъ множества ѳиміама и ароматныхъ веществъ; ибо благодать Духа Святаго облагоухала мѣсто то, на которомъ имѣла явиться Сама Пречистая Дѣва Богородица.

Георгій удивился и сталъ размышлять, откуда исходитъ въ глухой, безлюдной пустынѣ столь необычайное благоуханіе. Вдругъ онъ узрѣлъ Пречистую Матерь Божію, сидѣвшую на упавшей соснѣ и державшую въ десной рукѣ Своей червленый жезлъ, на который Она какъ бы упиралась. Предъ нею стоялъ свѣтлый мужъ, облеченный въ свѣтлыя ризы и напоминающій видомъ своимъ святителя Николая Мирликійскаго. Увидавъ это чудное явленіе, пономарь объятъ былъ страхомъ и ужасомъ и палъ на землю, какъ мертвый. Тогда предстоящій Богородицѣ святитель, подошедши, коснулся его и сказалъ:

— Встань и не бойся!

Георгій съ трепетомъ и радостію поднялся, сталъ на колѣни и, сложивъ руки на груди своей, созерцалъ дивное видѣніе.

И вотъ, сидѣвшая на соснѣ Пречистая Дѣва сказала ему:

— Георгій! Иди къ церкви моей и скажи священникамъ и всему народу, чтобы не ставили на ней желѣзнаго креста, который они хотятъ поставить; пусть вмѣсто него они поставятъ деревянный: такова моя воля.

Пономарь, собравшись съ духомъ, въ страхѣ сказалъ Пречистой:

— Госпожа и Владычица моя! Мнѣ не повѣрятъ!

Но предстоявшій Богородицѣ святитель сказалъ ему:

— Если тебѣ не повѣрятъ, то для увѣренія ихъ дано будетъ знаменіе.

Послѣ такихъ словъ Пречистая и предстоявшій ей святитель стали невидимы. Тогда пономарь окончательно убѣдился, что онъ удостоился чудеснаго видѣнія Пречистой Богородицы и великаго святителя Николая Чудотворца. Немедленно припавъ на землю, онъ воздалъ благодареніе Богу, Который удостоилъ его лицезрѣть такое преславное явленіе.

Пришедши къ церкви, пономарь повѣдалъ священникамъ и всему народу, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, но тѣ не повѣрили ему и повелѣли рабочимъ ставить на церкви желѣзный крестъ. Но когда одинъ изъ рабочихъ взялъ, по повелѣнію священниковъ, крестъ и, влѣзши на крышу церкви, началъ ставить его, вдругъ поднялась великая буря и сильный вѣтеръ. Порывомъ вѣтра человѣкъ

тотъ съ желѣзнымъ крестомъ былъ подхваченъ какъ бы руками и поставленъ на землю, безъ малѣйшаго вреда для него, какъ будто онъ не упалъ съ высоты, но самъ спустился на землю. Видя это страшное чудо, священники и весь бывшій тутъ народъ весьма испугались и, повѣривъ словамъ пономаря, прославили Бога и Пречистую Его Матерь, а также ублажили и святителя Николая. Потомъ, немедленно соорудивши деревянный крестъ, они поставили его надъ церковію, и съ великою радостію и ликованіемъ совершили празднованіе освященія церкви и вмѣстѣ воспоминаніе Успенія Пресвятой Богородицы. Отъ иконы Пречистой Богоматери совершилось тогда множество чудесъ, и одержимымъ различными болѣзнями подавались исцѣленія. Такъ было не только при отмѣченномъ торжествѣ, но и послѣ него.

По освященіи церкви на р. Тихвинкѣ весь народъ отправился на то мѣсто, гдѣ Георгій удостоился чудеснаго видѣнія. Помолившись, они основали здѣсь часовню во имя святителя Николая, а изъ павшей сосны, на которой явилась Георгію Пресвятая Богородица, сдѣлали крестъ и поставили его въ часовнѣ для всенароднаго поклоненія и почитанія. Въ часовнѣ этой впослѣдствіи совершилось немало чудесъ, какъ и въ упомянутой выше церкви въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи.

Прошло послѣ того семь лѣтъ,—и вотъ, вслѣдствіе небреженія церковныхъ служителей случился, по Божію попущенію, пожаръ въ Тихвинскомъ храмѣ Богоматери отъ незагашеной свѣчи. Вся церковь превратилась въ пепелъ, но чудотворная икона Пречистой осталась невредимою: невидимою силою Божіею она была вынесена изъ огня и оказалась невдалекѣ отъ того мѣста, на разстояніи полпоприща[1]), стоящею въ можжевельникѣ. Одновременно случился пожаръ и въ часовнѣ, находившейся въ пустынѣ, которая также была объята пламенемъ и сгорѣла; но крестъ, сдѣланный изъ упавшей сосны и стоявшій въ часовнѣ, былъ также изнесенъ невидимо изъ огня и былъ найденъ въ небольшомъ разстояніи отъ часовни, стоявшимъ въ чащѣ можжевельника.

На мѣстѣ сгорѣвшей церкви создали другую, также деревянную, а затѣмъ построили и новую часовню въ пустынѣ, на прежнемъ же мѣстѣ; послѣ этого поставили въ церкви святую икону Пречистой, а въ часовнѣ—сосновый крестъ. Но по прошествіи лѣтъ

[1]) Т. е. на разстояніе 328 саженей (656 : 2).

пяти церковь снова загорѣлась ночью и сгорѣла до основанія, чудотворная же икона Богоматери, подобно Купинѣ Неопалимой[1]), была найдена среди пепла цѣлою и нисколько не поврежденною. Сгорѣла также, невѣдомо какъ, и часовня въ пустынѣ, чудотворный же крестъ, стоявшій въ ней, остался тоже невредимымъ. Всѣ дивились въ виду такихъ необычайныхъ чудесъ и прославляли Бога и Его Пречистую Матерь. Затѣмъ съ усердіемъ поспѣшили въ третій разъ создать церковь, на мѣстѣ двухъ сгорѣвшихъ, опять деревянную, но болѣе обширную и величественную по сравненію съ двумя первыми. Эта новосозданная церковь просуществовала болѣе ста лѣтъ до времени царствованія благочестиваго князя Всероссійскаго Василія Іоанновича[2]).

Подвигнувшись великою ревностію и любовію къ Пречистой Дѣвѣ Маріи, Великій князь Василій повелѣлъ построить на Тихвинкѣ вмѣсто деревянной каменную церковь. На присланныя имъ деньги скоро была устроена каменная паперть, и когда строители стали бѣлить ее, тогда зданіе, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, упало и засыпало камнями строителей, числомъ двадцать человѣкъ. Священники и наблюдавшіе за рабочими, а также весь народъ стали сильно скорбѣть о засыпанныхъ камнями строителяхъ, ибо они думали, что всѣ они были завалены камнями на́смерть. Съ печалью и плачемъ начали они разбрасывать камни, желая открыть тѣла убіенныхъ. Но послѣ трехдневной работы, разбросавъ всѣ камни, они нашли всѣхъ живыми и безъ всякаго поврежденія. Такъ они были соблюдены, по милосердію Божію и заступленіемъ Пречистой Богородицы. Великая радость наполнила сердца всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ дивномъ чудѣ, и всѣ воздали благодареніе Христу Богу и Его Пречистой Матери. Затѣмъ снова приступили къ работамъ и въ скоромъ времени выстроили прекрасную паперть для церкви.

Когда окончено было строеніе новаго храма,—то на освященіе ея, по желанію Великаго князя, прибылъ преосвященный Серапіонъ, архіепископъ Новгородскій, который, освятивъ церковь, съ честію внесъ въ нее чудотворную икону Пресвятой Богородицы.

По прошествіи нѣкотораго времени прибылъ на Тихвинку и

---

[1]) *Купину* (кустъ), горящую, но не сгораемую, видѣлъ Моисей на горѣ Хоривѣ предъ своимъ призваніемъ въ вожди еврейскаго народа. Она прообразовала Пресв. Дѣву Богородицу, Которая и по рожденіи Сына не премѣнила своего дѣвства.

[2]) *Василій IV Іоанновичъ* — отецъ Іоанна Грознаго, княжилъ съ 1505 г. по 1533 г.

Великій князь Василій Іоанновичъ. Влекомый любовію къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, онъ желалъ увидѣть и облобызать чудотворную икону Пречистой, а также помолиться предъ нею и посмотрѣть новосозданный храмъ. Въ то время архіепископомъ великаго Новгорода былъ преосвященный Макарій, который изволеніемъ Божіимъ былъ потомъ возведенъ на престолъ Московской митрополіи [1]). Онъ сопутствовалъ Великому князю въ этомъ путешествіи его и, вмѣстѣ съ нимъ, прибылъ на Тихвинку. Здѣсь они съ усердіемъ молились предъ иконою Пречистой, совершая многія службы и моленія, а потомъ отбыли: архіепископъ—въ Новгородъ, а Великій князь — въ Москву.

По представленіи Василія Іоанновича на великокняжескій престолъ Московскій вступилъ сынъ его, Іоаннъ Васильевичъ [2]), который первый принялъ царское вѣнчаніе. Подобно отцу своему онъ имѣлъ великое усердіе къ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, что на Тихвинкѣ, и, какъ нѣкогда благовѣрный князь Василій Іоанновичъ, пришелъ туда на поклоненіе. Увидавъ, что церковію завѣдывали здѣсь мірскіе іереи и діаконы, а вокругъ нея—расположены многочисленныя селенія, царь Іоаннъ Васильевичъ нашелъ это непристойнымъ и задумалъ основать тутъ иноческую обитель. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, Новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ, а также съ князьями и боярами своими, онъ повелѣлъ всѣ окрестныя селенія и находившійся при церкви причтъ перевести на другое мѣсто, далеко отстоящее отъ церкви, а при церкви—поселиться инокамъ и начать устроеніе обители. И вотъ, по прошествіи немногаго времени, иждивеніемъ царскимъ, былъ устроенъ на Тихвинкѣ монастырь, весь созданный изъ камня и огражденный каменными стѣнами. При этомъ въ немъ было установлено общежитіе, какъ и въ другихъ великихъ и славныхъ обителяхъ. Первымъ игуменомъ новосозданной обители былъ Кириллъ; при немъ многіе иноки, привлекаемые чудесами отъ иконы Пресвятой Богородицы, начали оставлять свои пустынныя жилища и приходить въ Тихвинскую обитель.

Однимъ изъ первыхъ пришелъ сюда, еще во время устроенія обители, инокъ Авраамій, подвизавшійся ранѣе въ Сергіевомъ мо-

---

1) Московскую митрополичью каѳедру онъ занималъ съ 1542 г. по 1564.

2) *Царь Іоаннъ IV Васильевичъ*, по прозванію Грозный, впервые вѣнчавшійся на царство и принявшій титулъ царя, царствовалъ съ 1533 г. по 1584 г.

настырѣ, находящемся на Великихъ Лукахъ и отстоящемъ отъ Тихвинской обители около пятисотъ поприщъ. Онъ, какъ разсказывалъ самъ, былъ долгое время болѣнъ и уже сталъ готовиться къ смерти. Тогда наставникъ его Мартирій, мужъ богоугодный, слыша многое о чудотворной Тихвинской иконѣ Пречистой Богородицы, объ обильныхъ исцѣленіяхъ, подаваемыхъ чрезъ нее недужнымъ, посовѣтовалъ Авраамію дать Пречистой обѣтъ пойти на Тихвинку и помолиться тамъ предъ Ея чудотворной иконой. Больной тотчасъ же далъ такое обѣщаніе, и мгновенно получилъ исцѣленіе отъ своей тяжкой болѣзни; возвратившись, такимъ образомъ, отъ вратъ смерти, онъ тутъ же и всталъ съ одра болѣзни совершенно здоровымъ, радуясь и славя Бога. Возрадовался и наставникъ его Мартирій, видя скорое исцѣленіе своего ученика и изумляясь дивному чуду Богоматери. При этомъ онъ совѣтовалъ Авраамію не отлагать своего намѣренія и немедленно идти на Тихвинку, чтобы исполнить данный Пречистой обѣтъ свой.

Авраамій немедленно отправился въ путь и, достигнувъ Тихвинской обители, благоговѣйно исполнилъ обѣщанное. Съ радостными слезами онъ припалъ къ честно̀й иконѣ Богородицы, лобызалъ ее устами и воздавалъ ей поклоненіе отъ всего сердца. Вознеся благодареніе Пречистой, онъ повѣдалъ всѣмъ присутствовавшимъ проявленную надъ нимъ милость Царицы Небесной. Въ это время архіепископъ Новгородскій Пименъ находился на р. Тихвинкѣ, наблюдая за работами по устроенію обители; слухъ о чудесномъ исцѣленіи Авраамія дошелъ и до него. Святитель исполнился радости и прославилъ Господа и рождшую Его Пречистую Дѣву Марію. Авраамія онъ не пожелалъ отпустить обратно къ наставнику его Мартирію, но вручилъ ему ключи церковныя, чтобы онъ, въ благодарность за неизреченную милость къ нему Божіей Матери, первый приходилъ въ храмъ ея и послѣдній уходилъ, отворяя его предъ началомъ службъ и затворяя по окончаніи ихъ.

Между тѣмъ старецъ Мартирій, отпустивъ Авраамія, началъ скорбѣть, что онъ и самъ не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ для поклоненія образу Пречистой, и, наконецъ, рѣшилъ пойти на Тихвинку, какъ только возвратится его ученикъ. Прождавъ его долгое время, старецъ сталъ безпокоиться о немъ,—и тогда увидѣлъ во снѣ такое видѣніе. Въ той сторонѣ, гдѣ находился Тихвинъ, поднялся предъ очами Мартирія большой огненный столбъ, на вершинѣ котораго находился образъ Пресвятой Богородицы, сіяющій

подобно солнцу и видомъ подобный тому, какой былъ въ Тихвинской обители. Тогда у Мартирія возникло сильнѣйшее желаніе облобызать этотъ образъ. Въ такомъ настроеніи онъ проснулся и вмѣстѣ съ тѣмъ еще сильнѣе сталъ желать видѣть и облобызать чудотворную икону Пресвятой Богородицы, что близъ Тихвина. Немедленно собравшись въ путь, онъ оставилъ все и поспѣшно отправился къ Тихвину. Достигнувъ обители и увидѣвъ образъ Пречистой, Мартирій благоговѣйно припалъ къ нему, обливаясь многими слезами отъ радости. При этомъ онъ увидѣлъ и ученика своего совершенно здоровымъ и послѣ того не захотѣлъ возвратиться въ монастырь свой, но остался въ Тихвинской обители, чтобы ему можно было ежедневно созерцать чудесный образъ Пречистой Дѣвы Маріи.

Но по прошествіи нѣкотораго времени Мартирій, по изволенію Божію, былъ переселенъ на другое пустынное мѣсто—за сорокъ поприщъ отъ Тихвина, на которомъ упомянутый Авраамій видѣлъ однажды Крестъ на небѣ, составленный изъ звѣздъ и освѣщающій всю мѣстность. Переселяясь туда, блаженный Мартирій взялъ съ собою списокъ съ чудотворной иконы Пречистой и пребывалъ здѣсь въ безмолвіи, день и ночь работая Богу; взятый съ собою списокъ съ чудотворной иконы Богородицы онъ неизмѣнно носилъ съ собою, куда бы ему не случилось ходить. И вотъ, однажды пришлось ему быть въ городѣ Твери, въ которомъ, по повелѣнію благовѣрнаго царя и Великаго князя Іоанна Васильевича, жилъ тогда Казанскій царь Симеонъ [1]). Во время пребыванія въ этомъ городѣ старца Мартирія у Симеона умеръ сынъ, Іоаннъ, который предъ этимъ долго болѣлъ. Тогда преподобный Мартирій возложилъ на мертваго носимую имъ съ собою икону Богоматери, и мертвый тотчасъ же воскресъ. Симеонъ исполнился великой радости и воздалъ славословіе Господу Богу и Его Пречистой Матери. Потомъ, желая отблагодарить блаженнаго Мартирія, онъ создалъ въ пустынѣ его каменную церковь и при ней устроилъ монастырь.

Но мы обратимся теперь къ Тихвинской обители и явившейся на Тихвинкѣ чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, чтобы повѣдать о другихъ чудесахъ ея.

---

1) Разумѣется *Симеонъ Бекбулатовичъ*—Казанскій ханъ, крещеиный Татаринъ. Одно время (въ 1574 г.) Грозный посадилъ его на царскій престолъ вмѣсто себя, хотя, конечно, Симеонъ считался царемъ лишь по имени. Черезъ 4-е года онъ былъ сосланъ изъ Москвы, и ему дали въ управленіе Тверь и Торжокъ.

Со времени явленія честно́й иконы на Тихвинкѣ до созданія обители прошло 177 лѣтъ, въ теченіе которыхъ церковь находилась въ завѣдываніи мірскихъ іереевъ. Много чудесъ истекло въ это время отъ святой иконы, немало исцѣленій подавалось отъ нея всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ ней,—но тѣ чудотворенія никто изъ современниковъ не внесъ въ записи для назиданія послѣдующимъ поколѣніямъ; и, такимъ образомъ, мы лишены возможности знать что-либо объ этихъ чудесахъ. Но и когда устроена была обитель, не много изъ бывшихъ отъ иконы чудесъ записано было—частію отъ простоты, частію по небреженію,—и это немногое дошедшее до насъ мы и собираемъ, какъ послѣ жатвы оставшіеся колосья или послѣ собиранія винограда немногія гроздья, случайно оставленные на мѣстѣ.

Одинъ человѣкъ по имени Ѳеофилъ, бывшій слѣпымъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, помолившись предъ иконою Пресвятой Богородицы, получилъ исцѣленіе и сталъ зрячимъ. Это было въ 1581 году.

Въ томъ же году одинъ отрокъ, именемъ Харалампій, одержимый бѣсомъ, будучи приведенъ къ образу Пречистой, освободился отъ духа нечистаго.

Захарія слѣпецъ, пять лѣтъ не видѣвшій свѣта, какъ только приведенъ былъ къ святой иконѣ, получилъ исцѣленіе.

У одного человѣка, по имени Климента, который жилъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, захворала жена, именемъ Параскева. Уже цѣлый годъ лежала она на постели и не могла встать съ нея; отъ тяжкихъ болей во всемъ тѣлѣ у нея ослѣпли глаза, и она помрачилась разсудкомъ. Мужъ ея испыталъ всѣ средства для леченія больной, но, не достигнувъ ни малѣйшаго облегченія для болящей, уже отчаивался въ выздоровленіи своей супруги. Но вотъ, онъ услышалъ, что въ Тихвинѣ есть чудотворная икона Пречистой Богородицы, отъ которой истекаютъ исцѣленія всѣмъ прибѣгающимъ къ ней съ вѣрою. Исполнившись надежды, онъ сталъ убѣждать жену дать обѣтъ Пречистой Богородицѣ, что она пойдетъ поклониться Ея Тихвинской иконѣ. Та послушалась мужа и дала такой обѣтъ. И какъ только она произнесла слова обѣта, тотчасъ же встала съ одра болѣзни, какъ бы пробудившись отъ сна, и исцѣлилась отъ своего сильнаго недуга. При этомъ окрѣпли всѣ члены тѣла ея и стали здравы,—и только не было возвращено очамъ ея зрѣніе.

Тогда мужъ и исцѣлѣвшая жена немедленно пошли на Тихвинъ, совмѣстно исполняя обѣтъ, данный Пречистой. Достигнувъ Тихвинской обители въ первую субботу Великаго Поста, они прямо съ пути отправились въ церковь къ иконѣ Пречистой и помолились предъ святою иконою, сотворивъ молебное пѣніе. Во время воскреснаго Всенощного бдѣнія, когда они продолжали стоять и молиться въ храмѣ, совершилось надъ женою новое чудо: благодатію Пречистой она получила прозрѣніе и, такимъ образомъ, совершенно стала здоровою. Всѣ, бывшіе въ церкви, видя такое чудо, со слезами умиленія прославили Бога и Пречистую Его Матерь. А исцѣлѣвшая и мужъ ея, послѣ многихъ благодарственныхъ моленій предъ святою иконою, возвратились съ радостію въ мѣсто своего жительства. Было это въ 1583 году.

Въ 1586 году къ Тихвинскому образу Пречистой Богородицы приведенъ былъ одинъ слѣпой, по имени Георгій. Когда, на праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, онъ молился предъ чудотворною иконою, то правымъ глазомъ своимъ онъ сталъ видѣть. И безъ посторонней помощи онъ пошелъ въ домъ свой, славя Христа Бога и Его Пречистую Матерь за дарованіе и исцѣленія одному оку своему.

По прошествіи нѣсколькихъ дней принесли въ обитель къ чудотворному образу Владычицы человѣка, именемъ Андрея; онъ былъ разслабленный, и вмѣстѣ съ тѣмъ—глухой и нѣмой, и пребывалъ въ такихъ недугахъ пятнадцать лѣтъ. Когда предъ иконою Пречистой совершили моленіе объ исцѣленіи его, тотчасъ онъ получилъ совершенное здравіе: ему возвращена была способность слуха, разрѣшилась нѣмота его, и всѣ члены его получили крѣпость и силу, такъ что онъ сталъ на ноги какъ человѣкъ вполнѣ здоровый.

Подобное чудо совершилось и надъ нѣкоей женщиной Маврой, которая проживала на рѣкѣ Устьѣ[1]). Она была слѣпою и совершенно не видѣла свѣта въ продолженіе семнадцати лѣтъ. Будучи же приведена къ чудотворному образу Пречистой, она немедленно получила прозрѣніе. Это было въ 1587 году.

Въ томъ же году 4 марта привели въ Тихвинскую обитель изъ великаго Новгорода одного отрока, именемъ Георгія, который въ теченіе шести лѣтъ былъ одержимъ нечистымъ духомъ и тяжко

1) *Устье*—рѣка Ярослав. губерніи; вмѣстѣ съ р. Вексою образуетъ верховье р. Которости, лѣваго притока Волги, куда она вливается въ самомъ Ярославлѣ.

страдалъ отъ того. Когда его подвели къ образу Пречистой, то мрачный духъ, не перенося свѣта благодати, истекаемой отъ чудотворнаго образа, отступилъ отъ больного, исчезнувъ какъ тьма предъ солнцемъ, и отрокъ сдѣлался совершенно здоровымъ.

Одна вдовица, именемъ Іуліанія, заболѣла глазами столь сильно, что ослѣпла и въ теченіе двухъ лѣтъ не видала свѣта Божія. Услышавъ о чудотворной иконѣ Пречистой, что близъ Тихвина, и о неизреченныхъ исцѣленіяхъ, подаваемыхъ чрезъ нея людямъ, Іуліанія воспылала пламенною вѣрою къ Пречистой и дала обѣтъ сходить къ иконѣ Ея на поклоненіе. И въ тотъ же часъ Небесная Владычица дала прозрѣніе ея очамъ въ дому ея. Немедленно, желая поскорѣе воздать благодареніе Пречистой, она, будучи зрячей, безъ посторонней помощи пошла въ Тихвинскую обитель Пречистой и, исполнивъ тутъ свое обѣщаніе, возвѣстила всѣмъ о проявленной надъ нею милости Божіей. Это было въ 1589 году.

Почти одновременно съ этимъ одинъ хромецъ, именемъ Акиндинъ, уже два года совершенно не могшій ходить, такъ какъ ноги его были скорчены,—ползкомъ на колѣняхъ пришелъ къ чудотворной иконѣ Пречистой Богородицы. И лишь только помолился предъ Нею, ноги его тотчасъ же выпрямились и стали здоровы; на глазахъ у всѣхъ онъ всталъ на ноги и началъ ходить, благодаря Христа Бога и Пречистую Матерь Его.

Въ томъ же году, 10 августа, слѣпой юноша, именемъ Іона, приведенный во святую обитель изъ Великаго Новгорода, получилъ прозрѣніе у образа Пресвятой Богородицы.

Другой юноша, именемъ Максимъ, одержимый нечистымъ духомъ, когда родители повели его для поклоненія образу Пречистой, еще на пути получилъ небесную помощь отъ Преблагословенной Матери Божіей: силою Божію нечистый духъ былъ изгнанъ изъ него, и онъ, придя въ Тихвинскую обитель, повѣдалъ всѣмъ о сотворенномъ надъ нимъ чудѣ. Тогда всѣ воздали благодареніе Богу и Пречистой Богородицѣ. Случилось это въ 1591 году.

Женщина, по имени Елена, бывшая два года и шесть мѣсяцевъ совершенно слѣпою, такъ что не видѣла свѣта, прозрѣла предъ чудотворнымъ образомъ Пречистой въ одно изъ воскресеній, на Литургіи, при пѣніи: «Достойно есть»...

Въ 1593 году прозрѣла и еще одна женщина, именемъ Марія, которая приведена была на праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы къ чудотворному образу Пречистой.

Точно такъ же нѣкій человѣкъ, именемъ Климентъ,—занимавшійся издѣліемъ разныхъ вещей изъ серебра, заболѣвшій очами и лишившійся зрѣнія,—получилъ исцѣленіе послѣ молитвъ предъ иконою Пресвятой Богородицы.

Иной слѣпецъ, именемъ Филиппъ, который не видѣлъ свѣта въ теченіе 5 лѣтъ,—будучи приведенъ въ Тихвинскую обитель въ Недѣлю Православія, стоя и молясь здѣсь предъ иконою Пресвятой Богородицы, совершенно прозрѣлъ и сталъ видѣть все ясно. Случилось это въ 1596 году во время Литургіи, при перенесеніи Честныхъ Даровъ съ жертвенника на святый Престолъ.

Въ томъ же году пришелъ изъ Москвы нѣкій человѣкъ, по имени Кириллъ, слѣпой на одинъ глазъ, и во время молитвы предъ иконою Пречистой получилъ прозрѣніе. Вотъ что онъ разсказалъ о себѣ при этомъ. Захворавъ тяжкою болѣзнію и постоянно страдая болями головы, онъ ослѣпъ на два глаза, полгода не видалъ свѣта и совершенно не имѣлъ отъ своей болѣзни никакого облегченія, хотя близкіе проявили о немъ и немало всевозможныхъ заботъ. Онъ уже сталъ совершенно отчаяваться получить исцѣленіе, какъ вдругъ его жена узрѣла во снѣ видѣніе, во время котораго она услышала такія слова:

«Пусть мужъ твой идетъ на Тихвинъ къ чудотворному образу Пречистой Богородицы. Тамъ онъ обрящетъ исцѣленіе себѣ. Если же онъ не пойдетъ, то воспріиметъ еще большія страданія».

Воспрянувъ отъ сна, жена тотчасъ же разсказала о видѣніи своему мужу. Тотъ немедленно началъ усердно молиться къ Пречистой Богородицѣ и далъ при этомъ обѣтъ Царицѣ Небесной сходить на Тихвинъ поклониться Ея иконѣ;—тогда же онъ получилъ облегченіе отъ своей болѣзни: сталъ видѣть свѣтъ очами своими и даже сдѣлался совершенно здоровымъ. Но, отлагая исполненіе своего обѣщанія со дня на день, онъ понемногу забылъ о немъ и, такимъ образомъ, не исполнилъ обѣщаннаго. За это небреженіе снова постигло его Божіе наказаніе; ибо по прошествіи нѣкотораго времени болѣзнь возвратилась къ нему, и онъ во второй разъ ослѣпъ на оба глаза. Тогда, вспомнивъ о неисполненномъ своемъ обѣщаніи и познавши грѣхъ свой, больной началъ плакать, рыдать и каяться, и снова обратился съ молитвою къ Пресвятой Богородицѣ, увѣряя Ее, что онъ исполнитъ данный раньше обѣтъ свой. По милосердію Преблагословенной Царицы Небесной онъ и во второй разъ получилъ исцѣленіе, но при этомъ прозрѣлъ

только на одинъ глазъ, а другой остался у него незрячимъ. Не отлагая исполненіе обѣта своего на долгій срокъ, онъ тутъ же отправился въ Тихвинъ и увидѣвъ тамъ однимъ окомъ икону Пречистой, послѣ молитвъ предъ нею прозрѣлъ и на другое око.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, 9 дня, того же 1596 года пришли въ обитель 23 человѣка, руководителями которыхъ были двое: Григорій и Михаилъ. Совершивъ Благодарственное молебствіе предъ чудотворною иконою Пречистой Богородицы, они разсказали о себѣ слѣдующее. Были они далеко въ Сѣверномъ океанѣ на ловлѣ морскихъ звѣрей. Когда они пристали къ одному пустынному мѣсту, то случившимся морскимъ волненіемъ они были задержаны тамъ на очень продолжительное время. Запасы пищи у нихъ оскудѣли, и, среди мученій голода, всѣ они стали уже недалеки отъ смерти вслѣдствіе долгаго неяденія. И вотъ, каждый изъ нихъ въ ожиданіи смерти сталъ молиться Богу, прося прощенія грѣховъ своихъ. При этомъ они вспомнили о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, что на Тихвинкѣ, и начали усердно молиться ей. Въ наступившую затѣмъ ночь одному изъ нихъ, немного задремавшему среди молитвы, явилась скорая Помощница—Пресвятая Дѣва Марія и повелѣла ему сказать всѣмъ его товарищамъ, чтобы они питались нѣкою травою, растущею тамъ, пока не наступитъ для нихъ удобное время отплыть по морю въ свои дома. Тотъ разсказалъ о видѣніи всѣмъ, бывшимъ съ нимъ,—и когда они вкусили отъ указанной имъ травы, то обрѣли въ ней изрядный вкусъ и сытость, какъ отъ хлѣба. И была для нихъ трава та, какъ нѣкогда Израильтянамъ манна въ пустынѣ, и они питались ею двадцать дней, пока не прекратилось волненіе.

По прошествіи немногаго времени пришла на Тихвинъ одна женщина, по имени Елена, которая повѣдала о себѣ слѣдующее. Три года она была слѣпою, но однажды, побуждаемая вѣрою къ Пречистой, она велѣла вести себя къ Тихвинской иконѣ Богоматери, и когда была на пути, внезапно прозрѣла, дошла до обители безъ посторонней помощи. Здѣсь она и воздала благодарное поклоненіе Божіей Матери предъ чудотворною Ея иконою.

Точно такъ же одинъ мужъ, по имени Мамантъ, придя отъ Бѣлозерскихъ предѣловъ[1]), сказалъ, что онъ долгое время былъ слѣпъ,

---

1) *Бѣлозерская страна* находилась при Бѣломъ озерѣ, которое расположено въ сѣверо-вост. углу нынѣшней Новгородской губерніи. Здѣсь было особое княжество, которое съ половины XIV в. принадлежало Московскому князю.

но какъ только далъ обѣтъ пойти на Тихвинъ и поклониться чудотворному образу Пречистой, тотчасъ же совершенно прозрѣлъ. Это было въ 1597 году.

Другой мужъ, именемъ Діомидъ, пришелъ изъ той же страны и въ томъ же году въ обитель Пречистой и также разсказалъ о себѣ, что онъ былъ разслабленнымъ цѣлый годъ, но потомъ, вспомнивъ о Тихвинской чудотворной иконѣ Пречистой, сталъ мысленно молиться ей и далъ себѣ обѣтъ сходить на поклоненіе къ Пречистому образу: тотчасъ же онъ сдѣлался здоровымъ и, нимало не медля, исполнилъ свое обѣщаніе.

Въ томъ же году нѣкто Пименъ, одержимый лютымъ демономъ, былъ отправленъ родственниками своими на Тихвинъ связанный цѣпями,—и когда они были еще на половинѣ пути, онъ получилъ исцѣленіе милосердіемъ Пречистой: демонъ изъ него удалился, и онъ дошелъ вполнѣ здоровымъ и съ благоговѣніемъ поклонился Цѣлительницѣ своей. Это было 9-го декабря.

Одинъ человѣкъ, именемъ Кодратъ, сталъ страдать болью головы, ослѣпъ глазами и не видѣлъ свѣта цѣлые 1½ года; услышавъ же о чудотворной иконѣ Богоматери, находящейся близъ Тихвина, усердно помолился и далъ обѣтъ идти къ ней на поклоненіе. И лишь только онъ произнесъ слова обѣта, мгновенно получилъ прозрѣніе. Но, отложивъ путешествіе до другого времени, вскорѣ совсѣмъ забылъ о своемъ обѣщаніи и не пошелъ воздать благодареніе Цѣлебницѣ своей—Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ. По прошествіи 10 лѣтъ съ того времени, какъ онъ прозрѣлъ, опять ослѣпъ такимъ же образомъ, какъ раньше. Но несмотря на это не вспомнилъ своего обѣщанія, пока въ сонномъ видѣніи не получилъ вразумленія. Ибо во снѣ онъ увидѣлъ нѣкоего мужа, глаголющаго ему: «Иди на Тихвинъ поклониться образу Пречистой; если не пойдешь и обѣщанія не исполнишь, прозрѣнія глазъ не получишь».

Возставъ отъ сна, онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи и позналъ свое прегрѣшеніе; немедленно онъ пошелъ въ Тихвинскую обитель Богоматери, сопровождаемый проводникомъ. Когда же приведенъ былъ къ чудотворному образу Пречистой и отъ всего сердца помолился предъ нимъ, то мгновенно получилъ исцѣленіе милосердіемъ Пресвятой Богородицы.

Нѣкоему человѣку, именемъ Іоанну, долгое время тяжело болѣвшему и уже приближавшемуся къ смерти, явился въ сонномъ видѣніи святитель Христовъ Николай и сказалъ ему:

— Если хочешь получить здравіе, дай обѣтъ Пресвятой Богородицѣ пойти и поклониться чудотворному Ея образу, что на Тихвинкѣ.

Человѣкъ тотъ, пробудившись, тотчасъ же началъ со слезами молиться Пречистой и далъ Ей обѣтъ поклониться Ея образу,—въ то же мгновеніе онъ сталъ совершенно здоровымъ и отправился въ обитель, исполняя обѣщаніе свое. Это было въ 1596 году.

Въ томъ же году приведена была въ обитель слѣпая женщина, именемъ Марія, десять лѣтъ не видавшая свѣта; помолившись предъ иконой Пресвятой Богородицы, она получила прозрѣніе.

Другая женщина, именемъ Евдокія, жившая въ предѣлахъ Онежскаго озера[1]), будучи бѣсноватой и разслабленной и имѣя при этомъ еще и сухую руку, какъ только обѣщалась пойти къ образу Пречистой на поклоненіе, тотчасъ исцѣлѣла въ домѣ своемъ отъ бѣсноватости и разслабленія: духъ нечистый удалился изъ нея, и члены, прежде разслабленные, получили крѣпость и здравіе; только рука ея оставалась неисцѣленною, чтобы она не забыла о своемъ обѣщаніи. Когда же она пришла въ Тихвинскую обитель и помолилась Божіей Матери предъ Ея образомъ, тогда и рука ея сдѣлалась здоровою. Это было въ 1603 году.

Хромой и слѣпой человѣкъ, именемъ Іоаннъ, далъ обѣтъ пойти на поклоненіе къ образу Пречистой и получилъ исцѣленіе въ своемъ домѣ: прозрѣлъ на глаза и ноги его выпрямились; тогда онъ пришелъ въ Тихвинскую обитель воздать благодареніе Пречистой—въ 1606 году марта въ 1 день.

Точно такъ же и другіе многіе люди, одержимые различными недугами, какъ только полагали обѣщаніе пойти на поклоненіе къ чудотворному образу Пресвятой Богородицы, находящемуся на рѣкѣ Тихвинкѣ, тотчасъ же получали исцѣленія. «Мы знаемъ,—говоритъ Тихвинскій лѣтописецъ,—что отъ сего святаго образа никогда не переставали твориться предивныя чудеса и всегда изливались съ вѣрою приходящимъ, какъ отъ источника живая вода. Такъ, многіе слѣпые получили прозрѣніе, бѣсноватые освободились отъ демонскаго мученія, глухіе утѣшены были дарованіемъ слуха, разслабленные утвердились въ своихъ жилахъ, нѣмые получали разрѣшеніе отъ узъ, связующихъ языкъ, больные ногами вскочили, какъ олени; страдавшіе головною болью исцѣ-

[1]) *Онежское озеро* находится въ предѣлахъ нынѣшней Олонецкой губерніи на сѣверо-востокѣ отъ Ладожскаго озера.

лѣли. Даже и въ дальнихъ странахъ одержимые различными недугами, какъ скоро давали обѣты предъ чудною иконою, не лишены были скорой отъ нея помощи. Словомъ, каждый по нуждѣ своей получалъ скорое пособіе, какъ только съ вѣрою притекалъ подъ кровъ Богоматери».

Въ царствованіе благочестиваго царя и Великаго князя Василія Іоанновича Шуйскаго[1]) было, по грѣхамъ нашимъ, великое смятеніе въ Русской землѣ—частію отъ внутреннихъ междоусобій, частію отъ нападеній внѣшнихъ враговъ. Кровь русская лилась повсюду. Царствующій градъ Москва находился въ рукахъ порубежныхъ иновѣрныхъ людей, а Великимъ Новгородомъ со всею его областію владѣли Варяги[2]). Въ это время и обитель Тихвинская находилась подъ властію Варяговъ и терпѣла отъ нихъ многія притѣсненія. Но вотъ, по милосердію Божію и всесильною помощью Царя Небеснаго, разрозненныя русскія войска, собравшись въ одно ополченіе, отняли у иновѣрцевъ царствующій градъ Москву, и въ немъ воцарился благочестивый царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ[3]). Онъ послалъ войска свои и въ предѣлы Великаго Новгорода противъ Варяговъ, и здѣсь, при рѣкѣ Устьѣ, между русскими войсками и передовыми полками Варяговъ произошла битва. Варяжскіе ратники были побѣждены и ударились въ бѣгство; царскіе войска настигли ихъ на рѣкѣ Тихвинкѣ и частію перебили, частію захватили въ плѣнъ.

Услышавъ о такомъ пораженіи варяжскихъ ратниковъ, воевода варяжскій, сидѣвшій въ Великомъ Новгородѣ и имѣвшій въ немъ многочисленные полки варяжскіе, исполнился великаго гнѣва и ярости. Желая отомстить Русскимъ за это пораженіе, онъ послалъ полки свои, бывшіе въ Новгородѣ, къ Тихвинской обители, чтобы вконецъ опустошить и разорить ее со всѣми окрестными селеніями. Услышавъ объ этомъ, окрестные жители стеклись съ женами и дѣтьми подъ сѣнь обители и вмѣстѣ съ иноками и немногими царскими ратниками укрылись за крѣпкими каменными стѣнами ея, затворившись тамъ отъ Варяговъ. При этомъ всѣ они надѣялись не столько на крѣпость стѣнъ, сколько на помощь

---

1) *Василій Шуйскій*, избранный боярами послѣ сверженія Лжедимитрія I, царствовалъ съ 1606 г. по 1610 г.

2) *Варягами* здѣсь названы Шведы.

3) *Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ*, избранный въ цари Земскимъ Соборомъ отъ всей Руси, вступилъ на престолъ въ 1613 г. и царствовалъ до 1645 г.

и заступленіе Необоримой Стѣны и Покрова всѣхъ уповающихъ на Нее—Пресвятой Дѣвы Богородицы.

Варяги не заставили себя долго ждать; подойдя къ стѣнамъ обители, они обложили ее со всѣхъ сторонъ и стали нападать на нее. Затворившіеся въ обители испытывали сильный страхъ,—и въ то время какъ одни находились на стѣнахъ и сражались съ Варягами, другіе, собравшись вмѣстѣ съ иноками въ церкви, со слезами усердно молились Богу и Пречистой Богородицѣ предъ Ея чудотворною иконою, совершая Всенощное бдѣніе и испрашивая у Пречистой помощи православнымъ христіанамъ. И эта помощь не замедлила явиться имъ.

Въ ту же ночь одна женщина, по имени Марія, задремавши во время моленія, увидѣла въ сонномъ видѣніи Преблагословенную Дѣву Богородицу, которая, явившись ей, сказала:

«Скажи всѣмъ находящимся въ обители: пусть они возьмутъ икону мою и обойдутъ съ нею по стѣнамъ вокругъ монастыря, и тогда они увидятъ надъ собою милость Божію».

Немедленно пробудившись отъ сна, женщина разсказала о видѣніи всѣмъ, бывшимъ въ церкви. Тѣ исполнились радости и упованія на помощь свыше и, взявши съ моленіемъ чудотворный образъ Пречистой, вознесли его на монастырскую стѣну; творя литію, они стали обходить вокругъ обители и при этомъ со слезами взывали къ Пречистой Богородицѣ:

«Ты видишь, Царица Небесная, бѣды рабовъ Твоихъ; избави же насъ отъ обстоящихъ насъ супостатъ и яви силу Твою, да разумѣютъ всѣ враги наши, что Ты, Заступница наша,—съ нами».

Въ тотъ же часъ напалъ на враговъ страхъ великій: они пришли въ смятеніе и всѣ побѣжали отъ обители, хотя никто и не гналъ ихъ.

Но по прошествіи нѣкотораго времени Варяги подступили къ обители съ еще большею силою и, обложивши ее, снова повели осаду и дѣлали многократные нападенія на монастырь. Въ обители во время осады находилось немало людей обоего пола; при тѣснотѣ жизни и при совмѣстномъ обитаніи мужчинъ и женщинъ не всѣ соблюдали приличную для святаго мѣста чистоту и разгорались страстію, подобно сѣну отъ огненной искры. Ввиду этого обитель постигъ гнѣвъ Божій, и Господь оставилъ ее безъ своей помощи. Тогда враги, окружавшіе обитель, по Божію по-

пущенію, начали приходить все въ бо̀льшую и бо̀льшую силу, между тѣмъ какъ защитники обители отъ постоянныхъ сраженій изнемогали. Уже отчаяніе охватило всѣхъ, бывшихъ въ обители, и они стали ожидать близкую гибель себѣ отъ осаждавшихъ ихъ. Съ горькимъ рыданіемъ всѣ тогда притекли къ чудотворному образу Пречистой и умиленно начали взывать предъ нимъ:

— Ты видишь, Пречистая Дѣва Богородица, смиреніе наше! Со слезами притекаемъ мы къ пречистому образу Твоему и смиренно умоляемъ: не остави, Пречистая, обитель Твою, которой Ты Сама положила начало здѣсь явленіемъ чудотворной иконы Твоей! Ты видишь, Владычица, лютое нападеніе на насъ враговъ нашихъ. Не остави же безъ заступленія насъ, рабовъ Твоихъ, ибо мы ниоткуда не ждемъ себѣ помощи, кромѣ какъ отъ Тебя Единой.

Въ это время въ обители находился служитель Соловецкаго монастыря Мартиніанъ, мужъ благочестивый и богобоязненный. Пречистая явилась ему въ видѣніи, окруженная святыми—Николаемъ Чудотворцемъ, преподобнымъ Варлаамомъ Хутынскимъ и Зосимою Соловецкимъ, и сказала:

— Моя помощь отступила отъ мѣста этого изъ-за того, что многіе осквернили его своими нечистыми дѣяніями.

Въ ужасѣ пробудился Мартиніанъ отъ сна и со слезами повѣдалъ о своемъ видѣніи начальствовавшимъ въ обители. Услышавъ разсказъ соловецкаго служителя, начальники немедленно розыскали всѣхъ людей, осквернявшихъ обитель впаденіемъ во власть нечистой похоти, и изгнали ихъ вонъ; потомъ очистили притворъ церковный и начали умилостивлять Бога и Пресвятую Богородицу многими усердными моленіями, проливая обильныя слезы и испрашивая у Пречистой прощенія и заступленія, чтобы не быть имъ преданными въ руки враговъ. И человѣколюбный Господь, по ходатайству Пречистой Матери Своей, премѣнилъ праведный гнѣвъ Свой на милость къ погибающимъ, и съ того времени осаждаемые стали крѣпнуть и приходить въ силу, а ихъ враги начали ослабѣвать. Наконецъ, собравшись съ силами и надѣясь на помощь Пречистой, осаждаемые неожиданно вышли изъ-за стѣны монастыря и, устремившись на враговъ, мужественно вступили въ битву съ ними. Божественная помощь, по молитвамъ Пресвятой Богородицы, споспѣшествовала имъ, и Господь даровалъ имъ побѣду надъ врагами, ибо хотя ихъ было и немного, они

обратили въ бѣгство многія тысячи враговъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ.

Однако и послѣ того Варяги не оставили въ покоѣ святую обитель. Желая отплатить за свой позоръ, они, собравши еще бо́льшую силу, опять подошли къ обители; обступивъ монастырь, они часто дѣлали яростные приступы къ стѣнамъ его и начали копать подземные рвы подъ стѣны. Тогда Пречистая въ нощномъ видѣніи снова явилась вышеупомянутому Мартиніану и сказала ему: «Скажи начальникамъ, чтобы они отогнали свиней отъ дома Моего, ибо они всюду вокругъ изрыли и уже подкопали порогъ дверей, ведущихъ къ обители».

Такое же явленіе Пречистой было и другому человѣку, находившемуся въ обители, именемъ Григорію, и они оба—Мартиніанъ и Григорій—возвѣстили о словахъ Богородицы всѣмъ присутствовавшимъ въ обители.

Въ ту же ночь Господь послалъ врагамъ страшное видѣніе: они увидѣли идущихъ съ Москвы множество вооруженныхъ воиновъ со многими свѣтлыми хоругвями крестоносными. Думая, что это идутъ царскіе полки на помощь затворившимся въ обители, Варяги пришли въ ужасъ и хотѣли бѣжать. Но, надѣясь посредствомъ своихъ подкоповъ нанести вредъ обители и стѣнамъ ея, они нѣсколько задержались.

Между тѣмъ, осаждаемые, укрѣпленные видѣніемъ, бывшимъ Мартиніану и Григорію, сотворивъ моленіе предъ чудотворною иконою Богородицы, вышли изъ монастыря, какъ и прежде, вооруженными и устремились на своихъ враговъ. Невидимая помощь свыше имъ споспѣшествовала и теперь, какъ то было раньше: помогая православнымъ, Господь привелъ въ смятеніе полки вражескія, и на нихъ напалъ великій страхъ и трепетъ. Въ смятеніи они обратились въ бѣгство и, въ ужасѣ смѣшавшись, поражали другъ друга, гонимые при этомъ не столько немногими видимыми воинами, сколько безчисленными невидимыми ратниками. Тогда православные воины, видя враговъ своихъ бѣгущими, пріяли еще бо́льшее дерзновеніе и гнали ихъ съ новою силою, посѣкая ихъ какъ стебли, а нѣкоторыхъ забирая въ плѣнъ; тѣхъ же враговъ, которые находились во рвахъ, вышедшее изъ обители воинство частію поразило мечами, частію засыпало въ землѣ. Когда окончилась битва, то взятые въ плѣнъ Варяги разсказывали, что въ прошедшую ночь они видѣли многочисленное воинство, пришедшее на помощь къ

обители, и что то же воинство вышло потомъ изъ-за стѣнъ монастыря и съ великою силою погнало ихъ. Слушая такой разсказъ Варяговъ, православные со слезами воздали благодареніе Богу и Пречистой Матери Божіей. Эта славная побѣда случилась въ самый праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, въ 1614 году.

На слѣдующій годъ воевода варяжскій, сидѣвшій въ Великомъ Новгородѣ, пылая яростію противъ Тихвинской обители, у которой погибло столь великое множество его воиновъ, снова собралъ сильное ополченіе и, посылая его на Тихвинъ, повелѣлъ безъ всякой жалости разорить обитель до основанія, икону же Пресвятой Богородицы разрубить на части, а церковь Ея разбросать по камню. Вѣсть о такомъ повелѣніи его достигла Тихвинской обители. Въ великій страхъ пришли всѣ, бывшіе тогда въ ней, и хотѣли было, взявши чудотворную икону Пресвятой Богородицы, бѣжать съ нею въ Москву. Но чудотворная икона оставалась на мѣстѣ своемъ неподвижно такъ, что когда священники попытались поднять ее съ мѣста съ молебнымъ пѣніемъ, то не могли этого сдѣлать. Чудо вразумило малодушныхъ, и они поняли, что Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ намѣреніе ихъ оставить обитель не угодно. Возложивъ все упованіе свое на всесильную помощь Царицы Небесной, всѣ, бывшіе тамъ, затворились въ обители и стали ждать пришествія враговъ. Но скорая Заступница православныхъ и Неусыпная Хранительница обители Своей не допустила Варяговъ даже дойти до обители и преградила имъ путь предивнымъ видѣніемъ. Варягамъ представилось, что многочисленное и хорошо вооруженное войско стремительно идетъ имъ навстрѣчу, готовое вступить въ битву. Не надѣясь противостать такой непобѣдимой силѣ, они, объятые страхомъ, обратились въ бѣгство, производя давку и попирая другъ друга. Съ того времени Варяги уже не дерзали болѣе подступать къ Тихвинской обители[1]). Такъ Пречистая Дѣва Богородица со славою и не одинъ

[1]) Спустя около года послѣ такой чудесной побѣды прибыли въ Тихвинскій монастырь царскіе послы для заключенія мира со Шведами. Снявъ списокъ съ чудотворной иконы Богоматери, послы отправились за 50 в. отъ монастыря въ деревню Столбово, недалеко отъ города Ладоги; туда же прибыли и шведскіе послы. Здѣсь, 10 февраля 1617 г. былъ заключенъ Столбовскій миръ, при чемъ главною порукою мира со стороны Русскихъ былъ принесенный ими списокъ съ чудотворной Тихвинской иконы. Этотъ списокъ впослѣдствіи былъ перенесенъ въ Москву и поставленъ въ Успенскомъ соборѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе усиленнаго прошенія новгородцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ противъ Шведовъ, отправленъ былъ въ Новгородъ и поставленъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ находится и теперь.

разъ защищала обитель Свою отъ враговъ, и не только обитель Свою Она изъяла изъ ихъ рукъ, но и Великій Новгородъ со всѣми предѣлами Она скоро освободила отъ варяжскаго ига и вручила православному царю Россійскому. И по молитвамъ Ея наступили миръ и тишина для всего Россійскаго царства.

По окончаніи вышеописанныхъ бѣдствій, когда обитель вмѣстѣ со всею страною Россійскою наслаждалась наступившимъ миромъ, угодно было Богу посѣтить ее, соблюденную отъ нападеній Варяговъ, огнемъ, чтобы вразумить и очистить отъ всякихъ скверъ насельниковъ ее. Это страшное посѣщеніе Божіе было чудеснымъ образомъ предуказано братіи монастыря. Было это такъ.

Въ Тихвинѣ проживалъ одинъ нищій, по имени Никита, для угожденія Богу пріявшій на себя подвигъ юродства. И вотъ ему-то, не во снѣ, а наяву, явился преподобный Макарій Желтоводскій, который сказалъ ему:

— Поди и передай игумену и братіи, чтобы они со тщаніемъ соблюдали воздержаніе, а наипаче не держали въ обители ничего хмѣльнаго, такъ какъ пьянство бываетъ причиною всѣхъ золъ. Сверхъ того, пусть не допускаютъ въ обитель, кромѣ какъ на службы церковныя, людей, могущихъ возбуждать соблазны въ братіи, а въ особенности женщинъ. Скажи имъ также, чтобы они усердно молились Богу и Пречистой Богородицѣ, дабы отвратить отъ обители грозное наказаніе Божіе огнемъ.

Тогда Никита, не знавшій святого, вопросилъ его,—кто онъ? Явившійся отвѣтилъ:

— Я—Макарій Желтоводскій и пришелъ сюда къ чудотворному образу Пречистой Богородицы.

Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ. Никита же пошелъ къ игумену и братіи и разсказалъ имъ о бывшемъ ему видѣніи. Но тѣ не повѣрили ему и посмѣялись надъ нимъ какъ надъ юродивымъ. Прошло нѣсколько дней,—и вдругъ отъ незначительной причины загорѣлась одна келлія, пламя быстро разгорѣлось и охватило всѣ зданія, такъ что загорѣлась вся обитель. Пожаръ былъ столь сильный, что не только деревянныя постройки превратились въ пепелъ, но и многія каменныя строенія разсыпались отъ огня. Тогда познали иноки, что воистину преподобный Макарій Желтоводскій являлся юродивому Никитѣ и предостерегалъ ихъ чрезъ него отъ грозящаго имъ гнѣва Божія. Покаявшись, они стали соблюдать все то, что сказалъ преподобный, и съ усердіемъ молились Пре-

чистой, испрашивая у нея прощеніе грѣхамъ своимъ. И по милосердію Царицы Небесной обитель, по прошествіи нѣкотораго времени, опять благолѣпно была возобновлена, и стоитъ невредимою донынѣ, процвѣтая яко кринъ и прославляясь чудесами, творимыми отъ чудотворной иконы Пречистой. Ибо и нынѣ притекающіе въ монастырь съ вѣрою получаютъ предъ иконою просимое и принимаютъ чудесныя исцѣленія недуговъ своихъ [1]).

Намъ нѣтъ необходимости говорить обо всѣхъ этихъ чудесахъ: они записаны въ обители Пречистой во славу Господа Бога и Преблагословенной Его Матери.

Откуда чудотворная икона Пресвятой Богородицы была принесена на Тихвинъ, объ этомъ нѣтъ достовѣрнаго извѣстія. Въ древнихъ рукописныхъ книгахъ написано, что она пришла въ Россію, по изволенію Божію, изъ Греціи, изъ Царьграда, въ царствованіе Греческаго императора Іоанна Палеолога [2]), за 70 лѣтъ раньше взятія Царьграда Турками [3]). Это видно было изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ то время, когда чудотворная икона Пресвятой Богородицы начала прославляться на Тихвинѣ многими и великими чудесами, случилось нѣкоторымъ новгородскимъ купцамъ, мужамъ благочестивымъ, быть въ царствующемъ градѣ Константинополѣ. Бесѣдуя съ ними, Святѣйшій Патріархъ Константинопольскій вспомнилъ о чудотворной иконѣ, бывшей у нихъ, которая куда-то скрылась и отошла изъ царствующаго города, и спросилъ ихъ:

— Не слыхали они что-либо о таковой иконѣ?

Они же разсказали ему слѣдующее, подтверждая свой разсказъ клятвеннымъ завѣреніемъ въ истинѣ всего разсказаннаго:

— Одна чудотворная икона Богоматери,—говорили они,—пришла въ великую Русь по воздуху,—Богъ вѣсть, откуда,—и являлась

---

1) *Тихвинская икона Богоматери* есть одна изъ самыхъ извѣстныхъ и почитаемыхъ иконъ Ея въ Россіи. Тысячи народа ежегодно стекаются въ Тихвинъ для поклоненія этому чудотворному образу. Русскіе князья и цари обогатили обитель своими вкладами и сами путешествовали на поклоненіе иконѣ. Въ обѣихъ столицахъ, во многихъ городахъ и обителяхъ и даже сельскихъ приходскихъ храмахъ имѣются прославленные чудесами списки съ этой иконы.—Въ Тихвинской обители совершается 24 раза въ годъ Крестный ходъ по окрестностямъ монастыря съ чудотворною иконою. Стоимость драгоцѣнныхъ украшеній на иконѣ простирается до 70 тысячъ рублей.

2) Здѣсь разумѣется *Іоаннъ V Палеологъ*, царствовавшій съ 1379 г. по 1391 г.

3) Взятіе Константинополя Турками совершилось въ 1453 г.

тамъ въ различныхъ мѣстахъ, въ предѣлахъ Великаго Новгорода, въ разстояніи ста и восьмидесяти поприщъ отъ него, переходя съ мѣста на мѣсто; наконецъ же она со славою явилась на рѣкѣ Тихвинѣ, гдѣ совершила дивныя и неизреченныя чудеса,—тамъ она пребываетъ въ церкви и нынѣ.

Услышавъ такой разсказъ и уразумѣвъ, что эта икона, явившаяся на Тихвинкѣ, и есть та самая, о которой онъ спрашивалъ,—Патріархъ началъ воздыхать изъ глубины сердца своего и подробнѣе разспрашивать о Тихвинской иконѣ. Потомъ и самъ разсказалъ, какъ та же икона нѣкогда преславно отошла изъ Царствующаго града по морю, направляясь туда, куда благоугодно было Богу, и какъ, по прошествіи нѣкотораго времени, она снова возвратилась въ Царствующій градъ, какъ отъ нея истекали многія чудеса и благодѣянія вѣрнымъ, а также подавались, по молитвамъ предъ нею какъ крѣпкою помощницею, побѣды и одолѣнія враговъ.

— Но теперь,—говорилъ онъ,—вслѣдствіе нашей гордости, братоненавидѣнія и другихъ неправдъ, она, конечно, отъ насъ снова отошла и уже болѣе не возвратится.

Сказавъ все это съ умиленіемъ, Патріархъ пошелъ, вмѣстѣ съ новгородскими купцами, въ церковь и показалъ имъ мѣсто и ковчегъ, гдѣ стояла икона Пречистой Богородицы. Мѣсто то находилось,—если войти въ церковь изъ западныхъ дверей,—у праваго столба храма; здѣсь была поставлена уже другая икона, но мѣрою меньшая, и горѣлъ неугасаемый свѣтильникъ.

Все это услышавъ и увидѣвъ, новгородскіе мужи сильно удивились и прославили Господа Бога и Его Пречистую Матерь, Которая совершала, при посредствѣ Своего пречистаго образа, въ различныхъ странахъ многія чудеса. Долго они бесѣдовали объ иконѣ Пресвятой Богородицы съ Патріархомъ и разсказывали другъ другу о чудесахъ, совершенныхъ Матерью Божіею: онъ—о тѣхъ, которые сотворены были въ Греческой странѣ, они же—о тѣхъ, какія изумили Россійскую землю. И сильно возрадовались россійскіе мужи, услышавъ извѣстіе, какое они получили относительно чудотворной иконы Пречистой.

Когда же они отошли изъ Константинополя и достигли Русской земли, тогда отъ нихъ во всей Россіи стало извѣстно слышанное ими въ Царыградѣ, и вкратцѣ были записаны и разспросы Вселенскаго Патріарха о чудотворной иконѣ Богоматери, и разсказъ его о чудесахъ, истекавшихъ отъ нея, и указаніе имъ

того мѣста, гдѣ икона стояла, находясь въ Константинополѣ. Съ того времени всѣ увѣрились, что сей святый образъ есть не иной какой, но именно отошедшій отъ Царьграда. Поэтому, по подобію Царьграда, въ обители Тихвинской было устроено мѣсто для чудотворной иконы Пресвятой Богородицы у перваго праваго столба при вхожденіи въ церковь изъ западныхъ дверей,—здѣсь она и донынѣ стоитъ, совершая многія и неисповѣдимыя чудеса.

А такъ какъ эта чудотворная икона Богородицы, что на Тихвинѣ, называется нѣкоторыми и Одигитріею, и Римскою, или Лиддскою, то умѣстно будетъ упомянуть здѣсь, что въ Царьградѣ было двѣ, особенно прославленныя чудесами иконы, изъ которыхъ одна называлась «Одигитрія», а другая—Римской, или Лиддской. Итакъ, «Одигитрія» это одна икона, а Римская—другая. Объ этихъ двухъ иконахъ вкратцѣ разскажемъ здѣсь, чтобы всякій имѣлъ познаніе о нихъ.

О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНѢ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

нарицаемой Одигитрія

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, святый Апостолъ и Евангелистъ Лука, бывшій искуснымъ иконописцемъ, написалъ на доскѣ начертаніе образа Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и принесъ его къ Самой Пречистой Дѣвѣ. Воззрѣвъ на изображеніе лика Своего на иконѣ, Пречистая воспомянула свое прежнее пророчество о себѣ и сказала: **ѿ нын҃ѣ оу҃блажа́тъ мѧ̀ вс҃и ро́ди**[1]). Потомъ, указывая на икону, произнесла: «**бл҃года́ть мо҃ѧ съ се́ю и҃ко́ною да бу́детъ**». И это слово Пресвятой Богородицы исполнилось въ дѣйствительности; по благодати Преблагословенной Дѣвы, отъ иконы той дѣйствительно истекали многоразличныя и неизреченныя чудеса и подавались исцѣленія недужнымъ.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 48.

Їкѡ́на бж҃їа мт҃ри Ѻдигі́трїа

Впослѣдствіи Евангелистъ Лука отослалъ эту икону въ Антіохію[1]) къ державному Ѳеофилу, который былъ въ числѣ увѣровавшихъ во Христа и для котораго Лука написалъ свое Евангеліе и книгу Дѣяній Апостольскихъ. Находясь въ Антіохіи, икона была достойно почитаема не только Ѳеофиломъ, но и всѣми находившимися здѣсь христіанами.

Прошло послѣ того много лѣтъ, и святая икона была взята изъ Антіохіи и перенесена сначала въ Іерусалимъ, а потомъ въ Константинополь. Перенесеніе ее въ эту столицу Греческаго царства совершилось при такихъ обстоятельствахъ.

Царица Евдокія, супруга Византійскаго императора Ѳеодосія Младшаго[2]), прибывъ во Святую землю для поклоненія тамошнимъ святынямъ, взяла написанную Евангелистомъ Лукою икону Пресвятой Богородицы и отослала въ даръ царской сестрѣ, блаженной Пульхеріи, какъ о томъ написано въ житіи послѣдней[3]). Пульхерія съ радостію и любовію приняла чудотворную икону и поставила ее въ церкви Пресвятой Богородицы, построенной ею во Влахернѣ[4]). Съ тѣхъ поръ икона эта стала немалымъ украшеніемъ для Царствующаго града, ибо отъ нея изливалось много различныхъ чудесъ и исцѣленій недужныхъ. По пропествіи нѣкотораго времени икона была названа *Одигитріею*, что значитъ: *Путеводительница*. Такое названіе утвердилось за нею послѣ того, какъ Сама Богородица явилась двумъ слѣпцамъ, привела ихъ въ Свою Влахернскую церковь къ чудотворной иконѣ, гдѣ они, помолившись, получили прозрѣніе.

Въ царствованіе Ираклія[5]) на Греческое царство одновременно напали Персы и Скиѳы. Воевода Персидскаго царя Хозроя[6]) Сарваръ и Скиѳскій князь подступили съ многочисленнымъ войскомъ къ самому Константинополю и обложили городъ, отрѣзавъ его отъ остального міра и готовясь нанести ему рѣшительный ударъ.

---

1) *Антіохія*—городъ въ Сиріи, на р. Оронтѣ.

2) *Императоръ Ѳеодосій II Младшій* царствовалъ съ 408 г. по 450 г.

3) Память св. царицы Пульхеріи 10 сентября.

4) *Влахерна*—мѣстность въ Константинополѣ, въ западномъ углу города. Во времена процвѣтанія Византійской имперіи славилась по всему Востоку своими святынями; особенно извѣстна была Влахерна по Богородичной церкви, построенной Львомъ Великимъ (457—474 гг.); при немъ въ эту церковь положены были честныя ризы Пресвятой Богородицы, перенесенныя изъ Палестины; здѣсь же хранились въ златокованномъ ковчегѣ омофоръ ея и часть пояса.

5) *Императоръ Ираклій* царствовалъ съ 610 г. по 641 г.

6) Разумѣется *Хозрой II* изъ династіи Сассанидовъ; царствовалъ съ 590 г. по 621 г.

Тогда Константинопольскій Патріархъ Сергій, взявъ съ особеннымъ благоговѣніемъ чудотворную икону Одигитрія, а также ризу Пречистой Богородицы, сталъ обходить съ ними и съ другими священными иконами стѣны города и совершать молебное пѣніе Господу Богу и Его Пречистой Матери. И по милости Божіей, предстательствомъ Пресвятой Богородицы было даровано Грекамъ чудесное избавленіе Царствующаго града ихъ отъ Варваровъ. Когда Патріархъ и духовенство, послѣ усерднаго моленія предъ иконою Пречистой Дѣвы, опустили ризу Богородицы въ воды морского залива, то произошло волненіе въ морѣ и потопило корабли подступившихъ враговъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ смятеніе и тѣ изъ нападавшихъ, которые были на сушѣ, и потому безъ особеннаго труда были прогнаны греческими войсками. Въ воспоминаніе этого предивнаго заступленія Пречистой, проявленнаго надъ Царствующимъ градомъ, установлено ежегодно совершать пѣніе Благодарственнаго Акаѳиста въ пятую субботу Великаго Поста.

Когда же наступило господство иконоборческой ереси и на иконы, а также на почитателей ихъ было воздвигнуто нечестивыми царями гоненіе, тогда нѣкоторые изъ православныхъ духовнаго чина взяли тайно ночью изъ Влахернскаго храма икону Одигитрія и отнесли въ обитель Пантократора[1]). Здѣсь они скрыли ее въ стѣнѣ церковной, затѣмъ, помолившись, возжгли предъ нею лампаду и заградили ее, чтобы она не была поругана иконоборцами.

Такъ чудотворная икона пробыла тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока не погибли всѣ покровители ереси. И когда въ Церкви снова наступилъ миръ и прекратилась противоборственная брань на святыя иконы, то долго искали, гдѣ находится честна́я икона Пресвятой Богородицы, написанная Евангелистомъ Лукою и названная впослѣдствіи Одигитріею. Наконецъ, по Божію откровенію, икону нашли сокрытою въ стѣнѣ церкви Пантократорова монастыря, причемъ увидѣли, что зажженная предъ нею лампада не погасла. Всѣ вѣрные, узнавъ о такомъ обрѣтеніи чудотворной иконы, исполнились великой радости и съ моленіемъ и пѣснопѣніемъ торжественно перенесли ее на прежнее мѣсто во Влахернскомъ храмѣ.

---

[1]) Т. е. Господа *Вседержителя;* обитель находилась на окраинѣ города.

О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНѢ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Лиддской, или Римской

Святый верховный Апостолъ Петръ и святый Апостолъ Іоаннъ Богословъ, прежде чѣмъ отойти имъ, какъ прочимъ Апостоламъ, въ разные концы земли съ проповѣдію Евангелія, сначала проповѣдовали Христа въ ближайшихъ къ Іерусалиму окрестныхъ городахъ. И когда они были въ городѣ Лиддѣ[1]), который назывался потомъ Діосполемъ, и обратили въ немъ многихъ ко Христу, то создали тамъ церковь во имя Пречистой Дѣвы Богородицы. Обстоятельства благопріятствовали построенію храма. Въ то время для церкви Христовой наступили миръ и спокойствіе, такъ какъ вскорѣ же послѣ убіенія первомученика Стефана[2]) гоненіе на христіанъ прекратилось въ Іудеѣ. Этому способствовало то обстоятельство, что Римскій императоръ Тиверій[3]), который много слышалъ о Христѣ Господѣ нашемъ, повелѣлъ не преслѣдовать христіанъ. Объ этомъ спокойномъ для Христіанской Церкви времени въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ говорится такъ: «Церкви же по всей Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи были въ покоѣ, назидаясь и ходя въ страхѣ Господнемъ»[4]). Создавъ церковь въ Лиддѣ, Апостолы Петръ и Іоаннъ отправились въ Іерусалимъ и умоляли Пречистую Дѣву Богородицу придти въ Лидду посмотрѣть созданный во имя Ея храмъ, благословить его и освятить своимъ пришествіемъ, чтобы моленія въ немъ къ Рожденному отъ Пречистой Богу доходили до Его Престола. На такую просьбу Апостоловъ Пречистая сказала:

— Съ радостію возвращайтесь въ Лидду: Я буду тамъ съ вами.

Пришедши снова въ Лидду, они увидѣли въ церкви на одномъ изъ каменныхъ столбовъ, утверждающихъ зданіе, не рукописанный, но начертанный по Божьему изволенію, образъ Пречистой,

---

1) Городъ въ Палестинѣ, на сѣв.-зап. отъ Іерусалима, по дорогѣ въ Яффу.

2) Память его—27 декабря.

3) *Императоръ Тиверій* царствовалъ съ 14 г. по 37 г. по Р. Хр.

4) Кн. Дѣян., гл. 9, ст. 31.

представляющій прекрасное изображеніе лика Ея и всѣхъ честныхъ одеждъ, какія она носила обычно. Увидѣвъ это, Апостолы поклонились этому чудотворному и нерукописному образу и воздали благодареніе воплотившемуся отъ Нея Богу Слову. Потомъ пришла въ Лидду и Сама Пресвятая Богородица; увидѣвъ образъ Свой, а также множество почитателей Своихъ, по вѣрѣ во Христа Іисуса, Она возвеселилась духомъ и подала образу Своему благодать и силу чудотворенія.

Прошло послѣ того много лѣтъ, когда на престолъ римскихъ кесарей вступилъ Юліанъ Отступникъ[1]), который воздвигъ на Церковь Христову жестокое гоненіе. Зная о существованіи въ Лиддѣ чудотворнаго образа Пречистой, онъ послалъ туда сродника своего, по имени тоже Юліана, съ повелѣніемъ посредствомъ каменотесныхъ орудій стереть тотъ образъ. И тогда совершилось предивное чудо. По мѣрѣ того, какъ каменщики каменотесными орудіями старались стереть образъ,—краски и штрихи проникали въ глубь каменнаго столба, и изображеніе оставалось невредимымъ, несмотря на всѣ старанія каменотесовъ. Потрудившись долго и ничего не достигнувъ, они отошли, не будучи въ состояніи изгладить священное изображеніе. Слухъ о такомъ дивномъ чудѣ распространился во всѣ концы вселенной,—и съ этого времени множество вѣрующихъ стало стекаться въ Лидду на поклоненіе чудотворному образу Пречистой.

По прошествіи еще многихъ лѣтъ отправился въ Палестину, чтобы поклониться тамошнимъ святынямъ, блаженный Германъ, бывшій впослѣдствіи Патріархомъ Константинопольскимъ[2]). Побывавъ въ Іерусалимѣ и поклонившись здѣсь Гробу Господню и прочимъ Святымъ мѣстамъ, онъ прибылъ затѣмъ и въ Лидду. Здѣсь, поклонившись чудотворному образу Пресвятой Богородицы, онъ поручилъ одному иконописцу сдѣлать на доскѣ точный списокъ иконы. Когда тотъ исполнилъ порученное ему, Германъ принялъ отъ него этотъ списокъ и, взявъ икону съ собою въ Царьградъ, всегда имѣлъ ее у себя какъ безцѣнное сокровище и ежедневно совершалъ предъ этою иконою моленія. Затѣмъ, въ царствованіе Артемія, названнаго Анастасіемъ[3]), онъ, по изволенію Божію, избранъ былъ въ патріархи Царствующаго града.

---

1) *Юліанъ Отступникъ* занималъ престолъ съ 361 г. по 363 г.

2) *Св. Германъ* занималъ патріаршій престолъ въ Константинополѣ съ 715 г. по 730 г.

3) Разумѣется *императоръ Анастасій II*, царствовавшій съ 713 г. по 715 г.

Їкѡна бжіа жтрі аѵ́дскаѧ

Но Левъ Исаврянинъ[1]), вступившій послѣ Анастасія на престолъ царскій и заявившій себя ревностнымъ иконоборцемъ, воздвигнулъ гоненіе на православныхъ и съ безчестіемъ изгналъ Святѣйшаго Патріарха Германа съ патріаршаго престола. Изгоняемый изъ церкви и своего патріаршаго дома, святый Германъ взялъ съ собою двѣ святыя иконы, одну—Христа Спасителя, а другую—ту самую икону Пресвятой Богородицы, которую иконописецъ списалъ для него съ самописанной иконы въ Лиддѣ. Затѣмъ, прежде чѣмъ сѣсть на корабль и плыть въ изгнаніе, онъ написалъ папѣ Римскому, святѣйшему Григорію[2]), посланіе, въ которомъ извѣщалъ о своемъ невинномъ изгнаніи и гоненіи на православныхъ со стороны иконоборческаго царя. Написавъ это посланіе, онъ сдѣлалъ въ крѣпкой доскѣ иконы Спасителя отверстіе и вложилъ туда посланіе запечатаннымъ, обозначивъ время и часъ написанія его. Потомъ, закрѣпивъ отверстіе, онъ со слезами облобызалъ самую икону и при этомъ дважды сказалъ:

— Наставникъ! Наставникъ! Спаси Себя и насъ!

Сказавъ это, онъ опустилъ икону въ море, и она, плывя моремъ, въ одни сутки достигла древняго Рима. Въ ту же ночь Святѣйшему папѣ было извѣщеніе отъ Бога о скоромъ пришествіи къ Риму образа Спасителя. Поэтому на другой день, какъ только возсіяло солнце, папа, взявъ съ собою клиръ свой, сѣлъ въ лодку и со свѣчами и кадилами поплылъ рѣкою Тибромъ въ море, для срѣтенія иконы Господа Іисуса. Когда они достигли устья рѣки при впаденіи въ море, то увидѣли икону, какъ бы шествующую по водамъ; исполнившись благоговѣйнаго трепета и радости духовной, они поклонились ей. При этомъ папа Григорій, обратившись къ честно́му образу, произнесъ:

— Если Ты, Владыко, пришелъ къ намъ, недостойнымъ, то молимъ Тебя: какъ Ты преславно шелъ по водамъ, такъ взойди и на наши руки, ибо мы, боясь своего недостоинства, не рѣшаемся прикоснуться къ Тебѣ.

Какъ только онъ произнесъ это, икона тотчасъ же поднялась вверхъ и пролетѣвши по воздуху, подобно птицѣ, спустилась на руки святителя. Тотъ, со слезами облобызавъ и достодолжно почтивъ ее,—въ сопровожденіи клира, съ псалмопѣніемъ понесъ ее въ Римъ и прошелъ съ нею по городу, чтобы всѣ могли ви-

---

1) *Левъ III Исаврянинъ* царствовалъ съ 716 г. по 741 г.

2) *Св. Григорій* занималъ престолъ папы въ Римѣ съ 715 г. по 731 г.

дѣть ту Божественную икону. Затѣмъ онъ поставилъ ее въ великой церкви святаго Первоверховнаго Апостола Петра. Здѣсь онъ вынулъ изъ иконы патріаршее посланіе, совершенно не тронутое водою, и, прочитавъ его, узналъ о всемъ, содѣланномъ въ Константинополѣ злочестивымъ царемъ-иконоборцемъ. Увидѣлъ изъ посланія Святѣйшій папа и то, что икона приплыла къ нимъ моремъ изъ Константинополя въ теченіе всего однихъ сутокъ, и, прославивъ Бога, повѣдалъ о семъ всѣмъ присутствовавшимъ; тогда всѣ стали величать непостижимую силу Божію. Скорбя по поводу господства на всемъ Востокѣ иконоборческой ереси и объ изгнаніи Святѣйшаго Германа, папа написалъ къ нечестивому царю дерзновенное посланіе, обличая злочестіе его. Икона же осталась въ Римѣ, и отъ нея изливались здѣсь многія чудеса и подавались исцѣленія больнымъ и недужнымъ.

Между тѣмъ Святѣйшій Германъ, видя, что иконоборцы стали подвергать иконы безчестію и поруганію, разсѣкать ихъ на части, бросать въ огонь и ввергать въ нечистоты, а съ другой стороны, чувствуя приближеніе смерти, написалъ изъ мѣста изгнанія своего второе посланіе къ первосвятителю Римскому, и въ этомъ посланіи извѣщалъ его о всѣхъ творимыхъ на Востокѣ беззаконіяхъ. Затѣмъ вырѣзалъ въ доскѣ иконы Пресвятой Богородицы, написанной въ Лиддѣ, отверстіе и вложилъ въ него свое посланіе, отмѣтивъ на немъ время и часъ написанія. Облобызавъ икону, святитель съ горькимъ плачемъ произнесъ:

— Иди, Владычице, спасаясь не отъ Ирода въ Египетъ[1]), но отъ звѣроподобныхъ иконоборцевъ въ Римъ: тамъ православные соблюдутъ образъ Твой и не дадутъ въ руки нечестивыхъ для поруганія. Итакъ, пусть Твоя честна́я икона переплыветъ это большое морское пространство, несомая помощью и благодатью Твоею: ибо Ты носила на рукахъ Своихъ Сотворшаго небо, землю и море. Насъ же, бѣдствующихъ за святыя иконы, чрезъ которыя мы воздаемъ честь и поклоненіе Тебѣ и Твоему Божественному Сыну, упокой въ селеніяхъ праведниковъ, въ нѣдрѣ Авраамовомъ.

Съ такими словами святѣйшій Германъ съ любовію облобызалъ икону и опустилъ ее въ море.

И поплыла икона быстрѣе орлинаго полета, и въ одни сутки

---

1) Разумѣется *Иродъ*, названный Великимъ, бывшій царемъ Іудеи въ годъ рождества Христова; спасаясь отъ его замысловъ убить новорожденнаго Царя Іудейскаго, Богоматерь вмѣстѣ съ Сыномъ Іисусомъ и обручникомъ Іосифомъ бѣжали въ Египетъ.

достигла Рима. Въ ту же ночь первосвятителю Римскому было извѣщеніе отъ Бога о пришествіи въ Римъ иконы Царицы Небесной. Поэтому, возставъ отъ сна, онъ со всѣмъ клиромъ отправился ей навстрѣчу, какъ отправлялись они раньше для срѣтенія иконѣ Спасителя, плывя рѣкою Тибромъ со свѣчами и кадилами. Когда они достигли устья рѣки Тибра, то увидѣли икону Пресвятой Богородицы, плывущую къ нимъ не плашмя, но прямо, какъ бы въ стоячемъ положеніи, соотвѣтственно написанному на ней изображенію. Папа простеръ руки къ ней, и икона сама поднялась на воздухъ и опустилась въ его руки. Съ великой радостію принялъ Святѣйшій папа икону и, облобызавъ ее, возвратился въ Римъ, удивляясь предивнымъ чудесамъ Божіимъ. Потомъ онъ открылъ сдѣланное Патріархомъ Германомъ отверстіе и, прочитавъ найденное тамъ посланіе, уразумѣлъ, что лишь наканунѣ икона была опущена въ море и, такимъ образомъ, приплыла къ нимъ въ одни сутки. Поскорбѣвъ о Святѣйшемъ Германѣ—этомъ великомъ свѣтильникѣ Православной Церкви, угасавшемъ въ изгнаніи, папа съ честно́ю иконою Пресвятой Богородицы совершилъ торжественное шествіе по всему городу, какъ и съ иконою Спасителя, а затѣмъ внесъ ее въ церковь св. Апостола Петра и поставилъ здѣсь въ алтарѣ. Съ тѣхъ поръ отъ иконы этой истекали въ Римѣ различныя чудеса и подавались недужнымъ исцѣленія.

Послѣ того прошло еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ Константинополѣ свирѣпствовали иконоборческіе цари и патріархи. Но вотъ всѣ они съ безчестіемъ погибли,—и на византійскій престолъ вступилъ благовѣрный императоръ Михаилъ[1]), за малолѣтствомъ котораго государствомъ управляла сначала благочестивая мать его—царица Ѳеодора[2]). При нихъ иконоборческая ересь была совершенно искоренена, и наступило торжество Православія.

Въ это время икона Пресвятой Богородицы, взятая Святѣйшимъ Патріархомъ Германомъ на мѣсто своего заточенія, а потомъ отплывшая оттуда въ Римъ и поставленная тамъ въ алталѣ храма св. Апостола Петра, начала на глазахъ у всѣхъ, бывшихъ въ храмѣ, приходить въ движеніе и колебаться, хотя никто изъ присутство-

---

[1]) *Императоръ Михаилъ III* вступилъ на престолъ въ 842 г., но началъ управлять государствомъ самостоятельно съ 855 г.; царствовалъ до 867 г.

[2]) *Ѳеодора*, жена императора Ѳеофила (824—842), управляла государствомъ, за малолѣтствомъ сына своего Михаила, съ 842 г. по 855 г.

вавшихъ не двигалъ ее. Это повторялось неоднократно: то во время вечерняго Богослуженія, то утренняго, а иногда и во время Литургіи. Жители Рима всѣ пришли въ ужасъ и немало дивились такому странному чуду. Первосвятителемъ Римскимъ былъ тогда Святѣйшій папа Сергій [1]),—и вотъ однажды, когда онъ соборнѣ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, совершалъ въ храмѣ Апостола Петра Богослуженіе, икона Пресвятой Богородицы вдругъ опять пришла въ сильное движеніе и колебаніе. Видя это, всѣ присутствовавшіе пришли въ ужасъ и стали громко и усиленно вопіять:

— Господи, помилуй!

Такъ, призвавъ на себя милость Божію, они достигли того, что колебанія иконы прекратились. Но потомъ икона, снова придя въ движеніе, поднялась съ мѣста, на которомъ она находилась, и вознеслась на воздухъ. Тогда всѣ бывшіе въ храмѣ столпились съ восклицаніями въ алтарѣ и стали простирать руки къ иконѣ, чтобы принять ее, боясь, какъ бы она не упала на землю и не разбилась,—но не могли достигнуть желаемаго, такъ какъ икона носилась по воздуху очень высоко. Медленно, какъ бы проходя чрезъ церковь, она двигалась къ выходу изъ церкви, носимая невидимыми ангельскими руками. Святѣйшій папа со всѣмъ клиромъ и народомъ въ страхѣ и трепетѣ послѣдовали за иконой, созерцая предивное чудо. Достигнувъ Тибра, икона спустилась на воды его и поплыла по теченію къ морю. Весь народъ и папа пошли по берегу и, смотря на отшествіе иконы, провожали ее, проливая слезы. При этомъ Святѣйшій папа Сергій восклицалъ:

— Увы намъ, Царица и Госпожа наша, увы намъ! Куда отходишь Ты отъ насъ, Божественный Кивоте? Какъ нѣкогда по водамъ пришла къ намъ святая икона Твоя, такъ теперь тѣмъ же путемъ она удаляется отъ насъ. Въ страхъ и трепетъ повергаетъ насъ это дивное отшествіе Твое: мы боимся, не постигнетъ ли и насъ такое же гоненіе отъ иконоборцевъ или другихъ беззаконниковъ, какое было въ Константинополѣ и изъ-за котораго отплыла оттуда Твоя святая икона. Доколѣ же, Пречистая, не прекратятся бури и еретическія волненія, возмущающія Церковь Христову?

Это и многое другое говорилъ папа, провожая вмѣстѣ съ народомъ чудотворную икону, пока та не скрылась отъ нихъ, под-

[1]) Разумѣется *папа Сергій II* (съ 844 г. по 847 г.)

хваченная быстрымъ морскимъ теченіемъ. Послѣ того Святѣйшій папа повелѣлъ записать происшедшее чудо въ лѣтописи, чтобы для всѣхъ послѣдующихъ родовъ осталась память о немъ.

Между тѣмъ святая икона, плывя моремъ, достигла Константинополя и пристала къ гавани его близъ царскихъ палатъ. Случившіеся тамъ благовѣрные мужи взяли ее и отнесли къ благочестивой царицѣ Ѳеодорѣ. Принявъ святую икону и узнавъ, что ее нашли на морской пристани, Ѳеодора сказала, что это, вѣроятно, одна изъ тѣхъ иконъ, которыя иконоборцы, привязывая къ камнямъ, бросали въ море: теперь веревки, которыми она была привязана, развязались или истлѣли, и вотъ икона выплыла на поверхность. Такъ вмѣстѣ съ царицей подумали и другіе.

Вскорѣ послѣ того отъ благовѣрнаго царя Михаила и отъ Святѣйшаго Патріарха Меѳодія были отправлены въ Римъ нарочитые послы изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія съ грамотами къ папѣ, въ которыхъ онъ приглашался въ Константинополь на Соборъ для разсмотрѣнія и осужденія иконоборческой ереси. Достигнувъ Рима и вручивъ папѣ грамоты, посланники привели первосвятителя Римскаго и всѣхъ православныхъ христіанъ въ великую радость, ибо тѣ увидѣли, что господство иконоборческой ереси кончилось. Потомъ они и сами были утѣшены, узнавъ здѣсь о великихъ чудесахъ, бывшихъ отъ иконы Спасителя и Божіей Матери: какъ онѣ во дни Святѣйшаго папы Григорія—сначала одна, потомъ другая—приплыли моремъ въ Римъ, отправленныя Святѣйшимъ Патріархомъ Германомъ, и какъ недавно икона Пресвятой Богородицы, сама поднявшись съ мѣста, на которомъ она была утверждена, снова отплыла изъ Рима. Записавъ всѣ эти чудесныя событія, они отмѣтили день отшествія иконы Пречистой Богородицы изъ Рима и потомъ, прибывъ въ Константинополь, разсказали обо всемъ слышанномъ царю, царицѣ и Патріарху Меѳодію. Тѣ вспомнили тогда о найденной на морской пристани иконѣ и подумали:

— Не приплыла ли къ намъ эта икона изъ Рима?

Скоро прибыли въ Константинополь особые посланники отъ папы съ порученіемъ быть на Соборѣ представителями Римскаго епископа. Имъ показали икону Пресвятой Богородицы, обрѣтенную на морскомъ берегу, и они тотчасъ же узнали въ ней тотъ самый чудотворный образъ, который недавно отплылъ отъ нихъ. Повѣдавъ объ этомъ всему народу, они привели всѣхъ въ вели-

кую радость и изумленіе. Послѣ того посмотрѣли записи о днѣ отшествія иконы изъ Рима и увидѣли изъ нихъ, что икона приплыла въ Константинополь въ одни сутки. Тогда Патріархъ со всѣмъ клиромъ, въ присутствіи царя и синклита, взяли чудотворную икону и, въ сопровожденіи народа, торжественно перенесли ее въ Халкопратію [1]), гдѣ они поставили ее въ церкви Пресвятой Богородицы, радуясь о ниспосланномъ отъ Бога чудесномъ дарѣ. Съ того времени эта чудотворная икона Божіей Матери названа была Римскою, такъ какъ она приплыла въ Константинополь изъ Рима.

Тропа́рь бжїей мт҃ри въ че́сть їкѡ́ны е҆̂ тꙋ́хвинскїа, гла́съ а҃:

Нне́сь, а҃кѡ со́лнце пресвѣ́тлое, возсїа́ на́мъ на воздꙋ́сѣ всечтна́а їкѡ́на твоа́ вл҃́це, лꙋча́ми мл҃́ти ми́ръ просвѣща́ющи, ю҆́же вели́каа рwссі́а, а҃кѡ нѣ́кїй да́ръ бж҃е́ственный, свы́ше бл҃аговолѣ́йнѣ воспрїи́мши, прославля́етъ та̀ бг҃оми́ти всѣ́хъ вл҃́цꙋ, и҆̀ ѿ тебѐ ро́ждшагосѧ хр҃та̀ бг҃а на́шего велича́етъ ра́достнѡ. е҆̂мꙋ́же моли́сѧ, ѻ҆̀ гп҃жѐ цр҃и́це бц҃е́, да сохрани́тъ всѧ̂ гра́ды и҆̀ страны̀ хр҃тїа́нскїа невреди́мы ѿ всѣ́хъ навѣ́тъ вра́жїихъ, и҆̀ спсе́тъ вѣ́рою покланя́ющихсѧ е҆̂гѡ̀ бж҃е́ственномꙋ, и҆̀ твоемꙋ́ пречтно́мꙋ ѻ҃́бразꙋ, дв҃о неискꙋсобра́чнаа.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Притеце́мъ лю́дїе къ дв҃ѣ́й бц҃ѣ цр҃и́цѣ, бл҃агодаря́ще хр҃та̀ бг҃а, и҆̀ къ тоа̀ чꙋдотво́рнѣй їкѡ́нѣ ѹ҆́мильнѡ взира́ющіе припаде́мъ, и҆̀ возопїе́мъ е҆́й: ѻ҆̀ вл҃́це мр҃іе, присвѣти́вши стран҃ꙋ сію̀ твоегѡ̀ чтна́гѡ ѻ҃́браза бл҃авле́нїемъ чꙋде́снѡ, спаса́й въ ми́рѣ и҆̀ бл҃аговре́менствѣ всѧ̂ хр҃тїа́ны, наслѣ́дники показꙋ́ющи нб҃ны́а жи́зни. тебѣ́ бо вѣ́рнѡ зове́мъ: ра́дꙋйсѧ дв҃о, ми́ра спсе́нїе.

---

[1]) *Халкопратія*—мѣстность въ Царьградѣ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ДАВИДА СОЛУНСКАГО

Блаженный Давидъ родился въ странѣ восточной и, какъ свѣтоносная звѣзда, осіялъ весь міръ: упражняясь въ воздержаніи съ младыхъ лѣтъ, онъ явился предъ людьми какъ бы Ангеломъ во плоти. Поселившись близъ города Солуни[1]) въ трехъ верстахъ отъ него, святый Давидъ построилъ себѣ палатку подъ миндальнымъ деревомъ; тутъ, подобно птицѣ доброгласной, онъ утѣшилъ всѣхъ притекающихъ къ нему многополезными словами. Его умъ всегда былъ устремленъ въ Божественную высоту; благодаря этому онъ обогатился даромъ чудотворенія и сдѣлался свѣтозарнымъ столпомъ Церкви, всѣхъ просвѣщающимъ своими чудесными знаменіями. Мужественно перенося то стужу, то сильный зной, онъ сдѣлался какъ бы безстрастнымъ. И такъ какъ онъ угасилъ въ себѣ огонь плотскихъ вожделеній, то его не могъ опалить и огонь вещественный. Однажды онъ взялъ въ руки разжженный уголь и, возложивъ на него ѳиміамъ, предсталъ предъ царемъ и кадилъ на него, причемъ руки его нисколько не пострадали отъ огня. Увидѣвъ это, царь удивился и поклонился

Прѣбный Давидъ

[1]) *Солунь*, или *Ѳессалоники*,— весьма значительный, древній городъ Македоніи, лежитъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Ѳермейскаго залива, составляющаго часть Эгейскаго моря (Архипелага). Въ Солуни проповѣдывалъ христіанство Ап. Павелъ и основалъ общину, для которой имъ были написаны два Посланія. По своимъ торговымъ оборотамъ и богатству онъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Византійской имперіи. Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ *Салоники*, послѣ Константинополя первый торговый городъ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

угоднику Божію въ ноги. Вообще своею жизнію и творимыми чудесами святый Давидъ много изумлялъ людей, которые, взирая на святаго, прославляли Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Послѣ долгой и славной жизни святый Давидъ съ миромъ отошелъ къ Богу[1]), Котораго возлюбилъ изъмлада.

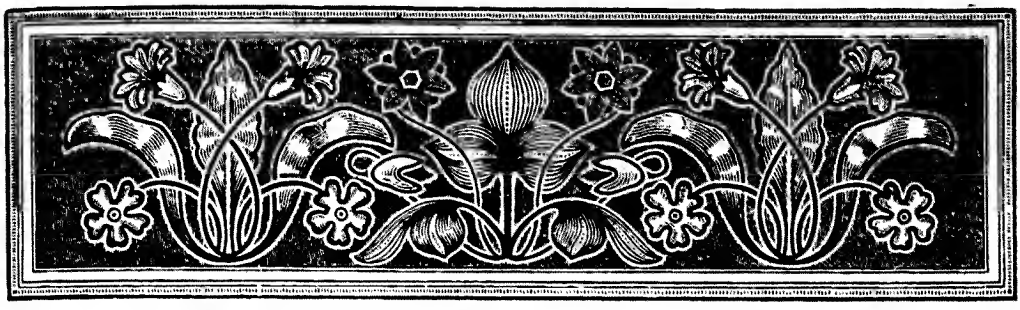
Кондакъ, гласъ а:

Давидъ присноцвѣтущъ, добродѣтелей плоды приносимъй, явился еси на садовнѣ древѣ, якw благопѣснивая птица: рай же паче, жизни древо гда въ сердцы твоемъ пріемъ, якw воздѣлавъ бгомудре, имже питаеши насъ благодатію: присно моли w насъ дѣде всебл҃женне.

Въ тотъ же день **память святаго отца нашего Діонисія,** архіепископа **Суздальскаго,** скончавшагося въ 1384 году.

---

1) Скончался св. Давидъ около 540 года, въ царствованіе Юстиніана и Ѳеодоры.



День двадцать седьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

САМПСОНА СТРАННОПРІИМЦА

Великій Сампсонъ, слава о которомъ распространилась повсюду, родился въ славномъ городѣ—древнемъ Римѣ; родители его были люди богатые и знатные и вели свое происхожденіе отъ царской крови. Прекрасно изучивъ всю мірскую мудрость, Сампсонъ обучился также и врачебному искусству, но не отъ нужды и не изъ-за корысти,—такъ какъ былъ вполнѣ доволенъ и своимъ собственнымъ богатствомъ,—а отчасти изъ-за того, чтобы не быть праздным, отчасти же съ тою цѣлію, чтобы чрезъ знаніе врачебной мудрости послужить, съ помощію Божіею, нищимъ. Многихъ, страдающихъ неисцѣльными болѣзнями, Сампсонъ силою своего искусства исцѣлялъ. При этомъ его врачебному искусству споспѣшествовала и благодать Божія, подающая исцѣленія, которая была ниспослана ему за его добродѣтельную жизнь и за вѣру къ Богу. Помимо внѣшней мірской мудрости Сампсонъ обладалъ и разумѣніемъ Божественныхъ Писаній, много упражнялся въ чтеніи священныхъ книгъ и, возбуждаемый вѣрою и надеждою, укрѣплялся въ любви Христовой.

Когда преставились родители святаго Сампсона и онъ сдѣлался обладателемъ обширныхъ имѣній, то святый не только не переставалъ совершать свои дѣла милосердія, безмездно врачуя

неимущихъ, но даже сталъ размѣнивать свои временныя и скорогибнущія богатства на негибнущія и вѣчныя, послѣдуя Евангельскому слову[1]); при этомъ, щедро раздавая милостыню нищимъ, по заповѣди Божіей,—онъ обѣими руками истощалъ свое богатство, стремясь удовлетворить всякія нужды нищихъ и неимущихъ, желая чрезъ насыщеніе ихъ тлѣннаго чрева стяжать себѣ нетлѣнныя сокровища. Такъ онъ дѣлалъ во всѣ дни жизни своей, потому что милосердіе было свойственно ему отъ рожденія, а чрезъ воспитаніе оно еще больше укрѣпилось въ сердцѣ его. Желая скромнѣе и проще проводить жизнь свою, Самсонъ отпустилъ множество рабовъ своихъ на свободу, оставивъ себѣ одного—для необходимыхъ услугъ. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему было такое множество рабовъ, если онъ самъ содѣлался истиннымъ и искреннимъ рабомъ Господнимъ? И такъ онъ отрѣшился отъ всѣхъ богатствъ своихъ, коими былъ связанъ какъ своего рода узами, и довольствовался одною одеждою и одною веревкою для препоясанія чреслъ своихъ. Желая же обогатить душу свою богатствомъ духовнымъ, онъ презрѣлъ міръ и все, что въ мірѣ, и, подражая Христу, сталъ странникомъ: оставивъ сродниковъ своихъ и знакомыхъ, онъ ушелъ изъ древняго Рима и поселился въ одной пустынѣ, какъ нѣкогда Пророкъ Илія.

Но Богъ, на пользу многимъ, привелъ вѣрнаго раба Своего въ новый Римъ, то есть, въ Константинополь; здѣсь, обрѣтши себѣ нѣкую храмину, святый Самсонъ поселился въ ней, упокоевая странниковъ и нищихъ и всячески служа имъ. При этомъ святый Самсонъ не только врачевалъ ихъ съ помощію своего врачебнаго искусства, но и старался угождать имъ пищею и постелью. Все это онъ совершалъ съ такимъ усердіемъ, что добродѣтель милосердія всѣмъ казалась соестественной ему. Какъ Солнцу свойственно проливать лучи свѣта, а огню естественно опалять все, что прикоснется къ нему, такъ же точно усердіе и любовь Самсона къ нищимъ, больнымъ и странникамъ были какъ бы отъ природы свойственны ему. И Богъ, Который не оставляетъ безъ Своего благословенія дѣла милосердія къ ближнимъ, творимыя ради Него, и Который принимаетъ милостыню ближнимъ какъ жертву Себѣ Самому,—сообщилъ особенную силу заботамъ и трудамъ святаго Самсона на пользу больнымъ: всѣ страдающіе неисцѣльными бо-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 20.

лѣзнями, коихъ онъ принималъ въ домъ свой, получали чудесное исцѣленіе. Но святый данный ему отъ Бога даръ чудотворенія скрывалъ подъ видомъ врачебнаго искусства, такъ какъ отличался смиреніемъ и не хотѣлъ воспріять отъ людей славы и почитанія себѣ. Но не можетъ свѣтильникъ укрыться подъ спудомъ, равно какъ не можетъ скрыться градъ, стоящій вверху горы; такъ и святый Сампсонъ, сіяя свѣтомъ добрыхъ дѣлъ и вознедшій на гору совершеннаго Богоугожденія, содѣлался всѣмъ извѣстенъ. Прослышалъ о немъ и Патріархъ Константинопольскій и, призвавъ его къ себѣ, хиротонисалъ въ пресвитеры, хотя святый и не желалъ того.

Прп҃бный сѧмѱѡнъ

Слава о добродѣтеляхъ святаго и его необыкновенномъ искусствѣ врачеванія дошла и до царскихъ палатъ. Случилось это при такихъ обстоятельствахъ.

Императоръ Юстиніанъ[1]) впалъ въ сильный недугъ и жестоко страдалъ лютою неисцѣльною болѣзнію. Призвали врачей, но они, осмотрѣвъ царя, по обыкновенію своему начали спорить другъ съ другомъ и долгое время только подавали царю напрасную надежду своими рѣчами, но въ дѣйствительности не могли уврачевать болѣзнь царя или даже облегчить его страданія. Призвали изъ всѣхъ областей Греко-Римской имперіи искусныхъ врачей, но ни одинъ не могъ уврачевать царя отъ той жестокой болѣзни. Царь разгнѣвался на нихъ и повелѣлъ всѣхъ ихъ прогнать съ очей своихъ, а самъ обратился къ Источнику всякихъ исцѣленій и всей твари Создателю—Господу Богу: Ему одному онъ вручалъ жизнь свою и отъ Него одного со слезами сталъ искать помощи себѣ. И не презрѣлъ Богъ прилежнаго и слезнаго моленія царя. Уснувши на короткое время, онъ увидѣлъ въ видѣніи множество врачей, пред-

[1]) *Греко-Римскій императоръ Юстиніанъ* царствовалъ съ 527 г. по 565 г.

стоявшихъ ему и облеченныхъ въ свѣтлыя одежды. Потомъ нѣкій свѣтозарный юноша, приступивъ къ нему, началъ показывать ему каждаго изъ врачей, говоря, кто какого сана и сколько ему лѣтъ; среди нихъ онъ показалъ царю одного, смиреннаго лицомъ и съ сѣдыми волосами, облеченнаго въ священническія одежды; указывая на него, свѣтоносный юноша говорилъ царю:

— Сей, а ни иной кто, исцѣлитъ тебя, царь, отъ твоей смертельной болѣзни.

Воспрянувъ отъ сна, царь сильно обрадовался и возблагодарилъ Бога, Который подалъ ему благую надежду на выздоровленіе. Затѣмъ, припомнивъ образъ видѣннаго имъ во снѣ мужа, повелѣлъ снова призвать къ себѣ всѣхъ врачей. Когда они предстали предъ нимъ, онъ долго смотрѣлъ на нихъ, ища среди нихъ видѣннаго во снѣ мужа, и не найдя такового, снова впалъ въ печаль и началъ скорбѣть. Потомъ, не переставая надѣяться на помощь Божію, снова повелѣлъ искать такого врача, какого онъ узрѣлъ въ сонномъ видѣніи. При этомъ, описавъ черты лица видѣннаго имъ мужа, царь обѣщалъ щедро наградить того, кто поможетъ ему разыскать этого мужа. Многіе искали описаннаго царемъ врача и не находили. Наконецъ, одинъ изъ царскихъ слугъ, который былъ извѣстенъ самому царю и находился въ дружбѣ съ святымъ Самсономъ, вспомнилъ о святомъ, что онъ, будучи врачомъ немощныхъ, по чертамъ своего лица совершенно подобенъ описанному царемъ цѣлителю. Объ этомъ онъ сказалъ царю, и царь повелѣлъ съ почетомъ привести святаго къ себѣ.

Когда святый вошелъ къ царю, царь, узрѣвъ его, тотчасъ же позналъ, что сего мужа онъ дѣйствительно видѣлъ въ сонномъ видѣніи. Исполнившись радости, онъ быстро возсталъ съ сѣдалища своего и, подойдя къ святому, обнялъ его и лобызалъ не только уста старца, но также главу и руки его,—говоря при этомъ:

— Ты воистину, отче, тотъ, коего во снѣ явилъ мнѣ Господь Богъ, обѣщая чрезъ тебя подать мнѣ здравіе.

Сказавъ это, онъ отвелъ его въ спальный покой свой и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, наслаждался лицезрѣніемъ его; при этомъ руки святаго онъ прилагалъ къ глазамъ своимъ и со слезами лобызалъ ихъ, надѣясь получить отъ нихъ исцѣленіе.

Блаженный Самсонъ при видѣ столь великаго смиренія царя опечалился и кротко сказалъ ему:

— Не дѣлай сего, царь, не уничижай себя безмѣрнымъ смиреніемъ, чтобы не ввести меня въ грѣхъ гордости: тогда на тебя

ляжетъ вина моего осужденія Праведнымъ Судіею. Въ чемъ превосхожу я людей, будучи нищимъ и грѣшнымъ, нуждаясь самъ въ милостивомъ снисхожденіи Господнемъ ко исцѣленію грѣховъ моихъ? Только твоя превеликая вѣра, обращенная къ Господу, и твое теплое упованіе на Его милосердіе приклонитъ Христа — Царя Небеснаго на милость, и Онъ исцѣлитъ тебя: ибо Онъ можетъ сотворить все, что хочетъ.

Сказавъ это, Сампсонъ коснулся рукою больного мѣста на тѣлѣ царя, дѣлая видъ, что онъ прилагаетъ лѣкарства, и желая этимъ утаить данный ему отъ Бога даръ чудеснаго исцѣленія. И лишь только онъ коснулся больного мѣста рукою, вдругъ царь почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, а потомъ скоро наступило у него и совершенное исцѣленіе.

Получивъ совершенное здравіе, царь сильно обрадовался не только своему выздоровленію, но и тому, что онъ сподобился увидѣть столь великаго богоугоднаго мужа. Потомъ, желая достойно возблагодарить святаго, предлагалъ ему много золота и серебра. Но святый сказалъ царю:

— Я много, царь, имѣлъ золота, серебра и имѣній, но все это ради Христа оставилъ, чтобы получить вѣчныя небесныя блага. Но если хочешь оказать мнѣ твое благоволеніе, то ради Бога и твоего спасенія сдѣлай вотъ что: устрой рядомъ съ хижиной моей домъ, гдѣ бы я могъ упокоивать немощныхъ и странниковъ, которымъ я привыкъ служить. Этимъ ты и себѣ исходатайствуешь отъ Бога вѣчное воздаяніе, и мою старость утѣшишь.

Слушая такія слова святаго, царь вмѣнилъ эту просьбу его скорѣе въ даръ себѣ, чѣмъ въ прошеніе, и повелѣлъ создать страннопріимницу и больницу, какъ хотѣлъ преподобный. Когда же зданіе было окончено строеніемъ, царь приписалъ къ нему различныя имѣнія на нужды успокаиваемыхъ тамъ странниковъ и врачуемыхъ больныхъ.

Послѣ того въ продолженіе многихъ лѣтъ святый Сампсонъ предавался своему дѣлу служенія странникамъ и врачеванія больныхъ. Среди такихъ занятій достигъ онъ глубокой старости: ослабѣвъ тѣломъ, онъ немного разболѣлся и приблизился къ смерти. Когда же разлучалась душа его отъ тѣла, онъ оставался свѣтелъ лицомъ и нимало не скорбѣлъ въ виду смерти, какъ обычно скорбятъ другія души, преисполненныя плотскими и мірскими печалями, одержимыя многими грѣхами и потому боящіяся смерти.

Святый вѣдалъ, Кто призываетъ его, отъ какихъ трудовъ и къ какому спокойному пристанищу и какія утѣхи ожидаютъ тамъ душу его блаженную, ибо всякій дѣлатель достоинъ мзды своей[1]). И такъ богоугодная душа святаго Самсона отошла въ небесныя горнія страны[2]); тѣло же его было съ честію погребено въ церкви святаго мученика Мокія, отъ племени коего сей великій угодникъ Божій произошелъ по плотскому рожденію, будучи духовнымъ наслѣдникомъ добродѣтели святаго мученика.

Будучи великимъ угодникомъ Божіимъ, святый прославился чудесами, творимыми имъ не только при жизни своей, но и по смерти. Нѣкоторыя изъ его посмертныхъ чудесъ мы здѣсь и припомнимъ.

Однажды былъ въ Царьградѣ пожаръ, который начался отъ церкви святой Софіи[3]). Пожаръ былъ столь силенъ, что никто изъ людей не могъ ничего сдѣлать, чтобы погасить его. Пламя быстро распространялось, и уже горѣло большинство роскошныхъ палатъ и зданій, украшавшихъ городъ. Огонь достигъ и до странноприимницы преподобнаго Самсона. Но окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, пламя совершенно не касалось ея, и она стояла среди огня, какъ Купина Неопалимая. При этомъ многіе видѣли преподобнаго Самсона, который быстро обходилъ ограду странноприимницы и гнѣвно отстранялъ отъ нея пламя пожара,—и огонь, какъ бы устрашившись предъ лицемъ святаго и повинуясь его велѣнію, отступилъ отъ странноприимницы въ другое мѣсто. Потомъ внезапно загремѣлъ громъ, и появилось на небѣ облако: немедленно послѣ того полилъ сильный дождь, который, по молитвамъ святаго угасилъ весь пожаръ.

Святый подавалъ по смерти своей также и исцѣленія всякихъ болѣзней, какъ онъ подавалъ ихъ при жизни своей.

Случилось какъ-то, что одинъ знатный мужъ—Ѳеодоритъ, саномъ спаѳарій[4]), сходя быстро ради нѣкоей нужды по ступенькамъ лѣстницы своего дома, оступился и повредилъ суставъ ноги своей. Нога неожиданно разболѣлась, и онъ слегъ въ постель. Въ продолженіе трехъ дней не могъ отъ сильныхъ страданій ни вкушать пищу и питіе, ни забыться сномъ, ни сказать что-либо,—и былъ

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. **10**, ст. 7.

2) Это было въ 530 г.

3) Соборный храмъ въ Константинополѣ. При императорѣ Юстиніанѣ онъ былъ заново перестроенъ. По прекраснѣйшей архитектурѣ и роскоши отдѣлки онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ зданій въ мірѣ.

4) *Спаѳарій*—оруженосецъ; придворный чинъ.

какъ нѣмой. Но сохранивъ при своихъ страданіяхъ здравый умъ, онъ мысленно прилежно молился Богу и угоднику Его, святому Сампсону, призывая его на помощь. По прошествіи трехъ дней при наступленіи ночи спаѳарій Ѳеодоритъ увидѣлъ святаго Сампсона, стоявшаго у его ногъ; касаясь поврежденной ноги его, святый говорилъ:

— Встань, ибо ты уже больше не будешь болѣть.

И сказавъ это, святый сдѣлался невидимъ. Ѳеодоритъ тотчасъ же почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и радостно началъ громко благодарить Бога и говорить:

— Воистину великій угодникъ Божій святый Сампсонъ!

Потомъ, осязавъ свою ногу и видя, что она стала совершенно здоровой, всталъ и началъ ходить. А съ наступленіемъ утра пошелъ ко гробу преподобнаго и, сотворивъ предъ нимъ благодарное поклоненіе, повѣдалъ всѣмъ бывшимъ тамъ о дарованномъ ему исцѣленіи.

Другой вельможа въ Царыградѣ, по имени Левъ, ѣдучи на конѣ, стеръ о каменную стѣну свою ногу; открылась язва, и онъ тяжко захворалъ, причемъ съ каждымъ днемъ болѣзнь становилась сильнѣе. Домашніе совѣтовали больному призвать врача, чтобы тотъ сдѣлалъ ему кровопусканіе. И вотъ, когда приближалось наступленіе 4-го дня, въ который долженъ былъ придти врачъ къ больному, было видѣніе ночью прежде упомянутому Ѳеодориту, который предъ этимъ получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни. Онъ увидѣлъ трехъ мужей, входившихъ въ домъ больного вельможи; въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ святаго Сампсона, котораго видѣлъ во время своей болѣзни, а относительно двухъ другихъ подумалъ, что это безсребренные врачи Косма и Даміанъ[1]). Ѳеодоритъ спросилъ ихъ:

— Куда вы идете?

Они же, съ любовію воззрѣвъ на него, отвѣтили:

— Къ вельможѣ Льву.

Ѳеодоритъ на это сказалъ имъ:

— Знаете ли вы, владыки мои, что онъ страдаетъ тяжкою болѣзнью и въ этотъ наступающій день къ нему придутъ врачи, чтобы лѣчить у него поврежденную ногу?

Тогда святые сказали Ѳеодориту:

— Да не будетъ того,—мы снова придемъ къ нему въ пятокъ и исцѣлимъ его.

[1]) Память ихъ совершается мѣсяца іюля въ 1-й день.

Воспрянувъ отъ сна, Ѳеодоритъ немедленно пошелъ къ больному и разсказалъ ему о видѣніи своемъ. Левъ повѣрилъ словамъ его и не принялъ лѣкарей, но, возложивъ все упованіе свое на Бога, сталъ ждать пятка, непрестанно пребывая въ молитвѣ. И дѣйствительно, когда наступилъ пятокъ, больная нога его вдругъ получила исцѣленіе и сдѣлалась здоровою, какъ и другая, совершенно не нуждаясь въ какомъ-либо врачеваніи. Почувствовавъ себя здравымъ, Левъ немедленно пошелъ ко гробу преподобнаго Сампсона и воздалъ ему, вмѣстѣ съ явившимися съ нимъ, благодареніе.

Прославляя чрезъ многія чудеса угодника своего Сампсона, Богъ прославилъ его и чрезъ истеченіе цѣлебнаго мѵра отъ гроба преподобнаго, причемъ болящіе всякими недугами, помазуясь этимъ мѵромъ, получали здравіе. Цѣлебное дѣйствіе этого мѵра испыталъ на себе вышеупомянутый вельможа Левъ. Случилось ему, послѣ исцѣленія отъ своей болѣзни, снова заболѣть всѣмъ тѣломъ, и онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, какъ разслабленный, причемъ всѣ члены его тѣла были недвижимы. Но когда его помазали по всему тѣлу мѵромъ, истекающимъ отъ гроба преподобнаго, онъ тотчасъ же получилъ исцѣленіе. Въ другой разъ онъ заболѣлъ очами, но, помазавъ ихъ мѵромъ отъ гроба святаго Сампсона, снова получилъ здравіе.

Воздавая за неоднократныя исцѣленія, творимыя ему преподобнымъ, благодаренія святому, вельможа Левъ принялъ на себя попеченіе о страннопріимницѣ его, въ это время нѣсколько оскудѣвшей, и въ достаточной степени подавалъ ей на разныя потребы отъ своихъ имѣній.

Не будетъ неумѣстнымъ упомянуть здѣсь и о томъ, что въ страннопріимницѣ начальникомъ былъ тогда нѣкто Енесій, человѣкъ лѣнивый и къ службѣ своей нерадивый, наблюдавшій всѣ нужды больныхъ и странниковъ небрежно. Однажды ночью преподобный Сампсонъ явился ему не во снѣ, но какъ бы наяву, и сталъ бить его жезломъ, со гнѣвомъ говоря ему:

— Почему небреженъ ты къ службѣ своей и не соблюдаешь нуждъ странниковъ и больныхъ?

Отъ такого біенія Енесій заболѣлъ столь сильно, что у него отнялся голосъ и онъ сталъ нѣмъ; тѣло же его сдѣлалось синимъ отъ ранъ, причиненныхъ жезломъ святаго. Когда наутро многіе стали приходить къ нему, Енесій ничего не могъ сказать имъ, а только показывалъ на тѣло свое, синее отъ біенія, потомъ, взявъ

хартію и трость, написалъ въ ней, какъ онъ былъ наказанъ отъ святаго за свою лѣнь и небреженіе.

Узнавъ о случившемся, вельможа Левъ пришелъ къ больному навѣстить его. Увидѣвъ же, что тѣло его совершенно сине отъ біенія, онъ началъ со слезами молиться преподобному Сампсону.

— Святый угодниче Божій,—такъ молился онъ,—ты знаешь мою вѣру и усердіе къ тебѣ, исполни же теперь молитву мою: вотъ, предъ тобою Енесій, котораго ты наказалъ и который, написавъ на хартіи случившееся съ нимъ, повѣдалъ самъ и грѣхъ свой и твое вразумленіе ему. Исцѣли его отъ болѣзни, чтобы чудо твое получило большую извѣстность для прославленія Имени Божія.

Когда вельможа Левъ такимъ образомъ молился, языкъ Енесія разрѣшился и уста у него отверзлись, и онъ разсказалъ подробно о всемъ бывшемъ съ нимъ и съ того времени совершенно исправился.

Послѣ того нѣкоторые благоговѣйные мужи, посовѣтовавшись между собою, обратились къ Патріарху и просили его освятить страннопріимницу и церковь. Такъ, дѣйствительно, и было сдѣлано. Для успокоенія же странниковъ и принятія недужныхъ были устроены при новопостроенной церкви иной домъ и больница.

По прошествіи нѣкотораго времени строителемъ[1]) страннопріимницы былъ Евстратій, который тоже не радѣлъ о больныхъ и странникахъ и къ тому же былъ скупъ. Однажды много дней онъ не давалъ больнымъ елея, и за это онъ былъ наказанъ Богомъ, разболѣвшись глазами. Одинъ изъ друзей его, именемъ Левъ, не тотъ, о которомъ мы говорили выше, но другой, носившій то же имя и служившій въ страннопріимницѣ, сказалъ ему:

— Отпусти для больныхъ и странниковъ въ дòлжной мѣрѣ елея, и ты будешь здоровъ очами; если же не вѣришь словамъ моимъ, то я дамъ въ удостовѣреніе сказаннаго мною расписку.

Сказавъ это, онъ написалъ Евстратію слѣдующее:

«Я, Левъ, уповая на святаго чудотворца Сампсона и утверждаясь несомнѣнною вѣрою на него, предоставляю себя поручникомъ тебѣ въ удостовѣреніе того, что, если ты дашь довольно елея для нищихъ и странниковъ, то исцѣлѣютъ отъ своей болѣзни глаза твои; ибо святый Сампсонъ испроситъ тебѣ здравіе».

Принявъ такую расписку и давъ обѣщаніе отпустить въ нужной мѣрѣ елей для больныхъ и странниковъ, Евстратій въ тотъ же

[1]) *Строитель* —начальствующій инокъ.

день получилъ исцѣленіе очей. Но такъ какъ онъ былъ скупъ по своему нраву, то снова не сталъ давать елея. И вотъ, однажды ночью явился ему преподобный Сампсонъ и со гнѣвомъ сказалъ ему:

— Что ты испытываешь меня, пренебрегая моими вразумленіями?

Устрашенный этимъ видѣніемъ Евстратій, съ наступленіемъ утра, призвалъ друга своего Льва и далъ ему множество елея, прося его, чтобы онъ помолился за него къ святому Сампсону и испросилъ у святаго угодника Божія прощенія грѣховъ его.

Одинъ изъ царскихъ совѣтниковъ, именемъ Варда, человѣкъ знатный, заболѣлъ карбункуломъ, отъ котораго образовались на груди его большія и неизлѣчимыя язвы. Долго онъ претерпѣвалъ тяжкія страданія отъ своей болѣзни. Между тѣмъ, наступилъ день памяти святаго мученика Мокія [1]); врачи, бывшіе при больномъ, и всѣ домашніе его ушли въ церковь святаго мученика на Всенощное бдѣніе; больной же лежалъ на одрѣ, сильно печалясь о томъ, что не могъ идти въ церковь на праздникъ и поклониться чудотворному гробу преподобнаго Сампсона, находившемуся въ той церкви святаго мученика. Въ это время явился къ нему нѣкій благолѣпный старецъ и сказалъ ему:

— Встань!

Больной на это сказалъ:

— Какъ же я могу встать? Всѣ члены тѣла моего ослабѣли отъ тяжкой болѣзни.

Но старецъ снова сказалъ:

— Говорю тебѣ,—встань и иди въ церковь святаго мученика Мокія, которому нынѣ совершается празднество; тамъ ты помолись у гроба святаго Сампсона.

Сказавъ это, старецъ сдѣлался невидимъ.

Больной же, ощутивъ вдругъ крѣпость въ членахъ своихъ, сталъ понемногу вставать съ одра своего. Въ то же время онъ замѣтилъ, что боль отъ язвъ прекратилась. Когда же онъ отвязалъ отъ ранъ врачебныя повязки и пластыри, то увидѣлъ, что язвы совершенно исцѣлѣли. Исполнившись радости, вельможа тотъ облекся въ праздничныя одежды и пошелъ въ церковь. Увидѣвъ его неожиданно исцѣленнымъ, всѣ бывшіе въ церкви удивились и прославили Бога.

Въ то время было въ обычаѣ, что, если кто впадетъ въ какой-нибудь недугъ, то онъ повелѣвалъ отнести себя въ больницу свя-

[1]) Память его совершается 11-го мая.

таго Сампсона и тамъ, по вѣрѣ своей, получалъ здравіе. Такъ, когда у одного пресвитера заболѣлъ рабъ водянкой, пресвитеръ отослалъ его въ больницу святаго Сампсона. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней и не получивъ облегченія отъ своей болѣзни, рабъ возвратился въ домъ своего господина. Пресвитеръ, увидѣвъ его, сильно разгнѣвался на него за невѣріе его и снова отослалъ его въ больницу, повелѣвъ испросить себѣ мура, истекавшаго отъ гроба святаго, и помазаться имъ. Рабъ пошелъ, переночевалъ въ больницѣ святаго Сампсона и возвратился оттуда здоровымъ. О томъ, какъ онъ выздоровѣлъ, рабъ повѣдалъ слѣдующее:

— Въ эту ночь я видѣлъ во снѣ явившагося мнѣ святаго Сампсона; коснувшись рукою до моего чрева, онъ сказалъ мнѣ: «Иди отсюда, ты уже здоровъ». Я тотчасъ же проснулся и почувствовалъ себя здоровымъ.

Такою же болѣзнію страдала жена церковнаго служителя Ирина. Она въ сонномъ видѣніи узрѣла святаго Сампсона, пришедшаго къ ней вмѣстѣ съ святыми безсребренниками Космою и Даміаномъ и прикоснувшагося къ ней. Послѣ того она получила здравіе.

Эти и многія иныя совершались чудеса и подавались исцѣленія, по молитвамъ преподобнаго Сампсона, чѣмъ прославился дивный во святыхъ Своихъ Богъ, Коему и отъ насъ возсылается честь и слава, поклоненіе и благодареніе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Тропа́рь, гла́съ ѝ:

Въ терпѣ́нїи твое́мъ стяжа́лъ є́сѝ мзду́ твою́ о́тче прⷑбне, въ мо́лтвахъ непреста́нно терпѣ́вый, ни́щыѧ возлюби́вый, ѝ сїѧ̀ оу҆дови́вый: но моли́сѧ хр҃ту́ бг҃у̀ самⷭ́ю́не ми́лостиве бл҃же́нне, спⷭти́сѧ дⷭ҇ша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ ѝ:

Ꙗ́коⷦ врача̀ всеизра́дна, ѝ моли́твенника бл҃гопрїа́тна, къ ра́цѣ твое́й бж҃е́ственнѣ́й притека́юще, самⷭ́ю́не бг҃омⷣдре прⷑбне, соше́дшесѧ любо́вїю, ѱа́лмы ѝ пѣ́сньми ра́дⷣующесѧ, хр҃та̀ прославля́емъ, таковⷣ́ю тебѣ́ бл҃года́ть подава́юща ѝ҆сцѣле́нїй.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

СЕВИРА[1])

Въ странѣ Тудера[2]) между двумя горами, въ долинѣ, называемой Интероклея, была церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Пресвитеромъ при ней былъ Севиръ, мужъ дивной и богоугодной жизни. Одинъ изъ тамошнихъ жителей, заболѣвъ и приблизившись къ смерти, поспѣшно отправилъословъ къ тому пресвитеру сказать ему, чтобы онъ скорѣе пришелъ къ нему, исповѣдалъ бы его въ содѣянныхъ грѣхахъ и разрѣшилъ отъ нихъ предъ отшествіемъ къ смерти. Въ это время Севиръ находился въ своемъ виноградникѣ, гдѣ онъ занимался обрѣзываніемъ гроздьевъ. Выслушавъ просьбу посланныхъ, онъ сказалъ имъ:

— Идите вы сначала одни, я скоро догоню васъ.

Но потомъ, увидѣвъ, что еще много осталось собрать гроздьевъ, захотѣлъ еще немного подождать, чтобы собрать и то, что оставалось. Окончивъ свое дѣло, онъ отправился въ путь къ болящему. На пути встрѣтили его бывшіе у больного, которые сказали ему:

— Почему, отче, ты медлилъ? Но больше не трудись, ибо человѣкъ тотъ уже умеръ.

Услышавъ это, пресвитеръ затрепеталъ отъ ужаса и горько началъ плакать, нарицая себя убійцею умершаго. Не переставая плакать, онъ достигъ дома, гдѣ лежало тѣло умершаго и со слезами палъ на землю предъ одромъ, рыдая и ударяясь головою объ землю; при этомъ онъ, въ слухъ всѣхъ, бывшихъ тамъ, винилъ себя въ смерти того человѣка. Когда онъ рыдалъ такъ, умершій внезапно ожилъ. Увидѣвъ это, предстоявшіе сильно удивились случившемуся чуду и возрадовались о воскресеніи умершаго, и отъ радости плакали. Потомъ они спросили воскресшаго:

---

1) Это повѣствованіе взято изъ книги св. Григорія Двоеслова («Разговоры», гл. 12).

2) Мѣстность эта находилась въ Средней Италіи, въ провинціи Валерін, между горами Реате и Аметеріумъ.

— Гдѣ ты былъ? И какимъ образомъ душа твоя, разлучившаяся съ тѣломъ, снова возвратилась въ него?

Тотъ отвѣтилъ:

— Какіе-то эѳіопы[1]), весьма страшные и гордые, изъ ноздрей и ушей которыхъ исходилъ огонь, взяли меня и повлекли въ нѣкія темныя мѣста, исполненныя ужаса и трепета. Но вдругъ явился пресвѣтлый юноша, который шелъ навстрѣчу намъ съ другими свѣтоносными мужами; обратившись къ влекущимъ меня, онъ сказалъ имъ со властію: возвратите его, такъ какъ о немъ плачетъ Севиръ пресвитеръ; ради слезъ этого мужа Господь снова даруетъ сему умершему жизнь въ тѣлѣ.

Услышавъ такой разсказъ, Севиръ всталъ съ земли съ неизреченною радостію и воздалъ Богу благодареніе. Затѣмъ поучивъ воскреснаго тому, какъ нужно принести покаяніе Богу, онъ выслушалъ исповѣдь его и, разрѣшивъ отъ грѣховъ, причастилъ Божественныхъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Послѣ того воскресшій прожилъ еще семь дней, непрестанно молясь къ Богу, въ восьмой же день онъ съ радостію преставился Ему.

Итакъ, познаемъ, какъ возлюбилъ Богъ пресвитера Своего Севира; ибо Онъ не восхотѣлъ опечалить его, но скоро услышалъ молитву святаго и сотворилъ согласно желанію его. Отсюда открывается также и то, что и пресвитеръ Севиръ отъ всей души возлюбилъ Господа Бога и въ теченіе всей жизни своей поработалъ Ему усердно. Послуживъ Господу, онъ, по окончаніи своего земного подвига, предсталъ Престолу Божественныя славы вмѣстѣ съ ликами святыхъ, славящихъ Отца, и Сына, и Святаго Духа— Единаго въ Троицѣ Бога, Коему и отъ насъ да будетъ слава во вѣки. Аминь.

---

1) *Эѳіопами* часто называются въ священныхъ книгахъ мрачные духи злобы, которые противополагаются свѣтлымъ ангельскимъ силамъ.

День двадцать восьмой

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ МОЩЕЙ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

КИРА и ІОАННА

Сіи святые страстотерпцы, Киръ и Іоаннъ, пострадали за Имя Христово въ 31-ый день мѣсяца января[1]), въ царствованіе Діоклетіана[2]), въ городѣ Конопѣ, отстоящемъ отъ великаго города Александріи на двѣнадцать поприщъ. Послѣ ихъ страдальческой кончины христіане тайно взяли ихъ святыя тѣла и похоронили ихъ съ честію. Цѣлебныя мощи сихъ святыхъ мучениковъ были обрѣтены по прошествіи уже многаго времени (со дня ихъ мученической кончины); онѣ были обрѣтены именно тогда, когда правовѣрные христіане, побѣдивъ идолослужителей Еллиновъ, начали всюду созидать храмы безъ страха.

Въ особенности безъ страха начали строить храмы христіане со времени императора Ѳеодосія Великаго. Императоръ Ѳеодосій Великій[3]), побѣдившій Западнаго царя Максима[4]) со всѣми его войсками,—по молитвамъ святыхъ отцевъ, подвизавшихся въ египетскихъ пустыняхъ,—отправилъ къ симъ отцамъ нарочитыхъ людей съ просьбою о помощи. Изъ числа святыхъ отцевъ, подвизавшихся въ Египтѣ, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ, по имени Сенуфіи, прославившемся чудесами и пребывавшемъ въ скиту.

---

1) Подъ симъ числомъ помѣщено и житіе ихъ.

2) *Императоръ Діоклетіанъ*—управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

3) *Императоръ Ѳеодосій Великій*—царствовалъ съ 379 г. по 395 г.

4) —собственно претендента на царскій престолъ.

Относительно сего отца царь писалъ Ѳеофилу, Александрійскому Патріарху, прося послать Сенуфія къ нему въ Константинополь, дабы подкрѣпиться его благословеніемъ и молитвами въ борьбѣ съ противниками. Ѳеофилъ, исполняя царское желаніе, отправился самъ въ скитъ къ преподобному тому отцу Сенуфію и умолялъ его отправиться въ Константинополь къ царю Ѳеодосію. Однако Сенуфій ни въ какомъ случаѣ не желалъ выйти изъ своей келліи. Наконецъ, послѣ усиленныхъ просьбъ Патріарха Сенуфій взялъ свою хламиду и жезлъ, поднялъ ихъ кверху, обратившись къ востоку; затѣмъ, поднявъ очи свои къ Небу, сказалъ:

— Господи Боже силъ! Со смиреніемъ молюсь Тебѣ, дай хламидѣ сей и жезлу сему ту силу, которую Ты по милосердію Своему далъ бы мнѣ, если бы я пошелъ туда.

Помолившись въ такихъ словахъ, Сенуфій отдалъ хламиду и жезлъ Патріарху, сказавъ:

— Пошли это къ царю вмѣсто меня и напиши ему, чтобы во время битвы онъ одѣлся въ хламиду, взялъ жезлъ въ руку и съ дерзновеніемъ пошелъ бы впередъ своего полка на враговъ; и увидитъ онъ силу Божію.

Патріархъ послалъ хламиду и жезлъ къ царю и передалъ ему слова преподобнаго.

Царь, принявъ посланное съ вѣрою и сдѣлавъ все согласно словамъ преподобнаго, одержалъ славную побѣду надъ врагами. Въ память этой побѣды, а также и въ напоминаніе о преподобномъ Сенуфіи жители города Александріи изваяли статую царя, стоящую на высокомъ подножіи; на статуѣ царь былъ облеченъ въ хламиду иноческую и имѣлъ жезлъ въ рукѣ. И каждый годъ жители города Александріи торжественно праздновали день той побѣды, возсылая благодареніе Богу.

Съ этого именно времени, благодаря все большему и большему распространенію христіанства, вѣрующіе и начали строить храмы въ Александріи и по всему Египту. И когда Патріархъ Ѳеофилъ пожелалъ выстроить въ Конопѣ большую церковь во имя Святыхъ Апостоловъ, обрѣтены были мощи сихъ святыхъ чудотворцевъ Кира и Іоанна. Случилось это по кончинѣ Ѳеодосія, въ царствованіе сына его Аркадія. О перенесеніи же тѣхъ мощей написано въ житіи Кирилла[1]), Патріарха Александрійскаго, слѣдующее:

---

[1]) См. житіе его подъ 9-го іюня.

«Въ разстояніи двухъ поприщъ отъ Конопа было мѣсто, именуемое Мануѳинъ (раньше то было селеніе). Здѣсь находилось древнее капище, бывшее обиталищемъ демоновъ; мѣсто это внушало всѣмъ ужасъ, такъ какъ здѣсь обитали многіе нечистые духи. Патріархъ Ѳеофилъ, когда еще былъ въ живыхъ, хотѣлъ очистить то мѣсто отъ бѣсовъ и освятить для славословія Божія, но, отвлекаемый другими заботами и уже будучи близъ конца дней своихъ, святый не успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Святый Кириллъ, принявъ послѣ Ѳеофила александрійскую каѳедру, рѣшилъ привести въ исполненіе намѣреніе Ѳеофила и усердно молился Богу, да подастъ Онъ ему помощь свыше и силу для одолѣнія и изгнанія изъ Мануѳина нечистыхъ духовъ. И вотъ, явился ему въ видѣніи Ангелъ Господень, повелѣвая перенести въ Мануѳинъ честныя мощи святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна, чтобы прогнать оттуда силу бѣсовскую. Святый Кириллъ такъ и поступилъ: перенесъ въ Мануѳинъ мощи святыхъ [1]) и построилъ тамъ во имя ихъ церковь. Вскорѣ же послѣ этого нечистые духи навсегда удалились оттуда, и мѣсто то стало источникомъ исцѣленій, подаваемыхъ отъ мощей мученическихъ».

Необходимо воспомянуть здѣсь въ краткихъ словахъ и о чудесахъ, совершенныхъ сими святыми чудотворцами—Киромъ и Іоанномъ.

При Святѣйшемъ Евлогіи, Патріархѣ Александрійскомъ [2]), сынъ градоначальника Юліана, по имени Аммоній, имѣлъ на шеѣ своей нѣкія болѣзненныя прыщи, росшія внутрь, именуемые врачами скрофулами, или струмами [3]). День ото дня увеличиваясь и назрѣвая, сіи прыщи весьма отяготили шею его и угрожали смертію. Были призываемы многіе искусные врачи, но больной не получилъ отъ нихъ никакого облегченія. Сей отецъ съ сыномъ, весьма опечалившись, оставилъ тѣхъ врачей и обратился за помощію къ святымъ чудотворцамъ, Киру и Іоанну: онъ началъ молиться со слезами при ихъ честныхъ мощахъ, прося ихъ даровать здравіе сыну его. Святые же, явившись въ видѣніи, повелѣли юношѣ прежде всего оставить заботы о богатствѣ и славѣ и, въ знакъ смиренія, вымести пыль изъ храма ихъ; потомъ, сдѣлавъ пластырь изъ воска,

---

1) Событіе перенесенія мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ Кира и Іоанна послѣдовало ок. 412 г.

2) *Евлогій* патріаршествовалъ съ 579 г. по 607 г.

3) Вѣроятно, нѣчто вродѣ карбункуловъ или болѣзненныхъ опухолей на кожѣ.

смѣшаннаго съ хлѣбомъ, повелѣли обложить имъ шею и гортань больного. И какъ только все сіе было сдѣлано, тотчасъ разрѣшились прыщи, и Аммоній получилъ здравіе по молитвамъ сихъ святыхъ безмездныхъ врачей.

Спустя нѣкоторое время тотъ же Аммоній, забывъ увѣщанія святыхъ, возгордился и снова заболѣлъ другою болѣзнію, которая была ему наказаніемъ за его преслушаніе. Онъ началъ страдать желудкомъ, причемъ болѣзнь его была столь тяжка, что, по причинѣ ея, онъ совершенно не могъ принимать ни пищи, ни питія; все, что онъ принималъ устами, извергалось обратно. Тогда онъ снова обратился за помощію къ извѣстнымъ врачамъ своимъ, святымъ страстотерпцамъ Киру и Іоанну, и началъ молиться имъ со слезами. Сіи же святые, явившись ему въ видѣніи, сначала укорили его за гордость, потомъ повелѣли снять драгоцѣнныя одежды, облечься во вретище; затѣмъ, взявъ водоносы, велѣли носить холодную воду недужнымъ братіямъ и нищимъ для утоленія жажды ихъ. Когда Аммоній сдѣлалъ все то добросовѣстно, тотчасъ явились ему святые и приказали, взявъ елея отъ лампады ихъ, также и воска отъ возженныхъ при ракѣ ихъ свѣщъ,—сдѣлать пластырь и приложить его къ желудку своему. Сдѣлавъ все это, Аммоній получилъ здравіе.

Нѣкій александріецъ, по имени Ѳеодоръ, издавна ослѣпшій на оба глаза, былъ приведенъ въ Мануѳинъ къ церкви и къ многоцѣлебнымъ мощамъ святыхъ страстотерпцевъ; онъ молился здѣсь съ усердіемъ объ исцѣленіи своемъ отъ слѣпоты. Ему явились святые въ видѣніи и повелѣли идти и умыться изъ источника, протекавшаго близъ храма ихъ. Тотъ пошелъ, умылся и, когда отеръ полотенцемъ лице свое, тотчасъ прозрѣлъ и почувствовалъ, что съ глазъ его отпали на полотенце бѣльма, какъ нѣкая чешуя. Ѳеодоръ возвратился съ радостію къ церкви, показывая всѣмъ на полотенцѣ слѣды своей слѣпоты.

Другой мужъ, по имени Калось, соотвѣтственно своему имени и житіемъ прекрасный[1]), случайно упалъ съ лѣстницы, раздробилъ голень ноги своей на многія части и страдалъ тяжко. Сей мужъ призывалъ на помощь многихъ врачей, но не могъ получить отъ нихъ никакой помощи. Тогда онъ обратился за помощію съ твердою вѣрою къ симъ безмезднымъ врачамъ, Киру и Іоанну;

---

[1]) *Калось* — съ греч. (καλός) прекрасный.

помазавъ елеемъ отъ лампады ихъ свою ногу, больной тотчасъ же получилъ исцѣленіе.

Нѣкто Исидоръ изъ Маіюмы[1]) страдалъ болѣзнію печени, которая, начавъ гнить, обращалась въ кровь, воспалялась и выплевывалась съ кровью. Такъ какъ человѣкъ тотъ не могъ получить облегченія ни отъ какихъ врачей, то обратился къ многоцѣлебнымъ мощамъ сихъ святыхъ страстотерпцевъ. Святые явились ему и уже не въ сонномъ видѣніи, а явно, и дали ему вкусить часть лимона; принимая лимонъ изъ рукъ ихъ, онъ не зналъ, отъ кого принималъ: онъ думалъ, что это былъ кто-либо изъ числа народа, пришедшаго на поклоненіе честнымъ мощамъ мученическимъ. Когда больной съѣлъ данное ему, тотчасъ желудокъ его какъ бы возмутился и изблевалъ большой червь, угрызавшій печень его; святые же безмездные врачи стали невидимы. Исидоръ, ставъ съ того времени здравымъ, воздалъ благодареніе Богу и Его святымъ угодникамъ.

Нѣкто Мина, начальникъ города Филопона[2]), страдалъ сильною лихорадкою; къ сей болѣзни у него присоединилось еще затвердѣніе желудка, такъ что прекратились его естественныя отправленія. Всѣ лѣкарства, принимавшіяся больнымъ въ уста, не только не доставляли ему никакого облегченія, но еще болѣе утруждали желудокъ его, оставаясь въ немъ. И страдалъ сей мужъ двѣ седмицы; болѣзнь его была весьма люта, такъ что онъ отчаялся уже въ помощи врачей. Вспомнивъ же о святыхъ безмездныхъ врачахъ Кирѣ и Іоаннѣ, Мина повелѣлъ нести себя съ постелію въ Мануѳинъ къ многоцѣлебнымъ мощамъ ихъ. Въ то время, какъ онъ, помолившись при мощахъ со слезами, задремалъ и уснулъ, явились ему святые и дали вкусить смокву. Пробудившись отъ сна, онъ нашелъ смокву на постели, близъ себя; онъ съѣлъ ее, и тотчасъ разрѣшилась болѣзнь желудка его, и онъ сталъ здравымъ.

Другой Мина, легкій и скорый ногами своими, какъ древній Асаилъ[3]), **ꙗ҆́кѡ є҆́дина сѣ́рна ѿ сꙋ́щихъ на селѣ́**[4]), столь сильно заболѣлъ ногами своими, что совершенно не могъ ходить; и лежалъ

---

1) *Маіюма*—портовый городъ Палестины, служившій гаванью для Газы, древняго города этой страны, находившагося недалеко отъ Іерусалима. Извѣстенъ какъ мѣсто епископской дѣятельности святаго Космы (память его—12-го октября).

2) *Филопонъ*—одинъ изъ египетскихъ городовъ.

3) *Асаилъ*—сынъ сестры Давидовой Саруи, братъ военачальника Іоава—одинъ изъ главныхъ полководцевъ Давидовыхъ.

4) 2 Кн. Цар., гл. 2, ст. 18.

онъ на постели долгое время, ибо ноги его весьма отекли. Сей Мина приказалъ нести себя вмѣстѣ съ постелію ко святымъ чудотворцамъ, Киру и Іоанну. И, когда помазалъ свои ноги елеемъ отъ лампады, горѣвшей при честны́хъ мощахъ святыхъ, тотчасъ всталъ здравымъ и могъ ходить, ибо ноги его совершенно исцѣлились; за все сіе онъ возблагодарилъ Бога и святыхъ угодниковъ Его.

Женщина нѣкая, по имени Ѳеодора, однажды, пивъ воду, проглотила маленькую жабу, не замѣтивъ ея; жаба же та во чревѣ ея начала расти. Первоначально жаба доставляла Ѳеодорѣ небольшое страданіе, ибо была сама мала; когда же та жаба выросла и сдѣлалась большой, то стала причинять столь великую боль, что женщина та совершенно не имѣла покоя ни днемъ ни ночью, по причинѣ своихъ лютыхъ страданій. Она сильно кричала, бросалась на землю, но никто не могъ помочь ей и даже никто не могъ узнать, какая была у нея болѣзнь; многіе думали, что ее мучилъ бѣсъ. Наконецъ привели ее къ симъ святымъ чудотворцамъ, Киру и Іоанну; они же, явившись ей ночью, повелѣли, прежде чѣмъ принимать пищу, выпить большое количество воды. Женщина сдѣлала такъ; тотчасъ ея желудокъ заволновался,—она изблевала большую жабу и сдѣлалась здравой. Всѣ, видѣвшіе это, удивились и прославили Бога и святыхъ угодниковъ Его.

Послѣ женщины Ѳеодоры за помощію къ святымъ обратился нѣкій мужъ Ѳеодоръ. Сей Ѳеодоръ случайно принялъ данную злыми людьми отраву и сильно страдалъ, не получая помощи отъ врачей. Въ то время какъ сей Ѳеодоръ молился со слезами объ исцѣленіи своемъ, явились ему въ видѣніи святые и повелѣли съѣсть нѣкое животное, по-гречески называемое скопендрой[1]). Пробудившись послѣ видѣнія, Ѳеодоръ оградилъ себя знаменіемъ Креста, ибо думалъ, что то было демонское привидѣніе; потомъ снова началъ молиться святымъ, прося у нихъ исцѣленія. На другую ночь снова явились Ѳеодору святые и приказали сдѣлать то же самое; но онъ и на сей разъ не возъимѣлъ вѣры къ святымъ, ибо то животное считалось ядовитымъ, а не цѣлебнымъ. И въ третій разъ было то же явленіе святыхъ, но и на сей разъ Ѳеодоръ не послушалъ ихъ, думая, что то было демонское обольщеніе. Наконецъ, на четвертую ночь святые явились Ѳеодору уже не въ сонномъ видѣніи, а наяву; святые выразили соболѣзнованіе Ѳеодору и сказали ему:

[1]) *Скопендра* —нѣчто вродѣ ящерицы.

— Почему ты не вѣришь словамъ нашимъ? Встань же поскорѣе и иди къ источнику нашему; тамъ съѣшь то, что найдешь съѣдобнымъ; то будетъ для тебя дѣйствительнымъ врачевствомъ.

Ѳеодоръ, увѣровавъ въ истинность явленія святыхъ, отправился съ разсвѣтомъ дня на источникъ и нашелъ тамъ небольшой огурецъ, лежавшій на землѣ; Ѳеодоръ взялъ его и вкусилъ съ удовольствіемъ; и когда онъ намѣревался положить въ уста свои послѣдній кусокъ огурца, то замѣтилъ въ немъ послѣднюю часть животнаго, называемаго скопендромъ,—ибо животное то онъ уже съѣлъ почти все въ огурцѣ томъ. Весьма испугавшись, онъ бросилъ на землю остатокъ огурца, послѣ чего началъ блевать и изблевалъ вмѣстѣ съ огурцемъ и тѣмъ животнымъ всю, бывшую въ немъ, отраву. Послѣ сего Ѳеодоръ почувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ и, придя въ церковь, поклонился съ благодареніемъ честнымъ мощамъ своихъ исцѣлителей.

Нѣкая женщина, по имени Марія, пришла изъ Вавилона въ Мануѳинъ, къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ. Она привела съ собою восьмилѣтняго сына, у котораго, по коварству демонскому, былъ извлеченъ изъ устъ языкъ; языкъ отрока имѣлъ въ длину пядь[1]), былъ гораздо болѣе обыкновеннаго человѣческаго языка и имѣлъ весьма странный видъ: былъ толстъ, черенъ, смраденъ, непріятенъ для всѣхъ, взиравшихъ на него и все время источалъ черныя слюни. Отрокъ сей случайно упалъ при гробѣ святыхъ на землю и ударился языкомъ о мраморъ, бывшій тамъ; тотчасъ языкъ его, освободившись отъ бѣсовскаго коварства, возвратился на свое мѣсто и принялъ обычный размѣръ, и такъ исцѣлился отрокъ тотъ.

Къ мощамъ святыхъ былъ принесенъ нѣкто Евгеній, изъ Египта, страдавшій водянкою; отъ сего недуга все тѣло его отекло и животъ былъ весьма вздутъ. Сему Евгенію святые явились въ видѣніи, коснулись руками живота его и сказали:

— Евгеній! Встань и возвратись здравымъ въ домъ твой.

Евгеній, вставъ, тотчасъ освободился отъ всей тягости отека и получилъ полное здравіе.

Воспомянувъ сіи немногія, изъ числа многихъ, чудеса святыхъ безсребренниковъ Кира и Іоанна, прославимъ Христа Бога, даровавшаго имъ таковую благодать, славимаго вѣчно со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь.

---

[1]) *Пядь* равнялась 4 или 5 вершкамъ.

Тропа́рь, гла́съ ё:

Чудеса́ сты́хъ твои́хъ мч҃нкъ, стѣ́ну нетлѣ́нну на́мъ дарова́вый хр҃тѐ бо́же, тѣ́хъ мо́литвами совѣ́ты ѩ҃зы́ковъ разори́, ца́рства ски́петры оу҃крѣпи́, я҃ко є҆ди́нъ бл҃гъ и҆ человѣколю́бецъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Бжє́ственнымъ бл҃года́ти да́ръ чюдесъ воспрїе́мше сто҃и́, чюдотво́йствуете въ ми́рѣ непреста́нно, всѣ́ на́ша стра́сти рукотво́йствїемъ и҆зсѣца́юще невиди́мо, ку́ре бг҃омудре, со і҃ва́нномъ сла́вными: вы́ бо свѣтѣ бжє́ственнїи бра́чеве є҆сте́.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА

Преподобный Павелъ происходилъ изъ города Коринѳа[1]) отъ родителей христіанъ; будучи воспитанъ въ благочестіи и съ юности возлюбивъ Бога, онъ пришелъ въ одинъ изъ монастырей и принялъ здѣсь постриженіе въ монашество; онъ много потрудился въ подвигахъ постническихъ и былъ опытнымъ подвижникомъ. На сего Павла вооружился бѣсъ блуда; однажды ночью, въ то время какъ преподобный Павелъ стоялъ на молитвѣ, ему явился бѣсъ и сказалъ:

— Если не удовлетворишь своей похоти плотской, хотя одинъ разъ, то жестоко вооружусь на тебя!

Павелъ же запретилъ бѣсу Именемъ Іисуса Христа и прогналъ его знаменіемъ крестнымъ.

Потомъ бѣсъ научилъ нѣкую женщину блудницу принести къ преподобному младенца, недавно рожденнаго ею; положивъ сего младенца на одрѣ преподобнаго, женщина та сказала ему:

---

1) *Коринѳъ* — древнѣйшій изъ городовъ Греціи, находился въ сѣверной части древней Арголиды, на берегу Коринѳскаго залива.

— Я отъ тебя самого зачала и родила сіе.

Старецъ принялъ младенца съ радостію. Еретики же, придя къ старцу, связали ему руки назади и, привязавъ младенца къ выѣ преподобнаго, водили его по городу съ насмѣшками. Ставъ посреди народа и давъ знакъ рукою, Павелъ сказалъ:

— Послушайте, братія! Спросимъ младенца, и пусть онъ скажетъ намъ, кто его отецъ?

(Младенцу же отъ рожденія было немного дней.) И сказалъ Павелъ младенцу:

— Скажи намъ, кто твой отецъ?

Младенецъ, разодравъ свои пеленки, показалъ рукою на нѣкоего кузнеца и сказалъ:

— Вотъ сей отецъ мой, а не Павелъ монахъ.

Люди, слышавшіе это, поклонились старцу, прося у него прощенія.

Съ этого времени Богъ даровалъ преподобному даръ врачеванія. Павелъ возлагалъ руки на недужныхъ, и они получали здравіе.

Проживъ семьдесять съ лишнимъ лѣтъ, преподобный отошелъ ко Господу[1]), Которому нелѣностно служилъ, и былъ причтенъ къ лику святыхъ; вмѣстѣ съ ними онъ прославляетъ Единаго Бога въ Троицѣ, Которому и отъ насъ возсылается слава вѣчно. Аминь.

Въ тотъ же день **память преподобныхъ отцевъ Сергія и Германа, Валаамскихъ** чудотворцевъ, скончавшихся около 1353 г.

---

[1]) Время кончины преподобнаго Павла съ точностію неизвѣстно.

День двадцать девятый

ЖИТІЕ, ПОДВИГИ и СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СЛАВНАГО и ВСЕХВАЛЬНАГО ВЕРХОВНАГО АПОСТОЛА
ПЕТРА

Братъ первозваннаго Апостола Андрея святый Апостолъ Петръ, носившій до призванія Господомъ Іисусомъ Христомъ имя Симона, сынъ Іудея Іоны изъ колѣна Симеонова, происходилъ изъ Виѳсаиды, незначительнаго и малоизвѣстнаго галилейскаго городка въ Палестинѣ. Онъ взялъ себѣ въ супружество дочь Аристовула, брата святаго Апостола Варнавы, и имѣлъ отъ нея дѣтей: одного сына и одну дочь. Симонъ былъ человѣкъ безхитростный и некнижный; проникнутый страхомъ Божіимъ, онъ соблюдалъ всѣ Заповѣди Господа, **ходя̀ пред̀ ни́мъ без̀ поро́ка во всѣ́хъ дѣ́лѣ́хъ свои́хъ.** Занятіемъ Симона было рыболовство; этимъ трудомъ рукъ своихъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, снискивалъ пропитаніе для своего семейства, кормя жену, дѣтей, тещу и престарѣлаго отца своего Іону.

Братъ же Симона Андрей, пренебрегая суетою мятежнаго міра, вступилъ на путь безбрачной жизни: онъ пошелъ на Іорданъ къ святому Іоанну Крестителю, проповѣдовавшему о покаяніи [1]), и сдѣлался его ученикомъ. Слыша свидѣтельства учителя своего о Христѣ—Мессіи и—особенно слова его съ указаніемъ перстомъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл., 3.

на Господа: **сѣ а҃гнецъ бжїй** [1]), Андрей оставилъ Іоанна и вмѣстѣ съ другимъ Крестителевымъ ученикомъ пошелъ вослѣдъ Господа, вопрошая Его:

— Равви, гдѣ живешь?

— Пойдите и увидите,—отвѣчалъ имъ Спаситель.

Они пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ, и пробыли у Него день тотъ [2]).

На слѣдующее утро Андрей пришелъ къ брату своему Симону и сказалъ ему:

— Мы нашли Мессію, Христа.

И привелъ его къ Іисусу. Іисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ:

— Ты Симонъ, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ камень (Петръ) [3]).

И тотчасъ святый Петръ возгорѣлся любовію къ Господу, увѣровавъ въ Него какъ истиннаго Христа, посланнаго Богомъ на спасеніе міра. Но онъ все еще не покидалъ своего дома и не оставлялъ своего занятія, доставляя своимъ домашнимъ необходимое для прожитія; въ этомъ ради престарѣлаго отца помогалъ иногда Симону и братъ его Андрей; такъ жили они до времени призванія Господомъ на апостольское служеніе.

Однажды, послѣ заключенія Іоанна Крестителя въ темницу, Господь Іисусъ Христосъ проходилъ близъ моря Галилейскаго (оно извѣстно еще подъ именемъ моря Тиверіадскаго, или озера Геннисаретскаго) и, увидѣвъ Петра и Андрея, закидывающихъ сѣти въ море, сказалъ имъ:

— Идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ [4]).

Какими же именно ловцами Господь хотѣлъ сдѣлать ихъ—на это Онъ предуказалъ чудесною ловитвою рыбы. Войдя въ лодку Симона—Петра, Христосъ повелѣлъ ему закинуть сѣти, на что̀ Петръ отвѣчалъ:

— Наставникъ! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сѣть.

Сдѣлавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сѣть у нихъ прорывалась, что̀ было прообразомъ духовной апо-

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 29—36.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 38—39.

3) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 41—42. *Кифа*—слово сирское и значитъ камень; то же самое значитъ и греческое слово *Петръ* (пе́тра—скала, камень).

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 18—20.

стольской ловитвы—Апостоламъ предстояло уловить мрежею Слова Божія многіе народы на спасеніе. Увидѣвъ такое чудо, Симонъ—Петръ припалъ къ колѣнамъ Іисуса и сказалъ:

— Выйди отъ меня, Господи! Потому что я человѣкъ грѣшный.

Ужасъ объялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ отъ этого лова рыбъ, ими пойманныхъ. Въ отвѣтъ Петру, призывавшему Господа удалиться отъ него, Спаситель, наоборотъ, призываетъ его слѣдовать за Собою:

— Гряди за Мною—отнынѣ будешь уловлять людей для жизни подобно тому, какъ ранѣе ловилъ рыбъ для смерти[1]).

Стый аплъ
Петръ

Съ этого времени святый Апостолъ Петръ слѣдуетъ за Христомъ, какъ и братъ его Андрей и прочіе только что призванные ученики. Господь любилъ Апостола Петра за его простосердечіе: онъ посѣтилъ бѣдный домъ Симона, гдѣ исцѣлилъ прикосновеніемъ руки его тещу, лежавшую въ горячкѣ. А когда утромъ Господь, вставъ, удалился на молитву въ пустынное мѣсто, то Петръ и бывшіе съ нимъ, не терпя и одного часа быть безъ Господа, пошли за Нимъ, старательно отыскивая любимаго Учителя; и, нашедши Его, сказали Ему:

— Всѣ Тебя ищутъ, Господи[2]).

И не отлучался святый Апостолъ Петръ отъ Господа, но неотступно находился при Немъ, наслаждаясь Его лицезрѣніемъ и Его словами—«сладчайшими паче меда». Онъ былъ очевидцемъ многихъ и великихъ чудесъ Господа, ясно указывавшихъ на Христа какъ Сына Божія, въ Котораго и вѣровалъ безъ всякаго сомнѣнія. А какъ вѣровалъ сердцемъ «въ правду», такъ и устами исповѣдалъ

---

1) Срави.: Еванг. отъ Луки, гл. 5, ст. 1—11.
2) Еванг. отъ Марка, гл. 1, ст. 30—37.

«во спасеніе». Когда Господь пришелъ въ страны Кесаріи Филипповой [1]), то спрашивалъ учениковъ Своихъ:

— За кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго?

Они сказали:

— Одни—за Іоанна Крестителя, другіе—за Илію, а иные—за Іеремію или за одного изъ пророковъ.

Онъ говоритъ имъ:

— А вы за кого почитаете Меня?

Симонъ Петръ отвѣтилъ:

— Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго.

Это истинное исповѣданіе Апостола Господь удостоилъ ублаженія и обѣтованія; Онъ сказалъ святому Петру:

— Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, Сущій на Небесахъ; и Я говорю тебѣ: ты—Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея; и дамъ тебѣ ключи Царства Небеснаго; и что̀ свяжешь на землѣ, то будетъ связано на Небесахъ; и что̀ разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на Небесахъ [2]).

Горѣвшій теплою любовью къ Господу, святый Апостолъ Петръ желалъ, чтобы никакое зло не коснулось Его; поэтому, когда Господь предсказывалъ о Своихъ страданіяхъ, онъ прекословилъ Ему, говоря по невѣдѣнію:

— Будь милостивъ къ Себѣ, Господи! Да не будетъ этого съ Тобою!

Хотя эти слова Апостола и не были угодны Господу Іисусу, Который на то и пришелъ, чтобы Своимъ страданіемъ искупить отъ погибели человѣческій родъ, но тѣмъ не менѣе они внушены были усердною любовію къ Господу; въ нихъ обнаружилось, кромѣ того, и незлобіе Апостола: услышавъ укоризненное слово Господа «отойди отъ Меня, сатана! [3]) Ты Мнѣ соблазнъ», Апостолъ не почувствовалъ гнѣвнаго раздраженія и не удалился отъ Христа Спаси-

---

[1]) Городъ этотъ былъ расположенъ близъ истоковъ Іордана; онъ обстроенъ сыномъ Ирода Филиппомъ въ честь кесаря Тиверія—отсюда и его наименованіе.

[2]) Здѣсь подъ камнемъ разумѣется не Ап. Петръ, а вѣра, исповѣданная имъ, или Самъ Господь; обѣтованіе о дарованіи ключей Царства Небеснаго Господь затѣмъ, по Своемъ воскресеніи, повторилъ и всѣмъ Апостоламъ (Еванг. отъ Іоан., гл. **20**, ст. 21—23).

[3]) *Сатана*—слово сирское, значитъ противникъ; въ тѣсномъ смыслѣ такъ въ Свящ. Писаніи именуется начальникъ злыхъ духовъ (1 Сол., гл. **2**, ст. 18); въ болѣе же широкомъ значеніи слово *сатана* означаетъ вообще противника воли Божіей, хотя бы отъ нѣкоторой простоты и неразумія, какъ это видимъ въ настоящемъ случаѣ со св. Ап. Петромъ.

теля, но, съ любовію выслушавъ порицаніе, еще съ бо́льшимъ усердіемъ слѣдовалъ за Господомъ[1]). Однажды многіе изъ учениковъ, не могшіе вмѣстить словъ Господнихъ[2]), говорили о нихъ:

— Какія странныя слова! Кто можетъ это слушать?

И затѣмъ отошли отъ Спасителя и уже не ходили съ Нимъ. Тогда Господь Іисусъ сказалъ *двенадцати*:

— Не хотите ли и вы отойти?

Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему:

— Господи! Къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго[3]).

Имѣя такую вѣру и такое усердіе къ Господу, святый Апостолъ Петръ дерзнулъ просить у Него дозволенія придти къ Нему по водѣ[4]). Господь не возбранилъ этого. Тогда святый Апостолъ Петръ, выйдя изъ лодки, «пошелъ по водѣ, чтобы подойти къ Іисусу». Но не имѣя, до пріятія Святаго Духа, совершенной твердости въ вѣрѣ, онъ, «видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ:

— Господи! Спаси меня».

Іисусъ тотчасъ простеръ руку, поддержалъ его и говоритъ ему:

— Маловѣрный! Зачѣмъ ты усомнился?[5])

Господь, избавившій святаго Апостола отъ потопленія, избавилъ его и отъ маловѣрія, когда сказалъ ему[6]):

— Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя[7]).

Вмѣстѣ съ двумя другими учениками, Іаковомъ и Іоанномъ, святый Апостолъ Петръ удостоился видѣть на Ѳаворѣ открытую имъ славу Преображенія Господня и своими ушами слышать гласъ Бога Отца, свыше пришедшій къ Господу Іисусу. Объ этомъ святый Апостолъ такъ упоминаетъ въ своемъ Посланіи:

«Мы возвѣстили вамъ силу и пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, не хитросплетеннымъ баснямъ послѣдуя, но бывши очевидцами Его величія. Ибо Онъ принялъ отъ Бога Отца честь

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 13—23.

2) О Таинствѣ пріобщенія Плоти и Крови Христовыхъ. Еваиг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 53—58.

3) Еваиг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 60—69.

4) Подобно тому какъ самъ Господь приближался къ Своимъ ученикамъ по бушующимъ волнамъ Геннисаретскаго озера (Еваиг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 22—27).

5) Еваиг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 28—31.

6) За Тайной Вечерей съ учениками предъ страданіями Своими.

7) Еваиг. отъ Луки, гл. 22, ст. 31—32.

и славу, когда отъ велелѣпной славы принесся къ Нему такой Гласъ: «Сей есть Сынъ Мой Возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе». И этотъ Гласъ, принесшійся съ Небесъ, мы слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ»[1]).

Когда Господь приблизился къ вольнымъ страданіямъ Своимъ и крестной смерти, тогда святый Апостолъ Петръ обнаружилъ свою ревность по Господѣ не только словомъ, сказавъ: «Господи! Съ Тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть идти»[2]),—но и дѣломъ, извлекши мечъ и ударомъ его урѣзавъ ухо рабу архіерея Малху[3]). Хотя Богъ, по смотрѣнію Своему, и попустилъ Апостолу Петру впасть въ трикратное отреченіе отъ Христа Спасителя, Господа нашего, но онъ возсталъ и исправился чрезъ истинное раскаяніе, соединенное съ горькими рыданіями[4]). Святый Петръ, первый изъ всѣхъ Апостоловъ, сподобился увидѣть воскресшаго Господа Іисуса Христа, какъ говоритъ объ этомъ святый Евангелистъ Лука: «Господь истинно воскресъ и явился Симону»[5]); о томъ же пишетъ и святый Апостолъ Павелъ: Христосъ «воскресъ въ третій день по Писанію и явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати»[6]). Узрѣвъ Господа, святый Петръ исполнился невыразимой радости, пріявъ отъ Него и милостивое прощеніе своего грѣха. Трикратное отреченіе отъ Господа онъ окончательно изгладилъ трикратнымъ исповѣданіемъ своей любви къ Спасителю, отвѣчая ему на Его вопросъ трикратный:

— Симонъ Іонинъ! Любишь ли ты Меня?

— Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.

И Христосъ Спаситель возстановилъ Петра въ апостольскомъ достоинствѣ, содѣлавъ его пастыремъ словесныхъ овецъ и вручивъ ему ключи Царства Небеснаго[7]).

По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа святый Петръ, какъ верховный среди Апостоловъ, явился первымъ учителемъ и проповѣдникомъ Слова Божія, пріобрѣтя однимъ часомъ Церкви

---

1) 2 Соб. посл. Петр., гл. 1, ст. 16—18; сравн. Еванг. отъ: Матѳ., гл. 17, Марк., гл. 9, ст. 2 и дал. Лук., гл. 9, ст. 28 и дал.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 22, ст. 33.

3) Еванг. отъ Іоан., гл. 18, ст. 10.

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 69—75.

5) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 34.

6) 1 Посл. къ Коринѳ., 1 гл. 15, ст. 4—5.

7) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 15—17.

Христовой до трехъ тысячъ вѣрующихъ душъ[1]). При этомъ онъ обнаружилъ и великую чудодѣйственную силу. Входя со святымъ Іоанномъ въ храмъ для молитвы, святый Петръ увидѣлъ одного хромого отъ рожденія человѣка, сидѣвшаго при дверяхъ храма, называемыхъ Красными. Онъ, увидѣвъ Петра и Іоанна, просилъ у нихъ милостыни. Петръ съ Іоанномъ, всмотрѣвшись въ него, сказали:

— Взгляни на насъ.

И онъ пристально смотрѣлъ на нихъ, надѣясь получить отъ нихъ что-нибудь. Но Петръ сказалъ:

— Серебра и золота нѣтъ у меня; а что имѣю, то даю тебѣ: во Имя Іисуса Христа Назорея встань и ходи.

«И взявъ его за правую руку, поднялъ; и вдругъ укрѣпились его ступни и колѣна, и, вскочивъ, всталъ, и началъ ходить, и вошелъ съ ними въ храмъ, ходя и скача и хваля Бога».

Чрезъ это чудо и проповѣдь святаго Апостола Петра увѣровало во Христа около пяти тысячъ человѣкъ[2]). Жителей Іерусалима Ананію и жену его Сапфиру святый Петръ умертвилъ словомъ за святотатство и ложь Святому Духу[3]). Въ Лиддѣ[4]) разслабленнаго Енея, восемь лѣтъ лежавшаго на одрѣ, онъ исцѣлилъ, сказавъ ему:

— Еней! Исцѣляетъ тебя Іисусъ Христосъ![5])

Въ Іоппіи[6]) онъ воскресилъ умершую дѣвицу Тавиѳу[7]). И не только руки и слова его были чудодѣйственны, но даже и самая тѣнь его подавала исцѣленія: «такъ что выносили больныхъ на улицы и полагали на постеляхъ и кроватяхъ, дабы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ»[8]).—А когда «царь Иродъ поднялъ руки на нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ къ церкви (въ Іерусалимѣ), чтобы сдѣлать имъ зло», и, убивъ мечомъ Іакова, брата Іоанна[9]), схватилъ святаго Петра и посадилъ въ темницу, сковавъ двумя цѣпями, то Ангелъ Господень ночью разрѣ-

1) Дѣян., гл. 2, ст. 14—41.

2) Дѣян., гл. 3, ст. 1—26; гл. 4, ст. 4.

3) Дѣян., гл. 5, ст. 1—10.

4) *Лидда*—городъ въ Палестинѣ, близъ нынѣшней Рамлы, бывшей Аримаѳеи.

5) Дѣян., гл. 9, ст. 32—34.

6) *Іоппія*—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Азіи на сѣв.-зап. берегу Средиземнаго моря между Кесаріей и Газой.

7) Дѣян., гл. 9, ст. 36—42.

8) Дѣян., гл. 5, ст. 15.

9) *Іакова Зеведеева*, одного изъ двѣнадцати Апостоловъ, родного брата Евангелиста Іоанна. Св. Іаковъ первый изъ Апостоловъ принялъ мученическую смерть въ гоненіе Ирода Агриппы, царя Іудейскаго, въ 44 году по Рождествѣ Христовѣ. Память его—30 апрѣля.

шилъ его отъ оковъ и освободилъ отъ заключенія [1]).—Верховный Апостолъ Петръ первый открылъ дверь вѣры язычникамъ, крестивъ въ Кесаріи [2]) римскаго сотника Корнилія послѣ видѣнія ниспущеннаго съ неба полотна, полнаго четвероногими и гадами, и—гòлоса, повелѣвающаго Петру заколоть все это и ѣсть, и не почитать нечистымъ того, что Богъ очистилъ; видѣніе это было знаменіемъ обращенія ко Христу язычниковъ [3]).—Святый Апостолъ Петръ обличилъ Симона, волхва самаритянина, лицемѣрно принявшаго Крещеніе и хотѣвшаго за деньги купить даръ Святаго Духа:

— Серебро твое,—сказалъ Апостолъ волхву,—да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги: нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое неправо предъ Богомъ; итакъ, покайся въ семъ грѣхѣ твоемъ и молись Богу: можетъ быть, отпустится тебѣ помыслъ сердца твоего, ибо вижу тебя исполненнаго горькой желчи и въ узахъ неправды [4]).

Здѣсь помянутыя и другія дѣянія святаго Апостола Петра болѣе подробно изложены во святомъ Евангеліи и Книгѣ Дѣяній святыхъ Апостоловъ, которыя постоянно читаются въ храмахъ въ слухъ вѣрующихъ. Поэтому не было нужды въ видахъ краткости слова изъ этихъ книгъ Священнаго Писанія брать подробно все, касающееся святаго Апостола Петра; книги эти хорошо должны быть извѣстны православнымъ христіанамъ. О дальнѣйшихъ же благовѣстническихъ подвигахъ и трудахъ святаго Апостола Петра, мало кому извѣстныхъ, святый Симеонъ Метафрастъ [5]) говоритъ слѣдующее.

Изъ Іерусалима [6]) святый Петръ пришелъ въ Кесарію Стратонійскую [7]), гдѣ поставилъ епископа изъ пресвитеровъ, слѣдовавшихъ

---

1) Дѣян., гл. 12, ст. 1—10.

2) Разумѣется *Кесарія Палестинская*, находившаяся на берегу Средиземнаго моря; городъ этотъ былъ возстановленъ Иродомъ Великимъ, который назвалъ его Кесаріею въ честь кесаря Августа. Апостолъ Павелъ во время своихъ проповѣдническихъ путешествій нѣсколько разъ бывалъ здѣсь (Дѣян., 9, 29—30; 18, 28; 21, 8); два года пробылъ здѣсь узникомъ (Дѣян., 23, 33; 24, 27; 25, 4); здѣсь жилъ Апостолъ Филиппъ (Дѣян., 21, 8); здѣсь умеръ Иродъ Агриппа, пораженный Ангеломъ и изъѣденный червями (Дѣян., 12, 19—33).

3) Дѣян., гл. 10.

4) Дѣян., гл. 8, ст. 18—23.

5) *Симеонъ Метафрастъ*—церковный писатель X-го в.

6) *Іерусалимъ*— главный городъ Палестины, нынѣ областной городъ Дамасскаго вилайета (генералъ-губернаторства) въ Сиріи (въ Турецкой имперіи) у ручья Кедрона на склонахъ трехъ отроговъ іудейскихъ горъ—Акра, Сіонъ и Моріа. Іерусалимъ дорогъ всякому христіанину какъ центръ великихъ событій ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи,—какъ матерь Церквей христіанскихъ, откуда слово благовѣстія пронеслось по всей вселенной.

7) *Кесарія Стратонійская*—одно и то же съ Кесаріею Палестинскою.

съ нимъ; исцѣливъ многихъ въ Сидонѣ [1]) и поставивъ здѣсь епископа, онъ прибылъ въ Веритъ [2]) и тутъ также поставивъ епископа; затѣмъ онъ пришелъ въ Вивлы и отсюда—въ Триполь Финикійскій [3]), гдѣ обиталъ у одного разумнаго мужа Марсона, котораго и рукоположилъ во епископа вѣрнымъ этого города. Изъ Триполя онъ пришелъ въ Ореосію; затѣмъ въ Антраду, потомъ на островъ Арадосъ, далѣе въ Валанею, Пантъ и Лаодикію [4]); въ послѣдней онъ исцѣлилъ многихъ больныхъ, изгналъ отъ одержимыхъ нечистыхъ духовъ и собралъ церковь вѣрныхъ, давъ имъ епископа. Изъ Лаодикіи святый Петръ пришелъ въ Антіохію, городъ Сиріи [5]), гдѣ скрывался Симонъ волхвъ отъ воиновъ, посланныхъ Римскимъ императоромъ Клавдіемъ [6]), чтобы его взять; узнавъ о пришествіи святаго Апостола Петра, Симонъ убѣжалъ въ города Іудеи. Въ Антіохіи святый Петръ исцѣлилъ многихъ недужныхъ и послѣ проповѣди о Единомъ Богѣ въ Трехъ Лицахъ поставилъ епископовъ: Маркіана—для Сиракузъ въ Сициліи [7]) и Панкратія—для Тавроменіи [8]). Изъ Антіохіи святый Петръ пришелъ въ Тиніанъ Каппадокійскій [9]), отсюда посѣтилъ Анкиру Галатійскую [10]), въ которой воскресилъ мертвеца и устроилъ церковь, многихъ огласивъ и крестивъ и поставивъ имъ епископа. Оставивъ Анкиру, онъ направился въ Синопъ Понтійскій [11]), а отсюда пришелъ въ Амасію, занимающую средину Понтійской земли. Затѣмъ, побывавъ въ Гангрѣ Пафлагонскомъ [12]), Клавдіополѣ Гоноріадійскомъ и Виѳинійской [13]) Никомидіи, святый Апостолъ остановился въ Никеѣ [14]). Намѣреваясь

1) *Сидонъ*—городъ финикійскій на берегу Средиземнаго моря, вдоль котораго расположена и Финикія.

2) *Веритъ*, или *Беритъ*,—финикійскій городъ, славившійся въ древности какъ разсадникъ просвѣщенія и образованности; нынѣ Беритъ съ именемъ *Бейрутъ* составляетъ главный городъ азіатско-турецкаго вилайета (генералъ-губернаторства) Сиріи, являясь важнымъ торговымъ центромъ.

3) *Библосъ*, *Триполь*—города Финикіи.

4) *Лаодикія*—главный городъ малоазійской области Фригіи.

5) *Сирія*—область азіатской Турціи на восточн. берегу Средиземнаго моря.

6) *Клавдій*—императоръ въ 41 г.—54 г.

7) *Сицилія*—одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря, составляющій нынѣ часть Итальянскаго королевства.

8) *Тавроменія*—значительный городъ на восточномъ берегу Сициліи у горы Тавра—откуда и названіе его.

9) *Каппадокія*—область Малой Азіи на граиицѣ Арменіи и Киликіи.

10) *Галатія*—особая страна въ Малой Азіи, которая граиичила на а. съ Фригіей, на ю.—съ Ликаоніей и Каппадокіей, на в.—съ Понтомъ, на с.—съ Виѳиніей и Пафлагоніей.

11) *Понтъ*—сѣв.-восточн. область Малой Азіи.

12) *Пафлагонія*—суровая горная область въ сѣверной части Малой Азіи.

13) *Виѳинія*—область Малой Азіи, прилегающая съ сѣвера къ Черному морю.

14) *Никея* расположена въ Виѳиніи (см. предыдущ. примѣч.) на восточной конечности

идти въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, онъ изъ Никеи повернулъ назадъ,—пришелъ въ Писсинунтъ, а потомъ въ Каппадокію и Сирію. Снова посѣтивъ Антіохію, онъ, наконецъ, достигъ Іерусалима. Во дни его пребыванія здѣсь къ нему пришелъ, на третій годъ послѣ своего обращенія ко Христу, святый Апостолъ Павелъ, какъ самъ онъ сообщаетъ объ этомъ въ Посланіи Галатамъ:

«Спустя три года, ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ и пробылъ у него дней пятнадцать»[1]).

Уставивъ за это время церковныя законоположенія, святый Павелъ отошелъ на дѣло, къ которому былъ призванъ; святый же Апостолъ Петръ опять посѣтилъ Антіохію, гдѣ поставилъ епископа Еводія; прибывъ, потомъ, въ Синадъ, городъ Фригіи[2]), онъ удалился изъ него въ Никомидію[3]); въ ней онъ поставилъ епископа Прохора,[4]) который и по пріятіи епископства слѣдовалъ за святымъ Іоанномъ Богословомъ. Придя изъ Никомидіи въ Иліонъ, городъ Геллеспонтскій,[5]) святый Апостолъ поставилъ здѣсь епископомъ Корнилія Сотника и возвратился въ Іерусалимъ. Тутъ явился святому Петру въ видѣніи Господь Іисусъ Христосъ, говоря:

— Встань Петръ и иди на Западъ: настало время просвѣтиться ему твоею проповѣдью; Я же пребуду съ тобою.

Въ это время Симонъ волхвъ[6]) былъ уже взятъ искавшими его воинами и приведенъ въ Римъ[7]), чтобы принять наказаніе по своимъ

озера Асканіи; одно время цвѣтущій торговый городъ и даже резиденція царей. Въ исторіи христіанской Церкви замѣчательна тѣмъ, что въ ней происходили Первый (въ 325 г.) и Седьмой (въ 787 г.) Вселенскіе Соборы.

1) Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 18.

2) *Фригія*—область Малой Азіи между Галатіею къ сѣверу, Писидіею и Памфиліею къ югу. Просвѣщена св. Ап. Павломъ.

3) *Никомидія*—городъ въ Виѳиніи.

4) *Св. Прохоръ*—ученикъ Іоанна Богослова со дня Успенія Божіей Матери. Память его—28 іюля.

5) *Геллеспонтомъ* назывался проливъ, отдѣлявшій Ѳракійскій Херсонесъ отъ Азіи (Троада, Малая Фригія).

6) По свидѣтельству св. Іустина мученика *Симонъ волхвъ*, происходившій изъ самарянскаго селенія Гитты, или Титтона, учился философіи въ Александріи, а потомъ прославился какъ магъ, выдавая себя за великую силу Божію. «Въ то время, по римскимъ и греческимъ свидѣтельствамъ, въ разныхъ странахъ греко-римскаго міра являлось множество людей подъ названіемъ маговъ, халдеевъ, математиковъ, заклинателей, которые, обладая нѣкоторымъ знаніемъ таинственныхъ силъ тогда еще мало объясненной природы, выдавали себя за необыкновенныхъ людей и исцѣленіемъ нѣкоторыхъ болѣзней, заговоромъ, гаданьями, прорицательствомъ, чародѣяніями, шарлатанской таинственностію и разными ухищреніями такъ дѣйствовали на невѣжественныя народныя массы, что во множествѣ увлекали ихъ за собою и слыли за нѣчто необыкновенное». Къ разряду подобныхъ людей относится и Симонъ волхвъ.

7) *Римъ*—главный городъ Римскаго государства, лежитъ въ средней части Италіи, въ области Лаціума, по обѣимъ сторонамъ рѣки Тибра при впаденіи ея въ море.

дѣламъ. Но онъ, омрачивъ волшебною хитростью умы многихъ, такъ обольстилъ ихъ, что не только не понесъ наказанія, а даже многими началъ почитаться какъ богъ. Этотъ предтеча сатаны настолько изумилъ своимъ волшебствомъ самого кесаря Клавдія, что была изваяна статуя волхва и поставлена между двумя мостами на Тибрѣ съ такой надписью: «Симону, святому богу». Объ этомъ подробно пишутъ Іустинъ[1]) и Ириней[2]). Мы же (говоритъ Симеонъ Метафрастъ) возвратимся къ предстоящему намъ слову. Великій Петръ, возвѣстивъ братіи о бывшемъ ему видѣніи, простился съ ними и, посѣщая Церкви, снова прибылъ въ Антіохію, гдѣ засталъ святаго Апостола Павла. Здѣсь онъ поставилъ епископовъ: Урвана—Тарсу[3]), Епафродита—Левкіи Адріатійской, Апеллія, брата Поликарпа[4]),—Смирнѣ[5]) и Фигелла—Ефесу[6]); о послѣднемъ говорятъ, что онъ, уклонившись съ праваго пути, вступилъ въ общеніе съ Симономъ. Изъ Антіохіи святый Петръ пришелъ въ Македонію[7]), гдѣ тоже поставилъ епископовъ: Олимпа—Филипписсіямъ[8]), Іасона—Солунянамъ[9]) и Коринѳянамъ[10])—Силу, ко-

1) Память его—1 числа настоящаго мѣсяца.

2) *Св. Ириней*, по его собственнымъ словамъ, въ юности слушалъ въ Малой Азіи св. Поликарпа, еп. Смирнскаго, и другихъ учениковъ апостольскихъ. Съ Востока онъ былъ посланъ св. Поликарпомъ въ Галлію для вспомоществованія св. Поѳину, еп. Ліонскому, въ проповѣданіи Христовой вѣры. Поставленный св. Поѳиномъ во пресвитера св. Ириней во время гоненія на христіанъ въ Галліи въ 177 году показалъ ревность свою по Христѣ; въ слѣдующемъ 178 году онъ былъ избранъ преемникомъ мученически скончавшагося св. Поѳина. Въ санѣ епископа онъ многихъ обратилъ ко Христу. Когда послѣдователи гностика (еретика) Валентина стали распространять ересь своего учителя въ Галліи, св. Иринеей боролся съ ними и устно, и письменно. Къ этому времени должно отнести появленіе знаменитыхъ книгъ его въ «обличеніе лжеименному разуму». Около 196 года еп. Римскій Викторъ произнесъ отлученіе на Восточныя Церкви за то, что послѣднія не согласились съ нимъ въ вопросѣ о времени празднованія Пасхи. Св. Иринеей кроткими, но твердыми обличеніями довелъ Виктора до примиренія съ Востокомъ. Въ 202 г. въ гоненіе Септимія Севера св. Иринеей съ многими изъ своей паствы отошелъ ко Господу. Изъ многочисленныхъ сочиненій св. Иринея одни извѣстны только по названіямъ, отъ другихъ же уцѣлѣли незначительныя отрывки. Въ полномъ видѣ сохранилось обширное и болѣе важное сочиненіе «Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія», болѣе извѣстное подъ именемъ «Пять книгъ противъ ересей». Память св. Иринея—23 августа.

3) См. стр. 652, примѣч. 2-ое.

4) *Поликарпа*, еп. Смирнскаго, ученика св. Іоанна Богослова. Память его—23 февраля.

5) *Смирна*—городъ малоазійскій въ Лидіи, на рѣчкѣ Мелесѣ.

6) См. стр. 666, примѣч. 1-ое.

7) См. стр. 661, примѣч. 4-ое.

8) Городъ *Филиппы*, къ христіанамъ котораго св. Ап. Павелъ написалъ Посланіе, находился въ Македоніи, при рѣкѣ Стримонѣ, невдалекѣ отъ Эгейскаго моря; былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ этой области, почему писатель книги Дѣяній и называетъ его первымъ (πρώτη гл. 16, ст. 12); Церковь въ Филиппахъ была основана св. Ап. Павломъ во время второго его апостольскаго путешествія.

9) *Солунь*, или *Ѳессалоники*,—городъ Македоніи, нынѣ *Салоники*.

10) См. стр. 664, примѣч. 4-ое.

тораго нашелъ пребывающимъ у святаго Апостола Павла. Поставивъ въ Патрѣ епископомъ Иродіона, святый Петръ отплылъ въ Сицилію и, придя въ Тавроменію, на короткое время остановился у Панкратія, краснорѣчивѣйшаго мужа; огласивъ и крестивъ здѣсь нѣкоего Максима и поставивъ его епископомъ, онъ прибылъ въ Римъ.

Въ Римѣ святый Апостолъ Петръ на площадяхъ и въ домахъ ежедневно проповѣдовалъ о Единомъ Богѣ—Отцѣ Всемогущемъ, и Единомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ Сынѣ Божіемъ, Богѣ Истинномъ отъ Бога Истиннаго, и Единомъ Духѣ Святомъ, Господа Животворящемъ; и многихъ онъ привлекъ къ Христовой вѣрѣ, избавивъ Святымъ Крещеніемъ отъ обольщенія идолопоклонствомъ. Видя все это, Симонъ волхвъ не хотѣлъ молчать и таить своей злобы на святаго Петра,—онъ почиталъ себѣ за посрамленіе проповѣдь Апостола, которою ниспровергалась его слава. И началъ волхвъ открыто препятствовать истинному ученію Апостола своими лживыми словами и дѣлами,—безъ всякаго стыда онъ прекословилъ святому Петру среди города. Волхвъ обольщалъ народъ, возбуждая въ немъ странныя мечты; онъ показывалъ предшествующія и послѣдующія за нимъ привидѣнія, о которыхъ говорилъ народу, что это души умершихъ; показывалъ онъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ, кланявшихся ему, какъ богу; исцѣлялъ хромыхъ, возвращая имъ способность ходить и скакать. Но все это было не дѣйствительность, а призракъ, подобный баснословному Протею [1]), видоизмѣнявшемуся различнымъ образомъ: то являвшемуся съ двумя лицами, то, спустя немногое время, превращавшемуся въ козу, змѣя, птицу, то уподоблявшемуся огню, словомъ—принимавшему на себя всякій видъ для прельщенія безумныхъ. Но достаточно было великому Апостолу Господню взглянуть на дѣла Симона—и тотчасъ исчезали волхвованія послѣдняго.

О борьбѣ святаго Апостола Петра съ Симономъ волхвомъ, кромѣ Метафраста, слѣдующее сообщаютъ Прологъ и Великія Минеи-Четіи:

Когда святый Петръ пришелъ въ Римъ и узналъ, что Симонъ,

---

[1]) *Протей*—вѣщій морской старецъ, одинъ изъ баснословныхъ греческихъ боговъ, подвластныхъ Посейдону, богу моря, пасшій тюленьи стада богини Амфитриды. Мѣстопребываніемъ его считался островъ Форосъ, или Корпаеосъ, куда онъ выходилъ отдыхать изъ воды въ тѣни прибрежныхъ скалъ. Чтобы получить отъ него предсказаніе, его надо было поймать и удержать силою или хитростію, такъ какъ онъ принималъ различные виды, часто ускользая такимъ образомъ отъ ожидавшихъ отъ него предвѣстій.

называя себя Христомъ, творитъ предъ глазами народа великіе чудеса, то, возгорѣвшись ревностію по Истинномъ Богѣ, онъ отправился къ дому Симона, у воротъ котораго нашелъ большую толпу людей; они возбраняли Апостолу проникнуть внутрь дома. Тогда святый Петръ сказалъ:

— Зачѣмъ препятствуете мнѣ пройти къ льстивому волхву?

— Онъ не волхвъ,—отвѣчали изъ толпы,—но сильный богъ; онъ поставилъ у воротъ своихъ сторожа, знающаго помышленія человѣческія.

Съ этими словами святому Апостолу указали на чернаго пса, лежавшаго въ воротахъ, замѣтивъ:

— Эта собака умерщвляетъ всѣхъ, думающихъ о Симонѣ неправду.

— Я истину о немъ говорю,—подтвердилъ святый Петръ,— Симонъ отъ бѣса.

Затѣмъ, приблизившись ко псу, Апостолъ сказалъ:

— Иди и передай Симону: Петръ, Апостолъ Христовъ, хочетъ войти къ тебѣ.

Песъ пошелъ и человѣческою рѣчью передалъ Симону то, что приказалъ святый Апостолъ Петръ. Всѣ, слышавшіе, какъ говорилъ песъ, ужасались. Симонъ, въ свою очередь, послалъ того же пса со словами:

— Пусть войдетъ сюда Петръ.

Когда святый Апостолъ вошелъ въ домъ, Симонъ началъ свое волхвованіе предъ народомъ на глазахъ у святаго Петра. Святый же Апостолъ съ помощію силы Христовой явилъ бо́льшія чудеса. Какія же именно? Изъ многихъ этихъ чудесъ слѣдующее великое чудо вспоминаетъ древній церковный историкъ Грекъ Егезиппъ, жившій около времени Апостоловъ[1]). Въ Римѣ у одной благородной вдовы, изъ царскаго рода, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ сынъ; и безутѣшно плакала о немъ его матерь. Жалѣвшіе ее вспомнили о мужахъ, явившихся въ Римѣ, о Петрѣ и Симонѣ волхвѣ—что

[1]) *Егезиппъ* — авторъ «Достопамятностей» (ὑπομνήματα), сочиненія въ 5 книгахъ, не дошедшаго до насъ. Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіи, очень отрывочныя, даетъ отецъ церковной исторіи Евсевій, еп. Кесарійскій. Онъ сообщаетъ, что Егезиппъ былъ христіаниномъ изъ Евреевъ, жившій во второмъ вѣкѣ; совершалъ путешествіе въ Коринѳъ и Римъ, гдѣ прожилъ очень долго, встрѣчаясь здѣсь со многими епископами и ведя съ ними бесѣды по догматическимъ вопросамъ. Умеръ Егезиппъ въ царствованіе Коммода (180—192). О содержаніи и характерѣ сочиненія Егезиппа трудно сказать что-либо опредѣленное; можно только замѣтить, что, по всей вѣроятности, оно носило характеръ историко-обличительный, будучи направленнымъ противъ гностическихъ ересей.

они воскрешаютъ мертвыхъ; и вотъ, одни призвали къ умершему Петра, а другіе—Симона. На погребеніе юноши собралось много людей знатныхъ и народа. И сказалъ святый Петръ Симону волхву, величавшемуся предъ всѣмъ народомъ своей силой:

— Кто изъ насъ воскреситъ сего мертвеца, того ученіе должно быть признано какъ истинное.

Народъ одобрилъ рѣшеніе Апостола. Симонъ же, надѣясь на свою волшебную хитрость, обратился къ народу:

— Если я воскрешу мертваго,—убьете ли вы Петра?

— Живого сожжемъ предъ твоими глазами!—закричалъ народъ.

Приступивъ къ одру умершаго, Симонъ началъ свое волшебство и, при содѣйствіи бѣсовъ, достигъ того, что мертвый двинулъ своею головою. И тотчасъ народъ началъ кричать, что юноша живъ — что онъ воскресъ. Святаго же Петра не медля хотѣли вести на сожженіе. Апостолъ же, давъ знакъ рукою, просилъ помолчать и, когда наступила тишина, сказалъ:

— Если юноша живъ дѣйствительно, то пусть онъ встанетъ, и говоритъ, и ходитъ; пока же этого не увидите, не сомнѣвайтесь, что Симонъ обольщаетъ васъ своимъ волшебствомъ.

Симонъ долго ходилъ кругомъ одра, призывая бѣсовскую силу, но безуспѣшно; тогда онъ хотѣлъ бѣжать со стыда; народъ же задержалъ его. А святый Петръ, истинный чудотворецъ, воскресившій Тавиѳу и содѣлавшій многіе иные славныя чудеса, ставъ вдали, поднялъ къ Небу очи и руки и началъ молиться:

«Господи Іисусе Христе, повелѣвшій намъ Твоимъ Именемъ воскрешать мертвыхъ, молю Тебя—оживотвори сего юношу, да познаютъ предстоящіе здѣсь, что Ты—Богъ Истинный и нѣтъ иного, кромѣ Тебя, живущаго и царствующаго съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь».

Послѣ этой молитвы онъ воззвалъ къ мертвецу:

— Юноша! Встань—тебя исцѣляетъ и воскрешаетъ Господь мой Іисусъ Христосъ.

И тотчасъ мертвый открылъ глаза, поднялся и началъ ходить и говорить.

Это повѣствованіе Егезиппа дополняетъ Маркеллъ Римлянинъ—сначала ученикъ Симона волхва, впослѣдствіи просвѣщенный Апостоломъ Петромъ святою вѣрою и Святымъ Крещеніемъ. Въ своемъ посланіи къ святымъ мученикамъ Неріону и Архиллію Маркеллъ говоритъ о воскрешенномъ святымъ Апостоломъ юношѣ:

Юноша, припавъ къ ногамъ святаго Петра, восклицалъ:

— Я видѣлъ Господа Іисуса, повелѣвающаго Ангеламъ возвратить меня, по твоему моленію, моей вдовствующей матери.

Тогда весь народъ сталъ взывать:

— Единъ Богъ и нѣтъ иного, кромѣ исповѣдуемаго Петромъ!

Симонъ же волхвъ бѣжалъ, придавъ бѣсовскою силою своей головѣ видъ собачьей; тѣмъ не менѣе народъ схватилъ его, причемъ одни хотѣли его побить камнями, а другіе—сжечь. Но святый Апостолъ Петръ воспротивился этому, сказавъ:

— Нашъ Господь и Учитель не повелѣлъ воздавать за зло зломъ,—пустите его; пусть идетъ куда хочетъ: съ него довольно стыда, поношенія и убѣжденія въ безпомощности своего волшебства.

Освобожденный Симонъ,—передаетъ Маркеллъ,—пришелъ ко мнѣ, предполагая, что я ничего не знаю о чудесномъ происшествіи. Симонъ привязалъ къ воротамъ моего дома желѣзной цѣпью громаднаго пса и говорилъ мнѣ:

— Посмотрю,—придетъ ли къ тебѣ Петръ по своему обыкновенію.

И черезъ часъ подошелъ къ дверямъ святый Петръ, отвязалъ пса, сказавъ ему:

— Поди скажи Симону волхву: перестань прельщать бѣсовскою силою людей, за которыхъ Христосъ пролилъ Свою Кровь.

Песъ пошелъ и передалъ, какъ человѣкъ, Симону слова Апостола. Услышавъ это (говоритъ Маркеллъ), я поспѣшилъ встрѣтить святаго Петра и пріялъ его съ честью въ свой домъ; Симона же и пса выгналъ вонъ. Песъ же, не вредя никому другому, бросился на самого Симона и, схвативъ его зубами, повалилъ на землю. Увидѣвъ это изъ окна, святый Петръ Именемъ Христовымъ запретилъ псу касаться тѣла Симона. И песъ, не трогая тѣла волхва, изорвалъ всю его одежду, такъ что онъ сталъ совершенно голымъ. При видѣ этого народъ кричалъ на Симона, насмѣхаясь и браня его; а затѣмъ его выгнали вмѣстѣ со псомъ изъ города. Отъ такого сраму и стыда Симонъ цѣлый годъ не показывался въ Римѣ,—пока преемникъ Клавдія Неронъ[1]), царь нечестивый, не услыхалъ отъ злыхъ людей похвалъ злобному волхву; Неронъ отыскалъ Симона, очень полюбилъ его и приблизилъ къ себѣ какъ друга.

[1]) *Императоръ Неронъ* — правилъ въ 54—68 гг.

Прологъ же и Великія Минеи, кромѣ того, говорятъ еще слѣдующее о Симонѣ волхвѣ.

Симонъ волхвъ приказалъ себя усѣчь мечомъ, обѣщаясь на третій день воскреснуть; вмѣсто же себя онъ поставилъ подъ мечъ овна, придавъ ему способность казаться человѣкомъ. Такъ овенъ и былъ усѣченъ вмѣсто волхва. Святый же Петръ, отгнавъ бѣсовское наваждѣніе, обличилъ ложь Симона: всѣ увидѣли, что въ голову усѣченъ не Симонъ, а овенъ.

Объ окончательной же побѣдѣ святаго Петра надъ волхвомъ, погубившей послѣдняго, всѣ согласно передаютъ такимъ образомъ.

Не будучи въ состояніи ни въ чемъ побѣдить святаго Апостола Петра и не вынося болѣе стыда и посрамленія, волхвъ обѣщался вознестись на Небо. Собравъ всѣхъ служившихъ ему бѣсовъ, Симонъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ пришелъ на средину города Рима къ одному высокому зданію; поднявшись на послѣднее, онъ началъ съ высоты зданія гнѣвно говорить народу:

— Такъ какъ вы, римляне, до сихъ поръ пребываете въ своемъ безуміи и, оставивъ меня, слѣдуете за Петромъ, то и я покидаю васъ; уже не буду я защищать городъ, но повелю моимъ ангеламъ взять меня на вашихъ глазахъ на свои руки и вознесусь къ отцу моему на Небо, откуда ниспошлю на васъ великія казни за то, что вы не послушали словъ моихъ и не вѣровали моимъ дѣламъ.

Такъ сказавъ, волхвъ всплеснулъ руками и бросился въ воздухъ; поддерживаемый бѣсами, онъ началъ летать по воздуху, поднимаясь вверхъ. Люди же въ сильномъ изумленіи говорили другъ другу:

— Это дѣло Божіе—летать съ плотью по воздуху!

Великій же Апостолъ Петръ началъ громко, въ услышаніе всѣхъ, молиться Богу:

— Господи Іисусе Христе, Боже мой! Обличи прелесть волхва сего, дабы не соблазнились вѣрующіе въ Тебя!

А потомъ онъ воззвалъ:

— Вамъ, о бѣсы! повелѣваю Именемъ Бога моего: не носите его болѣе, но оставьте его тамъ, гдѣ онъ сейчасъ находится въ воздухѣ.

И тотчасъ бѣсы, повинуясь запрещенію Апостола, покинули Симона въ воздухѣ; и полетѣлъ окаянный волхвъ на землю, какъ нѣкогда діаволъ, сверженный съ Неба долу, и, упавши, разбился. Присутствовавшій при этомъ народъ долго восклицалъ:

— Великъ Богъ, проповѣдуемый Петромъ, и воистину нѣтъ иного Бога, кромѣ Него!

Упавшій же волхвъ, хотя и сильно разбился, но, по Божію устроенію, былъ еще живъ, чтобы познать безсиліе окаянныхъ бѣсовъ и свое собственное, исполниться посрамленія и уразумѣть силу Всемогущаго Бога. Съ раздробленными членами лежалъ онъ на землѣ, испытывая невыразимыя страданія, а наутро съ мученіемъ извергъ свою нечистую душу, предавъ ее въ руки бѣсовъ, чтобы отнести въ адъ къ сатанѣ, отцу ихъ. Святый же Петръ послѣ низверженія Симона сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и, давъ знакъ рукою къ молчанію, началъ учить народъ познанію Истиннаго Бога; и многихъ своимъ продолжительнымъ словомъ обратилъ къ христіанской вѣрѣ.

Царь Неронъ, узнавъ о позорной кончинѣ своего друга, чрезвычайно разгнѣвался на святаго Петра и хотѣлъ его убить. Но, какъ повѣствуетъ святый Метафрастъ, яростный царь не тотчасъ, а лишь спустя нѣсколько лѣтъ исполнилъ свое злобное намѣреніе относительно святаго Апостола Петра. По смерти Симона волхва святый Петръ пробылъ въ Римѣ недолго; обративъ многихъ и крестивъ, утвердивъ Церковь и поставивъ епископомъ Лина, онъ потелъ изъ Рима въ Тарракину[1]), гдѣ Епафродита (другого, а не вышепомянутаго) поставилъ епископомъ. Прибывъ въ Сирмію, городъ Испаніи, и рукоположивъ здѣсь во епископа Епенета, онъ удалился въ Карѳагенъ, въ Африкѣ, гдѣ посвятилъ во епископа Крискента. Достигнувъ Египта, онъ поставилъ въ немъ епископовъ: Седмовратнымъ Ѳивамъ — Руфа, Александріи — Евангелиста Марка. Затѣмъ, по откровенію, онъ былъ въ Іерусалимѣ въ день Успенія Пречистой Дѣвы Маріи Богородицы, и снова возвратился въ Египетъ. Пройдя Африку, онъ достигъ Рима, отсюда пришелъ въ Медіоланъ[2]) и потомъ Фотикинъ, гдѣ поставилъ епископовъ и пресвитеровъ. Удалившись въ Британію[3]), онъ прожилъ здѣсь долгое время, привлекши многіе народы къ вѣрѣ Христовой. Въ Британіи святому Апостолу Петру было явленіе Ангела, сказавшаго ему:

---

1) *Тарракина*, или *Тарраконъ* — древнее иберійское поселеніе на вост. берегу Испаніи между Пиринеями и Иберомъ, у рѣки Тульциса.

2) Вѣроятно, находившійся въ Галліи.

3) Подъ именемъ *Британіи* древніе первоначально разумѣли всѣ острова, лежавшіе къ сѣв. отъ Галліи между Нѣмецкимъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ. Британіей назывался преимущественно самый большой изъ нихъ, носившій туземное наименованіе Альбіона.

— Петръ! Приблизилось время твоего отшествія изъ этой жизни. Тебѣ должно идти въ Римъ, гдѣ, претерпѣвши крестную смерть, ты получишь достойное воздаяніе отъ Христа Господа.

Возблагодаривъ Бога, святый Петръ послѣ явленія остался на нѣсколько дней въ Британіи, утверждая Церкви, поставляя епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Въ двѣнадцатый годъ правленія Нерона онъ прибылъ въ Римъ и поставилъ, какъ помощника въ церковномъ управленіи, епископомъ Климента, хотя послѣдній и отказывался, не желая возлагать на себя такое иго. Внявъ увѣщаніямъ Апостола, Климентъ, какъ послушный сынъ, преклонилъ свою выю подъ Христовъ яремъ и вмѣстѣ съ учителемъ своимъ и прочими священными мужами влекъ колесницу Слова Божія. И многіе въ Римѣ благородные и знатные мужи и жены просвѣщались вѣрою и Святымъ Крещеніемъ. Были же у царя Нерона двѣ жены замѣчательной красоты, которыхъ онъ любилъ болѣе всѣхъ прочихъ своихъ наложницъ. Принявъ святую вѣру, онѣ рѣшили вести цѣломудренную жизнь и не хотѣли повиноваться похотнымъ желаніямъ царя. Онъ же, безстыднѣйшій и ненасытимый блудникъ, разгнѣвался за это на всю Церковь вѣрныхъ, а особенно — на Апостола Петра, виновника обращенія ко Христу помянутыхъ женъ, начавшихъ цѣломудренную жизнь. Вспомнилъ царь и смерть любимаго друга Симона волхва и началъ искать святаго Петра для смертной казни. Вышепомянутый церковный историкъ Егезиппъ сообщаетъ, что когда святаго Петра искали для убіенія, вѣрные просили его, ради пользы многихъ, скрыться,—удалиться изъ Рима. Апостолъ никакъ не соглашался на это, желая лучше за Христа страдать и умереть; вѣрующіе же съ плачемъ умоляли Апостола сохранить жизнь свою, столь нужную Святой Церкви, обуреваемой среди невѣрныхъ волнами бѣдъ. Склонившись на слезныя мольбы всего словеснаго стада, святый Петръ далъ обѣщаніе скрыться изъ города и въ слѣдующую ночь, простившись со всѣми послѣ соборнаго моленія, удалился одинъ. И когда онъ былъ у городскихъ воротъ, то увидѣлъ идущаго ему навстрѣчу въ городъ Господа Іисуса Христа; поклонившись ему, святый Петръ спросилъ:

— Куда идешь, Господи?

— Иду въ Римъ, чтобы снова распяться, — отвѣтилъ ему Господь и сталъ невидимъ.

Изумленный Апостолъ понялъ, что Христосъ, страдающій въ

рабахъ Своихъ, какъ въ Своихъ дѣйствительныхъ членахъ, хочетъ и въ его тѣлѣ пострадать въ Римѣ. Поэтому онъ опять возвратился къ вѣрнымъ и былъ взятъ воинами на смерть. Святый Метафрастъ говоритъ, что святый Петръ былъ взятъ не одинъ, а съ множествомъ вѣрныхъ, среди коихъ находились: Климентъ, Иродіонъ, Олимпъ; ихъ мучитель осудилъ на усѣкновеніе мечомъ, а святаго Апостола Петра—на распятіе. Взявши осужденныхъ, воины повели ихъ на мѣсто казни; Климента какъ родственника царскаго они пощадили, отпустивъ на свободу; Иродіона же и Олимпа, пришедшихъ въ Римъ съ Апостоломъ Петромъ, вмѣстѣ съ многими вѣрующими убили мечомъ. Святый же Петръ молилъ своихъ распинателей, чтобы распяли его внизъ головой, почитая этимъ Господа своего, на крестѣ распявшагося волею,—онъ не хотѣлъ уподобляться Ему въ образѣ распятія, желая подъ ноги Его преклонить свою голову. Такъ скончался великій Апостолъ Господень, святый Петръ, прославивъ Бога крестною смертью: терпя великую муку отъ гвоздей въ рукахъ и ногахъ, онъ предалъ непорочную душу свою въ руки Божіи 29 іюня [1]). Ученикъ его, святый Климентъ, испросивъ тѣло Апостола, снялъ его со креста, опряталъ и, созвавъ оставшихся вѣрныхъ и святителей, похоронилъ съ честію; также предали честно́му погребенію тѣла и пострадавшихъ съ нимъ Иродіона, Олимпа и прочихъ вѣрныхъ, славя Христа Бога, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

---

[1]) *Св. Ап. Петръ* скончался въ 67 г. по Рождествѣ Христовѣ въ одно время со св. Ап. Павломъ. Св. Ап. Петръ былъ погребенъ на Ватиканскомъ холмѣ, а св. Ап. Павелъ.—близъ Остійской дороги недалеко отъ Рима. По преданію Римской Церкви, главы обоихъ Апостоловъ хранятся въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ; тѣло же св. Петра почиваетъ въ Ватиканскомъ соборѣ, а св. Павла — въ загородной церкви его по Остійской дорогѣ.—Отъ св. Ап. Петра св. Церковь имѣетъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, два его Соборныя посланія; изъ нихъ первое написано около 65 г. въ Вавилонѣ, а второе — незадолго до кончины въ Римѣ. Въ этихъ Посланіяхъ св. Ап. Петръ убѣждаетъ христіанъ проводить жизнь строгую, святую и воздержную, достойную ихъ высокаго званія, предостерегая отъ увлеченія соблазнами язычества и отъ проповѣди грядущихъ лжеучителей.

ЖИТІЕ, ПОДВИГИ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО СЛАВНАГО и ВСЕХВАЛЬНАГО ВЕРХОВНАГО АПОСТОЛА

ПАВЛА

Святый Апостолъ Павелъ, прежде апостольства называемый Савлъ [1]), по происхожденію былъ еврей отъ племени Веніаминова; родился онъ въ Тарсѣ киликійскомъ, отъ родителей знатныхъ, жившихъ прежде въ Римѣ, потомъ переселившихся въ Тарсъ киликійскій [2]) съ почетнымъ званіемъ римскихъ гражданъ, посему и Павелъ назывался римскимъ гражданиномъ. Онъ приходился сродникомъ святому первомученику Стефану и (вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ) посланъ былъ родителями въ Іерусалимъ для изученія Моисеева Закона; тамъ онъ былъ въ числѣ учениковъ славнаго въ Іерусалимѣ учителя Гамаліила. Товарищемъ по ученію и другомъ его былъ Варнава, ставшій потомъ Апостоломъ Христовымъ. Савлъ основательно изучилъ Законъ отцовъ, сдѣлался великимъ приверженцемъ его и присоединился къ партіи фарисеевъ

---

1) *Савлъ* — еврейское имя, значитъ «желанный», «вымоленный»; *Павелъ* — имя римское, значитъ «малый». Нѣкоторые ученые думаютъ, что онъ былъ долгожданный, первороженный сынъ и получилъ оба имени при самомъ рожденіи — какъ римскій гражданинъ, по отцу. А святитель Димитрій Ростовскій, слѣдуя мнѣнію св. Златоуста, Амвросія и др., думаетъ, что Савлъ при самомъ Крещеніи переименованъ былъ въ Павла. Въ книгѣ же Дѣяній Апостольскихъ нѣтъ никакого свѣдѣнія, когда и по какой причинѣ совершилась эта перемѣна имени.

2) *Тарсъ* — нѣкогда большой и населенный городъ на юго-востокѣ Малой Азіи, главный въ провинціи Киликіи, при р. Кидиѣ, недалеко отъ Средиземнаго моря. И нынѣ онъ значительный и торговый городъ съ 40 тысячами жителей.

(строгихъ ревнителей всего отечественнаго и наружно благочестивыхъ).

Въ то время въ Іерусалимѣ и въ окрестныхъ городахъ и странахъ святые Апостолы распространяли благовѣстіе Христово; при семъ у нихъ часто происходили долгіе споры съ фарисеями и саддукеями (отвергавшими преданіе и не вѣрившими въ безсмертіе души) и со всѣми книжниками и законоучителями іудейскими, которые постоянно ненавидѣли и преслѣдовали проповѣдниковъ Христовыхъ. Ненавидѣлъ святыхъ Апостоловъ и Савлъ, и даже слушать не хотѣлъ той проповѣди о Христѣ, издѣвался надъ Варнавою (уже ставшимъ Апостоломъ Христовымъ) и произносилъ хулу на Господа Христа. А когда святый первомученикъ Стефанъ былъ побиваемъ камнями отъ Іудеевъ, Савлъ не только не сожалѣлъ о родной ему крови, невинно проливаемой, но и одобрялъ убійство и сторожилъ одежды Іудеевъ, поражавшихъ Стефана. Послѣ того, испросивъ себѣ полномочіе отъ архіереевъ и старѣйшинъ іудейскихъ, онъ еще съ большею яростію терзалъ Церковь (собраніе вѣрныхъ): входя въ домы и схватывая мужчинъ и женщинъ, отсылалъ ихъ въ темницы. Не удовлетворяясь гоненіемъ вѣрныхъ въ Іерусалимѣ и продолжая дышать угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, онъ отправился и въ Дамаскъ[1]) съ письмами первосвященника къ синагогамъ, чтобы и тамъ, кого найдетъ изъ вѣрующихъ въ Христа, и мужчинъ и женщинъ, связавъ, приводить въ Іерусалимъ. Это происходило въ царствованіе Тиверія[2]).

Когда Савлъ приближался уже къ Дамаску, вдругъ осіялъ его свѣтъ съ Неба (такъ внезапно, сильно и ослѣпительно, что онъ упалъ на землю), и въ то же мгновеніе услышалъ Голосъ, говорившій ему:

— Сáвле, Сáвле, что́ мѧ го́ниши?

---

[1]) *Дамаскъ* — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра. Уже во времена царя Давида онъ былъ главнымъ городомъ самостоятельнаго государства; еще до Рождества Христова подпалъ подъ власть Римлянъ. Вѣра Христова утверждена была здѣсь разсѣявшимися послѣ убіенія Стефана учениками Господа. Синагоги дамасскія были подвластны іерусалимскому первосвященнику; въ религіозныя дѣла Евреевъ гражданская власть не вмѣшивалась. Въ Дамаскѣ и доселѣ указываютъ домъ, гдѣ Апостолу Павлу преподано было Крещеніе, и мѣсто, откуда онъ былъ спущенъ по стѣнѣ. Въ 1516 г. Дамаскъ присоединенъ къ Турецкой имперіи и нынѣ весьма торговый и богатый городъ, съ 200 тысячами жителей. Отъ Іерусалима онъ расположенъ къ сѣверо-востоку, въ разстояніи около 200 верстъ, въ Сиріи, при подошвѣ Антиливана.

[2]) *Тиверій* — Римскій императоръ, съ 14 г. по 37 г. по Р. Хр. При немъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ.

Онъ же, полный изумленія, спросилъ:

— Кто̀ е̂сѝ, гд҃и?

Господь же сказалъ:

— А҆зъ е̂смь і҃исъ, его́же ты̀ го́ниши: жестоко́ ти е̂сть проти́ву рожну́ пра́ти [1]).

Савлъ въ трепетѣ и ужасѣ спросилъ:

— Гд҃и, что́ мѧ хо́щеши твори́ти?

И Господь сказалъ:

— Воста́ни и҆ вни́ди во гра́дъ, и҆ рече́тсѧ тѝ, что́ ти подоба́етъ твори́ти [2]).

Въ ужасѣ были и воины, шедшіе съ Савломъ, и, пораженные необыкновеннымъ свѣтомъ, стояли въ оцѣпенѣніи: Голосъ, говорящій къ Савлу, они слышали, а никого не видѣли.

По повелѣнію Господа, Савлъ всталъ съ земли и съ открытыми глазами своими никого не видѣлъ: ослѣпли тѣлесныя его очи, но начали прозирать очи духовныя.

Проводники и помощники Савла повели его за руку и привели въ Дамаскъ; тамъ онъ пробылъ три дня, ничего не видя, и въ чувствѣ раскаянія не ѣлъ и не пилъ, и только непрестанно молился, чтобы Господь открылъ ему волю Свою.

Въ Дамаскѣ же былъ святый апостолъ Ананія [3]), которому Господь, явясь въ видѣніи, повелѣлъ отыскать Савла, жившаго въ дому нѣкоего мужа, по имени Іуды, и просвѣтить тѣлесныя его очи прикосновеніемъ, а душевныя—Святымъ Крещеніемъ.

Апостолъ отвѣчалъ:

— Гд҃и, слы́шахъ ѿ мно́гихъ ѡ҆ мѫ́жи се́мъ, кѡли́ка зла̂ сотвори́ сты́мъ [4]) твои́мъ во і҃ерли́мѣ: и҆ здѣ̀ и҃мать вла́сть ѿ а҆рхі҃ере́й, связа́ти всѣ̂ нарица́ющыѧ и҃мѧ твоѐ.

Но Господь сказалъ ему:

— И҆ди́, ꙗ҆кѡ сосу́дъ и҆збра́нъ мн҃ѣ е̂сть се́й, пронести́ и҃мѧ моѐ пред҃ ꙗ҆зы́ки и҆ царьмѝ, и҆ сынмѝ і҃и́левыми. а҆́зъ бо скажу́ ѥ̂мѹ̀, е̂ли́ка подоба́етъ ѥ̂мѹ̀ ѡ҆ и҃мени мое́мъ пострада́ти [5]).

---

[1]) *Противу рожну прати*—народная пословица, выражающая тщету усилій противодѣйствовать силѣ неодолимой, а тѣмъ болѣе — всемогущей, божественной.

[2]) Дѣян., гл. 9, ст. 4—6.

[3]) *Ананія*—былъ христіаниномъ изъ Іудеевъ, потомъ поставленъ епископомъ въ Дамаскѣ и скончался мученически—побитъ камнями въ Елевѳерополѣ (между Іерусалимомъ и Газою).—Память его — 1 октября.

[4]) *Святымъ твоимъ*—такъ назывались въ первое время христіане — по освященіи ихъ во Христа, по ихъ непорочной жизни и любви взаимной.

[5]) Дѣян., гл. 9, ст. 13—16.—«*Предъ языки*» (т. е. язычниками); они поставлены на

Стый ⷭ҃лъ
Па҃велъ

Святый Ананія, отправясь по повелѣнію Господню и отыскавъ Савла, возложилъ на него руки: и тотчасъ какъ бы чешуя отпала отъ глазъ его, вдругъ онъ прозрѣлъ и, вставъ, принялъ Крещеніе и исполнился Духа Святаго, посвящающаго его въ апостольское служеніе, и переименованъ былъ изъ Савла въ Павла, и немедленно началъ проповѣдовать въ синагогахъ объ Іисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій [1]).

И всѣ слышавшіе удивлялись (этой перемѣнѣ въ мысляхъ гонителя Церкви Христовой) и говорили:

— **Не сéй ли ёсть гонúвый во їерⷭ҃салúмѣ нарицáющымъ ймⷯ сїѐ; и зд҃ѣ на сїѐ прїúде, да сⷯ҃заны ты҃мъ приведéтъ ко ⷭ҃рхїерéемъ?** [2])

А Савлъ болѣе и болѣе укрѣплялся въ вѣрѣ и приводилъ въ замѣшательство Іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ, доказывая имъ, что Сей есть Христосъ (т. е. обѣтованный Мессія). Іудеи наконецъ воспылали на него гнѣвомъ, согласились убить его и сторожили у воротъ городскихъ день и ночь, чтобы онъ не убѣжалъ отъ нихъ. Ученики же Христовы, бывшіе въ Дамаскѣ съ Ананіей, узнавши о совѣщаніи Іудеевъ, рѣшившихъ убить Павла, взяли его и ночью въ корзинѣ спустили изъ окна дома, примыкавшаго къ городской стѣнѣ. Онъ

первомъ планѣ въ знакъ того, что Павелъ будетъ проповѣдникомъ преимущественно между ними. «*Скажу ему*»—слова Господа успокоительныя для Ананіи; смыслъ ихъ: иди, не опасайся: теперь никто изъ христіанъ не пострадаетъ отъ Савла, напротивъ, онъ самъ пострадаетъ за Имя Мое.

[1]) «*Возложилъ руки*»—въ знакъ сообщенія ему благодати Господней еще до Крещенія: все, касающееся Павла, хотя совершалось чрезъ человѣка, но Самъ Богъ былъ совершителемъ всего.—«*Чешуя отпала*»: это было лишь внутреннее ощущеніе Павла; ему показалось, что какъ бы чешуя отпала отъ глазъ его. Немедленная послѣ того проповѣдь его въ Дамаскѣ показываетъ пламенный духъ его и всецѣлое принятіе вѣры во Христа.

[2]) Дѣян., гл. 9, ст. 21.

же, вышедши изъ Дамаска, не тотчасъ направился къ Іерусалиму, но прежде пошелъ въ Аравію [1]), какъ самъ о томъ пишетъ въ посланіи къ Галатамъ:

— Не приложи́хся (говоритъ) пло́ти и́ кро́ви, ни взыдо́хъ во Іерусали́мъ къ пе́рвѣйшымъ мене́ апо́столомъ: но и́дохъ во Ара́вію, и па́ки возврати́хся въ дама́скъ. Пото́мъ же по трі́ехъ лѣ́тѣхъ взыдо́хъ во Іерусали́мъ согла́дати петра́ [2]).

Пришедши же въ Іерусалимъ, Павелъ святый старался присоединиться къ ученикамъ Господа, но тѣ опасались сего, не вѣря, что и онъ уже ученикъ Господень. Святый же Апостолъ Варнава, увидѣвъ его и убѣдившись въ обращеніи его ко Христу, обрадовался и, взявъ его за руку, привелъ къ Апостоламъ, и Павелъ разсказалъ имъ, какъ онъ на пути видѣлъ Господа, и что сказалъ ему Господь, и какъ онъ—Павелъ—въ Дамаскѣ смѣло проповѣдовалъ во Имя Іисуса. И святые Апостолы исполнились радости и прославили Господа Христа. Павелъ же святый и въ Іерусалимѣ о Имени Господа Іисуса состязался съ Іудеями и еллинистами [3]) и доказывалъ имъ, что Іисусъ есть предсказанный Пророками Христосъ.

Однажды, стоя въ церкви и молясь, Павелъ неожиданно и непроизвольно пришелъ въ изступленіе [4]) и увидѣлъ Господа. Господь сказалъ ему:

— Потщи́ся и́ и́зыди ско́рш и́з Іерусали́ма, зане́ не прі́имутъ свидѣ́тельства твоегѡ́, е́же ѡ́ мнѣ́ [5]).

Павелъ же сказалъ:

— Гд҃и, са́ми вѣ́дятъ, я́кш а́зъ бѣ́хъ вса́ждаа́ въ темни́цѹ и бі́а́ по со́нмищахъ вѣ́рующыя въ тя́. и е́гда и́злива́шеся кро́вь стефа́на, свидѣ́теля твоегѡ́, и са́мъ бѣ́хъ стоа́ и соизволя́а уѹбі́е́нію е́гѡ́ и стрегі́й ри́зъ уѹбива́ющихъ е́го́ [6]).

---

1) Подробности пребыванія его въ Аравіи совершенно неизвѣстны. Вѣроятно, онъ предавался изученію Писанія и готовился къ новой дѣятельности, указаниой ему Господомъ.

2) Посл. къ Гал., гл. 1, ст. 16—18.

3) *Еллинистами* иазывались Іудеи, жившіе въ разныхъ странахъ языческаго міра и говорившіе на распространеиномъ тогда греческомъ языкѣ.

4) *Изступленіе* (иначе—*экстазъ*)—необычайное состояніе человѣка, не по волѣ его бывающее, когда въ бодрственномъ его положеніи внѣшній міръ какъ бы закрывается для его *тѣлесныхъ* чувствъ, а *внутреннему* чувству его открываются явленія невидимаго, духовнаго міра, какія Богу угодно даровать ему въ видѣніи; въ такомъ состояніи былъ и Апостолъ Петръ во время молитвы на кровлѣ дома въ Іоппіи.

5) Дѣян., гл. 22, ст. 18.

6) Дѣян., гл. 22, ст. 19—20.

И сказалъ ему Господь:

— Йди, ꙗ҃кѡ а҃зъ во ꙗ҃зы́ки дале́че послю́ тѧ[1]).

Послѣ сего видѣнія Павелъ святый, хотя и желалъ еще нѣсколько дней пробыть въ Іерусалимѣ, утѣшаясь свиданіемъ и бесѣдою съ Апостолами, но не могъ: Іудеи, съ коими онъ спорилъ о Христѣ, разъярились и хотѣли убить его. Узнавъ о семъ, іерусалимскіе христіане проводили его въ Кесарію[2]) и оттуда моремъ отправили въ Тарсъ (на его родину), гдѣ онъ и пробылъ нѣсколько времени, проповѣдуя соотечественникамъ Слово Божіе.

Сюда же потомъ, по внушенію Святаго Духа, пришелъ Варнава и взялъ Павла съ собою въ Антіохію Сирійскую, зная о назначеніи его быть Апостоломъ язычниковъ; проповѣдуя здѣсь цѣлый годъ въ синагогахъ, они многихъ обратили ко Христу и назвали ихъ христіанами[3]). По прошествіи же года оба святые Апостолы, Варнава и Павелъ, возвратились въ Іерусалимъ и разсказали святымъ Апостоламъ то, что произвела благодать Божія въ Антіохіи, и весьма обрадовали Христову Церковь въ Іерусалимѣ[4]). При этомъ они принесли обильную милостыню отъ доброхотныхъ жертвователей въ Антіохіи въ пользу жившихъ въ Іудеѣ братій нищихъ и убогихъ[5]), такъ какъ въ то время, въ царствованіе Клавдія[6]), былъ великій голодъ, предсказанный, по особен-

---

1) Дѣян., гл. 22, ст. 21.

2) *Кесарія* — въ древности названіе многихъ городовъ Римской имперіи. Здѣсь разумѣется Кесарія въ Палестинѣ, построенная Стратономъ въ честь кесаря Октавія Августа, при Средиземномъ морѣ, вдетъ около 100 отъ Іерусалима къ сѣверо-западу, бывшая мѣстопребываніемъ римскихъ правителей Іудеи; она была укрѣплена и украшена Иродомъ, нѣкогда съ превосходною гаванью; нынѣ—груда развалинъ. Въ Палестинѣ была и другая Кесарія, при подошвѣ горы Ливана, построенная тетрархомъ галилейскимъ Филиппомъ въ честь кесаря Тиверія и называвшаяся Кесаріей Филипповой (въ древности она называлась Вансей).

3) Названіе *христіанъ* произошло не въ средѣ послѣдователей Господа, которые обыкновенно называли другъ друга братіями, учениками, вѣрующими; оно употреблялось сначала внѣ Церкви и вѣроятнѣе всего дано послѣдователямъ Господа язычниками антіохійскими, которые, встрѣчая очень значительное число вѣрующихъ, перестали считать ихъ за секту іудейскую и придали христіанству самостоятельное значеніе.

4) «Церковь въ Іерусалимѣ», то есть: общее богослужебное собраніе христіанъ; церкви же, какъ зданія, явились позднѣе. Святые апостолы Іасонъ и Сосипатръ едва ли не первые воздвигли въ Керкирейскомъ островѣ (нынѣ Корфу, одинъ изъ Іоническихъ острововъ, близъ Албаніи) прекрасную церковь во имя св. первомученика Стефана.

5) Это было первое единеніе Церкви Христовой изъ язычниковъ съ Церковію изъ Іудеевъ, въ коемъ торжественно выразилась братская любовь; вмѣстѣ съ тѣмъ это было свидѣтельствомъ великой благодати Божіей, дѣйствующей въ Церкви изъ язычниковъ.

6) *Клавдій кесарь*, преемникъ Калигулы, занималъ римскій престолъ съ 41 г. по 54 г. по Р. Хр.; въ продолженіе этого времени голодъ не разъ свирѣпствовалъ въ разныхъ областяхъ Римской имперіи.

ному откровенію Святаго Духа, святымъ Агавомъ, однимъ изъ 70 апостоловъ [1]).

Вышедши изъ Іерусалима, Варнава и Павелъ опять пришли въ Антіохію. Когда они пробыли здѣсь нѣсколько времени въ постѣ и молитвахъ, въ служеніи Божественной Литургіи и въ проповѣданіи Слова Божія, благоугодно было Святому Духу послать ихъ къ язычникамъ на проповѣдь [2]). Духъ Святый сказалъ къ старѣйшинамъ въ Антіохійскомъ собраніи:

— Ѿдѣли́те мн҃ варна́ву и са́ула на дѣ́ло, на не́же призва́хъ и҃хъ [3]).

Тогда пресвитеръ, совершивъ постъ и молитву и возложивъ на нихъ руки, отпустилъ ихъ [4]).

По внушенію Святаго Духа, Варнава и Павелъ пришли въ Селевкію [5]) и оттуда отплыли въ островъ Кипръ (на родину Апостола Варнавы). Здѣсь, бывши въ Саламинѣ [6]), проповѣдовали Слово Божіе въ синагогахъ іудейскихъ и прошли весь островъ даже до Пафа [7]), гдѣ нашли они нѣкоего Елима (волхва) лжепророка іудеянина, именемъ Варіисуса, который находился при тамошнемъ проконсулѣ Сергіѣ Павлѣ, мужѣ разумномъ и, какъ видно, имѣлъ вліяніе на него. Проконсулъ, призвавъ Варнаву и Савла, пожелалъ услышать отъ нихъ Слово Божіе и внималъ ихъ про-

---

1) Память св. *Агава* совершается 8 апрѣля и 4 января (соборъ 70 апостоловъ).

2) «*Благоугодно было Духу Святому*», т. е. въ общемъ собраніи Антіохійской Церкви, когда происходило Богослужеиіе съ совершеніемъ Евхаристіи, одинъ или нѣсколько пророковъ, участвовавшихъ въ Богослуженіи, выразили внушеніе Св. Духа—отдѣлить Варнаву и Савла на проповѣдь къ язычникамъ. А можетъ быть, и сами Апостолы Варнава и Павелъ объяснили собранію призваніе ихъ, и собраніе отпустило ихъ. Такимъ образомъ здѣсь начинается первое апостольское путешествіе св. Павла. Онъ приготовленъ былъ къ нему чрезвычайнымъ откровеніемъ—*восхищеніемъ до третіяго небесе* (2 Кор., гл. 12, ст. 1—5). Для всемогущества Божія, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову изъ тѣла; но трудно (замѣчаетъ св. Златоустъ) усмотрѣть необходимость въ таковомъ безпримѣрномъ для самихъ святыхъ людей отлученіи въ живомъ человѣкѣ души отъ тѣла. «Міръ духовный, куда восхищенъ былъ Павелъ, какъ неподлежащій пространству, существуетъ вездѣ; а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась способность къ сообщенію съ нимъ, и онъ, оставаясь въ тѣлѣ безъ всякой перемѣны мѣста, можетъ быть на Небѣ—въ обществѣ Ангеловъ и блаженныхъ душъ» (Иннок. Херс.).

3) Дѣян., гл. 13, ст. 2.

4) Совершеніе при семъ особаго поста и молитвы показывало, что Церковь Іерусалимская признавала дѣломъ особой важности посольство Павла и Варнавы на проповѣдь язычникамъ.

5) *Селевкія*—небольшой портовый городъ при рѣкѣ Оронтѣ, при впаденіи рѣки въ море.

6) *Саламинъ*—приморской городъ, гдѣ Апостолы высадились.

7) *Пафъ*—главный городъ острова Кипра, мѣстопребываніе правителя, находился на берегу, противоположномъ Саламину: очевидно, Апостолы прошли чрезъ весь островъ и, конечно, проповѣдовали о Христѣ.

повѣди. А Елима волхвъ, противляясь имъ, старался отвратить проконсула отъ вѣры. Святый же Павелъ, исполнившись Духа Святаго и устремивъ взоръ на волхва, сказалъ:

— **О̃ йспо́лненне всѧ́кїѧ лъстѝ, и̂ всѧ́кїѧ зло́бы, сы́не дїа́волъ, вра́же всѧ́кїѧ пра́вды, не преста́неши ли развраща́ѧ пу́тї̂ гд̃ни пра́выѧ; и̂ нын҃ѣ се рꙋ́ка гд̃нѧ на тѧ̀, и̂ бꙋ́деши слѣ́пъ, не ви́дѧ со́лнца до вре́мене**[1]).

И вдругъ напалъ на волхва мракъ и тьма, и онъ, обращаясь туда и сюда, искалъ вожатаго.

Тогда проконсулъ, увидѣвъ происшедшее, вполнѣ увѣровалъ, дивясь ученію Господню. Увѣровало съ нимъ и много народа, и увеличивалось собраніе вѣрныхъ.

Отплывъ изъ Пафа, Павелъ и бывшіе при немъ прибыли въ Пергію, что въ Памфиліи, изъ Пергіи — въ Антіохію Писидійскую[2]). Здѣсь они проповѣдовали о Христѣ, и когда уже многихъ привели къ вѣрѣ, то завистливые Іудеи подстрекнули начальныхъ въ городѣ людей, приверженныхъ къ язычеству и, съ помощію ихъ, изгнали Апостоловъ святыхъ изъ города и окрестностей его.

Апостолы, отрясши здѣсь прахъ отъ ногъ своихъ, пошли въ Иконію[3]) и, пребывая тамъ довольно времени, смѣло проповѣдовали, и привели къ вѣрѣ великое множество Іудеевъ и язычниковъ, не только проповѣдію, но и знаменіями и чудесами, которыя совершались руками ихъ; тамъ они обратили и святую дѣву Ѳеклу[4]) и уневѣстили ее Христу. А невѣрующіе Іудеи возбуждали язычниковъ и начальниковъ ихъ воспротивиться Апостоламъ и побить ихъ каменіемъ. Узнавъ о семъ, Апостолы удалились въ Ликаонскіе города—Листру и Дервію—и въ окрестности ихъ[5]).

Благовѣствуя въ Листрѣ, они исцѣлили нѣкоего человѣка, ко-

---

1) Дѣян., гл. 13, ст. 10—11.

2) *Антіохія Писидійская* — римская колонія; въ ней Павелъ и Варнава впервые проповѣдовали Евангеліе язычникамъ. Ее необходимо отличать отъ сирійской Антіохіи, или селевкійской. Послѣдняя основана за 300 лѣтъ до Р. Хр. при рѣкѣ Оронтѣ, въ 30 верстахъ отъ моря, Селевкомъ Никаторомъ, основателемъ царства Селевкидовъ, какъ одна изъ многочисленныхъ греческихъ колоній; она быстро стала однимъ изъ обширныхъ и знаменитыхъ городовъ Сиріи и столицею ея. Въ Церкви христіанской она занимала второе мѣсто послѣ Іерусалима; предстоятели ея получили титулъ Патріарха, теперь ихъ резиденція въ Дамаскѣ. А сама Антіохія нынѣ бѣдный городъ турецкій—Антакія.

3) *Иконія*—на юго-востокъ отъ Антіохіи Писидійской, въ Малой Азіи, при подошвѣ горы Тавра; городъ, бывшій нѣкогда главнымъ въ Ликаонской епархіи.

4) Память ея — 24 сентября.

5) *Ликаонія*—область Малой Азіи, сосѣдняя съ Писидіею; Листра и Дервія—небольшіе города въ ней, на юго-востокѣ отъ Иконіи.

торый былъ хромъ отъ чрева матери своей и никогда не ходилъ; Именемъ Христовымъ они воздвигли его на ноги, и онъ тотчасъ всталъ и сталъ ходить. Народъ, увидѣвъ это чудо, возвысилъ свой голосъ, говоря по-ликаонски:

— **Бо́зи оу҃подо́бьшесѧ человѣ́кwмъ снидо́ша къ на́мъ**[1]).

И называли Варнаву Зевсомъ, а Павла Ерміемъ[2]), и, приведя воловъ и принеся вѣнки, хотѣли принести Апостоламъ жертвы. Но Варнава и Павелъ (услышавъ о семъ) разодрали свои одежды и, подойдя къ народу, громко говорили:

— **Мѫ́жіе, что҆ сі́и҃ творите́; и҆ мы҆ подобострастни ѥ҆смы҆ ва́мъ человѣ́цы**[3]).

И предложили къ нимъ слово о Единомъ Богѣ, Который сотворилъ Небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ, и посылаетъ съ неба дожди и времена плодоносныя, и исполняетъ пищею и веселіемъ сердца людей. И говоря сіе, они едва убѣдили народъ не приносить имъ жертвы.

Въ то время, какъ они пребывали въ Листрѣ и учили, пришли нѣкоторые Іудеи изъ Антіохіи и Иконіи и убѣждали народъ отстать отъ Апостоловъ, дерзко говоря, что они не говорятъ ничего истиннаго, а все лгутъ, и еще на худшее возбудили легковѣрныхъ, ибо Павла святаго, какъ главнаго проповѣдника, побили камнями и вытащили за городъ, считая его уже умершимъ.

Онъ же (при помощи вѣрующихъ), поднявшись, вошелъ опять въ городъ, а на другой день удалился съ Варнавою въ Дервію. Проповѣдавъ Евангеліе въ семъ городѣ и пріобрѣтши довольно учениковъ, они обратно проходили Листру, Иконію и Антіохію, утверждая души учениковъ и умоляя ихъ пребывать въ вѣрѣ. Рукоположивъ имъ пресвитеровъ къ каждой Церкви, они помолились, соблюдая постъ, и предали ихъ Господу, въ Коего увѣровали.

Потомъ, прошедши чрезъ Писидію, пришли въ Памфилію[4]) и, проповѣдавъ слово Господне въ Пергіи, сошли въ Атталію[5]), а изъ нея отплыли въ Антіохію Сирскую, откуда первоначально были посланы Духомъ Святымъ проповѣдовать язычникамъ Слово

---

[1]) Дѣян., гл. 14, ст. 11.

[2]) *Зевсъ* и *Ермій* (иначе *Юпитеръ* и *Меркурій*)—имена языческихъ боговъ—главнаго и вѣстника воли его, иногда его сопровождавшаго, покровителя торговли, посредника между людьми и богами.

[3]) Дѣян., гл. 14, ст. 15.

[4]) *Писидія* и *Памфилія*—области Малой Азіи, къ юго-западу отъ Ликаоніи.

[5]) Нынѣ *Адалія*, прибрежный городъ въ Памфилін, къ юго-востоку отъ Пергіи.

Господне. И, прибывъ въ Антіохію, собрали вѣрныхъ, и разсказали всѣмъ, что сотворилъ Богъ съ ними и сколько народа языческаго приведено ко Христу.

Спустя нѣкоторое время между вѣровавшими Іудеями и еллинистами въ Антіохіи возникъ споръ относительно обрѣзанія: одни говорили, что невозможно спастись безъ обрѣзанія, другіе считали обрѣзаніе тяжелымъ для себя дѣломъ. Посему оказалось нужнымъ Апостолу Павлу съ Варнавою идти въ Іерусалимъ къ старѣйшимъ Апостоламъ и пресвитерамъ—спросить у нихъ мнѣнія касательно обрѣзанія и при этомъ извѣстить ихъ, что Богъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ; сею послѣднею вѣстью они весьма обрадовали всю братію Іерусалимскую.

Въ Іерусалимѣ, на соборномъ совѣщаніи, святые Апостолы и пресвитеры совершенно устранили ветхозавѣтное обрѣзаніе—какъ ненужное при новой благодати, и заповѣдали только—воздерживаться отъ идоложертвенной пищи, отъ блудныхъ дѣлъ и чтобы ничѣмъ не обижали ближняго, и съ этимъ рѣшеніемъ отпустили изъ Іерусалима въ Антіохію Павла и Варнаву, а съ ними—Іуду и Силу.

Пришедши въ Антіохію, Апостолы пробыли тамъ довольно времени и опять отправились къ язычникамъ, разлучась другъ отъ друга: Іуда возвратился въ Іерусалимъ; Варнава, взявъ съ собой Марка, сродника своего, направился въ Кипръ; а Павелъ, избравъ Силу, пошелъ въ Сирію и Киликію и, проходя тамошніе города, утверждалъ вѣрныхъ. Пришедши въ Дервію и Листру, онъ обрѣзалъ въ Листрѣ Тимоѳея, ученика своего, чтобы только утолить ропотъ іудействующихъ христіанъ[1]), и взялъ его съ собою. Оттуда отправился во Фригію и Галатійскую страну, потомъ пришелъ въ Мисію и думалъ было идти въ Виѳинію[2]), но это не угодно было Духу Святому[3]). Ибо когда Павелъ находился съ своими спутниками въ Троадѣ[4]), было ему ночью слѣдующее ви-

---

1) *Тимоѳей* былъ сыномъ іудеянки (принявшей христіанство) и язычника, и самъ искренній христіанинъ, одобряемый братіями; съ его согласія Павелъ обрѣзалъ его, «*ради іудеевъ*», такъ какъ они ни за что бы не рѣшились слушать Слово Божіе отъ необрѣзаннаго, котораго отецъ притомъ былъ язычникомъ.

2) *Фригія* и *Галатія*—внутреннія области Малой Азіи; *Мисія* и *Виѳинія*—сѣверо-западныя области въ ней.

3) Дѣйствія Духа не указаны дѣписателемъ, были ли онѣ внѣшнія или внутреннія, но Апостолы ясно сознавали ихъ какъ непосредственныя дѣйствія Духа Святаго.

4) *Троада*—приморскій городъ, откуда недалеко было переправиться моремъ въ Европу. *Македонія*—приморская область, прилегавшая къ Архипелагу съ сѣверо-запада.

дѣніе: какой-то мужъ, по виду Македонянинъ, сталъ предъ нимъ и умолялъ его, говоря:

— **Пришéдъ въ македóнію, помози́ нáмъ**[1]).

Изъ этого видѣнія Павелъ понялъ, что Господь зоветъ его на проповѣдь въ Македонію. И, отплывъ изъ Троады, прибылъ на островъ Самоѳраки, на другой день въ Неаполь[2]), оттуда въ Филиппы, ближайшій городъ Македоніи, бывшій колоніею Римлянъ. Въ Филиппахъ онъ прежде всего научилъ Христовой вѣрѣ и крестилъ женщину Лидію, торговавшую багряницею (тканями и одеждами багрянаго, или краснаго, цвѣта); она упросила его поселиться съ учениками своими въ ея домѣ.

Однажды, когда Павелъ шелъ съ учениками въ собраніе на молитву, встрѣтила его какая-то служанка, одержимая нечистымъ духомъ прорицательнымъ, которая прорицаніями доставляла большой доходъ господамъ своимъ. Идя за Павломъ и его спутниками, она кричала, говоря:

— **Сíи человѣ́цы рабú бга вы́шнягw сѫть, и҃же возвѣщáютъ нáмъ пѫть спасéніѧ**[3]).

Это она повторяла много дней.

Павелъ, вознегодовавъ[4]), обратился къ ней и, запретивъ духу Именемъ Іисуса Христа, изгналъ его изъ нея.

Тогда господа ея, видя, что потеряна надежда дохода ихъ, схватили Павла и Силу и повели ихъ къ начальникамъ города, говоря:

— **Сíи человѣ́цы возмѫщáютъ грáдъ нáшъ, і҃удéе суще, ѝ завѣщиваю́тъ wбы́чаи, и҃же не достóитъ нáмъ прїимáти, ни творúти, рúмлянwмъ сущымъ**[5]).

Воеводы, сорвавъ съ Апостоловъ одежды, велѣли бить ихъ палками и, давъ имъ много ударовъ, ввергли ихъ въ темницу. Здѣсь, около полуночи, когда Павелъ и Сила молились, потрясласъ темница, отворились всѣ ея двери, и узы ослабѣли. Увидѣвъ это, сторожъ темницы увѣровалъ во Христа, привелъ Апостоловъ въ домъ свой, тамъ омылъ раны ихъ, немедленно крестился

---

1) Дѣян., гл. 16, ст. 9.

2) *Неаполь* — приморскій городъ Ѳракіи, первый европейскій городъ, нынѣ Кавана.

3) Дѣян., гл. 16, ст. 17.

4) Павелъ вознегодовалъ на это исповѣданіе нечистаго духа, не желая имѣть опору своей проповѣди со стороны врага Бога и человѣковъ, какъ и Самъ Господь не принималъ исповѣданія демоновъ (Еванг. отъ Марка, 1, 24—25, 34; 3, 11—12 и др.).

5) Дѣян., гл. 16, ст. 20—21.

самъ со всѣмъ домомъ своимъ и предложилъ имъ трапезу. И Апостолы опять возвратились въ темницу.

На другой день начальники города одумались, что они жестоко наказали невинныхъ людей, и послали служителей въ темницу съ приказаніемъ отпустить Апостоловъ на свободу,—пусть идутъ, куда хотятъ.

Но Павелъ сказалъ къ нимъ:

— **Би́вше на́съ пред̀ людьми́, нєwсѹжде́ныхъ человѣ́кwвъ, ри́млянъ сѹщихъ, всади́ша въ темни́цѹ: и ны́нѣ ѿ́тай и́зведѹтъ на́съ; ни́ бо: но да при́шедше са́ми и́зведѹтъ на́съ** [1]).

И посланные, возвратясь, пересказали слова Павла воеводамъ, воеводы испугались, что узники, коихъ они избили, оказались римскими гражданами; и, пришедши къ нимъ, упросили ихъ выйти изъ темницы и изъ города. Они же, вышедши изъ темницы, пришли сначала въ домъ Лидіи, у которой прежде жили, и обрадовали собравшихся тамъ вѣрныхъ. Простившись съ ними, отправились въ Амфиполь и Аполлонію и оттуда — въ Солунь [2]).

Въ Солунѣ, когда они уже многихъ пріобрѣли благовѣстіемъ, завистливые Іудеи, собравъ нѣсколько негодныхъ людей, устремились къ дому Іасона, гдѣ пребывали Апостолы Христовы. И не найдя тамъ Апостоловъ, схватили Іасона и нѣкоторыхъ братьевъ и повлекли ихъ къ начальникамъ города, клевеща на нихъ какъ на противниковъ Кесаря, которые признаютъ царемъ другаго— именно Іисуса. И едва освободился Іасонъ отъ этой напасти.

А святые Апостолы, успѣвъ скрыться отъ сихъ враждебныхъ людей, ночью вышли изъ Солуня и пришли въ Берію [3]); но и тамъ злобная зависть іудейская не дала покоя святому Павлу: когда солунскіе Іудеи узнали, что и въ Беріи проповѣдано Павломъ Слово Божіе, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народъ и подстрекая его противъ Павла. Вынужденъ былъ Апостолъ святый и оттуда уйти — не изъ личной боязни смерти, но по настоянію братіи, да сохранитъ жизнь свою ради спасенія многихъ, и братія отпустили его къ морю. Сопутниковъ же своихъ — Силу и

---

1) Дѣян., гл. 16, ст. 37.

2) *Амфиполь*—главный городъ въ 1-мъ округѣ Македоніи, къ юго-западу отъ Филиппъ; *Аполлонія*—(нынѣ городокъ Ериссо) къ юго-западу отъ Амфиполя, въ сѣверной части Аѳонскаго полуострова; *Солунь* (или *Θεσσαλονικα*)—главный городъ во 2-мъ округѣ Македонін, при заливѣ Егейскаго моря, нынѣ важный торговый городъ Турціи, складочное мѣсто Македонской торговли.

3) *Берія*—городъ къ юго-западу отъ Солуня.

Тимоѳея—Апостолъ оставилъ въ Беріи, чтобы утвердили въ вѣрѣ новообращенныхъ, такъ какъ онъ зналъ, что Іудеи только его одного головы ищутъ. Самъ же онъ сѣлъ въ корабль и отплылъ въ Аѳины [1]).

Въ Аѳинахъ Павелъ возмутился духомъ при видѣ идоловъ, наполнявшихъ сей городъ, и скорбѣлъ о погибели столькихъ душъ. Онъ сталъ толковать въ синагогахъ съ Іудеями и ежедневно на площадяхъ съ Греками и философами ихъ. Слушатели привели его въ Ареопагъ (такъ называлось мѣсто, гдѣ при идольскомъ храмѣ производился общественный судъ). Привели же его туда отчасти для того, чтобы выслушать отъ него въ бывшемъ собраніи что-то новое, а отчасти и для того (какъ думаетъ Златоустъ святый), чтобы предать его суду, мукамъ и смерти, если услышатъ отъ него что-нибудь, достойное казни.

Павелъ же святый, еще прежде увидѣвъ въ городѣ какой-то жертвенникъ, на которомъ было написано: «невѣдомому богу», началъ свою рѣчь по этому поводу и сталъ проповѣдывать имъ Истиннаго Бога, доселѣ невѣдомаго имъ, говоря:

— **Є҆гѡ́же не вѣ́дꙋще бл҃голѣ́пнѣ чтете́, сего́ а҆́зъ проповѣ́дꙋю ва́мъ** [2]).

И началъ сказывать имъ о Богѣ—Создателѣ всего міра, и о покаяніи, и о судѣ, и о воскресеніи мертвыхъ.

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни изъ слушателей насмѣхались, а другіе еще болѣе о семъ хотѣли услышать. И вышелъ Павелъ изъ собранія ихъ неосужденный — какъ не виновный ни въ чемъ; а Слово Божіе, проповѣданное имъ, было не безъ пользы для пріобрѣтенія душъ: ибо нѣкоторые мужи, приставъ къ нему, увѣровали во Христа; между ними былъ Діонисій Ареопагитъ [3]) и нѣкая знатная женщина, по имени Дамарь, и другіе многіе, и крестились.

Оставивъ Аѳины, Павелъ пришелъ въ Коринѳъ [4]) и жилъ тамъ у нѣкоего іудеянина, по имени Акилы; сюда пришли къ нему

---

1) *Аѳины* — главный городъ Греціи, средоточіе тогдашней греческой науки, искусства и торговли. По преданію, основанъ около 1550 г. до Р. Хр., въ долгой жизни своей былъ столицею царства, республики, герцогства, въ XV в. завоеванъ Турками, въ XIX в. освободился отъ нихъ и сталъ столицею Греческаго королевства.

2) Дѣян., гл. 17, ст. 23.

3) Память его — 3 октября.

4) *Коринѳъ* — къ западу отъ Аѳинъ, на перешейкѣ, извѣстнѣйшій въ древности по своей обширной торговлѣ, резиденція тогда римскаго правителя.

и Сила съ Тимоѳеемъ изъ Македоніи, и вмѣстѣ проповѣдывали о Христѣ. Былъ же Акила съ своею женою Прискиллою ремесломъ шатерникъ; Павлу было знакомо это ремесло, и онъ работалъ вмѣстѣ съ ними, и трудомъ своимъ пріобрѣталъ пищу себѣ и сопутникамъ, какъ самъ объ этомъ говоритъ въ посланіи къ Солунянамъ:

— **Нижѐ тл҃не хлѣбъ ꙗдо́хомъ оу҆ когѡ̀: но въ трꙋдѣ̀ и̂ по́двизѣ, но́щь и̂ де́нь дѣ́лающе, да не ѡ҆тꙗгчи́мъ никогѡ́же ѿ васъ**[1]).

И опять:

— **Тре́бованїю моемꙋ̀ и̂ сꙋ́щымъ со мно́ю послꙋ́жи́стѣ рꙋ́цѣ моѝ сі́и**[2]).

А во всякую субботу убѣждалъ въ синагогахъ Іудеевъ, доказывая, что Іисусъ есть Христосъ. Но такъ какъ они упорно противились и злословили, то онъ, отрясши одежды свои, сказалъ имъ:

— **Кро́вь ва́ша на глава́хъ ва́шихъ, чи́стъ а҃зъ, ѿ ны́нѣ во ꙗ҆зы́ки и̂ду́**[3]).

И когда онъ рѣшилъ уйти изъ Коринѳа, явился ему Господь въ видѣніи, ночью, и сказалъ:

— **Не бо́йсѧ, но глаго́ли, и̂ да не оу҆мо́лкнеши, занѐ а҃зъ е҃смь съ тобо́ю, и̂ никто́же приложи́тъ ѡ҆зло́бити тѧ̀: занѐ лю́дїе сꙋ́ть мн҃ѣ мно́зи во гра́дѣ се́мъ**[4]).

И оставался Павелъ въ Коринѳѣ годъ и шесть мѣсяцевъ, поучая Слову Божію Іудеевъ и Грековъ, и многіе увѣровали и крестились, и самъ начальникъ синагоги, Криспъ, увѣровалъ въ Господа со всѣмъ домомъ своимъ и крестился. А нѣкоторые, изъ неувѣровавшихъ Іудеевъ, напали цѣлой толпою на Павла и привели его предъ судилище къ проконсулу Галліону (который былъ братомъ философа Сенеки[5]), но онъ отказался судить Павла, говоря:

— Если бы отъ него была какая-нибудь обида или злой умыселъ, то я имѣлъ бы основаніе выслушать васъ и судилъ бы его; а въ спорѣ вашемъ объ ученіи и о законѣ вашемъ не хочу быть судьей.

И прогналъ ихъ отъ судилища. Послѣ сего Павелъ святый, пробывъ тамъ еще довольно дней, простился съ братіями и от-

---

1) 2 Посл. къ Сол., гл. 3, ст. 8.

2) Дѣян., гл. 20, ст. 34

3) Дѣян., гл. 18, ст. 6.

4) Дѣян., гл. 18, 9—10.

5) *Сенека* родился въ Испаніи, вскорѣ по Р. Хр., прибылъ въ Римъ, гдѣ пріобрѣлъ извѣстность какъ философъ, сдѣлался учителемъ императора Нерона, который потомъ приговорилъ его къ смерти; Сенека открылъ себѣ кровь и тѣмъ исполнилъ смертный приговоръ.

плылъ въ Сирію съ бывшими при немъ. За нимъ послѣдовали и Акила съ Прискиллою, и на пути всѣ остановились въ Ефесѣ [1]). Тамъ, проповѣдуя Слово Господне, много чудесъ сотворилъ святый Апостолъ Павелъ, и не только руки его являлись чудотворными, исцѣляя однимъ прикосновеніемъ всякій недугъ, но и платки его и головныя повязки, напитанныя потомъ тѣла его, имѣли ту же чудотворную силу: ибо, будучи полагаемы на больныхъ, тотчасъ исцѣляли ихъ и изгоняли нечистыхъ духовъ отъ людей. Видя это, нѣкоторые изъ скитающихся іудейскихъ заклинателей дерзали призывать Имя Господа Іисуса надъ имѣющими злыхъ духовъ, говоря:

— Заклинаемъ васъ Іисусомъ, котораго Павелъ проповѣдуетъ.

Но злой духъ отвѣчалъ имъ:

— Іисуса знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы кто?

И бросался на нихъ человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, и, одолѣвъ ихъ, получалъ надъ ними такую силу, что билъ ихъ и ранилъ, такъ что они едва нагіе могли убѣжать отъ руки бѣсноватаго. Сіе сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ ефесскимъ Іудеямъ и Еллинамъ, и страхъ напалъ на всѣхъ ихъ, и славимо было Имя Господа Іисуса, и увѣровали въ Него многіе. И даже изъ тѣхъ, которые занимались чародѣйствомъ, очень многіе, по принятіи святой вѣры, собрали свои волшебныя книги и, сосчитавши цѣны ихъ, нашли, что онѣ стоили 50 тысячъ драхмъ [2]), и всенародно сожгли всѣ книги. Такъ сильно возрастало и возмогало Слово Господне.

Павелъ же готовился идти въ Іерусалимъ и говорилъ:

— **Бы́вшу мнѣ въ Іерусалимѣ, подоба́етъ ми́ и́ рі́мъ ви́дѣти** [3]).

Но въ это время произошелъ немалый мятежъ въ Ефесѣ отъ серебряниковъ, дѣлавшихъ модели храма Артемиды. По укрощеніи мятежа Павелъ святый, пробывъ въ Ефесѣ 3 года, отправился въ Македонію, оттуда пришелъ въ Троаду, гдѣ пробылъ семь дней.

Въ первый же день недѣли, когда вѣрные собрались для преломленія хлѣба, Павелъ повелъ къ нимъ долгую бесѣду, такъ какъ намѣревался уйти отъ нихъ въ слѣдующій день, и продолжалъ ее до полуночи въ горницѣ, освѣщенной множествомъ свѣтильниковъ. Среди слушателей одинъ юноша, именемъ Евтихъ, сидя на окнѣ,

---

1) *Ефесъ* — приморскій торговый и главный городъ малоазійской провинціи Іонін, онъ потомъ былъ центромъ дѣятельности Ап. Іоанна Богослова; здѣсь былъ III Вселенскій Соборъ въ 431 г.; нынѣ Ефесъ—бѣдная турецкая деревня Аясалукъ.

2) *Драхма*—около 20 коп., слѣдовательно, книгъ сожжено было на сумму до 10 т. р. сер.

3) Дѣян., гл. 19, ст. 21.

погрузился въ глубокій сонъ и, пошатнувшись сонный, упалъ внизъ, съ третьяго жилья (этажа), и его подняли безъ чувствъ. Святый Павелъ, сошедши, палъ на него и, обнявъ его, сказалъ:

— **Не мо́лвите: и҃бо дꙋ́ша є҆гѡ̀ въ не́мъ є҆́сть**[1]).

И снова Павелъ взошелъ въ горницу; привели юношу живаго и немало утѣшились. Павелъ бесѣдовалъ еще довольно, даже до разсвѣта, и, простившись съ вѣрующими, ушелъ оттуда.

Пришедши въ Милитъ[2]), Павелъ послалъ въ Ефесъ призвать къ нему пресвитеровъ церковныхъ, ибо самъ не хотѣлъ зайти туда, чтобы не замедлить ему въ пути, такъ какъ онъ спѣшилъ, чтобы въ день Пятидесятницы быть въ Іерусалимѣ.

И когда пресвитеры ефесскіе собрались къ Апостолу, онъ произнесъ къ нимъ поучительное слово и между прочимъ сказалъ:

— **Внима́йте себѣ̀ и҆ всемꙋ̀ ста́дꙋ, въ не́мже ва́съ дх҃ъ сты́й поста́ви є҆пі́скопы, пастѝ це́рковь гд҃а и҆ бг҃а, и҃́же стяжа̀ кро́вїю свое́ю**[3]).

И предсказалъ имъ, что по отшествіи его войдутъ къ нимъ лютые волки, не щадящіе стада. Сказалъ имъ и о предстоящемъ путешествіи:

— **Се а҃зъ сва́занъ дх҃омъ, гра́дꙋ во і҆ерꙋсали́мѣ, а҃́же въ не́мъ хотя́щїм приключи́тисѧ мнѣ̀ не вѣ́дый: то́чїю а҃́кѡ дх҃ъ сты́й по всѣ̀ гра́ды свидѣ́тельствꙋетъ, глаго́лѧ: а҃́кѡ ꙋ҆́зы менѐ и҆ скѡ́рби ждꙋ́тъ. но ни є҆ди́но же попече́нїе творю́, ниже́ и҃мамъ дꙋ́шꙋ мою́ че́стнꙋ себѣ̀, ра́звѣ є҆́же скончáти тече́нїе моѐ съ ра́достїю, и҆ слꙋ́жбꙋ, и҃́же прїя́хъ ѿ гд҃а і҆и҃са,**[4]) совершити.

Потомъ онъ произнесъ:

— **И҆ нынѣ̀ сѐ а҃зъ вѣ́мъ, а҃́кѡ кто́мꙋ не ꙋ҆ꙁри́те лица̀ моегѡ̀ вы̀ всѝ**[5]).

Тогда немалый плачъ былъ у нихъ. Падая на выю Павла, они цѣловали его, особенно скорбя отъ сказаннаго имъ слова, что они уже не увидятъ лица его. И провожали его до корабля. Онъ же, давъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе, пустился въ путь.

И пройдя многіе города и страны, какъ у береговъ моря, такъ и на островахъ, и вездѣ посѣтивъ и утвердивъ вѣрныхъ, присталъ

---

1) Дѣян., гл. 20, ст. 10.

2) *Милитъ*—приморскій городъ, къ югу отъ Ефеса, нѣкогда цвѣтущій, основавшій множество колоній, нынѣ простая деревня.

3) Дѣян., гл. 20, ст. 28.

4) Дѣян., гл. 20, ст. 22—24.

5) Дѣян., гл. 20, ст. 25.

въ Птолемаидѣ [1]); оттуда пришелъ въ Кесарію Стратонову [2]) и поселился въ домѣ святаго Апостола Филиппа, одного изъ семи діаконовъ [3]).

Сюда къ святому Павлу пришелъ однажды пророкъ, именемъ Агавъ, и, взявъ поясъ Павла, связалъ свои руки и ноги, и сказалъ:

— Та́кѡ гл҃етъ дх҃ъ сты́й: мѫ́жа, є҆гѡ́же є҆́сть по́ясъ сі́й, та́кѡ свѧ́жѹтъ є҆гѡ̀ во і҆ер҃ли́мѣ і҆ѹде́и, и҆ предадя́тъ въ рѹ́цѣ а҃зы́кѡвъ [4]).

Когда братія услышали это, то стали со слезами просить Павла, чтобы онъ не ходилъ въ Іерусалимъ; но Павелъ въ отвѣтъ сказалъ имъ:

— Что̀ творите́, пла́чѹще и҆ сокрѹша́юще мѝ се́рдце; а҃зъ бо̀ не то́чїю свѧ́занъ бы́ти хощѹ́, не и҆ ѹ҆мре́ти во і҆ер҃ли́мѣ гото́въ є҆́смь за и҃мѧ гд҃а і҃ї҃са [5]).

И замолчали братія, сказавши:

— Да будетъ воля Господня!

Послѣ сего святый Апостолъ Павелъ пошелъ въ Іерусалимъ съ учениками своими (въ числѣ коихъ былъ и Трофимъ ефесянинъ, изъ язычниковъ обратившійся ко Христу) и радушно былъ принятъ святымъ Іаковомъ Апостоломъ, братомъ Господнимъ, и всѣмъ собраніемъ вѣрныхъ [6]).

Въ это время пришли изъ Асіи [7]) въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы Іудеи, которые постоянно были врагами Павла и вездѣ возбуждали противъ него мятежъ. Увидѣвши Павла въ городѣ и съ нимъ Трофима Ефесянина, они пожаловались на Павла первосвященникамъ іудейскимъ, и книжникамъ, и старцамъ, что

---

1) *Птолемаида*—древній приморскій городъ на югѣ Финикіи, въ предѣлахъ Палестины, нынѣ Сен-жан-д'Акръ, въ 1799 успѣшно выдержавшій осаду Бонапарта.

2) *Кесарія*—см. стр. 657-ую, прим. 2-ое.

3) *Апостолъ Филиппъ*, одинъ изъ семи діаконовъ (избранный вмѣстѣ съ первомученикомъ Стефаномъ), проповѣдовалъ въ Самаріи, крестилъ на пути вельможу царицы Ефіопской, имѣлъ въ Кесаріи свой домъ и семейство.—Память его—11 октября.

4) Дѣян., гл. 21, ст. 11.

5) Дѣян., гл. 21, ст. 13.

6) *Іаковъ*, братъ Господень, старшій сынъ Іосифа Обрученника, отъ первой его жены; онъ сопутствовалъ Іосифу и Пресв. Дѣвѣ Маріи съ младенцемъ Іисусомъ въ бѣгствѣ ихъ во Египетъ; по воскресніи Своемъ, Господь удостоилъ его особеннаго личнаго явленія Своего (1 Кор., 15, 7); по вознесеніи Христовомъ онъ поставленъ былъ отъ верховныхъ Апостоловъ первымъ епископомъ Іерусалимской Церкви, бывъ предназначенъ къ тому Самимъ Господомъ, и по духовной жизни своей пользовался высокимъ уваженіемъ самихъ Апостоловъ, предсѣдательствовалъ на Апостольскомъ Соборѣ и, всю жизнь проведя въ Іерусалимѣ, пріобрѣлъ даже отъ невѣрующихъ названіе «Праведнаго».—Память его—23 октября.

7) *Асія*—такъ назывались западныя провинціи Малой Азіи—Мисія, Лидія, Карія, т. е. все западное побережье Средиземнаго моря, состоявшее подъ управленіемъ проконсула.

онъ разоряетъ Законъ Моисеевъ, не велитъ обрѣзываться, вездѣ проповѣдуетъ распятаго Іисуса. И другъ друга подстрекали противъ Павла, чтобы схватить его. А когда они увидѣли святаго Павла въ праздникъ въ храмѣ Соломоновомъ, то вдругъ придумали клевету на него, возмутили весь народъ и бросились возложить на него руки, крича:

— Мужи Израильскіе, помогите! Это тотъ человѣкъ, который повсюду учитъ противъ народа, Закона и мѣста сего (храма), наконецъ, и язычниковъ ввелъ во храмъ и осквернилъ святое мѣсто сіе (они думали, что Павелъ и Трофима ввелъ во храмъ).

При этихъ крикахъ весь городъ пришелъ въ движеніе, и сдѣлалось стеченіе народа; мятежники, схвативъ Павла, повлекли его вонъ изъ храма и поспѣшно затворили двери: они хотѣли убить Павла, но не въ храмѣ, чтобы не осквернить святаго мѣста.

Въ это время до тысяченачальника полка дошла вѣсть, что весь Іерусалимъ возмутился. Онъ, немедленно собравъ воиновъ и сотниковъ, поспѣшилъ ко храму; мятежники, увидѣвъ тысяченачальника и воиновъ, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальникъ взялъ его и велѣлъ сковать двумя желѣзными цѣпями; потомъ сталъ допрашивать: кто онъ и что сдѣлалъ?

Народъ же кричалъ къ тысяченачальнику, чтобы онъ предалъ смерти Павла. Но вслѣдствіе шума и разнороднаго говора въ народѣ начальникъ нисколько не могъ дознаться, въ чемъ именно виноватъ Павелъ, и повелѣлъ отвести его въ крѣпость. Множество же народа послѣдовало за начальникомъ и воинами, крича, да будетъ убитъ Павелъ. Когда дошли до высшаго крыльца, ведущаго въ крѣпость, Павелъ просилъ тысяченачальника, чтобы онъ позволилъ ему сказать нѣсколько словъ къ народу; тотъ позволилъ. И Павелъ, остановясь на ступеняхъ, обратился къ народу и громко заговорилъ по-еврейски, говоря:

— **Мужіе, брáтіе и о҃тцы, оу҃слы́шите мо́й къ ва́мъ ны́нѣ ѡ҃вѣ́тъ** [1]).

И началъ разсказывать имъ о своей прежней ревности по Закону Моисея, и какъ на пути въ Дамаскъ онъ былъ осіянъ небеснымъ свѣтомъ, и какъ видѣлъ Господа, посылавшаго его къ язычникамъ.

Но народъ, не желая болѣе его слушать, сталъ кричать, обращаясь къ тысяченачальнику:

---

[1]) Дѣян., гл. 22, ст. 1.

— Истреби отъ земли такого! Ибо ему не должно жить!

Крича такимъ образомъ, они метали одежды и бросали пыль на воздухъ, увлекаясь яростію, и настаивали убить Павла.

Тысяченачальникъ приказалъ ввести его въ крѣпость и распорядился было бичевать его, чтобы выпытать отъ него: за какую вину такъ озлобился на него народъ? Но когда привязали Павла къ столбу ремнями, онъ сказалъ стоявшему при немъ сотнику:

— **Человѣка рима́нина и́ неосу́жде́на лѣ́тъ ли є́сть ва́мъ би́ти?** [1])

Услышавъ сіе, сотникъ подошелъ и донесъ тысяченачальнику, говоря:

— Смотри, что ты хочешь дѣлать! Этотъ человѣкъ—римскій гражданинъ.

Тогда тысяченачальникъ подошелъ къ Павлу и спросилъ:

— Скажи мнѣ, ты—римскій гражданинъ?

Онъ сказалъ:

— **Е́й** [2]).

Тысяченачальникъ смущенно проговорилъ:

— Я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство.

И тотчасъ освободилъ его отъ оковъ.

На другой день тысяченачальникъ повелѣлъ прійти первосвященникамъ и всему синедріону и поставилъ предъ ними Павла святаго.

Павелъ, устремивъ взоръ на синедріонъ, сказалъ:

— **Мужіе бра́тіе, а́зъ все́ю со́вѣстію благо́ю жи́тельствовахъ пре́дъ бго́мъ да́же до сего́ дне́** [3]).

Первосвященникъ же Ананія при сихъ словахъ приказалъ стоявшимъ предъ нимъ бить Павла по устамъ...

Тогда Павелъ сказалъ ему:

— **Би́ти тя́ и́маетъ бгъ, стѣно́ пова́пленая: и́ ты́ сѣди́ши су́дя́ ми́ по зако́ну, преступа́я же зако́нъ вели́ши, да бію́тъ мя́** [4]).

---

[1]) Дѣян., гл. 22, ст. 25.

[2]) Дѣян., гл. 22, ст. 27.

[3]) Дѣян., гл. 23, ст. 1.

[4]) Дѣян., гл. 23, ст. 3.—Суровый упрекъ Апостола Павла объясняется тѣмъ, что онъ или не узналъ первосвященника, по слабости своего зрѣнія, или тѣмъ, что предъ нимъ былъ не прежній первосвященникъ, извѣстный ему когда-то. Обличивъ явную и неосновательную дерзость, Павелъ поступилъ по примѣру Іисуса Христа, Который такъ же обличилъ несправедливость ударившаго Его прежде осужденія. Сейчасъ нами сказано было о *слабости зрѣнія* Ап. Павла,—дѣйствительно, это былъ недугъ, на который онъ часто жаловался, это было именно то *«жало въ плоти»* (2 Кор., 12, 7), отъ котораго онъ страдалъ.

Замѣтивъ же, что въ собраніи одна часть саддукеевъ, а другая—фарисеевъ, Павелъ возгласилъ, говоря:

— **Мужіе брат҃іе, а҃зъ фарисе́й е҆́смь, сы́нъ фарисе́овъ: ѡ҆ упова́нїи и҆ ѡ҆ воскр҃нїи ме́ртвыхъ а҃зъ сужда́емъ прїе́млю**[1]).

Когда онъ сказалъ это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собраніе раздѣлилось: ибо саддукеи говорятъ, что нѣтъ воскресенія, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признаютъ и то и другое. Поднялся большой крикъ. Фарисеи говорили:

— Ничего худого мы не находимъ въ семъ человѣкѣ.

Саддукеи же утверждали противное, и великая распря продолжалась.

Тысяченачальникъ, опасаясь, чтобы собраніе не растерзало Павла, приказалъ воинамъ взять его изъ среды ихъ и отвести въ крѣпость.

Въ слѣдующую за симъ ночь святому Павлу явился Господь и сказалъ:

— **Держа́й, па́вле: я҆́коже бо҆ свидѣ́тельствовалъ е҆́си, та҆́же ѡ҆ мнѣ́, во і҆ерли́мѣ, си́це ти҆ подоба́етъ и҆ въ ри́мѣ свидѣ́тельствовати**[2]).

Съ наступленіемъ дня нѣкоторые изъ ожесточенныхъ Іудеевъ собрались на совѣщаніе и поклялись не ѣсть и не пить до тѣхъ поръ, пока не убьютъ Павла. И оказалось болѣе сорока душъ, произнесшихъ такое заклятіе. Узнавъ объ этомъ, тысяченачальникъ отослалъ Павла, съ большимъ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ, въ Кесарію, къ правителю Филиппу.

Провѣдавъ о семъ, первосвященникъ Ананія со старѣйшими членами синедріона отправились и сами въ Кесарію и клеветали правителю на Павла, хулили его предъ правителемъ и

Воспалительное состояніе глазъ Господь оставилъ на Апостолѣ какъ неизгладимый знакъ Своего чудеснаго явленія ему на пути въ Дамаскъ; Павелъ самъ говорилъ, что лишился зрѣнія отъ внезапной славы свѣта того, такъ что съ открытыми глазами онъ никого не видѣлъ, и если потомъ зрѣніе ему было даровано, все же слабость въ немъ могла остаться: полуденное путешествіе подъ жгучимъ сирійскимъ солнцемъ, блескъ свѣта, превзошедшаго даже этотъ полуденный свѣтъ, и слѣпота, постигшая Апостола—могли произвести воспаленіе и ослабленіе его глазъ; его пребываніе въ пустынѣ и Дамаскѣ, гдѣ многіе страдаютъ глазами, могло поддерживать эту слабость зрѣнія, а порою и усиливало ее. Слова Павла въ Посланіи къ Галатамъ: «вы не презрѣли искушенія моего во плоти моей и не возгнушались имъ... Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мнѣ» (Гал. 4, 14—15) достаточно ясно намекаютъ на поврежденіе зрѣнія, которое имѣло по временамъ свои припадки и сопровождалось головною болью. Вотъ почему, высказавъ упрекъ обидѣвшему его первосвященнику, Павелъ имѣлъ основаніе оправдываться, что онъ не могъ разсмотрѣть, что его обидчикъ—первосвященникъ.

[1]) Дѣян., гл. 23, ст. 6.

[2]) Дѣян., гл. 23, ст. 11.

усильно домогались смерти его, но ни въ чемъ не успѣли, ибо не найдено было въ немъ никакой вины, достойной смерти. Однако же правитель, желая доставить удовольствіе Іудеямъ, оставилъ Павла въ узахъ.

Прошло два года. На мѣсто Филиппа правителемъ поступилъ Порцій Фестъ. Архіереи просили его, чтобы онъ отослалъ Павла въ Іерусалимъ. А это затѣяли они съ злымъ умысломъ: на дорогѣ они надѣялись убить Апостола Христова. И когда Фестъ спросилъ Павла, хочетъ ли онъ идти въ Іерусалимъ на судъ?

Павелъ отвѣчалъ:

— **На сѫдѝщи кѣсаревѣ стоѭ ѥ́смь, йдѣ́же мѝ достоѝтъ сѫдъ прїѝ́ти. Їѫде́й ничѝмже ѡ́бѝдѣхъ, ꙗ́коже и̑ ты̀ до́брѣ вѣ́си. А́ще бо непра́вдую, йлѝ достоѝйно смѐрти сотвори́хъ что̀, не ѿмѣ́цѹ́ся ѹ̑мре́ти: а́ще ли же ничто́же ѥ́сть во мнѣ́, ѥ́же сі́и на мѧ̀ клевѣ́цѹ́тъ, никто́же мѧ̀ мо́жетъ тѣ́мъ вы́дати: кѣ́сара́ нарица́ю** [1]).

Тогда Фестъ, поговоривъ съ совѣтниками, отвѣчалъ Павлу:

— Ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправишься.

Спустя нѣсколько дней въ Кесарію пришелъ царь Агриппа [2]) поздравить Феста и, узнавъ о Павлѣ, пожелалъ его видѣть. И когда Павелъ, представъ царю Агриппѣ и правителю Фесту, подробно разсказалъ имъ о Христѣ Господѣ и о томъ, какъ онъ увѣровалъ въ Него, царь Агриппа сказалъ ему:

— Ты немного не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ.

Павелъ же отвѣчалъ:

— **Моли́лъ ѹ̑бѡ бы́хъ бг҃а, и̑ вма́лѣ и̑ во мно́зѣ, не то́кмѡ тебѣ́, но и̑ всѣ́хъ слы́шащихъ мѧ̀ дне́сь, бы́ти и̑̀мъ та́цѣмъ, ꙗ́ковъ и̑ а́зъ ѥ́смь, кромѣ́ ѹ̑зъ сѝхъ** [3]).

Послѣ сихъ словъ царь, правитель и бывшіе съ ними встали; отошедши въ сторону, совѣщались между собою и рѣшили:

«Этотъ человѣкъ не сдѣлалъ ничего достойнаго смерти или узъ».

Агриппа же сказалъ Фесту:

— Можно было бы освободить его, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря.

---

[1]) Дѣян., гл. 25, ст. 10, 11.

[2]) *Царь Агриппа* — это былъ Агриппа II-ой, сынъ Ирода Агриппы I-го, послѣдній царь изъ фамиліи Иродовъ, владѣтель нѣкоторыхъ областей въ Сиріи.

[3]) Дѣян., гл. 26, ст. 29.

Такимъ образомъ рѣшили отправить Павла въ Римъ къ кесарю и отдали его и нѣкоторыхъ другихъ узниковъ сотнику царскаго полка, именемъ Юлію; а сей, принявъ узниковъ и Павла, посадилъ ихъ на корабль, и всѣ пустились въ плаваніе.

Плаваніе ихъ было весьма небезопасно, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ; когда же они подплыли къ острову Криту и вошли въ мѣсто, называемое «хорошія пристани», Павелъ святый, провидя будущее, совѣтовалъ перезимовать тамъ съ кораблемъ; но сотникъ болѣе довѣрялъ кормчему и начальнику корабля, нежели словамъ Павла. Когда они отплыли на средину моря, поднялся противъ ихъ вѣтеръ бурный, сдѣлалось великое волненіе и палъ такой туманъ, что цѣлыхъ 14 дней они не видѣли ни Солнца днемъ, ни звѣздъ ночью, и даже не знали, въ какомъ они мѣстѣ, потому что ихъ носило волнами, и они въ отчаяніи не ѣли во всѣ эти дни и уже ожидали смерти. На кораблѣ же было 276 человѣкъ. Павелъ, ставъ посреди ихъ, утѣшалъ ихъ, говоря:

— **Подобаше оубо, о мужіе, послушавше мене, не отвестися отъ крита, и избыти досаждениа сего и тщеты. И се нынѣ молю вы благодушествовати: погибель бо ни единой души отъ васъ будетъ, развѣ корабля. Предста бо ми въ сію ночь ангелъ бга, егоже азъ есмь, емуже и служу, глаголя: не бойся, павле, кесарю ти подобаетъ предстати: и се дарова тебѣ богъ всѣ плавающыя съ тобою. Тѣмже дерзайте, мужіе: вѣрую бо богови, яко тако будетъ, имже образомъ речено ми бысть**[1]).

И уговаривалъ Павелъ всѣхъ принять пищу, говоря:

— **Се бо къ вашему спасенію есть: ни единому бо отъ васъ власъ главы отпадетъ**[2]).

Сказавъ это и взявъ хлѣбъ, онъ возблагодарилъ Бога предъ всѣми и, разломивъ, началъ ѣсть. Тогда всѣ ободрились и также приняли пищу.

Когда же насталъ день, увидѣли землю, но не узнавали, что это за сторона, и направили корабль къ берегу. Приближаясь къ нему, корабль попалъ на косу и сѣлъ на мель; носъ увязъ и остался недвижимъ, а корма разбивалась силою волнъ. Воины совѣщались между собою перебить всѣхъ узниковъ, чтобы кто-нибудь, выплывъ, не убѣжалъ; но сотникъ, желая спасти Павла, удержалъ ихъ отъ сего намѣренія и велѣлъ умѣющимъ плавать—

1) Дѣян., гл. 27, ст. 21—25.

2) Дѣян., гл. 27, ст. 34.

первымъ броситься и выйти на берегъ; а на нихъ смотря, и другіе стали плавать: одни—на доскахъ, другіе—на чемъ пришлось изъ корабельныхъ вещей, и всѣ вышли на землю здоровыми и спаслись изъ моря.

Тогда узнали, что островъ сей называется Мелитъ[1]). Жители его, иноплеменники, оказали имъ немалое человѣколюбіе, ибо, по причинѣ бывшаго дождя и холода, они разложили огонь, чтобы обогрѣлись промокшіе на морѣ.

Между тѣмъ Павелъ набралъ множество хвороста и клалъ на огонь; въ это время ехидна, вышедши отъ жара, повисла на рукѣ его. Когда иноплеменники увидѣли висящую на рукѣ его змѣю, они говорили другъ другу:

— Вѣрно, этотъ человѣкъ—убійца, когда его, спасшагося отъ моря, судъ Божій не оставляетъ жить.

Но Павелъ, стряхнувъ змѣю въ огонь, не потерпѣлъ никакого вреда. Они было ожидали, что у него будетъ воспаленіе или онъ внезапно упадетъ мертвымъ, но ожидая долго и видя, что съ нимъ не случилось никакой бѣды, перемѣнили мысли и говорили, что онъ—Богъ.

Начальникъ того острова, именемъ Публій, принялъ спасенныхъ отъ моря въ домъ свой и три дня дружелюбно угощалъ ихъ. Отецъ его въ это время лежалъ, страдая горячкою и болью въ животѣ. Павелъ вошелъ къ нему, помолился ко Господу и, возложивъ руки свои на больного, исцѣлилъ его. Послѣ сего событія и прочіе на островѣ больные приходили къ святому Апостолу и были исцѣляемы.

Черезъ три мѣсяца всѣ спасшіеся отъ моря съ Апостоломъ отплыли отсюда, уже на другомъ кораблѣ, и приплыли въ Сиракузы[2]), оттуда въ Ригію[3]), потомъ въ Путеолы[4]) и наконецъ достигли Рима. И когда братія, бывшіе въ Римѣ, узнали о приходѣ Павла, то вышли навстрѣчу ему даже до Аппіевой площади и Трехъ гостинницъ[5]). Увидѣвъ ихъ, Павелъ утѣшился духомъ и возблагодарилъ Бога.

---

1) *Мелитъ*—нынѣшняя Мальта, островъ на югъ отъ Сициліи; на Мальтѣ и доселѣ существуетъ преданіе о пребываніи тамъ Апостола Павла.

2) *Сиракузы*—приморскій городъ на юго-восточномъ берегу Сициліи, въ 18 миляхъ отъ Мальты.

3) *Ригія*—нынѣ Реджіо, въ южной Италіи, противъ Мессины, на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи.

4) *Путеолы*—нынѣ Пуццоло, приморскій городъ близъ Неаполя.

5) *Аппіева площадь*—небольшой городокъ, около 60 верстъ отъ Рима. *Три гостинницы*—мѣстечко въ 15 верстахъ отъ Рима.

Въ Римѣ же сотникъ, сопровождавшій узниковъ изъ Іерусалима, передалъ ихъ военачальнику, а Павлу позволилъ жить особо съ воиномъ, стерегущимъ его.

И жилъ Павелъ въ Римѣ цѣлыхъ два года, и принималъ всѣхъ, приходящихъ къ нему, проповѣдуя Царствіе Божіе и уча о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно.

Доселѣ о житіи и трудахъ Павловыхъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, написанной святымъ Лукою; о прочихъ же трудахъ и страданіяхъ его самъ онъ разсказываетъ во 2 Посланіи къ Коринѳянамъ слѣдующимъ образомъ (въ сравненіи съ другими, онъ былъ): **въ трудѣхъ многаѥ, въ ранахъ преболе, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи. ѿ іудѣй пятькраты четыредесмть развѣ единым пріахъ. Трищи палицами биенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль ѡпровержесм со мною: ношь и день во глубинѣ сотворихъ. Въ путныхъ шествіихъ многицею**[1]).

Измѣривъ широту и долготу земли хожденіемъ, а моря плаваніемъ, Апостолъ Павелъ извѣдалъ и высоту небесную, будучи восхищенъ до Третьяго Неба. Ибо Господь, утѣшая Своего Апостола въ многоболѣзненныхъ трудахъ, подъемлемыхъ ради Его святаго Имени, показалъ ему небесное блаженство, котораго око никогда не видѣло, и слышалъ онъ тамъ неизреченные глаголы, которыхъ человѣку нельзя пересказать.

Какъ же совершилъ Апостолъ святый прочіе подвиги своего житія и дѣятельности, повѣствуетъ Евсевій Памфилъ, епископъ Кесаріи Палестинской, историкъ церковныхъ событій[2]).

Послѣ двухъ лѣтъ узничества въ Римѣ святый Павелъ былъ отпущенъ на свободу — какъ ни въ чемъ не повинный, и проповѣдовалъ Слово Божіе то въ Римѣ, то въ другихъ западныхъ странахъ.

А святый Симеонъ Метафрастъ[3]) пишетъ, что послѣ римскихъ узъ еще нѣсколько лѣтъ трудился Апостолъ въ благовѣстіи Христовомъ: вышедши изъ Рима, онъ прошелъ Испанію, Галлію и всю Италію, просвѣщая язычниковъ свѣтомъ вѣры и отъ прелести идольской обращая ко Христу. Когда онъ былъ въ Испаніи, одна благородная и богатая женщина, услышавши о проповѣди Апо-

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. **11**, ст. 23—26.

2) *Евсевій Памфилъ* — епископъ Кесаріи Палестинской (268—340 гг.), церковный историкъ, близко стоявшій ко многимъ великимъ событіямъ своего времени.

3) *Симеонъ Метафрастъ* — собиратель и составитель житій святыхъ, секретарь императора Константина VII; скончался ок. 940 г.

стольской о Христѣ, пожелала видѣть самого Апостола Павла и уговорила своего мужа Проба, да умолитъ Апостола святаго прійти въ домъ ихъ, чтобы они могли радушно угостить его. И когда Павелъ святый вошелъ въ домъ ихъ, она взглянула на лице его и увидѣла на челѣ написанныя золотомъ слова: «Павелъ Христовъ Апостолъ». И увидѣвъ сіе (чего никто другой не могъ видѣть), она пала къ ногамъ Апостола съ радостію и страхомъ, исповѣдуя Христа Истиннымъ Богомъ и прося Святаго Крещенія. И первая она приняла Крещеніе (имя ей Ксантиппа), потомъ и мужъ ея Пробъ, и весь домъ ихъ, и начальникъ города Филоѳей, и многіе другіе тамъ крестились.

Пройдя всѣ сіи страны на Западѣ, озаривъ ихъ свѣтомъ святой вѣры и провидѣвъ приближающуюся страдальческую свою кончину, святый Апостолъ опять возвратился въ Римъ, откуда писалъ къ ученику своему Тимоѳею святому, говоря:

«Азъ бо уже́ жре́нъ быва́ю, и вре́мя моего̀ ѿше́ствїя наста̀. По́двигомъ до́брымъ подвиза́хся, тече́нїе сконча́хъ, вѣ́ру соблюдо́хъ. Про́чее у᷑бо соблюда́ется мнѣ вѣне́цъ пра́вды, е́го́же воздастъ ми г᷑дь въ де́нь о᷑нъ»[1]).

О времени страданія святаго Апостола Павла неодинаковы извѣстія у церковныхъ историіографовъ. Никифоръ Каллистъ[2]) во 2-й книгѣ своей исторіи, въ 36 главѣ, пишетъ, что святый Павелъ пострадалъ въ одинъ годъ и въ одинъ день со святымъ Апостоломъ Петромъ, за волхва Симона, котораго одолѣть онъ помогалъ Петру. Другіе же сказываютъ, что спустя цѣлый годъ по смерти Петра пострадалъ Павелъ въ тотъ же 29 день мѣсяца іюня, въ который за годъ предъ симъ былъ распятъ святый Петръ. Причиною смерти Павла приводятъ то, что онъ проповѣдію Христовой увѣщевалъ дѣвицъ и женщинъ къ цѣломудренной чистой жизни. Впрочемъ, въ сихъ извѣстіяхъ нѣтъ большого разногласія: ибо въ житіи Петра святаго (по Симеону Метафрасту) говорится, что Петръ святый пострадалъ не тотчасъ послѣ погибели Симона волхва, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ-за двухъ любимыхъ Нероном наложницъ, которыхъ Апостолъ Петръ обратилъ ко Христу и научилъ жить цѣломудренно. А такъ какъ и

---

1) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 6—8.

2) *Никифоръ Каллистъ*—греческій церковный историкъ; особенно замѣчательна его «Церковная Исторія» въ 23 книгахъ, изъ коихъ до насъ дошли первыя 18, а изъ остальныхъ—только отрывки; скончался въ 1350 г.

Павелъ святый жилъ въ Римѣ и окрестныхъ странахъ въ то же время, когда и Петръ, то легко могло быть и то и другое: т. е. что Павелъ святый помогалъ Петру святому и на Симона волхва во время перваго своего пребыванія въ Римѣ и, пришедши въ Римъ во второй разъ, опять съ Петромъ святымъ единодушно служилъ спасенію людей, наставляя мужчинъ и женщинъ цѣломудренной чистой жизни. И такимъ образомъ святые Апостолы возбудили ярость нечестиваго и развратной жизнію жившаго царя Нерона [1]), который, осудивъ ихъ обоихъ на смерть, казнилъ Петра какъ иностранца распятіемъ, а Павла какъ римскаго гражданина (котораго нельзя было предать безчестной смерти) — усѣченіемъ главы, если не въ одинъ и тотъ же годъ, то въ одинъ и тотъ же день. Когда усѣчена была честна́я глава Павлова, отъ раны истекла кровь съ молокомъ. Вѣрные же, взявши святое тѣло его, положили въ одномъ мѣстѣ съ святымъ Петромъ.

Такъ скончался избранный сосудъ Христовъ, учитель народовъ, всемірный проповѣдникъ, самовидецъ небесныхъ высотъ и райскихъ добротъ, предметъ удивленія Ангеловъ и человѣковъ, великій подвижникъ и страдалецъ, претерпѣвшій и на своемъ тѣлѣ язвы Господа своего, святый верховный Апостолъ Павелъ и вторично, уже кромѣ тѣла, вознесенъ до Третьяго Неба и предсталъ Троичному Свѣту вмѣстѣ съ другомъ и сотрудникомъ своимъ, святымъ верховнымъ Апостоломъ Петромъ [2]), перейдя изъ Церкви Воин-

---

1) *Нероно́ъ* — Римскій императоръ (54—68 гг.) запятналъ себя своею жестокостію даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ своимъ роднымъ и въ особенности — по отношенію къ христіанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ покровителемъ ученыхъ, поэтовъ, пѣвцовъ и самъ участвовалъ въ Олимпійскихъ играхъ. Тщеславный, развратный, необузданный, онъ возбудилъ противъ себя заговоръ и принужденъ былъ умертвить себя.

2) *Св. Апостолъ Павелъ* оставилъ намъ въ своихъ Посланіяхъ имена и другихъ сотрудниковъ своихъ. Они съ такой любовію помогали ему, и самъ онъ такъ былъ доволенъ ими, что въ очеркѣ жизни его слѣдуетъ упомянуть хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ, о которыхъ онъ самъ съ благодарностію вспоминаетъ. Такъ, напримѣръ, онъ называетъ *Луку*, по всѣмъ церквамъ похваляемаго за Евангеліе и притомъ избраннаго отъ Церквей сопутствовать Павлу для благотворенія (2 Кор., **8**, 18—19); *Тимоѳея*, который, подобно Апостолу, трудился для дѣла Господня, и Павелъ не имѣлъ никого равно усерднаго. Тимоѳей служитъ ему въ благовѣствованіи какъ сынъ отцу (1 Кор., **16**, 10; Филипп., **2**, 19—22); называетъ *Тихика* какъ возлюбленнаго брата и вѣрнаго въ Господѣ служителя, способнаго доставить сердечное утѣшеніе (Ефес., **6**, 21, 22); *Прискиллу* и *Акиллу*, сотрудниковъ своихъ во Христѣ Іисусѣ (Римл., **16**, 3); *Епафраса*, возлюбленнаго сотрудника своего и вѣрнаго служителя Христова (Колос., **1**, 7); *Аристарха, Марка, Іуста* — сотрудниковъ для Царствія Божія и какъ свою отраду (Колос., **4**, 10, 11); *Тита*, истиннаго сына по общей вѣрѣ, которому Павелъ поручалъ довершить въ Критѣ неоконченное, который утѣшалъ его и своимъ прибытіемъ, и радостію, и расположенностію къ вѣрующимъ: «*это мой товарищъ и сотрудникъ*» (Тит., **1**, 4—5; 2 Кор., **7**, 6, 13, 15; **8**, 23); *Сосѳена*, бывшаго по-

ствующей въ Церковь Торжествующую, при радостномъ благодареніи, гласѣ и восклицаніи празднующихъ, и нынѣ они славятъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога, Которому и отъ насъ, грѣшныхъ, возсылается честь, слава, поклоненіе и благодареніе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д̃:

А҃пло́мъ первопрестóльницы, и̂ вселе́нным оу҃чи́телїе, вла́ку всѣ́хъ моли́те ми́ръ вселе́ннѣ́й даровáти и̂ дꙋша́мъ на́шымъ ве́лію мл҃ть.

Кондáкъ, гла́съ ѣ̃:

Апо́столъ ве́рдым и̂ бг҃овѣ́щанным проповѣ́дателе, ве́рхъ а҃пло́въ твои́хъ гд҃и, прїе́млъ е҆сѝ въ наслажде́нїе бл҃ги́хъ твои́хъ и̂ поко́й: болѣ́зни бо о҆нѣ́хъ и̂ сме́рть прїе́млъ е҆сѝ па́че всѧ́каго всеплодїа́, е҆ди́не свѣ́тый серде́чнам.

День тридцатый

Соборъ святыхъ славныхъ и всехвальныхъ двѣнадцати апостоловъ: Петра (житіе 29-го іюня), **Андрея** (4-го ноября), **Іакова** Зеведеева (30-го апрѣля), **Іоанна** (26-го сентября), **Филиппа** (14-го ноября), **Варѳоломея** (11-го іюня), **Ѳомы** (6-го октября), **Матѳея** (16-го ноября), **Іакова** Алфеева (9-го октября), **Іуды** (Ѳаддея) (19-го іюня), **Симона** Зилота (10-го мая) и **Матѳія** (9-го августа).

Праздникъ весьма древній. Свидѣтельства о немъ встрѣчаются уже въ IV вѣкѣ.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Петра,** царевича Ордынскаго, **Ростовскаго** чудотворца († 29 іюня 1290 года).

томъ епископомъ въ Колофонѣ (1 Коринѳ., 1, 1). Вспомнимъ, наконецъ, *Силу,* который вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ остался въ Беріи средн всѣхъ опасностей, лишь бы утвердить братію въ вѣрѣ согласно желанію Ап. Павла (Дѣян., 17, 13—15). И много ихъ было даже по имени не названныхъ, и только по дѣламъ любви своей памятныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

День десятый

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ПАВЛА

Святитель Павел, митрополит Тобольский и Сибирский, в міре именовался Петром. Родился он в 1705 году в червонорусском городе Самборе. Родителями его были мещане по фамилии Конюскевичи.

Святитель Павел, по своему времени, был весьма образованным и просвещенным человеком. Образование он получил в Киево-Братской академии, где учился приблизительно в 1717—1733 годах.

Киево-Братская академия в то время была единственной *православной* высшей школой для всего западнорусского края (Украины. — *Ред.*) и, можно сказать, для всего русского народа. В ней получали тогда образование сыновья не одного только духовенства, но и дети людей, принадлежавших к другим сословиям — дворянскому, военному, купеческому, мещанскому и даже крестьянскому.

В Киево-Братской академии учились также уроженцы русских областей, входивших в состав Польского государства. К числу таких воспитанников Киевской академии принадлежал и будущий святитель Павел. Он был уроженец древней земли — Червонной Руси, нынешней Галиции. Русские жители Червонной Руси и прежде, и в годы детства будущего святителя преследовались за свою веру православную и за то, что они желали оставаться православными, хотели жить так, как жили их пред-

К лику святых святитель Павел Тобольский был причислен Поместным Собором РПЦ в 1917—1918 гг. Мощи святителя вновь обретены в 1999 году при восстановлении Великой лаврской церкви — Успенского собора и ныне почивают в Дальних пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры. Память его празднуется 4 (ст. ст.) ноября в день преставления и 10 (ст. ст.) июня вместе с Собором Сибирских святых.

ки. Некоторые из червоноруссов не могли перенести до конца жестоких преследований и отказывались от своей веры, переходя в латинство, а чаще всего принимая унию. Униатами назывались тогда, как и теперь, те, кто соглашались признавать римского папу главой своей Церкви и принимали догматы (верования) Католической церкви, но Богослужение совершали на славянском языке и по Уставам Православной Церкви.

Однако были тогда среди червоноруссов и такие, которые несмотря ни на какие преследования, гонения, муки и даже смерть оставались верными своей отеческой Церкви и своим родным обычаям до конца. К числу таких добрых последователей православной веры принадлежали, очевидно, и родители будущего святителя Павла.

Об этом ясно и красноречиво говорит то обстоятельство, что они пожелали дать своему сыну воспитание в духе истинной святой православной веры. В этих именно видах они решились расстаться с ним на многие годы, а, может быть, и навсегда, и отправить его, бывшего еще малолетним отроком, в далекий город, в другое, хотя и родное и дорогое, государство. Сделать это могла заставить их только горячая любовь к Святой Православной Церкви.

Киево-Братская академия в годы обучения в ней будущего святителя Павла находилась в состоянии высшего своего процветания. Получив незадолго перед этим звание и права Академии, т.е. высшего учебного заведения, увенчанная славой доблестной вековой борьбы за Православие и русскую народность, руководимая людьми, которые искренно и горячо были преданы делу воспитания юношества, Киево-Братская академия сделалась тогда любимой для всего народа школой, дававшей просвещение в духе православной веры и в согласии с обычаями народа.

Киево-Братская академия тогда умела прививать своим питомцам такую горячую и беззаветную любовь к Церкви и Родине, что они готовы были на всякие жертвы и самоотречения, лишь бы только с пользой послужить своему Отечеству.

Особенным благом при этом было то, что Киево-Братская академия умела работать тогда на пользу народного просвещения в полном согласии со святой чудотворной обителью Киево-Печерской. Академия сообщала своим многочисленным питомцам развитие ума, который обогащала добрыми познаниями, а затем некоторых из них передавала своей доброй и старейшей союзнице — Киево-Печерской Лавре. Последняя, получив от Академии обученных молодых студентов, принимала их в число своей монашествующей братии и при участии своих старцев-подвижников, которыми тогда была столь богата, утверждала их в принятом ими на себя иноческом подвиге, закаляла их дух и характер, после чего они, осеняемые ее духовным материнским благословением, расходились по разным

концам русского государства на дело христианского просвещения народа.

Именно такой путь приготовления к служению ближним прошел и святитель Павел.

В Киево-Братской академии он, без сомнения, учился с отличным успехом. Об этом ясно говорит нам то обстоятельство, что святитель Павел со временем, по окончании академического образования, был учителем в этой же Академии, для чего обыкновенно избирались лучшие и даровитейшие воспитанники. Но еще прежде того в жизни будущего святителя произошло другое важное событие. В 1733 году (который, можно полагать, был и годом окончания им академического образования) он был пострижен в монашество киево-печерским архимандритом Романом Копой, который был известен своим высоким аскетическим настро́ем и принятием в раннем возрасте схимы. 5 декабря следующего 1734 года монах Павел был рукоположен Киевским архиепископом (впоследствии митрополитом) Рафаилом Заборовским (который, как и архимандрит Роман, славился святостью своей жизни) в первую священную степень — иеродиакона. В самом начале своей монашеской жизни святитель Павел был, вероятно, учителем в одном из низших классов Киево-Братской академии.

Святитель Павел.
Митрополит Тобольский и Сибирский

Но вскоре мы его снова видим в Киево-Печерской Лавре, куда, очевидно, стремился его дух, искавший успокоения в молитве. У святителя Павла с молодых лет была какая-то особая любовь к Печерской обители, чем он выделялся из среды других ее постриженников. Впоследствии мы увидим, что, например, архимандрит Лука считал святителя Павла особенно преданным и, как он выражался, "благонадежным" сыном обители.

Так учительствовал и так трудился для блага своей родной Академии будущий святитель Павел. Служба его в Академии Киевской на сей раз

продолжалась, до́лжно полагать, до конца 1740 учебного года. А затем Киево-Печерская Лавра снова призывает на службу своего духовного сына.

Совершилось это при следующих обстоятельствах. 8 января 1740 г. в Лавре скончался киево-печерский архимандрит Иларион Негребецкий, которому святитель Павел в своих академических лекциях посвятил особую эпитафию (на латинском языке), где прославил его труды и заслуги для Лавры и Академии. На место почившего был вскоре избран лаврским архимандритом настоятель Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря Тимофей Щербацкий, который и был утвержден в своем новом звании императорской грамотой 14 апреля 1740 года. По принятому тогда обыкновению, лица, избиравшиеся на должность киево-печерского архимандрита, отправлялись для посвящения в столицу. Поэтому, хотя Тимофей Щербацкий и имел уже звание архимандрита, он должен был отправиться в Петербург для возложения на него духовных отличий, какие были присвоены тогда лаврскому архимандриту, т.е. мантии со скрижалями, изображавшими преподобных Антония и Феодосия Печерских, и панагии, а также для получения императорской, так называемой, настольной грамоты.

Архимандрит Тимофей Щербацкий, собираясь в дальний путь, пригласил с собой, в числе других, и учителя Киево-Братской академии иеромонаха Павла, которому поручил исполнение обязанностей "дорожного шафара", т.е. казначея. До́лжно заметить, что лаврский архимандрит брал с собой большую свиту, на содержание которой в пути и в столице требовались значительные средства. Кроме того, он вез в столицу много разных "презентов", состоявших преимущественно из икон и печатных книг лаврского издания, для поднесения особам императорского дома, высшим духовным лицам и другим благодетелям святой обители. Наконец, лаврский архимандрит, пользуясь подобной поездкой, которая случалась не часто, закупал, обыкновенно, в столичных городах разные хозяйственные материалы и другие предметы, которые были необходимы для монастырского обихода, например, бумагу для печатания книг в лаврской типографии и пр.

Таким образом, собиралась весьма значительная сумма, для наблюдения за расходованием которой и требовалось особое доверенное лицо. Таковым и выбрал в 1740 году архимандрит Тимофей Щербацкий академического учителя иеромонаха Павла, который согласился поехать в столицу, вероятно, совсем не ожидая, что на подобное путешествие потребуется очень много времени. Возможно, что лаврский архимандрит предполагал совершить свою поездку в течение только летних месяцев, когда в Академии не было занятий. Но вышло иначе.

Итак, весной 1740 года иеромонах Павел сделался "дорожным шафаром" лаврского архимандрита. 30 мая 1740 года ему была выдана особая

книга, скрепленная подписями четырех лаврских старцев. В эту книгу он должен был, по поручению архимандрита Тимофея Щербацкого, записывать всякие расходы — как денег, так и вещей, взятых для подношений "в презент", все до малейшего, "без всякой проронки". В то же самое время он принял и самую "денежную расходную казну", которой оказалось всего свыше 5000 рублей, в том числе 1) "господам Строгановым на уплату медных блях", очевидно, для крыши какого-либо из лаврских зданий, скорее всего, строившейся тогда лаврской каменной колокольни, — 910 руб. 56 коп., 2) "на покупку паперу (бумаги) для друкарни (типографии)" — 500 руб. и пр.

Таким образом, все путешествие в один конец продолжалось два месяца. Печерские иноки совершили его как на лошадях сухопутным, так и водным путем, на трех суднах (от Бронницы до Петербурга). Такое продолжительное путешествие почти через всю Россию должно было, без сомнения, принести великую пользу будущему святителю, дав ему возможность ближе и непосредственно познакомиться с русским государством, с замечательными в церковно-историческом отношении местностями русской земли. Во время путешествия от Киева до Петербурга святитель Павел мог познакомиться со многими видными деятелями того времени, духовными и светскими. В Глухове, например, с семьей графа А.И. Румянцева, а также с семьями И.А. Шипова, И.А. Сенявина, Марковича, Лисенка, а в Москве — со всеми здешними архимандритами и др. представителями высшего духовенства. В этом же путешествии святитель Павел мог осмотреть и поклониться многим святыням русским — как в Москве, так и в других местах Средней и Северной России. Наконец, он как "дорожный шафар", который должен был заботиться о покупке съестных припасов, вести расчеты с хозяевами, извозчиками, мастеровыми людьми, мог ближе узнать русский народ. Все это, повторяем, для него как для уроженца Червонной Руси и будущего святителя должно было быть особенно полезно. Двукратное пребывание киевских иноков в Москве не осталось безследным для дальнейшей служебной деятельности иеромонаха Павла.

Его дальнейшее служение было предрешено еще раньше, в Москве, где на церковной и учебной службе было тогда немало воспитанников Киево-Братской академии. Они, зная иеромонаха Павла с лучшей стороны, вероятно, и позаботились о том, чтобы перевести его в Москву. В то время киевские академисты, постриженники лаврские, пользовались особым уважением в Москве и в других местах России. Киевскими воспитанниками дорожили особенно потому, что они умели прививать своим ученикам любовь к монашеству, которой сами горели, и самоотверженно трудились для народного просвещения. Само правительство ценило это

качество киевских ученых монахов и потому вызывало их в духовные школы, находившиеся в разных городах Северной и Восточной России, в том числе и в Москве.

Вот почему в 1741 году был вызван в Москву из Киева и иеромонах Павел. Он был определен здесь на должность проповедника при Московской Академии, находившейся тогда в Московском Заиконоспасском монастыре.

Академическое проповедничество было весьма почетным назначением. Проповедники академические считались учителями Академии и по чести следовали непосредственно за начальствующими лицами в Академии. На должность проповедников Московской Академии избирались, обыкновенно, самые красноречивые ученые иноки. Поэтому, хотя мы, к сожалению, и не имеем или, по крайней мере, не знаем ни одной из проповедей святителя Павла, но несомненно можем быть уверены, что он обладал даром проповедничества.

Святитель Павел оставался проповедником Московской Академии в течение двух лет (1741—1743 гг.). В 1743 году он из Москвы перешел в Новгородскую епархию, где архиепископом был тогда Амвросий Юшкевич, который был, можно полагать, учителем святителя Павла в Киево-Братской академии и потому мог хорошо его знать. К тому же он мог видеть и еще ближе узнать его в 1740—1741 годах, когда святитель Павел вместе с киево-печерским архимандритом находился в Петербурге. Архиепископ Амвросий Юшкевич был ревностным насадителем духовного образования. В Великом Новгороде, тотчас по своем приезде туда, он открыл Духовную семинарию, сюда начал созывать киевских ученых монахов для учительства и вообще для просветительской деятельности.

С той же целью он, можно думать, взял к себе и святителя Павла. Его, как ученого монаха, бывшего учителя одной и проповедника другой Академии, он желал устроить на какое-либо почетное место в своей новой епархии, чтобы тот мог быть ему помощником в управлении и устроении оной. 25 июля 1743 года Св. Синод уволил святителя Павла в Новгородскую епархию для произведения его на какую-либо первостепенную архимандрию. В это время была свободной Юрьевская архимандрия, которую 18 февраля 1744 года и занял святитель Павел.

Это назначение для сравнительно молодого еще ученого инока было весьма почетным и красноречиво говорило о том, каким уважением за свои труды пользовался тогда у высшей церковной власти святитель Павел.

Юрьевский монастырь находится недалеко от Великого Новгорода, к югу от него, на левом берегу реки Волхова, почти при самом истоке ее из озера Ильмень. Монастырь этот известен среди русских монастырей, преж-

де всего, своей древностью. Основание его приписывается второму христианскому Великому князю Киевскому Ярославу Мудрому, в христианстве именовавшемуся Георгием (Юрием). Ярослав построил близ Новгорода, где он сначала был князем, храм Георгиевский, около которого образовался монастырь, известный в истории как Юрьевский. Благодаря своей древности, многочисленности братии и обширности всего устройства Юрьевский монастырь иногда называли даже лаврой.

Святитель Павел оставался в звании настоятеля Юрьевского монастыря 14 лет. Главным предметом его забот в это время было поддержание внешнего благоустройства и внутреннего благолепия в столь древнем и славном монастыре. Памятниками такой заботливости его о своем монастыре доселе остаются здание для ризницы, построенное в 1745 году, устройство ограды с восточной стороны на значительном пространстве (в 1752—1757 годы) и некоторые из священных облачений.

В бытность свою архимандритом Юрьевского монастыря святитель Павел поддерживал живые отношения и со своей духовной матерью — Киево-Печерской Лаврой, которую горячо любил. Из многих других примеров такого отношения его к Печерской обители отметим здесь следующий. В 1752 году произошла смена киево-печерского архимандрита. Архимандритом Киево-Печерской Лавры стал Лука Белоусович. Он был хорошо знаком святителю Павлу, так как они одновременно начинали свое монашеское служение, под руководством одного учителя — архимандрита Романа Копы. Летом и осенью 1752 года архимандрит Лука Белоусович приезжал в Петербург. Тогда он был в Новгороде и, конечно же, в Юрьеве монастыре. Тогда же, очевидно, киево-печерский архимандрит Лука еще более и осязательнее, чем когда-либо, мог убедиться в том, какую глубокую любовь и преданность к Лавре питал ее постриженник — юрьевский архимандрит Павел.

Архимандритом Юрьевского монастыря святитель Павел оставался до 1758 года, когда он был назначен митрополитом Тобольским. 23 мая 1758 года в С.-Петербурге он был хиротонисан в сан епископа и возведен в звание митрополита.

Так Бог судил святителю послужить Святой Русской Православной Церкви в звании архиерейском на далекой окраине России. Служение это было сколь высоко, столь и трудно. С одной стороны, суровый климат края и отдаленность его от внутренней России побуждали многих отказываться от служения там, а некоторых — достойных архипастырей — проситься из Тобольска на покой в Россию.

С другой стороны, Тобольская епархия того времени была необычайно обширна, обнимая несколько нынешних наших губерний и епархий (Тобольскую, Томскую, Екатеринбургскую). Паства Тобольской епархии,

в свою очередь, представляла трудноподдававшееся возделыванию духовное поле. Кроме множества беглых из разных местностей и ссыльных, здесь находилось в то время весьма большое количество старообрядцев, которые частью добровольно, частью же вынужденно переселялись сюда. Среди жителей Тобольской епархии было также немало инославных (протестантов) и новокрещенных (из татар и калмыков) христиан.

При таком состоянии весьма многочисленной и рассеянной на большом пространстве паствы деятелей духовных, особенно деятелей просвещенных, хорошо подготовленных к своему высокому служению, в Тобольской епархии было недостаточно. Еще чувствительнее сказывался здесь крайний недостаток в храмах.

Святитель Павел с великой ревностью принялся за исполнение высокого долга, посланного ему Провидением Божиим. 20 ноября 1758 года он прибыл в свой кафедральный город. В первые дни своего служения в Тобольске святитель Павел обратил самое серьезное внимание на семинарию при архиерейском доме, где подготавливались кандидаты в священники. Эта школа была заведена в Тобольске еще в начале XVIII века (в 1703—1704 годы). Но, из-за недостатка хороших учителей и трудности найти их в такой дали, число классов было неполным, и обучение вообще было поставлено плохо.

Святитель Павел позаботился прежде всего об открытии высшего богословского класса в Тобольской семинарии, назначив его учителем и ректором семинарии (в 1760 году) архимандрита Михаила Миткевича из числа воспитанников Киево-Братской академии. Вскоре после того святитель Павел исходатайствовал постоянное (с 1765 года) казенное содержание для Тобольской семинарии по 490 рублей в год.

Одной из труднейших забот относительно семинарии для святителя Павла, как и для его предшественников, оставалось приискание хороших учителей. Отдаленность края, суровость климата и скудость содержания, какое получали наставники семинарии, делали то, что академические воспитанники с величайшей неохотой соглашались ехать на службу в Тобольскую семинарию. В довершение бедственного состояния семинарских преподавателей, они свое и крайне малое, недостаточное содержание получали не вовремя из-за того, что до 1765 года сумма, положенная на содержание семинарии, собиралась на местах неисправно, а после 1765 года — получалась в Тобольске несвоевременно.

Неудивительно, что при таких условиях хороших преподавателей, особенно с академическим образованием, найти для Тобольской семинарии было трудно. А между тем, с открытием в Тобольской семинарии философского и богословского классов такие учителя стали необходимыми для нее. Прежде, когда в семинарии были одни только низшие клас-

сы, можно было довольствоваться учителями с семинарским образованием, в крайнем случае, даже своими лучшими учениками. Но теперь, с открытием высших классов, что совершилось при святителе Павле, необходимы были академисты.

Святитель Павел в розысках хороших учителей для Тобольской семинарии обращался, прежде всего, к родному Киеву, причем не столько к Академии, сколько к Киево-Печерской Лавре, с которой у него, видимо, было больше связей и которая имела у себя всегда "готовый запас" свободных ученых иноков.

Но семинария была не единственным и даже далеко не главным предметом забот святителя Павла в Тобольске. Гораздо больших и несравненно более сложных, исключительно трудных забот требовала от него сама Тобольская епархия. Кроме обширности своей, последняя была особенной епархией и по составу своей паствы. Тобольская епархия, по словам одного из значительно позднейших деятелей в ней (конца XIX в.), "представляет невообразимую смесь разноплеменностей, людей разных наций, умственного и нравственного развития, религиозного созерцания, бытовых особенностей и пр. По преимуществу это пришлый элемент, водворившийся в не столь отдаленной Сибири волей или неволей, в последнем случае большей частью в целях исправительных или карательных перед законом за разные действия криминального свойства. Здесь вы встретите и закоренелого раскольника, сектанта-фанатика, ссыльного поселенца, нередко озлобленного на всех и вся за свои неудачи в жизни, и многих других. Каждый из них оставляет на месте своего обитания, в среде приходящих с ним в общение людей, следы своего нравственного характера, подчас полного деморализации".

Вот среди такой паствы святитель Павел должен был исполнять свой архипастырский долг. Кроме подготовки путем школы достойных кандидатов священства, он старался воздействовать на священников своей епархии другими способами и средствами: часто вызывал к себе священников, испытывал их, а виновных подвергал взысканиям и наказаниям, которые, соответственно общему духу того времени, отличались преимущественно строгостью и даже суровостью. Допускались при этом и телесные наказания, бывшие тогда в обычном ходу.

Святитель Павел в Тобольске очень много заботился об устроении новых храмов. В годы его архиерейства здесь было сооружено более 20 каменных храмов и открыто несколько новых приходов в селах и на заводах, где были построены деревянные храмы.

Но самое главное внимание святитель Павел в Тобольске обращал на борьбу со старообрядцами. Последних здесь было очень много. Они отличались крайне непримиримым настроением. Святитель Павел, без со-

мнения, с первых же соприкосновений со старообрядцами был поражен их глубоким невежеством и духовной темнотой. Воодушевленный высшими побуждениями, он желал всячески просветить этих темных людей, присоединить их к лону Святой Православной Церкви. Но старообрядцы отвечали на все меры архипастырских воздействий решительным упорством. Очень возможно, что со стороны исполнителей воли и намерений святителя-миссионера были допущены и меры строгости в отношении к упорным старообрядцам. Последние, увлеченные своими вожаками-фанатиками, начали тогда употреблять дикие способы сопротивления, вплоть до самосожжения. После этого святитель Павел изменил способы борьбы с грубым заблуждением темной массы. Он старался внушить членам так называемой раскольнической комиссии, чтобы "они действовали на заблуждающихся духом кротости и любви христианской".

Кроме старообрядцев и других разноверцев, в пределах Тобольской епархии при святителе Павле было очень много чистых язычников, идолопоклонников. Архипастырь болел душой об этих несчастных жителях Тобольского края, не ведавших Истинного Бога.

Святитель Павел управлял Тобольской епархией около 10 лет. Это был сравнительно продолжительный срок архипастырства для такой епархии, какова была Тобольская. Кроме тех неблагоприятных условий архиерейского служения в Тобольске, о каких говорилось выше, здесь было еще одно условие, свойственное, быть может, только Тобольской епархии. Среди православного населения этой епархии было немало безпокойных людей, склонных и готовых к сутяжничеству, к жалобам на лиц, имеющих власть. Святителю Павлу в своей архипастырской деятельности пришлось перенести довольно много огорчений и неприятностей от подобного рода людей.

Одновременно с этим и в Св. Синоде у святителя Павла, отличавшегося прямым, твердым и решительным характером, были недоброжелатели или, по крайней мере, такие лица, которые не разделяли его убеждений и взглядов по известным вопросам епархиального управления. Особенным противником его был тогдашний обер-прокурор Св. Синода И. И. Мелиссино. Последний, занимая обер-прокурорскую должность (10 июня 1763 г. — 24 сентября 1768 г.) в первые годы царствования Императрицы Екатерины II Алексеевны, был ярким выразителем свободного настроения тогдашнего русского светского образованного общества в отношении к церковным и вообще всем религиозным вопросам. Он был, например, сторонником провозглашения полной свободы вероисповедания в России, сокращения богослужебных православных чинов, продолжительных постов, содержимых Православной Церковью, и т.п.

Понятно, что такому обер-прокурору должен был не нравиться святитель, державшийся строго канонических правил в церковном управлении, требовавший выполнения этих правил иногда от лиц влиятельных из среды светского общества, защищавший несправедливо обиженных со всей решительностью, но в то же время сурово наказывавший клеветников, кляузников и вообще людей с преступной волей.

Выступления обер-прокурора Мелиссино против святителя Павла начались вскоре после его назначения на должность: им была потребована справка о том, на все ли указы и предписания Св. Синода имеются ответы Тобольского митрополита, начиная с первых дней его святительства.

Но прежде чем были собраны эти справки, в жизни святителя Павла произошла решительная перемена. 21 июня 1767 года Новгородский митрополит Димитрий Сеченов, при вступлении которого на новгородскую кафедру святитель Павел был назначен из Юрьева в Тобольск, письменно доложил Св. Синоду, что Императрица в тот день устно повелела: "Преосвященному Павлу, митрополиту Тобольскому, быть в Москве". Вместе с объявлением высочайшей воли святителю Павлу был послан синодальный указ о том, чтобы он, отправляясь из Тобольска в Москву, взял с собой все необходимые документы по делам, имевшимся о нем в Св. Синоде.

9 августа 1767 года синодальный указ о вызове святителя Павла в Москву был получен им в Тобольске, и 13 августа он ответил, что, как только поправится его здоровье и будут сделаны необходимые приготовления, он выедет в Москву. Но этот выезд святителя Павла вследствие слабости его здоровья очень затянулся, что, видимо, волновало его недоброжелателей, которые хотели бы истолковать промедление в исполнении высочайшей воли не в пользу святителя Павла.

А между тем святитель Павел еще 11 января 1768 года выехал из Тобольска, но только очень медленно подвигался к Москве вследствие сильного нездоровья, заставлявшего его делать в пути продолжительные остановки. Об этом было хорошо известно его московским знакомым; один из них, известный нам высокопетровский архимандрит Сильвестр, 18 марта 1768 года писал, например, киево-печерскому архимандриту следующее: "Преосвященного Тобольского я по сю пору не могу дождаться, хотя, по объяснению ездоков, уже давно из Тобольска выехал, только де очень болен и потиху едет".

2 апреля 1768 года действительно святитель Павел приехал в Москву. Вероятно, здесь только он вполне ознакомился с истинным положением своего дела и с настроением влиятельных лиц в отношении к нему. Об этом ему могли сообщить его московские знакомые, которые были хорошо осведомлены относительно его дела. По крайней мере, близкий к

нему человек, известный нам высокопетровский архимандрит Сильвестр еще до приезда святителя Павла в Москву был уверен в том, что он не возвратится более в Тобольск. В письме к киево-печерскому архимандриту Зосиме он еще 18 марта прямо высказывался: "Благоволите приказать келии для его (т.е. святителя Павла) приготовить, понеже ему в Тобольск уже не возвращаться для многих причин, а в добавку еще наш отец Савватий постарался оклеветать".

Ознакомившись с действительным положением дела, при посредстве таких своих благожелателей, как упомянутый архимандрит Сильвестр и другие, святитель Павел сразу решился сделать то, к чему он, быть может, готовился и раньше. 8 апреля 1768 года он послал Св. Синоду доношение о своем приезде в Москву, причем объяснял причину своего медленного выезда из Тобольска и длительного путешествия до Москвы. Вследствие крайней слабости здоровья, по его словам, он не мог выехать из Тобольска раньше 11 января и по той же причине должен был прожить в Екатеринбурге более трех недель и в других местах подолгу останавливаться. В заключение же всего святитель Павел писал следующее: "А как я и ныне наивящшую по усилившимся во мне болезням слабость моего здоровья ежедневно чувствую и по старости лет моих к выпользованию оных мало надежд заключаю, почему в правлении епаршеских дел нахожу себя не в состоянии. Того ради Ваше Святейшество всепокорнейше прошу за старостию и слабостию моего здоровья от епархии и от епаршеских дел в Киево-Печерскую Лавру на обещание увольнения".

25 апреля 1768 года Св. Синод заслушал означенное прошение святителя Павла и тогда же решил было представить доклад Императрице об увольнении его на покой в Киево-Печерскую Лавру, по желанию его. Но, при самом подписании доклада и затем позже, видимо, под чьим-то влиянием, мотивировка увольнения святителя Павла на покой была изменена. По смыслу последней редакции всеподданнейшего доклада, святитель Павел увольнялся на покой, между прочим, и за неправильные действия его по управлению епархией.

Так исполнилось желание святителя Павла окончить дни своей жизни в любимой им Киево-Печерской Лавре. Святитель Павел в бытность свою митрополитом Тобольским не прерывал нравственного общения со своей духовной матерью несмотря на чрезвычайную дальность расстояния и трудности путей сообщения. Правда, он, особенно на первых порах своего святительского служения в Тобольске, почти совсем не писал в Лавру, очевидно, единственно по недостатку свободного от занятий епархиальными делами времени. Но в Киево-Печерской Лавре хорошо знали о том, как любил Тобольский святитель обитель, где он принял монашество.

Итак, в начале июня 1768 года святитель Павел получил возможность отправиться из Москвы в Киево-Печерскую Лавру. 16 июня был готов уже и синодальный указ о том. Но святитель Павел был, видимо, еще настолько слаб здоровьем, что сразу не мог выехать из Москвы. Он отправился в путь только 30 июля 1768 года, как о том извещал киево-печерского архимандрита Зосиму златоустовский архимандрит (в Москве) Иосиф письмом от 9 августа. 29 августа того же года святитель прибыл в Киево-Печерскую Лавру.

В Лавре заранее начали готовиться к приему столь высокого и желанного гостя. Для него решено было отвести те келии, в которых помещались обыкновенно наместники лаврские. Келии эти были вновь отремонтированы, видимо, еще до увольнения святителя Павла на покой, быть может, по письму архимандрита Высокопетровского монастыря Сильвестра, который еще 18 марта 1768 года предупредил печерского архимандрита о необходимости приготовления келии для ожидавшегося тогда в Москву святителя Павла. Когда последний прибыл в Лавру, то Духовный Собор позаботился и о том, чтобы ему выдавалась в достаточном количестве пища. Святителю Павлу было назначено полное продовольствие наравне с лаврским наместником.

Святитель Павел прожил в Киево-Печерской Лавре на покое недолго, немногим более двух лет. Его "покой" был только внешний. Он теперь был свободен от непрерывных забот и огорчений, связанных с управлением обширной епархией, которая была населена безпокойными людьми: святитель Павел продолжал непрерывно трудиться не только для спасения своей души, но и для блага ближних. Как только несколько окрепло его здоровье, он стал часто совершать Богослужения и служил не только в Лавре, но и в других храмах Киева.

В келии своей святитель проводил время в покаянной молитве и подвигах воздержания. Двери его келии были открыты всегда для всех желающих. Многие приходили к святителю, которого все глубоко чтили как невинного страдальца, исповедовали перед ним свои скорби и нужды, просили у него совета и наставлений, и все получали духовное утешение. Святитель был великим милостивцем. Он приехал в Киево-Печерскую Лавру на покой без всяких средств. Полученное в Москве перед увольнением на покой жалованье за первую половину 1768 года он, вероятно, отдал на нужды любимой им Киево-Печерской обители. Пищей, какую святителю Павлу давала Лавра, он делился с бедняками, которые почти постоянно посещали его келию. Когда никто из бедных не приходил к святителю Павлу, то он сам отправлялся на двор монастырский, находил бедняка, приводил в свою келию и кормил его. Свое имущество, какое только у него было, за исключением освященных облачений,

святитель Павел при жизни своей, будучи, по его словам, "при доброй памяти и из собственной воли", раздал бедным людям.

Осенью 1770 года он почувствовал особенную слабость своего здоровья и приближение смертного конца. 26 октября им было подписано следующее духовное завещание:

"Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Тысяча семьсот семидесятого года месяца октября двадцать шестого дня.

Я, нижеподписавшийся, находящийся в Лавре Киево-Печерской по обещанию митрополит Павел, будучи в слабости здоровья своего, и дабы никто по смерти моей святой Лавры турбовать не могл, сим моим завещанием всем и кому о сем ведати надлежатиметь объявляю, что имевшееся собственное мое имущество, денги и разные вещы, при доброй памяты и из собственной воли, прежде смерти моей все роздано. В уверение чего и сие мое завещание собственноручним подписом утверждаю. Смиренный митрополит Павел."

Перед самой кончиной своей святитель Павел, пригласив к себе архимандрита Зосиму Валкевича, просил его облачить его после кончины в то архиерейское облачение, какое имелось в лаврской ризнице.

А для того, чтобы не вводить дорогую ему обитель в излишние расходы, он тут же передал архимандриту Зосиме письмо к нему от высокопетровского архимандрита Сильвестра, из которого явствовало, что последним были получены в свое время 270 рублей, какие полагались святителю Павлу по его служению в Тобольске. Святитель выразил желание, чтобы на эти деньги в Москве была куплена парча "на саккос и омофор для памяти его" и прислана в Лавру.

4 ноября 1770 года "в пятом часу с полдня" святитель Павел "со всяким христианским порядком", как доносил потом киево-печерский архимандрит Св. Синоду, преставился. В Киеве в то время не было митрополита, так как назначенный 22 сентября 1770 года митрополит Гавриил Кременецкий еще не прибыл в Киев. Лаврские власти сами не решались совершить погребение скончавшегося святителя. После облачения почившего над ним была отслужена только соборная панихида, и затем гроб его был поставлен в склепе, находившемся в приделе во имя св. первомученика Стефана. Тогда же архимандрит написал Св. Синоду, у которого просил распоряжений относительно погребения святителя Божия. Случилось так, что доношение киево-печерского архимандрита Св. Синоду где-то затерялось в пути. Но архимандритом одновременно были посланы письменные извещения о кончине святителя Павла и некоторым архиереям, в том числе и Петербургскому архиепископу Гавриилу (Петрову). Последний, зная о том, что в Киеве в то время свирепствовала моровая язва и не было своего архипастыря, немедленно отве-

тил киево-печерскому архимандриту, которому советовал, не ожидая синодального указа, на основании его письма отправить над святителем Павлом священническое погребение, пригласив к тому и "других отцов архимандритов". Одновременно с этим архиепископ Гавриил (Петров) доложил и Св. Синоду о полученном им из Киева известии относительно кончины святителя Павла. Св. Синод со своей стороны 4 декабря 1770 года предписал киево-печерскому архимандриту немедленно совершить самому погребение святителя Павла. Синодальный указ был получен в Киеве только 28 декабря 1770 года, а письмо архиепископа Петербургского Гавриила (Петрова) — 18 декабря. На другой же день после получения этого последнего письма, т.е. 19 декабря 1770 года, на сорок пятый день по кончине было совершено киево-печерским архимандритом Зосимой погребение святителя в том же самом склепе, где находился и где был потом оставлен его гроб с нетленным телом его.

Так закончилась блаженная жизнь святителя Павла на земле.

Из описания обстоятельств погребения святителя Павла мы уже знаем, что, по особому устроению Промысла Божия, погребение его задержалось. Благодаря этому уже тогда тотчас после кончины святителя современники и очевидцы его погребения могли убедиться в нетлении его тела. Это, без сомнения, и послужило поводом к тому, что гроб с нетленным телом святителя Павла не был опущен в землю, но, как делалось это в Лавре и в других подобных случаях, был оставлен в том же склепе, где он и стоял (наряду, впрочем, со многими другими гробами умерших).

Склеп, в котором пребывало тело святителя, оставался первоначально закрытым для доступа. Открытие склепа и гроба святителя Павла, со всей убедительностью подтвердившее чудесное нетление его мощей, совершилось через 57 лет после его кончины при таких обстоятельствах.

Собственноручное свидетельство Киевского митрополита Евгения Болховитинова:

"Сего 1827 года июня в 12 день доложили мне, что в усыпальнице, под Стефановским приделом, тело Тобольского архиерея Павла, почивающего во гробе поверх земли и назначенное к погребению на новом месте, оказалось нетленным, почему и велел я оставить посмотреть мне самому, но того дня не успел сделать осмотра. В следующую же ночь, когда я заснул, представилась мне буря, колебавшая здание, от коей я проснулся и услышал, что по залам мерно и весьма твердо шествует некто в мою спальню. Двери растворились, и вошел неизвестный муж, озаренный светом, в архиерейском облачении с гневом на лице. Приподнявшись на постельке, я хотел встать и поклониться ему, но не мог, потому что ноги, и особенно колена, у меня сильно задрожали. Явившийся сказал мне: "Чы дасы нам

почываты, чы ни? Не дасы нам почываты, не дам тоби и я николы почываты". Затем он вышел мерными шагами из спальни. Наутро я пришел ко гробу архиерея, коего накануне предположил осмотреть, и, по снятии крышки, увидел того самого святителя Божия Павла, который явился мне ночью, и в том же облачении. Со слезами лобызал я руки его, отслужил панихиду и велел оставить гроб на прежнем месте."

Прошло еще 40 лет. В конце 60-х годов XVIII века Киево-Печерскую Лавру посетил Император Александр II Николаевич с супругой своей, Императрицей Марией Александровной. Государыня, отличавшаяся искренним и глубоким благочестием, с особым благоговением поклонялась святыням Лавры. Была Императрица и в склепе, где почивали нетленные мощи святителя Павла. Государыню сопровождал, между прочим, граф Михаил Васильевич Толстой, известный писатель. И вот что сам он рассказывает об этом посещении склепа, где почивает святитель Павел.

Свидетельство графа М. В. Толстого о нетлении мощей святителя Павла.

"В Киево-Печерской Лавре, в Великой (соборной) церкви Успения Богоматери, из крайнего на северной стороне придела св. архидиакона Стефана есть ход в склеп, или усыпальницу, устроенную под этим приделом . Вместе с другими богомольцами я спускался в этот склеп. Приподняли крышку простого деревянного гроба, сняли пелену с лика святителя, и все мы были поражены изумительным нетлением мощей. Митрополит Павел представляется как бы теперь только уснувшим: русые с проседью волосы и борода, лицо спокойное, с закрытыми, несколько впалыми очами, руки сложенные на персях, митра и облачение,— все вполне сохранилось, хотя прошло уже почти сто лет, как тело святителя покоится в гробе. Этого чудного нетления нельзя приписать действию воздуха или других местных причин, потому что другие тела в том же склепе истлели и разложились".

С того времени в Киево-Печерскую Лавру на имя ее Духовного Собора или отдельных лиц из числа братии ее практически из всех местностей Российской империи непрерывно поступали молитвенные обращения верующих православных (а иногда и иноверцев) к святителю Павлу. Обращения эти преимущественно кратки. В них пишущие или просили отслужить панихиду у мощей святителя Павла, или сообщали о посылке разных вещей церковной утвари для гробницы святителя Павла, или кратко сообщали о разных явлениях милости Божией над ними, или их родными, либо знакомыми, по молитвам святителя Павла. При всей своей краткости такие воззвания много говорят верующему чувству, они служат ясным выражением молитвенного голоса нашего православного народа, глубоко почитающего святителя Павла.

Письменное заявление священника местечка Томашполя, Ямпольского уезда, Каменец-Подольской епархии, Арсения Янковского об исцелении по молитвам святителя Павла от тяжкой душевной болезни:

"В конце 1852 года, не помню, в какое именно время, мне снилось, что я прибыл в Киев. Меня ввели как одержимого тяжким недугом в один из приделов святой Великой лаврской церкви и предложили лечь, в видах исцеления от недуга, на надгробной плите, надпись которой я старался, но не мог разобрать. Вот я лег на указанной плите и крепко уснул. По пробуждении я почувствовал себя совершенно здоровым и бодрым и пожелал узнать, кому или чему я обязан своим выздоровлением. Я увидел себя одиноким на занимаемом мною месте, но услышал явственный и выразительный голос: "Ты здоров по молитвам святителя Павла Тобольского". В недоумении, осматриваясь вокруг себя, я тогда только заметил стоящий над плитой балдахин, в котором на прикрепленных дощечках находилось множество сосудов и флаконов, принадлежащих почивающему здесь святому, с лекарствами и с надписью на каждом. Всматриваясь в надписи, я еще более удивился, что между лекарствами от недугов телесных было более от недугов душевных. Находясь в неописанной радости, в восторге, что обрел себе целителя между угодниками Печерскими, я действительно проснулся с сильным впечатлением и волнением душевным,— имя святого Павла Тобольского мне было совершенно неизвестно. В Киеве я дотоле не бывал. Только в настоящем году (заявление подписано 27 апреля 1866 года) 25 апреля я сподобился видеть и осязать нетленные останки святителя Божия Павла, покровительству которого отселе вверяю тело мое и душу мою".

Свидетельство государственного крестьянина заштатного города Белополья, Сумского уезда, Харьковской губернии, Антония Петрова Федоренко.

А. Федоренко очень тяжело болел головой и глазами в продолжение пяти лет. В таком болезненном состоянии в 1844 году он отправился в Киев. Господь удостоил его быть в склепе, где увидел он открытое лице угодника Божия Павла Тобольского, "обрадовался и приложился к рукам его, и наложил мне на голову некто из монахов от святых его мощей воздух, и в то самое время почувствовал исцеление от болезни и получил глазам просвещение, и до сего времени (заявление собственноручно писалось 16 сентября 1867 года) здоров нахожусь на главу и глаза молитвами угодника Божия Павла Тобольского".

Свидетельство купеческой вдовы заштатного города Славянска, Изюмского уезда, Харьковской губернии, Марии Васильевны Мартыненковой.

Она страдала сильной болью и опухолью в ногах, с трудом ходила и без посторонней помощи не могла взойти на самое невысокое крыльцо или сесть в повозку. Летом 1867 года она отправилась в Киев, не без смущения и скорби, в виду тяжкой болезни, но и с отрадной надеждой, что милосердный Господь, по молитвам и предстательству великих киево-печерских угодников, может уврачевать болезнь ее. Накануне праздника Преображения Господня была она в Лавре и усердно молилась об исцелении от болезни... "Особенно же я,-— собственноручно пишет (1 марта 1868 года) Мартыненкова,— в душе своей призывала на помощь почивающего нетленно под спудом в Киево-Печерской Лавре Тобольского епископа Павла и просила его умолить Господа об исцелении болезни моей. И несомненно верую, что он предстательствовал пред Господом своими святыми молитвами за меня многогрешную: ибо после поклонения моего у гроба его я в ту же ночь чувствовала, как будто кто касается руками болезненных ног моих, а на другой день заметила значительное облегчение своей болезни, которая в скором времени после того совсем миновала, и опухоль в ногах совершенно прошла... Вполне надеюсь, что свидетельство шестидесятилетней старицы принято будет с полным доверием и просьба моя (внести свидетельство это в памятную книгу) не будет отринута."

Свидетельство нижегородского купца Михаила Степановича Потопаева об исцелении, по молитвам святителя Павла, жены его Аполлинарии от летучего ревматизма.

"Когда я был в Киеве, молил святителя Павла чудотворца, чтобы он святыми молитвами помог больной Аполлинарии. Теперь она стала ходить. У нее была давняя и старая боль — ревматизм. Она была и в Крыму на водах, но не было пользы. А денег сколько пролечила, счету нет" (Письмо от 6 ноября 1886 года) "Я обещался это святое дело исполнить в благодарение за молитвы святителя Павла. Теперь я исполнил священный долг своего обещания за исцеление моей жены. Она теперь совсем здорова вот уже два года. А был такой летучий ревматизм, что не было и надежды, даже было воспаление позвоночных костей. Я прибегал с верою ко гробу святителя Павла и теперь молю его, чтобы он своими молитвами пред Господом Богом испросил милости Его нам грешным"... (Письмо от 23 декабря 1889 года).

Тот же нижегородский купец М. С. Потопаев приобрел на свой счет и доставил в Лавру образ святителя Павла, лампаду к сему образу и подсвечник к гробу святителя, каковые доселе находятся в пещере, где почивают мощи святителя Павла.

Свидетельство отставного штабс-капитана Николая Герасимовича Струкова (из Малоархангельска, Орловской губернии) об исцелении сына его, офицера, по молитвам святителя Павла.

У единственного сына его, офицера 32-й артиллерийской бригады Дмитрия Николаевича Струкова, отнялась правая рука. Врачи признали необходимой ампутацию (отнятие руки). Угрожала опасность лишиться руки навсегда. Отец и мать, извещенные о болезни сына, лежавшего в госпитале, поспешили в Киев. Они молились за больного сына и призывали в своих молитвах также и святителя Павла. И вот отец видит сон, будто он "в Киеве, в Печерском соборе, спускается по лестнице в ту комнату (склеп), где почивает святитель Павел Тобольский, и видит, что под всей церковью, внизу настоящего собора — другая церковь освещена несчетными лампадами и около стен стоят верстаки, и люди мастеровые работают: кто пишет, кто строгает, кто рубит. На вопрос свой монаху, что такое тут делается, получил ответ: кому что нужно, тому и делаем: кому нужна нога — ногу, кому нужна рука — руку. В тот же день получил письмо от сына, что он выздоровел и рукой владеет"... Впоследствии выздоровевший участвовал в русско-турецкой войне. "Я нахожу и убежден,— заканчивает собственноручное письмо штабс-капитан Струков,— что нашел я в Киеве благодетеля и безмездного врача — святителя Павла Тобольского. Скучно и грустно мне было, что я до сего времени (заявление подписано 20 февраля 1888 года) не поделился той радостью с Печерской Лаврой, что Лавра имеет сокровище неоцененное — благодетеля скорбящим, Павла Тобольского".

Свидетельство Козловского купца Михаила Максимовича Придорогина об исцелении больной руки его по молитвам святителя Павла.

В июне 1840 года он отправился в Киев с надеждой вымолить себе исцеление от ломоты в правой руке. Он страдал нестерпимо в течение 5 лет перед этим. В Лавре болезнь еще более усилилась. Один из земляков его указал ему на мощи святителя Павла и советовал сходить в его пещеру и приложиться к руке. Придорогин с большим трудом мог получить доступ к мощам. Приложившись к ним, он взял из-под гробницы "песочку". Придя в номер гостиницы, он начал усиленно тереть "песочком" больную свою руку, с молитвенным призыванием святителя Павла. Затем он уснул, а когда встал, то рука его была совершенно здоровой. "Встаю, перекрестясь, чувствую: рука моя легкая, ломоты никакой не чувствуется, подымаю ее всячески, крещусь, проходит час и более, чувствую душевное спокойствие и телесное получил исцеление. И с этого часа благодарю моего Господа и Божию Матерь и угодника Божия святителя Павла Тобольского, до сих пор (писано было заявление в сентябре 1873 года) рука моя здорова и не чувствуется никакой болезни"...

В чувстве благодарности за свое исцеление купец М.М. Придорогин приобрел писанный на стекле образ Божией Матери Одигитрии, который поднес в 1848 году митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову) с просьбой повесить эту икону над гробом святителя Павла.

Жительница Астраханской губернии, больная жена чиновника, по имени Елена, приезжала в Киево-Печерскую Лавру с нарочитой целью служить панихиду по усопшем святителе Павле. По ее рассказам, она возложила на своего больного 8-летнего сына, страдавшего в течение четырех лет падучей болезнью, воздух, которым было покрыто лицо святителя Павла и который был дан ей, и сын ее совершенно выздоровел.

Чиновник города Хорола, Полтавской губернии, в течение шести лет тяжело болел; никакие медицинские средства не помогали ему; врачи отказались лечить его. Святитель Павел явился ему во сне и сказал: "Поезжай в Киев — там получишь исцеление". Он приезжал в Киев, дважды просил служить панихиду у гроба святителя Павла и выехал домой совершенно здоровым

Чиновник из города Борзны, Черниговской губернии, тяжело болел в течение года. С большим трудом приехал он в Киев и дважды просил отслужить панихиду по святителю Павлу. Возвратившись домой, он сделался здоровым и стал продолжать свою службу. Мать и сестры его после того приезжали в Лавру и со слезами благодарили святителя Павла за исцеление их сына и брата.

Жительница Курской губернии, по имени Устиния, в течение 12 лет страдала и "кричала на голоса" (была кликушей). Ее с большим трудом привели в пещеру ко гробу святителя Павла, где ей сразу сделалось лучше. В течение шести дней она со слезами молилась перед гробом святителя Павла и отправилась домой здоровой.

Подобным же образом, на глазах киево-печерского старца схимонаха Феодосия, находившегося в течение многих лет постоянно у гроба святителя Павла, по свидетельству сего схимонаха, многие больные богомольцы (особенно нервнобольные, так называемые бесноватые) приходили сами или же другими были приводимы в пещеру, молились сами или же другие молились о них и просили, в их присутствии, служить панихиду у гроба святителя Павла и, по вере своей, получали исцеления от разных болезней или немедленно, или же постепенно в течение известного времени поправлялись и становились здоровыми. Многие (до 30) из таких примеров чудесной помощи больным, по молитвам святителя Павла, были записаны упомянутым схимонахом Феодосием, а еще большее число их, разумеется, осталось известным одному Богу и тем лицам, над которыми, по молитвам святителя Павла, явилась милость Божия.

Тот же самый схимонах Феодосий записал еще одно — особое — явление милости Божией по молитвам святителя Павла, которое притом

вполне совпадает и с документальными данными. *Киевский чиновник Олендзкий, католик,* должен был отправиться в Сибирь. Святитель Павел три раза являлся Олендзкому, приказывал ему принять Православие с обещанием избавить его от Сибири. Олендзкий, действительно, послушался голоса святителя Павла, принял Православие и остался в Киеве, где и скончался.

По собственноручному свидетельству дворянки Анны Афиногеновны Шолкевич, она осенью 1889 года в С.-Петербурге заболела сильно и лежала в больнице. Во время тяжких дум о том, что доктора не вылечат ее и она может умереть, она заснула и видела святителя Павла в мантии и белом клобуке. Он стоял на возвышении, на площади, переполненной народом. Больная стремилась подойти к нему за благословением, но не могла, вследствие тесноты. Стоявший рядом со святителем диакон в ораре, одетом крестообразно, подозвал больную к святителю, который окропил ее святой водой со словами: "благодать Святаго Духа", "благодать Святаго Духа". После этого видения больная выздоровела, приезжала в Киев и затем путешествовала во Св. Землю. По свидетельству той же дворянки А.А. Шолкевич, ей еще раньше являлся во сне святитель Павел. После этого видения она прикладывалась к мощам святителя и попросила себе на благословение рукавичку из гробницы святителя. Когда потом она была у своих родных в Пензе, то там был болен водянкой ребенок, который умирал. По ее совету, на голову больного ребенка положили привезенную ею рукавичку, и ребенок совершенно выздоровел. Это было в 1862 году.

По свидетельству 40-летней девицы Пелагии Паршиной (Орловской губернии, Елецкого уезда, города Чернавы), бывшей в течение 18 лет послушницей в воронежском Покровском монастыре, записанному 16 июля 1890 года бывшим наместником Киево-Печерской Лавры архимандритом (впоследствии архиепископом) Ювеналием (Половцевым), она (девица Паршина) более трех месяцев болела раком на ногах и не владела ни руками, ни ногами. Когда в ранах появилось гниение, и черви показались, и когда наступила нестерпимая боль, то она начала усиленно молиться, просить помощи св. угодника и впала в забытье. Ей явилась елецкая затворница старица Мелания, которая посоветовала ей не плакать, а просить о помощи Павла Тобольского. Вслед затем явился и сам святитель, "умиленно посмотрел" на больную, взялся за ее ноги и так сильно встряхнул ее, что она испугалась и вскрикнула, а святитель сделался невидим. Вскоре после того больная стала чувствовать крепость во всем теле, и болезнь ее постепенно совсем прошла. Совершилось это в июле 1888 года.

Священник Таврической епархии Димитрий Тихонович, в бытность свою послушником Киево-Печерской Лавры (1895—1896 годы) тяжко

заболел кровотечением из горла. Никакие медицинские средства не помогали ему. Лучшие врачи, лечившие его, не могли помочь ему. Он потерял надежду на выздоровление. Находясь в братской больнице, приговоренный к смерти и напутствованный духовником, он спокойно ожидал смерти. И вот что однажды совершилось с ним. "В одно утро,— свидетельствовал он впоследствии публично, путем печати,— когда я ожидал со дня на день приближения смертного часа, при начале Божественной Литургии я в изнеможении уснул. И мне видится, будто я стою у ра́ки мощей святителя Павла Тобольского, что под спудом в Стефановском приделе Великой церкви, и горячо молюсь ему, и будто святитель поднялся и сел в своей ра́ке, преподавая благословение подходящим к нему богомольцам. Один из последних, будучи поражен слепотой очей, подошел к святителю, и сей, коснувшись рукой своей глаз его, подал ему исцеление. Потом, увидев меня, святитель мановением руки подозвал к себе. Я, объятый страхом, подошел и пал в его объятия. Тут громкое пение "Единородный Сыне" заставило меня придти в себя, и я тотчас же почувствовал, как у меня запершило в горле. Я полагал, что у меня после такого приступа, по обыкновению, хлынет кровь из горла, и поспешил позвать служителя, но ничего опасного не случилось, кровь не показалась. С той поры я начал быстро поправляться. Припадков прежней болезни более не обнаруживалось ни разу. И теперь, по милости Божией, я совершенно здоров".

По собственноручному свидетельству игумена Анина, бывшего начальника Спасо-Преображенской пустыни Киево-Печерской Лавры, он в октябре 1879 года тяжко заболел гангреной на левой ноге. Вследствие сведе́ния жил больной совсем потерял способность ходить. Он вынужден был поступить в братскую больницу. Находясь здесь, он усердно молился Богу и особенно просил помощи и ходатайства у святителя Павла, так как слышал, "что по его ходатайству и молитвам прибегающие к нему получали исцеление". И вот что произошло. "4 ноября,— пишет старец,— в воскресный день, после лаврского благовеста к Заутрене, спустя не более получаса стал я молиться святителю Павлу, прося помощи об облегчении болезни моей, и в тот же момент увидел подходящего ко мне монаха росту высокого, в рясе, только без клобука, тихой поступью (и это было не во сне, а наяву), и я спросил: кто это? И получил ответ: "Павел,— и потом сказал мне явившийся,— не бойсь, будеши здоров", и скрылся. Этим видением я душевно встревожился, осенив себя крестным знамением, успокоился и получил облегчение настолько, что сейчас же уснул и проспал до утра". С того времени больной стал медленно выздоравливать, долго ходил на костылях, а в феврале 1880 года совершенно был здоров. В благодарность за явленную милость Божию он дал

обет ежегодно 4 ноября служить панихиду о блаженном упокоении святителя Павла.

9 сентября 1908 года, во вторник, *крестьянка Тверской губернии, Корчевского уезда, села Рождествина, девица Татьяна Петрова Синяева,* 27 лет, страдавшая более десяти лет (с 17-летнего возраста) бесноватием (кликушеством), будучи приведена посторонними людьми в пещеру, где почивает святитель Павел, в безсознательном состоянии, после того получила совершенное выздоровление от своей мучительной болезни.

Румынская подданная, жительница города Одессы, Дария Андреева Димитри, вдова 50 лет, православная, летом 1909 года прибыла в Киево-Печерскую Лавру на богомолье к празднику Св. Троицы. Здесь она тяжело заболела и была взята в лаврскую странноприимную больницу. На ее глазах умирали больные женщины. Сама она была настолько больна, что не могла подняться с постели. Она очень скорбела, особенно потому, что имела намерение отправиться на поклонение в Иерусалим. И вот когда она в таком своем положении уснула от усталости, то увидела во сне, будто она находится в пещере, где почивает святитель Павел, причем она приложилась к его мощам. В тот же момент она проснулась и почувствовала, что настолько поправилась, что может встать, и, действительно, встала и начала ходить, к удивлению окружающих. Это было ночью. Наутро она была в пещере, где почивает святитель Павел, и с усердием и со слезами молилась и благодарила его за исцеление. Д.А. Димитри собственноручно подписала изложенное описание ее выздоровления от болезни.

26 сентября 1911 года *смоленский мещанин, житель города Поречья, Смоленской губернии, Кирилл Савельев Григорьев,* 75-летний старец, грамотный, нарочито приходил в Киево-Печерскую Лавру для того, чтобы объявить о бывшей над ним милости Божией, по молитвам святителя Павла. Григорьев, по его словам, жил прежде (1858—1873 годы) в Киеве и часто ходил в Лавру для поклонения святым угодникам. Однажды ему (это было в 1868 или 1869 году) удалось быть в пещере святителя и видеть нетленные его мощи. "Когда я подошел к святым мощам угодника св. Павла,— пишет сам Григорьев,— то монах снял с его лика воздух. Я всмотрелся в его черты. Тогда мне представился лик угодника положительно, как живой: в митре, с седой большой бородой, лице белое и, вероятно, от оспы, в рябинках". Переселившись в Москву, этот самый Григорьев заболел в 1877 году всем организмом до того, что слег в постель и перестал употреблять пищу. Тогда ему во сне явился святитель Павел, после чего Григорьев выздоровел. "И с тех пор,— пишет Григорьев, — никогда ничем не болею, хотя имею уже $74^1/_2$ года... Что это верно, тому может служить мое дальнее путешествие нарочито по этому делу в Киев и мои почти 75 лет".

1912 года 2 октября из *Санкт-Петербурга* (Забалканский пр., д. 18. кв. 5) *от Стефана Филипповича и Клавдии Богомазовых.* Выдержка из письма: "Совершив давнее желание сердца моего — принесши в дар от трудов благоговейно чтимому мною с лет юности подвижнику правды и святительской стойкости, преосвященному Павлу Канюскевичу, митрополиту Тобольскому, усопшему в Киево-Печерской Лавре, приличную его святительству ра́ку, и возблагодарив Господа, мне помогающего, я до слез был обрадован благословением меня святою иконою преподобных печерских чудотворцев... Благословите и мой дальнейший путь, благословите дела рук моих и вознесите молитву за нас, недостойных Стефана и Клавдию, да сохранит Господь сердца и души наши в единомыслии, в любви к Богу, и да пребудут наши души и жизнь наша в святой Его деснице, дондеже восхощет Он, Милосердый, призвать нас от сей юдоли земной. Милостивое ко мне отношение... окрыляет меня дерзновением вся тайная сердца моего поведать вам. Молясь перед гробом Владыки Павла, с давних пор слышал я народное желание прославления нетленного тела Владыки, от Господа воссиявшего и нетлением, и многими чудесами. В сердцах, притекающих ко гробу Владыки, он именован уже с давних пор угодником Божиим. И уходим мы, чтущие его, от гроба его с глубокою верою, что Господь дал нам в душе его правдолюбивой и ревности святительской пример, и уподобление, и со слезами умиления, в простоте сердца нашего, взываем мы: преподобне отче, молися о нас!".

В таких обращениях слышится голос не только дерзновенной надежды, но и оправдавшейся на опыте веры в помощь Божию, по молитвам святителя Павла.

Дивен Господь во святых Своих!

День двадцать первый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКСИМА ГРЕКА

Ревнитель истины и благочестия преподобный Максим, инок Ватопедского монастыря, был родом грек, но по своим великим подвигам вполне принадлежит святой Русской Церкви, которой он был светильником при жизни и остался светильником по смерти в своих сочинениях.

Отечеством преподобного Максима был город Арто в Албании, близ Эпира. Он родился около 1480 года от благочестивых и богатых родителей — Мануила и Ирины, греческого происхождения, почему и сам везде значится Грек.

Отец его был важным сановником и отличался чистотою православной веры, а потому и Максима воспитал в глубоком благочестии и научению страху Божию. Первоначальное образование в науках Максим получил от своего же родителя, ибо в то время, с падением Константинополя и порабощением всех греческих областей под иго магометан, были уничтожены и все училища. Так с ранних лет Промысл Божий судил Максиму встретить в отечестве своем испытания и этим как бы приготовлял его к тем горьким страданиям, которым он должен был подвергнуться в позднейшие годы своей жизни.

---

21 июня (ст.ст.) — обретение мощей преподобного Максима Грека (1996 г.).
Празднование установлено по благословению Святейшего Патриарха Алексия II (25 августа 1997 года).

В горестное то время невозможно было любознательному уму получить в порабощенной Греции высшее научное образование, почему многие юноши из греческих областей отправлялись в европейские государства для образования себя в науках.

Естественно было и юному Максиму, по любви к науке, искать образования вне отечественной страны. Поэтому он отправился в Галлию, где слушал уроки знаменитого соотечественника своего Иоанна Ласкариса, бывшего профессором в Парижском университете.

Окончив образование у Ласкариса, Максим, желая короче ознакомиться с древними языками, отправился в Венецию и сблизился там со знаменитым издателем Альдо Мануччи, который обладал глубокими познаниями в древних языках; при нем всегда было общество ученых, помогавших ему при печатании книг с древних рукописей. При помощи таких руководителей Максим ознакомился со словесными произведениями Древней Эллады, так что и сам впоследствии нередко цитировал в своих сочинениях древних поэтов.

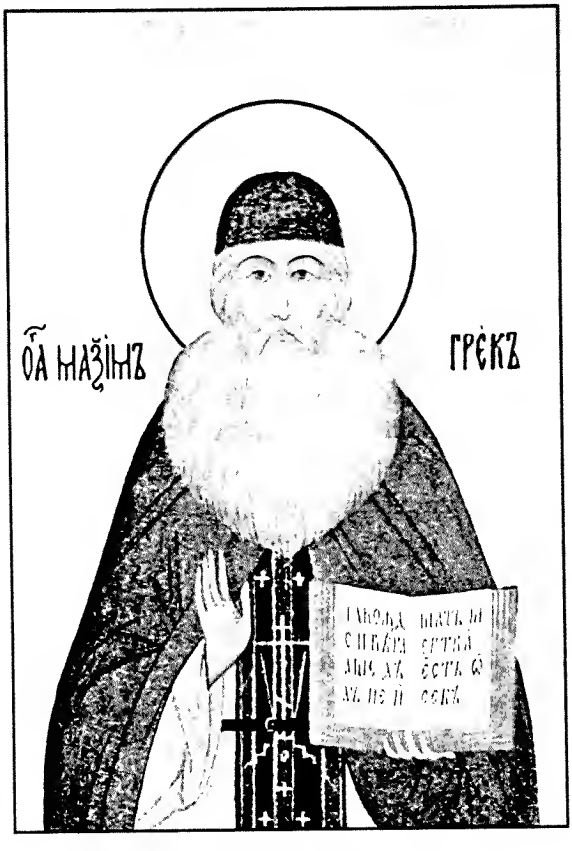
Из Венеции Максим отправился во Францию, где долгое время прожил тоже среди ученых, но, к несчастью, зараженных языческими убеждениями; но он, как мудрая пчела, извлекал из проповедуемой философии только то, что не чуждо было христианской религии.

Общее заражение безверием частию колебало и Максима, который, в юношеском своем возрасте вращаясь среди заразы, не всегда мог правильно понимать отношение философии к Евангельской Истине, "*если бы,* — как пишет об этом Максим, — *Господь, пекущийся о спасении всех, не помиловал меня и не посетил вскоре Своею благодатию, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия*".

И действительно, при повсеместном заражении безверием без особой помощи Божией невозможно было устоять юноше, видя наставников своих последующих туда, куда влекла волна языческих нравов. Поэтому Максим даже удивлялся, как только он мог избегнуть поглощающей волны, остаться невредимым от увлечения среди безбожников и сохранить чистую веру в Бога!

Таким образом Максим окончил на Западе свое образование, там почерпнул он глубокие сведения в богословии и философии, в истории и словесности и основательно изучил древнегреческий, латинский, французский и итальянский языки. Но не Парижский университет довершил образование Максима, а Гора Афонская. В Италии, в Галлии он мог получить образование светское; но просвещение богословское, утверждение в догматах веры православной он мог почерпнуть только на Востоке. Благодать Божия расположила Максима посвятить себя иноческой жиз-

ни. По своему образованию он мог занять видное положение в обществе, но юного ученого занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали от шума городского, в тихой обители, среди людей, посвятивших себя на служение Богу. Тем более Максим мог решиться на уединение монастырское, что здесь по преимуществу он мог с полною свободою предаться занятиям столь любимою им наукою.



Преподобный
Максим Грек

И вот Максим, по возвращении из путешествия, снова оставляет свой родной очаг и отправляется на Афон, тогда, как и ныне, служивший приютом для душ, всецело преданных Богу, где притом можно было найти все удобства не для одних подвигов иноческих, но и для умственного усовершенствования и богословского образования. Максим неоднократно слышал от своего наставника Иоанна Ласкариса[1] о тех драгоценных сокровищах, какие хранились в библиотеках афонских монастырей, а также и о великих старцах-философах, живших в то время на Афонской Горе, которые были зерцалом духовной учености в высшем смысле любомудрия духовного, основанном не на одном только созерцании, но и на деянии подвижнической жизни. В то время на Афоне в его обителях сосредоточились все богатейшие греческие книгохранилища, а особенно — в Ватопедской, которая владела редкими сокровищами церковной науки, оставшимися после смерти двух иночествовавших в ней императоров: Андроника Палеолога и Кантакузена.

Около 1507 года Максим прибыл на Афон и поступил в братство Благовещенской Ватопедской обители, где и принял пострижение в монашество. И здесь-то, в уединении и вдали от шума житейских волн, разных превратностей и разномыслий, Максим, в кругу опытных, великих и единонравных старцев, начал, как трудолюбивая пчела, собирать

[1] По поручению Лаврентия Медичи, Ласкарис из Флоренции отправился на Афон за рукописями и вывез оттуда до 200 древних книг.

мед со всех благовонных цветов афонских и проводить жизнь в обучении иноческим подвигам.

Так прошло около девяти лет. Притом неоднократно, в виде послушания, возлагалось на него поручение от обители отправляться для сбора милостыни, так как в то время Ватопедская обитель не могла более содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучаться с обителью, но как истинный послушник, для блага и пользы ближних, он отправлялся в странствования и, проходя из города в город, собирал от доброхотных жертвователей изобильную милостыню, а сам, как бы взамен оной, проповедовал им из неоскудного источника своего любомудрия слово назидания и чистоту православной веры.

Вместе с тем эти поручения показывают, что Максима уже успели понять и оценить как опытного инока, который с честию мог выполнить нелегкую обязанность просителя. Здесь-то, в обители Ватопедской, думал Максим мирно окончить дни свои в безвестной тишине, в подвигах иноческого послушания; но Господь судил иначе: иной предлежал ему ученый и вместе страдальческий подвиг в земле ему чужой, где должен был положить свои кости после многих невинных страданий за любовь не только к науке, но и к истине в исправлении церковных книг, за что сподобился если не венца мученического, то, по крайней мере, славы исповедника долготерпением во многолетних скорбях, в узах и темнице, и даже в неправедном отлучении от Церкви, которой он был предан со всею ревностию православного ее сына и защитника догматов.

Великий князь Московский Василий Иоаннович, пользуясь миром своей державы, обратил внимание на хранившееся в палатах его драгоценное сокровище, которое, однако ж, не было доступно решительно никому из русских. Это сокровище состояло в редком и громадном собрании древних греческих рукописей, переходивших из Византии с самых первых времен просвещения Руси Христовою верою и особенно умножившихся при отце Василия Иоанновича (великом собирателе земли Русской, Иоанне III), за которым была в замужестве последняя отрасль константинопольских Палеологов — София. Желая узнать содержание этих рукописей и в то же время не находя в России человека, который бы мог удовлетворить этому желанию, Василий Иоаннович, по совету и с благословения духовного отца своего Митрополита Варлаама, решился обратиться на Афон с просьбою прислать в Москву умного мужа, который бы в состоянии был пересмотреть греческие книги, находящиеся в княжеской библиотеке, и, если нужно будет, перевести их. С этою просьбою и богатою милостынею в марте 1515 года посланы были на Афон от Великого князя торговые люди Василий Копыл и Иоанн Вараввин.

Посланные, по прибытии на Святую Гору, предложили ватопедскому старцу Савве приглашение Великого князя Московского, но Савва, ссылаясь на старость и болезненное состояние ног, отказался. После этого Прот[1]) Святой Горы Симеон по совету ватопедской братии решился заменить престарелого Савву иноком Максимом; но Максим, как бы предвидя, что в России ожидают его многолетние страдания, отказывался от этого тяжкого поручения и удаления из любимой им Святой Горы. Игумен ватопедский, видя непреклонность его, сказал, что доставлять духовную пищу алчущим есть святое дело величайшей любви; убеждения эти смягчили Максима, и он, предавши себя на волю Божию, решился ехать в Россию.

При отправлении Максима в Москву ватопедский игумен Анфим писал Митрополиту Варлааму, что избрали и посылают инока Максима "яко сведуща в Божественном Писании и способного к изъяснению и переводу всяких книг — и церковных, и глаголемых еллинских. Правда, — писал он, — Максим не знает русского языка, а только греческий и латинский, но мы надеемся, что он скоро научится и русскому языку". И таким образом, с молитвою и напутственным благословением инок Максим отправился с послами в Россию.

Путешествие их продолжалось два года, ибо посланные Великого князя несколько времени должны были провести в Константинополе и потом в Крыму. Максим же в это время занимался изучением русского языка и в начале 1518 года прибыл в Москву.

По прибытии Максима в Москву Великий князь принял его с радушием и, обласкавши своим вниманием и покровительством, назначил ему пребывание в Чудовом монастыре, а содержание получать от его великокняжеского двора. Кроме Великого князя, Максиму оказал особое внимание и первосвятитель московский Варлаам, муж святой жизни, который рад был приезду ученого мужа и впоследствии охотно последовал его мудрым советам к улучшению состояния церковного.

Осмотр великокняжеского книгохранилища привел в восторг любознательного Максима, которому такого множества редких книг не приходилось видеть и на Востоке. Осмотревши всю библиотеку, Максим представил Великому князю список непереведенных книг. Великий князь, посоветовавшись с Митрополитом и боярами, просил Максима заняться переводом толковой Псалтири, так как эта книга наиболее других обращалась в руках: с нее начинали знакомиться с грамотою; к ней чаще всего обращались в церковном Богослужении; она служила и для домашнего благочестивого упражнения, — как уединенному подвижнику, так равно и простому мірянину. А так как Максим еще не был силен в

[1]) *Прот* — глава духовного управления Святой Афонской Горы.

церковно-славянском языке и не ознакомлен с его особенностями, то в помощь дали ему двух переводчиков: Димитрия Герасимова и Власия, владеющих латинским языком, которые должны были передавать с латинского на церковно-славянский язык то, что будет переводить им Максим с греческого на латинский. В пособие же переводчикам назначены были два писца: Михайло Медоварцев и инок Троице-Сергиева монастыря Силуан.

Год и пять месяцев трудился Максим над переводом Псалтири, который и был, наконец, представлен Великому князю. Василий Иоаннович передал книгу Митрополиту Варлааму. Святитель с восторгом одобрил на соборе первый труд Максима. Князь же в награду осыпал инока новыми милостями. Все это, однако ж, не обольщало Максима, как бы предчувствовавшего предстоящее ему бедствие. Он предвидел, что труды его могут быть не поняты или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованием и, особенно, не знавшими греческого языка. Поэтому в письме к Великому князю труженик, не считая свой труд совершенством, из скромности и по глубокому смирению писал: "Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки, и учились у знаменитых учителей, но еще стоим долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще неспособные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостаиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык, по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риторами, довольно представляет трудностей в переводах, для побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однако же, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцем или от долговременности, где возможно было при пособии книг или по собственной догадке, старались вознаградить или исправить; где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было". Притом Максим не отрицал, что могут найтись в его переводе и ошибки, произошедшие от недосмотра и недоразумения, — и просил, по возможности, исправлять их, но с тем, чтобы исправитель сам был силен в знании греческого языка, хорошо был знаком с грамматикою, риторикою и со значением греческих слов.

Указав затем на труды помощников своих и испросив им у Государя достойного награждения, Максим себе, как единственной милости, про-

сил позволения возвратиться в Святую Гору. "Избавь нас, — писал он Государю, — от печали долгой разлуки, возврати безбедно честно́му монастырю Ватопедскому, давно уже нас ждущему. Дай нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли пред Христом и страшными Его Ангелами в день пострижения. Отпусти нас скорее в мір, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских добродетелях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь не только владеющий многими народами, но и цветущий правдою и Православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует нам Господь еще некогда царствовать, освобожденным тобою от рабства нечестивым".

Усиленные просьбы Максима о возвращении на Афон уже показывают, что он имел причины опасаться несогласия на то правительства, — с другой стороны, дают разуметь, что не так он был очарован благоприятностию обстоятельств в России, чтобы забыть свой убогий Афон. Но не суждено было Максиму когда-либо возвратиться на родину, — сперва по той необходимости, которую почувствовали в ученых трудах его, а потом — по тяжким гонениям.

Великий князь, видя по первому опыту перевода Псалтири даровитость глубокого познания ученого грека, никоим образом не соглашался отпустить его на Святую Гору и упросил Максима остаться еще на несколько времени в Москве. И когда Максим, переводя другие книги (толкование древних Отцев на Деяния Апостольские и толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и Иоанна), довольно изучил русский язык, Василий Иоаннович, по совету с Митрополитом, поручил ему заняться пересмотром и исправлением тогдашних церковнобогослужебных книг. Труд не легкий и крайне щекотливый; тем не менее Максим не мог отказаться от него.

Немало времени провел Максим в трудах книжного исправления, и во все время он пользовался милостями князя. "Жегомый Божественною ревностию, очищал плевелы обеими руками", как об этом сам он выражался; и, дерзая о Господе, преподобный иногда высказывал резкие отзывы о том, что видел. Но то, что видел он, видели немногие. Поэтому слепая страсть к старине все те отзывы Максима считала за оскорбление святыни. Начался втайне ропот на "пришельца греческого", — так выражались о Максиме ропотники; стали говорить втихомолку, что Максим не исправляет, а портит церковные книги! Максим — еретик! Однако, явно никто не дерзал возводить клеветы на честного и безкорыстного труженика, боясь Великого князя, который, кроме оказываемой ему любви и уважения, часто приглашал к себе и пользовался его, Максима, советами в делах церковных и государствен-

ных, так как видел в нем мудрого мужа и ревностного поборника за православную веру.

Между тем и Максим, видя расположение к себе Государя, не скрывал для одного себя эту царскую милость: он чрез это внимание приносил пользу и ближним, часто ходатайствуя пред Великим князем за бояр, подпавших его гневу. Ревнуя о чистоте православной веры, преподобный и собору духовному подавал совет ревностно действовать против упорных прекателей веры, наипаче же против ереси жидовской, возмущавшей Церковь, и предлагал Митрополиту Варлааму перевести собрание правил церковных, но в исправлении богослужебных книг действовал осторожно, представляя свои недоумения на разрешение святителя, если находил что излишним против греческих книг. Хотя дело и производилось келейно, однако возбудил он неудовольствие духовенства: все заговорили, будто Максим отвергает русские церковные книги и утверждает, что в России нет ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтири, ни Устава. Клеветы сии не могли бы иметь никаких последствий для ученого пришельца греческого, если бы на кафедре московской оставался благоразумный пастырь, ему покровительствовавший. Но в 1521 году вынужден был Варлаам оставить свою кафедру, по неудовольствию с Великим князем; и на его место поступил Даниил — из иноков Волоколамского монастыря, тяжкий для Максима. И отселе начались все его бедствия.

Преподобный Максим и прежде замечал, что несправедливо включено в присягу архиерейскую обязательство никого не принимать от Константинопольского Патриарха. Оно могло быть нужным тогда, как дела Православия, в последние годы Греческой империи, в Константинополе колебались; но впоследствии, когда Патриарх строго держался Православия, оно было оскорбительно для престола патриаршего, ибо порабощение империи не могло иметь никакого влияния на дела веры. — Максим не оставил этого без замечания и написал об этом слово. Перемена митрополита подала повод к другому вопросу: почему новый митрополит поставлен без сношения с Греческим Патриархом? Любопытствующему иноку отвечали, что есть в Москве благословенная грамота от Патриарха Константинопольского, которою дозволяется русским митрополитам ставиться своими епископами. Но сколько ни доискивался Максим, не мог он видеть этой грамоты. — Такие вопросы и сомнения, конечно, не были приятны Даниилу.

Новым Митрополитом не были довольны, потому что находили его слишком угодливым пред светскою властию: у Максима были знакомые между этими недовольными, которые приходили к нему за советами. — В одно время Даниил просил ученого инока заняться переводом Церковной Истории блаженного Феодорита, — неизвестно, для какой цели.

Преподобный Максим отказался от сего поручения, потому что в этой книге много помещено актов еретических, которые могли быть соблазнительными для простого народа. Это очень огорчило Митрополита.

Неудовольствия на преподобного Максима возрастали и с других сторон. В разных писаниях своих он обличал притязательность иноков, заботившихся только о приумножении своих имений, напоминал об обетах, данных каждым при пострижении, восхвалял виденные им на Западе монастыри братьев нищенствующих. Враги Максима всем этим пользовались и рассевали против него клеветы, будто он порицает святых иноков российских, которые не отказывались от богатых приношений, делаемых их монастырям, принимали и приобретали села и деревни. Кроме того, общественные пороки, насилия слабым от сильных, бедным от богатых — все вызывало его обличения. Его положение было довольно особенное. Как безпристрастного инока, как ученого мужа, много видевшего на свете, его спрашивали о многом, что делалось высшею властию, и потом передавали его речи со своими толкованиями.

Но Максим, как адамант, твердо ратовал по благочестии, он не падал духом и на все распространяемые на него клеветы смотрел безболезненно, ибо чистая его душа только одного и желала: неутомимо и ревностно действовать о Истине Христовой, для пользы ближних.

В то время Римская Церковь, обезсиливаемая на Западе Лютером, много заботилась, чтобы распространить свою власть на Россию и склонить русских к соединению с нею. Для этой цели со стороны папы послан был легат Николай Шонберг, который, по прибытии своем в Москву, начал распространять между народом "Слово о соединении Руссов и Латинян". Он успел обольстить боярина Феодора Карпова, колебал и других.

Преподобный Максим зорко следил за ходом дела и, вооружившись оружием правды, восстал против лукавства римского, разбил и опроверг все доводы и козни Шонберга, написав по этому поводу до 15-ти сочинений, преследуя на каждом шагу вероломства папистов; в то же время его мудрые писания были направлены против иудеев, язычников и магометан. Труды сии на время оберегали Максима от злобы распространившегося невежества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максим страстей человеческих, ибо еще не испытал всей их силы. "Заповедь Божия повелевает нам, — говорил он, — проповедовать всем, вопрошающим нас о Евангельской Истине, несмотря на злобу невежества", — и он не щадил самолюбия, обличая пороки духовенства и вельмож. Столь яркий свет его учения был слишком тяжел для больных очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбие могло пасть на ревнителя истины и благочестия, и этот случай пред-

ставился в 1524 году. Великий князь Василий Иоаннович, скучая 20-летним неплодством супруги своей, добродетельной Соломонии, задумал расторгнуть брак с нею и вступить в новый с Еленою Глинскою, чтобы иметь наследника престола. Так как Закон Евангельский и правила церковные не дозволяли расторжения брака по такой причине, то окружающие Государя нашли полезным, для достижения своей цели, устранить людей, которые могли противодействовать сему намерению. Митрополит Даниил был на стороне Великого князя; старец Максим, как надлежало ожидать, — на стороне правил церковных, и с ним вместе — прямодушный друг его, старец Вассиан, потомок князей Литовских, которого до того времени много уважал Великий князь. Движимый ревностию, преподобный написал наставление Великому князю, в котором убеждал его не покоряться плотским страстям. "Того почитай истинным самодержцем, о благовернейший царь! — писал он, — который правдою и благозаконием ищет устроить житие своих подручников и старается всегда преодолеть похоти и безсловесные страсти своей души, ибо тот, кто ими одолеваем бывает, не есть одушевленный образ Небесного Владыки, но только человекообразное подобие безсловесного естества".

Тогда предстал недоброжелателям давно желанный случай отмстить иноземцу, который осмеливался осуждать русское. Донесли Великому князю, что Вассиан и Максим с друзьями своими творят укоризну царству Российскому и, по своему произволению, искажают словеса церковных книг, обвинили и в подозрительных сношениях с двумя опальными боярами, Берсенем и Жареным, и даже в мнимых сношениях с послом турецким Искендером, бывшим в Москве, чрез которого будто бы Максим писал Султану, чтобы шел войною на Россию, и невыгодно отзывался о военных силах Великого князя и его жестокостях.

После девятилетних постоянных почестей внезапно схватили Максима в феврале 1524 года и без всякого расспроса бросили в кандалах в темницу Симонова монастыря, где он томился несколько дней. Затем Максима потребовали к суду и допрашивали, какие имел он сношения с опальными боярами, но добродетельному старцу нечего было таить что-либо из своих бесед, потому что многие приходили к нему за душеполезными советами. Он рассказал, что говорили ему умные, хотя и не приучившиеся к терпению бояре, открыл и то, что сам говорил им, когда жаловались, что недолго стоит земля, которая переменяет свои обычаи: "Нет, бояре, обычаи царские и земские Государи переменяют, как лучше государству, но та земля, которая преступает Заповеди Божии, та должна ожидать казни от Бога". Искренний во всех делах своих, не скрыл даже тайных мыслей души и о Великом князе, о задушевной жалобе своей на невнимание державного к слезам вдовиц, что могло

быть отнесено к Великой княгине Соломонии: ибо это было главным источником неудовольствия. Но не подействовали обличения Максимовы: в феврале был он посажен в темницу, в ноябре уже пострижена Соломония, а в январе вступил Великий князь в брак с Еленою Глинскою. Все сие совершилось в течение одного года.

Вынуждены были, однако, отпустить на свободу преподобного, так как нельзя было обличить его ни в каких винах государственных. Но враги не оставались в покое; они обратились к такому предмету, по которому легче было обвинить его: к делу о исправлении церковных книг. По воле митрополита Даниила созван был Собор в палатах великокняжеских, и явились обвинители на пришельца греческого, будто бы он искажал смысл Священного Писания и давал значение минувшего времени действию непреходящему, как, например, в выражении о Сыне Божием: "седе одесную Бога" заменил прошедшим временем того же глагола "сидел еси", и что воскресшую плоть Христову наименовал описуемою. Максим в оправдание себе указывал на грамматическое значение приводимых слов, которые выражали время прошедшее, но и это обратили ему в обвинение, как будто признает "седение Сына одесную Отца" уже окончившимся, и приводили против него, как бы на еретика, свидетельства святых Отцев. Тогда Максим смиренно признал первую свою поправку за погрешность, говоря, что он не знал тогда довольно русского языка и различия сих изречений, ибо передавал мысль свою на латинском языке толмачам русским, которых спрашивал по совести, приличны ли такие выражения? Касательно же слова описуемого, старался защитить оное выводами Священного Писания. Но никто не хотел его слушать.

Три раза повергался он на землю пред Собором, умоляя о помиловании ради милости Божией к немощам человеческим, и со слезами просил простить ему погрешности, если какие допущены были им в книгах. Все было напрасно: его осудили как еретика, испортившего Писание Божие, схватили опять и вывезли из города так тайно, что в Москве не знали даже: жив ли он и где заключен. Но страдалец томился в душной темнице Иосифо-Волоколамского монастыря, где отлучен был, как нераскаянный грешник, от приобщения Святых Таин, под строгим присмотром духовных старцев; не только запрещено было ему видеться с кем-либо из посторонних, но даже ходить в церковь: такова была горькая участь пришельца греческого, вызванного с такою честию со Святой Горы. От дыма и смрада, от уз и побоев впадал он по временам как бы в омертвение; но здесь же явившийся ему Ангел сказал: "Терпи, старец, сими муками избавишься вечных мук". И здесь, на стенах своей волоколамской темницы, написал он углем Канон Утéшителю Духу Святому, который и ныне воспевается в церкви.

«Иже манною прѣпитавый Израиля въ пустыни древлѣ, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго; яко да о немъ Богоугодно служу Ти выну».

«Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, Тебѣ, всеблаженному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу, возлагаю».

Игуменом Волоколамского монастыря был тогда суровый Нифонт из учеников Даниила, и много потерпел преподобный от глаголемых Иосифлян, ибо до четырех лет продлилось тяжкое его заключение в их обители. Ученики и друзья Максима разделили его участь: Силуан отвезен в Соловецкий монастырь и там уморен в дыму; Михаил Медоварцев сослан в Коломну; а Савва святогорец архимандрит Спасский заточен в Возмицкий монастырь города Волоколамска; немного позже Максима сослан в тот же Иосифов монастырь и друг его, Вассиан, несмотря на княжеский род свой. А между тем, враги Максима, искажая его оправдания, доносили на него в Москву, что Максим не кается и только повторяет одно и то же: "Чист есмь от чрева матери моея и доныне от всякого греха".

Но тем не кончились страдания преподобного; через пять лет снова потребовали к суду Максима в престольный град; это было уже в 1531 году. Архиепископ Новгородский Макарий, собиравший свои Четьи-Минеи, обратил внимание Митрополита на перевод жития Пресвятой Богородицы, сделанный Максимом за десять лет перед тем. В списках сего перевода найдено было много погрешностей. Митрополит открыл новый Собор и припомнил прежние обвинения страдальца. С ужасом отверг Максим хульные изречения, внесенные в его перевод! — "Я так не переводил! — восклицал он. — Так не писал и не велел писать! Это — ложь на меня, я так не мудрствую; если же кто произносит такие хулы, тот пусть будет проклят!". Но его отрицания не приняли и поверили двум лжесвидетелям, которые утверждали, будто слышали неоднократно от самого Максима, когда изъявляли сомнения против его перевода: "так это надобно". Спрашивали еще Максима, почему исключил из службы Троицкой вечерни Великий отпуст и из осьмого члена Символа Веры слово "Истинного"? Преподобный Максим защищался сколько мог, отвечая, что ничего не приказывал исключать. Касательно же исключения в Символе ссылался на древние рукописи греческие, где вместо "истинного" стояло другое слово — "Господа животворящего".

Но несмотря на то, не освободили узника и даже не разрешили ему приобщения Святых Таин; изменили только место заключения, назначив ему пребыванием Тверской Отрочь монастырь под строгим надзором Тверского епископа Акакия. Это заключение было легче; епископ, не

стесняясь определением соборным, часто приглашал невинного узника за свою трапезу; большим утешением для него служило то, что он мог читать книги. И он написал себе в утешение Словеса инока, затворенного в темнице и скорбящего, которыми утверждал себя в терпении: "Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страждешь без правды, от рук тех, от коих подобало бы тебе приять все благое, ибо ты пользовала их духовно, предложив им трапезу, исполненную Святаго Духа, т.е. сказаний Боговдохновенных песнопений Давидовых, которые перевел я от беседы эллинской на беседу шумящего вещания русского; но паче благодарствуй твоему Владыке и прославляй Его, что сподобил тебя в нынешнем житии привременными скорбями заплатить с лихвою весь долг многих талантов, коими был одержим. Внимай себе, да не помыслишь, что время сие есть время сетования, но паче Божественной радости, да не пострадаешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность в настоящем и будущем веке; если так вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, как повелевает тебе Господь, ибо мзда твоя многая на Небесах!".

В 1534 году скончался Великий князь, и преподобный Максим думал воспользоваться благоприятным временем, чтобы оправдать себя письменно в возведенных на него клеветах. В письменном исповедании он предложил свое верование, вполне православное, и свидетельствовал, что еретическими словами наполнены не те книги, которые им исправлены, но те, которые противники его считали за святыню.

"Поелику некоторые, не знаю — почему, не страшатся называть еретиком меня, невинного человека, врагом и изменником Богохранимой Российской державы, то праведным и необходимым нахожу отвечать моим клеветникам. Благодатию Истинного Бога нашего Иисуса Христа я, по всему правоверный христианин и прилежный богомолец Российской державы, если же и не велик в разуме и познании Божественных Писаний, однако послан сюда от всея Святыя Горы по прошению и грамоте благоверного Великого князя, от которого, в течение девяти лет, преизобильные получал почести. — Повинуясь его повелению, не только перевел я толкование Псалтири с греческого, но и иные боговдохновенные книги, различно испорченные от переписчиков, хорошо я исправил благодатию Христовою и содействием Утешителя Духа, как всем известно. Не знаю, что случилось с некоторыми, враждебно ко мне расположенными, которые утверждают: будто я не исправляю, а только порчу боговдохновенные книги; воздадут они слово Господу за то, что не только препятствуют богоугодному делу, но и на меня, бедного и невинного, клевещут и ненавидят как еретика; я же не порчу священные книги, но прилежно и со всяким вниманием, со страхом Божиим и правым разу-

мом исправляю в них то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже вначале, при их переводе, мужами приснопамятными, но не довольно разумевшими силу эллинских речей. — Исправляю не Святые Писания, но то, что в них вкралось от непохвальных описей, от недоумения или забвения древних переводчиков, или от невежества и небрежения новых переписчиков. Но, быть может, некоторые противники скажут: великое ты наносишь тем оскорбление воссиявшим на земле нашей чудотворцам. С сими священными книгами благоугодили они Богу в жизни и по преставлении прославлены от Него силою чудодейственною. Не я буду отвечать им, но сам блаженный Апостол Павел да научит их Духом Святым, глаголя: "Одному дается Духом слово премудрости, другому слово разума тем же Духом, иному же дарование исцелений в том же Духе, другому же действия сил; иному пророчества, иному различие духов, иному же разные языки, а иному истолкование языков: все же сие действует один и тот же Дух, разделяя властию каждому, как Ему угодно"[1]. Ясно из сего, что не всякому даются вместе все дарования духовные. Исповедую и я, что святые русские чудотворцы по дарованию, им данному свыше, воссияли в земле Российской, и поклоняются им, как верным Божиим угодникам, но ни различные языки, ни толкование оных не приняли они свыше. Посему не до́лжно удивляться, если от столь святых мужей утаилось исправление многих исправленных мною описей: им, ради Апостольского их смиренномудрия, кротости и святого жития, дано было дарование исцелений и чудес предивных; другому же, хотя и грешен он паче всех земнородных, дарованы разумение и толкование языков и не должно тому дивиться".

"Будь мне свидетелем, Господь Иисус Христос Истинный Бог наш, что, кроме множества моих согрешений, ничего хульного в себе не ведаю о святой христианской нашей вере; называвшим же меня врагом Российской державы да не вменит Господь Бог такое их согрешение". — В заключение умоляя отпустить его на Святую Гору Афонскую, представлял и то, что суд о нем принадлежит не русским епископам, а Вселенскому Патриарху. Но участь страдальца Максима не изменилась; крамольные бояре, управлявшие государством во дни малолетства Иоанна, заняты были только своими кознями и губили один другого. Недолго пользовался преподобный и снисхождением епископа Тверского Акакия. Пожар, истребивший в 1555 году великолепный храм, созданный в Твери Акакием, подал повод Максиму высказать, по обыкновению своему, правду о жителях Твери и их пастыре, и это возбудило сильное негодование Акакия, который даже огласил такое обличение неправославным.

[1] 1 Посл. къ Коринф., 12, 7—11.

Между тем умерла правительница Елена, и сам Митрополит Даниил, после десятилетнего управления Церковию, сослан был в заточение в Иосифов монастырь. Страдалец Максим почел долгом примирить с собою совесть изгнанного святителя. Узнав чрез близкого к себе человека, что Даниил продолжает питать к нему прежнее нерасположение, заклинал его, Именем Отца Небесного, оставить вражду, с глубоким смирением говорил о своей невинности и в заключение сказал, что обвинение в ереси, которое не перестают против него повторять, есть только действие оскорбленного самолюбия, всегда жестокосердого к другим. Преподобный решился написать еще о своей вере отчет новому Митрополиту Иоасафу и на имя бояр слово отвещательное на исправление книг русских, с тою же свободою духа свидетельствуя пред ними, что не по лицемерию пишет к ним и не с ласкательством, чтобы получить временную славу и некую отраду в своих бедах.

Новый Митрополит старался утешить страдальца милостивым словом, но, будучи сам обуреваем крамольными боярами, не мог облегчить участи невинного узника: "Целуем узы твои, как единого от святых, — писал он преподобному, — но ничего не можем более сделать в твою пользу". Он желал допустить осужденного до приобщения Святых Таин; но противники соглашались не иначе, как под предлогом смертной болезни. Гнушаясь примесью обмана к святому делу, Максим не согласился на такое условие и, наконец, к своему утешению, после тринадцатилетнего несправедливого запрещения получил разрешение приступать к Святым Таинам когда пожелает.

Новый опыт крамолы боярской — низвержение святителя Иоасафа — возбудил в преподобном ревность; презрев собственною опасностию, он изобразил опытною рукою бедственное состояние Российского царства под образом жены, окруженной лютыми зверями, одетой в рубище и сидящей на распутии, ибо бедствия его отечества поражали глубоко душу Максима, так как и радости его были радостями для его сердца.

В 1545 году, по предстательству Небесной Владычицы, спасена была Москва от несметных полчищ Крымского хана нечаянным их бегством, и Максим воспел благодарственную песнь Господу Иисусу за спасение России; а между тем, в уединении своем изливал скорбь об участи грешной души за пределами гроба, переводя Слово св. Кирилла о исходе души.

Святители восточные не оставались равнодушными к участи долго томившегося в России страдальца; и Патриарх Вселенский Дионисий, и столетний старец Иоаким, Патриарх Александрийский, писали в 1545 году к юному царю Иоанну об освобождении страдальца Максима.

Но и это прошение осталось безуспешным; преподобный с своей стороны, посылая царю кроткое увещание жить по-христиански, просил

преклониться к умиленным его молениям и исполнить праведное прошение о нем святителей; но подозрительный дух того времени не позволил исполнить подобное прошение: слишком много видел в России преподобный, чтоб быть ему отпущенным на родину. Наконец, только в 1551 году, после 20-летнего заключения в Твери, троицкий игумен Артемий, друг Максима, с некоторыми добродетельными боярами упросил державного освободить невинного пришельца, и старец, мирно принятый в Москве, с честию вступил в Лавру Преподобного Сергия. Но уже он был изможден тяжестью оков и темницы, внутренними скорбями и внешними страданиями, и был слаб не только ногами, но и всем телом; однако дух его еще был бодр и способен к высоким созерцаниям.

По просьбе ученика своего Нила, из рода князей Курлятевых, преподобный Максим, после стольких бурь, занялся в уединении Лавры Сергиевой переводом Псалтири с греческого на русский язык, несмотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лет. Через два года после водворения его под сению преподобного Сергия царь Иоанн Васильевич посетил святого старца в его мирной келии и открыл ему свое намерение совершить богомолье в обитель Кириллову, по данному обету за свое исцеление. Опытный старец сказал Государю искреннее слово, которое всегда привык говорить державным: "Обет царствия твоего не согласует времени ради того, что вдовы, сироты и матери избиенных под Казанью еще проливают слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери их под царственный кров твой, и тогда все Святые Божии возрадуются о тебе и вознесут теплое моление о твоей державе, понеже Бог и Святые Его не по месту внемлют молитвам нашим, но по доброму произволению нашего сердца".

Смиренно выслушал царь искреннее слово многострадального Максима, но не хотел отменить своего намерения, почитая оное благочестивым; тогда святой старец сказал князю Курбскому, одному из четырех бояр, сопутствовавших царю, слово пророческое, которое просил передать державному: "Если не послушаешь меня, советующего тебе по Боге, и презришь крови избиенных от поганых, ведай, что умрет сын твой новорожденный Димитрий!" — Но Иоанн упорствовал, и сбылось пророчество святого.

Это еще более исполнило уважением к нему грозного царя — не только как к исповеднику истины, но и как к пророку. На следующий год пригласил он преподобного на Собор в Москву для обличения новой, возникшей там ереси Матвея Башкина, которая имела сходство с кальвинскою, ибо Башкин заразился сим новым учением Запада. Когда же Максим, по дряхлости, уклонился от присутствия на Соборе, царь написал ему послание, которым просил преподобного, чтобы прислал ему

свой отзыв о странном учении: "Да будет тебе ведомо, ради какой вины поднялись мы писать к тебе сие послание, ибо дошло до нашего слуха, что некоторые еретики не исповедуют Сына Божия, равного Отцу, и Святое Тело Господа нашего Иисуса Христа и Честную Кровь Его ни во что вменяют, но как простой хлеб и вино приемлют и Церковь отрицают, и называют идолами изображения Господа, Пречистой Его Матери и всех Святых, и не приемлют покаяния, ни отеческих преданий, возлагая гордость свою на седмь Вселенских Соборов, и иных поучают сему злочестию: сего ради содрогнулся я душею и воздохнул из глубины сердца, и немало о том поболезновал, что такое злочестие вошло в землю нашу, в нынешнее слабое время в последние роды, и помыслил возложить печаль свою на Господа, да соберутся все обретающиеся под областию моею епископы, игумены и черноризцы, да исторгнут терние из чистой пшеницы и будут споспешники святым седми Вселенским Соборам. Изводилось мне и по тебя послать, да будешь и ты поборником Православия, как первые богоносные отцы, да приимут и тебя Небесные Обители, как и прежде подвизавшихся ревнителей благочестия, имена коих тебе известны. Итак, явись им споспешником и данный тебе от Бога талант умножь, и ко мне пришли отповедь на нынешнее злодейство; слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляем тебя с Матвеем. Но не бу́ди того, чтобы верного вчинять с неверными; ты же отложи всякое сомнение и, по данному тебе таланту, нас писанием не оставь в ответ на сие послание; прочее же мир тебе о Христе. Аминь".

Итак, на самом закате дней отдана была, наконец, полная справедливость исповеднику Истины, и это было последним церковным деянием великого страдальца. Через год он скончался, в 1556 году, после сорокалетних трудов и страданий, в старости глубокой, испытанной всеми бедствиями жизни. Древний сказатель о пришествии Максима в престольный град свидетельствует, что, по смерти преподобного, пробудилось к нему общее уважение и многие стремились в Лавру к его священным останкам как к мощам, называя его то пророком, то великим учителем. Действительно, незабвенен должен быть для русского народа невинный страдалец преподобный Максим Грек, ярче других осветивший мрак тогдашнего состояния, с болезненным воплем своими словами вызывая из оного несчастных на путь спасения. Хотя он и дорого поплатился за свою пламенную любовь к истине и за ревность к славе Божией, но, несмотря на все это, посеянное им семя впоследствии принесло изобильные плоды от трудов праведного мужа.

После себя преподобный Максим оставил много ревностных и умных учеников. Таковые были, кроме вышеупомянутых страдальцев

Силуана, Саввы архимандрита Новоспасского и Михаила Медоварцева, инок Нил Курлятев, Димитрий Толмач, Зиновий, инок отенский — муж с просвещением, далеко превосходившим понятия его времени, святый Герман, архиепископ Казанский, князь Андрей Курбский, который устные наставления многострадального Максима употреблял в защиту против проповедников лютеранства. Князь Курбский, ревностный защитник Православия, хорошо знал жизнь невинного страдальца, относился к нему с огромным уважением и называл его не иначе, как святым и преподобным.

К числу почитателей преподобного Максима принадлежал также и преподобный Дионисий — архимандрит Сергиевой обители, который, питая особую любовь к святому, много заботился, чтобы труды ученого и праведного мужа были известны Церкви. Все сочинения преподобного Максима, которые он написал на разные предметы, заключают в себе поучения: нравственные, обличительные и исторические, — были изданы стараниями архимандрита.

Митрополит же Московский Платон устроил над незабвенным прахом преподобного Максима раку и палатку. А в 1840 году усердный почитатель великих людей, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Антоний, по своей пламенной любви ко всему историческому, с благословения святителя Московского Филарета устроил над его могилою часовню, где во всякое время по усердию желающих служатся панихиды по преподобном Максиме.

Сказав о жизни преподобного Максима, не умолчим и о чудесах, бывших над его гробом, которые записаны в преданиях Сергиевой Лавры. Так, в 1651 году во дни Всероссийского Патриарха Никона пришел некий человек из Москвы, слободы Котельной, по обещанию в обитель преподобного Сергия и после Литургии, отслушав молебен, сел близ храма Сошествия Святаго Духа на гробовой доске. Но вдруг силою Божиею сбросило его с гробницы, и несчастный вследствие падения разбился и долго не мог встать; но когда, собравшись с силами, он приполз к могиле и стал спрашивать стоявших тут людей, кто под доскою сей почивает? Они отвечали: "Монах Максим Грек". Тогда расслабленный воскликнул: "Отче Максим, прости меня!". Когда, по просьбе его, была отслужена по преподобном Максиме панихида, то вслед затем оный расслабленный получил совершенное исцеление.

В то время случился тут келейник соборного старца Вассиана Иоанн, который, будучи одержим гордостью, не поверил чуду и, по самонадеянности, сел на гробницу препод. Максима, думая про себя: тогда я поверю бывшему чуду, когда и со мною то же самое случится; но несчастного постиг гнев Божий, и он был три раза сбрасываем с гробницы, так

что лицо его разбилось до крови и раздробились зубы с повреждением языка. Когда он встал и вспомнил свое неверие, горько раскаивался в своей дерзости и, склонивши колена пред иконою Господа нашего Иисуса Христа, стал просить прощения. В это время впал он в глубокий сон и увидел пред образом Всемилостивого Спаса молющегося инока, которого Иоанн спросил: "Кто ты?". Когда же молящийся инок ответил, что он — Максим Грек, Иоанн стал просить у него прощения, но преподобный с гневом сказал ему: "За что безчестишь меня? Ты слышал, что в сей день был сброшен человек, сидевший на моей могиле? А потому за твое неверие ты получил до́лжное". Прощения же искалеченному Иоанну явившийся старец не подал и скрылся от него. Так рассказывал сам Иоанн о бывшем ему явлении.

А в 1851 году, по сказанию "Монастырских писем", сам преподобный Сергий Радонежский чудотворец засвидетельствовал своим явлением одному московскому купцу о святости преподобного Максима. Чудо это произошло следующим образом. Некто московский купец З. был болен и во время молитвы, у себя в доме, призывал в помощь преподобного Сергия. Затем в следующую ночь видит он во сне преподобного Сергия как бы вставшего из гробницы. — Больной подошел к нему и, упавши к ногам, стал просить его святых молитв и ходатайства пред Богом, но преподобный Сергий говорит ему: "Грехи твои оскорбляют Господа, а потому постарайся исправиться и принести покаяние". Но больной, не теряя надежды на его помощь, снова стал умолять его. Тогда преподобный Сергий обещал принести о нем молитву и помочь в болезни. Видя милостивое обещание преподобного, больной в восторге говорит ему: "Преподобне отче Сергие, чем же я могу достойно принести тебе мою благодарность?!" "Ничего мне не надобно, — отвечал ему преподобный, — а принеси, что можешь, преподобному Максиму Греку".

После этого больной получил облегчение в болезни и, по наказу преподобного Сергия, 4 декабря 1851 года привез от своего усердия два покрова: один покров на гробницу преподобного Сергия, а другой — на гробницу преподобного Максима Грека.

Мы же за все сие прославим Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога в Троице. Аминь.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.	Имена святыхъ	дни	стр.
Авксентій Вологодскій	12	269	**Евтропій** мученикъ	16	388
Агапитъ * Печерскій	1	21	**Елисей** * Пророкъ	14	284
Агрипина * мученица	23	499	**Ерось** мученикъ	24	535
Акилина * мученица	13	270	**Ефремъ** * Антіохійскій	8	142
Александръ * Куштскій	9	176	**Зина** мученикъ	22	497
Александръ * мученикъ	10	194	**Зинонъ** мученикъ	22	497
Амосъ * пророкъ	15	319	**Зосима** * мученикъ	19	451
Андроникъ Московскій	13	283	**Зосима** * преподобный	4	85
Антонина * мученица	10	194	**Зосима** преподобный	8	147
Анувій * преподобный	5	94	**Игорь** князь	5	102
Аполлонъ мученикъ	5	102	**Иларіонъ** * Новый	6	108
Аристоклій * мученикъ	20	471	**Инна** мученикъ	20	476
Арій мученикъ	5	102	**Ипатій** мученикъ	3	58
Арсеній Коневскій	12	269	**Ипатій** мученикъ	18	402
Артемій Веркольскій	23	519	**Иперехій** мученикъ	5	102
Архелая * преподобномуч.	6	113	**Ириній** мученикъ	5	102
Астій священномученикъ	4	91	**Исмаилъ** * мученикъ	17	390
Аѳанасій * мученикъ	20	471	**Іеронимъ** * Блаженный	15	361
Варлаамъ Шенкурскій	19	459	**Іоаннъ** мученикъ	28	624
Варнава * апостолъ	11	212	**Іоаннъ** * Новый	2	48
Варѳоломей * Апостолъ	11	203	**Іоаннъ** * Отшельникъ	19	457
Вассіанъ Пертоминскій	12	269	**Іона** митрополитъ	15	384
Вассіанъ * свитый	10	178	**Іона** Пертоминскій	12	269
Виссаріонъ * преподобный	6	103	**Іуда** * апостолъ	19	413
Витъ * мученикъ	15	341	**Іуліанія** мученица	22	498
Гаій мученикъ	23	519	**Іуліанъ** * мученикъ	21	478
Галактіонъ мученикъ	22	498	**Іуліанъ** * преподобный	21	480
Германъ Валаамскій	28	632	**Іулій** * преподобный	21	480
Горгій мученикъ	5	102	**Іустинъ** * мученикъ	1	17
Давидъ * Солунскій	26	609	**Іустинъ** * философъ	1	5
Димитріанъ * мученикъ	20	471	**Калерія** мученица	7	137
Димитрій царевичъ	3	74	**Киріакія** мученица	7	137
Діонисій * Глушицкій	1	27	**Киріакъ** мученикъ	24	535
Діонисій * мученикъ	3	58	**Кириллъ** * Александрійскій	9	153
Діонисій Суздальскій	26	610	**Кириллъ** Бѣлоезерскій	9	177
Дороѳей * священномученикъ	5	92	**Киръ** мученикъ	28	624
Дула * мученикъ	15	324	**Клавдій** мученикъ	3	58
Дула * преподобный	15	334	**Конкордій** * мученикъ	4	79
Евсевій * Самосатскій	22	487	**Константинъ** Блаженный	5	98
Евстохій мученикъ	23	519	**Крискентія** * мученица	15	341

* Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Левкій исповѣдникъ	20	460
Леонидъ мученикъ	5	102
Леонтій * мученикъ	18	402
Лонгинъ мученикъ	24	535
Лукилліанъ * мученикъ	3	58
Лукіанъ * священномученикъ	3	62
Максимъ * преподобный	21 прил.	705
Мануилъ * мученикъ	17	390
Маркеллъ * священномуч.	7	122
Маркеллинъ священномуч.	7	138
Маркіанъ мученикъ	5	102
Марія мученица	7	137
Марія мученица	9	177
Марѳа мученица	9	177
Меѳодій * Константинопольскій	14	306
Меѳодій * Патарскій	20	472
Меѳодій Песношскій	4	91
Митрофанъ * Константинопол.	4	75
Модестъ * мученикъ	15	341
Никандръ мученикъ	5	102
Никифоръ * исповѣдникъ	2	31
Онуфрій * Великій	12	230
Онуфрій Вологодскій	12	269
Онуфрій Мальскій	12	269
Орентій мученикъ	24	535
Павелъ * Апостолъ	29	652
Павелъ мученикъ	3	58
Павелъ * Тобольскій	10 прил.	681
Павелъ преподобный	28	631
Павла святая	3	58
Паисій * Великій	19	419
Паисій Угличскій	6	121
Памвонъ мученикъ	5	102
Петръ * Апостолъ	29	633
Петръ * Аѳонскій	12	253
Петръ князь	25	563
Петръ Ростовскій	30	678
Пинна мученикъ	20	476
Римма мученикъ	20	476
Савелъ * мученикъ	17	390
Сампсонъ * Страннопріимецъ	27	611
Северинъ мученикъ	4	83
Северіанъ мученикъ	4	83
Севиръ святый	27	622
Селиній мученикъ	5	102
Сергій Валаамскій	28	632
Силанъ мученикъ	4	83
Сусанна * преподобномученица	6	113
Тигрій священномученикъ	16	388
Тимоѳей * священномученикъ	10	192
Тихонъ * Амаѳунтскій	16	383
Тихонъ * Луховскій	16	389
Тихонъ Медынскій	16	388
Трифиллій * Левкусійскій	13	278
Урванъ мученикъ	23	519
Фарнакій мученикъ	24	535
Февронія княгиня	25	563
Февронія * преподобномучен.	25	536
Фирминъ мученикъ	24	535
Фирмосъ мученикъ	24	535
Фронтасій мученикъ	4	83
Ѳекла мученица	9	177
Ѳекла * преподобномученица	6	113
Ѳеодоръ князь	5	102
Ѳеодоръ пустынникъ	5	97
Ѳеодоръ Сикеотъ	15	384
Ѳеодоръ Стратилатъ	8	150
Ѳеодотъ Анкирскій	7	141
Ѳеодулъ мученикъ	18	402
Ѳеофанъ преподобный	10	192

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ:

	дни	стр.
Повѣсть о покаяніи Ѳеофила	23	500
Празднованіе * Владимірской ик. Божіей Матери	23	515
Празднованіе Лиддской ик. Божіей Матери	26	599
Празднованіе ик. Божіей Матери Одигитріи	26	594
Празднованіе Тихвинской ик. Божіей Матери	26	566
Рождество * св. Іоанна Предтечи	24	520
Слово св. Іоанна Златоустаго на Рождество Іоанна Предтечи	24	577
Соборъ двѣнадцати Апостоловъ	30	678